ALMA MATER

Університет св. Володимира напередодні та в добу Української революції

1917-1920

ДИПЛОМЪ

1

матеріали · документи · спогади

Університет св. Володимира напередодні та в добу Української революції 1917 1920 1

Київський університет у документах, матеріалах та спогадах сучасників

КИЇВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА
НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ім. М. МАКСИМОВИЧА
ІНСТИТУТ РУКОПИСУ НАЦІОНАЛЬНОЇ БІБЛІОТЕКИ УКРАЇНИ
ім. В.І. ВЕРНАДСЬКОГО НАН УКРАЇНИ
ЦЕНТРАЛЬНИЙ ДЕРЖАВНИЙ ІСТОРИЧНИЙ АРХІВ УКРАЇНИ, м. КИЇВ
ЦЕНТРАЛЬНИЙ ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ ВИЩИХ ОРГАНІВ ВЛАДИ
ТА УПРАВЛІННЯ УКРАЇНИ
ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ МІСТА КИЄВА

ALMA MATER

УНІВЕРСИТЕТ СВ. ВОЛОДИМИРА НАПЕРЕДОДНІ ТА В ДОБУ УКРАЇНСЬКОЇ РЕВОЛЮЦІЇ 1917-1920

Матеріали, документи, спогади

КИЇВ
«ПРАЙМ»
2000

КИЇВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА
НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ім. М. МАКСИМОВИЧА
ІНСТИТУТ РУКОПИСУ НАЦІОНАЛЬНОЇ БІБЛІОТЕКИ УКРАЇНИ
ім. В.І. ВЕРНАДСЬКОГО НАН УКРАЇНИ
ЦЕНТРАЛЬНИЙ ДЕРЖАВНИЙ ІСТОРИЧНИЙ АРХІВ УКРАЇНИ, м. КИЇВ
ЦЕНТРАЛЬНИЙ ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ ВИЩИХ ОРГАНІВ ВЛАДИ
ТА УПРАВЛІННЯ УКРАЇНИ
ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ МІСТА КИЄВА

ALMA MATER

Книга 1

УНІВЕРСИТЕТ СВ. ВОЛОДИМИРА МІЖ ДВОМА РЕВОЛЮЦІЯМИ

КИЇВ
«ПРАЙМ»
2000

ББК 74,58г (4УКР-2К)
А39

Проект здійснений під патронатом ректора університету Віктора Васильовича Скопенка

Автори-упорядники

Короткий Віктор Андрійович — кандидат історичних наук, доцент кафедри давньої та нової історії України.

Ульяновський Василь Іринархович — доктор історичних наук, професор кафедри давньої та нової історії України.

Редакційна колегія

Скопенко Віктор Васильович — доктор хімічних наук, професор, академік НАН України, ректор Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

Слюсаренко Анатолій Гнатович — доктор історичних наук, професор, завідувач кафедрою новітньої історії України, декан історичного факультету.

Андрейцев Володимир Іванович — доктор юридичних наук, професор, завідувач кафедрою трудового, земельного та екологічного права, декан юридичного факультету.

Катренко Андрій Миколайович — доктор історичних наук, професор, завідувач кафедрою давньої та нової історії України.

Мельник Леонід Герасимович — доктор історичних наук, професор кафедри давньої та нової історії України.

Мусієнко Володимир Васильович — доктор історичних наук, професор кафедри новітньої історії України.

Буравченков Анатолій Олександрович — доктор історичних наук, професор кафедри новітньої історії України.

Редактор Наталія Черкаська
Оригінал-макет Георгія Калішкіна
Художнє оформлення Наталії Гмирі

ALMA MATER: Університет св. Володимира напередодні та в добу Української
А39 революції. 1917-1920. Матеріали, документи, спогади: У 3 кн. / Упоряд. В.А. Короткий, В.І. Ульяновський. — К.: Прайм, 2000. — ISBN 96695679-2-0.

Кн. 1: Університет св. Володимира між двома революціями. — К.: Прайм, 2000. — ISBN 96695679-3-9.

У першій книзі тритомного збірника подано офіційні документи, приватне листування і спогади сучасників про діяльність київського Університету св. Володимира на початку XX ст. (до 1917 р.). Вперше публікуються численні архівні документи та фотоматеріали, що цілком по-новому репрезентують університет напередодні Української революції.

Видання адресовано історикам, діячам освіти і культури, випускникам, студентам та викладачам Alma Mater, усім шанувальникам Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

ББК 74,58г (4УКР-2К)

ISBN 96695679-2-0
ISBN 96695679-3-9 (Кн. 1)

Університет у добу Української революції: документальна візія сучасників

Наприкінці ХХ століття українська дійсність усе частіше повертає нас до аналогів та історії Української революції 1917-1920 рр. Дуже багато з того минулого ніби повторюється в сьогоденні. Повторюється, власне, й самий глобальний та складний процес становлення української державності. Все це спонукає до пильного вивчення історичного минулого й особливо неймовірно актуальної сьогодні доби першої модерної української державності початку ХХ ст.

Університет св. Володимира усіма своїми, так би мовити, складниками був причетний до «передової лінії» революційних подій. По-перше, він знаходився за часів Української Центральної Ради, гетьманування Павла Скоропадського та Директорії неподалік від головних урядових установ, і його приміщення та корпуси часто використовувалися для політичних та спеціальних партійних акцій.

По-друге, значна частина його професури становила керівну верхівку українських урядів, партій і течій, загалом владних державних і політичних структур, що визначали генеральну лінію життя України.

По-третє, як завжди в революційних подіях, суперактивним було студентство, що репрезентувало практично всі політичні течії та ідеологічні напрями: від консервативних монархістів та націоналістів-народників до більшовиків і анархістів.

Вочевидь, зрозуміти Українську революцію 1917-1920 рр. можна, зокрема, через опис та розкриття багатогранного життя Університету св. Володимира в цей період. Втім, як не дивно, саме ця доба історії нашого університету ніколи й ніким ще не вивчалася науково. За радянських часів подібна

тематика була заборонена (як, загалом, об'єктивне вивчення теми Української революції). Це зрозуміло. Дивним є те, що й з початку 1990-х років, коли вказана загальна тематика стала «модною», проблема «Університет і Українська революція» залишилася осторонь від наукових студій.

Власне саме це видання розпочинає дослідження теми. Понад 90% його матеріалів – абсолютно нові й почерпнуті з архівів.

Звісно, тут відібрані документи, які репрезентують головні ділянки та сфери життя Університету св. Володимира, бо неможливо опублікувати абсолютно всі наявні матеріали. Проте, вже дана публікація є фактичним проривом: перед нами постає раніше невідоме, а віднині живе й багатогранне обличчя Університету св. Володимира, діяльність якого висвітлюється подекуди в неочікуваних ракурсах. Цінність тритомника також у тому, що це збірка документів епохи. Один з ректорів нашого університету 1862–1865 років Микола Іванішев пророче вказував, що дослідницькі праці істориків дуже швидко зістарюються, замінюються новими, кращими, а документальні видання – вічні, ними впродовж століть користуються всі. Думаємо, що й це видання довго слугуватиме незамінним матеріалом для істориків не лише нашого університету, а й усіх, хто вивчатиме добу Української революції.

Ці три книги наочно демонструють, що глибоке вивчення документів, насамперед архівних, дає можливість побачити не лише нові ракурси чи проблеми, але й по-новому показати цілі епохи, зокрема й щодо історії Київського університету. Дане видання, власне, засвідчує, яке неозоре поле для дослідів криється в темі: «Київський університет у контексті Української революції».

Ad fontes – закликали античні філософи. Йдімо до джерел – закликаємо цим виданням й ми: як до джерел своєї історії загалом, так і до конкретних, ще не вивчених писемних джерел цієї історії.

Ректор Київського національного університету
імені Тараса Шевченка
В.В. Скопенко

МАКРОІСТОРІЯ УКРАЇНИ В МІКРОВИМІРАХ УНІВЕРСИТЕТУ СВ. ВОЛОДИМИРА
(Слово від упорядників)

У добу Української революції 1917—1920 рр. часто згадували першу глобальну війну за українську державність — Хмельниччину. Щоправда, на той час даний аналог мав лише історичне значення — проте вкрай важливе для творців, активних учасників і навіть просто пасивних сучасників нового державного будівництва в Україні. Важливими були сама ідея, політична воля та колективна свідомість народу, засвідчення історичної тяглості, але не реалії (вони були дуже далекі, архаїчні, неподібні сучасності, як, власне, й сама людина середини XVII ст.). Нині ж найпопулярнішою темою в історичних, політологічних та інших студіях, як і в політичних та державних акціях на різних рівнях, є саме доба 1917—1920 рр. І не лише ідея відновлення та розбудови модерної Української держави, але й сама конкретика подій, їх функціональність як актуального досвіду. Це не випадково: адже спостерігається не лише повторюваність глобальних процесів, але й менших ідей, проектів, «порухів» доби, вчинків, політичних і соціальних рухів на макро- і мікрорівнях, навіть поведінкових моделей.

Втім, більшість сучасних дослідників, й особливо політичні та державні діячі шукають у досвіді Української революції 1917—1920 рр. насамперед однолінійний національний (переважно політичний) її прояв; фільтрують, так би мовити, «ідеальний досвід» задля його прямого застосування (чи взорування на нього) сьогодні. Всі вже звикли до постійних цитат (з явним авторитарним відтінком) висловів Михайла Грушевського, Павла Скоропадського, Володимира Винниченка, Симона Петлюри та ін. Але ж і самі ці названі діячі говорили більше про *бажане* та *небажане* в прямих (іноді досить категоричних) означеннях та інвективах. А поза тим *вирувало різноманітне, багатовимірне й полівекторне життя.*

Прослідкувати, вивчити й описати усе це різноманіття доби Української революції 1917—1920 рр. практично неможливо. Принаймні, на сьогодні це вичерпно не вдалося жодному з дослідників, мемуаристів чи письменників[1]. Покищо неможливою є й вичерпна (чи хоча б репрезентативна) документальна візія цієї доби: корпусне видання матеріалів мало б сягати сотень томів.

Однак вже сьогодні таке різноманіття проявів життя, структур свідомості, ментальностей тощо можна показати на прикладі *однієї «універсальної» інституції*, в якій збиралися (концентрувалися) представники основних дійових прошарків, політичних напрямів, вікових груп тощо. У Києві найбільш репрезентативною (і не лише для Києва, але й для Київського, Подільського та Волинського генерал-губернаторства, а згодом — всієї Центральної України) подібною інституцією був Університет св. Володимира.

---

[1] Зведену бібліографію праць з історії Української революції 1917—1920 рр. див.: *Солдатенко В.Ф.* Українська революція: концепція та історіографія (1918—1920 рр.). К., 1999. С.442-481.

Всі прояви тогочасного життя, нові віяння й консервативні тенденції, всі проблеми й перспективи доби, всі людські (ідейні, ідеологічні, ментальні) порухи так чи так *відбивалися в університетській корпорації* та її функціонуванні. А через значну «формалізованість» університетського життя — тобто обов'язкову документальну фіксацію кожного вчинку, рішення, події, пропозиції etc. — на сьогодні залишився досить точний «паперово-документальний» його зліпок.

Отже, видання добірки документів про життя Університету св. Володимира 1917–1920 рр. — один з можливих шляхів зримої (в інтелектуальних вимірах і формах) реконструкції «впорядкованого хаосу» повсякденності вказаної доби. Це є мікрозліпком суспільства та його проявів/рухів (у прямому, опосередкованому й метафоричному значеннях).

Особливо цікавим (як завжди в подібних випадках) є порівняння персональної, як правило, пізнішої — мемуарної — візії подій 1917–1920 рр. їх окремих сучасників і «документів дня»: різноманітність дня стирається, щезає, перетворюється в упорядковане мислене «одноманіття» в свідомості (пам'яті) однієї людини — саме цей процес фіксують мемуари. Ця обставина/спостереження спонукала нас до поєднання малопоєднаного: мемуарів, щоденникових записок, аналітичних публікацій у пресі з конкретними біжучими документами, до яких мали причетність ті самі люди (автори споминів). Проте, навіть зіставлення мемуарів *різних осіб-сучасників* (діячів і спостерігачів) революційної доби вже дозволяє показати/побачити це різноманіття життя через неоднозначність його оцінок. Адже так по-різному «бачили» події Євген Спекторський, Микола Бубнов, Митрофан Довнар-Запольський, а з іншого боку — Віктор Андрієвський, Борис Крупницький, Віктор Петров (Домонтович); зовсім інакше оцінювали їх Сергій Тимошенко і Георгій Рейн. Але ж всі вони *писали про Університет св. Володимира*, так відмінно подаючи й оцінюючи його життя.

Описане порівняння є найцікавішим і для читача найпростішим (порівняння наративів). Саме з нього ми й пропонуємо почати. Власне, увесь перший (і найбільший) розділ цієї книги присвячений саме вказаній наративній порівняльній системі. Він найбільш суб'єктизований: це вхід до Університету св. Володимира й екскурсії в його лабіринтах у супроводі дуже різних екскурсоводів-оповідачів. Найбільш показовою з точки зору неоднозначності інтерпретацій є історія Євгена Сташевського: погляди на неї самого Сташевського, його вчителя Митрофана Довнар-Запольського, декана історично-філологічного факультету Миколи Бубнова, Наталі Полонської-Василенко, Сергія Платонова та інших — дуже різні. Індикатором їхньої об'єктивності виступає добірка документів про «справу Сташевського». Ще більш показовою для перевірки суб'єктивних суджень у мемуарах є добірка документів про Миколу Василенка у зіставленні з його споминами «Історія мого приват-доцентства». З іншого боку, лише «документи дня» подано в брошурі «К вопросу о кандидатуре на кафедру русской истории в Университете св. Владимира профессора Львовского университета Михаила Грушевского». Однак — це штучна добірка публікацій у тогочасній пресі, підготовлена противниками Грушевського, що відразу явно закладає інвективу. Але ж саме ця брошура побутувала в Києві, в університе-

ті і формувала відповідну «громадську думку». Ніби «розвивають» дану тему архівні метеріали судової справи Бориса Юзефовича проти Михайла Грушевського 1907-1908 рр.

Не маємо сумніву, що для багатьох читачів приємною «знахідкою» будуть цікаві мемуари відомого історика філософії, знаного в Європі вченого Валентина Асмуса про філософію й філософів Університету св. Володимира. Не менш цікавим є й додаток до мемуарів: архівна особиста справа студента Асмуса 1919 р. з його тогочасною фотографією.

Між іншим, зображальний ряд у цій частині книги є подвійно функціональним. По-перше, він дає можливість не лише *читати*, але й *бачити кожного автора споминів*; порівнювати текст і портрет автора тексту. Подруге, тут подано книгу в книзі, бо ілюстрації створюють самостійний «текст» — зорову візію Університету св. Володимира на початку XX ст. І все це розширює межі книги, її інформацію: подорож/екскурсія в університет із оповідного, одноманітного наративу перетворюється в майже зриму подорож у часі — цікаву й захоплюючу «віртуальну» прогулянку.

Заключним акордом першого розділу є інформація про причетність до Університету св. Володимира двох непересічних особистостей — відомого економіста, юриста, історика, політичного діяча та ідеолога еміграції Петра Струве, який захистив 17 лютого 1917 р. докторську дисертацію «Хозяйство и цена» в нашому університеті; та всесвітньовідомого вченого-геолога академіка Олександра Карпінського, який у грудні 1916 р. був обраний почесним членом Університету св. Володимира.

Ці два офіційні «акти» університету стосовно двох інтелектуалів ніби завершують персоніфіковану візію історії Alma Mater й підносять *конкретну особистість* в цій артикульованій історії.

Мемуари не могли бути «роздертими» на різні періоди, тому цей суб'єктивізований розділ спогадів фактично є введенням до всього тритомника: Університет св. Володимира постає в своїй неоднозначній багатогранності за чверть століття (з кінця XIX ст. до 1920 року). Але ж пам'ятаймо — перед нами погляди на університет різних людей, з різних часових перспектив — їх об'єднує лише сама тема та предмет опису, а також фізична присутність в університеті означеної доби.

Опубліковані спогади засвідчують існування в Університеті св. Володимира усталених традицій «професорської культури» (як корпоративної субкультури). Університетська корпорація була автономною в соціокультурному сенсі вже за характером своєї діяльності, посідала окреме місце як суб'єкт спеціалізовано-професійної діяльності в диференційованій системі інституцій; результати діяльності професури були самоцінними (оцінювалися відповідно до внутрішніх стандартів та іманентних критеріїв конкретної сфери діяльності), незалежно від їх можливого «зовнішнього» соціопрактичного ефекту. Університетська корпорація за всіх урядів жорстко обстоювала засади своєї автономії, зокрема в самоврядуванні (виборність, конкурсне заміщення посад, колегіальність). Професура Київського університету (як і всіх інших російських імператорських університетів) мала тісні зв'язки з європейською культурою (регулярні наукові відрядження за кордон, ознайомлення з новітніми зарубіжними виданнями, публікації по-

за межами держави, особисті контакти). Найзначущішою цінністю в професорському середовищі була особистість, індивідуальність, вільна від догм і пересудів, а також традиції станового суспільства, не голос у «хорі» народного колективу — а навпаки, суверенний індивід. Все це зумовлювалося тим, що професійний успіх досягався професором лише завдяки його особистим якостям і праці, а не через належність до якогось стану (за народженням), групи чи партії. Характер діяльності професора передбачав особисту свободу та прояв індивідуальності.

«Професорська культура» визначалася як культура раціональна щодо професійної діяльності (на кафедрі, під час дискусій) і в щоденному житті та побуті: «Поведінковий тип професора був скоріше раціональний, ніж емоційний, рефлексія переважала в пориві над емоцією»[2]. Окрім того, передбачалося постійне самовдосконалення — цінувалася особистість, котра саморозвивається. У ціннісній системі «професорської культури» важливе місце займало просвітництво як засіб громадського та особистого прогресу, котрий забезпечувався поширенням знань. Важливо також підкреслити серед ціннісних орієнтирів «професорської культури» почуття толерантності, пов'язане з постійною системою обміну думками та дискусіями як способом наукових знань. Ще однією її рисою була схильність до сприйняття європейського стандарту, потяг до нового в розумінні «прогресивного». Порядок і гармонія в особистому житті, повага до права, значення в поведінковій культурі етикету — все це невід'ємні риси «професорської культури». Звісно, в межах «професорської культури» існували окремі субкультури (оскільки професори все ж таки походили з різних станів)[3].

За умов революції професура голосно заявила про себе на політичній сцені. Водночас революційна доба породила нігілізм мас щодо професорської корпорації навіть у середовищі студентства. Революційна «девальвація» особливого статусу університетської професорської корпорації виявилася у репліці Володимира Маяковського:

> «Профессор, снимите очки-велосипед:
> Я сам расскажу о времени и о себе»[4].

Отже, перший розділ цієї книги є особливим: загалом він становить своєрідний «супертекст», котрий своїм наративом «перекриває» увесь тритомник. Подальші матеріали вирізняються хронологічною «прив'язаністю» й тому розділені за певним принципом, який варто задекларувати вже в цьому короткому вступі до першої книги.

Як видно із назви цього тому, перша книга цілком присвячена переддневі революційної доби. В ній Університет св. Володимира репрезентує інтелектуальні й політичні групи суспільства (а також окремі особистості) напередодні великих подій. Усі ці матеріали засвідчують, як «хвилюється»

---

[2] *Сиверцева Н.Л.* Высшая школа России: особенности послереволюционной реформы // Социс. 1993. №3. С.48.

[3] Детальніше див.: *Сиверцева Н.Л.* Высшая школа России... С.42, 44, 47-49; *Горин Д.Г.* К вопросу о «профессорской культуре» России XIX — начала XX в. // Отечественная культура и историческая наука XVIII-XX веков. Брянск, 1996. С.42-51.

[4] *Кантор В.К.* Русское искусство и «профессорская культура» // Вопр. литературы. 1978. №3.

все суспільство, як проявляють себе різні ідеї, ідеологеми, течії політичної думки. В університеті водночас діють українські групи (тупівці, есефи) і монархісти («Двуглавый орел»), соціал-демократи і анархісти, більшовики й кадети, есери й октябристи. Всі вони вели боротьбу за вплив на студентів і викладачів: влаштовували мітинги, сходки, поширювали відозви, прокламації, агітаційну літературу[5]. Тому дуже важливо уявити собі Університет, а через нього й усе суспільство напередодні революції — це показує з чим і в якому стані Україна (зокрема, Київ) прийшла/постала/ увійшла до революційної доби.

Звісно, функціональність наведеної тут документальної бази є специфічною — вона відображає структуру та діяльність власне університету, на якому відбивається увесь хід «зовнішнього» життя через носіїв цього життя (студентів, професорів, чиновників, службовців). Втім, через цю інституційну специфіку ясно «прозирають» умови, обставини й труднощі всього історичного процесу. І це «прозирання» дозволяє стверджувати, що документальна історія Університету св. Володимира репрезентує історію Центральної України кінця XIX — початку XX ст.

Другий розділ ніби «закриває» сторінку відносно стабільної історії. Це — два урочисті акти, які раніше були регулярними, а в 1912-1914 рр. проводилися востаннє. Щороку в Університеті св. Володимира відбувався річний урочистий акт — спільне зібрання, на якому служилася релігійна відправа, підбивалися певні підсумки, один з професорів читав наукову доповідь і все завершувалося концертом. Останній урочистий річний акт відбувся 1914 р. Офіційний звіт про нього попечителя Київського учбового округу та газетну публікацію з описом всього церемоніалу й подаємо на початку другого розділу. Традиційними були також урочисті ювілейні зібрання на честь значних історичних подій, проте й вони відійшли в минуле разом з імперською добою. Одним з останніх таких офіційних ювілейних заходів в Університеті св. Володимира було урочисте зібрання до 100-ліття Вітчизняної війни 1812 р.

Обидва матеріали про урочисті акти ніби підводять риску цій старій традиції імператорського університету, яка не знайде продовження за революційної доби через нестабільність усього (в тому числі університетського) життя та зміну політико-ідеологічних орієнтацій (в офіційному визначенні свят і ювілеїв), з якими Університет св. Володимира не поспішав ні погоджуватися, ні взагалі рахуватися.

Третій розділ «виявляє» тенденції до змін та реформ в Університеті (як і в суспільстві загалом). Тут повністю публікуємо дуже важливий документ — протоколи загального зібрання Ради в справах вищої школи 16-21 вересня 1916 р. Саме на цьому форумі й у його протоколі розкрилося все розмаїття поглядів, ідей, думок, проектів щодо подальшого життя вищої школи, яка була покликана готувати і розвивати інтелект суспільства та держави. Саме цей документ засвідчує незборимі прагнення до демократизації всіх сфер життя (в тому числі освітньої системи), до децентралізації управління, деідеологізації системи й змісту освіти, але разом з цим, — до збереження

---

[5] Держархів м. Києва, ф.16, оп. 465, спр.409, арк.1-7.

самої системи, її впорядкування та нового змістовного наповнення. Підкреслимо: йшлося про *конструктивний* шлях перетворень — жодної деструкції, жодних швидких змін і докорінної «ломки» старого; творчість не повинна була нести руйнівну силу та критиканську функцію.

Продовжують тему змін на предметному рівні матеріали четвертого розділу, де йдеться про відкриття нових відділів і кафедр. Зокрема, про поділ кафедри західноєвропейських літератур на романський і германський відділи та відкриття на медичному факультеті нової кафедри — бальнеології. Цікавим є навчальний план історично-філологічного факультету, як з огляду на дисципліни, що їх нині не викладають, так і з огляду на блискучі імена викладачів, котрі становлять «золоте гроно» в історії науки.

Звісно, обличчям університету, його головним репрезентантом був і є ректор. Йому присвячений п'ятий розділ. Вельми показово, що незмінним ректором Університету св. Володимира з 1905 року був Микола Мартиніанович Цитович. Він ніби уособлював старий імператорський, але з правами автономії (в тому числі самостійного обрання ректора) університет. Саме це спричинилося до запеклої боротьби радикального студентства та молодших викладачів проти Цитовича. Після повалення царату його навіть не впустили до університету. Протистояння Ради професорів на чолі з Цитовичем і революційної студентської молоді та молодших викладачів загострюється за доби українських урядів — матеріали про це публікуватимуться у відповідних частинах та розділах тритомника. А в першій книзі, де висвітлюється доба перед «бурею», коли Цитович був повновладним главою університету, подаємо його формулярний список — офіційну біографічну довідку, котра завершувалася записом про смерть професора 1919 р. Читач, схильний до фізіономічних характеристик, вперше матиме нагоду роздивитися фотопортрет ректора Миколи Цитовича, який раніше в працях з історії університету не друкувався.

Моментом стабільності в університетському житті була діяльність наукових товариств і гуртків, які не міняли своїх форм, методів і засобів, навіть керівників і персонального складу (за винятком «неофітів»). Науковим гурткам і товариствам присвячений шостий розділ книги. Він відкривається загальною довідкою про наукові товариства, організації та їх персональний склад на 1912 р. Читач зверне увагу, яким різноманітним і багатим в організаційному та науково-особистісному розумінні було життя старого університету. Нині всі ці наукові установи та об'єднання не діють — вони припинили своє існування ще в 20–30-х роках XX ст.

У 1911 р. на історично-філологічному факультеті було відкрито «Гурток вітчизнознавства»; з початку XX ст. тут діяв Історично-етнографічний гурток на чолі з проф. Митрофаном Довнар-Запольським — матеріали про діяльність обох цих дослідних студентських об'єднань представлені в даному розділі. Наводимо також повний текст протоколів засідань Юридичного товариства за 1914–1916 рр., котрий демонструє і саму форму, і методи, і зміст праці, а окрім того подає вельми цікаві дискусії та обговорення животрепетних для тієї доби питань правничих студій. Студенти-юристи домагалися в 1912 р. відкриття спеціальної студентської юридичної бібліотеки імені П.А. Столипіна, але не мали успіху. Не даємо

тут матеріалів про діяльність інших старих і знаменитих наукових товариств, котрі діяли при Університеті св. Володимира — вони будуть вміщені в наступних книгах у зв'язку з державною підтримкою їх діяльності українськими урядами. Останнім сюжетом цього розділу є ціла справа, інспірована деканом історично-філологічного факультету професором Миколою Бубновим, щодо допуску в якості офіційної мови на Лондонському міжнародному конгресі істориків 1913 р. російської і ще однієї з слов'янських мов та організації окремої секції слов'янських народів Східної Європи. Бубнов розгорнув цілу кампанію в пресі, серед університетських корпорацій Росії та вчених Петербурзької Академії наук; його підтримала Рада Університету св. Володимира. Ця акція була вельми показовою, в тому числі для характеристики університетської більшості, яка й надалі стояла на загальноросійських позиціях та з великою осторогою ставилася до українства.

Досить об'ємним і багатогранним є сьомий розділ книги, в якому насвітлюється життя студентів. Він розпочинається переліком різноманітних офіційних (урядових і адміністративних) правил для студентів університетів взагалі та київського зокрема за 1899–1914 рр. Цікавим є, наприклад, положення про нагрудний знак для студентів університету; його зображення саме для Університету св. Володимира вміщується при цьому документі, й сучасні випускники та студенти можуть порівняти форму й естетику старих і нинішніх символів Alma Mater. Не завадить нашим молодим сучасникам ознайомитися також з правилами поведінки в університеті — правилами любові й братерства, поваги до старших і взаємоповаги, правилами охорони майна та додержання порядку. Екзотичними нині є правила про покарання студентів, особливо арешт і сидіння в карцері. Відроджувана нині тенденція плати за навчання існувала в університеті від початку, і зміна «тарифів» наприкінці XIX — на початку XX ст. також фіксувалася правилами, що публікуються в цьому розділі. У 1904–1905 рр. Рада університету змушена була повернутися до проблеми запровадження фізичних вправ для студентів, піклуючись про стан їхнього здоров'я: державі були потрібні здорові фахівці, котрі могли б нормально працювати.

На початку 1917 р. в Університеті св. Володимира були встановлені нові іменні стипендії, документи про які публікуються. Принагідно підкреслимо, що в нашому університеті на той час існувало від 70 до 90 таких стипендій. Це нині нагадує іменні фонди в Гарварді, Кембріджі та інших університетах. Стипендії створювалися завдяки капіталу, котрий вкладався цільово на рахунок університету як постійний капітал, а з його відсотків щороку нараховувалася стипендія. За бажанням засновника, стипендія призначалася для конкретного факультету, кафедри, окремої ділянки науки чи навіть за спеціальне тематичне дослідження. Саме завдяки цим іменним стипендіям обдаровані юнаки могли здійснити поїздки за кордон, у різні наукові центри, придбати необхідне обладнання, літературу, просто прохарчуватися і сплачувати за квартиру тощо. Це був дуже важливий стимул для талантів. На жаль, нині ця практика не існує (стипендії лише державні), однак потребує відновлення: сучасні меценати можуть водночас увічнити своє ім'я через подібне «входження» до анналів історії Першого

за рангом і вагою університету України, а також підтримати молоді таланти — майбутнє держави і нації.

Втім, студент завжди був і є студентом з усіма його позитивними і негативними рисами. Ці різні прояви «студентського образу» відбивають листи Михайла Кравцова та справи про студентів Йосифа Шлякмана і Мойсея Златопольського, що публікуються.

Як противага названим справам про «проблемних» студентів розділ закінчує безпрецедентний для нинішнього часу документ. Відомий філолог академік Володимир Перетц, котрий перевівся з Університету св. Володимира до Петербурзького університету, вирішив перевести до Петербурга шістьох своїх найталановитіших студентів для завершення ними наукових досліджень під його керівництвом. І хоча київські факультетські колеги Перетца відмовили йому в клопотанні, показовим є сам факт, що свідчить про наявність обдарованих студентів в Університеті св. Володимира та водночас благородні прагнення професора-керівника.

Сьогодні найбільш актуальним з ідеологічної, політичної та національної точок зору, звичайно, є восьмий розділ, цілком присвячений складній боротьбі за права української мови та відкриття українознавчих кафедр в Університеті св. Володимира. Цей рух масово розпочався близько 1904 року. В розділі вміщено основні проблемні статті вчених і публіцистів, спомини, листи, таємну жандармську документацію тощо. Втім, об'єктивність вимагає також показу протилежних рухів та ідей; саме тому друкуємо тут різкі виступи проти української мови та українства Сергія Щеголєва, Івана Філевича, Тимофія Флоринського. Друкуємо також за авторським рукописом вступну частину лекцій з історії української мови академіка Олексія Шахматова, читаних у Петербурзі, та інші цікаві й нові матеріали. Зазначимо принагідно, що першим спеціальний курс української мови, її історії та діалектології в нашому університеті почав читати з 1906 р. приват-доцент Володимир Розов (а не Іван Огієнко, як тепер часто пишуть), матеріал про якого ми зумисне вміщуємо в цьому розділі задля відновлення історичної справедливості.

Тема політичних рухів українців в Університеті св. Володимира «перетікає» до дев'ятого розділу, де представлені всі наявні на той час угруповання. Матеріали про відозви студентів-українців, про українське та інші студентські земляцтва і їх заборону, власне, відкривають розділ. А далі — цілий «обвал» офіційних і таємних адміністративних і жандармських матеріалів про студентські оргінізації та рухи, заворушення восени 1907 р. та навесні 1910 р., про діяльність політичних партій і течій на початку Першої світової війни. Дуже цікавими є відозви студентів-українців на підтримку окупованої російськими військами Галичини та її населення (грудень 1914 р.), щодо святкування 100-ліття з дня народження Тараса Шевченка. Показовою є й справа про встановлення бюста Льва Толстого в актовому залі Університету св. Володимира за умов офіційної заборони шанування пам'яті відлученого від Церкви письменника. Однак, було б невірно акцентувати увагу лише на українських та протиурядових студентських рухах в Університеті св. Володимира. Тому не випадково розділ завершується добіркою матеріалів про діяльність монархічної студентської організації

«Двуглавый орел», що діяла в університеті на чолі з Володимиром Голубєвим (сином професора історії Церкви університету та Київської Духовної академії). Подаємо також оцінку політичної діяльності й спроби самоорганізації студентів з боку професури — зокрема, декана історично-філологічного факультету Миколи Бубнова.

Загалом тема студентських політичних об'єднань та рухів далеко не вичерпана в даному розділі. Однак це виправдовується тим, що саме ця тема найбільше досліджувалася радянськими вченими; ми ж друкуємо матеріали, які раніше не були задіяні з ідеологічних та політичних мотивів (зокрема, про українські та монархічну течії).

Нарешті, книгу завершує розділ про становище Університету св. Володимира за часів Першої світової війни. Найбільш несподіваними є документи про термінове виявлення серед службовців університету осіб німецького походження, які могли б потенційно бути агентами ворога — Німеччини. До таких потрапили, зокрема, професори Іконніков та Кнауер. Справа останнього тягнулася довго, гостро і призвела до відставки відомого вченого зі служби в університеті. Громадянська позиція професорської корпорації Університету св. Володимира виявилася у відповіді на «Звернення до цивілізованих націй» німецьких вчених і письменників. Деяких професорів нашого університету початок війни застав у Німеччині (наприклад, Пурієвича), й вони мали проблеми з виїздом, тому про них клопотався університет. Сам же Університет св. Володимира за урядовою постановою в 1915 р. був евакуйований до Саратова. Вміщуємо низку матеріалів про евакуацію та функціонування університету за нових умов, в тому числі про заворушення й арешти студентів у Саратові. Втім, у Києві залишився ряд хімічних, фізичних та медичних лабораторій, які виконували спеціальні замовлення на потреби фронту — про все це також можна прочитати в десятому розділі.

Професор Микола Бубнов склав адрес від імені Університету св. Володимира, надісланий Миколі II на підтримку заходів щодо заборони виготовлення спиртних напоїв із злаків в умовах воєнного стану держави та проблем із забезпеченням харчуванням (хлібом) населення й війська.

В університеті спочатку існувала система жеребкування серед студентів для відправки на війну, яка викликала гарячі протести. Чимало студентів пішло на фронт переважно добровольцями. Вони продемонстрували зразки мужності й героїзму та декілька з них отримали за бойові заслуги високу нагороду — Георгіївський хрест. Про це повідомлялося в спеціальному листі до ректора університету від 18 березня 1915 р. — останньому документі першого тому.

Так коротко можна зреферувати зміст першої книги тритомника. Кожен з наступних томів відкриватиме «власна» передмова, тому тут лише зазначимо, що до другого тому увійдуть матеріали про Університет св. Володимира за доби Української Центральної Ради та Гетьманату Павла Скоропадського, а до третього — за Директорії УНР та радянських урядів — до 1920 р., коли Університет св. Володимира/Київський університет був остаточно закритий і згодом реорганізований в Інститут народної освіти.

Символічно, що *Університет св. Володимира* перестає існувати водночас з крахом Української революції. В цьому є певний контраверсійний

знак: з одного боку, Університет св. Володимира, попри підпорядкування українським урядам, надалі зберігав російський характер; втім, з іншого боку, в ньому залишилося також забагато від старої системи імператорського університету, що й спричинилося до більшовицької «розправи» над закладом, який до того ж носив ім'я святого рівноапостольного князя Володимира.

Один із сучасників, статтю й біографічну довідку про якого публікуємо у восьмому розділі книги, — Петро Януарович Стебницький ємно писав у 1919 р.: «Україна свого державного іспиту не витримала, треба це признати. Ті люде і верстви, що взяли на себе велике й одвічальне завданнє реалізувати права українського народу на незалежність, показали себе не на висоті сеї справи. Звичайно, в подіях історичної ваги не буває винуватих, і ми зовсім не маємо на думці їх шукати. Все йшло, як повинно було йти: по рівнодіючій усіх чинників, що впливали на хід політичного життя. Коли кінець кінцем українська державність не вдержалась на европейській мапі, се просто означає, що не настала ще її черга. Люде і царства зникають, — народ і ідеї вічні. І ті ідеї, в які виливається народня душа, мусять нарешті дожити до втілення в громадсько-правні чи державні форми...»[6].

З точки зору мікроісторії, Університет св. Володимира вказаної доби також виступає в якості *певного збірного образу різноманіття рухів* суспільства. Однак на сьогодня ця мікроісторія залишається цілком не задіяною навіть у науковому відношенні. Достатньо лише передивитися спеціальні праці, щоб побачити, що і раніше, й нині тема «Університет св. Володимира напередодні та в добу Української революції 1917-1920 рр.» ніким і ніколи спеціально (чи навіть фрагментарно) не вивчалася[7]. Але ж саме на цьому мікроісторичному «об'єкті» можна побачити в мініатюрі чи зліпку всю макроісторію України тієї доби. І не лише побачити, але й отримати добрий урок для сучасної праці на ниві реорганізації вищої освіти. Згадуваний Петро Стебницький закінчував цитовану статтю 1919 року словами, котрі пророче звучать нині як в макро-, так і в мікроісторичному контекстах: «Саме тепер пишуться останні сторінки, підводяться рахунки, — такі складні й заплутані, що й самі рахівники ведуть свою працю без певности і згоди. Не буде нічого дивного, коли силою обставин українському народові доведеться знов доводити своє право і свою здатність до державного

[6] *Стебницький П.* Державний іспит // Літ.-наук. вістник. 1919. Кн.4/6. С.63.

[7] *Постернак С.* Із історії освітнього руху на Україні за часи революції 1917-1919 рр. К., 1920; *Сушицький Ф.* Про вищі українські школи на Вкраїні // Вільна укр. школа. 1917. №2, 3/4; *Сірополко С.* Історія освіти в Україні. Львів, 1937; *Крилов І.* Система освіти в Україні. 1917-1920. Мюнхен, 1956; *Ващенко Г.* Проект системи освіти в самостійній Україні. Мюнхен, 1957; *Васькович Г.* Шкільництво в Україні. 1905-1920. Мюнхен, 1976; *Оноприєнко В.І.* Осередки національного відродження. Українські університети в 1917-1919 рр. // Вісник АН України. 1992. №2. С.77-87; *Колпакова О.В.* Український державний університет у Києві (1917-1920) // Укр. іст. журн. 1993. №7/8. С.30-36; *Колпакова О.В.* Національна вища школа в Україні (1917-1921 рр.) // Україна XX ст.: Культура, ідеологія, політика. К., 1996. Вип.2. С.11-22; *Ротар Н.Ю.* Діяльність українських національно-демократичних урядів у галузі освіти (1917-1920): АД КІН. Чернівці, 1996; *Агафонова Н.В.* Основні акценти в освітній політиці доби Директорії (на архівних матеріалах) // Зап. іст. фак-ту Одеського держ. ун-ту. Одеса, 1997. Вип.5. С.120-125.

життя, в тій або иньшій формі. Не будемо ж тратити надії, що на тім повторнім іспиті наше громадянство використає свій досвід і покаже себе краще підготовленим, ніж се було досі. А в народніх масах воно тоді знайде собі запевне міцнійшу підпору»[8].

* * *

Близько 60% матеріалів першої книги і близько 90% двох наступних — це ***архівні матеріали*** (як документи, так і фотографії), які ***публікуються вперше***. З огляду на це, приємним обов'язком упорядників є ***слово вдячності*** архівним установам та архівістам, які надали свої матеріали та допомагали нам у підготовці цього видання. Звичайно, основний корпус джерел міститься в колосальному за обсягом та змістом архіві Університету св. Володимира, що нині зберігається в Державному архіві міста Києва (ф.16). Значна кількість документів вилучена з архіву попечителя Київського учбового округу та особових архівів професорів університету, котрі зберігаються в Центральному державному історичному архіві України, м. Київ. Матеріали про стосунки Університету св. Володимира з українськими урядами зберігаються в Центральному державному архіві вищих органів влади та управління України. Кілька цікавих документів віднайдено також у Державному архіві Київської області. Нарешті, дуже цінні матеріали особового похождення і рідкісні фотографії були виявлені й публікуються тут з фондів Інституту рукопису Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського НАН України.

Усім співробітникам названих шанованих установ ***в особах їх директорів*** Бориса Пантелійовича *Курінного*, Ольги Володимирівни *Марущак*, доктора Лариси Василівни *Яковлєвої*, Володимира Петровича *Даниленка* та доктора історичних наук, професора Любові Андріївни *Дубровіної* висловлюємо ***щиру подяку***.

Насамкінець маємо пояснити зужиті нами правила публікації документів. Відразу зазначимо, що тритомник має ***науково-популярний характер*** і це накладає відповідні особливості щодо правил видання в ньому історичних пам'яток (полегшений тип).

По-перше, особливості мови й частково правопису документів зберігаються. Це в першу чергу стосується україномовних текстів. Жодного редагування, уніфікації (наприклад, великих літер, які не мали нормованого вживання, й в одному й тому ж документі та сама назва чи слово пишеться по-різному) та інших кардинальних втручань у тексти ***не провадиться***. Лише пунктуація певною мірою приведена до сучасних норм там, де це впливає на розуміння документа (особливо в текстах, позбавлених розділових знаків, невичитаних машинописах тощо). Виправляються без застережень також описки та механічні помилки. Усі вказані застереження не стосуються восьмого розділу, де вміщено документи щодо українського правопису, котрі потребують найретельнішої передачі текстів.

По-друге, в російськомовних текстах замінюються нині не вживані літери: **ѣ** на **е**, **і** на **и**, **ѳ** на **ф**; літера **ъ** наприкінці слів знімається; за сучасни-

---

[8] *Стебницький П.* Державний іспит... С.65-66.

ми правилами передається асиміляція приголосних (як правило, префікса і кореня: *рассчитывать* — замість *разсчитывать*) та форми родового відмінку однини прикметників чоловічого роду (*оного* — замість *онаго*) й займенників (*ее* — замість *ея*). Збережено тогочасний правопис щодо написання дефісів (*если-бы, было-бы,* але: *повидимому, какой нибудь*).

По-третє, розшифрування скорочень у словах документів виділено *курсивом.* Так само відзначено всі тексти від упорядників.

По-четверте, в документах, де це дозволяє зміст, залишено їх власні назви, в інших випадках — назви (українською мовою) склали упорядники.

По-п'яте, легенди до кожного документа чи групи однорідних матеріалів подаються наприкінці текстів зліва й набрані *курсивом.*

По-шосте, у разі передруку публікацій залишено коментарі та примітки, зроблені упорядниками та редакторами.

На жаль, ми не змогли підготувати іменний, географічний та тематичний покажчики до першого тому.

Як уже вказувалося, дане видання є першим на терені розкриття задекларованої в його назві теми. Звісно, як усе, що робиться вперше, воно не позбавлене недоліків, помилок і недоречностей. І все ж ми сподіваємося, що ця книга розкриє читачам неймовірно цікаву сторінку, чи навіть цілу епоху історії Університету св. Володимира й загалом України переломної доби.

7 вересня 1999 року

Василь Ульяновський
Віктор Короткий

1

Свідчення діячів та сучасників: мемуари, есе, документи

*Спекторський Євген Васильович (1875-1951)**

Філософ, юрист, професор і ректор Університету св. Володимира.

Народився 1875 р. в Острозі на Волині в родині мирового судді. Навчався у Радомській гімназії, яку закінчив із золотою медаллю. 1893 року вступив на юридичний факультет Варшавського університету; був учнем представника соціологічної школи права проф. Олександра Львовича Блока (батька відомого поета). У 1898 р. закінчив університет зі ступенем кандидата права за працю «Жан-Жак Руссо как политический деятель» і залишений для підготовки до професорського звання. 1901 року склав магістерські іспити. Впродовж 1901-1903 рр. студіював за кордоном у бібліотеках Парижа, Берліна, Геттінгена, Гейдельберга. У 1903 р. обраний приват-доцентом по кафедрі енциклопедії та історії філософії права Варшавського університету. 1910 року отримав ступінь магістра права в Юр'ївському (Дерптському) університеті; 1913 р. обраний професором по кафедрі філософії права юридичного факультету Університету св. Володимира; водночас викладав на Вищих жіночих курсах. У 1914 р. — голова Київського філософського товариства. 1917 року — здобув ступінь доктора державного права в Московському університеті. З 1918 р. — декан юридичного факультету Університету св. Володимира. У 1918-1919 рр. — ректор Університету св. Володимира. 1919 року призначений Денікіним попечителем Київського учбового округу та заступником («товаришем») головноуправляючого народною освітою. Після залишення Добрармією Києва виїхав до Одеси. На початку 1920 р. емігрував до Югославії. У 1920-1924 рр. — професор Белградського університету; 1924-1927 рр. — професор і декан Російського юридичного факультету в Празі, водночас викладав у Карловому університеті. 1927 року повернувся до Белграда. У 1930-1945 рр. — професор Люблянського університету. Член-кореспондент Сербської Академії наук у Белграді й Слов'янського інституту в Празі.

Брав активну участь у науковому та громадському житті російської еміграції: почесний член Товариства російських учених в Югославії та Російської академічної групи в Празі, член Товариства галліполійців у Белграді; головував на II (1922, Прага) та III (1928, Белград) з'їздах Російських академічних організацій; перший голова Російського наукового інституту (Белград); голова (1930-1945) національно-просвітницької організації «Русская Матица» та словенського Товариства філософії права і соціології в Любляні.

У 1945 р. у зв'язку з вступом радянських військ до Югославії змушений був пішки перебратися до Італії, покинувши все майно і архів (у тому числі рукописи «Воспоминания», п'ятнадцятилітні щоденні «політичні записи», «Введение в социологию»). Спекторський з дружиною перебували в дев'яти таборах для Ді-Пі упродовж двох років. 1947 року запрошений для організації й професорської діяльності Свято-Володимирської православної Духовної Академії у Нью-Йорку. З 1948 р. — голова Російської академічної групи в США, а також голова Російської секції Асоціації американських та іноземних учених.

Світогляд і наукова методологія Спекторського зазнали еволюції від німецького ідеалізму до філософського релятивізму й врешті — християнського ідеалізму. Останні роки життя вчений займався релігійною філософією в сенсі християнського ідеалізму, розрізняючи віру й церковність, християнство загалом і окремі конфесії; особливо багато працював у ділянці богословія культури.

Спекторський помер 3 березня 1951 р. у Нью-Йорку від крововиливу в мозок через випадкове падіння.

Основні праці: «К вопросу о систематизации в обществоведении» (Варшава, 1903); «Органическая теория общества» (Варшава, 1904); «Проблема социальной физики в XVII столетии» (Т. 1-2. Варшава, 1910; Киев, 1917), «Понятие общества в античном мире. Этюд по семантике обществоведения» (Варшава, 1911); «Белинский и западничество» (Варшава, 1912), «Происхождение протестантского рационализма» (Варшава, 1914); «Задача энциклопедии права» // Университетские известия. 1915. №2; «Александр Львович Блок, государствовед и философ» (Варшава, 1911); «Начала науки о государстве и обществе» (Белград, 1927); «Св. Владимир и русская культура» (Белград, 1930); «Наука в СССР» (Женева, 1931); «Либерализм» (Белград, 1935); «Принципы европейской политики России в XIX и XX веках» (Любляна, 1936); «Христианство и русская государственность» (Любляна, 1938); «Церковь и государство в России» (1939); «Косово и Куликово поле» // Братство. 1940. Т.1; «Чехов» (Белград, 1930); «История социальной физики» (Т.1-2. Любляна, 1932-1938); «Христианство и культура» (Прага, 1925); «Столетие Киевского университета св. Владимира» (Белград, 1935); «Свобода и детерминизм» (1967), «Жан-Жак Руссо как политический деятель» (рукопис), «Цицерон и его трактат De republica» (рукопис).

Бібліографія: Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 170-171; *Фостер А.* Библиография русской зарубежной литературы. 1918-1968. Бостон, 1970. Т. 2; Е.В. Спекторский. Издание Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1956.

Архів: НБУ НАНУ. ІР, ф. 43, 307 од. зб.

** Матеріали про Є.В. Спекторського підготовлені та подані до друку проф. В.І. Андрейцевим.*

Література: Бобров Е.А. Воспоминания // РГБ. ОР, ф. 219, спр. 1349.7; *Николаев К.Н.* Памяти проф. доктора Евгения Васильевича Спекторского // Вестник Русского студенческого христианского движения. Париж, 1951. Кн.V. С.19-22; *Арсеньев Н.С.* Памяти Е.В. Спекторского // Возрождение. 1951. № 16; Е.В. Спекторский. Издание Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1956; *Тимашев Н.С.* Профессор Спекторский // Зап. Русской академической группы в США. 1970. Т.4; *Билимович А.Д.* Памяти проф. Е.В. Спекторского // Там же. С.148-157; *Белоусов К.Г.* Е.В. Спекторский (1875-1951) // Там же. 1975. Т.9; *Зеньковский В.В.* Е.В. Спекторский // Русская религиозно-философская мысль XX века. Питсбург, 1975; *Маевский В.* Русские в Югославии. 1920-1945 годы. Нью-Йорк, 1966. Т.1.; *Мацаканьа Д.С.* Ученье о држави Евгенија Спекторског // Руска емиграција у српској културе XX века: Зб.радова. Београд, 1994. Т.1. С.198-202; Письма Блока к Е.В. Спекторскому / Публ. С.Б.Шоломовой // Лит. наследие. Т.92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1981. Кн.2. С.297-330; *Поляков А., Тимошина Е.* Спекторский Евгений Васильевич // Рус. зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энцеклопед. биогр. словарь. М., 1997. С.592-593.

Столетие Киевского университета св. Владимира

Общественное призвание университета

Одновременно со своею академическою работою университет Св. Владимира выполнял и общественное призвание и притом в двояком направлении, культурном и национальном.

Культурное призвание университета состояло в оживлении города Киева и югозападного края России. Город, ставший, по словам Рамбо, в XI веке центром «европейского государства» и в XIII веке бывший, по выражению Плано Карпини, «метрополиею России», в XVIII веке переживал и материальное и моральное запустение. Посетив Киев в 1787 году, императрица Екатерина II писала: «С тех пор как я здесь, все ищу: где город; но до сих пор ничего не обрела, кроме двух крепостей и предместий; все эти разрушенные части зовутся Киевом и заставляют думать о миновавшем величии этой древней столицы». На ее вопрос о том, какое впечатление производит Киев, английский посланник Фиц-Герберт ответил: «Если сказать правду, так это не завидное место, видишь только развалины да избушки», а гр. Сесюр заметил: «Киев представляет собою воспоминание и надежды великого города». В самом начале XIX века автор «Сентиментального путешествия в полуденную Россию» карамзинист В.В. Измайлов назвал Киев «селением, едва ли заслуживающим название города». В начале тридцатых годов И.М. Сбитнев писал о Киеве: «Харьков почти в шесть раз моложе его, но Харьков богатством части домов гораздо выше Киева». На рубеже XVIII и XIX веков в городе насчитывалось всего 19 тысяч жителей. В 1817 году их число возросло до 23,5 тысяч. Тогда же обывательских домов было 49 каменных и 3919 деревянных. В 1835 году жителей было 29 тысяч. Население югозападного края представлялось газообразным, лишенным прочного национального ядра. Екатерина II писала из Киева Н.Н. Салтыкову: «У нас здесь четыре графа, гранд д'Еспань, князья империи без счета, поляков тьма, англичане, американцы, французы, немцы, на многих страницах всех не перечтешь; с роду столько иноязычных и не видала, даже киргизы и те здесь очутились, и все сие по киевским хижинам живет и непонятно, как умещаются». В 1810 г. кн. И.М. Долгоруков писал: «Губерния наполнена всяким народом: в ней поляки, малороссы и россияне». Хозяйственное преобладание в крае принадлежало польским помещикам. Под руководством Чарторыского и Чацкого делалась попытка подкрепить это преобладание превращением всего югозапада России в польскую «культурную область» (Kulturgebiet в отличие от Volksgebiet). Последствием этого было

то, что гр. С.С. Уварову показалось, будто «язык русский едва был слышен в этом огромном пространстве». Грибоедов писал кн. Одоевскому: «В Киеве я пожил с умершими; за ними я вскользь заметил настоящее поколение; как они мыслят и что говорят, русские чиновники и польские помещики, Бог их ведает». Как выразился Н.А. Мельгунов, «близкое рассматривание состояния просвещения в здешних провинциях не очень радует патриота».

Таким образом к тридцатым годам XIX века «наш Киев дряхлый, златоглавый, сей пращур русских городов», казался городом с прошлым, но без будущего. Вместе с прилегающим краем он как бы опять являл то зрелище невеглася безнадежников, которое, по словам летописца, предшествовало крещению Руси. Крайне необходимо было возродить культурное дело Св. Владимира — согласно призыву А.С. Хомякова:

Пробудися, Киев, снова!
Падших чад своих зови!
....
И вокруг знамен отчизны
Потекут они толпой
К жизни духа, к духу жизни
Возрожденные тобой!

И вот с основанием университета Св. Владимира началась новая эра в культурной истории Киева и югозапада России. Прежде всего оживился город Киев. В актовой речи, произнесенной по случаю открытия университета, проф. Цых предсказал: «Университет даст совсем другой вид этому городу. Бедные лачужки, теснящиеся одна подле другой в отдаленных частях города, обратятся в огромные красивые здания, на обширных пустырях, отделяющих одну часть города от другой, представляющих столько неудобств для жителей его, возникнут прекрасные строения или красивые гульбища. В связи с начавшимся оживлением и местной хозяйственной жизни предсказание Цыха полностью оправдалось. Киев ожил. И если С.-Петербургский университет, собственно говоря, наложил свой отпечаток только на Васильевский остров, то университет Св. Владимира изменил внешний вид всего Киева. Почти одновременно с его открытием 7 января 1834 года было утверждено положение об устройстве Киева. Запущенному городу приуготовлялось положение третьей столицы Российской Империи. Подобно тому как при Наполеоне III началось вдохновившее Золя грандиозное переустройство Парижа, при Николае I с тридцатых годов началось вдохновившее Лескова широкое строительство Киева. И центральное положение в новом, великом Киеве предоставлялось именно университету Св. Владимира, для которого отводилось место, господствующее над всем городом. Поэтому весьма значительною датою в истории Киева был день 31 июля 1837 года, когда состоялась закладка собственного здания университета и из Софийского собора вышла процессия, шедшая от Золотых ворот чистым полем к тому месту, где по планам Беретти на предоставленной университету территории в 23 десятины было воздвигнуто редкой красоты огромное красное здание под зеленою крышею, возле которого возникло Новое Строение, этот латинский квартал Киева. Когда в 1874 году Ватрослав Ягич приехал в Киев на археологический съезд, он не мог вдоволь налюбоваться красотою и величием города, «и прежде всего университета». И Рачкий писал в 1884 году о Киеве: «это один из лучших городов Европы». Как заметил проф. Владимирский-Буданов, благодаря одновременной постройке университета и крепости «в первый раз образовались те крупные для Киева капиталы (преимущественно кирпичных заводчиков), которые потом уже на свой счет продолжали перестраивать Киев». И в общественной жизни города видное, нередко руководящее положение заняли профессора университета. Их именами были названы некоторые улицы (Караваевская, Мерингова). Снабжение Киева ар-

тезианскою водою является в значительной степени заслугою проф. Армашевского. В.Я. Шульгин, а после него Д.И. Пихно издавали «Киевлянин», который mutatis mutandis был до известной степени такою же профессорской газетою, как «Русские Ведомости» в Москве. В ней начал свою литературную деятельность Куприн. И как пишет К.И. Зайцев, «если бы кто пересмотрел комплект этой газеты начала девяностых годов, то наткнулся бы на частые, подробные письма собственного корреспондента из Полтавы: они писаны Буниным». Газета боролась за мелкий земельный кредит и за народные школы. Проф. А.Я. Антонович издавал «Киевское Слово». Газета посвящала большое внимание сельскому хозяйству и особенно свеклосахарному делу. По вопросам железнодорожного хозяйства в ней сотрудничал С.Ю. Витте. И.В. Лучицкий издавал «Киевские Отклики».

Широкую известность получили профессора медицинского факультета, занимавшиеся частною практикою. О них, как о московских знаменитостях вроде Захарьина, ходили разные легенды: так, например, об одном говорили, что он будто бы от переутомления засыпал на груди у пациентов, выслушивая их сердце и легкие; о другом, что он устроил свой рабочий кабинет в карете, возившей его от одного больного к другому; о третьем — будто его слуга объявлял пациентам, сидевшим в приемной, «прохвессор скоро начнет принимать — уже читает Эпиктета» и т. д. Когда, уже при большевиках, скончался Ф.Г. Яновский (бывший в родстве с Гоголем), его похороны вылились во внушительную манифестацию признательности киевского населения человеку редкой доброты и отзывчивости.

Выведя город Киев из состояния оцепенения, университет Св. Владимира вызвал к умственной работе и общественному сознанию дремавшие местные русские силы. Он сделался средоточием краеведения Малороссии и всего югозапада России. Чего стоят хотя бы как вошедшие в задуманное Д.Г. Бибиковым «Описание губерний Киевского учебного округа», так и не вошедшие исследования профессоров К.Ф. Кесслера, Федорова, Шмальгаузена и адьюнктов Роговича и К.М. Феофилактова. Киевские профессора деятельно отстаивали культурные и хозяйственные потребности края. Так, например, В.Я. Шульгин боролся против проведения Московско-Одесской железнодорожной магистрали мимо Киева. Украинские противники Д.И. Пихно не отрицают пользы, принесенной краю его проповедью оживления местных производительных сил. Пример профессоров был заразителен. Оживился «наш бедный ученостью край», как в 1841 году в письме к Ганке выразился Н.Д. Иванишев. И длинный ряд местных культурных деятелей мог бы применить к родному университету слова Пушкина:

> Он создал нас, он воспитал наш пламень,
> Поставлен им краеугольный камень.

С основанием университета восстанавливалось культурное дело нашего, по выражению митрополита Иллариона, учителя Св. Владимира, о котором идеолог реформ Петра Великого Феофан Прокопович утверждал, что он «всему начало, причина и повод». К скромному памятнику «Св. Владимиру, просветителю России», поставленному киевскими гражданами еще в 1802 году над Крещатицким источником, в 1834 году был присоединен новый памятник ему же в виде величественного храма науки, по поводу которого С.М. Соловьев писал в 1841 году: «надобно было исполнить обещание Боголюбского, поставить в Киеве храм... И храм воздвигнут лучше, чем хотел Боголюбский; воздвигнут храм Веры и Науки вместе, посвященный имени Святого Просветителя России. Наука посетила славные развалины, и развалины заговорили, и Киев дал о себе весть». В широкое лоно благого русского просвещения возвращался на половину отторгнутый духовно огром-

Бібліотека Університету св. Володимира. Початок XX ст.

ный край. Университет Св. Владимира выполнял это свое ответственное культурное призвание теми мирными средствами, о которых в 1839 году писал Хомяков, препровождая М.А. Максимовичу свое стихотворение «Киев»: «Пора Киеву отзываться русским языком и русской жизнью. Я уверен, что слово и мысль лучше завоевывают, чем сабля и порох; а Киев может действовать во многих отношениях сильнее Питера и Москвы». Посетив Киев через пятьдесят лет после основания университета Св. Владимира, президент Югославянской академии Рачкий писал Штроссмайеру: «Париж менее французский город, Флоренция менее итальянский, чем Киев — русский город».

Университет Св. Владимира благодаря обстоятельствам места и времени приобщился к культурному строительству России с перспективою, в иных отношениях более широкою, чем московская или петербургская. Это отметил Максимович в письме к М.П. Погодину: «У вас многие смотрят на всю русскую землю с москворецкой высоты Ивана Великого; здесь иные глядят на нее с запорожской, поэтической Савор-могилы; моя точка зрения на всю единую русскую землю над Днепром с высоты Старо-Киевской, с холма Св. Андрея Первозванного». Деятели университета Св. Владимира понимали русскую духовную, социальную и материальную культуру как именно русскую, т. е. всероссийскую. И Великую Россию они не понимали только как Великороссию. В Киеве и Малороссии они отказывались видеть как польскую окраину, так и самостийную Украину. Этим определялась позиция, занятая университетом по отношению к польскому и украинскому вопросу.

Университет Св. Владимира был основан вскоре после польско-русского вооруженного столкновения в 1831 году и отчасти вследствие него. Решение в пользу России вопроса о том, «за кем останется Волынь, за кем наследие Бог-

дана», естественно вело за собою прекращение полонизации Киевщины и югозападного края. По отношению к высшей школе эта задача была поставлена с известною осмотрительностью – в соответствии с заявлением Императора Николая I «прошу вас поляков не ненавидеть», а также с запискою, представленною гр. С.С. Уваровым Государю в 1843 году и объяснявшею, что имелось в виду не поглощение польского начала русским, а «моральное и умственное слияние сих начал, с надлежащим перевесом русского»; университет Св. Владимира призывался «служить соединению польского юношества с русским в Киеве, этом некогда первопрестольном городе России, основательному изучению русского языка и словесности, знакомству с учреждениями и установлениями русскими». Большую часть его первоначального преподавательского состава образовали переведенные из закрытого Кременецкого лицея польские профессора: в 1834 г. шестнадцать из двадцати, в 1835 г. двадцать из двадцати девяти. Среди них был польский беллетрист и драматург И.В. Корженевский, в 1838 году покинувший университет по случаю назначения директором гимназии в Варшаве, а также родной брат знаменитого польского поэта, профессор римского права, А.Н. Мицкевич, перешедший в 1839 году в Харьковский университет, где он прослужил до 1858 года. Перешедший из Виленского университета и бывший одно время деканом юридического факультета И.Н. Данилович чуть не стал Сперанским западной Руси. Существовала особая кафедра католического богословия, упраздненная только после польского восстания 1863 года. С 1837 по 1842 год ее занимал ксендз И.П. Головинский, ставший потом ректором римско-католической академии в С.-Петербурге и митрополитом всех римско-католических церквей в России. Из Кременца были переведены и лица, занявшие в университете канцелярские должности. Среди них был казначей Балтазар Княжинский, который первого сентября 1873 года отпраздновал пятидесятилетие своей службы. В первоначальном составе студентов преобладали поляки. Среди них чувствовались, как выразился Брадке, «судороги польской революции». Поэтому, когда в половине 1836 года на Волыни появился эмиссар польской эмиграции Конарский, прибывший для образования «союза польского народа» и распространявший «благословение Чарторыского», ему удалось организовать группу заговорщиков и в университете. Дело раскрылось. Конарский был казнен в Вильне в 1839 году. Содержатель студенческого пансиона Боровский был сослан в каторгу. Замешанными оказались 30 студентов из общего числа 200. Из них 6 были отданы в солдаты без права выслуги, 5 с правом выслуги и без лишения дворянского достоинства, 14 определены на военную службу на правах вольноопределяющихся, 10 были переведены в Казанский университет. Был уволен попечитель Брадке, вместо гр. Гурьева генерал-губернатором был назначен Д.Г. Бибиков. И Высочайшим указом от 9 января 1839 г. университет Св. Владимира был закрыт на один год. После возобновления занятий в университете не исчезла обособленность польского студенчества. Побывавший в Киеве в пятидесятых годах И.И. Сердюков писал: «Я заметил между студентами особые польские кружки, посматривающие на все русское с пренебрежением». После Крымской кампании польская ирредента усилилась настолько, что даже Герцен признал необходимым поместить в 1858 году в Колоколе письмо к полякам, в котором он возражал против их притязаний на Киев. Но оно не имело успеха. Был даже пущен слух, что Герцен — подкупленный агент русского правительства. Начало шестидесятых годов ознаменовалось новыми польскими выступлениями в университете Св. Владимира. В своих «Воспоминаниях земского деятеля» (1916) В.М. Хижняков рас-

сказывает: «С наступлением 1862 года жизнь в университете делалась все более бурной. Ожидалось польское восстание. Более выдающиеся ораторы-поляки Ярошинский и Фомберг говорили в сборном зале пламенные речи о том, что югозападные губернии должны быть возвращены Польше, что Киевский университет тоже должен сделаться польским и т. д. Мебели в сборном зале не было, и ораторы говорили, стоя на подоконнике. На другой подоконник взлезал Драгоманов, с трудом добивался слова и, опровергая притязания поляков, с жаром доказывал, что край должен культивировать природный язык массы населения и что преподавать в университете нужно по-украински. Появлялся на трибуне Вороной (впоследствии директор Нежинского лицея) и горячо протестовал против поляков и украинцев, доказывая, что университет должен оставаться общерусским и что преподавание в нем нужно вести на общем литературном языке... Однажды, когда море наше чересчур разволновалось, в сборный зал вошел Бунге, бывший тогда ректором... Бунге заговорил о том, что национальные споры следует разрешать более спокойным академическим путем... Речь его скоро была прервана негодующими возгласами, криками «вон» и свистками, и бедный Н.Х. поспешил удалиться... Для устрашения студентов на очень обширной в то время университетской площади генерал-губернатор Анненков раза по три в неделю производил смотры и учение кавалерийских полков... Скоро начали собираться банды повстанцев. Из Киева вышла в банду небольшая толпа, и в том числе несколько студентов. Первое выступление банды близ села Борщаговки, в 12 верстах от Киева, кончилось очень печально. Ее вожаки, встретившись с толпой крестьян, прочли золотую грамоту и начали уговаривать их присоединиться к восстанию, обещая в будущем всякие блага. Но крестьяне бросились на банду и многих избили и изувечили: студенту Юрьевичу отрезали косою обе ноги, остальных связанных пригнали на другой день в Киев» (стр.55-61). «Хождение в народ», мотив Тургеневской «Нови», в тогдашней киевской обстановке своеобразно сочетался с возрождением польского империализма. В отличие от восстания 1831 года, имевшего характер борьбы двух регулярных армий, польской и русской, и посему давшего генералу Пузыревскому основание описать его как «историю войны 1831 года», восстание 1863 года было поднято плохо вооруженными партизанами. Тем не менее оно было опять связано с легендою о столпах Болеслава Храброго, вбитых в дно Днепра за Киевом. Это домогательство вызвало неодобрение чешского историка Палацкого. В статье «Польский вопрос в наше время» он осудил призыв польского революционного правительства не слагать оружия, пока не будет восстановлена Польша в границах 1772 года. Еще решительнее он осудил польские притязания на Киев. Он спрашивал, стремятся ли повстанцы только к свободе, или же также и к господству в «прарусском Киеве». По поводу утверждения, что идет борьба не против русского народа, а только против русского царя, он возражал, что при всем своем самодержавии царь не имеет власти передать полякам колыбель своей державы, Киев, т. е. повторил довод, приводившийся Императору Александру I Карамзиным в 1819 году. Не остался равнодушен к событиям 1863 года и университет Св. Владимира. В редактированном проф. В.А. Незабитовским верноподданническом адресе он протестовал против «посягательства на народность во имя народности» и осудил «осмелившихся поднять вооруженную руку у самого Киева, среди народа искони русского, в виду древней святыни Руси, сохраняющей неизгладимые следы кровавой борьбы за православную веру и русскую народность». Университет избрал своими почетными членами М.Н. Каткова (в 1864 году) и Палацкого (в 1868 году). Профессор

всеобщей истории В.Я. Шульгин в июне 1864 года объявил об издании новой газеты «Киевлянин» с девизом: «этот край русский, русский, русский».

Впоследствии центр тяжести национальных трудностей, выпавших на долю университета Св. Владимира, составлял уже не польский вопрос, а украинский. Ни 1905 год, ни 1917-ый не поставили перед университетом специально польской проблематики. Явившихся на открытие польского народного университета в Киеве делегатов университета Св. Владимира ректор приветствовал вещими словами Пушкина «о временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся». Когда же университет стал жертвою варварских экспериментов агентов третьего интернационала, польские профессора и студенты дружно помогли своим русским собратьям в стремлении отстоять непреложные культурные ценности. Занятие Киева польскими войсками в 1920 году, также как и его занятие немецкими войсками в 1918 году, было попыткою создать под иностранным руководством самостийную Украину с Петлюрою во главе. В этом именно смысле 26-го апреля была составлена за подписью Пилсудского прокламация «ко всем жителям Украины», гласившая: «Когда свободный народ будет в состоянии сам определить свою судьбу, тогда польские солдаты вернутся на фронт свободной Польской республики, закончив славную борьбу за свободу народов. Вместе с польскими войсками вернутся на Украину, под водительством атамана — генерала Семена Петлюры, легионы, которые в дни самых тяжелых для украинского народа испытаний нашли поддержку со стороны Польской республики. Я убежден в том, что украинский народ употребит все усилия к тому, чтобы добиться оружием с помощью Польской республики своей собственной свободы». Не было речи ни о столпах Болеслава Храброго, ни о восстановлении замыслов Чарторыского и Чацкого. В свою очередь большевицкий «Вцик» обратился «К польским рабочим, крестьянам и солдатам» с манифестом: «Польское правительство неожиданно начало наступление на территорию братской нам Украинской Советской республики... На наших знаменах начертан огромными буквами тот клич, под которым когда-то сражались польские борцы за свободу — за нашу и вашу вольность». Польская оккупация для университета Св. Владимира означала лишь краткую передышку в его тяжелом подневольном существовании. Рижский мир (18 марта 1921 года) коснулся его постольку, поскольку согласно статье 11 Польше возвращались всякого рода предметы древности, вывезенные из нее с 1 января 1772 года.

Одновременно с уходом в эмиграцию ряда русских ученых польские профессора и преподаватели университета Св. Владимира покинули Киев и почти все приобрели возможность работать в высших школах Польши. Физик Ч.Т. Бялобржеский получил кафедру в Варшавском университете, классик В.П. Клингер и фармаколог А.А. Тржецеский — в Познанском. Там же преподают прошедшие Киевскую школу математики и механики профессора Абрамович и С. Каландык. В Виленском университете состоит профессором медицинского факультета Ю.К. Шиманский. В Люблинском католическом университете философские дисциплины преподает проф. Г. Якубанис. Проф. К.Э. Вагнер после нескольких лет, проведенных в Каире, поселился в Варшаве. Киевский питомец А.П. Пржиборский состоит профессором Варшавского университета.

Немало потрясений пришлось испытать университету Св. Владимира и в связи с украинским вопросом. Среди его профессоров и студентов преобладали местные уроженцы. Посему нет ничего удивительного, что в его стенах процветали, а в значительной степени и зародились все украинофильские течения. Таких течений было три. Первое, которому положил основание М.А. Максимович, состояло в призна-

нии единства русского народа и русского языка, чем отнюдь не исключалось своеобразие малорусской ветви. Второе течение, которому положили начало Н.И. Костомаров и пошедший дальше, чем он, М.П. Драгоманов, провозгласило уже дуализм великорусской и малорусской стихии, но такой, который не исключает или их общерусского синтеза или их мирной координации в рамках всеславянской федерации. Эти мотивы воодушевили и Т.Г. Шевченка, который в мечтах о том,

> Щоб уси славяне сталы
> Добрыми братамы
> И сынами сонця правды,

сделал специальное обращение к русскому двуглавому орлу, напоминающее стихотворение Хомякова «Орел»:

> Слава, честь тоби во викы,
> Орле наш двоглавый!
> Бо ты шпонами своими
> Вырвав из неволи,
> Из поруги давний на свит
> Славянскую долю!

Наконец, третье течение требовало уже полной и враждебной изоляции самостийной Украины от России и ее ориентации или на Польшу или на Германию, но только не на Россию, эту якобы «тюрьму народов». Родоначальником этого течения был В.Б. Антонович, а его отцом «батько» М.С. Грушевский, притязавший по отношению к Украине на то значение, которое по отношению к Чехии получил «отец чешского народа» Палацкий. В духе этого течения в романе В.К. Винниченка «Хочу» герой жалуется: «Одно из несчастий украинской нации в том, что она внешне очень похожа на русскую». Из этих трех течений преобладающим и типичным для университета Св. Владимира всегда было первое. В университете любили, хорошо знали и усердно изучали Малороссию. Отлично понимали необходимость деликатности по отношению к бытовым особенностям

края и к местным самолюбиям. И посему не одобряли ни придирчивости правительственных мероприятий, ни легкомыслия той части русской интеллигенции, которая вместо серьезного и вдумчивого отношения к трудному, а в последнее время и трагическому вопросу, отделывалась или беспочвенною риторикою или легкомысленными шутками. Встретили недружелюбно новое правописание и особенно упразднение буквы **ѣ**, ибо она в Малороссии произносится как **и**, тогда как **е** произносится как **э**. Принимали живейшее участие в местных культурных и общественных начинаниях. Но вместе с тем решительно противились попыткам дать местной культуре противорусское направление. И еще решительнее отвергали враждебный России политический сепаратизм. При этом большинство выступало не как пришлый элемент, не как московиты или кацапы, а как коренные малороссы, которые не мыслят Украины помимо общей матери России. И в этом отношении проявляли свойственное «хохлам» упрямство. Таково было то постоянное настроение, которое в течение всей истории университета Св. Владимира господствовало в нем по отношению к украинскому вопросу.

Уроженец Золотоноши М.А. Максимович с любовью занимался малороссийским фольклором. Он называл себя «щирым малороссиянином» и объяснял М.П. Погодину, что «питал к Киеву любовь общерусскую и ближайшую к нему любовь малороссийскую». По поводу Богдана Хмельницкого он писал ему же: «Я думаю, что мой киевский взгляд на Богдана сойдется с твоим московским в одно русское воззрение... Положено было тогда счастливое начало великому историческому делу — воссоединению всей Владимирской Руси». Примыкая к традиции патриарха славяноведения Добровского, а также к Шафарику, он утверждал: «Ни один филолог, по правилам и законам своей науки, не решится разрознить южно-русского и северно-русского языка: они, как родные братья, должны быть непременно вместе, во всякой системе».

С 1850 по 1854 год кафедру русской словесности занимал А.Л. Метлинский, получивший известность не только как ученый, но и как малороссийский поэт, подписывавшийся «Амвросий Могила» и писавший, как он выражался, на «южно-русском языке». Проникнутый общерусским патриотизмом, он прославлял освобождение казаками от неприятеля «святой Москвы». В предисловии к «Народным южно-русским песням» (1854) он писал: «Передаю матери моей России этот плод многолетних посильных занятий памятниками языка и словесности русского народа... Я утешился и одушевлялся мыслью, что всякое наречие, или отрасль языка русского, всякое слово и памятник слова есть необходимая часть великого целого, законное достояние всего русского народа, и что изучение и разъяснение их есть начало его общего самопознания, источник его словесного богатства, основание славы и самоуважения, несомненный признак кровного единства и залог святой братской любви между его единоверными, единородными сынами и племенами. Словесные произведения всякого русского племени заключают в себе и раскрывают часть богатства общего, великого народного духа».

Ставший в 1816 году адъюнктом по кафедре русской истории и оставивший след в малороссийской литературе под псевдонимом «Иеремия Галка» Н.И. Костомаров внес в стены университета Св. Владимира новую постановку украинского вопроса. Он связал его с идеалом демократической всеславянской федерации. Во имя этого идеала в Киеве было образовано Кирилло-Мефодиевское братство и составлены (в рукописном виде) «Книги бытия украинского народа». В этих, по мнению Михаила Возняка, написанных Костомаровым книгах, своим мессианическим тоном напоминавших «Книги пилигриммов» Мицкевича и «Книгу наро-

да» Ламеннэ, прославлялось «казачество, т.е. истинное братство» без всякой иерархии, и провозглашалось: «Восстанет Украина из своей могилы и снова отзовется всем братьям своим славянам, и услышат они крик ее, и восстанет Славянщина. И Украина будет независимою республикою в союзе славянском. Тогда скажут все языки, показывая рукою на то место, где на карте будет нарисована Украина: ее камень, его же небрегоше зиждущий, той бысть во главу угла». Такое пророчество вызвало тревогу в меттерниховской Австрии. И австрийские власти обратили внимание русского правительства на нелегальный кружок. Наказанию подверглись два лица, связанных с преподаванием в университете Св. Владимира. Костомаров был осужден на один год заключения в Петропавловскую крепость, после чего был послан на гражданскую службу в Саратов. И Т.Г. Шевченко, только что по просьбе двоюродной сестры гр. Уварова назначенный в университет преподавателем рисования, был сослан в солдаты, хотя членом братства и не состоял. Впоследствии, в 1861 году в «Основе» Кулиша появились две статьи Костомарова, выражавшие его украинское credo, «О федеративном начале в древней Руси» и «Две русские народности». Он уверял, что у южноруссов преобладают начала личной свободы, духа и федерации, тогда как у великоруссов — начала общинности, тела и единовластия. Несмотря на такое различие, он находил возможным примирение, тем более что он увлекался «северно-русскими народоправствами». Он писал: «южнорусское начало должно не разрушать, а дополнять и умерять коренное начало великорусское». Университет Св. Владимира ценил его ученые труды и в 1864 году возвел его в степень доктора без публичного защищения диссертации, а в 1884 году избрал его почетным членом.

После польского восстания 1863 года в некоторых правительственных кругах составилось убеждение, что украинское движение создано поляками. В этом смысле министр внутренних дел гр. Валуев писал министру народного просвещения Головнину в июле 1863 года: «Малорусское движение тем более прискорбно, что оно совпадает с политическими замыслами поляков и едва ли не им обязано своим происхождением». Так были подготовлены известные ограничительные меры гр. Валуева в 1876 году. После них М.П. Драгоманов, бывший с 1864 года по 1875 сначала приват-доцентом, а потом доцентом университета Св. Владимира, эмигрировал, и усилилась галицийская струя украинского движения, все более и более получавшего враждебное России направление и посему встретившего со стороны австрийского правительства совсем иное отношение, чем киевское Кирилло-Мефодиевское братство.

Когда в 1904 году Императорская Академия наук представила русскому правительству записку «Об отмене стеснений малорусского печатного слова», комитет министров нашел полезным запросить мнение двух университетов, Киевского и Харьковского. И университет Св. Владимира, также как и Харьковский, высказался в смысле благоприятном для записки.

Но в том же 1904 году в вышедшем под редакцией В.И. Ламанского сборнике «Статьи по славяноведению» появилась статья ученика В.Б. Антоновича, магистра университета Св. Владимира М.С. Грушевского: «Звичайна схема руської історії й справа раціонального укладу історії Східнього Слов'янства». Здесь традиционной схеме русской истории как единого и непрерывного процесса с перемещением центра из Киева во Владимир и Москву, противопоставляется никогда не прекращающаяся история «Украины-Руси», независимая от истории чужого Московского, или великорусского государства. Таким образом провозглашалась историософская самостийность Украины как предварение самостийности политической. Это не помешало ряду доверчивых историков, занимавших кафедры

в столичных университетах, особенно А.Е. Преснякову, принять схему Грушевского и заговорить об образовании «великорусского государства». Но в университете Св. Владимира эта схема успеха не имела, хотя в 1907 году в нем и был открыт курс украиноведения. Содержавшаяся в схеме Грушевского политическая тенденция увлекла самостийнических украиноведов на путь весьма смелых, но и произвольных построений, в которых отцом мысли было желание. Вместо учения Н.И. Костомарова о двух «русских» народностях, одни, еще умеренные, заговорили о двух славянских народностях. Другие, возродив теорию Духинского, против которой протестовал проф. Бодуэн де Куртенэ, утверждали, что славяне — то только украинцы, а московиты это туранцы. Третьи же в стремлении как можно больше удалить украинцев от русских, возродили теорию австрийца Обермюллера и стали учить, что и украинцы это совсем не славяне, а кельты. Так учит бывший питомец университета Св. Владимира С.П. Шелухин, который, перейдя во время войны от германофобства к германофильству, стал в эмиграции украинским ученым. Нашлись и такие самостийники, которые в 1928 году издали в Париже по-французски брошюру Les Ukres, возрождающую теорию гр. Ф. Чацкого, о том, что население Малороссии — это потомки каких-то небывалых «укров», пришедших из Азии.

Петроградская революция в феврале 1917 года сразу же окрылила самостийников, приступивших к «украинизации Киевщины» (выражение Д.И. Дорошенка, «Историк и современник», 1922, II, стр. 195). Девятнадцатого марта по Киеву прошло шествие с синежелтыми знаменами. Дойдя до городской думы, толпа по требованию М.С. Грушевского дала присягу, что не успокоится, пока не создаст украинское народовластие. Для начала была образована Центральная Рада, которую возглавил «батько» Грушевский и которая захватила Педагогический музей, выстроенный на русское частное пожертвование С.С. Могилевцева и, как видно из надписи на его фасаде, предназначавшееся «на благое просвещение русского народа». Организованный 3 мая при деятельном участии двух приват-доцентов университета Св. Владимира П.П. Смирнова и малоросса Н.К. Гудзия «Демократический союз деятелей русской культуры на Украине», объявивший, что «русская культура, по количеству накопленных ею в крае ценностей, безусловно является одной из главнейших краевых культур», вызвал со стороны украинской газеты «Народня воля» ироническое замечание: «залезли в чужую солому и шелестят». Через два дня открылся войсковой украинский съезд, на котором один оратор заявил: «Отечество в опасности. Но какое отечество? Наше отечество Украина, а не Россия. Мы — сила. У нас уже тоже есть штыки». Двадцать девятого мая «всеукраинский крестьянский съезд» поручил Центральной Раде позаботиться о том, чтобы обучение в школах на Украине, от низшей до высшей, происходило с осени 1917 года на украинском языке, с обеспечением прав меньшинств.

Десятого июня открылась эра антирусских универсалов. Через пять дней в № 82 «Правды» от 15 июня появилась статья Ленина, утверждавшая, что «проклятый царизм превращал великороссов в палачей украинского народа». Через день, 16 июня, за подписью кн. Львова было опубликовано сентиментальное воззвание Временного правительства: «Граждане украинцы! разве вы не часть свободной России? братья украинцы! не идите же гибельным путем раздробления сил освобожденной родины» и т. д. В тот же день Центральная Рада образовала «генеральный секретариат», т.е. украинские министерства под председательством В.К. Винниченка, объявившего 27 июня, что на Украине «наступил момент, когда стерлись границы двух властей: нравственной и публично-правовой». Накануне, 26 июня, Временное правительство командировало в Киев

Кабінет образотворчих мистецтв. Початок XX ст.

министров М.И. Терещенка и И.Г. Церетелли с тем, чтобы к ним впоследствии присоединился А.Ф. Керенский; кроме того, от совета рабочих депутатов поехал Н.В. Некрасов. Приехав в Киев, министерский «триумвират», в сущности, капитулировал и признал генеральных секретарей. Этот их акт имел три последствия: во-первых, выход в знак политического протеста из Временного правительства четырех «кадетских» министров, А.А. Мануилова, В.А. Степанова, Д.И. Шаховского и А.И. Шингарева; во-вторых, в знак юридического протеста, отказ Правительствующего Сената в распубликовании инструкции Временного правительства генеральному секретариату; наконец, в-третьих, в знак морального протеста, Записку университета Св. Владимира Временному правительству.

Эта записка была составлена тогдашним ректором Н.М. Цытовичем и принята советом университета. Она напечатана полностью в «Киевской Мысли» от 27 июля 1917 года, в «Киевском Голосе», а также на стр. 175 и след. изданного в 1930 году московскою коммунистическою академией сборника «Революция и национальный вопрос». Она начинается так: «Вполне присоединяясь к заявлению Московского университета по поводу общего политического положения России, университет Св. Владимира, как высшее учебное заведение, находящееся в крупнейшем из культурных центров Малороссии, и как корпорация, большинство членов которой являются уроженцами или постоянными жителями здешнего края, считает своим гражданским долгом изложить Временному правительству свой взгляд также и на сущность украинского вопроса, волнующего в настоящее время местное общество, и предупредить против тех роковых последствий, какими грозит русским общегосударственным интересам позиция, занятая по отношению к этому вопросу руководителями украинского движения в Киеве, а в последнее время, к сожалению, и самим Временным правительством.

Исторические и племенные особенности Малороссии, долгое время жившей отдельной от остальной России жизнью, вполне оправдывают то культурное движение, которое известно под названием украинофильства. Это движение, выразившееся в повышенном интересе к местной истории, местному языку и местному народному быту, в разработке малороссийской литературы и в стремлении к сохранению культурных особенностей края, всегда пользовалось симпатиями местного общества. Несомненно, что те преграды, которые в прежнее время ставила этому движению наша государственная власть, заслуживают строгого осуждения, и совет университета Св. Владимира еще в 1905 году по запросу Министерства Народного Просвещения высказался против всех существовавших тогда стеснений малорусского языка и малорусской литературы. Едва ли можно возражать также и против того, чтобы при организации областного самоуправления России (если введение такого самоуправления наряду с земским будет признано необходимым) указанные особенности Малороссии были приняты во внимание. Но от стремления к культурной самобытности Малороссии и от вопроса об ее областном самоуправлении следует строго отличать украинский политический сепаратизм, т.е. стремление к образованию особого украинского государства, находящегося с остальной Россией лишь в договорных отношениях или, может быть, даже вовсе с нею не связанного. Совет университета Св. Владимира считает своим долгом заявить, что для решения украинского вопроса в этом смысле и в этом направлении нет почвы в предшествующей истории Малороссии, что такое решение идет вразрез с интересами не только великорусского, но и малорусского племени, что не существует никаких оснований утверждать, что оно соответствует стремлениям, чувствам и желаниям большинства местного населения... Оба народа

Кабінет образотворчих мистецтв. Початок XX ст.

считали себя братьями. Тысячи связей образовались между ними за их почти трехсотлетнюю совместную государственную жизнь. И разрыв этих связей отразился бы на них так же болезненно, как болезненно отражается на живом организме разрыв его тканей. И несомненно, что одной из таких связей — быть может, самой крепкой и самой дорогой для обоих народов — является наш русский литературный и общегосударственный язык, который образовался путем долгого исторического процесса, в который и малорусский народ принес обильный дар и который поэтому оба племени с законной гордостью и почти на равных правах могут назвать своим... Между тем, именно полным политическим разъединением двух братских племен и возбуждением между ними антагонизма и розни грозит деятельность той группы лиц, которая подготовляет в настоящее время в Киеве автономию Украины. Им нужна Украина с особым правительством, особым войском и особым государственным языком... И на какие области простираются их притязания? Они говорят об Украине от Карпат до Черного моря и Кавказа, т.е. включают в территорию будущего украинского государства не только те земли, на которые Украина могла бы иметь какие-либо исторические притязания, но и те, которые были приобретены соединенными усилиями и кровью всего русского народа, под руководством русской государственной власти; которые заселены не только малорусским, но и великорусским племенем и иными племенами и народностями, и которыми малорусский народ, конечно, никогда не мог бы воспользоваться, если бы Малороссия не вступила в состав русского государства. Сторонники украинского политического сепаратизма, по-видимому, забывают, что Украина не могла бы оправдать исторически даже своих притязаний на Киев, потому что этот город не принадлежал Малороссии в момент присоединения ее к России, но был уступлен уже впоследствии Польшей Московскому Государству... Даже в такой крупной и отвечающей всем принципам демократического строя федерации, как Соединенные Штаты Северной Америки, установлен для всех входящих в ее состав политических единиц один общий государственный язык. Между тем руководители украинского движения настаивают на введении на Украине особого государственного языка и притом такого, который не явился продуктом органического развития, но искусственно создан с определенным и ясным рассчетом на то, чтобы сделать его возможно менее похожим на общерусский язык. С этой целью в него включено множество слов и форм, чуждых не только великорусскому, но и малорусскому языку, что делает его малопонятным даже и для малорусского населения... Такое направление в решении украинского вопроса совет университета Св. Владимира признает противным самым священным интересам русского государства, русского народа. К сожалению, Временное Правительство не только не оказало должного противодействия описанному движению, но нашло даже возможным войти в переговоры и соглашение с его руководителями и, не спросив местного населения, предрешило судьбу огромного края, согласившись на учреждение Краевого органа. Совет университета Св. Владимира считает своим долгом заявить, что он признает такое отношение русской правительственной власти к украинскому движению не только опасным для русских общегосударственных интересов, но и юридически неправильным, потому что вопрос об автономии той или иной области, входящей в состав русского государства, может быть решен только волею всего русского народа, выраженной через его представителей на Учредительном собрании».

Записка университета Св. Владимира осталась без последствий, также как и родственное ей по духу воззвание Московского университета, единогласно

принятое на экстренном заседании 28 ноября 1917 года под председательством М.Н. Мензбира: «Анархическая смута грозит самому существованию русской государственности и русской культуры, и русские государственные университеты, стоящие на страже русской культуры, не могут молчать при пагубном расточении многовекового национального наследия... В знаменательный день, на который назначен созыв Учредительного Собрания, совет Московского университета считает себя обязанным громко заявить о необходимости воссоздания национально-государственного и культурного единства России».

На всеукраинском церковном соборе вопреки протесту таких его членов, как проф. М.Н. Ясинский, был поставлен вопрос об украинизации церкви.

Четвертым универсалом от 14 января 1918 года провозглашалась украинская политическая самостийность. Через день в Киеве начался знаменитый бой между украинскою и большевицкою артиллериею, продолжавшийся одиннадцать дней и ночей. Двадцать шестого января, в день зверского убийства митрополита Владимира, бой кончился бегством членов Центральной Рады по житомирскому шоссе навстречу немцам. Пока в Киеве свирепствовали большевики, Центральная Рада, упредив Троцкого, через своих делегатов, в числе которых были студенты Киевского политехнического института Севрук и Голубович, от имени Украины заключила с Центральными державами в Бресте мир, причем Севрук заявил: «С сегодняшнего дня Украинская народная республика начинает жить, как самостоятельное государство». И первого марта большевики бежали из Киева, без боя предоставивши его немецкому оккупационному корпусу, под покровительством которого в Киев вернулась Центральная Рада с М.С. Грушевским во главе. Так получилась государственная псевдоморфоза самостийной Украины. До вторичного вступления в Киев большевиков (6 февраля 1919 года) Киев находился под властью трех сменявших друг друга украинских правительств: Рады, Гетмана и Директории. Но в действительности все три правительства находились в подчинении у немецкого командования. Оно давало директивы правительствам. Оно разогнало Раду и поставило Гетмана. Оно же вывезло его в Германию и уступило край Директории. Оно выкачивало из страны средства продовольствия для нужд Германии. Оно тормозило образование местной вооруженной силы. Для содержания под арестом туземцев оно заняло особое здание в Лукьяновской тюрьме. И через голову украинского правительства оно непосредственно обращалось к населению с приказами, которые в Киеве расклеивались на трех языках: немецком, украинском и русском, а в спешных случаях только на двух — немецком и русском. Поэтому, когда летом 1918 года в заседании юридического общества при университете Св. Владимира сенатор М.В. Литовченко доказывал, что государственным языком Украины остается русский язык, а проф. Б.А. Кистяковский возражал ему, что таковым стал украинский, то иным юристам, присутствовавшим при этом споре, казалось, что оба ошибаются, ибо, строго говоря, действительным и действенным государственным языком был тогда на Украине немецкий язык. Как выразился Н.М. Могилянский, «немцы играли с Украиной как кошка с мышью» («Трагедия Украины», Архив русской революции, XI). Они смотрели на край как на дешево доставшийся им военный приз.

В период от марта 1918 года до февраля 1919 г. над университетом Св. Владимира висела опасность украинизации. Но ему удалось сохранить свой русский характер. Этим он в значительной степени обязан как академику В.И. Вернадскому, который в качестве председателя комиссии по делам высшего образования направил энергию украинцев в сторону Украинской академии наук и Украинского университета в Киеве, а также

Сторінка випускного альбому медичного факультету. 1912 р.

украинских факультетов в Виннице и Каменце Подольском, так и целому ряду своих питомцев, которые, заняв руководящие места в украинском правительстве и ведомстве народного просвещения, продолжали бережно относиться к своей alma mater. Таковы были, например, приват-доценты Ф.П. Сушицкий и И. Огиенко или П.И. Холодный. Таковы в особенности были министры народного просвещения при гетмане. Н.П. Василенко, за свои исторические труды избранный в 1912 году приват-доцентом историко-филологического, а в 1917 г. профессором юридического факультета университета Св. Владимира, и В.П. Науменко, заслуженный член чуждой шовинизма «Старой громады», в которой, согласно шуточному стихотворению одного из ее членов, «собирались малороссы в тесно сомкнутом кружке, обсуждали все вопросы на российском языке»; он был связан с университетом Св. Владимира между прочим премиею его имени, подлежавшей с января 1917 года выдаче за лучшее сочинение студентов по истории и литературе Южной России (в 1919 году большевики не без участия фанатиков украинства поспешно расстреляли его несмотря на заступничество киевских рабочих). Среди гетманских министров были и такие лица, как профессор университета Св. Владимира В.В. Зеньковский, бывший приват-доцент М.П. Чубинский, восстановленный в этом звании весною 1918 года, бывший профессорский стипендиат И.А. Кистяковский, сын профессора А.Ф. и брат профессора Б.А., приват-доцент Любинский. При Директории министром иностранных дел был проф. О.О. Эйхельман, а министром народного просвещения сын профессора Д.В. Антонович.

Перед своим падением гетман провозгласил «работу над воссозданием единой России на федеративных нача-

лах, с сохранением за Украиной всех прав на развитие ее государственной и национальной самобытности». Но ему не пришлось приступить к этой работе. Четырнадцатого декабря в Киев с криками «слава» вступили петлюровцы. Петлюре была поднесена сабля зверски убитого доблестного генерала гр. Келлера. На устроенном самостийниками банкете В.К. Винниченко провозгласил тост за «единую и неделимую Украину». И в Киеве стал хозяйничать кровожадный и алчный комендант осадного корпуса галичанин Коновалец, начавший свою деятельность с того, что он в центре города на Крещатике повесил на фонаре человека и оставил труп висеть целые сутки. Русские вывески были заменены украинскими, а немецкие оставлены неприкосновенными. Тогда был арестован бывший ректор университета Св. Владимира Н.М. Цытович, причем от его родных тюремщики потребовали выкуп в сумме ста тысяч карбованцев. Но когда об этом был поставлен в известность член Директории Ф. Швец (геолог, питомец Юрьевского университета и проректор Украинского университета в Киеве, ныне продолжающий свою научную работу в эмиграции в Праге), то было отдано распоряжение об его освобождении. Сделанное в декабре 1918 года неблагодарным питомцем университета Св. Владимира харьковским профессором и украинским академиком Д.И. Багалеем предложение об украинизации университета с января 1919 года не встретило поддержки у тогдашнего министра народного просвещения Д.В. Антоновича.

Среди тех бедствий, которые обрушились на университет во время семимесячного господства большевиков над Киевом, не было требования его украинизации. В конце августа 1919 года большевики бежали от наседавших на них добровольцев. К изумлению населения, со стороны, где совсем не было боя, благодаря польской поддержке в город вошел петлюровский отряд и поспешил водрузить над городскою думою голубожелтый флаг. Вскоре из-за Днепра появились русские добровольцы, восторженно встреченные населением. На балконе думы рядом с украинским флагом был водружен русский национальный флаг. Какой-то самостийник полез на балкон и сорвал русский флаг. Тогда добровольческому отряду был дан приказ открыть огонь. И хотя залп был направлен в воздух, петлюровский отряд обратился в паническое бегство. На прощание он подверг Киев артиллерийскому обстрелу. Несколько снарядов попало в университет, один в квартиру проф. Егиазарова.

После водворения добровольческой власти в Киеве было опубликовано изданное 12 августа 1919 года обращение главнокомандующего вооруженными силами на юге России «населению Малороссии»: «Объявляю государственным языком на всем пространстве России язык русский, но считаю совершенно недопустимым и запрещаю преследование малорусского языка. Частные школы, содержимые на частные средства, могут вести преподавание на каком угодно языке... В казенных школах, если найдутся желающие, могут быть учреждены уроки малорусского языка». Восстановленный в своем положении ректор университета Св. Владимира был назначен также на должность попечителя Киевского учебного округа и через П.И. Новгородцева получил в Ростове инструкцию наладить мирное сосуществование русских и малорусских просветительных установлений. Украинский университет продолжал свою деятельность, пользуясь гостеприимством университета Св. Владимира, так как занятое им в 1918 году помещение военного училища опять потребовалось для военных надобностей. Впредь до подыскания подходящего помещения Украинская академия не выселялась из занятого ею помещения Левашевского пансиона. Согласно полученным из Ростова распоряжениям при соблюдении известных условий школам с малорусским преподаванием могли предоставляться не только права казен-

ных учебных заведений, но и пособие от казны. Но, прежде чем этот опыт мирного сожительства всероссийской и малорусской культуры мог дать осязаемые результаты, белое движение было сломлено. И после трехмесячной передышки Киев опять был захвачен большевиками.

И вот они сделали то, чего не сделали ни рада, ни гетман, ни директория (члены которой после неуспеха возвращения под польским крылом располагали, как говорилось, только территорией, находившейся под вагоном, в котором они ютились). Большевики произвели принудительную украинизацию ученого и учебного дела в «Украинской советской социалистической республике». Нашлись, выражаясь словами Шевченка, «славних прадідів великих правнуки погани», которые стали покорными слугами третьего интернационала как в прочих отношениях, так и в этом. И совсем не украинец по происхождению О.Ю. Шмидт в статье «Высшее образование», помещенной в им же редактируемой «Большой советской энциклопедии», сообщает, что «ведется большая работа по переводу преподавания на украинский язык». Университет в 1930 году был разбит на ряд уже не русских, а украинских институтов: институты «фаховой освиты», «социальной освиты», «народного господарства». В 1932 году эти институты опять были соединены в один университет — но опять таки не русский, а украинский.

Таким образом, пока киевский университет назывался университетом Св. Владимира, это был русский университет, который, не препятствуя и даже содействуя развитию местной малорусской культуры, берег и развивал русский язык. Он ревновал о русском языке не только в малороссийском, но и в международном масштабе. Именно ему принадлежит инициатива присоединения русского к тем четырем (немецкому, французскому, английскому и

Внутрішній двір Університету. Клініки медичного факультету. Початок XX ст.

итальянскому) мировым языкам, на которых обыкновенно делаются доклады на международных научных съездах — даже когда темы касаются России и докладчиками являются русские. Избранный в 1913 году вместе с проф. П.Н. Ардашевым делегатом на XIII съезд историков в Лондоне проф. Н.М. Бубнов составил брошюру о необходимости принципиального допущения и русского языка для докладов и особенно прений по вопросам, касающимся истории России и востока Европы. В декабре 1912 года совет университета Св. Владимира одобрил брошюру и постановил войти по этому вопросу в сношение со всеми русскими университетами и учеными учреждениями. В Лондоне благодаря деятельной поддержке П.Г. Виноградова и при участии М.И. Ростовцева предложение было принято исполнительным комитетом съезда. И оно должно было быть осуществлено на съезде в Петрограде, в 1918 году. Но война и революция расстроили все. И до сих пор ни русский, ни другие славянские языки обычно не допускаются на научные международные конгрессы, несообразность чего особенно отчетливо обнаружилась в сентябре 1934 года на происходившем в славянской столице Праге философском конгрессе, когда и славянские братья и славянские единоплеменники даже друг с другом должны были обмениваться мыслями на иностранных языках.

Если в С.-Петербурге иногда мало помнили о славянстве, то уже в Москве это было невозможно. В Киеве же, который, как подчеркивал Гильфердинг, «ближе к другим славянам, чем Москва», по традиции, шедшей еще от летописца Нестора, этого первого славяноведа и убежденного славянолюба, русская идея неразрывно связывалась со славянством. Мысль Коллара о том, что настоящий русский это славорусс, казалась здесь очевидною, также как и вера Тютчева, что решение русско-польского спора возможно именно в Киеве, а не в Петербурге и Москве. В Киеве, этом, как писал А.С. Хомяков М.А. Максимовичу, «городе пограничном между двумя стихиями, двумя просвещениями», выработалось свое местное славянофильство, в иных отноше-

Клініки часткової патології та терапії і хірургічної патології. Початок XX ст.

ниях отличное от московского. Из русских поэтов им был в значительной степени проникнут гр. А.К. Толстой. Оно связывало со славянством малороссийскую стихию, проявляло больше внимания по отношению к западному славянству, не так резко противопоставляло Россию Европе, совсем было свободно от какой бы то ни было идеализации Азии или Евразии и не всегда предпочитало мягкую общественность твердой государственности. Средоточием такого славянофильства был университет Св. Владимира, чему не могло помешать и то обстоятельство, что среди его профессоров некоторое время существовала так называемая немецкая партия, особенно сильная на медицинском факультете; примыкавшие к этой партии русские профессора, например, В.Ф. Федоров, бывший ректором в 1843-*1847* годах, вышли из Дерптского университета, где раздавалась песня старого студента Языкова:

Всему человечеству
Заздравный стакан,
Два полных — отечеству
И славе славян.

С момента основания университет Св. Владимира получил не только всероссийское, но и славянское значение. Кафедра русского языка и словесности была учреждена в связи со славяноведением. М.А. Максимович писал в 1840 году Шафарику: «весьма бы желательно мне ознаменовать Киевлянин (сборник статей) участием знаменитых наших Словен». А.Л. Метлинский, которого Н.И. Петров назвал «одним из первых представителей украинского славянофильства», переводил Челяковского, Коллара, Краледворскую рукопись, словацкие песни, польских и сербских поэтов. Проф. Корсун знакомил своих слушателей с литературами западных и восточных славян. К.Ф. Страшкевич, бывший доцентом греческой и римской словесности с 1840 по 1868 год, овладел

Секційний зал анатомічного театру. Початок XX ст.

чешским, сербским и болгарским языками и издал «Чешскую грамматику». О нем А.И. Линниченко писал: «Страшкевич удивлял новоприезжих славян свободным объяснением с ними на их родном языке и таким подробным знакомством с историей и особенно с географией их родины, что те выходили с полной уверенностью, что он путешествовал по славянским землям и долго жил вблизи их родины, меду тем как Страшкевич до 1864 года не переступал за пределы России».

Анатомічний музей. Початок XX ст.

В отличие от Страшкевича целый ряд киевских ученых путешествовал по славянским землям и вступил в тесную связь с тамошними учеными, которые отвращали их от чрезмерного преклонения перед немецкою наукою. Н.Д. Иванишев писал Ганке: «после пражских ученых немецкие профессоры кажутся мне отвратительными»; знакомство с Палацким отвлекло И.В. Лашнюкова, бывшего в Киеве в 1868-*1869* году доцентом русской истории, от влияния немецкой школы. Особенно привлекала ученых киевлян Прага, «благословенная» для Н.Д. Иванишева и «святая» для А.И. Селина. В Праге же с ними имел особенно близкое общение Ганка, этот, как выразился Н.Д. Иванишев, «староста в литературах славянских». В альбоме Ганки имелись записи Н.Д. Иванишева («никогда не забуду своего доброго наставника и его уроков»), А.И. Селина (восторженное обращение к «народу братий»: «твои сыны рады будут свету свободного дня» заканчивается словами: «в Праге, хранимой гением ее — В.В. Ганкой»), Ф.С. Цыцурина, который лечил Гоголя («выражение глубокой признательности за благосклонное внимание»). По предложению министра гр. С.С. Уварова Иванишев составил записку о заслугах Ганки на предмет «награждения денежного за усердие к русским молодым ученым». Объектом это-

го усердия был между прочим командированный киевским медицинским факультетом проф. Ив Крамаренко, который в Праге заболел, лечился у местных профессоров, умер в 1844 году и был ими похоронен в Праге же, что дало университету Св. Владимира основание войти в деловую переписку с Пражским университетом. На надгробном памятнике Крамаренка была сделана надпись: «Чешская земля, русские кости». О нем Ганка писал гр. Уварову: «На днях мы похоронили здесь доктора Крамаренка. Он уже возвращался на Святую Русь, проведя за границею три года... Весь медицинский факультет и все наши главнейшие медики провожали на кладбище гроб его, почтив в усопшем соплеменника по крови и собрата в науке». А Ганке о нем же проф. Ф.С. Цыцурин писал: «правда, ему, бедняжке, все еще было отраднее и страдать и умереть в земле добрых Чехов... единственной земле по всей Европе, где имя Русского пробуждает некоторые другие чувства, кроме любви к его золоту и общепринятой укоризны в варварстве».

Задуманное в 1846 году Кирилло-Мефодиевское братство было проникнуто славянофильским духом. «В то время,— писал Н.И. Костомаров, — всю мою душу занимала идея славянской взаимности, общения духовного народов славянского племени», «высказывались надежды будущего соединения славянских народов в одну федерацию государственных обществ». Он читал лекции о славянской мифологии, вышедшие отдельною книгою в 1847 году. Его славянофильский пафос передался и Шевченку, который стал писать о славянских реках, текущих в одно море, и незадолго до своего ареста написал стихотворение «Славянам», напоминающее «Дочь славы» Коллара. Все это дало Н.И. Петрову и Н.И. Дашкевичу основание утверждать, что главною идеей творчества Шевченка было славянофильство. Движение вызвало тревогу в Австрии. Оттуда оно было представлено Петербургскому правительству как несовместимое с союзническими отношениями между двумя государствами. И так как по установившейся в русской внешней политике традиции союзнической верности Россия была, по словам И.С. Аксакова, не союзником, а узником, «узником дружбы и пленником чести», то Император Николай I, который, по словам гр. С.С. Уварова, еще в 1840 году дал «новое ручательство его любви ко всему славянскому» (Русский Архив, 1871, стр. 2079), которого черногорский поэт владыка Петр Петрович Негош называл «Марсом славянства» и «царем Славян» и которому Коллар поклонялся, уверяя, что никто из «наместников Славы» не был так проникнут славянским духом, как именно он, нанес Костомарову такой же удар, как и Самарину: оба были отвезены в Петропавловскую крепость, Костомаров накануне своей свадьбы. Было запрещено делать предположения о присоединении к России иноземных славян. И циркуляром попечителям учебных округов от 29 мая 1847 года предписывалось «возбуждение духа отечественного не из славянства, игрою фантазии созданного, а из начала русского». Славяноведение было признано лишь вспомогательною наукою при изучении русского языка. В №185 газеты «Augsburger allgemeine Zeitung» за 1847 год было дано всем этим мерам следующее освещение: «Русские ученые и писатели позволили себе в последнее время в австрийских провинциях, со славянским населением, а именно в Богемии, распространять славянские тенденции, для осуществления которых они, кажется, долго уже действовали, между тем как пресветлейший император России, политика которого искони была основана на началах строжайшей законности, вполне противен подобным тенденциям, о которых также не хотят знать и заграничные славянские племена. Заподозренные, и между ними преподаватели Киевского университета, схвачены и привезены как арестанты в Петербург». К сожалению, на-

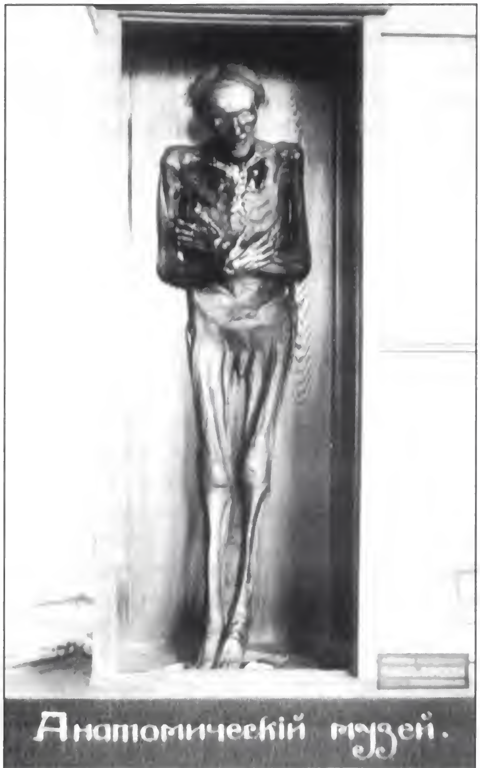
шлись и славянские деятели, которые дали австрийскому правительству основание признать для себя опасным не только русское славянофильство, но даже и русское славяноведение. Так, Карл Гавличек Боровский, автор кощунственной пьесы «Крещение Св. Владимира», известный своею формулою «сначала чех, потом славянин», объявил императора Николая I панславистом и заподозрил приезжавших в Прагу русских ученых, что они путешествуют не с научною, а с политическою миссиею: «Что касается нынешнего государя, то нам известно, что в его царствование в русских университетах были учреждены панславистские профессуры, что много русских филологов было послано за границу, особенно в Австрию, которую с удивительной основательностью описали в Журнале министерства народного просвещения и, кроме того, как нам хорошо известно, еще в особых донесениях описали современное положение австрийских славян».

Во время Крымской кампании Австрия вместо того, чтобы отплатить России за верность, по словам кн. Шварценберга, поразила мир своей неблагодарностью. Благодаря этому отпали мотивы циркуляра 1847 года. Славяноведение перестало быть подозрительным. И уставом 1863 года во всех российских университетах устанавливалась кафедра истории славянских законодательств. В своих воспоминаниях Ватрослав Ягич упрекнул Петербургский и Московский университеты, что они не пригрели молодого магистра Ф.Ф. Зигеля, который под руководством В.И. Ламанского готовился к занятию этой кафедры. Университет Св. Владимира такого упрека не вызвал. В декабре 1872 года его советом было принято представление юридического факультета о приглашении Ф.Ф. Зигеля для преподавания истории славянских законодательств с тем, чтобы он закончил свою подготовку к профессуре прочтением двух пробных лекций в С.-Петербургском университете. Отношением от 18 января 1873 года столичный университет отказался исполнить соответственную просьбу университета Св. Владимира, мотивируя это тем, что «факультет признал неудобным допустить у себя г. Зигеля к чтению пробных лекций по истории славянских законодательств, потому что содержание этой науки, и поныне не преподаваемой в С.-Петербургском университете, может быть понимаемо в различных университетах не одинаково». Тогда юридический факультет в Киеве признал возможным «допустить у себя г. Зигеля к прочтению пробных лекций». Но молодой славист принял предложение занять кафедру в Варшавском университете, который одно время предполагалось сделать всеславянским. Устав 1884 г. уже не предусматривал кафедры истории славянских законодательств в российских университетах. В Варшавском университете она уцелела, потому что на него не была распространена реформа 1884 года и он продолжал жить по собственному уставу, близкому к уставу 1863 года. А в университете Св. Владимира, и при отсутствии специальной кафедры, благодаря шедшей от Иванишева традиции научный интерес к праву других славянских народов никогда не иссякал. Недаром одним из самых капитальных исследований о «Законнике» Стефана Душана считается монография Т.Д. Флоринского. В течении 37 лет Т.Д. Флоринский высоко держал в университете Св. Владимира знамя славяноведения и славянолюбия. Он горячо отзывался на все крупные события в жизни славянства. И он заражал аудиторию своим славянским пафосом.

В 1884 году университет Св. Владимира по случаю своего пятидесятилетия избрал своими почетными членами Ф. Миклошича, И. Кукульевича-Сакцинского и возвел в степень доктора honoris causa Адама Патеру, Антония Петрушевича и Исидора Шараневича.

В 1888 году университет принимал славянских гостей, прибывших на торжество девятисотлетия крещения Руси. За несколько дней до торжества Рачкий

писал из Загреба епископу Штроссмайеру, бывшему тогда в близком общении с Владимиром Соловьевым: «Не забудьте выразить Киеву Вашу радость по поводу празднования девятисотлетия крещения русского народа. Телеграмму на французском языке пошлите юбилейному комитету или ректору университета Св. Владимира». Епископ ответил: «Телеграмму пошлю, но думаю на нашем языке». И действительно была послана на сербохорватском языке следующая депеша: «Славному ректору университета Св. Владимира, Киев, Россия. Честь имею с самой сердечною радостью присоединиться к Вашему сегодняшнему торжеству. Удел Св. Владимира, святая вера это воскресение и жизнь, это и было и есть свет и слава великого русского народа. Бог благословил Россию и дал ей, чтобы она живою верою, образцовой жизнью, с высшей помощью и христианским героизмом, кроме всех своих других задач, счастливо, спасительно и славно выполнила и ту величавую мировую задачу, которую ей определяет Божие Провидение. Это самое искреннее желание моего сердца. Прошу Вас быть выразителем этих чувств перед остальными братьями, которых дружески приветствую и отечески благословляю. Штроссмайер, епископ». В Киеве и России это приветствие выдающегося славянского деятеля, духовного отца Загребского университета, который был основан через сорок лет после университета Св. Владимира, вызвало живейшую радость. Ее отголоском была статья В.И. Ламанского «Киевское приветствие епископа Штроссмайера», помещенная в №9 за 1888 год Известий С.-Петербургского Славянского благотворительного общества (избравшего в 1887 году Штроссмайера своим почетным членом). Статья кончалась словами: «Киевская телеграмма Штроссмайера со всеми ее последствиями показала России во весь рост крупную и симпатическую личность хорватского вождя и епископа и, Бог даст, только



Експонат анатомічного музею. 1913 р.

еще скрепит заложенную еще Крижаничем братскую дружбу и связь Хорватов с Россиею». Вне России телеграмма вызвала целую бурю и некоторое время занимала общественное мнение всей Европы. Мадьярский орган гр. Тиссы «Nemzet» писал: «Телеграфическое заявление Штроссмайера превосходит по своей дерзости и неприличию все, что могло бы быть терпимо в каком бы то ни было государстве без энергических и примерных репрессивных мер... Если его сердцу так дорога историческая миссия России, то пусть он отправляется по добру по здорову в Киев или Сибирь. Его телеграмма доказывает, что он не годится ни в хорватские патриоты ни в католические архипастыри; его даже нельзя назвать верным и лояльным сыном отечества». Не менее резко выступил орган гр. Таафе «Presse». Кардинал Рамполла прислал Штроссмайеру письмо на итальянском

языке с неодобрением телеграммы, посланной «собранию схизматиков в Киеве». И император Франц Иосиф дважды заметил Штроссмайеру по-немецки, когда тот ему представлялся в Беловаре: «Вы, должно быть, были больны, когда вы посылали вашу телеграмму в Киев»; и затем прибавил: «дело киевского собрания было делом самых скверных революционеров; там оказался целый подбор революционных элементов. Там злоумышляли против католической церкви и папы». «Таймс» резко осудил Штроссмайера, а по поводу этого выговора «Presse» писала, что «злой пример Штроссмайера портит добрую нравственность других», но что отныне даже в России «уже не дерзнут более сомневаться, смеет ли католический епископ в Австро-Венгрии почитать панславизм, смеет ли он со славянской литургией и иными фантасмагориями проводить политику на свою руку и выбирать себе союзников, где хочет». Но Штроссмайер не смутился. Императору он ответил: «Нет, Ваше Величество, я послал телеграмму в Киев в полном сознании; моя совесть чиста и совершенно спокойна». Кардиналу Рамполле и папскому нунцию в Вене Галимберти он отправил длинные письма на латинском языке, в которых приписывал шум, поднятый по поводу его телеграммы, козням мадьярских «иудеев и массонов», которые «хотят втянуть империю в войну» и которые являются «не только открытыми и заклятыми врагами Христова имени и Его святой церкви, но также врагами славянского имени и славянских племен». О России он писал папскому нунцию: «Кто из здравомыслящих мог бы отрицать, что стомиллионный народ, в порядке божественного провидения, предназначен к некоторому высокому делу? Разве то, что сделано этим народом в Азии, совсем лишено всякого божественного смысла? Разве этот народ ничего не

Експозиція анатомічного музею. Фрагмент. Початок XX ст.

сделал и не был сопричастен Божеству, когда шла речь о том, чтобы избавить всю Европу от тирании Наполеона? Разве нет ничего более божественного в том, что различные христианские народы избавлены от гнетущего турецкого ига?» Рачкому Штроссмайер жаловался: «не понимают нас в Риме, и это, по моему убеждению, будет продолжаться, пока римская Церковь останется итальянскою». И он писал ему же: «Я совсем спокоен. Что я сделал, я хорошо сделал, и если бы я дожил до тысячелетия обращения русских в христианство, я бы и тогда послал мою нынешнюю телеграмму в Киев, хотя бы знал, что люди и не разбирающийся свет станут еще больше шуметь» (Korespondencija Rački — Strossmayer, IV, Zagreb, 1931, 8-26). Хорватский «Obzor» выступил в защиту Штроссмайера: «славянским народностям предназначена лучшая участь. И на нее может и будет иметь решительное влияние самый могучий брат в семье славянской — русский народ. Этот процесс совершается и теперь, как это хорошо известно господам Будапешта и Вены, и потому они были бы очень рады исчезновению России в каком-нибудь землетрясении». Номер «Обзора», в котором говорилось, что «славяне любят Россию и всегда будут ее любить, как баварцы и саксонцы любят Германию», был конфискован.

Через год по случаю пятисотлетия Косовской битвы состоялось торжественное собрание возглавлявшегося проф. Ф.М. Гарнич-Гарницким Киевского славянского благотворительного общества, на котором произнес речь проф. Т.Д. Флоринский. Он отметил связь между Косовскою битвою и происшедшею всего за девять лет до нее Куликовскою битвою и заявил в заключение: «Будем верить, что и для всего славянства вскоре займется заря новой жизни, нового более светлого будущего».

В 1914 году началась мировая война. Одной из первых по времени формул, пытавшихся объяснить ее смысл, было сделанное канцлером Бетманом-Гольвегом в германском рейхстаге и воспроизведенное К.П. Крамаржем в чешских «Народных листах» от 4 сентября 1914 года заявление, что идет решительный бой между германским и славянским миром. В Киеве, этом средоточии русских чехов, началась их организационная работа под руководством питомца университета Св. Владимира В.И. Вондрака. Двадцать седьмого июля состоялось их первое собрание, которое горячо приветствовал прибывший из университета проф. Т.Д. Флоринский. Он же в апреле 1916 года приветствовал второй съезд «Союза чешскословацких обществ на Руси». В мае того же года в университете Св. Владимира было предоставлено помещение для пополнения второго Чехословацкого стрелкового полка. Чешские роты оставались в университете, этой, как говорит на стр. 303 первого тома сборника «Za svobodu», «незабвенной колыбели будущих Зборовских воинов», до 17 сентября 1916 г., когда они были отведены в Борисполь. В Пражском «Музее памятника освобождения» имеются относящиеся к этой эпохе снимок «Киевского университета, средоточия чехословацких дополнительных формаций», а также два снимка смотра чешских рот, произведенного на университетском дворе Иосифом Дюрихом. В воскресенье, 23 апреля 1917 года в помещении коммерческого училища состоялось торжественное открытие «съезда чешскословацкой общественности и союза чешскословацких обществ на Руси». Председатель союза В.И. Вондрак открыл собрание. Его почетным председателем был единодушно избран ректор университета Св. Владимира Н.М. Цытович, который сердечно приветствовал съезд и объявил его открытым. Собрание вылилось во внушительную всеславянскую манифестацию. На нем присутствовали русские генералы Ходорович, Бредов, Цицович, чешские офицеры, сербский профессор и капитан Стоянович представитель Югославянского комитета поручик Рукавина,

представитель словаков в России и Америке Хурбан, польский представитель Бартушевич. Собрание получило приветственные телеграммы от генералов Брусилова, Корнилова, Радко-Дмитриева, А.Р. Ледницкого, английского посла Бьюкенена, итальянского посла Карлотти, американского посла Френсиса, японского посла Учида и бельгийского посланника. Через два дня получены были еще приветствия от генералов Алексеева и Духонина и от проф. Францева. Деловые заседания съезда происходили в университете Св. Владимира. В Пражском Музее памятника освобождения имеется большой фотографический снимок его участников, снятый во дворе университета. Подробности об этом съезде приведены в №18 киевского журнала «Čechoslovan» за 1917 год.

Попавшие в эмиграцию киевские ученые нашли приют преимущественно в славянских землях, где они получили возможность продолжать как русскую, так и славянскую традицию своей академической работы. Ал.Д. Билимович, Е.В. Спекторский и М.Н. Ясинский избраны членами-корреспондентами Славянского института в Праге, Ант.Д. Билимович и Е.В. Спекторский — членами-корреспондентами Сербской королевской академии наук в Белграде. И на устроенное 30 апреля 1926 года в Праге всеславянское собрание по случаю 35-летия «политического клуба молодежи девятидесятников», на котором были произнесены речи представителями всех славянских народов, в качестве русского оратора был приглашен бывший ректор университета Св. Владимира, которому было предоставлено почетное место справа от председательствовавшего проф. Богумила Немца (O slovanském sjednoceni, 1926). По примеру славянских «Матиц» по почину Ал.Д. Билимовича в 1924 году была основана «Русская Матица», которая в 1929 году была принята под высокое покровительство незабвенного короля Югославии Александра I.

Университет и государство

Университет Св. Владимира был не только русским и славянским университетом, но и государственным. Дело не столько в том, что он, как и другие русские университеты, официально именовался Императорским университетом, сколько в том, что, в отличие от настроения, столь свойственного мечтательной русской интеллигенции, он не предпочитал жидкую стихию общественности твердому металлу государственности, чем, конечно, нисколько не исключалось его критическое отношение к отдельным правительственным мероприятиям. Профессора верою и правдою исполняли свой государственный долг. Многое здесь объяснялось обстоятельствами места. В Киеве, близком и к Польше и к Австрии, с его пестрым и легко возбуждаемым населением, общество означало борьбу, а государство возможность мира. Конечно, и среди преподавателей университета Св. Владимира были лица, проникнутые духом либеральной или радикальной политической оппозиции во что бы то ни стало или смешивавшие неисполнение служебного долга с академическою независимостью: так, например, когда Р.Э. Траутфеттер, бывший ректором с 1847 по 1859 год, затребовал от одного профессора объяснение по поводу неаккуратного чтения им лекций, тот написал на запросе: «излишнее любопытство». Вообще же преобладал дух лояльного сотрудничества с государственной властью без принципиального и предвзятого фрондерства. Для академической жизни университета это было полезно в двояком отношении. Во-первых, этим смягчались трения в сношениях со столичным и местным начальством. Во-вторых, это давало университетским властям возможность облегчать участь студентов, единолично или скопом участвовавших в беспорядках. Особенно усердным в этом отношении заступником за увлекающуюся молодежь был ректор Н.М. Цытович.

Некоторые профессора университета Св. Владимира перешли от академической работы к непосредственному участию в государственном строительстве. Читавший в Штутгарте лекции королеве Вюртембергской, И.П. Хрущов был с 1879 года членом ученого и учебного комитета ведомства Императрицы Марии, а с 1896 по 1899 год — попечителем Харьковского учебного округа. Н.Х. Бунге был членом финансовой комиссии при учрежденной в 1859 году редакционной комиссии для начертания общего положения о крестьянах. Он участвовал в комиссии по составлению университетского устава 1863 года. Он преподавал Цесаревичу Николаю экономическую и финансовую науку. В 1881 году он был назначен министром финансов. В этой деятельности он упразднил подушную подать, унизительную, хотя и приносившую казне 55 миллионов рублей в год, стремился к возможно более равномерному распределению податного бремени между всеми слоями населения, в 1884 году предложил ввести подоходный налог, завел податную инспекцию, положил начало фабричному законодательству и фабричной инспекции и много сделал для снятия с крестьян выкупных платежей. При нем учреждены крестьянский и дворянский поземельные банки. В 1887 году он был назначен председателем комитета министров. Ставший директором департамента железных дорог и членом государственного совета Д.И. Пихно разработал вопрос о тарификации и огосударствлении железных дорог и принимал деятельное участие в подготовке денежной реформы С.Ю. Витте. П. П. Цитович стал членом совета при министре финансов и председателем комитета по долгосрочному кредиту. Г.Е. Рейн с 1910 года был председателем Медицинского совета и с 1915 года членом Государственного совета. Он руководил борьбою с холерою. Состоявшая под его председательством междуведомственная комиссия по пересмотру врачебно-санитарного законодательства издала десять томов материалов. В 1916 году он был поставлен во главе тогда же учрежденного Главного Управления государственного здравоохранения.

Начиная с Крымской кампании, когда по почину профессора Гюббенета профессора и студенты медицинского факультета предложили армии свою санитарную помощь, в университете Св. Владимира, бывшем в тесном общении с Н.И. Пироговым, установилась традиция деятельной работы его сил на фронте и в тылу во время войны. Некоторые профессора, как А.Д. Павловский, работали на театре русско-японской войны. С 1914 года благодаря близости югозападного фронта медицинские силы университета Св. Владимира оказали существенную помощь русской армии. В Киевском военно-промышленном комитете участвовали профессора Ал.Д. Билимович и Г.Г. Де-Метц.

Когда осенью 1917 года украинские самостийники стали отрывать Киев от России, университет Св. Владимира попал в тяжелое положение. Некоторые его близорукие друзья полагали, что для спасения своего русского лица ему ничего иного не остается как признать себя не государственным, а общественным университетом, а именно — вопреки значительному малорусскому составу профессоров и студентов — меньшинственным великорусским университетом. И тогда он бы попал под защиту просуществовавшего всего четыре месяца украинского министерства по великорусским делам, возглавлявшегося Д.Н. Одинцом, который успел только составить проект русской «национально-персональной автономии» на Украине, а также оказать благотворительную помощь отдельным лицам. Такой переход привел бы к очищению университетом Св. Владимира занимаемых им казенных зданий и к сокращению его бюджета применительно к

тем одиннадцати процентам, которые по тогдашней украинской статистике будто бы составляли русские среди украинцев. Но университет остался на прежней позиции русского государственного университета. Эту же точку зрения он отстаивал и в 1918 году, когда Киев оказался столицею Украины. И ему удалось добиться официального подтверждения: 28 августа гетманское правительство признало русский университет Св. Владимира государственным университетом.

После занятия Киева Добровольческой армией совет профессоров постановил приветствовать ее в лице генерала Бредова, принести ей благодарность за избавление от большевиков и предложить ей свои силы, не останавливаясь даже перед временным закрытием университета. Профессора предлагали предоставить клиники под военные лазареты, использовать химические и бактериологические лаборатории для изготовления медикаментов и лечебных сывороток, а преподавательский состав, особенно юридического и историко-филологического факультета использовать для административной и просветительной работы, особенно для усиления идейной борьбы с большевизмом и пропаганды единой, неделимой и великодержавной России. Выполнению этих предложений полностью помешало общее направление Деникинского правительства, стремившегося к немедленному восстановлению нормальной гражданской жизни и в частности учебного дела в тылу добровольческих армий вместо того, чтобы бросить все силы на борьбу с большевиками.

В правительстве генерала Деникина, кроме перешедшего из Временного правительства питомца университета Св. Владимира проф. М.В. Бернацкого, ныне деятельно разоблачающего хозяйничанье большевиков, участвовал в должности начальника управления земледелия и землеустройства проф. Ал.Д. Билимович. И он приступил к подготовке такой аграрной реформы, которая едва ли удовлетворила бы как сторонников черного передела, так и всех мечтавших о полном восстановлении прежних землевладельческих прав и преимуществ без всяких личных и имущественных жертв. Ректор Е.В. Спекторский был назначен попечителем Киевского учебного округа, а в ноябре 1919 года товарищем начальника управления народного просвещения, но вследствие крушения правительства не мог вступить в исполнение этой должности.

Киевское студенчество

В 1834 году в университете Св. Владимира было всего 62 студента. Уже в следующем году это число удвоилось: студентов было 123. В 1842 году произошло новое удвоение числа студентов: их было уже 259. В 1846 году и это число удвоилось: студентов было 525. Дальнейшее удвоение наступило в 1860 году, когда студентов было 1049. В 1913 году было уже 4919 студентов и 81 посторонний слушатель. В последние два десятилетия XIX столетия в университете Св. Владимира училось от 13 до 18 процентов общего числа студентов всех российских университетов. Распределение. учащихся по факультетам было приблизительно такое же, как и в других университетах, т.е. в последнее время с большим численным перевесом студентов-юристов. Однако в 1848 году из 656 студентов 299 были медики, а в 1852 четыре пятых всего киевского студенчества (426 из 591) учились на медицинском факультете. Объясняется это тем, что окончивших этот факультет ожидали штатные вакансии. И позже число медиков было значительно: в 1881 году 785 (при 175 юристах), в 1894 — 1014.

В вероисповедном отношении первоначально замечалось преобладание католиков над православными. В 1834 году было 30 католиков и 28 православных. В последние годы царствования императора Николая I попытка правительства затруднить недворянам доступ в университет имела для университета Св. Влади-

Фізична лабораторія. Початок XX ст.

мира своим последствием усиление католического, а, значит, и польского состава студенчества. В 1848 году было 244 православных и 399 католических студентов, в 1852 году — 223 православных и 328 католиков, в 1855 году — 336 православных и 413 католиков. Начиная с шестидесятых годов, все более и более преобладают православные студенты. Относительно евреев сенатским указом от 1 февраля 1840 года было разъяснено, что русские подданные иудейского вероисповедания могут получать университетские дипломы. Когда была введена процентная норма для еврейских студентов, она была распространена и на университет Св. Владимира.

В социальном отношении среди студентов этого университета в николаевскую пору преобладал дворянский и притом польский элемент. С конца сороковых годов до царствования императора Адександра II на состав студенчества оказала влияние попытка министерства «пещись о том, чтобы чрезмерным стремлением к высшим предметам учения не поколебать некоторым образом порядок гражданских сословий, возбуждая в юных умах порыв к приобретению роскошных знаний», что «обманывает надежды недостаточных родителей и мечтательное ожидание юношей». В №85 газеты «Киевлянин» за 1876 год помещены относящиеся к пятидесятым годам «Воспоминания из университетской жизни», в которых дается живая картина пестрого состава тогдашнего студенчества: «В этой толпе собралась молодежь разных наций: особенно бросались в глаза поляки, евреи и малороссы. Первые отличались стройностью и ловкостью, франтовством, лихо на бок надетыми чапечками, заносчиво поднятыми кверху физиономиями с закрученными тоненькими усиками и самоуверенною поступью. Вторые, евреи — резкими чертами, торопливою походкою, тесно сбитыми кучками и тихим шепотом при сильной жестикуляции; отдельные субъекты из богатых домов, преимуществен-

но — одесситов, отличались массивными золотыми цепочками и чересчур уже русским выговором, так и бившим в уши. Малороссы выделялись крепостью сложения, тяжеловатостью, крупными чертами лица, громкою национальною речью, размашистыми движениями, смехом во все горло и напускною грубоватостью и даже цинизмом. Великоруссы же и другие национальности как-то стушевывались; их было очень мало. Больше всего было поляков, за ними малороссов, а потом евреев. Преобладающим языком был польский. Во всех этих категориях молодежи отделялась аристократия — вымытая и припомаженная, большею частью с прической a l'anglaise, в узких модных панталончиках и с французским диалектом в речи, от диаметрально противоположной ей демократии, с загорелыми лицами, взъерошенными волосами, потертыми сюртуками, без перчаток и с старыми шапками. Еще следует сказать об одной категории, в которой национальность не кидалась в глаза и которая, по наружности, примыкала ближе к демократии — о семинаристах... Держались особняком и избрали уделом своим серьезность, отчасти даже суровость». До шестидесятых годов киевские студенты в своем быту подражали отчасти офицерам, отчасти же дерптским буршам. Были в моде дуэли и кутежи, нередко воспевавшиеся в стихах:

Я помню как-то раз...
Меня купцы в полночный час
Порядком притузить хотели,
Но одному я выбил глаз;
Другой, бутылкой оглушенный,
Качался долго, как шальной;
А я отправился домой
Разбитый, но не побежденный.

В «Киевлянине» за 1870 год собраны предания о старом студенте Р-фе, окончившем курс 45 лет и воспевшем «Студентскую жизнь»:

То с бутылкой, то с ланцетом,
То с рапирой, то с пером,
То с улыбкой и приветом,
То с поднятым кулаком...
Лейся ж шумно и привольно
Жизнь студентская моя
И разгульна и раздольна
Как Днепровская струя.

Жившие на вольных квартирах зажиточные студенты держали при себе крепостную прислугу, обыкновенно в виде «казачка», этого, как выражается проф. Вдадимирский-Буданов, «неизменного оруженосца и пособника студенческих похождений, который также проходил свой курс весьма нежелательной цивилизации большого города».

Студенты николаевских времен носили мундиры, мундирные сюртуки, треугольные шляпы, шпаги с портупеями. Высокопоставленным лицам они должны были отдавать честь по-военному. На их внешний вид начальство обращало строгое внимание, особенно после одного посещения университета Св. Владимира Государем, которому показалось, что у студентов распущенный вид. Студенты обязаны были посещать церковь и были подчинены инспекции. До назначения в 1848 году на должность инспектора Тальберга надзор имел не столько гражданский и полицейский характер, сколько военный и патриархальный, не лишенный благожелательного самодурства. Не было строгого юридизма, зато было то иногда вспыльчивое, но в общем отзывчивое «сердечное попечение», которое впоследствии пытался возродить ставший министром народного просвещения генерал Ванновский. В университете Св. Владимира был карцер, но, также как и в немецких университетах, он был веселым местом заключения: товарищи приносили арестованному студенту яства и напитки и отбывание наказания превращалось в пирушку. В бытность свою генерал-губернатором генерал Бибиков нередко вмешивался в студенческую жизнь и притом в форме, неоднократно дававшей пищу анекдотам. Так, например, в октябре 1844 года он запретил студентам ходить по суббо-

там на акафист в церковь Всех скорбящих, ибо туда со всего Киева собирались тогда молиться влюблённые девицы разного звания, а студенты пользовались этим для всякого рода шалостей.

Студенты делились на своекоштных и казеннокоштных. Существовал т.н. институт казеннокоштных студентов. Он помещался в наемных домах в Липках, потом в главном корпусе университета. В состав обитателей института входили и пансионеры приказов общественного призрения. Первоначальный комплект института по уставу 1833 года был определен в 50 человек. В 1834 году из общего числа 62 студентов было 23 казеннокоштных и 8 пансионеров. По уставу 1842 года число было увеличено и были установлены три института: педагогический, юридический и медицинский. Для живших в этих институтах студентов был установлен режим, напоминавший отчасти английские университетские колледжи, отчасти Императорский Московский лицей: студенты, особенно бывшие в педагогическом институте, занимались дома под особенным руководством и сверх того посещали университетские лекции. Институты были обставлены комфортабельно. Как видно из описей инвентаря за 1839-1847 годы, там полагалось серебряных столовых ложек 65, чайных 64, разливных 3. Студенты получали полное обмундирование. В институтах стояли два фортепьяно. При них была больница и библиотека, в которой к концу сороковых годов было 5642 тома. В 1848 году было 128 казеннокоштных студентов и 14 пансионеров.

После того как в 1837 году было открыто революционное общество, министр Уваров предложил нанять особое помещение для недостаточных или неблагонадежных студентов. Так было основано т.н. заведение для недостаточных студентов, или, как его называла публика, штрафгауз. В заведении помещалось от 40 (в 1838 году) до 54 (в 1855 году) студентов, в том числе т.н. профессорские стипендиаты, т.е. студенты, содержавшиеся на суммы, которые согласно предложению Е.Ф. Брадке профессора отчисляли из своего жалованья.

В декабре 1856 года университет Св. Владимира вошел с предложением о нежелательности общежительства студентов. Помещавшийся в доме Березовского штрафгауз стал беспокойным местом. Произошло столкновение студентов с полковником Бринкеном, вызвавшее речь императора Александра II к студентам университета Св. Владимира. Наконец, 30 мая 1858 года состоялось Высочайшее повеление о перемещении на вольные квартиры с производством стипендий всем казеннокоштным студентам и пансионерам. В феврале 1860 года был упразднен юридический институт. В том же году было упразднено заведение, причем из штатных сумм, отпускавшихся на его содержание, было образовано 28 штатных стипендий.

Для своекоштных студентов и вольных слушателей в 1840 году был установлен сбор платы в размере 14 рублей серебром в год. Своекоштных студентов было в 1842 году 190, а 1848 — 485. Некоторые профессора держали у себя на квартирах своекоштных студентов в качестве частных пансионеров. Против этого протестовали профессор А.Н. Тихомандрицкий, поддержанный К.Ф. Кесслером. Инициатива частной помощи нуждающимся студентам принадлежала попечителю Брадке и левобережному помещику корнету Лашкевичу. Д.Г. Бибиков учредил стипендии для детей служащих в университете и учебном округе. Кроме того, в университетских «институтах» содержались пансионеры приказов общественного призрения.

Поскольку университеты являются, по выражению Н.И. Пирогова, общественным барометром, постольку студенчество университета Св. Владимира в николаевскую эпоху отражало преимущественно польскую и дворянскую стихию югозападного края. Оно было вовлечено в движение Конарского. И оно осталось в стороне от Кирилло-Мефодиевского братства. Согласно показанию одного из допрашивавшихся по его поводу студен-

тов, «киевских студентов более интересует психология и биллиард, чем политика».

Начиная с шестидесятых годов, киевское студенчество существенно меняется. Университетский устав 1863 года широко открыл двери высшей школы разночинцам. И открытие в 1868 году Варшавского университета отвлекло от Киева значительную часть польского студенчества. Число русских студентов значительно увеличилось. Но столь же значительно понизился и уровень студенческого благосостояния: по исследованиям Н.Х. Бунге, от 60 до 70 процентов общего числа студентов университета Св. Владимира не были материально обеспечены. Дворяне составляли в 1883 году всего половину общего числа студентов.

В 1884 году пятидесятилетие университета было омрачено беспорядками, поводом для которых послужило приглашение на юбилейный бал, посланное студентами Чернышевскому и другим лицам. Приехавшему на юбилей К.П. Победоносцеву бросали в карету гнилые яблоки. В доме ректора Н.К. Ренненкампфа лица, к студенчеству не принадлежавшие, выбили стекла и вымазали ворота дегтем. И университетскому акту был объявлен бойкот. В своих воспоминаниях В.М. Хижняков рассказывает: «Отправились мы в университет. Там было тихо и безлюдно. Нам сказали, что начинается акт. Мы вошли в актовый зал. За длинным столом сидели митрополит, генерал-губернатор, профессора и несколько почетных гостей. Сотни стульев занимали большую часть зала. Но они были пусты. Только в одном месте сидела небольшая группа студентов-медалистов. Проректор прочел годовой отчет. Голос его гулко раздавался среди обширной пустоты. Затем по очереди вызвали студентов и вручили им медали. Торжество было окончено. Митрополит Платон один только выразил свое сожаление по поводу необычной обстановки акта:

Кабінет судової медицини. Початок XX ст.

Викладачі та студенти юридичного факультету. 29 травня 1914 р.

«Уважаемая alma mater, — сказал он, — как жаль, что я почти не вижу твоих детей». Последствием беспорядков было увольнение всех студентов и временное закрытие университета.

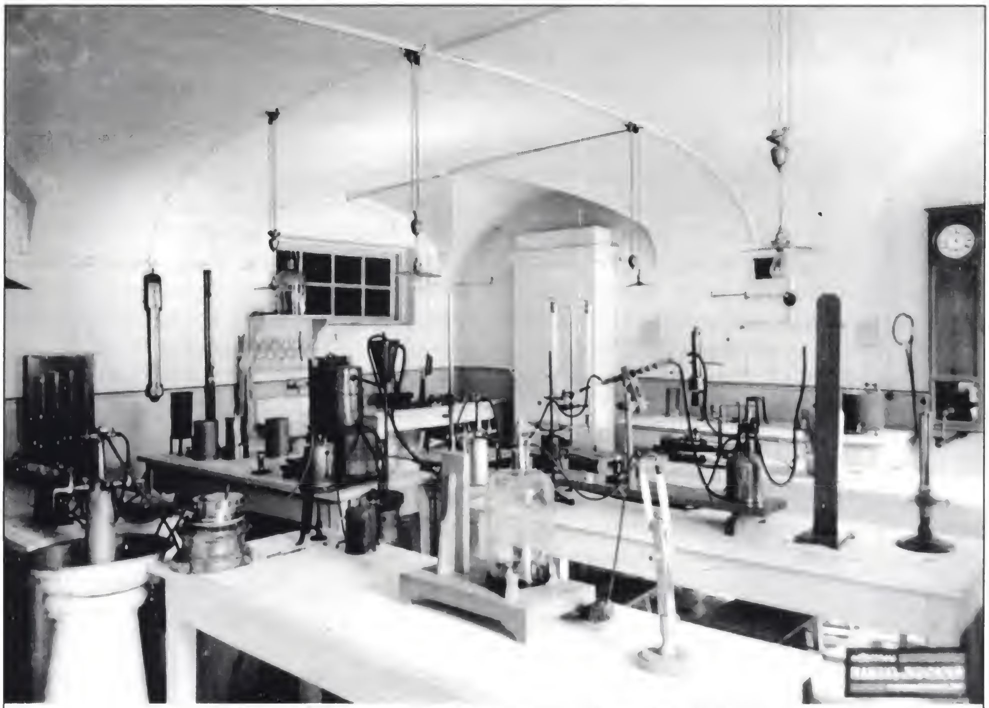
В царствование императора Николая II киевский студенческий барометр весьма чувствительно отражал общественные перипетии города и всей страны. В Киеве орудовал Гершуни, бурно протекали события 1905 года, когда улица врывалась в храм науки для устройства в нем самочинных митингов. Т.н. Ветровская история отозвалась в Киеве очень бурно, так же как и столичные беспорядки 1900-*1902* гг.

Мировая война вызвала значительный отлив студенчества на фронт. На улицах Киева появились ставшие юнкерами недавние студенты, которые, возвращаясь с учения, шагали с винтовками, распевая в такт Gaudeamus и другие студенческие песни. На экзамены к профессорам стали являться с фронта молодые офицеры и т.н. земгусары. В то время как ушедшие на фронт студенты получали военный закал, значительная часть тылового студенчества проявила дряблую податливость по отношению к организованным революционерам.

Это обнаружилось в первые же дни революции 1917 года.

Третьего марта, через три дня после получения киевскими железнодорожниками телеграммы о событиях в Петрограде за подписью А.А. Бубликова, в университете состоялась сходка, на которой был выражен вотум доверия т.н. коалиционному комитету, фактически взявшему в свои руки руководство студенческой массой всех киевских высших учебных заведений через так называемые на студенческом жаргоне старостаты. Чтобы использовать студенческие силы для агитации, этот комитет потребовал перенесения экзаменов на осень. Этому воспротивилась профессура, а также та часть студенчества, которая не желала подчиниться давлению коалиционного совета. Дело было перенесено в киевский «исполком». Двадцать седьмого апреля под председательством докто-

ра Н.Ф. Страдомского состоялось объединенное заседание исполнительных комитетов совета общественных организаций, совета рабочих депутатов, комитета депутатов войск Киевского гарнизона и коалиционного совета студенчества. В заседание были приглашены с совещательным голосом представители профессуры, младших преподавателей, а также тех групп студентов, которые были несогласны с постановлением коалиционного совета. От имени коалиционного совета студент Баткис требовал от студентов «общественно-политической работы». Возражая ему, студент Титаренко заявил готовность идти на работу, если к ней призовет Временное правительство, и протест против «таскания на аркане в деревню». Представители профессуры заявили, что дело идет о внутреннем вопросе автономной высшей школы, который не подлежит решению администрации, даже если она организована на широких демократических началах. От имени профессоров университета Ал.Д. Билимович заявил, что общественная работа предполагает убеждение, а не принуждение. От имени совета академического союза В.В. Зеньковский заявил, что органы местных властей обязаны охранять высшую школу от всяких насильственных посягательств на нее. От имени младших преподавателей О.Ю. Шмидт заявил, что с точки зрения целесообразности использования сил нельзя теперь закрывать высшие школы. Командующий войсками киевского округа К.М. Оберучев заявил, что принудительное закрытие учебных заведений является посягательством на свободу. Исполком вынес резолюцию о желательности отложения экзаменов, а также только морального, а не насильственного воздействия на студентов, не согласных с решением коалиционного совета. Но коалиционный совет воздержался от голосования этой резолюции. Подробный отчет об этом любопытном эпизоде из эпохи весны русской революции, когда уже предчувствовалось



Відділ фізичної лабораторії. Початок XX ст.

Викладачі, студенти Університету та слухачки Вищих жіночих курсів. Початок XX ст.

октябрьское дыхание ее осени, напечатан в «Киевской Мысли» от 28 апреля 1917 года.

Второго и третьего декабря того же года в университете Св. Владимира происходили выборы в центральный студенческий орган. Голосовало около 800 студентов. Действительными были признаны 753 записки. Соперничало семь кандидатских списков. Больше всего записок, а именно 237, получил список партии народной свободы, давший в центральный орган 13 представителей. Список меньшевиков и бунда получил 156 записок и 8 представителей. Список социалистов-революционеров совместно с армянскими дашнакцутюнами и грузинскими федералистами — 134 записки и 7 представителей. Список украинской спилки — 111 записок и 6 представителей. Список сионистов — 54 записки и 3 представителей. Список демократической трудовой группы — 34 записки и двух представителей. Польский список — 27 записок и одного представителя.

Вскоре после переворота началась организация самостийного украинского студенчества. Двадцать первого апреля 1917 года состоялась уже третья конференция украинских студентов, провозгласившая в качестве минимума «российскую федерацию вольных демократических республик, среди которых такою же вольною республикою будет Украина. Путь к этому — немедленное осуществление собственными силами национально-территориальной автономии Украины. Десятого января 1916 года, т. е. за 16 дней до бегства Центральной рады в Житомир, «украинская фракция центра университета Св. Владимира» призвала своих членов записаться в курень сечевых стрелков и стать под знамена «против напастников, российско-большевицкой грабительской орды».

С появлением в Киеве немецких войск среди студенчества наступила видимость успокоения. Оно заволновалось под конец гетманского режима. Украинские студенты примкнули к возглавлявшемуся В.К. Винниченком и подготовлявшему Директорию украинскому национальному союзу. Русские студенты были взволнованы призывом

гетмана бороться за восстановление связи с национальною Россиею. И некоторые из них стали вступать в первую добровольческую офицерскую дружину. Но агенты большевиков тоже не дремали. И 15 ноября 1918 года, через шесть дней после берлинской революции, за которой последовало брожение в немецком оккупационном отряде, в университете состоялась революционная сходка. Ее участники вышли на улицу. К ним присоединилась толпа, которой преградил путь офицерский отряд. Был дан залп. Оказалось несколько убитых, в том числе дочь одного из профессоров университета Св. Владимира. От немецкого совета солдатских депутатов был получен венок, переданный на сохранение в университетский музей.

Когда в 1919 году в Киеве на семь месяцев водворились большевики, в университете установилось «комиссародержавие» недоучившихся студентов Харьковских учебных заведений, преимущественно ветеринаров, предпочитавших называть себя зоотехниками. В общем, они разочаровались в киевском студенчестве: оно уже в значительной степени успело очнуться от революционного угара и чувствовало большую близость к гонимой профессуре, чем к гонителям. У них явилось настроение, вдохновившее впоследствии Блока:

Не обвиняй, что я не сразу
Все понял и не все постиг.

Такое же явление замечалось и в других университетах. Недаром в «Малой советской энциклопедии» говорится, что после 1917 года «студенчество в своей массе правело и решительным образом выступало против т. н. большевицкой заразы». А Зиновьев требовал, чтобы студенты были поставлены на колени. Когда киевские студенты получили избирательное право в факультетах, они демонстративно переизбрали прежних деканов, даже считавшихся правыми. Это дало комиссару Мицкуну основание заявить, что революционное при царском правительстве студенчество сделалось реакционным при революционном правительстве. Разочаровавшись в студентах, он стал опираться на служительский персонал как на главных «трудящихся» в университете. Кроме того, была пущена в ход грубейшая демагогия. Комиссары провозгласили легкое учение, без труда и усилий и без последовательного восхождения от низшей ступени через среднюю к высшей. Народный университет, стремившийся распространять в общедоступном виде знания среди неподготовленных к высшему образованию, но любознательных кругов, был уничтожен как оскорбительная для пролетариев буржуазная выдумка. Всякие экзамены и зачеты, всякая проверка успешности учебных занятий были признаны несовместимыми с достижениями революции и отменены под страхом строгого наказания. Для поступления в высшую школу было упразднено требование не только среднего, но даже и низшего и вообще какого бы то ни было образования. Чтобы помочь неподготовленным научиться хоть чему-нибудь, прежде чем приступить к слушанию академических лекций, был введен предшествующий первому семестру «подготовительный ноль семестр для рабочих и крестьян». Но так как нельзя, конечно, дать в несколько месяцев то, что в средней школе приобретается в течение многих лет немалого труда, то результат нолевого семестра оказался тоже нолевым, если не считать зачисления в студенты множества лиц, совершенно не подготовленных к прохождению университетских наук. Самого себя комиссар Мицкун зачислил на второй курс физико-математического факультета.

Занятие Киева добровольческой армией имело последствием очищение студенческого состава от неподготовленных элементов, а также уход лучшей части учащихся в ряды белой армии. Согласно распоряжению правительства Деникина все лица, принятые в студенты и переведенные с одного факультета на другой по постановлению комиссара

или по требованию коллегии по делам высшей школы, увольнялись из университета с предоставлением права просить об обратном приеме лицам, по своему образовательному цензу могущим поступить в университет. Таких прошений было подано свыше 400. Через три месяца Киев опять был занят большевиками. И началась их работа по созданию красного студенчества.

Война и революция

Летом 1914 года университету Св. Владимира исполнилось 80 лет. Через четыре дня Германия объявила войну России. Университет живо откликнулся. По традиции Крымской кампании он предоставил свои медицинские силы для нужд войны. Декан медицинского факультета А.А. Садовень отправился на фронт с подарками от университета и за проявленное при этом мужество был награжден георгиевской медалью. Вместе с другими русскими высшими школами университет по собственному почину избрал своим почетным членом Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича.

Летом 1915 года состоялось распоряжение командовавшего югозападным фронтом ген. Иванова об эвакуации университета Св. Владимира. В то время положение на театре войны улучшилось уже настолько, что Киеву больше не угрожала опасность занятия неприятелем. На заседании совета профессоров В.А. Кулаковский произнес горячую речь о том, что университет Св. Владимира может находиться только в Киеве. Ректор Н.М. Цытович поехал в ставку, чтобы лично сделать ген. Иванову представление о бесцельности эвакуации университета. Тем не менее распоряжение не было отменено. В качестве мотивов была приведена необходимость общей разгрузки Киева, а также нежелательность пребывания в непосредственном тылу армии студенческой массы, легко поддающейся всякой агитации. Таким образом университет Св. Владимира за исключением медицинского факультета был эвакуирован, как было сказано в официальном распоряжении, «на левый берег Днепра», т.е., как оказалось фактически, на правый берег Волги, в Саратов. Выбор этого университетского города был сделан по соглашению с советами обоих университетов. Для подготовки переезда в Саратов были командированы проректор М.Н. Ясинский, проф. П.М. Богаевский и ряд университетских служащих. В Саратове университет, бывший тогда в составе только медицинского факультета, а также местные органы администрации и самоуправления широко пошли навстречу эвакуированным учреждениям, профессорам и студентам. Было перевезено имущество учебно-вспомогательных учреждений, не исключая даже университетской библиотеки и Центрального архива. В ознаменование дружеского сожительства двух университетов состоялось торжественное соединенное заседание их советов. И университет Св. Владимира провел в новой обстановке целый академический год.

Осенью 1916 года он вернулся в Киев. Жизнь его текла без существенных потрясений всего несколько месяцев, до февраля 1917 года. За сорок лет до наступивших тогда событий Энгельс писал: «когда в России начнется, тогда «ура». Когда началось, многие в России кричали «ура» и ходили как именинники. К.М. Оберучев с умилением вспоминал в 1919 году, что ему «пришлось пережить всю красоту революционного периода» («В дни революции»). Университет Св. Владимира переживал этот период с тяжелым предчувствием надвигающейся катастрофы, особенно когда выяснилось, что общественные круги, возложившие на себя ответственное бремя государственной власти, не противятся злодейскому насилию с помощью праведной силы. Академическая жизнь была выбита из колеи. Согласно требованию министра Мануилова профессора, занявшие кафедры после

1911 года не по избранию, а по назначению, были уволены с правом быть переизбранными. Переизбраны были все, кроме цивилиста Т.М. Яблочкова, вскоре избранного на кафедру в Ростовском университете. Студенты с первых же дней революции заволновались. Место городового при профессорском подъезде заняли студенты. И под влиянием травли, поднятой против ректора, рыцарски благородного друга молодежи Н.М. Цытовича, они преградили ему доступ в университет. Для установления взаимных отношений профессуры и студенчества в новой обстановке начались совместные заседания их представителей. Среди студенческих делегатов были ставшие впоследствии советскими учеными Асмус и Дынник. Первая встреча была очень дурная. Один из представителей студенчества, потрясая кулаками, кричал профессорам: мы вас никогда не уважали и уважать не будем. Это произвело на председательствовавшего В.И. Лучицкого такое впечатление, что он расплакался. Впоследствии переговоры приняли более мирный и отчасти даже дружелюбный характер. И уже при большевиках некоторые студенческие члены этих совещаний оказали профессорам немалые услуги, например, содействовали освобождению арестованного чрезвычайкой В.П. Образцова. Отрезвлению студенчества не мало содействовала позиция твердого и неуступчивого академизма, занятая большинством т. н. младших преподавателей и притом наиболее популярными из них. Корректным в академическом отношении оказался прославившийся впоследствии в связи с экспедицией Челюскина приват-доцент О.Ю. Шмидт, питомец университета Св. Владимира, в «Известиях» которого напечатаны две его работы: «Об уравнениях, решаемых в радикалах» (1913) и «Абстрактная теория групп» (1914). Семестр кое-как был доведен до конца, осложнившись вторжением коалиционного студенческого совета в вопрос о весенних экзаменах и его требованием включения его представителей в состав университетского совета.

Осенью 1917 года началось углубление революции в университете. Особенно усилилась поддержанная извне недостойная кампания против Н.М. Цытовича. В противовес делегации, посланной в Петроград коалиционным советом для поддержания революционных домогательств, киевские высшие школы, состоявшие в ведомстве народного просвещения, командировали своих представителей для изложения тогдашнему министру проф. Салазкину положения дел. Министр признал свое бессилие и заявил, что его самого, несмотря на преклонный возраст, скоро могут заставить выйти с метлою на улицу. Был подан пустой чай. Министр вынул из кармана коробочку с крошечными кусочками сахара и, вздохнув, протянул ее делегатам. Надвигались черные дни. Чтобы не осложнять и без того трудного положения университета, Н.М. Цытович отказался от ректорства. В знак протеста против насилия киевские профессора решили не выбирать нового ректора.

Жизнь университета становилась трагическою. В храм науки врывалась уличная чернь. И на него обрушилось одно из величайших, по мнению Платона, бедствий: невежество вздумало руководить мудростью. С первым приходом большевиков в январе 1918 года благородный принцип истинной академичности, сочетающий широкий доступ всем желающим приобщиться к знанию со строгим отбором действительно способных священнодействовать в храме науки, был нарушен вторжением демагогии, стремившейся к невыносимой тирании. Началась калейдоскопическая смена властей в Киеве. При этом Петлюровское правительство и большевики под страхом жестоких наказаний объявляли мобилизацию всех студентов и в то же время устанавливали жесточайшее наказание для всех, мобилизованных предшествовавшей им властью. Чтобы спасти несчастную мо-

Астрономічна обсерваторія. Початок XX ст.

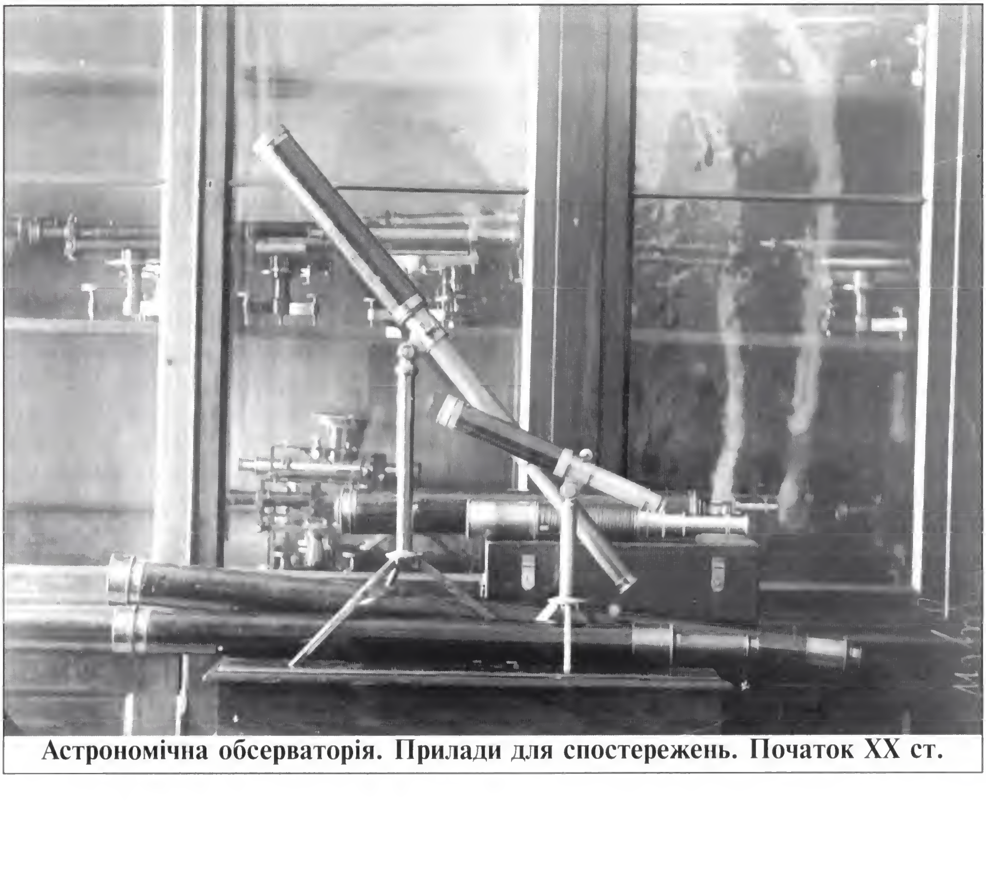
лодежь, университет обращался к быстро сменявшимся правительствам с меморандумами, в которых умолял беречь культурную смену страны.

Через несколько дней после того как в Центральной раде представитель еврейского Бунда Липец назвал терзаемый гайдамачиною край «оазисом порядка», началась одиннадцатидневная бомбардировка Киева, во время которой был убит профессор политехнического института И.Г. Рекашев, преподававший в университете начертательную геометрию, и ранен магистрант Яновский. Она причинила большие повреждения университету, особенно клиникам. Свое вступление в Киев большевики ознаменовали расстрелом огромного числа русских офицеров, среди которых было немало и студентов. Их трупы, как дрова, были сложены в Мариинском парке, или, как цинично выражались большевики, в «штабе генерала Духонина». За это свое первое пребывание в Киеве, продолжавшееся всего пять недель, большевики почти не успели добраться до университета. Затем под покровительством немецкой вооруженной силы в Киеве водворилась Центральная рада. Ввиду выяснившейся дальнейшей невозможности обходиться без полномочного представительства университета вовне, ректором был избран Е.В. Спекторский, проректором — В.В. Карпека.

Вскоре после разгона Центральной рады немцами и провозглашения съездом хлеборобов П.П. Скоропадского гетманом скончался профессор по кафедре глазных болезней А.Ф. Шимановский. В качестве своих делегатов гетман прислал на отпевание своего адъютанта Полтавца-Остраницу и доктора Г.А. Лукашевича, возложивших на гроб покойного венок с двумя лентами. На одной было написано по-русски: «профессору А.Ф. Шимановскому», на другой по-украински: «от гетмана всея Украины». Ректор и проректор принесли гетману благодарность. Он их принял в черкеске с георгиевским крестом и на чистейшем русском языке объяснил, что он взял власть только чтобы спасти край от угрожающей ему анархии.

При гетмане университет Св. Владимира сохранил автономное бытие и, ос-

таваясь корректным по отношению к властям предержащим, оберегал свой характер русской высшей школы. Он или принял в свой состав или в иной форме поддержал ряд бежавших с севера русских ученых. Он остался в стороне от многочисленных «совещаний» собравшихся тогда в Киеве русских политиков, фактически лишенных какой бы то ни было возможности перейти от слов к делам. И он не поддался предложению Э.Д. Гримма сделать заявление о т.н. немецкой ориентации, сторонником которой был также пребывавший тогда в Киеве П.Н. Милюков, в то время как другой «кадетский» вожак М.М. Винавер, приехавший в Киев в конце июня, продолжал держаться «союзнической» ориентации. Несмотря на чисто академическую позицию университета, вскоре после убийства фельдмаршала Эйхгорна ректор был арестован немцами и заключен ими в Лукьяновскую тюрьму. Через два дня по ходатайству гетманского правительства он был освобожден. По инициативе прикомандированного к немецкому командованию берлинского профессора Аугагена немецкие офицеры, допрашивавшие арестованного, явились к нему в ректорский кабинет и выразили сожаление о случившемся. Цензура запретила киевским газетам писать об этом аресте. Украинские шовинисты пытались иногда руками немцев чинить неприятности своим противникам из университетского персонала. Так, не без их участия, немецкое командование потребовало от приват-доцента Ю.А. Яворского, чтобы он в двадцать четыре часа очистил для него свою квартиру. Не без труда удалось добиться отмены этого распоряжения. По инициативе В.И. Вернадского члены Украинской академии наук пригласили однажды профессоров университета Св. Владимира на чашку чая и для совместного ходатайства перед украинским прави-



Астрономічна обсерваторія. Прилади для спостережень. Початок XX ст.

тельством о разрешении переселиться в Киев целому ряду пожилых членов Российской академии наук, погибавших в Петрограде от недоедания. Дело сорвал Д.И. Багалей, возразивший, что это не украинские, а русские ученые. На это Ф.В. Тарановский напомнил ему притчу о милосердном самаритянине. Шовинистическая печать писала против «великого переселения на Украину россиян с данайскими дарами».

Шестого июня произошел грандиозный взрыв огромного склада боевых припасов на Зверинце. Несмотря на дальнее расстояние, в университете были выбиты стекла и вырваны огромные оконные рамы. Под влиянием паники, вызванной слухами, что на город двигается облако удушливых газов, публика бросилась расхищать склад масок, помещавшийся в новом библиотечном здании, на южном дворе университета. Не без труда удалось успокоить толпу и заставить ее вернуть казенное имущество. Только что успели с большим трудом застеклить окна в университете — в декабре опять стекла были выбиты, благодаря взрыву бомбы, брошенной перед зданием Педагогического музея. В нем после падения гетманской власти помещались арестованные русские офицеры, которые в ожидании своей горькой участи пели тут же сочиненную песню:

> Ходят пленные, как тени;
> Ни отчизны, ни семьи.

Бомба, по-видимому, была сигналом к их истреблению. Но этого не допустил немецкий караул. Во время петлюровской директории в Киеве скончался в большой нужде и в полном одиночестве бывший ректор Харьковского университета проф. И.И. Куплеваский, вызванный гетманским правительством в качестве консультанта по вопросам публичного права. Университет Св. Владимира предал его тело земле.

Через шесть недель после перехода Киева под власть Директории произошла новая смена режима. Члены Директории бежали, и в Киев вступили большевики, отдавшие город на поток и разграбление Таращанскому и Богунскому полкам. Сразу же начался такой террор, что одна киевская студентка записала в своем дневнике: «каким приятным был украинский фарс в сравнении с коммунистической трагедией» (Архив русской революции, XV). Во главе чрезвычайки были славившиеся кровожадностью латыши Петерс и Лацис. И без того жестокий террор значительно усиливался после всякого приезда Троцкого, возмутившегося однажды, что в Киеве есть еще люди, которые улыбаются. В июне был опубликован призыв Лациса к доносам. В конце августа чрезвычайка стала издавать «Красный меч», прославлявший террор не только в прозе, но и в стихах. Тела расстрелянных свозились на грузовиках в анатомический институт на Фундуклеевской улице, а оттуда в общие ямы. Сильный трупный запах отравлял прилегавшие кварталы. Киевляне по ночам или подвергались облаве или с ужасом прислушивались к шуму автомобилей чрезвычайки. За месяц до прихода добровольцев у большевиков явилась мысль оставить в Киеве только черный народ, а всю интеллигенцию сослать в Архангельскую губернию. Ввиду этого профессора, учителя, врачи, чиновники, писатели перестали ночевать дома и искали убежище или на окраинах, или на Трухановом острове, или просто на лоне природы. В ночь накануне своего бегства киевские чекисты применили «высшую меру наказания» к 127 лицам. Из университетского персонала жертвами большевицкого террора, кроме доктора Бочарова, были профессор П.Я. Армашевский, расстрелянный в возрасте 68 лет, и Т.Д. Флоринский, расстрелянный в 65-летнем возрасте в день своего ангела. Скрывавшегося Н.М. Цытовича заманили в университет и отправили в комнату для смертников при чрезвычайке. Добиться его освобождения оттуда удалось почти чудом. Сами коммунисты посоветовали ему скрыться. Проф. Теребинский заморо-

зил ему нос, что сделало его лицо неузнаваемым. Он переоделся в рубище и в таком виде незамеченный чекистами вышел пешком из Киева.

Что многострадальный Киев находится под пятою интернационала, явствовало из того, что его большевицкий гарнизон составили полки китайский, латышский, мадьярский и еврейский (сильно помятый под Каневом). Когда Подол был захвачен повстанцами, откуда-то в Киеве появилось триста немецких спартаковцев, восстановивших положение в пользу большевиков. Во главе т.н. рабоче-крестьянской власти на Украине были поселившийся в особняке С.С. Могилевцева «палач в смокинге» (Архив русской революции, VI, статья А.А. Гольденвейзера) болгарин Раковский, поляк Менжинский, еврей Иоффе, который, отправляя свою жену на роды в Красный Крест, потребовал, чтобы для нее все было приготовлено так, «как будто будет рожать императрица Мария Федоровна». Комиссары киевских высших учебных заведений были почти исключительно евреи. По требованию университетского комиссара Мицкуна на колеса входившего в имущество университета экипажа были надеты где-то раздобытые толстые дутые резиновые шины. И он стал катать товарищей.

В конце марта 1919 г. в университет Св. Владимира явились прибывшие из Харькова два комиссара, Мицкун и Финкельштейн, и предъявили приказ №1, коим упразднялась должность ректора и проректора и вся власть передавалась им. При них в качестве «технического советника» состоял некий Гольдфарб с помощником Коганом. Кроме того, в «Сквузе» (совет комиссаров высших учебных заведений) появились Бродский, Мейер и Гальперин. Председателем его был бывший ассистент Харьковского университета Назаров. В первый же день комиссары потребовали от секретаря по студенческим делам, чтобы он им вручил 25 незаполненных студенческих билетов за его подписью и с приложением казенных печатей «царского времени» — очевидно, на случай бегства. Затем они конфисковали все старые печати, заказали собственные и начали куражиться над университетом. Мицкун потребовал от историко-филологического факультета, чтобы он предоставил кафедру его товарищу, некоему Рубинштейну, совершенно не подготовленному к ученой профессии. Чтобы хоть несколько смягчить это требование, он одновременно предложил другую кафедру окончившей университет госпоже Старосельской, просившей только о стипендии для приготовления к профессорскому званию. Факультет с участием студенческих представителей, к негодованию комиссара, отклонил обе кандидатуры. Когда после расстрела профессора Армашевского Мицкун получил протокол заседания физико-математического факультета, куда между прочим было занесено, что «почтена вставанием память трагически погибшего старейшего члена факультета», он положил красными чернилами такую резолюцию: «казнь преступника есть трагедия для его среды и ему подобных, для всех же прочих граждан это радостное событие. Протокол не утверждаю и требую объяснений». Мицкун требовал, чтобы медицина была превращена в пролетарскую науку. И напрасно профессора возражали ему, что если вообще делить науки на буржуазные и пролетарские, то как раз медицина в буржуазных государствах была пролетарской наукой, ибо в университетских клиниках и анатомических театрах почти исключительно лежали не буржуи, а крестьяне и рабочие. Другой комиссар, Назаров, с маниакальным упрямством твердил, что астрономия до сих пор была буржуазною наукой и что необходимо сообразовать с марксизмом изучение небесных светил. Комиссары требовали, чтобы университетские лаборатории, продолжая исследовательскую работу, стали вместе с тем и мастерскими для изготовления слесарных инструментов, т.п. нехитрых приборов. И опять таки напрасно ученые доказывали им, что это и неосуществимо и совсем

не вызывается необходимостью. Насколько слабо комиссары представляли себе сущность академической работы, видно хотя бы из того, что Мицкун очень удивился, узнав, что профессору полагалось шесть лекционных часов. Имея ввиду восьмичасовой рабочий день, он спросил, почему не восемь. Еще более он удивился, узнав, что шесть часов это не дневная, а недельная норма. Не без труда ему разъяснили, что при добросовестном отношении ученого к преподаванию, соединенному с исследовательской работой и практическими занятиями со студентами, шестичасовая норма представляет почти предельную нагрузку.

Так как в 1919 году киевские большевики представляли шайку, связанную товариществом и страхом перед населением (чем объяснялся применявшийся ими жестокий террор), то у них тогда еще не было никаких инстанций, которым можно было бы жаловаться. Посему совсем напрасно профессора отправили местному «наркомпросу» Затонскому депутацию с жалобой на Мицкуна, который нарушает автономию клиник и вместе с Гольдфарбом вносит в них хаос (они, например, поместили в женскую клинику сифилитического красногвардейца, а в требующих асептики хирургических помещениях поселили бабу с малолетними детьми). Мицкун с хохотом предупредил о депутации наркомпроса, который, не приняв ее, выслал ей резолюцию: «никакой автономии не будет, а строптивых профессоров все равно придется сократить».

Старий та новий будинки хімічної лабораторії. Початок XX ст.

Во исполнение полученных инструкций комиссары затеяли развертывание университета в три учреждения: ученое — типа академии, учено-учебное — собственно университетского ти-

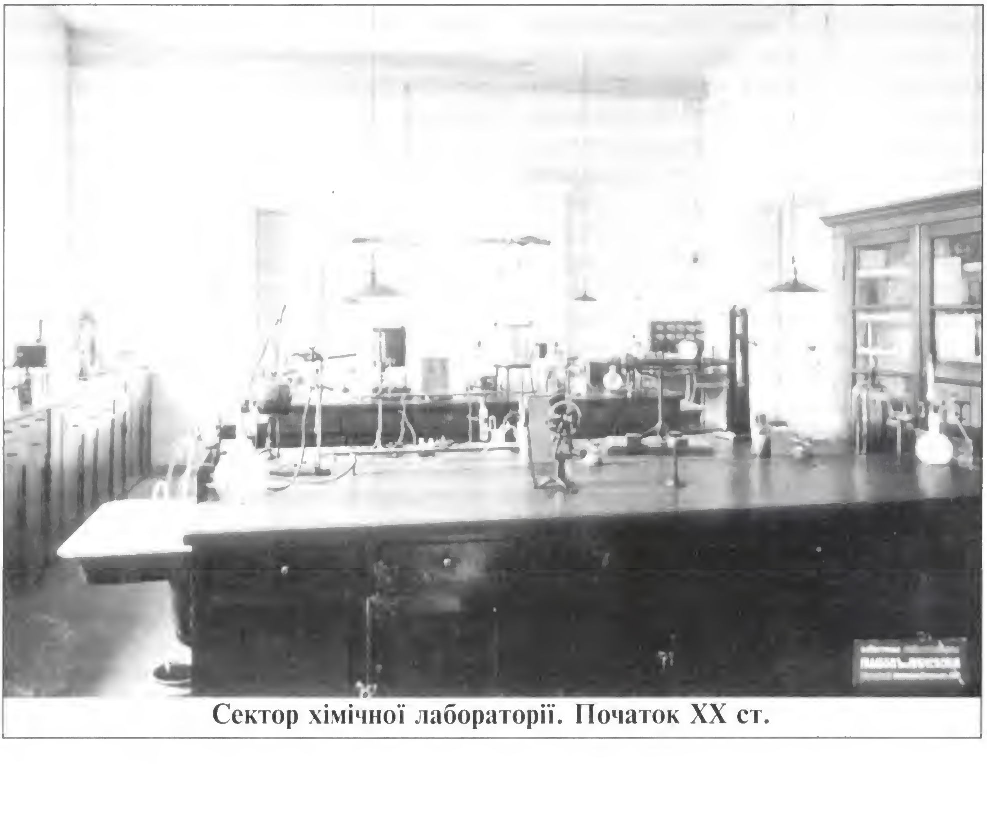
па, и учебное — типа народного университета. Такое преобразование, которым большевики в 1919 году увлекались и в других местах, было бы в известном смысле приемлемо и даже желательно, но при непременном условии, чтобы оно было выполнено соответственными лицами и методами. В условиях же «комиссародержавия» реформа была неосуществима. Впрочем киевские комиссары на ней и не настаивали. Бесплодною была также работа Сквуза, куда, кроме комиссаров, были привлечены также представители профессуры и младших преподавателей. Возглавлявшийся приват-доцентом П.П. Смирновым хозяйственный совет состоял из 24 лиц, из которых половину составляли «главные трудящиеся в университетах», а именно служители. Один из них разглагольствовал о том, что служитель — это главное лицо в университете, ибо если он не откроет профессору дверь, тот будет лишен возможности войти в аудиторию или лабораторию. По доносу служителей Мицкун в сопровождении Гольдфарба изъял из письменных столов и шкафов в университетских кабинетах и лабораториях положенные на хранение профессорами ценные вещи, сахар и другие продукты, составлявшие их личную собственность. При этом Гольдфарб прикарманил было кое-какие золотые вещи. Но об этом служитель донес Мицкуну, и тот отобрал у товарища взятое.

Университетский персонал должен был заполнить анкетные листы с провокационным вопросом: ваше отношение к советской власти? Посовещавшись между собою, профессора ответили: лояльное. Б.А. Кистяковский написал: лояльно-критическое, а один младший преподаватель: созерцательное. Были отдельные случаи подхалимства. Так, например, в Сквузе один убеленный сединами профессор (не университетский) заявил: «и свою речь я закончу возгласом — да здравствует всемирная советская власть!» Там же одна оставленная при университете стипендиатка жаловалась: «Мы готовы немедленно занять кафедры, но профессора нам мешают, тре-

Хімічна лабораторія. 1913 р.

буя от нас предварительной сдачи магистрантских экзаменов». В общем же профессора и младшие преподаватели старались отстоять академическую традицию. Был случай, что два магистранта, Рашевский и Раевский, назвали Мицкуна хамом за грубое с ними обращение. Они были привлечены к «народному суду», вынесшему мягкий приговор после того, как правозаступник Железногорский (Айзенберг) разъяснил, что поведение комиссара было действительно хамским. Невыносимое положение университета Св. Владимира в 1919 году под властью большевиков описано проф. Н.М. Бубновым в статье: «L'universite de Kiev sous le regime sovietique», помещенной в «Revue internationale de l'enseignement» за май и июнь 1929 года.

В конце августа 1919 года Мицкун скрылся из Киева, захватив деньги, предназначенные для застекления университетских окон. Тогда же были увезены из клиник приборы для рентгенизации, несмотря на обещание не трогать их, данное университетской депутации товарищем Миррою, тогдашнею подругой Раковского. Отправившийся пешком проведать семью, которая жила в окрестностях Киева, проф. А.В. Сперанский был в лесу ограблен, убит и раздет. Тело его было найдено экспедицией его учеников, опознавших его только по волосам на затылке и метке на нижнем белье, ибо вместо лица была черная яма, в которой быстро бегали большие жуки. По традиции, созданной киевскими революционными правительствами, покидая город, флотилия Полупанова обстреляла его, причем немалое количество снарядов разорвалось возле университета. Через несколько дней она приблизилась по Днепру к Киеву и опять обстреляла его. Кроме того, в 28 верстах от Киева образовался т. н. Ирпенский фронт, откуда днем и ночью раздавалась пушечная пальба. Несколько раз большевики прорывались к Киеву. А первого октября большевики ворвались в него и продержались в нем несколько дней. Тогда про-



Сектор хімічної лабораторії. Початок XX ст.

изошел «великий исход»: масса киевских жителей, в том числе простонародья, под осенним дождем двинулась пешком за Днепр, в Дарницу и дальше, в полную неизвестность, лишь бы не оказаться опять под большевицким игом. При этом налете большевиков университет сильно пострадал: опять было выбито очень много стекол; в двух местах была повреждена крыша; один снаряд попал в библиотеку и повредил очень много ценных книг; потерпели и клиники. После трех месяцев такой нервной жизни большевики окончательно завладели Киевом. Сделанное генералом Деникиным в Ростове заявление «революция безнадежно провалилась» оказалось преждевременным. И еще не оправдалось пророчество Блока, что «люди выйдут из зверей».

Для университета Св. Владимира эти три месяца означали передышку. С фасада была убрана вывеска «мир хижинам, война дворцам». По просьбе канцелярского персонала был отслужен молебен. Третьего сентября по распоряжению особоуполномоченного по делам финансов клиникам была отпущена ссуда в размере 200 тысяч рублей. Восьмого сентября было устроено посвященное памяти Т.Д. Флоринского торжественное заседание университета совместно с обществом Нестора-летописца и историко-литературным обществом. Двенадцатого сентября состоялось заседание физико-химического общества, посвященное памяти А.В. Сперанского. Двадцатого сентября состоялось торжественное открытие «агитационно-просветительного отдела». В своей речи «Университет под большевицкой властью» проф. Н.М. Бубнов, парафразируя известные евангельские слова о Лазаре Четверодневном, так характеризовал тогдашнее положение: «Господи, еще смердит». Двадцать второго сентября состоялось публичное защищение П.П. Смирновым представленной им на соискание степени магистра русской истории диссертации «Города Московского государства в первой половине XVII века». Двадцать девятого сентября состоялось отпевание в университетской церкви и погребение на кладбище Аскольдовой могилы тела Т.Д. Флоринского, которое было закопано большевиками на Лукьяновском кладбище. В тот же день состоялось посвященное памяти В.П. Науменка заседание общества Нестора-летописца. Университет похоронил скончавшихся А.А. Садовеня и Н.М. Цытовича, которого отпевал митрополит Антоний. Одиннадцатого октября совет утвердил положение о стипендии имени полковника Гоняка, командующего студенческим батальоном в Царицыне. Студентам производились экзамены. Вопрос о начале лекций осложнялся отсутствием топлива и необходимостью исправить нанесенные бомбардировкой повреждения. Пока дело тянулось, часть студентов, несколько младших преподавателей и один профессор физико-математического факультета поступили в добровольческую армию.

Под конец ноября 1919 года Киев опять сделался театром гражданской войны. И третьего декабря в город вступили большевики. Часть профессоров присоединились к отступавшей белой армии. Часть осталась в Киеве. При этом не обошлось без жертв. Шедший в клинику проф. Г.Г. Брюно был убит наповал снарядом. Умерший от сыпного тифа проф. В.Н. Таранухин лежал на одной железнодорожной станции, брошенный среди ряда других трупов, и был случайно опознан случайно проезжавшим студентом. От тифа же скончались проф. С.М. Богданов, добравшийся до Одессы, и Р.И. Гельвиг. Не стало Б.А. Кистяковского. Проф. С.Е. Кушакевич добрался до Константинополя и там свалился; в точности неизвестно, кем было подобрано его тело и где погребено. Очень значительно было число трагически погибших студентов.

Университет Св. Владимира получил шутовскую вывеску «Вино», долженствовавшую означать «высший институт народного образования». В 1920 году, после ухода из Киева поляков, на

университете была сделана надпись: «мы ушли не надолго, мы пришли навсегда». В декабре стали выдавать академический паек, и на Николаевской улице перед кооперативом выстраивались профессора, напоминая Ремизовские «нищенские хвосты на паперти коммунизма» (А.А. Гольденвейзер). И началось то, что Бухарин в 1926 году назвал «визгом о новой школе».

Столетняя годовщина университета

В 1925 году большевики отпраздновали двухсотлетие академии наук. Но в 1930 году они не решились столь же шумно, с привлечением иностранных гостей отпраздновать 175-летие Московского университета. Очевидно, в данном случае слишком для них было невыгодно тревожить тени прошлого, особенно напоминать о происходившем из черносошных крестьян, т. е. из подлинно рабоче-крестьянской среды Ломоносове, который по поводу их хозяйничанья в храме науки несомненно повторил бы, что «ни образа, ни подобья университетского не видно». Слишком было для них опасно будить воспоминания о Татьянином дне, этом ликующем празднике благого просвещения и неумирающей юности, когда свершалось чудо единения, падали все средостения, забывались различия возраста, положения и убеждений, когда и правые и левые, и сановные и нечиновные, и умудренные старцы и юноши безумные, и отцы и дети, распри позабыв, находили общий и хороший язык и от зари до зари братались во славу любимой академической матери. Зато юбилей Московского университета помянула эмиграция, помянула с грустью, но без отчаяния, черпая надежды из воспоминаний.

Не рискнули большевики шумно отпраздновать и юбилей учреждения, сто лет тому назад подучившего имя университета Св. Владимира. Строго говоря, в Киеве если и есть «красный» университет, то только с 1932 года, когда большевики отказались от введенных ими специальных институтов «отраслевого типа». И вот об этом университете мы читаем в немецкой «Минерве» за 1934 год: «Кыів. Украинский университет. Улица Короленка, 58. Вновь основан в 1932-33 г. из соединения разных учреждений, возникших в 1929 году из реорганизации основанного в 1840 (sic) году Киевского университета. Ближайших сведений нет. В «Правде» от 3 июня 1934 г. сообщается: «преподаватели и студенты Киевского университета готовятся к празднованию столетнего юбилея университета. Киевский горсовет возбудил ходатайство о присвоении университету имени академика О.Ю. Шмидта». Неизвестно, хватило ли у О.Ю. Шмидта такта, чтобы отклонить такую честь, в отличие от Максима Горького, согласившегося, чтобы его именем был назван Нижний Новгород.

Не забыла о столетии университета Св. Владимира эмиграция. В однодневной белградской газете «День русской славы», посвященной памяти Св. Владимира, помещена статья «Столетие университета Св. Владимира», частично воспроизведенная по-словенски в №171 люблинской газеты «Jутро» за 1934 год. Русское историческое общество в Праге, Научно-исследовательское объединение там же и Русский научный институт в Белграде посвятили юбилею особые торжественные заседания. Комитет бывших киевских профессоров в Люблине получил следующие приветствия: от Русского института в Праге за подписью академика В.А. Францева: «славному в истории русского просвещения Киевскому университету Св. Владимира, неуклонному и мужественному борцу-исповеднику и сеятелю идеи единой Руси» и т. д.; от Русского научного института в Белграде за подписью академика Ф.В. Тарановского: «институт вспоминает великие заслуги славного питомника науки и рассадника высшего образования в матери городов русских» и т.д.; от Правления союза русских академических организаций заграницей за подписью проф. А.С. Ломша-

кова: «в этот день наша академическая семья вспоминает совершенное университетом Св. Владимира в области науки и для подготовки работников во всех областях духовной жизни России; вспоминая прошлое, мы чувствуем в то же время и свою обязанность перед настоящим и будущим России» и т.д.; от Русской академической группы в Чехословакии за подписью проф. А. С. Ломшакова: «в

Відбиток печатки історично-філологічного факультету. Початок XX ст.

этот день мы восстанавливаем в душе нашей всю работу русской научной мысли, в области которой университету Св. Владимира принадлежит выдающаяся роль» и т.д.; от Русского академического союза в Болгарии за подписью проф. П.М. Бицилли: «пожелание дождаться поры, когда представится возможность вернуться на родину и возобновить в стенах родного университета служение русской науке»; от Союза русских писателей и журналистов в Чехословацкой республике за подписью покойного Н.И. Астрова: «этот университет был одним из ярких очагов русской культуры, которую в совместных усилиях создавали своими талантами и знаниями русские люди, не вступившие тогда в лютую распрю ради торжества разъединения» и т.д.; от Союза русских писателей и журналистов в Югославии за подписью Ф. Пельтцера: «верим, что тяжелое лихолетие над родиной окончится, и тогда вновь воскреснет к жизни Киевский университет под покровительством своего патрона, чтобы дать России новые достижения науки, основанной на свободе научной мысли и на уважении к закону и праву»; от гимнастического общества «Русский сокол» в Праге за подписью Л.Ф. Магеровского: «искренно желаем всем профессорам и питомцам университета Св. Владимира увидеть вновь его в исторической роли сеятеля на ниве российского просвещения» и т.д.; от бывших профессоров и питомцев С.-Петербургского университета; от ряда бывших преподавателей и студентов университета Св. Владимира из Латвии, Польши, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Югославии, Франции, Америки. Всем откликнувшимся организациям и питомцам киевской almae matris, едящим горький хлеб изгнания и, по словам Данте, тоже эмигранта, тяжело поднимающимся и спускающимся по чужим ступеням, Люблинский комитет выражает свою глубокую признательность. По вполне понятным причинам, мы не получили никаких откликов от подъяремной Руси. Но мы не сомневаемся, что там еще не перевелись люди, для которых столетие университета Св. Владимира — это славное воспоминание и волнующая надежда, ибо, в отличие от невежественных или заинтересованных иностранцев, они не думают, что настоящая русская история будто бы началась только осенью 1917 года и что она будто бы тогда же навсегда и остановилась: подобно тому как верный сын чешского народа Палацкий пророчески твердил: «мы были до Австрии, мы будем и после нее», и они разделяют наше убеждение, что университет Св. Владимира был до большевиков и будет после них. Через головы поработителей Великие и Малые Руси мы шлем наш сердечный привет как всем им, так и тем, «которых ожидает отечество от недр своих». И мы напоминаем им два призыва нашего великого поэта: «храните гордое терпенье, не пропадет ваш скорбный труд» и «да здравствует солнце, да скроется тьма!»

Спекторский Е. Столетие Киевского университета св. Владимира. Белград, 1935. С. 47-101.

Формулярный список о службе и.о. экстраординарного профессора Императорского Университета Св. Владимира по кафедре энциклопедии права, магистра государственного права Евгения Васильевича Спекторского. Составлен в ноябре 1917 года

Чин, имя, отчество, фамилия, должность, лета от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание

Не имеющий чина, доктор государственного права Евгений Васильевич Спекторский.

Ординарный профессор Университета Св. Владимира по кафедре энциклопедии права и истории философии права.

Родился 3 октября 1875 года.

Православного исповедания.

Кавалер орденов: Св. Анны 3 ст. и Св. Станислава 3 ст.

Содержания получает в год 3000 р., две пятилетние прибавки 1000.

Итого 4000 р.

Из какого звания происходит

Из дворян, уроженец Волынской губ.

Есть ли имение у него самого и у родителей

Нет.

У жены, если женат

Нет.

Где получил воспитание и окончил ли полный курс наук в учебном заведении; когда поступил в службу; какими чинами, в каких должностях и где проходил оную; не было ли каких особых по службе действий или отличий; не был ли особенно чем-либо награждаем, кроме чинов

Окончил в Императорском Варшавском Университете курс наук по юридическому факультету со степенью кандидата, в каковой и утвержден Советом того же университета 4 июня 1897 года.

Управлявшим Министерством Народного Просвещения за № 20565 утвержден профессорским стипендиатом Варшавского Университета по кафедре государственного права с содержанием по 600 руб. в год из специальных средств Университета, сроком на 2 года, — 1897 г., августа 2.

С разрешения г. Министра Народного Просвещения за № 15876 оставлен при Императорском Варшавском Университете еще на 1 год в качестве профессорского стипендиата с сохранением содержания, в размере 600 руб. в год из специальных средств Университета, — 1899 г., июля 1.

Выдержал в юридическом факультете Императорского Варшавского Университета с удовлетворительными успехами испытание на степень магистра государственного права в 1900/1901 учебном году.

По поручению юридического факультета Императорского Варшавского Университета вел практические занятия со студентами по государственному праву в течение 1899/1900 и 1900/1901 учебных годов.

С Высочайшего соизволения командирован с ученою целью за границу для приготовления к профессорскому званию по кафедре государственного права, сроком на 2 года с 1 января 1902 г. с назначением ему в содержание 1500 руб. в год из сумм Министерства — 1902 г., января 1.

Управлявшим Варшавским Учебным Округом, от 7 июня 1903 г. за № 17778, назначен и.д. доцента Императорского Варшавского Университета по кафедре эн-

циклопедии права с положенным по штату жалованием с 1903 г., августа 1.

С Высочайшего соизволения командирован с ученою целью за границу, сроком на летнее вакационное время 1904 года.

По командировке этой получил в пособие 200 р. из специальных средств Университета.

С Высочайшего соизволения командирован с ученою целью за границу, сроком на рождественские вакации 1904 г.

С Высочайшего соизволения командирован с ученою целью за границу, сроком на пасхальные и летние вакации 1905 года.

По командировке этой получил в пособие 150 руб. из специальных средств университета.

С Высочайшего соизволения командирован с ученою целью в Россию и за границу, сроком с апреля 15 по сентября 1, 1906 г.

Попечителем Варшавского Учебного Округа за № 9819 разрешена ему командировка с ученою целью за границу сроком на летнее вакационное время 1909 года.

По командировке этой получил в пособие 300 руб. из специальных средств Университета.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству за №1 Всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Станислава 3 степени 1910 г., января 1.

С разрешения Попечителя Варшавского Учебного Округа за № 11329 командирован с ученою целью за границу, сроком на летнее вакационное время 1910 года.

По командировке этой получил в пособие 166 р. 66 к. из специальных средств Университета.

По публичном защищении диссертации, под заглавием: «Проблема социальной физики в XVII столетии. Том первый. Новое мировоззрение и новая теория науки. Варшава 1910 г.» юридическим факультетом Императорского Юрьевского Университета удостоен ученой степени магистра государственного права, в каковой и утвержден Советом того же университета 1911 г., мая 16.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 4 сентября 1911 г. за № 66, назначен экстраординарным профессором Императорского Варшавского Университета по кафедре энциклопедии права с 1911 г., мая 16.

Утвержден председателем Профессорского Дисциплинарного Суда на 1912/13 академический год.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству за № 1 Всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Анны 3 степени 1913 г., января 1.

Утвержден председателем Профессорского Дисциплинарного Суда на 1913/14 академический год.

С разрешения Попечителя Варшавского Учебного Округа командирован с ученою целью за границу, сроком на летнее вакационное время 1914 года.

Ректор Университета *(підпис)*

Высочайшим приказом от 7 июля 1914 г. за № 47 назначен исполняющим должность экстраординарного профессора Университета Св. Владимира по кафедре энциклопедии права и истории философии права.

Советом Московского Университета, за публично защищенную им диссертацию, утвержден в степени доктора государственного права 1917 г., мая 27.

Предложением Г. Товарища Министра Народного Просвещения от 28 июня 1917 г. за № 6033, утвержден в должности декана юридического факультета Уни-

верситета Св. Владимира, согласно избранию, с 1917 г., мая 8.

Предложением Министерства Народного Просвещения от 2 сентября 1917 г. за № 8135, утвержден ординарным профессором Университета Св. Владимира по кафедре энциклопедии права и истории философии права с 1917 г., мая 27.

Был ли в походах против неприятеля и в самых сражениях и когда именно?

Не был.

Подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе; когда и за что именно, по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке; не был ли оставлен в подозрении по преступлениям, влекущим за собою такие ограничения; когда, каким судом и за что именно?

Не подвергался.

Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени, являлся ли на срок и если просрочил, то когда именно явился и была ли причина просрочки признана уважительною?

В 1905 г. на 28 дней, в 1910 г. с 8 декабря по 6 января 1911 г.

Из отпусков на срок являлся.

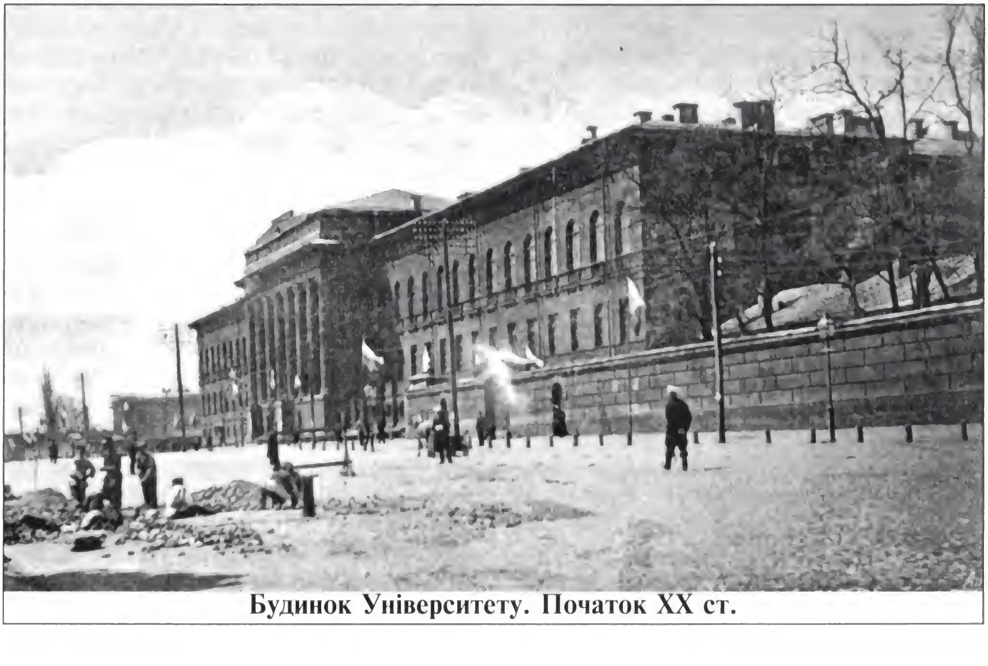
Был ли в отставке с награждением чином, или без оного, когда и с которого по какое именно время?

Был вне службы со 2 августа 1900 г. по 1 января 1902 г.

Холост или женат, на ком; имеет ли детей, кого именно; год, месяц и число вступления в брак, а также рождения жены и детей; где дети находятся и какого они и жена вероисповедания?

Вступил в первый законный брак 30/17 августа 1918 года со вдовою дворянкою Марией Константиновной Багатко, православного вероисповедания, 55 лет от роду.

ДАК, ф. 16, оп. 465, спр. 4816, арк. 11-18.



Будинок Університету. Початок XX ст.

Холодний Микола Григорович (1882-1953)

Визначний ботанік, фізіолог, мікробіолог, еколог, історик науки.

Народився 1882 р. у Тамбові. Закінчив Університет св. Володимира (1906), працював у ньому до 1941 р., з 1926 р. — професор. У 1920-1949 рр. — співробітник Інституту ботаніки АН УРСР. З 1925 р. — член-кореспондент, а з 1929 р. — академік АН УРСР. 1933 року заснував в університеті кафедру фізіології й анатомії рослин та мікробіології.

Автор понад 200 наукових праць з питань фізіології, анатомії та екології рослин, мікробіології, грунтознавства. Основоположник фітогормональної теорії тропізмів (теорія Холодного-Вента, 1926). Вивчав екологію розмноження і розповсюдженя квіткових рослин; фізіологію і морфологію залізобактерій (запропонував нові методи обліку кількості грунтових бактерій). Автор загальнобіологічних концепцій: виникнення життя на Землі, еволюційної теорії.

Видання: «Избранные труды» (Т. 1-3. К., 1956-1957); «Вибрані праці» (К., 1970); «Избранные труды» (К., 1982); «Железобактерии» (М., 1953); «Среди природы и в лаборатории» (М., 1949); «Фитогормоны» (К., 1939); «О влиянии металлических ионов на процессы раздражимости у растений» (К., 1918); «Дарвинизм и эволюционная физиология» (Ереван, 1943); «Мысли натуралиста» (К., 1947).

Бібліографія: Николай Григорьевич Холодный (1882-1953) / Сост. А.П. Брайон. К., 1982.

Архів: НБУ НАНУ. Інститут архівознавства, ф.16, 63 од. зб.

Література: Поруцкий Г.В. Николай Григорьевич Холодный (1882-1953). М., 1967; *Ситник К.М., Ромашко Я.Д.* Микола Григорович Холодний. К., 1979; Н.Г. Холодный // Физиология и биохимия культ. растений. 1982. Т. 14. № 3. С.211-215; Академик Н.Г. Холодный — основатель учения о гормонах растений // Физиология растений. 1982. Т.29. Вып. 4. С. 629-632; *Білокінь І.П.* М.Г. Холодний — учений-філософ // Філософські проблеми сучасного природознавства. 1967. Вип. 9. С. 135-153; *Галузинська В.* Батько фітогормонів // Наука і суспільство. 1987. № 12. С.15-18; *Митяева Т.И., Сытник К.М.* Идейные потоки научного творчества и мировоззрения Н.Г. Холодного // Укр. ботан. журн. 1982. Т.39. № 3. С.10-15; *Поруцкий Г.В.* Холодный // Биол. журн. Армении. 1983. Т.36. № 4. С. 346-352; *Мочалов И.И., Хайруллин К.Х.* Концепция антропокосмизма Н.Г. Холодного // Вопр. философии. 1982. № 11. С.134-139; *Мочалов И.И.* Н.Г. Холодный — историк науки // Вопр. истории естествознания и техники. 1982. № 2. С. 51-65.

Воспоминания и мысли натуралиста

Наступил великий исторический перелом 1917 г. Я не буду описывать ход событий, круто изменивших весь уклад нашей жизни. Едва ли представляет какую-либо ценность свидетельство очевидца, не принимавшего активного участия в этих событиях и наблюдавшего только то, что происходило в непосредственной близости, без возможности объективно оценить широкие перспективы и внутренние связи грандиозных общественных и политических изменений, охвативших всю нашу великую страну и все слои многомиллионного ее населения.

Период, наступивший после Февральской революции, в политическом отношении характеризовался крайней неустойчивостью. Трудно было допустить мысль о возможности реставрации в той или иной форме окончательно осужденного историей старого режима. Равнодействующая сил, борющихся за власть, явно была направлена в сторону политического и социального прогресса. Но многое зависело от того, какая из этих сил возьмет верх над остальными и за кем пойдет большинство народа, в первую очередь трудящееся население крупных центров страны. Для меня лично этот вопрос был решен с того момента, когда я узнал из газет о результатах выборов в московские районные думы, происходивших летом 1917 г. на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Во всех районах города (за исключением, кажется, двух центральных) огромным большинством прошли большевики. После этого, на мой взгляд, нетрудно было решить, какая партия окажется, в конце концов, у власти.

Таким образом, октябрьские события не были для меня неожиданностью. Установление Советской власти было выражением воли активного в политическом отношении большинства народа, и я считал своим долгом безоговорочно признать его. Этим была определена и основная линия моего поведения на все дальнейшее время — линия честного сотрудничества с новой властью в меру своих сил и возможностей. От этой основной линии я не уклонился ни разу, несмотря на все зигзаги капризной послереволюционной истории Украины. А зигзагов было немало. Достаточно сказать, что за четыре года (с 1917 по 1920) в Киеве шестнадцать раз менялась власть! Оговорку «в меру своих сил и возможностей» делаю потому, что мне неоднократно приходилось отказываться от административной и организационной работы, к которой я не чувствовал себя способным и подготовленным. Сферу своей деятельности я твердо решил ограничить научно-исследовательской и педагогической работой.

В этой хорошо мне знакомой области я мог только приветствовать основные принципы, провозглашенные Советской властью: всемерное усиление и расширение научной работы в нашей стране, сближение науки с практикой народного хозяйства и социалистического строительства; всеобщее обучение, развитие сети школ всех ступеней; подъем культуры широких масс взрослого населения и т. д. Правда, не все конкретные мероприятия, направленные к осуществлению указанных принципов, казались мне на первых порах целесообразными. Так, например, я никогда не мог примириться с заменой в 1920 г. университетов на Украине так называемыми «институтами народного образования», преследовавшими более узкие цели. На мой взгляд, эта реформа должна была привести к снижению культурного уровня советской интеллигенции. Как известно, с 1 января 1933 г. университеты на Украине были восстановлены.

Едва ли нужно говорить, что в борьбе двух миров — старого и нового — в эпоху гражданской войны и в последовавшие за ней годы мои симпатии неизменно были на стороне трудящихся, созидателей нового, более совершенного строя. Октябрьская революция застала меня еще сравнительно молодым человеком, продолжавшим жить «по-студенчески» и в значительной мере сохранившим идеологию и навыки студенческих лет. Некоторые эксцессы революционной борьбы начального, наиболее острого ее периода производили на меня тяжелое впечатление, но в то же время я сознавал их неизбежность. Я был убежден, что реставрация «старого порядка» повлекла бы за собой несравненно больше жертв и сопровождалась бы гораздо более жестокой расправой победителей с побежденными. Однажды, в период пребывания «у власти» гетмана Скоропадского, мне пришлось присутствовать в Киеве при разговоре нескольких молодых людей, среди ко-

Микола Холодний. 1912 р.

торых находился и бывший помещик одной из центральных губерний, носивший теперь форму штабного офицера. С какой ненавистью говорил он о крестьянах, отобравших у него землю, и как мечтал о том времени, когда он сможет в жестоких экзекуциях залить эту землю кровью своих «обидчиков». Этот разговор был для меня хорошим уроком, о котором я часто вспоминал, когда приходилось слышать о «ненужных жестокостях» победившей пролетарской революции.

В 1918-1920 гг., в период гражданской войны и борьбы с различными интервентами на Украине, занятия в Киевском университете и на Высших женских курсах часто прерывались на более или менее продолжительное время. Иногда, во время уличных боев, нельзя было даже пройти в университет и на курсы из Липок, где я жил с 1905 г. Пули и осколки снарядов нередко через окно попадали и в лабораторию, где я работал. Оконные стекла вылетали целыми десятками, а во время грандиозного взрыва артиллерийских складов на Зверинце летом 1918 г. взрывная волна вышибла в Ботаническом кабинете университета даже целую дубовую раму и почти все стекла в других окнах.

В часто повторявшиеся периоды междувластия в городе свирепствовали вооруженные шайки бандитов, врывавшихся в квартиры и грабивших население. Мне, как и другим жителям Киева, способным носить оружие, приходилось принимать участие в гражданской самообороне и по ночам с винтовкой в руках охранять жизнь и имущество своих сограждан.

В такой обстановке было, конечно, нелегко продолжать начатую работу. Тем не менее я пользовался всяким периодом относительного затишья, чтобы довести до конца начатые исследования. Большой экспериментальный материал, накопившийся у меня с 1916 г., позволял уже сделать некоторые интересные выводы, имевшие, на мой взгляд, общефизиологическое значение, и это, естественно, удваивало мою энергию, заставляя пренебрегать трудностями и ставить все новые опыты. К концу лета 1918 г. работа была в основном закончена, и я мог приступить к литературному ее оформлению.

Главнейший результат этого исследования, потребовавшего у меня, вместе с теоретической к нему подготовкой, более двух лет напряженной работы, заключался в том, что мне удалось распространить учение о физиологическом антагонизме моновалентных и поливалентных катионов на ряд новых явлений — на растительных объектах, а также несколько углубить и расширить господствующие представления о механизме действия ионов щелочных и щелочноземельных металлов на протоплазму. Оказалось, что антагонистическое действие ионов на рост и ростовые движения высших растений подчиняется тем же закономерностям, какие были установлены Дж. Лебом в

его опытах с мышцами различных животных. Очень интересные результаты дали также мои опыты с молодыми корневыми волосками Trianea bogotensis. Помещая их в растворы химически чистых солей, можно было прямо под микроскопом проследить изменения в коллоидном состоянии протоплазмы, вызванные различными катионами этих солей и их сочетаниями. И в этом случае отчетливо проявлялся антагонизм ионов различной валентности.

В теоретической части моей работы все эти экспериментальные данные были подвергнуты подробному анализу с физиологической и коллоидно-химической точек зрения. Там же мною была сделана попытка построить физико-химическую гипотезу геотропизма, в основу которой была положена идея об изменении под действием силы тяжести электрических потенциалов и ионного состава в противоположных (верхней и нижней) частях каждой клетки растущего органа. Высказанные в этой части мысли впоследствии побудили Л. Браунера к исследованию, завершившемуся открытием геоэлектрического эффекта. Осенью 1918 г. мне с большим трудом удалось напечатать эту свою работу в «Киевских университетских известиях», получить отдельные оттиски и представить их в физико-математический факультет Киевского университета с просьбой допустить меня к защите магистерской диссертации.

Защита состоялась только в марте 1919 г. Моими официальными оппонентами были проф. А.М. Левшин (физиолог) и И.И. Косоногов (физик). Это была последняя защита диссертации на научную степень, проведенная на физико-математическом факультете нашего университета с соблюдениями всех освященных историей правил и традиций. В Киеве в это время была уже Советская власть, но старый университетский устав еще продолжал действовать. В отличие от позднее установленного порядка защиты, диссертант не имел возможности заранее познакомиться с

Йосип Косоногов. 1934 р.

возражениями оппонентов и подготовить свои ответы. Это придавало всей дискуссии более живой, боевой характер и увеличивало ее интерес для посторонних слушателей, которых всегда собиралось довольно много. Мне не было предъявлено сколько-нибудь серьезных возражений. Оба оппонента дали хорошие отзывы о работе, и степень магистра ботаники была присуждена мне единогласно.

Из кулуарных разговоров после закрытия заседания и традиционного обмена поцелуями и рукопожатиями вспоминаю замечание проф. Г. Якубаниса (философа), который был очень огорчен тем, что единственный из моих тезисов, имевший философский характер, был направлен против витализма, да еще курьезный «обмен мнениями» между профессорами Г.К. Сусловым (механик) и А.В. Фоминым (ботаник-систематик): «Что же это Вы, Александр Васильевич, не высказали своего мнения по поводу ботанической диссертации?» — «Да разве это ботаника?» — полушутливо, полусердито спрашивает тот в свою очередь.

Олександр Фомін. 30-і роки XX ст.

И правда, в моей диссертации было, пожалуй, больше физики и химии, чем ботаники в традиционном ее понимании. После того, как совет университета утвердил меня в степени магистра, я получил в апреле 1919 г. звание профессора Киевских Высших женских курсов. В университете с января 1918 г. я числился штатным доцентом.

Жизнь в Киеве в течение целого пятилетия (1918-1922 гг.) никак не могла наладиться и временами была очень тяжела. Частые смены властей до 1920 г., когда после изгнания белополяков окончательно укрепилась в нашем городе Советская власть, приводили к тому, что преподаватели высших школ, как и представители многих других интеллигентных профессий, иногда по нескольку месяцев не получали никакой заработной платы, а если и получали, то ее не хватало на самую скромную жизнь — ввиду обесценивания денежных знаков. Приходилось изыскивать средства к существованию всеми возможными способами. Один раз и я должен был заняться «отхожим промыслом»: в течение нескольких недель перевозил на ручных санках (это было зимой 1919/20 г.) книги и целые библиотеки, оставшиеся беспризорными после того, как их владельцы бежали из Киева от Советской власти. Дело было организовано Наркомпросом. Книги свозились в одно место, где их сортировали специалисты, а затем они распределялись по библиотекам школ, клубов и других просветительских учреждений.

Кадры преподавателей высшей школы и научных работников в Киеве сильно поредели в течение «смутного времени» 1918-1920 гг. Некоторые погибли в политической борьбе, другие — эмигрировали за границу (в том числе почти все поляки, эвакуировавшиеся легально) или переехали в иные части нашей страны, где они рассчитывали найти лучшие условия для работы; кое-кто ушел в село, так как там в эти годы легче было прокормить себя и свою семью; наконец, были отдельные случаи гибели от шальных пуль и снарядов или от рук бандитов. Проф. Брюно (гинеколог) был убит осколком снаряда возле своей клиники; проф. А.В. Сперанский (химик) пал жертвой грабителей в лесу по дороге из Киева в дачную местность Боярка.

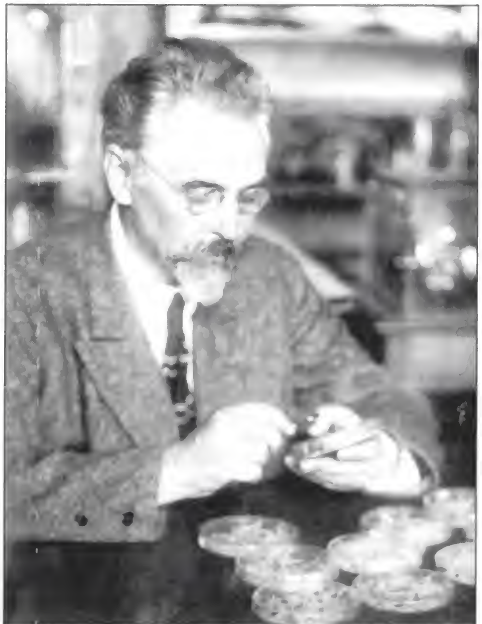
В ночь на 1 декабря 1919 г. во время обстрела Киева из-за Днепра наступающими советскими войсками шестидюймовый снаряд угодил в стену дома, в котором я жил, как раз возле моей комнаты. Все стекла вылетели, и в комнату ворвался двадцатиградусный мороз... На другое утро я уложил самые нужные вещи на ручные санки и перебрался на жительство в университет, в свою лабораторию: в то время я опять ею заведывал, так как проф. Левшин после кратковременного пребывания в Киеве уехал в Одессу к семье и застрял там на несколько лет.

Этот случай имел большое влияние на всю мою дальнейшую жизнь. Уединившись в лаборатории, окруженный

книгами, приборами и реактивами, я мог спокойно отдавать работе все свое свободное время. Правда, первые годы, особенно зимой, когда не было ни топлива, ни света, ни воды, жизнь в лаборатории представляла мало удобств. Но постепенно положение улучшалось и, начиная примерно с 1923 г., стало вполне удовлетворительным. Для успеха работы большое значение имели два обстоятельства: во-первых, возможность вести опыты и другую работу почти круглые сутки и, во-вторых, отсутствие всяких помех, связанных с необходимостью периодических отлучек из лаборатории. Даже для чтения лекций не надо было никуда уходить, так как аудитория находилась рядом с помещениями, в которых я ставил свои опыты. Если по ходу опыта мне необходимо было сделать отсчет или наблюдение во время лекции, я объявлял перерыв на несколько минут и уходил из аудитории. Никаких недоразумений ни со студентами, ни с университетской администрацией у меня на этой почве не возникало.

Почти 13 лет жил и работал я в условиях такого добровольного «заточения» в лаборатории. И должен сказать, что в научном отношении эти годы были весьма продуктивными. Изменить этому ставшему скоро привычным образу жизни меня заставила новая катастрофа — грандиозный пожар Киевского университета в ноябре 1932 г. При тушении его моя лаборатория сильно пострадала от воды и надолго выбыла из строя. А с января 1933 г. я отказался от заведования кафедрой физиологии растений. В моем заведывании осталась только учрежденная в том же году кафедра микробиологии, которая располагала всего двумя небольшими комнатами.

Немного раньше описанного выше вынужденного переселения моего в университет — летом 1919 г. — произошло событие, имевшее, пожалуй, еще большее значение для дальнейшей моей научной деятельности: я впервые



Олександр Левшин. 1934 р.

получил возможность работать в природе, т. е. в тех условиях, к которым меня особенно влекло с юных лет. Это случилось следующим образом.

Я узнал, что Днепровская биологическая станция, помещавшаяся раньше возле самого Киева на левом берегу Днепра, переходит на новое место в 18 км выше Киева, в урочище Геристое возле с. Староселье. Эта живописная местность была уже мне знакома. Она представляла собой группу высоких песчаных дюн (до 20 м высотой), покрытых сосново-дубовым лесом, на берегу Днепра, немного выше впадения в него Десны. Кругом простирались обширные луга и болота, которые весной заливались днепровскими водами, а в 2 км к северу начинался большой лесной массив, тянувшийся почти до Чернигова. Кругом, в пойме Днепра, было много стариц и озер. Для натуралиста вся эта местность с ее разнообразием биоценозов представляла несомненный интерес.

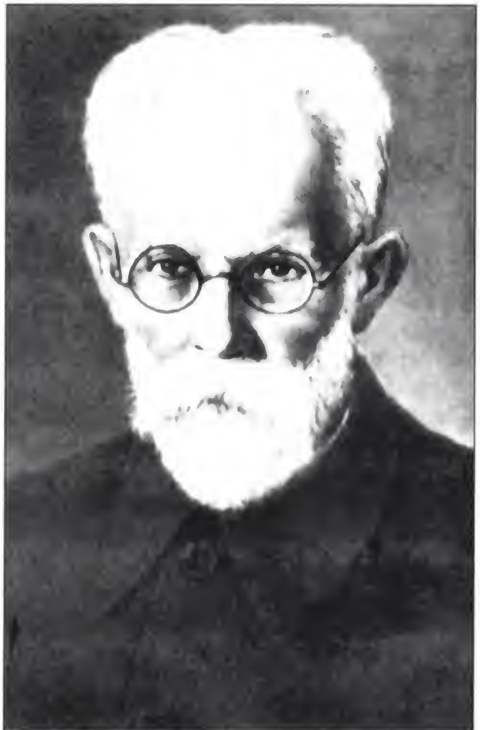
Биологическая станция разместилась в доме лесничего. Заручившись согласием ее директора, проф. С.Е. Кушакевича, я в середине июля 1919 г. при-

ехал сюда поработать и сразу же почувствовал, что попал в свою стихию. Мне казалось, что мечты моей юности, наконец, осуществляются и что я смогу теперь хотя бы часть своего времени проводить среди природы, в условиях, позволяющих вести разнообразные научные наблюдения и исследования.

На станции я застал небольшой, но дружный коллектив научных работников, преимущественно молодежи. Семья лесничего П.А. Сиверцева также произвела на меня прекрасное впечатление, и вскоре со всеми ее членами у меня установились дружеские, сердечные отношения.

Душой всего этого общества был проф. С. Е. Кушакевич — остроумный и жизнерадостный человек, всех заражавший своим энтузиазмом в научной работе. Летом 1919 г. он был увлечен исследованием вольвокса. Ему посчастливилось открыть в истории развития этого интереснейшего организма новую, до тех пор неизвестную стадию. Кто бы мог думать, что менее чем через год жизнь этого талантливого, полного сил и планов исследователя оборвется. В феврале 1920 г. он умер от сыпного тифа в Константинополе. Помню, как во время моей последней встречи с С. Е. в декабре 1919 г. я отговаривал его от задуманной им поездки в Западную Европу, в Чехословакию, где он хотел продолжать свою работу над вольвоксом и другими колониальными простейшими. К счастью, перед отъездом С. Е. оставил в Киеве краткое сообщение на немецком языке о своем замечательном открытии. Оно было опубликовано в 1923 г. в «Трудах Украинской Академии наук», а несколько лет спустя я еще раз напечатал его в Archiv für Protistenkunde, снабдив небольшим предисловием и цветной таблицей рисунков. Это то самое сообщение, которое акад. И. П. Бородин назвал «предсмертной и бессмертной работой» проф. Кушакевича.

С. Е. встретил меня очень радушно и отвел прекрасное рабочее место рядом со своим. Здесь впоследствии мне пришлось провести еще много самых счастливых в моей научной жизни часов, всегда наполненных интересной работой и иногда озаренных величайшей из доступных натуралисту радостей — радостью открытия новых тайн природы.


Володимир Вернадський. 30-і роки XX ст.

Необычайно колоритной была массивная фигура нашего хозяина — П.А. Сиверцева. Человек исключительного добродушия, общительный, гостеприимный, жизнерадостный, он всем своим обликом как нельзя лучше гармонировал с веселым и разнообразным, настраивающим на бодрый лад пейзажем Гористого. Его громкий голос и раскатистый смех целый день были слышны в большой усадьбе лесничества. Он любил делиться с окружающими своими богатыми воспоминаниями, и иной раз нельзя было не заслушаться его красочных рассказов, его сочной, чистой русской речи. Родом коренной тверичанин, он умел отлично ладить и с местным украинским населением, хорошо понимал его психологию, шел навстречу его нуж-

Дмитро Белінг. 1934 р.

дам и пользовался большой любовью крестьян всех соседних сел. Их подкупала и неподдельная простота «пана лесничего» и его полное бескорыстие.

По образованию П.А. был натуралист: он окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, где работал у Менделеева, а затем Петербургский лесной институт. К идее «лаборатории в природе» он относился с неменьшим увлечением, чем мы, более молодые ее энтузиасты, и впоследствии много помогал нам, когда мы начали хлопотать о передаче Старосельской дачи Дубечанского лесничества и всех находящихся в ней построек Академии наук УССР для организации здесь заповедника (см.: *М.Г. Холодний.* Петро Олексійович Сіверцев (некролог). — Журн. біол.-ботан. циклу ВУАН, 1933, № 7-8, с. 211-213).

Летом 1919 г. в Гористом жил один из крупнейших ученых нашей страны — акад. В.И. Вернадский, принимавший деятельное участие в организации Украинской Академии наук. Я был очень рад возможности ближе познакомиться с этим выдающимся, разносторонне образованным ученым и замечательным человеком. Всех нас поражала его исключительная простота, нетребовательность в отношении бытовых условий и огромная работоспособность. Для отдыха В.И. любил совершать длительные прогулки по лесистым окрестностям биологической станции. Обычно он приглашал меня быть его спутником. В оживленных беседах на самые разнообразные темы мы иногда незаметно забредали в очень отдаленные глухие места. Дружеские отношения с В.И. сохранились у меня на всю дальнейшую жизнь: я поддерживал с ним переписку и неоднократно навещал его в Ленинграде и Москве. Впоследствии В.И. еще раз посещал Гористое. Здесь работали и многие из его учеников и сотрудников, в частности А.П. Виноградов.

С.Е. Кушакевич привлекал к работе на биологической станции некоторых студентов — своих учеников. Из них особенно выделялся Ф.Г. Добжанский — очень способный юноша, с ясно выраженным генетическим складом ума. Впоследствии он работал у Т. Моргана в Пасадине (Калифорния), быстро выдвинулся и уже через несколько лет был приглашен занять кафедру генетики в Колумбийском университете, в Нью-Йорке. Как многие рано сформировавшиеся ученые, он и в годы студенчества интересовался почти исключительно своей специальностью и уделял мало внимания отделам естествознания. На экзамене по физиологии растений Ф.Г. отвечал очень плохо. Это, впрочем, не мешало мне и другим преподавателям университета высоко ценить его, как подающего большие надежды молодого исследователя.

Из иногородних ученых, посещавших Днепровскую биологическую станцию в первые годы после перехода ее в Гористое, мне особенно ярко запомнился молодой зоолог Исаев, работавший над пресноводными гидрами. Он был на станции летом 1922 г. и в том

же году трагически погиб в горах Северного Кавказа, куда поехал с научной целью. Он был захвачен в плен шайкой «зеленых» и зверски убит.

Я приехал впервые на биологическую станцию с намерением изучить на живом материале цитологические изменения в растительных клетках при голодании. Вопрос этот возник у меня, когда я работал с корневыми волосками Trianea bogotensis. Отрезки корней этого растения, покрытые волосками, в моих опытах довольно долго находились в чисто минеральных растворах или в дистиллированной воде. В этих условиях волоски, еще не закончившие своего роста, естественно, должны были испытывать недостаток не только в органических, но и в зольных веществах. Скоро, однако, я оставил эту тему, увлекшись другими вопросами. В поисках объектов для опытов с голоданием я обратил внимание на сальвинию (Salvinia natans) и заинтересовался дегенеративным метаморфозом пластид, который легко наблюдать у этого растения в клетках волосков, покрывающих подводные листья и находящихся на различных стадиях развития. В то время оживленно дебатировался вопрос о генетической связи пластид с хондриосомами. Мое исследование, проведенное и на живом, и на фиксированном материале, привело меня к выводу об отсутствии такой связи — по крайней мере, у сальвинии.

Я всегда интересовался простейшими. Пребывание на станции дало мне возможность расширить свои знания в этой области, и я довольно хорошо изучил фауну водоемов账Гористого, причем нашел в ней несколько интересных и редких форм. Список их впоследствии был опубликован проф. Д.Е. Белингом.

Недалеко от дома лесничего, где помещалась станция, на берегу озера Подборного, находился неглубокий колодец с холодной водой, которым мы пользовались для питья. Эта вода содержала довольно много железа, выпадавшего из нее — при стоянии — в виде обильного осадка гидроокиси Fe'''. Летом в колодце появлялись нитчатые водоросли, главным образом Confervaceae. В.В. Вернадский обратил мое внимание на то, что нити этих водорослей часто несут на своей поверхности какие-то ярко-желтые желвачки в виде бус. Это наблюдение привело меня к исследованию железобактерий.

Желтые «бусинки» на нитях конферв оказались скоплениями бактерий, погруженных в коллоидную массу, состоящую, главным образом, из гидроокиси железа и выделяемую клетками этих бактерий. Клетки водоросли, заключенные внутри желвачков, отличались от обычных вегетативных клеток конфервы более высоким содержанием хлорофилла и другими особенностями. Оказалось, что и некоторые другие виды железобактерий особенно хорошо развиваются в присутствии зеленых водорослей. Отсюда у меня возникла мысль о симбиозе между этими двумя группами организмов.

Все эти наблюдения были сделаны мною летом 1919 г. Начиная с этого времени, я ежегодно проводил в Гористом несколько месяцев. Впоследствии Академия наук УССР приобрела у лесного ведомства дом лесничества со всеми другими постройками, а затем (в 1931 г.) ей были переданы лес и прочие угодья, входившие в состав урочища Гористое с тем, чтобы здесь был организован заповедник и велась научная работа. Незадолго до начала Великой Отечественной войны вышел из печати первый сборник работ, посвященных изучению природы Гористого под моей редакцией. До 1941 г. я был председателем ученого совета заповедника.

Поездки из Киева в Гористое в первые годы после революции были сопряжены с различными трудностями. Регулярного пароходного сообщения не было, и обычно приходилось пользоваться лодками крестьян, возвращавшихся из Киева в свои села вверх по Днепру или по Десне, а иногда даже идти пешком. Впрочем, и в позднейшие годы я часто прибегал к этим примитивным способам передвижения, особенно осенью. В них была своя

прелесть, своя поэзия, понятная всякому, кто по-настоящему любит природу. Нередко случалось так, что крестьяне соглашались везти только при условии, если будешь помогать им, работая веслом или прави́лом. Во время этих поездок, длившихся обычно по 5-6 часов, быстро рушились всякие — сословные и классовые — перегородки между едущими и начинались задушевные разговоры, способствовавшие дальнейшему сближению.

Весной 1920 г. Киев был временно оккупирован белополяками. Их войска находились и в Вышгороде, расположенном на правом берегу Днепра, против Гористого. На левом же берегу, в 6 км от Гористого, в селе Сваромье стояли советские войска. Таким образом, Гористое оказалось в межфронтовой полосе. С большим трудом мне и П.А. Сиверцеву удалось получить разрешение на выезд из Киева и найти попутную лодку до Староселья.

По приезде на биологическую станцию я возобновил исследование железобактерий, но на этот раз пришлось вести его в довольно необычной обстановке. Часто, собирая материал для работы в окрестностях станции, я слышал над головой свист снарядов польской батареи, обстреливавшей Сваромье. Однажды и наш лес был обстрелян с советского военного парохода, прощупывающего расположение противника. Днем к нам заходили польские разведчики, ночью — советские, оставлявшие в лесу и в усадьбе лесничества немалое количество агитационной литературы на польском языке. Таким образом, мы все время находились «между двух огней».

К счастью, такое положение дел длилось недолго. В июне 1920 г. советская конница, переправившись через Днепр возле с. Печки, начала свой знаменитый рейд по тылам белополяков. Вернувшись вскоре после этого в Киев, я был свидетелем поспешного и довольно панического отступления белопольских войск. Я не мог не вспомнить тогда хвастливое заявление молодого польского офицера, бывшего студента Киевского университета, которого я встретил в Киеве месяцем раньше: «Что взяла армия Пилсудского, того она не отдаст обратно!» — услышал я в ответ на мой вопрос, долго ли поляки будут в Киеве.

В следующем, 1921 г. мне пришлось во время моих поездок в Гористое переживать трудности другого рода. Год был неурожайный, приходилось питаться, главным образом, молоком и овощами, да и те доставать было нелегко. Не хватало также белья, верхней одежды, обуви, мыла. Но среди природы, под ярким солнцем, на берегу Днепра, за любимой работой все эти большие и маленькие бытовые затруднения переносились легче, чем в городе, и нисколько не влияли на настроение. Я чувствовал себя превосходно.

Берега Днепра и лесные дороги в эти годы стали излюбленной ареной деятельности бандитских шаек. Путешествия пешком, на лодке и даже на пароходе не всегда были безопасны: проезжих и прохожих часто грабили, а иногда и убивали. Приходилось и мне во время моих поездок по Днепру и пешеходных экскурсий встречаться с рыцарями большой дороги, а один раз даже беседовать с ними. К счастью, все эти встречи кончались безобидно: моя одежда и обувь в то время находились в таком неприглядном состоянии, что едва ли могли соблазнить кого-нибудь. Правило «по одежде встречают» в этих случаях обеспечивало мне спасительное «табу».

Для характеристики этой красочной эпохи опишу один эпизод из моего путешествия в Переяслав. Я поехал туда пароходом, но в пути капитан объявил пассажирам, что на переяславской пристани остановки не будет, так как по полученным им сведениям в этом районе бандиты обстреливают и грабят пароходы. Пассажирам, ехавшим в Переяслав, было предложено выйти на берег километров за 25 выше этой пристани. Кроме меня, высадилось еще только два молодых человека. Втроем мы долго блуждали в прибрежных кустарниках в поисках дороги и выбрались на

нее только в сумерки. Ориентировавшись по звездам, взяли нужное нам направление и тронулись в путь. Входим в какое-то большое село. Слышим окрик: «Стой! Кто такие?» Нас окружает толпа. Объясняемся, показываем документы. Убедившись в наших мирных намерениях, сельские власти неожиданно выносят постановление: «Арестовать их до утра». Спрашиваем, за что же нас арестовывают. Выясняется, что эта мера профилактическая — в интересах общей безопасности. «Як уб'ють вас у дорозі, то й вам буде погано, і нам за вас, може, відповідать прийдеться. Цими днями в нашому селі вже було таке...» Пришлось подчиниться. Посадили нас в клуню и приставили «діда з рушницею», «щоб не втекли». Часа за два до рассвета, когда все в селе стихло, я выглянул наружу и, убедившись, что наш страж крепко спит, разбудил своих попутчиков. Осторожно мы выбрались на дорогу и опять пустились в путь. На наше счастье, собак в это время в селах почти не осталось. Солнце еще только начало подниматься над горизонтом, когда мы увидели, наконец, вдали переяславские колокольни.

Обратный путь до самого Киева — около 90 км я совершил пешком. Дорога была почти безлюдна. Отдыхал в саду полуразрушенного хутора, где также не было ни одной живой души. Зато за Борисполем начало попадаться много встречных: киевляне несли в села различные вещи для обмена на съестные продукты.

Жизнь в Гористом вполне отвечала моему с юности неискоренимому стремлению быть поближе к природе, постоянно наблюдать ее разнообразные явления, всегда дающие здоровую пищу и уму и чувству человека. Еще более важным мне представлялось то, что здесь я мог не только наблюдать, но и экспериментировать, заставляя ту же природу давать ответы на вопросы, поставленные ей пытливой мыслью натуралиста. Особенно много вопросов возникло у меня в первые годы, когда на каждом шагу приходилось встречать все новые интересные объекты.

Холодный Н.Г. Избранные труды. К., 1982. С. 85-94.

Справа про обрання Миколи Холодного доцентом кафедри ботаніки Університету св. Володимира 26 березня — 31 серпня 1918 року

№1

Подання професора А.В. Фоміна в Раду фізико-математичного факультету. 26 березня 1918 року

В физико-математический факультет
Университета Св. Владимира.
Проф. А.В.Фомина

В виду имеющейся свободной вакансии доцента по кафедре ботаники, в согласии с моим уважаемым коллегой проф. А.М. Левшиным, имею честь представить физико-математическому факультету на эту должность прив. доц. Н.Г. Холодного, который уже три года исполняет поручение факультета, читая обязательный курс по физиологии и анатомии растений. Приват-доцент Н.Г. Холодный состоит на службе в Университете 12 лет, имеет две хороших печатных работы, из которых од-

на носит название «О геотропической и химотропической чувствительности корневой верхушки», а вторая — «К вопросу о распределении в корне геотропической чувствительности». Н.Г. Холодный давно уже работает над вопросом раздражительности растений и в настоящее время приготовил к печати работу на тему «О влиянии металлических ионов на процессы раздражительности у растений», каковую работу он предполагает представить факультету в качестве магистерской диссертации. На запрос мой относительно представления прив. доц. Н.Г. Холодного на должность доцента, проф. А.М. Левшин ответил мне в следующих выражениях: «всецело разделяю Ваше мнение и считаю, что Н.Г. Холодный является прямым, весьма достойным и желательным кандидатом. Заранее приветствую и поддерживаю Ваши шаги в этом направлении».

Киев, 26 марта 1918 года.
А. Фомин
С подлинным верно
Декан В. Лучицкий *(підпис)*

№2
Подання фізико-математичного факультету в Раду Університету. 31 серпня 1918 року

31 августа 1918 г. В Совет Университета Св. Владимира
№ 285

В заседании физико-математического факультета 26 марта текущего года было заслушано представление профессоров по кафедре ботаники А.В. Фомина и А.М. Левшина о назначении приват-доцента по предмету ботаники, старшего ассистента магистранта Николая Григорьевича Холодного на штатную должность доцента означенной кафедры, а в заседании 9 апреля были открыты прения относительно обсуждения вопроса о научных и преподавательских достоинствах Н. Холодного и затем после всестороннего обсуждения и обмена мнений по настоящему вопросу было произведено закрытое баллотирование о назначении Н. Холодного на должность штатного доцента, при чем по вскрытии баллотировочного ящика и подсчете шаров оказалось, что Н. Холодный получил избирательных шаров — 13, неизбирательных — 0.

На основании результатов баллотирования физико-математический факультет в заседании 9 апреля с.г. единогласно постановил ходатайствовать перед Советом Университета о назначении магистранта Николая Холодного на должность штатного доцента по кафедре ботаники Университета Св. Владимира с назначением ему содержания, присвоенного сей должности.

Об изложенном представляю в Совет Университета на разрешение.

Приложение: Копия представления профессора А. Фомина.

Декан В. Лучицкий *(підпис)*
Делопроизводитель К. Гончаров *(підпис)*
Примітка: Доложено Совету 13 сентября 1918 г.
Определили: Произвести баллотировку г. Холодного
в следующем заседании Совета.
... получил 40 избирательных и 8 неизбирательных.

ДАК, ф. 16, оп. 479, спр. 56, арк. 1-1 зв., 3, 3 зв. 6.

Грушевський Михайло Сергійович (1866-1934)

Найвизначніший український історик, талановитий організатор науки, громадський і державний діяч, письменник і публіцист.

Народився 17 вересня 1866 р. у м. Холм. По закінченні Тифліської гімназії навчався на історично-філологічному факультеті Київського університету (1886-1890), був учнем проф. В.Б. Антоновича. Перші дослідження: «Южнорусские господарские замки в половине 16 в.» (1890), «Волынский вопрос 1077-1102 г.» (1891), «Громадський рух на Україні-Русі в XIII в.» (1892). За працю «Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст.» (1891) здобув золоту медаль і залишений для підготовки до професорського звання. Під керівництвом В.Б. Антоновича підготував і у 1894 р. захистив магістерську дисертацію «Барське староство».

З 1894 по 1914 р. обіймав кафедру всесвітньої історії з особливою увагою до Східної Європи у Львівському університеті. З 1897 по 1913 р. був головою Наукового товариства ім. Шевченка, редагував його «Записки»; з 1898 р. — один з редакторів «Літературно-наукового вісника» (ЛНВ), співорганізатор Української видавничої спілки (1899), Товариства прихильників української літератури і штуки (1904) та публічних університетських курсів з українознавства у Львові. Водночас Грушевський працював у Києві — очолив ТУП, заснував Українське наукове товариство, переніс сюди (1907) видання «ЛНВ», з 1914 р. започаткував видання історичного квартальника «Україна».

Восени 1914 р. Грушевського було заарештовано і після 2-місячного ув'язнення вислано до Симбірську, потім Казані, згодом — переведено до Москви.

У березні 1917 р. був обраний головою Української Центральної Ради і повернувся до Києва. 29 квітня 1918 р. обраний першим «президентом» Української Народної Республіки. Після встановлення Гетьманату він відійшов від державної діяльності, як приватна особа на нелегальному становищі мешкав у Києві, деякий час перебував у Кам'янці-Подільському і 1919 р. емігрував до Відня. Тут Грушевський організував Український соціологічний інститут і був у числі засновників українського Вільного Університету. Вчений редагував орган УПСР «Борітеся — поборете!» (1920-1922) і видав низку власних праць: «Початки громадянства. Генетична соціологія» (1921), «З починів українського соціялістичного руху. Михайло Драгоманов і Женевський соціялістичний гурток» (1922) тощо.

Обраний дійсним членом УАН, Грушевський у березні 1924 р. повернувся в Україну, де плідно науково працював, відновив чи створив цілу мережу історичних наукових установ (історична секція УАН, Археологічна комісія, кілька академічних комісій, науково-дослідча кафедра історії України), розпочав видання серійних збірників «За сто літ», «Науковий збірник історичної секції УАН», журнал «Україна».

У 1926 р. ВУАН та громадськість України урочисто відзначили 60-ліття вченого, у 1929 р. Грушевського обрали дійсним членом АН СРСР. Однак з 1929 р. посилюються виступи проти вченого радянських діячів, навесні 1931 р. він був заарештований. Допити відбулись у Харкові, згодом його вивезено до Москви. Поступово були зліквідовані усі створені та очолювані Грушевським наукові установи, його співробітники та учні в більшості заарештовані та вислані. Грушевський помер за нез'ясованих до кінця обставин у Кисловодську 24 листопада 1934 р., похований на Байковому цвинтарі у Києві.

Михайло Грушевський – автор понад 200 праць. Основними з них є: «Історія України-Руси» в 10 томах, 13 кн. (1898-1936, 1991-1999), «Історія української літератури» в 7 книгах (Т. 1-5. 1923-1927; Т.1-5. Кн.1-7. 1993-1995), «Очерк истории украинского народа» (1904, 1990, 1991), «Ілюстрована історія України» (1911, 1918, 1990, 1992), «З історії релігійної думки на Україні» (1925, 1962, 1992), «Культурно-національний рух на Україні в 16-17 в.» (1908), «Початки громадянства» (1921) та ін.

Новітні видання праць М. Грушевського (окрім вже названих): «Спомини» // Київ. 1988. № 5-12; 1989. № 1-6, «Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV ст.» (1991); «Історія України для шкіл» (1991, 1992), «Про старі часи на Україні» (1991), «Хто такі українці і чого вони хочуть» (1991), «Як жив український народ» (1991, 1992); «Барське староство. Історичні нариси (XV-XVIII)» (Львів, 1996), «Щоденник (1888-1894 рр.)» (К., 1997); «Листування Михайла Грушевського» (К.; Н.-Й.; Париж; Львів; Торонто, 1997); «Листи до Кирила Студинського (1894-1932)» (Львів; Н.-Й., 1998).

Бібліографія: Левицький І.Є. Реєстр наукових і літературних праць проф. Грушевського // Наук. зб., присвяч. проф. Михайлу Грушевському учнями й прихильниками... Л., 1906; Ювілейний збірник ВУАН на пошану акад. Михайла Сергійовича Грушевського. К., 1929. С.87-107; *Wynar L.R.* Mychajlo Hrushevskyi: Biobibliographische Quelle. 1866-1934. München, 1984.

Архів: ЦДІАК, ф.1235;НБУ НАНУ. ІР, ф. 357, 66 спр.; ф.І, II, III, 189 спр.

Література: Винар Л. Найвидатніший історик України Михайло Грушевський (1866-1934). Мюнхен, 1986 (повний перелік праць Л. Винара див. у покажчику: *Винар Л.* Біобібліографічний покажчик (1950-1997). Львів; К.; Париж; Нью-Йорк; Торонто, 1998); Великий Українець: Матеріали з життя та діяльності М.С. Грушевського. К.,1992; *Сохань П.С., Ульяновський В.І., Кіржаєв С.М.* М.С. Грушевський і Academia. К., 1993; *Копиленко О.Л.* «Українська ідея» М. Грушевського. Історія і сучасність. К., 1991; *Винар Л.* Силуети епох: Дм. Вишневецький, Мих. Грушевський. Дрогобич, 1992; Документальні матеріали М.С. Грушевського у фондах відділу рукописів ЦНБ ім. В.І. Вернадського / Укл. С.М. Кіржаєв. К., 1991; *Пріцак О.* Історіософія та історіографія Михайла Грушевського. К., 1991; *Пиріг Р.Я.* М.С. Грушевський: Сторінки біографії (1924-1934). К., 1993; *Krüger F.* Mychailo Hruschevskyj — ukrainischer Patriot und Historiker. München, 1984; *Prytak T.* Mykhailo Hrushevsky: The Politics of National Culture. Toronto, 1987; *Пристайко В., Шаповал Ю.* Михайло Грушевський і ГПУ — НКВД. Трагічне десятиліття. 1924-1933. К., 1996; Михайло Грушевський. Фотоальбом / Упор. Л.В. Решодько. К., 1996; Михайло Грушевський: між історією та політикою (1920-1930-ті роки). Зб. документів і матеріалів. К., 1997.

К вопросу о кандидатуре на кафедру русской истории в Университете св. Владимира профессора Львовского университета Михаила Грушевского

*В № 10 «Киевлянина» 1908 г.** под заглавием: «Конкурс для замещения кафедры русской истории», в отделе хроники помещена следующая заметка:

«На конкурс, объявленный для замещения вакантной кафедры русской истории в университете св. Владимира выступило два кандидата: профессор Нежинского историко-филологического института В.Н. Савва и профессор Львовского университета Михаил Грушевский. Последний представил «несколько сот своих печатных трудов, написанных на «современном» малорусском наречии. Оценка трудов обоих кандидатов для замещения кафедры поручена особой комиссии, составленной из нескольких профессоров историко-филологического факультета. Рассмотрение ученых трудов г. Грушевского составляет довольно сложную задачу, так как значительная часть их написана на малопонятном наречии, разработанном в последние годы группой галицких украинофилов.

Несколько времени тому назад г. Грушевский приезжал в Киев, где прочитал ряд лекций по истории Малороссии на малорусском наречии в народном доме Киевского общества грамотности».

Из этой заметки видно, что, вопреки некоторым опровержениям, кандидатура г. Грушевского на кафедру русской истории в нашем Университете поставлена официально, а потому не бесполезным считаем воспроизвести в памяти киевлян некоторые факты и обстоятельства, выяснившиеся недавно на судебном разбирательстве по делу об оскорблении в печати, по жалобе г. Грушевского на бывшего редактора газеты «Закон и Правда» г. Юзефовича.

«Закон и Правда» 1907 года № 144-й

Со смертью профессора Петра Васильевича Голубовского в Киевском университете освобождается кафедра русской истории — одна из важнейших университетских кафедр, как по высокому значению ее предмета, — отечественной истории, так и по влиянию ее на выработку политических убеждений будущих преподавателей истории в средних учебных заведениях. Само собою понятно, что для монархических и патриотических организаций г. Киева не должно быть безразличным, кто вступит на осиротевшую кафедру. Ведь русская история не то, что какая-нибудь матема-

* Тут і далі в заголовках збережено шрифт оригіналу. — *Ред.*

тическая или медицинская дисциплина, самою сущностью своею определяющая направление и ход профессорского изложения. В преподавании истории главную роль играет личность профессора. Изложение истории никогда еще не было, не будет и не может быть объективным. На тысячу ладов можно подбирать, сцеплять и освещать факты минувшей жизни народа, и то либо иное построение истории всецело зависит от религиозных и политических убеждений профессора или исторического писателя. Ничего определенного, ничего установившегося в этой области науки пока еще нет. Кафедра русской истории в руках человека, любящего родину, преклоняющегося пред ее величием, верного ее историческим, внедрившимся в народную душу идеалам — могучее орудие для подъема в школьном юношестве русского народного духа; но та же кафедра в руках врага России, презирающего ее историю, стремящегося, по примеру профессора Кареева, истребить из памяти своих слушателей самое имя «Россия», — становится не менее могучим орудием разложения ткани русской народной души, расшатывающим устои русской государственности и содействующим разрушительной работе враждебных русскому народу инородцев. Если недавно еще история являлась орудием пробуждения «национального самосознания», то теперь, вникая в то, что говорится с профессорских кафедр и публикуется в «освободительных» журналах, она обратилась в разрушительное орудие революционной пропаганды. Мы никогда не переживали бы столь враждебного всему русскому «освободительного» движения, если бы профессора предварительно не позаботились оклеветать и оболгать все прошлое России ради достижения подлых политических целей. Поэтому для всякого благомыслящего патриотически настроенного кивлянина чрезвычайно важно, чтобы вакантная, за смертью П. В. Голубовского, кафедра русской истории не попала в руки какого-нибудь «освободителя», врага России. Между тем носятся слухи, будто на эту кафедру пробирается пресловутый вождь украиноманов, «прохвессор» Львовского университета Михаил Грушевский. Говорят, будто в историко-филологическом факультете его будут проводить — сотрудник «Записок товариства имени Шевченка», занимающий, по недоразумению, кафедру *русской* словесности, проф. Пере*тц*, и известный «освободитель», но крайне сомнительной учености профессор *русской* истории, Довнар-Запольский. Совет же Киевского университета до сих пор не обнаруживал еще достаточно патриотической стойкости, чтобы от него можно было ожидать отпора проискам и домогательствам г. Грушевского.

В Петербурге г. Грушевский имеет надежных покровителей в лице «кадетов» центрального органа министерства народного просвещения и членов Академии наук, видящих в нем чуть не гения. Таким образом г. Грушевский может, пожалуй, пробраться в университет, и если только монархическая и патриотическая организации не окажут в этом деле своего влияния, то зловредная секта украиноманов станет в Киеве твердою ногою и не скоро удастся с нею разделаться. Г. Грушевский «захватным» правом осуществит преподавание на «украинском» воляпюке; в случае противодействия власти из-за этого начнутся всевозможные забастовки; таким образом киевская университетская жизнь на многие годы будет отравлена новым ядом украиноманства, как это мы видели на примере Львовского университета, где последователи г. Грушевского, предводимые бывшим лубенским гимназистом Павлом Кратом, дошли до истребления ректорских портретов и разных университетских достопамятностей. Вот почему в этом вопросе должны выступить со всею возможною настойчивостью Киевская патриотическая партия и союзы, выразив категорически, что для г. Михаила Грушевского в Кивском университете места нет и быть не должно.

Киев — колыбель России и центром украинской автономии никогда не был и не будет.

Киевский Голос 1907 года № 81-й

К замещению кафедры русской истории в Киевском университете

На днях Киевский университет понес крупную утрату. Умер почтенный деятель науки, профессор русской истории П.В. Голубовский. Кафедра его осталась вакантной, и естественно возникает вопрос, кто же займет ее? Для Киевского университета и Украины этот вопрос далеко не безразличен. Украинская история представляет собой очень интересное в научном смысле явление. Раньше других украинский народ создал общественную и государственную организацию на началах самого широкого народоправства, провозгласил равенство всех, получил возможность своеобразно устроить свою экономическую жизнь, и в конце концов почти все свелось на нет. Почему, какие причины этого? Ответ на эти вопросы интересен не только для украинцев, но и для всех, кому дорого изучение исторических явлений и процессов. К сожалению, до сих пор изучение украинской истории было поставлено в те уродливые рамки, которые полицейское государство, благодаря деятельности разного рода «добровольцев», создало для украинской народности вообще. Украинская история разрабатывалась очень слабо, случайно, преимущественно любителями. Правда, в Киевском университете читал лекции по истории Украины и работал над изучением ее проф. В.Б. Антонович; но условия этого чтения и изучения были таковы, что приходилось на каждом шагу озираться, принимать меры предосторожности против разного рода добровольцев, и в жизни В.Б. Антоновича был один момент, когда университет насильственно мог лишиться и этого выдающегося украинского деятеля в его стенах. Видя, что в пределах России серьезная разработка украинской истории связана с большими, часто непреодолимыми трудностями, проф. В.Б. Антонович направил свое внимание на Галицию, на Львовский университет. Для занятия профессорской кафедры в этом университете он подготовил одного из последних своих учеников по университету М.С. Грушевского. Выбор проф. В.Б. Антоновича оказался как нельзя более удачным. В лице М.С. Грушевского наука украинской истории нашла себе неутомимого исследователя, а украинство — одного из преданнейших, убежденнейших, энергичнейших деятелей, благодаря своей удивительной энергии создавшего, можно без преувеличения сказать, эпоху не только в украинской историографии, но и в украинском общественном движении вообще.

До последнего времени деятельность проф. М.С. Грушевского проходила преимущественно в Галиции. Но последние события русской жизни дали ему возможность перенести ее отчасти и в пределы России. Его имя стало появляться на страницах русских изданий, при его ближайшем содействии в Петербурге в прошлом году издавался «Украинский Вестник», чрезвычайно важный для украинского дела еженедельник; а в Киеве издается теперь «Літературно-науковий Вістник». Научные труды проф. М.С. Грушевского нашли себе высокое признание в лице Харьковского университета, который удостоил его звания почетного доктора истории (honoris causa).

Из всего этого ясно, что проф. М.С. Грушевский, заняв кафедру в Львовском университете, сделал это по необходимости, так как в пределах России он не имеет для своей деятельности благоприятных условий; но что, при первой возможности, он стремится перенести свою деятельность в пределы России. Для этого у него есть, должно быть, серьезные основания, помимо его привязанности к месту родины. Он уроженец правобережной Украйны, Киевской губернии.

Для друзей науки есть поэтому полная возможность удержать проф. М.С. Грушевского в пределах России, и

в этом отношении освободившаяся, за смертью П.В. Голубовского, кафедра русской истории в Киевском университете может быть лучшим средством. Занятие М.С. Грушевским кафедры в Киевском университете, по нашему мнению, было бы большим приобретением для университета и исторической науки. Университет получил бы действительно ученого, талантливого и опытного профессора, который имеет много ученых трудов по древнерусской и украинской истории. Проф. П.В. Голубовский читал древнерусскую историю, и М.С. Грушевский заменил бы его. Кроме того, М.С. Грушевский обратил бы, естественно, свое особое внимание на украинскую историю, на подготовку работников, которые бы занялись ее разработкой, как это он сделал во Львове. Киев хранит колоссальные архивные богатства для украинской истории, которые остаются до сих пор совершенно нетронутыми, благодаря отсутствию работников, отсутствию инициаторов к их разработке. Проф. М.С. Грушевский, как показала его деятельность, обладает в большой степени именно этим драгоценным качеством — инициативой. Доказательства «Записки наукового товариства» и целый ряд научных изданий, возникших во Львове со времени приезда туда М.С. Грушевского и при его ближайшем содействии. Казалось бы, университет, если ему дороги интересы науки, должен был бы пригласить М.С. Грушевского на освободившуюся кафедру русской истории. Но проф. М.С. Грушевский является не только ученым, но и публицистом, общественным деятелем, а Киевский университет своеобразен по своему составу. Большинство его профессуры представляют из себя противников, довольно таки недвусмысленных, прогрессивного развития русской жизни, в особенности же украинского национального самоопределения. Еще очень недавно проф. Т.Д. Флоринский ратовал против украинства на страницах «Кивлянина», а Киевский университет несочувственно встретил учреждение так называемых украинских кафедр, хотя учреждение их с научной точки зрения вряд ли серьезно может быть отвергаемо служителями науки. Еще не поставлена кандидатура проф. М.С. Грушевского факультетом, а уже начинается агитация против него в печати. В листке г. Б. Юзефовича «Закон и Правда» (№ 44) напечатано в этом смысле «письмо в редакцию», без подписи, но идущее, по-видимому, от лица, так или иначе близкого к университету.

Любопытная исходная точка зрения этого письма. Наши реакционеры больше всего кричат о том, что университет должен стоять как можно дальше от политики и быть учреждением строго научным. Между тем «письмо», помещенное в «Законе и Правде», проводит ту мысль, что кафедра истории в университете должна быть не научной кафедрой, а «орудием» для пробуждения «национального самосознания». С этой точки зрения автор письма вооружается против проф. М.С. Грушевского и ведет агитацию путем всякого рода инсинуаций, как это обыкновенно делается у наших реакционеров.

Говорят, пишет автор письма, будто в историко-филологическом факультете его будут проводить сотрудник «Записок товариства имени Шевченка», занимающий, по недоразумению, кафедру русской словесности, проф. Пере*тц*, и известный «освободитель», но крайне сомнительной учености профессор русской истории Довнар-Запольский. Совет же Киевского университета до сих пор не обнаруживал еще достаточно патриотической стойкости, чтобы от него можно было ожидать отпора проискам и домогательствам г. Грушевского.

Характерные для наших реакционеров вылазки против В.Н. Пере*тц*а и М.В. Довнар-Запольского, профессоров с почтенными научными именами, а также упрек в недостатке «патриотической стойкости» у совета Киевского университета ясно показывают, какими средствами предполагается бороться в реакционной печати против кандидатуры проф. М.С. Грушевского. Не путем

научной критики, не путем оценки М.С. Грушевского, как профессора и ученого, а путем грязных инсинуаций. В «письме в редакцию» их уже достаточно.

В Петербурге, продолжает автор письма, г. Грушевский имеет надежных ее покровителей в лице «кадетов» центрального органа министерства народного просвещения и членов Академии наук, видящих в нем чуть не гения. Таким образом г. Грушевский может, пожалуй, пробраться в университет, и если только монархические и патриотические организации не окажут в этом деле своего влияния, то зловредная секта украиноманов станет в Киеве твердою ногою и не скоро удастся с нею разделаться. Г. Грушевский «захватным» правом осуществит преподавание на «украинском» воляпюке; в случае противодействия власти из-за этого начнутся всевозможные забастовки; таким образом Киевская университетская жизнь на многие годы будет отравлена новым ядом украиноманства, как это мы видели на примере Львовского университета, где последователи г. Грушевского, предводимые бывшим лубенским гимназистом Павлом Кратом, дошли до истребления ректорских портретов и разных университетских достопамятностей.

Здесь пущены в ход все современные «жупелы», какими пугают наши реакционеры народ православный. На первом месте зловредные, конечно, «кадеты», которые поддержат, наверно, г. Грушевского, затем «украинофильство», «украинский воляпюк», «забастовки» и «истребление портретов»... Все это, конечно, не ново, но все это также глупо и пошло, как и всегда.

Автор в заключение своего письма говорит торжественно:

Вот почему в этом вопросе должны выступить со всею возможною настойчивостью Киевские патриотические партии и союзы, выразив категорически, что для г. Михаила Грушевского в Киевском университете места нет и быть не должно.

Мы не сомневаемся, что после этого письма начнутся кликушичьи припадки «киевских патриотических партий и союзов», но нам хотелось бы, чтобы Киевский университет среди болезненного воя, который будет стоять вокруг его стен, сумел сохранить свой научный авторитет и оценил все то значение для разработки украинской истории, которое имело бы занятие проф. М.С. Грушевским кафедры в родном ему Киевском университете.

Если Киевский университет сумеет удержаться на этой точке зрения, если он посмотрит на дело не с политической точки зрения, а признает за каждым из профессоров право свободы убеждений, то, конечно, проф. М.С. Грушевский будет для него самым серьезным и законным кандидатом для занятия кафедры русской истории.

Ник. Василенко

«Закон и Правда» 1907 года № 158-й

По поводу признания г. Василенка

В № 81 «Киевского Голоса» от 24 марта 1907 г. появилась статья Н. Василенка: «К замещению кафедры русской истории в Киевском университете». Итак, слухи о происках украиноманов с целью захвата важной для них университетской кафедры подтверждаются теперь публичным признанием одного из столпов Киевского украиноманства, а следовательно, о плане украиноманов посадить на эту кафедру пресловутого г. Михаила Грушевского можно говорить уже как о факте совершившемся. Приймем же к сведению, что г. Грушевский не по слухам только, а по признанию единомышленников, пробирается на осиротевшую со смертью П.В. Голубовского кафедру. Желателен ли он на ней? — вот в чем вопрос.

Г. Василенко, с обычным всем «левым» лицемерием, упрекает нас в том, что мы, отвергая самую мысль о возможности предоставления кафедры русской истории г. Грушевскому, не вошли в оценку его, как профессора и ученого, не рассмотрели его многочисленных на-

М. Грушевський у робочому кабінеті. Початок XX ст.

учных трудов. Но, конечно, г. Василенко прекрасно понимает, что не в краткой газетной «заметке» занимаются подобными оценками и рассмотрениями. Он и сам не делает этого, а ограничивается ссылкой на высокое признание ученых заслуг г. Грушевского Харьковским университетом, который удостоил де его звания почетного доктора истории. Подобные ссылки имели бы значение в доброе старое время, когда университеты не были еще захвачены «революцией» и когда не существовало еще «академического союза». Теперь же все даваемые университетами звания и отличия имеют лишь условную цену, ибо присуждаются не за научные заслуги, а за «кадетские», «ес-декские», «есерские» и т.п. убеждения. Примкнули харьковские профессора к «академическому союзу», провели в ректоры украинomана г. Багалея и сейчас же г. Грушевский и г. Франко оказались достойными докторских степеней. Кто дает ныне веру профессорским оценкам?!

Тем не менее, не следуя примеру уклончивости г. Василенка, мы выскажем наше мнение о г. Грушевском, как о кандидате на Киевскую университетскую кафедру. Для роли профессора русского университета г. Грушевский прежде всего потому никуда не годится, что он, живя более десяти лет во Львове, в среде украиноманов, и ради практики, говоря постоянно на украинском воляпюке, разучился говорить по-русски и выражается так уродливо, что ухо не терпит его слушать. Сам он признается в «Очерке истории украинского народа» (Спб., 1904), что «чутье языка» успело у него притупиться за время жизни за границею. Что же это будет за профессор русской истории, не умеющий правильно выражаться по-русски? Затем, профессура в университете связана у нас с государственной службой. Какая же создастся вопиющая бессмыслица, если на русской государственной службе появится профессор, который не только отрицает законность русского государства, стремясь к «украинской» автономии, но даже отвергает единство русского народа, раскалывая его на два народа: великорусский и «украинский»! Неужели русское государство должно не только оплачивать подобного политического еретика, но еще и давать ему «за выслугу лет» чины и ордена?

Как ученый, г. Грушевский несомненно овладел научной техникой, т. е. перечитал и пересмотрел множество книг и статей по русской истории, умеет громоздить цитаты, усвоил себе полемические приемы; но в нем нет самого главного достоинства ученого — любви к истине. Он — ученый лгун. С нахальною смелостью, не моргнув бровью, он извращает прямой смысл памятников, подтасовывает факты, присочиняет, где нужно, целые события, пользуясь для этого каким-нибудь глухим намеком в источниках, одним словом вгоняет историю в рамки своих предвзятых политических вожделений.

Мы не отрицаем усидчивости г. Грушевского: вне сомнения, что он может

писать не томы, а пуды сочинений; но толку от этого многописания мы не видим: после выхода в свет «Истории Украины-Руси», обработанная в ней ветвь русской истории оказалась засоренною такими грудами сметья, от которых не скоро удастся ее очистить. Бесспорно, киевские диссертации г. Грушевского: «Очерк истории Киевской земли» (1891) и «Барское староство» (1894) — правдивее; однако же найти в них какую-нибудь «талантливость» мы решительно отказываемся.

Вообще, мы не понимаем, на чем основывается обычное мнение о выдающихся дарованиях г. Михаила Грушевского. Он не более как покорный раб своего учителя, профессора Антоновича, и клянется словами своего учителя. Без разбора он положил в свой мешок все то, чем наделил его профессор Антонович, и несет его с упорством, свойственным не даровитым людям, а, напротив, — ограниченным тупицам. Но чего много у г. Грушевского, так это — самомнения и самохвальства. В «Журнале Министерства Народного Просвещения», за 1904 г., была помещена статья г. Грушевского, в которой он сам себе воспевает панегирик за деятельность в львовском «Обществе имени Шевченка».

Однако же г. Грушевский стремится в Киев не для того только, чтобы довольствоваться ролью профессора и ученого. Ведь он, по признанию подобострастно льстящих ему украиноманов, — глава «украинского» народа, бесспорный президент будущей «украинской» республики. Следовательно, его положение обязывает его к политической агитации. И вот, усевшись на кафедре, он и займется не наукой и преподаванием, а улавливанием молодежи в сети украиноманской политики — этой самой нелепой, братоубийственной, зверской политики, какую можно только себе представить. Мы достаточно знаем ее по галицким украиноманским изданиям и затеям в роде «сичей» адвоката из Коломыи г. Трылиовского.

Итак, что же приобретет Киевский университет в лице г. Грушевского в случае избрания его на кафедру русской истории? Злобного политикана, врага России и союзника иных ее врагов, профессора, разучившегося говорить по-русски, ученого, сделавшего из науки орудие украиноманской политической нелепицы.

Едва ли можно было бы поздравить Киевский университет с таким ценным приобретением.

«Киевлянин» 1907 года № 280

Разбор дела в Киевском Окружном Суде

9-го октября 1907 г. Киевским окружным судом разобрано дело бывшего редактора издававшейся в Киеве газеты «Закон и Правда» действительного статского советника Бориса Михайловича Юзефовича, обвинявшегося по 1039 и 1040 ст. ст. уложения о наказаниях. Обвинение возбуждено по частной жалобе поверенного профессора М.С. Грушевского присяжного поверенного М.М. Извекова. Жалоба заключается в следующем. В № 158 газеты «Закон и Правда», редактированной Б.М. Юзефовичем, помещена была статья, озаглавленная «Письмо в редакцию» и за подписью «Киевлянин». В статье этой, посвященной научной и общественной деятельности профессора Львовского университета Михаила Грушевского, имеется между прочим следующее место: «Как ученый г. Грушевский несомненно овладел научной техникой, т. е. перечитал и пересмотрел множество книг и статей по русской истории, умеет громоздить цитаты, усвоил себе полемические приемы; но в нем нет самого главного достоинства ученого — любви к истине. Он — ученый лгун. С нахальной смелостью, не моргнув бровью, он извращает прямой смысл памятников, подтасовывает факты, присочиняет где нужно целые события, пользуясь для этого каким-нибудь глухим намеком в источниках, одним словом вгоняет историю в рамки своих предвзятых политических вожделений».

Говоря, что г. Грушевский извращает прямой смысл памятников, подтасовывает факты, присочиняет где нужно целые события, пользуясь для этого каким-либо глухим намеком в источниках, и вгоняет историю в рамки своих предвзятых политических вожделений и называя его ученым лгуном, автор этой статьи приписывает г. Грушевскому деяния, оскорбительные для его чести и позорящие его общественную и научную деятельность. Ввиду изложенного, поверенный г. Грушевского просил суд привлечь редактора газеты «Закон и Правда» Б.М. Юзефовича к ответственности по 1039 и 1040 ст. ст. улож*ения* о наказаниях.

9 октября на суде примирения не последовало и поэтому дело было разобрано. Б.М. Юзефович виновным себя не признал и просил предоставить ему дать свои объяснения после речей обвинителя и защитника пр*исяжного* пов*еренного* Н.М. Безпятова. Поверенный обвинителя г. Извеков заявил, что он поддерживает предъявленное обвинение.

Защитник г. Юзефовича пр*исяжный* пов*ереный* Безпятов в речи своей сказал приблизительно следующее. Для оскорбления необходим умысел, который у г. Юзефовича отсутствовал. Это доказывается формулировкой quasi-оскорбительного выражения, именно выражением не просто «лгун», а «ученый лгун». Защитник обращает внимание судей на то, что «ученый» есть существительное в данном случае, а не прилагательное. Одно слово «лгун» оскорбительно, а в такой комбинации нисколько. Известно, что слово «разбойник» и «кровопийца» оскорбительно, но если сказать, что данный писатель в полемике настоящий разбойник, или данный критик уничтожает молодых писателей как кровопийца, то это, конечно, не оскорбительно. Известно щедринское выражение «разбойники пера, мошенники печати», однако это не ругань. Назвал же Милюков левых «товарищей» ослами, но оказалось это не оскорбительным. Каждое выражение надо понимать в связи с содержанием дальнейшего. Сказать, что человек «врет» — оскорбительно, но сказать то же про пианиста — безразлично, ибо нельзя же сказать, что он неправду играет. В связи же с содержанием статьи ясно, что автор ее хотел сказать: он хотел выразить ту мысль, что ученый Грушевский, извращая факты в угоду политике, есть ученый пристрастный, а не хотел его оскорбить. 1039 ст. улож*ения* по своему составу требует стремления унизить «доброе имя, достоинство и честь», обращаясь же к содержанию статьи, мы видим, что в ней дискредитируется «ученое» имя Грушевского, а это не предусмотрено улож*ением* о наказ*аниях*, ибо представляется объектом свободной критики. С одной стороны, автор утверждает, что Грушевский подтасовывает факты, подгоняет историю в известные рамки, но ведь это обыкновенная манера политиков. Указание на то, что г. Грушевский присочиняет факты, естественно, ибо, говорят французы, история — это сказка про прошлые поколения. История полна фантазии, взять напр. призвание варягов.

Взятое в этом смысле содержание статьи устраняет применение 1039 ст. и выясняет точно, что значит «ученый лгун», и что оно не может оскорбить. Заканчивает свою речь защитник такими словами: «Лучше было бы, если бы г. Грушевский оскорбился не этими выражениями, а заключительными словами статьи, где его называют врагом России».

Пр*исяжный* пов*еренный* Извеков возразил, что он умышленно опустил в своей жалобе ту часть статьи, где говорится о политических убеждениях г. Грушевского, так как эта часть статьи является прямым доносом на г. Грушевского, а он вообще не намерен на суде разговаривать с г. Юзефовичем о политических убеждениях.

По окончании речи защитника слово было предоставлено г-ну Юзефовичу, который сказал следующее:

Мой защитник принял на себя задачу изложить перед судом свой взгляд на степень ответственности моей по настоящему делу с точки зрения формаль-

ного закона; но так как уголовные дела по частным жалобам рассматриваются судом без участия присяжных заседателей, то на гг. коронных судей переходит и дискреционное право разрешать их не только в узких рамках формального закона, но и согласно внушениям их свободной судейской совести. К ней то и прошу я позволения обратиться в моем последнем слове.

В течение моей 64-летней жизни я второй раз выступаю перед судом в качестве подсудимого и оба раза по делам о нарушении законов о печати. Положение довольно курьезное для бывшего цензора и в особенности в эпоху, когда цензурные стеснения отменены и гражданам предоставлена широкая свобода устного и печатного слова.

Когда, два года тому назад, я был назначен членом известной комиссии Дм. Фом. Кобеко, я однажды озадачил моих сочленов заявлением, что отмена предварительной цензуры, по крайней мере для мелких произведений печати — для общедоступных газет, народных брошюр и пр. — создаст большие стеснения для самих авторов, для которых цензурные учреждения являлись своего рода справочными бюро о том, что можно, а чего нельзя безнаказанно печатать. Настоящее обвинение, предъявленное ко мне г. Грушевским, еще более утверждает меня в этом мнении; если бы существовала предварительная цензура, то щепетильность г. Грушевского была бы ограждена красными чернилами цензорского пера, я был бы избавлен от дачи суду объяснений по этому делу, а суд не был бы отвлечен от серьёзных дел разбором ничтожной распри между двумя публицистами различного лагеря.

В настоящее время могу добавить еще, что отмена предварительной цензуры является стеснительною также и для редакторов периодических изданий, на которых всецело перешла ответственность за выпускаемые листки и журналы, прежде тяготевшая на одних лишь цензорах. Но я представляю себе, во что обратилась бы свобода печати, если бы нынешние редакторы, из страха ответственности, стали бы обнаруживать по отношению к авторам такую же мелочную придирчивость, какая составляла отличительную черту прежней цензуры. Вот почему меня крайне удивляет, что столь либеральный ученый, как г. Грушевский, привлек меня к ответственности за то, что я, как редактор, оказался недостаточно строгим цензором и не вычеркнул из инкриминируемой статьи неугодных ему выражений.

К счастью для наших судебных учреждений и редакторов, люди, столь нетерпимые к свободной критике, как г. Грушевский, встречаются довольно редко; иначе редакторам пришлось бы проводить всю свою жизнь в кулуарах окружного суда, а судам пришлось бы бросить все дела и всецело обратиться к разбору частных жалоб по нарушению правил о печати; я один мог бы завалить суд десятками подобных жалоб.

Г. Грушевского я никогда не видал и не знаю и если бы мне кто-нибудь сказал, что он являет собою образец семейной и гражданской добродетели, я не имел бы никаких оснований в этом сомневаться, но претензия его ко мне напомнила мне один довольно характерный факт. В одном из петербургских клубов средней руки часто бывал господин, игравший в карты с неизменным счастием. За ним стали следить, и однажды один из его партнеров остановил его словами: «вы, милостивый государь, передернули». Тогда уличенный в передержке поднялся с места с видом оскорбленного достоинства и с угрозою произнес: «я, милостивый государь, тридцать лет передергиваю, но никому не позволю меня в этом изобличать».

Я, конечно, не стану сравнивать шулерство в игре с научными увлечениями политического фанатика, не стесняющегося в средствах, чтобы в сочинениях своих проводить излюбленные им политические учения, но тем не менее замечу, что в претензии г. Грушевского ко мне я вижу большую аналогию с приведенным мною случаем: г. Грушевский

много лет систематически занимается искажением русской истории, но, повидимому, никому не хочет позволить себя в этом изобличать. А искажает он ее, не стесняясь в средствах, игнорируя самые достоверные источники, древние летописи, народный эпос и др., которыми легко было бы его изобличить, если бы он не позаботился прикрыть себя стеснительными для его обличителей статьями 1039 и 1040 уложения о наказаниях. Смелость, с которою г. Грушевский совершает свои искажения, изумительна и доходит до того, напр., что, по учению его, просветитель России Владимир Святой, воспетый во многих русских былинах и народных песнях, был не русский, а украинский Великий Князь, а Киев, по г. Грушевскому, имеет право на наименование матери городов, но только не русских, а украинских.

Наконец, обращение г. Грушевского к суду по поводу изобличения его в научной лжи удивляет меня еще и тем, что ему, как ученому публицисту, должно быть известно, что такого рода изобличения общеприняты в научной критике. В немецкой научно-критической литературе выражение «ученый лгун» встречается очень часто в качестве простого полемического термина, а известный чешский историк Палацкий написал даже целую статью под заглавием: «Handschriftliche Lügen und paläografische Wahrheiten», т. е. рукописная ложь и палеографическая правда.

Да и трудно было бы найти иное подходящее выражение для характеристики бесцеремонного обращения г. Грушевского с научною истиною. В этом отношении всякое стеснение критики может только вредить делу. Возьму пример из другой области: предположим, что какой-нибудь музыкальный критик пожелал бы напечатать отзыв об опере, в которой нашел бы много позаимствований из сочинений других композиторов, и что в отзыве этом он назвал бы автора данного произведения «музыкальным экспроприатором»; неужели же за выражение это можно было бы его привлечь к ответу в силу того, что словом «экспроприатор» обозначаются люди, совершающие уличные и другие грабежи. Вот в таком же критическом смысле употреблено и слово «ученый лгун» в статье о г. Грушевском, помещенной в № 158 газеты «Закон и Правда», и обвинитель мой напрасно укоряет меня в том, что я, как редактор, обнаружил по отношению к ней недостаточно цензорского усердия и придирчивости.

Итак, прошу гг. судей отнестись к этому делу не только с точки зрения формального закона, но и по чистой совести.

Суд признал Б.М. Юзефовича виновным по 1040 ст., а по 1039 ст. оправдал. Приговором суда Б.М. Юзефович приговорен к штрафу в 10 руб. и к домашнему аресту на 3 дня.

«Кивлянин» 1908 года № 17

Разбор дела в Киевской Судебной Палате

16 января 1908 года Киевская судебная палата рассмотрела в апелляционном порядке возбужденное профессором Львовского университета по кафедре русской истории М.С. Грушевским дело по обвинению дворянина Б.М. Юзефовича в деянии, предусмотренном 1040 ст. уложения о наказаниях, Киевский окружной суд приговором 9 октября прошлого года признал дворянина Б.М. Юзефовича виновным в том, что в № 158, от 7 апреля 1907 г., редактируемой и издаваемой им в г. Киеве газеты «Закон и Правда», поместил в статье под заглавием «Письмо в редакцию» оскорбительный отзыв о профессоре Грушевском, заключающий в себе злословие и брань, указав, что Грушевский с нахальной смелостью, не моргнув бровью, извращает прямой смысл памятников, и назвал его ученым лгуном. Председательствовал член судебной палаты С.А. Нордштейн, которым и было доложено в судебном заседании палаты самое дело. В своей апелляции

дворянин Юзефович ходатайствовал отменить состоявшийся о нем приговор и ссылался, что окружной суд неправильно обособил вмененные ему выражения от общего смысла и содержания напечатанной заметки и придал им характер злословия и брани, тогда как выражения эти в связи с остальным содержанием инкриминируемой статьи составляют характеристику деятельности профессора Грушевского, как ученого и историка, вследствие чего против него и может быть возбуждено только обвинение в клевете, и тогда он, как редактор газеты, не лишается права доказывать правдивость помещенной в статье терминологии научных заслуг г. Грушевского.

Защитник г. Юзефовича присяжный поверенный В.В. Матусевич произнес следующую речь:

Г.г. судьи. Честь частного лица против посягательств на нее печати охраняется тремя статьями уложения о наказаниях: 1039, 1040 и 1535. Хотя перед лицом суда все эти статьи равновелики и равноценны, но этика печатного дела и отношения к печатному слову давно выбросили из своего обихода статьи 1039 и 1040, как орудие, негодное для лиц, не боящихся истины. Тот, кто считает себя обиженным могучим печатным словом, не будет переносить центр тяжести своей обиды на внешнюю форму изложения, а равно и не будет прятаться за формальные закоулки означенных статей, не дающих возможности литературному работнику доказать правдивость им написаннаго. Так рыцари чести не делают и не защищают своего доброго имени приказом обвиняемому молчать. Профессор Львовского университета Михаил Сергеевич Грушевский поступил иначе. Он вытащил из литературно-судебного архива давно забытые статьи и, притянув нас к гласному суду, связал нас по рукам и ногам формальными условиями защиты, не давая нам возможности с документами в руках доказать, что все то, что нами напечатано о нем, есть истина святая. Обидевшись на то, что его назвали «ученым лгуном, с нахальной смелостью, не моргнув бровью, извращающим прямой смысл памятников», г. Грушевский лишил нас возможности доказать правоту нашей критической оценки его историко-литературной деятельности. Имей мы возможность, мы бы с книгами его сочинений в руках доказали бы всю научную его ценность, мы бы доказали, что он действительно мало соответствует высокому посту профессора русской истории Киевского университета, к которому он так упорно стремится. Это именно стремление его — занять кафедру университета — и вызвало настоящую газетную статью. Мы хотели вызвать г. Грушевского на поединок и на этом поединке доказать, что г. Грушевский не может быть профессором русской истории в русском университете. Мы хотели, чтобы г. Грушевский либо путем печати, либо путем гласного и открытого суда опроверг бы возводимое на него обвинение в ученой несостоятельности и подтасовке исторических событий. Но... г. Грушевский брошенной нами перчатки не поднял. На честный открытый бой он не вышел. Поневоле и нам приходится свою защиту вести формальным порядком. Поддерживая в этом отношении свою апелляционную жалобу, я нахожу, что в инкриминируемых нам выражениях не содержится злословия и брани. Вырванные г. Грушевским выражения — «ученый лгун, с нахальной смелостью, не моргнув бровью, извращает прямой смысл памятников» — не могут быть рассматриваемы отдельно и обособленно от общего смысла статьи. А общий смысл статьи ясен и определен. В этой статье разбирается научная деятельность г. Грушевского, оценивается его умственный багаж и, как конечный вывод подчинения его научного багажа политическим тенденциям украинского сепаратизма, помещено вышеприведенное выражение. Весьма характерно в этом отношении то, что г. Грушевский не обиделся на более горькие для него эпитеты и прошел их таинственным молчанием. Г. Грушевский не привлек нас за

то, что мы в той же статье назвали его — «политическим еретиком, злобным политиканом, врагом России, союзником иных ее врагов, профессором, разучившимся говорить по-русски». (В это время г. Председательствующий останавливает защитника словами, что от усмотрения обвинителя зависит обидеться на то или другое выражение, и это защиты не касается). Я понимаю, что это не дело защиты, но моя обязанность указать суду, что нельзя вырывать отдельные выражения, обособлять их от общего смысла статьи и приписывать нам то, чего мы не хотели и не хотим совершить. Что это так, что моя мысль о неделимости смысла газетной статьи правильна, видно из решений Сената по делу Пиперса и по делу Дорна. Я не буду утомлять Палату дальнейшим юридическим анализом вменяемого нам преступления, скажу только одно: если здесь о чем нибудь и может говорить г. Грушевский, так только о ст. 1535, т. е. о клевете в печати. Но тогда мы не были бы лишены возможности доказать, что наша терминология совершенно справедлива и что его исторические исследования вполне отвечают представлению об «ученой лжи». Пусть г. Грушевский привлекает нас по надлежащей статье и мы дадим ему надлежащий ответ.

Последнее слово предоставлено было подсудимому, Б.М. Юзефовичу, который заявил, что ему остается только вкратце повторить то, что сказано было им в свою защиту при разборе дела в Окружном Суде, но что предварительно он считает долгом остановиться на слове «донос», произнесенном по его адресу представителем обвинения. В этом месте речи он был остановлен г. Председательствующим, заметившим ему, что речь обвинителя на этом же слове была также приостановлена. Однакоже, заявил г. Юзефович, так как г. Извеков слово это успел произнести, то он, Юзефович, считает себя в праве указать на его полную, в данном случае, необоснованность. Понятие о доносе вмещает в себе два основных условия, а именно: во-первых, доносчик собирает свои сведения негласными путями, во-вторых, он пишет свой донос либо анонимно, либо обставляет его надлежащею тайною. Ни того, ни другого признака в данном деле не существует: данные, приведенные в статье о г. Грушевском, почерпнуты не из интимной жизни или негласной деятельности этого последнего, а из сочинений, выпущенных им в свет, что легко было бы доказать, если бы г. Грушевский не позаботился укрыться от таких изобличений статьями 1039 и 1040 уло*жения* о наказаниях. Что же касается самого факта изобличения г. Грушевского в легкомысленном или злонамеренном пренебрежении историческою истиною, то он, Юзефович, не затруднился выступить с ним за полною своею редакторскою подписью, которою он неизменно скрепляет все, что когда-либо выходило или выходит из-под его пера или за его редакторскою ответственностью.

Засим, г. Юзефович, упомянув о том, что и сам он постоянно является предметом травли со стороны еврейской революционной печати, выступающей против него со всякой бранью, каррикатурами и т. п, никогда не считал совместным с своим достоинством преследовать своих хулителей судом, а потому, как представитель «черносотенного» направления, он не может не удивляться тому, что такой просвещенный представитель «освободительного» движения, как г. Грушевский не нашел более достойного его учености и либерализма способа самозащиты, как привлечение его, Юзефовича, к суду за то, что в качестве редактора газеты он оказался недостаточно придирчивым цензором и не применил красных чернил к нескольким, хотя и правдивым, но, быть может, несколько критическим выражениям, столь оскорбившим авторское самолюбие г. Грушевского.

Судебная палата, выслушав речи представителя интересов профессора Грушевского — прис*яжного* повер*енного* Извекова и защитника прис. повер.

Матусевича, а также личные объяснения бывшего редактора Юзефовича, объявила после непродолжительного совещания вердикт и, отменив приговор окружного суда, признала дворянина Юзефовича оправданным по суду.

Киевлянин 1907 года № 347

К замещению кафедры русской истории в университете св. Владимира

В киевских газетах недавно появилось известие о том, что на вакантную кафедру русской истории, замещение коей должно произойти по конкурсу, выступил претендентом известный галицкий деятель и профессор Львовского университета Михаил Грушевский. Срок, положенный законом для производства конкурса, продолжается несколько месяцев, так что только к весне станет известно суждение факультета и совета университета о пригодности г. Грушевского для занятия кафедры русской истории в университете св. Владимира. Говорят, что г. Грушевскому принадлежит очень много ученых трудов, по которым факультету придется произносить свое суждение. Но г. Грушевский ревнует о славе не только ученого, но также и публициста с политической окраской. Ему принадлежит множество брошюр как на русском, так и на его особом, маловразумительном даже для здешних малороссов, галицком языке. Одно из таких его произведений, написанное по-русски, случайно попалось мне недавно в руки, а именно, изданная в Петербурге в типографии «Общественная Польза» брошюра под заглавием: «Единство или распадение России». Содержание этого небольшого произведения ученого пера г. Грушевского поразило меня своей простотой и ясностью. Ученый автор предстал предо мною во всем величии понимания истории нашей родины и современного положения нашего отечества. На пространстве 13 страниц небольшого формата г. Грушевский блистательно разобрал и решил поставленную им в заголовке дилемму.

Под блестящим и острым, как бритва, ножом его анализа весь великий труд многих поколений, сложивших русское государство, предстает в удивительно простой форме. Россия слагалась в единое государство не в силу каких-либо идей, живших в народном сознании, а чисто механически, вопреки всяким реальным интересам и всякой правде. «Московское государство, выросшее на территории волжско-окского бассейна, на великорусской почве, считало себя, на основании династических традиций, преемником Киевского государства, выросшего в экономических условиях днепровско-балтийского водного пути, на территории украинской. Несмотря на все отличие экономических, колонизационных и этнографических условий, московское правительство смотрит на бывшие провинции Киевского государства, как на сферу своих интересов, ставит задачею своей политики собрание этих ««отчин»» своей династии». «Включение земель литовских и польских было вызвано не какими-либо реальными, экономическими и политическими интересами Российского государства, а явилось простым результатом соперничества, за спорные земли, за исторические «отчины» московских государей». «Увеличение государства» было «целью государственной политики», «вопросом чести и соперничества для отдельных правителей». «Государство «созидалось» и «умножалось» для государства, точнее — для правителей или бюрократической орды». «Расширение государственной территории на восток и северо-восток возникло из чисто наезднических авантюр, в стиле американских конквистадоров». «История Сибири «под владычеством России» представляет собою один ужасный мартиролог грабежа и издевательства над беззащитным населением». «Украина почувствовала, как щупальцы московского бюрократического спрута проникают внутрь ее, задерживая свободное развитие»... Россия —

это «тюрьма народов». Она «разрасталась и расширяла свои помещения, увеличивала свои штаты и оклады и умножала армию навербованных из отбросов тех же народов опричников, охранявших камеры арестантов и разрабатывавших все новые и новые способы предупреждения пресечения». Россия представляет «механический конгломерат, лишенный всякого внутреннего сцепления, сдерживаемый лишь внешней силой»...

И вот теперь настал момент, «когда восставший народ разбивает двери всероссийской бастилии». «Подневольные члены Российского государства лишь на наших глазах почувствовали впервые внутреннее единство и общность интересов, и этим единством было единство борьбы с угнетавшим их строем. «Сознание возможности свергнуть это общее иго, разбить цепи, оковывавшие одинаково и «покоренные народы», и разные области, и части государственного великорусского народа, объединило в одну армию их представителей и они дружно пошли на общего врага». Вопрос будущего состоит в том: «Разойдется ли эта армия по окончании своего великого подвига, или также дружно, общими силами она поведет дело созидания и благоустроения своего союза для целей мирного производительного труда»?

Очевидно, от того, как жизнь решит этот вопрос, и зависит будущее, т. е. единство России или ее распадение. Что общий враг будет сокрушен, в этом автор не сомневается. Он так серьезно изучил прошлое «тюрьмы народов», так глубоко проник в сущность исторического процесса, создавшего русское государство, так ясно уразумел, что «всякая внутренняя связь его частей вытравлена и разрушена даже там, где она некогда существовала», что для него нет сомнений в том, что «армия представителей» добьется своей великой цели. Ему не страшен и «маленький капрал», и это потому, что «понадобились бы, вероятно, целые взводы таких капралов, чтобы привести восставшие теперь народы и области России под иго централизма». «Положение совершенно ясное», вещает автор. Итак, враг будет повержен или, быть может, уже простерт под пятою «представителей»...

По истине великий ученый г. Грушевский! Как он превосходно понял и прошлое, и настоящее нашего бедного отечества! Как глубоко он проник в реальные причины исторических событий, сколько знания и высокого разумения он представил в этой малой брошюре, освещающей таким ярким светом наше историческое бытие... С глубоким убеждением и увлечением выступает он в роли одного из «представителей», которые, по его словам, громят в настоящее время «тюрьму народов», «разбивают двери всероссийской бастилии»... Чей он «представитель», мы не знаем. Не похож ли он более на тех грубых буянов-студентов, что разбивают двери запертых аудиторий, чтобы устроить там дикое галдение во славу революции, или, как в галицком Львове, рвут портреты ректоров и ломают мебель, чем на ученого, который служит великому делу просвещения? Что его разумение прошлого есть одно лишь неразумие и самое убогое невежество, — это совершенно ясно и не нуждается в доказательствах. Но и то настоящее, какое он себе представляет, этот разгром «тюрьмы народов» — не есть ли просто галюцинация распаленного воображения, или сонное видение убогого духа... Представители русского государства собрались в Государственной Думе на великое служение государственному делу и по мере сил и умения приступили к работе. Представители «освободительного движения» совершают кое-где герценштейновские иллюминации, разбои и убийства. Государственная власть борется с этими врагами общественного порядка. А распропагандированная молодежь в высших учебных заведениях все еще мнит себя в борьбе с «российской бастилией» и во славу революции не только не учится сама, но и мешает учиться благомыслящей части студенчества. Если

г. Грушевский причисляет и себя к «представителям», то его место, очевидно, среди этих тиранов русского просвещения и насилия над свободой и истиной во славу тьмы и невежества.

Профессор

«Окраины России» 1907 года №№ 45 и 46

Украйномания у нас и за рубежом

I

Выдающееся положение, занимаемое ныне в среде наших и зарубежных украйноманов профессором Львовского университета и председателем «Наукового товариства имени Шевченка» Мих. Грушевским, заставляет обратить внимание на вышедший недавно сборник его статей и заметок, озаглавленный: «Освобождение России и Украинский вопрос» (СПб, 1907). Конечно, для лиц, следящих за украйноманской печатью, в этом сборнике не много нового, так как из 22 вошедших в него статей лишь 2 (именно 11 и 20-я) появляются в печати впервые; остальные же перепечатаны то из «Украинского Вестника», то из «Литературно-наукового Вістника», то из «Рады», то из наших освободительных газет «Сына Отечества» и «Страны», то, наконец, из франкфуртского издания «Russen über Russland» (1906 г.).

Ничего нового не представляют и темы г. Грушевского, а равно их обработка и выводы. Для всех, знавших этого автора, было очевидно, что в момент нашего «освободительного движения» он попытается присосаться к его деятелям, чтобы, при ликвидации исторической России, урвать в ней место для «самостийной Украйны». Но все же способ этого присасывания настолько характерен для нынешнего украйноманства, что мы считаем нужным остановить на нем внимание наших читателей.

II

Подобно прочим деятелям и дельцам нашего «освободительного движения», г. Грушевский на каждой странице своего сборника мечет громы на российскую бюрократию — старого и нового времени, особенно упрекая ее в грехах против Украйны, ее народа, языка и независимости; рассыпается в любезностях перед нашими освобожденцами и революционерами; льстит социалистам и евреям, как своим союзникам в борьбе с «общим врагом»; славословит Государственную Думу второго созыва, особенно образовавшуюся было там группу автономистов-федералистов; умоляет их, при перестройке России на началах «национально-территориальной автономии» всех ее народностей, не забывать об Украйне, с ее 30-миллионным населением. Ее права на автономию определяются-де не только многомиллионностью украинцев, но и их племенною и историческою отдельностью, чуть ли не со времен Аттилы; самобытностью их физического и психического типа; независимостью их языка среди прочих славянских; своеобразностью их архидемократического бытового уклада; наконец, их исконными стремлениями к политической отдельности, которые не исчезли-де и теперь, несмотря на вековой гнет сначала поляков, а потом москалей, сопровождавшийся изменою верхних слоев населения и затемнением народного сознания в массах. На фоне этой картины в довольно симпатичных чертах рисуются автору личности украинских сепаратистов Выговского, Дорошенка, Мазепы, даже Капниста, в его предательских сношениях с русским канцлером (в 1791 г. ср. стр. 19, 42)...

В близком же будущем автору уже грезится картина украинского сейма, избранного по четыреххвостке и самостоятельно законодательствующего в Украйне. В парламенте же общерусском этот сейм будет-де представлен тремя-четырьмя десятками избранных им делегатов, которые, совместно с делегатами сеймов польского, вероятно латышского, армянского и других, будут обсуждать приблизительно те же дела,

какие выделены для этого парламента в пресловутом проекте польской автономии, внесенном 10 апреля 1907 г. во вторую Го*сударственную* Думу.

Конечно, в этой будущей Украйне, как и в будущей автономной Польше, станут судить и рядить не москали, а только свои люди, на своем языке, на свою руку и в своем духе. Даже в церковном отношении Украина отделится-де тогда от Святейшего Синода и получит автокефальную иерархию...

III

Для чего же все это нужно и какими реальными потребностями вызывается? В ответ автор твердит на тысячу ладов, что украинцы настолько обособились от прочих ветвей «восточного славянства», что не могут уже жить общей с ними жизнью, ни в экономическом, ни в общественном, ни в литературном, ни в политическом отношении. Главною же помехою для такого общежития является-де громадное расстояние между языками украинским и великорусским, которого не может уже победить ни школа, ни литература, ни жизнь. Сверх того исторически задачи украинцев настолько-мол расходятся с великорусскими, что представителям первых трудно найти общую почву для соглашения с носителями вторых. Так, например, может ли украинец в чем нибудь сойтись с москалем черносотенцем? Даже с московскими «народовцами» украинцу трудно достичь соглашения, ибо в программе первых на первом плане стоят задачи социально-освободительные, у вторых же, наоборот, национально-освободительные. В доказательство, что конституция сама по себе не может обеспечить украинцев от эксплоатации их москалями, приводится пример нынешней Галиции, где венский парламент и львовский сейм нимало не гарантировали украинцев от польского гнета. Что же касается росказней про «общерусскую культуру», то г. Грушевский причисляет ее к тем фетишам, которые, всего больше, содействовали принижению национального сознания украинцев. Потому-то он полагает, что низвержение этого фетиша, — которому, скажем в скобках, тысячу лет поклонялись русские люди, начиная с наших «богатырей сумрака», затем в лице и деятельности летописца Нестора, Даниила Паломника, автора Слова о Полку Игореве, митрополита Петра, князей и царей-собирателей Руси, Богдана Хмельницкого, Ломоносова, Пушкина, Гоголя, — составляет священную обязанность не то, что г. Грушевского, а всего нашего правительства, представительства и общества, от которой они не в праве-де уклониться (стр. 40)!

IV

Но чем же подтверждает автор свои положения о двух русских народах, двух языках, литературах, культурах? Главным образом ссылками на свой «Очерк истории украинского народа», составляющий сокращение его же «Истории Украины-Руси» (Львов, 1904 г. след.). Но если даже признать, что сочинение это заслуживает почетного отзыва, присужденного ему недавно нашей Академий Наук, несмотря на его явную тенденциозность и ненаучность, отмеченные напр. в недавней рецензии черновецкого профессора Мильковича, — то все же ссылки эти имеют характер только исторический, а следовательно не могут решить спорных вопросов русской этнологии и диалектологии, куда главнейше примыкает и вопрос о единстве или двойственности русского языка и народа.

Г. Грушевский не мог этого не чувствовать, и вот в двух местах своего сборника он сделал попытку опереться в данном случае на единомыслие с ним нашей Академии Наук, а именно:

1. В перепечатанной из «Сына Отечества» от 7 мая 1905 г. статье «Равною мерою» автор говорит:

...«Или, может быть, для украинцев все еще считаются родными язык и литература великорусские? После того, как Акад*емия* Наук, отвечая в своей Записке на вопрос Комитета министров

по поводу ограничения украинского языка (Императ. Академия Наук: Об отмене стеснений малорусского печатного слова. СПб, 1905 г., официальное издание), с полной определенностью выяснила, что «русская литература» есть литература великорусская и «русский язык» — литературный великорусский, а отнюдь не общерусский язык, — в этом не должно быть сомнения и для правительственных сфер, обращавшихся к компетентному мнению Академии по этому вопросу» (стр. 102).

2. В статье же «Невероятно», перепечатанной из «Сына Отечества» от 18 сентября 1905 года, сообщены по этому делу и некоторые дополнительные подробности, а именно указано, что упомянутый запрос в Академию Наук от Комитета министров был вызван обсуждением способов исполнения указа 12 декабря 1904 г. об устранении из постановлений о печати излишних стеснений, а в том числе Высочайших повелений 1876 и 1881 гг., коими запрещалось печатание на малороссийском языке всякого рода сочинений, за исключением исторических документов, словарей и произведений изящной словесности. Означенный запрос обращен-де был сверх Академии Наук еще к Киевскому и Харьковскому университетам. «Академия Наук, — читаем мы дальше в этой статье, — в обширной Записке выяснила всю неосновательность ходячего в охранительных кругах положения, что так называемый «русский литературный язык» есть язык общерусский, делающий излишним употребление в литературе языка украинского; она указала, что упомянутый язык есть язык великорусский, а не общерусский, литература на нем существующая — литература великорусская, и ее существование не удовлетворяет потребности украинской народности в литературе на своем родном языке (стр. 107-108).

V

При том авторитете, которым обыкновенно пользуются в вопросах литературного языка национальные Академии Наук (напр., французская, итальянская, испанская) и которым отчасти располагала и наша Академия при Востокове, Срезневском, Гроте, приведенные ссылки г. Грушевского на неизвестную раньше нашей публике «Записку *Академии Наук*» о двух русских языках не могли не обратить на себя внимания русского читателя, — что можно видеть и из недавней статьи г. Н. Энгельгардта под заглавием «Официальное упразднение русского языка» («*Новое* Время» № 11359). Не мало озадачило это сообщение и нас, хотя мы были до некоторой степени к нему подготовлены событиями, происходившими в Отделении русского языка и словесности со времени утверждения в нем влияния хорватского славянофила проф. Ягича. Так, нам было известно, что еще в 1903 г. на «Предварительном съезде русских филологов», происходившем в Петербурге под председательством г. Ягича, втихомолку принято было постановление, что в задуманной нашей Академией Наук «Энциклопедии по славяноведению» отведено будет место не для одного русского языка с его разновидностями, а для двух, именно 1. «русского, т. е. великорусского и 2. русского (не руського-ли?), т. е. малорусского». Когда одним из членов съезда выражено было Отделению недоумение по поводу этого плана, то последнее, признавая себя «приверженцем идеи литературного единства Руси», в то же время высказалось за признание нынешнего нашего образованного языка только великорусским, хотя и находило — вопреки гг. Огоновскому и Грушевскому — что был «длинный исторический период, когда все русские наречия жили общей жизнью и переживали при этом ряд общих фонетических и морфологических изменений».

С 1904 г. Академия Наук стала допускать на страницах своих изданий статьи и на «украинском языке», хотя в ту пору не были еще упразднены вышеупомянутые Высочайшие повеления от

1876 и 1881 гг. Так напр., в первом выпуске «Статей по славяноведению», изданном II Отделением Императорской Академии Наук (СПб, 1904 г.), напечатаны три статьи на этом «языке» г. М. Грушевского. В одной из этих статей он признает термин «русский» по отношению к нашей истории «баламутским» и предлагает всячески избегать его, так как при отсутствии общерусской народности не может-де быть и общерусской истории, а разве история российского государства, история русских народностей (как у проф. Карцева в 1-ой Государственной Думе) или еще точнее — история великорусского народа, история малорусского народа, история белорусского народа. В виде же родового наименования всех этих «народов» автор советует пользоваться термином «Восточное Славянство» (стр. 299-304).

Из вышедшей недавно книги Т.Д. Флоринского под заглавием «Славянское племя» (Киев, 1907 г.) мы узнали, между прочим, что это сочинение, представляющее «статистическо-этнографический обзор современного Славянства», предназначалось для упомянутой «Энциклопедии по славяноведению», — издаваемой г. Ягичем за счет нашей Академии Наук, — но не могло туда войти «по независевшим от автора обстоятельствам». Перелистав книгу г. Флоринского, мы догадались, что одним из этих «обстоятельств» мог быть несогласный с вышеупомянутой программой «Энциклопедии» взгляд автора на двойственность русского языка и народа. Г. Флоринский отрицательно относится к пропагандируемой, главным образом из Галичины, «несостоятельной идее полной обособленности и самостоятельности малоруссов» в отношениях «племенном, языковом, культурном и политическом» (стр. 36). Малорусскую народность и автор признает «одной из трех крупных разновидностей русского народа», сложившейся не ранее 14-16 вв.; присвоенные же этой народности и речи галицкими и нашими сепаратистами названия — народ или язык рутенский, русинский, украинский г. Флоринский признает искусственными и неудачными (стр. 37-38). Понятно, что это не могло понравиться г. Ягичу, который, заняв в Вене университетскую кафедру «гофслависта» Миклошича, почувствовал слабость к размножению славянских языков, обогатив уже их несколькими новыми претендентами, в виде напр. языков боснийского, старосербского, македонского. С его легкой руки и некоторые члены II Отделения Академии Наук проектировали уже в 1903 г. причислить к международным языкам, допускаемым на общеславянском съезде, и такие «языки», как горенский, доленский, черногорский, македонский и — last not least — украинский.

Этими же венскими влияниями объясняем мы себе упомянутое г. Энгельгардтом издание «У Петербурзі» Академиею Наук этнографической карты Закарпатской Руси в украинско-фонетической транскрипции. В недавнее время ходили слухи и о предположенном II Отделением Академии Наук избрании в ее действительные члены гг. Грушевского и Франка, за их якобы научную деятельность во Львовском «Товаристве» Шевченка, которому г. Ягич уже давно сулит роль второй русской Академии Наук. К счастию, эти слухи пока не оправдались.

VI

Хотя таким образом мы были подготовлены к сообщению г. Грушевского о прикосновенности некоторых членов нашей Академии Наук к украйноманскому движению, тем не менее его уверение, будто вся Академия Наук высказалась за двойственность русского языка и литературы, будто вся она признает наш образованный язык не общерусским, а только великорусским, показалось нам невероятным. Мы подумали, что если действительно наша Академия Наук признает русский язык только великорусским, то почему она не возбуждает ходатайства о переименовании «Отделения русского языка и словес-

ности» в «Отд*еление* великорусского языка» или, пожалуй, в «Отделение двух русских языков и словесностей»?..

Необходимым представлялось отыскать то «официальное издание» Имп*ераторской* Акад*емии* Н*аук*, на которое ссылается г. Грушевский, чтобы убедиться, не напутал ли, по обычаю, этот тенденциозный бытописатель «украинцев», объявив Акад*емию* Н*аук* своим единомышленником в учении о «самостийности Украйны»?

Так на деле и оказалось. Во-*первых*, то «официальное издание», на которое ссылается г. Грушевский, имеет характер не книги, а печатной рукописи, которая не была пущена в продажу, почему и не имеет характера открытого, обращенного к читающей публике заявления Академии Наук.

Во-*вторых*, в этом издании лишь первая часть, выражающая постановление общего собрания Акад*емии* Н*аук*, может считаться коллективным ее заявлением. Но в этом постановлении говорится только о необходимости отмены цензурных стеснений малорусского печатного слова и вовсе не имеется заключений об общерусском или великорусском характере нашего образованного языка, хотя, к сожалению, он и назван там, раз-другой, очевидно по недосмотру, великорусским.

В-*третьих*, составляющая вторую часть «издания» Записка составлена не от имени Ак*адемии* Н*аук*, а от имени особой комиссии из семи членов, в числе коих, под председательством латиниста Корша, находились: санскритист Ольденбург, сравнительник Фортунатов, славяно-русский филолог Шахматов, историк Лаппо-Данилевский, зоолог Заленский и ботаник Фаминцин. — В скобках отметим, что пять из этих академиков входили в группу подписавших в январе 1905 г. пресловутое заявление 342. — Отвечая на запрос гр. Витте, эта комиссия в Записке, составленной, вероятно, академиком Коршем, очень обстоятельно рассмотрела стеснительные для малорусов Высочайшие повеления 1876 и 1881 гг. и убедительно доказала необходимость их отмены. Но вопроса о единстве русского языка и народа она коснулась лишь вскользь, при чем запуталась в очевидных противоречиях. Так, на стр. 20-й, Записка признает «единую и нераздельную русскую народность», а на стр. 5-й приписывает «южной ветви русского народа сознание себя в качестве этнографической величины, особой от ветви северной и имевшей свое самостоятельное прошлое». Имеется, к сожалению, в Записке и одно такое место (на стр.15-16), которое г. Грушевский мог, пожалуй, признать отрицанием ее автором общерусского характера нашего образованного языка. В языке этом составитель Записки усматривает отсутствие одного признака, необходимого, по его мненею, для признания этого языка общерусским, а именно — не замечает в нем «амальгамы, в которой хотя бы неравномерно отразились особенности всех живых русских наречий». Кроме того, он находит, что «усилия наших великих писателей все более сближали наш книжный язык с народным, и ничто еще не остановило того направления, которое уже в конце XVIII и в начале XIX века сделало наш литературный язык вполне великорусским». Что же касается прибретенного этим языком общерусского значения, то автор не придает ему особой важности, полагая, что «ныне, со времени возникновения малорусского литературного языка, великорусский, как чуждый малорусу, не может быть сравнен с его родной речью».

Не трудно видеть, что в случае применения пророненной здесь автором теории об «амальгаме» к прочим общим языкам старого и нового времени, нигде не оказалось бы таковых, ибо все они развивались на почве какого нибудь одного живого наречия, напр.: общегреческий аттического, общелатинский римского, общеитальянский тосканского, общеиспанский кастильского, общефранцузский парижского, общеанглийский лондонского, общенемецкий верхнесаксонского и т.д. Только обще-

Софія Русова. Перша чверть XX ст.

славянский язык Юрия Крижанича, скомпанованный из словарей и грамматик всех славянских наречий, соответствовал бы, пожалуй, идеалу «амальгамы»!

А как удивились бы Карамзин, Крылов, Пушкин, если б они узнали, что общерусский характер языка Ломоносова, Державина, Фонвизина именно они принизили до роли великорусского провинциализма! Как прослезился бы и Гоголь, если бы узнал, что речь Тараса Бульбы оказалась впоследствии совершенно «чуждою малорусу»!

Замечательно, что даже львовский украйноман Франко в своей статье «Literatura ukrainska» (Slovansky Prehlod 1898 г.) допускал, что «великорусская литература создана — общим усилиями всего русского народа, ибо там рядом с Радищевым и Новиковым стоят Капнист и Карамзин, рядом с Жуковским Гнедич, а с Пушкиным Гоголь». Казалось бы, на лицо все условия для необходимой «амальгамы»!

Сознавая, повидимому, недостаточность такой мотивировки для признания нашего образованного языка великорусским, составитель Записки попытался подкрепить ее в этом направлении целой дюжиной Приложений, доставленных — вероятно, очень известными в украйноманской среде — П. Стебницким, С. Русовой, А. Русовым, А. Лотоцким, П. Саладиновым, В. Науменком, В. Леонтовичем, Е. Ш. ... Не останавливаясь на этих Приложениях, представляющих собственно неприятельский груз, провезенный под нейтральным флагом, мы позволим себе только выразить сожаление, что составители Записки не вникли ближе в очень дельное предложение г. Военского — отвести для малорусской литературы место вспомогательной, побочной словесности при литературе общерусской, по образцу провансальской во Франции и plattdeutsch в Германии (стр. 189). Так смотрел на дело и академик Пыпин, признававши малорусскую литературу «одной из частных литератур русского языка».

VII

В виду того, что г. Грушевский в выше указанных статьях пытается, хотя и в неопределенных выражениях, признать своими единомышленнниками по данному вопросу еще Харьковский и Киевский университеты, мы должны заявить, что в представленных этими университетами гр. Витте в 1905 г. Записках не имеется никаких оснований для таких попыток.

В харьковской, напр., Записке, составленной, вероятно, проф. Сумцовым, прямо констатировано словесное единство русского народа (стр. 4); наш литературный язык ни разу не назван в ней великорусским, а наоборот общерусским (стр. 15); как языку государственному, ему присваивается право на господство во всей России (стр. 12); речь малорусская признается лишь «наречием русского языка» (стр. 5); делается предостережение от включения малороссов в разряд инородцев, так как они составляют часть основного русского ядра (стр. 15); выражается сожаление о порче примесями — польскими и немецкими — языка галицко-украинского, так далеко-де ушедшего от «изящной простоты и чистоты языка Квитки и Шевченка» (стр. 8). Если одновременно с тем Харьковская записка рекомендует применение малорусской речи в начальной школе, как педагогического приема, а равно и в популярно научной литературе, то против этого не возражают и приверженцы единства русского народа.

То же должно сказать и о Записке университета св. Владимира, составленной, повидимому, проф. Дашкевичем. И здесь наш образованный язык ни разу не назван великорусским. Напротив, ему навсегда присваивается «значение живой и истинной эмблемы нашего национального единства» (стр. 7); подчеркиваются идеи «общерусской духовной культуры» (стр. 5), общерусской «гражданственности» (стр. 5); для речи же малорусской отводится место одного из второстепенных языков (стр. 4), на подобие провансальского во Франции и нижнесаксонского или шлезвигского в Германии (5, 7).

VIII

Насколько запоздалыми и приземистыми по историческому горизонту окажутся разъединительные планы гг. Грушевских, Франков, Ягичей, если мы сравним их с тем твердым и неподавимым убеждением в единстве русского языка и народа, какое прозвучало недавно с высоты Венской парламентской трибуны, в сказанных на нашем образованном языке речах галицких депутатов Маркова и Глебовицкого! Несмотря на злостное шипение двух дюжин единомышленных с г. Грушевским украйноманских депутатов того же парламента из Галиции и Буковины, мужественные речи гг. Маркова и Глебовицкого были очень сочувственно встречены чешскими и многими другими славянскими депутатами райхсрата, а затем — что еще важнее — поддержаны в сотнях народных веч, созванных по этому поводу в Галиции представителями русско-народной партии. На этих вечах предано всенародному осуждению лжеучение о племенной и культурной «самостийности» украинцев и постановлено хранить, как святыню, свое русское имя и унаследованное от предков сознание единства русского языка и народа!

Но не то же ли замечается и у нас в верхних и нижних слоях украинского населения, которое, как известно, не пропустило уже в третью Государственную Думу ни Шрага, ни Шемета, ни Сайка, ни Хвоста, — вообще ни одного украйномана, за исключением разве профессора Лучицкого! Впрочем, и этот последний, с грехом пополам, прошел в Киеве на основании не украйноманской программы, а еврейско-кадетской.

А. Б.

«Новое Время» 1908 года № 11453

Кризис современного украинства

Известие о том, что Синод решил допустить к употреблению в церковно-приходских школах на Украине книги и даже учебники некоторых предметов, составленные на украинском языке, внушает кадетской «Речи» большую тревогу. Казалось бы, это известие должно радовать газету. На деле ей чуется что-то недоброе. Новая политика Синода может, по соображениям «Речи», отразиться на массе украинского духовенства, которое сумеет придать украинскому движению новый колорит. Она может отразиться и на украинских священниках, депутатах Государственной Думы, которые, вместе с малорусскими крестьянами, могут образовать новую украинскую фракцию, и чего доброго, в состав ее может, пожалуй, войти лидер духовенства епископ Евлогий.

В таком случае может, пожалуй, сложиться украинский «черносотенный фермент», он может оставить известный след в дальнейшей группировке украинских партий. Одним словом, украинство на правом крыле или даже в центре может составить противовес тому украинству, которое «по сколько оно было сознательным, всегда было опозиционным».

Опасность, как видите, не малая. На нее уже обратил внимание в киевской «Раде» проф. М. Грушевский сейчас же после выборов в нынешнюю Государственную Думу, когда оказалось, что не осталось и следа от того украинства, которое как будто стало обрисовываться в первой Государственной Думе и как будто начало организоваться во второй под

руководством «сына Украины, ее потомственного казака», деп*утата* Сайка.

Невеселое положение украинства у нас было бы, конечно, очень легко объяснить воздействием «истинно-русской» реакции, если бы то же самое явление не замечалось и в «украинском Пьемонте» Галичине, казалось бы, достаточно застрахованной от «истинно-русских» влияний. Между тем оказывается, что, несмотря на все усердие и полную свободу действий, украинцам так и не удалось очистить Галичину от так называемого «москвофильства», т. е. стремления к общерусскому единению. Сторонники его попали даже в число депутатов нового парламента и здесь открыто и громогласно доказывали, что «украинского» народа нет даже в «украинском Пьемонте», а «есть только галицкая часть одного русского народа». «Затем на москвофильском съезде во Львове поведение этих депутатов было одобрено», а затем пошли «митинги и отчаянные усилия оживить инертную массу москвофильства и извлечь из нее признаки активности, которой она до сих пор была лишена».

Обо всем этом сообщает проф. Грушевский в «Н. Веке». Правда, он не обмолвился ни словом ни о том, что эти митинги были многочисленны, ни о том, какой клич раздался на них громко и решительно. Но именно это умолчание и характерно в статье главы современного украинства. В стихийном пробуждении общерусского национального чувства и сознания галичан проф. Грушевский видит лишь «плод посева антипрогрессивного москвофильства». Одним словом, он ни на йоту не отступил от избитого и затасканного украинского трафарета. Но за то он очень и очень удалился от действительной правды.

Галицкие выборы дают возможность сравнительно точно подсчитать силы галицко-русских партий. Подсчет данных первого голосования дает следующие результаты. За «украинцев» подано 250 000 голосов, за русских кандидатов 181 023.

Оказывается, таким образом, что в среде галицко-русской народной массы вовсе не так мало сторонников общерусского единения, как можно бы ожидать, принимая во внимание продолжительное обособление Галицкой Руси и австро-польско-иезуитское хозяйничанье со всеми его ухищрениями. И будь это не так, не было бы в Австрии и вопроса о русском языке. Для оценки статьи г. Грушевского достаточно этого одного примера. Что-то, очевидно, не чисто, ибо иначе не надо было бы скрывать и замазывать правду. И действительно *то украинство, во главе которого стоит проф. Грушевский, — дело прямо-таки нечистое.*

Это не старое культурное украинство, а политическая игра во вкусе известного «изобретателя Рутенов «Стадиона и Бисмарка, очень одобрявшего идею отдельного киевского княжества, в состав которого должна входить, понятно, и Одесса. Это подновление старой духинщины! Еще в 80-х годах украинцы колебались, по выражению Пыпина, «между теорией Духинского и желанием соблюсти тень исторической правды». Проф. Грушевский освободился от всяких колебаний и стал открыто на сторону Духинского. В его вкусе он построил даже новую схему русской истории. Древняя киевская Русь, ее право, быт и культура оказываются, по этой схеме, исключительным созданием украинской народности, которая будто бы не имела с великороссами ничего общего, кроме династической связи.

Разыскивать, выдвигать и раздувать контрасты — вот задача нынешнего украинства. Что таким образом в русскую жизнь вносятся раздор и бесконечная внутренняя смута — это понятно само собою.

Удивительно ли, что это наконец начинают понимать и у нас, к великому огорчению «Речи» и «Н. Века». По всей Галицкой Руси раздался громкий клич: «Один Бог на небе, одна Русь на свете. Мы родились и умрем Русскими! Не позволим украсть у себя русское имя».

Этот громкий клич одинаково упраздняет всякие частные русские сепаратиз-

мы. Он доказывает, что нельзя убить в народе естественное чувство племенной связи и единства, скрепленного веками общей жизни и культуры. Гони природу в дверь, она влетит в окно.

Видовые различия отдельных русских народностей были, есть и всегда будут. Это глубокие родники, питающие широкий бассейн общенациональной жизни, поддерживающие ее колоритность и то естественное разнообразие, которое свойственно всему живому. С ними нужно считаться и не признавать их было бы неразумным. Но не было и, Бог даст, не будет двух русских народов — наций, ибо в таком случае один из этих народов непременно перестал бы быть русским. Украинцы это уже доказали. Сравнительно недавно они называли себя Руськими (с сакраментальным одним с, а не двумя), потом стали руськими, затем «украиньсько-руськими», наконец в самое последнее время совершенно отбросили всякое упоминание о Руси, выступая в качестве «отдельной и самостоятельной нации». А все признаки этой нации заключаются в подсказанной знаменитым «изобретателем Рутенов» Стадионом «национальной идее» и́ в изобретенной Черкавским по наказу наместника Аг. Голуховского фонетике, да, пожалуй, в благоволении к унии.

Можно ли представить себе что-либо более жалкое?

У Драгоманова имеется интересный рассказ о его свидании с провансальским поэтом Руманилья. Драгоманов заметил ему, что пока провансальские фелибры будут ограничиваться одними стихами, до тех пор провансальство не изменит сложившихся отношений юга и севера Франции. «Надо, говорил Драгоманов, писать популярно-научные книжки, избирательные манифесты, говорить по провансальски на митингах, если уже закон не позволяет вам учить по-своему в школах».

— Знаете, — ответил на это Руманилья, — мы этого не можем сделать, ведь мы все-таки Французы» (parce qu'apprès tout nous sommes des Français).

В этом напрашивающемся сопоставлении украинство представляет глубокий интерес, как проявление национальной патологии, как квинтэссенция всех старых политических недоразумений, мутивших русскую жизнь на всем пространстве Западной Руси со времени ее политического обособления от Руси Восточной. Все эти недоразумения сосредоточились теперь в Галицкой Руси. Здесь за русской политической границей, под австро-польским кровом, при содействии иезуитов и перевоспитанных ими униатских базилиан, можно свободно продолжать эксперименты над русским народом, и те, кому это нужно, проделывают при посредстве Черкавских, Романчуков, Грушевских и т. п., весьма серьезный опыт кастрировать русскую национальную идею очень простым, а по нынешним взглядам весьма демократичным приемом — путем подъема одного из местных русских наречий до степени отдельного самостоятельного литературного языка. Результат сказался очень скоро: новый язык не стал литературным, но сразу перестал быть русским, а его сторонникам пришлось сбросить с себя, вытравить в себе всю свою связь с прошлым своего народа.

«Поднимать малорусский язык до уровня образованного литературного языка — была мысль соблазнительная, но ее несостоятельность высказалась с первого взгляда». Таков был взгляд Костомарова. Но с культурным украинством Гоголя, Максимовича, Костомарова или таких деятелей австрийской Руси, как А.И. Добрянский, Головацкий, Петрушевич, Наумович, нынешнее чисто политическое «украинство» не имеет абсолютно ничего общего. Те стремились к расширению и обогащению общерусского содержания, а нынешние «украинцы» стремятся лишь к разрыву одного живого целого на части и всего более опасаются гармонического сочетания этих частей.

И. Филевич

«Киевлянин» 1908 года № 42

О том, как г. Александр Грушевский на основании «захватного» права осуществил в Новороссийском университете чтение лекций на украинском воляпюке (к стр. 7)

В «автономном» Новороссийском университете интересное «нововведение» — чтение лекций на «украинской мове». Инициатором таких чтений является приват-доцент Грушевский, брат знаменитого «прохвессора».

По этому поводу в «Русской Речи» напечатано следующее письмо в редакцию за подписью «Гражданина Великой Российской Империи»:

«Позвольте чрез посредство уважаемой «Русской Речи» предложить вопрос: 1) декану историко-филологического факультета г. фон Штерну, 2) исполняющему обязанности ректора проф. Левашеву, 3) и.д. попечителя Одесского учебного округа проф. Каминскому, 4) министру народного просвещения проф. Шварцу: на каком основании приват-доцент Императорского Новороссийского университета г. Грушевский читает в университете, т.е. в русском государственном учреждении, лекции на жаргоне, называемом украинским языком?

В университетском уставе сказано:

Ст. 25. Декану принадлежит ближайшее наблюдение за преподаванием учебных предметов в своем факультете.

Ст. 11. Ректору вверяется непосредственное заведывание всеми частями управления университета в указанных настоящим уставом пределах.

Ст. 12. Все служащие в университете и состоящие при нем лица обязаны исполнять законные требования ректора.

Ст. 6. Попечитель учебного округа заботится о благосостоянии университета, наблюдает за ходом университетского преподавания и за точным исполнением всеми принадлежащими к университету установлениями и должностными лицами правил, предписанных законом или распоряжениями правительства; пресекает всякое уклонение от сих правил; возбуждает дело об ответственности виновных.

Ст. 4. Каждый университет, состоя под главным ведением министра народного просвещения, вверяется начальству попечителя местного учебного округа.

Спрашивается: кто допустил вопиющее нарушение требований основных законов о том, что в Российской империи государственным языком должен быть и может быть только язык русский, и на каком основании в Новороссийском университете иностранному жаргону, именуемому языком украинским, даны права языка государственного?

Ст. 3. основных законов гласит: «Русский язык есть язык государственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами». Где тот особый закон, который давал бы право ввести преподавание на иностранном жаргоне (даже не на местном языке или наречии) в высшем учебном заведении ведомства министерства народного просвещения?»

Управляющий Одесским учебным округом обратил уже внимание на чтения приват-доцента Грушевского, предложив ректору Новороссийского университета в трехдневный срок представить объяснения по поводу чтения приват-доцентом Грушевским лекций по русской истории иа украинском жаргоне.

Весьма сомнительно, чтобы испрашивалось разрешение на чтение лекций на малорусском наречии. При существующей «автономии» университетов разного рода чтения можно осуществлять явочным порядком, заменив русский язык не только «украинской мовой», но и еврейским жаргоном.

К вопросу о кандидатуре на кафедру русской истории в Университете св. Владимира профессора Львовского университета Михаила Грушевского. Киев: Типография «Русская печатная», 1908. С. 3-68. (Повна публікація)

Судова справа Бориса Юзефовича проти Михайла Грушевського: касація рішення Київського окружного суду щодо образи гідності вченого
Не пізніше 2 листопада 1907 року — 16 січня 1908 року

№ 1
Апеляційний відзив Бориса Юзефовича на рішення Київського окружного суду до Київської судової палати. Не пізніше 2 листопада 1907 року

В Киевскую Судебную Палату
Дворянина Бориса Михайловича Юзефовича,
живущего в г. Киеве по Крепостному проулку, в д. № 14

Апелляционная жалоба

Приговором Киевского Окружного Суда по 5-му уголовному Отделению от 9/23 октября сего года по делу по обвинению меня Михаилом Грушевским по 1039 и 1040 ст. Ул. о Нак. я признан виновным в деянии, предусмотренном ст. 1040 Ул. о Нак. и приговорен к 10 рублям штрафа и 3 дням домашнего ареста.

Приговор этот я считаю неправильным по следующим соображениям:

Киевский Окружный Суд вменил мне в вину следующее выражение, помещенное в статье «Письмо в редакцию» в № 158 газеты «Закон и Правда»: «ученый лгун, с нахальной смелостью, не моргнув бровью, извращающий прямой смысл памятников», — признав в этих словах злословие и брань.

Из сопоставления 1040 и 1535 статей Ул. о Нак. и согласно разъяснений Правительствующего Сената, преподанных в решениях за 1877 г. под № 79 по делу Озмидова, 1872 г. — за № 216 по *делу* Ковайн и многих других, явствует, что укорительные слова и выражения только тогда составляют злословие и брань, когда слова эти брошены оскорбляемому лицу только как брань, а не как указание или намек на деятельность того лица, против кого они направлены. Если же бранные и укорительные выражения содержат в себе указания на определенные действия или же общий характер деятельности или поведения (1892 г. — №12 по *делу* Пиперса), то таковые слова и выражения составляют клевету, а не брань и злословие.

Окружный Суд совершенно произвольно обособил вмененные мне в вину выражения от общего смысла и содержания статьи и придал им характер злословия и брани, тогда как выражения эти в связи с остальным содержанием инкриминируемой статьи составляют характеристику деятельности Михаила Грушевского как ученого и историка. А если это так, то против меня может быть возбуждено только обвинение в клевете, и я не лишаюсь тогда права доказывать правдивость помещенной в статье терминологии научных заслуг г. Грушевского.

Так как предъявление обвинения по той или другой статье принадлежит частному обвинителю, то конечно г. Грушевскому вольно было прятаться под защиту формальных закоулков статей 1039 и 1040 Ул. о Нак.

На обязанности же Суда лежит правильно квалифицировать вменяемое деяние по совокупности всех обстоятельств дела. При таком положении вещей Киевский Окружный Суд должен был либо признать меня оправданным по ст. 1040, либо, перейдя к ст. 1535 Ул. о Нак., дать мне возможность доказать правдивость сообщаемого.

По всем сим соображениям, признавая приговор Киевского Окружного Суда неправильным, прошу Киевскую Судебную Палату означенный приговор отменить и меня по суду признать оправданным.

№ 3
Протокол публічного засідання Київської судової палати у зв'язку з апеляційним відзивом Бориса Юзефовича. 16 січня 1908 року

Протокол

1908 года Января 16 дня. По Указу Его Императорского Величества, в Уголовном Департаменте Киевской Судебной Палаты происходило публичное судебное заседание, в котором присутствовали:

Председательствующий С.А. Нордштейн,

Члены Палаты П.А. Терновский, А.С. Шалимов

и Помощн. Секретаря А.А. Павловский.

В 11 час 25 мин. дня. Председательствующий объявил, что рассмотрению Палаты подлежит дело о дворянине Борисе Михайловиче Юзефовиче, обвиняемом по 1040 ст. Улож. о Нак., вследствие апелляционного отзыва подсудимого на приговор Киевского Окружного Суда от 9 октября 1907 года.

В судебное заседание явились: подсудимый Юзефович, его защитник по соглашению Присяжный Поверенный Матусович и поверенный частного обвинителя Грушевского Присяжный Поверенный Извеков.

Член Палаты С.А. Нордштейн доложил дело в порядке, определенном 885-887 ст. Уст. Угол. Суда.

На вопрос Председательствующего, не желают ли стороны дополнить чем-либо доклад, ответы последовали отрицательные.

Палата приступила к выслушанию судебных прений. Первое слово предоставлено было защитнику подсудимого, в виду ходатайства о том поверенного частного обвинителя, каковое ходатайство со стороны защиты не встретило возражений.

Защитник подсудимого ходатайствовал об отмене приговора Окружного Суда и о полном оправдании подсудимого с отсутствием в его деянии признаков преступления, предусмотренного 1040 ст. Улож. о Нак.

Поверенный частного обвинителя ходатайствовал об утверждении приговора Окружного Суда от 9 октября 1907 года.

Подсудимый ходатайствовал об отмене приговора Окружного Суда и о полном оправдании.

По окончании прений Председательствующий прочел предположенные Палатой по настоящему делу вопросы; против редакции вопросов стороны не возражали.

Утвердив вопросы и подписав их, Судьи для постановления резолюции удалились в особую комнату, по выходе из коей

Председательствующий провозгласил состоявшуюся резолюцию Палаты и объявил, что приговор в окончательной форме будет объявлен января 30 дня 1908 г. в г. Киеве.

Дело слушанием окончено в 12 час. — мин. по полудни.

С.А. Нордштейн *(підпис)*
П.А. Терновский *(підпис)*
Секретарь Павловский *(підпис)*

Вопросный лист Киевской Судебной Палаты по делу о Борисе Юзефовиче

1. Виновен ли подсудимый, дворянин Борис Михайлович Юзефович, 64 л., в том, что в № 158, от 7 апреля 1907 года, редактируемой и издаваемой им в г. Киеве, газеты «Закон и Правда», поместил в статье под заглавием «Письмо в редакцию» оскорбительный отзыв о профессоре Львовского университета по кафедре всеобщей истории Михаиле Сергеевиче Грушевском, заключающий в себе злословие и брань, указав, что

Грушевский «с нахальной смелостью, не моргнув бровью, извращает прямой смысл памятников» и назвав Грушевского ученым лгуном?

Нет, невиновен (единогласно).

2. Если подсудимый Борис Михайлович Юзефович виновен, то какому подлежит наказанию?

Приговор в окончательной форме будет объявлен 30 января 1908 г.

Резолюция

1908 года января 16-го дня. По Указу Его Императорского Величества, Киевская Судебная Палата, по Уголовному Департаменту, в публичном судебном заседании, в котором присутствовали:

Председательствующий С.А. Нордштейн

Члены Палаты: П.А. Терновский, А.С. Шалимов

Помощник Секретаря А.А. Павловский.

Рассмотрев дело о дворянине Борисе Михайловиче Юзефовиче, обв. по 1040 ст. Улож. о Нак., вследствие его апелляционного отзыва на приговор Киевского Окружного Суда, состоявшийся 9 октября 1907 года, определяет: приговор Киевского Окружного Суда 9-го октября 1907 года отменить и дворянина Бориса Михайловича Юзефовича, на основании 1 п. 771 ст. Уст. Уг. Суда, признать оправданным по суду, приняв на счет казны судебные издержки и оставив при деле вещественное доказательство: газету «Закон и Правда».

Підписи.

1908 года, января 30 дня, настоящий приговор при открытых дверях Присутствия объявлен Членом Палаты Э.Н. Петерсом при Товарище Прокурора Палаты В.Г. Гриневиче и пом. Секретаря Д.Д. Милорадовиче с соблюдением 829-832 и 842 ст. Уст. уг. суда в отсутствии подсудимого.

Член Палаты *(підпис)*

Приговор

1908 года, января 16 дня, по Указу Его Императорского Величества, Киевская Судебная Палата, по Уголовному Департаменту, в публичном судебном заседании в следующем составе:

Председательствующий С.А. Нордштейн.

Члены Палаты: П.А. Терновский, А.С. Шалимов

при Помощн. Секретаря А.А. Павловском,

слушала дело о дворянине Борисе Михайловиче Юзефовиче, обв. по 1040 ст. улож. о наказ.

Приговором Киевского Окружного Суда 9-го октября 1907 года дворянин Борис Михайлович Юзефович, 64 лет, признанный виновным в том, что в № 158, от 7 апреля 1907 года, редактируемой и издаваемой им в Киеве газеты «Закон и Правда», поместил в статье под заглавием «Письмо в редакцию» оскорбительный отзыв о профессоре Львовского университета по кафедре всеобщей истории Михаиле Сергеевиче Грушевском, заключающий в себе злословие и брань, указав, что Грушевский «с нахальной смелостью, не моргнув бровью, извращает прямой смысл памятников» и назвал Грушевского ученым лгуном, на основании 1040, 149, 41, 2 и 3 степ. 39, 134 и 135 ст. улож. о наказ., подвергнут денежному взысканию в размере десяти рублей и домашнему аресту на три дня, а также взысканию судебных по делу издержек.

Разрешая настоящее дело вследствие апелляционного отзыва осужденного дворянина Бориса Михайловича Юзефовича на приговор Суда и приняв на вид все обсто-

ятельства настоящего дела, установленные в первой судебной инстанции и бывшие предметом исследования в судебном заседании сего числа, Киевская Судебная Палата находит, что для применения 1040 ст. улож. о нак. по точному ее разуму необходим оскорбительный о ком-либо в печати отзыв, заключающий в себя злословие или брань, не соединенный однако с указанием на какие-либо позорящие обстоятельства. Исходя из этих существенных условий оскорбления в печати, нельзя не признать совершенно неправильным состоявшийся обвинительный приговор Окружного Суда. Действительно, Окружной Суд, вменяя в вину дворянину Юзефовичу помещенный в статье «Письмо в редакцию» редактируемой и издаваемой им газеты «Закон и Правда» оскорбительный отзыв о профессоре Львовского университета Грушевском, в котором Грушевский назван ученым лгуном и в котором говорится, что он с нахальной смелостью, не моргнув бровью, извращает прямой смысл памятников, в то же время отнюдь не вошел в обсуждение этого отзыва в соответствии с содержанием всего напечатанного. Между тем вся статья «Письмо в редакцию» составляет, несомненно, характеристику деятельности Грушевского, как ученого и историка и написана из опасения, что кафедра русской истории в Киевском университете может быть замещена названным Грушевским по проискам украиноманов с целью захвата важной для них университетской кафедры. И делая оценку ученой деятельности профессора Грушевского, автор статьи утверждает, что «в нем нет самого главного достоинства ученого — любви к истине. Он — ученый лгун. С нахальной смелостью, не моргнув бровью, извращает прямой смысл памятников, подтасовывает факты, присочиняет где нужно целые события, пользуясь для этого каким-нибудь глухим намеком в источниках, одним словом вгоняет историю в рамки своих предвзятых политических вожделений». Далее приводится: «Однако же г. Грушевский стремится в Киев не для того только, чтобы довольствоваться ролью профессора и ученого. Ведь он, по признанию подобстрастно-льстящих ему украиноманов, — глава украинского народа, бесспорный президент будущей украинской республики. Следовательно, его положение обязывает к политической агитации. И вот, усевшись на кафедре, он и займется не наукой и преподаванием, а улавливанием молодежи в сети украиноманской политики — этой самой нелепой, братоубийственной зверской политики, какую можно только себе представить». Наконец, в заключение излагается: «Итак, что же приобретает Киевский университет в лице г. Грушевского в случае избрания его на кафедру русской истории? Злобного политикана, врага России и союзника иных ее врагов, профессора, разучившегося говорить по-русски, ученого, сделавшего из науки орудие украиноманской политической нелепицы».

Из изложенного содержания статьи «Письмо в редакцию» вполне ясно, что наименование профессора Грушевского нахальным и ученым лгуном стоит в данном случае в тесной и неразрывной связи с целым рядом оглашенных в той статье определенных позорящих его обстоятельств, затрагивающих нравственные качества личности Грушевского и выставляющих его как человека недобросовестного, лживого и стремящегося перейти из Львовского университета в Киевский для преступных целей пропаганды, а при таких фактических данных дела судимые действия дворянина Юзефовича решительно не заключают в себе злословия и брани, караемых по 1040 ст. уложения о наказаниях.

Признавая по сим соображениям, что последовавший о дворянине Юзефовиче приговор первой судебной инстанции не соответствует закону, Судебная Палата, руководствуясь 889 и 892 ст. уст. уг. суда, ОПРЕДЕЛЯЕТ: приговор Киевского Окружного Суда 9 октября 1907 года отменить и дворянина Бориса Михайловича Юзефовича, на основании 1 п. 771 ст. уст. уг. суда, признать оправданным по суду, приняв на счет казны судебные издержки и оставив при деле вещественное доказательство: «Закон и Правда».

ЦДІАК, ф. 318, оп. 1, спр. 1758, арк. 2-2 зв., 16-20.

Петров (Домонтович) Віктор Платонович (1894-1969)

Археолог, історик, етнограф, фольклорист, літературознавець, письменник.

Походив із священицької родини з Катеринослава. Закінчив Холмську гімназію (1913) та історично-філологічний факультет Київського університету (1918), де студіював у семінарах А. Лободи та М. Грунського. Отримав срібну медаль за працю «Н.М. Языков. Жизнь и творчество» і залишений як професорський стипендіат по кафедрі російської мови та письменства. У 1918-1920 рр. одночасно викладав російську та українську мови у гімназії Ремезова та учительській семінарії, на профкурсах. У 1920-1923 рр. працював у сільських школах на Київщині та під Каневом. З 1919 р. — співробітник Комісії словника української мови. 1924 р. — штатний співробітник Етнографічної комісії ВУАН, з 1927 р. — керівничий комісії. У 1927 р. за праці в галузі етнографії нагороджений великою срібною медаллю Російського етнографічного товариства, 1928 р. — дійсний член цього товариства.

У 1920-1930 рр. публікує праці про творчість Сковороди, Куліша, Гоголя, Костомарова, Лесі Українки, Марка Вовчка.

З 1928 р. — науковий співробітник дослідчої кафедри мовознавства. 1930 року захистив докторську дисертацію «Пантелеймон Куліш у п'ятдесяті роки. Життя. Ідеологія. Творчість» (опонували академіки А.М. Лобода та В.М. Перетц). 1930 року знятий з посади керівничого Етнографічної комісії «за політичні вивихи». Публічно покаявся, залишений співробітником. Написав марксистські праці — стаття про «буржуазну фольклористику», критикував «ворожі» наукові погляди акад. А.Ю. Кримського (рукопис книги «Науково-політична діяльність А. Кримського»).

Переключився на проблеми археології, зокрема економічні питання (підсічне вогнезрубне землеробство). З 1934 р. — науковий співробітник Інституту історії матеріальної культури. Досліджував зарубинецьку та черняхівську культури.

1941 р. — директор Інституту українського фольклору, висунутий на здобуття звання академіка.

1942 р. — в окупованому Києві співпрацював з німецькою адміністрацією — редагував «Засів».

1943 р. — емігрував. 1944-1945 рр. — співробітник Українського інституту в Берліні, з 1945 р. — професор Українського Вільного Університету та Богословської Академії у Мюнхені. 1949 року за невідомих обставин зник і опинився у Москві. Існує припущення, що Петров був провокатором, агентом НКВД. З 1950 р. — співробітник Інституту історії матеріальної культури в Москві, з 1956 р. — старший науковий співробітник Інституту археології АН УРСР у Києві. 1966 року нагороджений орденом Вітчизняної війни І ступеня; за сукупністю праць присвоєно вчений ступінь доктора філологічних наук.

Помер 1969 р.

Як літератор відомий за псевдонімом В. Домонтович, входив до групи неокласиків («Музагет», «АСПИС», «Ланка»), мав дружні стосунки з М. Зеровим, О. Бурггардтом (Ю. Кленом), М. Рильським. Автор кількох десятків оповідань, повістей, новел, романізованих біографій. Спогади про літераторів — «Болотяна Лукроза».

Автор близько 200 наукових праць з мовознавства, фольклористики, етнографії, літературознавства, історії, археології та етногенезу.

Основні праці: «Теорія «нероблення» Григорія Сковороди» (1926), «Нова генетична теорія заговорів» (1923), «Міфологема сонця в українських народних віруваннях» (1923), «Вірування у вихор і чорні хмари» (1925), «Пантелеймон Куліш у п'ятдесяті роки; Життя. Ідеологія. Творчість» (1929), «Провідні етапи сучасного шевченкознавства» (1946), «Язык. Этнос. Фольклор» (1966), «Подсечное земледелие» (1968), «Скіфи. Мова і етнос» (1968), «Етногенез слов'ян. Джерела, етапи розвитку і проблематика» (1972). «Діячі української культури (1920-1940). Жертви більшовицького терору» (1959, 1992); «Походження українського народу» (1947, 1992), «Археологія та соціологія» (1992), «Особа Сковороди» // Філософська і соціологічна думка. 1995. №1-12.

Літературні твори: «Дівчина з ведмедиком» (1928), «Доктор Серафікус» (1947), «Без грунту» (1948); «Проза» (т. 1-3, 1988); «Аліна і Костомаров» (1929), «Романи Куліша» (1930), «Апостоли» (1900), «Поет і генерал» (1991)

Бібліографія: *Петров В.П.* Язык. Этнос. Фольклор. К., 1966. С.54-61; *Шевельов Ю.* Шостий у гроні. В. Домонтович в історії української прози // *Домонтович В.* Проза. Мюнхен, 1988. Т.3. С.505-556.

Архів: ЦДАМЛМУ, ф. 243.

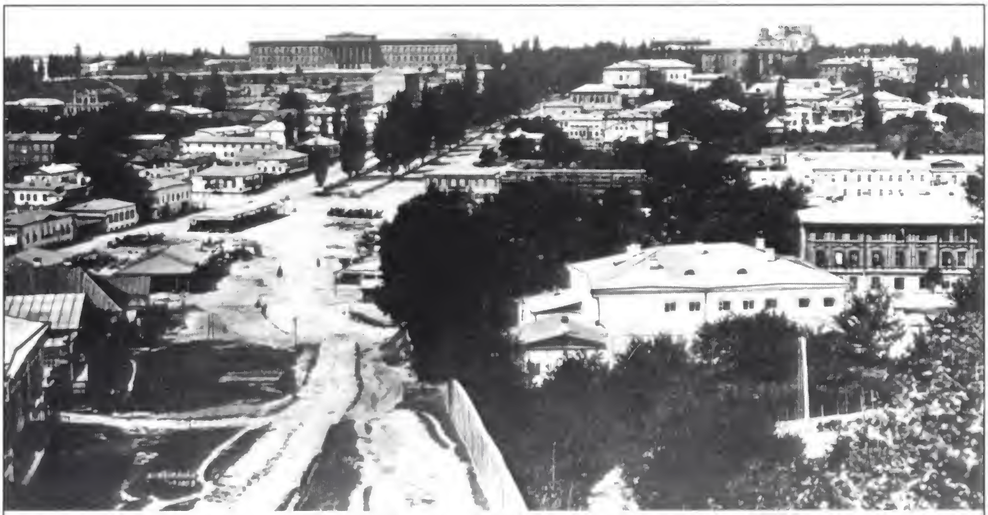
Література: *Гороховський Є.* Віктор Петров — сторінки творчої спадщини // Хроніка 2000. 1992. № 2. С.90-98; *Білокінь С.* Довкола таємниці // *Петров В.* Діячі української культури (1920-1940 рр.). Жертви більшовицького терору. К., 1992. С.3-23; *Новиченко Л.* Родом з двадцятих // Вітчизна. 1990. № 11. С.144-159; *Павличко С.* На зворотньому боці автентичності (Культурософія Петрова-Домонтовича-Бера) // Сучасність. 1993. № 5; *Ульяновський В.* «В пустелі мені з'явився біс», або про темну мантію Віктора Петрова // Філософська і соціологічна думка. 1995. № 1/2. С.178-190.

Університетські роки

1

Червоний будинок охопив великий простір. Геометризував видноколо. Довжелезний мурований паркан того ж темночервоного кольору продовжував в обидва боки пряму лінію будинкових стін.

Я завжди тримався думки, що Університет треба уявляти собі таким, яким він вперше піднявся в творчій уяві архітекта: оголений простір, безмежне над ним небо і будівля!... Уявою Беретті керувала мрія про велич, позбавлену пишности, але сповнену суворої нерухомости. Крижана застиглість неруху, — такий був початковий задум.



Університет з боку Бесарабського ринку. Кінець XIX ст.

Сторіччя тому Університет ще знаходився поза містом. Він не належав місту. Він становив собою самодостатній, замкнений в собі світ, який не перебував у жодному зв'язку ні з чим. Виник він з наказу Миколи І, самодержавного монарха, абсолютного в своїй необмеженій волі. Так будовано палаци й казарми в Росії. Так збудований Університет у Києві. Піраміди належали пустелі; палаци, казарми і Університет — так само. Порожнеча грандіозного простору покликана була підкреслювати їх ізольовану виключність.

Круглі колони порталу вісьмома вертикалями перетинали площину будинкового фронтона. Заґратовані ворота дворів Університету були завжди наглухо замкнені.

Людина або пересікала брукований сегмент майдану, або рухалася гранітними плитами пішоходів вздовж парканового мура. Мандрівка, сповнена, можливо, пошани, можливо, безнадії, тривала вічність.

Наближаючись до цього червоного колоса, до цієї будівлі в уцегляненому одязі крови, людина почувала, що вона втрачає себе. Вона почувала себе наперед приреченою. Чотирикутні поста-

менти колон у порівнянні з нею були незмірно великі. Дубові масивні двері були прямі й високі, людина ставала малою на їх порозі. Щоб їх відкрити, треба було простягнути руку вгору над головою, — це був майже гієратичний жест, як перед входом у храм. Дотик до чавуну лишав на долоні відчуття холоду, і це почуття холоду, сполучене з м'язовою напругою, підкреслювало неміч людини. У вестибюлі в студента відбирали його посвідку. Ніхто з непосвячених не смів стати причетним до містерій науки. Імперія оберігала спокій державного неруху.

Щілини коридорів буди безмежні. Вони тяглися в несказанну безвість і не мали кінця. Людина проходила повз анфіладу величезних вікон. Коридори звужувалися, щоб знов бути високими. Ця ілюзорність суперечности, повтореної в своїй незмірності, вражала. Вона породжувала примари, що здавалися примхливими привидами божевільних. Ще й досі я страждаю від снів, які примушують мене блукати по цих кам'яних щілинах, проходити безкраї пустелі коридорів. Двері авдиторій, що виходили в ці коридори і були завжди зачинені, зберігали мовчання схованої за ним тайни.

Імперія рескриптом імператора включила в свій регламент гуманізм і освіту як принципи, але як принципи, поликані створити не свободу індивіда, не його визволення, а дисципліну розуму. Університет був архівом державно-визнаних істин, гатунком казарми, зведеної на ступінь храму. В армії дисциплінували рух людини, в Університеті — її розум: Університет мав адміністративне призначення; він був функцією режиму.

Золоті ґудзики на мундирі студента були сталого розміру і устійненої форми, на «форменній» тужурці студента, як поступка часові й моді, вони могли бути пласкі або опуклі, але в обох випадках вони несли на собі імперський герб, символ імперської могутности й величі, двоголового орла.

Місто, наблизившись, порушило цю симетрію ізольованости, цей ритм спів-

Віктор Петров. Початок XX ст.

відношення простору й будинка, що з нього виходив будівничий. Воно оточило Університет метушнею домів, дрібних і випадкових, настирливих, як старці.

Але й тоді, коли місто наблизилось до Університету, коди місто поглинуло його тишу, знищило велич його палацової відокремлености, навіть і тоді Університет продовжував панувати над усім простором.

Я стою коло вузького подовгастого вікна філософського семінару, який знаходиться вгорі під дахом, я дивлюся крізь нього, і я впевняюся, що над усім грандіозним видноколом, яке простерлося передо мною на захід і на південь, над блакиттю далечини панує цей гігант. Ніщо не заступає відстані. Все довкола підлягло цьому будинкові, що титул імперського сполучив у своїй назві з згадкою про св. Володимира.

З Батиєвої гори, з круч Арсеналу, з віддалі військового шпиталю, звідусіль ви бачили, що місто, навіть і огорнувши Університет по схилах гори кільцем домів, не змогло принизити його могутности.

Кам'яна фортеця зберігла свою всевладність. Будівля переборювала спротив простору. В синявій димці обрію

полуменіла запалена сонцем червоно-чорна кров Університетських стін. Палав вогонь похмурого світла...

2

Микола Філянський з освіти був архітект. Олесь — ветеринар. Що спільного має ветеринарія з поезією? Мій співрозмовник, до якого було звернене це запитання, що могло здаватися чисто риторичним, замислено зауважив: «Дуже багато!..» Він не розвинув своєї думки, мені перешкодили розпитати його. Але я не припускаю, щоб між ветеринарією і поезією було щось спільне. В кожнім разі не більше, ніж між віршами Олеся і поезією.

Письменники-модерністи з генерації 90-900-тих років, що, розриваючи з традиціями народництва в письменстві, модернізували українську літературу, були автодидакти. Письменники-самоуки, за освітою — недоуки. Ніхто з них не мав закінченої освіти, середньої або вищої.

Михайло Коцюбинський вчився в Шаргородській бурсі. З бурси він перейшов до семінарії, з якої його виключили. У своїх автобіографічних згадках він взагалі волів делікатно обминати питання про свою освіту.

Чупринка, властиво, жодної. Вигнаний з усіх київських гімназій і нарешті знайшовши для себе притулок у гімназії «Общества родителей» на Тимофіївській вулиці, він у кожнім разі далі сьомого класу не пішов.

На думку Євгена Маланюка, пишний півтораметровий бант химерної краватки, розлогий комір блузи, довге волосся, панама або солом'яний бриль, вибійчані штани — вся ця специфічна зовнішність поета покликані були в Миколі Вороному підкреслювати те, що бракувало йому, як поетові. Було зневажливе пенсне, увічнене в епіграмі Зерова, і не було поета. Вони обидва не терпіли один одного. Микола Зеров Вороного і Вороний Зерова.

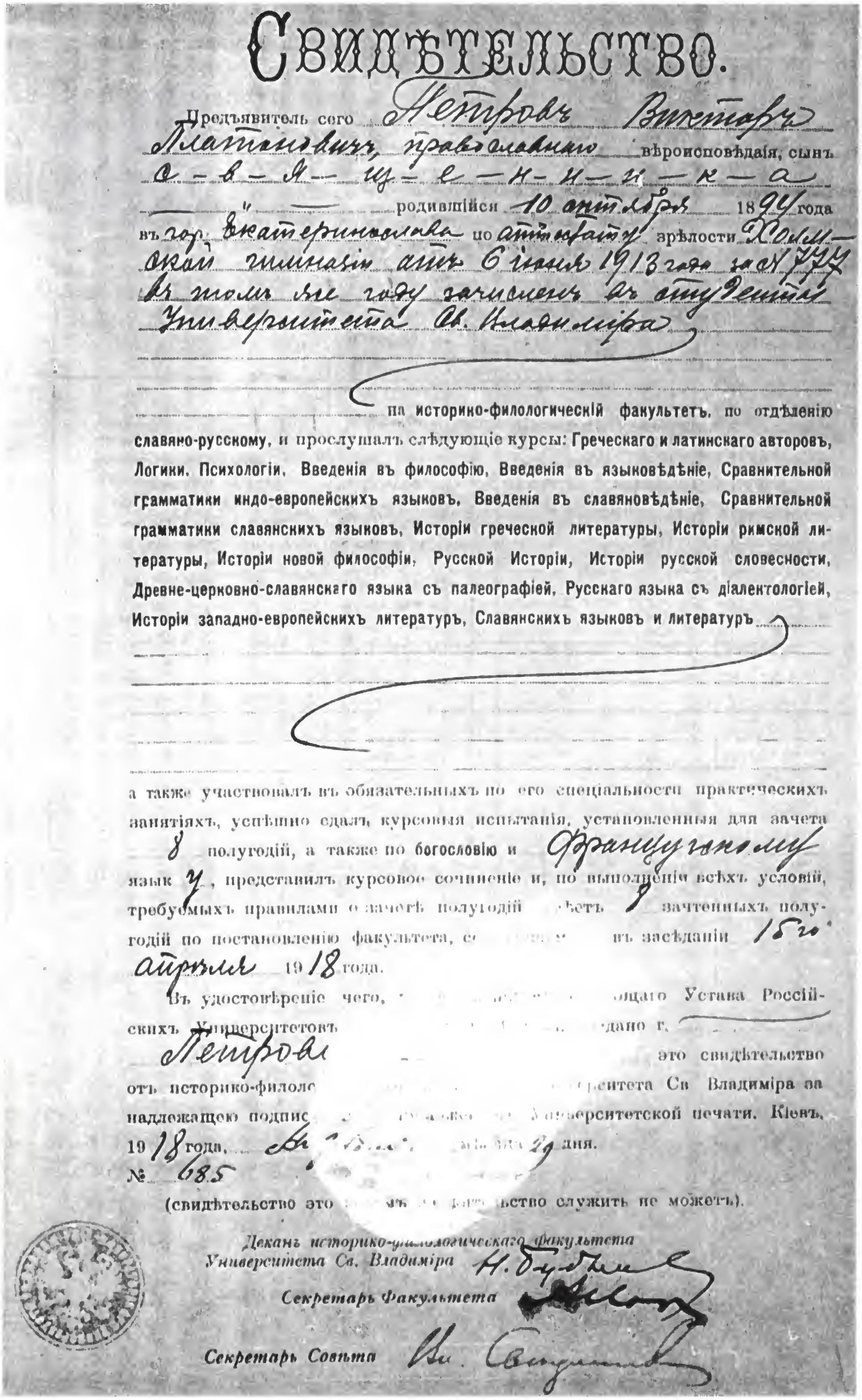
Я не хочу цими згадками щось закинути на адресу поета, що виявляв до мене ознаки щирої і благоприхильної приязні, але я мушу згодитися, що Микола Вороний навіть і в ті роки, коли я його знав — в другій половині 20-тих — надавав великого значення своїй живописній зовнішності. Знов-таки: не стільки зовнішності, як живописності. Він хотів мати вигляд поета-артиста!...

На думку Д. І. Дорошенка, Вороний був людина без певної освіти. Перед тим, як вибрати для себе шлях поета, він свою діяльність почав продавцем у бакалійній крамниці десь на півдні, не то в Таганрозі, не то в Ростові над Доном. Павло Богацький тримається дещо іншої думки. З того факту, що в 90-тих роках Микола Вороний відвідував лекції у Львівському університеті, він робить припущення, що Вороний мав гімназіальну матуру. Хто зна? Можливо!... В кожнім разі питання про освіту Миколи Вороного не настільки певне, щоб не викликати обговорення.

Щодо Володимира Самійленка, то хоч він і вчився в Університеті і саме на філософічному факультеті, однак, як признавався він сам, один погляд через скляні двері до зали, де в присутності представника міністерства, перед урочистою комісією з професорів проводилися державні іспити, викликав у ньому такий жах, таке почуття непевности себе, що він ніколи не наважувався складати іспити.

Поети цієї генерації культивували в собі зовнішність поетів і звичку до богемної безладности життя, але ніколи вони, за винятком Івана Франка, не виявляли жодного нахилу до вченої поезії, як науки, до творчої дисциплінованости вчених. В своїй творчості вони покладались на натхнення.

За цієї доби — кінець 90-тих, початок 900-тих років — поезія і наука, література і літературознавство, творчість і наполеглива кропітка праця в архівах та бібліотеках існували окремо. Свобода натхнення була приналежністю поетів, дисципліна розумової праці — приналежністю вчених, професорів Університету. Це були два способи ставитись до письменства,



Свидѣтельство.

Предъявитель сего Петровъ Викторъ Платоновичъ, православнаго вѣроисповѣданія, сынъ о-в-я-щ-е-н-н-и-к-а, родившійся 10 октября 1894 года въ гор. Екатеринослава по аттестату зрѣлости Холмской гимназіи отъ 6 іюня 1913 года за № 777 въ томъ же году зачисленъ въ студенты Университета Св. Владиміра

на историко-филологическій факультетъ, по отдѣленію славяно-русскому, и прослушалъ слѣдующіе курсы: Греческаго и латинскаго авторовъ, Логики, Психологіи, Введенія въ философію, Введенія въ языковѣдѣніе, Сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, Введенія въ славяновѣдѣніе, Сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, Исторіи греческой литературы, Исторіи римской литературы, Исторіи новой философіи, Русской Исторіи, Исторіи русской словесности, Древне-церковно-славянскаго языка съ палеографіей, Русскаго языка съ діалектологіей, Исторіи западно-европейскихъ литературъ, Славянскихъ языковъ и литературъ

а также участвовалъ въ обязательныхъ по его спеціальности практическихъ занятіяхъ, успѣшно сдалъ курсовыя испытанія, установленныя для зачета 8 полугодій, а также по богословію и французскому языку, представилъ курсовое сочиненіе и, по выполненіи всѣхъ условій, требуемыхъ правилами о зачетѣ полугодій, [illegible] 8 зачтенныхъ полугодій по постановленію факультета, с[illegible] въ засѣданіи 15-го апрѣля 1918 года.

Въ удостовѣреніе чего, [illegible] щаго Устава Россійскихъ Университетовъ [illegible] дано г. Петрову это свидѣтельство отъ историко-филол[illegible] [Унив]ерситета Св. Владиміра за надлежащею подпис[ью] [illegible] [у]ниверситетской печати. Кіевъ, 1918 года, [illegible] 29 дня.

№ 685

(свидѣтельство это [illegible] ство служить не можетъ).

Деканъ историко-филологическаго факультета
Университета Св. Владиміра Н. Бубнов

Секретарь Факультета [signature]

Секретарь Совѣта [signature]

ЭКЗАМЕНАЦІОННЫЙ ЛИСТЪ
Виктора Платоновича
ПЕТРОВА

Н. Бубнов

Университетъ Св. Владиміра

во второй весенней сессіи 1918 года

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССІИ

21 мая 1918 г. Исторія русской словесности	Весьма удовлетворительно	Н. Бубнов [illegible] Покровский
11 июня 1918 г. Исторія Западно-Европ. лит.	Весьма уд.	И. Шаров[illegible]
10 сент. 1918 г. Славянскіе языки и литературы	1) Интерпр. „pjesni od koba" Д. Ранъины 2) Глух. с плавн. в серб.-хорв. языке 3) Интерпр. обр. из сейм пропов. Скарги 4) Польские носовые гласн. 5) Старые серб. грамоты 6) Вопрос о Краледв. рукоп.	Весьма уд. [illegible]
17 сент. 1918 Русскій языкъ и діалектологія	Весьма уд.	
17 сент. 1918 г. Церк.-слав. яз. и палеографія	Весьма уд.	[illegible]

чітко відокремлені один від одного. Поети творили, учені досліджували їх творчість. Професорові так само не годилося бути поетом і вченому писати романи, як єпископові грати у футбол.

XIX вік і навіть початок XX знав це суворе розмежування фахів, функцій, рангів, освіти, класів. Робітник протистояв власникові фабрики. Колезький асесор — статському радникові. Людина з дипломом Університету — людині з нижчою освітою. Офіцер — цивілістові. Існувала глибока різниця між тим, хто мав орден Станислава чи Анни, і тим, хто був нагороджений Володимиром третього ступеня на шию.

Згідно з доктриною Монтеск'є, влада законодавча була відокремлена від влади виконавчої. Людина, що грає на гармоніку, і директор інституту історії академії наук. Генерал і фурман, що розвозить молоко з молочарень по місту. Єфрейтор і імператор. Доковий робітник і міністр закордонних справ. Поети не писали дисертацій, вони не домагалися звання професора, не здобувши наукових ступенів магістра або доктора.

Поезія і наука були два відрубні світи. Учені обмежувалися тим, що розшукували по архівах і приватних збірках незнані документи, публікували неопубліковані листи, сперечалися щодо дати народження письменника, розшифровували ініціали присвятних написів у поезіях. Павло Филипович був надзвичайно гордий, коли йому пощастило з'ясувати ініціали присвяти в одній з поезій Боратинського.

Іван Іванович Огієнко для своєї вступної лекції в Університеті вибрав тему: «Чи правильно поставлений наголос у «Полтаві» А. Пушкіна: «Молчит музыка боевая?» Він навів сотні прикладів з незліченної кількости авторів. Це був плід ретельних студій. Потік імен, фейєрверк найнесподіваніших цитацій. Авдиторія була приголомшена грандіозністю скрупульозної праці, що її провів автор.

Коли Іван Іванович Огієнко скінчив свою сорокахвилинну лекцію, ствердивши, що поставити наголос у слові музика на другому складі, а не на першому — то не огріх з боку поета, не помилка, а, навпаки, стала традиція літературної мови, неодмінна приналежність мови бароккового письменства, студенти в захопленні влаштували промовцеві гучну овацію. Ще й досі в моїх ушах бринить відгук оплесків, що заповнили своїм гуркотом вузький простір шостої авдиторії, вікно якої виходило на луговину Ботанічного саду, і я бачу за кафедрою худорляву постать промовця, з подовгастою борідкою, в уніформному сурдуті гімназіального вчителя. З несамовитим ентузіазмом ми, студенти, аплодували тоді новому доцентові Університету на ознаку щирого свого подиву й визнання.

Поза сумнівом, з усіх доцентських лекцій, виголошених у ті часи в Університеті, це була найблискучіша. Вона стала для мене наочним доказом того, як ретельний учений дотиком чарівної палички з дрібної теми здатний створити казковий палац, шліфуючи, обернути камінець у блискучий діамант бездоганної ерудиції.

Дослідник сходив з кафедри, як переможець. Декан тиснув йому руку. Студенти продовжували аплодувати.

Учені вірили в догмат партикуляризованої науки. Партикуляризували науки. Дрібнили дослід. Вони вірили в істину того, що лише партикуляризована наука, відокремлена від усіх інших і стверджена в своїй ілюзорній ізольованості, може бути визнана за науку. З фікції творили норму. Уявне і відносне зводили на ступінь реальности. З нічого робили щось.

3

Поети-модерністи 90-900-тих років були автодидакти. Чи знав хтось із них якусь чужу мову? Я не говорю про Лесю Українку або Івана Франка. Я маю на увазі інших: Чупринку, Олеся, Вороного, Коцюбинського, Васильченка.

Уже наприкінці першого десятиріччя XX століття починає накреслюватися злам. Поет стає ученим. Починалась ера

вченої поезії. Поезія перетворилася в науку. Поет ставав ученим. В поеті важко було б відокремити вченого і поета. Поети обертали свою поезію в об'єкт духовних поетичних студій. Складали словники рим, досліджували структуру ямба, оперували конструкціями хорея, вивчали перебої, ямби, пірихії, рахували зміни. Дослідники з студій віршу робили свій науковий фах. Борис Якубський працював над наукою про вірш. Федір Самоненко розгортав студії поетів XVIII століття. Мій друг Віктор Петров* у семінарі проф. Сергія Маслова виголосив доповідь про «Форму віршу в українському письменстві кінця XVI — початку XVII століття». Перехоплюючи концепцію краківського проф. Лося про тонічний характер силабіки, він аналізував вірші Гарасима Смотрицького, що був двірським поетом у князя Василя Острозького.

Поезія і наука зближались. Література ототожнювалася з літературознавством. Поезія ставала здобутком літературознавців. Витворювався новий тип поета-дослідника, поета-архівіста, музейного робітника, аналітика, складача словників, колекціонера документів.

Проф. Володимир Перетц, був перший, який з кафедри Київського університету проголосив на своїх лекціях методології літератури: не *що*, а *як*. ***Не зміст, а форма.*** Не поет-громадянин, а поет-знавець свого ремесла.

З поетичної доктрини усувається принцип натхнення. Поети втрачають довіру до нього. Ніхто з поетів нової генерації не пише з натхнення. Вони починають шукати для себе інших джерел. Знаходять їх скрізь, за єдиним винятком натхнення. Насамперед у зразках поезії, що ми її називаємо поезією класиків.

Поети нового покоління, що приходять на зміну генерації Чупринки-Вороного-Олеся, не знають поетів без освіти. Серед них ще були поповичі, але вже не було бурсаків. Не було серед них також і ветеринарів. Ніхто з них не був вигнаний з гімназії. Університетський диплом був для кожного з них порохом, через який вони переступали на своїх шляхах до садів поезії.

Жоден не носив довгого волосся поета. Пишні барви краваток вабили їх виключно на оправах книжок. Вони не надавали значення зовнішній живописності, щоб відрізнятись від оточення. Ні в кому з них не було нічого акторського або театрального. Вони не робили нічого, щоб справляти враження поетів. Ніхто на вулиці, глянувши, не сказав би: «Це поет!».

Літературна праця і наукове ступенювання сполучались. Павло Филипович, Михайло Драй-Хмара, Володимир Отроковський, Михайло Калинович, Іван Галюк були залишені при Університеті як професорські стипендіати для підготовки до професури.

4

Перед студентом філософічного факультету було лише дві можливості: одна — напруживши всі свої духовні здібності, ціною найбільших зусиль забезпечити за собою вихід у професуру, і друга — пасивне самоусунення в глуху безвість провінційного вчителювання.

Шлях до професури був чітко накреслений. Він починався з писання медальної праці на тему, запропоновану від факультету. Добиваючися стати професорським стипендіатом, треба було одержати золоту медаль, саме золоту і в жоднім разі не срібну, бо срібна не гарантувала нічого. Борис Якубський, одержавши срібну медаль, не був залишений при Університеті.

Залишений при Університеті складав магістрантські іспити. Після двох вступних лекцій він здобував звання приват-доцента.

Все це потребувало колосального напруження розумових і фізичних сил, тотальної мобілізації всіх духовних ресурсів. Не всі витримували. Часто надмірність зусиль губила людину. Нищила її.

* *В.Домонтович* — псевдонім. *Петров* — справжнє прізвище автора.

М. Н. П.

ДЕКАНЪ
историко-филологическаго
ФАКУЛЬТЕТА
ИМПЕРАТОРСКАГО
Университета Св. Владимiра

18 апреля дня 1918 г.
№ 95

СЛАВЯНО-РУССКОЕ ОТДѢЛЕНIЕ. 8

УДОСТОВѢРЕНIЕ.

Дано сiе студенту ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владимiра Петрову Виктору Платоновичу поступившему въ осеннемъ семестрѣ 1913 года въ удостовѣренiе того, что онъ:

I) Прослушалъ нижеслѣдующiе предметы и получилъ на курсовыхъ испытанiяхъ нижеуказанныя отмѣтки:

Названiе предметовъ курсового испытанiя.	Отмѣтка.
1. *Богословiе.*	весьма
2. ~~*Нѣмецкiй языкъ*~~	
3. ~~*Древне-церковно-славян*~~	
4. *Исторiя русской церкви*	весьма
французский я.	весьма
1. Введенiе въ сравн. языкозн.	весьма
2. Латинскiй авторъ.	весьма
3. Греческiй „	удовл.
4. Логика.	весьма
5. Психологiя	весьма
6. Введенiе въ философiю.	весьма
7. Исторiя нов. философ.	весьма
8. Русская исторiя	весьма
9. Введенiе въ славяновѣд.	весьма
10. Сравн. грамм. слав. яз.	весьма
11. Сравн. грам. индо-евр. яз.	весьма
12. Исторiя греч. лит.	весьма
13. Исторiя римск. л.	удовлетв.
14.	
15.	
16.	

Названiе предметовъ Коммиссiон. испытанiя.	Отмѣт. въ высл. курса.	Отмѣтка на Коммиссiон. испытанiи.
1. Исторiя русск. сл.	[illegible]	
2. Др.-церк. слав. яз. и палеографiя.		
3. Русск. яз. съ дiалек.		
4. Зап.-евр. литер.		
5. Слав. яз. и литерат.		
6.		
7.		
8.		

Спецiальные курсы:

1.
2.
3.
4.
5.
6.

II) Онъ въ весеннемъ полугодiи 1918 года числился на 8 семестрѣ и имѣетъ зачтенныхъ 8 семестровъ.

III) Какъ спецiалистъ по русской филологии ...твовалъ въ практическихъ занятiй по своей спецiальности и имѣетъ у:

пр. Лободы – 3
пр. Маслова – 3
пр. Грунского – 2
пр. Зеньковского – 1

зачтенныхъ практ. зан. 9

IV) Написалъ курсовое сочиненiе на тему: „Н. М. Языков, жизнь и творчество" – серебряная медаль

V) Получилъ настоящее удостовѣренiе на основанiи постановленiя факультета 15 апреля 1918 года.

За Декана Факультета [signature]

Провѣрилъ

ДИПЛОМЪ.

Предъявитель сего, Петровъ Викторъ Платоновичъ, православнаго вѣроисповѣданія, сынъ священника, родившійся 10 Октября 1894 года,

———————— выдержалъ на историко-филологическомъ факультетѣ Университета Св. Владиміра, по отдѣленію славяно-русскому, полукурсовыя испытанія ~~[illegible]~~:

по введенію въ философію весьма удовлетворительно
" логикѣ в. уд.
" психологіи в. уд.
" введенію въ языкознаніе в. уд.
" греческому автору уд.
" латинскому автору в. уд.
" введенію въ славяновѣдѣніе в. уд.
" сравн. грамм. славянскихъ языковъ в. уд.
" исторіи греческой литературы в. уд.
" исторіи римской литературы уд.
" исторіи новой философіи в. уд.
" русской исторіи в. уд.
" ~~[illegible]~~
" сравн. грамм. индоевроп. языковъ в. уд.,
Исторіи русской церкви в. уд.

представилъ курсовое сочиненіе на тему: „Н. М. Языковъ, очеркъ и творчество", удостоенное серебряной медалью,

и, по зачетѣ восьми семестровъ,

подвергался окончательному испытанію въ Историко-Филологической Испытательной Комиссіи при Университетѣ Св. Владиміра въ Маѣ и Сентябрѣ мѣсяцахъ 1918 года, при чемъ оказалъ слѣдующіе успѣхи:

По исторіи русской литературы в. удовлетворительно
" славянскимъ языкамъ и литературѣ в. уд.
старо" славянскому языку и палеографіи в. уд.
" русскому языку и діалектологіи в. уд.
" ~~[illegible]~~
" исторіи западно-европейской литературы в. уд.

Посему, по зачетѣ ему вышеозначеннаго сочиненія въ качествѣ дипломной работы, на основаніи ст. 81 общаго Устава Россійскихъ Университетовъ 23 августа 1884 года, опредѣленіемъ вышеупомянутой комиссіи 17 Сентября 1918 года, г-нъ Петровъ Викторъ Платоновичъ удостоенъ диплома первой степени.

Въ удостовѣреніе сего и данъ настоящій дипломъ г-ну Петрову Виктору за надлежащею подписью и съ приложеніемъ печати Университета Св. Владиміра.

Городъ Кіевъ дня 1919 года.

Ректоръ Университета Св. Владиміра

Предсѣдатель Историко-Филологической Испытательной Комиссіи

Дѣлопроизводитель Испытательной Комиссіи

Володимир Отроковський був здібний і цікавий, надійний поет. Він писав в імпресіоністичній манері, і в його поезіях фігурували «блакитні лисиці». Примхуватий і небанальний образ блакитних лисиць у поезіях, які він зачитав у нашому колі, зробив його маркантним. Праця, яку він приготував у свої студентські роки в семінарі проф. В. Перетца, текстологічна розвідка, аналіз тексту і з'ясування редакції однієї з літературних пам'яток XVI—XVII стол., принесла йому золоту медаль. Вона досягла нечуваного ще доти обсягу трьох тисяч сторінок. У своїй рецензії на роботу Володимира Отроковського, надрукованій в «Университетских известиях», Володимир Перетц проголосив її зразковою; він ставив її за приклад «іншим авторам магістерських дисертацій». Молодий дослідник міг пишатися з такої оцінки, з цього безумовного визнання, але кілька років несамовитої праці розхитали його здоров'я. Надмірність тягара, що лягла на його плечі, розчавила його. Праця підірвала організм, знесилила, розпалила сховані всередині недуги, викликала їх на поверхню. За свій твір, золоту медаль, за право бути залишеним при Університеті він заплатив ціною життя.

Я пам'ятаю соняшний день навесні 1919 року. Після голодної катастрофічної зими прийшли перші ясні й теплі соняшні весняні дні. Заллята сонцем, простягалася пряма перспектива Львівської вулиці. Я побачив Отроковського ще здалека. З малою донькою він стояв на розі Діонісіївського завулка. Високий і худорлявий, він спирався на стіну будника, дівчинка гуляла коло його ніг, бавлячись на тротуарі. Сонце лило світло на білий повапнений дім, вулицю, людину. Я спинився, ми привітались і я спитав: «Гуляєте? Грієтесь?...» «Та ось, — відповів він, — вивів доньку на сонце!» І ми стояли один проти одного, я і він, витягнений, в темносірому убранні, з руками, закладеними за спину, прихилившися плечима до стіни, і я думав про те, що власне не так донька, як він сам для себе потребував якнайбільше відпочинку і сонця. І донька була приводом, а це його тягло життєдайне сяйво сонця. Він мав вигляд зовсім знесиленої, цілком виснаженої людини. Відбиток остаточної утоми лежав на його жовтавому обличчі. Чітко викреслені кістки на скронях визначали геометричну структуру черепа. Він справляв враження вже приреченого. За якийсь місяць-два молодий учений і поет помер від крововиливу в мозок.

Його ховали в такий же соняшний день, в який я його бачив в останній раз. В широкому просторі, в ясних зеленкуватих присмерках, посередині церкви стояла труна, обкладена квітами. Світло мармурових плит було спокійне і лагідне. Дружина, схилившись на коліна, нерухомо застигла коло труни. Кадильний дим здіймався вгору.

Сині лисиці стриміли в далечінь.

Мова не йде про неміч людини, що знесиліла; мова не йде про індивідуальний виняток. Мова йде про міру вимог, про ситуацію, що складалася в ті роки для молоді, про фаховий, технічний рівень конкуренції. У проф. Андрія М. Лободи було при кафедрі літератури 17 залишених професорських стипендіатів.

Ті, що витримували на першому етапі, написавши медальну роботу і добившись бути залишеними при Університеті, в більшості випадків не витримували після другого. Склавши магістрантські іспити і досягнувши доцентури, вони здавали. Вони були вже вичерпані. Вони дали все, що могли дати, і тепер були ніщо. Дисертація лишалась ненаписаною. Спустошені, вони німіли. Чи мушу я згадувати прізвища, називати ймення?

5

Щодо Миколи Зерова, то він не був залишений при Університеті. З тих або інших мотивів він ухилився від тих каторжних випробувань, на які засуджували себе найздібніші з студентської молоді.

Всі інші з нашого кола: П. Филипович, М. Драй-Хмара, Ю. Клен — студі-

М.Н.П.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ
Историко-Филологической
Испытательной Коммиссіи
при
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Университетѣ Св. Владиміра.

5/18 сентября 1918 г.
№ 151
г. Кіевъ

Временное свидѣтельство.

Предъявитель сего Петровъ Викторъ Платоновичъ, православнаго вѣроисповѣданія, сынъ священника, родившійся 10 октября 1894 года подвергался въ маѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ 1918 года въ Историко-Филологической Испытательной Комиссіи при ИМПЕРАТОРСКОМЪ университетѣ Св. Владиміра, по отдѣленію славяно-русскому, установленному испытанію и, по окончаніи онаго, признанъ имѣющимъ право на дипломъ первой степени, каковой и будетъ выданъ ему по изготовленіи.

Въ удостовѣреніе сего выдается г. Петрову Виктору Платоновичу настоящее свидѣтельство, которое видомъ на жительство служить не можетъ.

Установленный за дипломъ сборъ въ доходъ казны, въ количествѣ 4 руб. 50 к., внесенъ въ казначейство подъ квитанцію за № 5 отъ 15 Января 1919 года.

Настоящее свидѣтельство должно быть представлено въ Канцелярію Кіевскаго Учебнаго Округа при полученіи диплома.

Предсѣдатель Историко-Филологической Испытательной Комиссіи

Дѣлопроизводитель Комиссіи

ювали на відділі слов'яно-руської філології. М. Зеров вибрав для себе, відповідно до своїх смаків і уподобань, відділ класичної філології. Але, не зважаючи на те, що він з фаху був класик, свою дипломну роботу при закінченні Університету він написав не на тему з класичної філології, як цього можна було б чекати, не про когось із римських поетів, Вергілія, Горація або Катулла, а з зовсім іншої ділянки, що з класичною античністю нічого спільного не мала. Його дипломна робота була студією про Величка, Самовидця, козацьких літописців XVIII стол. Цей вибір теми, перехід від класичної філології до української історіографії XVIII стол., від Вергілія до Величка і від Катулла до Самовидця був непослідовний з огляду на розмежування факультетських відділів, але він вказував на якусь іншу, свою власну, внутрішню послідовність: на прагнення сполучити класичний філологізм з українським традиціоналізмом, студії античности з'єднати з замилуванням в українському барокко.

Що являв собою Зеров у ці студентські роки, коли він приятелював з Петром Горецьким, Віктором Романовським, Осипом Гермайзе, підтримував зносини з українськими видавництвами, з Сергієм Титаренком, писав альбомні вірші, був ніжно закоханий в одну з Лобод?...

Мабуть, це було в першій половині 1925 року. Я був у Володимира Миколайовича Перетца в його просторій академічній квартирі в старовинному будинку на Мойці. Широкі східці вели мене десь вгору. Подовгастий багатовіконний передпокій був ясніший за великі кімнати мешкання з низькими стелями. Кабінет академіка був подібний до зали; він був завантажений збіркою давніх рідкісних рукописів і унікальних стародруків у шкіряних оправах XVI—XVIII століть. Громіздкі фоліанти книг. Петроградське сталево-сіре присмеркове світло.

На півночі Перетц утратив той свій яскравий, смугляво-червоний колір обличчя, який він мав давніше в Києві. Дещо розплився. Втративши темпераментну пружність, він набув імпозантної поважности академіка. Він сидів у кріслі біля письмового стола, як люб'язний господар, з чорною круглою шапочкою на голові, і розпитував мене про київські новини, про академію, про життя, людей, зміни. «Ну, хто у вас там блищить, у Києві?» — спитав Перетц. Я назвав Зерова: цей блищить, незрівнянний промовець, блискучий полеміст, ефектний оратор. «Пам'ятаю, — зауважив на відповідь Перетц, — Зеров був блідий студент!...»

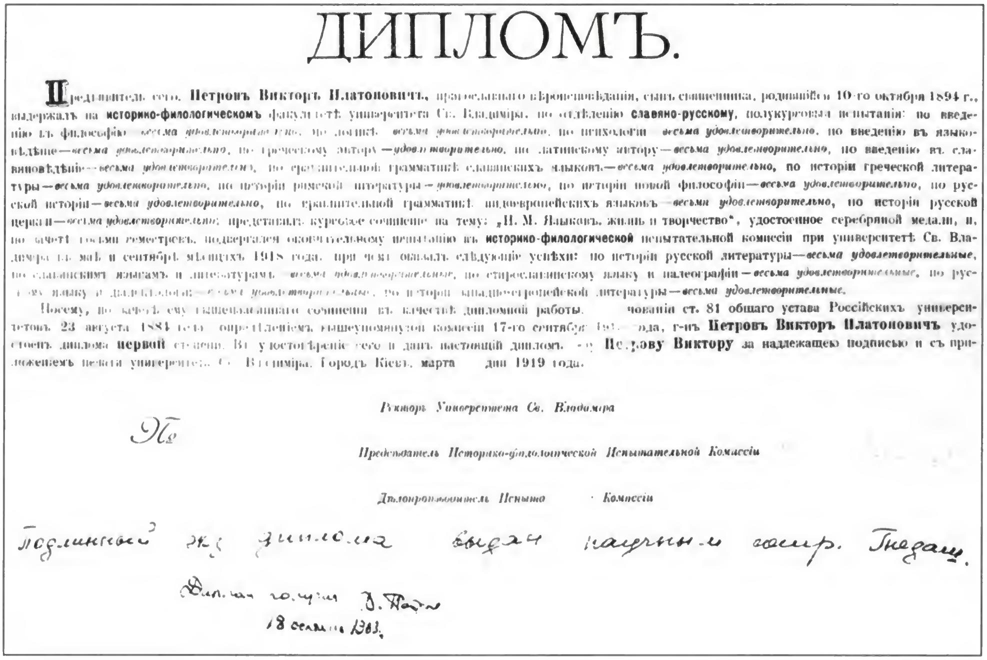
Я не знав Зерова в студентські його роки і мені важко сказати щось з приводу висловленої оцінки. Перетц був людина категоріальних тверджень і безапеляційних присудів. Я не припускаю, щоб Микола Костьович міг колись не бути собою, бути безбарвним, не бути яскравим, бути невиразним, але я не думаю, що помилявся і Перетц.

У студентські роки Зеров не зробив спроби врости в академічний грунт, стати вченим. Та й згодом, бувши уже професором КІНО (Київського Інституту Народньої Освіти) у своїх літературознавчих студіях, як історик літератури, він не виявляв ні інтересу, ні нахилу до праці в архівах, до розшуків неопублікованих документів, їх публікації, до вузьких і детальних причинкових дослідів. Жодна його розвідка не несе на собі тягара апаратних додатків. Він писав статтю задля самої статті, а не задля приміток до неї. Так само він не брався працювати над спеціально дисертаційною темою і не готувався захищати роботи на ступінь доктора.

Товариство він любив більше, ніж самоту кабінету. Він був ретельний і вправний, досконало точний працівник, але далеко вище він цінив можливість живої розмови. Він цінив естетичну досконалість довершеного, саме те, що ніколи не було властиве ні Перетцові, ані «перціянцям».

6

Микола Зеров закінчив Університет без медальної праці і при Університеті



ДИПЛОМЪ.

Предъявитель сего, **Петровъ Викторъ Платоновичъ**, православнаго вѣроисповѣданія, сынъ священника, родившійся 10-го октября 1894 г., выдержалъ на **историко-филологическомъ** факультетѣ университета Св. Владиміра, по отдѣленію **славяно-русскому**, полукурсовыя испытанія: по введенію въ философію — *весьма удовлетворительно*, по логикѣ — *весьма удовлетворительно*, по психологіи — *весьма удовлетворительно*, по введенію въ языковѣдѣніе — *весьма удовлетворительно*, по греческому автору — *удовлетворительно*, по латинскому автору — *весьма удовлетворительно*, по введенію въ славяновѣдѣніе — *весьма удовлетворительно*, по сравнительной грамматикѣ славянскихъ языковъ — *весьма удовлетворительно*, по исторіи греческой литературы — *весьма удовлетворительно*, по исторіи римской литературы — *удовлетворительно*, по исторіи новой философіи — *весьма удовлетворительно*, по русской исторіи — *весьма удовлетворительно*, по сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ — *весьма удовлетворительно*, по исторіи русской церкви — *весьма удовлетворительно*; представилъ курсовое сочиненіе на тему: „Н. М. Языковъ, жизнь и творчество", удостоенное серебряной медали, и, по зачетѣ восьми семестровъ, подвергался окончательному испытанію въ **историко-филологической** испытательной комиссіи при университетѣ Св. Владиміра въ маѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ 1918 года, при чемъ оказалъ слѣдующіе успѣхи: по исторіи русской литературы — *весьма удовлетворительные*, по славянскимъ языкамъ и литературамъ — *весьма удовлетворительные*, по старославянскому языку и палеографіи — *весьма удовлетворительные*, по русскому языку и діалектологіи — *весьма удовлетворительные*, по исторіи западноевропейской литературы — *весьма удовлетворительные*.

Посему, по зачетѣ ему вышеозначеннаго сочиненія въ качествѣ дипломной работы, [illegible] основаніи ст. 81 общаго устава Россійскихъ университетовъ 23 августа 1884 года и опредѣленіемъ вышеупомянутой комиссіи 17-го сентября 19[illegible] года, г-нъ **Петровъ Викторъ Платоновичъ** удостоенъ диплома **первой** степени. Въ удостовѣреніе сего и данъ настоящій дипломъ г-ну **Петрову Виктору** за надлежащею подписью и съ приложеніемъ печати университета Св. Владиміра. Городъ Кіевъ, марта [illegible] дня 1919 года.

Ректоръ Университета Св. Владиміра

Предсѣдатель Историко-филологической Испытательной Комиссіи

Делопроизводитель Испыт[illegible] Комиссіи

Подлинный же диплома выдан научн. секр. Гедац.

Диплом получил В. Петров

18 сентября 1923.

залишений не був. Зрікшись однієї каторги, він вибрав для себе іншу. Позбавлений можливости осісти в Києві, він опинився в Златополі на посаді вчителя латинської мови в хлоп'ячій гімназії.

Не слід творити жодних ілюзій щодо тих часів перед революцією. Не слід мріяти про золотий вік у минулому, на зміну йому приходить залізний. Передреволюційну дійсність слід сприймати такою, якою вона була насправді. Панувала тиша, але вона не була ідилією. Не існувало декретованого примусу, людина не була підпорядкована числу і плановї; вона навіть могла плекати в собі ілюзію, що вона вільна в виборі своїх шляхів і в визначенні власної своєї долі; насправді ж її стиснено якнайщільніше, загнано у вузьку щілину, в цілковиту безперспективність, притиснено до стіни, і вона, знесилена, не здатна була чинити опір. Чехов, Леонід Андреєв, Купрін відобразили людину цього часу.

Зеров опинився в Златополі, бо він уже не належав собі. У нього не було іншого вибору. Глухе степове містечко. Власне, велике село на межі Київщини і Херсонщини, забуте людьми і Богом, відрізане від усього світу. Навіть залізниця обминала це містечко.

Небо, чорноземлі, степ! Розораний простір, що здається безмежним, де нема нічого, окрім безодні неба та вузької смуги далекого обрію. Чорноземна пустеля, позначена в своїй порожнечі на обрії горбами скитських курганів.

Мені здається, що пам'ять мене не зраджує, і я чітко зберігаю в своїй згадці враження від Златополя, яким я його бачив колись. Ця довга подорож на переповненій балагулі по степу від станції до містечка, сонце, яке згасає на обрії, так званий готель, подібний до постоялього двору. На величезному просторі базарного майдану — білий паркан довкола дерев'яної церкви і кілька похилих акацій, що ростуть на цвинтарі. Утоптаний чорний пляц з купами кінського гною, з сміттям і соломою, що їх змітає і жене степовий вітер, з рядами столиків, вбитих у землю, з срібно-сивим, курявою вкритим бур'яном, що кущами росте під парканом церковного цвинтаря. Істеричні кози, idіотично нахабний містечковий цап.

На одному кінці містечка скупчилися муровані з жовтої цегли урядові будинки, в тім числі двоповерховий будинок гімназії, а на другому кінці, осторонь від містечка, в долині розташувався маєток, садиба з садом і довгою тополевою алеєю, великий будинок власника хлібних млинів і цукроварень, експортера збіжжя, мільйонера Бродського. Два полюси, два відокремлені світи, що протистояли один одному, між якими простяглися дрібні дерев'яні халупки, чорні, занедбані і зневажені житла місцевої людности, без садків і без зела, що в їх стисненій гущавині загубилася старовинна бароккова синагога, славетна своєю мистецькою деревorізьбою та архітектурою.

Опинитися в Златополі — це значило опинитися поза життям, за бортом життя, в цілковитій владі степового безкрайого простору, зазнати поразки, добровільно викреслити себе з списка живих, без жодної сподіванки на порятунок.

Скитський степ. Шосе, яке зв'язало містечко з станцією і простяглося через містечко вздовж урядових будинків. Неброковані вулиці. Масна грязюка. Осіння сльота. Зимові чорні порожні вечори. Невеличка кімнатка з ліжком, столом і фікусом у діжці біля вікна в якійсь випадковій родині. Вдень лекції в гімназії і ввечорі учнівські зошити з латинськими екстемпораліями, що їх треба правити.

Приятелювання з гімназіальною викладачкою французької мови, попівною з Волині. Подорож влітку під час вакацій на Волинь у гості до її батьків. Пам'яткою цієї подорожі лишився сонет, що згодом увійшов до складу «Камени»: «Землі волинської родюче лоно», «Скорпіон», — поезія з цілковито затушкованим любовним звучанням.

Миколі Костьовичеві нелегко далися ці кілька років перебування в Златополі. Тут він утратив свої зуби і примушений був лікувати нерви в київських водолікарнях.

Якось, уже згодом, після революції, в Баришівці, зайшовши до мене в сірий дощовий осінній день, Микола Костьович запитав мене: «Чи ви стоїте біля вікна і дивитесь годинами крізь нього?» Я не збагнув відразу сенсу запитання. Я? Біля вікна? Навіщо? Що можна побачити крізь вікно? Невизначене, завжди тотожне собі ніщо злиденної вулиці, мокре гілля дерев, дощові калюжі між камінням шосе, почорнілий від дощу дерев'яний паркан на протилежному боці вулиці? Ні, я не мав ніколи подібної звички. «А ось Освальд Федорович робив так!...»

Листівка з Університетом Св. Володимира. Кінець XIX ст.

Мабуть, з боку Зерова це було тільки перенесене на іншого самовизнання! Годинами стояти перед нерадісною одноманітністю містечкового ландшафту... Очевидячки, вже перебування в Златополі навчило його цього.

Що чекало Зерова, викладача латини в гімназії глухого містечка, відкритого для всіх вітрів світу, якщо б не трапилася революція? Все можна було передбачити наперед до самого кінця: за вислугою п'ятиліток чергові надвишки до платні, орден Анни і Станислава, чин статського совєтніка і, як найбільше життєве та службове досягнення, як завершення педагогічної та адміністративної кар'єри — посада інспектора гімназії де-небудь у Прилуці, Черкасах або Білій Церкві, в міжчасі співробітництво під псевдонімом у «Раді», вірші і критичні статті, надруковані іноді в «Літературно-науковому віснику», нарешті, за вислугою літ, відставка з мундиром і пенсією, — ще раз повторений життєвий шлях Щоголева або Івана Нечуя-Левицького. Шлях компромісу, примирення, покірливого узгіднення з дійсністю. Зігнутися під вагою тягара і спробувати його нести.

Щоправда, була ще одна можливість — особистого бунту, розриву з оточенням, подорожі до Таїті. Залишити містечко, зректися державної служби, відмовитися від певности, засудити себе на непевність, зневірятись і поневірятись, секретарюючи в якому-небудь літературному журналі, часописі або видавництві. Дійти до межі. Переступити через межу, опинитися в безмежному, де не існує вже жодних обмежень і жодних норм. Наважитися зробити те, що зробив Гоген, коли він кинув родину, жінку, п'ятеро дітей, посаду урядовця в банку, Париж задля екзотики самотнього острова, загубленого на Тихому океані, хижки, вкритої пальмовим гіллям, тринадцятилітньої жінки-коханки, повіривши Дені Дідро, що найщасливіші люди живуть на Таїті.

І був ще третій шлях, третя можливість, коли людина повстає проти себе, рве з дійсністю, руйнує цілковито дійсність назовні, щоби ствердити єдину і виключну, абсолютну дійсність свого ізольованого «я». Шлях у хворобу, шлях нервового потрясення, абсолютної свободи суб'єктивного. Я вже згадував: таке було. Була нервова хвороба, лікування у водолікарнях.

Революція принесла визволення. Вона повернула його до Києва, розкрила перед Зеровим усі шляхи, що досі лишалися для нього герметично замкненими. Починаючи з можливости жити і вчителювати в Києві, викладати латину не в Златополі, а в київській гімназії. Все неможливе ставало можливим. Редакторське крісло в «Книгарі», співпраця у видавництві «Друкар», участь у барокковому гуртку Нарбута, приятелювання з Петром Януарійовичем Стебницьким, Павлом Зайцевим, Павлом Филиповичем.

В ці перші роки революції Зеров знаходить себе, він стає таким, яким він був весь час, поки він був живий, жвавий, експансивний, рухливий, як живе срібло, надзвичайно чемний і коректний, людина високого і відкритого розуму і в жоднім разі не ідеолог і тим менше не ідеолог у гурті неокласиків, супроти твердження Святослава Гординського: «Зеров був ідеологом київської групи неокласиків» («Дві постаті», «Вісті», ч. 39-81). Метр, але не ідеолог. Бо метр і ідеолог — це не те саме.

Однаково закоханий в античність, в українське барокко і французький парнасизм Леконт де Ліля та Ередіа; бібліофіл і бібліограф, скоріше критик, ніж історик літератури, ніколи не «перціянець» і не «лободист». Людина оцінки, гурман і естет, що вище над усе ставив мистецькі, естетичні цінності; провозвісник грецького ідеалу калокогатії: вроди-добра, ототожнених і злитих. Врода як добро, і добро як врода.

Хроніка 2000. Наш край. 1993. № 1/2. (3/4). С. 136-148.

Полонська-Василенко Наталія Дмитрівна (1884-1973)

Історик України, історіограф.

Народилася у Харкові, в сім'ї військового. Згодом батьки переїхали до Києва. Навчалася у Фундуклеївській Маріїнській жіночій гімназії (1893-1900), на історично-філологічному відділенні Київських Вищих жіночих курсів (1907-1908).

У 1910-1918 рр. — викладач історії Київської жіночої прогімназії Байкової, 1911-1913 рр. — у жіночій гімназії Трифонової, 1912-1915 рр. — асистент кафедри російської історії та методики викладання історії Вищих жіночих курсів. 1913 року склала іспити за історично-філологічний факультет Київського університету і отримала диплом І ступеню.

1914-1915 рр. — викладач географії Київської чоловічої гімназії В.П. Науменка. У 1914-1915 рр. склала магістерські іспити у Київському університеті (евакуйованому до Саратова), навесні 1916 р. після прочитання пробних лекцій обрано приват-доцентом.

У 1916-1917 рр. відбула стажування з археології під керівництвом проф. В. Городцова у Москві. 1917-1920 рр. — викладач Вищих жіночих курсів Жекуліної, лектор Народного університету (курси археології, російської історії, етнографії та первісної культури), Інституту географії (історична географія, історія географічних відкриттів). У 1917-1924 рр. — одна з організаторів, вчений секретар та доцент Київського археологічного інституту. Завідувала археологічним музеєм Київського університету (до 1921 р.), «Музеєм праці» Київського соціологічного інституту, викладала у Жіночому богословському інституті, на командних курсах при штабі губміліції (1920-1922), у трудовій школі № 56 при кооперативі «Мощь» (1921-1923), у Державному музично-драматичному інституті ім. М. Лисенка.

З 1923 р. — дружина акад. М.П. Василенка. Доклала чимало зусиль до амністування чоловіка у зв'язку з процесом «Київського обласного центру дій». 1925-1927 рр. — реєстратор Центрального архіву давніх актів. 1927-1932 рр. — професор археології Київського художнього інституту. З 1929 р. — науковий співробітник ряду комісій ВУАН. 1932 року — одна з авторів проекту фундаментального видання «Архіву Запорозької Січі». 1934 року — звільнено з роботи у ВУАН і до 1937 р. перебивалася випадковим заробітком. З 1937 р. — старший бібліотекар Інституту економіки, з 1938 р. — старший науковий співробітник Інституту історії АН УРСР. 1939 року вийшла заміж за історика кооперативного руху О. Моргуна.

1940 року захистила докторську дисертацію в Інституті історії у Москві («Очерки по истории заселения Южной Украины в середине XVIII в. (1734-1775 гг.)»). У 1940-1941 рр. — професор історії України Київського державного університету.

Під час німецької окупації Києва була директором Інституту археології відновленої УАН, професором відновленого Київського університету, директором Центрального архіву давніх актів, співробітником Музею-архіву переходової доби.

У 1943 р. виїхала до Львова, з 1944 р. — член львівської Церковно-археологічної комісії. 1944-1945 рр. — викладала в УВУ в Празі, член Українського історико-філологічного товариства. 1945-1973 рр. — професор і декан філософського факультету УВУ в Мюнхені, професор Української православної богословської академії, член Церковно-археографічної комісії.

Дійсний член НТШ (1947), УВАН (1948), міжнародної Академії наук у Парижі (1953), Українського історичного товариства (1964). Автор близько 200 наукових публікацій.

Основні праці: «Культурно-исторический атлас: Пособие по русской истории» (Вып. 1-3. 1913-1914), «К вопросу о христианстве на Руси до Владимира» (1917), «Первобытная археология» (1921), «З історії останніх часів Запоріжжя» (1926), «Історики Запоріжжя» (1927), «Маніфест 3 серпня 1775 р. в світлі тогочасних ідей» (1927), «Південна Україна року 1787» (1929), «Майно запорізької старшини як джерело для соціально-економічного дослідження історії Запоріжжя» (1931), «До історіографії Запоріжжя XVIII століття» (1940), «Київ часів Володимира та Ярослава» (1944), «Історія Української церкви» (1949), «Палій і Мазепа» (1949), «До історії повстання на Запорожжі 1768 року» (1952), «Теорія III-го Риму в Росії протягом XVIII-го та XIX-го століть» (1952), «Процес центра дій» (1955), «Українська Академія наук» (1955, 1993), «Заселення Південної України в XVIII ст.» (Т. 1-2. 1960), «Українська наука в Україні за совєтської доби та доля істориків» (1964), «Дві концепції історії України та Росії» (1964), «Історичні підвалини УАПЦ» (1964), «Запоріжжя XVIII століття та його спадщина» (Т. 1-2. 1965-1967), «Видатні жінки України» (1969), «Історія України» (Т. 1-2. 1972-1976, 1993-1997).

Спогади: Український історик. 1965. № 3/4. С.39-47; 1988. № 1/4 (97/100). С.119-128; 1989. № 1/3 (101/103). С.106-118; 1993. № 2/4.

Бібліографія: Наукові записки УВУ. Мюнхен, 1963. № 7. С.128-137; *Polonska-Wasylenko* N. Zwei conception für Geschichte der Ukraine. Munchen, 1970.

Архів: ЦДАМЛМ України, ф. 542; НБУ НАНУ. ІР, ф. 42; ЦДАВОВУ, ф. 3806; Архів УВАН (Нью-Йорк).

Література: *Винар Л.* Матеріал до біографії Наталії Полонської-Василенко // Укр. історик. 1983. № 2/4. С.55-76; *Омельченко В.* Наталія Полонська-Василенко // Укр. історик. 1969. № 1/3. С.86-94; *Герус-Тарновецька І.* Наталія Полонська-Василенко. Вінніпеґ, 1975; *Верба І.В.* Н.Д. Полонська-Василенко — історик та археограф (1884-1973). Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К., 1994 (названо 16 опублікованих праць дисертанта); *Ульяновський В.І.* Наталія Дмитрівна Полонська-Василенко-Моргун: Сторінками життєпису // Полонська-Василенко Н. Історія України. К., 1995. Т.1. С. V-LXXXVIII.

Революція 1917: Спогади

[...] Коли вибухла революція, я була здивована, що ім'я Довнар-Запольського не згадується серед громадських діячів Києва. Лише, коли я зустрілася з ним вночі — здається, 15-го березня, я довідалася, що він за цей час пережив.

Виявилося, що з перших часів революції в Комерційному Інституті почалася справжня боротьба проти нього: почались мітінги, на яких оголосили його співробітником охранки. Студенти взломали стіл в кабінеті директора й взяли таємне листування з поліцією, і оголосили, як доказ таємних стосунків. Там було між іншими таке місце: відповідаючи на попередження поліції, що до Інституту буде введено поліцію, Довнар-Запольський відповів, що воліє краще, завести постійну поліцію в Інституті, подібно до університету. На цьому справа припинилась, поліцмайстер не наполягав, поліції не було заведено. Але з цим не рахувалися агітатори. Довнара не впустили до Інституту, не дали права виступити на мітінгу. Дійшло до того, що студенти встановили контроль над тими, хто іде до нього, затримували на вулиці, обшукували. Лише таємно до нього приходили знайомі, і від них він знав, що робиться в Інституті. Там діяли в дружньому контакті агітатори з єврейського студентства та професор Сташевський, якого було в січні звільнено з Інституту. Перед студентським мітінгом він «регабілітувався», і я на власні очі читала цей історичний документ — акт регабілітації Сташевського, в якому студенти заявляли, що обвинувачення в «похищении» документів з архівів — наклеп. Я шкодувала, що цього документа не було надіслано до московських архівів.

Довнар-Запольський пав духом. Я ніколи не бачила його таким розгубленим. Він опинився в стані ізоляції; він взагалі жив самітньо, тепер приятелі, прихильники боялися зайти до нього, боялися себе скомпромітувати. Проте кожний з них під час зустрічі передавав різні чутки, які лише його нервували. Серед людей, які часто його відвідували був професор фізики Микола Борисович Делоне, батько нашого вчителя в гімназії Байкової. То був інтересний тип: розумний, дотепний, талановитий він був надзвичайно легковажний, як справжній француз. Він приходив до Довнара — і за 10 хвилин переконувався, що він цілком правий. Він обіцяв, що на студентських сходинах буде виступати на його оборону. Приходив на сходини, чесно виступав на захист Довнара — і з першим виступом противної сторони заявляв урочисто, що він того не знав, і бере свої слова назад. Так бувало по кілька разів на тиждень.

Ранком я поїхала до дому. Мати була пригноблена. Вона дуже палко приймала політичні події, відразу зненавиділа Керенського, і запевняла, що нічого, крім нещастя не буде. У Києві «велика безкровна» революція набула гротескних форм. Відразу почувалася «рука большевиків». В газетах друкували резолюції мітінгів, в тому числі мітінги кримінальних злочинців, які теж винесли свої резолюції на користь революції. «Киевская Мысль» з захопленням, устами Чаговця, виваляла революційні мітінги куховарок,

які вимагали права користування роялями, гардеробами своїх господинь, тощо. Навчання припинилось. В університеті всі авдиторії перетворились в залі для мітінгів, в середніх школах мітінгували учні, і оголошували засуди батькам, як класовим ворогам. В Москві не почувалося такого розкладу, який вже панував у Києві. Київ був переповнений «товаришами», які кидали фронт.

З перших днів у Києві намітились три ворожі сили: з одного боку стояли прихильники Тимчасового уряду; від них відділялися українці, які вимагали визнання самостійної України у формі республіки: розділом сил добре користувались большевики, які зміцнювали все більше своє положення. В березні 1917 року, коли я приїхала до Києва, Рада солдатських, робітничих та селянських депутатів захопила царський палац, вже стала міцною силою, перед якою пасували комісари Тимчасового уряду. Фактично влада була ще в їх руках.

Ще в Москві, з газет, я знала, що Микола Прокопович — куратор Шкільної Округи, тої самої, яка ще так недавно не дала йому можливости стати приват-доцентом.

... Василенко був затверджений Міністерством як приват-доцент. І тут сталася обурлива подія. В січні 1912 року Микола Прокопович мав розпочати свій курс «історія козацтва на Україні», який було вже внесено до друкованих планів лекцій. Але за кілька днів до початку лекцій його викликав до себе куратор шкільної округи, професор Деревицький і заявив, що він не дозволяє йому читати лекцій в університеті, що його вважає шкідливим для університету, що на курсах для учителів в Полтаві в 1911 році він читав історію України, проповідуючи думки «мазепинця» Грушевського, що він солідаризується з «мазепинцем» в рецензіях на його «Ілюстровану Україну», і т. д. На запитання Миколи Прокоповича — звідкіля Деревицький дістав ці відомості — він відповів, що має приватні інформації. В наслідок бесіди, він запропонував Миколі Прокоповичу подати самому заяву про відмовлення від приват-доцентури, на що той дав негативну відповідь. Він написав докладну записку Деревицькому, в якій доводив науковість творів Грушевського і відстоював своє право базуватися на них. Записка нічого не зробила, почати лекції він не міг, і за законом, не читаючи два семестри — втратив права на приват-доцентуру. Удруге професорська діяльність випадає, тепер вже з самих рук. Він довго ламав голову — хто міг дати таку інформацію і припускав, що той погляд на його діяльність Деревицький запозичив з книги Щеголева, здається «Современное украинство».

Історія наробила багато шуму, і його закликали як приват-доцента і до Петербурзького університету, і до Московського. Але покинути України він не хотів. Тоді використав він свій другий університетський диплом-правника і почав, вже маючи понад 40, років кар'єру адвоката: став помічником присяжного повіреного І.І. Зновицького в Старій Ушиці, потім вже перейшов як присяжний повірений до Києва. Це давало йому деякий заробіток. В 1914 році його було обрано директором київського Товариства обопільного кредиту — це утворило для нього вперше за все життя цілком забезпечене матеріяльно положення, але забирало багато часу і не давало можливість віддаватися науковій праці. Проте він не кидав мрії написати дисертацію і дістати магістерський ступінь. Ось і тому я й жартувала, що він зміняє фахи.

Коли сталася революція, брат Миколи Прокоповича, Константин Прокопович став комісаром Києва — за призначенням Тимчасового уряду: він ознайомився з архівом куратора Шкільної Округи, знайшов всю справу Миколи Прокоповича: виявилося, що доноса подав сам ректор університету, професор Цитович: він надіслав кураторові офіційне повідомлення про обрання Миколи Прокоповича на приват-доцента, він в приватному листі сповіщав, що вважає

Василенка за шкідливого мазепинця, однодумця Грушевського, і радить не допускати його до читання лекцій.

Тепер положення змінилося й Василенко став сам куратором шкільної округи.

Здається, в день приїзда до Києва я пішла до Миколи Прокоповича, щоб порадитися з приводу Довнар-Запольського. Нічого втішного не сказав він мені. Виявилося, що призначення на вищі посади було намічено ще до зречення Миколи II. Вже тоді в Москві зібралися таємно представники різних партій і намітили членів Тимчасового уряду (на випадок перемоги), крім Керенського, кандидатура якого виникла в останню хвилину. Тоді було й намічено й кураторів шкільних округ.

Щодо положення у Києві — то він дивився сумно: «Рада депутатів» була цілком в руках большевиків і була єдиною фактичною силою. Нашу дружню, інтересну бесіду обірвав дзвінок, Микола Прокопович пішов відчинити двері і я почула радісні голоси: до кабінету він повернувся з М.С. Грушевським. Він ранком приїхав з Москви, переніс страшну катастрофу, вагон загорівся, він втратив все, що віз, і в нічних пантофлях вступив до Києва. Грушевський привітно мене вітав, згадав, як ми «робили революцію в Москві». Я залишила друзів, щоб їм не перешкоджати в розмові.

Після того я не раз відвідала Миколу Прокоповича, але нічого істотного в справі Довнар-Запольського він мені не зробив: він казав, що проти нього є велике обурення, що «робота» Сташевського безперечна. Від нього я довідалася, що цю справу має розглядати «Рада депутатів», до якої входять комісари народньої освіти, такими комісарами були — Вищої школи — Іван Матвійович Сташенко, середньої Г.В. Александровський та низшої колишній директор колегії П. Ґалаґана Архимович. Микола Прокопович мені радив побалакати зі всіма комісарами, щоб бути постійно в курсі настроїв, які часто змінялися.

Архимович, колишній приятель Довнар-Запольського, різко засуджував його: на його думку, «порядна» людина не могла бути директором за царського режиму. Я делікатно йому нагадала, що він здається теж був директором? Щось відповів він мені не дуже переконливо.

Дні йшли, справу Довнар-Запольського все відкладали. Одного дня, казати вечором, я зустріла Александровського, який йшов до мене. Він, схвильований, мені сказав, що на завтра в Раді депутатів призначено доповідь Стешенка з приводу Довнар-Запольського, що ця доповідь буде негативна, і що в «кулуарах» йдуть балачки, що Рада має вимагати смертної кари. За його порадою я кинулася шукати Стешенка, з яким я не була знайома. Він був не молодий, років 45: син буфетника Полтавського клубу, він скінчив київський університет, одружився з Оксаною Михайлівною Старицькою, був викладачем історії літератури, а за війни директором гімназії Татьянинського комітету. Він був людина талановита, щирий українець, видатний український діяч, але мав різкий, неприємний характер і тому мав більше ворогів ніж друзів. Коли сформувалася Центральна Рада, він був там «секретар Народної освіти», в році 1918 його було забито бандитами. в Полтаві, коли з сином Ярославом йшов вночі з двірця до міста.

За вказівкою Александровського, я поїхала до театру Бергоньє, де було якесь засідання. Відчиняю двері — якийсь пан ввічливо дає мені дорогу — й виходить. Питаю швейцара — де Стешенко? — «а він тільки що вийшов, зустрівся з Вами», каже. Кажуть, що пішов до Купецького збірання. Іду. Був, пішов до Бергоньє. Немає. Ще десь була, пізно вечером повернулася до дому. На другий день зловила його в Палаці. Він кудись йшов. Ми пішли Царським садом, і довго ходили й розмовляли. Знов було мені кинуто, що «порядна людина не могла бути директором», і знов я нагадала директорування в гімназії, і знов почула, наче мова йшла з Архимовичем, «то інше діло».

Наслідок бесіди був колосальний: Стешенко мені обіцяв — і виконав, що

не буде робити доповіді в Раді, а справа буде передана на розгляд окремій комісії. Так було і зроблено.

Довнар-Запольський, знервований, втомлений, не хотів вірити, коли я на другий день йому розказала про все. Пройшов місяць, справа перестала бути «злобою дня», з'явилися інші теми. Нарешті справу було розглянуто в комісії з 3 комісарів, у присутності Довнар-Запольського, і виявилося, що немає «состава злочину». Після того він зібрався до Новочеркаська, куди були евакуйовані з Баранович його сестри.

Він мав там двох сестер: старшу, Софію Вікторовну, та молодшу — Серафиму Вікторовну Листову. Вона мала в Барановичах прогімназію, яку було евакуйовано до Новочеркаська: звичайно, приїхали самі речі, без учениць. Так і залишились сестри в Новочеркаську.

Робити у Києві не було що. Університет та Вищі Жіночі курси не функціонували. По всіх школах йшли мітінги. На Жіночих курсах курсистки винесли резолюцію, що всім професорам надається повна політична воля... належати за їх бажанням до тої, яка ніколи не належала до «соціалістичних» партій, або іншої соціялістичної партії! Мені, яка ніколи не належала до «соціалістичних» партій, починати виклади за таких умов не хотілося. В гімназії Байкової мене зустріли радісно, але Підгорбунська впала у гістерію, хоч я їй передала мої лекції тимчасово, заявила, що я грабую її — що вона вкладала в лекції свою душу, а я хочу у неї ці лекції забрати. Посміялися ми з Н.Г. Байковою і вирішили, що в осені поділимо кляси між нами (вона була дуже добра викладачка), а тепер я не буду вносити хвилювання в гімназію: досить було причин для цього без мене. Науково працювати було важко. Бібліотека університету ще не була розібрана. Так я і залишилася без ґрунту під ногами.

Після мого повернення з Москви, ми розпочали знову роботу з приводу заснування Археологічного інституту. Завиткевич закінчив свою прекрасну записку, у якій обґрунтовував конечну потребу у

Костянтин Василенко.
Початок XX ст.

заснуванні Інституту. Треба було зібрати підписи видатних наукових та громадських діячів під цією запискою. Це було мені доручено. Спочатку справала йшла дуже добре, але не кажучи чому — почав кривитися Павлуцький. Добре його знаючи, як людину примхливу, я не надала тому значення. Одного дня я прийшла до Музею і звернулася до Миколи Федотовича Біляшевського з проханням приєднатися до цих осіб, які підписували записку. З Біляшевським я була добре знайома давно, була в добрих відносинах, завжди довго розмовляли з ним, як на археологічні теми, так і взагалі на культурно-наукові теми.

Біляшевський був видатним археологом, його розкопини на «Княжій горі» біля Канева були дуже важливі для історії великокнязівської доби. Він був активний член кадетської партії, від неї

був депутатом до Державної Думи. В цілому він був культурна людина. Я була страшенно здивована, коли на моє прохання підписати записку про Археологічний інститут, Біляшевський мені відповів льодовим тоном, що може підписати цю заяву лише, якщо буде застережено, що виклади мають бути лише українською мовою. На це я вказала на рядки, де зазначалося, що в Інституті лекції можна викладати якою завгодно мовою. Біляшевський, з новим для мене, незрозумілим обуренням почав кричати, що цього він не може підписати, що настоює виключно на українській мові. Всі мої доводи, що цього не можна ставити, як вимогу — що це значить позбавити Інститут можливости запросити якогось з європейських або навіть російських дослідників, що на той час коло дослідників, які могли б читати виключно українською мовою надто вузьке — не впливали. Біляшевський почервонів, як завжди робилося з ним, коли він хвилювався, і повторив різко відмовлення. Я була страшенно схвильована: вперше я зустріла таке ставлення, на жаль — не в останнє.

Я вже хотіла повертати до дому, коли до мене вийшла Козловська: вона після повернення з Саратова, служила вже на посаді в музею. Весь час мого перебування в Криму ми інтересно листувалися, коли я була у Києві в грудні — вона разів два була в мене, листувались ми під час мого перебування в Москві. Тепер якось я не встигла побувати у Козловських, і дуже зраділа, її побачивши.

Проте, щось нове, неприємне почула я в її зверненні до мене, в її голосі: чуже, навіть вороже. Коли я з властивою мені безпосередністю переказала їй мою розмову з Біляшевським, і висловила здивовання — Козловська мені відповіла, що цілком солідаризується з ним. Проект заснування Інституту був добре їй відомий, вона весь час була в курсі справи, дуже цікавилась нею, нераз висловлювала радість, що в Києві буде Інститут і т. д. Відповідь її мене здивувала, ще більше здивувала мене її порада: «Вам, сказала вона, на мою думку, треба покинути Київ: Вам тут не місце». Я була приголомшена цими словами, розгубилась: чому я, тепер, коли, як здавалось, мусить бути більша воля для наукової праці — не можу працювати у Києві, де весь час зустрічала таке прихильне, тепле ставлення до моєї роботи? Козловська пояснила чому вона вважає за потрібне звільнити Київ від мене: «Ви для *нас* чужа людина». Так вперше, з уст моєї кращої приятельки я почула цей вирок. Розлучились ми з Козловською холодно. Ніколи більше не була вона у мене на Московській, з того часу — протягом 28 років наші відношення залишились не дружніми: багато разів, коли я могла — я намагалася їй допомогти заняти краще положення, тому, що я поважала в ній людину, щиро, цілком, захоплену наукою, але вона не відповідала мені тим же, в момент «приплива» її дружніх сентиментів до мене, вона щиро сказала мені, що хотіла б бувати у мене, але «вони не дозволяють». Я не стала випитувати — хто це «вони»?

З її листів, з її оповідань, під час «припливів» для мене було ясно: під час перебування в Саратові Козловська гостріше почала відчувати свою відірваність від Києва, від України, і там вона стала свідомою українкою, але, як властиво неофітам, різко й нетерпимо стала ставитися до тих, хто, на її думку, не був однакових поглядів з нею.

Випадок з Біляшевським та Козловською не був єдиним: я зрозуміла кислу посмішку Павлуцького, зрозуміла деякі інші натяки, які чула в різних місцях. В страшний момент, коли насувався большевизм, в Україні почався між інтелігенцією розкол.

[...] Нарешті я вернулася до Києва. Почалися лекції в гімназії Байкової, де радісно мене зустріли учениці і товариші. Але не було там весело. Зростала страшна большевицька язва. Чулися вже нові розмови між ученицями, почався розклад на «класовому» ґрунті. В гімназії був новий директор Володимир Олександрович Борецький. То був типовий

Наталія Полонська. 1914 р.

педагог — «людина в футлярі», працювати з ним було важко, ніколи не знав, що він скаже, що він думає. Згадували милого старого Чернушевича, навіть Ружицького: той мав властивість, йому можна було сказати різкі речі, і він не ображався. Байкова була пригнічена новими порядками, не могла орієнтуватися і все викликала мене на «консультації» що робити? а що я могла їй сказати?

Петро Кудрявцев. Кінець XIX ст.

Осінню я почала викладати в різних вищих школах: першу лекцію університетського курсу я прочитала — за випадковим збігом обставин на Вищих вечірніх курсах А.В. Жегуліної, на яких, 13 років тому, я почала уперше слухати університетські курси. Про це я згадала в моїй першій лекції. Читала я два курси: археології та первісної культури. Слухали мене дуже уважно і добре, авдиторія була велика і серед моїх перших слухачок були три мої подруги по Фундуклеївської гімназії. Всі вони стали учительками. Я мушу сказати, що курси Жекуліної залишили в моїй пам'яті найкращі враження: курсистки ставилися до мене прекрасно: якось повертаючись з курсів, які містились біля Львівського майдану, я довго чекала трамвая на майдані. Було темно, падав дощ, я стояла під розкритою парасолею. Поволі зростав натовп людей, які чекали трамвая, а ходили вони тоді дуже зле. До мого вуха долетіли слова жінок, які теж чекали на трамвай: гучно, перебиваючи одна одну, вони хвалили мої лекції. Вони мене не бачили, і мені було дуже приємно несподівано почути оцінку моїх лекцій, та ще таку прихильну.

На Курсах панували дружні відношення між професорами. Серед видатних були: В.З. Завитневич, професор Духовної Академії Петро Павлович Кудрявцев — філософ, прекрасний оратор, видатний громадський діяч, Г.В. Александровський, М.П. Василенко (але фактично він не читав). Директором, чи Головою вченої ради був Олександер Володимирович Леперовський: він був помічником куратора Шкільної округи, але зберіг найкращі відношення з педагогами і користався щирою пошаною серед них.

Почала я читати також в Народньому Університеті, тіж самі курси, що читала у Жекуліної. Там була авдиторія інша: переважно не педагоги, як у Жекуліної, а різного рода службовці, люди головним чином без середньої освіти, серед них було чимало євреїв. Слухали уважно. Серед професури було багато знайомих, чимало спільних професорів з Жекулінських курсів: Г.В. Александровський, В.З. Завитневич, з молодших: М.Ф. Яницький — секретар факультету, талановитий філософ-професор Духовної Академії Іван Пименович Четвериков. Він був одружений з багатою єврейкою, донькою Булаховського, французького консула: Четверикови мешкали в його будинку, на Трьохсвятительській. Під час революції Четвяряков переїхав до Москви, а за німців — Четвериков опинився в Берліні, в пансіоні, і ми з ним обмінялись привітами. В Народньому Університеті я, крім курсів, мала семінар з «Руської Правди».

З 1917 року я почала читати також в Інституті географії, там за мною була залишена катедра історичної географії, а тимчасово на першому курсі я почала читати курс «Історії географічних відкрить». Цей курс забирав в мене багато часу на підготовку, але його слухали з великим інтересом. В Інституті, ще до його відкриття, почалась боротьба проти ініціятора Довнар-Запольського. Обраний на ди-

ректора був Воблий, згодом академік. Вченим секретарем був В.І. Лучицький. В Інституті було скупчено знатні сили: П.А. Тутковський, В.І. Лучицький, зоолог проф. Кушекевич, політичну економію викладав Константин Григорович Воблий. Фінанси читав Л.М. Яснопольський.

Головним курсом — який я викладала, був звичайно курс «Археології», який я читала, як обов'язковий для слухачів — істориків, в Університеті. Моя вступна лекція була прочитана в XIV авдиторіі, і зібрала майже повний зал. Я накреслила стислу історію розвитку археології, її розуміння в різні епохи, і закінчила тою характеристикою її, яка була визвана наукою в XX ст. Лекція подобалась, і я дістала чимало приємних відзивів. Курс я читала в музеї старовини, в університеті, де була призначена помічницею завідуючого Ю.А. Кулаковського. Останніми роками фактично завідував музеєм П.П. Смирнов, тепер на його місце було призначено мене. Це була для мене велика радість, я всі вільні години проводила в музеї: крім багатої колекції, там була прекрасна бібліотека. Все було запущено, а головним чином під час евакуації до Саратова багато речей загубили свої етікети, треба було їх поновлювати, вишукувати в каталозі. В музеї був окремий постійний служник — Тарас Данилович Подоляка. То був цікавий уламок минулого університету. Йому було років 45, і з 20 років він служив в університеті і мешкав в тій самій вохкій квартирі в напівпідвальному поверсі. Він мав двох доньок — обидві скінчили гімназію Байкової, одна померла в 1920 р., друга служила в Архіві Давніх Актів. Його син зкінчив Комерційний інститут, був бухгальтером. Сам Подоляка був беззмінним служником при церкві, поки її не було ліквідовано. Вечорами він працював в опері, як капельдинер. Таким чином, він заробляв досить, щоб поставити на ноги свою родину. Подоляка був виключний патріот університету: він все життя зв'язав з ним, і глибоко страждав, коли почалась революція і в університеті запанували темні сили: служники, двірники, які командували професорами, вели господарство й тримали в терорі все, що було порядного. З глибоким презирством ставився він до таких професорів, як Смирнов, які плясали під цю дудку.

Мене слухали студенти одного курсу: на лекції записалось коло 20 чоловік. Можна уявити собі, як я була здивована, коли на лекції приходило кілька десятків студентів, зовсім не записаних. Приходило чимало стипендіянтів, приват-доцентів, при чому один з них пояснив мені цей «інтерес» до археології так: в університеті мої лекції викликають багато розмов: люди не вірять, що археологію можна читати інтересно, і хотять переконатися, що це правда. Я була дуже рада, коли почула таке пояснення. Мушу сказати, що скільки я не читала курсів археології — вони завжди викликали інтерес.

Крім курса археології, я почала читати курс «Заселення Південної України» та вела семінар «Патерик Печерський».

Таким чином, початок моєї університетської професури був цілком вдалий і я мала повне моральне задоволення. Жити мені було дуже важко, бо я виходила ранком з Печерська, пішки йшла до гімназії Байкової, з гімназії — до університету. Потім десь обідала, а тоді це була вже складна проблема, після того — на курси Жекуліної, або до Народнього Університету, або до Інституту географії і цілком втомлена пішки — бо трамвай ходив дуже погано — йшла на Печерськ. Я комбінувала працю так, щоб два дні не виходити з хати, бо треба було готувати стільки нових курсів. Дома я мешкала сама: мати була в Житомирі, з великим трудом я знайшла наприкінці жовтня служницю: надходила зима, я не мала можливости сама опалювати величезну квартиру та її прибирати.

Часи були трівожні. Кожний день приносив щось страшне. В Києві панувала анархія. Влади Тимчасового уряду, представником якої був військовий штаб, ніхто не визнавав.

Український історик. 1988. № 1/4 (97/100). С.123-128; 1989. № 1/3 (101/103). С. 111-113.

Сташевський Євген Дмитрович (1884-1938)

Історик, дослідник російської історії першої третини XVII ст., економічної історії України XVIII—XIX ст.

Народився 21 серпня 1884 р. в с. Зіньків Летичівського повіту Подільської губернії в родині слідчого. Закінчив Тульську гімназію (1903). У 1903-1908 рр. навчався на історично-філологічному факультеті Університету св. Володимира. Активний учасник наукового гуртка проф. Митрофана Довнар-Запольського, улюблений учень професора. Успішно працював з писцевими книгами як історичним джерелом. Написав медальну працю «Московский уезд по писцовым книгам XVI века» і отримав за неї 1908 р. золоту медаль; 1908 р. — викладач економічної історії Західної Європи в Київському комерційному інституті; 1909-1911 рр. — стипендіат Університету св. Володимира для підготовки до професорського звання. 1912 року, після складання магістерських іспитів — доцент Київського комерційного інституту, Вищих жіночих курсів, приват-доцент Університету св. Володимира. Готував магістерську дисертацію «Государственное хозяйство России в XVII веке» під керівництвом М. Довнар-Запольського. Однак під впливом московського проф. С.Б. Веселовського зайнявся Смоленською війною 1633-1643 рр. У 1913 р. видав дослідження на здобуття ступеня магістра «Очерки по истории царствования Михаила Федоровича» (ч.1), де розвинув оригінальну концепцію політики «диктатури загального блага» патріарха Філарета (Романова). Проте з'ясувалося, що автор багато текстуально запозичив з чужих праць без посилання на джерела, посилання на архіви часто не відповідали дійсності. Розгромну рецензію на книгу опублікував 1913 р. С.Б. Веселовський; виникла загроза недопущення Сташевського до захисту дисертації. Керівник М. Довнар-Запольський все ж пропустив дисертацію до захисту за умови, що Сташевський швидко напише якісну докторську працю й не претендуватиме на кафедру в Університеті св. Володимира. Захист відбувся 17 листопада 1913 р. Офіційні опоненти М. Довнар-Запольський та В. Іконніков, гостро прокритикувавши текст, дали все ж позитивний відгук, але В. Данилевич та П. Смірнов дали негативні висновки. Після трьохгодинної наради факультетське зібрання все ж присудило Сташевському ступінь магістра.

1914 року, попри попередню обіцянку, подав документи на конкурс по заміщенню кафедри російської історії Університету св. Володимира. В. Данилевич домігся публікації свого негативного відгуку на дисертацію Сташевського, щоб перешкодити його обранню (Университетские известия. 1914. №10. С.1-34). В лютому 1915 р. Сташевський був обраний незначною більшістю голосів екстраординарним професором Університету.

У листопаді 1915 р. ректор Університету св. Володимира (на той час евакуйований до Саратова) отримав листа товариша міністра народної освіти В.Т. Шевякова про викрадення Сташевським великої кількості документів з московських архівів Міністерства юстиції та Міністерства іноземних справ.. Вибухнув скандал, що тривав упродовж 1915-1916 рр. Обидва міністерства й університет прагнули вичерпати інцидент без розголосу (документи Сташевський повернув). За статутом, професор не міг бути звільнений без його письмового прохання і лише за наказом міністра. Справа Сташевського була припинена. Однак інформація потрапила в пресу (на думку Сташевського та декана історично-філологічного факультету М. Бубнова, — не без участі М. Довнар-Запольського). У січні-лютому 1917 р. «Русское слово», «Биржевые ведомости», «Речь», «День», «Киевская мысль», «Киевлянин», «Русская воля», «Новое время» (більше 20 публікацій) рознесли скандал з «професором-злодієм» по всій імперії, значно перебільшуючи суть справи. Сташевського звинуватили в «політиці»: викраденні правим професором документа-договору, що обмежував права Михайла Романова на престолі на користь ледь не конституційного устрою (1613 р.). Насправді Сташевський виніс з архівів 319 справ упродовж 1908-1912 рр. (про що свідчать опубліковані матеріали, віднайдені проф. С.І. Міхальченком).

Думки професорської корпорації Університету св. Володимира поділилися. Так, декан історично-філологічного факультету Микола Бубнов виступав проти оприлюднення справи і виправдовував Сташевського, як фанатичного «охотника за документами» (*Бубнов Н.М.* Сага о правой профессуре Университета св. Владимира. К., 1917). Але М. Довнар-Запольський та його учні одностайно виступили з осудом Сташевського.

У зв'язку зі скандалом ректор університету М. Цитович в січні 1917 р. подав у відставку, однак її не прийняли. Тоді змушений був подати прохання про звільнення Сташевський. 27 січня 1917 р. Рада історично-філологічного факультету ухвалила рішення опублікувати в пресі роз'яснення: Університет не має відношення до цієї справи і жодних політичних документів Сташевський не викрадав; М. Довнар-Запольському було запропоновано публічно вибачитися перед Сташевським (інформація з листа Є. Сташевського до А. Дмітрієвського: РНБ. Дом Плеханова, ф.253, д.634). Після цього Сташевський забрав прохання про звільнення, сподіваючись залишитись професором. Однак постановою міністра від 23 квітня 1917 р. його встигли звільнити «згідно з проханням» (РГИА, ф.740, оп.19, д.47, лл.23-24). «Справа Сташевського» тривала до 1919 р.

Після революційних подій Сташевський «організував» справу проти М. Довнар-Запольського. Студенти Комерційного інституту, де Сташевський у 1918 р. став деканом комерційно-технічного факультету, на мітингу виправдали Сташевського і засудили зв'язки Довнар-Запольського з охранкою. За поданням студентів-євреїв, Рада робітничих депутатів Києва присудила професора до смертної кари;

це рішення вдалося скасувати завдяки зусиллям учнів та друзів М. Довнар-Запольського (див. спогади Н. Полонської-Василенко в «Українському історику»: 1988. №1/4. С.126). Судовий слідчий 27 березня 1918 р. звинуватив М. Довнар-Запольського в бажанні «опорочить честь и доброе имя Сташевского, сделать невозможной его дальнейшую ученую деятельность» і запропонував обом сторонам примирення або продовження судового розгляду (НБУ НАНУ. ІР, ф.161, спр.35). 9 листопада 1918 р. П.П. Смірнов підготував «Объяснительную записку по делу Е.Д. Сташевского» (РГБ.ОР, ф.279, К.35, д.6), а Довнар-Запольський видав брошуру «Вынужденные разъяснения», де розривав будь-які відносини зі Сташевським. У липні 1919 р. Сташевський заарештований, засуджений до страти, згодом переведено в категорію заручників і врешті звільнено. 1919 р. виконував обов'язки ректора Комерційного інституту.

1919 року Сташевський опублікував нове дослідження про Смоленську війну, котре, можливо, ще 1918 р. захистив як докторську дисертацію. 1918 р. — співробітник Інституту з дослідження економічних ресурсів України УАН. 1919 року очолив Близькосхідний інститут. 1920 р. — приват-доцент Новоросійського університету (Одеса), того ж року — професор, зав. кафедрою і декан Інституту народного господарства та Інституту зовнішніх зносин (Київ), Київського землевпорядкувального технікуму. 1921-1923 pp. — професор і зав. кафедрами історії російського права та політекономії Інституту народної освіти та Сільгоспінституту в Кам'янці-Подільському. З 1924 р. — співробітник Комісії народного господарства ВУАН та завідувач Музеєм сільськогосподарської промисловості Цукротресту. Цілком змінив сферу наукових інтересів — зайнявся економічною історією України, підготував капітальне дослідження «Докапиталистическая рента на Правобережной Украине в XVIII — первой половине XIX в.» 1930 року заарештований у зв'язку зі справою СВУ, звільнений. З 1934 р. — на пенсії. У 1937-1938 pp. — старший науковий співробітник-консультант Інституту історії України АН УРСР. 12 червня 1938 р. заарештований і звинувачений у зраді Батьківщини, ув'язнений і 26 липня 1938 р. помер під час допиту. 14 вересня 1963 р. реабілітований.

Основні праці: «Московский уезд по писцовым книгам XVI века» (К., 1908), «Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века» (М., 1911), «К вопросу о том, когда и почему возникли «чети»: Очерки из истории Московских приказов» (К., 1908), «Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч.1. Московское общество и государство от царствования Михаила Федоровича до эпохи Смоленской войны» (К., 1913), «Смоленская война 1632-1634 гг. Организация и состояние Московской армии» (К., 1919), «Ответ С.Б Веселовскому» // ЖМНП. 1914. №4; «К истории колонизации Юга: Великий боярин Иван Никитин Романов и его слободы в Елецком уезде» (М., 1913), «Сільськогосподарський ринок Правобережної України за передреформеної доби» (К., 1929), «История докапиталистической ренты на Правобережной Украине в XVIII — первой половине XIX в.» (М., 1968).

Архів: ЦДАВОВУ, ф.4711 (особовий архів); ДАКО, ф.Р-4379 (особовий архів); РГИА. СПб., ф.740, оп.18, спр.13, арк.55; ф.733, оп.155, спр.375, арк.140 (формулярні списки); оп.156, спр.98, арк.92-165 (обрання професором; аналіз дисертації Сташевського П. Смірновим); ЦДАВОВУ, ф.166, оп.12, спр.7364 (особиста справа Є. Сташевського)

Література: Веселовский С.Б. О книге Е.Д. Сташевского. СПб., 1913. *Бубнов Н.М.* Сага о правой профессуре Университета св. Владимира. К., 1917; *Довнар-Запольский М.* Вынужденные разъяснения. К., 1919; *Михальченко С.И.* Киевская школа в российской историографии (В. Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики). Москва; Брянск, 1997. С.146-154; *Рубльов О.* Сташевський Є.Д. // Вчені Інституту історії України: Біобібліогр. довідник. К., 1998. Вип.1. С.308-309.

Дело Е.Д. Сташевского в документах

1
Прошение Е.Д. Сташевского на имя директора МГАМИД

Его сиятельству Господину Директору Московского
Главного Архива Министерства Иностранных Дел

Имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство разрешить мне заниматься в Высочайше вверенном Вам Архиве по Архиву и его библиотеке документами и печатными книгами, имеющими отношение к моему исследованию по истории государственного хозяйства в 17 веке[1], с правом делать из них выписки и снимать копии, причем обязуюсь один экземпляр своего труда, по напечатанию доставить для библиотеки Архива.

Магистрант Киевского Университета
по кафедре русской истории
Евгений Дмитриевич Сташевский.
Москва 1910 года Апреля 14 дня.

РГАДА. — Ф. 180 (Канцелярия МГАМИД). — Оп. 7. — Д. 5591. — Л. 1. Подлинник, рукопись.

2
Письмо В.И. Саввы[2] С.А. Белокурову[3]

12 апреля 1912 г.

Глубокоуважаемый Сергей Алексеевич!

Очень рад Вам услужить. Пишу Сташевскому с просьбой ответить на поставленный вопрос, как на интересующий меня. Ответ, как только получен будет, Вам тотчас пришлю.

Если дней через 5 не будет ответа, напишу В.С. Иконникову[4] (умолчав, конечно, о Вашем письме), что очень интересуюсь ответом Сташевского. Надеюсь, что В.С. Иконников сможет побудить его, если он умолчал бы на мой вопрос. О Вашем поручении, конечно, никому ни слова [...]

Душевно Вам преданный и глубоко Вас почитающий В. Савва (г. Нежин).

ОР РГБ. — Ф. 23 (С.А. Белокуров). Картон 20. — Д. 129. — Л. 3. — Подлинник, рукопись.

3
Письмо В.И. Саввы С.А. Белокурову

20 апреля 1912 г.

Глубокоуважаемый Сергей Алексеевич!

Получил ответ Е.Д. Сташевского и передаю буквально слова его: «Сольвычегодская «заседка»[5] хранится в Московском Архиве Мин[истерства] [Иностранных] Д[ел], Прик[азные] Д[ела] ст[арых] л[ет], 1641 № 36, пометок листов нет, столбец велик. В скором времени я опубликую этот материал; мне удалось подобрать целый ряд аналогичных документов. Во второй части статьи пущен в ученый оборот громадный и очень интересный цифровой материал. В мае эта часть будет отпечатана». Далее сообщает, что о своих выводах говорил с Лаппо-Данилевским[6], который согласен с ним. Письмо очень любезное. Не пришлось обращаться к В.С. Иконникову. Великое Вам спасибо, что дали мне возможность услужить Вам. Вы столько мне дали, что не расплатиться мне с Вами [...]

Искренне Вас почитающий и душевно Вам преданный В. Савва.

ОР РГБ. — Ф. 23. Картон 20. — Д. 29. — Л. 5-5 об. Подлинник, рукопись.

4
Заявление С.Б. Веселовского[7] в МГАМИД

В Московский Главный Архив Министерства Иностранных Дел.

В 1910 году, собирая материалы для истории писцового дела, я просматривал, между прочим, столбец Приказных дел старых лет 1636 года, № 65, и заказал списать находящееся в нем дело о дозоре Венева Сергею Семеновичу Соколову[8]. По исполнении заказа копия была мною считана и проверена С.С. Соколовым, которому и был сдан столбец для возвращения в Архив. В настоящее время, печатая во II томе Актов писцевого дела указанное дело о дозоре Веневы, я для проверки корректур по подлинникам, спросил и получил 28 января сего года столбец 1636 г. № 65, но не нашел в нем на месте челобитной веневичей 1643 года, 12 февраля, которая была также для меня скопирована и считана. Полагая своим долгом сообщить об этом, прилагаю при сем снятую для меня со всего дела (л. 579-) и в том

числе с указанной челобитной (лл. 592-596), копию.

10 февраля 1915 года
С. Веселовский.

РГАДА. — Ф. 180. — Оп. 7. — Д. 6091. — Л. 1. Подлинник, рукопись.

5
Письмо С.А. Белокурова П.П. Смирнову[9]

Между нами.

Многоуважаемый Павел Петрович!

Позвольте обратиться к Вам по одному щекотливому делу с покорнейшей просьбой НИКОМУ не говорить того, о чем я Вам пишу. В Приказном деле 1636 г. № 65 (картон 137) обнаружена недостача одного листа, на коем написана была челобитная Веневцев о сложении податей с пустых дворов ввиду татарскаго разорения. На обороте ее имеется три пометы от 12 февраля 1643 г., из коих между прочим видно, что челобитная подана царю, когда он шел из Чудова монастыря. Копии из этого дела (в том числе и сей челобитной) снял С.Б. Веселовский, которому было выдано в апреле 1910 г. После чего занимались этим делом двое: **Вы** в августе того же года и **Е.Д. Сташевский** в феврале 1910 г. НА ВАС У НАС НИКАКОГО ПОДОЗРЕНИЯ НЕТ. Но полезно было бы найти какое-либо указание, что эту челобитную видел Сташевский. Тогда вопрос был бы совершенно ясен. Произведения Сташевского мне почти совсем не известны и наоборот Вы, вероятно, их все хорошо знаете. Ввиду этого я и обращаюсь к Вам с просьбой уведомить меня: известна ли эта челобитная г. Сташевскому, не приводит ли он где-либо выдержек из нее или, по крайней мере, не цитирует ли ее где-либо?

Буду ждать терпеливо Вашего ответа, искренне желая, чтобы он был положительным. Всего хорошего.

Ваш Сергей Белокуров.
10 мая 1915 г.

Кстати. Сообщите мне, пожалуйста, киевский адрес Сташевского, когда он собирается уехать из Киева и куда (желательно знать и этот адрес).

ОР РГБ. — Ф. 279 (П.П. Смирнов). Картон 36. — Д. 24. — Лл. 3-4. Подлинник. Рукопись.

6
Записка П.Б. Мансурова[10]

10 июня 1915 г. — Министерство Иностранных Дел
К делу — Директор Московского Главного Архива

3 июня 1915 года мною доложено было г. Товарищу Министра Иностранных Дел В.А. Арцимовичу, что в делах, которыми занимался приват-доцент Киевского Университета Сташевский в феврале 1911 года, обнаружена вторично недостача документа. По соглашению с г. Товарищем Министра А.А. Нератовым[11], В.А. Арцимович предложил мне обратиться официально к г. Сташевскому с требованием явиться лично в Архив и представить свои объяснения по поводу недостающего документа.

Директор Архива П. Мансуров.

РГАДА. — Ф. 180. — Оп. 7. — Д. 6091. — Л. 8. Подлинник. Рукопись.

7
Письмо директора МГАМИД П.Б. Мансурова Е.Д. Сташевскому

10 июня 1915 г.
№ 414

Евгению Дмитриевичу Сташевскому
Киев, Владимирская, К[иевский] У[ниверситет]
м. Монастырище Киевской губ.
Липовецкого у., имение Дубровка

В тех делах Архива, которыми Вы занимались в феврале 1911 г., вновь обнаружена недостача документа. Ввиду сего, согласно приказания г. Товарища Министра Иностранных Дел, предлагаю Вам, по возможности в непродолжительном времени, но не позднее 1 августа сего года, выяснить это обстоятельство, как было сделано по отношению к Сольвычегодской засетке в 1914 году, а о времени Вашего прибытия по сему делу в Москву архив уведомить.

Директор Архива.

РГАДА. — Ф. 180. — Оп. 7. — Д. 6091. — Л. 9. Черновая рукопись.

8
Заявление Е.Д. Сташевского в МГАМИД

В Московский Главный Архив Министерства Иностранных Дел.

Имею честь представить документы из Столбцов Приказных Дел старых лет 1622 г. № 35, 1631 г. № 38, 1631 г. № 53, 1631 г. № 57, 1632 г. № 80, 1633 г. № 4, 1633 г. № 37, 1634 г. № 29, 1635 г. № 4, 1635 г. № 11, 1636 г. № 1, 1636 г. № 65, 1637 г. № 35, 1638 г. № 10, 1638 г. № 18, 1638-39 гг. № 36.

Эти документы были взяты мною для переписки без надлежащего разрешения, вследствие чего, возвращая их, покорнейше прошу извинить меня. При сем присовокупляю, что более у меня нет ни единого документа Архива, кроме возвращенной в прошлом голу Сольвычегодской засетки и ныне возвращаемых.

7 июля 1915 г.
Е. Сташевский.

РГАДА. — Ф. 180. — Оп. 7. — Д. 6091. — Л. 16. Подлинник. Рукопись.

9
Объяснительная записка

7 июля 1915 г. Е.Д. Сташевский в кабинете г. Директора Архива в присутствии Делопроизводителей С.А. Белокурова. А.В. Лопухина и Н.В. Рождественского дал следующие объяснения.

1. Кроме доставленных им в 16 обложках 19 документов и ранее возвращенной Сольвычегодской заседки, у него ни одного Архивного документа не осталось, что он трижды категорически заявил.

2. Настойчиво подтверждал сказанное в его письменном заявлении, что он руководился (так в тексте. — *С.М.*) исключительно желанием переписать самому эти документы, причем пояснил, что вызывало его к этому как желание иметь более исправные копии, так и стесненное в тот момент материальное положение, не позволявшее тратить большую сумму на вознаграждение за переписку.

3. Употребленную им в письменном заявлении фразу «были взяты... без надлежащего разрешения» г. Сташевский объяснил в том смысле, что документы взяты им были тайно, без ведома кого-либо из служащих в Архиве.

4. Неоднократно просил извинения и прощения в содеянном им поступке, в коем сильно раскаивается.

Делопроизводитель С. Белокуров
Делопроизводитель Ал. Лопухин
Делопроизводитель Н. Рождественский

РГАДА. — Ф. 180. — Оп. 7. — Д. 6091. — Л. 17. Подлинник. Рукопись.

10
Письмо П.Б. Мансурова С.А. Белокурову

Глазовка, 14 июля 1915 г.

Многоуважаемый Сергей Алексеевич!

Отвечаю с первой почтой после получения Ваших писем. Поздравляю Вас с благополучным окончанием дела Сташевского. Приписываю этот исход обдуманному направлению, приданному Вами делу. Относительно дальнейшего, дело, как Вы и сказали Сташевскому, вышло из ваших рук и решение зависит от Министерства. Из разговоров с Товарищами Министра я понял, что предполагалось сообщить о поступке Сташевского, по выяснении дела, Министру Народного Просвещения. Не знаю, было ли это твердым намерением. Я полагал бы в начале августа, когда я думаю быть в Петрограде, доложить о деле и тогда можно будет постараться направить его так, как нам представляется желательным. Мне кажется, что на наше решение должно влиять и отношение к вопросу пр[офессора] Голубева[12], который оказал нам услугу. Плохая награда была бы ему, если бы мы сделали ему неприятность. Я его помню по предсоб[орному] присутствию[13]; он мне показался горячим убежденным человеком [...]

П. Мансуров.

ОР РГБ. — Ф. 23. Картон 19. — Д. 5. — Л. 13-13 об. Подлинник. Рукопись.

11
Письмо Товарища Министра Иностранных Дел В. Арцимовича Директору МГАМИД П. Мансурову

Милостивый Государь Павел Борисович.

Вследствие секретного письма от 2 сего сентября, за № 550, по делу экстраординарного профессора Киевского Университета Евгения Сташевского об изъятии им и хранении у себя на дому без надлежащего разрешения, подлинных документов из дел Московского Главного Архива Министерства, имею честь уведомить Вас, что г. Министром Иностранных Дел о таковом поступке названного лица сообщено г. Управляющему Министерством Народного Просвещения.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

В. Арцимович.

19 сентября 1915 г.
№ 16667/Д-1

РГАДА. — Ф. 180. — Оп. 7. — Д. 6091.- Л. 19. Подлинник. Машинопись.

12
Письмо С.А. Белокурова П.П. Смирнову

Многоуважаемый Павел Петрович.

Посылаю Вам 2 экз[емпляра] чистых листов конца Вашей статьи, которая на днях появится в чтениях. Оттиски вышлю, как только будут готовы. Сташевский возвратил нам 19 документов, в Архив Министерства Юстиции ок[оло] 100 и в Дворцовый Архив ок[оло] 200.

Всего хорошего.
С. Белокуров.
12 октября 1915 г.

ОР РГБ. — Ф. 279. Картон 36. — Д. 24. — Л. 1. Подлинник. Рукопись.

13
Письмо Е.Д. Сташевского П.Б. Мансурову

[получено] 6 февраля 1916 г.
Его Превосходительству г. Директору
Московского Архива Иностранных Дел

Прошение

Позволяю себе обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой: не найдете ли Вы возможным и справедливым поручить кому-либо из гг. чиновников Архива проверить, за мой счет, те столбцы и книги, которыми я пользовался для своих ученых занятий, — с целью подтвердить данное мной Архиву совершенно справедливое заявление, что все документы, взятые мною для переписки без ведома г. заведующего Архивом (в чем я сознал свой поступок и принес извинения), возвращены.

О решении Вашего Превосходительства прошу меня уведомить, равно как и указать приблизительно ту сумму денег, которую мною должен быть оплачен прибавочный труд чиновника.

г. Саратов
Е. Сташевский.

РГАДА. — Ф. 180. — Оп. 7. — Д. 6091. — Л. 22. Подлинник. Рукопись.

14
Письмо Товарища Министра Иностранных Дел В. Арцимовича Директору МГАМИД П. Мансурову

Милостивый Государь Павел Борисович.

Препровождая при сем копию с письма Министра Народного Просвещения на имя Министра Иностранных Дел от 13 июня с. г., за № 155, по делу

профессора Сташевского об изъятии им и хранении у себя на дому, без надлежащего разрешения, подлинных документов из дел вверенного Вам Архива, имею честь уведомить Вас, Милостивый Государь, что в ответ на означенное письмо Министру Народного Просвещения сообщено мною, что со стороны Министерства Иностранных Дел не встречается возражений против того, чтобы считать инцидент с г. Сташевским исчерпанным. Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

В. Арцимович.
25 июля 1916 г.
РГАДА. — Ф. 180. — Оп. 7. — Д. 6091. — Л. 24. Подлинник. Машинопись.

15
Письмо Министра Народного Просвещения на имя Министра Иностранных Дел С.Д. Сазонова[14] от 13 июня 1916 г.
№ 155
(Копия)

В письме от 12 сентября 1915 г. за № 127 Ваше Высокопревосходительство сообщили мне сведения о действиях и. д. экстраординарного профессора Императорского университета Св. Владимира Сташевского при пользовании им документами Московского Главного Архива.

В виду сего нужным считаю уведомить Вас, что выслушав личные объяснения профессора Сташевского, я поставил ему на вид неправильность его образа действий.

Доводя о сем до сведения Вашего Превосходительства, имею честь покорнейше просить поставить меня в известность, не обнаружилось ли каких-либо новых обстоятельств в этом деле и не встречается ли с Вашей стороны возражений к тому, чтобы считать настоящий вопрос исчерпанным.

С подлинным верно.

РГАДА. — Ф. 180. — Оп. 7. — Д. 6091. — Л. 25-25 об. Машинопись.

16
Письмо Начальника Московской Сыскной полиции в МГАМИД

22 августа 1916 — Секретно.
№ 418012 — В Архив Министерства Иностранных Дел

Прокурор Московского Окружного Суда, препровождая, при отношении от 12 июля с.г., за № 426, вырезку из газеты «Вечерний Курьер» об исчезновении, якобы, из Архива Министерства Иностранных Дел исторических документов. Просит произвести расследование по содержанию этой вырезки.

Вследствии сего, имею честь просить Архив сообщить мне все имеющиеся в его распоряжении по настоящему делу сведения.

Вр. испр. обязанности
Начальника Сыскной Полиции (подпись)

РГАДА. — Ф. 180. — Оп. 7. — Д. 6091. — Л. 35. Подлинник. Машинопись.

17
Письмо Директора МГАМИД Начальнику Московской Сыскной Полиции

24 августа 1916 г. Секретно
№ 449 Г. Начальнику Московской Сыскной полиции

Вследствие отношения от 22 сего Августа, за № 418012, Архив считает долгом сообщить следующее.

14 апреля 1910 года был допущен к занятиям в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел магистрант Киевского Университета по кафедре Русской Истории Евгений Дмитриевич Сташевский (ныне и. д. экстраординарного профессора того же университета), занимавшийся затем в Архиве с сентября 1910 года по апрель 1911 г. и в сентябре 1912 года.

В мае 1912 г. профессором Московского Университета М.М. Богословским обнаружена была пропажа одного документа в Архивском деле (Приказные дела старых лет 1641 г. № 30), которым занимался г. Сташевский в феврале 1911 года. Так как после г. Сташевского никто этим делом не занимался, то подозрение в похищении документа пало на г. Сташевского, о чем ему осенью того же 1912 г. стало известно частным образом.

В июне 1914 г. г. Сташевский явился в Архив и был допущен к просмотру в Делопроизводительской комнате Архива некоторых из тех дел, которыми он занимался в феврале 1911 г., причем до выдачи г. Сташевскому дел все листы каждого дела были предварительно сосчитаны и перенумерованы. При этих занятиях г. Сташевским вложен был документ (Сольвычегодская «засетка» 1638 г., на 9 листах), исчезновение которого обнаружено было профессором Богословским.

В феврале 1915 года занимающимся в Архиве окончившим курс Императорского Московского Университета С.Б. Веселовским заявлено было Архиву об отсутствии в деле 1636 г. № 651 (того же разряда Приказных дел старых лет) челобитной гор. Венева от 12 февраля 1635 г., которая была копирована им в апреле 1910 г. Так как делом этим занимался в феврале 1911 г. Сташевский, то в похищении и этого документа подозрение пало на г. Сташевского.

По докладе об этом Директору Архива г. Товарищу Министра Иностранных Дел, согласно приказанию последнего, г. Сташевскому предложено было (10 июня, за № 144) «по возможности в непродолжительном времени, но не позднее 1 августа сего года выяснить это обстоятельство, как было сделано по отношению к Сольвычегодской засетке в 1914 г.»

7 июля 1915 г. Сташевский, явившись в Архив, представил при письменном заявлении не только челобитную Веневичей, но сверх того, еще 18 других подлинных документов, тайно взятых им из 15 Архивных дел «для переписки без надлежащего разрешения», причем заявил, что «более у него нет ни единого документа Архива» и «покорнейше просил извинить» его. При устных объяснениях г. Сташевский трижды подтвердил свое письменное заявление о том, что у него нет более никаких документов Архива и не раз просил извинить и простить его.

Из числа возвращенных г. Сташевским документов на некоторых были штемпеля Архива, иные имели Архивскую нумерацию листов, а многие носили следы того, что они были вырваны из сшитого дела.

Обо всем этом сообщено было Директором Архива г. Товарищу Министра Иностранных Дел 2 сентября 1915 года за № 550, а Министром Иностранных дел Министру Народного Просвещения 12 сентября того же года, за № 127. Последний письмом от 13 июня сего года, за № 155, уведомил г. Министра Иностранных

Дел, что «выслушав личные объяснения проф. Сташевского, он поставил ему на вид неправильность его образа действий».

Директор
Делопроизводитель

РГАДА. — Ф. 180. — Оп. 7. — Д. 6091. — Лл. 38-39. Черновик, машинопись и рукопись.

18
Письмо Управляющего Московским архивом Министерства юстиции Д. Цветаева[15] Прокурору Московского Окружного Суда

22 сентября 1916 г. Секретно

Г. Прокурору Московского Окружного Суда.

В ответ на Ваш запрос от 3 сего сентября за № 476, честь имею сообщить следующее.

«Как только до меня дошел в начале лета 1915 г. слух о подозрении в «хищении» приват-доцентом Императорского Киевского Университета Сташевским документов в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел, мною, ввиду того, что Сташевский занимался и в Московском архиве Министерства юстиции было тотчас сделано по читальному залу распоряжение произвести проверку наличности документов, которыми он у нас пользовался. Сташевский, как оказалось в записях, начал у нас занятия с 9 января 1909 г., при моем предшественнике Управляющем Д.Я. Самоквасовым[16] (так в тексте. — *С.М.*) (в августе 1911 г.): в первые три года (1909-1911) он посетил архив 205 раз; в мое управление Архивом (с 18 октября 1912 г.) был в Архиве только 15 раз (летом 1913 г.); всего перебрано было им книг и столбцов несколько сот (486), при нем лишь десятки (44), причем многие из них были требованы неоднократно.

Когда производилась у нас эта проверка, явился ко мне в начале июня 1915 г. на квартиру сам Сташевский с значительным пакетом бумаг и заявил:

Он приносит повинную. При Управляющем Д.Я. Самоквасове, он с его разрешения брал с собой для пользования архивные документы, которые теперь и возвращает полностью; честным словом заверял, что в мое управление он никаких документов с собой не брал.

Возвращаемые документы представляли собой группу листов из разных описанных у нас «столбцов» Разрядного приказа; каждая группа заключена была в чистый лист писчей бумаги, с означением на ней шифра столбца, в котором находилась взятая группа.

Тому, что брать с собой документы разрешил Сташевскому покойный Управляющий Д.Я. Самоквасов, мною не было дано веры — это решительно невероятно и невозможно; но тому, что документы взяты не в период моего управления, я не имел основания не поверить.

Вскоре по своем вступлении в должность, я, для лучшей сохранности документального достояния Архива, ввел такие меры:

1) Заведены были контрольные билеты. Каждый сторонний занимающийся непременно при входе в Архив получает у швейцара именной билет, который потом, при выходе, он должен швейцару возвратить с библиотечным штемпелем, положенным в удостоверение того, что все документы и книги им перед уходом сданы.

Из описанных «столбцов» сторонним занимающимся выдавались только те листы, которые им надобны, а не весь столбец или папка, где обыкновенно имеются сотни и тысячи отдельных, не переплетенных листов; листы должны выдаваться по счету, с пометкой о сем на требовательной записке.

2) По действовавшим ранее правилам каждый сторонний занимающийся <неразб.> получал до десяти столбцов, книг и вязок. Оставляя это количество для целого дня, число одновременно выдаваемых одному лицу этих сборников я ограничил до двух, чтобы чиновники удобнее могли проверять наличность возвращаемого.

Сделано было облегчение и для сторонних: ранее занимались одни только 5 дней, мною разрешено было им заниматься и по субботам, благодаря чему им прибавляется для занятий лишний день в неделю.

В дальнейшей беседе со Сташевским выяснилось, что он брал с собою документы из Архивов с единственной целью — воспользоваться ими на свободе дома для изготовляемых им больших печатных работ и никоим образом не думал присваивать их.

Возвращенные Сташевским документы нашего Архива мною были переданы в соответствующее, т.е., в 1-е отделение. По записной книге Отделения и по самим документам как бы подтверждалось косвенно, что архивные листы брались лишь в управление моего предшественника, они были вынуты из 10-и столбцов Разрядного приказа, из коих 8 столбцов были взяты им при моем предшественнике Д.Я. Самоквасове, а два остальных требовались как при нем, так и при моем управлении — в последний раз, вероятно, для пополнения или проверки работ, исполненных прежде. Все листы вложены чинами отделения в прежние места по их столбцам.

Управляющий Архивом
Д. Цветаев.

РГАДА. — Ф. 337 (Канцелярия Московского Архива Министерства юстиции). — Оп. 1. — Д. 863. — Лл. 4-5.

19

Письмо Е.Д. Сташевского директору киевской гимназии Михаилу Авксентьевичу Стельмашенко[17]

1 февраля 1917 г., Петроград

[...] Мое дело может принять иной оборот и иметь известное значение в той политической борьбе, которая здесь разыгрывается. Левая печать (в Киеве Киевская мысль, в Москве Русское слово от 12 января, в Петрограде Биржевка и Речь № 27) кричат о похищении правым профессором, в угоду правым организациям «конституционных» гарантий начала XVII века. Этим они революционизируют общественное мнение. Депутат Митроцкий[18] полагает, что нельзя терять ни одной минуты, необходимо сейчас же представление докладных записок (Кульчицкому, Протопопову[19]) от правой организации г. Киева с обращением внимания правительства на эту сторону дела. Этому в докладной записке должна предшествовать краткая фактическая справка о моих деяниях. Ее вам даст Степан Тимофеевич[20]: похищения не было, было пользование документами с нарушением архивских правил, документы цитировались, возвращены, судебного дела не возникало, хотя в сентябре месяце 1915 г. Прокурор Московской судебной палаты запросил Архив, не было ли кражи. Архив ответил, что некоторые документы действительно брались, но не в целях присвоения, а в целях переписки и научного использования, документы возвращены. Надо провести ту мысль, что моя отставка теперь равносильна признанию, что документ об ограничении Михаила Федоровича действительно существовал, при таком положении несуществование становится фактом и левые партии будут воспитывать публику в том сознании, что если ограничительного документа найти теперь нельзя, то это не значит, что его не было, нет, он был, но он выкраден пра-

вым профессором в момент политической борьбы из-за самодержавия.

Видите, какой оборот приобретает мое дело. Спешите действовать, ибо тем самым вы оказываете услугу не только мне. Здесь силы мобилизуются. От меня здесь требуют взять прошение об отставке обратно и я думаю последовать этому требованию. Пишите мне на Главный почтампт, до востребования, заказным. Действуйте немедленно, нужен материал не только для правительства, но и для Думы. Здесь полагают, что ближайшие дни должны установить победу правого течения, пока же идет страшная борьба.

Е. Сташевский[21].

РГИА. — Ф. 1405 (Министерство юстиции). — Оп. 530. — Д. 1029. — Л. 24-24 об. Подлинник, рукопись.

20
Письмо Е.Д. Сташевского А.А. Дмитриевскому[22]

Глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич!

Сердечный Вам привет из Киева, куда я доехал, хотя и благополучно, но с оказией, ибо под Броварами скорый поезд, в котором я ехал, врезался в товарный и произошло крушение.

В Киеве за мое отсутствие страсти по отношению ко мне улеглись, но зато на Совете 27 января разыгрался нижеследующий инцидент: была заявлена моя отставка и текст выработанного особой комиссией обращения в печать, здесь была указана сущность моего дела, отринуто обвинение в краже, особенно несуществующих, документов и далее излагалась та сторона дела, которая касалась университета. Ряд ораторов заявил, что никакого обращения печатать не следует, ибо Совещание не судило меня, не выносило никакой резолюции и т.д., одним словом, по-видимому, спохватились, что нарушили закон. Но другие возразили, что такого рода публикация необходима не только в моих интересах, но и в интересах университета, который газеты обливали грязью. В конце концов, вопрос стал на эту последнюю точку зрения, и тогда ряд ораторов выступил с обличением г. Довнар-Зап[ольского], были снова приведены факты, указывающие на его роль в подновлении моего дела, и в конце концов проф. Билимович[23], не оправдывая и моего деяния, формулировал следующее обращение к находящемуся здесь же Д[овнар]-Запольскому: «Ваша деятельность позорна для университета, для профессорской среды, мы ждем, когда же Вы подадите в отставку». Крики — верно. Довнар смолчал. Но через несколько дней, выбрав 3-х представителей, обратился к Билимовичу за сатисфакцией. Она была в 3-х пунктах: 1) вызов на дуель (так в тексте. — *С.М.*), 2) требование третейского суда, 3) требование публичного извинения в заседании Совета. Билимович без оговорок принял 2 первых предложения, а относительно последнего заявил, что он извинится и возьмет свои слова назад, если г. Довнар печатно во всех газетах опровергнет инкриминируемые ему факты. Представители передали об этом Довнару и получили ответ: дуель? Какая такая дуель, я погорячился; третейский суд? но что он значит? Опровержение — вот об этом я подумаю. И думает до сих пор, надеется, что все уляжется и позабудется. Теперь он едет в Министерство, хорошо бы было, если бы Удинцев[24] был осведомлен об этом инциденте в Совете.

С отставкою моею спешили, поэтому прошение о взятии отставки обратно пошло вслед за прошением об отставке. Я для верности послал еще соответствующую телеграмму Министру. Из Москвы получено сообщение, что никакой докладной записки там не существует. Биржевые Ведомости до сих пор не печатают, пос-

лал категорическое требование; Киевская Мысль первую часть напечатала — посылаю. Вторая часть будет касаться совещания и отчасти тоже Довнара. Пособирались еще факты, несомненно указывающие, что и записка принадлежит ему. Так, например, в апокрифической записке в газетной редакции цитировался один писцовый наказ (которого на самом деле у меня не было), ту же цитату давал Довнар и в своей речи в Совещании и т.д. Здесь готовится к печати брошюра: «Сага <неразб.> Правых профессоров»[25]. Отношение ко мне Совета спокойное, но все же не таково, как я бы желал; есть много противников, а главное у всех желание скорее ликвидировать все это, вот почему на некоторых взятие отставки обратно произвело неблагоприятное впечатление. Из Министерства ответа нет, а я всей душой стремлюсь к работе, хочу уехать, позабыть все. Душа болит. [...]

Всей душой Вам преданный Е. Сташевский.

Дом Плеханова (филиал ОР РНБ). Ф. 253 (А.А. Дмитриевский), № 634, Лл. 1-2. Подлинник, рукопись.

21
Прошение Е.Д. Сташевского на имя Управляющего МАМИД

Его Превосходительству г. Управляющему
Московским Архивом Министерства Иностранных Дел

Прошение

Вследствие помещения в газетах неверных сведений о характере взятых мною в целях переписки из Московского Архива Иностранных Дел и возвращенных документов, среди которых указывались «ограничительные записи Михаила Федоровича и Алексея Михайловича», а также писцовый наказ «весьма обычного типа», но «с любопытнейшею пометою бытового характера», покорнейше прошу Ваше Превосходительство выдать мне удостоверение, необходимое для представления в Суд, с обозначением №№ и с кратким описанием документов, возвращенных мною Архиву при письменном объяснении.

Е. Сташевский.
5 мая 1917 г.
Киев, Б. Владимирская, 43, кв. 6.

РГАДА. — Ф. 180. — Оп. 7. — Д. 6091.- Л. 44. Подлинник. Рукопись.

22
П.П. Смирнов
Объяснительная записка по делу Е.Д. Сташевского для историко-филологического факультета Киевских Высших Женских Курсов

История со Сташевским
9.XI.1918 г.

Учитываем и то, на что раньше не обращал внимания и чему не придавал значения.

Кончил университет я весной 1907 г., Е.Д.Сташевский 1908 г. Он осенью того же 1908 г. уехал в Москву. Я же промедлил, — не сразу была получена стипендия, и поехал 10 февраля 1909 года.

Жили мы там со Сташевским 2 года, причем он <неразборчиво>. У нас установились очень хорошие отношения, так что летом 1910 г., когда Сташевский уехал, я жил даже на его квартире.

В Москве нас встретили радушно. Помогли рекомендации Митр[офана] Викторовича[25]. Познакомились с местными профессорами — Сташевский бывал у Богословского, Любавского, Кизеветтера[26]. Внимание С.Б. Веселовского. Его помощь мне (где искать чети) и Сташевскому (совет оставить тему «Бюджет Разрядного приказа» и взять: «Смоленская война 1632-34 гг.»). Занятия: я в Ар[хиве] М[инистерства] И[ностранных] Д[ел]; Сташевский в А[рхиве] М[инистерства] Ю[стиции], по субботам в Дворцовом Архиве. Неприятные стороны Сташевского.

Затем в сентябре 1910 г. я вернулся в Киев и здесь попал в затруднительное положение, т.к. губернатор Гирс дал обо мне отзыв в Округ М[инистерства] Н[родного] П[росвещения], как о неблагонадежном лице. Пришлось прожить в Киеве целых 2 года, до лета 1912 года. В это же время я и женился.

Е.Д. Сташевский между тем 1910 г. прожил в Москве, а 1911 г. был также в Киеве. Мы вперебой читали с ним доклады у Нестора-Летописца[27] и писали статьи для III тома Рус[ской] Ист[ории] в очерках и статьях под ред[акцией] М.В. Довнар-Запольского[28]. Он мне рассказал о Москве, о том, что Гневушев[29] приступил в А[рхиве] М[инистерства] И[ностранных] Д[ел] к Белокурову. Во время моего посещения его квартиры (Владимирская, 45) он как-то говорил мне, что он очень удачно ездил летом 1911 года в Тулу, в имение отца, и на дворянские выборы. Познакомился со многими интересными людьми. Кто-то из дворян, в ответ на его просьбы, дали ему старые документы из своих архивов, другие обещали. При этом он вынул из письменного стола пачку старой бумаги и показал мне действительно отрывок старинной книги — как один из попавших к нему этим путем. Это был отрывок записной книги Холопьего приказа. Я пролистнул несколько страниц и увидел печать Арх[ива] Мин[истерства] Юстиции. Произошел приблизительно такой разговор: «Это что же? Значит кто-то ее оттуда вытащил?» — «Да, вероятно, ведь такие случаи бывают. — Не знаю». И взял книгу.

В это время, осенью 1911 г., он между прочим сделал в Обществе Нестора Летописца доклад о Сольвычегодской заседке, — редком и интересном документе, аналогий которому не было известно. В апрельской книжке Ж[урнала] М[инистерства] Н[ародного] П[росвещения] была напечатана его статья «Пятина 1642 г. и торгово-промышленные центры Московского Г[осударст]ва».

Летом 1912 года я с женой, в качестве переписчицы, еду в Москву в архивы. Как всегда прихожу в А[рхив] М[инистерства] И[ностранных] Д[ел]. И не узнаю обстановки. Думал — отвыкли. Инциндент с Софьей Васильевной[30] — «документы надо держать на виду!»

Встреча с Веселовским и его объяснения под секретом с обязательством молчания, пока дело не получит разрешения.

С его слов мы узнали:

1. Что весной 1911 года проф. Богословский явился в Арх[ив] М[инистерства] И[ностранных] Д[ел] для корректуры <неразборчиво> Зем[ского] Самоуправления на крайнем Севере России, т. II[31], и подлинника не оказалось (Засетка Соли Вычегодской 1641 г.). Он поднял шум и потребовал найти дело. Его не было, причем выяснилось, что по Архивным записям пользовались этим столбцом 3 лиц: Мих. Мих. Богословский, С.Б. Веселовский и Е.Д. Ст[ашевс]кий. После я видел этот столбец — в нем около 1000 склеек, в ладонь толщиной, исчезло 3-4 склейки.

Дело было щекотливое, так как нельзя было решить, кто вырвал склейки — столбец был смят. Был последним Е.Д. Сташевский, но неизвестно, знал ли он что-либо об этом акте. Разумеется, об акте говорилось приблизительно, и я не мог

в описании его узнать тот, о котором Сташевский читал доклад в Киеве.

Между тем в архиве, по словам С.Б. Веселовского, шла горячка: всех чинников архива лишили наградных, среди них был и А.М. Гневушев. Он-то и дал ключ к разгадке таинственного исчезновения дела. Для розысков акта М.М. Богословский дал в Архив свою копию его. Читая ее, Гневушев обратил внимание, что в новой статье Сташевского о пятине 1642 г. содержится цитата из нее. Цитата взята в кавычки, но против обыкновения автор, который всюду дает точные ссылки, ее адреса не указал. (ЖМНП 1912 г., кн. 4, с. 302). Т. о. устанавливалось, что Сташевский засетку видел, а т.к. он последним брал столбец, то следовательно и похитил ее он, а не проф. Богословский и не С.Б. Веселовский.

Но нужно было как-нибудь это установить не косвенным, а прямым путем. Нужно вернуть документ в Архив. Сергей Алексеевич Белокуров решил поступить просто: он написал какому-то прокурору в Киев и требовал сделать у Сташевского обыск и выемку. Тот воздержался от этого шага и указывал, что нужны еще какие-нибудь доказательства. Тогда в Архиве придумали следующий план. Проф[ессор] тогда Нежинского Института Савва должен был из Нежина запросить Е.Д. Сташевского, откуда он взял свою интересную цитату. В ответ на запрос Сташевский, однако, ответил полным адресом столбца, зная заведомо, что документа на месте нет, а может быть расчитывая, что если Савва потребует столбец и запишет его за собой, то все следы будут заметены. Все это мне рассказывал летом 1912 г. также и Гневушев, причем также под секретом.

Осенью 1912 г. Сташевский приезжал в Москву на короткое время и затем вернулся в Киев. Возвратился и я.

Разговор со Сташевским в Ком[мерческом] Инст[итут]е после заседания Ист[орико]-этногр[афического] Кружка[32].

Сташевский стал упрекать меня, что я, зная, что в Москве про него ходят оскорбительные сплетни, ничего ему не сказал. При этом выяснилось, что ему, также под секретом, и в нетрезвом виде, рассказал всю историю тот же А.М. Гневушев в Москве. Сташевский грозился привлечь к суду, в том числе, Белокурова и Веселовского, своих обвинителей. Так как то была, по его словам, клевета. Я указал Е.Д. на трудное положение, в каком оказался не один он, а также Богословский и Веселовский, почему о деле до выяснения истинного виновника лучше не говорить, при этом я высказался в том смысле, что лучше ему к суду не привлекать, а немедленно ехать в Москву и разыскать документы. Слово за слово, и я высказался ему тогда же свою полную убежденность в его виновности, причем добился от него **обещания** тогда же до Рождества 1912 года поехать в Москву и найти все, чего не достает в тех делах, коими он занимался. Он обещал, но не исполнил, и более разговор об этом не поднимался.

В Москву я и Сташевский поехали только весной 1913 г. Я был уже в Арх[иве] М[инистерства] И[ностранных] Д[ел], когда он приехал. От Веселовского я узнал, что его не принял Любавский, и еще кто-то. Когда он шел в А[рхив] И[ностранных] Д[ел], то его не пустили в зал для занятий и после объяснения с Белокуровым позволили заниматься в канцелярии. Здесь он потребовал несколько столбцов, в том числе столбец с заседкой и вложил в него то, что раньше взял. Но столбец оказался уже весь перенумерован каким-то секретным образом, причем Сташевский вложил в него не только заседку, которой хватились, но и еще что-то, о пропаже чего никто не знал. С.А. Белокуров, как он сам мне говорил потом, тут же Сташевского уличил. Объяснялись они в кабинете, после чего Сташевский немедленно уехал из Архива, а на другой день и из Москвы. Это было летом 1913 года.

Осенью 1913 г., сколько помнится, Сташевский защитил диссертацию и был избран на кафедру русской истории[33]. Ст[ашевс]кий занимал кафедру в 1914 и 1915 году. Оба лета этих годов я провел в Москве в Архивах. Весной этого года, 10 мая, 1915 г. в Саратове, я получил от С.А. Белокурова следующее письмо[34]: <текст письма отсутствует>.

Письмо это, как легко понять, не доставило мне удовольствия, — в скрытой и вежливой форме, но я вместе с С.Б. Веселовским, и снова в компании Сташевского, ставились в положение обвиняемых в краже документов из государ[ственного] древлехранилища.

Немедленно же я уехал в Москву. Явился в Архив к Белокурову и имел с ним разговор о письме и документах.

Вопрос о посылке Сташевскому требования вернуть похищенное с угрозой судебного преследования.

Какое было это требование, я не знаю. Знает, вероятно, Ст[епан] Тим[офеевич] Голубев. Он, очевидно, по просьбе Сташевского, отвез документы в Архивы. Кратенько извещение об этом я получил от Сер[гея] Алексеев[ича] Белокурова уже 12 октября 1915 года.

I) Из этого письма следует, что Е.Д. Сташевский действительно похитил в период между 1908-1912 годом из 3 больших Архивов г. Москвы не менее 319 различных актов, в том числе такие редкие, как Сольвычегодская заседка, и интер[есные] с бытовой стороны — как челобитная веневцев, в их числе находился, вероятно, и отрывок записн[ой] книги Холопьего приказа, кот[орый] я видел у Сташевского в качестве документа тульского происхождения.

II) Из изложенного выше следует, что похищая документы, Сташевский действовал сознательно, т.к. пытался замести следы. Такими попытками я считаю: 1) ничем не вынужденный его рассказ о документах, полученных от Тульского дворянства; 2) Стремление брать такие дела, которые после него должны быть заведомо затребованы его же товарищами; 3) Ответ его проф. Савве, который также должен был закрыть похищение своим именем, если бы он затребовал указанный столбец. Сознательное стремление замести следы здесь вытекает из того, что в момент ответа заседка была в руках Сташевского, а он посылал Савву искать ее в Москву; 4) Прямое отрицание его (так в тексте. — *С.М.*) факта похищения бумаг из Архива, которое он допустил в разговоре со мной осенью 1912 года в Киеве.

III) При этом исключается мысль о том, что Сташевский брал документы временно, потому что он не успевал их списать. 1) Этому противоречит, что он не стеснялся в средствах и у него всегда в Архивах работали переписчицы. Можно было поручить снять копии им. 2) Факт хищения не из одного, а из всех 3 Архивов. 3) Наконец, факт похищения не из одного-двух, десяти, наконец, документов, а целых сотен, в том числе отрывка книги, что возможно только при систематических хищениях. 4) Если допустить, что в среднем Сташевский похищал по 1 акту через день (ведь нужно же их выбрать, прочитать и ухитриться спрятать, то в таком случае его работа потребовала бы 640 рабочих дней, т.е. приблизительно все то время, когда он мог заниматься в Архиве (Сташевский в Москве вместе со мной занимался преподаванием в гимназии г[оспо]жи Ржевской). 5) Для того, чтобы возвратить эти документы на место потребовалась бы такая же затрата времени. Кроме того, Сташевскому не могло не быть ясным, что вырывая листки из столбца, обычно ненумерованного по листам, он разрушает самое дело и в будущем не сможет его восстановить, если бы и захотел.

III. (так в тексте. — С.М.) Цель — желание сделаться «интересным историком», захвативши наиболее интересные дела в монопольное обладание.

IV. Последствия реабилитации: в Москве невозможно будет не только работать — работать «киевской школе историков» там и теперь трудно, но и показаться. Корпоративное ручательство ун[иверсите]та, которое разумеется <неразборчиво> стипендиаты, прив[ат]-доценты и профессора, в таком случае перестанет существовать.

[П.П. Смирнов]

ОР РГБ. — Ф. 279. Картон 35. — Д. 6. — Лл. 8-18 об. Черновая рукопись.

Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики). Москва; Брянск, 1997. С. 198-219 (залишено всі авторські коментарі С.І. Міхальченка).

[1] Первоначально намеченная тема затем была изменена. См. документ № 22 настоящей публикации.

[2] Савва В.И. (1865-1920) — в 1912 г. профессор Нежинского историко-филологического института, специалист по русской истории XVI-XVII в.

[3] Белокуров С.А. (1862-1918) — формально делопроизводитель, а реально — руководитель МГАМИД, известный историк.

[4] Иконников В.С. (1841-1923) — профессор Университета Св. Владимира, академик Петербургской Академии наук.

[5] В публикуемых документах встречается двоякое написание — «заседка» и «засетка». О ней см. документ № 22 настоящей публикации.

[6] Лаппо-Данилевский А.С. (1863-1919) — академик Петербургской АН.

[7] Веселовский С.Б. (1876-1952) — в 1912 г. преподаватель московской частной гимназии Л.И. Поливанова, действительный член Московского археологического института.

[8] Соколов С.С. — сотрудник МГАМИД.

[9] Смирнов П.П. (1882-1947) — русский советский историк, специалист по истории городов России XVI-XVII веков. Коллега Сташевского по Киевскому университету и ученик М.В. Довнар-Запольского.

[10] Мансуров П.Б. — в 1915 г. директор МГАМИД.

[11] В.А. Арцимович, А.А. Нератов — товарищи (заместители) министра иностранных дел.

[12] Голубев С.Т. (1849-1920) — профессор Киевской Духовной Академии.

[13] Предсоборное присутствие — государственно-духовный орган, готовивший созыв Поместного Собора Русской Православной церкви.

[14] Сазонов С.Д. (1860-1927) — в июне 1916 г. министр иностранных дел Росии.

[15] Цветаев Д.В. (1852-1920) — до 1911 г. профессор Варшавского университета, затем директор МАМЮ.

[16] Самоквасов Д.Я. (1843-1911) — директор МАМЮ до 1911 г., крупный историк права и археолог.

[17] Стельмашенко М.А. — директор частной гимназии в Киеве.

[18] Митроцкий М.В. (род. 1883) — священник, депутат Государственной Думы 4 созыва от Киевской губернии, член фракции русских националистов.

[19] Протопопов В.Д. (1866-1918) — в феврале 1917 г. министр внутренних дел России.

[20] См. примечание 12.

[21] Письмо, судя по всему, было перлюстрировано. На нем есть две пометки чиновников Министерства юстиции. Первая: «Дело касается Москвы. Предложить полковнику Мартынову препроводить копию, сообщить сведения по сему поводу подробно». Вторая: «Начальнику Московского охранного отделения для сообщения подробных сведений по содержанию документа. 17 февраля 1917 г.»

[22] Дмитриевский А.А. (1856-1929) — профессор Киевской Духовной Академии.

[23] Билимович А.Д. (род. 1877) — в 1917 г. профессор Университета Св. Владимира, специалист по экономике.

[24] Возможно, это В.А. Удинцев (род. 1865) — профессор-юрист Киевского университета.

[25] Довнар-Запольского.

[26] Любавский М.К. (1860-1936), Кизеветтер А.А. (1866-1933) — профессора Московского университета.

[27] Имеется в виду Историческое общество Нестора-Летописца, существовавшее при Киевском университете с 1872 г.

[28] «Русская история в очерках и статьях» под редакцией М.В. Довнар-Запольского вышла в трех томах в Москве и Киеве в 1909-1912 гг. В третьем томе (Киев, 1912) Сташевским написаны очерки: «Служилое сословие», «Экономическая политика Московского государства в XVI-XVII вв.», «Бюджет и армия», «Народные волнения в Московском государстве»; П.П. Смирновым: «Посадские люди Московского государства», «Экономическая политика Московского государства в XVII в.».

[29] Гневушев А.М. (1882-1920) — выпускник Киевского университета, ученик Довнар-Запольского, известный историк-экономист.

[30] С.В. Смирнова — жена П.П. Смирнова.

[31] Второй том книги М.М. Богословского «Земское самоуправление на русском Севере в XVII в.» вышел в 1912 г. в Москве.

[32] Историко-этнографический кружок при Киевском университете был основан Довнар-Запольским в 1903 г., просуществовал до 1920 г. Членами кружка были Сташевский, Смирнов, Гневушев и другие позднее известные историки.

[33] Защита состоялась 17 ноября 1913 г. На кафедру русской истории университета Сташевский был избран только весной 1915 г.

[34] См. документ № 5 настоящей публикации.

Бубнов Микола Михайлович (1858-1943)

Історик-медієвіст, професор і декан історично-філологічного факультету Університету св. Володимира.

Народився 21 січня 1858 р. у Києві в сім'ї купця; у 1865 р. разом з родиною переїхав до Петербурга. Закінчив училище св. Анни (1866-1868) та III-ю гімназію (1869-1877) у Санкт-Петербурзі. Навчався на історично-філологічному факультеті Петербурзького університету (1877-1882), учень всесвітньо відомого візантолога і медієвіста академіка В.Г. Васильєвського. За конкурсний твір «Авит, епископ Вьенский как представитель галлоримского населения в бургундском государстве (V в. от Рождества Христова)» нагороджений золотою медаллю (1881); залишений в університеті для підготовки до професорського звання. У 1882-1885 рр. відбув закордонне відрядження з метою архівних досліджень та праці в бібліотеках Німеччини, Австрії, Франції, Англії, Італії, Швейцарії, Бельгії. Зібрав рукописне листування Герберта (Папи Сильвестра II) X ст. й розшифрував його тайнопис, провів датування 219 листів. У 1888-1890 рр. опублікував тритомник «Сборник писем Герберта (983-997) как исторический источник. Критическая монография по рукописям». У травні 1891 р. захистив працю в Петербурзькому університеті, автор удостоєний відразу докторського ступеню (поминувши магістра). 1893 року видання здобуло повну Макаріївську премію Академії наук. 1890-1891 рр. — викладач Вищих жіночих курсів у Санкт-Петербурзі.

Червень 1891 р. — обраний професором стародавньої історії Університету св. Володимира. 11 вересня 1891 р. розпочав виклади в Києві публічною лекцією «О значении римской истории во всемирной». З 1903 р. викладає історію середніх віків. У 1905-1919 рр. — чотири терміни підряд обирався й був деканом історично-філологічного факультету; 1894-1902 рр. — гласний Київської міської думи, завідувач міської публічної бібліотеки, голова комісії з електрифікації Києва. 1906 р. — делегат Університету св. Володимира на з'їзді професорів по виробленню нового університетського статуту. 1913 р. — делегат на Лондонському конгресі істориків; порушив питання про допущення російської мови як мови наукових доповідей на конгресі.

Свідок революційних подій, реорганізацій та життя в Університеті св. Володимира 1917-1919 рр. У листопаді 1919 р. виїхав до Одеси, а згодом емігрував до Югославії, де отримав посаду професора історії стародавнього світу в Люблянському університеті (Словенія).

Наукові дослідження Бубнова присвячені середньовічній історії Франції, історії Папства та історії науки. Найбільшим науковим здобутком вченого є дослідження діяльності Герберта — першого Папи Римського з французів, відомого під ім'ям Сильвестра II. Окрім збірок його листів, історик опублікував трактати Герберта з математики, обчислювальну таблицю та ін. 1913 р. на Міжнародному конгресі історичних наук у Лондоні Бубнов виголосив доповідь про виникнення й еволюцію «легенди Герберта».

Основні праці: «Сборник писем Герберта как исторический источник» (Т. 1-3. 1888-1890. 1450 с.), «О значении римской истории во всемирной» // Университетские известия. 1891. № 11; «Герберта, позже Сильвестра II Папы сочинения по математике» (1899), «Оригинальный текст брошюры Герберта о таблице счисления» (1911), «Пособие по методологии истории» (1911), «Арифметическая самостоятельность европейской культуры. Культурно-исторический очерк» (1908), «Происхождение и история наших цифр» (1908), «Подлинное сочинение Герберта об Абаке» (1911), «Абак и Боэций. Лотарингский научный подлог XII в.» (1912), «Древний Абак — колыбель современной арифметики» (1912), «Gerberti Opera mathematica» (1908), «Ученые права русского языка. В защиту равноправия русского языка на международном историческом конгрессе» (1913), «Происхождение современного счисления» (1913).

Автор мемуарів: «Kijevski Univerzitet pod boljševicima», «L'Universite de Kiev sous le rìgime Sovietique» (1929).

Архів: ЦДІАК, ф. 837, 127 од.зб.

Література: Толстой И.И. Воспоминания 1905-1906 гг. // РГБ. ОР, ф.218, №12405; Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 8. С. 366-367; *Parisot Robert.* Le professeur Nicolas Boubnov // Revue internationale de L'enseignement. 1929. №5/6 P.129-130; *Дорошенко Н.М.* Философия и методология истории в России (конец XIX-XX века). СПб., 1997. С.137-144; *Стельмах С.* Історична думка в Україні XIX — початку XX століття. К., 1997. С.142-145.

Сага о правой профессуре Университета св. Владимира

Вступление

Под сагой в науке истории разумеется рассказ, имеющий в своей основе воспоминание о действительно бывшем событии, но настолько искаженный молвою, что на нем почти нельзя ничего строить для восстановления этого события. Под это определение, в известной степени, подходит и то, что русское интеллигентное общество могло вычитать из многочисленных газетных статей по делу Сташевского, с тем однако выгодным отличием, что в них гораздо легче отделить искажения от действительности. Дело происходило много позже Ромула или Владимира Святого, главное действующее лицо, а также и другие действующие лица саги находятся еще в живых, и о нем имеются другие, чисто документальные сведения. Если бы острие саги было направлено исключительно против Сташевского, позволившего себе брать из московских архивов документы на дом, увезшего некоторые из них из Москвы и возвратившего их по требованию администрации архивов после обнаружения исчезновения одного из них, то слово в данном случае принадлежало б самому г. Сташевскому. К сожалению, в некоторых версиях саги ее главный герой почти отодвинут на второй план, и на первом плане находится Университет св. Владимира, его ректор Н.М. Цытович, какие то группы «правых профессоров», в числе которых некоторые изводы рассказа упоминают меня, либо в качестве декана историко-филологического факультета, к которому принадлежал Сташевский, либо даже по фамилии, а рядом со мною еще проф. Голубева и Ардашева. Все эти лица выставлены, если не пособниками, то укрывателями, или, по крайней мере, защитниками деяния Сташевского или его самого. Где-то в глубоком тылу за правду борются «академик» Веселовский, «профессор» Данилевич и, наконец, действительно профессор Довнар-Запольский, относимые, повидимому, к «левым», но усилия их напрасны. Не только на факультет, порядок ведения в нем дел, но и на весь университет набрасывается густая тень. Поэтому, как представитель факультета, уже трижды удостоенный товарищами избрания в деканы, как человек в высшей степени дорожащий общественным мнением, как свидетель, на глазах которого проходила вся ученая карьера Сташевского, и, наконец, как профессор, который к той партии, в какую его записала легенда, не принадлежит, и который, даже если бы к ней и принадлежал, то не был бы в состоянии принести правду в жертву партии, я не могу молчать и считаю своим долгом саге, этому «милому», но сомнительного поведения «созданию», противопоставить «матушку правду». Предыдущие строки, а также и все следующее, начиная с 1 главы, написаны мною еще в феврале 1917 г., т. е. еще до государственного переворота. С того времени события пошли таким темпом, а партии стали эволюционировать с такою сказочною быстротою, что речь о партийности в том виде, в каком она ведется в предыдущих и нижеследующих строках, кажется наивным анахронизмом.

Глава I Восстановление основных черт «саги»

Если суммировать то, что сообщалось в «Русском Слове» 1) 11-го января, 2) 12 января, 3) 18 января, 4) 24 января, «Киевской Мысли» 5) 16 января, 6) 17 января, 7) 18 января, 8) 3 февраля, 9) 5

Микола Бубнов у робочому кабінеті. Початок XX ст.

февраля, «Русской Воле» 10) 25 января, «Новом Времени» 11) 4 февраля, «Киевлянине» 12) 6 февраля, «Биржевых Ведомостях» 13) 10 января, 14) 11 января, 15) 23 января, «Речи» 16) 22 января, 17) 29 января, «Дне» 18) 4 февраля, то получается следующий колоритный и особенно поучительный для юношества рассказ. Восстановляя его черты, я буду повсюду, где надо, указывать цифрами в скобках на перечисленные только что восемнадцать моих источников.

Есть в России, к сожалению, Университет, в котором преобладает правая партия, это Университет св. Владимира. Лишенная всякой совести, она все оценивает с партийной точки зрения и по тем же партийным соображениям готова покрывать любого преступника, лишь бы только он был правый. Правыми там заведует ректор Цытович, декан Бубнов, проф. Голубев и Ардашев (4, 10). К счастью, однако, в том же университете есть и левые, борющиеся за правду, но ничего из этого не выходит. К ним принадлежит проф. Довнар-Запольский, «профессор» Данилевич, а из Москвы им помогает «академик» Веселовский (3, 6). Что правая партия проделывает в университете, это ясно иллюстрируется делом Сташевского. Учился он неважно, но главное, что было нужно, сделал: женился «на дочери известного обскуранта», правого, конечно, А.Я. Антоновича (3), а потому «благодаря влиянию тестя был оставлен при университете» (6) для приготовления к профессорскому званию. Командированный в Москву для ученых занятий в архивах, Сташевский придал своим занятиям характер, правда, предосудительный, но для «правого» университета очень приятный. Положим, что он украл «документы безмерной исторической ценности» (2). Нужды нет: за то в их числе находился документ «об ограничении царской власти», царя ли «Михаила Феодоровича (1, 13) или же Алексея Михайловича» (2), сага в точности не знает, да это и не важно. В диссертации Сташевского, посвященной царствованию Михаила Феодоровича «нет ни одной цитаты из украденных документов», и «вообще научной надобности в похищенных листах г-н профессор не имел» (2). «Достоверно известно, что похищенные документы ни в каких работах (Сташевского) не цитировались» (13). Он сделал это «с какими-то неведомыми целями» (14). «Вопрос о мотивах хищений исторических документов щекотлив для публичной беседы» (13). «Профессору, похитившему документы последние не нужны были для срочной работы» (13). Однако умолчание в сочинении о Михаиле Феодоровиче об ограничении его власти или вообще власти русских царей боярами показывает ясно, что тут имелось в виду сокрытие этого для правых, конечно, неприятного документа. Остается невыясненным, не дублировал ли Сташевский в данном случае мотив своих действий еще и корыстными соображениями. Легко догадаться, сколько заплатили бы правые сферы, если бы Сташевский, найдя впервые (до него, надо заметить, ни один из русских ис-

ториков этого документа не находил и не видел) подобный документ, явился в Петроград для выгодной сделки по сокрытию. Во всяком случае, Сташевский выполнил довольно неожиданно для себя важную «правую» миссию. Степень магистра русской истории, а потом и профессорская кафедра в «правом» университете оказались у него заранее в кармане. «Диссертация Сташевского была признана специалистами слабой» (3). Но напрасна была «уничтожающая критика академика Веселовского, профессора Данилевича и профессора Довнар-Запольского» (6), не помогло и то, «что не менее резко в Киевских Университетских Известиях» (6) о ней отозвался тот же Д.-З. «По особому ходатайству правых профессоров, а также в интересах момента (юбилей 1613 года династии Романовых) она была допущена к защите, во время которой было доказано полное невежество Сташевского. Тем не менее факультет удостоил Сташевского искомой степени, предполагая, что кафедры он не займет» (3). «Однако вскоре началась кампания правой профессуры в пользу Сташевского. Кампания увенчалась полной победой Сташевского. Кафедра предоставлена Сташевскому в ущерб «крупному ученому Данилевичу») (3). Слухи о краже ходили, по одной версии, «до защиты диссертации» (3), по другой, только до «избрания» на кафедру (13), но за то по этой последней до избрания было получено и официальное письмо г. товарища министра В.Т. Шевякова, в котором заключались уж не слухи. Но эта версия передает сагу с очевидными граммофонными перебоями. Так, тут проведение Сташевского приписывается не только правым вообще, но во главе последних рядом с Цытовичем работает, оказывается, и Д.-З., что есть очевидная нелепость. Роль проф. Довнар-Запольского по этой версии какая-то загадочная: она передает слухи о том, «что в последнее время произошли нелады между проф. Сташевским и одним из профессоров, ранее покровительствовавших Сташевскому», а такие нелады произошли, как увидим ниже, у Сташевского именно с Довнар-Заполь-

Микола Бубнов у своєму кабінеті. Початок XX ст.

ским. Но далее та же версия возвращается, очевидно, в правильное русло, когда повествует: «В виду необходимости провести Е.Д. Сташевского в профессора университета и тем усилить правую группу, проф. Цытович не передал этого дела на рассмотрение совета профессоров, и Е.Д. Сташевский был избран профессором киевского университета» (13). Однако «правым» не удалось успокоиться. Вскоре их усилия понадобились для того, чтобы выручать Сташевского из беды, при чем сначала с чисто сатанинской хитростью и злорадством работает Цытович (ректор), а потом, когда пожар перешел в печать, в качестве тушильщиков пожарных ему начали помогать правые группы, руководимые Бубновым, Ардашевым и Голубевым. Против них зашевелились и левые, но об именах сага умалчивает.

В ноябре 1915 года в Саратове, куда был эвакуирован университет, было получено ректором официальное письмо товарища министра народного просвещения В.Т. Шевякова (1, 8), которое появилось текстуально в «Киевской Мысли» 4 февраля 1917 года, т. е. ранее, чем хлопотавший о разрешении опубликовать его ректор получил желаемое разрешение. В нем о Сташевском сообщалось, что он взял без разрешения из архива Мин. Иностр. Дел в Москве документы, при чем на некоторых имелся штемпель архива и следы того, что они были вырезаны из связки, и возвратил их только после того, как исчезновение было обнаружено. Кончалось оно предложением сообщить об этом совету университета. Но ректор все это скрыл, несмотря на то, что дело было очень спешное, так как письмо В.Т. Шевякова в одной из версий саги превращено в «телеграмму» (10). Мало того, что сам Сташевский поехал в Петроград хлопотать в Министерстве, туда же и затем же поехал и ректор Цытович и «просил Министра разрешить не ставить этого на обсуждение совета в виду неизбежного скандала и раскаяния Сташевского» (13). Туда выезжали и другие киевские профессора (1). Проф. Голубев выезжал в Москву, сопровождая Сташевского при возвращении им до-

Микола Бубнов на відпочинку. Початок XX ст.

кументов, а проф. Голубев отец известного студента, союзника (2, 13) Голубева, и потому его роль по отношению к Сташевскому совершенно в порядке вещей. Впрочем, Сташевский только «часть их отвез обратно в архив» (13). Так было выиграно время. Хлопоты Сташевского в Петрограде оказались успешными. Министр «ограничился выговором и выдал ему официальную бумагу, в которой было сказано, что министр ограничился выговором и считает инцидент исчерпанным» (4). «Профессора (левые?) требовали созыва совета, но Цытович упорно отказывался. Попытки группы профессоров созвать частное совещание были также безуспешны» (4). Цытовича в этом поддерживала «группа правых профессоров» и в частности «Бубнов, Ардашев и Голубев всячески противились» (10). Во время поездки в Саратов весной 1915 г. по делам министерства В.Т. Шевяков беседовал по этому делу с ректором и деканом (т. е. Бубновым), которые высказались в том смысле, что они «опасаются окончательно погубить ученую карьеру молодого профессора» (1). После этого последовал запрос в Министерство Иностранных Дел, которое ответило, что все документы в сохранности, и потому дело это было окончательно прекращено (1). Сташевский, оказывается, «прислал обратно не только все документы, которые считались исчезнувшими, но и ряд других, пропажа которых еще не была обнаружена» (1). Повидимому, окончательное торжество «правых» и, надо думать, архивов, которые, можно сказать, дешево отделались. Оставалось только ожидать опубликования замечательного документа об ограничении царской власти, возвращенного, должно быть, Сташевским вместе с другими. Дальнейшие разговоры о Сташевском могли бы, повидимому, исходить по жалобе архивов от прокурора и повести к отдаче его под суд, который и определил бы, совершил ли Сташевский то, в чем его обвиняют, что он именно совершил и какую имел при этом цель. В виду сознания и раскаяния подсудимого, присяжным осталось бы только определить, вменить ли ему по совести содеянное в вину. Но архив не жалуется, прокурор не выступает, интересный документ о царской власти так и не появляется.

Вместо него появляется другой, не менее трудно уловимый документ. Это записка группы ученых «профессоров» (13) или даже «московских профессоров» (14) под заглавием «Позор наших университетов» (13), возбуждавшая вновь затихшее было дело Сташевского и предназначавшаяся для подачи в министерство и в совет всех университетов (1, 2, 6, 7, 13). До совета киевского университета она не дошла. Не поступала она и в Министерство (1). Но в редакцию «Биржевых Ведомостей» (13) она попала. Она поэтому называется «известным выступлением группы московских ученых» (6), и из нее вычитывается, что авторы ее «отвечают как то уклончиво и загадочно на вопрос» о мотивах хищения. «Московские профессора жалуются на то, что мы плохо охраняем архивы» (13, 14) и что «похитил профессор» (13, 14). Имена составителей остаются, впрочем до сих пор неизвестными. Партийность их не определяется, во всяком случае, это не «правые». Этим актом начинается третья часть жития «иже во правых профессора нашего» Сташевского. Если до сих пор «правые» вели «кампанию» для проведения Сташевского в профессора, а потом для удержания его на кафедре, то теперь не «правые» начинают кампанию для низведения его с ней. Именно эта записка была сигналом для пышного расцвета той саги, которая появилась в указанных выше газетных статьях и которая только что восстановлена в своем цельном виде. Конечно, «правые» профессора Цытович, Бубнов, Ардашев, Голубев и другие делали всевозможные попытки «потушить скандальную историю с проф. Сташевским», но неудачно (4). Ректор вновь поехал по этому делу в Петроград. Но скандал разростался и «группа профессоров обрати-

лась (в его отсутствие) к проф. Ясинскому» (10). Пришлось созвать совет. «Правый проф. Бубнов пробовал смягчить отношение совета к Сташевскому, но успеха не имел» (10). «Совет» пришел к решению, что Сташевский не может оставаться в числе профессоров, и Сташевский подал в отставку.

Мораль же всего этого рассказа обращена не к виновнику этой прискорбной истории, а к тем же воображаемым правым. «Правые друзья, правые профессора, правые организации, правые деятели. Эпоха Кассо приучила нас ко всему... лишний штришок университетского разложения» (2). Это своеобразный «правый» патриотизм. В деле профессора Сташевского «похищение документов так переплелось с патриотизмом, что никак нельзя отличить, где начинается патриотизм и где заканчивается уголовщина» (18). К этому всему Меньшиков в «Новом Времени» от 4 февраля (11) прибавил весьма таки длинный «штришок», посвященный анализу брошюры какого-то никому неизвестного И.Л. Цытовича под заглавием «Высшее государственное попечительство». Внимание, которое этот известный публицист уделяет этой более, чем странной, брошюре, объясняется тем, что автор «принадлежит к киевской профессорской семье», а сама брошюра издана «в университетской типографии». Г. Меньшиков, очевидно, думает, что автор ректор Киевского университета Н.М. Цытович, но, боясь впасть в ошибку, говорит об авторе околицей. Телеграмма в «Киевскую Мысль», в погоне за новым «штришком», переделала И.Л. в Н.М. Ректору нетрудно было опровергнуть это измышление (12).

Глава II
Действительность

Борьба с сагами одна из священнейших обязанностей историка. В качестве такового, я не раз выступал в своих сочинениях в виде сагоборца. Должен признаться, что борьба часто бывает

На гойдалці. Початок XX ст.

очень трудна, и некоторые саги переживают благополучно, несмотря на всю свою нелепость, самые прочные государства. Мне понадобилось несколько томов, чтобы опровергнуть сагу об изобретении нашей арифметики и цифр, а в том числе и нуля, индусами и передачи всего этого арабами в 12 в. в Западную Европу, которая до этого будто бы ни с чем подобным не была знакома. Другие саги, как например, сага о венгерской короне св. Стефана, потребовали гораздо менее труда. Я не думал, что мне придется для борьбы с сагами покинуть отдаленные века и перейти в наше время. Рад, что для этого мне не понадобилось никаких трудных изысканий, и вместо томов нужно лишь несколько страниц. Для этого достаточно моих личных воспоминаний и, что еще приятнее, непреложного свидетельства находящихся в моих руках документов. Кроме того, точность моих личных воспоминаний может быть проверена в большинстве случаев воспоминаниями членов факультета в числе около 15 и других профессоров. Их молчание будет доказательством правдивости воспоминаний.

Вся сага построена на «правизне» ее главного героя Сташевского. Правизна его находится, повидимому, в связи с его женитьбой на дочери А.Я. Антоновича. Брак этот рассматривается, кажется, как еще одно лишнее доказательство предполагаемого сагой общеизвестным факта его принадлежности к «правым» профессорам. Но дело в том, что нам, членам киевского университета, кроме разве только что упомянутого факта семейной жизни Сташевского, неизвестно ни одной речи, ни одного выступления Сташевского, которое давало бы право относить его к правым. Людям, его близко знавшим, бросалось в глаза его полное равнодушие к политическим программам. Его же суждения о текущих событиях заставляли, наоборот, предполагать, что если бы даже политические убеждения и можно было давать в виде приданного за дочерью, то они были заботливо положены в сэф какого-нибудь банка, до надобности в них, каковой однако до сего дня не представилось. Что же касается в частности вопроса о царской власти, то нам известна его юбилейная речь в Обществе любителей социальных знаний, в которой он доказывает положение о фактическом, а не юридическом, т. е. невыразившемся ни в каком документе ограничении власти Михаила Феодоровича боярской думой. Этот взгляд он развивает и в своей магистерской диссертации, для которой ему будто бы, по саге, не нужно было документа об ограничении власти Михаила Феодоровича. Немудрено поэтому и то, что до получения Сташевским магистерской степени включительно о нем заботились не правые, как передает сага, и не тесть, а ненаходящийся с ним ни в какой родственной связи проф. Довнар-Запольский, по легенде будто бы левый. Именно проф. Д.-З. представил его 23 мая 1908 г. к оставлению при университете, ссылаясь в своем доложенном факультету уже 24 мая и удовлетворенном ходатайстве на его «выдающиеся успехи», на «широкие познания в предмете», на два его печатных (уже на студенческой скамье) труда, за один из которых (по рецензии Д.-З.) ему была присуждена факультетом золотая медаль, на подготовку им к печати еще трех трудов. По словам ходатайства Д.-З., «все эти труды дают основание видеть в начинающем ученом богатые дарования, базированные на прекрасном знакомстве с литературой предмета, с источниками и на широком общем образовании. Сочетание всех этих качеств редко встречается на студенческой скамье. Прибавляю, что Сташевский уже опытен в архивных изысканиях (sic), ибо занимался в Московском архиве Министерства Юстиции для своих работ».

Согласно постановлению факультета, утвержденному Попечителем 20 ноября 1908 г., Сташевский был оставлен при университете, а в следующем 1909 г. командирован в Москву для занятий в архивах. Еще задолго до истечения двухлетнего срока пребывания Сташевского в качестве профессорского стипендиата, т.е. до 20 ноября 1910 г., а именно 30 апреля 1910 г., проф. Д.-З. вошел в факультет с новым ходатайством об оставлении Сташевского при университете еще на третий год с продлением стипендии, заверяя, что «С. около трех лет с большим успехом занимался в московских архивах (sic!), о чем свидетельствуют не только его отчет факультету, но и печатные труды», которых Д.-З. насчитывает уже целых 7. Это было как раз в то время, когда С. совершил то, в чем его теперь обвиняют.

Выдержав при факультете, и в частности у проф. Д.-З. магистерские испытания и прочитав одобренные проф. Д.-З. и факультетом две пробные лекции, С. был, согласно прошению и постановлению факультета, утвержден Попечителем в звании приват-доцента 24 сентября 1912 г., а 17 ноября 1913 г. уже защищал свою магистерскую диссертацию «Очерки по истории царствования Михаила Феодоровича» перед факультетом и многочисленной публикой. Официальными оппонентами были назначены

Микола Бубнов з сином Володимиром. Початок XX ст.

проф. Д.-З. и приват-доцент Данилевич, т. е. тот самый, которому в саге присваиваются титулы «крупный ученый» и «профессор». За несколько лет перед этим он был приглашен факультетом из Харькова в качестве приват-доцента. Из этого видно, что факультет ценил обширные познания Данилевича и, если Данилевич не был тогда же избран профессором, то только потому, что у него не было магистерской диссертации, без которой, как известно, нельзя быть даже исправляющим должность экстраординарного профессора. Факультет долго ожидал этой диссертации. Я несколько раз справлялся у Данилевича о ее судьбе, но нездоровье, преподавание и разные неблагоприятные обстоятельства мешали ее написанию. Неофицильными оппонентами были назначены уважаемый заслуженный проф. нашего университета, академик Иконников, который отказался по болезни глаз выступить официальным, и приват-доцент Смирнов. К диспуту С. был допущен факультетом исключительно на основании рецензии проф. Д.-З., который написал не две уничтожающие рецензии, как утверждает сага (одну в Университетских известиях, а другую неизвестно где: это известный историкам в сагах прием удвоения), а всего только одну и при том нисколько не уничтожающую. Она напечатана, как и другие, в Университетских известиях за октябрь 1914 г. и кончается словами: «Признавая за книгой г. С. серьезные недостатки, я все же вижу в ней и положительные стороны. Они заключаются в богатом архивном матерьяле, привлеченном к разработке темы; общие выводы достаточно обоснованы, хотя их и можно иногда оспаривать и, наконец, нахожу в книге ряд отдельных экскурсов, можно сказать, блестяще развитых, обоснованных и доказанных. Посему я полагаю возможным рекомендовать факультету допустить сочинение С. к защите в качестве диссертации на степень магистра русской истории». Резкая критика на книгу С. вышла из под пера известного московского ученого Веселовского (напеч. в Ж. Мин. Нар. Пр.), но во всяком случае пока еще не академика, как это

для вящей убедительности понадобилось саге, написавшей, очевидно, диссертацию и за Данилевича, а потому и его повысившей в «профессора». Уничтожающего направления критика была представлена Данилевичем, нашедшем «книгу С. решительно неприемлемой в качестве диссертации». В виду такого противоречия, факультет нашел нужным обратиться за отзывом к академику Иконникову, который в своем ответе выразился довольно сдержано: «не могу высказаться вполне против принятия его работы». Принимая в соображение совокупность работ С., факультет стал на сторону Д.-З. и принял диссертацию. Из четырех оппонентов на диспуте резко нападал на С. только Данилевич, проф. же Д.-З. в общем высказывался даже благоприятнее, чем в своей рецензии. Никакого «глубокого невежества» саги на диспуте обнаружено не было, как нет ее и в книге, которой свойственны другие недостатки, отмеченные в рецензиях. 24 января 1914 г. совет без затруднения утвердил С. в степени магистра.

Однако проф. Д.-З., сделав С. магистром, не захотел признать юридических последствий этого своего поступка: права С. конкуррировать на звание профессора, так как Министерство обыкновенно допускает к конкурсу не только докторов, но и магистров. Очень уж поредели ряды русских докторов, и точное применение устава привело бы к еще большей незамещенности кафедр. Он говорил мне, что он обязал С. приобрести предварительно степень доктора. Я, признаться, усомнился, как в его праве давать подобные «заветы», так и в возможности приведения в исполнение этого «завета». Между тем кафедра русской истории была уже несколько лет вакантной (вторая), один конкурс кончился ничем, диссертация Данилевича не появлялась. Факультет решил объявить второй конкурс 10 марта 1914 г. На конкурс явились преподаватель Нежинского института Г.А. Максимович и С., оба магистры. С этих пор отношения между проф. Д.-З. и его, как он любил выражаться, «любимым учеником» стали сильно портиться. Для всех было яс-

Микола Бубнов з сином: фізичні вправи. Початок XX ст.

но, что Д.-З. против профессуры С. И не подлежит ни малейшему сомнению, что если бы Д.-З., председатель назначенной для рассмотрения трудов конкурентов комиссии, в которую кроме Д.-З. были избраны Данилевич и проф. Голубев, известный своими трудами по западно-русской истории ученый, выступил энергично против кандидатуры С., то он не был бы проф. киевского университета. Но ни в комиссии, ни в факультете Д.-З. против С. не выступал. В противоположность двум другим членам комиссии Голубеву, представившему ряд благоприятных отзывов о трудах С., и Данилевичу, который был против С., Д.-З. никаких новых рецензий на труд С. не представлял, ссылаясь на свои прежние, как мы видели, в общем благоприятные С. отзывы. Гораздо более однообразный, но за то и довольно таки сероватый тон преобладал в отзывах всех трех членов комиссии о трудах Максимовича, о которых имеется в деле и специально для комиссии написанная записка проф. Д.-З. Заслуживает полного признания попытка Д.-З. дать сводное выражение в сводном протоколе комиссии тому, что между собою непримиримо. Проф. Д.-З. старательно избегает в этом сводном протоколе сказать, что-нибудь такое, что дало бы возможность факультету узнать его личное мнение о двух кандидатах. При баллотировке в комиссии проф. Д.-З. подал голос за обоих кандидатов, хотя и было ясно, что для него нежелателен ни тот ни другой: С. получил два голоса (Голубева и Д.-З. против Данилевича), Максимович все три голоса. В факультет комиссия представила обоих. Все мои попытки во время факультетского заседания побудить проф. Д.-З., как официального представителя кафедры, высказаться определенно по поводу обоих кандидатов не привели ни к чему. Закрытой баллотировкой оказались избранными оба кандидата (С. 8 против 5, М. 7 против 6), но согласно § 101 унив. уст. кандидатом факультета считается избранный большим числом голосов, а потому вскоре после этого заседания, происходившего 15 дек*абря* 1914 г., мною все дело было передано ректору для доклада совету. В феврале 1915 г. С. был, безо всяких с чьей-либо стороны возражений, избран в совете на должность проф*ессора* русской истории. Отсюда ясно, насколько основательны утверждения саги о какой-то роли правых в ученой карьере С. Если кому С. обязан своей карьерой, кроме самого себя, то исключительно сначала решительности Д.-З. в содействии, а потом нерешительности в противодействии, а Д.-З. изображается сагой левым.

Абсолютно никому из членов факультета 15 дек*абря* 1914 г. не было ничего известно о содеянном С. в московских архивах. В заседании совета в феврале 1915 года был только один человек, который на Рождестве 1914 г. узнал кое что об этом в Москве, и этим человеком был тот же Д.-З. Однако он ничего не заявлял об этом ректору, в ведение которого перешло все дело, как председателя совета. Правда, за день или за два до заседания совета ко мне, в то время по болезни из дому невыходившему, явился проф. Д.-З. и, после долгих сетований на С., невыполнившего обязательства, наложенного на него его учителем (не выступать конкурентом на кафедру до получения докторской степени) и поздних сомнений в его пригодности для кафедры, уже прощаясь, передал мне в виде слуха о предосудительном поведении С. в московских архивах. Слух этот, после долгого личного знакомства с С., сначала как с учеником, а потом как с младшим товарищем, после прекрасных отзывов о нем его ближайшего учителя Д.-З., показался мне не более, как агитационным приемом, жертвой которого мог сделаться и сам Д.-З. Я рекомендовал ему побеседовать с ректором, а о себе заявил, что до более осязательных доказательств не могу изменить своего отношения к С. Но Д.-З. заявил, что доказательств у него пока нет. По болезни я не был на заседании совета и голос свой передал.

Микола Бубнов з сином у Копенгагені. 1914 р.

К сожалению, то, что сообщал мне Д.-З., оказалось справедливым. В первых числах октября 1915 г. проездом через Москву в Саратов, куда был переведен университет св. Владимира, я вновь услышал о том же из других источников, тоже в виде слуха, а в ноябре, уже в Саратове, было получено ректором упомянутое выше письмо В. Т. Шевякова, которое слухи превратили в достоверность. Ректор не только не думал скрывать этого письма, что было бы преступлением по должности и для чего у него не могло быть никакого повода, так как С. был для него, как члена другого факультета, всего лишь недавний и очень мало ему известный профессор, но немедленно же сообщил о нем мне и некоторым другим членам совета. Поручение же довести о поступке С. до сведения совета оказалось реально невыполнимым, так как в Саратов были переведены только три факультета . (кроме медицинского), а совет состоит по уставу из профессоров всех факультетов. Разрешение созывать совет по некоторым делам было получено в Саратове только 25 января 1916 г., и, следовательно, до этого времени ректор не мог выполнить поручения г. Товарища Министра. Между тем С. около этого же времени отправился сам в Петроград для дачи объяснений в Министерстве и, возвратившись оттуда, доложил ректору, что Министр сделал ему выговор, но вместе с тем, что Министр пришлет скоро бумагу об этом и о том, что в виду сохранности всех документов, бывших у С., считает этот инцидент исчерпанным. В виду некоторой задержки в получении этой бумаги, ректор предупредил С., что он вносит его дело в повестку следующего заседания совета. Однако, 17 февраля 1916 г. было, дейст-

вительно, получено письмо Министра указанного выше содержания. Это избавляло совет от рассмотрения дела, по уставу его компетенции не подлежащего. Никаких постановлений по делам, подобным делу С., совет выносить не может, и они были бы, во всяком случае, ни для кого не обязательны. Быть уволенным профессор может только по собственному прошению или по предложению Министра, а не совета. С этого времени дело было официально прекращено. Абсолютно никто не требовал созыва совета у ректора по этому делу и не мог требовать. Ректору поэтому и не было никакого повода кому-то в чем-то по данному делу отказывать, как это утверждает сага. Абсолютно никто из воображаемых «правых» по этому делу в Петроград не ездил и никаких разговоров в этом отношении по собственной инициативе ни с кем из представителей министерства не имел ни до получения письма министра, ни тем паче после его получения. После письма министра «правые» саги должны были потирать себе руки от удовольствия. Левым же саги такое решение должно было быть очень неприятно, и у них, действительно, был повод хлопотать о возобновлении дела. И действительно доподлинно известно, что в этом именно смысле беседовал после прекращения дела с одним видным в министерстве лицом, как в Петрограде, так и в Саратове один из «левых» саги, именно проф. Д.-З. Ректор же был в Петрограде в конце 1915 г. исключительно для доклада об эвакуации Университета в Саратов и о его там положении, а также для других чисто университетских дел, между прочим и для ускорения разрешения созывать совет в составе трех всего факультетов.

В ноябре 1915 г., немедленно после получения письма г. Товарища Министра Нар. Просв. Шевякова, С. явил-

Микола Бубнов з родиною та знайомими. Кінець XIX ст.

ся ко мне, как декану, для выяснения своего положения. Я поставил ему вопросы: 1) какого характера были документы, которые он брал из архива Мин. Иностр. Дел (в письме В.Т. Шевякова говорилось только об этом архиве); 2) все ли они им возвращены. На второй вопрос я получил утвердительный ответ. На первый вопрос С. ответил мне, что: «по своей форме и содержанию документы представляли отписки членов областной администрации начала 17 века о недоборе кабацких, таможенных и других денег, была одна отписка новгородского воеводы о челобитии новгородских посадских людей о разорении и приговор о мирских разрубах податей. Документов с иным историческим или историко-государственным значением не было». Я усмотрел из этого показания, что у С. не могло быть при совершении его деяния ни каких других мотивов (ни корыстных, ни каких-нибудь других: мотив политический о каком то документе выдвинут был сагой много позднее, крайне неудачно, и в то время не мог мне приходить в голову), кроме удобства пользования документами и, может быть, лишения других ученых возможности воспользоваться ими до него. Я увидел в поступке С. один лишний пример (в придачу к известным мне, как историку, уже и ранее примерам) страстной охоты историков за документами в архивах, приводящей иногда к таким печальным явлениям, как увоз документов и подвергание их большой опасности в смысле сохранности вне архивных или библиотечных помещений. Полученное мною специальное образование и совесть не позволяли мне в то время видеть здесь что-нибудь похожее на похищение «самовара у купца Абдулина» (2). Это есть недозволенное, крайне предосудительное и опасное пользование документами, теряющими для воспользовавшегося ими впоследствии всякий интерес, в том числе и интерес владения ими. Я отнесся с большим осуждением к поступку С. и советовал ему чистосердечно изложить все дело в совете, когда он будет созван, пережить это унижение в наказание за свое деяние, и в случае, если товарищи отнесутся к нему с снисхождением, своей дальнейшей деятельностью загладить память о совершенном. В заключение, я ему сказал, что мне было бы жалко, если бы инцидент повлек за собою прекращение им научной деятельности. В этом смысле я по собственной инициативе написал частное письмо г. Товарищу Мин. Нар. Просв. Шевякову и изложил в нем свою точку зрения на поступок С. Ни ранее того, ни позже, ни в Петрограде, ни в Саратове я не беседовал по этому вопросу ни с кем из представителей Министерства.

Единственная беседа по этому вопросу делового характера была у меня уже после официального прекращения дела с представителями Министерства и не по моей инициативе, а по инициативе проф. Д.-З. и с ним. Он явился ко мне в марте 1916 г. в мою саратовскую квартиру и предложил мне вопрос, что я как декан, намерен предпринять относительно С. Я его познакомил с новым поворотом всего дела и заявил ему, что, и помимо этого нового поворота, выступление с подобного рода делами против кого бы то ни было, а тем более против члена своего факультета, мне не по душе, и что я рад тому, что в мои деканские обязанности оно и не входит. Я изложил ему свою точку зрения на поступок С., ту самую, которая выяснена выше. Но проф. Д.-З. стоял на другой точке зрения. Он видел здесь «позор наших университетов» и в частности для самого себя, как учителя С. и рекомендовавшего его будто бы в архивы. Он говорил мне вместе с тем, что все это дело может сделаться достоянием печати. Я просил его не подавать для этого повода, указывая ему, что в виду крайне натянутых с момента выступления С. в качестве конкурента на кафедру между ним и «его любимым учеником» отношений в этом могут видеть и личный мотив, а главное, что печатные разобла-

чения могут не удержаться в должных границах и превратиться в поход против всего университета, как оно в действительности и произошло. Как эту свою беседу с проф. Д.-З., так и предыдущую до избрания С. советом в проф., я излагал в собрании профессоров университета в янв*аре* 1917 г., после открытия печатного похода против Университета св. Владимира, в присутствии самого проф. Д.-З., и никто не слыхал, что бы он вносил сюда какие-нибудь поправки.

Мне неизвестно, правы ли злые языки, которые ставят в связь появление летом 1916 г. в каком-то одесском издании интервью по этому делу с каким-то русским историком в связь с пребыванием там в это время Д.-З., а другого интервью с русским историком в таинственной и неуловимой записке «Позор наших университетов» в статье «Биржевых Ведомостей» от 10 янв*аря* 1917 г. с его пребыванием в Петрограде. Никому не возбраняется искать защиты попранной правды при помощи печати. Не подлежит однако никакому сомнению, что самый характер, который приняла эта защита правды в газетах, превратившаяся в попытку смазать дегтем ворота Университета св. Владимира, должен был и удивить проф. Д.-З. и возмутить, ибо ему едва ли не лучше всех известно, что того акта, который был будто бы похищен в целях сокрытия, или других, на самом деле нет, что ни С., ни его поступок никакого отношения к делению на правых и на левых не имеет, что такой же поступок совершен в иностранных архивах одним по слухам будто бы «левым», остающимся на кафедре и по сей день и не без пользы для науки, что в перипетиях ученой карьеры С. та или другая партийность была не причем. Все это сплошной вымысел, блестяще опровергнутый самим Д.-З. на глазах у всех нас. В заседании совета 27 января, когда не в меру строгий к себе ректор заявил о своем выходе в отставку из должности ректора под влиянием саги, а все члены совета потребовали взятия назад отставки и уст-

Афіноген Антонович. Кінець XIX ст.

роили ректору единодушную овацию, то «левый» саги, проф. Д.-З., рукоплескал не тому, что ректор выходит в отставку, как это следовало бы по смыслу саги, а именно тому, что он, вняв голосу совета, берет отставку назад. В числе многих он даже подошел растроганный к ректору и облобызал того самого ректора, на которого сага выливала потоки грязи, символизировав таким образом трогательное единение воображаемых правых и левых саги в Университете святого Владимира.

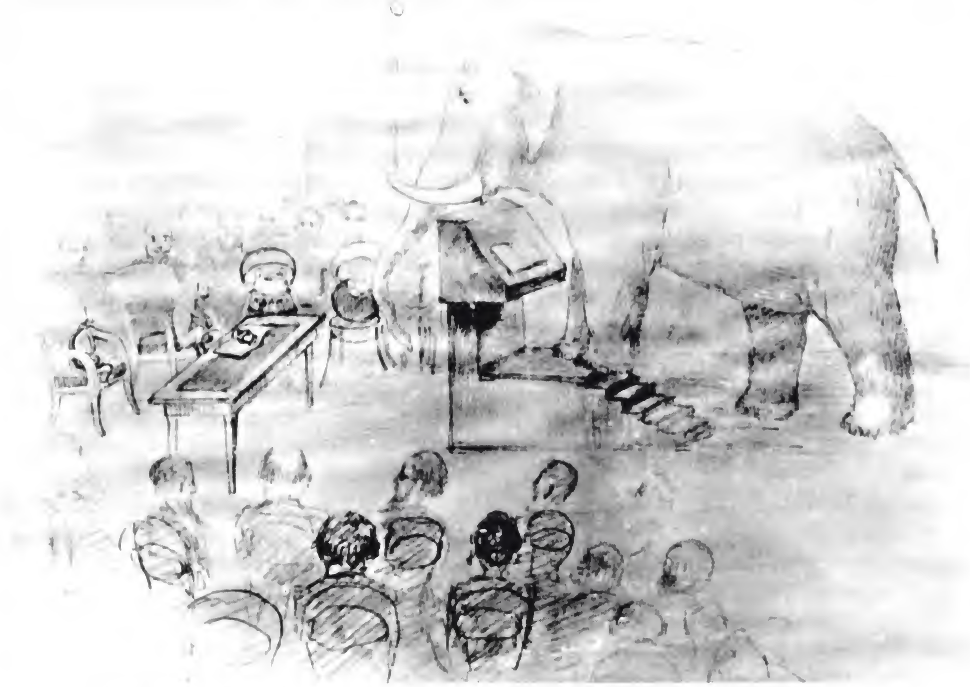
Когда открылась газетная кампания против воображаемых правых университета, то решительно никто в нем ничему «не противился», не пробовал «потушить скандальную историю с С.». Мне неизвестно, какая «группа профессоров обратилась к проф. Ясинскому» (проректору за отсутствием ректора, поехавшего в Петроград) за созывом не «совета», как думает сага, а частного совещания всех профессоров, но мне точно известно,

что ректор ездил в Петроград по чисто университетским делам, и его поездка туда была решена еще до открытия кампании, и что к Ясинскому обращался за созывом совещания как раз тот самый «правый» проф. Бубнов, который по саге этому «противился» и т. д.

Как в совещании, которое определило отношение профессуры к содеянному С., так и в вскоре затем последовавшем совете все были единодушны в осуждении поступка С. (да иначе и быть не могло). Расходились лишь только в суждении о мотивах увоза документов и вот тут-то Бубнов, Ардашев и Голубев не находили возможным ставить это увоз на одну доску с «похищением самовара у купца Абдулина», но совсем не в целях оправдания. После телеграммы из Москвы в «Киевской Мысли» от 18 января 1917 г. о том, как совершалось возвращение документов С., если только сообщенное в телеграмме верно, суждение о мотивах увоза стало много затруднительнее. Но до 18 января ни я, ни кто-нибудь другой из членов совета, кроме разве Д.-З., который по слухам требовал себе в Москве выписки из протокола о возвращении документов, но получил отказ, об этом ровно ничего не знал.

Глава III
Происхождение саги

Интересующая нас сага состоит в сущности из двух саг. Первая — это «сказание о хищениях С.» в московских архивах. Придерживаясь научной терминологии, ее можно назвать подлинной, так как в основании ее лежит событие, имевшее место в действительности, но только, как это и полагается для саги, принявшее чисто «сажные», даже прямо «саженные» размеры. Роланда поэма заставляет бить не несколько никому неинтересных басков в ущелье Пиренейских гор, а гораздо более интересных сарацин, иноверных, и притом целыми тысячами. Сага о «хищениях С.» заставляет С. брать из архивов не рядовые документы для рядовой ученой работы, как это имело место на самом деле, а особенные. Уже в древнейшем ее изводе, появившемся 10 января 1917 г. в «Биржевых Ведомостях» (13) мы читаем: «Первым обнаружил исчезновение документов большой общественной и исторической важности в московских архивах проф. Богусловский (читай: Богословский). Среди пропавших бумаг, как полагают, имеется единственный в своем роде документ, говорящий об ограничении боярами царя Михаила Феодоровича. Из других ценных документов вырваны отдельные листы. Исчезли из древнехранилищ уникумы, отсутствие которых затрудняет работу ученых, занимающихся русской историей». Только что приведенные слова были, по словам «Биржевых Ведомостей», в находившейся в их редакции записке «Позор наших университетов». В той же записке и по словам той же газеты была еще и «авторизованная беседа с одним из видных русских ученых историков, очевидно, близко знакомым с деталями этой печальной истории». Ему известно будто бы даже «содержание возвращенных документов». «Это большей частью редкостные документы, очень интересные для любителя, но не имеющие большого научного значения. Вот, например, похищен был один писцовый наказ, довольно обычного типа, но на обороте этого наказа любопытнейшая пометка дьяка: «*Идучи в церковь, царь дал такой то указ, а возвращаясь из церкви, вспомнил о данном указе и дал другое распоряжение*» (курсив автора. — *Упоряд.*). С точки зрения бытовой, эта пометка представляет собой величайшую редкость. Наряду с этим возвращены были документы и большой исторической важности, как например, протокол уездных мирских собраний нашего севера и т.п.» Таким образом, вместо рядовых документов, сага вводит в дело неопределенное число документов исключительной важности, в том числе даже никогда не существовавшие, как документ об ограничении



Алегорія на магістерський диспут. 1886 р. *(Слон — І. Шляпкін, цуценя — проф. Соколов, відро — проф. Карєєв, змія — проф. Соболевський)*

власти Михаила Феодоровича. Возвращает же С. не все документы, а главным образом не имеющие «большого научного значения». Мотив его поступка — присвоение, так как хотя большая часть из них и не имеют большого исторического значения, тем не менее это «редкостные документы, очень интересные для любителя». Одним словом, до сих пор сага о С. (первая из отмеченных двух) развивается в смысле преувеличения и размалевки в полной аналогии с сагой о Роланде. Несколько расхолаживают оговорки вроде того, что в числе похищенных документов был, «как полагают», документ об ограничении власти Михаила Феодоровича и что «любитель» чужих документов С. все же возвратил в архив как раз некоторые из ценных для «любителя» документов и даже некоторые вообще важные и в научном отношении. Но последнее может быть объяснено необходимостью их возвратить, в какую мог быть поставлен, а первое есть, повидимому, не более как известный историкам прием примирить при помощи наивной критики сагу с действительностью, путем простого удаления из нее или поставления под сомнение черт, совершенно неприемлемых. Автору этой оговорки справедливо показался сомнительным документ, которого до сих пор никто не видел. Далее аналогия с Роландом прекращается и понятно почему. Роланд тип положительный. Он мог быть размалеван в положительном направлении, С. же подлежал разработке только в отрицательном смысле. С сарацинами поэтому он уже не мог бороться, а сам должен был быть поставлен в их ряды. Роль сарацинов передана согласно духу времени «правым», так как сага развивается в рядах левых. Победоносная же роль вышла из рядов героем саги и передана авторам саги, которые без меча избивают героя саги сарацина Сташевского.

Но избиение одного сарацина — роль мало благодарная. Нужно было во всяком случае увеличить число жертв бойни. Эта потребность была удовлетворена другой сагой, которую я назвал сагой о правой профессуре Университета св. Владимира и которая ввела в ряды жертв профессуру названного университета. Так как в основании этой последней саги не лежит, как мы только что видели, абсолютно никакого действительного события, то она по научной терминологии относится к числу саг подложных. Сага о С. является уже в совершенно готовом виде в пресловутой записке «московских профессоров», известной в своем реальном виде только редакции «Биржевых Ведомостей». Все другие газеты черпают отсюда. Мы не видим в ее дальнейшей передаче никакого плодотворного развития, а только повторение и перевирание, свойственное всякой саге. Так вместо Михаила Феодоровича на сцену появляется еще более невероятный для данной надобности Алексей Михайлович. Одним словом, мы не можем здесь, опираясь на источники, следить за разными фазами развития саги, как это, например, на основании Григория Турского, Фредегария и «Книги об истории франков» возможно для саг о Хильдерихе, Хлодовехе, Клотильде, Брунехильде и Фредегонде. Наоборот, вторая сага о правой профессуре только намечена в записке: «У профессора, произведшего хищения документов, нашлись однако влиятельные друзья и в судьбе его приняли близкое участие отдельные киевские правые деятели и часть правой профессуры киевского университета. Профессор, похитивший документы, часть их отвез обратно в архив, причем его сопровождал проф. С.Т. Голубев, отец известного в свое время студента союзника Голубева». Больше ничего авторам записки об этой второй саге неизвестно. Ее расцвет и дальнейшее плодотворное развитие относится к более позднему времени и происходит в Киеве под влиянием более близкого знакомства с couleur locale и искаженной (в направлении, удачно указанном уже в записке) передачи отражений газетной кампании против С. и университета в профессорской среде.

Интересно однако не это дальнейшее развитие саги в редакциях газет. Современной газетной технике слова особых усилий для этого, как увидим сейчас, не понадобилось. Гораздо интереснее вопрос о том, откуда и как появилась записка московских ученых, кто автор ее и почему она никому более в оригинале, как редакции «Биржевых Ведомостей», неизвестна, хотя и предназначалась для Министерства и университетских советов? Я уверен, что эта записка есть документ подложный, т.е. по методологическому определению выдающий себя не за то, что он есть на самом деле. Прежде всего он не может принадлежать ни московским ученым вообще, ни московским профессорам в частности. Иначе почему бы эти ученые люди разыгрывали бы инкогнито и почему бы их анонимное донесение мимо всех московских редакций попало прямо в редакцию петроградской газеты и не дошло туда, куда предназначалось? Как могли бы эти ученые люди упоминать в числе похищенных документов такой, которого самое существование для ученых людей сомнительно? Не думаю точно также, чтобы они могли бы обвинять своих киевских коллег с такою определенностью в защите неправого дела и в его укрывательстве из чисто партийных целей и вообще выдавать им свидетельство о неблагонадежности с партийной точки зрения. Я думаю, что автором этого подложного документа, переданного в извлечениях в «Биржевых Ведомостях» 10 января 1917 г., был всего только один человек, скорее всего мало ученый, только беседовавший в «авторизованной беседе» с «одним из видных русских ученых историков», как говорит записка, но не сам «видный русский историк». Вообще, выражаясь словами этой подложной записки, вопрос об авторе подлога я считаю «щекотливым для публичной беседы». Цель «авторизованной беседы» наказать С., не возбуждая против него дела в судебном порядке и

не выступая против него публично обвинителем. Цель подлога склонить редакцию газеты к помещению сенсационной беседы, приписав свою записку авторитетной группе, и далее вызвать к ней более внимательное отношение со стороны печати, а точно также излить свое недовольство на киевскую профессуру, отыскав в ней какую-то правую группу, способную на всевозможные низости. Автор подлога несомненно «левый» или воображающий себя таковым, а его страстное отношение к профессуре Университета св. Владимира позволяет искать в нем киевлянина. Способ обработки своих противников такой же, как во многих сагах и легендах. Так римляне, недовольные назначением к ним Оттоном III в 999 г., в качестве папы ученого Герберта (Сильвестра II), не принадлежавшего ни к одной из римских партий и даже не римлянина, а француза, переделали его из партийных соображений, как это я показал в своем докладе на лондонском конгрессе историков в 1913 г., в мага и чародея, одним словом «чернокнижника». Так же поступили в конце XI в. те из них, кто не разделял взглядов знаменитого Гильдербрандта (папа Григорий VII), даже с этим исключительным папой. То же сделал в начале XX века автор подлога пресловутой записки и сделал это не хуже своих средневековых предшественников и даже с лучшим практическим результатом. Только вместо «чернокнижников» сообразно духу времени пущены в ход «черносотенцы».

Отсюда видно, что происхождение саги о правой профессуре Университета св. Владимира довольно таки сложное. Тут есть и кое-что фактическое, никакого отношения к профессуре Университета св. Владимира не имеющее, именно деяние приват-доцента С., и справедливое возмущение совести этим деянием, и личные счеты и недовольство профессурой Университета св. Владимира неизвестного происхождения, партийная пристрастность и несомненный подлог.

На платформе этого подлога накапливаются разные новые и детальирующие черты, как вообще это бывает в сагах. Как в гомеровском эпосе, и других подобных, отдельные сказания, отдельные песни соединяются с другими, так и в данном случае мы имеем дело с соединением двух саг: 1) о Сташевском и 2) о правой профессуре Университета св. Владимира. Наблюдается даже соединение с ними третьей, еще не вполне разработанной саги, именно о ректоре университета св. Владимира. Не будь мы так поглощены другими событиями, тут выросло бы еще несколько сказаний около имен Бубнова, Ардашева и Голубева и получилась бы киевская Илиада.

Внесение этих новых черт для вящего интереса саги и увеличения построчной заработной платы (в нашем прозаическом веке и сюда лезет исторический материализм) было для современной словесной техники делом не трудным.

За примерами ходить недалеко. В «Дне» от 4 фев*раля* 1917 г. (18) появилась заметка под названием «Бурная свинья»*. Кто бы мог думать, что она стоит в какой-нибудь связи с нашей сагой? Университет св. Владимира выкрашен в красный цвет, а цвет его профессуры по саге черный. Тем не менее заметка посвящена нашей саге и соединяется с ней изящным мостиком чисто литературной конструкции. «Нам неизвестны, вещает ее автор, политические взгляды той бурой свиньи, которая, помните, вбежала в миргородский поветовый суд и похитила со стола важный документ» и далее «свинья избрала бы правую партию, если бы пожелала определить свои политические взгляды». Так гоголевская свинья оказалась притянутой за хвост к нашей саге. «Биржевые Ведомости» 11 января толкуют о довольно оригинальной «краже», именно краже «культуры». Бедная культура! Она никогда не думала, что может быть украдена. Историки знают только случаи заимствования культуры, в чем ничего предосудительного не видят.

---

* *У тексті помилка: має бути «бурая».*

Медитація. Початок XX ст.

Как легко и свободно «сказители» саги и «исказители» действительности ткали свою затейливую паутину, это ясно видно из следующей попытки создать новую сагу о ректоре. Автор заметки в «Русском Слове» от 7 февраля, путая по примеру «Киевской Мысли» (см. выше) никакого отношения к Университету св. Владимира неимеющего И.Л. Цытовича с ректором Николаем Мартиниановичем Цытовичем, по поводу странной брошюры первого называет второго «Киевским Прометеем», вторично укравшим огонь у неба, и продолжает так: «мы лишь удивляемся неосторожности гг. правых профессоров, которые в последнее время стали частенько спускаться с алмазных высот чистой науки на нашу грешную землю. Это вдвойне неосторожно, ибо, пока правый профессор сидит там на алмазных высотах, все могут думать, что у него за душой имеется хоть оловянный грош. Но за то, когда правый профессор начинает спускаться на землю, со всех сторон подымаются крики: «Отколь, умная, бредешь ты, голова»?

Вот уж подлинно вопрос, который можно было бы предложить всем «рапсодам» этой «гомерической нелепицы».

Бубнов Н.М. Сага о правой профессуре Университета св. Владимира.
Киев: Типография А.И. Гросман, 1917.
С. 1-16.

Листи професора Сергія Платонова до професора Миколи Бубнова. 16 жовтня — 12 грудня 1913 року

№ 1
16 жовтня 1913 року

Дорогой Николай Михайлович!

Готов поделиться с Вами своим впечатлением от книги Сташевского, при условии, что Вы не введете мое имя в Ваше факультетское дело, по крайней мере гласно и официально.

Книга бойкая, развязная и самоуверенная. Автор знает литературу предмета и копался в архивах; повидимому, он человек умный и мог бы научно работать. Но с начала и до конца книги — на ней печать какой-то бесшабашности — в оценке ученых мнений и материалов, в решительности ученых суждений, в обращении с документами. В довершение всего — цитаты часто **фальшивы**, так что их нельзя ни одной принять без проверки; иные производят впечатление **подлога**. Идейная сторона книги больше эффектна, чем основательна, а мысль о роли Филарета не нова.

Почему автор дошел до такой небрежности в пользовании цитатами и не боялся критики, решительно не понимаю. По-моему, книгу следовало бы перепечатать, хорошенько пересмотрев. В настоящем виде, по-моему, допустить ее к диспуту как-то зазорно, хотя, может быть, автор сам и стоил бы ученой степени (Довнар судит по автору, Данилович — по книге).

Возьмите в *«Журнале Министерства Народного Просвещения»* за октябрь рецензию С.Б.Веселовского о Сташев*ском.* Рецензия основательная, но редакция ее сильно смягчила, и потому в ней изменился общий тон.

Не хворайте! Всего лучшего! Поклон супруге

Ваш С.Платонов.

№ 2
6 грудня 1913 року

Многоуважаемый Николай Михайлович!

С глубоким недоумением узнал я, что Е.Д. Сташевский рассказывал в Киеве, что он у Вас сам читал мое к Вам о его книге письмо, и при этом его содержание передавал неточно. Так по крайней мере пишут из Киева. Я никак не мог думать, что заведомо интимное письмо может получить такую огласку, и очень жалею, что его написал.

Ваш С.Платонов.

№ 3
12 грудня 1913 року

Дорогой Николай Михайлович!

Ужасно мне тяжело было узнать, что мое малое неудовольствие я высказал в такую тяжелую для Вас пору! Прошу великодушно извинить меня. Горячо сочувствуем Вашему горю и вместе с женою просим принять наше соболезнование*.

Без имени позвольте сообщить Вам выдержку из одного киевского письма: «Наш общий друг Е.Д. С*ташевский* рассказывал пр*иват*-доценту N, будто он сам читал у проф. Бубнова письмо проф. Плат*онова*, в котором тот утверждает, что книга С*ташевского* заслуживает степени магистра в том виде, как она есть, и что он, Плат*онов*, готов принять ее даже у себя при условии перепечатки нескольких страниц». Это мне показалось настолько категоричным, что я не мог не поверить знакомству С*ташевского* с моим письмом (откуда бы он знал о нем?) и обвинил его в искажении письма, а Вас в нескромности. После Вашего письма я поверил, что С*ташевский* лгун так же, как поверил московским сообщениям, что его нельзя пускать в архивы без бдительного присмотра. По-видимому, это морально нестойкий субъект, и его необходимо остерегаться.

Очень я рад, что В.С. Иконникова избрали в Академию. Это ему немалое утешение.

Всего лучшего!

Сердечно Ваш С. Платонов.

ЦДІАК, ф. 837, оп.1, спр.79, арк. 36-40.

*** *Йдеться про смерть дружини Бубнова Людмили Вікторівни.***

Довнар-Запольський Митрофан Вікторович (1867-1934)

Історик російського середньовіччя та XVIII-XIX ст., історик економіки та господарства, археограф, білорусист, державний і політичний діяч.

Народився 2 червня 1867 р. в м. Речиця Мінської губернії в родині повітового поліцмейстера, потомственного дворянина. На початку 1880 р. з родиною переїхав до Болгарії (Філіппополь-Пловдив), але 1884 р. родина оселяється в Мозирі. Навчався в Мінській гімназії (1879), Мозирській прогімназії (1880-1887), 1-й Київській гімназії (1887-1888). Гімназистом друкував у київській газеті «Заря», петербурзькому «Еженедельном обозрении» і «Виленском вестнике» замітки та нариси з життя Мозиря і Києва. У березні 1888 р. був звільнений з гімназії (8-й клас) за читання «книг злочинного змісту» (М. Драгоманова, журналу «Колокол», «Марії» Т. Шевченка, збірника «Громада», журналу «Основа» та ін.). У 1888-1889 рр. працює в газеті «Минский листок», публікує етнографічні нариси з білорусистики, а також «Календарь Северо-Западного края» (з власними статтями з історії, географії, етнографії Білорусії). 1889 року склав екстерном іспити за гімназію.

1889 року вступив як казеннокоштний студент на історично-філологічний факультет Університету св. Володимира. Під керівництвом проф. В.Б. Антоновича працював над історією кривичів і дреговичів. 1891 р. вийшло його дослідження «Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII в». Опрацював програму збирання етнографічних матеріалів. Виступив ініціатором створення «Білоруського гуртка». У 1895 р. видав збірник «Белорусское Полесье». Державна екзаменаційна комісія університету визнала, що випускник «обладает редкостным для его возраста объемом познаний, замечательным трудолюбием и выдающимися природными дарованиями». Завдяки неодноразовим клопотанням В.Б. Антоновича, 1894 р. залишено професорським стипендіатом.

З 1895 р. працював над Литовською Метрикою в Московському архіві Міністерства юстиції; старший помічник архіваріуса, викладач жіночих гімназій. Підготував магістерську дисертацію «Финансовое хозяйство Литовско-Русского государства». У 1896 р. — ініціатор створення і секретар Археографічної комісії Московського археологічного товариства; редагував документальні видання комісії. 1899 року склав магістерські іспити в Московському університеті. У 1899-1901 рр. — приват-доцент Московського університету (спецкурс про добу Олександра І, практичні заняття з історії народного господарства XVII ст.). Близько 1900 р. познайомився з Львом Толстим і дістав запрошення очолити редакцію журналу «Утро» (журнал не дозволили видавати).

Восени 1901 р. в Університеті св. Володимира блискуче захистив як магістерську дисертацію книгу «Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах» (Киев, 1901. Т.1).

У 1901-1920 рр. — екстраординарний і ординарний професор Університету св. Володимира, керівник Історично-етнографічного гуртка. 1905 року захистив як докторську дисертацію книгу «Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI в.» 1906 року вперше опублікував «Баркулабівський літопис». У 1911 р. вийшов курс лекцій «История русского народного хозяйства».

1906 року відкрив приватні Комерційні курси, 1907 р. перетворені на інститут: 1912 р. він офіційно отримав права вуза; директор інституту до березня 1917 р.

Мав прокадетські симпатії, вважав, що з Маніфесту 17 жовтня 1905 р. розпочалась конституційна доба. З 1912 р., як директор Комерційного інституту, мусив застосувати жорсткі заходи щодо студентів-революціонерів, зокрема — 7% квоту для студентів-євреїв (з 1075 чол. залишено студентами 103, інші переведені у вільнослухачі), але домігся набору чотири рази протягом року (квота для євреїв завдяки цьому зростала до 28%). Сталися заворушення студентів.

Патріотично сприйняв початок Першої світової війни, закликаючи відмовитися від усього німецького (зокрема, не вивчати німецьку мову, замінити англійською). 1915 року евакуйований разом з Інститутом до Саратова.

Після повернення до Києва в 1916-1917 рр. конфлікт зі студентами (зокрема, через «Справу Сташевського») призвів до його усунення з директорства, судового процесу, вироку смертної кари (скасований завдяки клопотанням друзів і учнів).

У 1918-1920 рр. — один з засновників і перший директор Київського археологічного інституту. З 1918 р. — активний діяч відродження Білорусії; управитель Білоруської торгівельної палати в Києві, автор брошури «Основи державності Білорусі».

1920 року залишив Київ, короткий час перебував у Харкові (Інститут народного господарства, державні комісії).

У 1922 року переїхав до Баку; працював проректором Азербайджанського університету, професором Бакинського політехнічного інституту, начальником Управління торгівлі й промисловості Наркомторга АзРСР, директором Сільськогосподарського і торгово-промислового музею; публікував статті з міжнародної економіки. 1924 р. виголосив траурну промову «В.І. Ульянов-Ленін як учений».

1925 року — професор новоствореного Мінського університету, викладав історію Білорусії та історію народного господарства. Ініціатор створення і голова Археографічної комісії Історико-археологічної секції Інституту білоруської культури; виступав за повернення білоруських архівів з Росії та видання Литовської Метрики. Працював у Держплані БРСР. Готував «Історію Білорусії», яку йому не вдалося опублікувати. У 1926 р. виїхав до Москви, працював у Мосгубплані, Інституті народного господарства, професор Тімірязівської сільгоспакадемії, науковий співробітник Інституту історії РАНИИОН. Підготував монографії «Капиталонакопление в московской текстильной промышленности в довоенную эпоху», «Очерки по истории промышленной колонизации в России» (неопубліковані, рукописи не віднайдено). З квітня 1929 р. в Мінську Академія наук відзначила 45-ліття наукової діяльності М. Довнар-Запольського. З 1929 р. піддається нищівній критиці як «нацдемівець», «націонал-фашист» (особливо жорстка критика з боку учня — Олександра Оглоблина — 1934 р.). В останні роки вчений працював у Науково-дослідному інституті хутрового господарства, займався промисловою кооперацією і художніми промислами.

30 вересня 1934 р. помер від припадку «грудної жаби».

Основні праці: «Календарь Северо-Западного края на 1889 г. и на 1890 г.» (Минск, 1890), «Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII в.» (К., 1891), «Акты Литовско-русского государства» (Вып.1. М., 1899), «Исследования и статьи» (Т.1. К., 1909), «Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах» (Т.1. К., 1901), «Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI в.» (К., 1905), «Украинские староства в первой половине XVI в.» (К., 1908), «Баркулабовская летопись» (К., 1907), «История русского народного хозяйства» (Т.1. К., 1911), «Обзор истории хозяйственной жизни России» (СПб., 1914), «Книга для чтения по русской истории» (К., 1904, ред.), «Русская история в очерках и статьях» (Т.1-3. М.; К., 1910-1912), «Торговля и промышленность Москвы XVI-XVII вв.» (М., 1910), «Из истории общественных течений в России» (К., 1910), «Пособие по истории Московского периода» (К., 1912), «Мемуары декабристов» (К., 1906. Вып.1), «Идеалы декабристов» (М., 1907), «Тайное общество декабристов» (М., 1907), «Обзор новейшей русской истории» (Т.1. К., 1912, 1914), «На заре крестьянской свободы» (К., 1911), «Русский вывоз и мировой рынок» (К., 1914), «Асноўа дзяржаўнасьці Беларусі» (Гродна, 1919, Вільня, 1919; видання фр., англ., пол. Мінськ, 1994), «Экономический очерк БССР» (БСЭ. Т.5. М., 1927. С.387-408), «Соцыяльня-эканамічная структура Літоуска-Беларускай дзяржавы у XV-XVII ст.» (1927), «Западный регион: Белорусская ССР и Западная область РСФСР» (М.; Л., 1928), «Гісторыя Беларусі» (Мінськ, 1994).

Архів: ЦДІАК, ф.262,212 спр. (1518-1918 рр.); Національний архів Республіки Беларусь, ф.60, 67.

Бібліографія: Запіскі Аддзему гуманітарных навук. Менск, 1929. Кн.8. Працы клясы гісторыи. Т. III. С.566-570.

Література: Полонская-Васіленка Н. Даунар-Запольскі: Зачемкі да біяграфії // Запісы Беларускага Інстытута навукі й мастацтва. Нью-Ёрк, 1953. Т.II. №1 (3); *Михальченко С.И.* Эволюция общественно-политического мировоззрения М.В. Довнар-Запольского (до 1917 г.) // Из истории общественно-политической мысли России XIX в. М., 1990; *Михальченко С.И.* М.В. Довнар-Запольский и Л.Н. Толстой // Вопр. филологии. Вып.1. Измаил, 1993; *Михальченко С.И.* М.В. Довнар-Запольский: историк и общественный деятель // Вопр. истории. 1993. №6. С.162-170; *Михальченко С.И.* «Асновы дзяржаўнасьці Беларусі» М.В. Довнар-Запольского: история создания и историографические корни // Наш Радавод. Гродно, 1991. Кн.3. Ч.1; *Михальченко С.И.* XVI век в исторической концепции М.В. Довнар-Запольского // Спорные вопросы отечественной истории IX-XVIII вв. Чтения памяти А.А. Зимина. М., 1990. Т.2. С.174-177; *Михальченко С.И.* Концепция М.В. Довнар-Запольского в дискуссии об организации средневекового ремесла в России // Феодальный город. Брянск, 1993. Вып. 2. С.60-68; *Михальченко С.И.* Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики). Москва; Брянск, 1997; *Михальченко С.И.* Личный фонд М.В. Довнар-Запольского в Центральном гос.архиве Украины в Киеве // Археогр. ежегодник за 1994 г. М., 1996; *Шохін Л.І.* Маловідомі документи про діяльність М.В. Довнар-Запольського в галузі архівної справи // Архіви України. 1987. №1. С.66-71; *Луценко Є.М.* Внесок М.В. Довнар-Запольського в джерелознавство України // Українське архівознавство: історія, сучасний стан та перспективи. К., 1997. №1. С.250-252; *Луценко Є.М.* Джерельна база дослідження життя та творчості М.В. Довнар-Запольського // Укр. біогр. словник: історія, проблематика створення. Л., 1997. С.76-77; *Майборода Р., Матяш І.* Довнар-Запольський М.В. // Українські архівісти: Біобібліогр. довідник. К., 1999. Вип. 1. С.113-116; *Казьмирчук Г.Д., Сілкін А.В.* М.В. Довнар-Запольський як декабристознавець // Укр. іст. журнал. 1995. №1; Матеріали конференції «Довнарівські читання» 1997 р. // Палессе. 1997. №3(4). С.93-139.

Вынужденные разъяснения

Дело Сташевского — старое и его давно следовало бы предать забвению. Но сам Сташевский и его друзья виноваты в поднятии его, ибо они изобретают время от времени всякого рода способы «реабилитации», иногда по характеру своему нуждающиеся в общественном обсуждении. Не говоря об устных способах «реабилитации», пускаются в ходе рукописные. Не так давно Сташевскому понадобилось реабилитировать себя перед студентами Киевского Коммерческого Института. Студенты избрали особую комиссию, получили данные только от самого Сташевского*, пригласили его же самого для объяснений и составили по этому поводу акт, доведенный до сведения студентов Института и даже до сведения студентов Университета. В этой записке студентов Коммерческого Института отведено большое внимание и пишущему эти строки, что вызывает необходимость ответа.

Сущность студенческой записки — меморандума — сводится к следующему. Студенческая комиссия признает, что Сташевским, так сказать, изъяты из одного московского архива двадцать документов, но это вызвано двумя оправдывающими его обстоятельствами: а) случайностью, ибо архивные документы, так сказать, прилипали сами к собственным бумагам Сташевского, б) спешностью работы Сташевского, в силу которой для сокращения времени ему приходилось прибегать к столь необычному способу ученых занятий, как вынос документов к себе на квартиру и даже увоз их на несколько лет в Киев. Эти хищения Сташевский даже и не скрывал, ибо цитировал документы в своей работе. Объяснение недурное: так всегда объясняют, когда у близкого человека находят после обеда серебряные ложки в кармане: случайностью, поспешностью, недоразумением. Но — дело студенческой комиссии понимать это так, как она хочет. Если бы она этим ограничилась, на этом дело и кончилось бы. Но Сташевский использовал доверчивость молодых людей в особом направлении и внушил оригинальную мысль — открыть причину, в силу которой печать заинтересовалась хищениями Сташевского, и почему на ее страницах появились о нем известия. Виновник похода печати был найден в лице пишущего эти строки. Выходит так: совершенное Сташевским похищение — факт, но он находит оправдывающие для себя мотивы, а обращение к печати, к обществу — величайшее преступление с моей стороны; не было бы меня, моей инициативы, общество не узнало бы об этом, и честь Сташевского была бы спасена. Следуют «доказательства» моей вины, частью, очевидно, почерпнутые из оговоров самого Сташевского, частью из брошюры проф. Бубнова. Может, лучше было бы, если бы и печати совсем не было, тогда уже наверно дело приняло бы совсем благоприятный для Сташевского оборот. ·

Мне приходится сожалеть, что господа студенты, избрав такой путь своего суждения, не использовали всех матерьялов по этому вопросу. Это хуже для дела Сташевского, ибо в этом можно видеть известного рода преднамеренность похода против меня и неуверенность в прочности «реабилитации». Между тем было чрезвычайно желательно и нужно для чести самого Сташевского, чтобы он перешел из области распускания слухов и рукописной литературы к области гласного и беспристрастного рассмотрения дела, раз он чувствует под собой какую-нибудь почву для «реабилитации», или по крайней мере амнистии общественного характера. Я обращаю внимание всех интересующихся этим делом на следующие два

* *В оригіналі далі прізвище згадується скорочено:* Ст-й

тезиса: 1) Сташевский решительно уклоняется от третейского суда, 2) Сташевский решительно уклоняется от привлечения любой газеты к ответственности, предпочитая закулисные способы «реабилитации». Редакция «Биржевых Ведомостей» настойчиво предлагала Сташевскому возбудить против нее дело, но, конечно, Сташевский уклонился от принятия предложения... Я того мнения, что и в преступной душе может где-нибудь еще остаться известный элемент честности, и тогда этот человек или оправдывается перед открытым судом, или воздерживается от инсинуаций.

Записку г*оспод* студентов надо именно рассматривать, как документ, продиктованный самим Сташевским, ибо в ней множество интимностей, которые могли быть сообщены только лично Сташевским, и эти сообщения прибавляют новые страницы в его дело, грустные страницы, ибо в сообщениях много лживого и невероятного. Приходится отвечать запиской на правах рукописи, ибо нет иных способов реагировать.

Прежде чем перейти к конкретным данным, надо остановиться на выдвинутых выше двух общих вопросах. Студенты не отрицают пропажи документов, но они смягчают вину Сташевского. Дело взгляда. Даже если бы вопрос представился в такой невинной и наивной форме, как об этом трактует записка, то и тогда позволительно на этот факт смотреть различно и видеть в нем не случайность, но преступность. Во-первых, изъятие документов из архива есть само по себе похищение, во-вторых, этот проступок недопустим с точки зрения профессиональной. Конечно, найдутся люди, которые будут рукоплескать бухгалтеру, приписавшему или убавившему несколько нулей, но это будут одиночки, а громадное большинство назовет это деяние квалифицированным преступлением.

Один из лучших наших публицистов, А. Яблоновский, заклеймил такое

Митрофан Довнар-Запольський. Початок XIX ст.

отношение к делу: «Ведь если бы г*осподин* профессор похитил не документы из архива, а, скажем, вынес бы самовар из квартиры купца Абдулина, то по поводу самовара г*осподин* прокурор непременно произнес бы речь, г*оспода* присяжные непременно вынесли бы вердикт, а г*оспода* судьи непременно послали бы похитителя в тюрьму. Словом сказать, вся полиция, вся магистратура, вся юстиция грудью встали бы на защиту самовара и полегли бы костьми, но уж охранили, отстояли бы священное право собственности купца Абдулина. Но вот исчезло из архивов национальное достояние, пропали документы безмерной исторической ценности, и никому как-то и в голову не пришло, что эти документы имеют такое же право на государственную защиту, как и самовар купца Абдулина». (Р*усское Слово,* 1917, I, 12, № 9). Поэтому студенты напрасно поторопились осуждать

инако мыслящих. Еще более странно предъявлять обвинение к печати, или к тем, кто пробудил в ней интерес к делу. Печать для того и существует, чтобы вскрывать дела, подобные делу Сташевского, которое тщательно затушевывалось всею силою административной власти старого режима. Это — обязанность, гражданский долг печати.

Теперь перехожу к фактической стороне. Буду краток, ибо нынче печать стоит дорого. Остановлюсь только на существенной стороне дела. Записка называет обвинение против Сташевского «слухами», но в то же время говорит, что Сташевский, «сам того не подозревая», завез с собой в Киев двадцать документов. Завез — и забыл о них. Получается странность. Человек пишет в Киеве диссертацию на основании привезенных им из Москвы архивных выписок, конечно, многократно переворачивает эти выписки, и никак не может заметить, что в его выписки попало казенное добро... Детская наивность! Но есть еще свидетель, который в публичном заседании заявлял, что в этот период Сташевский демонстрировал ему свое рукописное собрание, при чем получился такой конфуз, что при демонстрации он показал документ с архивным штемпелем. Далее, студенты в своей записке с большой твердостью и многократно заявляют, что похищенные документы никакой научной ценности не имели, или почти никакой; их вовсе не нужно было вырывать из архивных книг, потому что листы были плохо вклеены в книги, а с другой стороны, записка подробно говорит о том, что листы надо было вырывать для того, чтобы соединить по склейкам и установить порядок чтения документа. Записка несколько раз заявляет о том, что документы «не принадлежали» к особо важным, почему и нельзя подыскать мотива преступного деяния. Вообще записка студентов обилует удивительно точными знаниями технических подробностей и безапеляционностью своего приговора о значении документов. Студенческая записка обилует и знанием бытовых подробностей. Она знает, что Сташевский должен был весьма спешно работать в Москве. Она знает, что ему приходилось уносить документы, потому что у него много уроков, — это неправда. Она знает, что можно быть в командировке только три года, — сущая ложь. Как будто Сташевский, давая такие наивные объяснения, не знает, что такие видные ученые, как Милюков, Кизеветтер, Любавский, не говоря о многих других, дожили до седых волос, когда представляли свои магистерские диссертации, ибо им действительно трудно было сочетать архивные занятия с даванием уроков, но никто из них не вздумал таскать документов к себе на дом. Они не имели тех льгот, которыми пользовался Сташевский, ибо последний, благодаря моим рекомендациям, пользовался особыми льготами, и даже имел право занятий в Московском Архиве Министерства Юстиции в послеобеденное время, и все-таки он обобрал этот архив. Нет, успех в науке дается не тому, кто первый придет к столбу! Студентам не было сообщено, что сотни ученых в течение столетия при самых иногда невероятно трудных житейских условиях перевернули многие и многие тысячи архивных листов в том же самом Московском Архиве Министерства Юстиции, но никто из них не посягнул на это культурное наследие. И дело Сташевского является самым выдающимся, единственным делом в истории наших центральных архивов. Вообще надо сказать, что весь этот рассказ записки об условиях занятий Сташевского в Москве — сущая сказка, рассчитанная на детей. Студенты решительно введены в заблуждение. Это будет видно из дальнейшего. А здесь дополню: листки были нарочито вырываемы Сташевским из архивных книг, а не случайно пристали к его бумагам. О научном значении похищенных документов надо предоставить су-

дить ученым специалистам. Сташевский в этом деле не судья, а студенты — тоже. Тут надо произвести ученую экспертизу.

Так как студенты были введены в заблуждение, то приходится напомнить и им, и Сташевскому, обладающему короткой памятью, в чем собственно состояло обвинение против него в газетах.

Коротко говоря, газеты обвиняли в следующем. 1) Сташевский в течение нескольких лет систематически выбирал документы из книг и столбцов трех московских архивов — Московского Архива Министерства Иностранных Дел, Московского Архива Министерства Юстиции и Московского Дворцового Архива; что количество похищенных документов, если судить по числу возвращенных, достигает нескольких сотен. На основании этих данных в заседании Совета Киевского Университета профессор Г.В. Демченко квалифицировал это деяние, как кражу. Кстати, тут нужно сделать одно замечание. В записке студентов фигурируют жалобные ноты о том, что Сташевского из политических видов обвиняли в похищении документов об ограничении царя Михаила. Этому обстоятельству записка придает особо важное значение. Впрочем, судить о содержании похищенных документов трудно, ибо Сташевский прячет от специалистов списки возвращенных им документов, переписку свою с покойным Лаппо-Данилевским он также не опубликовывает: следовательно, у ученых мог только остаться осадок о хвастливых «открытиях» самоуверенного молодого ученого. 2) Сташевского обвиняют в том, что он допустил целый ряд крайне некрасивых приемов, когда хищение было обнаружено, он не отдавал документов добровольно, он был пойман чиновниками архива, с поличным, о чем составлен официальный акт. Эпопея сдачи документов в архиве имеет свои любопытные штрихи, достойные обсуждения печати, и частью бывшие уже предметом ее суждения. Последнее обстоятельство совершенно совпадает с обстоятельствами, выясненными профессором П.П. Смирновым в двукратных заседаниях факультета: с документами в руках было доказано, что не только похищал документы и заметал следы, но заметал так, чтобы обратить внимание на других. И действительно, другие и невинные люди могли пострадать, в том числе и я, на что имеются документальные данные.

К этому краткому резюме надо прибавить: 3) похищенные документы имеют несомненно важное историческое значение. В этом и я могу быть довольно компетентным судьей, — поскольку в печать проникли сведения о содержании похищенного. 4) Особенности открытия дела и особенности дальнейшего поведения — все это так запутало обстоятельства возвращения документов, во все это внесено столько неопределенных штрихов, что есть люди, которые не питают уверенности в том, что все документы возвращены. Это — мнение, но при данных условиях оно имеет право на существование. Неизвестно также, исправило ли это дело его творца в дальнейших архивных изысканий в Киеве. 5) Полагаю, что к обвинениям, тяготеющим на Сташевском, надо присоединить и еще одно: давая студентам материал для своей «реабилитации», он сознательно ввел студенческую коллегию в заблуждение, скрыв обстоятельства своего дела. Может быть, это преступление не уголовного характера, но едва ли оно допустимо с моральной и профессиональной точек зрения. Мне известен случай, когда Совет Томского Университета предложил профессору подать в отставку только потому, что этот профессор в беседе с министром сообщил последнему неверные сведения. 6) Я прибавил бы, что и способы опорочения моей скромной личности в попытках Сташевского «реабилитироваться» едва ли заслуживают одобрения. Ему, очевидно, нравится роль угнетенной невинности, угнетаемой человеком, против которого создалось в студенчес-

кой среде течение в первые дни революции (неписанные источники этого течения мне прекрасно известны). Но тут есть еще мотивы, о которых речь будет впереди.

Итак, со времени раскрытия дела в газетах ничего не убавилось из того, что было когда-то предметом публичного обсуждения, но и прибавилось кое-что еще новое и серьезное, едва ли совместимое со званием профессора. Я, к сожалению, вкратце изложил сущность газетных обвинений. Конечно, следовало бы привести цитаты, следовало бы ввести читателя в настроение того ужаса, который объял лучших представителей нашей публицистики (напр., А. Яблоновского, Чаговца, Меньшикова, Ренникова и мн. др.) и все общество, отношение которого отражала на себе печать, чтобы понять сущность этого дела. Приходится быть кратким из-за соображения места. Но мною собраны многие вырезки из этого дела в один сборник, который будет в ближайшее время напечатан.

Теперь я перейду к той половине записки, которая касается меня. Нарисовав идиллическую картину «спешности» занятий Сташевского в Москве, студенческая записка задается вопросом о том, кто мог быть «вдохновителем» и «инициатором» газетного похода против Сташевского, и приходит к выводу, что им был никто иной, как я. Это значит, что в России никому нет дела до сохранности культурных богатств, кроме меня. Конечно, от студентов были скрыты отчет о заседании Московского Общества Истории и Древностей Российских, суждения, бывшие во многих других ученых обществах и т.д. Во всяком случае в выдвинутом положении есть несколько сторон общего характера, на которые необходимо ответить прежде, чем перейти к конкретным фактам. Надо помнить, что часть печати и именно печати, заговорившей в самом начале дела, «Одесский Листок», «День», «Киевлянин», «Биржевые Ведомости» и др. обрушились не только на Сташевского, но и на меня, за то, что я не поднимаю дела. Поход печати начался именно против меня: «первым должен был бы возвысить свой авторитетный голос профессор М.В. Довнар-Запольский, являющийся учителем того молодого ученого (фамилия не названа), который позволил себе хищение документов». (Одесский Листок. 1916, VII, I, № 177). Выходит так, что я натравил печать на самого себя. Но необходимо вдуматься в причины, которые возбудили внимание печати, и необходимо различать *два периода* в ее отношении к делу. Разумеется, нельзя так наивно представлять, что печати нет дела до совершающихся преступлений,что те статьи и заметки о грабежах, о кражах и т.п., которые ежедневно появляются на столбцах печати, непременно имеют своим происхождением личную вражду их авторов к совершившим злодеяние. Впрочем, дело взгляда и психологии: криминалисты знают, что все арестанты, преступники имеют обыкновение считают следователей, прокуроров, свидетелей своими личными врагами, почему во время революции так много невинно погибло чинов прокуратуры. Такова уже психология преступника! Я уже говорил, что обязанность печати подымать всякого рода общественно преступные дела и предавать их на осуждение общества. Студенческая записка не обратила внимания на мотивы того огромного труда, который понес Сташевский в поисках за автором газетных статей. Он не нашел среди них меня, нашел намеки и на них строит свое обвинение. На все усилия Сташевского ему можно было бы дать тот совет, который ему был дан в редакции «Биржевых Ведомостей» (и, конечно, не в одной редакции): «Хотите знать, на чем основаны сведения — возбуждайте против нас судебное дело, печать вас вызывает на это». Я лично ничего не писал в газетах по этому делу. Но если представители печати узнали как нибудь о моем отношении к делу и эта

их осведомленность внесла известную лепту в освещение дела, я только считал бы выполненным свой долг гражданина: скрывать бесчестно. Но объезжая редакции, собирая справки (все это сделано до революции), Сташевский знал, для чего ему нужно мое имя замешанным в газетном походе, особенно на столбцах левых газет (в моих руках имеется копия доноса обо мне министерству за мое участие в кадетской «Речи»). Сильные мира сего от министра до декана защищали Сташевского или укрывали его (печать именно возмущалась укрытием дела), и тогда в положении смельчака остается одно — уйти в отставку. Нужно хорошенько отметить в записке характерную черту: Сташевский на основании личных данных или на основании сообщений его немногих друзей подробно знает, когда и о чем я говорил с министром, а мне министр ничего не рассказывал о том, что ему говорили друзья Сташевского. Сташевскому и К-о не для суда нужен был сыск обо мне — судом меня не взять, но для проявления административного произвола. Это не предположение, но факт. Теперь это потеряло реальное значение, но для студентов пригодилось.

Студенческая записка, очевидно, со слов Сташевского, неправильно представляет себе хронологию похода печати и причины этого похода. Надо весьма тщательно отделить те статьи и заметки, которые появились до заседания Совета Унив*ерситета,* и те статьи, которые появились после заседания. Сначала это были очень скромные заметки, чаще всего без фамилии Сташевского, и даже — это курьезно — только с фамилией его учителя. Но когда вскрылось, что сделано министерством и властями для сокрытия дела, только тогда печать обрушилась на университет, метя по существу в министерство, и пользуясь для своего похода званием Сташевского. «Дальнейшее укрывательство оказалось немыслимым лишь после того, как о подвигах Сташевского узнали и затрубили газеты...» (М*осковский* Листок, 1917, 1, 25). Надо отчетливо себе представить, что скромная личность Сташевского во всем этом походе играла весьма мало заметную роль, поистине роль козла отпущения. Печать в этом деле явственно увидела нечто другое: не только похищение архивных документов, но и язвы раболепия, низкопоклонства перед властями, узурпацию власти министром. Министр народного просвещения обязан был официально возбудить дело против Сташевского, ибо он получил официальное предложение от своего коллеги мин*истра* иностр*анных* дел. Но началось затушевывание дела при поддержке сильных людей. Словами «Киев*ской* Мысли» мы объясним сущность похода: «На нравственной обязанности его товарищей, во главе со старшим товарищем, ректором университета, лежало принятие всех мер к поддержанию корпоративного достоинства на должной высоте... Благодаря попустительству Цытовича... опороченный профессор... занял кафедру русской истории на В*ысших женских* курсах, что, конечно, никак не могло случиться, если бы лица, избравшие его на эту кафедру, были осведомлены о действительном положении вещей... странным покажется его отношение к охране чести и достоинств того высокого ученого учреждения, во главе которого он оказался, как избранник, как лучший из равных... И никакими «добрыми побуждениями» не может быть ни объяснимо, ни оправдано поведение г. Цытовича во всем этом скандальном деле, это его своеобразное «меценатство» (К*иевская* М*ысль*, 1917, 1, 25, Чаговец).

Это была борьба против порядков, установленных Кассо, с которыми не желал расстаться новый министр, Игнатьев, это вообще была борьба против министров по назначению. «Я думаю, писал сотрудник «Терека», что в странах, не знающих таких руководителей просвещения, как Кассо, такой случай немыслим совершенно...» (Терек, 1917, 1, 18. С.К.). А. Яблоновский возмущал-

Микола Цитович. Початок XX ст.

ся порядками Университета: «призвали правые профессора и келейным образом наставили на правый путь. Это прибавляет только маленький штришок в общей картине нашего университетского разложения. Это — только небольшой лепесток из того венка, который сплела история незабвенному министру Кассо». (*Русское* Слово, 1917, 1, 12, № 9).

Тут печать увидела ту же печальную картину разложения наших рассадников наук, которую она незадолго перед тем с такою же яростью обличала в деле Казанского Университета, Одесского Университета, Харьковского Технологического Института, и в некоторых более мелких случаях. Там тоже вскрылись грустные дела против воли министра, всей силой власти тушившего их, там тоже в этих делах помогали министру заглушить дело местные власти, но дела вскрылись благодаря опозиционной профессуре. Только там не нашлось студентов, подобных киевским, не нашлось и профессора, который рискнул бы выступить с публичным упреком по адресу тех, которые помогли посредством печати раскрытию этих дел. Конечно, были такие, которые выступали перед министерством с рукописной защитой. Поэтому очень странно читать в записке, что студенты революционного периода с большим почтением относятся к старорежимным властям: министр приказал ликвидировать дело, но вдруг какой-то профессор позволяет себе не соглашаться с актом административного усмотрения министра. Нет, господа студенты, министр не судья, и не имел права ликвидировать это дело, за это он сам должен был бы подлежать суду! Борьба со старым режимом в корне имеет своим источником борьбу с беззакониями министерской власти, и говорить старорежимному министру то, что ему не нравится — это проявление гражданского мужества, ибо это связано для необеспеченного человека с риском потерять службу. В моей жизни мне приходилось говорить с министрами резко — и потом испытывать на себе тяжелые последствия этого, но в настоящее время я об этом могу вспоминать спокойно, ибо есть тому еще свидетели, и по крайней мере двое из трех студентов Коммерческого Института, подписавшихся под запиской, наверное, не были бы студентами Института, не говоря о сотнях других, если бы я иначе говорил с министрами и угождал им.

Теперь перехожу к конкретным сторонам студенческой записки, отражающим на себе устные сообщения студентам Сташевского и факты из брошюры Бубнова.

Записка исходит из того положения, что мои «домогательства» вскрыть дело Сташевского покоились на «обостренных отношениях», но не приводит *ни одного факта* таких отношений. Этого и не было до того момента, когда я сам узнал подробности дела. И тогда, как и теперь, оно представилось мне настолько аморальным, что я с ужасом от него отшатнулся. Но это было уже после того как первые известия проникли в печать. Сташевский получил от меня множество житейских и всяких других услуг. Неужели он думал, что, узнав истину, мое имя и поддержка по-прежнему будут в его распоряжении? Я имел основание возмущаться, как историк, много энергии потративший на дело охраны архивов, как учитель, обманувшийся в ученике и человеке, как лицо, письменно и устно ручавшееся в архивах за Сташевского, и следовательно та-

кое, на которое могут падать неприятные подозрения. Если Сташевский чувствовал вражду ко мне (это бывает с людьми не по заслугам облагодетельствованными) и ее скрывал, продолжая пользоваться благами моей протекции, — это его дело. Не знаю до сих пор, когда в архивах начало развертываться дело Сташевского, но знаю, что эта эпопея кончалась к осени 1915 г. Я получил первые известия о деле зимой 1915 г. в Москве, а подробности узнал в Саратове, в весеннем полугодии, когда уже и газеты знали о нем. До весеннего полугодия 1916 года Сташевский получил от меня многие доказательства дружественного отношения к нему, как к человеку, и слишком доверчивого отношения к нему, как к начинающему ученому. За это время он сделался профессором Киевского Коммерческого Института, причем не только был представлен к профессуре по моей инициативе, но вследствие той же инициативы была устроена кафедра, ранее не существовавшая. За это время прошла и его слабая диссертация, против которой протестовал мой коллега по кафедре. Пусть Сташевский, если имеет мужество, расскажет студентам об условиях прохождения диссертации и ее защиты. Бесспорно, я сильно разочаровался в Сташевском, как в ученом, после выхода его диссертации. Подающий надежды молодой ученый выступил на научное поприще с слабой книгой. Я это отметил в напечатанной мною рецензии и не скрывал в пояснениях факультету своего отношения к книге. Но сильна была уверенность в будущих успехах.

Бубнов в своей брошюре с особенными подробностями останавливается на прохождении конкурса. Для моей цели этот вопрос не имеет большого значения, и я его коснусь кратко, так как рассуждения Бубнова могли повлиять на составителей записки.

К сожалению, при краткости объема не придется выяснить всей той путаницы, которую Бубнов внес в свое изложение. Было два конкурента, оба магистра, оба мои ученики. К диссертации одного из них, Г.А. Максимовича, не предъявлялось рецензентами никаких особых упреков, хотя книга его и не выдвигалась рецензентами на особую высоту. Диссертация Сташевского вызвала много сомнений. Об обеих книгах мною напечатаны рецензии. Из рецензии на книгу Сташевского видно, что за его кандидатуру я распинаться не мог. Личные отношения одно, а дело — другое. В руках Бубнова был написанный мной для факультета сводный отзыв об обоих аспирантах. Кто в факультете основывает свое суждение на отзыве специалиста, тот его понял, а кто голосует по личным соображениям, тот забыл об этом отзыве. Бубнов, с одной стороны, упрекает меня в том, что я отказывал Сташевскому «в юридических последствиях» защиты им диссертации, — как будто каждый магистр имеет право занимать кафедру и как будто нет магистров и докторов, не проходящих на кафедру. Пропустив диссертацию, я не обязан был поддерживать кандидатуры Сташевского на кафедру. С другой стороны, Бубнов упрекает меня в том, что я «недостаточно энергично» выступил против кандидатуры Сташевского. Выходит даже и так, что я поддерживал его кандидатуру, но не в такой мере, как хотел этого Бубнов. Мой отзыв и сейчас есть в делах факультета, я не забочусь о том, какое «впечатление» я произвел тогда на Бубнова. Я знаю только, что я и тогда, как и всегда, стоял на научной почве и говорил только то, что подобает говорить специалисту, ни к каким личным влияниям я не прибегал и не мешал факультету разбираться в кандидатах. Я, впрочем, имею много оснований утверждать, что я сильно помог Сташевскому именно тем, что не энергично его защищал, ибо этим я доставил ему симпатию Бубнова и некоторых других ...

Честное отношение к делу не есть проявление личных отношений, не должно переплетаться с личными отношениями. Так я себя поставил и во

время конкурса. Одним словом, с своей стороны я не проявил никакого враждебного отношения. Безукоризненные отношения продолжались и в Саратове, куда был эвакуирован Университет с осени 1915 года. Они оборвались только тогда, когда я окончательно прозрел. Итак, мотив личной вражды с моей стороны не может быть доказан, этого и не пытается доказать записка, отделываясь *голословным* утверждением. Если вражда была со стороны Сташевского и при том затаенная — это другое дело. Бывает. Если он был недоволен мной, что я недостаточно энергично тянул его на кафедру — это плохо его рекомендует...

Мое поистине трагическое и нелепое положение в деле Сташевского, как я понимаю, создалось вследствие таких причин: я очень долго щадил Сташевского, без меры долго, я очень поздно узнал истину, узнав ее, я больше думал и заботился об университете, чем о самом себе и своих личных отношениях. Может быть, я поступил в чем нибудь не достаточно тактично (это мне свойственно), но именно моя уступчивость мне сделала много зла. Впервые я узнал только завязь этого дела (оно тогда еще не было раскрыто) зимою 1915 года в Москве, а подробности узнал только через год в Саратове. Если бы я не щадил Сташевского, если бы я из доверия к нему не предполагал какой-нибудь случайности, смягчающей обстоятельства дела, то он, разумеется, не получил бы кафедры в Киеве. Уже сознательно я помог ему остаться профессором Коммерческого Института и своим поведением в Совете и еще следующим: министр торговли и промышленности предложением от 26 января 1917 г. приказал уволить Сташевского от должности профессора (бумага хранится у меня), но я решил предварительно лично переговорить с министром, — революция помешала. За мое попустительство Сташевскому, как профессору Коммерческого Института, «Киевлянин» облил меня помоями и по существу был прав. Этого довольно, не говоря о многом другом. Я щадил Сташевского для того, чтобы дождаться с его стороны поистине беспощадного и недобросовестного отношения к моей репутации.

Теперь же Сташевский, обремененный явно на нем лежащим обвинением, не сняв с себя публично этих обвинений, всеми мерами доказывает, что я был инициатором похода против него в печати. Ничего не имел бы, если бы так было. Гордился бы этим. Очень сожалею, что я этого не сделал. Искренне в этом каюсь. Но характерен для Сташевского способ доказательств. Это очень важный штрих дела, но я не знаю, которую из двух сторон он больше уязвляет. Студенческая записка (и брошюра Бубнова) представляют собой сводку результата сыска за мной: где появилась газетная статья, — значит я был в этом городе. Куда бы я ни поехал, я имел ввиду только это злополучное дело. Нет, такого внимания и чести я Сташевскому не оказывал! Выходит курьез: утверждается, что я был в Одессе летом 1916 года, а я там не был уже лет десять. Кстати, одесские газеты не благоприятно отнеслись ко мне. (*Одесский Листок*, 1916 г. № 177). Для этого я туда и ездил? Появилась тем же летом статья в ялтинской газете — приписана мне поездка туда, чтобы тиснуть заметку в курортном листке. А в ялтинском листке — чистая перепечатка из одесских газет. В Крыму я тогда был, но, конечно, не для знакомства с редактором листка. Но нужно помнить, что газетные заметки стали появляться с самого начала 1916 г. В Петербурге в январе 1917 года появляется статья в «Биржевых Ведомостях», а я был в Петербурге последний раз постом 1916 г. И все это бездоказательные ссылки. Притом статья «*Биржевых Ведомостей*» (1917 г., января 23) была резко направлена против меня... Но в студенческой записке говорится, что в Саратове я назвал дело «позором» университета в разговоре с деканом, а газета тоже говорила о «позоре» университета. Выхо-

дит, я ездил сам давать на себя статью в газеты...

Но это — мелочь. Важнее другое. Всякая моя беседа с административными лицами трактуется, как специальное их посещение с такою же целью. И все представляется в извращенном виде. Из нижеследующего будет видна суть дела. Защитникам Сташевского можно ездить в столицы и писать письма начальству, чтобы тушить деяние, а мне даже не разрешается отвечать на вопросы. Записка весьма подчеркивает, что в Москве я «требовал» от Белокурова «выдать» письменное удостоверение о деле Сташевского в архиве, но я был неспециально в Москве по этому делу. Зимою 1915 года я был командирован Университетом на съезд историков в Москву. В квартире проф*ессора* С.Б. Веселовского я узнал о том, о чем говорила вся Москва, о чем судили уже мои коллеги, именно, что в Архиве Ми*нистерства* Иностранных Дел составлен акт о хищениях Сташевского. Тут же мы имели суждение о том, что я должен предпринять ввиду предстоящих выборов в Совете Унив*ерситета* и ввиду той возможности, что дело может быть вскрыто и может принести Университету много неприятностей. Лучшие люди Москвы боялись за честь и достоинство университетской науки. Тут же решено было спросить по телефону Белокурова о том, предполагается ли дать делу дальнейший ход. Существовало справедливое предположение, что тесная связь профессора Голубева с Белокуровым может похоронить дело, предполагалось, что архивное начальство побоится ответственности и, по примеру всех старорежимных начальств, затрет дело. Белокуров действительно ответил очень двусмысленно, заявив, что воля начальства ему неизвестна, но квалифицировал поведение моего «ученика» надлежащим образом. Из разговоров и суждений в Москве я вынес определенное суждение, что я *должен* предпринять что-либо в Киеве в деле оберегания чести Университета и своей собственной, ибо теперь я узнал, что несколько документов заведомо похищены Сташевским. Не было только уверенности в том, будет ли дан делу официальный ход. В Киеве, мучаясь сознанием ответственности перед Университетом, отправляюсь к декану, Бубнову, тогда больному, и докладываю ему, как декану (это подчеркиваю, ибо я так говорил ему), все что узнал. Декан всегда официальный представитель факультета и переход дела в Совет не снимает с него ни представительства, ни ответственности. Я отчетливо помню, что я заявил ему, что считаю своим долгом официально сообщить ему, ибо дело может быть чревато последствиями, может попасть в печать; будут трепать звание профессора. Не буду передавать ответа и рассуждений старого декана. Я исполнил свой долг, так я ему сказал и закончил беседу словами: dixi et animam levavi.

Я и теперь полагаю, что официальный путь в этом щекотливом деле был самый правильный. С значительным опозданием, уже в Саратове, дошли и до меня, одного из последних (могу доказать) перипетии этого дела: оказалось впоследствии, что министр иностранных дел вошел с представлением к министру народного просвещения о возбуждении дела. Министр П.Н. Игнатьев передал дело Совету Университета, но невидимая сила держала бумагу в тайне, держала ровно столько, сколько было нужно для того, чтобы письма из Саратова воздействовали на министра, чтобы Сташевский выбрал удобное время (известная по газетам болезнь товарища министра Шевякова, сторонника гласности в этом деле), съездил в столицу и выхлопотал себе амнистию. Бубнов в своей брошюре говорит, что в Саратове не было вполне организованного Совета. Это — отговорка: был факультет, который первым должен был рассмотреть дело, были советские совещании, а также преподаны были указания, что и Совет может собираться. Но бумага была для членов

коллегии тайной, хотя Сташевскому о ней сообщено. Совершенно верно, что мне пришлось поневоле вести об этом деле беседу с министром Игнатьевым. Только ездил я в Петербург зимой 1916 г. (верно о Масляной), будучи командирован Коммерческим Институтом по делам службы. Петербург был полон рассказами о деле Сташевского. Даже в высших официальных сферах высказывалось недовольство поведением Игнатьева, как недостаточно порвавшего с ненавистной политикой Кассо. В министерстве торговли мне показали вырезку из газет, еще очень скромно трактовавшую об этом деле. У меня было два дела к министру народного просвещения — вопрос о средствах на издание трудов моих учеников, и кроме того мое положение при Кассо в университете было очень неустойчивое: приходилось спросить нового министра гр. Игнатьева, стоит ли он на точке зрения той бумаги, которую я получил от Кассо. На второй вопрос он сразу ответа дать не мог и предложил мне зайти в следующий день. Тогда он сообщил мне кое-что из министерского досье обо мне, и *сам поднял* речь о деле Сташевского (значит, в досье мое кто-то привнес и это дело). Он рассказал мне о письмах, полученных им от Бубнова и других, рассказал о тягостной сцене выпрашивания Сташевским амнистии. Надо отдать справедливость Игнатьеву — он сам сомневался в том, правильно ли он поступил. Я ему заявил, что считаю вмешательством министерской власти в это дело недопустимым, и что печать может воспользоваться таким поступком министра. Нашлись люди, которые успокоили министерскую совесть.

В самом деле, что мог в доказательство своей невинности представить Сташевский министру? Разве следующее объяснение: «Министерству народного просвещения профессор представил объяснения, в которых он, признавая самый факт хищения, оправдывал его своей «молодостью и легкомыслием»... Молодость, легкомысленная, неустойчивая молодость и почти юность желторотого профессора. Можно сказать, не профессор, а щенок, который еще даже не понимал, что красть нехорошо. По всем этим обстоятельствам дело о похищении документов и окончилось мыльным пузырем». (Яблоновский, *Русское Слово*, 1917, 1, 12, № 9).

Между тем в Саратове дело получило совсем оригинальный оборот. Амнистированный Сташевский так осмелел, что чуть не все дело стал взваливать на меня, и находить кое-в-ком поддержку. Все это можно доказать. Важнее другое: около Пасхи 1916 г. меня ознакомили впервые во всем масштабе и со всеми деталями этой архивной панамы, меня *предупредили, что поход начнется против Университета* и меня, ибо меня считают соучастником «реабилитации» Сташевского. Я очутился в странном положении. Совершенно верно, что тогда я отправился к декану, как представителю факультета с документами в кармане. Он не приводит подробностей нашего разговора. И я не буду его вспоминать: пощадим звание профессора.

И еще курьез. Записка говорит, что в Саратове меня, пытавшегося говорить по этому делу (и мысли знают!), Шевяков даже не принял (очевидно, сообщение Сташевского) — так понравилась деятельность Сташевского товарищу министра, а Бубнов утверждает, что и в Саратове я говорил с Шевяковым. И то и другое — неправда: в Саратове я был у Шевякова вместе с господином Куринным и мы вместе хлопотали об отпуске обещанных средств на издание работ моих учеников.

Записка, следуя брошюре и частным комментариям, все приведенные факты представляет в более или менее искаженном виде. Вспоминая их, я теперь не каюсь в том, что официально предупреждал о возможности упреков по адресу Университета. Я исполнял свой долг, как я его понимал, и имел ввиду не Сташевского, а интересы

Университета. В отношении Сташевского я и сейчас уверен в том, что если бы факультет и Совет рассмотрели своевременно дело, то если бы даже коллегия вынесла мягкий приговор, никогда печать не подняла бы этого дела в такой резкой форме. Неумеренное желание покрыть дело административной тайной составило грустную страницу в истории нашего Университета. В этом ответственности я на себя не беру.

Результат всего дела получился печальный. Газеты полагали, что «ведь в этом случае должен сгореть от стыда весь Университет» (Терек, № 5690). А министерство открестилось от этого дела и прочло Совету устами товарища министра Шевякова нотацию. Вот что говорил Шевяков сотруднику газеты: «Я приветствую постановление Совета профессоров Университета св. Влад*имира. Наконец,* Ун*иверсит*ет стал на единственно возможно правильную точку зрения, что на каждый проступок члена коллегии должна реагировать только *сама коллегия. Достоинство* коллегиального учреждения требует, чтобы провинившийся ее сочлен был судим самой коллегией. *Так дело Сташевского было поставлено Министерством Народного Просвещения в самом начале:* министерство немедленно же предложило Совету Ун*иверсите*та обсудить этот вопрос. *Совет, однако, не хотел дать ход нашему предложению* (курсив газеты) и ми*нистерство* вынуждено было не настаивать на своем предложении» (Бирж*евые* Вед*омости,* 1917, 1, 25). К сожалению, «Совет» в действительности не знал о деле, а знали о нем лишь власть имущие. Но ошибся ли Шевяков, или ему писали действительно от имени коллегии?

Я ответил на студенческую записку, в полной уверенности в том, что студенты хотели знать истину, но лишь из доверия к профессору Сташевскому ограничились документами, им самим представленными. На суждение авторов записки несомненно также имела большое влияние брошюра Бубнова, почему и следовало бы остановиться на ней, но я не считаю возможным по нижеприводимым мотивам теперь отвечать Бубнову. Впрочем, фактическая часть моего ответа по существу отвечает и на брошюру «Сага о правой профессуре». Но я считаю преждевременным поднимать ряд общих вопросов, затронутых в брошюре. И вот почему: а) еще не время касаться щекотливого вопроса о правой профессуре в нашем университете, и роли в ней самого Бубнова. б) Бубнов счел нужным в самом начале революционного периода выпустить брошюру, в которой в общем хочет отстоять ту мысль, что правая профессура в Университете роли не играла, не играла роли и в деле Сташевского. Если ему нужны эти утверждения, пусть пока останутся за ним. в) Бубнов считает возможным изданием памфлета, приправленного абсолютно неверными сведениями, натравливать на меня молодежь. Что же делать! Такова моя судьба! Было у нас начальством министерство, его на меня натравливали, превратилась в начальство молодежь — к ней обращаются против меня. Привычка писать! г) По части доказательств и намеков брошюра оперирует в сильной мере искаженными сведениями: не считаю нужным на такой прием отвечать. д) Брошюра Бубнова отличается отсутствием сведений наиболее важных для дела: содержания речей и писем других лиц, отсутствием сведений их переговоров с министерством. Если писать правдиво, так все надо писать! Бубнов единственное лицо, которое решилось выступить с некоторого рода защитой Сташевского, но он скрывает ряд тех официальных и неофициальных сведений, коими обладает автор. Все эти данные делают частью преждевременным, частью едва ли достойным делом полемику с Бубновым.

Довнар-Запольский М. Вынужденные разъяснения (на правах рукописи). К., 1919. (Повна публікація).

Василенко Микола Прокопович (1877-1935)

Історик України та українського права, юрист, громадський та державний діяч.

Народився 2 (14) лютого 1866 р. на Чернігівщині (с. Есмань, нині с. Червоне Глухівського району). Навчався в Глухівській прогімназії та Полтавській гімназії. У 1885-1890 рр. студіював медицину (два роки) та історію в Дерптському (нині Тартуському) університеті; перебував під впливом праць та ідей відомого польського славіста Олександра Брікнера. Переїхав до Києва 1890 р., де в якості вільнослухача відвідував в Університеті св. Володимира лекції професорів Володимира Антоновича, Володимира Іконнікова, Івана Лучицького та Михайла Владимирського-Буданова. Під впливом Олександра Лазаревського почав досліджувати історію Лівобережної України. Впродовж 1892-1902 рр. викладав історію в Київському Володимирському кадетському корпусі та гімназіях. У 1902-1905 рр. займав посаду секретаря Київського губернського комітету. В 1905-1908 рр. — редактор газети «Киевские отклики». За наказом міністра внутрішніх справ Дурново, газета за публікацію статей на захист політичних в'язнів та в оборону республіканського устрою була закрита, а Василенко на рік ув'язнений в петербурзьких «Хрестах». Під час ув'язнення підготувався до іспитів з юриспруденції, які склав 1909 р. в Новоросійському (нині Одеський) університеті й отримав право на адвокатуру. У 1910 р. Василенко успішно склав магістерські іспити в Університеті св. Володимира й 1911 р. був обраний приват-доцентом, але через «українофільство» його не затвердили у цьому званні та не допустили до читання лекцій. З 1911 р. — дійсний член НТШ; член і голова (1919-1923) історичного товариства Нестора-Літописця, член (1908) Українського наукового товариства у Києві, співробітник «Киевской старины», член Старої Громади, а згодом — Товариства українських поступовців, водночас належав до партії кадетів. У 1917 р. — попечитель Київського учбового округу та заступник міністра народної освіти Тимчасового уряду. З січня 1918 р. — член колегії Українського Генерального Суду. За доби гетьманату Павла Скоропадського — міністр народної освіти; відіграв значну роль в утворенні Українських державних університетів у Києві та Кам'янці-Подільському, заснуванні Української Академії наук, відкритті українських гімназій, початкових та середніх шкіл. Обраний професором західноруського та українського права Університету св. Володимира та Українського державного університету. Із серпня 1918 р. (короткий час) — голова Кабінету Міністрів, з липня — президент Державного Сенату. 1920 р. — академік УАН; 1921 р. обраний президентом УАН, але не був затверджений радянським урядом і склав повноваження; 1920-1929 рр. — голова Соціально-економічного відділу УАН. У 1923-1924 рр., під час політичного процесу над організацією «Київський обласний Центр Дій» засуджений до 10-річного ув'язнення, але завдяки численним клопотанням амністований. Продовжував працю в УАН/ВУАН, займався історією українського права. Помер 3 жовтня 1935 р., похований на Лук'янівському кладовищі.

Основні праці: «Генеральное следствие о маетностях Киевского полка: 1729-1730» (К., 1892; ред.); «Генеральное следствие о маетностях Гадяцкого полка: 1729-1730» (Полтава, 1893; ред.), «К истории малорусской историографии и малорусского общественного строя» (1894), «Протоколы Верховного Тайного Совета как материал для истории Малороссии XVIII в.» (1896), «О.М. Бодянский и его заслуги по изучению Малороссии» (1903), «Очерки по истории Западной Руси и Украины» (1916), «Проф. Грушевский как историк» // Украинская жизнь. 1916. №2; «Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта старой Малороссии» (Т.1-3. 1901-1908), «Киевский университет св. Владимира» // Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7. М., 1914. Т. 24. С. 259-261; «Павло Полуботок» (1925), «Як скасовано Литовського Статута» (1926), «О.М. Лазаревський», «Територія України XVII в.» (1927), «Збірка матеріялів до історії Лівобережної України та українського права 17-18 вв.» (1927), «Матеріяли до історії українського права» (Т.1. 1929).

Спогади Василенка публікувалися уривками в «Українському історику» (1972. №1/2; 1973. №1/2; 1966. №3/4; 1988. №1/3, 4; 1990. №1/4).

Бібліографія: Микола Прокопович Василенко / Упор. В.В. Вороненко. К., 1990. С.32-46; *Полонська-Василенко Н.Д.* Бібліографія праць М.П. Василенка // Укр. історик. 1966. №3/4 (11/12). С.103-109.

Архів: НБУ НАНУ. ІР, ф. 40; ЦДАМЛМ України, ф. 542; ЦДАВОВУ, ф. 166, оп. 12.

Література: *Наріжний С.* М.П. Василенко і його наукова діяльність. Львів, 1936; *Соловей Д.* Василенко, Мілюков і самостійність України в 1918 р. Вінніпег, 1965; *Усенко І.Б., Вороненко В.В.* Микола Василенко // Вісник АН УРСР. 1991. №2. С.75-97; *Вороненко В.В., Кістерська Л.Д., Матвеєва Л.В., Усенко Г.Б.* Микола Прокопович Василенко. К., 1991; *Полонська-Василенко Н.Д.* М.П. Василенко і ВУАН // Україна (Париж). 1951. №5. С.337-345; *Синев Н.В.* Воспоминания о Н.П. Василенко (1956) // НБУ НАНУ. ІР, ф. 149, спр. 32; *Ульяновський В.І.* Київська науково-дослідна кафедра історії України академіка М.П. Василенка: нові матеріали // Ukrainica: архівні студії. К., 1997. Вип. 1. С.5-54.

ІСТОРІЯ МОГО ПРИВАТ-ДОЦЕНТСТВА
(Уривок із спогадів)

I

Різдвяні Свята 1905 року, як завжди, провадив я у батьків на селі, в Есмані.

Наприкінці 1905 року залишився я єдиним редактором «Киевских Откликов»: М.В. Ратнер все більше захоплювався активною політичною працею, мало часу бував в редакції й тільки іноді вміщав в газеті «передові» статті та фейлетони за підписом — М. Борисов.

Обов'язки секретаря редакції виконував О.Ф. Саліковський; він, разом із проф. В.Я. Железновим, підписував газету, як відповідальний редактор.

Мирно в сільській тиші зустрів я 1906 рік і хотів залишитися на селі до Водохрищ. Але другого, або третього січня одержав я тривожну телеграму від О.Ф. Саліковського. Він категорично вимагав, щоб я повернувся. Справа була така: О.Ф. Саліковського було притягнуто до відповідальности, й цензор О.О. Сидоров наказав зняти підпис Саліковського з газети, як відповідального редактора.

Я приїхав негайно до Києва. Правда, залишився другий відповідальний редактор — проф. В.Я. Железнов, але за умовою він відповідав тільки за економічний відділ. Так було повідомлено й цензора О.О. Сидорова. Треба було шукати іншого редактора. Затягати справу було неможливо, тому що Сидоров підготовив закриття «Киевских Откликов» і намагався всіма засобами псувати газеті, бо був переконаний, що газету протегує правитель канцелярії Київського генерал-губернатора Н.В. Молчанівський.

Тоді ще не було звичаю висувати на пост відповідального редактора осіб мало примітних, нецікавих для адміністрації. Тому в Києві багато видатних діячів, як проф. І.В. Лучицький, В.П. Науменко та інші сіли на лаву підсудних, як відповідальні редактори.

Знайти відповідального редактора для «Киевских Откликов» було дуже тяжко. Проте, час не чекав, і О.О. Сидоров щодня нагадував про це. Тому я, зважаючи на настирливі переконання товаришів по виданню, погодився прийняти обов'язки відповідального редактора «Киевских Откликов».

Цей крок був дуже невдалий. Не пройшло двох тижнів, як я був притягнений до відповідальности. Далі було закрито «Киевские Отклики» за розпорядженням міністра внутрішніх справ Дурново, переведено обшук та повну руйнацію видання. Мене було заарештовано, але через два тижні звільнено. Про це я сподіваюся розповісти іншим разом.

Природно, що моїм захисником на суді став мій товариш по редакції — М.Б. Ратнер. Він тримався системи затягування процесу. Він сподівався, що в зв'язку з відкриттям Державної Думи буде оголошена загальна амнестія. Плян цей не здійснився. Затягання справи тільки пошкодило. Сенатор Кравцов, що був в той час головою департаменту Київської Судової Палати та головував під час листопадової сесії, вважав, як мені переказали, що моя справа несерйозна і що суд скінчиться виправданням.

Проте, через два місяці, новий склад суддів, в січні 1907 року, засудив мене на рік ув'язнення в фортеці.

II

У зв'язку з новим становищем з'явилися нові турботи. Державна служба стала неможлива для мене. Я не хотів негайно відбувати кару. Усі радили мені затягати справу. Тоді ширилися чутки про можливе полегшення в справах преси. Крім того мої особисті справи не давали мені можливости негайно відійти від світу. Я став відтягати час відбування кари. Було подано касаційну скаргу до Сенату, цілком безпідставну, бо не було мотивів для касації вироку Палати. Але скарга відтягла термін ув'язнення місяців на три. Далі почалися звичайні «захорування», медичні обслідування, відсутність з Києва, і я тільки через півтора року після вироку, в жовтні 1908 року, сів на 9 місяців в Петербурзьких «Хрестах». Чверть терміну — з 12-ти місяців — було скорочено, тому що я відбував кару в фортеці не в загальній камері, а в камері для одної людини (в «одиночці»).

Незважаючи на те, що я скінчив Історико-філологічний факультет Дорпатського (пізніше Юр'ївського) німецького університету, я ще на студентській лаві цікавився юридичними науками. До цього спричинилося, що до батька мого, що жив на селі, постійно зверталися селяни по поради, і я, коли бував у батьків, теж брав участь у цій побутовій «юриспруденції». Проте, систематичної юридичної науки я до того часу не вивчав.

Кілька місяців після вироку, в травні 1907 року, я зустрів в редакції «Киевских Вестей», що замінили ліквідовані «Киевские Отклики», відомого земського та міського діяча, С.І. Лисенка. Він приїхав з Одеси, де зробив спроби скласти іспити в юридичній іспитовій комісії. Спроба була невдала й він хотів повторити її восени.

— Може, й я спробую скласти іспит разом із вами, «за компанію», — пожартував я.

— От і добре, удвох буде веселіше, — підтримував мене С.І. Лисенко.

Ми почали розмовляти і кінець-кінцем жарт перетворився в серйозну справу, й я вирішив восени скласти іспити в Одесі, в юридичній іспитовій комісії.

У той же день я надіслав прохання на ім'я міністра народної освіти Кауфмана про дозвіл. Я одержав дозвіл дуже швидко, через місяць, на селі у батьків. Я поїхав туди через тиждень після розмови з С. Лисенком, і туди Лисенко обіцяв надіслати програму іспитів та деякі книжки, потрібні для іспитів.

Літо 1907 року я прожив на селі й ретельно підготовлявся до іспитів. На початку жовтня 1907 року я був вже в Одесі. Іспити почалися 11 жовтня.

За цей час сталися істотні зміни в організації іспитів. Попередня комісія з деканом на чолі закінчила свої повноваження і була призначена міністерством нова: на чолі її стояв «заслужений» професор цивільного права О.Г. Загоровський. Тоді Одеса притягала багато людей з різних міст Росії, що хотіли складати іспити. Існувало переконання, що в Одесі легко складати іспити. Призначення нової іспитової комісії налякало людей і чимало їх взяли назад прохання, або зовсім не подали їх. Залишилося біля 10-ти осіб, якщо не менше. Висловлювали навіть сумнів, чи буде іспитова комісія для такого невеликого числа? Але принципово вирішено було, що комісія відбудеться, незважаючи на мале число тих, що бажали складати іспити

О.І. Загоровський провів комісію серйозно, коректно, навіть урочисто. Як голова комісії, він був приступний, ввічливий, доброзичливий і в той же час суворий та серйозний. Він зробив іспити публічними: в кімнаті, де відбувалися іспити — в новому будинку університету, на Преображенській вулиці — були десятки людей, які не наважилися складати іспити; дехто висловлював пізні каяття та сум.

Я був найстаршим серед групи, яка тримала іспити. Проте, серед нас не було

нікого з так званої «зеленої молоді», що тільки що закінчила університети, навпаки: все це були люди, які вже працювали в державних установах, або брали участь в громадській діяльності, як земські «гласні», земські начальники тощо.

Тільки один із тих, що тримали іспит, здається, був мало підготовлений; він відійшов на початку іспитів; інші всі закінчили іспит не тільки задовільно, але й добре.

З боку О. Загоровського, з яким я тільки тоді познайомився, я зустрів найкраще ставлення до мене. Він стежив уважно за ходом моїх іспитів. Іспити у мене йшли добре й я одержав диплом першого ступеня, а згодом подав О. Загоровському працю про «Улиточні записи».

Іспити тривали два місяці — з середини жовтня до середини грудня. За цей час мені довелося один раз побувати в Києві. Закінчився термін медичної посвідки. Обов'язково треба було знову пройти обслідування у міського лікаря в присутності урядовця поліції. Заздалегідь умовившись щодо часу, я приїхав до Києва між двох іспитів. Проте, виконати розклад мені не вдалося. У день приїзду я не застав міського лікаря, або він не хотів прийняти мене, бо на другий день він зустрів мене досить брутально, але все ж оглянув. Коли я запропонував йому гонорар, він рішуче відхилив мою руку. Золоті та срібні монети, що я тримав в ній, розсипалися й я, соромлячись та хвилюючись, почав ловити їх та збирати в одне місце. Становище моє було тяжке. З лікарем, про якого я кажу, пізніше ми добре познайомилися і не раз зустрічалися й з інтересом балакали.

Обслідування відбулося на другий день у моєму помешканні. Лікар прийшов до мене з «приставом» Либедського району Воронецьким, що став пізніше помічником поліцмайстра. Потрібну мені посвідку я одержав і мав можливість ще деякий час жити «на волі» й закінчити іспити.

Обслідування спізнилося на один день щодо терміну, на який я розраховував. Це відбилося на моїх іспитах. Тільки в дорозі, у вагоні, пощастило мені переглянути поспішно потрібні книжки і повторити «набіло». Тому іспит із статистики та адміністративного права склав я тільки задовільно. Я повернувся до Одеси в самий день цих іспитів.

У середині грудня я одержав посвідку про те, що склав іспити юридичного факультету.

Що міг я з ними робити, як використати?

Я остаточно вирішив вписатися до адвокатури. Проте, я не міг стати помічником київських адвокатів. У Києві не було Ради «присяжних повірених», а приймав до адвокатури суд. Не було жадної надії, щоб Київський Окружний Суд дозволив мені, засудженому Київською Судовою Палатою, зробитися помічником «присяжного повіреного» Києва. Тому виходом для мене була Одеса, де вже довший час існувала Рада «присяжних повірених».

Головою Ради був тоді О.Я. Пергамент, товаришем голови — Т.О. Куликовський, який фактично заступав Пергамента. Пергамент у той час уже покинув Одесу й мешкав постійно в Петербурзі. За посередництвом проф. І.В. Лучицького, я просив О.Я. Пергамента прийняти мене до своїх помічників. Але Пергамент у той час уже перейшов до «присяжних повірених» округи Петербурзької Судової Палати і не міг прийняти мене; він спрямував мене до Т.О. Куликовського і написав йому листа про мене.

Поляк походженням, Т.О. Куликовський був спочатку судовим діячем у Басарабії, а потім переїхав до Одеси і перейшов до «присяжних повірених», які ставилися.до нього з великою пошаною. У той час, як я став його помічником, Т.О. Куликовський вже був старий. Його практика занепадала — це він сам сказав мені під час моїх відвідин його, грудневим вечором, коли ми обговорювали мою долю.

Я з'ясував Титові Осиповичу моє становище. Коли я розмовляв із ним, я

не потребував практики, а певного становища, яке дало б мені звання помічника «присяжного повіреного» та приналежність до адвокатури. З другого боку мені не хотілося втрачати жадного року зо стажу, потрібного для «присяжного повіреного». Я не міг працювати фактично тому, що мусів відбути рік ув'язнення в фортеці. Не міг я тоді думати також про переїзд до Одеси.

Т.О. Куликовський поставився до мене дуже співчуваюче і з виключною увагою пішов мені назустріч. Швидко мене записали як помічника і я пройшов встановлений термін «висіння». Не було поганих «отзывов» про мене, що могли б перешкодити прийняттю мене до помічників «присяжних повірених»[1].

На початку 1908 року ми обмінялися з Титом Осиповичем кількома листами. Я писав йому з Києва і він акуратно відповідав мені, завжди починаючи листа інтимно: «Дорогий товаришу». У цьому відбивалося його принципове ставлення до свого помічника. Таким він, вже давно покійний, залишився в моїх споминах.

III

Я повернувся до Києва в середині грудня й після Різдвяних Свят цілком захоплений був своєю працею, яку мав подати, щоб одержати диплом 1-го ступеня. Тему для цієї праці я обрав про «Улиточні записи».

На початку лютого я знову поїхав до Есмані; якраз у той саме день, на підставі помилкового розпорядження прокурора суду, прийшла поліція, щоб арештувати мене для відбування кари. Я перед тим замельдувався, що їду до Криму і наказ про арешт було надіслано до Криму. А я тим часом мешкав в Чернігівській губернії.

Зима 1907-1908 років затяглася. Сніг почав танути тільки у другій половині березня. Стояли чудові соняшні дні, які зміняли місячні безхмарні ночі. Морози були середні, але вони міцно спаювали свіжий сніг. Ходити та їздити можна було навпростець без дороги, по всім напрямкам.

Під батьківським дахом я відпочивав після напруженої праці попереднього року, багато часу провадив на свіжому повітрі і підготовлявся до наступного дев'ятимісячного ув'язнення.

Моє ув'язнення я вирішив відбувати в Петербурзі, у так званих «Хрестах».

На таке моє рішення вплинуло багато міркувань. Тому що «Хрести» — це була тюрма з одноособними камерами, то термін ув'язнення в ній скорочувався для мене на три місяці. Ув'язнення в одноособовій камері («одиночці») мало крім того багато переваг. Для в'язнів в фортеці не було обов'язкової праці, і в'язні могли використовувати час як завгодно. У Києві в'язні фортеці мешкали звичайно удвох у камері. Перебування в невеликій, постійно зачиненій камері двох людей, навіть близьких один до одного, відсутність зовнішніх вражень, зіпсовані нерви, в наслідок довгочасного браку рухів, повітря — все це утворювало надзвичайно тяжку атмосферу й викликало постійні свари та суперечки. Інше становище було в одноособових камерах, де людина могла робити, що вона хотіла.

Таємнича завіса, що довгий час ховала внутрішній порядок у «Хрестах», була відслонена деякими депутатами 1-ої Державної Думи, які відбували в «Хрестах» трьохмісячне ув'язнення. З їхніх спогадів було ясне: головним засобом проти суму та гніту довгочасного перебування в «одиночці» міг бути тільки систематичний порядок життя, гімнастика й постійна праця.

Усе це я виконував систематично в «Хрестах».

Для постійної праці в «Хрестах» я вирішив підготовитися до іспитів на маґістра російської історії. Ця мета дав-

[1] В Одесі звичайно вивішували в помешканні Ради «присяжних повірених» (будинок судових установ Одеси) прізвища особи, яку мали прийняти помічником «присяжного повіреного». Звідси пішов вираз — такий-то висить....

но вже стояла переді мною: незабаром після закінчення університету в 1892 році, одночасно з М. С. Грушевським ми почали маґістерський іспит в університеті Св. Володимира в Києві. Іспити довів я майже до кінця. Але моя перевтома спричинилася до того, що я не міг закінчити іспиту з історії Середньовіччя у такого лагідного екзаменатора, яким був професор Ф.Л. Фортинський. Іспит було відкладено, термін пройшов. Умови мого життя склалися так, що я довгий час не міг зосередитись на думці про іспит. І от тепер, коли мені доводилось покинути громадське життя на дев'ять місяців, я вирішив використати цей час, щоб здійснити своє давне прагнення.

Я домовився з професорами, у яких треба було складати іспити. Вони поставилися прихильно до моєї думки, дали запитання, дали вказівки, назвали книжки. Я забезпечив себе книжками так, що у мене у в'язниці були під рукою всі книжки, що їх мені вказали київські професори. У Петербурзі в справі здобування книжок мені допомогли професори — І.В. Лучицький та М.І. Кареєв. Кареєв дав мені деякі зо своїх творів, що стали мені в пригоді в моїй праці.

Початком мого ув'язнення я призначив серпень, щоб на початку весни бути вже дома й на селі поновити сили, які буде втрачено в тюрмі. Прокуророві Київського Окружного Суду я подав заяву, що я переїхав до Петербурґу на постійне перебування й там хочу відбути кару; тому просив я спрямувати до Петербургу справу про виконання вироку Київської Судової Палати.

Листування затяглося, і справа опинилася в Петербурзі лише наприкінці вересня.

Була небезпека, що «Хрести» переповнені і що туди тяжко потрапити. Проте це було налагоджено завдяки одному видатному урядовцеві Головного Управління Тюрмами, до якого звернувся мій приятель про допомогу.

Літо я прожив спокійно в Есмані, і якось ніхто з нашої родини не думав і

Федір Фортинський, ректор. Кінець XIX ст.

не говорив про те, що зиму доведеться мені провести в зовсім інших умовах. Але настав серпень, за ним вересень. Я все частіше помічав сліди сліз, що не встигли висохнути на очах моєї матері. Батько, опершися підборіддям на руку, довше залишався на своєму звичайному місці в нашій сільській їдальні: він щось думав, міркував. Нерідко бувало, що батько й мати раптом замовкали, коли я входив. Ясно, що розмова, якась тривожна, була про мене. Їхня тривога мимохіть передавалася мені. Мій спокійний, холоднокровний настрій, в якому я перебував все літо, починав зникати.

Батьків лякав рік розлучення. Обом було вже понад сімдесять років. Чи побачать вони мене знову? Їх турбувало моє здоров'я. Як відіб'ються на ньому ці дев'ять місяців «одиночки», та ще в петербурзькому кліматі? Їх мучило те, що я, їхній син, буду сидіти у в'язниці. З цим найтяжче було їм примиритися. Тому більшу частину своїх листів до мене, що їх адресовано було до Петербурзької тюрми, надсилали вони не з села, а з Глухова.

Я виїжджав з дому в день свята, 26 вересня. Братів і сестер не було вже в Ес-

мані. З батьком і матір'ю залишився сам. Це робило розлуку ще більше тяжкою.

Напередодні виїзду був чудовий ясний день вересня. Я сидів в кімнаті, розбирав та складував свої речі. Раптом чую над собою веселе цвірінькання. Дивлюся — кружляє маленька пташка, політала, політала й вилетіла у відчинене вікно.

У нашій родині було повіря: якщо птах влетить до хати — це свідчить, що незабаром у домі буде покійник. Коли я побачив пташку, я мимохіть піддався цьому забобонові і подумав: «Хто це буде»? Кілька разів я відганяв від себе цю думку, але не міг звільнитися від неї; довелося покинути працю та вийти з хати. Забобонна думка не давала спокою й не один раз поверталася до мене. Про пташку я, звичайно, нікому не сказав.

На другий день треба було їхати. Батько зо сльозами на очах, але твердо, попрощався зо мною. Мати довго й багато разів цілувала, залишала й знову цілувала мене, обливаючись сльозами. Я пригадую, як зараз, її, в сіренькому пальті, що накинуто було на плечі, в кутку нашого передпокою, якоюсь схудлою, ніби вона «зменшилась» за останню ніч.

Ми бачилися з нею тоді в останній раз у житті[2].

Український історик. Нью-Йорк; Торонто, 1966. № 3/4 (11/12). С. 52-58.

Документи про політичну неблагонадійність та звільнення з посади приват-доцента Миколи Василенка

№ 1
Секретне повідомлення попечителя Київського учбового округу ректору Університету св. Володимира. 13 грудня 1912 року

13 декабря 1912 г. Г. Ректору университета Св. Владимира

На сделанный г. Попечителем округа запрос начальнику Киевской губернии о прошлой деятельности Николая Василенко, допущенного к чтению лекций в университете св. Владимира в качестве приват-доцента по предмету русской истории, Киевский губернатор уведомил, что, как видно из имеющихся у него сведений, помянутый Василенко известен в прошлом своим противоправительственным направлением и сношением с лицами, политически неблагонадежными. 26 января 1906 года, в ликвидацию ныне закрытой за вредное направление редакции газеты «Киевские Отклики», он был подвергнут обыску, аресту и привлечен при Киевском Губернском Жандармском Управлении к переписке, в порядке охраны, в качестве заподозренного в политической неблагонадежности; причем обыском в конторе редакции газеты «Киевские Отклики», редактором которой он состоял, было обнаружено: много документов, изобличающих редакцию в производстве денежных сборов в пользу политических преступников, бастующих рабочих г. Киева и С.-Петербурга и сапер, пострадавших 18 ноября 1905 года во время военного бунта, и 39 денежных переводов и писем на протоколы крестьянского союза. Переписка эта дальнейшим производством губернатора прекращена. Затем Василенко зна-

[2] Тетяна Дмитрівна Василенко нагло померла в липні 1909 року за кілька днів до звільнення з «Хрестів» Миколи Прокоповича. Брат його, Костянтин Прокопович, приїхав до Петербургу, щоб повідомити його про це нещастя (*Наталя Полонська-Василенко).*

чится в списке членов конституционно-демократической партии, обнаруженном в 1906 году при обыске в помещении бюро названной партии в г. Киеве. За позднейшее время неблагоприятных сведений о Василенко не поступало, но, конечно, трудно предполагать, чтобы это лицо изменило прежним своим убеждениям и проявляло ныне благонамеренный образ мыслей.

Означенные сведения о прошлом Василенко имелись в виду и сыграли существенную роль при предполагавшемся летом текущего года назначении его на должность библиотекаря Киевской городской публичной библиотеки, к каковой он допущен не был; что же касается изъявленного губернским начальством согласия к допущению Василенко к чтению лекций в университете св. Владимира в качестве приват-доцента, то в данном случае Губернатор, учитывая имеющиеся данные, руководствовался: во-первых, их давностью, не входящею в установленный для определения степени политической благонадежности пятилетний период, а во-вторых, и тем соображением, что узкопартийные взгляды и убеждения Василенко, каковых, вероятно, он придерживается и в настоящее время, принести особенного вреда, при чтении им лекций по научному предмету, не могут.

Сообщая о вышеизложенном, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство уведомить меня, находите ли вы удобным состояние г. Василенко в преподавательской среде университета.

Возвращая при сем документы г.Василенко: метрическую справку за № 19416, свидетельство о явке к исполнению воинской повинности за № 1655 и копию формулярного списка о службе Василенко, удостоверение за № 217 и диплом за № 67, покорнейше прошу о получении означенных документов уведомить канцелярию округа.

Управляющий округом,
Помощник попечителя *(підпис)*
За правителя канцелярии *(підпис)*

ДАК, ф, 16, оп. 465, спр. 376, арк. 1-2.

№ 2
Конфіденційне подання ректора Університету св. Володимира Миколи Цитовича попечителю Київського учбового округу Олександру Деревицькому про українофільські погляди Миколи Василенка. 29 грудня 1912 року

Копия

Декабря 29 дня 1912 г.
№ 5387

Его Превосходительству Господину
Попечителю Киевского Учебного Округа

Имею честь донести Вашему Превосходительству, что возбуждая ходатайство о допущении Николая Прокофьевича Василенко к чтению лекций в Университете св. Владимира по предмету русской истории, на основании представления историко-филологического факультета, я руководился в отношении его политической благонадежности отзывом г. Киевского губернатора от 21-го августа 1912 года за № 2191, которым г. Василенко признан в нравственном и политическом отношениях благонадежным. По получении же предложения Вашего Превосходительства от 13 декабря за № 64325, в которм Вы изволите сообщить сведения о политическом прошлом г. Василенко, доставленные дополнительно г. Губернатором, и предлагаете мне высказать мое мнение по поводу уместности оставления его в препода-

вательской среде университета, я нашел необходимым собрать дальнейшие справки об общем направлении его научной и литературной деятельности, которые могли бы послужить основанием для ответа на предложенный мне вопрос.

Как выяснилось из этих справок, полученных мною от осведомленных лиц и вполне подтверждаемых литературными произведениями г. Василенко, с которыми я ознакомился, г. Василенко является одним из выразителей идеи украинского сепаратизма. В духе этого направления им были составлены лекции по истории Южной Руси, прочитанные на земских общеобразовательных курсах 1911 года в Полтаве. Как видно их краткого содержания этих лекций, напечатанных в отчете о названных курсах (Полтава 1911 г., стр. 39 и след.) г. Василенко, в качестве главных пособий для ознакомления с историей Южной Руси, рекомендовал своим слушателям сочинения профессора Грушевского и в основание своих лекций положил идеи этого представителя и руководителя украинского движения. Ту же связь с идеями профессора Грушевского г. Василенко обнаруживает и в недавно напечатанной рецензии на сочинение Грушевского: «История Украины» («Киевская мысль» № 353 за 1912 г.). Г. Василенко признает здесь «строго научным» и горячо рекомендует вниманию читателей этот ярко тенденциозный, составленный в духе украинского сепаратизма труд, в котором население Киевского и Галицкого Княжества еще в удельном периоде русской истории именуется «украинцами», а киевские князья Игорь, Святослав, Владимир Святой и др. — украинскими князьяви (см. родословную «украинских князей киевской династии»); где суздальские князья называются «посторонними интриганами, вмешивавшимися в украинские дела» (стр. 105); где высказывается предположение о различном племенном происхождении великороссов и «украинцев» (стр. 20 и 22) и где при изложении истории присоединения Малороссии к Московскому государству настойчиво проводится мысль о вероломном поведении Москвы, подавившей автономию присоединенных областей, а появление литературы на искусственном «украинском» языке характеризуется как признак «украинского возрождениия».

При этом отношении г. Василенко к украинскому вопросу я не могу не признать, что оставление его в среде преподавателей университета, и в особености, .в качестве преподавателя русской истории, является нежелательным.

Ректор Н.Цытович

Резолюції: Вызвать ко мне г. Василенко. 29/XII.

7-го января — предложить лично подать прошение об отчислении 7. 1. 1913 г.

НБУ НАНУ. ІР, ф. 40, спр. 1206, арк. 1-2.

№ 3
Заява Миколи Василенка попечителю Київського учбового округу Олександру Деревицькому з відмовою подати прохання про звільнення з посади приват-доцента Університету св. Володимира 29 травня 1913 року

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, Александр Николаевич.

Отношение Учебного Округа от 23 мая этого года за № 16431/2462 я получил.

Ознакомившись с относящимися к существу вопроса узаконениями, я пришел к заключению, что, в виду 513 ст. Свода Уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства Народного Просвещения (Свод Законов, т. XI, ч. 1),

в подаче требуемого Вашим Превосходительством прошения об освобождении меня от звания приват-доцента Университета св. Владимира надобности не встречается, так как я и без того должен считаться сложившим это звание, как не преподававший в течение полугодия.

Но если бы Ваше Превосходительство по каким-нибудь соображениям признавали необходимым настаивать на подаче мною особого прошения об освобождении меня от звания приват-доцента Университета св. Владимира, в каком звании Вы утвердили меня в октябре 1912 года, то считаю своим долгом сообщить, что подачу такого прошения я не нахожу для себя возможной.

Подать такое прошение означало бы признать правильность всех тех «частных сведений», которые получены Вами из неизвестного мне источника и которые, к сожалению, сыграли решающую роль в моем деле, вопреки официальным обо мне сведениям. Это противоречило бы чувству справедливости и личного моего достоинства. Решиться на такой шаг я не в состоянии, какими бы последствиями это ни грозило мне в будущем.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Ник. Василенко *(підпис)*
29 мая 1913 года.
г. Новая Ушица
Подольской губернии.

НБУ НАНУ. ІР, ф. 40, спр. 1034, арк. 1-1 зв.

№ 4
Агентурна інформація жандармів про діяльність і політичну орієнтацію Миколи Василенка у 1914-1915 роках

22 октября 1914 года
№ 51016

Совершенно секретно
Директору Департамента полиции
По 9 Делопроизводству

Представляя при сем добытый агентурным путем подлинный оттиск воззвания «Трудовой Группы», доношу Вашему Превосходительству, что документ этот был послан из Петрограда в Киев по адресу: Тарасовская 32, Николаю Прокопиевичу Василенко.

Получатель этого воззвания является проживающий в Киеве по Тарасовской улице в доме № 20, кв. 5, коллежский советник Николай Прокопиев Василенко, 48 *лет*, который 24 января 1906 года, во время ликвидации редакции местной газеты «Киевские Отклики», как редактор этой газеты, был обыскан, арестован и привлечен при вверенном мне Управлении к переписке в порядке охраны, в качестве заподозренного в политической неблагонадежности. Основанием к привлечению его послужил результат обыска в конторе редакции названной газеты, где были найдены документы, изобличающие редакцию в производстве денежных сборов в пользу политических преступников, бастующих рабочих и, пострадавших 18 ноября 1905 года во время военного бунта, сапер, а также денежные переводы на выписку издания «Протоколы крестьянского союза».

Переписка эта Киевским Губернатором дальнейшим производством была прекращена. Василенко содержался под стражей по настоящему делу с 25 января по 13 февраля 1906 г.

В том же году при обыске в бюро конституционно-демократической партии был найден список членов этой партии, в каковом значился и Николай Василенко.

В январе 1911 года Василенко соприкасался с лицами, проходимыми в Киеве по наружному наблюдению по Российской социал-демократической рабочей партии.

В последующем Василенко упоминается в донесении моем от мая сего года за № 50489.

В настоящее время Василенко состоит соредактором издающегося в Киеве журнала: «Записки Украинського Наукового Товариства».

Копия сего донесения с копией воззвания одновременно с сим препровождается Начальнику Петроградского Охранного Отделения. — Подлинное подписал: Полковник Шредель

Верно: Коллежский регистратор *(підпис)*

Совершенно секретно
Начальнику Петроградского
охранного отделения

Для сведения

П.П. Начальник Киевского Губернского
Жандармского Управления, Полковник Шредель.
Верно: Коллежский регистратор *(підпис)*
№ 51017
22 октября 1914 года.

№ 50438
21 августа 1915 г.

Совершенно секретно
Господину Директору
Департамента полиции
По 6 Делопроизводству

Представляя при сем фотографический снимок с письма, адресованного из Минска в Киев, на имя Николая Прокофьевича Василенко, доношу Вашему Превосходительству, что Василенко упоминается в донесении моем от 22 октября 1914 года за № 51016; кроме того, в мае месяце сего года от Начальника Штаба Киевского Военного Округа было получено сообщение, что сотрудники местной газеты «Киевская Мысль» Николай Василенко и другие, не имея особого разрешения на поездки в действующую армию, совершают таковые под видом санитаров и собирают для своей газеты разнообразные сведения, причем ими собран материал, подлежащий военной тайне, который они предполагают использовать после войны.

За корреспонденцией названных лиц установлено наблюдение через военно-цензурную комиссию Штаба Киевского Военного Округа, а за выездом из Киева в действующую армию — через Начальника Киевского Жандармского Полицейского Управления железных дорог.

Автор письма Иван Иванов Метлин по делам вверенного мне Управления до сего времени не проходил.

П.П. Полковник Шредель
Верно: Коллежский регистратор *(підпис)*

ЦДІАК, ф. 274, оп. 5, спр. 23, арк. 212-212 зв., 214-214 зв.

Микола Прокопович Василенко — попечитель Київського учбового округу й товариш міністра народної освіти (офіційні документи 1917 року)

№1
Указ Временного Правительства

Приват-доцент Университета Св. Владимира Николай Васильевич Василенко назначается попечителем Киевского учебного округа.

Министр-Председатель Князь Львов *(підпис)*
Министр народного просвещения А. Мануйлов *(підпис)*
22 марта 1917 г.

№2

Киев. Университет. [Приват-доценту]* Николаю Прокофьевичу Василенко.

Указом Временного Правительства Вы назначены попечителем Киевского [учебного]* округа. Благоволите вступить [в]* управление округом [и о]* исполнении сего донести.

Министр Мануйлов
24.III. Верно: С. Беллярмин

№3

Товарища Министра народного просвещения
28 марта 1917 г.
№ 267
Г. Попечителю
Киевского учебн*ого* окр*уга*

Милостивый государь, Николай Прокофьевич

Имею честь уведомить Вас, что Указом Временного Правительства от 22 марта сего года Вы назначены попечителем Киевского учебного округа.

Примите уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Товарищ министра О. Герасимов (підпис)
Верно: Ив. Потапов.

№4

№ 50914. 27.3.1917
Петроград. Министру просвещения.

Сегодня вступил в управление Киевским учебным округом.

Попечитель Василенко

** Викреслено задля скорочення тексту*

№5

27 марта 1917 года
№ 9603/1671
г. Киев

Циркулярно

Г.г. начальникам мужских и женских учебных заведений
и директорам народных училищ
Киевского учебного округа

Указом Временного Правительства я назначен попечителем Киевского учебного округа.

Вступив сего числа в исполнение своих служебных обязанностей, об этом сообщаю по округу.

Прием г.г. служащих в округе по текущим делам будет производиться по средам с 2 до 4 часов дня, по делам же спешным — во всякое время.

Попечитель Округа Н. Василенко
Правитель Канцелярии В. Иванов
Верно: за столоначальника О. Дустина

№6

Г. Министру народного просвещения

Имея необходимость срочно выехать в Петроград для участия в совещании 2-го июля по украинскому вопросу в Центральном Комитете партии Народной свободы, покорнейше прошу Вас, г. Министр, разрешить мне означенную поездку, которая продлится не более недели.

Попечитель Киевского учебного округа Ник. Василенко
29 июня 1917 г., г. Киев

№7

Киев. Попечителю Киевского учебного округа.

Приезд Петроград Вам разрешен.

Директор *(підпис)*
Отпр*авлено* 3.VII.

№8
Указ Временного Правительства Правительствующему Сенату

Попечитель Киевского учебного округа Николай Прокопиевич Василенко назначен Товарищем Министра народного просвещения.

Министр-Председатель А. Керенский *(підпис)*
Министр народного просвещения Сергей Ольденбург *(підпис)*
19 августа 1917 г.
Верно: за делопроизводителя Терпиловский

№9

6 сентября 1917 г.
№ 1845

Г. Товарищу министра народного просвещения Н.П. Василенко

Милостивый государь Николай Прокопиевич.

Уведомляю Вас, что Указом Временного Правительства Сенату от 19 августа сего года Вы назначены товарищем министра народного просвещения.

Примите уверение в совершенном почтении и истинной преданности.

Управляющий м*инистерств*ом нар*одного* пр*освещения* Салазкин

№10

5.9.1917. № 1025

Срочно. Ответ 15 Петроград. Товарищу Министра просвещения Бернадскому

Сообщение прервано. Когда выяснится возможность моего возвращения, телеграфируйте: Киев, Тарасовская, 20.

Товарищ Министра Василенко.

5.XI.1917. №1021
Киев. Тарасовская, 20. Тов. министра Василенко.

2 сентября движение восстановлено, приезжайте.

Под*писал* Бернадский

5.XI.1917. №1944

Срочно. Петроград. Управляющему Министерством просвещения.
Буду *в* Петрограде десятого.

Товарищ Василенко.

№11
Формулярный список о службе товарища министра народного просвещения коллежского советника Николая Прокопиевича Василенко. Составлен к 10 июня 1917 г.

Коллежский советник Николай Прокопиевич Василенко родился 2 февраля 1866 г., 51 года, православного вероисповедания. Сын чиновника.

Имеет ордена: Св. Анны 3 ст. и Св. Станислава 3 ст.

По должности Товарища Министра народного просвещения содержания получает в год: 12.000 [8000]* р. и квартирных 3000 р. [2000р.]. Всего 15000 р. [10000 р.]*

Имения нет. Холост.

Окончил курс историко-фиологического факультета Дерптского университета со степенью кандидата истории, о чем имеет диплом от 5 сентября 1890 г. за № 68. 22 августа 1890 *г.*

В службу вступил преподавателем истории Киево-Фундуклеевской женской гимназии с 1 сент*ября* 1894 *г.*

* *Скрізь у дужках — викреслений оклад на посаді попечителя Київського учбового округа.*

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 11 ноября 1898 года за № 81 утвержден в чине коллежского ассесора, со старшинством с 1 сент*ября* 1894 *г.*

За отлично-усердную службу Всемилостивейше награжден орденом Св. Станислава 3 ст. 1 янв*аря* 1899 *г.*

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 11 июня 1899 года за №44 произведен за выслугу лет в надворные советники со старшинством с 1 сент*ября* 1898 *г.*

Имеет право на ношение вензелевого знака в память 100-летнего юбилея ведомства учреждений Императрицы Марии 2 мая 1897 года.

За отлично-усердную службу в должности преподавателя Фундуклеевской женской гимназии Всемилостивейше награжден орденом Св. Анны 3 ст. 1 янв*аря* 1902 *г.*

Состоял преподавателем истории в Киевском Владимирском кадетском корпусе из платы по найму с 1894/95 учебного года по 1901/1902 учебный год.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 10 января 1903 г. за №4 произведен в коллежские советники со старшинством с 1 янв*аря* 1902 г.

За отлично-усердную службу Всемилостивейше награжден денежными выдачами: в 1897 г. — 170 р., в 1900 г. — 150 р.

Состоял непременным членом Киевского попечительства о народной трезвости с 16 янв*аря* 1903 *г.* по 1 янв*аря* 1906 *г.*

Зачислен в штат канцелярии Киевского губернатора с 1 января 1903 *г.*

Согласно прошению уволен от должности преподавателя истории Киево-Фундуклеевской женской гимназии с 1 февраля 1903 *г.*

Состоял секретарем Киевского губернского статистического комитета с 1 марта 1903 *г.* по 1 марта 1905 *г.*

Приказом Киевского губернатора от 4 марта 1905 г. за № 49 перечислен в штат канцелярии губернатора с 1 марта 1905 *г.*

Приказом того же губернатора от 25 января 1906 г. за №26 уволен от службы в Канцелярии с 25 января 1906 г.

С разрешения Министерства народного просвещения от 16 июля 1907 г. за № 14417 подвергался испытанию в юридической испытательной комиссии при Новороссийском университете в 1907 г. и удостоен диплома первой степени, каковой и выдан ему Управляющим Одесским учебным округом от 17 ноября 1908 г. з № 32939.

По постановлению Совета присяжных поверенных округа Одесской судебной палаты от 25 февраля 1908 г. зачислен в состав помощников присяжных поверенных 25 февр*аля* 1908 *г.*

Успешно выдержал в университете Св. Владимира магистерский экзамен по русской истории и по удовлетворительном прочтени двух пробных лекций историко-филологическим факультетом университета признан достойным звания приват-доцента по русской истории в 1910 году.

Распоряжением попечителя Киевского учебного округа от 28 октября 1912 г. за № 58388/16447 был допущен к чтению лекций в университете Св. Владимира в качестве приват-доцента по предмету русской истории, но как не читавший лекций в течение полугодия, согласно ст. 513, т. XI, ч. 1 (Уст. уч. зав.), Св. Зак., изд. 1893 г., считается сложившим с себя звание приват-доцента.

Как прошедший установленный стаж помощника присяжного поверенного Т.О. Куликовского, постановлением Совета присяжных поверенных Одесского округа от 11 января 1914 г. был принят в число присяжных поверенных сего округа.... 11 янв*аря* 1914 *г.*

По постановлению Киевского Совета присяжных поверенных от 27 апреля 1916 года перечислен в округ Киевской судебной палаты. 27 апр*еля* 1916 *г.*

Согласно прошению отчислен из состава присяжных поверенных 31 марта 1917 *г.*

Указом Временного Правительства от 22 марта 1917 года назначен на должность попечителя Киевского учебного округа. 22 марта 1917.

⁻Указом Временного Правительства от 19 августа 1917 г. назначен Товарищем Министра народного просвещения. 19 августа 1917.⁻

Попечитель округа Ник. Василенко *(підпис)*
Правитель канцелярии В.И. Осипов *(підпис)*

РГИА. СПб, ф. 740, оп. 19, д. 79, лл. 1-6, 8, 9, 12-13, 15, 24-26, 29-31.

Повідомлення ректора Університету св. Володимира про обрання Миколи Василенка в.о. екстраординарного професора по кафедрі західноруського права
16 жовтня 1918 року

Совет Университета Св. Володимира, в собрании своем 11 текущего октября посредством баллотировки, избрал кандидата юридического факультета, магистранта Н.П. Василенко на должность и.д. экстраординарного професора по кафедре истории западно-русского права.

Об изложенном имею честь довести до Вашего сведения, Г. Министр.

Ректор *(підпис)*
Секретарь Совета *(підпис)*

ДАК, ф. 16, оп. 465, спр. 437, арк. 141.

Вступна лекція Миколи Василенка як новообраного професора кафедри історії західноруського права перед студентами юридичного факультету Університету св. Володимира 1918 року

Только на склоне лет судьба привела меня вступить на профессорскую кафедру. Профессура была мечтой моей молодости. С этой мечтой и с письмом покойного профессора Брикнера к глубокоуважаемому проф. В.С. Иконникову много, много лет тому назад, в 1890 году, я приехал в Киев, по окончании тогда немецкого Дерптского Университета.

Я думаю, господа, Вам понятно будет то чувство радостного волнения, которое охватывает меня сейчас перед Вами на кафедре. И первым моим словом здесь пусть будет выражение моей самой глубокой благодарности юридическому факультету и совету Университета св. Владимира за то доверие, с которым они отнеслись к моим силам, избрав меня профессором. Мой нравственный долг — поскольку хватит сил, оправдать это доверие.

Я вступаю на кафедру при несколько особых условиях. Это кафедра новая, только что возникшая. Обстоятельства сложились так, что мне принадлежит инициатива основания этой кафедры, меня же привела судьба и быть первым официальным представителем науки истории западно-русского права в Университете св. Владимира. Отсюда понятно, почему, говоря сегодня об этой науке, я не могу

**-* Дописано пізніше.*

остаться на той степени объективности, при которой стираются личные взгляды. Я, напротив, сегодня буду отводить последним значительное место. Мои взгляды на науку истории западно-русского права...*

Почему до сих пор не преподавалась история западно-русского права? Думаю, объяснение этого нужно искать, с одной стороны, в исторической судьбе западно-русского права, а с другой — в том характере, который старались придать юридическим факультетам, как рассадникам практических юристов. Поэтому все то, что не вело так или иначе к этой цели, не могло получить прочного положения в факультетском преподавании.

С присоединением Украины, Белоруссии и Литвы в состав бывшей Российской империи вошли области, где преимущественно действовали нормы западно-русского права. Русская власть при всяком присоединении новых областей торжественно подтверждала за новыми подданными все их прежние права, разумея под этим не только субъективные гражданские права, но и нормы объективного права[1]. Источники последнего были очень разнообразны по своему происхождению. Наряду с источниками, содержавшими в себе западно-русское право, по преимуществу, как Литовский статут, действовали памятники немецкого магдербургского права, а в некоторых местах и польские конституции[2]. Такое разнообразие источников рано вызвало вопрос о кодификации западно-русского права. В Левобережной Украине уже в 1728 году была образована комиссия для составления однообразного свода. Она выработала проект под заглавием «Права, по которым судится малороссийский народ». Но проект этот не получил силы закона, не был ни рассмотрен, ни утвержден[3]. Екатерининская комиссия также прошла бесследно для кодификации западно-русского права. Вопрос о кодификации снова был поднят только в 1804 году, когда была учреждена для этого специальная комиссия. Но и она принесла мало пользы, и только в 1830-х годах, при Сперанском, когда в комиссию пригласили профессора сначала Виленского, а потом Киевского университета Даниловича, известного знатока западно-русского права, был составлен проект свода местных законов западных губерний. В основу этого обширного проекта, заключавшего в себе свыше 2000 статей, легли разнообразные законодательные памятники и источники, действовавшие в Западном крае[4]. Проект готов был стать законом. Предполагалось также кодифицировать малороссийское право, т.е. право, действовавшее в Левобережной Украине. Но все это, под влиянием политических соображений, не было приведено в исполнение. Польское восстание 1831 г. и тревожное состояние Западного и Северо-Западного края в 30-х годах создало для кодификации западно-русского права крайне неблагоприятную атмосферу. Мысль о распространении на юго-западные губернии общерусских законов была издана киевским генерал-губернатором Бибиковым. Она очень понравилась императору Николаю и указом 25 июля 1830 г. западно-русское право, как право действующее, было уничтожено[5].

Через два года такая же судьба постигла и право, действовавшее в Левобережной Украине. Отдельные статьи его, согласно мнению Государственного Совета, 15 апреля 1842 г. было внесено в X т. Свода Законов и некоторые из них сохраняют свою силу и до наших дней.

С распространением на Северо-Западный край и Украину Правобережную и Левобережную общерусских законов, западно-русское право вышло из ряда прав действующих и потеряло свой практический интерес, а сохранило только научный, исторический. Это отразилось на его разработке, а еще более на...*

В ... году покойный Ф.И. Леонтович считал необходимым «включить литовское законодательство наравне с восточно-русским в круг историко-юридических ис-

---

* *Пропуск у тексті.*

следований» и считал это настоятельною потребностью науки истории русского права. Подобную же мысль о включении в историю русского права и права литовско-русского, как связующего звена между древним правом и правом империи, высказывал и М.Ф. Владимирский-Буданов. Таким образом, до сих пор история западно-русского права интересовала ученых, главным образом, как средство вспомогательное для объяснения явлений права русского, т.е. восточно-русского.

Это дало повод профессору М.С. Грушевскому поставить вопрос о правильности и рациональности практикующейся до сих пор схемы «руськоï історіï й справи раціонального укладу історіï східнього слов'янства», напечатанной в 1904 г. в 1-м томе «Статей по славяноведению», изданных Российской Академией Наук. Проф*ессор* Грушевский, стоя на этнографической точке зрения, высказался против, как он выражается, сшивания вместе отдельных эпизодов из истории различных народов.*

А между тем она заслуживает к себе самого серьезного отношения. На первых порах она может показаться парадоксальной, так как разрушает превычное представление объединенной истории «единого» русского народа. Но как показал проф*ессор* А.Е. Пресняков в своем последнем исследовании «Образование великорусского государства», точка зрения проф*ессора* Грушевского не так уже исключительна. Она может опереться на ряд выводов и суждений, принятых и разработанных в «общерусской» исторической литературе.*

По вопросу об основании великорусского государства проф*ессор* Пресняков отмечает двойственность и внутреннее противоречие традиционной схемы русской истории в трудах русских историков, особенно Ключевского. С одной стороны, мы находим утверждение преемственной связи исторической жизни севера и киевского юга, с другой — выяснение из резкой противоположности и самостоятельных корней северно-русского исторического процесса.

К обоснованию правильной мысли проф*ессора* Грушевского можно подходить не только с этнографической, но и с историко-территориальной точки зрения. С основанием великорусского государства историческая жизнь Западной Руси и Украины проходила вне зависимости одно от другой и в таких различных условиях, что не могло наложить на их историю своеобразного отпечатка и не...* совместившие их, ни общий ход развития русского права, в целой историографии его[6]. Только всестороннее изучение западно-русских юридических памятников может, по мнению проф*ессора* М.Н. Ясинского, восполнить существующие пробелы, рассеять темноту, какие еще доселе имеются в истории древнерусского права[7].

Мысли, несомненно, верные, основанные на глубоком и всестороннем изучении истории права. Но они суживают самостоятельное значение и научный интерес западно-русского права в его историческом развитии. Последнее как бы приобретает важность не само по себе, а как материал вспомогательный в общей системе истории русского права, важный для аналогии и пояснений, более или менее удачных, более или менее интересных: в некоторых историко-юридических трудах и работах западно-русское право так и изучалось. Укажем для примера известное старое исследование И.Д. Беляева «О наследстве без завещания по древним русским законам до Уложения царя Алексея Михайловича», или новейшее проф*ессора* И.А. Малиновского «Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней Руси».

У польских историков отсутствует также тенденция рассматривать западно-русское право, или, по их терминологии, право Литвы не самостоятельно, а как провинциальное право Речи Посполитой, и искать в нем, главным образом, влияний права польского. Это мы видим, между прочим, и в труде краковского профессора Станислава Кутшебы, второй том которого посвящен Литве и является первою по-

* *Пропуск у тексті.*

пыткою систематического изложения государственного права литовско-русского государства.

Как ни важен вопрос о влиянии польского права на развитие права Литвы, Западной Руси и Украины, но признать литовско-русское право правом провинциальной Речи Посполитой, конечно, нельзя. У него были свои самостоятельные основы несомненно древнерусские, которые польское право уничтожить не могло, тем более что главные источники права в литовском государстве получили свое существование тогда, когда Литва не слилась еще юридически и фактически с Польшей в одну Речь Посполитую. Поэтому точку зрения польских историков мы можем оставить в стороне. Она не колеблет главного положения, что в основе права литовско-русского государства лежало западно-русское право. Рассматривать же его с точки зрения влияний права польского и ставить его в подчиненное положение к этому последнему еще меньше оснований, чем ставить западно-русское или литовско-русское право в подчиненное положение к праву русскому.

Нужно сказать, что взгляд на западно-русское право, как право подсобное при изучении русского права, которое мы отметили у историков права, имеет свою почву в понимании вообще значения литовско-русской истории русскими историками. Характерна, например, в этом отношении первая глава систематического «Очерка истории литовско-русского государства» профессора М.К Любавского. Говоря о научном значении этой истории, профессор Любавский старается определить то место, которое принадлежит ей в общей системе науки русской истории,то право на внимание, которое она заслуживает при изучении этой науки, и находит, что «наступило время Литовскую Русь, уже более столетия объединенную с Русью восточною политически, объединить с нею и в научном сознании»[8]. Таким образом, литовско-русская история, литовско-русское или западно-русское право, и их развитие, как-то не представляются историкам в виде самостоятельного процесса вне связи и зависимости от русской истории и истории русского права вообще.

Взгляд этот не случаен. Он имеет свою историософскую основу в русской историографии. Всем известна обычная схема русской истории. Начинается она доисторическим временем в Восточной Европе, переходит к расселению славян, затем образованию Киевского государства и доводит его историю до половины XII века. Потом центр истории переносится во Владимир, в XIV в. в Москву, и наконец с XVIII в. в Санкт-Петербург, откуда начинается так называемый период империи. Схема эта в указанном виде принята и историей права. В последнем разделяют обыкновенно три периода: киевский, московский и период империи: в изложение русской истории вводятся также и отдельные епизоды, не связанные друг с другом органически, из истории Литвы, Западной Руси и Украины, как государства Даниила Галицкого, образование Литовского государства, люблинская и церковная уния, казачество, эпоха Богдана Хмельницкого. Таким образом достигается видимость единства русской истории.

В известном своем труде «Главные течения русской исторической мысли» П.Н. Милюков показал, что схема, по которой обычно строится научная русская история, очень стара. Она получила свое начало в историографической схеме московских книжников и в основе ее лежит генеалогическая идея московской династии. Исходя из этой идеи, как известно, московские дипломаты XVI в. ставили перед русской политикой цели, которые удалось осуществить только через два с половиною столетия[9]. «Вся русская земля, — Киев и Смоленск и иные города — от наших прародителей наши вотчина, и ты бы нашие русские земли все — Киев, Смоленск и иных городов ... поступился», — предъявляли требования московские дипломаты польскому государю[10].

Когда русские историки XVIII и XIX ст. обратились к изучению источников, они там встретились с готовым уже взглядом, который и послужил им нитью для

группировки осмысления фактов. На этой почве создалась и историческая схема Карамзина, в основе которой лежало объяснение хода истории из личных приемов княжеской политики. От старых московских книжников и дипломатов схема Карамзина заимствовала, как историческую аксиому, идею тождества, наследственной связи московской и киевской государственной власти. Впоследствие Погодин сделал попытку наново обосновать органическую связь северо-русской истории с киевским прошлым. Для этого он создал гипотезу о массовом передвижении приднепровского населения на далекий север. Правда, гипотезу эту нужно считать теперь научно разрушенной, но она оставила значительное влияние в историографии, и В.О. Ключевский, например, воспользовался ею целиком для того,чтобы всю русскую историю уложить в стройную единую схему.

Идея единства русской истории проникает всю русскую историографию. Для Соловьева, например, распад Руси на две области — северную и юго-западную не имел принципиального значения, был моментом чисто внешним. Поэтому при изложении истории России Соловьев время от времени возвращался к делам на юго-западе или западе, вводя их эпизодически в свое изложение.

Критически и отрицательно к идее единства русской истории отнесся проф*ессор* М.С. Грушевский, в своей статье «Звичайна схема руської історії й спроба раціонального укладу історії східнього слов'янства»[11] он справедливо отметил ошибочность с научной точки зрения привычной схемы и указал на ряд нерациональностей, к которым она приводит. История киевской земли обрывается в XII в. и находит свое продолжение в Москве, тогда как история Украины и Западной Руси остается как бы без начала. А между тем научные исследования, в том числе и в области истории права все больше и больше подтверждают тесную культурную связь Западной Руси именно с Русью Киевской. Историю Западной Руси и Украины нельзя сводить к отдельным эпизодам, более или менее верным и интересным.

Несомненно, они являются только отдельными звеньями длинного исторического процесса, имевшего свои своеобразные условия развития, совершенно отличные от Московской Руси. Проф*ессор* М.С. Грушевский подошел к русской истории с точки зрения этнографического принципа и пришел к заключению, что построить общерусскую историю невозможно. Никакой общерусской народности нет. Можно построить научно, с одной стороны, историю великорусского, а с другой — украинского народа. Последнюю цель и поставил себе проф*ессор* М.С. Грушевский в своем «Очерке истории украинского народа» и в большой «Истории Украины-Руси».

К сожалению, точка зрения проф*ессора* Грушевского до последнего времени проходила мало замеченной и почти не обращала на себя внимания. А между тем, она поднимает один из коренных вопросов в научной русской истории права и уже по одному этому заслуживает самого серьезного к себе отношения. Впервые, если не ошибаюсь, к точке зрения проф*ессора* Грушевского подошел с полным вниманием современного исследователя проф*ессор* А.Е. Пресняков, в недавно вышедшем (1918) исследовании своем об «Образовании великорусского государства». Само заглавие уже показывает, что этнографическая идея, которая положена проф*ессором* Грушевским в основу истории украинского народа, применена проф*ессором* Пресняковым к Северо-Восточной Руси и образованию в ней великорусского государства. История двух народов разъединяется. Это разъединение, равно как вообще точки зрения проф*ессора* Грушевского, говорит А.Е. Пресняков, может показаться парадоксальной, так как разрушает привычное представление единой истории «единого русского народа». Но она не так уже исключительна, как может показаться на первый взгляд, и может опереться на ряд выводов и суждений, принятых и разработанных в трудах «общерусской» исторической литературы. Делая обзор этой литературы, проф*ессор* Пресняков отмечает, что несмотря на господство

в ней старой схемы, наиболее выдающиеся историки и историки-юристы, говоря об образовании Московского государства, стараются особенно обособить Северо-Восточную Русь от Украины и Западной Руси и отметить тот своеобразный и самостоятельный процесс народной жизни, который привел к созданию нового государства на северо-востоке. Старый порядок должен был, по мнению Ключевского, разрушиться, чтобы могло создаться новое национально-русское государство. Отсюда ясно, что Московское государство не было простым продолжением Киевского в Суздальщине и Москве — говорит Забелин, «корень развития северной истории, а в Киеве — корень, из которого развилась южная история».

НБУ НАНУ. ІР, ф. 40, спр. 917, арк. 1-11.

[1] Барон А. Нольде. Забытая попытка кодификации литовско-польского права. — *Журнал Министерства Народного Просвещения*. 1906, август, стр. 297.

[2] Там же, стр. 255 и следующие.

[3] Обозрение исторических сведений о составлении свода местных законов западных губерний, изд. М.Я. Пергаментом и бароном А.Э. Нольде. СПб., 1910, стр. 41 и следующие. А.Ф. Кистяковский. Очерк и исторические сведения о своде законов, действовавших в Малороссии под заглавием «Права, по которым судится Малороссийский народ» (Приложение к изданию «Право»). 1878, стр.5 и следующие.

[4] Проект под заглавием «Свод местных законов западных губерний» вместе с запиской «Обозрение исторических сведений о составлении свода местных законов западных губерний» изданы проф. М.Я. Пергаментом и приват-доцентом бароном А.Э. Нольде (СПб., 1910).

[5] ПСЗ, №13592. Барон А.Э. Нольде. Забытая попытка кодификации литовско-польского права. ЖМНПр. 1906. Кн. XII, стр. 238 и следующие.

[6] Проф. М.Н. Ясинский. Лекции по внешней истории русского права. Вып. 1. К., 1898, стр.14.

[7] Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф.Владимирскому-Буданову. 1914, стр. 439.

[8] Проф. М.К. Любавский. Очерк истории литовско-русского государства до Люблинской унии. М., 1910, стр. 1-4.

[9] П. Милюков. Главные течения русской исторической мысли. Т.1. Москва, 1897 г., стр. 149 и следующие.

[10] Сборник Русского Исторического Общества. Т XXXV. №75, 78.

[11] Статьи по славяноведению. Т.1. СПб., 1904, и отдельно.

Документи про призначення Миколи Василенка професором Київського державного українського університету

14 листопада — 13 грудня 1918 року

№ 1

Подання ректора про обрання Миколи Василенка на засіданні Ради КДУУ. 14 листопада 1918 року

В Министерство Народньої Освіти

Згідно представленню Правничого факультету на Засіданні Ради Київського Державного Українського Університету 5 листопада 1918 року було обговорено питання про заміщення катедр західньо-руського і вкраїнського права екстраординарним професором Університету св. Володимира М.П. Василенком, обраним правничим факультетом на засіданні 29 жовтня 1918 року. На засіданні Ради 12 листопада 1918 р.

Михайло Туган-Барановський. 1918 р.

було обрано одноголосно після балотировки Миколу Прокоповича Василенка вик*онуючим* обо*в'язки* екстра-ординарного професора по катедрі західньо-руського й українського права. В балотировці брали участь п.п. професорі: Веселовський, Грунський, Грушевський Ол., Дложевський, Дубянський, Кістяківський Б., Константинович, Корчак-Чепурківський, Сушицький, Лук'яненко, Павлуцький, Туган-Барановський, Черняхівський Евг., Черняхівський Ол.

Згідно постанові Ради маю честь представити вик. д. екстра-ординарного професора Университету Св. Володимира Миколу Прокоповича Василенка вик.об. екстра-ординарного професора, Київського Державного Українського Університету по катедрі західньо-руського та вкраїнського права зі дня обрання його правничим факультетом, а саме з 29 жовтня 1918 року.

Ректор Ф. Сушицький *(підпис)*
Секретар Ради професор
В. Дублянський *(підпис)*

Микола Грунський. Початок XX ст.

№ 2
Повідомлення Міністерства освіти про затвердження Миколи Василенка. 13 грудня 1918 року

13 XII 1918 р. П. Ректорові Київського
На № 146 Українського
Державного Університету

Повідомляю, що п. Міністр Народньої Освіти й Мистецтва затвердив Миколу Прокоповича Василенка вик*онуючим* обо*в'язки* екстра-ординарного професора Київського Державного Українського Університету по катедрі західньо-руського та українського права з дня обрання його в Раді Професорів 12-го листопаду 1918 року.

Віце-Директор
Діловод *(підпис)*

ЦДАВОВУ, ф. 2201, оп. 1, спр. 336, арк. 153-155.

Посвідчення, видані Миколі Василенку, про його перебування на посаді професора Університету св. Володимира (Київського університету)
2 вересня 1919 року — 23 червня 1920 р.

№ 1

М.Н.П.
Ректор
Университета св. Владимира
2 сентября 1919 г.
№ 2322

Удостоверение

Настоящее удостоверение дано от Университтета св. Владимира за надлежащими подписями и приложением печати Николаю Прокофиевичу Василенко в том, что он в настоящее время состоит на службе в сем Университете в должности и.д. экстраординарного профессора на кафедре истории западно-русского права сего Университета.

Ректор Е. Спекторский *(підпис)*
Секретарь Совета В. Свидницкий *(підпис)*

НБУ НАНУ. ІР, ф. 40, спр. 1225, арк.1.

№ 2

У.С.С.Р.
Киевский университет
23 июня 1920 г.
№ 678

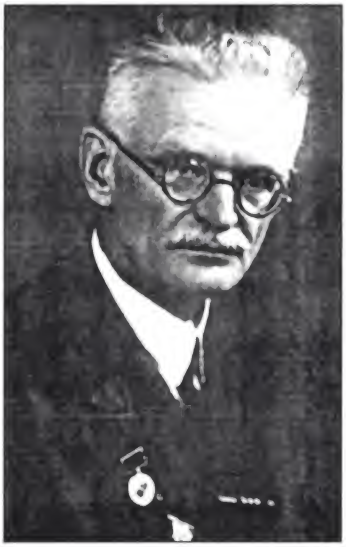
Удостоверение

Настоящее удостоверение за надлежащими подписями и приложением печати дано от Киевского Университета Николаю Прокофиевичу Василенко, родившемуся 2 февраля 1866 года, в том, что он в настоящее время состоит на службе в сем Университете в должности экстраординарного профессора по кафедре истории западно-русского права.

Председатель Объединенного Собрания президиумов
факультетских Советов И. Егоров *(підпис)*
Заведующий канцелярией П. Вановский *(підпис)*

НБУ НАНУ. ІР, ф. 40, спр. 1226, арк.1.

Смірнов Павло Петрович (1882-1947)



Історик-русист, дослідник середньовічної урбаністики.

Народився 9 вересня 1882 р. в Симбірську в родині лікаря.

У 1903-1907 рр. навчався на історично-філологічному факультеті Університету св. Володимира. Один із засновників історично-етнографічного гуртка (1905), яким керував проф. М. Довнар-Запольський. 1908 року залишений в університеті для підготовки до професорського звання. У 1909-1912 рр. — один з авторів «Русской истории в очерках и статьях», редагованої М. Довнар-Запольським. Зберігся текст 13 лекцій спецкурсу П.П. Смірнова 1913 р. з історії руських міст до кінця XV ст. (РГБ. ОР, ф.279, к.28, д.1, лл.1-300, д.2, лл.1-190).

У 1912-1914 рр. — приват-доцент, 1919-1923 рр. — екстраординарний професор Університету св. Володимира (Київського університету, Інституту народної освіти), Київських вищих педагогічних курсів, Інституту народного господарства.

У 1917-1919 рр. видав дві частини дослідження «Города Московского государства», що його захистив 22 вересня 1919 р. в Університеті св. Володимира як магістерську дисертацію (офіційні опоненти М. Довнар-Запольський, Г. Максимович, Б. Курц). Захист пройшов успішно, ступінь Рада присудила одноголосно, публіка влаштувала дисертанту овацію.

Працював у Музеї революції та громадянської війни при університеті.

Співробітник науково-дослідчої кафедри історії України ВУАН (керівник — акад. М.П. Василенко). 1923 року заарештовано у справі «Київського Обласного Центру Дій» як співробітника «керівника» організації М.П. Василенка; засуджено на десять років ув'язнення. Перебував в ув'язненні до 24 березня 1927 р. (Лук'янівська в'язниця, землеробська колонія в Святошині). У 1927-1931 рр. — професор Ташкентського (Середньоазіатського) університету, викладав історію Росії на економічному та східному факультетах. З січня 1931 р. заарештований Середньоазіатським ДПУ, звинувачений у шпигунстві та зв'язках із закордонними антирадянськими центрами і масонами; ув'язнений.

Після звільнення (1937 р.) переїхав до Москви, професор Московського історико-архівного інституту. 1942 року захистив докторську дисертацію «Посадские люди и классовая борьба до середины XVII в.».

У 1947 р. помер і похований у Москві.

Основні праці: «Новое челобитье московских торговых людей о высылке иноземцев» (К., 1912), «Экономическая политика Московского государства в XVII веке» (К., 1912), «Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в.» (М., 1915), «Заметки к истории города Костромы» (К., 1915), «Города Московского государства в первой половине XVII в.» (Т.1. Ч.1-2. К., 1917-1919), «Волзький шлях і стародавні руси (VI-IX вв.)» (1928), «Правительство Б.И. Морозова и восстание в Москве 1628 г.» (Ташкент, 1929), «Посадское строение при царе Борисе Годунове» // Ист. зап. 1938. №4; «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.» (Т.1-2. М., 1947-1948), «Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв.» // Вопр. ист. 1946. №2/3.

Бібліографія: *Козлов В.Ф.* Список печатных трудов П.П. Смирнова // Археогр. ежегодник за 1982 год. М., 1983. С.262-263.

Архів: РГБ. ОР, ф.279, 320 ед.хр. (1900-1947); ДАКО, ф.16, оп.465, спр.3788 (справа професорського стипендіата)

Література: Спогади С.В. Смірнової (дружини вченого) // РГБ.ОР, ф.279, к.37, д.22, лл.1-265; *Дубровский А.М.* П.П. Смирнов — историк русского феодального города // Русский город (Исследования и материалы). М., 1983. Вып. 6. С.91-101; *Дубровский А.М.* Неопубликованные работы П.П. Смирнова в ОР ГБЛ // Археогр. ежегодник за 1988 год. М., 1989. С.228-234.

Протоколи допитів професора П.П. Смірнова про київське масонство та діячів університету 1908-1920-х років

№ 1
Протокол допроса проф. Смирнова Павла Петровича от 24 февраля 1931 года

В 1916 году, после возвращения из Саратова, я вступил в члены Киевской ложи массонов, как они себя называли. Председателем ложи и лицом, меня

введшим, был проф. Ю.Н. Вагнер. Ложа состояла приблизительно из 7-8 человек: Ю.Н. Вагнер, В.П. Яворский, В.К. Калачевский, Майдель, П.Т. Матюшенко, позже вошел В.А. Романовский, В.Д. Синицкий, Пухтинский. По рассказам Ю.Н. Вагнера, русское массонство возникло, насколько помню, после революции 1905 года (когда, я не помню) и явилось организационной формой, удовлетворявшей требованиям возможного сближения в условиях царившей всюду реакции. Собирая вокруг себя людей по признаку личной порядочности, т.е. 1) безусловной прогрессивности, — важнейшей задачей оно считало борьбу с самодержавным строем, 2) отсутствию национальных и религиозных предрассудков, массонство являлось объединением представителей независимо от их партии от к*онституционных демократов* и левее. Из последних не принимались только лица правее к*адетов.* Историческая формалистика, связанная с эмблемами, символами, условными знаками, была почти отброшена, так что в общем заседания напоминали собрания любых кружков интеллигенции, не имевших ясно осознанных методов действия и удовлетворявшихся одной, очень медленно развивавшейся, организационной стороной.

Сколько было лож в Киеве, сказать не могу, — не помню; помнится, — была речь об ложах в Одессе и Петербурге, но сказать о них что-либо подробнее не могу. Ложи объединялись в Киеве местным Советом, куда входили председатели лож. От нашей ложи «Пробуждение» там был, след*овательно*, сначала Ю.Н. Вагнер, а затем В.А. Романовский.

В период революции 1917 года и последовавших киевской истории, когда каждый год приносил новое правительство, до 1921 года, массонство сыграло, повидимому, положительную роль. Так, Калачевский, например, одно время играл роль Нач*альника* Милиции, можно было, хотя и в узком кругу людей, но знать, с кем имеешь дело и советоваться в ответственных случаях. Но когда жизнь наладилась и в Киеве утвердилась прочно советская власть, организация стала заметно упадать. Особенно заметен такой упадок был в 1922 году, после провозглашения НЭПа, закончившего период военного коммунизма. Часть членов нашей ложи эмигрировала — это были проф. Ю.Н. Вагнер, проф. Майдель; часть умерла — Матюшенко, Синицкий, Калачевский, часть просто перестала посещать заседания — такими были: Пухтинский, Яворский и я, хотя формально и не порывали связи с ложей.

В этом году и возникло проклятое дело «ЦД», или «Центра Действия», которое имело свои собственные корни. В этом году я продолжал работать в Киевском Университете, где в 1919 г. мне удалось защитить магистерскую диссертацию «Города Московского Государства» т. 1, ч. 1 и 2, которую я несколько спешно написал, но материалы для которой собирал с 1908 года. В университете (Ин-т Нар*одного* Образования) я числился поэтому уже профессором. Кроме того я читал лекции, если не изменяет память, на Киевск*их* Высш*их* Педаг*огоических* Курсах, в Ин-те Народного Хозяйства и в Киевской Высшей Педагогической Военной Школе.. В этой школе я познакомился с А.В. Яковлевым, который также имел в ней часы по зап*адно*евр*опейской* истории. Однажды, когда не помню, но кажется осенью или зимой, А.В. Яковлев таинственно сообщил мне, что приехал из за границы его товарищ Вакар, который рассказывает много интересного. Что именно он рассказывает, он не рассказывал, да и было нельзя об этом беседовать на переменке в учительской комнате. Это было первое известие о Вакаре. Потом ко мне зашел на квартиру К.П. Василенко, которого я знал, встречая у его брата Н.П. Василенко, и от имени последнего просил зайти к нему вечером на чашку чая. Я был у Н.П. Василенко, где застал обоих братьев Н.П. и К.П. Василенок, Л.Э. Чолганского, С.М. Чебанова и неизвестного мне высокого молодого человека, кото-

рого мне представили, как Вакара. Последний весь вечер рассказывал свои впечатления эмигранта, последовательно переходя от страны к стране. Рассказывал о положении очень бедственном эмиграции, о пренебрежительном отношении к ним со стороны местного населения. В частности сообщил, что из Польши их не то выслали, не то хотели выслать за протест против условий рижского договора. Затем было еще 2-3 собрания упомянутых лиц и по предложению Вакара решено было приступить к изданию нелегального журнала, наладить который Вакар брался в Москве. Как известно, журнал он стал издавать не в Москве, а заграницей — в Париже, причем наша группа оказалась в роли пересыльщика материалов. Журналом все были недовольны; получено было в Киеве 2-3 номера, а затем был перерыв, а затем нас арестовали в июне 1923 года. Уезжая, Вакар указал С.М. Чебанову, с кем он должен передавать пересланное. Мне было поручено на заседании поддерживать связь с Яковлевым, у которого, как потом оказалось, была своя группа. Из кого она состояла, показал только процесс. Яковлев в числе других бумаг для журнала передал мне и ту бумагу с росписями войск, передача которой Чебанову сделала из меня шпиона в пользу Польши, о которой никто из нас никогда не помышлял и к которой я всегда относился и отношусь с недоверием и недоброжелательством, разумеется не к этнографической польской народности, а к ее социальному укладу и правительству. Показания свои относительно обстоятельств передачи этого документа, данные на следствии и суде в 1924 г., подтверждаю полностью и ныне, и добавить к ним ничего не имею.

Возникает вопрос, в каком отношении стояла массонская ложа или ложи к делу «ЦД». Организационной связи между ними не было, и я никогда не сообщал членам ложи, коих почти я не видал в 1922-1923 г., о собраниях ЦД. Может быть, иначе обстояло у других, если они были, но этого я не мог знать по соображениям конспирации. Но идейную приемственность наметить можно в таком порядке. Массонство своим лозунгом перед революциями 1917 г. считало лозунги французской революции, ею не осуществленные: свобода, равенство и братство. Эти лозунги были до некоторой степени фетишизированы и политика советской власти, которая только осенью 1923 г. перешла к национально-федеративному принципу, особенно в условиях Украины, казалась ошибкой в 1922 г. Неправильно было понято и провозглашение НЭПа «всерьез и надолго». Кроме того в Киеве, пережившем Петлюру, поляков, деникинщину, казалось верным сказать ясно и твердо, что русское украинское общество принципиально против всяких интервенций и реэмиграций, что мы признаем революцию, ее результаты, и какое бы ни было наше правительство, мы считаем его своим. Разумеется, в журнале «Новь» это все было или плохо отражено или не получало отражения. Однако, как можно убедиться из следствия, все это говорилось Вакару и намечено даже в обвинительном заключении.

Это относится не ко всем членам массонской организации. Часть правильно ориентировалась в событиях и ушла к революции; мы же, группа ЦД и я в том числе, ошиблись и попали в число врагов народа, врагов пролетариата, интересы которого были неправильно поняты нами. Нас судили в Киевском Окрсуде в 1924 г. Следствие вело Киевское ГПУ, организовавшееся, насколько помню, только в 1922 г., затем следователь Окрсуда. Мне кажется, что следствие было достаточно полным. Оно упустило из виду только 2-3 лиц, хотя прокурор даже на суде заявлял, что они будут представлены в суд: это — Москвич, препод*аватель* Химического Фак*ультета* Киевского Ун-та, ближайший друг Яковлева, его инспиратор, который, по словам Яковлева, и указанный выше документ, переданный мне, посоветовал ему достать и передать мне. Куда он девался — не знаю. Затем приехавшее из Москвы в Киев по делу журнала лицо, которое имело

беседу с С.М. Чебановым и которого я потом видел уже в тюрьме, но который в процессе не участвовал и куда-то исчез (фамилию его забыл), и между тем присутствие обоих было бы чрезвычайно важно для выявления особенно истории с военным документом. Наконец, был упущен Вельмин, скрывшийся заграницу.

Приговором Окрсуда я был осужден на 10 лет, но без поражения в правах, что было специально в приговоре оговорено, причем, что мне было особенно важно, Окрсуд признал меня виновным в передаче документа по неосторожности, без желания нанести ущерб и этим в обвинительном приговоре снял с меня обвинение в шпионаже, хотя статья была оставлена. Точную формулировку процитировать сейчас не могу, но смысл был, помню, такой.

Я был со Следственного Корпуса Лукьяновской тюрьмы вместе с другими подсудимыми переведен в главный корпус, нас поместили в одной камере членов старшей и младшей групп и из линии связи т. Павлюк.

Шумиха, поднятая заграницей нашим процессом, вызвала выступление Пуанкаре, который через посла в Москве ходатайствовал в нашу пользу. Кто его побудил на это бестактное и ненужное выступление — неизвестно, но вероятно это был все тот же Вакар, через кого либо поважнее. Наша группа ответила письмом в газеты, в котором отвергла неуместное вмешательство непрошенного защитника и указывала на советскую власть, как на единственную власть, имеющую нравственное право нас карать и миловать.

Затем в результате обращения с ходатайством о помиловании всем приговор к высшей мере, она была заменена 10-ю годами, а остальным (кроме К.П. Василенко) срок был уменьшен вдвое. Приблизительно года через полтора-два всю группу с пятилетним сроком освободили по разгрузке и выпустили на свободу. В разгрузочной комиссии участвовали: представители ГПУ, Прокуратуры, Суда, Адм. Отдела, Тюремн. Инспекции. Однако решение ее не получило утверждение Наркомюста Украины и нас снова арестовали и вернули в ту же камеру оканчивать срок. Весной меня перевели впрочем в земледельческую колонию около Святошино, где я и проработал до 24 марта 1927 г., когда был освобожден.

Во время пребывания в Лукьяновской тюрьме я непрерывно работал в Культотделе: читал лекции как на общих собраниях (быв. церкви) по особым проспектам, утвержденным завкультотделом (тов. Гречановский, затем тов. Блауге), так и в театральных кружках заключенных, заведывал библиотекой, которую перевел на ходу на девятичную систему, с расстановкой книг по десятичной уже системе, за что был отдан потом приказ с благодарностью мне. Библиотека была сильно расширена (до 7-8.000 книг), проведен ряд кампаний борьбы за книгу и т.д. В колонии я работал в клубе (зав. клубом), затем сторожем на всевозможных постах: в огороде и даже дежурным по колонии. Эта была, конечно, очень скромная работа, но та работа, какая была, и могу сказать, что я всегда исполнял ее добросовестно, отзывы о чем можно получить на местах.

За все это время я ничего о массонской организации не слышал и слышать не мог. На свиданиях я видел только свою жену, последняя жила, конечно, плохо, так как она почти глухая и ей приходилось кормить и воспитывать маленькую беспризорную девочку, которую мы усыновили во время голода в 1922 г. Ей помогал брат регулярными присылками денег, помогал профес. Яновский Феофил Гаврилович (известный врач), иногда ее сестра, а главное — она работала в качестве переписчицы на пишущей машинке и таким образом держалась и даже мне помогала. Я считал свои счеты с массонской организацией поконченными, все похороненным тем приговором и наказанием, которое я несу, и я мог с чистой душой обещать посвятить себя исключительно научной работе после освобождения. Я видел всю ошибочность своего поведения, линию

которого начертали старые связи, и я стремился после освобождения подальше уйти от Киева. Это мне удалось после освобождения в 1927 г., когда я был, благодаря рекомендации Л.Н. Яснопольского, приглашен в Ташкент. Уехал я в Ташкент осенью того же 1927 г.

Когда я вышел на свободу, положение мое в материальном отношении, разумеется, было исключительно трудным, мне пришлось занимать деньги направо и налево, а особенно, когда явилась надежда на Ташкент и вместе необходимость экипироваться. Но я брал деньги исключительно в долг и тотчас же по приезде в Ташкент стал выплачивать и выплатил занятые деньги, кроме только долга брату, который погашен не весь. В Ташкенте мне пришлось ликвидировать часть своей библиотеки (или остатки от нее), получить ссуду и т.д. Таким же порядком были погашены и те деньги, которые я получил на переезд от Романовского, 100 руб. За них я оставил журнальную статью, два печатных листа, которая затем была напечатана. Гонорар я при отъезде из Ташкента просил обратить на погашение долга. Я останавливаюсь на этой сумме потому, что о ней, кажется, говорил т. следователь, повидимому считая ее доказательством моей связи с массонами. Повторяю, что этого не было, я никаких организационных связей с Киевом не оставил и отдыхал в Ташкенте от всего киевского кошмара. Себе, жене, кому угодно я обещал быть не за страх, а за совесть советским работником и, мне кажется, исполнил это обещание в Ташкенте в течение 3 1/2 лет. Никакой антисоветской работы с 1923 года я не вел, и если мне что-то ставится в вину за это время, с 1923 по 1931 г., то полагаю, по недоразумению.

П. Смирнов
24 февраля 1931 г.
Допросил Уполном. 2 Отдела Особого Отдела ОГПУ — Подсотский.

Верно:

Показания профессора Смирнова Павла Петровича от 3.VI.31 г.

На вопросы уполномоченного т. Подсотского отвечаю:

3.VI.31 года относительно Богаевского А.Я., Базилевича Василия Митрофановича, Яновского Теофила Гавриловича и Яснопольского Леонида Николаевича:

БОГАЕВСКОГО А.Я. — профессора международного права в Киевском Университете, я знал в период до революции и в период революции. Если не ошибаюсь, он был к*адетом* или даже правым. Помню его публичную лекцию о Кучук-Кайнарджикском договоре с Турцией, как основе прочного утверждения России XVIII ст. на Черном море, в которой шла речь о Дарданелах в Милюковском духе. Отношения у нас были недружелюбные, так как он считал меня слишком левым и, вероятно, слишком смелым на совете профессоров (куда я вошел в качестве доцента в 1917 году) для моих лет и положения. Куда девался А.Я. Богаевский, я не представляю. Никаких отношений к Ц*ентру* Д*ействия* Богаевский не имел и иметь не мог, как слишком правый по настроению.

БАЗИЛЕВИЧ Василий Митрофанович — сначала студент-историк, потом оставленный для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории у проф. М.В. Довнар-Запольского, мне известен довольно продолжительный период времени. В качестве студента IV курса (если не ошибаюсь), а затем в качестве профессорского стипендиата и приват-доцента, он долгое время заведывал историко-филологическим семинарием Киевского Университета (а затем ВИНО), был секретарем Археологического Института и пом*ощником* секретаря, а затем секретарем Исторического общества Нестора-летописца при Киевском Университете. Везде, т.е. мы с ним сталкивались на почве книговедения, книголюбия и были, можно сказать, дружны на этой почве. Нас сближала еще любовь

к Киевским древностям (я заведывал археологическим музеем и Нумизм*атическим* Кабинетом Ун-та). После отъезда моего в Ташкент я изредка переписывался с Базилевичем, который всегда сообщал мне о всех книжных новинках и событиях академической жизни.

В политическом отношении В.М. Базилевич был совершенно не окрашен ни в какой определенный цвет. Единственно определенной чертой его являлось отвращение к петлюровщине во всех ее проявлениях и робость к политической работе. Думаю, что как любитель всякого рода новостей (он любитель быта в истории), сообщавший их немедленно каждому, В.М. Базилевич был органически не способен ни к какой конспирации, организации и т.п. Уверен в его полной непричастности к делу Центра Действия.

ЯНОВСКИЙ Теофил Гаврилович — профессор по внутренним болезням

медфакультета Киевского Университета. Человек широко известный и своими знаниями и необыкновенной отзывчивостью. Я познакомился с ним впервые в 1917 г., когда вошел в Совет профессоров в качестве доцента. Т.Г. Яновский всегда был подкупающе ласков и обходителен. Приходилось бывать у него на приемах на дому (болезнь печени). Когда меня арестовали, то он, оказывается, несколько раз помогал моей семье, а иногда присылал мне деньги через дворника, под предлогом уплаты мне несуществующего долга.

В политическом отношении Т.Г. Яновский, вероятно, был кадетом, хотя мне не приходилось наблюдать каких либо его политических выступлений ни в печати, ни в публичных собраниях, так что с уверенностью утверждать этого не могу. К Ц*ентру Действия* отношения не имел.

ЯСНОПОЛЬСКИЙ Леонид Николаевич — доцент, затем проф. Университета по финансовому праву, впоследствии академик Укр. Ак. Наук. Познакомился я с ним сравнительно хорошо в Саратове в 1915 году, где он, Отто Юльевич Шмидт и я основали так наз. «Молодую Академию», клуб младших преподавателей Ун-та и высших женских курсов, переброшенных тогда в Саратов.

По политическим воззрениям Л.Н. Яснопольский был кадетом, выступал с предвыборными речами и был избран членом государственной Думы от к.-д. партии. Политически он, однако, мне не казался особенно активным и был поглощен сложностью своего финансового положения (он зарабатывал на две семьи). Горжусь тем, что оказал ему помощь при избрании его на кафедру в Ун-те, он был как бы кандидатом «Молодой Академии» (Против Кованьку мне он оказал важную услугу, рекомендовавши меня в Ташкент, когда я был освобожден в 1927 году). Никакого отношения к Ц*ентру Действия* Яснопольский не имел.

П. Смирнов
Верно: *(Підпис)*

№ 3
Показания проф. Смирнова П.П. от 4.VI.31 г.

3-го июня — 1931 г. на вопросы следователя т. Горбача отвечаю:

ЛИЧКОВЫХ — отца и сына, и Бориса Николаевича ДЕЛОНЕ я знаю. — Личков, отец — Леонид Семенович — библиотекарь Городской библиотеки. Был мне известен, не упомню с какого времени, как старый киевлянин. Со времени принятия моего в массонскую ложу, я узнал также, что и он участвует в этой организации, так как мне пришлось с ним встречаться, хотя не могу припомнить, где и когда, в соответствующей компании говорить. Что касается молодого Личкова, то он известен был мне как младший преподаватель Университета, потом ВИНО, ученик младшего Лучицкого (Вл.Ив.), геолог, с которым у меня были одно время постоянные хозяйственные отношения, так как он заведывал Геологическим кабинетом университета, а я был председателем хозяйственного комитета, т.е. правления его в революционные годы (1917-1921 г. приблизительно). Потом Б.Л. Личков перевелся в Ленинград и я известий о нем не имел. Насколько мне известно, Б.Л. Личков никакого отношения к делу ЦД не имел, как равно и его отец Леонид Семенович.

Борис Николаевич ДЕЛОНЕ — математик, известен мне по Киеву. Познакомился я с семьей Делоне, если не ошибаюсь, на даче в Плютах (около Триполья), потом бывал у них в доме на квартире по Бульвару Шевченко (тогда Бибиковский) в качестве знакомого. Со старшим приходилось иметь дело также по университету, Институту народного хозяйства и Народному Университету — Политехникуму, где я одно время ректорствовал, а он читал физику. Борис Николаевич Делоне оставил впечатление человека, вообще мало интересовавшегося политикой и во всяком случае в условиях Киевских переворотов он был искренним сторонником Советской власти, как и его

Борис Лічков. Середина XX ст.

отец. — Никакого отношения ни к массонству ни к делу ЦД, насколько мне известно, ни Борис Николаевич, ни Николай Борисович не имели. Борис Николаевич на короткое время в июле 1923 г. был подвергнут аресту, но как кажется, даже не по делу ЦД.

Показания относятся к периоду до моего ареста летом 1923 года.

(П. Смирнов)
3/VI-31г. Верно:

№ 4
Протокол допиту П.П. Смірнова

13.VIII.31 г.

На вопросы Уполномоченного ГПУ т. Горбача отвечаю следующее:

1. Я знаю Платона Григорьевича ЛАПИНСКОГО, насколько помню, с 1915 г. Познакомился с ним в Саратове на собраниях «Молодой Академии». В Киеве это знакомство продолжалось. Оба мы вошли в массонскую ложу «Пробуждение» и состояли в ней до фактического распада массонской организации в 1922-23 г.

К «ЦД» П.Г. Лапинский не принадлежал, и я не могу припомнить, чтобы я когда либо что-нибудь сообщал ему относительно ЦД до моего ареста. В 1923 г., сколько помню, П.Г. Лапинский был арестован, а может быть и нет, не помню хорошенько. После моего ареста сохранил хорошие отношения и приютил у себя мою девочку во время эпидемии скарлатины. Из Ташкента я ему писал, если не ошибаюсь, раз или два, обыкновенное дружеское уведомление о новых местах, на которых устроился.

2. По вопросу о якобы предполагавшейся моей поездки из Ташкента в Турцию с экскурсией сообщаю, насколько я знаю, такой экскурсии студентов в Турцию Ташкентский Университет никогда за мое время не проектировал и проектировать не мог за ее полной учебной ненужностью. Я преподавал на экономическом факультете, главным образом, в 1928 г. читал курс русской истории, такую же на б*ывшем* Восточном факультете. Для экономистов учиться в Турции решительно нечему, восточники могли иметь практику турецких языков, не выезжая из Средней Азии. Во всяком случае определенно заявляю, что никто никогда не предлагал мне участвовать в поездке в Турцию из Ташкента со студентами или без них. Добавляю, что руководителем экскурсий в Турцию я никак не мог быть, так как не знаю восточных языков и не занимался Турцией вообще. Вообще у меня у самого такой мысли никогда не возникало и Турцию считаю местом привлекательным и интересным не для поездки специалиста по русской истории и истории экономич*еского* развития.

По вопросу о МАРКОВИЧЕ, о котором меня спрашивали, сообщаю, что я знал в Киеве одного только Марковича. Он был проректором по хозяйственной части Киевского Политехнического Ин*ститут*а и во время революции явился там председателем Хоз*яйственного* Комитета, каким я был в Киевском Университете. В 1918-1921 гг. приблизительно мы заседали с ним в различных собраниях, я выплачивал ему деньги по ведомостям П*олитехнического* И*нститут*а. При С.КВузе*. Домами знакомы мы не были. Имени и отчества его не знаю, т.е. сейчас уже не помню. Не помню также, чтобы я знал других носителей этой фамилии.

Относительно существования в Киеве моего двойника ПАВЛА ПЕТРОВИЧА СМИРНОВА определенных указаний дать не могу, хотя кое-какие косвенные указания на существование его возбуждали во мне такое подозрение. Так в период 1908-1912 гг. я летом обычно работал в Московских архивах. В 1912 г. по возвращении в Киев для магистерских экзаменов я узнал, что губернатор Гирс дал отрицательную обо мне характеристику и что попечитель Зилов запретил мне преподавание где бы то ни было. Экзамены мои остановились, и я остался без всякого заработка, который был необходим и мне и моей семье. Все попытки определить источник запрещения оказались тщетны. (У губернатора мне предложили бросить учение и педагогику и перейти в администрацию.) Тогда через жену моего знакомого А. Грузинскую мне посчастливилось найти Пом*ощника* Прокурора Александрова (хотя я не знал ни тогда ни позже), и он съездил в охранку и затребовал мое дело и сообщил, что меня обвиняют в пропаганде и участии в различных собраниях. Адреса мои были указаны отчасти правильно (я занимался в кружке рабочих на Кадет*ском* Шоссе через Аркадию у Савченко), отчасти нет. Я тогда, не сообщая источника, написал об этом губернатору, приложил справки полиции о пребывании моем и паспортные пометки. В результате на меня накричали, грозили судом за разоблачение тайных сведений. Но кончилось тем, что губернатор*ская* канцелярия дала попечителю фальшивую новую справку, где все данные подтверждались, но отнесены были за 5 лет раньше до 1908 г. Попечитель отказал мне снова. Только Полтавский губернатор разрешил мне читать в Полтаве на курсах, и пом*ощник* Попечи-

* *Так у тексті.*

теля Певницкий после этого в 1913 г. снял запрет и я окончил экзамены.

Что это было, я не знаю тоже. Но возможно, что относящиеся к другому лицу сведения охранка смешала с моими вместе по сходству имен и в результате удвоила мои грехи. В Ташкенте у меня происходили недоразумения, так как там под именем Смирнова профес*сора* известен был профессор мед. факультета, который жил к тому же на одной со мной улице (Давыдовской), но его инициалы (имя, отчество) были другие. Мне приходилось слышать, что был какой то массон П.П. Смирнов (который ныне находится не то в Ташкенте, не то в Ленинграде), но я его не знаю и ничего не могу определенно сообщить. После ареста в Ташкенте я долго, до Москвы, был уверен, что арестовали меня по сходству имен и только допрос у т. Подсоцкого о моем участии в Киевском массонстве отнял у меня эту мысль.

3. Переписка моя с «ЦД» была очень невелика. В ответ на просьбу Константина Прокофьевича ВАСИЛЕНКО, выраженную в письме к Б.Н. Толпыго, чтобы я прислал ему каких нибудь книг для чтения, я послал ему две книги: Савин — История Английской революции и Макс Вебер — Аграрный вопрос в древнем мире, обе новые, издание ГИЗа. Книги он получил и благодарил в длинном письме, в котором описывал свои мытарства. Я на письмо собирался отвечать, но так и не собрался.

Затем ЯКОВЛЕВ Алексей Васильевич прислал мне письмо с просьбой осветить отношения между двумя германскими племенами эпохи переселения народов лонгобардами и герулами (кажется так). Сведения об их родстве, бытовой окраске, отдельных словах. Все это нужно было ему для какой-то литературной работы, по поводу немецкого эпоса. Я дал очень скудные, по Ташкентским условиям, справки. В письме моем более ничего не заключалось ни серьезного, ни интересного.

Затем в Киев я писал раза два Николаю Прокофьевичу ВАСИЛЕНКО и Леон.Эдм.ЧОЛГАНСКОМУ, по содержанию — обычные дружеские письма. Из делового было только описание для Л.Э. Чолганского условий Ташкента, как рабочего рынка, так как Л.Э. в числе других многих выражал в письме желание уехать куда нибудь из Киева, напр. в Ташкент, но затем отказался от этого плана, который вообще у него, по моему, не был серьезным с самого начала.

Это и вся моя переписка с «ЦД». Если бы или кто нибудь из моих корреспондентов думали о каком-то возобновлении деятельности, у нас не могло бы быть вообще переписки, которая, я уверен, долгое время, по крайней мере, проглядывала на почте.

4. Характеристику Бориса Николаевича ТОЛПЫГО дать нелегко по сложности его натуры. Это человек большой воли, довольно замкнутый, умный и с отпечатком хорошей школы. Он обладает прекрасной памятью, которая позволяет ему точно указывать даты и имена, так что я, историк, завидовал ему. Познакомился я с ним на процессе. Он держался твердо и откровенно, что привлекало к нему. На вопрос прокурора тов. Михайлика о том, раскаивается ли он в своей литературной деятельности — он дал отрицательный ответ. Это дало т. Михайлику повод в характеристике отметить, что «Толпыго упрям» и этим словцом мы его дразнили в Допре. При всем этом Б.Н. Толпыго обладает прекрасной детской душой, которая открывается каждому на каждое доброе отношение к нему. Его несчастье, как я считаю, состоит в несчастном его браке и неудавшейся семье. Даже новое его преступление вытекает отсюда, ибо ему нечего было терять. В Ташкент он был почти «выслан» семьей его тестя и явился сюда замкнутым, недоверчивым, я бы сказал, озлобленным и, быть может, голодным. Постепенно, когда ему дали работу, он жадно схватился за нее, сидел за книгами и письмами целыми днями и ночами, рылся в архивах и заслужил, как работник, столь же лестные отзывы, сколько оказался неуживчивым и неустойчивым там, где, ему казалось,

нарушались его права и справедливость (история книги о русско-персидских водных отношениях составлена в значительной степени Толпыго, авторство которых присвоил себе его начальник).

5. Относительно деятельности Григория Владимировича АЛЕКСАНДРОВСКОГО в АРА мне известно только, что он обычно председательствовал на тех легальных собраниях представителей различных учреждений (я был постоянно представителем У-та и ВИНО), на которых распределялись посылки АРА и др. аналогичных обществ (было еще какое-то, не помню его названия). Самые эти собрания нужно было организовывать, иначе раздача помощи принимала совершенно хаотический характер, и мне кажется, что именно Г.В. Александровский и налаживал их, находился ли он на службе в АРА я не знаю и сказать не могу.

6. Василий Митрофанович БАЗИЛЕВИЧ в молодости зарабатывал деньги репортажем в газете «Киевлянин». Сведения об этом у меня сохранились в памяти, хоть источника назвать не могу. Вероятно, кто-либо сказал. Потом он бросил это занятие, я знал еще, когда он был назначен зав. семинарией Историко-филологического факультета и далее.

7. Познакомился с группой молодых историков, когда мы работали в Московских архивах. Я окончил Университет в 1907 г. и каждый год почти с 1908 до 1914 г. проводил лето в архивах, подготовлял исследования (еще не напечатанные до конца) о городах. Сюда около 1909 или 1910 г. приехали из Киева молодые аспиранты кафедры русской истории: Виктор Александрович Романовский, Николай Федорович Яницкий и Василий Митрофанович Базилевич. Здесь я с ними познакомился, кажется, впервые. Каждый имел тему и работал в ее области. Потом, когда я вернулся в Киев и окончил магистерские экзамены, то мои приват-доцентские курсы нередко посещали и названные три аспиранта, отчего я и познакомился с ними ближе.

П. Смирнов 13-VIII-31

Дело по обвинению Смирнова Павла Петровича // Архів СБУ. № 49123.

Будинок Університету св. Володимира. Початок XX ст.

Андрієвський Віктор Никанорович (1885-1967)

Публіцист, педагог, громадський діяч.

Народився в Полтаві 1885 р. Закінчив Полтавську гімназію (1894-1903), входив до складу української громади гімназії (1900-1903). Навчався на природничому факультеті Університету св. Володимира (1903-1909), спеціалізувався в галузі хімії під керівництвом професора Сергія Реформатського.

Член Української Громади студентів університету, учасник університетського хору та хору «Боян» під керівництвом Миколи Лисенка; брав участь у русі за відкриття українських кафедр (історії, мови, літератури, географії) в Університеті 1906 р.

Із 1909 р. виступав на терені журналістики, публікуючи статті в «Рідному Краї» (Олени Пчілки), «Снопі» (Миколи Міхновського) та ін.

У 1909-1917 рр. — гласний Полтавського губ. земства, викладач Полтавського комерційного училища.

У 1917 р. став членом-засновником Української демократично-хліборобської партії, був соратником В'ячеслава Липинського, братів Шеметів, Міхновського. Впродовж 1917-1919 рр. — губерніальний комісар освіти на Полтавщині. Виїхав за кордон у складі Державної капели під керівництвом Олександра Кошиця. 1920 року — директор гімназії в українському таборі в Каліші. Із середини 1920-х років мешкав і працював у Львові, а після війни — на еміграції. Помер 1967 р.

Основні публіцистичні праці: «До характеристики правих українських партій» (Берлін, 1921), «З минулого» (Т. 1-2, Берлін, 1921—1923), «Три громади» (Т. 1-2. Львів, 1938), «М. Лисенко» (1937,1942), «М. Міхновський» (1950), «В десяту річницю. 22.01.1918—22.01.1928» (1928), «Проти провокації. Замість відповіді проф. С.Шелухинові» (Голос укр. еміграції. Каліш, 1928).

Київська студентська українська громада

[...] Київ!... Давня мрія моїх юнацьких днів! До нього линув я думками останніх два роки. Колиска нашої давньої слави, теперішній осередок нашого культурного життя, де живуть і працюють для України найбільші, найславніші її діти. Київ — скарбниця нашого духа, київська свята земле, зрошена слізьми й кров'ю минулих поколінь, невже ж нарешті приймеш ти й мене, повного завзяття юнака, який у мріях ціле своє життя наперед посвятив служенню тим ідеалам і заповітам, що лишили кожному українцеві борці й мученики за волю народу нашого, за славні заповіти наших дідів? Чи здолаю я винести на своїх плечах той тягар, що судила мені доля? Чи повернуся я, озброєний силою знання й науки на служення мойому народові, а чи, подібно до тих борців, що впали в нерівній боротьбі з московською владою, поїду і я десь міряти безмежні простори холодного Сибіру? Нехай буде й так, але близька прийдешність — близька можливість знайтися серед громади тих сміливих борців, тих рідних мені по крови, по духові, по переконаннях і стремліннях людей — сама та можливість стати хоч на короткий час у їх лавах, можливість разом піти у боротьбу, а потім хоч і загинути зі славою за улюблену ідею — та сама солодка мрія переповнювала вщерть мене щастям!

От за Дарницею потяг звільняє свій хід — зараз великий міст через Дніпро. Сонце зійшло й обсипає промінням береги, сиві хвилі й далеку зелень київських гаїв. Подорожні повставали з лав і тиснуться коло вікон, любуючися красою краєвиду. Тихо вкочується потяг на міст. Рікою пливуть пароплави й сплави, а від міста вже чути далекий приглушений шум. Ось блиснули золотом бані Володимирського собору, серед темнозеленої гущавини ніби кривава рана зачервоніли мури університету... Розкішна панорама пестить зір і вабить душу...

— Ах, Київ!... Одиноке у світі місто!... — чую коло себе захоплений голос. Немолодий уже панок перехилився через відчинене вікно і жадібно вдихає свіже повітря. Вогкими очима обводить він довко-

ла і, не можучи стримати своїх почувань, звертається до незнайомих йому людей:

— Знаєте, я не є киянин, не тутешній навіть. Я чужий, цілком чужий. За моє життя об'їздив я Европу, Азію й Америку і, вірте мені, ніде у світі не бачив такої краси, як оцей Київ! Є багаті, є величні міста, є й розкішні, але тої розкоші, того тепла, тої пишности не має жадне! Божий рай, а не місто!...

Лише пізніше, проживши кілька років у Києві, зрозумів я вповні правду його слів. Я на власні очі бачив киян, що виїхавши на довший час із Києва, сумували й нудилися, не можучи знайти собі заспокоєння. Знаю таких, що кидали ліпші посади й поверталися на гірші, аби в Києві! Я на собі самому відчував той сум за ним, ту нудьгу, сам хворів тою хворобою, що іншого їй імені дати годі, як тільки — туга за Києвом!

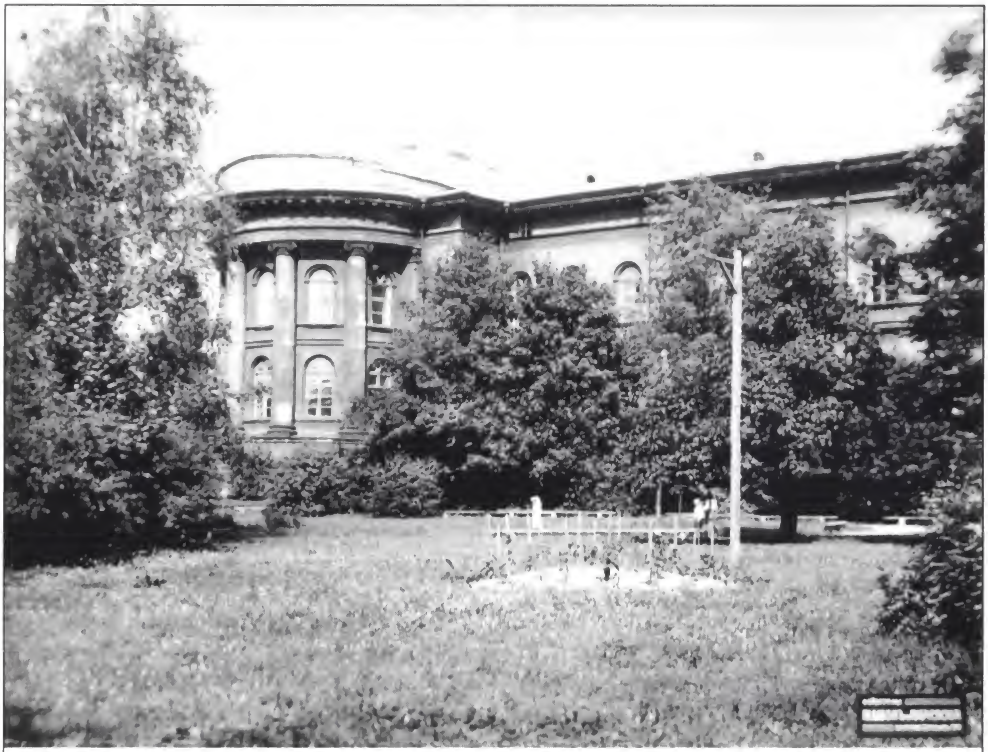
У перші дні мого перебування у нашій столиці я не міг отямитися від захоплення: я оглядав пам'ятники, ходив по церквах, манастирях, пересиджував у київських розкішних садах і парках та блукав по коридорах університету. У Києві я бував і раніше, але тепер, коли я став напів городянином його, коли в моїх думках свідомого громадянина українця він набув значіння не тільки мальовничого старого історичного міста, але міста нашого українського, столиці нашої — усе в нім здавалося мені подвійно цікавим, подвійно милим і дорогим.

Поселився я на розі Рейтарської і Малої Володимирської, так що кожного дня ішов до університету побіля Софійського Собору, а у свята будив мене оксамитний, повний містичної краси, густий і могутній гул софійського дзвону. З Лаври доносилися хвилі лаврського дзвону, їм вторували передзвони Михайлівського манастиря, і серед тої симфонії, що пестила слух, милувала душу, затихали нераз болі, никла журба — ця чудова музика вже сама витворювала ті настрої, що пізніше непереможною силою відбивалися на людській уяві і лишали тугу за Києвом! Один із багатьох складових елементів багацтва фарб і звуків, що витворюють душу киян! Тепер для мене зрозуміло, чому сучасні червоні володарі нашої бідної Батьківщини так ретельно винищують дзвони і руйнують церкви: вони добре знають, яку силу мають оті, здавалося би, дрібниці, на виховання людини, на творення її душі, якими тонкими, делікатними невідомими нитками прив'язують до даного краю, народу й епохи. Не дурно ж вони намагалися замінити вплив тої симфонії дзвонів своєю пролетарською симфонією фабричних гудків! Даремні спроби! Як колись тая лагідна й містична музика дзвонів відбивала шляхотній відбиток на лагідній і музикальній вдачі колишніх киян, так сучасна культура нинішніх свідомих вандалів на душі їх нещасних підданців виб'є хіба понуре тавро Каїна!

* * *

Розглянувшися добре по Київу, звикши трохи до університету і його порядків, став я нетерпеливо дожидати, коли ж мене нарешті приймуть до того «святая святих», куди линув я мріями і вступу до якого чекав зі священним трепетом — до української студентської громади. Рекомендувати мене туди мав [...] Соколовський, а крім того я зустрівся в університеті ще з одним моїм старшим товаришом по полтавській ґімназії, студентом медицини Барбаром, в котрому з радістю пізнав українця і члена громади, що мене знав і міг рекомендувати. Я ж за собою тяг і хотів увести туди й мало активного та млявого мого приятеля Олексу Червоненка.

Нарешті та довго ждана хвиля наступила. Одного дня Соколовський повідомив мене, що сьогодні відбудуться збори громади, на котрі й ми маємо прийти. Ввечорі з набоженством чистив я свою сіру студентську «тужурку» і вибирав найліпшу вишивану сорочку, щоби з'явитися як належить серед моїх товаришів по громаді, котрих я собі уявляв такими милими, привітливими, такими сердечними, як мій старий приятель студент і член харківської студентської громади, Юрко Коллард.



Університет з головної алеї Ботанічного саду. 1913 р.

На перших же зборах, при першому мойому знайомстві чекало мене розчарування. До вказаної нам хати (на Фундуклієвській вулиці, десь у дворі) явилися ми з Червоненком в точно призначеній годині. У великій кімнаті із звичайною студентською обстановкою сиділо кілька студентів, котрим нас представив Соколовський. Прийшлося довгенько чекати, поки посходилося ще трохи людей, так що всіх нас назбиралося душ двадцять. Здебільшого мало привітливі, вбрані як і звичайно в університеті в московські «косоворотки» під студентськими «тужурками». Розмовляють між собою по українськи, але цілком не на українські теми: про біжучі справи студентські, про постанови «обєдіньонаво совєта студенческих землячеств і орґанізацій», в котрому рівнорядним членом є наша громада тощо. По відкриттю зборів, на яких представлено як нових членів нас і ще кількох молодих, мені невідомих студентів, обговорюється в першу чергу якась особиста справа одного з членів нашої громади, старого студента, що недавно перевівся до Києва з варшавського університету. Справа нецікава і досить брудна. Нетерпеливо чекаю я, коли ж прийде до справжніх наших українських справ. Адже ж мають бути такі, що захоплять нас усіх: підуть гарячі розмови, постанови, доручення кожному з нас якоїсь роботи, котрої я прагну цілою моєю істотою. Але нічого такого нема... Як нема і таких українців, яких я сподівався бачити в роді Юрка. Всі холодні, чужі не тільки убранням, але й духом. Хоча неправда: є тут крім наших двох з Червоненком вишиваних сорочок ще одна третя й остання: це того самого студента з довгими рудими вусами й добрими хорими очима, якого я бачив в нашому театрі у Полтаві на святі Котляревського і на стації, як він спав на ва-

лізці. «Семен Оміцинський» — представляється він мені, і я з мимовільним довір'ям і симпатією дивлюся на його миле, лагідне обличчя, сідаю коло нього і стараюся нав'язати з ним ближче знайомство. Згадуємо про полтавські свята (на зборах громади він робив про них доповідь). Розмова наша щира і цікава для нас обох. Оце єдиний студент українець такий, яким я собі уявляв усіх. Українець душею, серцем, а не розумом, з холодного розрахунку, яких, на мій жаль, я пізнав більше і з якими я не міг зійтися в дальшій моїй роботі!*.

По цих зборах громади верталися ми з Червоненком додому, криючися один від одного зі своїми думками... Великого ентузіязму вони в нас не викликали.

Але мій новий знайомий дуже припав мені до серця. На чергових зборах ми знову сиділи разом і розмовляли про справи, що цікавили нас і не цікавили решти громадян. Нарешті я йому признався, що ота невтрально-революційна робота громади мене не задовольняє, що я прагну якоїсь національної роботи, що чим далі, то мене все менше обходять ті справи, якими занимається наша орґанізація.

Він признав мені рацію.

Не дорікаючи нікому, він делікатно натякнув мені, що чекати чогось іншого, якоїсь такої роботи, якої я хочу — годі. Але все-ж він старався піддержати мене на дусі, і я відчув, що його болить оте моє розчарування, що йому було би жалко, щоб наша громада стратила хоч і таку одну душу, як моя.

— Я оглядаюся довкола. Ми з вами не самі, може ще двоє-троє таких, як ми. Щось, може, зробимо...

Дійсно, приглядаючися до наших товаришів, я побачив, що не сам я незадоволений. Між такими, як я, знайшовся один на призвище Дуда-Дудинський, що сказав мені майже те, що я думав. І от нас кілька під проводом Оміцинського виділилося ніби в окремий гурток, що поставив собі на цілі тимчасом пропаґанду національного самоосвідомлення. Для того малося читати реферати на відповідні теми, вести дискусії, тощо. З повною посвятою приступили ми до роботи. Я перший взявся відчитати підходячий реферат. Саме в той час галицькі українці вели боротьбу за українські ґімназії в Станіславові та Тернополі. Вістки про те друкувалися в «Київській Старині» та деяких київських щоденниках. Деякий матеріял постарчив мені і сам Оміцинський. І от за пару тижнів відбувся перший мій виступ з рефератом, тільки не в громаді, але серед гуртка з 8-10 душ молодих громадян, на чолі з молодим душею Семеном Оміцинським.

В конторі якоїсь пральні на Львівській вулиці, серед пакетів свіжого білля, при щільно зачинених вікнах і зам-

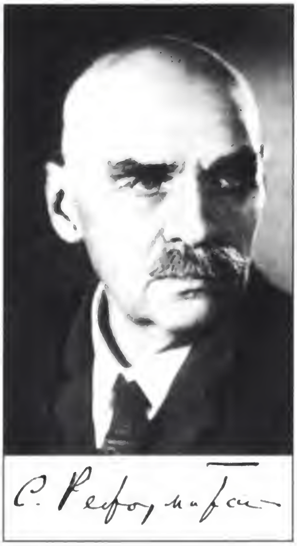
* Вже по написанні цих спогадів довідався я від Д-ра Л. Чикаленка, що С. Оміцинський був родом поляк і навіть римо-католик.

кнених дверях, відчитав я цей реферат серед загального одушевлення моїх слухачів і мого власного. Так почалася моя робота в київській студентській громаді... Більш активної роботи в ній мені не довелося виявити. Я точно ходив на загальні збори, слухав і принимав до відома їх постанови, ходив на студентські віча й демонстрації, участь в котрих брали члени усіх об'єднаних студентських орґанізацій, отже і наша громада, але усе те я робив із обов'язку — серцем я був далеко і від тих виступів і від більшости моїх товаришів, що самі ставилися до своєї роботи досить холодно. Крім того мене відпихала від них їх непривітливість, холодна самопевність, якась удавана ніби вищість над усіми іншими, котрі їх думок не поділяють — властивости, що так виразно виявилися пізніше на таких відомих наших діячах з українських громад, але марксівського світогляду, як В. Винниченко, М. Порш, Б. Мартос (останній з харківської) і багато інших. От уже через те саме я відчував тоді інстинктове недовір'я до заступників того світогляду, а пізніше свідому відразу й до самої доктрини, коли з нею ближче познайомився. Далеко більше моє серце належало до партії Соц*іаліс-тів*-Революціонерів (російської, бо української в той час іще в початку не було). Вже сама відвага її членів, що раз-у-раз наражали на небезпеку своє життя, сміливі терористичні акти С.-Р-ів мусіли імпонувати кожному, не то, що холодна теоретична балаканина, у великій мірі підперта просто демаґоґією і спекуляцією на несвідомості темних мас С.-Д-ів. Коли ж я прочитав «Записки Революціонера» кн. Кропоткина, «Підземну Росію» Степняка, то мене цілком захопила з одного боку сміливість, завзяття й відданість ідеї і своїм товаришам С.-Рів, а з другого — велика інтеліґентність і шляхотність вдачі членів їх партії (самого кн. Кропоткина в першу чергу) — властивости, котрі, на жаль, мені дуже рідко доводилося спостерігати серед членів партії С.-Д-ів російської, чи української, а тим менше серед пізніше народженої, сумної пам'яти, партії українських С.-Р-ів. От через що, маючи мале застосування для моєї енерґії в українській студентській громаді, я допомагав моїм товаришам-полтавцям з російського табору при друкуванню на ґектографі деяких відозв і брошур того самого кн. Кропоткина, до якого моя пошана і пієтизм усе більше зростали в міру того, як я знайомився з його життям і творами. Тою ж моєю пошаною власне до нього пояснюю я й мої дальші симпатії до анархістів, з якими я познайомився трохи пізніше і які свою генеальогію у великій мірі починали від нього, признавалися до нього й шанували.

Тимчасом мене все більше затягувало і вабило академічне життя. Самий наш університет з його затишними авдиторіями, довгими коридорами, «курилками» при них, розкішний ботанічний сад з одного його боку, куди виходять вікна авдиторій, чудовий Миколаєвський парк перед самою фасадою — з другого, два широкі двори: «північний» і «полудневий», усе його господарство, ніби де в доброго дідича на селі, приваблювали кожного господарського сина. Наш милий і привітний університет дійсно був не одному з нас справжньою «альма матер», за якою не раз сумно мені було на серці і яку тепер я згадую з найщирішою любов'ю і великим жалем над тою долею, що їй уготовили теперішні її володарі.

Наш університет, хоч порівнюючи з іншими ще й молодий (відч*инився* в 1833 р.), мав свої традиції: і революційні, за які, як переказувала леґенда, ніби з наказу Миколи Першого його вимальовано на червоно, і народницькі, якими вславились його професори й учні, от як проф. В. Антонович, М. Драгоманів, М. Грушевський, Михайло Старицький, Микола Лисенко й багато інших. Мав він навіть своїх «бувших людей»: в мої часи коло «Южного двору» щодня можна було бачити його колишнього вихованця й абсольвента, а тепер алькоголіка, жебрака й поета — Пучкова. З довгою рижою бородою з університетським знаком на подертім і бруднім пальті

і часто п'яний, він при брамі продавав друкований збірничок своїх поезій під наголовком: «Увядшій букетик», говорив до нас — студентів по латині і по грецькі, а ми купували його книжечку, або й так давали на шкалик. Добрячої душі людина, він жив на утриманні студентів, коли ж бачив біду, то своєю жебраниною й сам ділився з голодним товаришем. Так і помер на вулиці десь у 1908 чи 1909 році.



Наші професори (я вступив на природничий факультет і скінчив його, не міняючи ні факультету, ні університету, як це часто траплялося тоді серед російських студентів), хоч не всі, може, відзначалися блискучими здібностями, одначе цілком задовольняли не тільки мене, але, наскільки я знаю, і більшість моїх товаришів. Анатомію людини викладав нам тодішній ректор і відомий професор зоольоґії Бобрецький. Ботаніку — С. Навашин і молодий професор Пурієвін (Баранецький — старий заслужений професор, був тоді останній рік деканом нашого факультету). Дуже інтеліґентний і милий проф. Коротнев викладав зоольоґію безхребетників, не менше милий і симпатичний О. Сіверців — зоольоґію хребтовців. Може найслабшими були проф. П. Армашевський — мінеральоґ, пізніше наш декан і, здається, член Союзу Русского Народу, та проф. Барзиловський, який викладав нам неорґанічну хемію. Зате прекрасний лєктор, знаний в Києві професор Сергій Реформатський був моїм учителем хемії орґанічної, в котрого я робив і писав мої дипльомові роботи. З моїх професорів я був цілком задоволений, як задоволений був і з товаришів. З неукраїнців я особливо дружив із грузинами і поляками. Серед останніх мав кілька добрих приятелів, з котрими трохи пізніше, коли ми заснували вже другу громаду, мав я і зв'язки на політичному полі: я запрошував їх на наші українські віча і виступав як офіціяльний представник від українців на польських вічах. Ворожих відносин між українцями й москалями тоді також не помічалося, бо питання національне, як таке, тоді студентів мало цікавило. Студентським життям керували такі партії, як російські С-Д і С-Р, жидівський Бунд, Польська Партія Соціялістична, пізніше ще орґанізації сіоністів. Крім того студенство було об'єднане в т. зв. «землячествах» — себто безпартійних громадах, що лучили в собі абітурієнтів із ґімназій певних земель, переважно українських. Отже були земляцтва — полтавське, київське, подільське, чернігівське, волинське. Я з моїми товаришами по ґімназії були досить діяльними членами земляцтва полтавського. Але незабаром, коли політичні партії стали все більше вимагати від своїх членів активної роботи, коли ріжниця політичних світоглядів зробилася настільки гострою, що одночасно перебування у партії і земляцтві стало все трудніше, а ще трудніше — об'єднати на невтральному ґрунті представників ріжних світоглядів, земляцтва почали завмирати і вже при мені зліквідувалися.

Найбільше улюбленою моєю роботою і розвагою заразом поза лекціями і працею в ляборатоpіях були хорові співи. Ще з тих часів, коли ми з Ю. Колардом орґанізували аматорські хори в Кобеляках, полюбив я співи й прив'язався до тої роботи. Отже, коли на стінах у коридорі університету побачив я, що набираються хористи до «старого» студентського хору, з'явився я сам на конкурс і потяг туди моїх товаришів полтавців, які мали голоси. Принято нас трьох і я став з них найбільш ретельним і совісним

співаком. Зауваживши, що репертуар нашого хору складається в дуже невеликій кількості з українських пісень, став я підбивати товаришів по хорові, аби вимагали від нашого дириґента і хорової управи розширення українського репертуару. При тій нагоді познайомився ближче і з деякими українцями, яких мало зустрічав у громаді. Між іншими із моїм земляком, пізніше близьким приятелем Михайлом Злобинцем із Золотоноші. Він, так само як і я, був більш ретельним хористом, ніж членом громади — думаю, що з тої ж причини, що і я. Ми стали налягати все більше на нашого дириґента — Зорина, щоби внести українські пісні, головне на кошт московських. Він, хоч сам білорус, не дуже мав нахил до української музики, тому ми стали впливати в тому напрямі, щоб змінити дириґента. Вкінці Зорин відмовився, і наш «старий» хор злився з «новим», під проводом дириґента Якова Яциневича, він же і дириґент студентського церковного хору. Треба сказати, що перед тим, ще до мого вступу в університет, був один хор, який через деякі незгоди, здається щодо дириґентів, а також і репертуару розколовся на два: старий либонь із ліпшим дірigентом Зорином, і новий з Яциневичом. Але тому, що власне Зорин не охоче співав українські пісні, ми його й примусили уступити і знову об'єднали хор, поставивши при тім умову Яциневичові щодо українського репертуару. От тут уперше почулася і незгода між товаришами студентами на національному ґрунті: деякі москалі стали енерґічно протестувати проти переваги українських пісень і навіть декотрі виступили з хору. Тим міцніше стала позиція наша — українська. Наш студентський хор був славний тоді не тільки на самий Київ: він виїзжав із концертами й на провінцію і скрізь користувався цілком заслуженою славою, бо складався з понад сто добрих співаків. Отже не можна було випустити нам із рук такого поважного засобу пропаґанди, тому я, Злобинець і ще кілька товаришів-хористів українців старалися задержати українські впливи, що нам і вдалося, аж поки на чолі об'єднаного студентського хору не став відомий дириґент О. Кошиць (уже пізніше, коли я скінчив університет). Крім того я вступив також і до церковного студентського хору, а пізніше (в 1906 р.) до хору київського «Бояна». Отже хорові проби, концерти, ріжні орґанізаційні справи забирали в мене цілком ті рештки часу, що лишалися поза лекціями й ляборaторіями.

Не можу й тепер згадати без захоплення тих наших виступів на студентських чи яких інших концертах.

При початку кожний раз, як тільки відсунулася завіса, з сотні молодих грудей лунало могутнє й урочисте: «Віват академія!»...

Так співати тую пісню, як співав наш київський студентський хор, навряд чи ще хто коли денебудь співав. Це справді був студенський гимн, гимн пошани й любов й до тої «академія», що мала бути й була для нас, для більшості з нас студентів-хористів (я в тому

Хор студентів Університету св. Володимира. 1910-1911 рр.

певний) «музарум седес, убі дульці кантілєна атрія ет едес ресонабант»... Дійсно, коли згадаю тую нашу восьму авдиторію, де ми сходилися на хорові проби, де наша «дульціс кантілєна» тішила, захоплювала нас і збирала в коридорах купи слухачів, коли згадаю, **як** ми співали, скільки душі вкладали ми в тії поважні строфи Лістового твору, якими величними акордами лунала тая пісня в стінах нашої «альме матріс», — коли пригадаю ті високі й солодкі хвилини нашого натхнення, то певно не погрішу проти правди, як скажу, що для нас, студентів — киян це був справжній наш гимін, а не буршівська застольна пісня, яку мало чутливі й настільки ж мало інтеліґентні европейські бурші, а чи колишні російські «маладци» п'яними голосами звикли вигукувати при бомбі европейського пива, або при чарці російської водкі! Тому, коли й тепер почую я де дурний початок: «Ґаудемус іґітур...» (чому власне оте «іґітур» — звідки воно без попереднього величного привіту до академії «Віват! віват! віват!»? і т. д.), то мене бере жаль за моєю київською «альма матер», за її вихованцями і взагалі за тим давнім нашим київським інтеліґентним і музикальним громадянством, котре спеціяльно любило наш хор і про котре колись той самий Ліст мав сказати:

— «Два міста в Европі дійсно люблять і розуміють музику: це Відень і Київ...».

Далі на студентських концертах співали ми ріжні хорові пісні: уривки з опер, ориґінальні твори й народні пісні — переважно українські. Для грузинських вечорів, що не обходилися ніколи без нашого хору, ми співали грузинські пісні. Досить сказати, що в ті часи участь нашого хору в концерті вже забезпечувала успіх концерту, що наш хор виступав разом із артистами такої слави, як М. Лисенко, О. Мишуґа, й ми чули від них лише слова похвали.

А такі речі, як н*а*пр. «Іван Гус», або «Ой нема, нема ні вітру ні хвилі» М. Лисенка за його власною оцінкою ніхто не виконував так гарно як наш хор...

Друзі, студенти-хористи, де ви тепер? Чи багатьом із вас попаде до рук отеє моє, може, запізнене слово любови і похвали для нашого хору? А як прочитаєте отсі мої спогади, то ска-

жіть, озвіться де, чи правду я кажу за себе й за вас, за нас усіх, членів тої орґанізації, що дала нам стільки насолоди, втіхи й радости в ті щасливі дні нашої молодости?..

В кінці 1903 року записався я і до того хору, що мав під проводом К. Стеценка співати на ювілейному святі Миколи Лисенка (тридцятип'ятилітній ювілей його діяльности). Був я на кількох пробах того хору десь на Кадетському шосе, але в самому ювілейному концерті, на жаль, мені не довелося взяти участи, бо на той час я мусів виїхати до Полтави. [...]

[...] Вернувшися до Київа з Полтави по Різдвяних вакаціях, з радістю побачив я на афішах в репертуарі київської опери «Різдвяну Ніч», яку виставлялося з нагоди 35-літнього ювілею Миколи Віталєвича. (Була це вже позаювілейна вистава, — ювілей відсвятковано було в грудні 1903-го року).

Олександр Кошиць. Початок XX ст.

З великою нетерпеливістю дожидався я того дня і коли почув перші акорди увертюри у виконанні прекрасної київської оперової оркестри, то годі навіть уявити моє захоплення: я сидів як зачарований і ніби прокинувся від неземного сну, коли завіса впала в останнє. Чудова музика, прекрасні убрання й декорації, рідні мельодії, рідна мова, що вперше залунала на київській оперовій сцені, захопили мене своєю красою: мені здавалося, що ця вистава спонукає і самого ювілята, та може і ще кого з компоністів, не тільки українських, писати далі опери на українські теми, розвивати українськи оперову й симфонічну музику. На жаль, мої сподівання не сповнилися. «Різдвяну Ніч» по двох чи трьох виставах знято з репертуару, і нових українських опер я більше не чув. Правда, кілька років пізніше довелося мені почути у Купецькім саді, у виконанні київської симфонічної оркестри «Козака-Шумку» того ж М.В. Лисенка. Здається, що її відіграли з ініціятиви славного київського контрабандиста Воячека. Але українських опер я вже більше не чув тільки на сцені: навіть дивно, що пізніше театр Садовського ставив такі опери, як «Галька» Монюшка й «Продана Наречена» Сметани, але виставити «Різдвяної Ночі» таки й не спромігся. Сам М.В. Лисенко опер після цього також не писав, а за ті дальші дев'ять літ, що нам ще судилося мати його, написав для сцени оперету «Енеїду» та «оперу-хвилинку» «Ноктюрн». Зате видав друком свого славного «Тараса Бульбу», котрого за часів української держави також ні один уряд виставити не спромігся. Чи не дивне з нашого боку недбальство і гріх супроти нашої культури? Тим більше, що на самому початку революції 1917-го року того ж «Тараса Бульбу» виставили в московській мові на сцені «Народнього Дому» в далекім Петербурзі.

В середині квітня (14-го) 1904-го року помер Михайло Петрович Старицький. Декому з нас — студентів-українців, прийшла думка зробити з цих похоронів українську демонстрацію але нас було мало й мляві були тоді члени студентської громади. Одно, що вдалося нам — це зібрати на похорони (16-го квітня 1904-го року) багато студентів,

без ріжниці їх національности. Співав великий студентський хор. Були й деякі київські професори. Домовину з тілом небіжчика несли ми, студенти-українці, на своїх раменах від самої Маріїнсько-Благовіщенської церкви аж до Байкового цвинтаря. Коли ж над відкритою могилою, у короткій промові прощався зі своїм другом, свояком і побратимом М. Лисенко, згадалося мені, скільки вони разом перетерпіли на життєвій дорозі, скільки зробили для добра нашого, і я, слухаючи його щирі слова, плакав сльозами вдячности перед душевною силою й красою цих двох людей.

Коло відчиненої домовини плакали його доньки — співробітниці, повиті в жалобу, і ми — молодь, що принесли його на своїх раменах до місця вічного спочинку, побожно і вдячно схиляли голови перед ним і його великим ділом...

— Щасливий, Ти, дорогий Небіжчику! Бо так жити і вмерти на праці для рідного краю, для нього ж виховати своїх дітей — оцих ідеалів, заповіджених іще з часів шляхотної влади, досяг Ти вповні!...

В той день, як і досі, я був гордий і щасливий, що мені довелося нести на своїх плечах тлінні останки одного з тих славних заслугами мужів, якого нащадки мають назвати «батьком народу»!..

В січні цього ж 1904 року припало 250-ліття прилучення України до Московщини. Наша громада не спромоглася ніяк відзначити цей сумний ювілей. Лише в студентській їдальні, вже пізніше, продавалася листівка, видрукована в Галичині. На цій листівці нарисовано московського царя, що тримає кайдани, і боярина, що подає руку козакові, і написано: «1654—1904». «Волимо під царя московського православного — тільки нехай і ваш цар присягне» і далі: «Якой ти хахол нєобразованний, развє ти не знаєш, что аднаво слова нашево батюшкі царя достаточно?»...

Оцю листівку я придбав собі на пам'ять. — Вона, єдиний мій спогад про це, як Україна святкувала чвертьтисячліття цеї своєї фатальної політичної унії!...

Трохи пізніше зрозумів я, чому цього роду факти й події взагалі мало інтересували нашу громаду — в кожному разі менше, як наприклад студентські віча в честь студента-терориста Каляєва*, або ще які там факти мірила, мовляв би, «всеросійського»: в нашій громаді панували симпатії загально-революційні, а не «вузько-націоналістичні», з цеї причини, що величезна більшість її членів уже встигла ясно здекляруватися як марксисти й українські соціял-демократи. Довідався я про це, можна сказати, цілком несподівано. Якось одного похмурного дня осени 1906-го року Соколовський повідомив мене, що сьогодні мають відбутися дуже важні й цікаві збори громади і подав мені адресу десь на Великій Васильківській вулиці. Прийшовши в призначений час на збори, я був здивований надзвичайною їх обстановкою: в грубі горів вогонь, коло дверей на зовні виставлено спеціяльну сторожу, чого досі не бувало. Очевидно, це були міри на випадок, колиб явилася поліція. Секретарем зборів (і в громаді — здається) був цей самий Соколовський, а головою, коли не помиляюся, чи не Барбар (або може, Порш?). Промова голови була коротка і проречиста. Він заявив, що властиво вже від давна серед членів нашої громади усі схиляються до програми Української Соц. Демократичної Робітничої Партії, згадав, що колишня Р.У.П. вже приняла цю програму, так що прийшов час і нам остаточно оформити цю справу. Сьогодні ми маємо проголосувати і занести в протокол формально про перетворення нашої громади у відділ У.С.-Д.Р.П. Хто за цим, нехай піднесе руку. Піднеслися усі руки, крім двох: моєї і студента Голобородька. На запит, чому ми не підтримуємо загального бажання, він відповів, що не досить познайомлений з програмою У.С.-Д.Р.П., а я до заяви

* В р. 1904-ім брав участь в убивстві міністра внутрішніх справ, Плєве. В році 1905-ім убив великого князя Сергія Олександровича.

прилучився. Я був так вражений цею несподіванкою, що навіть не встиг зібрати думок, щоб відказати щось таке, що більше відповідало б мойому настроєві. Та розводитися з довшими розмовами не було коли: голова поспішив закрити, бо, видно, мешкання не було досить певне. Нам із Голобородьком предложили в найкоротшому часі познайомитися з програмою У.С.-Д.Р.П., а тоді зголосити своє остаточне рішення.

Пізніше я висловив Соколовському своє обурення за це, чому він не попередив мене заздалегідь, яке власне таке важливе питання мало стояти на денному порядку. Думаючи, що, знаючи моє до цього відношення, він не попередив мене навмисне. Після того на збори студентської орґанізації У.С.-Д.Р.П. я вже більше не ходив і ніякого свойого рішення не зголошував, тим більше, що події пішли вперед дуже швидким темпом, бо це ж були пореволюційні часи після жовтневої революції 1905-го року.

З фронту йшли мало втішні вісти: російські війська терпіли одна з одною поразки. Порт Артур упав у грудні 1904-го року. Фльоту Рождественського розторощено в травні 1905-го року. Запасні не хотіли йти на війну. Портсмутський мир не задовольнив нікого. Робітники свої революційні настрої виявляли страйками. Нарешті у жовтні оголошено загальний страйк. В нашому університеті безперивно відбувалися віча, наперед студентські, а далі на них стало все більше з'являтися посторонніх людей. Професорська рада постановила припинити навчання в університеті, але самого університету не зачинили, так що він перетворився в притулок для всякого роду революціонерів і просто зброду з вулиці. Зранку до пізньої ночі по коридорах вешталися маси «революційного» народу. По стінах і на дверях авдиторій висіли відозви революційних партій і орґанізацій та заклики на їх збори й мітінґи. Найбільш численні віча відбувалися в актовій салі. Університетська управа зрештою робила практично, що не замикала; дверей у-ту, бо «революційний на-

рід» їх однаково виламав би і тільки ушкодив би університетське майно. А так ішло все досить мирно. На мітінґах, помимо улюблених тоді студентських промовців (серед них у славу увійшов молодий студент-українець Микола Залізняк), з'являлися навіть і професори, а професор князь Евген Трубецкой, як дехто з студентів сміявся — навіть позичав собі не цей випадок десь старі подерті штани. Але безподільним господарем над думами «революційного народу» був тоді жидок Шліхтер, що з університету буквально не вилазив. Він був постійним головою більших віч, кричав та репетував на них скільки міг. Він відразу став видною персоною у Києві. Крім нього російські С.-Д. виписали на ґастролі знаного тоді «товариша Антона». (Також жидок і абсольвент полтавської ґімназії на прізвище Сандомирський). Жаль було дивитися на той бруд і паскудство, що

Дмитро Антонович. Початок XX ст.

позаводили ріжного роду «товариші» в колись таких чистих і затишних авдиторіях і коридорах нашого університету. А на цю публику, що вчащала на мітінґи, дивитися було в кожному разі цікаво. Серед ріжного роду «товаришів» і «товаришок» нераз можна було побачити представників вищої київської аристократії (переважно пань), що на ці збори ходили, як на цікаві видовища. Бували й офіцери, і то навіть в одностроях. Поліції не було видно (бодай у мундирах) — взагалі відчувалося, що адміністрація тратить, чи втратила голову. Серед усіх цих революційних поривів революційного народу було й досить гумористичного елєменту. Так, наприклад, оповідали, що в одній з авдиторій зібралися на віче курсистки акушерських курсів Нейштубе. Вони пів дня дискутували, кого вибрати на голову, і не мігши розв'язати цеї справи, так і розійшлися ні з чим. Бувало й таке, що збори оголошувала якась ґрупа «революційного народу»: якісь «товариші переплітчики» або що. По відкритті зборів виявлялося, що нікому і ні про що говорити і голова, чи хто інший, пропонував зборам іти влитися в якусь другу ґрупу. Під кінець хвилі «революційного народу» вилилися й на вулицю. Пригадую собі одну таку вуличну маніфестацію, на чолі з тим же Шліхтером, який їхав на білому коні. Коня урочисто вели за поводи «товариші», а юрба народу ішла Фундуклїївською вулицею на Хрещатик. Перед дівочою ґімназією спинилася і, ставши на коліна, співала «вічную пам'ять», згадуючи, що тут колись вбито кількох маніфестантів підчас якоїсь демонстрації. З цеї нагоди ходив по Київі такий дотеп:

«Колись Христос у супроводі народу на осляти увійшов в Єрусалим, а тепер на шкапині їздить осел в супроводі ослів».

Я з моїми товаришами студентами-полтавцями не мали нічого до роботи і з цікавости вешталися по цих зборах, мітінґах і маніфестаціях. Таких, як і я, безпартійних і скептично настроєних, було ще троє: мій співмешканець Олекса Полонський, Сергій Розів і Дмитро Лейвин. Всі ми були природники й приятелі ще з ґімназійної лави у Полтаві. Розів до того співчував з українцями. Його дядько, Трегубів, до котрого він часто заходив, належав до київської старої громади. Розів мешкав у Павла Житецького, і я намагався навернути його до активної праці на українському полі. Але він був завеликий скептик і сибарит. Про нього мова буде ще далі. Полонський і Лейвин і до українства не хилилися і революційних настроїв не мали. Отож то з тим, то з тим, я й ходив на ріжні збори, чи на маніфестації. З таких найцікавіших були: Українське віче в університеті і мітінґ коло київської міської думи, котрий скінчився історичним київським погромом.

Одного дня у коридорах університету між іншими оповістками з'явилося оголошення, що такого-то дня відбудеться в найбільшій чотирнадцятій авдиторії українське віче.

— Нарешті то й наші заворушилися, — сказав я до Розова.

— А якже: ліпше пізно, як ніколи! — відповів він, і ми, як і звичайно, вирушили зарання, щоб заняти найліпші місця, сподіваючися, що буде сила народу. Дійсно, людей набралося досить — майже повна авдиторія. Склад вічовиків досить ріжноманітний: серед студентських тужурок видно робітничі блюзи й цивільні вбрання інтеліґентів. Після революційного звичаю більшість вічовиків не скидає шапок. Ми сіли з Розовим на першій лаві в куточку з лівого боку від катедри. Місце тим вигідне, що чути добре промовців, а через близьке вікно видно, що робиться на коридорі. По досить довгім (як у нас звичайно) чеканні побачив я на катедрі того самого Антоновича-«Муху», котрого ми з Перцовичом бачили в Полтаві в Осмяловського. Він відчинив збори короткою, нічого не говорячою промовою, а за ним виступив досить відомий тоді, серед студентів, як промовець, студент-правник В. Садовський. У довжезній промові він, як і звичайно, нудив слухачів довгими цитатами з творів Каутського по брошурі, яку витяг з кишені своєї тужурки. Після нього на катедру виступив з досить спритно зложеною, повною гумору й дотепів промовою невідомий мені промовець, котрий рекомендував себе, як «полтавський міщанин». Підчас його промови двері відчинилися і в авдиторію вступила ґрупа відомих «старих» діячів-українців. Серед них добре пригадую М.В. Лисенка, Ольгу Петровну Косач, здається, з ними були ще Сергій Єфремів і чи не Борис Грінченко? Серце мені радісно забилося:

— Наші, «старі», — шепнув я Розову, котрий не знав їх з обличчя.

Я думав, що авдиторія якось привитає їх, або в імені зібраних привитає славних робітників на українській ниві бодай голова зборів. В тих надіях чекало мене гірке розчарування: ніхто на них не звернув уваги, і вони скромно протиснулися серед натовпу й заняли місця десь на задніх лавах. Чим далі, то було не ліпше: після «полтавського міщанина» виступив якийсь невідомий суб'єкт, що в досить різких висловах став громити роботу старих — «українофілів», як він їх називав, призиваючи молодь порвати з ними, з їх традиціями та стати на шлях революційної боротьби за соціяльні блага народу.

— Що за хамство! — звернувся я до Розова. — Вигнати б його геть звідси!..

— А, от голова може його спинить, почекай!

Але голова і не думав переривати цього потока революційної красномовности, що помиями обливав роботу цілих поколінь, роботу людей, які посвятили для України ціле своє життя, не говорячи вже про їх матеріяльні жертви!... Наше обурення чим далі росло. Коли це здалека залунали звуки «варшавянки»:

«Віхрі враждєбниє вєют над нами...»

Це з актової салі коридором наближався натовп по скінченні якогось великого мітінгу. Пісня все наближалася до нас. От, перед вікном побачив я й перші лави: купа «товаріщей» несла на руках Шліхтера. За ними виступав розпатланий офіцер в офіцерськім плащі, але без шаблі. Він ніс у руках свій кашкет, повний паперових грошей, зверх яких лежав револьвер і стирчала, написана грубими буквами, записка: «На зброю для повстанців».

Похід співав:

«На бой кровавий, святой і правий,
Марш, марш впєрьод, рабочій народ!...

І от, раптом ціла наша авдиторія піднеслася. Наші вічовики, що були в кашкетах, зняли їх, і збори заспівали зустрічне:

«На бой кровавий, святой і правий,
Марш, марш впєрьод, рабочій народ!...»

Розів за всіми хотів піднестися. Я силою його посадив:

— Сиди! надінь кашкет...

І ми вдвох, хоч досі були без кашкетів, демонстративно їх убрали і лишилися сидіти підчас цілої цеї демонстрації.

— Дивись, буде скандал; присікаються до нас, — каже Розів.

— А матері їх сто чортів; будемо бити просто по мармизі! Держись, Сергію Олександровичу!

Ми приготовились до всяких евентуальностей. Розів, хлопець величезної сили — якби хто тільки сунувся до нас, то був би мав пам'ятку: Віче скінчилося би бійкою, а ми б не здалися скоро, бо злість і обурення розпирали нас. Але на нас не звернули уваги, або, може, на обличчях наших прочитали, які в нас думки і настрій; нас не заняв ніхто. Похід пройшов і наше віче продовжувалося. Не пригадую вже, яку постанову воно винесло, тай ні ця постанова, ні ті промови, що виголошувалися далі, мене вже не цікавили. Насилу досидів я до кінця цього «українського» віча. Такої зневаги, такої образи для моїх найсвятіших почувань ще не зазнав я досі в мойому житті! Коли з одного боку я хотів би кинутися дійсно у бій, то тільки проти провідників «нашого» віча — оцих «рабів», «підніжків», оцих «няньок атєчества чужого»: оцих інтернаціоналістів, соціялістів, безбатченків — як хочете їх назвати, тільки не українців! Але з другого боку, мені, як учасникові цього «українського» віча, хотілося кинутись на коліна, перепросити наших «старих», що їх так ображувано прилюдно оцим молодим їх поколінням, на котре вони так необачно у своїй простодушності покладають «свої найкращі думки, свої сподіванки єдині!...» Хіба такі мають бути «борці за щастя України?» Хіба їм на серці лежить Її честь, Її слава, як колись лежала їх дідам і батькам? Де там:

«Печной гарщок тєбє дароже:
Ти піщу в ньом сєбє варіш...»

Оцими словами поета можна характеризувати їх ідеали, їх юнацькі пориви, тії мрії, що складають вони на вівтар свого «рабочого» народу!

Анатомічний театр Університету св. Володимира. Початок XX ст.

На цьому вічу в перший раз яскраво, як досі ніколи, я зрозумів, яка глибока прірва між світоглядами розділяє мене від сучасного зі мною покоління, і тут же я твердо і остаточно раз на все постановив, що не буду цеї прірви засипати!...

Революція «углублялася» далі. Оголошено загальний страйк залізничників, у Київі застрайкували всі підприємства. Склепи зачинено, а потрібні харчеві продукти діставали ми від тих

же самих крамарів, тільки з задніх дверей. І от, цілком несподівано для багатьох, в тому числі й для мене з моїм товариством, на київських вулицях одного дня (18-го жовтня ст. ст.) розляглися пронизливі голоси хлопчиків-ґазетчиків:

— Канстітуція! Екстренноє добавлєніє к «Кієвской ґазетє»! Царскій маніфест — цєна пять капєєк!...

Ми читали й очам своїм не вірили: дійсно конституція! Так давно жадана, вимріяна конституція — з парляментом, з виборами, зі свободами й усякими іншими до неї приналежними акцесоріями! Слава Богу! Нарешті!... Радість наша була поправді велика. Правда, в цьому маніфесті багато дечого не договорено, чогось ніби бракувало, а в першу чергу — щирости. Багато було й неясних місць, але тоді не про це думалося: вірилося, бо хотілося вірити в це, що російська конституція є таки конституцією справжньою, такою, як і в інших европейських державах. Незнайомі між собою люди на вулицях Києва цілувалися, вітаючи себе з конституцією — така буде загальна радість! Тим гірше розчарування було в декого пізніше.

Вже на другий день по оголошенні маніфесту, з'явилася й перша ґазета «явочним порядком», що носила назву «Кієвскіє Отклики». Перший леґально друкований папір, без осоружного надпису: «Дозволено цензурою». Редактором підписаний професор І. Лучицький — земляк-полтавець і радник полтавського губернського земства. Я чув його промови в Полтаві на земських зборах і лекції в університеті. Ми його мали за українця. В першому ж числі є й перша стаття по українськи, справжнім українським правописом, підписана С. Єфремовим. Яка радість! Я тикаю кожному з моїх товаришів «общеросів» цю статтю: а що — мовляв — бачите, он які ми! Хоч, по правді, у глибині серця я дуже був розчарований цею статтею — щось розпливчасте, загально демократичне й мало національне — таке, як і взагалі виходило з-під пера першого публіциста «Громадської Думки» і пізніше «Ради».

Хоч революції тимчасом «углублять», здавалося, й нікуди вже було, одначе вожди революційного народу ще не складали зброї, бодай словесної. Віча перенеслися на вулицю, під отверте небо. Тепер промовці мали перед собою ширшу авдиторію. Здебільшого мітінґи відбувалися на маленькій площі перед будинком міської думи, а трибуною для промовців був думський балькон. І тут найбільше виступав «любимєц публіки» — Шліхтер. Якось на другий чи третій день по оголошенні маніфесту довідалися ми з моїм співмешканцем і нерозлучним приятелем (хоч общеросом) Олексою Полонським, що на думській площі відбувається велике віче.

Було саме по обіді. Ми верталися зі студентської їдальні, а тому що погода була добра, рішили ми піти подивитися, що там робиться на тій площі. Дорогою по Фундукліївській і по Хрещатику все тіж маси святочно настроєної публики. Панночки причіпляють бажаючим червоні стрічечки. Ці стрічечки видно на кожному, навіть на погонах офіцерів і поліцейських, хоч останніх видно дуже рідко. Коли ми з Полонським наблизилися до думської площі, то побачили, що з гори з вулиць В. Житомирської, Софійської й Михайлівської спускається кілька відділів війська — піхоти. На це не звертаємо уваги — десь ідуть, мабуть, на вправи. Народу на площі не дуже багато — дехто підходить, дехто відходить, кому вже набридли ці промови, так що між площею й шосою Хрещатика є досить свобідний прохід. Промовляє на думському бальконі якраз Шліхтер. Він викрикує, махає руками і зневажливо б'є по зломаному відігнутому залізному царському ініціялові «Н.II.», який уміщено на бальконі і освітлюється електричними лямпочками в царські дні. Ми з Полонським станули з самого заду і не так слухаємо вже набридлих його промов, як розглядаємося довкола. Скрізь усе та ж святочна публика, з червоними кокардами. Весело розмовляють

між собою, де коли плещуть промовцеві, або підсміхуються іронічно. З гори й далі спускаються малими відділами різні частини війська. На це ніхто не звертає уваги. Ось із Михайлівської вулиці спускається відділ кавалєристів і вистроюється довкола площі за публикою. Тому що ми стоїмо з самого заду, то морди коней майже лежать у нас на плечах. Я чую на шиї тепле дихання коня, але не відсовуюся, бо люблю звірят взагалі й коней. І на цей відділ кавалєрії ніхто не звертає уваги: десь, мабуть, хочуть держати порядок, щоб публика не перешкоджала рухові на вулицях! Офіцер, видно начальник, підносить прутик, дає знак і зненацька над головою я чую сальву. Серед публики почулося тільки: «Ах!...» А далі крики і стогін ранених. Зчинилася страшна метушня. Кинулися усі до входових дверей у будинках думи і до молочарні, що під самою думою. Шліхтер моментально зчез із балькону. Я глянув довкола — Полонського нема: десь, видно, рушив у метушні разом за народом. Ціла ситуація мені стала ясна за якісь дві — три секунди. Я зрозумів у чому діло, а зрозумівши, ні на мить не стратив холодної крови: як стояв, так і приліг на бруку. Розрахунок мій був ось який: в такому положенні куля поцілити мене не зможе, бо я дуже близько коло самих стрільців. А як кінь і наступить на мене, то шкоди великої не буде. Зрештою я числив на шляхотність цеї звірини, знаючи, що на лежачих вона не наступає свідомо. В моїх розрахунках я не помилився: по кількох хвилинах безперервної стрілянини відділ кавалєрії рушив на Хрещатик в погоню за масою людей, яка кинулася вростіч на всі сторони. З Хрещатика чути було гуркіт скорострілів. Здається, що це саме з В. Житомирської вулиці: стрілянину чути було скрізь довкола. Думська площа моментально опустіла. Залишилися забиті й ранені, що стогнали. Як тільки зник останній кавалєрист із площі, я негайно підвівся і рушив на Михайлівську вулицю, котра мені здавалася вільною. Не встиг я пройти яку сотню кроків, як побачив, що з гори спускається сотня козаків. Я моментально сховався у ворота і був свідком, як козаки розстрілювали цих утікачів, що бігли з-за думи. Як тільки проїхав цей відділ, я негайно вибіг із воріт і сунув далі, числячи, що вспію вибігти на Софійську площу, заки з'явиться новий відділ. Але за кілька мінут знову побачив свіжу сотню козаків. Я знову сховався у ворота. Тут позиція була вже гірша: вийшов дворник, із ним кілька баб, і звертаючися до мене та ще таких самих кількох бідаків, що тут надіялися перечекати яку хвилинку, стали кричати:

— Геть, забирайтеся звідси. Бити вас треба, сукиних синів студентів, жидів і всяку революційну сволоч!... Забирайтеся, бо замикаю ворота!

Нічого було робити; вилізли ми зі захистних воріт, і я знову хутенько побіг угору. Вже на самій горі, як я досяг Михайлівського парку, показався ще відділ козаків. Я присів у куточку за огорожою, і вони проїхали, не зауваживши мене. Тоді хутенько скочив я й перебіг через Софійську площу у бокові вулички, якими вже без перешкоди досяг до моєї — Станиславівської, де тоді жив. Забігши в кімнату, я відчинив кватирку у вікні і знеможений сів коло нього. Тепер щойно я почав приходити до себе від несподіванки: он воно як починалася в Росії нова конституційна ера! Недавні радісні вигуки святочного народу змінилися зойками ранених, радісні поцілунки — на останні цілування, над Києвом замість привітних і веселих облич панночок із червоними стрічками засміялася чорним беззубим ротом кощава смерть!... Які контрасти! Зрештою, як і все в житті! Звичайна життєва фільософія: «Где стол был яств, там гроб стоит»...

А з двору ніби назустріч моїм думкам залунали мирні звуки катеринки і хриплий голос заспівав під її супровід:

«Ах зажігай же скорей лампаду,
Всьо аттаво, что скоро я умру,
Но я маґіли нє іспуґаюсь,
Всьо оттаво, что я єво люблю!...»

Через відчинену квартирку у хату потяглися пасмуги диму: десь хтось варив вечерю, але з ним чути і ще один запах — специфічний запах пороху. Здаля з міста чути окремі стріли й гуркіт скорострілів. А незабаром до них долучилися й нові звуки: тріск розбиваних дверей, брязкіт шкла і дальші крики юрби. Починався погром...

Я даремне прочекав мого співмешканця цілу ніч. На рано мене охватила тривога: може, його забито? Адже ж я на власні очі бачив, як учора передімною падали трупи людей. Я пішов у місто на розшуки. Відразу здивувала мене тиша і безлюдність на вулицях. Подібно до вчорашнього, чути було лише тріск, глухі удари і дальші крики юрби. Нарешті десь уже на Фундукліївській я побачив таку картину: сокирами й ломами купи людей розбивали залізні завіси й двері крамниць. Юрби темних індивідуумів, здебільшого п'яних, вривалися потому в склепи й викидали на вулицю товари, що валялися купами на хідниках і на бруку. Другі забирали й несли їх хто куди. Потім компанії погромщиків переходили до других крамниць і робили то само. Деякі носили перед собою ікони або портрет царя — це були патріотичні маніфестації. На вулицях було багато поліції — постові поліціянти тепер скрізь стояли на перехрестях вулиць. Вони салютували перед маніфестантами, коли ці співали «Боже, царя храни». Також їздили роз'їзди козаків душ по 5-8. Але на моє здивування ніхто неперешкоджав погромщикам. Більше того — я бачив, що за сідлом у деяких козаків лежали сувої сукна. Страх і огида опанували мною. Я вперше бачив погром та щей під охороною поліції!

Насамперед я подався до анатомічного театру, куди звичайно звозилися трупи з вулиць. Там уже було багато людей, але в середину до будинку не пускали нікого. Натомість довідався я, що десь на Фундукліївській вулиці є орґанізовано спеціяльне бюро, де даються справки про ранених і забитих.

— Та чого ви ходите в студенській формі — хіба ж ви не знаєте, що студентів б'ють так само, як і жидів?

Якась добра душа радила мені якнайскорше вбратися в цивільну одежу, і я почув кілька оповідань про випадки побиття студентів на вулицях.

— От воно що: так отсе помста з боку поліції й тих «патріотів», яких громили, правда, на словах, іще перед кількома днями студенти й ріжнородні революціонери в університеті та на міських майданах! Помста крівава й безглузда, бо тих революціонерів вона в дійсності не досягає, але яку тяжку кривду робить цілком неповинним людям!

Сумні думки насунулись мені, поки я перебігав вулицями, уникаючи підозрілих індивідуумів, що ходили купами.

Знайшов я й те бюро і там не довідався нічого. Так з нічим повернувся й до дому. Дома господарі оповідали страхіття про кріваву різню на В. Васильківській на Жидівськім базарі і на других вулицях, де жили жиди.

— А наша кухарка, бачили, яку штуку шовку принесла?

Я заглянув у кухню. Дуже мила наша кухарка, дівчина літ 18, весело поралася коло столу, а на лаві коло нього лежав великий сувій шовкової матерії.

— Нащо ви то взяли, то ж чуже?

— Та там така сила накидано просто на бруку, що аж жаль дивитися: всі, хто хоче бере — взяла й я! А то що? Дурно пропадатиме? Пошлю в село до дому, пошиємо сукні з сестрами. Хто там знатиме?

Проста психіка простих людей: вчора такі кухарки наповняли салі й авдиторії нашого університету, творячи кадри «революційного народу»! Серед них була й наша дівчина не раз. Сьогодні цей самий «революційний народ» в ліпшому разі збирав розгромлене майно, а хто знає скільки з тих «товаришів», що вчора носили на рукак Шліхтера, сьогодні ходять із сокирами й ломами, громлячи майно «буржуазії»? Бо ж ненавистю проти неї — проти отих купців і всякого роду «капіталістів» — увесь час напоювали їх душі

Павло Житецький. Кінець XIX ст.

ті вожди «революційного народу», перед якими з такою превеликою пошаною знімала шапки кілька днів тому й громада українців-юнаків, «борців за щастя України»!..

На другий день, вбраний уже в цивільний плащ і дворянський кашкет, сміливо продовжував я по місті свої розшуки. Погром тривав далі. Але на найбільш розгромлені жидівські вулиці піти не стало в мене відваги: занадто боліла в мене душа при виді людського горя і сліз! Пізніше я надивився на них мимоволі при другій, уже справжній «соціялістичній» революції!..

При кінці третього дня погром нарешті скінчився. Як видно, по спеціяльному плянові й дозволу він тривав рівно три дні! А на четвертий день я поїхав трамваєм до Лукіяновської тюрми, щоб там довідатися, чи нема серед забраних під думою і мого приятеля? Дійсно, на мою радість, він там був: його приарештували разом із багатьома в молочарні під думою, куди він сховався підчас загальної паніки. На другий день я йому повіз до тюрми подушку і харчі, перший і останній (покищо) раз побував у російській тюрмі і розмовляв із ним через подвійну дротяну загорожу. А ще кілька днів потому він вернувся до дому, оповідаючи мені про свої пригоди і життя, зрештою досить веселе, в Лукіяновській тюрмі царських часів. Ще кілька тижнів прожили ми у Київі, чекаючи відчинення університету. Але в цілій державі було неспокійно. Погроми відбулися не тільки в Київі і скрізь по однаковому пляну — видно, що організовано їх було зі згодою урядових чинників. Уряд боявся держати в цей час відкритими такі гнізда революції, як вищі школи. І от, одного дня на дверях університету ми побачили оповістку ректора, котрою повідомлялося «г.г. студентов», що наш університет закрито покищо до кінця року, а про час відкриття буде оповіщено у свій час. Отже ми зібралися і, як я добре пам'ятаю, 11 падолиста 1905 р. виїхали до дому в Полтаву. [...]

В осени 1906 року відчинили вищі школи й я вернувся до Київа сам, бо мій приятель і співмешканець Олекса Полонський перевівся до Москви в Петровсько-Розумовську сільсько-господарську академію.

Мій другий приятель — Сергій Олександрович Розів також вернувся до Київа. Я поселився вже сам, а він також жив сам. Він мав у той час мешкання у Павла Житецького. Багато він мені оповідав про життя й звички старого. Між іншим довідався я від нього про такий мало кому відомий факт. В той час П. Житецький робив коректу відбиток євангелії українською мовою перекладу Морачевського, що російський синод дозволив до друку під редакцією еп. Партенія, полтавця родом, котрий побудував чудову церковцю в українськім стилі в селі Плішівцях під Гадячем. Еп. Партеній передав коректу, а властиво редакцію П. Житецькому, який і робив своє діло дуже пильно і сумлінно. — Ся робота тоді цілком забирала його час.

Мені треба було багато працювати в університеті й дома, бо перед Різдвом мав

я складати поважні іспити, так зв. тоді «півкурсовку». Отже я цілком віддався студіям. Але не міг я встояти проти спокуси, коли на стінах університетського коридору прочитав, що потрібні хористи до хору київського т-ва «Боян». Диригентами того хору мали бути Олександер Кошиць, Кирило Стеценко і сам М. Лисенко. Тож я негайно став до конкурсу і мене приняли як хориста. В той час у школі М. Лисенка студіювали гармонію і композиції у професора Любомирського К. Стеценко й О. Кошиць — пізніше обидва відомі українські компоністи й диригенти. Крім того по моїй раді вступив на ту науку і мій товариш по полтавській ґімназії і приятель Віктор Кривусів. Дуже здібний до науки й до музики, він схилявся й до українства, але мав мрійну м'ягку вдачу. Отже я постановив собі зробити його активним українцем і для того подбав увести його в українське товариство. Він щойно перевівся з петербурзького університету до київського на історично-фільольоґічний факультет. Я порадив йому записатися на науку гармонії до школи М. Лисенка, що він зробив по деяких ваганнях. Коли він познайомився ближче з людьми, то дістав від Миколи Віталєвича призначення на посаду адміністратора хору «Бояна», який відбував тоді свої проби в школі Лисенка. В кінці Кривусів захопився наукою й хором і став активним українцем робітником на музичнім полі. Він закінчив школу разом із Кошицем і Стеценком. Пізніше був співробітником артистичного журналу «Сяйво» і неодмінним акомпаніатором на українських вечірках.

Микола Лисенко. Кінець XIX ст.

[...] Так от в осені 1906 р. я був занятий в першу чергу моїми академічними справами, а як відпочинок дозволяв собі співи в наших студентських хорах і в хорі «Бояна». Але сталася одна подія, котра мене знова кинула у вир політичного українського життя. Десь в половині жовтня довідався я, що мало відбутися віче студентів українців у справі заведення викладів предметів українознавства в нашому університеті. Ініціятором віча була власне стара наша громада, або тепер студентська орґанізація У.С.Д.Р.П. Але ініціатори скромно замовчували своє ім'я. На таке віче й такі домагання в Київі була крайня пора, бо анальоґічні побажання вже піднесли студенти українці одеського університету і петербурзьких вищих шкіл. В самім нашім університеті вже відбулося всестудентське віче у справі заснования катедр польонознавства. Але наша стара громада, видно, переживала медові місяці своєї злуки з с.-д-ами і тому досі про те не дбала. Нарешті, видно, і в наших с.-д-ах заговорила українська совість. Чому вони себе не назвали справжнім своїм іменем, я не знаю, але догадуюся, що то могла бути й правовірна соціалістична цнотливість; деж таки хіба такій поважній і пуританській організації випадало цікавитись такими «дрібно-буржуазними» справами, як справа якихось там викладів не правовірно-соціялістичного толку? Я передчував, що на

тому вічу станеться щось таке, як на вже описаному загально-українському вічу. Тому я змобілізував усіх моїх однодумців полтавців-українців, і ми (хоч нас було душ п'ять, не більш) рішили поставити опір, коли би і на сих зборах запанував занадто інтернаціональний дух. Збори призначено на 16 жовтня 1906 р. о четвертій годині по обіді.

Людей зібралося досить: повна десята авдиторія. В тому числі була й «студентська орґанізація УСДРП» в повному складі. Головою і докладчиком на Зборах був студент істор*ично*-фільольо*ґічного* факультету Дмитро Дорошенко. По докладі предложено на голосування зборів вже готову написану резолюцію. Резолюція ся занимала майже цілий аркуш паперу, а зложено її в чисто марксівсько-соціалістичному й революційному дусі. Починалася вона із загальних положень — про становище пролєтаріяту на цілому світі взагалі й на Україні зокрема. Далі йшли видержані в тім же дусі виводи з того положення, а на кінці, як остаточний результат волі і стремлінь того пролєтаріяту до боротьби з буржуазією і остаточної над нею перемоги, виходила конечність заведення викладів предметів українознавства на катедрах київського університету. Коли я слухав сю резолюцію, то мені стало смішно. Глянув я на Розова, і його душив сміх.

— Іди щось відкажи їм, та тільки не соромся — піддай перцю, ми піддержимо, — звернувся він до мене.

Я забрав слово перший і дійсно не перебирав у висловах, критикуючи предложену резолюцію.

— «На городі бузина, а в Київі дядько» — оттака льогічна послідовність і в предложеній резолюції. При чому тут пролєтаріят із його боротьбою? По мойому, справа далеко простіша: в Київі мають бути виклади по українськи з такої причини, з якої у Берліні н*а*пр. викладають по німецьки, в Парижі по французьки, а в Пекині по китайськи. В такому роді і на таких підставах побудовану я пропоную зложити нову резолюцію.

Я думав, що голова не дасть мені говорити, настільки я глузував з тої резолюції, але він терпеливо вислухав мене, потім виступив Порш з короткою відповідю, і голова поставив резолюцію на голосування. Проти піднеслися руки зорґанізованої мною ґрупи, але було і ще кілька.

Серед них рука незнайомого мені студента, котрого я вперше побачив тут на зборах. Він брав слово і в обороні моєї арґументації. Самим виглядом своїм відріжнявся він із загальної студентської маси. Вбраний у студентський сурдут, перероблений, як видно, з офіцерського, бо коло ковніра видно по дві дірочки для припинання погонів, і постава в нього чисто військова. Чисто виголений, з коротко підстриженим темно каштановим вусом. Під час моєї промови він мене піддержував вигуками: «правда»! «Цілком справедливо! «Авжеж так»! А коли я скінчив і сходив з катедри, то він демонстративно привітав мене оплесками.

Після приняття резолюції і зачинення зборів не всі відразу розійшлися. Згаданий незнайомий студент підійшов до мене з такими словами:

— Дозвольте Вам зложити подяку за мудре і сміливе Ваше слово! З тими панами — він кивнув у сторону ґрупи членів УСДРП, що між собою розмовляли, посміюючися, видно, з мене — давно пора заговорити таким тоном, як ото Ви сьогодні говорили... Позволю собі представитися — Поливанів.

Можна собі уявити мою радість: я мав іще одного однодумця! І то, як видно, досить активного, не такого млявого і нерішучого як мої товариші-полтавці. Ми стали розмовляти також у купці. До нас прилучився ще один старшого вже віку студент, що представився мені так:

— Андрій Лещенко з Зінькова — Ваш земляк.

— Він також одобрив мій виступ, хоч не хвалив мене за різкий тон і зайве, на його думку, глузування. Я оправдувався тим, що мені с.-д-и вже досить у печінках сидять, що я не можу радушно вислухувати їх правовірні дурниці.

— А знаєте що? — каже Поливанів, от нас тут є кілька, здається не соціал-демократів — давайте заложимо свою орґанізацію, свою громаду? Адже ж не можна на далі допустити, щоб вони були єдиними репрезентантами усіх студентів-українців нашого університету, а в тому числі говорили і в нашому імені, коли ми їх на те не уповноважували, а дехто, то й просто їх терпіти не може!...

Його пропозиція знайшла загальну піддержку:

— Добре! Нас оттут є коло десяти душ, з певністю далі знайдемо ще з десяток однодумців. Починаймо сміливо!

Стали нараджуватися, кого можна приймати до громади. Я висловив думку, що вона має бути цілком безпартійна, загально-українська. Поливанів обстоював думку, щоб не пускати до неї соціялістів. Але я був іншого погляду.

— От Ви знаєте Залізняка Миколу? Він, хоч і соціяліст, але признається до с-рів і вже тим є добрий, що терпіти не може с.-д-ів. Він дуже спосібний і активний і якраз може нам придатися для поборювання с.-д-ів.

З тим погодилися, бо й А. Лещенко, як він признався, має нахил до с.-рів. Постановили ще зібратися й обговорити докладніше ту справу. На другий же день ми зібралися, і я запропонував такий проєкт організації нової громади: вона має бути цілком безпартійна, себто кожний українець, що задовольняє елементарним вимогам порядности, може бути до неї принятий. Більше того: я предложив, щоб на голову нашої громади вибрати студента математика Сергія Веселовського с.-д-а, старого студента й українця. Його знав особисто (рекомендував його мені як доброго українця С. Оміцинський), частіше з ним зустрічався ніж з іншими колишніми моїми співгромадянами й шанував його вже хоч би за меншу його пиху і самопевність, як у других його однопартійників. Його кандидатура не у всіх викликала симпатії (деякі висували мене на голову з уваги на те, що я є цілком непартійний), але я настояв

Микола Залізняк. Початок XX ст.

на тій кандидатурі, і перша управа нашої нової громади зложилася, оскільки пам'ять мене не зраджує, так: Голова — С. Веселовський, я — заступник голови, члени: Поливанів, Лещенко й Михайло Полонський — студент медик. З них лише я та Поливанів були ясно окреслені антисоціялісти, Лещенко, як він казав, мав нахил до с.-р-ів, а М. Полонський, поцтива людина, взагалі ніякого відношення до ніяких партій не мав. Отже, після моїх міркувань така управа не могла мати собі докорів в однобічности, а що найголовніше — «стара» громада, а тепер с-д-ти не сміла ставитися до нас ворожо, бо за голову мали ми її члена. А моєю ціллю було зпершу уникати ворожнечі, поки наша нова орґанізація не окріпне на стільки, щоб мати спроможність сміло вступити проти якої инако мислячої. Слава Богу, нам того і не довелося! Мої сподіванки на С. Веселовського мене не завели: він по короткому надумуванню згодився взяти на себе головування і мав на стільки такту, що за весь час нашої спільної роботи у нас не було ніколи ніяких суперечок і непорозумінь.

Власне цілу роботу вели ми — решта, він же хоч не дуже нею цікавився, але й нам не перешкоджав. На публичних виступах він нас не вирікався (як се пізніше робили його однопартійці), навіть більше того: він до нас приєднав із своїх товаришів напр. Я. Міхуру і ще декого.

Робота в нас закипіла. В першу чергу ми стали збирати серед студентів підписи на загально-українську петицію до університетської ради професорів про заведення українських катедр.

Власне ще на згаданих студентських зборах 16 жовтня вибрано делеґацію, котра мала віднести ректорові приняту резолюцію. В оклад тої делеґації увійшли: Голова зборів — студ. Дмитро Дорошенко*, студент правник Яків Міхура і я (студент природник). Але нести її в імені так малої (відносно) кількости студентів-українців збори уважали мало імпозантним. Тому постановлено було зібрати під нею можливо більше підписів серед нашого студентства незалежно від партійної чи національної приналежности підписаних. Ми занялися збиранням підписів і за два-три тижні понесли до ректора Цитовича нашу петицію, вкриту підписами 1431 студентів нашого університету (всього студентів у той час було понад три тисячі).

Ректор приняв нас сухо і не обіцяв нічого. Так практично з тої петиції нічого й не вийшло. Тільки моральне значіння наша маніфестація мала величезне: потім ще кілька місяців у київській «Раді» друкувалися сотнями листи з усіх кінців російської держави, де тільки жили українці. В тих листах нам висловлювалося подяку за наші заходи в обороні прав українського народу. Далі в коридорах університету ми відчинили крамничку з українськими книжками, куди на продавця я попросив С. Розова. Він своє діло робив дуже сумлінно. Ми випустили також підписні листи на пам'ятник Т. Шевченкові. Крім того, кожна подія, що так чи сяк могла торкати українських справ, находила відгук у нашій орґанізації. Так напр., по смерти професора Голубовського (в 1907 р.), що викладав у нашому університеті стару руську історію, зайшло питання про те, щоб вакантну катедру обняв проф. М. Грушевський. Але, з уваги на цілком чорносотенний склад професури історично-фільольоґічного факультету тай мало чим ліпший склад цілої нашої професури, виглядів на вибір відомого «мазепинця» не було. Проф. М. Грушевський, як нам стало відомо, не хотів ставити своєї кандидатури. Тоді ми зібрали з тої нагоди збори студентів українців, на котрих постановили попросити проф. Грушевського, аби він виставив свою кандидатуру. Нас поза всім обходило, аби мати притоку до публичних виступів з нашими домаганнями. Вибрано делеґацію, яка мала просити проф. Грушевського. В тій делеґації був і я. Пригадую, що він приняв нас дуже привітно і признався, що не має охоти кандидувати, але після того, як ми йому представили наші побажання й міркування, він згодився і подав прохання. Очевидно, що його кандидатуру відкинули, а натомість запросили як доцента з Харкова п. Василя Данилевича.

Тому що фактична репрезентація нашої громади лежала найбільше на мені, я мав нагоду залагоджувати справи нашої орґанізації, познайомитися з деякими із видних старих київських українців, а власне: з І. Нечуєм-Левицьким, з С. Єфремовим, з О.П. Косач (О. Пчілкою), з Б. Грінченком, О. Шульгином, Л.М. Старицькою-Черняхівською, Евгеном Харламповичом Чикаленком і іншими.

Нашу Громаду вдалося нам леґалізувати перед університетською владою як «Історично-етноґрафічний Гурток», і вона під тим іменем леґально відбувала свої збори в авдиторіях університету. За

* Оці відомости, як і деякі факти про перебіг зборів 16.X.1906 р. пригадав мені голова тих зборів проф. Д.І. Дорошенко, за що складаю йому щиру подяку. — *В.А.*

дозволом до проректора я сам ходив кілька разів. До речі, він (професор хірургії Морозів і мій земляк з Кобеляцького повіту) якось при однім такім побаченню сказав мені, що він «сам малорос» і ніколи в дозволі нам не відмовляв.

Отак ми й жили у повній згоді дві українські організації: з одного боку, с-д-ти думали, що вони керують нашою громадою через нашого голову, свого представника, з другого ж боку, нас, не с-д-ів була така поважна більшість, що ми в дійсності робили, що і як хотіли. Сам же Веселовський був настільки тактичний, що ніколи ні до якого конфлікту в нас не дійшло. В кожному разі, ціла робота в новій громаді лежала на нас — несоціялістах, а кілько с-д-ів, які робили нам як коли честь своєю присутністю на зборах крім двох-трьох (з них Д. Дорошенко і Я. Міхура), до ніякої допомоги нам ніколи не ставали. На зразок наших взаємовідносин наведу *на*пр. такий епізод. Десь, здається, на початку 1907 року, в університеті мав відбутися доклад від «Спілки». («Спілка» — с.-д-на організація, котра національних постулятів не виставляла і якої члени-українці підлягали загальноросійській СДР партії). Докладчиком мав виступити Меленєвський («Басок»). За якоїсь пів-години перед самим докладом зустрінув я в коридорі Міхуру, котрий мене про нього поінформував, а також і про те, що з себе уявляє «Спілка».

Я був дуже обурений:

— Як так і ви — українські с-д-и терпите тут отаких панів? Хто від вас має виступити проти докладу?

— Ніхто!

— Чому ж то так?

Виявилося, що вони взагалі тим виступом мало цікавляться, в кожному разі те питання у них «не обговорювалося»...

— Зрештою, знаєте що? Коли Вам так залежить на посрамленію «Спілки», то підіть пошукайте Порша — він особисто терпіти не може докладчика і, коли довідається про доклад, то покине все й прибіжить! — Таку пораду дав мені Міхура.

Євген Чикаленко. Кінець XIX ст.

Хоч я сам терпіти не міг Порша, одначе взяв від Міхури адресу і подався його шукати. Дійсно, Порш, якого я застав дома за роботою, покинув її й негайно прибув на доклад. Він виступив з різкою критикою і на превелике моє задоволення (також і малої купки присутніх на докладі У.С.-Д.-ів) мав успіх серед слухачів більший ніж докладчик.

З моїх нових співробітників моє серце лежало найбільше до Поливанова через те, що він єдиний був ясно здекларований антисоціяліст, а значить (по теперішньому) «націоналіст» і рідкий, як на ті часи, зразок українця-самостійника. Решта членів нашої громади була менш здеклярована в тім напрямку. Отож ми з ним часто сходилися й робили щось у двох, ставлячи решту перед доконаний факт. На зразок тодішніх наших настроїв наведу одну дуже характеристичну нашу розмову.

Здається, в тім же 1907 р., або в 1908 р. в Галичині було якесь сокіль-

Федір Вовк. Початок XX ст.

ське свято — здвиг, чи що. Поливанів рішив туди поїхати сам і власним коштом. Ми умовилися, що він привезе звідти по можливости літературу і крім того ріжних національних відзнак: жовтоблакитної стрічки, жетонів тощо. — Дійсно, він поїхав, виступав там із привітом від київського українського студентства і привіз трохи того матеріялу. Зайшов до мене поділитися своїми враженнями. Годі описати, з яким ентузіязмом оповідав він про українські національні маніфестації, що він там бачив! Жовтоблакитний дармовіс з кишені був предметом мого захоплення й заздрощів. Коли я слухав його ентузіястичні оповідання, то мимохіть у мене якось вирвалося:

— Ах, чого б я тільки не дав, щоб у нас тут у Києві десь на Софійськім майдані перейтися в маніфестації під жовто-блакитним прапором!...

— А потім, хоч умерти!

— Хоч і вмерти!...

Ми довго розмовляли на ту тему і в тім же роді:

— Здається, що ми з Вами народилися або трохи зарано або, може, запізно! Не ті часи тепер: червоні прапори, ото тепер емблема боротьби за народні ідеали наших сучасників!

— А може, настане ще час, що таких, як ми з Вами, буде більше, що той дух, який панує тепер серед української молоді в Галичині, запанує й у нас отут?

— Тоді червоні прапори будемо «драти тай в онучах топтати».!...

Не знати, на скільки ми помилилися у наших прогнозах; за яких десять літ замаяли й у Києві жовто-блакитні прапори, ходили й ми під ними, під ними умер не один із наших пізніших однодумців, аж іще пізніше замаяли в Галичині червоні прапори, а носили їх чи не ті самі носії, перед котрими ми схиляли побожно юнацькі чола чверть віку тому?..

Не знаю, яку думку мали про нас із Поливановим наші товариші по громаді, а від «старих» я дочекався для себе несподіваної і тим більше зворушливої оцінки. Десь уже незадовго перед скінченням університету запросив мене до редакції «Ради» Евген Харлампович Чикаленко. Я думав, що те запрошення було, як і звичайно, у справах громадських, але виявилося, що то була справа напів особиста.

— Ви знаєте Хведора Кіндратовича Вовка? — спитав він мене на початку нашої розмови.

— Чув, що є такий український антропольоґ і етноґраф, але особисто його не знаю.

— Так от у чім річ: це наш старий заслужений діяч і громадянин. Ціле своє життя він збирав і назбирав силу наукового матеріялу, який не використаний і в половину. Він потребує собі спадкоємця, що мав би перебрати здобутки його многолітньої праці. Людина ця має бути певна: в першу чергу певний і твердий українець, молодий і енерґійний. Чи згодитеся Ви бути тою його довіреною людиною? По скінченні тут університету Ви маєте вступити до петербурзького університету і спеціялізуватися в антропольоґії. Як ученик

Вовка, Ви дістанете у спадщину його науковий доробок, бібліотеку й катедру при університеті.

Я був зворушений: таке довір'я до мене видавалося мені незаслужене, але позатим я боявся взяти не себе таку відповідальність перед українським громадянством і перед незнайомою мені людиною. Я висловив ті свої думки Евгенові Харламповичеві.

— Не бійтеся й не сумнівайтеся: я знаю, що роблю. Хвед*ір* Кіндратович не має сам в Петербурзі відповідних людей і доручив мені вибрати тут. Із усіх юнаків, що я тут знаю, я можу поручитися за двох: за Вас і за мого сина Левка. Але Левко молодший від Вас, а Хведір Кіндратович хотів би як найскорше дістати собі учня, аби мати ще час його вивчити, бо ж він людина вже стара, не знати скільки йому лишилося жити. Зрештою, подумайте. Як дасьте свою згоду, то побачитеся зі старим, познайомитеся й обговорите справу обоє докладніше.

Ця пропозиція трохи заскочила мене. Хоч я й кінчав природничий факультет, але спеціялізувався в орґанічній хемії у проф. С. Реформатського. Я цікавився й етноґрафією, й історією, і порівнюючим язикознавством, але хемію — мою спеціяльність, любив із запалом першої юнацької любови. Я мав намір або спеціялізуватися далі в хемії, або приложити мої знання в хемії фізіольоґічній, а для того вступити на медичний факультет, очевидно тут же, в Києві. Але, з другого боку, почуття мого національного обов'язку, як і почуття вдячности «старим» за їх довір'я до мене спонукали мене поступитися, і я, по короткому надумуванні, рішився предложення приняти. Свідоцтво про укінчення університету дістав я на весні 1908-го року, цілий рік працював, щоби зложити якнайліпше іспити в державній комісії, маючи на увазі мою будучу наукову карієру. В травні 1909-го року скінчив я й іспити з дипльомом першої степені і поїхав до дому в Полтаву. Десь у кінці травня дістав інформації від Е.Х. Чикаленка, що за кілька днів мене чекатиме для особистого побачення в Чернигові Хв. Вовк. Отже я вирядився у Чернигів через Київ, де дістав деякі інформації й доручення до Чернигова. Між іншим мав я якісь доручення і до Михайла Коцюбинського. (Здається, у справі його виїзду на курацію). [...]

На сьому кінчу мої спогади про Київську студентську громаду. В основоположників «нової» громади пізніше зустрічався я часто з Андрієм Лещенком. Бував він у мене в Полтаві і я в нього в Київі в 1918 році, коли він був начальником департаменту середніх шкіл в українськім міністерстві освіти. Він помагав мені чим міг в орґанізації середнього шкільництва, як я був комісарем освіти на Полтавщині. З Поливановим я зустрічався раз в часи Директорії в Київі. Сергій Олександрович Розів траґічно покінчив своє життя (застрілився) в Полтаві в 1908 році. Михайло Полонський тепер є десь лікарем на Полтавщині.

Про нашу нову громаду мав я вістки ще перед війною, що вона дуже розрослася з часом. Мало того — під її впливом пізніше заложено анальоґічні орґанізації у всіх вищих школах Київа, сі громади працювали й виступали спільно. Після тих інформацій, що я мав, київські об'єднані студентські громади мали перед початком війни понад сімсот орґанізованих членів — число, про яке ми колись не сміли й мріяти! Ми — то є купка українців студентів, що не схотіли скоритися й доповнити собою ряди київської студентської орґанізації УСДРП, яка мала лишитися одинокою заступницею українського студентського руху в 1906 р. й пізніше, коли б не оті студентські збори з «пролєтарською» резолюцією М. Порша.

Яка доля спіткала далі київську орґанізацію УСДРП я не знаю. Зрештою я тим і не цікавився...

Андрієвський В. Три громади. Спогади з 1885-1917 рр. Львів, 1938. Т. II. С. 11-24, 28-46, 51-53, 54-66, 68-69.

Асмус Валентин Фердинандович (1894-1975)

Філософ, історик філософії, логік, естетик.

Народився в Києві. Закінчив приватне німецьке Катерининське училище. Після складання іспиту з класичної латини за вісім класів гімназії у вересні 1914 р. вступив на історично-філологічний факультет Університету св. Володимира по відділенню російської філології. Закінчив університет у 1919 р.

Ще за часів перебування в училищі захоплювався філософією. По закінченню університету працював науково чи викладав філософію. До кінця 1920-х років працював на кафедрі філософії філософсько-соціологічного відділу Українського інституту марксизму-ленінізму, згодом переїхав до Москви. Із 1939 р. — професор кафедри філософії Московського університету ім. М.В. Ломоносова, викладав курси логіки та історії античної літератури. Із 1956 р. — старший науковий співробітник сектора естетики Інституту світової літератури ім. О.М. Горького.

Автор численних праць з античної філософії, творчості Р. Декарта, І. Канта, В.С. Соловйова; проблем доказів та спростувань у логіці, інтуїції в філософії та математиці; один з основних авторів капітальної «Истории философии» (Т.1. М., 1940).

Основні праці: «Диалектический материализм и логика» (1924), «Диалектика Канта» (1930), «Очерки диалектики в новой истории философии» (1930); «Маркс и буржуазный историзм» (1933), «Логика» (1947), «Учение логики о доказательстве и опровержении» (1954), «Декарт» (1956), «Философия Иммануила Канта» (1957), «История античной философии» (1965), «Проблемы интуиции в философии и математике (Очерк истории: XVII — начало XX в.)» (1965), «Избранные философские труды» (1969), «В.С. Соловьев: Опыт философской биографии» // Вопр. философии. 1988. №6.

Бібліографія: *Асмус В.Ф.* Избранные философские труды. М., 1969

Література: *Мотрошилова Н.В.* Памяти Профессора // Вопр. философии. 1988. №6. С.67-80.

Философия в Киевском университете в 1914-1920 годах*

(Из воспоминаний студента)

Я учился на историко-филологическом факультете Киевского университета. Поступил я в Университет в начале 1914-1915 учебного года, после того как сдал экзамен по латыни за восемь классов гимназии. Экзамен этот я должен был сдать, так как учился в Киеве не в гимназии, где латынь была одним из главных предметов, а в частном немецком реальном училище (Екатерининском). В Университете я занимался на отделении русской филологии. Философского отделения в то время в Киевском университете еще не существовало, специализация по философии была введена, да и то не сразу, лишь после революции 1917 года по инициативе и по настоянию В.В. Зеньковского, в то время профессора Киевского университета. Он читал обязательные

* Публикуемые воспоминания В.Ф. Асмус написал в 1974 г., незадолго до смерти. К сожалению, они остались незавершенными. — *(Ред.)*

для всех филологов курсы психологии и логики.

Я поступил в Университет в начале первой мировой войны, в сентябре 1914 года. В первые два года войны студентов не призывали на военную службу. До совершеннолетия было еще далеко, и занятия в Университете шли по программе мирного времени.

Среди курсов, читавшихся на филологическом факультете в первом году, философские предметы занимали скромное место. Это был — в осеннем семестре — общий курс психологии, во втором семестре — курс логики. Оба курса читал профессор Василий Васильевич Зеньковский. Кроме того, профессор Алексей Никитич Гиляров, сын известного в Москве славянофильского ученого и публициста Никиты Петровича Гилярова-Платонова, читал, начиная со второго семестра, вернее начинал читать, обширный курс истории зарубежной философии. История философии народов Востока в него не входила. Начинался курс с философии античной Греции, которая излагалась довольно подробно. История русской философии не читалась вовсе, так же, разумеется, как и история философии других народов России.

Первая философская лекция, прослушанная мною в Университете, была лекция В.В. Зеньковского по психологии. В тот год свои чтения Зеньковский начал с большим запозданием. Начало войны захватило его в Германии, где он — будучи в командировке — дописывал свою магистерскую диссертацию «Проблемы психической причинности». С трудом, после ряда приключений и злоключений, во время которых часть рукописи его диссертации была потеряна, Зеньковский пробрался — через Скандинавию — в Россию и вернулся в Киев. В это время ему исполнилось тридцать три года. Сразу по возвращении он начал чтения лекций. Читал он с увлечением, местами вдохновенно. Специальная психологическая эрудиция его была огромна. Для подготовки к экзамену он рекомендовал нам «Очерки психологии, основанной на опыте» Гаральда Геффдинга, но сам читал курс по собственному плану, сообщая ему собственное содержание, далеко выходившее за рамки учебника Геффдинга. Особенность его чтений состояла в том, что он читал психологию как *философскую* науку. *Психологические* теории и понятия, разбиравшиеся им, он доводил до их *философских* принципов, основ и источников. Он широко, щедро и искусно пользовался философским материалом, освещал светом философских воззрений учения психологии, которые без такого привлечения философии могли бы показаться узкоспециальными психологическими. В результате все изложение становилось чрезвычайно живым и увлекающе интересным, а психология становилась наукой, все учения которой наполнялись философским содержанием. При таком методе изложения Зеньковский постоянно должен был вводить в ткань своей психологии не только исторический, но и *современный*, даже «сегодняшний» материал философских и специальных психологических учений. Материала этого мы, конечно, не знали и из обще-

го курса психологии сколько-нибудь основательно усвоить его никак не могли. Поэтому слушать Зеньковского было хотя и очень интересно, но трудно. Некоторые увлекшиеся предметом и самим лектором студенты слушали курс психологии у того же Зеньковского повторно, в следующем году, и это приносило большую пользу. Такое повторное слушание было возможно, так как в Киевском университете действовала так называемая «предметная» система обучения, пришедшая здесь, как и в некоторых других дореволюционных университетах, на смену системе «курсовой». При «курсовой» системе последовательность слушавшихся и сдаваемых предметов и курсов была жестко определена учебным планом. «Перескакивать» во время прохождения учения с одного предмета на другой было невозможно — запрещено. Нельзя было, например, прослушать и сдать историю философии *до* того, как было сдано *введение в философию*, или сдать историю древне*римской* литературы до сдачи истории литературы *древнегреческой*. Все студенты каждого года обучения одновременно слушали, а затем сдавали одни и те же предметы. Такой порядок прохождения университетского курса существовал, например, в Юрьевском (Дерптском) университете. Иначе было в университетах (таких в мое время было в России большинство), где была введена «предметная» система. При предметной системе не было строго регламентированной последовательности в слушании и сдаче курсов учебного плана. Все, что полагалось по плану изучить, прослушать и сдать, студент должен был неукоснительно выполнить. Но при этом *последовательность* выполнения могла в известных пределах варьироваться по желанию и выбору самого студента. «Введение в философию» можно было сдать *после* сдачи «Истории философии», греческого автора после римского, Фукидида, например, *после* Тацита.

Конечно, эта свобода выбора была относительна. Она лимитировалась в известной мере случайными обстоятельствами — тем, какие курсы объявлялись и читались в каждом данном семестре. Например, в тот год, когда я запланировал для себя сдачу греческого автора, в осеннем семестре читался Еврипид («Ипполит Венценосец»), а в весеннем — Геродот. И только будучи уже на четвертом курсе, я слушал у Г.И. Якубаниса специальные философские курсы: по Платону («Пир») и по Аристотелю («Метафизика»). Оба эти произведения Якубанис читал в аудитории в греческом подлиннике, тут же переводил на русский и развивал историко-философский комментарий. То же мы обязаны были делать на экзамене: перевести из сдаваемого сочинения отрывок, указанный преподавателем, и прокомментировать его с историко-философской точки зрения. «Пир» Платона мы должны были приготовить целиком, «Метафизику» Аристотеля — в фрагментах, заранее указанных тем же Якубанисом.

Психология была не единственным философским предметом, читавшимся на первом курсе историко-филологического факультета. Параллельно с ней читался также курс «Введения в философию». Этот курс вел уже в течение многих лет А.Н. Гиляров, один из наиболее старых профессоров факультета. Если Зеньковский запоздал с началом своего курса по обстоятельствам военного времени, то Гиляров по другой причине не торопился с началом своего курса. Он не любил читать лекции при начале семестра, старался открыть свой курс как можно позже и первый из профессоров прекращал чтения в конце семестра. Факультетское начальство не препятствовало этому, так как Гиляров пользовался большим уважением на факультете и в ученом совете университета (заседания совета были общие для всех факультетов).

Мы с нетерпением ждали начала чтений по «Введению в философию». Если большинство студентов, пришедших на факультет из гимназий, изучали

психологию как один из среднешкольных предметов (по учебнику Челпанова), то представление о философии было у всех самое смутное и неопределенное. В тот год, когда я слушал «Введение в философию», Гиляров печатал свой труд «Философия в ее существе, истории и значении». Эту объемистую книгу выпускал лист за листом известный в Киеве издатель И.И. Самоненко. Печатал ее он в типографии Кульженко, которая публиковала ученые труды историко-филологического факультета. По мере выхода листы книги продавались в университете на этом же факультете. Такой порядок распространения был заведен для того, чтобы студенты, не дожидаясь окончания печатания всего издания, могли тотчас по получении и по приобретении уже вышедших листов немедленно начинать подготовку к экзамену по «Введению в философию». К другим пособиям по тому же предмету — к книгам Паульсена, Челпанова, Кюльпе — мы обычно не обращались.

Так как «Психология» и «Введение в философию» читались параллельно и одновременно, то мы, слушатели обоих, получали рельефное впечатление о философском направлении профессоров, читавших эти курсы. Зеньковский поразил нас уже с первых лекций. Он не скрывал ни религиозной направленности, ни идеалистического содержания своих философских идей. Более того. Он был темпераментным пропагандистом этих идей. Уже на первых лекциях он «властителем дум» современной философии назвал Эдмунда Гуссерля. То был ранний Гуссерль, автор «Логических исследований» («Logische Untersuchungen») и «Идей к чистой феноменологии» («Ideen zu einer reinen Phänomenologie»), опубликованных Гуссерлем в 1913 году в первом томе его «Ежегодников». Зеньковский был хорошо знаком с критикой логического психологизма, развитой Гуссерлем в «Логических исследованиях», особенно в первом томе, но, по-видимому, не знал (или почти не знал) феноменологии, как она была изложена Гуссерлем в «Ideen zu einer reinen Phänomenologie». На этот пробел в философской и логической осведомленности Зеньковского язвительно указал Г.Г. Шпет — на диспуте в Москве во время защиты Зеньковским диссертации в Московском университете — в январе 1915 года. Приблизительно в это же время Шпет пропагандировал и интерпретировал идеи феноменологии Гуссерля в своей книге «Явление и смысл», вышедшей в Москве в издательстве Гермес в 1914 году. С полемикой между Зеньковским и Шпетом мы могли познакомиться только позже, когда рецензия Шпета на книгу Зеньковского появилась в московском журнале «Вопросы философии и психологии». Общий тон рецензии Шпета был снисходительно-доброжелательный, диссертацию Зеньковский благополучно защитил и вскоре по возвращении в Киев был утвержден в должности профессора.

В специальных сферах психологии Зевьковский подробно останавливался на вопросе об отношении психических и соматических явлений. Это была знаменитая в то время так называемая психофизическая проблема. Вокруг этой проблемы шла борьба между сторонниками так называемой «теории психофизического параллелизма» и «теории взаимодействия души и тела». Теория параллелизма развивалась Вундтом, Эббингаузом и их многочисленными учениками. Теория взаимодействия была в России представлена Г.И. Челпановым и его последователями, в том числе самим В.В. Зеньковским, который был учеником Челпанова, начавшего свою философскую деятельность также в Киевском университете, но затем перешедшего в Москву, где он стал организатором и первым директором Института психологии.

Гиляров был во многих отношениях антипод Зеньковского. Никакой пропаганды религиозного идеализма в его лекциях не было. Он был поклонник и последователь «панпсихизма» — учения крупного психолога, психофизиолога,

физика и философа Густава Теодора Фехнера (1801-1887). Впоследствии, когда я стал бывать в доме Гилярова, я видел у него в кабинете огромный портрет Фехнера, висевший позади письменного стола на стене. Гиляров высоко ценил *психофизическое* учение Фехнера. Он толковал его на идеалистический лад — как учение о всеобщей духовной связи всех элементов действительности — и называл его «синехологическим спиритуализмом». В первой половине своей жизни Гиляров интересовался психологией и занимался некоторое время в Париже у известного в то время психиатра и психолога Шарко. Но больше он занимался историей философии, особенно античной. Обе его диссертации — магистерская и докторская — были посвящены древнегреческой философии. Это были два исследования: «Софисты» и «Платон как исторический свидетель». «Софисты» были написаны на широком фоне культурной истории афинского общества и содержали довольно резкую критику афинской демократии.

Политикой Гиляров не интересовался вовсе, и его философские воззрения, открыто идеалистические в теоретическом отношении, не заключали в себе ничего явно реакционного в смысле практическом. Вскоре после опубликования «Софистов» Гиляров занял вакантную кафедру философии в Киевском университете и остался в Киеве на всю последующую жизнь. Здесь он получил ученую степень доктора философии, здесь же он был впоследствии, после учреждения в Киеве Украинской Академии наук, выбран в число ее действительных членов.

Я познакомился с Гиляровым, когда слушал у него, будучи студентом первого курса, сначала «Введение в философию», а затем «Историю философии». Оба курса были отработаны им в многолетней педагогической практике. В то время как Зеньковский читал импульсивно, страстно, порой «взрывчато», Гиляров был в чтении чрезвычайно уравновешен и сдержан в проявлении чувств. Пред нами стоял невысокого роста, плотный, начинающий уже лысеть человек с умными голубыми глазами, в которых иногда проглядывала насмешка. Одетый в легкий темный чесучовый пиджачок, он глядел прямо в аудиторию и непрерывно потирал рукой верхнюю доску большого стола, за которым находился. На кафедру, стоявшую тут же, справа от стола, он не поднимался никогда. Так же, как и Зеньковский, он читал, не пользуясь никакими конспектами, никакими записками. Но в отличие от быстрой речи Зеньковского, он читал медленно, восхитительно медленно, как нам казалось. Каждая фраза была отточена до полного стилистического совершенства и доставляла ни с чем не сравнимое наслаждение. Впечатление было такое, словно он мыслит вслух на глазах аудитории, в каждый момент находя необходимое для выражения мысли и притом самое нужное, единственно возможное, наилучшее слово. Особенно искусен, неподражаемо искусен он был в *определении понятий*. Выслушав найденное и сформулированное им в ходе лекции определение, мы часто тут же бросались записывать его, боясь опустить что-нибудь, забыть, потерять из виду. После лекции, во время перерыва, мы сравнивали друг у друга записанное, корректировали, дополняли, исправляли.

Не всем лекции Гилярова одинаково нравились. Аудитория, его слушавшая, делилась на две части или половины. Первую составляли пришедшие в университет из гимназии. Эти обычно становились поклонниками Гилярова. Им нравился строгий стиль его изложения, отменный русский язык, на котором он изъяснялся, отточенная скупость, простота и ясность его формулировок. Он не терпел сложной и усложненной речи, не терпел иностранных слов и выражений и употреблял их очень редко, в случае крайней необходимости. Греческие термины он выписывал на доске по-гречески и точно переводил их на русский, избегая обременять ими свой философ-

ский словарь и стиль. Он не терпел, когда этими терминами начинали бойко «сыпать» беседовавшие с ним студенты и не скрывал своей насмешки над ними.

Другую часть аудитории Гилярова составляли студенты, явившиеся на филологический факультет не из гимназий, но окончившие духовные семинарии. На первом курсе их было довольно много. Они были как-то «грубее» сравнительно с «гимназистами», им нравилась религиозная ортодоксальность Зеньковского. Напротив, в Гилярове они быстро разгадали нотки религиозного свободомыслия и скептицизма, которого они не одобряли. Это уже не были «семинаристы» шестидесятых или даже семидесятых годов XIX века, отношение к религии у них было более сочувственное и покорное. Философской любознательностью они не блистали. Большинство из них собирались по окончании университетского курса стать преподавателями русского языка и литературы в гимназиях. В аудитории они держались несколько обособленно. Из семинарии они вынесли хорошее знание древних языков — латинского и греческого — и, став студентами университета, сразу записывались на прослушивание древнегреческого автора, которого сдавали обычно с успехом. Напротив, пришедшие в университет из гимназий в своем большинстве оканчивали гимназии без греческого языка, с одним латинским. Эти (к числу их принадлежал и я) допускались к прослушиванию греческого автора только после того, как они прослушивали, уже находясь на первом году университетского обучения, курс, называвшийся «греческий для начинающих». Читался он в течение всего учебного года на осеннем и весеннем семестрах. Он заключал в себе полную морфологию и синтаксис древнегреческого языка и значительную часть какой-нибудь из книг Ксенофонта, обычно «Воспитания Кира». Для тех, кто учился в гимназии без греческого языка, «греческий для начинающих» был самым серьезным, самым трудоемким предметом. Некоторые студенты — из ленивых — плохо посещали лекции по этому предмету, а так как без сдачи экзамена по греческому нельзя было двигаться дальше, то, проучившись в течение года, они переходили на какой-нибудь другой факультет, где предварительная сдача греческого не требовалась. Обычно «дезертиры», покидая филологический, переходили на юридический или на факультет естественных наук. Но таких было меньшинство.

В 1914 году, когда я начал учиться в Университете, «греческий для начинающих» читал доцент Пахаревский. Это был по своему уровню типичный преподаватель классической гимназии, впрочем, чрезвычайно знающий и опытный в педагогическом отношении. Он аккуратно выписывал на большой доске, стоявшей в аудитории, все парадигмы (формы склонения и спряжения) и внимательно следил, чтобы мы не ставили точки над греческой «иотой» и чтобы изображали знак «иота субскриптум» согласно всем правилам палеографии.

В начале 1915 года Пахаревский, в то время уже довольно старый, вдруг умер. Закончить его курс было поручено молодому талантливому доценту Сергею Степановичу Дложевскому. Перед началом первой мировой войны Дложевский был в научной командировке в Германии. Там он занимался в знаменитом Лейпцигском семинаре классической филологии и собирал материал, готовясь писать работу о синтаксисе Еврипида. Осенью 1915 года он объявил на историко-филологическом факультете Киевского университета специальный курс по Еврипиду («Ипполит венценосец»). К тому времени я уже успел сдать «греческий для начинающих» и записался на этот курс как на курс по греческому автору. Трагедия Еврипида интересовала Дложевского не столько сама по себе, как явление истории древнегреческой литературы, сколько как материал для собиравшихся им наблюдений по истории древнегречес-

кого синтаксиса. Он был больше лингвист, чем историк литературы.

Дложевский читал превосходно. К каждой лекции он тщательно готовился и просматривал какую-нибудь монографию, относящуюся к ее предмету. К нам — студентам — он относился вполне по-товарищески. Следить за его курсом было интересно и приятно.

Но все это происходило уже на втором курсе и уже не в Киеве. Начало войны на Юго-западном фронте было для нас удачно. Наша армия наступала, потеснила австрийцев и взяла у них Львов, или Лемберг, как его называли австрийцы. За этими успехами вскоре, однако, начались трудности и неудачи. Обнаружились огромные недостатки технической подготовки и военного снабжения. Не хватало боевых припасов, недоставало винтовок, пулеметов. Правда, после взятия Львова наше наступление вначале продолжалось. Весной 1915 года нами была взята первоклассная австрийская крепость Перемышль. Было взято множество пленных, много орудий. Но на этом наши успехи закончились и начались неудачи. Пришлось отдать Перемышль, а затем и Львов. К концу лета 1915 года обстановка на фронте складывалась уже неблагоприятно для нас. Ввиду этого правительством было вынесено постановление об эвакуации из Киева высших учебных заведений, хотя фронт был еще очень далек и непосредственная опасность Киеву не угрожала.

Университет, Высшие женские курсы, Духовная академия должны были эвакуироваться в Саратов, Консерватория — в Ростов-на-Дону. Туда же эвакуировался Политехнический институт и, кажется, уже не помню точно, Коммерческий институт.

В начале сентября 1915 года был назначен день отъезда из Киева первой партии студентов Университета. В этой партии ехал и я. На перрон были поданы три очень чистых жестких вагона, и в указанный час поезд отошел от станции Киев-1-й. Переезд в Саратов прошел вполне благополучно, но по мере того, как поезд приближался к месту назначения, в вагоне становилось все более прохладно, а последняя — третья — ночь была просто холодная. Со мной в одном отделении ехали филологи С.С. Мокульский и С.Г. Маслюк. Мокульский по окончании факультета был оставлен при Университете для подготовки к профессуре Иваном Васильевичем Шаровольским, который был профессор кафедры истории западноевропейской литературы. С.Г. Маслюк, с которым я подружился еще на первом курсе, специализировался по русской филологии. Он был поэт, увлекался Бальмонтом и в то время, как мы были на первом курсе, издал сборник своих лирических стихов под ужасающим по своей безвкусице безобразным названием «Символы — призраки моей души». Он был плохой, очень плохой поэт, но прекрасный человек, добрый товарищ, и во время эвакуации эти его нравственные качества выступили совершенно рельефно.

На втором семестре первого курса Зеньковский читал логику. Так же, как и психологию, логику он читал не столько как формально-логическую дисциплину, сколько как курс философский. Большое внимание уделялось в теории понятия воззрениям Гуссерля. По Гуссерлю излагалась теория «идеирующей абстракции». Вообще в учении о

Евакуаційна бирка для майна Університету. 1914 р.

понятии были очень сильны, как и следовало ожидать от гуссерлианца, моменты платонического идеализма. В теории умозаключения и в классификации умозаключений Зеньковскнй пропагандировал идеи классификации выводов крупнейшего русского логика XIX века М.И. Каринского, которого именно как логика он ставил чрезвычайно высоко, призывая нас к самому внимательному изучению его логических воззрений. Совершенно «по Каринскому» он проводил анализ умозаключения. Эта сторона логического курса Зеньковского была чрезвычайно содержательна, хотя оценить ее во всем ее объеме мы в то время оказались неспособными.

«Технической» стороной теории силлогизма Зеньковский интересовался мало и при изложении соответствующих теорий даже бывал иногда не совсем точен. Когда ему случалось изредка запутываться в изложении соответствующих теорем и правил, он смущался и густо краснел, но мы не обращали на это внимания, так как относились к его курсу хорошо — ввиду его логического содержания, нас увлекавшего и высоко нами ценившегося.

Гиляров на втором курсе продолжал чтение истории философии. Закончив изложение неоплатонизма, он сразу переходил к философии Возрождения. Средневековую философию он полностью опускал. Нас очень удивил этот пробел, но вскоре причина его стала нам известна. Было время, когда Гиляров подробно читал историю философии средних веков, и лекции его по этому разделу стенографировались и, как обычно, издавались литографированным способом. Но для какой-то справки курс Гилярова понадобился профессору, читавшему на факультете богословие. С крайним неудовольствием теолог обнаружил, что чтения христианского богословия излагались Гиляровым в духе недопустимого, как ему показалось, вольнодумства и скептицизма. После внимательного ознакомления с курсом постановлением факультета Гилярову было запрещено на будущее время читать раздел средневековой философии и схоластики. Опущена была философия средних веков и в первом издании руководства Гилярова «Философия в ее существе, истории и значении» (1916). И только во втором издании руководства (1919) раздел средневековой философии был восстановлен. Но это произошло только в 1919 году.

Чтения по философии Возрождения протекали уже без вмешательства духовной цензуры и были очень интересны своим натурфилософским уклоном. Обстоятельно излагалась борьба за коперниканское мировоззрение, материалистическая философия и физика Бернардино Телезио. Выдвигались неоплатонические идеи и построения, начиная с Николая Кузанского, диалектика бесконечного и конечного, его учение об «ученом неведении».

В лекциях Гилярова по истории философии неотразимое впечатление оставлял безупречно высокий интеллектуальный вкус, эстетическое совершенство мысли и речи, чуждое всякой суетности и бахвальства изящество. Он хорошо знал себе цену, кое-чем в себе даже гордился, например, прекрасным знанием языков. Он рассказывал, что, когда ему было шестнадцать лет, он совершенно свободно читал Платона по-гречески, о латинском нечего уже и говорить. Но и новые языки он знал отменно хорошо. Когда в конце XIX века он увлекся изучением современной французской поэзии, историографии, литературы, он перечитал великое множество книг, романов, сборников стихов. В его кабинете за стеклами книжных шкафов стояли тесно уставленные томики издательства «Hachette» в своих дешевеньких желтых бумажных переплетах. Романы и переписка Флобера, рассказы и романы Мопассана, книги Ипполита Тэна по истории Франции, по истории английской литературы и французской литературы, труды Ренана по истории древнееврейской религии, труды Гиббона, Токвиля, книги Мако-

лея переполняли эти полки. Тут же рядом стояли шкафы, туго уставленные книгами по химии, особенно по органической, которую он прилежно изучал в течение ряда лет. Он работал в химической лаборатории университета и даже написал две работы по органической химии. Обе были основаны на экспериментах. Одна из них называлась «Запах фиалки по данным химии». В последние годы жизни он собирал книги по математике. Книги эти он не только коллекционировал, но и усердно изучал.

В жизни его немалую роль играли чудачества, а среди них — страсть к коллекционированию. Ему нравилась мысль Шопенгауэра, который находил, что первый признак высококультурного человека — внимательное отношение к фактору *времени*, постоянное слежение за временем и точная в нем ориентировка. Поэтому много лет Гиляров собирал коллекцию часов самых различных систем и видов, постоянно на них поглядывал и к ним прислушивался. Его кабинет был заполнен и уставлен часами: стенными, настольными, ручными. Часы стояли, как в часовой лавке, висели, лежали повсюду, и звуки их негромкого тиканья переполняли комнату. Тут были старинные часы-«луковицы», дорогие и очень точные хронометры, часы-кукушки и много других систем. По прошествии часа все эти многоголосые «системы» начинали действовать. Часы били на разные голоса, из ящиков выскакивали кукушки и принимались мелодично куковать. В течение некоторого времени комната заполнялась разнообразными приятными звуками, затем все вновь смолкало.

Я оказался в числе студентов, которые, пройдя испытание, допускались до встреч и до бесед с учителем. Испытание состояло в том, что профессор задавал множество быстро следующих друг за другом вопросов. Из ответов на них складывалось у него впечатление о философских способностях, сообразительности, степени начитанности вопрошаемого. Строго оценивался литературный вкус, особенно в поэзии. Ответы тут же подвергались обсуждению, одобрялись или осуждались. Не допускались никакие отзывы с чужих слов, никакие повторения чужих, заимствованных из книг и учебников, шаблонных критических суждений. Оценки ответов вопрошаемого были строги и пристрастны. В поэтах выше всего ценилась несомненная и непосредственная поэтическая одаренность, образная выразительность, языковое мастерство, оригинальность, поэтическая самобытность. Множество стихотворений Гиляров знал наизусть, любил их цитировать и ценил уменье это делать в вопрошаемом. Из поэтов XIX века особенно высоко ставились (после Пушкина и Лермонтова, конечно) Баратынский, Тютчев и Фет. Из современных поэтов выше всех ставился Блок. Не жаловался ни Бальмонт, ни — особенно — Валерий Брюсов, хотя в последнем уважались переводы французских поэтов, кроме переводов из Верлена, которым предпочитались переводы Федора Сологуба.

Начавшееся в студенческие годы знакомство с Гиляровым перешло впоследствии в своеобразную дружбу. Когда, спустя пять лет по окончании университета, в конце весны 1924 года я издал свою первую книгу — «Диалектический материализм и логика» (Киев, изд. Сорабкоп. 1924) и подарил ее своему старому профессору, Гиляров, в то время уже действительный член Украинской Академии Наук, явился ко мне в Екатериновку — дачное место под Киевом, возле Святошина, где я проводил с семьей лето, и, едва поздоровавшись со встретившей его у ворот моей женой, сразу, не садясь, начал говорить о моей книге. «Ну, я вижу, — сказал он мне, — у Вас голова хорошо устроена». Я с волнением слушал его, а он, улыбаясь, спокойно разбирал достоинства и недостатки работы. Я никак не мог ожидать, что оценка окажется столь обстоятельной, внимательной и благоприятной, а критика столь снисходительной. Он только не одобрил резкий тон некоторых моих

возражений и критических замечаний против философского идеализма. Но их-то я и ожидал от него, и им не на шутку обрадовался. Провожая его спустя некоторое время до остановки трамвая, на котором он уезжал в город, я горячо благодарил его.

Но тут я должен вернуться назад и рассказать о том, что предшествовало эвакуации. Первый киевский год учения в Университете прошел спокойно. Я постепенно входил в слушание курсов и знакомился с ученостью и искусством читавших эти курсы профессоров. Второй прослушанной мною в семестре лекцией была лекция профессора Адольфа Израилевича Сонни, одного из старейших и заслуженнейших ученых факультета. В этом семестре он читал латинского автора, а этим автором был Гораций. Я записался на Горация. Можно было, конечно, не торопиться и дождаться семестра, на котором Сонни будет читать свой — знаменитый на факультете — курс по Катуллу, которого он очень любил и превосходно читал. Я имел представление о Катулле только по томику переводов из него, сделанных Фетом, но в передаче Фета он не увлек меня. Какой это был великолепный поэт, я узнал позже, когда, зашедши в аудиторию (кажется, это было в 1916 году), где Сонни на этот раз вновь читал Катулла, я был поражен лирической мощью этого поэта.

Записываясь на Горация, я хотел сравнить впечатление от лекций Сонни с тем, которое я вынес из изучения од Горация, приготовленных мною, когда я готовился к экзамену за восемь классов гимназии.

Сонни был во многом противоположность Кулаковского. Перед ним на кафедре лежал написанный им подробный конспект курса и латинский томик Горация; впрочем, он редко заглядывал в конспект и читал, в основном опираясь на память, медленно и внятно чеканя фразы. Если Кулаковский был прекрасный, пожалуй лучший, как я впоследствии убедился, после Зеньковского на факультете лектор, то Сонни был отличный руководитель семинарских занятий, мастер филологического анализа текста на специальных курсах. Кулаковский был историк и историк литературы, в частности византолог. Сонни — не только историк литературы, но и языковед, лингвист. Он читал греческих авторов, а также историческую грамматику не одного латинского, но и итальянского языка. Слушателям курса по Горацию он открывался еще одной сильной стороной своего профессорского дарования. Он мастерски читал латинские стихи. Через даль шестидесяти лет у меня в ушах стоит великолепный тембр его голоса, проникновенная выразительность, безукоризненная ясность дикции, глубокий внутренний захват исполнявшимся текстом и некоторая торжественность, патетичность всего чтения. Еще сильнее все эти качества открылись мне, когда через год я слушал в исполнении Сонни Катулла — автора, уже не обязательного для меня — после сдачи Горация, который и был зачтен мне как «латинский автор». Но и на первом курсе впечатление было неотразимое. Кулаковский покорял ученостью, блеском эрудиции, громадной памятью. Сонни — не только глубокой филологической ученостью, но и артистизмом, художественным темпераментом.

Темперамент Кулаковского был темперамент *политический*. Это был профессор, не скрывавший своих «правых» политических убеждений, его чтения были насыщены политической тенденцией. И герои самого историко-литературного процесса, и ученые корифеи — западные и отечественные — истории римской литературы изображались в его курсе как носители доблестных или вредных политических начал, ими олицетворявшихся. Такими были в изображении Кулаковского и Энний и Лукреций, и Цезарь и Цицерон, и Курциус и Моммзен.

Напротив, курс Сонни был совершенно аполитичен. Война была в разгаре, на полях Галиции и во Франции на Марне лилась кровь, шли ожесточен-

ные бои, но Адольф Израилевич переводил из Горация так же, как он это делал и лет пять или десять назад, читая в той же двенадцатой аудитории Горация или какого-либо другого автора другому составу слушателей и когда в Европе было спокойно.

Первые лекции, прослушанные мною на историко-филологическом факультете, были лекциями по *античной* литературе. По расписанию давно должны были начаться лекции по философским предметам: Гилярова по «Введению в философию» и Зеньковского — по психологии. Но они долго не появлялись в своих аудиториях. Гиляров не торопился с началом своего курса, и его, как заслуженного и знаменитого на факультете профессора, не принуждали к этому началу, Зеньковский дописывал за границей свою магистерскую диссертацию, он застрял где-то в Германии и с трудом пробирался оттуда в Россию через нейтральные скандинавские страны, потеряв по дороге из Германии часть своих рукописей. Первый явился в аудитории Алексей Никитич Гиляров. С огромным интересом ожидал я начало его курса. И не я один, разумеется. В день, когда была объявлена его лекция, назначенная для нее аудитория была переполнена. Особенно много пришло «семинаристов», но и «гимназистов» было много.

Гиляров был сын известного во второй половине девятнадцатого века славянофила младшей формации Никиты Гилярова-Платонова. Впоследствии я познакомился со статьей Никиты Гилярова «Онтология Гегеля», опубликованной в одной из первых книжек нового, недавно основанного тогда в России журнала «Вопросы философии и психологии».

В этом месте своих воспоминаний я должен сказать несколько слов о том, как у меня возник интерес к философии, которой было суждено стать моим будущим призванием и профессией. Интерес этот возник рано, еще до Университета, осенью того самого года, в котором я пережил в Константиновке ужаснувшее меня описанное выше потрясение*. Пораженный «экзистенциалистским» вопросом о причине возникновения всего сущего и безуспешно ища ответа на него, я стал, вернувшись в Киев, посетителем и читателем Киевской городской публичной библиотеки. Уже не помню, каким образом я узнал о существовании «Этики» Спинозы. Я заказал себе эту книгу, и вскоре передо мной появился на столе для библиотечного чтения довольно объемистый том. Раскрыв его, я удивился. Книга была написана как учебник геометрии. За *определениями* основных понятий в ней шли *аксиомы*, за ними — *теоремы*, которые доказывались more geometrico, «геометрическим методом». Уже в четвертом классе реального училища я познакомился с этим методом на уроках геометрии, которые мастерски проводил Левенберг, инспектор и учитель этого предмета, «дед», как мы, реалисты, все его называли. Меня восхищало логическое построение доказательства, результатом которого было нахождение истины, и вскоре я пришел к убеждению, что метод геометрического доказательства всюду, где он применяется, непреложно ведет к самой истине. Но на этот раз книга, которую я держал в руках, была вовсе не математическая, а философская! Замечательно было оглавление и содержание книги. В ней доказывались истины, касавшиеся вопроса о вечной и бесконечной природе, обнимающей человека, о самом человеке, об обуревающей его зависимости («рабстве») от страстей, о необходимости, которой подчинен человек, и об его свободе от страстей. Вначале я перелистал книгу. Перелистывая ее, я заметил, что в ней имеются теоремы, в которых доказывается существование бога и даже доказывается, что в душе человека существует часть бессмертная. Мой инте-

* Об этом идет речь в «Воспоминаниях детства» В. Ф. Асмуса, до сих пор не опубликованных. — *(Ред.)*

Свидѣтельство.

Предъявитель сего *Асмусъ Валентинъ Фердинандовичъ-Генрихъевичъ православнаго* вѣроисповѣданія, сынъ *м — ѣ — щ — а — н — и — н — а* ————— родившійся *18 декабря* 18*94* года въ *гор. Кіевѣ* по *аттестату* зрѣлости *Кіевскаго Реальнаго Училища отъ 21 августа 1912 г. за № 3, дополнительному свидѣтельству объ окончаніи дополнительнаго класса того же реальнаго училища отъ 7 іюня 1913 года за № 3 и удостовѣренію Кіевской Александровской гимназіи о выдержаніи латинскаго языка въ объемѣ гимназическаго курса отъ 7 іюня 1913 г. за № 7, въ 1914 г. въ августѣ зачисленъ въ студенты Университета Св. Владиміра* на историко-филологическій факультетъ, по ~~спеціальности~~ *отдѣленію* Русской филологіи *(славянской по языкознанію)* и прослушалъ слѣдующіе курсы: **Греческаго и латинскаго авторовъ, Логики, Психологіи, Введенія въ философію, Введенія въ языковѣдѣніе, Введенія въ славяновѣдѣніе, Сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, Исторіи греческой литературы, Исторіи римской литературы, Исторіи новой философіи, Русской Исторіи**, *исторіи русской церкви, сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, философіи Платона, философіи Аристотеля и Логики и Этики* ————— а также, участвовалъ въ обязательныхъ по его спеціальности практическихъ занятіяхъ, успѣшно сдалъ установленныя учебнымъ планомъ курсовыя испытанія, а также по **богословію** и *Французскому* языку, представилъ курсовое сочиненіе и, по выполненіи всѣхъ условій, требуемыхъ правилами о зачетѣ полугодій, имѣетъ **восемь** зачтенныхъ полугодій по постановленію факультета, состоявшемуся въ засѣданіи .... 19..... года.

Въ удостовѣреніе чего, на основаніи ст. 77 Общаго Устава ИМПЕРАТОРСКИХЪ Россійскихъ Университетовъ 23 августа 1884 года, выдано г. *Асмусу* ————— это свидѣтельство отъ историко-филологическаго факультета ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра за надлежащею подписью и съ приложеніемъ Университетской печати. Кіевъ, 19*19* года, *Октября* мѣсяца *19* дня.

№ *2412*

(Свидѣтельство это видомъ на жительство служить не можетъ).

Деканъ историко-филологическаго факультета Университета Св. Владиміра *Н. Бубновъ*

Секретарь Факультета *С. Дровянниковъ*

Секретарь Совѣта *Н. Свиридовъ*

Печать Университета Св. Владиміра

2645—1. Тип. акц. общ. И. Т. Корчакъ-Новицкаго. Кіевъ.

рес еще более повысился. Я решил, что наука, в которой доказываются (именно *доказываются*!) подобные истины, — не только самая интересная, но и самая возвышенная, важная, *единственно* важная и нужная из всех наук. Критически оценить и проверить силу и непреложность всех доказательств Спинозы в то время, на том уровне научного сознания, на котором я тогда находился, конечно, я не мог. Однако на меня неотразимо действовало другое: глубокая величавая убежденность, которой дышала эта книга, переполнявшее ее уважение к силе и к достоинству человеческого разума, вера в то, что давно нашлись и существуют где-то умы, для которых сводившие меня с ума вопросы не только разрешимы, но решаются так, что само их решение непреложно достоверно, вполне доказательно и наполняет душу величайшим успокоением и удовлетворением. Я по нескольку раз перечитывал «доказательства» привлекших мое внимание мест этой удивительной книги. Мне не хотелось разрушать впечатление непререкаемой достоверности, неотразимости этих доказательств, и в то же время я очень боялся, что вдруг кто-то мне откроет в них какие-нибудь не замеченные при первом чтении ошибки, пробелы, неточности, и вот все начавшее восстанавливаться во мне с таким трудом здание философской истины, такое, казалось, незыблемое, такое убедительное, такое утешительное, вдруг падет и рушится под ударами критики. Я боялся, что критика эта окажется непобедимой и неотразимой и что явись она — от моих утешительных и утешающих доводов мало что останется, а может быть, не останется и ничего.

Почти одновременно с «Этикой» Спинозы мне довелось наткнуться на главное сочинение Шопенгауэра — «Мир как воля и представление». Сначала я отыскал его название в каталоге библиотеки Идзиковского. Это была лучшая, самая богатая по составу книг частная библиотека в Киеве. Она находилась на Крещатике рядом с книжным и нотным магазином Идзиковского, где служил мой дядя, — против Прорезной улицы, шедшей от Крещатика вверх к Золотым воротам. В библиотеке, очень популярной, всегда толпились у столиков для выдачи книг абоненты. Заведовал библиотекой служивший у Идзиковского Иван Иванович Токарев, очень небольшого роста, серьезный человек со смуглым лицом и коричневым пятном на виске. Дядя представил меня ему и попросил, чтобы Токарев разрешил мне и моему брату пользоваться книгами из библиотеки, разумеется, бесплатно. Разрешение было немедленно получено, и с тех пор я и брат постоянно брали книги в абонементном отделе. Отысканные по каталогу и заказанные книги приносились из книгохранилища молодыми людьми или даже мальчиками — теми самыми, которые на концертах Филармонии стояли на контроле у пана Ящевского. Это были славные, серьезные, очень вежливые ребята. Я любил смотреть, как они, нагруженные стопками затребованных абонентами книг, появлялись, возникая из темных глубин книгохранилища, и раскладывали принесенные ими книжные сокровища на прилавках или столах перед посетителями. Абоненты отыскивали названия заказываемых книг в каталогах, разложенных на прилавках. Каталог был огромная в несколько сот страниц книга, отпечатанная в типографии, с рисунком в стиле модерн на обложке. Все экземпляры каталога, как и все книги библиотеки, были переплетены в простые черные матерчатые переплеты и носили следы постоянного частого пользования.

Во время своих библиографических розысков я часто заглядывал в раздел философии. Однажды в алфавитном конце этого раздела мне попался столбик названий книг под фамилией *Шопенгауэр*. Пробегая его глазами, я прочитал среди прочего: «Мир как воля и представление». Название книги крайне удивило и заинтересовало меня. Что бы оно могло значить? Я затребовал книгу и через полчаса уже нес ее домой —

вместе с пьесами каких-то скандинавов и рассказами Бунина. Дома я сразу начал читать Шопенгауэра и не мог оторваться. Мрачный тон книги вполне соответствовал тогдашнему моему настроению, а литературная форма изложения была совершенно пленительна. Я вспомнил, что имя автора было, собственно, мне уже известно: я встретился с ним впервые в письмах Льва Толстого — в переписке с Фетом. Толстой писал о своем восхищении Шопенгауэром: «Шопенгауэр — гениальнейший из людей» — и уговаривал Фета перевести на русский то самое сочинение, которое мне так понравилось с первых его страниц. Фет действительно перевел первый том, но перевод Айхенвальда, с которым я впоследствии познакомился, понравился мне куда больше. Я достал и оригинал — в серии «Reclamsausgabe» — и это было прекрасное упражнение в немецком. И значительно позже я восхищался философской немецкой прозой Шопенгауэра, который остался одним из моих литературных любимцев. Впоследствии я нашел подтверждение своему впечатлению, читая статью Томаса Манна о Шопенгауэре.

Для юноши, каким я был тогда, чтение Спинозы и Шопенгауэра было отнюдь не легким введением в круг философской литературы. Частые восторженные отзывы Шопенгауэра в тексте его книги о Канте и о Платоне заставили меня взять на примету и их, но к чтению обоих я приступил уже значительно позже, да и труда это чтение потребовало от меня значительно большего, чем первое знакомство с Шопенгауэром и даже Спинозой. Особенно труден показался мне Платон, которого я начал читать в добросовестном по учености, но удивительно корявом в литературном отношении, неуклюжем «семинарском» переводе Карпова (перевод ранних диалогов в двухтомнике Владимира Соловьева не сразу попался мне в руки; в 1921 году я уже с восторгом читал его — и «Ион», и «Гиппий Большой», и «Апологию Сократа», и «Протагор» — попеременно вслух вместе с пианистом и большим моим другом Генрихом Густавовичем Нейгаузом).

Таким образом, первоначальное ознакомление с философской литературой началось у меня рано, еще в средней школе и «застигло» меня в сущности совершенно еще к нему не подготовленным и потому часто беспомощным. Но набрасывался я на эту литературу отважно и настойчиво, не пугаясь трудностей и не отступая перед ними. Организационно мне много помог в моем ознакомлении с нею дядя Сева. Как опытный работник книжного прилавка, служивший в лучшем книжном магазине Киева, он любил свое дело и знал книгу. Рано приехавший в Киев из деревни Пески Лохвицкого уезда Полтавской губернии, он еще до поступления на службу к Идзиковскому работал «мальчиком» у книжного прилавка в большом и богатом книжном магазине Иогансона на Крещатике, недалеко от начала Фундуклеевской улицы (теперь улица Ленина). Когда мои родители переселились в Константиновку, дядя уже служил у Идзиковского и был женат на сестре моей мамы — дочери моей бабушки Евфросинии Петровны Тищенко. Бабушка любила своих обеих замужних дочерей и охотно проживала то у одной, то у другой, особенно во времена, когда у них рождалось потомство. Сперва это были дети тети Муси — Катя и Костя, а затем, позже, моей мамы — Лида и Таня. Поэтому жизнь бабушки попеременно протекала то в Киеве у тети Муси, то в Константиновке, когда у моей мамы появились девочки и помощь бабушки оказалась необходима. Зятья относились к бабушке с большим почтением и не вмешивались ни в какие дела, касавшиеся воспитания и пестования детей. Тетя Муся тоже очень ее уважала. Кроме бабушки у тети Муси проживала тетя Вера, которая после аварии с рукой и потери работоспособности осталась без дел и не вышла замуж. Она была религиозна до ханжества и очень негодовала на меня и

М. Н. П.

ДЕКАНЪ
историко-филологическаго
ФАКУЛЬТЕТА
ИМПЕРАТОРСКАГО
Университета Св. Владиміра

Сентября 12 дня 191*9* г.

№ [redacted]

СЛАВЯНО-РУССКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ. *8*

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Дано сіе студенту ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра *Асмусу Валентину Фердинандовичу* поступившему въ *О*сеннемъ семестрѣ 191*4* года въ удостовѣреніе того, что онъ:

1) Прослушалъ нижеслѣдующіе предметы и получилъ на курсовыхъ испытаніяхъ нижеуказанныя отмѣтки:

Названіе предметовъ курсового испытанія.	Отмѣтка.
1. Богословіе.	*весьма*
2 Нѣмецкій языкъ	*———*
3. Древне-церковно-славян	*———*
4. Исторія русской церкви	*весьма*
Французский язык	*удовлетвор.*
1. Введеніе въ сравн. языкозн.	*весьма*
2. Латинскій авторъ.	*весьма*
3. Греческій „	*весьма*
4. Логика.	*весьма*
5. Психологія	*весьма*
6 Введеніе въ философію	*весьма*
7. Исторія нов философ и	*весьма*
8. Русская исторія	*весьма*
9 Введеніе въ славяновѣд.	*весьма*
10. Сравн грамм. слав. язык.	*весьма*
11. Сравн грам. индо-евр. яз	*весьма*
12. Исторія греч. лит.	*весьма*
13. Исторія римск. лит.	*весьма*
14. *Платонъ*	*весьма*
15. *Аристотель*	*весьма*
16. *Эстетика*	*весьма*
17. Этика	*весьма*

Названіе предметовъ Коммиссіон. испытанія.	Отмѣт. въ высл. курса.	Отмѣтка на Коммиссіон. испытаніи.
1. Исторія русск. сл		
2 Др-церк. слав. яз и палеографія.		
3 Русск. яз. съ діалек.		
4. Зап.-евр. литер		
5. Слав. яз и литерат.		
6.		
7.		
8.		

Спеціальные курсы:

1.
2
3
4.
5.
6.

II) Онъ въ *О*сеннемъ полугодіи 191*9* года числился на *8* семестрѣ и имѣетъ зачтенныхъ *8* семестровъ.

III) Какъ спеціалистъ по *Русской филологии съ [illegible]* участвовалъ въ практическихъ занятій по своей спеціальности и имѣетъ у:

пр. *А.М. Лободы-2*
пр. *Ананьина — 1*
пр. *Якубаниса — 1*
пр. *Грушкан — 1*

кр. В.В. Зеньковского 2с.
кр. А.М. [illegible] 2с.
кр. А.М. Лободы 2сем.
зачтенныхъ практ. зан.

IV) Написалъ курсовое сочиненіе на тему: *Присуждена Толстовская премія.*

V) Получилъ настоящее удостовѣреніе на основаніи постановленія факультета *12-го Сентября* 191*9* года.

за *Деканъ Факультета* *[signature]*

брата, подтрунивавших над этой ее религиозностью. Бабушка тоже сердилась на нас, меньше на Колю, но особенно на меня, потому что в вопросах о религии я был агрессивен и часто вступал с бабушкой в идеологические споры. Особенно гневалась она, когда я начинал отрицать миф о сотворении мира богом. «Вот погоди, — гневно говорила она мне на своем чудесном украинском—полтавском языке, — будут тебе на том свете черти язык прижигать». (Бабушка была украинка и, родившись крестьянкой в имении помещика, не умела ни читать, ни писать.) Я смеялся в ответ, да и она не слишком сердилась. Как только я прекращал свою антирелигиозную пропаганду, бабушкино ворчанье тоже прекращалось, и между нами восстанавливался — к обоюдной радости — полный мир. Дядя был равнодушен к нашим богословским спорам и оставался на позициях легкого незлобивого скептицизма, приправленного дозой украинского юмора. Тетя Муся вовсе в них не участвовала.

Всерьез дядю занимало совсем другое. Он был украинский патриот, мечтал стать издателем литературы на украинском языке и действительно впоследствии стал им. Уже когда я был в первых классах реального училища, в доме дяди начали появляться некоторые деятели украинской литературы и просвещения. Они вели — на украинском языке, разумеется — беседы с дядей на литературные, издательские и политические темы. Они любили рассматривать личную библиотеку дяди, помещавшуюся в его кабинете, в небольшом книжном шкафу. Среди этих книг, кроме нескольких изданий шевченковского «Кобзаря», кроме «Энеиды» Котляровского, сочинений Квитко-Основьяненко, Коцюбинского, Ивана Франко, Леси Украинки, Нечуя-Левицкого, Бориса Гринченко и других, стояли классики русской литературы. Здесь было собрание сочинений Пушкина в томиках очень маленького формата в чрезвычайно изящных переплетах, Кольцов, двухтомник Некрасова, прекрасно переплетенное двенадцатитомное издание Достоевского (приложение к журналу «Нива»), также чудесно переплетенное издание сочинений Чехова и немало книг по истории Украины, в числе их были не одни только исторические труды М.С. Грушевского, но и некоторые книги величайшей редкости и ценности. Дядя прилежно собирал их. Оценить их по достоинству я смог только в студенческие годы, когда стал филологом.

Некоторые из любителей украинской литературы и культуры появлялись в доме дяди как его добрые знакомые или даже товарищи его юношеских лет. В числе их выделялся своей серьезностью, филологической образованностью и принципиальной, сквозившей во всем демократичностью взглядов Леонид Васильевич Раковский, из крестьян пробившийся в студенты, окончивший филологический факультет, уже не помню, не то в Киеве, не то в Нежине — в Нежинском филологическом институте имени князя Безбородько. Он уважал дядю и сочувствовал его издательским планам и замыслам. Впоследствии он уехал учительствовать на Полтавщину, и я потерял его из виду. Изредка появлялся в дядином доме и украинский писатель Борис Гринченко — человек с большой шевелюрой и бородой, с темно-карими глазами. Впоследствии дядя, кажется, издал какие-то его прозаические сочинения.

Обыкновенно эти приятели и знакомые дяди собирались у него по воскресеньям. В эти дни обед завершался яблочным пирогом, который, раскатав тесто тоненькими листами, искусно испекала в русской печи тетя Муся.

Начавшееся мое знакомство с философской литературой нашло поддержку у дяди Севы. Сам он, не получив никакого, даже среднего образования, но в юности много читавший, не мог, конечно, читать теоретические книги по философии и ограничивался доступными ему моралистами. Это были Григорий Сковорода и особенно Лев Толс-

той. В представлении дяди Толстой был величайшим мыслителем, хотя толстовцем в религиозном — сектантском — смысле дядя никогда не был, а Черткова прямо не любил и относился к нему недоверчиво. Может быть, известную роль в этом отношении к Черткову сыграло то, что мой дядя был крестьянин и демократ, а Чертков оставался в его представлении барином-миллионером.

Покровительство дяди моему философскому чтению сказалось прежде всего в книжных подарках. Дядя был очень добр и очень щедр. Еще задолго до реального училища он присылал мне и брату в Константиновку к рождеству на елку прекрасные детские книги. В первый мой приезд в Киев, в месяц, когда, больной скарлатиной, я лежал на Бассейной в квартире тети Веры и бабушки, он очень часто приносил мне в подарок книжные новинки. В это время я впервые прочитал полного, неадаптированного «Робинзона Крузо», «Дети капитана Гранта» Жюль Верна и адаптированное издание пятитомника Фенимора Купера. Все эти книги надолго стали моим любимым чтением.

Во время моего учения в старших классах реального училища я уже давно читал и серьезные философские книги. Давно изменил выбор своих подарков и дядя. В один из рождественских сочельников он подарил мне двухтомную историю новой философии Виндельбанда. Я проштудировал очень внимательно и с большим увлечением эту прекрасно написанную книгу. Кажется, я тогда был в шестом классе. Я нашел в ней своего старого знакомца Спинозу, которому предшествовали философы Возрождения и Декарт с картезианцами. Это было поистине блестящее, богатое идеями и сильными характерами общество. XVII век отпечатлелся в моей памяти и воображении как век философских гигантов, как блестящая череда основоположников науки нового времени. По мере продвижения от эпохи к эпохе и от страны к стране блеск корифеев знания все увеличивался в разнообразии и силе. Когда я закончил курс в реальном училище и стал студентом филологического факультета, мои философские интересы явно уже преобладали во мне над всеми прочими. Но мне еще даже не приходила в голову мысль, что я могу стать когда-нибудь философом в профессиональном смысле. Я восхищался философией, меня увлекали проблемы, которыми занимались Декарт, Гоббс, Спиноза, Мальбранш, Лейбниц, но философия как наука казалась мне стоящей много выше моих знаний и моих способностей. Первые филологические курсы, которые я начал посещать и слушать в университете, были интересны, в чем-то увлекательны, но удивляли и даже пугали меня полным отсутствием в их профессорах всякого, как мне казалось, даже следа интересов к философии. Никакого философского Эроса! Только в конце первого семестра, когда Кулаковский дошел в своем курсе до Лукреция, на нас пахнуло духом античной философии, и притом в мастерском — с филологической стороны — изложении одного из величайших представителей древнеримского материализма. Только на этих — последних в семестре — лекциях мы услышали рассказ Кулаковского об Эпикуре и об его римских последователях. Эпикура и Лукреция Кулаковский знал отменно хорошо и читал о них как выдающийся в то время специалист. Он ездил в Рим, где исследовал недавно в то время найденные в Ватиканской библиотеке новые тексты Эпикура, и написал о них особую работу. Но этот «прорыв» в историю античной философии остался в курсе Кулаковского единственным. Все остальное поглотила история литературы и филология.

Понятен интерес, с каким я и мои товарищи дожидались начала курса Гилярова. Гиляров проводил свои чтения во второй аудитории, в начале длинного коридора первого этажа. Еще до того как он начал чтения, до нас, студентов, доходили слухи о некоторых его чудачествах. Слухи эти оказались сильно

М. Н. П.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ
Испытательной Комиссіи
при
[redacted]
Университетѣ Св. Владиміра

29 Нояб. 1919 г.

№

г. Кіевъ.

3

Временное свидѣтельство.

Предъявитель сего, Асмусъ Валентинъ Фердинандовичъ, [illegible], православн. вѣроисп., сынъ [illegible], родившийся 18 декабр. 1894,

подвергался въ Октябре и Ноябре мѣсяцахъ 1919 года въ Историко-Филологической Испытательной Комиссіи при ~~ИМПЕРАТОРСКОМЪ~~ университетѣ Св. Владиміра, по отдѣленію Русской Филологии с философией, установленному испытанію и, по окончаніи онаго, признанъ имѣющимъ право на дипломъ первой степени, каковой и будетъ выданъ ему по изготовленіи.

Въ удостовѣреніе сего выдается г-ну Асмусу Валентину настоящее свидѣтельство, которое видомъ на жительство служить не можетъ.

Установленный за дипломъ сборъ въ доходъ казны, въ количествѣ [illegible] руб 50 коп., внесенъ въ казначейство подъ квитанцію за № [illegible].

Настоящее свидѣтельство должно быть представлено въ Канцелярію Кіевскаго Учебнаго Округа при полученіи диплома.

Предсѣдатель Историко-Филологической
Испытательной Комиссіи

Дѣлопроизводитель Комиссіи

11153-7 Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

преувеличенными. Перед нами стоял невысокого роста, плотный, почти полный человек с жидкими, переходящими спереди в лысину волосами. Курс его назывался «Введением в философию». Не помню, с чего он начал свое чтение. Читал он без записок, на отменном русском языке, с московским «умеренно акающим» выговором. (Гиляров был москвич по рождению и по обучению — среднешкольному и университетскому.) В лекторском стиле его не было ни малейшего следа какой бы то ни было риторики и ничего заученного, от раза к разу повторяющегося. Мы все время как бы присутствовали при новом рождении каждой фразы, которая была и новой мыслью, и, казалось, рождаясь, не без некоторого труда слетала с его уст. У него был небольшой акустический дефект речи, слегка как бы «сдавленной» и невнятной, но безупречной в синтаксисе и стилистике. Впоследствии, когда мы познакомились с его философскими сочинениями — с «Руководством» по философии, с диссертациями о софистах и о Платоне, с замечательной книгой о мировоззрении во французской литературе и философии конца XIX века («Предсмертные мысли Франции»), — мы увидели, что пишет он совершенно так же, как и говорит. Простой, превосходный русский язык, никаких почти иностранных терминов — ни «модных», ни даже просто технических, ничего вычурного, напыщенного, велеречивого. Он внимательно и сосредоточенно поглядывал на свою аудиторию глазами, выражавшими чувство собственного достоинства, иногда насмешливыми. Во время чтения он «массажировал» правой рукой гладко отполированную крашеную поверхность стола, перед которым находился во время лекции. Во всей его фигуре, в черном чесучовом пиджаке и даже в массировании стола было что-то внушительное, взывавшее к вниманию и серьезности. Курс его начинался своеобразной идеалистической антропологией, за которой следовало краткое изложение — тоже идеалистической — онтологии. Он строил ее исторически, начинал с античности и близко придерживался учения своего любимца в философии, Фехнера.

Курс Гилярова можно было бы назвать не только «Введением в философию», то есть ознакомлением с ее предметом, с ее проблемами, но не с меньшим правом и «Введением в *историю* философии». Антропологический очерк начинался с анализа человеческих потребностей и переходил в анализ потребностей, которые порождали философию. В этой — антропологической — части поражало мастерство определений, очевидно, давно продуманных, проверенных, но излагавшихся так, как если бы они были только что найдены. В них логическая точность спорила с точностью и изяществом литературной формы. Впечатления аудитории были неоднородны. Отношение «семинаристов» было сдержанное. Они быстро заметили в чтениях Гилярова признаки «вольнодумства» и скептического отношения к религии, — отношения, которого он не выпячивал, но которого и не скрывал. Некоторым «семинаристам» эта черта чтений чрезвычайно нравилась, другие осуждали ее, и это осуждение усилилось, когда начались лекции по курсу психологии профессора Василия Васильевича Зеньковского.

Зеньковский читал страстно и увлеченно. Чрезвычайно начитанный (Гиляров называл его в насмешку «книгоглот»), Зеньковский превращал курс психологии в курс *философской* психологии. Он не читал историко-философских курсов, но в курсе психологии искусно извлекал психологические идеи и психологическое содержание из философских учений великих мыслителей прошлого. Он умел расшифровать или вскрыть психологическую ценность, психологическое значение теоретико-познавательных построений и учений. В Локке, Лейбнице, Юме, Канте он открывал и демонстрировал не только великих философов, но и великих психо-

логов, задавших психологии темы ее будущих исследований и внушавших или намечавших будущие решения поставленных ею перед наукою проблем. Не теряя специфичности этих проблем, психология в анализах Зеньковского наполнялась философским смыслом, приобретала философское содержание.

Все это придавало лекциям по психологии большую живость и связывало психологию с современными философскими тенденциями. Лекции Зеньковского вводили нас, его слушателей, в то, что происходило в современной зарубежной, а отчасти и русской психологии и философии. Называя Гуссерля «современным властителем дум», Зеньковский эти «думы» делал отражением «дум» самого Гуссерля. Он знакомил нас с последними течениями и увлечениями зарубежной психологии и философии. На лекциях по психологии в 1914 году, на семинарских занятиях в 1915 году Зеньковский вводил нас не только в идеи Гуссерля, Мейнонга, но также знакомил с психоанализом Фрейда, которого он рекомендовал нам изучать как выдающегося и оригинального психолога. Кажется, тогда же на этих лекциях мы впервые услышали имя Юнга. Зеньковский также рекомендовал нам изучать, как гениального русского логика, труды Михаила Ивановича Каринского и как выдающегося богослова и философа — Павла Флоренского. Это было время, когда издательство «Путь» выпускало, том за томом, свои прекрасные издания русских философов — Киреевского, Чаадаева, а из современных — Бердяева, Булгакова и других. Мы с живым интересом набрасывались на эти новинки.

Поразительно было в университетском преподавании философии того времени полное умолчание о философии марксизма. С ним даже не полемизировали. Его просто «не замечали», замалчивали. Ни в одной лекции Гилярова, Зеньковского, а позже — Спекторского, Якубаниса мы ни разу не слышали даже *имен* самых выдающихся философов-марксистов — ни Маркса, ни Энгельса, ни Плеханова, ни Ленина, не говоря уже о Лафарге, Каутском и прочих поменьше рангом. Для самых ученых, самых образованных профессоров филологического факультета марксистских философов как будто и вовсе не существовало. Даже в курсах русской истории было иначе. У профессора М.В. Довнар-Запольского, доцента П.П. Смирнова можно было обнаружить некоторое влияние исторических идей Маркса и Энгельса или, по крайней мере, исторических идей русского «легального» марксизма — идей П.Б. Струве, Туган-Барановского и других, — но *только не философских* учений марксизма. Последний понимался и учитывался только как политическое, публицистическое учение и как политико-экономическая теория.

Переезд из Киева в Саратов длился свыше двух дней. Приближалась осень. Дни стояли погожие: солнечные и прохладные. Для эвакуации первой партии студентов, в которой ехал и я, отвели три очень чистых вагона третьего класса. Со мной в моем вагоне ехали некоторые студенты, с которыми я успел познакомиться и даже подружиться на первом курсе. В их числе был С.С. Мокульский, очень красивый молодой человек с черными волосами и удивительно красивыми карими глазами. С ним вместе ехал его товарищ по Второй (классической) гимназии Анатолий Волкович, сын профессора Киевского университета, очень добрый, но довольно безалаберный легкомысленный малый и страшный лакомка. Он постоянно жевал сладкие конфеты и уже в то же время испортил себе зубы и желудок неумеренным пристрастием к сластям. Способен он был на удивление, и память у него была завидная. Как окончивший классическую гимназию, он сразу записался на греческого автора и выбрал Гомера, которого слушал и сдавал у Сонни. Он очень хорошо знал греческий, уже в гимназии; когда надо было готовиться по греческому автору в университете, он потратил на подготовку всего один вечер, блестяще сдал Гомера и привел

Сонни в совершенное восхищение. После Октябрьской революции он с необыкновенной быстротой и с редким успехом изучил украинский язык и стал профессиональным литератором — переводчиком на украинский с французского, который он знал превосходно. Издательства заключали с ним договоры на целые собрания сочинений — Золя, Мопассана, и он переводил их чрезвычайно быстро, том за томом, впрочем, не особенно заботясь о стилистической отделке. В дальнейшем судьба этого способнейшего, но легкомысленного человека сложилась крайне печально: он был репрессирован — неизвестно за что — и погиб в заключении.

Из товарищей, которых я знал лучше других, в том же вагоне, что и я, со мной ехал мой однокурсник, студент отделения русской филологии Семен Георгиевич Маслюк. Еще на первом курсе он понравился мне и нравом и любовью к русской поэзии. Он сам был поэт — очень слабый. Его издателем был служивший в магазине Идзиковского и заведывавший одним из его отделов Иван Иванович Самоненко. Он совмещал службу у Идзиковского с издательскими делами. Выпускал он книги на русском и на украинском языках. Из русских его изданий имели успех несколько томиков «Чтеца-декламатора». В то время на них была мода. Составлял эти томики племянник Ивана Ивановича — Федор Михайлович Самоненко, окончивший историко-филологический факультет Киевского университета.

Федор Михайлович был интересный человек. Он был немолод, так как, поступив на физико-математический факультет и добравшись до государственных экзаменов, не стал сдавать их, а зачислился на филологический и с увлечением стал проходить курс этого факультета, занимаясь лингвистикой и историей литературы. Он был настоящий энтузиаст науки, особенно филологии, преклонялся перед талантом А.А. Потебни и без устали штудировал три тома «Из записок по русской грамматике», а также посмертный труд ученого «Из записок по теории словесности». Это была «мятущаяся» душа, неспособная остановиться и успокоиться в своих исканиях. Бедняк, он держался на поверхности жизни уроками и поддержкой дядюшки, довольно скупой и скудной. Иван Иванович поручал ему составление издававшихся им «Чтецов-декламаторов», но очень мало платил ему, несмотря на добросовестность работы, знания, вкус и несмотря на успех издания. Впрочем, оценить вкус составителя Иван Иванович не был способен. По этой же неспособности он, несмотря на присущую ему издательскую осторожность, иногда неудачно «рисковал», предпринимая некоторые свои издания. Рисковал и ошибался. Таким было, например, и дешево ему обошедшееся издание сборника С.Г. Маслюка «Символы — призраки моей души». Это была тоненькая книжка, отпечатанная на хорошей бумаге. На белой обложке внизу было небольшое черное изображение египетского сфинкса. Книга состояла из лирических стихов, представлявших подражание Бальмонту, очень притом бледное. Сам Маслюк был влюблен в свою книжку, и она казалась ему значительной. Вскоре после того, как состоялось наше знакомство, я подружился с ним, и эта дружба сохранилась у меня на все студенческие годы. У Маслюка было одно неоспоримое достоинство: он не терпел ни малейшей пошлости и непримиримо боролся против каких бы то ни было ее проявлений. Доказательство этой своей черты он явил во время нашего переезда из Киева в Саратов. Случилось так, что один из наших коллег затеял в пути разговор, перешедший на темы, которые Фрейд назвал «анальной эротикой». Разговор происходил в соседнем купе. Маслюк слушал, слушал и не выдержал. «Вы, — обратился он к изощрявшемуся в каком-то непристойном описании студенту, — вы... с головы до ног». И вслед за тем он произнес вдохновенную импровизацию, яростно гро-

мившую эту пошлость. Мокульский, сидевший в соседнем купе, перешел в то, где сидел я, и закричал в восторге, указывая мне на Маслюка: «Послушайте, что он говорит и как говорит!» Через некоторое время любитель «анальной эротики» с конфузом замолчал и незаметно удалился в соседнее купе.

Во время нашего переезда произошло событие, взволновавшее весь вагон, в котором я ехал. Это случилось на какой-то (не помню уже на какой именно) большой станции. Поезд стоял на ней очень долго. На перроне, среди заполнявших его пассажиров, нам бросилась в глаза женщина с двумя маленькими детьми. Это была какая-то немка, которую с ее потомством выселяли в какую-то восточную губернию России — выселяли в качестве *немки.* Она печально сидела на узлах своих вещей на перроне и разговаривала со своими детьми на немецком языке. Это было время, когда администрация издала приказ, воспрещавший вести в публичных местах разговоры на немецком языке. Вдруг из нашей группы студентов, толпившихся на перроне, — отделился один, подошел к немке и грубо запретил ей говорить по-немецки. Несчастная немка испугалась и ответила, что она не может разговаривать со своими детьми по-русски, так как они вовсе не знают русского языка. Студент пришел в совершенную ярость и пригрозил, что он позовет полицию — составить протокол и привлечь ее к ответственности за нарушение приказов военного времени.

Не знаю, какая судьба постигла немку: раздался звонок к отправлению поезда, мы все пошли в свой вагон, и вскоре наш поезд проплыл мимо перрона, на котором осталась злосчастная, обливавшаяся слезами немка со своими детьми и наваленными на перрон узлами.

Нашим отъездом инцидент исчерпан не был. Проявивший столь высокую бдительность или патриотизм студент ехал с нами в одном из отделений нашего же вагона. Через несколько минут после того, как наш поезд покинул станцию, где разыгрался конфликт, к его зачинщику подошли три студента — два из нашего вагона и один из соседнего — и сообщили ему, что его вызывают на товарищеский суд, который рассмотрит его поведение на перроне станции и его обращение с немкой.

Суд состоялся тут же, в вагоне, в котором я ехал. Кем-то была кратко изложена суть происшествия, а затем сразу начались прения. Студента — его звали Морозов — обвинили в бессмысленной жестокости действий, в агрессии, которую он проявил в отношении к безвинной, безвредной и вполне безобидной женщине, не представлявшей никакой военной силы и военной опасности. Защитника у обвиняемого не нашлось никакого, обвинителей множество. Некоторые из обвинителей выступали очень темпераментно и в своих речах возвышались до пафоса. Морозов внимательно слушал все речи и в конце не выдержал и зарыдал. Так кончился этот суд, и все участники и зрители его в смущении разошлись.

Кроме только что рассказанного, никаких особых происшествий в нашем пути больше не было. Был только один эпизод, на этот раз комический. На одном из перегонов между двумя станциями поезд наш почему-то пошел крайне медленно и едва не остановился. Точнее, он продолжал идти, но почти шагом. Заметив это, мы мгновенно придумали себе игру. Мы соскакивали со ступенек вагона и шли рядом с вагонами, держась за ступени и делая вид, будто помогаем паровозу тащить поезд. Так продолжалось довольно долго. Но затем машинист дал свисток, мы попрыгали в вагоны, и поезд пошел как обычно.

Мы продвигались на восток. Погода стояла солнечная, но в пути похолодало, особенно в последнюю ночь нашего маршрута. Не хотелось доставать теплые вещи из чемоданов, и мы с Мокульским улеглись на одной скамье, согревая друг друга.

Доехав до Саратова и сдав на хранение вещи, мы отправились в город искать себе комнаты для проживания. Никаких общежитий для нас никто не

заготовил. Оказалось, что снять комнату не так-то легко. В Саратове только что построили прекрасно оборудованное здание для открывавшегося в городе университета, но в первую очередь открывался только медицинский факультет. Для остальных были готовы только помещения. Студенты только еще начинали съезжаться, и в городе никакой традиции сдачи комнат в наем студентам еще не существовало. Обходя улицы, мы нигде не видели на дверях записочек о сдаче помещений. Я с Маслюком решил, что мы попытаемся найти комнату для нас обоих, и мы начали заходить подряд наобум во все дома неподалеку от вокзала и, как оказалось, неподалеку от корпусов университета. Довольно долго поиски наши успеха не имели. В одном доме хозяин его даже выгнал нас с грубой бранью. Но мы с Маслюком не теряли присутствия духа и продолжали свои поиски. Наконец мы попали на Царицынскую улицу. Она состояла из одноэтажных протянувшихся в длинный ряд домиков с небольшими двориками, в которых не росли никакие деревья и не зеленело никакой травы. В одном из таких домиков нас чрезвычайно участливо встретила хозяйка — Ольга Александровна Фролова с сестрой и мужем. Они каким-то образом узнали, что предстоит приезд студентов из Киева, и решили сдать две маленькие комнатки в своем довольно просторном доме. Для меня с Маслюком это была счастливая находка. Особенно удачно было то, что хозяйка согласилась кормить нас обедами, которые оказались недорогими и очень вкусными. Кроме Фроловых, в доме проживала сестра хозяйки — Анна Александровна Чеснокова, художница по профессии. Войдя в комнату, мы увидели на мольберте незаконченный портрет женщины с большими темными глазами, яркими крупными губами, в большой темной шляпе. Анна Александровна тут же объяснила нам, что портрет изображает Викторию из знаменитой повести Кнута Гамсуна.

Мы попали в хорошую и дружную семью. По национальности и антропологическому типу они были мордовцы. Особенно типичен был хозяин — Василий Абрамович, служивший на железной дороге, молчаливый и какой-то незаметный. В доме с ними жила мать Василия Абрамовича — еще крепкая, хорошо сохранившаяся старуха, совсем молоденькая племянница Фроловых Маруся, очень смешливая, и дети Фроловых — Игорь и Галина, еще дошкольного возраста.

В одной из отведенных нам комнат мы обедали и занимались, другая — соседняя — была нашей спальней. Обеды приносила нам сама Ольга Александровна и после обеда быстро выносила из «столовой» всю посуду — так, чтобы мы сразу могли садиться за ученье.

Первая моя забота была подготовка к сдаче «греческого для начинающих»: он — увы — не был сдан мною по окончании первого курса. Большую помощь в подготовке к этому экзамену оказал мне и Маслюку Мокульский. Он окончил в Киеве вторую — классическую — гимназию и великолепно знал древнегреческий. Каждый день вскоре после нашего обеда он появлялся у нас на Царицынской и начинал — очень взыскательно и придирчиво — спрашивать нас накануне заданный урок. Если что-нибудь было недоделано или плохо, небрежно приготовлено, он учинял нам форменный разнос. Мы стыдились огорчать его, и такие случаи происходили нечасто. Учились мы греческому по учебникам Черного. Чех по национальности, он был известный автор учебников, чрезвычайно содержательных, богатых материалом и примерами из произведений древнегреческой литературы. Готовиться по учебникам Черного было нелегко, но результаты получались очень хорошие и знания основательные. Когда, закончив подготовку, я пошел сдавать предмет Дложевскому, я получил «весьма удовлетворительно» (высший балл в университете) и по-настоящему им гордился.

Вопросы философии. 1990. № 8. С. 90-108.

Крупницький Борис Дмитрович (1894-1956)

Історик-державник, історіограф, історіософ.

Народився 24 липня 1894 р. в с. Медведівці Чигиринського пов. Київської губ. в родині псаломщика. Закінчив початкову школу та Черкаську гімназію (1913).

У 1913-1916 рр. навчався на історично-філологічному факультеті Університету св. Володимира, був учасником семінарів В. Данилевича та М. Довнар-Запольського.

У 1916-1918 рр. мобілізований на військову службу. 1918 року короткий час продовжував навчання. У 1919-1920 рр. знову перебував на фронті, тяжко поранений.

На початку 1920-х років через Польщу потрапив до Німеччини; працював як сільськогосподарський робітник поблизу Гамбурга. 1925 року почав вивчати німецьку мову в Інституті для чужинців при Берлінському університеті. У 1926 р. вступив до Берлінського університету ім. Фрідріха-Вільгельма, навчався в семінарах проф. Штеліна та Геча.

Одночасно, як степендіат Українського Наукового Інституту в Берліні, слухав лекції Дмитра Дорошенка та Івана Мірчука. За порадою Дорошенка почав вивчати творчість Йогана Християна Енгеля. 1929 року склав докторський іспит і захистив докторську дисертацію про Йогана Християна Енгеля в Берлінському університеті.

Науковий співробітник і професор Українського Наукового Інституту в Берліні (1930-1945). 1932 року був габілітований в Українському Вільному Університеті в Празі за працю «Гетьман Мазепа в світлі німецької літератури його часу». Доцент (1932) і професор (1941) Українського Вільного Університету в Празі і Мюнхені. Дійсний член НТШ (1938), Української Вільної Академії Наук (1946) та Вільної Академії Наук у Парижі (1951). Вивчав джерела доби Івана Мазепи в Стокгольмському державному архіві (спеціально вивчив шведську мову), загалом історію Гетьманщини (зокрема, гетьманування, Івана Мазепи, Пилипа Орлика, Данила Апостола), методологією історії.

Помер 5 червня 1956 р.

Основні праці (близько 350 друкованих робіт): «Гетьман Пилип Орлик (1672-1742)» (Варшава, 1938; Мюнхен, 1956), «Hetman Mazepa und seine Zeit. 1687-1709» (Leipzig, 1942), «Мазепа в світлі психологічної методи» (1949), «Гетьман Данило Апостол і його доба» (Аугсбург, 1948), «Johann Christian von Engel und die Geschichte der Ukraine» (Berlin, 1931), «Гетьмани і православна церква в Українській державі XVII-XVIII ст.», «Українська історична наука під совєтами (1920-1950)» (Мюнхен, 1957), «Історіознавчі проблеми історії України» (Мюнхен, 1959), «Основні проблеми історії України» (Мюнхен, 1955), «Geschichte der Ukraine» (Leipzig, 1939, 1943), «До методологічних проблем української історії»(1946), «Geschichte der Ukraine von den Anfängen bis zun Jahre 1917» (1939, 1943, 1963), «Теорія III Риму і шляхи російської історіографії» (Мюнхен, 1952).

Спогади: «Цензура Третього Райху (уривок зі споминів)» // Україна (Париж). 1950. №4. С.264-266, «З студентських спогадів історика» // Там само. 1951. №6. С.446-449; №7. С.526-531.

Бібліографія: *Крупницький Б.* Українська історична наука під совєтами (1920-1950). Мюнхен, 1957.

Література.: Енциклопедія українознавства. Словникова частина. Львів, 1994. Т.3. С.1194; *Вінтоняк О.* Борис Дмитрович Крупницький. 1894-1956 // Укр. історик. 1987. №1/4 (93/96). С.115-118.

З студентських спогадів історика

Присвячую ці спомини моїй alma mater, ліпше сказати двом, бо мої університетські роки зв'язані і з Києвом і Берліном. Це водночас два етапи мого життя, і відмінність між ними дуже значна.

КИЇВ

Мої перші враження від київського університету

На студії я приїхав у Київ на зимовий семестер 1913 р. як «зелений» провінціял. Монументальний університет, з безмірними коридорами, виповнений великим натовпом студентів, що рухалися в усіх напрямах, нагадував мені біблійного Левіятана, і минуло чимало часу поки я до цього оточення призвичаївся.

З особливим пієтетом дивився я на панів професорів, що видавалися мені якимись вищими істотами. Пізніше, десь на третім семестрі, прийшла, звичайно, криза: під впливом знайомства зі старшими студентами, розмов і анекдотів, виступили наперед радше смішні сторони наших лекторів. Потім, певна річ, цей поверховий скептицизм минув, поступившись місцем зрівноваженому, зрілому ставленню до університетського вчителя.

Мої фахові історичні студії розпочалися на історично-філологічному факультеті Університету Св. Володимира. Тут тоді викладалася антична, середньовічна і нова історія, а також «історія Росії» — старої і нової. Історії України, річ ясна, у викладах не було.

Трохи ознайомившись з університетом, я опинився в семінарі доцента В. Данилевича, учня В. Антоновича, що заступав пустуючу катедру російської історії (їх було дві) в Києві.

Доцент В. Данилевич

Як живий стоїть передо мною образ цього мого першого університетського вчителя з історії. Завжди дуже пристойно вбраний, навіть з солідною елеґанцією, хоч і не вишукано, Данилевич своїм безкровним, пожовклим, немов з пергаменту, обличчям робив на мене враження якоїсь постаті, вихопленої з візантійської ікони. В його понурім, здерев'янілім обличчі, в його поважних повільних рухах і одноманітнім, протяжнім голосі було щось з атавістичного, дворянсько-затхлого, і ніяк не можна було уявити собі його молодим, людиною, що могла щиро засміятися, бути веселою й жартівливою.

Він належав до тих вельми рідких професорів Університету, що співпрацювали з київськими українськими науковими колами[1]. Отже, до нього горнулося кілька студентів, свідомих українців, а зрештою семінар його був невеликий. Я пішов до нього, без якихось особливих міркувань, так би мовити навпомацки, а може, за якоюсь випадковою порадою і опинився в семінарі саме тоді, коли Данилевич розглядав новгородські грамоти XI-XIV ст.

Спершу ми відчитували і розбирали текст, і саме тут Данилевич виявив якості дуже поважного, ґрунтовного, критичного, ба навіть педантичного підходу до джерела. А це для нас, початківців, була найбільш потрібна річ. Надзвичайно бо важливо відчувати повагу до джерела, навчитися обережно і критично ставитися до незнайомих термінів і висловів, взагалі розуміти, що кожний текст вимагає довгої, важкої і кропітної праці.

Пізніше кожний з членів семінару брав якусь тему для реферату, що один за одним відчитувалися. Пригадую собі, що моя тема була: дослідження еволюції княжої влади в Новгороді за літописами і договірними грамотами славної північної республіки з сусідніми краями, най-

перше з Москвою. Ще й сьогодні в мене залишилося незабутнє враження від тих далеких студій, як систематично і послідовно Москва підготовляла анексію Новгорода і Пскова. Отже, московський централізм мав давню й довгу традицію.

Чи не спинила ця ґрунтовність і педантичність Данилевича в його науковій дослідчій праці? Його повільна і твереза вдача, з нахилом заглиблюватися в дрібниці, походила, здається, з браку творчої фантазії, творчих поривів. Може, в цім і полягала трагедія Данилевича, що йому ніяк не вдавалося з окремих явищ створити загальний образ, а без цього праця історика завжди залишається тільки збіркою матеріялів з відповідними поясненнями[2].

Данилевич був учнем В. Антоновича[3], але він виявив себе більше, як археолог ніж історик. (Його ім'я згадує П. Курінний в «Нарисах історії української археології».) В університеті Данилевич тільки тимчасово займав катедру російської історії і ніяк не спромігся на маґістерську дисертацію, що вона тільки й давала право на катедру як екстраординарному професорові. Отже, становище було завжди хитке, і його таки «обігнав» один з старших учнів професора Довнар-Запольського — Є. Сташевський.

Професор Є. Сташевський

Я теж був у 1914 р. в актовій залі Університету, коли Є. Сташевський боронив свою маґістерську дисертацію, присвячену історії Московщини часів першого Романова[4]. Серед офіційних опонентів виступав також і Данилевич. Роздратований тон, в якому він повів дискусію, дуже пошкодив йому: численна авдиторія звернула свої симпатії, може і дуже короткочасні, в бік молодшого адепта науки.

Але химерна доля не дала й проф. Сташевському довго втішатися новоздобутою катедрою. Незабаром почалася голосна свого часу афера з, мовляв, викраденими ним важливими актами з московських архівів, і Сташевський на довший час щезнув з овиду.

За радянських часів Данилевич професорував у Києві і належав, здається, до гуртка старших співробітників М. Грушевського. Дальша доля його мені невідома.

Професор М. Довнар-Запольський

В наступних семестрах я пізнав, звичайно, і професора Митрофана Довнар-Запольського, головну історичну силу тодішнього Київського Університету, теж учня В. Антоновича і його наступника на катедрі російської історії.

Виглядав він не дуже імпозантно: надто малий, майже карликуватий на зріст, з величезною головою на плечах. Сидячи, він справляв враження нормально збудованої людини, і тільки, коли вставав, кожному впадала в око диспропорція між його величезною головою і малим зростом. Але в очах цієї малої на зріст, хоч і кремезно збудованої, людини світився сильний і бистрий розум. Це була не тільки велика, а й світла голова. В ньому сполучувалися якості ділка, організатора й вченого. Крім професорування в Університеті Св. Володимира та на Вищих Жіночих Курсах Св. Ольги, він був і за директора ним же створеної вищої школи, Комерційного Інституту; більше того: він ще десь засідав по банках, і, казали, що також прикладав свою руку і до театральних справ.

Я був уважний слухач викладів проф. М. Довнар-Запольського. Спосіб його викладу, очевидячки, був виявом його вдачі. В легких, живих барвах, плястично, хоч може і трохи поверхово, поставав перед нами образ Росії XIX ст., котрому присвячена була і окрема книга Довнар-Запольського і ціла низка статтів, особливо дослідів над декабристами. Професор завжди вмів захопити слухачів, подати ефектну цифру, цікаву подробицю з свого матеріялу. Завдяки цьому XIX ст. в його викладах і книжках сприймалося, як якесь цікаве оповідання. Але спеціяльністю М. Довнар-Запольського була властиво господарська історія литовсько-руської держави,

і тут йому належали ґрунтовні монографії і статті, що здобули авторові славу авторитетного знавця[5].

Назагал у талановитій натурі мого другого професора було багато свіжости і розмаху думки, проте не мав він того запалу, того бентежного, але й творчого неспокою, що «примушує» вченого творити велике і закінчене ціле. Цікавлячись різноманітними ділянками, бувши людиною легкої фантазії і широких горизонтів, він хотів охопити силу речей, а тому й залишав їх здебільшого незакінченими. Його книжки, іноді дуже великого розміру, але це все перші томи: і господарська історія Великого князівства литовсько-руського, і господарська історія Росії (початковий період), і політична історія російської імперії в XIX ст. ...

Історичний семінар М. Довнар-Запольського

Історичний семінар Довнар-Запольського був досить численний: в ньому сиділо чоловік з тридцять, коли не більше. Праця там провадилася за традиційним способом: читання текстів, виголошення та обговорення студентських, іноді досить коротких рефератів. Асистентував М. Базилевич, що керував бібліотекою, підсовував перо й каламаря патронові й клав на стіл потрібні книжки. Я мав враження, що в семінарі здебільшого все робилося для «зачота», бо за університетськими приписами конче треба було мати визначену кількість семестрів (здається, три або чотири) праці в семінарах.

Науковий живчик зате бився в заснованому в 1913 р. Історично-етнографічному гуртку при Університеті Св. Володимира, що в ньому, під головуванням проф. Довнар-Запольськото, зібрано було доцентів, аспірантів (себто залишених при університеті для підготовки до професури) і студентів: Максимовича, Сташевського, Романовського, Смирнова, Полонську, Клименка, Курца, Базилевича та ін. Це була так звана «київська економічна школа», що опрацьовувала за статистичною методою писцові книги XVI-XVII ст. Від часу до часу були доповіді зі споріднених дисциплін. Гурток виявляв деякий інтерес і до археології, одного разу я був приявний на першім виступі молоденького студента П. Курінного, що демонстрував слухачам свої археологічні знахідки...

Хоч Довнар-Запольський і був білорус з роду і після революції 1917 р. переніссся до Мінську, де й скінчив, здається, своє життя[6], як будитель білоруської на-

Наталія Полонська-Василенко та Микола Василенко. 1920-і роки.

ціональної свідомости, то в Києві або в нього взагалі симпатій до українського руху не було або, якщо вони й були, він їх ніколи не виявляв. Тематика, що до неї він спрямовував своїх учнів, торкалася історії російської імперії, а насамперед територіяльної Московщини. І тільки декому з його учнів щастило переперти своє «я» і зайнятися багатющими місцевими матеріялами, що лежали дослівно під рукою, як от напр., Гр. Максимовичеві, чиї основні праці (Гетьманщина за П. Румянцева-Задунайського та Вибори і накази в Малоросії в Комісію 1767 р.) торкалися історії України.

Мені також захотілося спробувати щастя. Запалившись любов'ю до історичного досліду, я вирішив порадитися з своїм професором, щоби врешті вийти на лінію молодого дослідника, а не залишатися й далі звичайним студентом з «зачотами» в семінарі. Довнар-Запольський прийняв мене в своїм приватнім помешканні ввічливо і, як мені здавалося, з повним зрозумінням ситуації, — я вийшов від нього, обдарований величезною пакою книжок. Яке ж гірке було моє розчарування, коли, при ближчім огляді, цей одержаний скарб виявився «писцовими книгами» з В'ятки, що про неї я майже не мав уяви, крім деяких історичних відомостей за часів її приналежности до Великого Новгороду. Голі цифри мені, що ніколи ще не покидав благословенної України, нічого не говорили, і моя фантазія не знала за що вчепитися, тим більше, що не було й звичайного статистичного вміння оперувати цифрами. Пізніше я чув, що якийсь більш від мене вдатний колега взяв таки В'ятку на себе, їздив за матеріялами аж до самого казкового міста і дійсно написав працю на «срібну медалю».

З вибухом першої світової війни, а особливо за революції, в Університеті повіяло вільним духом. До іспиту можна було ставати навіть і в середині семестру, і в семінарі почулося певне відпруження. Сам Довнар-Запольський багато палив і більше розповідав ніж провадив вправи. Ми займалися литовською добою, і професор поясняв нам устрій литовсько-руської держави (особливо господарський) з тонкощами, деталями і захопленням, що від нього дихало щирою науковою ноткою. Саме це робило мені його симпатичним. Але для цієї доби потрібне було знання мов. Несподівано виявилося, що з певними текстами, не тільки латинськими, але й навіть польськими, що саме стояли до обговорення, члени семінару не могли собі дати ради. Професор врешті запитав: «Хто ж з вас українець?» На це зразу ж почув від Любинського горде: «Я!». Але й Любинський, кому довелося незабаром зовсім іншими справами займатися, переможцем над польськими текстами, що для їх зрозуміння йому мала допомогти українська мова, здається, таки не вийшов.

Оцей випадок і залишився в моїй пам'яті, як останній спогад з мого минулого як київського студента-історика.

Україна. Париж, 1951. Ч. 6. С. 446-449.

---

[1] У третьому томі «Записок Українського Наукового Товариства», Київ, 1909, була вміщена стаття В. Данилевича «Нові дані для біографії Івана Сірка».

26 грудня 1918 р. Василя Євтимовича Данилевича було обрано, за пропозицією акад. Д. Багалія, на керівничого «Постійної Комісії Академії для видавання пам'яток мови, письменства й історії». Життєпис В.Є. Данилевича й список його праць подано в «Записках Історично-Філологічного Відділу УАН». 1919, кн. 1, стор. LXXXV-XC.

В. Є. Данилевич народився 1872 р. — *Ред.*

[2] Річ, розуміється, дуже потрібна для науки, але все таки це не є справжня «історія»... — *Ред.*

[3] Це з семінару В. Антоновича вийшла праця В. Данилевича «Очерк истoріи Полоцкой земли до конца XIV ст.», Київ, 1896, що була нагороджена «золотою медалею». — *Ред.*

[4] «Очерки по истории царствования Михайла Феодоровича», ч. I, Киев, 1913, стор. II, 387, LVI. — *Ред.*

[5] Під цим оглядом головні праці М. Довнар-Запольського були: «Государственное хозяйство Великого Княжества Литовского при Ягеллонахъ», т. I, Київ, 1900; «Крестьянская реформа в Литовско-русском государстве в половине XVI в.». («Журнал Мин. Нар. Просвещения, 1905, III-IV); «Документы Московского Архива Министерства Юстиции», т. I. Москва, 1897 (документы с Литовской Метрики).

[6] М. Довнар-Запольський народився 1867 р.

Романовський Віктор Олександрович (1890-1971)

Історик України нової доби, архівіст, джерелознавець, археограф.

Народився 18 січня 1890 р. у м. Глухів Чернігівської губернії в родині службовця земської управи. Закінчив земську гімназію і 1909 р. вступив на історично-філологічний факультет Університету св. Володимира. Був активним учасником і секретарем Історично-етнографічного гуртка професора М.В. Довнар-Запольського. За конкурсну роботу з історії Чернігівщини отримав золоту медаль. 1914 р. закінчив курс навчання й був залишений при університеті для підготовки до професорського звання; того ж року вийшла друком його перша праця «Хозяйство монастырских крестьян Любецкой сотни в 1776 году». Водночас під керівництвом М.В. Довнар-Запольського Романовський опрацював писцеву книгу Белевського повіту Тульської губернії й написав на цьому матеріалі велику монографію (не опублікована). Перша світова війна 1914-1918 рр. перервала наукові студії Романовського, магістерські іспити він склав лише 1920 р. (в останній рік існування університету та старої системи магістрів). Із 1914 р. він працював помічником завідувача Центральним архівом давніх актів. З 1916 р. — викладач Київських вищих жіночих курсів, а з 1918 р. — Університету св. Володимира та Київського археологічного інституту; читав курси з історії Росії, історіографії та джерелознавства, вів семінари по «Правді Руській» та «Литовських статутах»; а з 1918 р. — курси з історії України та архівознавства. 1921-1931 рр. — завідувач ЦАДА, студіював палеографію під керівництвом І.М. Каманіна. 1919 р. обраний позаштатним редактором Комісії для складання біографічного словника діячів України, котра функціонувала при УАН. Був експертом Радянської делегації на переговорах щодо реституції документів Польщі за Ризькою мирною угодою 1922 р. 1923 р. притягнутий до судового процесу в справі «Київського обласного центру дій». Із 1925 р. — дійсний член Археографічної комісії, а з 1926 р. — член Комісії для виучування історії західно-руського та українського права ВУАН (опрацьовував тему про фінансові права Гетьманщини). 1927 р. вийшов підручник Романовського з архівознавства. 1929 р. він став секретарем, а 1930 р. — керівничим Археографічної комісії. У 1929-1930 рр. — секретар, а в 1930-1932 рр. — голова Археографічної комісії Центрального архівного управління УСРР. З 1931 р. піддається гострій ідеологічній критиці й змушений був залишити академічні установи. У 1932-1934 рр. працював у Київському облплані. 24 квітня 1935 р. заарештований, а 16 червня рішенням «Особливої наради» висланий на п'ять років у табори. У 1940-1947 рр. — викладач і доцент (1944) Карагандинського вчительського інституту; 1944-1947 рр. — завідувач кафедри історії СРСР. 1946 р. — захистив кандидатську дисертацію в Московському міському педагогічному інституті ім. В.П. Потьомкіна, де 1949 р. захистив також докторську дисертацію «Очерки из истории государственного хозяйства Украины XVII в.». У 1947-1955 рр. — завідував кафедрою методики історії, а з 1955 р. — кафедрою історії СРСР Ставропольського педагогічного інституту. 1953 р. з нього знято судимість і Романовського поновили в усіх громадянських правах.

Помер В.О. Романовський 16 лютого 1971 р. у Ставрополі.

Автор мемуарів про Київський університет: «К истории подготовки профессорских кадров в дореволюционное время» (ГАСК, ф.6007, оп.1, д.97, лл.1-31; д.105, лл.1-9 — кілька варіантів). Автобіографії: 1919 р. — НБУ НАНУ. ІР, ф.Х, спр.6349; 1945 р. — ГАСК, ф.6007, оп.1, д.448; 1957 р. — там само, д.502, лл.59-60 об.

Основні праці: «Хозяйство монастырских крестьян Любецкой сотни в 1776 году» (К.,1914); «Друкар Іван Федоров (К.,1925); «До історії папірень на Україні» (К., 1926); «Хто був Самовидець» (К., 1925); «Нариси архівознавства: історія архівної справи на Україні та принцип порядкування в архівах» (Харків, 1927); «Переписні книги 1666 року» (К., 1933); «Центральний архів давніх актів у Києві» (К., 1929); «До історії бюджетного права Гетьманщини за Кирила Розумовського» (Харків, 1927); «Документи до історії державного скарбу давньої Гетьманщини» (К., 1930); «Перепись населения Левобережной Украины 1666 года, ее организация и критическая оценка» (Ставрополь, 1967); «Ставропольский край в истории СССР» (Ставрополь, 1964).

Бібліографія: авторизований список праць — ГАСК, ф.6007, оп.1, д.159.

Література: Савенок Л.А. Український історик і археограф Віктор Романовський // Проблеми едиційної та камеральної археографії: історія, теорія, методика. К., 1997. Вип.30. С.334-349; *Казьмирчук Г.* Віктор Олександрович Романовський: сучасний стан та перспективи наукової біографії історика // Київський університет як осередок національної духовності, науки, культури. К., 1999. Ч.1. С.51-58; *Бутич І.* Романовський Віктор Олександрович // Українські архівісти: Біобібліогр. довідник. К., 1999. Вип.1. С.286-288.

К истории подготовки профессорских кадров в дореволюционное время*

В настоящее время советская общественность много внимания уделяет постановке высшего образования и подготовке научных кадров. Я думаю поэтому, те данные по истории преподавания в старом университете, а также система подготовки научных кадров, как она применялась в Киевском университете, будут иметь и для современного читателя некоторый интерес.

Киевский университет в начале нынешнего столетия уже заканчивал третье 25-летие своего существования. Я пришел в этот университет уже в годы столыпинской реакции в 1909 году. Но отголоски бурных событий первой русской революции еще были свежи в памяти старых студентов и нового пополнения университетской молодежи. Киевский университет не отличался в те годы особым духом революционных настроений. Я имею в виду прежде всего профессорско-преподавательский состав нашего университета. Но среди студентов живы были воспоминания о революционных днях ближайших лет, так например, по традиции студенты университета отмечали память революционера-студента нашего университета Балмашева, от руки которого пал царский министр Сипягин.

В канун моего поступления в университет в Киевской судебной палате разбиралось громкое студенческое дело, так называемого «коалиционного совета». В бурные годы 1905-1907 гг. студенческими выступлениями руководил этот коалиционный совет, в который входили представители всех тогдашних мелкобуржуазных революционных партий: эсеров, меньшевиков, национальных групп украинцев, поляков, кавказских народностей и др. Предлогом для преданий суду членов этого коалиционного совета был отказ студентов подчиниться разбирательству их дела профессорско-дисциплинарным судом.

Суду Киевской судебной палаты предано было несколько десятков студентов. Судебная палата разбирала это дело, причем партийная принадлежность как-то была затушевана и студентов судили за нарушение университетской дисциплины. Свидетелями выступали и некоторые студенты, профессора и так называемые «педеля». Так звались низшие технические работники, убиравшие аудитории и следившие за внешним порядком в коридорах университета. Все эти «педеля» в большинстве случаев были осведомителями жандармского управления и доносили кому следует о разбрасываемых прокламациях, выступлениях отдельных студентов на студенческих сходках и т.д.

Я не помню, чем закончился этот суд, какие приговоры вынесла судебная палата, но помню один примечательный случай. В Киевском университете в революционные годы на юридическом факультете преподавал торговое право профессор Эйхельман. Преподавание вел он очень вяло, студенты его не любили, тем более, что он по своим общеполитическим взглядам не соответствовал революционным настроениям передового студенчества. И вот на сходке студентов юридического факультета вынесено было решение просить профессора подать в отставку и освободить занимаемую кафедру для более молодого и более соответствующего духу молодежи преподавателя.

Когда студенты сообщили профессору решение студенческой сходки, то Эйхельман заявил, что его назначил на должность профессора господин министр народного просвещения и он считает решение студенческой сходки для себя необязательным и ему не подчиняется.

Тогда на следующей сходке студенты решили, посадив профессора в кресло, на веревках спустить через открытое

** Текст подано до друку співробітниками Державного архіву Ставропольського краю В.А. Водолажською (директор архіву) та В.І. Терещенко (головний археограф).*

окно в ботанический сад. По счастью для Эйхельмана, студентам не удалось осуществить такой экзекуции. Вот этот-то Эйхельман и должен был выступать в качестве свидетеля в заседании судебной палаты, которая судила студентов как членов коалиционного совета. Инцидент с профессором Эйхельманом был широко известен в городе, и все ожидали, что он резко выступит в суде против студентов. Каково же было изумление и студентов и всей публики, когда Эйхельман на вопрос председателя суда, что он может показать по этому делу, старик профессор расплакался и сказал, что против своих детей он ничего показать не может и просил суд не ставить в вину юношеские увлечения.

Я вспоминаю об этом случае в суде потому, что, когда я уже был студентом, то на студенческих сходках неизменно почетным председателем студенческих собраний избирался профессор Эйхельман, который и присутствовал на этих собраниях.

Так мне, молодому студенту, пришлось наблюдать отзвуки бурных революционных событий 1905 года уже в 1909 году.

Эти события недавнего прошлого внесли значительные изменения и в студенческий быт и в преподавание отдельных предметов. Формально действовал университетский устав 1884 г., но жизнь внесла в этот устав значительные перемены. Так, например, введена была выборность ректора, проректора и декана факультетов. Строго запрещенные университетским уставом 1884 г. сходки студенческие и организации были фактически разрешены. Так, например, официально разрешались так называемые студенческие землячества, т.е. объединения студентов по отдельным областям или городам. Эти землячества принимали участие в распределении средств, получаемых от устройства благотворительных концертов, спектаклей. Землячествам разрешались собрания и т.д.

Отшумевшая революция 1905-1907 гг. наложила на эти студенческие землячества свой отпечаток. Столыпинская реакция подвергла репрессиям громадное количество молодежи и членов революционных партий. Глуховское землячество, куда и я входил, по старой традиции отчисляло 25% в пользу политического красного креста. Эти средства шли на оказание помощи политическим заключенным.

Большие перемены были произведены и в системе университетского преподавания: упразднялась так называемая курсовая система. Студенты сдавали экзамены по отдельным предметам, и перевода с курса на курс не было. Вводилась предметная система, которая в основном заключалась в следующем: составлялся учебный план для целого факультета без разбивки на курсы, определялся список предметов и количество часов, читались предметы не по курсам, а самостоятельно, и студент имел право выбрать себе те предметы, которые ему нравились, не считаясь с порядком и последовательностью слушания предметов, лишь бы за 8 семестров он прослушал все те предметы, которые внесены в учебный план. Так, например, слушание истории философии он мог начать с новой философии, а философию древней Греции слушать через год или два. Конечно, такая система требовала от студента дополнительной работы, но зато профессор философии читал в году один только курс, а на следующий год другой курс. Так же и по другим предметам.

Для молодых студентов такие порядки казались вначале странными и непонятными. В начале каждого семестра студент записывался на читаемые курсы из расчета 25-26 часов в неделю. Посещение лекций было совершенно свободным и бесконтрольным. Студент мог готовиться к экзамену по учебнику и по указанной литературе, и, кроме того, группа студентов обычно организовывала стенографические записи читаемых лекций, которые потом печатались литографическим способом. Студенты обычно пользовались этими записями. Экзамены проводились профессором

обычно без билетов, в виде беседы по важнейшим вопросам курса.

Обычно у строгого профессора экзамены проходили более серьезно и готовиться надо было к такому экзамену длительное время. По некоторым же предметам экзамены превращались в простую формальность. К таким экзаменам относились: богословие, отметка по этому предмету даже не вносилась в диплом, история церкви русской и всеобщей читалась профессором Голубевым, который просто выставлял оценку студентам после самых общих ответов на вопросы профессора. Что же касается экзаменов по специальным предметам, таким, например, как латинский автор Тацит, Лукреций, Тит Ливий и др., то здесь требовалось не только знание языков и свободный перевод текста, но и научный комментарий, который обычно заключал в себе исторические сведения и бытовые подробности текста. Достаточно сказать, что профессор, читавший нам латинского автора, как-то отказался вести комментарий, так как не захватил с собой своих записок. Это был очень знающий и эрудированный профессор А.И. Сонни.

Древнерусскую литературу читал профессор, а потом академик АН СССР В.П. Перетц. Готовиться к его экзамену было мучительно трудно, так как профессор требовал не только знания древнерусских литературных памятников, но и знакомства с различными их списками и редакциями.

Первый год пребывания на факультете обычно уходил у нас на изучение психологии, логики и древней философии, затем мы слушали и сдавали экзамен по введению в языкознание по латинскому автору и начальный курс греческого языка. Потом слушали историю искусства, какой-нибудь один раздел: древнегреческое искусство, искусство эпохи возрождения и т.д., западно-европейскую литературу один раздел по выбору слушателей. Начиная со второго года обучения, вводились практические

Віктор Романовський з дружиною Оленою Павлівною. Караганда. 30. XI. 1945

или семинарские занятия, т.е. студент уже специализировался по избранному профилю. Практические занятия велись только по этой избранной специальности, так, например, будущие специалисты по русской истории посещали практические занятия только по этому предмету, изучали «Русскую Правду», летописи или документальные источники. Специализировались также студенты этого профиля по истории Литовского княжества. Изучали Литовский статут, Уставные грамоты отдельных земель, а также так называемые общеземские привилеи. Текст разбирался или на древнем западно-русском языке или по латыни. Занятия эти сопровождались не только разбором текста, но и знакомством с историческими сочинениями, статьями, монографиями. Занятия проходили один раз в неделю, поэтому студент имел время обдумать изучаемый текст, познакомиться с историческими работами, которые используют этот текст.

На занятиях читался текст источника и давался обширный комментарий. Текст читал студент, которому и предоставлялось слово пояснить прочитанное место источника. Профессор ставил вопросы, которые должны были разъяснить собственное понимание студентами прочитанного места. Если студент не был подготовлен к разбору текста, профессор обращался к другим участникам занятий. После этого профессор давал сведения о понимании этого места и термина различными учеными, работавшими по этому источнику.

Такие объяснения по тексту «Русской Правды», да и по другим источниками, вводили студента в научную лабораторию разработки того или иного вопроса.

Я бывал на практических занятиях не только по русской истории, но и посещал занятия профессора Владимирского-Буданова М.Ф. по истории Русского права. Такие занятия давали студентам больший материал для размышления и сопоставлений над различными мнениями исследователей.

Чем выше была эрудиция профессора, тем занятия такие давали больший эффект. Естественно, что только в редких случаях ведение практических занятий поручалось доцентам, да и то только в тех случаях, если доцент специально изучал тот источник, по которому велись практические занятия.

Считалось, что практические занятия — прямой путь к научной работе, и поэтому оценку источника, комментарии к терминам источника можно было получить только из уст хорошо подготовленного преподавателя. Слушание лекций по общему курсу, конечно, тоже поручалось профессору.

В мое время ни зачетов, ни курсовых экзаменов по избранной специальности не было, и экзамен сдавался только государственной комиссии, поэтому студент только в том случае получал достаточные знания по общему курсу, если самостоятельно изучал этот курс.

Такой порядок не обеспечивал прочных и систематических знаний общего курса.

Настоящая углубленная проработка отдельных вопросов переносилась, таким образом, первоначально на практические и семинарские занятия, а затем· завершалась в отдельных кружках, которые иногда превращались в настоящие рассадники научных кадров.

В мое время, в особенности, отличался исторический кружок, которым руководил профессор М.В. Довнар-Запольский. Он был учеником профессора Киевского университета В.Б. Антоновича, который на историческом факультете университета создал целую школу историков, изучавших эпоху древнекиевского государства периода распадения его на отдельные земли-княжества. Систематически поручая изучение отдельных областей древней Руси избранным студентам, наиболее подготовленным, Антонович за время своего профессорства создал серию монографий по истории древнерусских земель. Так по истории Чернигово-Северской земли появились монографии Д.И. Багалея

(впоследствии он был профессором Харьковского университета и академиком АН СССР). На эту же тему написана монография и профессором Киевского университета П.В. Голубовским. По истории Волыни написаны монографии А.М. Андрияшевым и Ивановым. По истории Смоленского княжества написал сочинение названный выше Голубовский П.В. По истории Галицкого княжества — И.А. Линниченко, истории Подолии — Молчановский, по истории Полоцкой земли В.Е. Данилевич. Довнар-Запольский написал монографию по истории Берестейской земли. После окончания университета мой учитель Довнар-Запольский работал в Московском архиве Министерства юстиции и написал прекрасную диссертацию по истории государственного хозяйства Великого княжества Литовского и затем был избран профессором Киевского университета. Степень доктора Довнар-Запольский получил за монографию по истории западно-русского крестьянства. На историческом факультете Довнар-Запольский вел общий курс истории России с XIV по XVII вв. Иногда он читал курс по истории Литовского княжества, а иногда по истории России XVIII—XIX вв. Лекции его всегда были очень интересны, в особенности, если части общего курса он читал как специальные курсы. Практические занятия были у него очень интересные и полезные. Он всегда старался возбудить собственные мысли у студента и не особенно выдвигал требования к студенту знаний историографической литературы. Настоящая научная подготовка у Довнар-Запольского проводилась в студенческом кружке. Из этого кружка за 15 лет его существования вышел ряд заметных ученых и профессоров. К их числу следует отнести профессора Сташевского Е.Д., П.П. Смирнова, Б.Г. Курц, Н.Ф. Яницкого, П.В. Клименко, В.М. Базилевич и др.

Главное направление, которого придерживался Довнар-Запольский, было изучение писцовых книг Русского государства XVI—XVII вв. Руководитель кружка работал над историей народного хозяйства Русского государства XVI—XVII вв. Главная цель его работы заключалась в показе создания и развития землевладения и сельского хозяйства.

Все перечисленные мной члены кружка изучали писцовые книги по отдельным областям. Так один из первых учеников Е.Д. Сташевский изучал писцовые книги Московского уезда. П.П. Смирнов работал над писцовыми книгами по Орловскому уезду, Н.Ф. Яницкий изучил книги по Новгороду и выпустил книгу под заглавием «Экономический кризис Новгородской области в XVI в.» Насколько Довнар-Запольский считал обязательным для своих учеников изучение писцовых книг, показывает такой факт. Я написал сочинение, используя Румянцевскую опись 1767 года по истории Черниговщины, хотя я и получил за сочинение «Золотую медаль» и был оставлен при университете

для полготовки к профессорской деятельности, мой руководитель Довнар-Запольский предложил мне разработать материал писцовой книги по Белевскому уезду, что я и выполнил уже после окончания университета.

Такая система подготовки научных работ по одинаковой проблематике давала возможность на заседаниях кружка обмениваться по результатам своего исследования мнениями и критическими замечаниями, которые носили более специальный характер, чем общие замечания членов кружка, незнакомых с техникой изучения писцовых книг. Из названных членов кружка вышли профессора Е.Д. Сташевский и П.П. Смирнов. Последний получил Государственную премию уже в советское время за свою работу «Посадские люди и их классовая борьба». Затем П.В. Клименко получил заслуженную известность своими работами по истории переписи населения Украины XVII–XVIII вв. Другие члены кружка также составили заметный след в истории экономического развития русского населения XVI–XVIII вв. В особенности здесь следует упомянуть работу члена кружка П.К. Федоренко по истории ликвидации крепостного права в Черниговской губернии — одна из первых работ в русской историографии, использующая труды губернского комитета по ликвидации крепостного права.

Несколько особняком стоят работы члена кружка Н.К. Зерова по критическому изучению сочинений украинского мемуариста Григория Грабянки. Зеров произвел критический анализ текста и обнаружил ряд заимствований из сочинений классических авторов, причем Грабянко приписывал эти слова и фразы и целые речи лицам своих мемуаров.

Свою ученую деятельность Ф.В. Клименко начал написанием работы по истории западно-русских ремесленных цеховых организаций. За эту работу Клименко получил золотую медаль.

Члены кружка могли выбирать темы для своих докладов, пользуясь правом писать доклады на любую тему, что однако не мешало сохранению общей направленности работы кружка.

Часто доклады писались на темы библиографического и исторического характера, но все доклады неизменно освещали по-новому выбранную тему. Руководящими работниками кружка были, кроме его руководителя, секретарь кружка и его помощники. Несколько лет секретарем кружка был названный уже выше И.Ф. Яницкий, ныне доктор наук и профессор в Москве. Затем его сменил пишущий эти строки. А затем секретарем стал В.М. Базилевич. Во время Отечественной войны В.М. Базилевич был сотрудником исторического музея в Таганроге и расстрелян немецкими оккупантами за попытку сохранить от разграбления музейные фонды Таганрогского музея.

Труды кружка печатались сначала спорадически в Киевских университетских известиях (труды Сташевского, Смирнова, Клименко и др.), а затем университет выделил средства для печатания специально работ кружка. Так вышли из печати отдельными книгами сочинения Яницкого, Белоцерковского (Тула и Тульский уезд и др.). В честь 10-летнего юбилея кружка выпущен был юбилейный сборник статей членов кружка, очень красиво оформленный.

Таким образом, университетская научно-педагогическая работа хорошо дополнялась кружковой работой. Кружковая работа возбуждала интерес к самостоятельному чтению, которое завершалось работой над первоисточниками по экономической истории. Студенты, которые приступали к самостоятельному изучению, с увлечением предавались этой работе. Это была первая ступень, первые шаги по научной работе. Но я помню, с каким увлечением мы предавались этой работе. Рукописи не выдавались студентам домой, поэтому мы просиживали в библиотеке целыми часами над изучением рукописного материала. Рядом со мной сидел студент В.В. Новожилов, который писал медальную работу на тему: «О торговом

договоре Германии с Россией». Этот студент — ныне академик Всесоюзной Академии Наук В.В. Новожилов, составивший себе имя и известность по истории финансов России.

Иногда студенты сами подсмеивались над своими увлечениями по разработке писцовых книг. Я помню шутливые стихи наших товарищей. Вот строчки из этих стихов:

Вверху родильный дом
И швейки за стеной,
Под лавкой с рыжими задками сапоги
Угрюмый Чиж сидит над Чухламою
И сушит способом Довнаровским мозги.
Лес пашенный с непашенным слагает,
Проходят длинной вереницей бобыли,
А на стене висит и отдыхает
Гитара старая, забытая в пыли.

Чиж писал работу на тему: «Чухломской уезд по писцовым книгам XVII века». За это и попал он в шутливое стихотворение нашего доморощенного поэта. Но это все лирика, однако за этой маленькой научной работой часто открывалась серьезная ученая дорога.

Большим двигателем научных работ была система специальных работ на соискание наград медалями. На историко-филологическом факультете большую научную подготовку вел профессор, уже названный мною, В.П. Перетц, кружок которого сделался настоящим рассадником научных работников, изучающих древнерусскую литературу. Для характеристики этого кружка, который официально именовался «семинар» профессора Перетца, достаточно назвать имена следующих академиков и профессоров. Так долгое время состояли членами кружка академик А. Баранников (известен своими трудами по изучению санскритского языка, он же составил полный словарь цыганского языка), академик Б.А. Жарин известен трудами по истории литовского языка, академик Н.К. Гудзий широко известен своими работами по истории древнерусской литературы, академик Калинович (санскриптолог) и профессора Багрий А.В., Маслов С.И. (член-корреспондент Академии Наук). Маслов В.И. известен прекрасной работой о декабристе Рылееве; профессор Филиппович П.П., профессор Дорошкевич А.К., Белецкий А.И., Бугославский С.А., Савченко С.В., Адрианова-Перетц В.П., член-корреспондент АН СССР.

Семинар Перетца работал в течение многих лет, совершал научные экскурсии в Ленинград, Москву, Новгород, Житомир, Псков и другие города и был заметным явлением в истории Киевского университета.

На других факультетах также в этот период было несколько выдающихся преподавателей, у которых также был ряд учеников, оставивших заметный след в науке. К числу таких ученых надо отнести академика Шмальгаузена И.И., Северцева А.Н., математиков Букреева Б.Н., Граве Д.А. В особенности впоследствии большие заслуги науке оказал академик О.Ю. Шмидт, ученик Граве.

Среди молодежи Киевского университета некоторую роль в предреволюционное время стала играть небольшая группа доцентов и молодых преподавателей, которая сложилась уже во время войны 1914-1918 гг. Начало этой группе положил совместный переезд молодых преподавателей университета из Киева в Саратов. Этот переезд был вызван частично эвакуацией Киева в 1915 году. Царские армии терпели поражение на фронтах. Очищены были Львов, Станислав, Перемышль. Польша была оставлена русскими войсками, немецкие армии стали угрожать и непосредственно Киеву. Университет решено было перенести в г. Саратов. Громадная университетская библиотека, все коллекции, архив древних актов — все это было увезено из Киева. Профессорам представлен был специальный вагон, во вторую очередь уехали в отдельном вагоне доценты и лаборанты. Ехали до Саратова трое суток, время было предреволюционное, много разговоров велось о судьбах России, о возможном конце войны. Разговаривали горячо и откровенно.

А когда приехали в Саратов, то группа молодых преподавателей и доцентов решила продолжать дружеское общение и в Саратове. К числу этих наиболее деятельных организаторов молодого кружка принадлежали О.Ю. Шмидт, доцент Смирнов П.П., Доценты братья Масловы, физик Лапинский П.Г., доцент Розов В.А. и др.

Так положено было начало академическому кружку, который впоследствии получил название «Молодая академия». Пополнялся этот кружок и новыми членами, причем приглашение новых членов проходило по тайному голосованию и требовалось единогласное согласие членов кружка. Собрания проходили по очереди у членов кружка, которые имели более обширные квартиры. Заранее выбиралась тема для общих разговоров, устраивался чай с бутербродами, но без всяких спиртных напитков. Из таких общих тем, я помню, Лапинский П.Г. сделал сообщение о том, где будет экономический и умственный центр будущей России, профессор Яснопольский Л.Н. рассказал о финансовом положении русского государства. Пишущий эти строки говорил о будущности украинского языка и так далее. Вечера проходили очень оживленно и настолько сблизили молодежь, что уже после революции в Киеве «Молодая академия» могла предложить Совету профессоров университета свой проект пополнить Совет Университета представителями от молодых преподавателей. Таким представителем был выдвинут О.Ю. Шмидт. Больше всего интересовало нас будущее университетской науки и будущее России вообще.

Киевский университет 10-20 гг. настоящего века представлял собой довольно заметную научную организацию. На факультетах физико-математическом, а также медицинском и юридическом было несколько крупных величин, в том числе такие крупные ученые, как Северцев А.Н., Шмальгаузен И.И., Реформатский С.Н., професора-медики Яновский Ф.Г., Стражеско Н.И., Образцов В.П., Высокович В.К. и другие ученые, известные всей России, не говоря уже о целом ряде молодых талантливых ученых.

Однако я не буду останавливаться на областях науки, мало мне знакомых. Что же касается гуманитарных наук, то, мне кажется, стоит остановиться на некоторых именах, которые составляли славу Киевского университета в то время.

На филологическом отделении большую известность получил в то время названный выше профессор В.Н. Перетц. Он читал в университете курс древнерусской литературы, палеографии и методологии русской литературы. Курсы он вел строго научно и в особенности требовал изучения литературной истории каждого произведения студентами, давал хорошую выучку студентам по изучению текстов памятников древнерусской литературы: как я уже говорил выше, из его семинара вышли десятки крупных научных работников, в том числе академиков и профессоров.

В обращении со студентами Перетц был несколько суховат и строго придерживался правил прохождения курса и сдачи зачетов и экзаменов.

Вторым профессором по истории русской литературы был А.М. Лобода. Читал он курс истории литературы XVIII–XIX вв. Курс был у него обобщающий и не отличался особой оригинальностью. Более самостоятельным характером отличался у этого профессора курс этнографии, а также курс украинской литературы, введенный уже после революции 1905-1907 гг. Дополнительный курс истории русской литературы XIX в. вел профессор Малинин В.Н. Его охотно слушали студенты математики, юристы, даже медики, но он очень мало удовлетворял студентов-филологов.

При изложении курса литературы XIX века Малинин В.Н. очень красочно излагал произведения Тургенева, Толстого, Достоевского и других классиков, но научного анализа творчества этих писателей Малинин почти не давал. Его лекции отличались плавным изложением мыслей, владел речью он

великолепно, но специалистов, повторяю, он мало удовлетворял.

Историю русского языка и древнеславянского излагал профессор А.М. Лукьяненко. Речь его была полна учености, но несколько оригинальна тем, что он старался оживить ее пафосом, так сказать, собственного изобретения, вроде например, таких фраз «судьба ерь в православном языке была глубоко трагична», но все-таки он был настоящий ученый, знал много языков и слушать его было интересно.

На историко-филологическом факультете философские дисциплины читал А.Н. Гиляров. Его фигура хорошо обрисована советским писателем Паустовским и мне мало что можно добавить. Скажу только, что благодаря своей учености, спокойному изложению и оригинальным мыслям, лекции А.Н. Гилярова слушались с большим интересом. По тогдашнему университетскому обычаю, профессор и доценты, читавшие философские курсы обычно заканчивали два факультета — историко-филологический и физико-математический. Гиляров в особенности увлекался химией и постоянно советовался с профессором химии Реформатским С.Н. Последний мне рассказывал несколько интересных фактов, относящихся к химическим занятиям Гилярова А.Н. Гиляров А.Н. интересовался тонкой химией и, в частности, добивался получения запаха фиалки. Профессор был очень доволен, когда, войдя в вагон трамвая глубокой зимой, обратил на себя внимание тем, что от него шел тонкий и сильный запах фиалки.

Большим вниманием студентов пользовался доцент Якубанис Г.И. Он читал логику и психологию. В 1910 году он вернулся из двухлетней командировки из-за границы. Читал очень хорошо и интересно. Студенты его очень любили, хотя он и был строгим экзаменатором. Уже после революции 1917 года Якубанис Г.И. был приглашен в Краковский Ягеллонский университет и там пользовался большим успехом.

Довольно сильно представлена была греческая и римская литература. В особенности большим влиянием пользовался профессор римской словесности Ю.А. Кулаковский. Он был учеником Петербургского профессора Васильевского В.Г. и в особенности берлинского профессора Момзена. Для филологов Кулаковский Ю.А. читал Лукреция Кара, «О природе вещей», для историков — Тацита, Тита Ливия и др. В особенности он увлекался поздними римскими писателями и перешел затем к истории Византии. Выпустил три тома истории Византии. Кулаковский Ю.А. отличался оригинальностью мыслей и, в частности, вызвал недовольство у русских церковников тем, что стал отрицать преследование христиан римскими императорами. Реакционеры даже стали его называть Юлианом-отступником, сравнивая его с римским императором Юлианом Апостатом. Кулаковский Ю.А. был строгий экзаменатор, но применял свою собственную методику проведения экзаменов. Сначала студенту он задавал общие вопросы по курсу. Когда обнаруживал, что студент достаточно подготовлен, он переходил к деталям, цитировал редкие первоисточники, увлекался сам своим изложением, а студента ставил в трудное положение, т.к. студент на заданные вопросы не мог отвечать и думал, что ему готовится неудовлетворительная оценка.

Побеседовав таким образом, Кулаковский Ю.А. отпускал его с хорошей оценкой. Из других профессоров-античников я вспоминаю А.С. Поспишила, составителя громадного словаря классического греческого языка, а также доцента Клингера И.Б., заметного в свое время эллиниста. Он читал нам и комментировал Фукидида. Из Киевского университета Клингер И.Б. был приглашен после революции профессором Варшавского университета.

Читали нам также латинских и греческих авторов профессора Лециус, Сонни А.И., потом молодой доцент Дложевский.

Олексій Поспішил. 1911 р.

Историю средних веков читал Н.М. Бубнов, воспитанник Петербургского университета. Он написал диссертацию «Письма папы Герберта как исторический источник». Это большой том, изданный на русском и латинском языках. За свою магистерскую диссертацию Бубнов Н.М. получил докторскую степень. Латинский экземпляр своей диссертации Бубнов поднес в подарок римскому папе. В благодарность за это подношение он получил от папы золотую табакерку.

Н.М. Бубнов увлекался источниковедческим анализом, читая кроме средних веков еще и методологию истории. У него можно было поучиться трудной науке истории и критике текста. Но Бубнов не умел или не хотел обучать студентов и готовить их к научной работе. А у него были способные ученики. Я помню студентов Влахопулова и Бетхера, которые владели не только европейскими языками, но и прекрасно знали классическую и средневековую латынь.

Лекции Бубнова слушались с большим вниманием, так как он читал живо и образно, пересыпая иногда свое изложение остроумными замечаниями. Бубнов был у нас и деканом факультета, относился к студентам внимательно, а одно качество делало его уважаемой фигурой среди прочих профессоров. При распределении стипендии и освобождении от платы за учение студентов Бубнов неизменно придерживался списка по успеваемости. Это было в особенности ценимо студентами Киевского университета, который отличался, как известно, своим реакционным направлением.

Новую историю читал П.Н. Ардашев. Он уже составил себе имя в науке как большой знаток истории Франции. Он давал студентам темы для работ по истории старого порядка во Франции, а также по истории Французской революции, в особенности много работ писали у него студенты, используя наказы депутатам Национального Собрания.

По русской истории ведущую роль играл профессор Довнар-Запольский, о котором я уже говорил, когда сообщал о кружковой работе студентов-историков.

Успеху работы научного кружка, а также и подготовке научных кадров много содействовало определенное направление тематики, связанной с научными интересами самого профессора Довнар-Запольского. В основном это было изучение экономической истории русского государства. В советской исторической литературе работе Довнар-Запольского и его учеников посвящена обширная статья Кочина Г. «Изучение писцовых книг в русской буржуазной историографии». Оценка этим автором деятельности М.В. Довнар-Запольского подверглась довольно резкой критике. Причем, в противность ленинскому указанию, подвергать критике то, что уже сделано, и не критиковать то, чего не сделано, автор в основном указывает именно на то, чего Довнар-Запольский и его ученики не могли сделать, т.к. исходили из буржуазной идеологической концепции. Так, например, и руководитель кружка и его ученики большое внимание уделили истории обмена,

придавая ему значение большее, чем производству жизненных благ. Указывает Кочин и на другие стороны изучения писцовых книг XVI-XVII вв. Но нельзя отрицать, что в историческую науку члены кружка и вообще ученики Довнар-Запольского внесли большой и свежий научный материал. Поставлены были вопросы заселения, развития землевладения и землепользования и вообще вопросы развития сельского хозяйства, причем советская историческая наука до сих пор пользуется плодами деятельности участников исторического кружка. Совсем недавно в солидных исторических исследованиях, в издании Академии Наук мне приходилось неоднократно встречать ссылки на работы Н.Ф. Яницкого «Хозяйственный кризис в Новгородской области в XVI в.», Гневушева А.М. — «Сельское население Новгородской земли в XIV—XVIII вв.», или на книгу Б.Г. Курца «Сочинение Кильбургера о русской торговле XVII в.» или работы Сташевского Е.Д., Смирнова П.П., или даже студента Шпаковского «Русско-персидская торговля в XVII в.», или на работу Клименко Ф.В. «Западно-русские цехи» и многих других. Следовательно, школа Довнар-Запольского оставила большой и плодотворный след в исторической науке. Наибольшей заслугой следует признать сочинения Гневушева А.М., Федоренко П.К. и Смирнова П.П., которые своим критическим разбором писцовых книг внесли большой вклад в дело использования этого важного источника. Конечно, названные ученые не могли дать острого анализа, с учетом марксистско-ленинской методики использования статистического материала. Кроме того, и направление изучения экономической истории даже у легальных марксистов и у М.П. Покровского сбивалось на изучение обмена, а не производства. Но все то, что создала школа Довнар-Запольского, не прошло бесследно в исторической науке.

Большую роль в подготовке кадров играли темы, которые объявлялись факультетами для «соискания наград медалями». Написание работы студентом требовало большого труда и значительной научной полготовки. Вот некоторые данные, взятые из официальных отчетов о деятельности университета только за два года (1913-1914).

Золотые медали были присуждены Ал. Баранникову (впоследствии академик АН СССР) за сочинение «Пересмотр труда Лескина в славянском и литовском языках». Студенту Гликману А. за сочинение «Аристофан о Сократе», Галюну И.П. «Жуковский в его отношении к немецкому романтизму». Студент Эрнст Ф.Л. получил золотую медаль за сочинение «Киевская архитектура XVII-XVIII вв.» Пишущий эти строки получил медаль за сочинение «Экономическое развитие Черниговщины в XVII-XVIII вв.» Студент О.Ю. Шмидт получил медаль и премию за сочинение «Абстрактная теория групп». Студент Клепачевский получил золотую медаль за сочинение «Страхование рабочих от несчастных случаев». Всего присуждено было 8 золотых медалей и 4 серебряных.

Еще интереснее проходило награждение сочинений в следующем году. Так, например, золотые медали были присуждены за сочинения следующим студентам: Федоренко П.К. «Положение крестьян Черниговской губернии перед крестьянской реформой». Сочинение было написано по архивным материалам и получило блестящий отзыв профессора Довнар-Запольского.

Интересную работу представил студент Д. Петров: «Ликвидация сеньориального режима во Франции по документам, изданным Саньяком и Кароном». Рецензент отмечает прекрасное знакомство с литературой и источниками на русском и французском языках. Сочинение на тему «Жизнь и литературная деятельность Баратынского Е.А.», представленное Филипповичем, также получило золотую медаль. Автор изучил не только печатный материал, но и рукописи Баратынского, хранящиеся в столичных книгохранилищах. Им най-

дены новые литературные источники — русские и западно-европейские.

Золотую медаль получил студент Цикаловский за работу «Сведения о России в Formannasogur». Рецензент отмечает, что автор систематически исследовал самый богатый во всей скандинавской литературе источник по истории древней Руси. Он изучил старый исландский язык и современные скандинавские языки и сумел разобраться в огромном материале сверх 12 томов основного своего источника. Он приводит по-русски многие исландские памятники, которые до него не были переведены на русский язык; исправляет ошибки, допущенные прежними исследователями вследствие незнакомства со старым исландским языком.

Вот еще одна тема, за которую ее автор Маккавейский В. получил золотую медаль: «Сверхчеловек в германских литературах XIX в.» Сочинение содержит свыше 1000 страниц убористого письма. Автор не пропустил ни одного более или менее выдающегося представителя идеи сверхчеловека в немецкой, английской и скандинавской литературах. Выполнив такую работу, автор доказал прекрасное знание французского, английского и немецкого языков и обнаружил достаточные знания в области истории западноевропейской литературы и философии.

Интересна тема, также получившая золотую медаль по истории западно-европейской литературы: «Окассен и Николетта». Автор Шелудько исследовал вопрос о происхождении сюжета и формы памятника и доказал чисто французское происхождение этого памятника. Интересно сочинение студента Апраксина на тему «Изменение рождаемости и смертности у современных культурных народов». Автор изготовил свыше 250 таблиц и диаграмм, обнаружил хорошее знание богатой литературы на французском, английском, немецком языках.

Интересные темы были также по истории Римского права, Литовского статута и другие.

Была, например, тема «Теория поземельной ренты Рикардо и вопрос о ренте в позднейшей теоретической литературе». Как правило, все сочинения, награжденные медалями, печатались в университетских изданиях.

Такова была в общих чертах обстановка в Киевском университете полвека тому назад. Надо сказать, что несмотря на тяжелую столыпинскую реакцию и жестокий кассовский университетский режим, студенческая молодежь жила своей внутренней жизнью, часто не обращая внимания на репрессии университетского начальства. Все усилия полицейских церберов, приставленных для надзора за студентами, не могли вытравить оппозиционного настроения в студенческой среде. Я уже упоминал о твердо установившемся обычае отчислять 25% со всех благотворительных концертов и спектаклей в пользу политических заключенных. Вот еще один пример. В 1911 году праздновалось 50-летие ликвидации крепостного права. Университет устраивал торжественный акт. Как все официальные торжества, акт должен был начинаться гимном «Боже, царя храни». Студенческий хор и должен был исполнять этот гимн. Но студенты решительно отказались петь этот гимн. Университетское начальство в виде репрессии запретило студенческому хору утраивать репетиции в стенах университета. Тем дело и закончилось.

Я старался познакомить читателя с университетской жизнью начала XX века. Я почти не касался общественных настроений студенчества, хотя, конечно, не мог не отметить того исторического периода в жизни России, который носит название Столыпинской реакции.

Самый строй университетской жизни располагал к научным занятиям, но тут крылось и глубокое противоречие. Жизнь требовала от университетов подготовленных специалистов — врачей, юристов, учителей, химиков и т.д. А университет готовил в идее только теоретически подготовленных специалистов. Это было, еще раз подчеркиваю, в идее, а практически (если не считать ме-

диков-врачей, которые самой жизнью принуждались к приложению своих знаний на практике), студент, окончивший университет, часто был беспомощен в жизни. Поэтому юристы проходили стаж так называемых кандидатов на судебные должности. А будущие адвокаты в течение нескольких лет проходили стаж «помощников присяжных поверенных». Хуже дело обстояло со специальностью учителя. Ни физики и математики, ни филологи и историки не проходили педагогических дисциплин и специальных методик. Молодой учитель с университетским дипломом был совершенно беспомощен в классе. Министерство, в конце концов, должно было обратить внимание на такое положение и, начиная с 1908-1909 гг., при Управлении учебными округами, начальниками которых бывали крупные государственные чиновники, организованы были годичные курсы. Там преподавались педагогические дисциплины с чисто практическим уклоном и большое внимание уделялось на изучение частных методик. Таким образом, обучение в университете дополнялось педагогической практикой. Но не только организация научной подготовки была в старых университетах не всегда правильной. Сама система лекционных курсов и практических занятий была рассчитана на эффективное усвоение желающими, поэтому тот, кто хотел получить научную подготовку, мог с успехом достигнуть этого. На государственных экзаменах наблюдался необычайно высокий отсев. Обычно дипломы получали только 50-60% экзаменующихся, остальные должны были повторно экзаменоваться на следующей сессии. Но что было отличительной чертой жизни старых университетов, это совершенное отсутствие контроля за научными занятиями и так называемой воспитательной работой. Контроль за научной работой осуществлялся только на зачетах и экзаменах. Воспитательная же работа осуществлялась общественным мнением студентов, которое иногда принимало очень острые формы.

Я припоминаю такой эпизод. В 1904 году, когда я был еще в гимназии, в моем родном городе было несколько десятков студентов, которые приехали к себе домой по случаю студенческих волнений по всем университетам. На благотворительном концерте в пользу раненых в русско-японскую войну выступал на эстраде певец-любитель, председатель земской управы В.М.А. Не успел он начать свое исполнение, как со стороны сидевших студентов, к которым примкнули и гимназисты выпускного класса, раздались возмущенные возгласы «долой, вон» и «кошачий концерт». В.М.А. побледнел и ушел с эстрады. Только на следующий день в городе узнали о причине такой демонстрации. Оказывается, в 1894 г. В.М.А. был студентом Московского университета, и когда тело умершего императора Александра III из Крыма перевозили в Петербург через Москву и была устроена панихида, и гроб стоял в Успенском соборе Кремля, появился венок на гроб императора с надписью: «От студентов Московского университета». На другой же день в университете была устроена сходка, выяснилось, что этот венок возложил студент университета В.М.А. Сходка студентов постановила не только бойкотировать В.М.А., но и заставить его уйти из университета. В конце концов В.М.А. должен был уйти из Московского университета. Киевские студенты через 10 лет припомнили ему этот случай.

В мое время на студенческих сходках бойкоту подвергались так называемые академисты, которые держались сплоченной группой и выступали против студенческих заявлений и требований улучшить свое положение в университете. Такова в общих чертах картина студенческой жизни в Киевском университете в дореволюционное время.

Мне остается дополнить свое изложение некоторыми сведениями об организации научной подготовки лиц, оставляемых при университете для подготовки к профессорской деятельности. Оставление таких лиц принадлежало исключи-

тельно профессору, который занимал ту или иную кафедру, обычно в число оставляемых при университете выбирались профессором студенты, которые писали сочинение на темы, заданные факультетом для награждения медалями. Темы сочинений подавались профессором для утверждения Советом факультета.

Фамилии соискателей подавались в запечатанном конверте под девизом, который был написан и на самом сочинении. Таким образом факультет присуждал медали за сочинения, не зная фамилии студента — эта фамилия объявлялась только после присуждения медали.

Профессор давал развернутый отзыв сочинению, указывал на положительные стороны и недостатки. Представленные к оставлению при кафедре утверждались Советом университета.

Профессор такому аспиранту (применяя современный термин) давал развернутый план подготовки к экзамену. Этот план обычно включал важнейшие проблемы курса. Составление списка литературы. привлечение источников возлагалось на самого аспиранта.

В идее предполагалось, что аспирант должен овладеть всеми монографиями и статьями по данной проблеме. Подготовка к магистерскому экзамену по специальности требовала обычно 3-4, а иногда и больше лет. В этот период аспирант сообщал о ходе своих занятий профессору, при котором он состоял. Получал от профессора советы и дополнительные указания.

В течение года, отработав одну или две проблемы из своей инструкции, аспирант давал в письменной форме отчет о прочитанных книгах и изученной литературе.

Руководитель аспиранта внимательно прочитывал отчет, давал свое заключение и направлял этот отчет вместе со своим заключением в Министерство, которое поручало рассмотрение отчета специальному профессору. Таким образом, подготовка аспирантов находилась под контролем не только профессора, но и рецензентов Министерства просвещения. Когда подготовка была закончена, аспирант представлял профессору обширный отчет о прочитанной литературе с критическими своими замечаниями. Этот отчет представлялся Совету факультета, который назначал специальное заседание Совета факультета для приема магистерского экзамена. На этом заседании экзаменатор задавал вопросы по изученной литературе. Все члены факультета могли также задавать вопросы. Оставленные при университете специалисты по русской истории держали три экзамена по своей специальности, по всеобщей истории и по политэкономии. По этим двум последним предметам экзаменующийся готовился по 2-3 монографиям, которые включали в себе и сочинения на иностранных языках.

После сдачи экзаменов магистрант обязан был прочитать две пробных лекции. Одну на тему по собственному выбору и вторую по выбору факультета. После лекции, на которой присутствовали все члены факультетского Совета, происходило обсуждение лекции и ее оценка. После этого магистрант получал право чтения лекций и звание приват-доцента. Такая система подготовки преподавателей должна была способствовать отбору хороших лекторов и знающих преподавателей, что, к сожалению, не всегда оправдывалось жизнью.

Написание диссертации иногда затягивалось на многие годы, поэтому и система подготовки кадров в то время не обеспечивала выдвижения наиболее подготовленных и знающих ученых, в особенности, если требовалось значительное увеличение числа таких ученых. Но кое-что из системы тогдашней подготовки следовало бы применить и в наше время. Я имею в виду организацию централизованного контроля за работой аспирантов. Следовало бы отчеты аспирантов систематически проверять в Министерствах, имеющих свои собственные вузы.

Гос. архив Ставропольского края,
ф. 6007, оп. 1, ед.хр. 97, лл.1-25.

Тимошенко Степан Прокопович (1878-1972)

Всесвітньовідомий учений у галузі прикладної механіки та опору матеріалів.

Народився 1878 р. у с. Шпотівка Конотопського повіту на Чернігівщині у родині землеміра. Навчався у Роменському реальному училищі (1889-1896), Інституті інженерів шляхів сполучення в Санкт-Петербурзі (1896-1901). Працював асистентом у механічній лабораторії Інституту під керівництвом проф. Белелюбського (1902-1903) та в механічній лабораторії Політехнічного інституту (1903-1906) під керівництвом проф. С. Дружиніна, відвідував засідання Математичного та Фізичного товариств. Його наставниками були блискучі вчені — проф. Олексій Крилов і особливо Віктор Кирпичов; стажувався в Мюнхені у проф. Феппля (1904), в Геттінгені у проф. Клейна та Прандтла (1905, 1906, 1909). У 1906 р. вченого обрано на кафедру опору матеріалів Київського Політехнічного інституту. 1907 року захистив дисертацію з прикладної механіки (1907). Вже через два роки вийшов друком курс лекцій Тимошенка по опору матеріалів, який став підручником в усіх російських університетах та перекладений багатьма іноземними мовами. У 1911 р. Тимошенко (на той час декан) був звільнений з Інституту через відмову виконати вимогу міністра Кассо про виключення студентів-євреїв, котрі перевищували 15% норму. Того ж року здобув вищу нагороду в галузі будівельної механіки — премію ім. Д. Журавського й переїхав до Петербурга, де посів посаду професора Електротехнічного та Політехнічного інститутів (1911-1917). Тут працював над теорією вигину балок.

У 1917 р. переїхав до Києва. З 1918 р. відновлений на посаді професора Київського Політехнічного інституту, був членом комісії по організації Української Академії наук і сприяв включенню до циклу академічних галузей технічних наук прикладного характеру. 1919 року емігрував. Із 1920 р. був професором опору матеріалів у Загребському Політехнічному інституті. 1922 року переїхав до США, з 1923 р. працював у дослідному інституті компанії «Вестінгауз». Із 1927 р. — професор кафедри опору матеріалів у інженерній школі Мічиганського університету, де підготував і видав новий двотомний підручник «Опір матеріалів» — нині загальновідомий і популярний у багатьох країнах. Тимошенко посів провідне місце в США серед фахівців у галузі механіки. Виховавши велику плеяду учнів, учений уважається «батьком сучасної американської механіки». З 1936 р. — впродовж 19 років — професор Стенфордського університету. У 1955 р. залишив викладацьку діяльність і зосередився на підготовці та виданні наукових праць та участі в наукових симпозіумах. У 1958 та 1967 р. Тимошенко відвідав Київ, Харків, Москву, Ленінград. У СРСР видана його велика праця «История сопротивления материалов» (від Леонардо да Вінчі до XIX ст.). Останні роки життя мешкав у Вупперталі (Західна Німеччина).

Творчість Тимошенка становить цілу епоху в розвитку механіки твердого тіла, що деформується. Вона була високо оцінена різними нагородами та обранням ученого до складу Української (1918), Російської (1928), Американської (1941), Італійської (1948), Польської (1935), Французької (1939) Академій наук, Американського Філософського Товариства (1939), Лондонського Королівського товариства (1944). Почесні докторські звання (honoris causa) вченому присудили: Лехайський (США, 1936), Мічиганський (1938), Гласговерський (1951, Англія), Болонський (1954) університети; Цюрихський (1947) та Мюнхенський (1949) Вищі Технічні інститути; Загребський (1956) та Турінський (1960) політехнікуми. У 1928 р. Тимошенка обрано членом-кореспондентом, а в 1964 р. — дійсним членом Академії наук СРСР.

Основні праці: «Сопротивление материалов» (Киев, 1908-1910; М., 1922; Л.; М., 1933-1960), «Курс теории упругости» (Киев, 1909; СПб., 1914-1916), «Сборник задач по сопротивлению материалов» (Киев, 1910-1913; Пг. 1915-1929; М.; Л., 1930-1934), «Курс сопротивления материалов» (Киев, 1911-1913; Пг., 1915-1922; М.; Л., 1928-1931), «Курс статики сооружений» (Пг.; Л., 1922-1934; Харьков; Днепропетровск, 1931), «Прикладная теория упругости» (Л., 1930-1931), «Теория колебаний в инженерном деле» (М.; Л., 1931-1934), «Расчет упругих арок» (М.; Л., 1933-1938), «Теория упругости» (Л.; М., 1934-1937), «Пластинки и оболочки» (М.; Л., 1948), «Инженерная механика» (М., 1960), «Колебания в инженерном деле» (М, 1959), «История науки о сопротивлении материалов и теории сооружений» (М., 1957), «Устойчивость упругих систем» (М.; Л., 1946-1955), «Устойчивость стержней, пластин и оболочек» (1971), «Статистические и динамические проблемы теории упругости» (1975).

Спогади: Воспоминания (Париж, 1963); As I Remember. (New York; Van Nostrand, 1968).

Бібліографія: Тимошенко С. Воспоминания. Париж, 1963. С.407-416.

Література: *Писаренко Г.С.* Степан Прокофьевич Тимошенко. М., 1991 (укр. мовою: К., 1979); *Вечорин Е.* Предисловие // Тимошенко С. Воспоминания. Париж, 1963. С.7-12; *Борисов В.* Тимошенко Степан Прокофьевич // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая часть XX века. Энциклопедический словарь. М., 1997. С.623-625; *Лозбень В.А.* Механік, якого визнав світ // Аксіоми для нащадків. Українські імена у світовій науці. Львів, 1992. С.302-318; *Григолюк Э.И.* С.П. Тимошенко и его работы // Тимошенко С.П. Устойчивость стержней и оболочек. М., 1971; *Григолюк Э.И.* Степан Прокопович Тимошенко. 1878-1972 // Науч. тр. Ин-та механики МГУ. 1977. №47; С.П. Тимошенко [некролог] // Известия АН СССР. Механика твердого тела. 1973. №6. С.3-5; *Федосова С.А.* Академік Степан Тимошенко // Члени-засновники Національної академії наук України. К., 1998. С.213-240.

Воспоминания

События в Киеве

[...] В Киеве, по сравнению с Петербургом, было все спокойно. Заседала Украинская Рада, управляли страной выбранные Радой министры. С некоторыми из них я был знаком, встречая их, когда они, еще студентами, заходили к моим младшим братьям. Тогда это была Украинская социал-демократическая группа. К этой группе я не принадлежал. Выросли мы, три брата, в одних и тех же условиях. Заканчивали высшее образование в Петербурге. Ходили там вместе на украинские концерты и спектакли, но украинской политикой я никогда не интересовался и считал себя русским. Украинский язык, на котором говорили наши крестьяне, я знал, но так называемым литературным украинским языком, разработанным главным образом в Галиции и включавшем не мало польских слов, не интересовался. Относился к украинскому языку, как швейцарец или баварец к местному наречию. Они любят иногда на нем поговорить с близкими, но в школе предпочитают общенемецкий литературный язык.

В один из первых же дней в Киеве я решил пойти на заседание Украинской Рады. Зал заседаний и проходы были забиты публикой и пройти в зал и найти свободное место было не легко. Ко мне подошел молодой человек в солдатской гимнастерке и предложил мне помочь. Он, очевидно, знал меня, что меня не удивило. В Киеве было не мало бывших политехников, когда-то слушавших мои лекции. Оказалось, что это был Голубович, председатель Совета Министров. Он меня провел на эстраду и усадил в кресло неподалеку от стола, за которым заседали министры. Было удобно наблюдать и речи были хорошо слышны. То было трудное время для украинцев и для Украинского Правительства. Петербургское большевистское правительство предъявляло требования, которые было трудно удовлетворить. Знакомый мне министр Винниченко предлагал на этом собрании внести в правительственную программу разные признаки полевения, но это, конечно, не могло удовлетворить большевиков. Им нужно было не полевение украинской политики, а власть над Украиной.

Среди публики заметил инженера Демченко. Знал его еще студентом в Путейском Институте. Потом встретил его в Киеве во время моего деканства. Он явился, как представитель Городской Думы, в заседание правления при рассмотрении годового институтского бюджета. Известность он приобрел своим проектом замощения киевских улиц. На мостовых употребляли шведский особенно твердый камень, и Демченко заведывал всеми работами. Говорили о разных злоупотреблениях в этом деле. Сколько было правды в этих разговорах я не знаю, но было известно, что за годы своей городской службы Демченко сильно разбогател и имел в Киеве большое имущество. Решения Рады могли сильно влиять на его финансовое положение и естественно, что он с интере-

сом следил за этими решениями.

Мое благоденствие в Киеве длилось недолго. Скоро мы узнали, что с большевиками началась война. Войска двигались по дороге, соединяющей Киев с Петербургом, и прямое железнодорожное сообщение по этой дороге было прервано. Все же я хотел вернуться вовремя к моим учебным занятиям и в положенный день явился с вещами на вокзал. Поезд в моем направлении был подан, но все вагоны уже были забиты дезертирами. Сделал попытку протискаться в один из вагонов, но встретил такое злобное отношение солдат, что пришлось отступить. Вернулся домой и решил ждать более надежных средств сообщения с Петербургом.

Большевики быстро продвигались и через несколько дней они были уже под Киевом. Начался обстрел города. Защитников в Киеве было немного и город, конечно, мог быть легко взят без разрушений, производимых тяжелой артиллерией, но в революционное время командиры, не уверенные в своих войсках, держат своих солдат в безопасности и воюют путем истребления мирных жителей. Большевики разрушили вокзал дальнобойной артиллерией и другие железнодорожные сооружения Киева, а потом перешли к систематическому разрушению города. Наш дом остался цел. Снаряды, направленные на вокзал, пролетали выше. Вечерами полет снарядов был прекрасно виден из окон.

Серьезно заниматься чем-нибудь при таких условиях было, конечно, невозможно, и мы, совсем не картежники, по целым дням играли в карты, предварительно поставив стол в простенке между окнами, чтобы не задела какая-нибудь шальная пуля. В доме самым храбрым оказался отец. Когда канонада затихала, он выходил на улицу посмотреть на разрушения. Сыновья, два прапорщика запаса, предпочитали сидеть дома.

После нескольких дней канонады горожане не выдержали и отправили депутацию в оба лагеря украинцев и большевиков с просьбой прекратить сражение. Для большевиков эти разговоры не имели значения, но украинцы не могли спокойно смотреть на разрушение своей столицы и решили отступить. Некоторые части отступали по Гоголевской улице мимо наших окон. Трудно назвать войсками эти кучки людей, проходивших перед нами. Далеко не все имели военную форму, не все имели винтовку в руках. Некоторые тащили пулеметы. Артиллерии я не видел. С войсками ушло и правительство, но совсем не далеко. Один из знакомых министров, вернувшись после ухода большевиков, рассказывал, что он с семьей прожил время большевистской оккупации в дачной местности в 30 верстах от Киева и что там протекала все время мирная жизнь. [...]

[...] После ухода украинских войск большевики без боя заняли Киев. На следующий день я осматривал разрушения с знакомым инженером, проведшим войну на фронте. Он утверждал, что ни один из русских городов, занятых немцами во время войны, не подвергся таким разрушениям, как Киев. Немецкие войска обходными движениями заставляли русские войска оставлять города без боя, а мирных жителей они не трогали.

Заняв Киев, большевики начали производить «обыски» и «изъятия излишков». Группа солдат явилась и в нашу квартиру. Они особенно интересовались верхней мужской одеждой и забрали все, кроме платья, которое было на нас во время обыска.

Особым затруднением для города являлось огромное количество скопившихся в Киеве солдат-дезертиров, не участвовавших в междуусобной войне и желавших поскорее отправиться домой. Вследствие нарушения железнодорожного движения эта масса солдат оставалась в городе и производила немало бесчинств. Были и солдаты, которые никуда не спешили. Им нравилось жить в Киеве. Помню февральский день с ярким солнцем. Прохожу по еврейскому базару. Вокруг шарманщика собралась толпа послушать музыку. Тут же

солдат в гимнастерке, видимо, сейчас пообедал на питательном пункте, ложка засунута за голенище. Он тоже слушает музыку, жмурится на солнце и никуда не спешит — он счастлив.

Во второй половине февраля мы услышали, что в Брест-Литовске заключен немцами мир с Россией и с Украиной и что большевики должны очистить занятые части Украины. Около 1-го марта через Киев проходили чехословацкие войска. Во время войны чехи часто переходили на русскую сторону и сражались против австрийцев. Из них потом составился целый корпус. Теперь им надо было отступать, чтобы не попасть в руки немцев. Части отступали в полном порядке. Шли мимо наших окон. После толп дезертиров и большевиков было приятно видеть войска, сохранившие дисциплину.

Это было, кажется, 3-го марта. Прислуга, вернувшаяся с базара, сообщила, что в Киев вошли немцы и что они наводят порядок на вокзале. Для нас, да и вероятно для большинства киевлян, это была радостная весть — кончались обыски и изъятия излишков, уходили шатавшиеся без дела по улицам дезертиры, устанавливался порядок. Я отправился на вокзал посмотреть немцев. Чтобы лучше видеть все происходящее, взобрался на пешеходный мостик, пересекавший вокзальную площадь. Картина была интересная: по площади, запруженной дезертирами, разгуливал немецкий унтер-офицер. Довольно было легкого движения его указательного пальца и толпа дезертиров расступалась и очищала унтеру широкую дорогу. Великое дело дисциплина! В здание вокзала я не входил. Мне сказали, что там идет работа: немцы задержали приехавших на базар баб, приказали им сложить в углу привезенные корзины с овощами и молоком и заняться очисткой сора и мойкой вокзальных полов.

Конечно, не все были рады приходу немцев. Деревне этот приход не сулил ничего хорошего. Крестьяне завладели помещичьими землями и имуществом, расширили свое хозяйство, начали рубку лесов для новых хат. С приходом немцев все это прекращалось: вернутся помещики, будут требовать обратно свое имущество, явится начальство и все вольности кончатся.

О разнице интересов города и деревни я скоро услыхал от моего чертежника. Он служил в городе в железнодорожном управлении, а жил в соседней деревне, где имел свой домик, огород и кое-какое хозяйство. Он изготовлял чертежи для моей книги и в связи с этим заходил ко мне. По окончании деловой части мы иногда вели разговоры общего характера, главным образом разговаривали о политике. До прихода немцев мы были обычно во всем согласны, а теперь наши интересы резко расходились. Я был рад установившемуся в городе порядку, а чертежник при первом же посещении начал на немцев жаловаться и не только потому, что он был больше патриот, чем я, но из соображений экономических. Рассказывал, что немецкие солдаты захватили свинью его соседа и изготовили себе праздничный обед. Обещали заплатить по установленной цене, но когда это будет? Он считал, что немцы явились на Украину только для того, чтобы подкормиться на украинских продуктах.

В Киеве немцы хотели наладить хорошие отношения с горожанами. Поддерживали порядок и эвакуировали дезертиров. Привезли даже кое-какие продукты немецкой промышленности. Продукты военного времени были невысокого качества, но в киевских магазинах уже давно ничего не было и немецкие продукты раскупались. На Крещатике открылся немецкий книжный магазин и, после четырехлетнего перерыва, мы снова могли покупать немецкие книги. Вероятно и тогда я уже думал о переселении в Америку, потому что первым долгом купил подробную карту Соединенных Штатов и книгу, описывавшую разные стороны американской жизни. Примерно в то же время я начал брать уроки английского языка. Научной литературы в немецком

магазине не было и, чтобы достать нужные мне книги, я обратился к военным. Зашел в здание первой гимназии, занятой какой-то немецкой частью, и обратился к унтер-офицеру, показавшемуся мне интеллигентным. Оказалось, что я не ошибся, — это был образованный человек, который сразу понял, чем я интересуюсь и какие книги я хотел бы выписать. Был составлен список желательных книг, и очень скоро я смог эти книги получить. Годом позже, уже в Ростове, я сделал попытку получить некоторые английские книги. Зашел в большой английский магазин и начал разговор о книгах с заведующим магазином, но никакого содействия не встретил.

Вместе с немцами вернулось и Украинское правительство. Начались опять заседания Рады. Особого интереса к этим заседаниям я не имел и только от знакомых членов правительства слыхал, что отношения немцев к Украинскому правительству все ухудшаются. Правительство и Рада, продолжавшие существовать только благодаря немцам, не хотели помогать немцам в деле вывоза из Украины съестных припасов. А немцы, как видно, для того и пришли, чтобы при помощи украинских продуктов улучшить питание своего населения.

Деятельность Рады и ее правительства скоро кончилась и случилось так, что я был свидетелем этого конца. В чудный весенний день, кажется, в начале мая, проходил мимо университета и решил зайти в здание, где заседала Рада. Теперь Рада мало интересовала публику и я без труда нашел свободное место. Председательствовал профессор Грушевский. Позже в связи с организацией Украинской Академии Наук я с ним ближе познакомился и даже прочел его книгу по истории Украины. И как ученый и как общественный деятель он не производил на меня впечатления крупного человека, но в Украинском движении он играл важную роль. Не помню о чем шла речь в описываемом мною заседании Рады, но скоро оно закончилось самым неожиданным образом: входная дверь раскрылась, вошел немецкий офицер и скомандовал поднять руки вверх. Как посторонний человек, я решил поскорее уйти из здания, но это оказалось не так просто. Выходные двери были заперты и охранялись вооруженным часовым, который для убедительности размахивал своим револьвером. Пришлось ждать, пока немцы перепишут присутствовавших членов Рады и правительства. Конечно, все это было подготовлено с немецкой основательностью, и в то время, как Рада заканчивала свое существование, где-то в другом конце города толпа провозглашала Гетманом Украины генерала царской службы Скоропадского. Начался новый период украинского движения.

Из газет мы узнали состав нового правительства. Большинство министров были украинцы умеренного толка, не фанатики. Председателем Совета Министров был назначен Василенко — историк, приват-доцент Киевского университета. Скоро выяснилось, что новый режим относится к людям русской ориентации более терпимо, чем то было при правительстве Рады, и берет на службу также людей великорусского происхождения, не знающих украинского языка.

Из Петербурга и Москвы доходили до нас слухи о тяжелых условиях жизни. О возвращении в Петербург нельзя было и думать, нужно было как-то устраиваться в Киеве. Еще в начале революции я получил обращение Совета профессоров Киевского Политехнического Института к профессорам, уволенным в 1911 году, с приглашением вернуться в Институт. Я решил, хоть и с большим опозданием, воспользоваться этим предложением и отправился для переговоров к директору Института. Выяснилось, что предмет «Сопротивления материалов» временно поручен профессору статики сооружений и что этот предмет опять может перейти в мое заведывание без всяких затруднений. Директор пообещал, не откладывая, выполнить нужные формальности, и действительно, я скоро получил фор-

мальное уведомление, что состою профессором Института. Это вносило некоторую определенность в мое киевское существование. [...]

Было еще одно дело, которым я занимался тем же летом — это участие в комиссии по организации Украинской Академии Наук. Как-то получил официальное письмо от председателя Совета министров Василенко с предложением зайти к нему по делу, связанному с вопросом об организации Украинской Академии Наук. Письмо меня очень заинтересовало, и в один из ближайших дней я пошел к Василенко. Он принял меня очень любезно и сообщил, что по делу Украинской Академии Наук организуется особая комиссия под председательством академика Вернадского и что он желал бы, чтобы я принял участие в работе этой комиссии, как представитель инженерных наук. Я ему сказал, что дело организации Академии меня интересует, но я противник самостоятельной Украины и даже противник введения украинского языка в сельских школах. При этом рассказал ему случай в Кременчугском земстве, где группа интеллигентов внесла предложение о введении украинского языка в земских школах, а крестьянские представители это предложение провалили и заявили, что они желают, чтобы их дети учили «паньску мову». Василенко находил, что в области механики вопрос языка не существенен и не может служить препятствием в моей работе в комиссии. На этом и согласились.

Дальше Василенко посоветовал войти в контакт с Вернадским, который сейчас занят приготовлением программы для работ комиссии. Вернадского я встречал раньше и в Москве и в Петербурге. Мы вместе заседали в комиссии по выработке устава Саратовского университета. Я знал, что по инициативе Вернадского была организована при Петербургской Академии «Комиссия для изучения природных богатств страны». Комиссия эта установила связь академии с научными работниками в провинции и сразу расширила научную деятельность академии. Эта идея сближения чистой науки с запросами жизни была близка и мне. С моим школьным товарищем физиком Иоффе мы уже, во время войны, разрабатывали программу особого отделения механики при Петербургском Политехническом Институте. Предполагалось давать студентам этого отделения широкую подготовку в математике, механике и физике в связи с техническими приложениями этих наук. Позже это отделение было открыто и сейчас дает немало ценных работников для разных исследовательских институтов.

Через несколько дней мы с Вернадским встретились, выяснили общность наших взглядов на задачи будущей Академии и условились, что я напишу записку об организации отдела механики, при котором должна была состоять лаборатория для экспериментальных исследований различных вопросов механики. С интересом занялся этим делом. Прочел несколько статей, даже какую-то американскую книгу, где описывались исследовательские лаборатории крупных американских технических компаний. Тогда я еще не знал, что в этих описаниях немало рекламного материала и что в научном отношении американские университеты и их исследовательские институты далеко не на высоте. Изготовленная мною записка была доложена в нашей комиссии, а позже опубликована в трудах Академии. Комиссия первоначально не была многолюдной. Кроме Вернадского и меня заседали историк Богалей, бывший ректор Харьковского университета, геолог Тутковский и какой-то старый украинский писатель. Позже появился Крымский, специалист по восточным языкам, экономист Туган-Барановский и историк Тарановский. Осенью план организации Академии был готов и принят правительством Гетмана и члены комиссии были назначены первыми академиками.

В Политехническом Институте лекции начались в установленное время. На первую мою лекцию явилось масса

студентов и устроили мне шумную встречу — очевидно, еще не забылось мое увольнение в 1911 году. Лекции шли до первых чисел декабря и прекратились из-за отсутствия отопления. Тогда еще не знали, что лектор может являться в шубе, в шапке и рукавицах и может пользоваться для освещения огарком сальной свечи.

Среди немецких офицеров было немало штатских, призванных из запаса во время войны. Среди них были и люди высоко образованные, хотевшие использовать время вынужденного бездействия для изучения культуры той страны, в которой они случайно оказались. Несколько офицеров явилось в Политехнический Институт. Они интересовались лабораториями, студенческими проектами, геодезическими работами. Мы слышали, что некоторые офицеры интересовались также историей страны и археологическими раскопками на юге Украины, особенно в Крыму.

Оккупационные власти, очевидно, по указанию свыше, пытались войти в контакт с различными культурными начинаниями страны. Вспоминаю торжественную церемонию открытия украинского университета. Университету отвели прекрасное новое здание, построенное при царском режиме для какого-то военного учебного заведения. На торжество явился и Гетман и генерал, командующий оккупационными войсками. Гетман произнес речь. Держался, пожалуй, несколько театрально, но по внешности безусловно удовлетворял требованиям, которые можно было предъявить к самодержавному Гетману. Дальше сказал речь по-немецки командующий войсками. Из штатских говорили ректор университета и писатель Винниченко. Оба произнесли речи, прекрасные по форме. Было ясно, что в ораторах Украина недостатка не имеет.

К организации Академии оккупационные власти отнеслись сочувственно. Говорилось даже, что предполагается подарить Академии оборудование механической лаборатории, но этого сделать немцы не успели — подошла эвакуация германской армии.

Сравнительное благополучие на Украине продолжалось недолго. На Западном фронте положение немцев начало ухудшаться. К английским и французским войскам присоединились американцы. Немцам приходилось постепенно отступать. Внутри страны начало проявляться недовольство. Были сделаны некоторые политические уступки, но это не помогло, и скоро началась революция. Император Вильгельм покинул страну и поселился в Голландии. Оккупационные немецкие войска на Украине тоже не оставались спокойными. Начались сходки, обсуждение создавшегося положения, но немецкие солдаты понимали, что уйти благополучно из враждебной им страны они смогут лишь при условии сохранения дисциплины и повиновения начальникам. Эвакуация армии проходила в полном порядке, и до последнего дня оставались на местах воинские части, охранявшие Киев от наступавших со всех сторон войск «Директории». С немцами уехал и гетман Скоропадский. Помнится, 15-го декабря вошли войска Директории. Я вышел на Бибиковский бульвар посмотреть войска новой власти. Это не была дисциплинированная армия. Без всякого порядка шли и ехали в розвальнях вооруженные люди в различных форменных и неформенных одеждах. Пришедшие раньше меня зрители рассказывали, что в передних санях проехал сам Петлюра. Говорили, что в санях перед ним стоял какой-то солдат, указывая пальцем на его грудь, и громко кричал, что это едет Петлюра. Ни армия, ни правительство не внушали мне никакого доверия.

Новое правительство занялось первым долгом чисткой правительственных учреждений. Увольняли русских, проникших в учреждения при гетманском режиме. Скоро очередь дошла и до меня. Я получил приглашение явиться к члену Директории, ведавшему делами Академии. Меня встретил развязный молодой человек, который сразу заговорил о недопустимости русского языка в

заседаниях Академии и в заключение пригрозил меня из Академии уволить, если я буду упорствовать и говорить в Академии по-русски. Не помню, что я ответил члену Директории, но знаю, что в Академии я продолжал говорить по-русски и делал это не из упорства, а потому что не знал литературного украинского языка, особенно его новейшей версии, пришедшей к нам из Галиции. К работе специалистов по выработке научной терминологии я относился с большим недоверием — при отсутствии нужного украинского термина они были готовы пользоваться любым иностранным языком кроме русского. Труды Академии по Уставу могли печататься на любом иностранном языке кроме русского.

Директория существовала недолго, всего недели три, ее солдаты скоро обратились в большевиков и Директория тихо исчезла. Последние дни Директории были наполнены разными слухами. Появились сторонники большевиков, утверждавшие, что большевики больше не применяют террора. С юга шли слухи, что в Одессе и в Крыму высадились французские войска, что они идут на север, оккупируют Украину и будут поддерживать порядок, как то делали немцы. Потом мы узнали, что войска действительно были доставлены французскими судами, но войска оказались совершенно недисциплинированными. Они отказались повиноваться своим командирам и их пришлось опять усадить на суда и отвести обратно во Францию. Украина оказалась всеми покинутой и к нам тихо, без всяких боев, пришли большевики.

В последние дни Директории многие покидали Киев и уезжали на юг в Одессу и в Крым. Из членов Академии уехал Туган-Барановский. Он не доехал до Одессы, умер в вагоне от припадка грудной жабы. Уехали некоторые младшие сотрудники. Канцелярия Академии всем желающим выдавала отпускные свидетельства. Не было уверенности, что Академия будет существовать дальше. Уезжали собравшиеся в Киеве при Гетмане беженцы из Петербурга. [...]

Киев при большевиках

После занятия Киева большевики вели себя первое время довольно тихо, и мы ничего не слышали о терроре. Очевидно, они были неуверены в своем положении. Но все же начались разговоры о разных реформах в учебных заведениях Украины. Собрали в университете представителей всех высших учебных заведений Киева. Собрание открыл представитель большевиков, молодой человек в меховой шапке, которую он не снимал и во время заседания. Большевик произнес довольно бессвязную вступительную речь, суть которой сводилась к тому, что высшая школа должна устранять рознь между людьми умственного и физического труда, что лекции должны читаться так, чтобы «человек от станка» мог их понимать. Что обучать нужно «показом», а не «рассказом». Все это казалось нам тогда неидущим к делу разговором. Школы не имели топлива и преподавать в аудиториях, где температура стояла ниже нуля, было невозможно.

Мне не пришлось работать в России после большевистского переворота, но известно, что в высших технических· школах были проведены реформы и, когда выяснилось, что рабочие без надлежащей подготовки лекций понимать не могут, организовали при высших школах «Рабфаки», где давалась принятым в школу рабочим предварительная подготовка, но и это мало помогло: принятые в рабфаки рабочие, не могли в большинстве случаев одолеть требований этих подготовительных школ. За десять лет реформ учебное дело в России было совершенно разрушено и когда позже взялись за усиленное развитие промышленности, то оказалось, что для этого дела в России нет достаточного количества инженеров. Сталин поступил тогда решительно — упразднил всякие новшества и вернул школы к дореволюционным порядкам.

Академия была в критическом положении. Жалованье служащим не упла-

чивалось, бюджет за 1919 год не был утвержден, да и вообще было неясно, будет ли Академия продолжать свое существование. Нужно было что-то предпринять, но никому не хотелось вести переговоры с большевиками. После длинных разговоров в заседании Академии я, наконец, согласился за это дело взяться и в один из ближайших дней отправился в Липки, где большевистский премьер Раковский занимал один из самых богатых особняков. Уже при входе я увидел необычную картину. На крыльце стояла зенитная пушка, очевидно, для отражения воздушной атаки, также стояли пулеметы. Часовые потребовали документы. Не помню какие документы я предъявил, но меня пропустили без особой задержки. В передней меня встретила секретарша премьера, молодая особа с револьвером на поясе. Выслушав мои объяснения, секретарша доложила обо мне премьеру, и я был принят немедленно. Дел у премьера в те времена было немного. Каких-либо посетителей ни в приемной, ни в кабинете я не видел. Премьер принял меня весьма любезно, усадил в кресло и даже пытался угостить сигарой. Я описал ему общее положение Академии и ее задачи, а потом перешел к вопросу об уплате жалования служащим и к вопросу о бюджете. Коммунисты уже раньше решили поддерживать украинские учреждения, и премьер сразу ответил, что его правительство заинтересовано в трудах Академии и будет ее поддерживать. Что касается выплаты жалований и бюджета Академии, он назвал мне двух министров, в ведении которых эти дела находятся, посоветовал к ним непосредственно обратиться и пообещал с ними предварительно переговорить, чтобы ускорить дело. Таким образом дела Академии решались успешно и очень легко. Очевидно, большевиками было решено продолжать печатание «карбованцев» и снабжать ими правительственных служащих. Премьер произвел на меня благоприятное впечатление. Хотя и коммунист, говоривший на ломанном русском языке, это видимо был человек образованный с приличными манерами, не чета члену Директории, грозившему меня уволить из Академии.

В один из ближайших дней я отправился к министрам, указанными мне премьером. Не помню ни их имен, ни названий их министерств. Первый из них помещался на Владимирской улице, назначил для приема ранний час и так как часы были переведены большевиками на три часа вперед, то на прием я шел при восходе солнца. Никогда прежде не видал Владимирской улицы в столь ранний час. Принял меня министр без затруднения и обещал начать выплату жалованья нашим служащим. Другой министр, занимавшийся нашей сметой, помещался где-то возле Михайловского монастыря. Это был латыш и, видимо, человек больной, принимавший меня, лежа на диване. Ему, видимо, было не до сметы и он ее принял без всяких возражений. Было впечатление, что оба министра не собирались засиживаться в Киеве и дела Академии их мало интересовали. Но дело было сделано. Служащие начали получать жалованье. Академия продолжала существовать.

Положение большевиков повидимому было непрочно. Русские войска были ненадежны и легко переходили с одной стороны на другую или «держали нейтралитет». Правительство держалось на иностранцах. Главной военной силой были латышские части. Они все время поддерживали большевиков. Надежными оказывались и китайские части, составленные из китайских рабочих, ввезенных в Россию во время войны при царском режиме, когда большинство русских рабочих было призвано в войска. Говорили также о каких-то воинских частях, составленных из немецких военнопленных, но я их не видал. Раз, проходя по Житомирскому шоссе, заметил толпу, собравшуюся у солдатских казарм. Перед казармами стояли пушки. В толпе говорили, что пришли китайские войска и, ворвавшись в ка-

зарму, усмиряют взбунтовавшихся там русских солдат.

Материальные условия жизни все ухудшались. На базаре за небольшой хлеб нужно было платить чуть ли не сто карбованцев. Крестьяне отказывались брать бумажные деньги. Предпочитали менять продукты на вещи, но вещей у нас, беженцев, не было. В Политехническом Институте преподаватели выбрали особый комитет для добывания продуктов. Во главе его стоял энергичный профессор Е.О. Патон. Ему удалось добыть значительное количество пшеницы и на мою долю пришелся мешок зерна. Пшеница оказалась сырой, ее нужно было сушить на балконе. Для защиты от птиц сажали кошку.

Раз получили откуда-то кожу для сапог. Она была очень нужна. Мои дети давно ходили в школу босыми. Рассказывали, что все русские дети ходили босыми. Обувь имели только еврейские дети. Только они приносили с собой завтрак. Все это вполне понятно. В Киеве, да и в других городах Украины, большая часть торговли была в еврейских руках и они сумели утаить от большевиков значительное количество товаров. Кроме того они всегда были хорошо организованы и поддерживали своих единоверцев.

Раз и на мою долю выпала удача. Ко мне зашел Э.К. Гарф, мой бывший сотрудник, из солидарности покинувший Киевский Политехнический Институт в 1911 году. Он узнал, что ликвидируется какой-то склад военного времени и что там продается без ограничений такой редкий продукт, как сахар. Мы туда отправились. Я купил и перетащил с помощью Гарфа к себе несколько пудов сахарного песку. Это сразу улучшило наше положение, мы не только могли теперь пить чай с сахаром, но на сахар могли выменивать на базаре другие продукты.

Академия продолжала свою деятельность. Штат служащих возрастал. Многие стремились получить хоть какие-либо занятия в Академии, считая, что связь с Академией может служить какой-то защитой в это тревожное время. Начали поступать рукописи научных трудов, протоколы заседаний. Все это надо было печатать, а бумаги не было и официальные просьбы дать Академии бумагу кончались ничем. Тут помог случай. Встретил я на Фундуклеевской улице моего бывшего ученика Киевского Политехникума И.Р. Гольдмерштейна. Это был хороший ученик. Он окончил Институт уже после моего увольнения. Поступил на службу в какую-то строительную контору, а потом сделался подрядчиком. Он, как видно, сохранил ко мне, как к бывшему учителю, добрые чувства и время от времени давал о себе знать. Помню, он посетил нас на даче в Финляндии в 1916 году. С продуктами тогда уже было очень трудно, а он привез нам из Петербурга массу вкусных вещей, о которых мы уже давно забыли и мечтать. То же случилось и в 1917 году. Он нас как-то разыскал на уединенном Крымском берегу и опять привез кучу подарков. Рассказывал о своих делах, о каких-то постройках, которые он делал для царского правительства, а теперь, как видно, продолжал работу уже с большевиками.

Я рассказал о делах Академии, упомянув и о трудностях с получением бумаги для академических изданий. Он вызвался мне помочь, и мы отправились в одно из большевистских учреждений. Там переговоры вел Гольдмерштейн, я только присутствовал и слушал. Все служащие сидели за письменными столами в шапках. Должно быть, это были евреи и приверженность к коммунизму не мешала им выполнять правила еврейской религии. Переговоры Гольдмерштейна скоро кончились, и он мне сообщил, что бумагу Академия получит. Действительно, мы ее через несколько дней получили.

Деловые таланты Гольдмерштейна помогали мне и позже. Летом 1919 года пошли слухи о движении на Украину Добровольческой Армии. Большевики видимо нервничали. Заработала «Чека».

Ходили разные слухи об ужасах, творящихся в застенках этого учреждения. Однажды утром прибежала к нам взволнованная жена Гарфа и сообщила, что ночью арестовали ее мужа и увезли неизвестно куда. Время было опасное. Нужно было действовать немедленно. Я решил идти к премьеру. Он принял меня без задержки. Выслушал мои объяснения о том, что Гарф выдающийся инженер, никакой политикой не занимается и не может представлять никакой опасности для коммунистической власти. Премьер внимательно все выслушал, сделал какие-то заметки и обещал выяснить дело. Я вышел обнадеженным. Рассказал все жене Гарфа. Начали ждать. Время шло, о Гарфе ничего не было слышно. Случай ускорил все дело. Как-то иду по Фундуклеевской улице и встречаю Козьмина в военной форме с красным бантом. Козьмин состоял преподавателем Киевского Политехнического Института примерно в то же время, как и я начинал там мою профессорскую деятельность. Позже он был уволен из Института за какие-то недочеты в финансах Институтских мастерских, которыми он заведывал. Он переселился в Петербург и занялся там изданием журнала «Мельник». Иногда заходил к нам. Для меня он был мало интересен, но дети встречали его с восторгом — он был большой мастер рассказывать детские истории и показывать фокусы. После большевистского переворота он стал ярым коммунистом.

При встрече на Фундуклеевской улице он рассказал, что теперь заведует снабжением Юго-Западного фронта большевистской армии. Очевидно, он делал у коммунистов большую карьеру, и я решил это обстоятельство использовать. Рассказал ему об аресте Гарфа, которого он когда-то знал, и просил о помощи. Он сразу согласился, и мы направились в какое-то большевистское учреждение, помещавшееся в подвальном этаже Первой Гимназии. С нами говорил молодой еврей, почти мальчик. Козьмин назвал ему себя и меня и объяснил ему, что мы зашли к нему по делу Гарфа, которого мы оба хорошо знаем и можем поручиться, что он ничего против «Партии» не предпримет. Большевик взял телефон и начал разговор с кем-то третьим. Он назвал наши имена и объяснил, что мы оба за Гарфа ручаемся. Мы не знали, что отвечали с другого конца, но после короткого разговора наш большевик положил трубку и сообщил нам, что Гарф будет освобожден. Чего не мог сделать премьер, сделал в пять минут молодой человек в подвальном этаже Первой Гимназии.

В тот же день мы услышали, что Гарф освобожден, а на другой день он мне рассказывал о своем приключении. Он сидел в общей камере. Там было довольно много заключенных, но каких-либо заметных лиц не было. Сидели мелкие спекулянты, укрыватели разных товаров и просто мелкие жулики. Некоторых вызывали для допроса, с которого обычно не возвращались. Очевидно, шла быстрая расправа.

Еще в самом начале деятельности Академии я заявил моим коллегам, что в связи с организацией Института Механики было бы желательно осмотреть соответствующие институты в Западной Европе и Соединенных Штатах. Но то было беспокойное время и решили вопрос пока отложить. Когда, уже при большевиках, выяснилось, что правительство довольно щедро снабжает Академию деньгами, я вновь поставил вопрос о командировке. Собрание отнеслось к моему предложению сочувственно и ассигновало на мою командировку пятьдесят тысяч карбованцев. Но что можно было предпринять с этими деньгами? За пределами Украины карбованцев никто не принимал. Я опять обратился к премьеру и рассказал ему о моих планах поездки и о затруднениях с деньгами. Премьер высказал большой интерес к моему плану, сейчас же распорядился об изготовлении для меня заграничного паспорта и о размене моих карбованцев на иностранную валюту.

Только позже я понял, почему премьер так заинтересовался моим планом. Уже когда я жил в Америке, меня там посетил мой школьный товарищ физик Иоффе. Он рассказал, что коммунисты приставили к нему «секретаря», который следил за всеми его передвижениями, а также выполнял другие поручения партии. Очевидно, было намерение и ко мне приставить «секретаря». Тогда большевистским агентам было не легко проникать в Европу и положение «секретаря» облегчало дело.

Возвращаюсь к моему плану. Дело с банком обстояло хуже — там не нашлось никаких иностранных денег, кроме австрийских крон, а кроны, после падения австрийской монархии, казались не лучше наших карбованцев. Все же я предпочел кроны и после оказалось, что я не ошибся — кроны, хотя и по низкому курсу, можно было разменивать в Западно-Европейских странах.

В конце июля услышали мы, что Добровольческая Армия заняла Харьков. Освобождение от большевиков приближалось и к нам. Потом узнали, что большевики начали вывозить из Киева офицеров запаса. Сейчас же после прихода в Киев большевики организовали перепись офицеров и у меня тогда же встал вопрос, являться ли мне на эту перепись? Как профессор я освобождался от всяких призывов, но как прапорщик запаса должен был заявлять в канцелярию воинского начальника о всех переменах своего адреса, и эти сведения большевики могли иметь в захваченной ими канцелярии воинского начальника. На перепись я тогда явился и теперь, уходя из Киева, большевики могли бы меня забрать. Я решил «скрыться». Попросил в Академии выдать мне удостоверение, что получил отпуск для поездки заграницу и что премьером выдан мне заграничный паспорт. Копию этого удостоверения я оставил жене, а с подлинником и заграничным паспортом отправился к знакомым, жившим в уединенном месте в 30-ти верстах от Киева вблизи Ковельской железной дороги. [...]

Добровольческая армия

В несколько дней исчезли все следы большевиков. Убрали многочисленные памятники Марксу, Энгельсу, Ленину и другим деятелям коммунизма. Исчезли разные большевистские объявления. На углах дежурили солдаты Добровольческой Армии. Везде царил полный порядок. В Киеве, оказалось, проживало немало артистов, уехавших на юг из голодавших Петербурга и Москвы и скоро открылся оперный театр. Давались оперы при участии самых известных в России певцов. В Киеве началась оживленная жизнь. Казалось, наши испытания кончились.

Конечно, не для всех был радостен приход Добровольческой Армии. До нас доходили слухи, что евреям, сотрудничавшим с большевиками, приходилось плохо, что все еврейское население обложено какими-то поборами в пользу Добровольческой Армии. Происходили и еще более страшные дела. Однажды я увидел на улице большую толпу людей, главным образом молодежи, шедшую за город под сильным конвоем. Говорили, что это большевики, которых вели на расстрел, и это казалось тогда вполне правдоподобным.. При Добровольческой власти открыли для осмотра публикой подвалы, в которых производились большевиками истязания и расстрелы их жертв. Я туда не пошел, а отец ходил и осматривал эти подвалы. Рассказывал, что в каждом из них он видел цементную стену с кровавыми пятнами и с желобом на полу для стока крови. Он был убежден, что там убивали людей.

Положение Академии при Добровольческой власти было неясным, и по просьбе Общего Собрания я отправился к комиссару по учебным делам, профессору Спекторскому, которого встречал еще в Гёттингене в 1906 году, а позже виделся с ним, как с ректором Киевского университета. Принял он меня очень холодно. Ему, видно, досадили «Украинские Самостийники» и от поддержки Академии он определенно отка-

зался, ссылаясь на общее постановление Правительства — не признавать ни Украины, ни созданных украинцами учреждений. Все это я доложил собранию Академии. Оно решило продолжать хлопоты и послало меня в Ростов для переговоров с Правительством Добровольческой Армии.

Ехал я с академиком Б. Кистяковским, имевшим в Ростове какие-то частные дела. Приятно было ехать без особых остановок, с почти нормальной скоростью, хотя и на твердых скамейках третьего класса. Других скамеек тогда уже не было. Под вечер, когда мы проезжали южные уезды Киевской губернии, в поезд села воинская команда с винтовками. Нам объявили, что тут иногда нападают на поезда шайки Махно, и посоветовали, в случае перестрелки, ложиться на пол. Но все сошло благополучно, ночь прошла спокойно и утром мы были в Екатеринославе, а на следующие сутки доехали до Ростова. Кистяковский отправился к своим родственникам, а я пытался найти для себя какое-либо пристанище, но безуспешно — в городе все было занято приезжими. На вокзале мне разрешили спать в том же вагоне, в котором я приехал — он стоял на запасных путях. В первую же ночь выяснилось, что температура так понижается, что спать невозможно. У меня не было с собой ничего теплого — ехали на юг. Надо было терпеть. На третий день явился возвращавшийся в Киев Кистяковский и сообщил, что его родственники готовы дать мне место для ночевок, но что днем я должен уходить, так как место занято. Это меня устраивало. Я переселился и начал хождение по разным учреждениям и хлопотать по делам Академии. Начал с министра финансов Бернацкого. Я его хорошо знал — когда-то мы вместе служили в Петербургском Политехническом Институте. Теперь он принял меня холодно и отказал в финансовой поддержке Украинской Академии. Как и Спекторский, он сослался на общее постановление Правительства Добровольческой Армии. Тот же ответ я получил и от министра Народного Просвещения. Моя поездка кончалась полной неудачей. Нужно было возвращаться в Киев ни с чем. Но тут приехал Вернадский, и я решил обождать его и возвратиться вместе. У Вернадского был целый ряд влиятельных знакомых, переехавших в Ростов из Петербурга и Москвы. [...]

Переговоры Вернадского оказались такими же безуспешными, как и мои, и мы возвращались в Киев с пустыми руками. До Харькова мы доехали быстро, а там застряли. Приехали утром, а ближайший поезд на Киев шел только вечером, и все билеты на этот поезд уже распроданы. Нам посоветовали прийти к отходу вечернего поезда, может быть, в последний момент удастся попасть в поезд. Мы так и сделали. Вечером, когда вернулись на вокзал, оказалось, что к поезду прицепили служебный вагон, в котором едет какой-то поставщик Добровольческой Армии. Нам посоветовали обратиться к этому поставщику, что мы и сделали. Поставщик разрешил воспользоваться его вагоном. Он имел постель в одном конце вагона, а нам предложил устроиться в совершенно пустом другом конце. Было приятно, что скоро доедем до Киева, но в то же время и обидно, что какой-то поставщик имеет в своем распоряжении целый вагон, а мы, академики, должны спать на полу, да и то с его разрешения.

Утром мы были в Полтаве. Там наш поезд должен был стоять несколько часов, и Вернадский предложил съездить к его родственнику, исполнявшему обязанности Полтавского губернатора. Губернатор был в мрачном настроении. Он рассказывал, что вслед за Добровольческой Армией являются бывшие помещики и стараются вернуть свои имения. Какие-то воинские отряды им помогают и производят в деревнях разные насилия и экзекуции. Он был уверен, что все это добром не кончится. Крестьяне очень враждебно настроены против Добровольческой Армии и ни-

какого содействия ей не оказывают. От губернатора мы вернулись к нашему поезду и двинулись в Киев.

В Киеве первые восторги от прихода Добровольцев уже улеглись, но спокойная жизнь не начиналась, не было уверенности в завтрашнем дне. Добровольческая Армия ушла на север, а в Киеве остался лишь слабый заслон. Большевики, отступившие по Ковельской дороге лишь на небольшое расстояние, могли опять к нам вернуться.

Так и случилось. Это было, кажется, 1-го октября. Мы утром услышали артиллерийскую стрельбу, пушки были совсем близко от нас — на территории Политехнического Института. Защищать город было некому и к вечеру весь город был занят. Опять начались «обыски» и «изъятия излишков». Но на этот раз большевистская власть оказалась кратковременной. На третий день большевистского владычества снова началась стрельба. Кто сражался с большевиками, мы тогда не знали. Сражались и перед нашими окнами на Гоголевской улице. Большевики отступали. Наступали малочисленные цепи повидимому опытных солдат. Они делали короткие перебежки, залегали, отстреливались, пользуясь всяким прикрытием, и снова наступали. К вечеру большевики были из Киева выбиты и мы зажили спокойно. Узнали, что защиту Киева организовал какой-то инженер. Он собрал команду в триста человек, главным образом из студентов, побывавших на войне, достал где-то винтовки. Этого ничтожного отряда опытных в военном деле людей было достаточно для изгнания из Киева нескольких тысяч большевиков. Мы были освобождены, но надолго ли?

Тимошенко С. Воспоминания. Париж, 1963. С. 147-174.

Головна алея Ботанічного саду. 1913 р.

Рейн Георгій Єрмолайович (1854-1942/1943)

Лікар, професор акушерства та гінекології.

Народився 20 квітня 1854 р. у Петербурзі. Закінчив Четверту Санкт-Петербурзьку гімназію. У 1869-1874 рр. навчався в Медико-хірургічній академії, по закінченні був нагороджений першою золотою медаллю за історичний нарис з оворіотомії, його ім'я було внесено на мармурову дошку в Академії. Залишений для вдосконалення на три роки при кафедрі, працював ординатором в академічній акушерській клініці проф. А.Я. Крассовського та в Імператорському пологодопомоговому закладі, стажувався в патало-анатомічному інституті Академії під керівництвом проф. М.М. Руднєва. У 1876 р. захистив дисертацію на ступінь доктора медицини про видалення фіброміом матки через череворозтин. У 1876-1878 рр. працював у якості хірурга тимчасового пересувного госпіталю на театрі російсько-турецької війни (Румунія, Болгарія, Туреччина). Був нагороджений орденом з мечами. Продовжив працю в акушерській клініці й водночас у фізіологічній лабораторії проф. І.Р. Тарханова. У 1880 р. обрано приват-доцентом Академії з акушерства та гінекології. У 1880-1882 рр. стажувався за кордоном (Німеччина, Франція, Італія, Англія), брав участь у VI Міжнародному конгресі лікарів у Лондоні. У 1883 р. обраний екстраординарним професором акушерства і гінекології Університету св. Володимира. Під його керівництвом побудовано нову університетську клініку, де вчений широко застосував принципи антисептики й асептики, а також нові акушерсько-гінекологічні операції. Вчений розробив широке коло проблем анатомії, фізіології, ембріології та патології жіночих статевих органів. Смертність рожениць у клініці знизилась до 0,2% (з 20-30%). 1887 року заснував і очолював Київське акушерсько-гінекологічне товариство.

1900 р. обраний керівником кафедри акушерства і жіночих хвороб Петербурзької воєнно-медичної академії та почесним лейб-хірургом імператорського двору. Керував будівництвом і діяльністю нової акушерсько-гінекологічної клініки. Головував на IX Пироговському з'їзді лікарів (1903), де вперше в Росії були розроблені нормативи акушерської та гінекологічної допомоги, проблеми організації жіночих консультацій. Депутат II-ї та IV-ї Державної Думи; октябрист.

1908 року з рекомендації голови кабінету міністрів П.Столипіна був призначений головою медичної ради Міністерства внутрішніх справ (вищої медичної установи в Російській імперії). У 1908-1911 рр. керував боротьбою з холерою на Донбасі та Півдні Росії. 1910 р. головував на XI Пироговському з'їзді лікарів. Висунув проект державної реформи охорони здоров'я. Очолював міжнародну комісію з перегляду лікарсько-санітарного законодавства (виробила «Положение об учреждении Главного управления общественного здравохранения»). У грудні 1916 р. із заснуванням Головного управління громадської охорони здоров'я Рейн його очолив (фактично став першим міністром охорони здоров'я).

Під час революції 1917 р. Рейн підтримував білий рух і наприкінці громадянської війни емігрував. Був професором і керівником акушерсько-гінекологічної клініки Софійського університету. Випустив підручник «Оперативне акушерство» (Софія, 1926, болгарською мовою). Читав лекції також у Загребському університеті. У 1925 р. гучно святкувалося 50-ліття наукової, лікарської та громадської діяльності Рейна. Болгарський уряд нагородив його Зіркою ордена «За громадянські заслуги». Наприкінці 1920-х років переїхав до Ніцци (Франція).

Основні праці: «К вопросу об удалении фибромиом матки посредством чревосечения» (СПб., 1876); «История зародышевого развития молочной железы» (1882), «Об антисептике в применении к акушерству» (1883); «Обезболивание и антисептика в акушерстве и хирургии» (Киев, 1886); «Из пережитого» (Т.1-2. Берлин, 1935).

Бібліографія: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Университета св. Владимира (1834-1884). Киев, 1884. С.560-561; Проф. Г.Е. Рейн. София, 1925.

Література: Рейн Георгий Ермолаевич // Биографический словарь... С.559-561; Проф. Г.Е. Рейн. София, 1925; *Мирский М.* Рейн Георгий Ермолаевич // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С.534-535.

Из пережитого

Предчувствуя затяжное течение революционных событий, я решил переехать в Киев, с которым я был связан семнадцатилетнею профессорскою деятельностью. Все члены медицинского факультета и совета университета Св. Владимира были мне хорошо знакомы, и среди них было много друзей. При их поддержке я надеялся вновь предаться научным занятиям, хотя бы в звании

приват-доцента, так как моя кафедра была в это время занята моим же учеником проф. Г.Г. Брюно. В таком смысле ходатайство мое было удовлетворено университетом, и я получил возможность опять работать, как преподаватель, в моем любимом университете.

23 марта 1917 года я водворился в Киеве, но, увы, вопреки ожиданиям, не надолго.

Мать городов русских — Киев, с таким подъемом воспетый Хомяковым, центр богатейшей Малороссии, а ныне Украины, казалось, должен был одним из спокойных уголков России, далеких от революционных страстей и от лихорадочного биения пульса столичной жизни. Зажиточный малороссийский крестьянин, в своем сельском и хозяйственном быту не угнетаемый общиною, не представлял собою той восприимчивой к демагогическим призывам среды, какою являлся деревенский «пролетариат», обезличенный «миром», во внутренних губерниях России. Можно было думать, что последствия революции будут иные в этом благословенном краю, в котором, по красочному описанию графа А.К. Толстого,

> « ...все обильем дышет,
> Где реки льются чище серебра,
> Где ветерок степной ковыль колышет,
> В вишневых рощах тонут хутора,
> Среди садов деревья гнутся долу
> И до земли висит их плод тяжелый».

Действительность не замедлила опровергнуть оптимистические ожидания. Не мир и тишина суждены были Киеву, а горе и разорение. Он превратился в арену ожесточенной политической борьбы и сменяющихся властей, переходя из рук в руки. Украинцы, большевики, немцы, добровольцы и даже поляки сражались за обладание Киевом и оставляли на нем кровавый след. А. А. Гольденвейзер (Арх. Рус. Рев., т. VI) за срок менее 3 1/2 лет, начиная с февральского переворота и до окончательного внедрения большевиков, насчитал тринадцать смен власти, а именно — представители Временного Правительства, Украинская Рада, большевики, Украинская Рада с немцами, Гетман с немцами, Директория, большевики, добровольцы, большевики (на 3 дня в октябре 1917 г.), снова добровольцы, опять большевики, затем поляки и, наконец, советские властители, пребывающие в Малороссии до сей поры. При них, по многочисленным сведениям — русским и иностранным — житница России превратилась в царство голода и смерти.

Трагедия Малороссии началась в связи с навязанными ей отчасти извне стремлениями к обособленности, к «самостийной Украине».

Когда я приехал в Киев, то был поражен внешними признаками украинизации. Хотя уже за много лет до войны «Мазепинцы» стремились к самостийности, но главный толчек к ее реальному осуществлению был дан извне, и происки западных соседей в этом направлении начались еще до начала войны. Австрийцы и германцы, стремясь заранее подорвать силы своего соседа — могучего Российского медведя, — всячески поддерживали украинофильские течения. П.Н. Милюков в своей «Истории второй русской революции» свидетельствует, что уже в самом начале войны образовался «Союз вызволения Украины», во главе которого стояли Скоропись-Иолтуховский и Меленевский, а в числе членов находился Дорошенко и др. 25 октября 1917 г. была опубликована в Стокгольме статья, в которой говорится, что идея такого Союза зародилась в некоторых эмигрантских кругах за границею задолго до возникновения войны. По словам Степанковского, идея организации Союза принадлежит Австрии и была осуществлена в первых числах августа 1914 года. После занятия русскими войсками Галиции Союз был переведен в Вену, а затем в Берлин. Германия, по примеру Австрии, устроила особые лагеря для военно-пленных украинцев, среди которых велась пропаганда за выделение

Медичні клініки Університету св. Володимира: вид з даху університету. Початок XX ст.

Украины в самостоятельное государство. В Галиции были сформированы зародыши будущих украинских войск — так называемые «сечевики», носившие впоследствии особую фантастическую форму. В конце декабря 1916 года партия из 29 пленных, во главе с германским капитаном Козак, была отправлена на Волынь с целью пропаганды. Из обнародованного нашей разведкой дела прапорщика Ермоленко видно, что переброской агентов занималась «Украинская секция» Германской разведки, имевшая на местах вполне организованную сеть посредников и сотрудников (Милюков).

Февральский переворот дал новый толчок украинским тенденциям. Уже в первые дни революции украинские процессии ходили в Государственную Думу под желто-голубым флагом, который явился их национальным символом. В Киеве и других городах подняли агитацию галичане, специально подготовленные Австриею для пропаганды украинского сепаратизма. Образовавшаяся после революции *Украинская Рада* резко встала на этот путь и обратилась к населению со следующим телеграфным воззванием: «Время идет. Принимайтесь за работу. Высылайте депутации к правительству с наложением неотложных требований украинского народа: украинская школа, гимназия, университет, украинский язык в правительственных учреждениях, возвращение сосланных галичан. Возрождайте и основывайте просветительные кружки. Раздавайте прокламации, организуйте сборы на национальный фонд, заложенный в Киеве». В середине марта Председателя Временного Правительства князя Львова посетила украинская делегация и предъявила ряд требований о мероприятиях, необходимых до созыва Учредительного Собрания. Требования эти заключались в назначении в украинские губернии лиц, знакомых с краем и его языком, — образовании должностей губернских украинских комиссаров, — учреждении при Временном Правительстве комиссара по украинским делам, — немедленном введении украинского языка в практику и делопроизводство судебных установлений, а также в начальной и средней школе и т.д. Во главе сепаратистского движения стояли Грушевский, Винниченко и Петлюра.

Проф. М.С. Грушевский, магистр Киевского университета, в молодые годы конкурировал на кафедру в Киевском университете, но не был избран Советом Университета. Может быть этою неудачею обясняется отчасти его злоба против всего Русского. Посему при бомбадировке Киева большевиками (русскими) особенно сильно пострадал многоэтажный дом Грушевского. В.К. Винниченко, автор серии мелких беллетристических произведений, написанных по русски, внезапно превратился в щирого украинца. Призванный в свое время на военную службу, он заявил себя негодным для исполнения военных обязанностей, был освидетельствован в комиссии и освобожден от военной службы по причине психической болезни (sic!) Об этом был составлен соответственный акт, копия которого ходила по рукам в Киеве. Петлюра, которому впоследствии суждено было сыграть столь важную роль, вынырнул из неизвестности.

Самостоятельным государством, отделившимся от России, Украина почи-

Робочий кабінет Георгія Рейна. Кінець XIX ст.

тала себя уже с 10 июня 1917 года, когда при торжественной обстановке на Софийской площади перед делегатами войскового съезда был оглашен первый «универсал», объявивший автономию Украины. С начала июля того-же года, когда в Киев приезжали делегаты Временного Правительства — Церетелли, Керенский и Терещенко и выработали соответствующие соглашения, вопрос об автономии Украины поступил на решение Временного Правительства. Вопрос этот вызвал в его среде разногласия, и три министра из кадетской партии, в том числе А.И. Шингарев, вышли в отставку, не соглашаясь на расчленение Российского Государства. Совет университета св. Владимира по украинскому вопросу представил Временному Правительству обстоятельную записку. В ней между прочим говорится: «от стремления к культурной самобытности Малороссии и от вопроса об ее областном самоуправлении следует строго отличать украинский политический сепаратизм, т. е. стремление к образованию особого украинского государства, находящегося с остальной Россией лишь в договорных отношениях или, может быть, даже вовсе с нею не связанного. Совет университета Св. Владимира считает своим долгом заявить, что для решения украинского вопроса в этом смысле и в этом направлении нет почвы в предшествующей истории Малороссии, что такое решение идет вразрез с интересами не только великорусского, но и малорусского племени, что не существует никаких оснований утверждать, что оно соответствует стремлениям, чувствам и желаниям большинства местного населения»... В том же смысле высказался Совет Московского университета. (Е.В. Спекторский. Столетие Киевского университета Св. Владимира. Белград, 1935 г.)

Центральная Рада являлась высшим органом (парламентом или Советом рабочих депутатов), руководившим всею жизнью страны. Председателем ее состоял упомянутый выше профессор М.С. Грушевский, известный своими шовинистическими сочинениями по истории Украины. Исполнительная власть олицетворялась Генеральным Секретариатом (Советом Министров), избираемым Радою. Должность Генерального Секретаря была вверена Винниченко, а на должность Военного Министра выдвинулся Петлюра.

По важным вопросам Рада издавала универсалы, нечто вроде манифестов. В III универсале, обнародованном 9 ноября 1917 года, Украина была объявлена Народной Республикой, находящейся в федеративной связи с Россией. В этом же акте возвещалась радикальная аграрная реформа с упразднением собственности на землю. Такое решение вызвало энергичные протесты со стороны помещиков и крестьян-собственников и послужило началом к зарождению оппозиционного течения против политики деятелей Рады.

Наконец, IV-м универсалом произошло провозглашение Украины самостийною с 14 января 1918 года. Затем 8 февраля н. ст. 1918 года в Брест-Литовске *Украинскою* делегациею, действовавшею от имени Самостийной Украины, был заключен мир с Австрией, представителем которой был граф Чернин, оставивший интересные воспоминания, в извлечении напечатанные в Архиве Русской Революции (т. II). Од-

Навчальна аудиторія гінекологічної клініки. Кінець XIX ст.

нако, глава *Российской* делегации в Брест-Литовске Троцкий не соглашался на самостоятельность Украины. Туда были двинуты большевистские войска. 26 января (8 февраля) Киев был ими занят после одиннадцатидневной жестокой бомбардировки. Рассказывали, что красные артиллеристы, наведя пушки из Дарницы, с левого берега Днепра, на Киев, не решались открыть огонь по городу с его святынями, церквами и многочисленным населением. Тогда явилась печальной памяти Евгения Бош, ярая большевичка, бывшая воспитанница Киевской гимназии, и собственноручно произвела первый выстрел. Выпущенный ею снаряд попал на площадь, вблизи Софийского собора. Бомбардировка носила напряженный характер, разрушая здания, калеча и убивая людей. Не был пощажен и университет с устроенною мною при нем клиникою, куда попало несколько снарядов, пробивших большие бреши. Одним из выстрелов была убита сиделка акушерской клиники в нескольких шагах от проф. Брюно. Через некоторое время и сам он погиб от осколка разрывного снаряда вблизи университетского здания.

Центральная Рада поспешила переехать в Житомир, и в Киеве водворилась советская власть. Назначена 5-миллионная контрибуция (Могилянский). Начались кровавые расправы. Массу жертв понесла буржуазия, а в особенности, русские офицеры, зарегистрованные на Украине. По слухам, погибло несколько сот человек. Мне лично известны случаи диких бессудных убийств. Так, варварски был замучен Митрополит Владимир. Военный врач Бочаров был застрелен на Печерске, так как вышел на улицу в шинели на красной генеральской подкладке и в погонах. Генерал Т. обратился в бегство от кучки большевиков и был убит несколькими пулями, посланными в догонку. Один русский офицер, мирно шедший с дамою по Фундуклеевской улице, был ни за что ни про что застрелен, причем труп его был брошен тут же, на тротуаре.

После украинской делегации последовало заключение мира с Центральными Державами и русскою делегациею. Троцкий долго колебался, не зная, как поступить. С одной стороны, прекращение военных действий вызывалось безусловною необходимостью. Сам Троцкий мог в этом убедиться во время поездки из Москвы в Брест-Литовск, видя русские окопы пустыми. Но, с другой стороны, как же социалистическая советская республика могла подписать мирный договор с капиталистическими государствами? Что́ по этому поводу

скажет западный пролетариат? В результате, Троцкий предложил курьезную формулу: «войну кончить, но мира не подписывать». Полагали, что немцы удовольствуются такою формулою и в наступление не перейдут. Рассказывая об этом, Троцкий пишет: «Ну что-же, сказал Ленин. Если так, тем лучше: и аппарансы соблюдены и из войны вышли». Однако, немцы приступили к наступательным действиям, и большевики прибегли к театральному жесту — 3 марта н. с. делегация подписала, *не читая*, Брест-Литовский «похабный» мир, который, по удостоверению самого Троцкого, «походил на петлю палача» (Л. Троцкий. Моя жизнь. Т.II. Берлин, 1930 г.).

Основываясь на заключенном с украинскими представителями мирном договоре, германо-австрийские войска быстро двинулись в Украину и уже 18 февраля ст. ст. 1918 г. вступили в Киев. Одновременно вошли и украинские отряды, предводительствуемые Петлюрой, который вскоре предпочел стушеваться. Большевики бежали из Киева почти без выстрела. В самую последнюю минуту упомянутая выше Евгения Бош, произведенная за свою храбрость корпусным командиром, торжественно заявила на митинге в театре, что Киев не будет сдан немцам, но тотчас же бежала из Киева на автомобиле, не забыв захватить награбленное добро. Так же исчезли и другие большевистские вожаки.

Киев был превращен в центр *немецкой оккупации*, которая отсюда распространилась на всю Украину в заранее определенных на особой карте границах. Мне удалось еще в апреле 1917 года получить такую карту в одном из киевских книжных магазинов. На одной ее стороне была изображена Европа до войны, а на другой — после. Здесь я увидел Малороссию, превращенную в огромных размеров страну — Украину. На восток она простиралась до Донской области, поглощая Кубань, а на юге охватывала Крымский полуостров. По этому поводу в Киеве одно время распространялось двустишье:

«Да живе вильна Украина...
Вид Киева до Берлина».

Справедливость требует признать, что значительная часть Киевского населения встретила вражеские немецкие войска не только без ненависти, но, скорее, с известным облегчением. В них видели избавителей от гнета большевиков, а также и защитников от Украинской Рады, скользившей все более влево по стопам коммунистов и к тому же проповедывашей ненависть ко всему русскому. Благоприятное впечатление производили усилия немцев водворить безопасность и порядок. По распоряжению новой власти прежде всего был вычищен и вымыт Киевский железнодорожный вокзал, запущенный и не знавший метлы чуть ли не с февральских дней. Заботами комендатуры, устроившейся в реквизированном моем доме, в Липках, был принят ряд мер к городскому благоустройству, в которых проявился немецкий организаторский талант. Среди различных начинаний нельзя не отметить открытие книжных магазинов, устройство по воскресеньям общественных концертов немецкой военной музыки на площади перед Городскою думою, и пр. Не забывали немцы и о своих интересах: создан лесопильный завод и столярные мастерские для изготовления коек и мебели для воинских чинов, упорядочены денежное обращение и железно-дорожный транспорт и т. п. Особое внимание, конечно, было обращено на продовольственный вопрос. Как известно, именно изобилие хлеба и других продуктов питания послужило одним из оснований для оккупации Малороссии. В это время и Германия и Австрия испытывали крайние лишения, и использование богатейшего края было для них спасением. Насколько в таком направлении действия были энергичны, можно судить хотя бы по тому факту, что, как сообщает граф Чернин (Арх. Рус. Рев., т. II), одна только Австрия за весну и лето 1918 года вывезла из Украины

42000 вагонов продовольствия. Кроме, так сказать, планового вывоза, прибегали к другим средствам. Так, например, каждому чину оккупационного корпуса было предоставлено, в целях подкармливания изголодавшихся семей, еженедельно посылать на родину ящички определенного размера и образца весом в 2 кило с съедобными вещами, в том числе с сахаром и с салом. Кто был тогда в Киеве, помнит целые транспорты таких ящичков, двигавшиеся по улицам к району железно-дорожной станции.

Вместе с немцами вернулась и Украинская Рада. Однако, ее политика, исполненная социалистических стремлений, мало чем отличавшихся от большевистских реформ, вызывала в населении протесты и недовольство. Особенно раздражали меры по принудительному отчуждению земельной собственности. Эти начинания, неизбежно понижая сельско-хозяйственную производительность страны, не соответствовали также интересам немцев и их планам по снабжению голодающей Германии продовольствием. Вскоре произошел полный разрыв между немецким командованием и Радою. Решено было с нею покончить. 28 апреля 1918 года в собрание Рады явился небольшой немецкий отряд, с ружьями на перевес, под командою фельдфебеля (из контрразведки), который и объявил всех присутствующих арестованными по приказу немецкой власти. Все члены Рады, кроме Грушевского, повиновались приказу и подняли вверх руки, в том числе и члены правительства во главе с Председателем Совета Министров Голубовичем, молодым человеком 28 лет, студентом Киевского политехникума. Спустя некоторое время он был судим особым немецким судом. Через час все задержанные были отпущены по домам.

На следующий день, 29 апреля, тихо и мирно произошел гетманский переворот. В громадном помещении цирка собралось множество народа из Киева и из провинции, причем не хватало места для всех желающих, и часть приезжих расположилась на Николаевской улице. Один за другим в течение нескольких часов поднимались на кафедру ораторы и жаловались на установленные Радою порядки и притеснения. В этих сетованиях звучала неподкупная правда измученных людей. В конце заседания стали раздаваться отдельные возгласы «Гетмана, Гетмана», которые вскоре обратились в единодушный призыв восторженной толпы. Видная фигура генерала П.П. Скоропадского, потомка Малороссийского Гетмана, показалась в одной из лож. Он и его свита, в парадных мундирах, отчетливо выделялись на сером фоне собравшихся «хлеборобов». Поднялись общие шумные приветствия по адресу человека, от которого ждали порядка и защиты. Генерал П.П. Скоропадский принял избрание от представителей Украины и был провозглашен Гетманом. Немедленно было совершено торжественное молебствие на площади перед Софийским собором, и новый Глава Государства вступил в отправление своих обязанностей. В ближайшие дни был создан Совет Министров под председательством популярного в общественных кругах Ф.А. Лизогуба. Началась напряженная работа по устройству различных частей управления и местной администрации. В числе министерств учреждено было и Министерство Народного Здравия, во главе с доктором Любинским. Государственным Секретарем был назначен И.А. Кистяковский, сын моего бывшего коллеги по Совету Университета Св. Владимира маститого уважаемого ученого, проф. А.Ф. Кистяковского.

Жизнь мало-по-малу входила в колею, и налаживался известный государственный порядок. Надо сказать, что февральские события, первое время проявлявшиеся главным образом в крупных центрах, сравнительно еще слабо отразились на малороссийской деревне. Если не считать отдельных эксцессов, крестьянство продолжало мирно существовать и работать, с недоумением приглядываясь к смене влас-

Георгій Рейн з колегами та учнями. Кінець XIX ст.

тей и режимов. Помню, что в моем Подольском имении крестьяне завладели фруктовым садом, но затем, узнав о моем прибытии в Киев, сами привезли мне арендные деньги.

Изобилие плодов земных в Украине влекло к себе изголодавшегося обитателя внутренних губерний. Тяготение это усилилось со времени большевистского переворота в Петербурге. Когда же стало известным о введении немецкого порядка и затем о водворении Гетмана, в благодатный край потянулось из разных концов Совдепии множество «беженцев» в погоне за безопасностью и за сытым существованием. Переход границы через тройной кордон советских, украинских и немецких властей был сопряжен с не малыми трудностями, осложнениями и волнениями. Но за то с каким вздохом облегчения эти «беженцы» переходили заветную черту и с каким наслаждением на первой же станции бросались к белому хлебу, ветчине, салу, сладостям и иным, забытым в социалистическом раю, продуктам. В зарубежной литературе можно найти множество воспомиианий об этих минутах и впечатлениях, связанных с сознанием, что большевики остались позади. Красочный рассказ находим у Н.А. Теффи, напечатанный в фельетонах «Возрождения» за 1931 год и в особой книге. Пишет об этом в своих мемуарах и Великая Княгиня Мария Павловна младшая, в американском журнале «Субботняя Вечерняя Почта» (1930, май).

Вскоре Киев превратился в огромный, кишащий разнообразным народом, центр. Восстановилась торговля и промышленность, широко развивалась банковская деятельность, а рядом с ней и спекуляция. Театры, рестораны, кафе, увеселительные заведения были переполнены. Возобновилась и общественно-политическая жизнь. Среди других беженцев, в Киев съехалось много государственных и общественных деятелей, представителей либеральных профессий, литераторов и т. д.

Образовались совместные совещания членов Государственного Совета и Государственной, всех созывов, Думы. Сначала нас сходилось человек 20, но это число быстро перешло за сто. Горячо обсуждались вопросы о форме будущего устройства власти в России. По баллотировке записками была принята монархия, но с поправкою П.Н. Милюкова — конституционная. Записки эти были тут же сожжены. Интересно вспомнить, что П.Н. Милюков, во все время

Клініка акушерства та гінекології Університету св. Володимира. Початок XX ст.

войны твердо державшийся Союзников, по переезде в Киев, стал почему-то приверженцем ориентации немецкой, и это почти накануне поражения Германии! Между тем в это время почти все прочие общественные деятели, предвидя проигрыш войны немцами, уже отошли от этой ориентации и обратили свои надежды на помощь «Антанты». Нельзя здесь не вспомнить, что впоследствии участие П. Н. Милюкова в Российской депутации, ездившей в Париж, вызвало в ту эпоху энергичные протесты французского Правительства за столь неожиданно высказанное им германофильство. Невольно удивляешься, как маститый историк оказался столь недальновидным в оценке ближайших политических событий.

Собирались в Киев и земцы, детально разрабатывая будущую конструкцию земского самоуправления. Странно было слушать, как ораторы, находясь — по правде говоря — на вершине клокочущего вулкана — страстно спорили о составе управ, о их полномочиях, о выборной системе и прочих подробностях. Имелась организация земельных собственников («хлеборобы»), в состав которой вошел и я, торгово-промышленников («Протофис» — председатель князь Н.Д. Голицын) и множество других. Был и съезд монархистов. Во время этого съезда пришло известие об убийстве Государя и Его Семьи. Съезд в полном составе прошел в Софийский собор, где Преосвященным Антонием была отслужена панихида и произнесена трогательная речь об усопшем Императоре. После перерыва Съезд продолжал свои работы, которые, однако, никаких практических результатов не имели. В других собраниях тоже кипела горячая словесная работа, составлялись проекты, писались записки, принимались резолюции... Но продолжалось это не долго, разразилась революция в Германии, пала Германская Империя... Немцы покинули Украину, с ними уехал и Гетман. Водворились Петлюровцы, а затем пошла смена властей и гражданская война.

После перемирия 11 ноября 1918 года на Западном фронте дело Гетмана было заведомо проиграно. Гетманская власть не успела сформировать и дисциплинировать собственную армию,

которая служила бы ей опорою в борьбе с Петлюровцами и большевиками. Был создан лишь остов будущих военных сил, назначены командиры и установлены штаты воинских частей, но ни солдат, ни лошадей, ни артиллерии, ни оборудования не было. В распоряжении Гетмана, кроме отряда личной охраны, было несколько сотен «сечевиков», совершенно не надежных, как это и подтвердилось в ближайшем времени. Попытка мобилизации, объявленной гетманским правительством в декабре 1918 года, была слишком запоздалою и ничего не могла изменить. Единственная надежда была на помощь победоносных Союзников. Киев с нетерпением ожидал прибытия союзнических войск, высадившихся в Одессе. По этому поводу ходили всевозможные слухи, возбуждавшие настроения в связи с неуверенностью в намерениях приближавшихся Петлюровских отрядов. Говорили, что передовые французские части уже появились в Жмеринке и спешно двигаются к Киеву. Общество хлеборобов обсуждало даже текст приветственного адреса французскому командованию и послало делегацию к Гетману с предложением об отказе от немецкой ориентации и о принятии Союзнической. С.Н. Гербель, сменивший Лизогуба на посту Председателя Совета Министров, отправил кружным путем в Одессу к Союзникам князя Е.Н. Трубецкого, с заявлением, что правительство может продержаться в Киеве до вступления союзников не более восьми дней (Е.Н. Трубецкой. Из путевых заметок беженца. Арх. Русск. Рев., т. XVIII).

Но надежды на спасителей оказались тщетными. Союзники не только не пришли в Киев, но вскоре покинули и Одессу под влиянием большевистской пропаганды.

В Киеве водворился Петлюра со своими «щирыми» соратниками. Для развития возглавлявшегося им движения обстановка сложилась исключительно благоприятною. Все усиливавшиеся реквизиции продовольствия и других предметов, к которым прибегали оккупационные власти, постепенно восстановили население против немцев и австрийцев. Местами возникали бунты и восстания крестьян, которые сурово подавлялись карательными немецкими отрядами. При таких условиях националистическая пропаганда падала на благоприятную почву. Этою пропагандою Петлюра ухитрялся заниматься уже во время своего заключения в Лукьяновской тюрьме, откуда им рассылались по всей Украине листки с призывами к свержению «русского генерала», опирающегося на немецкие штыки. 15 августа он бежал из заключения. В Белой Церкви Петлюра организовал 15 ноября Директорию из 5 членов, среди которых наиболее влиятельным после него был Винниченко. Директория деятельно собирала войско и готовилась к решительным выступлениям, опираясь на возраставшее недовольство в населении. Сначала ни Гетман, ни поддерживавшие его круги не придавали особенного значения Петлюровской «авантюре», — когда-же, по мере распространения восстания, оно вылилось в реальную опасность для существующего строя, было уже поздно. Как я упомянул, Гетман не располагал достаточными и надежными собственными вооруженными силами, а немецкие воинские части, после происшедшего у них на родине переворота, значительно разложились. Возникли разные полковые и иные «комитеты», столь хорошо известные по русскому опыту, образовались ячейки «спартаковцев», начались митинги с «резолюциями» и все прочее, неизбежное при создавшейся обстановке. Между прочим, эти «спартаковцы» ограбили сейф германского консула, имевшего права представителя Германского Правительства. В этом сейфе находились деньги и драгоценности нескольких русских семей, считавших сейф Немецкого Правительства вне опасности. Ограбленные Спартаковцами драгоценности попали в руки большевиков и исчезли бесслед-

но. Немецкие солдаты отказывались от участия в каких либо активных вооруженных действиях и встали на позицию «нейтралитета» между Гетманом и Петлюрою, стремясь возможно скорее отправиться домой. В конце концов, немецкому командованию осталось только эвакуировать свои войска и учреждения, причем они озаботились оказанием генералу Скоропадскому помощи для выезда в Германию. Нужно отметить, что такая же помощь была распространена и на многих русских деятелей, которые не хотели попасть в руки Петлюровцев и предпочли эмигрировать за-границу.

Окончательное занятие Киева войсками Директории, разбившими без затруднений немногочисленных его защитников, произошло 13 декабря 1918 года. Гетманские Министры, во главе с С.Н. Гербелем, были арестованы в частном доме № 10 по Подвальной улице, куда и меня желали заключить петлюровцы. Они явились ко мне на квартиру для задержания, но не нашли меня дома и оставили только строгий приказ явиться добровольно в дом № 10. Приказ этот мною исполнен не был, и я предпочел скрываться у знакомых. Впоследствии Министрам удалось освободиться уже вне Киева. Генерал-рыцарь граф Келлер, отказавшийся выехать из Киева, при помощи немцев, переодетым в форму германского офицера, был застрелен петлюровцами на Софийской площади перед памятником Хмельницкому под тем предлогом, что он якобы сделал попытку к бегству, чему, конечно, никто не поверил. [...]

После того как немцы покинули Украину, в Киев вернулась прежняя Директория. Но господство ее и на этот раз длилось короткое время, всего около 6 недель. Ее мероприятия сводились преимущественно к борьбе с русским языком и к насаждению «украинской мовы» повсюду, вплоть до магазинных вывесок. К противодействию движению большевистских войск она приготовиться не успела и, за несколько дней до их приближения, поспешила покинуть столицу Украины.

Хозяйничанье советских властей, завладевших Киевом после петлюровцев, продолжалось с 6 февраля по 18 августа 1919 года. Цифры эти, как и другие, приведенные в моем изложении, не вполне совпадают с описаниями современников; возможно, что в данном случае одни показания основываются на старом стиле, а другие на новом, введенном в Совдепии с 1 февраля 1919 года. Овладев Киевом, большевики не оставили без своего хозяйничания и Университет. Два молодых человека Мицкун и Финкельштейн явились к ректору Е. В. Спекторскому и предъявили ему приказ №1, коим упразднялась должность ректора и проректора, и вся власть переходила к ним — комиссарам нового правительства. О возмутительных экспериментах этих комиссаров в Университете св. Владимира повествует проф. Спекторский — последний законный Rector magnificus — в своем труде — «Столетие Киевского университета св. Владимира». Белград, 1935 г. — и проф. Н.М. Бубнов в статье, напечатанной в Париже в Revue internationale de l'enseignement, 1929.

Второй приход большевиков составил, по единогласным отзывам киевлян, одну из самых мрачных страниц истории послереволюционных дней Киева. Три чрезвычайки — городская, областная и всеукраинская — установили режим невероятных насилий и издевательств над мирным обывателем. Обыски, реквизиции, аресты, бессудные казни, убийства, грабежи сделались повседневным явлением. Во главе всеукраинской чрезвычайки стоял известный своею лютостью и беспощадностью латыш Лацис. Он установил путем декрета «красный террор». Люди расстреливались сотнями без каких-либо обвинений. Уничтожали не только за активные выступления, но и за неугодные властителям политические воззрения. Достаточно было простого доноса о прежней, хотя бы давнейшей общес-

Коридор однієї з клінік Університету св. Володимира. Початок XX ст.

твенной деятельности, несогласной с большевистскими взглядами, чтобы обывателя расстреливали без всяких расследований. Путем наговоров сводились в порядке «красного террора» старые счеты, и разные неудачники или обиженные тщеславия мстили за прошлое.

Примером огульных расправ может служить «казнь» 68 киевлян, значившихся в списке клуба националистов. Среди них были почтенные представители науки, судебных установлений, земства, торговли, промышленности, кредита и общественные деятели, неугодные левым. Из моих коллег по университету Св. Владимира погибли в чрезвычайке Т.Д. Флоринский, известный славист, и П.Я. Армашевский, профессор по кафедре геологии. Ища каких-либо «преступлений» этих двух жертв террора, приходится остановиться на предположении, что Флоринский был убит за исполнение им когда-то, весьма давно, обязанностей цензора, не нравившегося левым газетам, а Армашевский — за издание несколько лет перед тем правой газеты «Мир». В момент «чекистского суда» оба седовласые старца-деканы соответственных факультетов — были чужды какой-либо политической деятельности, всецело отдаваясь научным занятиям.

По большей части способ «казни» был прост: «преступника» заставляли ложиться спиной вверх на полу в подвале, и палач производил выстрел из ружья или револьвера в затылок. Прием этот, напоминающий современное умерщвление скота на бойне, должен был давать смерть быструю и верную, ибо в этой области находится т. н. «жизненный узел». В безобразных условиях советской действительности быстрая смерть была облегчением: прекращались лишние страдания и предсмертные издевательства, которым подвергались осужденные «в расход». Между прочим, много лиц, бросившихся тотчас по вступлении в Киев добровольцев в главную чрезвычайку, которая помещалась в центре города, против губернаторского дома, утверждали, что они нашли на трупах казненных следы пыток и жестоких мучений. По этому поводу, однако, мой коллега профессор судебной медицины Таранухин передавал мне, что при исследовании многих десятков тел, доставленных в судебно-медицинский институт при университете, он не обнаружил подобных следов и что в заблуждение могли ввести изменения на трупах чисто посмертного происхождения, вследствие трупного разложения. Однако, множество очевидцев, исследователей тогдашней кровавой эпохи (в их числе Д. Петровский, ссылаясь на свои наблюдения, а также на известные труды генерала Деникина и Мельгунова), категорически, без малейших сомнений, свидетельствуют, что чекисты и красноармейцы избивали, мучили и пытали арестантов, пленных и заложников.

Тело профессора Т.Д. Флоринского, сохраненное служителем анатомического института, было закопано большевиками на пустыре близ Лукьяновского кладбища и было опознано вдовою профессора Верою Ивановною. 29 ав-

густа состоялось отпевание его в университетской церкви и погребение на кладбище Аскольдовой Могилы. Затем — 8 сентября было устроено посвященное памяти покойного профессора торжественное заседание университета совместно с Обществом Нестора-Летописца и Историко-литературным Обществом (Е.В. Спекторский).

Останки П.Я. Армашевского найдены не были, но факт его казни по «приговору» чрезвычайки установлен на основании найденного журнала, подписанного Лацисом. Вот этот жуткий документ:

«Слушали:

1) Об отпуске по болезни товарищу Иванову.

2) О бывшем профессоре университета Армашевском, обвиняемом в контрреволюции.

Постановили:

1) Дать отпуск на 2 недели, по представлении медицинского свидетельства.

2) Подвергнуть высшей мере наказания.» и т. д., в том же роде, лаконичные приговоры к расстрелу, в перемежку с постановлениями о выдаче ликвидационных и наградных денег и с другими текущими вопросами...

Особенно безудержно свирепствовали большевики перед эвакуацией Киева. После взятия Харькова 25 июня 1919 года приближение Добровольческой армии встревожило большевистских вожаков и, предвидя неизбежность оставления Киева, они решили «хлопнуть дверью». Эту задачу взял на себя известный своею безграничною лютостью чекист Петерс. Люди истреблялись без всякого контроля и учета. По сведениям Д. Петровского, в последние дни было расстреляно более 2000 человек.

К сожалению, не долго пришлось киевлянам отдохнуть от большевистской власти под охраною Добровольческой армии. В связи с отступлением Армии от Орла на Юг Киев был ею оставлен и снова попал в руки красных. Должен сказать, что наступление большевиков и сдача Киева были на этот раз неожиданными и для населения и для

Операційна медичного факультету. Початок XX ст.

местной добровольческой власти. Насколько в этом смысле господствовало уверенное настроение, может служить показателем тот факт, что за две или три недели до занятия Киева большевиками, небольшая группа из пяти лиц приступила к изданию анти-большевистской газеты, при материальной поддержке генерала Драгомирова, и успела даже выпустить один номер этой газеты.

Мне, к счастью, удалось избежать чекистского пленения. В начале ноября 1919 года, т. е. за несколько дней до третьего прихода большевиков и окончательного завладения ими Киева, я выехал из Киева в «санитарной летучке», эвакуировавшей больных на Юг. С благодарностью вспоминаю заведывавшего «летучкой» доктора Платеева (ныне в

Операційна медичного факультету. Початок XX ст.

Кишиневе) и двух сестер (из которых О.С. Бурова ныне проживает в Болгарии), приютивших меня в своем служебном вагоне. Я им помогал в уходе за более тяжелыми больными, а также в трудных переговорах с начальниками станций об отпуске топлива для паровоза, а они нередко уступали мне часть «пробной порции», когда на станциях нельзя было достать ничего съедобного.

Путь тогда был уже не безопасен. Недалеко за Фастовым санитарный поезд, в котором я временно находился, пересев из летучки, подвергся обстрелу, причем несколько человек было ранено и убито.

Покидал я близкий моему сердцу Киев с грустным предчувствием, что на этот раз я расстаюсь с ним надолго, — может быть, и навсегда... Промелькнули Ростов на Дону, Новороссийск, а затем пошли зарубежные скитания — Константинополь, Принцевы острова, Загреб, София, Ницца...

Рейн Г.Е. Из пережитого. 1907-1918. Берлин, б/г. Т. 2. С. 275-288, 308-312.

Справа про дозвіл академіку Георгію Рейну на читання лекцій на медичному факультеті Університету св. Володимира на правах приват-доцента 8/21 лютого — 9 квітня 1918 року

№1 Подання медичного факультету на ім'я ректора. 8/21 лютого 1918 року

Г*осподину* Ректору Университета Св. Владимира

Прилагая при сем ходатайство заслуженного профессора, академика Г. Е. Рейна, о допущении его к чтению лекций в качестве приват-доцента, довожу до сведения, что Медицинский Ф*акультет* в заседании своем от 20/7 февраля 1918 г. постановил просить о включении Г.Е. Рейна в число приват-доцентов университета.

Декан Медицинского Факультета
Февраля 21/8 1918 г. № 66

№2 Повідомлення ректора адміністрації медичного факультету про допущення Георгія Рейна до читання лекцій з акушерства та гінекології на правах приват-доцента. 9 квітня 1918 року

Апреля 9 дня 1918 г.
№ 560

В Медицинский Факультет
Университета Св. Владимира

Согласно представлению Медицинского Факультета от 21/8 февраля за № 66, уведомляю Медицинский факультет о допущении мною заслуженного профессора, академика Г.Е. Рейна к чтению лекций в качестве приват-доцента по предмету акушерства и женских болезней.

И*сполняющий обязанности* Ректора *(підпис)*
Секретарь Совета *(підпис)*

ДАК, ф. 16, оп. 465, спр. 6253, арк. 2-3.

Струве Петро Бернгардович (1870-1944)

Економіст, юрист, історик, політик, видавець.

Народився 26 січня 1870 р. у Пермі, син місцевого губернатора. Навчався в III-й гімназії в Петербурзі (закінчив 1889 р.). У 1895 р. екстерном склав іспити за курс юридичного факультету Петербурзького університету (у 1889-1890 рр. навчався на природничому, в 1890-1891 рр. — на юридичному факультетах). 1892 року навчався в Граці (Австрія) у Л. Гумпловича, тут почав публікуватися в німецькій соціал-демократичній пресі (про економічний розвиток Росії). У 1892-1894 рр. — бібліотекар у Міністерстві фінансів. 4 квітня 1894 р. — заарештований за зв'язки з народовольцями. Один з лідерів російського легального марксизму. 1894 року вийшла книга «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» — перше явище легального марксизму в Російській імперії. 1895 року написав «Открытое письмо Николаю II» (засуджував відхід від ліберальних реформ Олександра II). 1895 року спільно з Потресовим підготував збірник «Материалы к характеристике нашего экономического развития», знищенний цензурою. У 1896 р. — учасник міжнародного соціалістичного конгресу в Лондоні (IV конгрес II Інтернаціоналу), автор аграрної частини доповіді Георгія Плеханова. Спільно з М. Туган-Барановським редагував марксистські видання «Новое слово» (1897) та «Начало» (1899). Видав 1-й том російськомовного перекладу «Капітала» К. Маркса. 1898 року автор «Маніфесту» РСДРП. Розвинув критичну течію в російському марксизмі (реформістський соціалізм, впровадження принципів лібералізму). Автор теорії «господарства і ціни». У передмові до книги М. Бердяєва «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (1901) обгрунтував філософську метафізику як основу загальнозначущого соціального ідеалу. Ініціатор програмного збірника «Проблемы идеализма» (1902). Березень 1901 р. — учасник демонстрації на захист лівого студентства біля Казанського собору, заарештований, висланий у Твер. У грудні 1901 р. виїхав до Штутгарта. 1902-1905 рр. — редактор журнала «Освобождение», співзасновник «Союза Освобождения»; 1905-1906 рр. у Петербурзі редактор журналів «Полярная звезда», «Свобода и культура» та газети «Дума». У 1906-1915 рр. — член ЦК партії кадетів. 1906-1917 рр. — професор політекономії Петербурзького політехнічного інституту; читав лекції на Бестужівських жіночих курсах та в університеті. 1907-1918 рр. — редактор «Русской мысли», 1908 р. — автор проекту «Великої Росії». 1909 р. — учасник збірника «Вехи», де пропагував релігійність інтелігенції. 1909-1913 рр. — активний член петербурзького Релігійно-філософського товариства. 1913 р. захистив магістерську дисертацію «Хозяйство и цена» (ч.1), екстраординарний професор Петербурзького університету. 1916 р. — почесний доктор Кембріджського університету, прочитав цикл лекцій про сучасний стан Росії в Англії та Франції. 17 лютого 1917 р. в Київському університеті св. Володимира захистив докторську дисертацію «Хозяйство и цена» (ч.2). 1917 р. — академік Російської Академії наук по відділу політекономії (виключений з АН СРСР у 1928 р.). Квітень-травень 1917 р. — директор економічного департаменту МЗС. Травень-вересень 1917 р. — засновник Ліги російської культури і часопису «Русская свобода». Листопад 1917 р. — член «Донского гражданского совета» в Новочеркаську для організації Добровольчої армії. З лютого 1918 р. — в Москві (нелегально), редактор зб. «Из глубин». 1918 р. — у Фінляндії, член Національного комітета при Юденичі. 1919 р. — очолює кампанію збору коштів на білий рух у Англії та Франції. Літо 1919 р. — член «Особого совещания» при Денікіні. Ідеолог газети «Великая Россия». 1920 р. — в уряді Врангеля, добився його визнання урядом Франції. З жовтня 1920 р. — у Парижі. Активний діяч російської еміграції. Член Ради Інституту російського права при факультеті права в Парижі. Працює в галузі історії та теорії економіки, філософії, соціології, літературознавстві (цикл праць про О.С. Пушкіна). У 1921-1927 рр. видавець журн. «Русская мысль» (Прага, Берлін). З 1922 р. — професор політекономії Російського юридичного факультету Празького Карлового університету. Виступив за інтервенцію в СРСР. Вів жорстоку полеміку практично з усіма примиренськими напрямами еміграції (зокрема з М. Бердяєвим). У 1925-1927 рр. — редактор газети «Возрождение» (Париж). З 1925 по 1935 р. вів «Дневник политика». Намагався бути «політиком поза політикою», що призвело до його ізоляції. 1928 р. — голова відділу суспільних наук Російського наукового інституту в Белграді. 1930-1934 р. — голова Союзу російських письменників та журналістів. Автор лекційного курсу «Экономическая история России в связи с образованием государства и общим развитием культуры». 1934 р. політичні противники зірвали вступну лекцію Струве в Белградському університеті; перейшов до провінційного університету в Субботіце. Зосередився на творчій праці: «Система критической философии» (рукопис загинув), «Социально-экономическая история России» (не завершена публ. 1952). Травень 1939 р. — почесний доктор права Софійського університету. У травні-липні 1941 р. знаходився в Гестапо за доносом про близькість до Леніна. 1943 р. — переїхав до сина в Париж, де й помер 26 лютого 1944 р.

Основні праці: «Размышления о русской революции» (1921), «Итоги и существо коммунистического хозяйства» (Берлин, 1921), «Социализм» (1922), «»Хозяйствование, хозяйство, общество: основные понятия экономической науки» (1923), «Метафизика и социология» (1935).

Література: Материалы к творческой биографии П.Б. Струве (1920-1925) // Вопр. философии. 1992. №12; Испытание революцией и контрреволюцией: переписки П.Б. Струве и С.Л. Франка (1922-1925) // Вопр. философии. 1993. №2; *Pipes R.* Struve: Liberal on the Right. Camb. (Mass.), Lon-

don, 1980; *Колеров М.* Струве П.Б. // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С.609-612

Матеріали про захист докторської дисертації Петра Струве в Університеті св. Володимира на ступінь доктора політекономії і статистики 16 лютого — 8 березня 1917 року

№1
Повідомлення ректора Університету про захист докторської дисертації П. Струве на юридичному факультеті. 16 лютого 1917 року

Его Превосходительству Господину Попечителю
Киевского Учебного Округа.

17-го февраля 1917 года (в пятницу) в 1 час дня, в аудитории № XIV университета Св. Владимира профессор Петроградского Политехнического Института П.Б. Струве будет публично защищать представленную им в юридический факультет диссертацию, под заглавием: «Хозяйство и цена. Часть 2-я. Критика некоторых основных проблем и положений политической экономии. Выпуск 1», для получения степени доктора политической экономии и статистики.

Об этом имею честь донести Вашему Превосходительству, представляя при сем экземпляр упомянутой диссертации (будет дослан).

Ректор *(підпис)*
Секретарь Совета *(підпис)*

№2
Інформація попечителя Київського учбового округу в Міністерство народної освіти. 8 березня 1917 року

8 марта 1917 года
№ 1070

Господину управляющему
Министерством народного просвещения

При сем представляю Вашему Превосходительству в двух печатных экземплярах диссертацию под заглавием: «Хозяйство и цена». Часть 2-я. Критика некоторых основных проблем и положений политической экономии. Выпуск 1-й», представленную профессором Петроградского политехнического института П. Струве для публичной защиты 17 февраля сего года в аудитории № XIV университета Св. Владимира на степень доктора политической экономии и статистики.

Попечитель Округа *(підпис)*
Правитель Канцелярии *(підпис)*

ЦДІАК, ф. 707, оп. 85, спр. 20, арк. 1, 3.

«Введение преподавания в Киевском университете на украинском языке означало бы лишь горькую победу провинциального самолюбия над общерусской культурой».
Петр Струве
В России и за границей // Русская мысль. 1913. №1. С.8; Діло (Львів). 1913. 17 червня.

Карпінський Олександр Петрович (1847-1936)

Геолог, засновник багатьох напрямів в російській геологічній науці, перший виборний президент Академії наук (Російської та СРСР).

Народився 7 січня 1847 р. в селищі Богословського мідеплавильного заводу на Уралі (нині м. Карпінське Свердловської області) в родині гірничого інженера. 1866 року закінчив Петербурзький гірничий інститут. У 1866-1868 рр. провадив геологічні дослідження на Уралі; 1868-1896 рр. — доцент і професор (з 1877) того ж інституту. Один із засновників (1882) Геологічного комітету, його директор (1885-1903) і почесний директор (1903-1929). 1886 р. обраний ад'юнктом Петербурзької імператорської Академії наук, 1889 р. — екстраординарний, а 1896 р. — ординарний академік. 1916 р. — віце-президент Імператорської Академії наук. 1917 р. — перший виборний президент Академії наук; на цій посаді перебував до кінця життя. 1925 р. обраний академіком АН УРСР. 1899-1936 рр. — президент Мінералогічного товариства. 1897 р. — президент 7-ї сесії Міжнародного геологічного конгресу.

Почесний член: Болонської Академії наук (1898), національної Академії деі Лінчеї (1898), Королівської академії наук, літератури й мистецтв Бельгії (1898), Німецької Академії природодослідників «Леопольдина» (1925), Геттінгенської Академії наук (1926) та ін. Почесний член Університету св. Володимира з 1916 р.

Лауреат: великої золотої медалі Російського географічного товариства (1892), премії ім. Ж. Кюв'є Паризької Академії наук (1922), медалі ім. У.Х. Волластона, Лондонського геологічного товариства (1916).

Помер 15 липня 1936 р. в Москві; поховано в кремлівський стіні.

1946 року заснована премія і золота медаль ім. О.П. Карпінського АН СРСР. Його ім'ям назване місто в Свердловській області, вулкан на о. Парамушир (Курильські острова), гора на Північному Уралі та ін.

Сфера наукових інтересів дуже різноманітна: стратиграфія, палеонтологія, тектоніка і палеогеографія Європейської частини Росії. Вперше склав зведені геологічні карти Уралу та Європейської частини Росії. Вперше в Росії застосував мікроскопічний метод вивчення гірських порід, висунув одну з теорій диференціації магми; опрацював проблему походження рудних копалень (зокрема, платини); створив загальну класифікацію осадочних товщ; встановив артинський ярус у пермській системі (впровадив уперше онтогенетичний метод); реконструював за відбитком стародавню тварину-гелікопріон; вивчав харові водорослі; вперше виділив смугу дислокацій в південній частині Російської платформи (лінія Карпінського); обгрунтував теорію хитальних рухів земної кори (пов'язував з цим трансгресії морських басейнів). 1870 р. прогнозував наявність потужних покладів кам'яної солі в Донбасі.

Автор близько 500 праць. *Класичні роботи:* «Замечание о характере дислокаций пород в южной половине Европейской России « (1883), «Очерки физико-географических уловий в минувшие геологические периоды» (1887), «Общий характер колебаний земной коры в пределах Европейской России» (1894), «Собрание сочинений» (Т.1-4. 1939-1949).

Бібліографія: Александр Петрович Карпинский. 1847-1936. Библиография. М.; Л., 1938; *Михайлова Е.И.* Александр Петрович Карпинский. Библиографический указатель трудов. М.; Л., 1947.

Література: Александр Петрович Карпинский. 1847-1936. М.; Л., 1938. *Косыгин Ю.А.* Академик А.П. Карпинский — основатель школы русских геологов. М., 1950; *Личков Б.Л.* А.П. Карпинский и современность. М.; Л.,1946; *Шатский Н.С.* А.П. Карпинский как ученый // Сов. геология. 1948. №28; Історія Академії наук Української РСР. К., 1982; *Молявко Г.И., Франчук В.П., Куличенко В.Г.* Геологи. Географы: Биографический справочник. К., 1985. С.123-125.

Матеріали про обрання академіка Олександра Карпінського почесним членом Університету св. Володимира. 15-17 грудня 1916 року

№1
Подання професорів Петра Армашевського та Володимира Лучицького фізико-математичному факультету. 15 грудня 1916 року

В физико-математический факультет
Императорского Университета Св. Владимира

11 июня 1916 года исполнилось 50 лет с начала научной и служебной деятельности ординарного академика Александра Петровича Карпинского. Ряд крупнейших науч-

ных трудов Александра Петровича в области физической и исторической геологии, палеонтологии и петрографии создали ему имя одного из наиболее выдающихся русских геологов, пользующегося почетной известностью далеко за пределами России. Работы Александра Петровича всегда отличались необычайной талантливостью и являются, в особенности по отношению к геологии России, настолько выдающимися, что его имя должно занять место среди тех имен, которые составляют гордость нашей Родины. Это побуждает нас обратиться с предложением к факультету об избрании академика А.П. Карпинского почетным членом Императорского Университета Св. Владимира.

15 декабря 1916 года.
Профессор П. Армашевский
Профессор В. Лучицкий

№2
Подання фізико-математичного факультету в Раду Університету. 17 грудня 1916 року

В Совет Императорского Университета св. Владимира

Физико-математический факультет, заслушав в заседании 16 декабря *сего года* представление профессоров Армашевского и Лучицкого об избрании ординарного академика Александра Петровича Карпинского почетным членом Университета Св. Владимира, постановил ходатайствовать пред Советом Университета о таковом избрании.

17 декабря 1916 года
Декан Г. Де Метц
Резолюція: Доложено Совету 27 января 1917 г.

ДАК, ф.16, оп. 465, спр. 421, арк. 2-3.

Викладачі фізико-математичного факультету. Початок XX ст.

2

Останні урочисті акти в Університеті св. Володимира

Звіт попечителя Київського учбового округу міністру народної освіти про урочистий річний акт в Університеті св. Володимира 26 січня 1914 року

№ 1
О состоявшемся в Императорском университете Св. Владимира торжественном акте

Его Высокопревосходительству
Господину Министру Народного Просвещения

Имею честь почтительнейше донести Вашему Высокопревосходительству, что 26 сего января в Императорском Университете Св. Владимира, после 14-летнего перерыва, состоялся торжественный акт в присутствии посторонней публики и студентов университета. Студенты впускались по именным билетам, каковых было роздано 426 применительно к размерам помещения; в этот счет не входят студенты, принимавшие участие в хоре и оркестре, и те из них, которые из них были удостоены награждения за представленные сочинения, так что в общем студентов на акте присутствовало около 500 человек.

Акт открылся пением молитвы «Достойно есть». Затем профессором Г.Г. Павлуцким была прочтена актовая речь на тему: «О происхождении и развитии Византийского искусства». После означенной речи хором студентов был исполнен «Гимн

Актовий зал Університету св. Володимира. Початок XX ст.

пифагорейцев восходящему солнцу». Отчет о состоянии и деятельности университета Св. Владимира прочел ректор университета Н.М. Цытович. В конце отчета Н.М. Цытович сообщил сведения о награждении студентов медалями за представленные ими сочинения в минувшем году, после характеристики в главных чертах каждой работы была произведена выдача наград, затем хор студентов исполнил «Былинку» и «Славу» (музыки Кастальского), а в конце акта хор и военный оркестр три раза исполнили гимн «Боже Царя храни».

Попечитель Округа *(підпис)*
Правитель Канцелярии *(підпис)*

ЦДІАК, ф. 707, оп. 82, спр. 15, арк. 7-7 зв.

№ 2
Повідомлення про акт в газеті «Киевлянин» (1914, 27 січня, №27)

Торжественный акт Императорского университета св. Владимира. Вчера, 26 января, в зале торжественных собраний Императорского университета св. Владимира в 1 час дня состоялся торжественный годичный университетский акт.

На акте присутствовали: ректор Киевской духовной академии преосвященный Иннокентий, епископ Каневский, преосвященный Никодим, епископ Чигиринский, преосвященный Назарий, епископ Черкасский, наместник Киево-Печерской лавры архимандрит Амвросий, ректор Киевской духовной семинарии архимандрит Амвросий, командующий войсками Киевского военного округа генерал-адъютант Н.И. Иванов, временно исполняющий обязанности губернатора Б.Д. Кашкаров, комендант крепости генерал-майор П.В. Медер, председатель биржевого комитета С.С. Могилевцев, попечитель Киевского учебного округа А.Н. Деревицкий с супругой, помощник попечителя С.В. Певницкий, исполняющий обязанности киевского губернского предводителя дворянства П.М. Гудим-Левкович, окружные инспектора учебного округа, директора мужских гимназий, начальницы некоторых женских гимназий, протоиерей И.Н. Корольков, профессора и преподаватели университета, политехникума и коммерческого института, студенты университета и много других лиц.

В 1 час дня совет профессоров во главе с ректором университета профессором Н.М. Цытовичем, проректором и деканами факультетов занял председательский стол, раскинутый поперек зала у подножия портрета Государя Императора.

Акт открылся пением молитвы «Достойно есть».

Торжественную актовую речь на тему «О происхождении и развитии византийского искусства» прочел ординарный профессор по кафедре теории и истории искусств Г.Г. Павлуцкий.

В своей речи профессор отмечает, что по вопросу о происхождении византийского искусства в науке существует два мнения, две теории. Первое воззрение, последователи которого являются представителями римско-католической школы (Краус и др.), гласит, что византийское искусство есть продолжение римского творчества; вторая школа, апологетами которой состоят русские ученые (академик Кондаков, проф. Айналов и др.), настаивает на том, что византийское искусство базировалось на эллинистическом творчестве и что на этом искусстве в значительной доле отразилось влияние Востока — Сирии, Палестины, Египта и Малой Азии.

Научные изыскания и исторические исследования, сделанные известным ученым, венским проф. Иосифом Стржиговским, окончательно разрешили спор этих двух теорий, решив вопрос о происхождении византийского искусства в пользу эллинизма.

Лекція Григорія Павлуцького в кабінеті образотворчих мистецтв. 1913 р.

Но после этого в науке опять загорелся новый крайне интересный спор: начали решать вопрос о том, каково отношение Востока к византийскому искусству зрелого стиля и какова роль Константинополя в развитии взантийского искусства вообще.

По этим двум вопросам существуют две теории: ученые исследователи Петреловский и Шмит отрицают участие Константинополя в развитии византийского искусства и полагают, что влияние Востока шло в Константинополь непосредственно, минуя Константинополь.

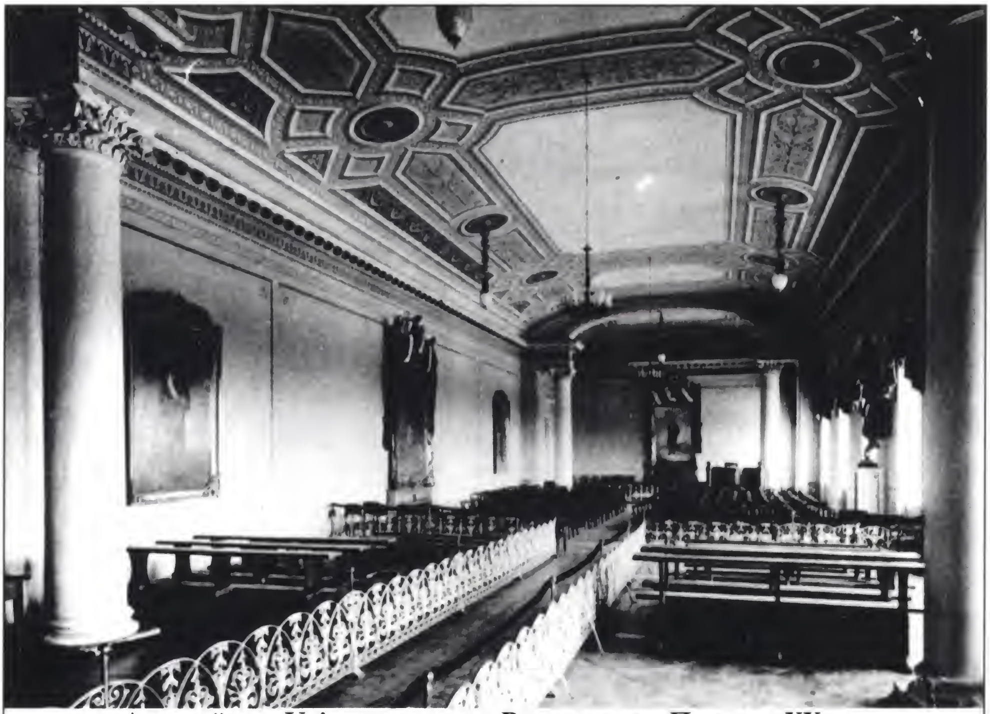
Представители другой школы — французские ученые Диль, Милле и другие, защищают самостоятельное развитие византийского искусства и считают Константинополь колыбелью этого искусства.

Переходя к изложению личных выводов и взглядов по рассматриваемым вопросам, профессор Г.Г. Павлуцкий отмечает, что технические приемы византийского искусства вне всяких сомнений заимствованы у Востока, что же касается стиля, характера византийского творчества, то оратор утверждает, что византийские художники были совершенно свободны и самобытны.

Процесс византийского творчества развивался естественно, без сильных иноземных влияний, и что для своего искусства богатый и ценный материал Византия имела в избытке и у себя дома, помимо чужеземных образцов. Существовавшее в то время, кроме церковного искусства, светское искусство, которое стоит вне влияний иконоборства, и дало могучий толчек византийскому творчеству, творчеству тех веков, следствием чего явился ренесанс эпохи Палеологов.

Речь профессора Г.Г. Павлуцкого приветствовалась громкими аплодисментами.

Затем хор под управлением А.А. Кошица красиво исполнил «Гимн пифогорейцев восходящему солнцу» — музыка Иполитова-Иванова.



Актовий зал Університету св. Володимира. Початок XX ст.

Отчет о состоянии и деятельности Императорского университета св. Владимира в 1913 году прочел ректор университета, заслуженный ординарный профессор Н.М. Цытович.

В числе перемен в личном составе за минувший год Киевский университет понес утрату в лице скончавшихся — декана медицинского факультета заслуженного ординарного профессора Н.А. Оболонского, и почетного члена университета св. Владимира — профессора Венского университета Густава Чермака.

В лице Н.А. Оболонского Киевский университет потерял высокоценного члена, выдающегося ученого и преподавателя, опытного и энергичного администратора, принимавшего деятельное участие в хозяйственных университетских делах и несколько лет подряд состоявшего председателем строительной комиссии по возведению зданий строющегося на Батыевых горах клинического городка.

Почетным членом университета в минувшем году единогласно был избран Начальник Юго-Западного Края генерал-адъютант Ф.Ф. Трепов.

К 1-му января 1914 года весь личный состав университета св. Владимира имеет в своем числе 292 лица, а именно: 1 профессора богословия, 64 ординарных профессора (29 внештатных и 2 сверхштатных), 15 экстраординарных профессора, 81 приват-доцент, 2 руководителя практическими занятиями, 4 лекторов иностранных языков, 1 астронома наблюдателя, 5 прозекторов, 14 помощников прозектора, 1 библиотекаря и 8 его помощников, 69 служащих при учебно-вспомогательных учреждениях и 20 лиц, занимающих штатные должности по административной и хозяйственной частям и 7 помощников проректора.

К 1 января сего года при «университете состоит 29 стипендиатов для приготовления к профессорскому званию, из них 14 — на историко-филологическом фа-

культете, 9 — на физико-математическом, 3 — на юридическом и 3 — на медицинском факультетах.

Денежные средства университета за 1913 год представляются в следующем виде: приход — из сумм государственного казначейства — 647,915 руб. 80 коп., из специальных средств университета — 340,218 руб. 47 коп., а всего — 988,134 р. 27 коп.

Расход университета в минувшем году выражается в сумме 831,387 руб. 71 коп.

К 1 января 1913 года в университете состояло 4,857 студентов и 81 вольнослушатель, всего 4,938 учащихся; к 1 января текущего года - 4,911 студентов и 81 посторонний слушатель.

По факультетам студенты распределяются следующим образом: историко-филологический — 904, физико-математический — 987, юридический — 2,065 и медицинский — 1,463 студента.

В конце отчета ректор университета сообщает сведения о награждении студентов медалями за сочинения, представленные в минувшем году. Работа каждого студента в главных чертах характеризуется на основании факультетских отзывов.

В конце обзора работы каждого студента объявляется награда, присужденная за данное сочинение, после чего один из почетных гостей вручает автору сочинения его награду.

Медалями награждены студенты:

По историко-филологическому факультету: золотыми медалями — Виктор Романовский, Алексей Баранников, Михаил Драй, Теодор Эрнст, окончивший университет Леонид Белецкий, Владимир Отроковский, Тимофей Гликман и Иван Галюн; серебряными медалями — Василий Базилевич, Борис Яцимирский, Аврум Рабинович и Сергей Грушевский.

По физико-математическому факультету: золотыми медалями — естественник М. Чернояров и математик О. Шмидт.

По медицинскому факультету: золотой медалью — В. Дроботько и серебряной медалью — В. Домбровский.

По юридическому факультету: золотыми медалями — Н. Клопачевский, Владимир Бошко, Валентин Новожилов и Михаил Бетутов, серебрянными медалями — Григорий Эльяшев и Николай Жикулин.

Студентов-медалистов, получивших свои награды, присутствовавшие встречали аплодисментами; военный оркестр играл туш.

Затем хор под управлением А.А. Кошица исполнил «Былинку» и «Славу» музыки Кастальского.

В конце акта хор и военный оркестр, по желанию публики, три раза исполнили гимн «Боже, Царя храни», приветствуемый громкими криками «ура». Акт окончился в начале 5-го часа дня.

ЦДІАК, ф. 707, оп. 82, спр. 15, арк. 8.

ПРОГРАММА
торжественного собрания в ознаменование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г.
22 октября 1912 г.

1. Вступительное слово Ректора Университета.
2. Былина-кантата к столетнему юбилею освобождения России от нашествия французов, муз. В. Беневского.
   Исп. университетский хор под управлением А. А. Кошица.

3. Причины и происхождение войны 1812 г.
   Речь профессора П. Н. Ардашева.
4. а) «Что во городе...»
   б) «Скажут, Платов наш отец...»
   Истор. нар. песни, аранж. В. Беневским.
   Исп. университетский хор под управлением А.А. Кошица.
5. Война 1812 г. и русское общество.
   Речь профессора М.В. Довнар-Запольского.
6. а) «Ох, и на горе крутой...»
   б) «Гей, французский король палит...»
   Истор. нар. песни, аранж. А.А. Кошицем.
   Исп. университетский хор под управлением А.А. Кошица.
7. 1812-й год в русском искусстве.
   Речь профессора Г.Г. Павлуцкого.
8. а) «Грянул внезапно гром над Москвою...»
   Солдат. песня, аранж. В. Беневским.
   б) «Ездил Белый Русский Царь...»
   Историч. нар. песня, аранж. В. Беневским.
   Исп. университетский хор под управлением А.А. Кошица.

   Народный гимн

Начало в 7 1/2 вечера.

Студенти та викладачі Університету св. Володимира. Початок XX ст.

3

Пошуки шляхів розвитку вищої школи

Протокол Загального зібрання Ради в справах вищих навчальних закладів від 16-21 вересня 1916 року

Утверждаю
27.XI. В. Шевяков

Доложено т. Министру
2-го октября приказано срочно
привести в исполнение постановление Совета
подп. Н. Палечек

Протокол
Общего собрания Совета по делам высших учебных заведений, состоявшегося 16-21 сентября 1916 года

Присутствовали:

Председательствующий Товарищ Министра Народного Просвещения В.Т. Шевяков

Постоянные члены:

Председатель Ученого Комитета т*айный* сов*етник* Левицкий

Члены Совета Министра Народного Просвещения т*айный* сов*етник* Иностранцев и *действительный* ст*атский* сов*етник* Незнамов,

За директора Департамента Народного Просвещения Вице-Директора ст*атский* сов*етник* Палечек,

Управляющий Отделом Промышленных Училищ *действительный* ст*атский* сов*етник* Рыков,

Ректор Петроградского университета ст*атский* сов*етник* Гримм,

Директор Петроградского Технологического Института ст*атский* сов*етник* Шишко,

Директора Петроградского Женского Медицинского Института *действительный* ст*атский* сов*етник* Верховский,

Приглашенные в Совет Ректоры Императорских университетов:
Московского — *действительный* ст*атский* сов*етник* Любавский,
Казанского — *действительный* ст*атский* сов*етник* Дормидонтов,
Харьковского — т*айный* сов*етник* Нетушил,
Юрьевского — *действительный* ст*атский* сов*етник* Пустворослев,
Варшавского — *действительный* ст*атский* сов*етник* Вехов,
Новороссийского — *действительный* ст*атский* сов*етник* Кишенский,
Томского — *действительный* ст*атский* сов*етник* Попов,
Саратовского — ст*атский* сов*етник* Заболотнов,
Св. Владимира *действительный* ст*атский* сов*етник* Цытович,

Отсутствовали: Временно Управляющий Петроградским учебным округом и Член Совета по техническому образованию.

Совет по делам высших учебных заведений ведомства Министерства Народного Просвещения в Общих Собраниях 16, 17, 19 и 22 сентября сего года, обсудив доложенные ректорами Императорских Российских университетов и директором Петроградского Женского Медицинского Института сведения о финансово-экономическом положении вверенных им учебных заведений, о результатах приема в университеты, о положении студентов в связи с дороговизной жизни и жилищной нуждой, а также обсудив порядок применения закона 3 июля 1916 г. о материальном улучшении професоров Императорских университетов пришел к следующим заключениям:

I. По вопросу о финансово-экономическом положении университетов и Петроградского Женского Медицинского Института

1) В виду исключительного, вызванного обстоятельствами военного времени повышения цен на все продукты, преимущественно на топливо, и на рабочие руки, с одной стороны, и значительного уменьшения поступления платы за слушение лекций, в связи с убылью студентов, призванных на военную службу, с другой стороны, надлежит возбудить ходатайство об испрошении на покрытие дефицитов по содержанию университетов в 1916 г. 727000 рублей именно:

1. По Московскому университету 1150.000
2. « Казанскому « 115.000
3. « Харьковскому « 65.000
4. « Петроградскому « 163.000
5. « Университету Св. Владимира 218.000
6. « Новороссийскому университету 116.000
7. « Николаевскому « 15.000

2) В виду вызванной теми же военными обстоятельствами дороговизны и недостаточности содержания, получаемого служащими по административной и хозяйственной части университетов, а также нижними служителями, возбудить ходатайство о повышении получаемого из штатных и специальных средств университетов окладов содержания на 50% на все время военных действий, независимо от суточного и иного дополнительного довольствия, выдаваемого на основании Высочайших повелений 15-го марта 1915 г. и 11-го мая 1916 г., при этом в отношении нижних служителей, предоставить Правлениям университетов в пределах ассигнуемых сумм индивидуализировать вознаграждение этих лиц в зависимости от местных условий, характера обязанностей того или иного служащего.

Означенное дополнительное содержание признано желательным выдать в текущем году по расчету за 1/2 года в виде единовременных пособий, а начиная с 1-го января 1917 года ежемесячно. В виду сего надлежит предложить ректорам университетов и директору Петроградского Женского Медицинского Института представить ныне же точные расчеты о суммах, необходимых для дополнительного вознаграждения служащим и нижним служителям за последние 6 месяцев сего года.

3) Представить Г. Министру соображения о предполагаемом дефиците по содержанию университетов в 1917 году, исчисленном по предварительным сведениям в 1.678.000 р. на предмет испрошения в свое время соответствующих сверхсметных ассигнований.

4) В виду особых условий, в которых находится Императорский Варшавский университет, эвакуированный в Ростов-на-Дону и требующий полного восстановления научного инвентаря, возбудить особое ходатайство об отпуске на указанный предмет особой суммы, для чего предложить ректору Варшавского университета представить все необходимые материалы.

II. По делам, связанным с приемом в университеты

1) По вопросу о возможности увеличения комплекта на медицинских факультетах и об устройстве с этой целью параллельных курсов:

Принимая во внимание, что в наступающем 1916/17 учебном году наличность студентов на 1-х курсах медицинских факультетов, вместе с принятыми уже сверх комплекта и оставшимися на 2-м курсе на 2-й год, превышает установленный комплект в 2100 в общем на 1500 человек, достигая в некоторых университетах трой-

ного комплекта, — Совет полагает, что дальнейшее увеличение числа студентов медицинского факультета, за отсутствием учебно-вспомагательного персонала, взятого на военную службу, учебных помещений и в частности трупного материала, представляется невозможным без ущерба для дела надлежащей подготовки врачебного персонала, так как Совет полагает, что увеличение количества врачей не может быть допущено за счет их качества.

По тем же основаниям, и имея в виду, что организация на последующих курсах клинических занятий также не может быть надлежащим образом обеспечена для больших масс студентов — Совет полагает, что и устройство параллельных курсов встречает непреодолимые в настоящее время препятствия.

Тем не менее, усматривая, что наименьшее переполнение замечается в университетах Варшавском и Казанском, а также имея в виду обширность помещения для первых 3-х курсов Николаевского университета, Совет полагал бы предложить медицинским факультетам этих университетов обсудить вопрос о возможности устройства на них паралельных курсов, с выработкой одновременно мер к обеспечению клинического преподавания в будущем.

Коснувшись, в связи с указанным вопросом, общего вопроса об увеличении клинического материала университетов, Совет полагал бы желательным установить обязательные для учебных заведений разных ведомств и учреждений, преимущественно для земских и городских больниц, правила представления их для клинических целей.

2) По вопросу о переводе с других факультетов на медицинские тех студентов, которых при прежних приемах было отказано за отсутствием комплекта

Не усматривая принципиальных возражений против такого перевода при условии: во 1-х, если данный студент свободен от воинской повинности — во 2-х получил зачет первых 2 семестров естественного отделения и, в 3-х, в отношении условий приема удовлетворяет по своему аттестату среднего учебного заведения, тому конкурсу, по которому состоялся прием на медицинский факультет в текущем году, Совет полагал бы, что в виду переполнения медицинских факультетов, перевод отдельных лиц на эти факультеты, удовлетворяющих приведенным выше условиям, должен быть предоставлен Правлением Университета, по соглашению с медицинскими факультетами, в пределах действительной возможности.

3) По вопросу о перегружении медицинских факультетов вообще и об усилении средств контроля за занятиями студентов

Принимая во внимание, что студенты медицинских факультетов в текущую войну пользуются особыми льготами в отношении призыва их на военную службу, что льготы эти установлены с целью своевременных подготовок врачебного персонала, и что посему, те из студентов 1 и 2 курса медицинских факультетов, которые по зачислении их на медицинские факультеты берут отпуск или командировку для службы в различных организациях, или самовольно отлучаются на такую службу, во 1-х, как не получившие еще специальной медицинской подготовки не могут быть поставлены в привилегированное, по отношению к студентам других факультетов положение, которые, находясь на службе по обороне, не освобождаются от призыва на военную службу, во 2-х, что эти студенты не только не содействуют своевременному увеличению медицинского персонала, но даже препятствуют этому, так как, формально занимая вакансии, затрудняют прием на эти места других студентов.

Викладачі медичного факультету. 1913 р.

Совет полагал бы: а) студентам 1 и 2 курса без особо уважительных причин длительных отпусков и командировок, препятствующих нормальному прохождению курса, не давать; б) тех из них, которым *такие* отпуска и командировки были разрешены, а также самовольно отлучившихся предупредить, что, в случае неявки их к определенному факультетами сроку, они будут отчислены из числа студентов, наравне со студентами, поступающими на военную службу, т.е. правом обратного приема на соответственные семестры по оставлении службы, с предупреждением их, что с отчислением их от университета действие отсрочек по воинской повинности, полученных для окончания образования, прекращается и в) установить в изъятие из действия ст. 526 уст*ава* Унив*ерситета*, что студенты медицинского факультета, не перешедшие на 2-й курс по окончании первого учебного года, подлежат, применительно к порядку, существующему в высших специальных учебных заведениях, увольнению с медицинского факультета, с правом обратного поступления в университеты, наравне с вновь поступающими, распространив эту меру и на Варшавский и Юрьевский университеты; г) предоставить факультетам установить однообразные требования для зачета первых двух семестров и срок, в течение которого эти требования должны быть выполнены.

4) По вопросу об обеспечении преподавания на медицинских факультетах в связи с обстоятельствами военного времени

Принимая во внимание, что правильность преподавания нарушается главным образом из-за призыва на военную службу преподавательского персонала — Совет полагал бы: а) возбудить ходатайство о возвращении в университеты состоящих на военной службе преподавателей, ассистентов, прозекторов, их помощников и ордина-

торов, наравне с прочими категориями лиц, работающих на оборону; б) уполномочить ректоров университетов в порядке ст. 418, т. XI, ч. I, и применительно к ст. 172, т. III — допускать к исполнению обязанностей лиц, приглашенных к той или иной должности при учебно-вспомогательных учреждениях, не ожидая утверждения сих лиц в должностях, с выдачей им со дня допущения установленного вознаграждения; в) разъяснить, что вознаграждение лицам временно приглашенным в качестве заместителей призванных на войну, может быть выдаваемо из остатков от содержания личного состава университетов и г) предоставить факультетам приводить в исполнение их постановления о временном обеспечении преподавания, вызванном призывом на службу или служебной командировкой того или иного преподавателя, не ожидая утверждений сих постановлений факультетов в установленном порядке.

5) По вопросу о порядке зачисления евреев в пределах комплекта и сверх оного

Рассмотрев этот вопрос и имея в виду, что по точному смыслу Высочайшего повеления 10 августа 1915 г. лица, пользующиеся льготным приемом, имеют право на поступление как в пределах комплекта, так и сверх оного и что установленные Министерством 10% вакансии сверх комплекта должны быть исчислены не по отношению к действительному количеству поступивших, а к установленной цифре комплекта, — Совет полагал, что в применение этого Высочайшего повеления к евреям, таковые подлежали приему не только в количестве 10% вакансий сверх комплекта, но и на вакансии, открывающиеся в пределах комплекта. При этом Совет усмотрел, что хотя по этому вопросу и замечалось различное понимание, но практического значения оно не имело, так как на медицинских факультетах цифра сверхкомплектных вакансий, исчисляемая по установленным комплектам, совпала с цифрой, исчисленной по действительному поступлению, а по другим факультетам остаются вакансии даже в пределах 10% к действительному приему — и таким образом в случае признания тех или иных ходатайств заслуживающими удовлетворения — прием их не должен встретить затруднений из-за отсутствия вакансий.

6) По вопросу о порядке приема евреев в университет

Ознакомившись с докладами ректоров о порядке, в котором производился прием евреев в текущем учебном году и усматривая, что этот прием во всех университетах производился в общем однообразно и на точном основании существующих правил, Совет полагал бы, что в виде общего правила, при пересмотре поступивших в Министерство прошений, подлежали бы оставлению без последствий все прошения, поступившие в Министерство непосредственно, т.е. вне порядка, установленного отд. VI правил 24 июня 1916 года; засим, в виду заполнения комплекта на медицинских факультетах, в тех случаях, когда Министерством по пересмотре прошений таковые будут признаны заслуживающими удовлетворения — направлять эти прошения на распоряжение Ректоров университетов без указания факультета, с предоставлением таким лицам зачисления на те факультеты, где имеются еще свободные вакансии.

7) По вопросу о возможности замещения свободных вакансий в университетах

Принимая во внимание, что за исключением медицинского факульета во всех университетах имеются свободные вакансии на тех или иных факультетах и что в

случае ожидаемого призыва студентов 1-го курса на военную службу, число таковых еще увеличится — Совет полагал бы:

а) предоставить университетам зачислить (до 15-го октября) на соответствующие факультеты, независимо от принадлежности к округу, всех тех, кто, удовлетворяя общим условиям приема, своевременно подал прошение до 10 августа, а в подлежащих случаях до 10 сентября получил отказ за отсутствием места на медицинском факультете, или за принадлежностью к иному учебному округу или по другим, ныне устраненным причинам;

б) предоставить Советам университетов установить прием (до 15 октября) на свободные вакансии лиц женского пола, удовлетворяющих условиям Высочайшего повеления 17-го августа, за исключением уже поступивших на различные высшие женские курсы.

III. По вопросу о мерах борьбы с жилищной проблемой и дороговизной в отношении к студентам

Выслушав сообщения Ректоров и Директора медицинского института о мерах, принимаемых в этом отношении в различных городах, и полагая, что наиболее целесообразные меры борьбы с указанными явлениями могут быть приняты лишь при участии городских и иных общественных установлений — Совет считает нужным просить Министра Народного Просвещения оказать свое содействие к осуществлению разрабатываемых на местах мер путем материальной поддержки, по ходатайствам университетов, тех или иных организаций, так и иными способами.

IV. По вопросу о применение закона 3-го июля 1916 г. о временном улучшении материального положения профессоров

Усматривая во 1-х, что для единообразного применения этого закона надлежало бы преподать университетам руководственные указания, и во 2-х, что в виду неясности закона и несогласованности его отдельных постановлений в части, касающейся пенсионных прав профессоров, выслуживших 30 лет по учебной службе, при приведении его в действие требуется в том или ином порядке исправление его в соответствующих частях, и в 3-х, что при общей цели закона «улучшения материального положения профессоров» для некоторой категории профессоров, выслуживших 30 лет, приведение в исполнение закона связано с ухудшением их положения — Совет постановил на основании высказанных суждений поручить составить по сему предмету подробный доклад постоянным членам Совета, в порядке ст. 7 Положения о нем.

Представленные Ректорами доклады Совет полагал бы приложить к подробным журналам заседаний, исправив согласно с ними окончательные цифры дополнительных ассигнований. Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно: Секретарь Совета *(підпис)*

Настоящую копию протокола препровождается для сведения и надлежащего исполнения г. Декану Физико-математического факультета ноября 5 дня 1916 года.

И.о. ректора Де Метц *(підпис)*

Секретарь Совета *(підпис)*

ДАК, ф.16, оп. 465, спр. 1905, арк. 1-5.

4

Структурні зміни в Університеті: навчальний процес

Подання декана історично-філологічного факультету про поділ кафедри історії західноєвропейських літератур на два відділи — романський і германський
2-25 квітня 1908 року

Копия представления Декана Историко-филологического факультета Императорского Университета Св. Владимира

От 2 апреля 1908 года за № 77
В Совет Университета Св. Владимира

При введении в действие проекта нового Университетского Устава на историко-филологическом факультете кафедра истории западноевропейских литератур будет разделена между двумя штатными преподавателями в качестве профессоров, а самый предмет этот разделяется на два вполне самостоятельных предмета, романскую филологию и германскую филологию. Идя на встречу новому уставу и уступая давно самим факультетом сознаваемой потребности, историко-филологический факультет, введя с осени 1906 года предметную систему экзаменам и специализации по 10 специальностям, включил в число их в качестве самостоятельных специальностей: романскую филологию и германскую, поручив чтение обязательных курсов профессору Н.П. Дашкевичу, приват-доцентам Шаровольскому, как германисту, и гр*афу* Де-ла-Барту, как романисту. Романское отделение успешно функционировало до января 1908 года. Несколько молодых людей избрали себе специальностью романскую филологию. Смерть профессора Дашкевича, неизбрание приват-доцента Де-ла Барта, приведшее его к мысли оставить преподавание в Университете Св. Владимира в качестве приват-доцента, произвели полный разгром романской филологии. Надежде большинства факультета пополнить убыль в личном составе привлечением к делу г*осподина* Евлахова, который, будучи приват-доцентом Петербургского Университета, мог-бы быть помимо лектора и приват-доцентом по кафедре романской филологии, не суждено было осуществиться.

Обсуждая в заседании 1 апреля 1908 года создавшееся положение вещей, отчасти по собственной инициативе, отчасти по побуждению заинтересованных студентов, факультет постановил:

1) Романское отделение, как уже существующее и необходимое, не уничтожать, а сохранить и впредь.

2) Привлечь к преподаванию, помимо будущего профессора Шаровольского, который, как германист, да и по количеству потребного для этого числа часов фактически не признает себя в состоянии заместить двух преподавателей, еще второго преподавателя в качестве приват-доцента.

3) Так как новый приват-доцент уже не будет лектором итальянского языка, как это предполагал сделать г*осподин* Евлахов, то он не будет ничем обеспечен кроме скудно, неустойчиво и неудобно выплачиваемого обычного приват-доцентского вознаграждения, а гонорар его легко может быт выражен в копейках, то хлопотать перед Советом о вознаграждении приват-доцента по романской филологии по 1200 руб. в год из средств Университета.

Как источники могут быть указаны а) остатки от личного состава, в) специальные средства на основание § 147 п*ункт с* Университетского устава. Доставляя в специальные средства еще 15000 руб. в год, факультет на свои нужды из этих денег расходует лишь весьма не значительную часть. Подлинное подписал Н. Бубнов.

С подлинным верно
Секретарь Совета
Означенное представление было доложено Совету Университета
25 апреля 1908 года (ст. XIII).

Определили: Расход в 1200 руб. отнести на общие остатки от специальных средств Университета в текущем и 1909 году и испросить на это разрешения Г*осподина* Попечителя Киевского Учебного Округа, а на будущее время вносить этот расход в смету специальных средств Университета, о чем, для исполнения, сообщить Правлению Университета.

Секретарь Совета

ДАК, ф.16, оп. 347, спр. 130, арк. 1-1 зв.

Клопотання медичного факультету та ректора Університету св. Володимира про відкриття кафедри бальнеології
4-9 лютого 1917 року

№ 1
Висновок медичного факультету. 4 лютого 1917 року

Февраля 4 дня 1917 г.
№ 101

Его Превосходительству
Господину Ректору Университета
Св. Владимира

Прошу Ваше Превосходительство довести до сведения Департамента Министерства Народного Просвещения через Г*осподина* Попечителя нижеследующий ответ на циркулярное предложение Министерства Народного Просвещения за № 1010, предписывающее Медицинским Факультетам обсудить вопрос об учреждении кафедры Бальнеологии при Медицинском факультете Императорских Российских университетов: «Медицинский факультет Университета Св. Владимира, заслушав прилагаемое при сем циркулярное предложение Министерства Народного Просвещения за № 1010, для рассмотрения вопроса о преподавании бальнеологии в Университетах и учреждении кафедры по этому предмету, избрал комиссию в составе профессоров Линдемана, Тржецеского, Вербицкого, Малкова и Лапинского под председательством проф*ессора* Яновского.

Комиссия после всестороннего изучения данного вопроса пришла к нижеследующим заключениям, доложенным в заседании Факультета 26 марта 1916 г.:

Постановку преподавания бальнеологии в Университетах в настоящее время нужно признать крайне недостаточной, а потому и меры к улучшению преподавания этого предмета являются весьма желательными; особенно это нужно сказать в виду современных политических условий, которые должны, по всей вероятности, на будущее время выдвинуть значение отечественных лечебных мест. Но рядом с преподаванием бальнеологии точно такое же значение должно иметь преподавание и других физических способов лечения, как то климатотерапии, лечения светом, радием, электричеством, массажем, гимнастикой, диетой, словом физиотерапией. Последняя охватывает собой все физические мето-

Феофіл Яновський. Початок XX ст.

ды лечения, которые до сих пор не имели специальной кафедры для преподавания, между тем как химические способы лечения — фармакология уже сыздавна имеют в Университетах особую кафедру. При том громадном значении, которое получила физиотерапия в настоящее время в деятельности всякого врача, к какой бы специальности он не принадлежал, является безусловно необходимым ознакомление с нею всех студентов. В виду этого необходимо признать более целесообразным преподавание физиотерапии не в специальных институтах, но в каждом Университете, дабы каждый из студентов имел бы возможность изучить ее во время прохождения учебного курса. С этой целью следовало бы при всех медицинских факультетах учредить особую кафедру физиотерапии, в состав которой входит и бальнеология, и уделить для этой кафедры примерно три часа в неделю в течение двух семестров. Самое преподавание целесообразнее всего вести на пятом курсе, когда студенты уже знакомы с основами клиники, а потому им легче изучить и усвоить сущность физических способов лечения, показания к ним при разных болезнях и технику их применения.

Так как одно теоретическое преподавание, по самой сущности физиотерапии, безусловно недостаточно, то необходимо при данной кафедре устроить институт, в котором студенты не только знакомились с аппаратами и с техникой физических способов лечения, но и научились бы правильно назначать и применять их на амбулаторных больных. Ограничиться однако амбулаторным приемом невозможно ни в целях преподавания физиотерапии, ни тем более в целях самостоятельной научной разработки подлежащих вопросов из этой области. Для правильной клинической оценки хода и результатов лечения необходимо тщательно и постоянно наблюдать больных, проводя над ними целый ряд исследований. Это возможно лишь при устройстве, кроме амбулаторного приема, также и клиники, хотя бы в небольших размерах, примерно 30 коек. Медицинский Факультет, выслушав заключение Комиссии, одобрил их единогласно.

Об изложенном вследствие предложений от 9 декабря 1915 г. за № 48038/8708, 29 января с.г. за № 3326/374 доношу Вашему Пр*евосходительств*у.

При сем прилагается Копия циркулярного предложения Г*осподину* Попечителю Киевского Учебного Округа Департамента Народного Просвещения от 15 ноября 1915 г. за № 1010.

Декан Медицинского Факультета (*підпис*)

№ 2
Подання ректора попечителю Київського учбового округу.
9 лютого 1917 року

9 февраля 1917 г. Его Превосходительству
№ 274 Господину Попечителю Киевского Учебного Округа

Медицинский факультет Университета Св. Владимира, заслушав прилагаемое при сем циркулярное предложение Министерства Народного Просвещения за № 1010, для рассмотрения вопроса о преподавании бальнеологии в Университетах и учреждении кафедры по этому предмету избрал комиссию в составе профессоров — Линдемана, Тржецеского, Вербицкого, Малкова и Лапинского под председательством профессора Яновского.

Комиссия после всестороннего изучения данного вопроса пришла к нижеследующим заключениям, доложенным в заседании Факультета 26 марта 1916 года.

Постановку преподавания бальнеологии в Университетах в настоящее время нужно признать крайне недостаточной, а потому и меры к улучшению преподавания этого предмета являются весьма желательными, особенно это нужно сказать в виду современных политических условий, которые должны, по всей вероятности, на будущее время выдвинуть значение отечественных лечебных мест. Но рядом с преподаванием бальнеологии точно такое же значение должно иметь преподавание и других физических способов лечения, как то климатотерапии, лечения светом, радием, электричеством, массажем, гимнастикой, диетой, словом физиотерапией. Последняя охватывает собой все физические методы лечения, которые до сих пор не имели специальной кафедры для преподавания, между тем как химические способы лечения — фармакология уже сыздавна имеют в Университетах особую кафедру. При том громадном значении, которое получила физиотерапия в настоящее время в деятельности всякого врача, к какой специальности он не принадлежал, является безусловно необходимым ознакомление с нею всех студентов. В виду этого необходимо признать более целесообразным преподавание физиотерапии не в специальных институтах, а в каждом Университете, дабы каждый из студентов имел бы возможность изучить ее во время прохождения учебного курса. С этой целью следовало бы при всех медицинских факультетах учредить особую кафедру физиотерапии, в состав которой входит и бальнеология, и уделить для этой кафедры примерно три часа в неделю в течение двух семестров. Самое преподавание целесообразнее всего вести на пятом курсе, когда студенты уже знакомы с основами клиники, а потому им легко изучить и усвоить сущность физических способов лечения, показания к ним при разных болезнях и технику их применения.

Так как одно теоретическое преподавание, по самой сущности физиотерапии, безусловно недостаточно, то необходимо при данной кафедре устроить институт, в котором студенты не только знакомились с аппаратами и с техникой физических способов лечения, но и научились бы правильно назначать и применять их на амбулатурных больных. Ограничиться однако амбулаторным приемом невозможно ни в целях преподавания физиотерапии, ни тем более в целях самостоятельной научной разработки подлежащих вопросов из этой области. Для правильной клинической оценки хода и результатов лечения необходимо тщательно и постоянно наблюдать больных, проводя над ними целый ряд исследований. Это возможно лишь при устройстве, кроме амбулаторного приема, также и клиники, хотя и в небольших размерах, примерно 30 коек.

Медицинский факультет, выслушав заключения Комиссии, одобрил их единогласно.

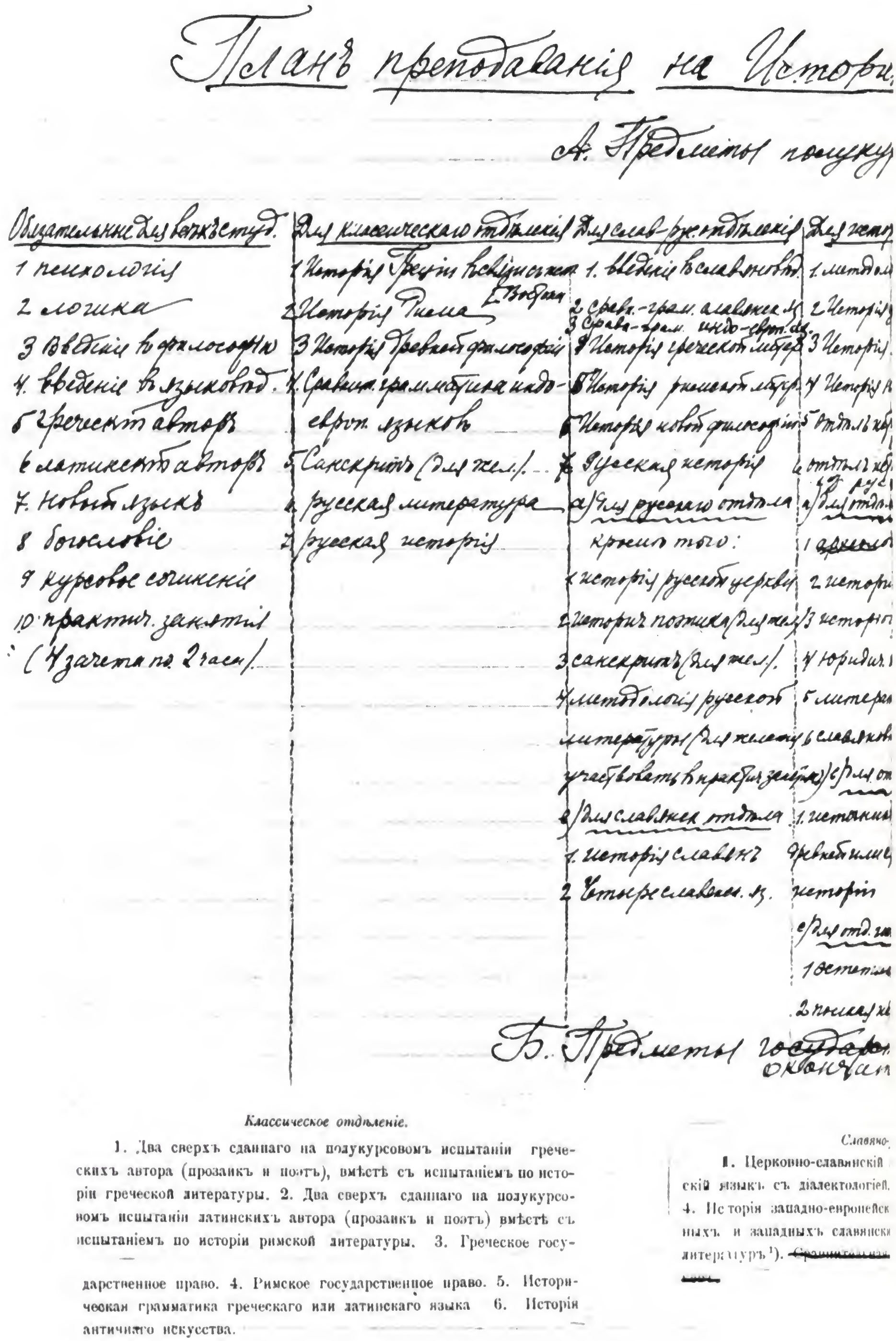
Об изложенном вследствие предложений от 9 декабря 1915 г. за № 48038/8708 и 29 января сего года за № 3326/374 доношу Вашему Превосходительству.

ДАК, ф.16, оп. 356, спр. 24, арк. 2-5 зв.

ПРИМѢРНЫЙ

УЧЕБНЫЙ ПЛАНЪ ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ФАКУЛЬТЕТУ.

Прилагаемый при семъ учебный планъ содержитъ въ себѣ примѣрное распредѣленіе всѣхъ общеобязательныхъ и дополнительныхъ предметовъ историко-филологическаго факультета по восьми полугодіямъ; отступленія отъ указаннаго въ планѣ порядка послѣдовательнаго изученія отдѣльныхъ предметовъ могутъ быть дѣлаемы факультетомъ сообразно съ мѣстными условіями преподаванія. На чтеніе древнихъ авторовъ и упражненія отведено во всѣхъ семестрахъ, кромѣ примѣрно седьмаго, по *десяти часовъ*. Эти часы могутъ быть распредѣлены между преподавателями греческой и римской словесности для чтенія лекцій и устройства практическихъ упражненій по усмотрѣнію факультетовъ. Что касается до седьмаго семестра въ прилагаемомъ примѣрномъ планѣ, то сокращеніе часовъ, назначенныхъ на чтеніе авторовъ и упражненія, объясняется тѣмъ, что къ этому семестру отнесена не только исторія искусствъ, но и философія, въ размѣрѣ экзаменныхъ требованій, состоящая въ изученіи философскихъ системъ Платона и Аристотеля на основаніи ихъ произведеній; если примѣрно въ седьмомъ полугодіи студенты изучали бы философію Платона и при этомъ переводили бы, подъ руководствомъ профессора, одинъ изъ указанныхъ въ экзаменныхъ требованіяхъ діалоговъ сего философа, то это занятіе могло бы быть причислено къ чтенію древнихъ авторовъ, а потому на остальныя занятія по классической филологіи могли бы быть отведены вмѣсто десяти только шесть часовъ. Само собою разумѣется, что каждый факультетъ можетъ составить, примѣняясь къ правиламъ семестральнаго зачета, и другіе учебные планы, въ которыхъ обязательные предметы (кромѣ чтенія авторовъ и упражненій) могли бы не только слѣдовать одинъ за другимъ въ иномъ порядкѣ, но и преподаваться болѣе одного полугодія, съ тѣмъ однако, чтобы въ каждое полугодіе студенты изучали въ университетѣ, подъ руководствомъ профессора, по меньшей мѣрѣ одного римскаго и одного греческаго автора, и чтобы въ каждое полугодіе студентъ упражнялся практически въ греческомъ и латинскомъ языкахъ.



Планъ преподаванія на Истори[...]

А. Предметы полукур[...]

Обязательные для всѣхъ студ.
1 психологія
2 логика
3 введеніе въ философію
4. введеніе въ языковѣд.
5 греческіе авторы
6 латинскіе авторы
7. новые языки
8 богословіе
9 курсовые сочиненія
10 практич. занятія
(4 зачета по 2 часа).

Для классическаго отдѣленія
1 Исторія Греціи вмѣстѣ съ [...]
2 Исторія Рима
3 Исторія древней философіи
4 Сравнит. грамматика индо-европ. языковъ
5 Санскритъ (для жел.).
6 русская литература
7 русская исторія

Для слав.-рус. отдѣленія
1. введеніе въ славяновѣд.
2 сравн.-грам. славянск. яз.
3 Сравн.-грам. индо-европ. яз.
4 Исторія греческой литер.
5 Исторія римской литер.
6 Исторія новой философіи
7 Русская исторія
а) Для русскаго отдѣла кромѣ того:
1 исторія русской церкви
2 историч. поэтика (для жел.)
3 санскритъ (для жел.).
4 методологія русской литературы (для желающ. участвовать въ практич. занятіях)
в) Для славянск. отдѣла
1. исторія славянъ
2 Чтение славянск. яз.

Для истор[...]
1. методол[...]
2 Исторія [...]
3 Исторія [...]
4 Исторія [...]
5 отдѣл. [...]
6 отдѣл. [...]
а) Для отдѣл. [...]
1 [...]
2 исторія [...]
3 исторія [...]
4 юридич. [...]
5 литера[...]
6 славян[...]
в) Для от[...]
1. истори[...]
древней [...] исторія
с) Для отд. [...]
1 [...]
2 [...]

Б. Предметы государ[...] окончат[...]

Классическое отдѣленіе.

1. Два сверхъ сданнаго на полукурсовомъ испытаніи греческихъ автора (прозаикъ и поэтъ), вмѣстѣ съ испытаніемъ по исторіи греческой литературы. 2. Два сверхъ сданнаго на полукурсовомъ испытаніи латинскихъ автора (прозаикъ и поэтъ) вмѣстѣ съ испытаніемъ по исторіи римской литературы. 3. Греческое государственное право. 4. Римское государственное право. 5. Историческая грамматика греческаго или латинскаго языка 6. Исторія античнаго искусства.

Славяно-

1. Церковно-славянскій [...]скій языкъ съ діалектологіей. 4. Исторія западно-европейск[...]ныхъ и западныхъ славянски[...] литературъ[1]). ~~Сравнительная [...]~~

...ко-филологическомъ факультетѣ (5)

...ового испытанія

...го отдѣленія	Для романо-герм. отдѣленія	Для философскаго отдѣл.	Для сравнит. языковѣдѣнія
...ія исторія	1 Введ. въ роман.-герм. филологію	Кромѣ предметовъ	языковѣдѣнія
...древн. рус. словесн.	2 Одинъ изъ ром. или герм. яз.	или классическаго или	Кромѣ предметовъ
Византія	3 Исторія греческ. литер.	славяно-русскаго или	или классическаго
...ов. филологіи	4 Исторія римской литер.	историч. отдѣленія:	или слав.-русскаго
...ріи зап.-евр. литер.	5 Отдѣлъ всеобщей исторіи (среднихъ или новой)	1 Исторія философіи	или герм.-романск.
...ріи искусства	6 Исторія поэтики (для тех)	(для классиковъ — древней,	отдѣленія:
...русской исторіи	7 Санскритъ (для тех),	для слав.-рус. — новой)	1 Санскритъ
...ія	8 Готскій яз. (для германистовъ)	2 Эстетика	2 Готскій яз.
...ографія		3 Этика	3 Церк.-славян. яз.
...графія		4 Педагогика	(для слав.-рус. — провѣрочн.,
...источники		5 Платонъ и Аристотель	для класс. и герм.-ром.
...источникам			— государственный)
...ніе (для тех).			
...всеобщей ист.			
...веденіе			
...среднихъ или новой			
...торія искусствъ			
...торія искусствъ			

...2 испытанія

...словес...

2.

...русское отдѣленіе.

...языкъ вмѣстѣ съ палеографіей. 2. Рус- ... 3. Исторія русской словесности. ...ихъ литературъ. 5. Одинъ изъ юж- ...хъ языковъ съ исторіей славянскихъ ~~грамматика индо-европейскихъ язы-~~

3.

Историческое отдѣленіе.

1. Древняя исторія (Востокъ, Греція и Римъ). 2. Средневѣковая исторія. Новая исторія. 4. Русская исторія. 5. Исторія славянъ. ~~6. Исторія новой философіи.~~ 7 и 8. ~~Письменныя испытанія по двумъ изъ предметовъ, входящихъ въ составъ испытаній въ коммиссіи по данному отдѣленію.~~

4.

Романо германское отдѣленіе.

1. Исторія западно-европейскихъ литературъ. 2. Одинъ сверхъ сданнаго на полукурсовомъ испытаніи изъ романскихъ или изъ германскихъ языковъ. 3. Сравнительная грамматика романскихъ или германскихъ (или вообще индо-европейскихъ языковъ). 4 Исторія русской словесности. 5. Исторія новой философіи. ~~6 и 7. Письменныя испытанія по двумъ изъ предметовъ, входящихъ въ составъ испытаній въ коммиссіи по данному отдѣленію.~~

ОБРАЗЦОВ

для слушанія лекцій Студентами Историко-Филолог

1-й СЕМЕСТРЪ.

Богословіе;
Психологія или Логика а);
Русская Исторія;
Исторія Русск. Словесности, если читается первый изъ 4-хъ ея отдѣловъ б);
Римскіе Авторы;
Римскія Древности; если этотъ предметъ читается в);
Переводъ съ Русскаго языка на Латинскій;
Всеобщая Исторія;
Славянская Грамматика, или Исторія и Литература Славянскихъ нарѣчій, или Филологическое обозрѣніе Славянъ, или Славянскія Древности г);
Греческій языкъ;
Французскій языкъ;
Нѣмецкій языкъ.

2-й СЕМЕСТРЪ.

Богословіе;
Психологія, или Логика;
Русская Исторія;
Исторія Русской Словесности, если читается первый или вторый отдѣлъ этого предмета;
Римскіе Авторы;
Римскія Древности, если читается этотъ предметъ;
Переводъ съ Русскаго языка на Латинскій;
Всеобщая Исторія;
Славянская грамматика, или Исторія и Литература Славянскихъ нарѣчій, или Филологическое обозрѣніе Славянъ, или Славянскія Древности;
Греческій языкъ;
Французскій языкъ;
Нѣмецкій языкъ.

3-й СЕМЕСТРЪ.

Богословіе;
Греческіе авторы;
Психологія или Логика;
Русская Исторія;
Исторія Русской Словесности; если читается первый, второй или третій отдѣлъ этого предмета;
Римскіе авторы;
Римскія Древности, если онѣ читаются;
Переводъ съ Рускаго языка на Латинскій;
Исторія Римской Словесности, если она читается д),
Всеобщая Исторія,
Славянская Грамматика, или Исторія и Литература Славянскихъ нарѣчій, или Филологическое обозрѣніе Славянъ, или Славянскія Древности;
Французскій языкъ;
Нѣмецкій языкъ;
Греческія древности, если читаются е);
Исторія Греческой Словесности, если она читается ж);

4-й СЕМЕСТРЪ.

Богословіе;
Греческіе авторы;
Психологія, или Логика.
Русская Исторія;
Исторія Русской Словесности;
Римскіе авторы;
Римскія Древности, если читаются;
Переводъ съ Рускаго языка на Латинскій;
Исторія Римской Словесности. если она читается;
Греческія древности, если читаются;
Исторія Греческой Словесности, если читается;
Всеобщая Исторія;
Славянская Грамматика, или Исторія и Литература Славянскихъ нарѣчій, или Филологическое обозрѣніе Славянъ, или Славянскія древности.

Примѣч. а) Психологія и Логика читаются через годъ по перемѣнно.
б) Исторія Русской Словесности читается два года.
в) Римскія Древности читаются по два полугодія, чрезъ каждые 3 семестра.
г) Эти четыре предмета читаются попеременно въ теченіе четырехъ семестровъ, по одному семестру каждый.
д) Исторія Римской Словесности читается чрезъ каждые 2 года по одному семестру.
е) Греческія Древности читаются по 1-му семестру, чрезъ каждые 5-ть семестровъ.
ж) Исторія Греческой Словесности читается чрезъ каждые 5-ть семестровъ, по одному семестру.

...ЫЙ ПЛАНЪ

...ическаго Факультета Университета Св Владиміра.

5-й СЕМЕСТРЪ.

Богословіе;
Греческіе авторы;
Политическая Экономія, или Статистика з);
Исторія Русской Словесности, если не выслушали ея прежде;
Римскіе авторы;
Переводъ съ Русскаго языка на Латинскій;
Римскія древности, если читаются;
Исторія Римской Словесности, если читается;
Греческія древности, если читаются;
Исторія Греческой Словесности, если читается.
Введеніе во Всеобщую Исторію, или такъ называемая Теорія Исторіи, если прежде не выслушали ея и);
Памятники Славянскихъ нарѣчій, если не читается Славянская Грамматика і);
Теорія поэзіи; или Теорія прозы, или Русскій языкъ въ Филологическомъ и Историческомъ отношеніи к);
Французскій языкъ;
Нѣмецкій языкъ.

6-й СЕМЕСТРЪ.

Богословіе,
Греческіе авторы;
Политическая Экономія или Статистика;
Исторія Русской Словесности, если прежде не выслушали ея;
Римскіе авторы,
Переводъ съ Русскаго языка на Латинскій;
Римскія древности, если читаются;
Исторія Римской Словесности, если читается;
Введеніе въ Всеобщую Исторію, если прежде не выслушали его; памятники Славянскихъ нарѣчій, если не читается Славянская грамматика;
Греческія древности, если читаются;
Исторія Греческой Словесности, если читается;
Теорія Поэзіи, или Теорія Прозы, или Русскій языкъ въ Филологическимъ и Историческомъ отношеніи;
Французскій языкъ;
Нѣмецкій языкъ.

7-й СЕМЕСТРЪ.

Греческіе авторы;
Наука о воспитаніи, или Исторія воспитанія л);
Политическая Экономія, или Статискика;
Исторія Русской Словесности, если не выслушали ея прежде;
Греческія древности, если читаются;
Исторія Греческой Словесности, если читается;
Римскіе авторы;
Переводъ съ Русскаго языка на Латинскій;
Исторія Римской Словесности, если читается;
Введеніе въ Всеобщую Исторію, если прежде не выслушали его;
Теорія поэзіи, или Теорія прозы, или Русскій языкъ въ Истор. и Филол. отношеніи;
Французскій языкъ;
Нѣмецкій языкъ;
Памятники Славянскихъ нарѣчій, если нечитается Славянская Грамматика.

8-й СЕМЕСТРЪ.

Дидактика и Прикладная Педагогика;
Наука о воспитаніи, или Исторія воспитанія;
Греческія древности, если читаются;
Исторія Греческой Словесности, если читается;
Памятники Славянскихъ нарѣчій, если не читается Славянская Грамматика.

з) Политическая Экономія и Статистика читаются попеременно въ теченіи 1 ½ года, первая по 2, вторая по 1 семестру.
и) Теорія Исторіи читается въ теченіи 4-хъ семестровъ. Кто имѣетъ случай слушать начало ея на 1-мъ семестрѣ пребыванія своего въ Университетѣ тотъ можетъ выслушать ее на 1-хъ 4-хъ полугодіяхъ.
і) Памятники Славянскихъ нарѣчій объясняются во всѣ тѣ полугодія, когда не читается Славянская Грамматика.
к) Теорія поэзіи, Теорія прозы и Русскій языкъ въ Историческомъ и Филологическомъ отношеніи читаются попеременно однимъ и тѣмъ же Преподавателемъ, по 1-му семестру.
л) Наука о воспитаніи и Исторія воспитанія читаются попеременно, по одному семестру.

ПРИМѢРНЫЙ

УЧЕБНЫЙ ПЛАНЪ ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ФАКУЛЬТЕТУ.

Основные предметы.	А) Словесная группа.	Б) Историческая группа.
1 сем. Чтеніе авторовъ . . 6 ч. Упражненія . . . 4 „ Греческая исторія . 4 „ 14 ч.	Сравнительное языко- 4 ч.	Всеоб- щая 4 ч.
2 сем. Чтеніе авторовъ . . 6 ч. Упражненія . . . 4 „ Римская исторія . . 4 „ 14 ч	вѣдѣніе и санскрит. языкъ 4 ч.	исто- 4 ч.
3 сем. Чтеніе авторовъ . 6 ч Упражненія . . . 4 „ Греческая литература 4 „ 14 ч.	Русскій языкъ и 4 ч.	рія 4 ч.
4 сем. Чтеніе авторовъ . . 6 ч. Упражненія . . . 4 „ Римская литература . 4 „ 14 ч.	русская литература 4 ч.	Русская 4 ч.
5 сем. Чтеніе авторовъ . . 6 ч. Упражненія . . . 4 „ Греческ. древн. . . 4 „ 14 ч	Славян- ская 4 ч.	исторія 4 ч.
6 сем. Чтеніе авторовъ . . 6 ч. Упражненія . . . 4 „ Римск. древн. . . 4 „ 14 ч.	филоло- гія 4 ч.	Исторія славян- 4 ч. скихъ народовъ
7 сем. Чтеніе авторовъ . . 3 ч. Упражненія . . . 3 „ Философія (Платона). 4 „ Исторія искусствъ . 4 „ 14 ч.	Западно европей- скія лите- 4 ч.	Исторія 4 ч.
8 сем. Чтеніе авторовъ . . 6 ч. Упражненія . . . 4 „ Философ.(Аристотеля) 4 „ 14 ч.	ратуры 4 ч.	церкви 4 ч.

Печатано по распоряженію Минист. Народн. Просвѣщенія.

Типогр. О. Ляховскаго и К°. Невск., 134.

ДАК. Ф. 16, оп. 465, спр. 1314, арк. 1-5

5

Ректор: офіційні документи

Цитович Микола Мартиніанович (1861-1919)

Вчений юрист, статистик, політеконом.

Народився 17 квітня 1861 р. у м. Миколаїв. Закінчив 1-у Київську гімназію (1879) та юридичний факультет Університету св. Володимира (1883). Отримав ступінь кандидата та золоту медаль за працю «Кустарная промышленность в России». Залишений в університеті для підготовки до професорського звання по кафедрі політичної економії і статистики. 1886 року склав іспит на ступінь магістра й почав викладання політичної економії та статистики в якості приват-доцента. У 1889 р. захистив магістерську дисертацію на тему «Обзор учений о предпринимательской прибыли». У 1889-1891 рр. мав закордонне відрядження; прослухав курси лекцій у Берліні, Тюбінгені, Парижі та Брюселі; збирав матеріали для докторської дисертації. 1893 року — в.о. екстраординарного професора по кафедрі поліційного права. У 1899 р. отримав ступінь доктора політичної економії та статистики за дисертацію «Местные расходы Пруссии в связи с теорией местных расходов»; став ординарним професором. 1900 року — секретар юридичного факультету; 1902 року — декан юридичного факультету. Із 6 вересня 1905 р. по 9 травня 1917 р. — ректор Університетут св. Володимира.

Помер 30 вересня (чи 31 жовтня) 1919 р.

Основні праці: «Обзор учений о предпринимательской прибыли» (1889), «Местные расходы Пруссии в связи с теорией местных расходов» (1898), «Политические реформы и социальный переворот» (1906), «Принудительное отчуждение и аграрный вопрос» (1907), «Сельское общество, как орган местного управления» (1911), «Воззрения Д.П. Пихно в области экономической политики» // Университетские известия. 1915. №5; «Экономические воззрения Б.Н. Чичерина», «О голодах в Западной Европе», «Страхование на случай безработицы в Швейцарии».

Архів: справи університету — ДАК, ф. 16, оп. 325, спр.138; оп.327, спр. 80; оп.328, спр.64; оп.330, спр.66; оп.332, спр.82,131; оп.335, спр.96; оп.338, спр.22; оп.339, спр.106; оп.341, спр.56; оп.347, спр.59; оп.348, спр.142; оп.350, спр.86,155; оп.351, спр.185; оп.353, спр.89; оп.465, спр.425,4824; оп.479, спр.41; ф.153, оп.1, спр.155, 372.

Література: Столетие Киевской Первой гимназии (1809—1811—1911гг.) К., 1911. Т.1. С.406.

Послужной список ректора и заслуженного ординарного профессора Императорского Университета Св. Владимира Николая Мартиниановича Цытовича. Составлен в 1919 году

Чин, имя, отчетство, фамилия, должность, лет от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание.

Действительный статский советник, доктор политической экономии и статистики Николай Мартинианович Цытович.

Ректор Императорского Университета Св. Владимира и заслуженный ординарный профессор по кафедре полицейского права, родился 17 апреля 1861 года, вероисповедания православного.

Кавалер орденов Св. Станислава 1-й степени, Св. Владимира 3 степени, Св. Анны 2 степени и Св. Станислава 2 и 3 степеней.

Имеет серебряную медаль в память царствования Императора Александра III.
Содержания получает в год:

по должности профессора:	
жалован*ия*	2400 р.
столов*ых*	300
квартирн*ых*	300
по должности Ректора:	
жалования	1500 р.
квартирн*ых* из специал*ьных* средств	900
ИТОГО	5400 руб.

Из какого звания происходит
Сын Действительного Статского Советника.

Есть ли имение:
а) у него самого и у родителей
нет
б) у жены, буде женат
нет

Где получил воспитание и окончил полный курс наук в учебном заведении; когда вступил в службу; какими чинами, в каких должностях и где проходил оную; не было ли каких особых по службе действий или отличий; не был ли особенно чем-либо награжден кроме чинов.

Окончил полный курс в Университете Св. Владимира со степенью кандидата юридических наук, на которую выдан ему диплом 27 августа 1883 года за № 2087, 1883 *г.*, мая 31.

Оставлен при Университете стипендиатом для приготовления к профессорскому званию с 1883, ноября 4 по 1884, ноября 4.

Распоряжением г. Министра Народного Просвещения, изложенным в предложении г. Попечителя Киевского Учебного Округа от 14 февраля 1885 года за № 1519, срок пребывания стипендиатом для приготовления к профессорскому званию продолжен ему еще на один год, начиная с 1884, ноября 4.

Распоряжением г. Министра Народного Просвещения, изложенным в предложении г. Попечителя Киевского Учебного Округа от 22 января 1886 года за № 705, оставлен стипендиатом для приготовления к профессорскому званию на третий год, считая с 1886, февраля 14.

Выдержал испытание на степень магистра политической экономии и статистики в 1886 *г.*

Принят в число приват-доцентов Университета Св. Владимира по кафедре политической экономии и статистики 1886, мая 28.

За чтение лекций назначено ему жалованье в размере 1200 руб. в год 1886 г., июня 27.

По удовлетворительной публичной защите написанной им диссертации «Обзор учений о предпринимательской прибыли», удостоен степени магистра политической экономии и статистики 1889, мая 31.

Командирован с ученою целью для приготовления к профессорскому званию, сроком на два года, с содержанием по 1500 руб. в год 1889, мая 13.

Срок вышеозначенной командировки продолжен ему по 1891, августа 15.

Поручено ему чтение лекций по предмету статистики, с назначением содержания по 1200 рублей в год 1891, июня 15.

Поручено ему чтение лекций по кафедре полицейского права 1893, июня 21.

Назначен исправляющим должность экстраординарного професора по кафедре полицейского права 1893, октября 25.

За отлично-усердную службу Всемилостивейше пожалован орденом Св. Станислава 3 степени 1896, января 1.

Назначен секретарем юридического факультета сроком на 4 года с 1896, сентября 19.

За публично-защищенную им диссертацию под заглавием: «Местные расходы Пруссии в связи с теорией местных расходов» удостоен юридическим факультетом Университета Св. Владимира 16 мая 1899 года степени доктора политической экономии и статистики и Советом того же университета утвержден в этой степени 1899, мая 19.

Высочайшим приказом от 21 июля 1899 года за № 53 назначен ординарным профессором по занимаемой им кафедре с 1899, июля 21.

Предложением г. попечителя Киевского Учебного Округа от 4 октября 1900 года за № 11216 утвержден в дожности секретаря юридического факультета на следующее четырехлетие, с 1900, сентября 19.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомсту за № 82 утвержден в чине статского советника со старшинством с 1899, июля 21.

Высочайшим приказом за № 1 за отлично-усердную службу Всемилостивейше пожалован орденом Св. Станислава 2 степени 1902, января 1.

Г. Управляющим Министерством Народного Просвещения предложением от 23 мая 1902 года за № 14026 назначен деканом юридического факультета Университета Св. Владимира 1905, мая 22.

На основании § 1-го Высочайше утвержденных 27 августа 1905 года «Временных правил о Российских Университетах» Советом Университета избран и Высочайше утвержден в дожности Ректора Университета Св. Владимира сроком на три года с 1905, сентября 6.

Высочайшим приказом от 1 января 1906 года за № 1 за отлично-усердную службу Всемилостивейше пожалован орденом Св. Анны 2 степени 1906, января 1.

От Совета Университета Св.Владимира командирован в С.-Петербург для участия в съезде для выбора членов Государственного Совета 1906, апреля 5 и возвратился из командировки 1906, апреля 15.

От Совета Университета Св. Владимира командирован в С.-Петербург для участия в съезде для выбора новых членов Государственного Совета 1907, февраля 5 и возвратился из командировки 1907, февраля 15.

Согласно избранию Совета Университета Св.Владимира, Высочайшим приказом от 20 сентября 1908 года за № 64 вновь утвержден в должности Ректора Университета на новое трехлетие с 1908, сентября 6.

Предложением г. Министра Народного Просвещения от 21 января 1909 года за № 1439 оставлен по выслуге 25 лет по учебной части еще на пять лет в занимаемой им должности ординарного профессора по кафедре полицейского права с 1908, ноября 4.

За отлично усердную и ревностную службу Всемилостивейше награжден чином Действительного статского советника 1909, января 1.

Г. Министр Народного Просвещения предложением от 8 июня 1911 года за № 2028 на основани ст. 506 Св*ода* Зак*онов* т. XI ч. I изд. 1893 года утвердил его в звании заслуженного профессора с 28 мая 1911 года, т.е. с дня выслуги 25 лет в преподавательских должностях при Университете 1911, мая 28.

Высочайшим приказом от 12-го сентября 1911 года за № 69 вновь утвержден в должности Ректора Университета Св. Владимира на три года, считая с 1911, сентября 6.

Высочайшим приказом за №1 пожалован за отлично-усердную службу орденом Св. Владимира 3 степени 1913, января 1.

Пожалован ему нагрудный знак, Высочайше учрежденный для лиц, приносивших Их Императорским Величествам личные верноподданические поздравления по случаю 300-летия Царствования Дома Романовых в дни юбилейных торжеств 21-24 февраля 1913 года.

Предложением г. Министра Народного Просвещения за № 12422 назначен председателем юридической испытательной комиссии при Новороссийском Университете, весною 1913 года — 1913, марта 27.

Министерством Народного Просвещения разрешено поручить ему чтение лекций по кафедре полицейского права с выдачей вознаграждения в размере одной тысячи двухсот рублей в год из остатков от сумм, ассигнуемых на содержание личного состава университета, со времени выслуги им 30-летнего срока, в течение пяти лет, т.е. с 1913, ноября 4.

Г. Товарищ Министра Народного Просвещения предложением от 18 января 1914 года за № 310 назначил ему за 30-летнюю службу пенсию в размере трех тысяч рублей в год из Киевского Губернского Казначейства с 1913, ноября 4.

Всемилостивейше пожалован за отличия по службе кавалером ордена Св. Станислава 1-й степени 1914, января 1.

Предложением г. Попечителя Киевского Учебного Округа за № 25491/3910 ему поручено было чтение лекций в 1914-15 году по вакантной кафедре полицейского права 1916, февраля 9.

Высочайшим приказом от 9 сентября 1914 года за № 62 утвержден вновь Ректором Университета Св. Владимира на три года, с 1914, сентября 6.

Предложением г. Попечителя Киевского Учебного Округа за № 6121/1120 ему поручено было чтение лекций в 1915-16 учебном году по вакантной кафедре полицейского права 1914, июня 17.

Предложением г. Попечителя Киевского Учебного Округа за № 43614/6016, ему поручено было в 1916-17 учеб*ном* году чтение лекций по вакантной кафедре полицейского права, с выдачей ему за этот труд соответствующего вознаграждения 1916, ноября 30.

Указом Временного Правительства от 9 мая 1917 года уволен от должности Ректора сего Университета, согласно прошению 1917, мая 9.

Предложением г. Попечителя Киевского Учебного Округа за № 18556/2344, ему поручено чтение лекций в 1917-18 учеб*ном* году по кафедре полицейского права, с выдачей ему за этот труд соответственного вознаграждения 1917, июня 24.

Скончался 1919, октября 31.

Был-ли в походах против неприятеля и в самых сражениях и когда именно.

Не был.

Подвергался-ли наказаниям или взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе; когда и за что именно: по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке; не был-ли оставлен в подозрении по преступлениям, влекущим за собою такие ограничения; когда, каким судом и за что именно?

Не подвергался.

Был-ли в отпусках, когда и на сколько именно времени, являлся-ли на срок и если просрочил, то когда именно явился и была ли причина просрочки признана уважительною?

Не был.

Был-ли в отставке с награждением чина, или без оного, когда и с которого, по какое именно время?

Не был.

Холост или женат, на ком; имеет ли детей, кого именно; год, месяц и число рождения детей; где они находятся и какого вероисповедания?

Был женат первым браком на девице дворянке Александре Патрикеевне Ильяшенко, но брак этот расторгнут. Детей не имеет.

ДАК, ф. 16, оп. 465, спр. 4824, арк. 13-21.

6

Наукові товариства і гуртки

Довідка про особовий склад та наукові товариства Університету св. Володимира. 1912 року

Императорский Университет Св. Владимира (М.Н.П.)
Б. Владимирская, 58. Телефон № 442.

Совет Университета. Председатель — Ректор Университета; члены — все профессора Университета. Секретарь Совета н.с. Эразм Рах. Свецинский, здание Университета.

Правление Университета. Председатель — Ректор Университета. Члены: проректор и деканы факультетов. Секретарь правления титулярный советник Евгений Петрович Митрохин, здание Университета. Казначей надворный советник Влад. Эраз. Свецинский; там же Бухгалтер (вакансия). Секретарь по студенческим делам н.ч. Иван Прокофьевич Дехтярев, здание Университета.

Ректор Университета заслуженный ординарный профессор по кафедре полицейского права, доктор политической экономии и статистики д.с. Николай Мартинианович Цытович, Банковская, 4. Проректор и.д. экстраординарный профессор по кафедре истории русского права, магистр уголовного права, статский советник Михаил Николаевич Ясинский, здание Университета. Профессор богословия, доктор богословия, протоиерей Павел Яковлевич Светлов, Владимирская, 79.

Историко-Филологический Факультет. Декан, ординарный профессор, действительный статский советник Николай Михайлович Бубнов, Елизаветинская, 7; Секретарь факультета ординарный профессор, статский советник Владимир Николаевич Перетц, Мариинско-Благовещенская, 74; Профессора: действительный статский советник Владимир Степанович Иконников, Нестеровская, 31; действительный статский советник Иван Васильевич Лучицкий, Левашовская, 22; действительный статский советник Юлиан Андреевич Кулаковский, Пушкинская, 40; действительный статский советник Тим. Дм. Флоринский, Б. Бульв., 36; действительный статский советник Алексей Никитович Гиляров, Тарасовская, 2; действительный статский советник Федор Иванович Кнауэр, Пушкинская, 35; действительный статский советник Адольф Израилевич Сонни, Левашовская, 42; статский советник Григорий Григорьевич Павлуцкий, Никольско-Ботаническая, 7; статский советник Митрофан Викторович Запольский-Довнар, Фундуклеевская, 42; статский советник Павел Ник. Ардашев, Святошино; статский советник Андрей Митрофанович Лобода, Михайловский проул., 30; н.ч. Алексей Иванович Покровский, Банковская, 5; Иван Васильевич Шаровольский, Тургеневская, 1; Лекторы: статский советник Март. Ив. Брунени, Левашовская, 40; статский советник Константин Давидович Раммат, Левашовская, 26; Андрей Александрович Шовен, Фундуклеевская, 51; статский советник Альфред Антонович Бартоломуччи, Левашовская, 30; Приват-доценты: действительный статский советник Вячеслав Иванович Петр; статский советник Алексей Иосифович Поспишиль; статский советник Андрон Иоанникиевич Степович; статский советник Владимир Георгиевич Ляскоронский; Владимир Алексевич Розов; Александр Митрофанович Лукьяненко; Василий Евфимович Данилевич; статский советник Павел Васильевич Тихомиров; Михаил Эммануилович Поснов; статский советник Витольд Влад. Новодворский; Витольд Павлович Клингер; действительный статский советник Василий Ник. Малинин; Генрих Иванович Якубанис; Влад. Иларионович Резанов; статский советник Стефан Андреевич Ананьин; Василий Васильевич Зеньковский.

Физико-Математический Факультет: Декан, ординарный профессор, статский советник Константин Адрианович Пуриевич, Назарьевская, 17; Секретарь факультета ординарный профессор, статский советник Роберт Филипович Фогель, здание Обсерватории; профессора: тайный советник Митрофан Феод. Хандриков, Осеев-

Михайло Лапинський.
Кінець XIX ст.

ская, 80; действительный статский советник Николай Андр.-Генрихович Бунге, Екатерининская, 13; действительный статский советник Василий Петрович Ермаков, Мариинско-Благовещенская, 41; действительный статский советник Яков Ник. Барзиловский, Тарасовская, 25/25; действительный статский советник Сергей Михайлович Богданов, Малая Владимирская, 24; действительный статский советник Петр Яковлевич Армашевский, Стрелецкая, 20; действительный статский советник Сергей Гаврилович Суслов, Тимофеевская, 6; действительный статский советник Сергей Николаевич Реформатский, Караваевская, 17; статский советник Сергей Гаврилович Навашин, Святошино; действительный статский советник Георий Георгиевич Де-Метц, Театральная 3; действительный статский советник Борис Якович Букреев, Никольско-Ботаническая, 4; статский советник Димитрий Александрович Граве, Дионисьевский пр., 8; статский советник Иосиф Иосифович Косоногов, здание Метеорологической Обсерватории; статский советник Петр Васильевич Варинец, Угол Тарасовской и Караваевской, 1; статский советник Иван Васильевич Егоров, Святославская, 11; статский советник Александрдр Васильевич Сперанский, Назарьевская, 9; статский советник Георг-Фердинанд Август-Вильгельмович Пфейффер, Фундуклеевская, 59; статский советник Василий Карлович Совинский, Безаковская, 6; н.ч. Влад. Влад. Колкуно, Мариинско-Благовещенская, 79. Приват-доценты: к.а. Михаил Михайлович Воскобойников; н.а. Влад. Петрович Поспелов; Антон Дмитриевич Билимович; Чеслав Феофилактович Бялобржевский; Иван Васильевич Бельговский; н.с. Константин Адамович Красуский, Богдан Владиславович Шишковский, Влад. Григорьевич Шапошников, Александр Михайлович Левшин, Александр Васильевич Ключарев, Николай Илларионович Васильев, Исидор Григорьевич Рекашев, Вячеслав Рафаилович Заленский, Владимир Николаевич Хитрово, Андрей Васильевич Краинский, Леон-Мариан Иосифович Кордыш, Станислав Иосифович Коляндык, Борис Алексеевич Сварчевский, Александр Тихонович Васильев, Влад. Николаевич Чирвинский, Сергей Евфимович Кушакевич, Николай Григорьевич Холодный, Антон Владимирович Думанский.

Юридический Факультет: Декан, исполняющий должность экстраординарного профессора, статский советник Платон Петрович Соколов, Бульварно-Кудрявская, 21; Секретарь факультета (вакансия); профессора: тайный советник Василий Григорьевич Демченко, Тарасовская, 10; действительный статский советник Михаил Флегонтович Владимирский-Буданов, Назарьевская, 17; действительный статский советник Оттон Оттонович Эйхитман, Святошино; действительный статский советник Николай Петрович Яснопольский, Столыпинская, 64; действительный статский советник Соломон Адамович Егиазаров, Банковская, 4; статский советник Михаил Мефодиевич Катков, Крепостной проул., 4; статский советник Константин Григорьевич Воблый, Бульварно-Кудрявская, 19; к.с. Григорий Васильевич Демченко, Тарасовская, 10; Александр Васильевич Билимович, Кузнечный, 1; Александр Алексеевич Жимен, Житомирская, 10; Василий Иванович Синайский, Столыпинская, 65; Авксентий Трофимович Богаевский, Гостиница Гладынюка.

Приват-доценты: действительный статский советник Николай Васильевич Самофалов; Петр Леонидович Кованько.

Члени Товариства природознавців. Кінець XIX ст.

Медицинский факультет: Декан, заслуженый ординарный профессор, *действительный статский советник* Николай Александрович Оболонский, Бибиковский Бульвар, 36; Секретарь факультета, *статский советник* Франц-Виктор Адольфович Стефанис, Овручская, 19; профессора: *действительный статский советник* Павел Иванович Морозов, Стрелецкая, 12; *действительный статский советник* Карл-Эмилий Георгиевич Гейбель, Нестеровская, 34; *действительный статский советник* Карл Генрихович Тритшель, Тарасовская, 5; *действительный статский советник* Сергей Иванович Чиртев, Банковская, 5; *действительный статский советник* Иван Васильевич Сикорский, Ярославов Вал, 15; *действительный статский советник* Сергей Петрович Томашевский, Михайловский проул., 35; *действительный статский советник* Лев Александрович Малиновский, Пироговская, 12; *действительный статский советник* Влад. Дмитриевич Орлов, Тарасовская, 27; *действительный статский советник* Александров-Муратов, Тарасовская, 6; *действительный статский советник* Василий Парменович Образцов, Фундуклеевская, 60; *действительный статский советник* Алексей Андреевич Садовень, Мариинско-Благовещенская, 66; *действительный статский советник* Александр Дмитриевич Павловский, предс. 41; *действительный статский советник* Конрад Эдуардович Вагнер, Бульварно-Кудрявская, 25; *статский советник* Владимир Карлович Линдеман, ***** 4; *статский советник* Ник. Маркианович Волкович, Караваевская, 19; *статский советник* Михаил Ник. Лапинский, Бульварно-Кудрявская, 27; *статский советник* Александр Филипович Шимановский, Крутой Спуск, 4; *статский советник* Феофил Гавриилович Яновский, Ярославов Вал, 13; *статский советник* Григорий Митрофанович Малков, Рыльский Проул., 8; *статский советник* Феод. Иванович Ломинский, Безаковская, 10; *статский советник* Тимофей Иванович Лоначевский-Петруняка, Мариинско-Благовещенская, 96; *статский советникк* Антон Антонович Тржецеский, Владимирская, 42; к.с. Василий Дмитиевич Добромыслов, Столыпинская, 20; к.с. Василий Юрьевич Чаговец, Золотоворотская, 6. Приват-доценты: *статский советник* Вар-

нава Алексеевич Добронравов; н.с. Александрдр Иванович Иванов; к.а. Александрдр Петрович Яхонтов; к.а. Петр Георгиевич Бондарев; Георгий Феодорович Писемский; н.с. Николай Александрдрович Свенсон; Александрдр Ипполитович Косткевич; н.с. Николай Павлович Трофимов; статский советник Павел Иванович Нечай; к.с. Константин Михайлович Леплинский; к.с. Владимир Васильевич Селецкий; статский советник Владимир Николаевич Константинович; н.с. Авксентий Васильевич Корчак-Чепурковский; н.с. Василий Константинович Боровский; статский советник Бронислав-Юлиан Станиславович Козловский; статский советник Александр Васильевич Леонтович; действительный статский советник Иринарх Полихронович Скворцов; к.а. Александр Сергеевич Своехатов; Эдуард Адамович Жебровский; к.с. Иван Афанасьевич Бондарев; н.с. Николай Дмитриевич Стражеско; Алексей Георгиевич Радзиевский; Альфонс-Фердинанд Карлович Зиверт; статский советник Михаил Феодорович Колесников; н.с. Георгий Георгиевич Брюно; Феодор Анисимович Соколов; Иван Юльевич Руберт; Михаил Михайлович Дитерихс; к.а. Константин Рудольфвич Мирам; н.с. Марк Петрович Нещадименко; Михаил Андреевич Левитский; Антон Фомич Каковский.

Клиники университета: 1) Факультетская акушерско-гинекологическая клиника, Бибиковский Бульвар, 17, тел. 71. Директор профессор, действительный статский советник Александр Александрович Муратов. Ординатор лекарь Мария Иосифовна Эйдзятович-Зубович и Александр Васильевич Кутовой. 2) Факультетская глазная клиника, Бибиковский Бульвар, 17; тел. 71. Директор профессор Александр Филиппович Шимановский. Ординатор лекарь Петр Владимирович Мазюкевич; 3) Факультетская терапевтическая клиника, Бибиковский Бульвар, 17, тел. 590; Директор профессор, действительный статский советник Василий Парменович Образцов. Ординатор лекарь к.а. Василий Петрович Мач; 4) Факультетская хирургическая клиника, Бибиковский Бульвар, 17, тел. 590. Директор профессор, статский советник Николай Маркианович Волкович. Ординатор лекарь Михаил Иванович Тарасевич. 5) Госпитальная терапевтическая клиника. При военном госпитале. Заведующий профессор статский советник Конрад Эдуардович Вагнер. 6) Госпитальная хирургическая клиника. При военном госпитале. Заведующий (вакансия); 7) Госпитальная дерматологическая клиника. При военном госпитале. Заведующий профессор, действительный статский советник Сергей Петрович Томашевский. 8) Пропедевтическая клиника. При Александровской больнице. Заведующий профессор статский советник Феофил Гавриилович Яновский. 9) Детская клиника. При Александровской больнице (вакансия). 10) Клиника нервных и душевных болезней. При Александровской больнице. Заведующий профессор, статский советник Михаил Ник. Лапинский.

Музеи при Университете: 1) Зоологический — заведующий профессор В.К. Совинский; 2) Зоотомический — (вакансия); 3) Минералогический —П.Я. Армашевский; 4) Геологический — (вакансия); 5) Мюнц-кабинет и древностей — Ю.А. Кулаковский; 6) Кабинет изящных искусств — И.И. Павлуцкий; 7) Анатомический — Ф.А. Стефанис; 8) Патолого-анатомический — (вакансия); 9) Гербариум — К.А. Пуриевич.

Библиотека Университета: Библиотекарь статский советник Вениамин Александрович Кордт. Здание Университета. Секретарь Михаил Александрович Ивановский.

Астрономическая обсерватория (Обсерваторный проулок угол Боульварно-Кудрявской, Заведующий обсерваторией профессор Роберт Филиппович Фогель; астрономнаблюдатель статский советник Михаил Петрович Диченко; оба в Обсерватории.

Метеорологическая обсерватория. Караваевская, 14. Заведующий обсерваторией статский советник Иосиф Иосифович Косоногов, здание Обсерватории. Лаборантнаблюдатель к.а. Михаил Александрович Страшкевич, Паньковская, 7.

ДАК, ф. 16, оп. 351, спр. 90, арк. 26-26 зв., 33-33 зв.

Протоколи засідань Київського юридичного товариства при Університеті Св. Володимира
20 вересня 1914 року — 6 березня 1916 року

Протокол
заседания Киевского Юридического Общества
20 сентября 1914 года

В заседании, под председательством Проф. Г.В. Демченка, присутствовали 12 членов: Билимович, Бутовский, Ждановский, Ильяшенко, Кованько, Козаринский, Левитский, Паше-Озерский, Рудницкий, Скордели, Спекторский и Туткевич.

Открывая заседание, Председатель произнес краткую речь, в коей, указав на глубокою важность переживаемого всеми в настоящее время момента, предложил собранию: постановить о посильном для Общества ассигновании на нужды войны и раненых и отозваться рядом соответствующих моменту докладов и сообщений из области экономической политики, международного права и т.п.

Собрание единогласно постановило: ассигновать в пользу Киевского Отдела, состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям десятую часть своего запасного капитала, т.е. 100 рублей.

Затем Председатель доложил о поступившем от Секретаря Общества, Проф. А.Д. Билимовича заявления, в коем Проф. А.Д. Билимович просит об освобождении его от обязанностей Секретаря, мотивируя свое желание абсолютным отсутствием необходимого для исполнения этих обязанностей времени. Присутствовавший в Собрании Проф. А.Д. Билимович поддержал свое заявление. Собрание постановило: выражая свое сожаление и принося благодарность за многолетнюю

Група викладачів юридичного факультету. Січень 1912 року

деятельность на пользу Обществу, удовлетворить желание Проф. А.Д. Билимовича; выборы же нового секретаря произвести в ближайшем заседании.

После этого слово было предоставлено В.М. Левитскому, сделавшему доклад на тему: «Роль общества в деле помощи детям защитников родины». Ознакомив вкратце собрание с историей возникновения и ростом различных общественных учреждений, ставящих своей задачей призрение бездомных и беспризорных малолетних, докладчик указал на ряд подобных учреждений, возникших в последние десятилетия и в России. Если, говорил далее докладчик, призрение бездомных и безпризорных детей было до сего времени делом отдельных благотворителей и общественных организаций, то теперь оно является национальной обязанностью всего русского общества, ибо бездомные дети в огромном большинстве ныне являются детьми защитников родины, грудью обороняющих родную землю от врага. Перейдя затем к организации призрения детей ушедших на войну старшего возраста, докладчик находил целесообразным в основу такой организации положить два принципа — трудовой и развитие самодеятельности и самостоятельности. Задачам осуществления предлагаемого призрения в Киеве уже служат недавно сформированные: Бюро Труда и трудовое убежище для детей запасных Киевского Патроната. В заключение докладчиком было предложено, в качестве практической меры, устройство общегородского комитета и районной организации. Комитет этот, состоя из общественных деятелей, возьмет на себя обследование положения малолетних на месте, организацию мастерских, трудовых артелей, а главное, — попечительного над малолетними надзора и контроля.

Доклад вызвал прения, участие в коих приняли следующие лица.

А.Н. Бутовский возражал против предлагаемых докладчиком практических мероприятий, а в частности, против организации приютов. Не говоря уже о чрезвычайной трудности иметь необходимое количество таких приютов, применение насильственных мер к семье едва ли целесообразно.

Д.В. Туткевич коснулся затронутого докладчиком частного вопроса о газетном промысле малолетних, и полагал более правильным не уничтожение его, а лишь более целесообразную его организацию.

А.Д. Билимович отметил чрезвычайную спорность вопроса о мастерских.. Условия рынка не изменились, вследствие войны, столь благоприятно для внутреннего производства, как полагал докладчик. Условия работы всегда будут, по мнению оппонента, неблагоприятны для проектируемого докладом труда — таковы дороговизна, качество и т.п. последнего. Целесообразнее итти другим путем, диктуемым самой жизнью: заполнять пустые места в *уже существующих* предприятиях.

П.К. Скордели указал на целесообразность организации особых ремесленных курсов для малолетних, пример чему мы видим уже в настоящее время в Петрограде.

П.Л. Кованько, отметив отсутствие в докладе общих принципов и каких либо конкретных положений, полагал необходимым обратить внимание и на воспитательную сторону предлагаемых мастерских.

Докладчик возражал своим оппонентам.

В заключение Председатель, резюмируя прения, отметил достаточно конкретный характер доклада. Первое — сохранить то, что уже налажено, устранить брешь, образовавшуюся вследствие ухода работников, массового в некоторых предприятиях. Мы имеем дело с семьями, уже существующими — здесь необходим не только трудовой принцип, но также и принцип материальной помощи.

По предложению Председателя присутствовавшие благодарили докладчика за интересное сообщение.

Председатель
Секретарь

Протокол заседания Киевского Юридического Общества 4 октября 1914 г.

В заседании, под председательством П.А. Ананьева, присутствовали 18 членов: Блонский, Бутовский, Горецкий, Ждановский, Жилинский, Ильяшенко, Кованько, Кристер, Левитский, Логачев, Б. Маркевич, Паше-Озерский, Порховников, Рудницкий, Синайский, Скордели, Федорченко и Шатуновский.

Утверджен оглашенный з*аступающим* м*есто* Секретаря Общества протокол предыдущего заседания.

Предложены в члены Общества: Председатель Киевского Окружного Суда Николай Степанович Кисличный (предлагают: Г.В. Демченко, П.А. Ананьев и А.Д. Щербак) и Профессор Киевского Коммерческого Института Леонид Николаевич Яснопольский (предлагают Г.В. Демченко и П.А. Ананьев). Постановлено подвергнуть предложенных кандидатов баллотировке в следующем заседании.

Поступило от Профессора Императорского Университета Св. Владимира Тихона Михайловича Яблочкова заявление о желании вступить в число действительных членов Общества. Постановлено, руководствуясь §4 Устава Общества, принять заявление Проф. Т.М. Яблочкова к сведению.

Затем председателем было доложено о предстоящих Собранию выборах секретаря Общества. Единогласным постановлением собрания секретарем Общества избран заступающий место Секретаря Общества Николай Николаевич Паше-Озерский.

После этого слово было предоставлено А.Н. Бутовскому, сделавшему доклад на тему: «Война и судебные новеллы (расторжение квартирных договоров и приостановление судопроизводства)».

Действие Высоч*айшего* Указа от 28 июля 1914 г. о расторжении квартирных договоров распространяется, по мнению докладчика, только на тех лиц, состоящих на военной службе и призванных из запаса, которые поставлены в условия, препятствующие пользованию нанятыми ими квартирами; причем призыв члена семьи нанимателя не может служить основанием к расторжению договора. Право на расторжение обусловлено месячным сроком, считая со дня воспоследования распоряжения начальства, препятствующего пользоваться квартирою, и лица, не оставившие квартиры в течении этого срока, лишаются права на расторжение договора.

Высоч*айший* Указ 13 сентября 1914 г. о приостановлении судопроизводства может иметь применение только к лицам, состоящим в действующих против неприятеля армиях. Из гражданских дел приостановлению подлежат только исковые дела, не исключая и тех, по коим сторонами заявлено ходатайство о рассмотрении дела в их отсутствии. По уголовным делам — пребывание частного обвинителя, обвиняемого, или гражданского истца также служит основанием к отсрочке разбора дела до истечения трех месяцев со дня приведения армии и флота на мирное положение. Производство приостанавливается не только по ходатайству сторон, но и по непосредственному усмотрению суда, если при вручении тяжущимся повесток будет обнаружено пребывание кого либо из них в действующей армии; призыв же в армию третьих лиц, участвующих в процессе, не может служить основанием к приостановлению производства; с приостановлением производства приостанавливается также течение давностных и процессуальных сроков; первые сроки приостанавливаются лишь в отношении лиц, призванных в армию, а последние — в отношении обеих сторон; сроки уголовной давности также подлежат приостановлению, но только в отношении частных обвинителей и потерпевших, пребывающих в армии.

Доклад вызвал оживленный обмен мнений.

Проф. Т.М. Яблочков оспаривал положение докладчика о том, что расторже-

Андрій Мітюков. Кінець XIX ст.

нию подлежат лишь договоры, заключенные лицами, *призванными* в действующую армию, а также и их семьями. Законодатель желал подумать и о последних, защищая интересы не только ушедших, но и оставшихся. По вопросу о сроке, устанавливаемом Указом 28 июля и обуславливающему право расторжения договоров, оппонент полагал, что месячный срок относится лишь к праву отказа от обязательств по договору, но не к обязанности выселиться.

Проф. В.И. Синайский защищал необходимость чисто объективной т*очки* зрения, толкование строго ограничительное, а не распространительное. Мнение предыдущего оппонента по вопросу о сроке вполне целесообразно.

В прениях приняли также участие Г.О. Шатуновский и А.Б. Порховник, доказывавший императивный характер норм Указа 28 июля, как положений публично-правового порядка, и докладчик, возражавший своим оппонентам.

В заключение, по предложению Председателя, докладчику была выражена благодарность за интересное сообщение, при чем присутствовавшие благодарили докладчика аплодисментами.

Председатель:
Секретарь:

Протокол заседания Киевского Юридического Общества 25 октября 1914 г.

В заседании под председательством Проф. Г.В. Демченка присутствовали 21 членов: Бабат, Бутковский, Дуганов, Зайцев, Козаринский, Кристер, Левитский, Николаев, Паше-Озерский, Порховник, Рудницкий, Скордели, Смесов, Спекторский, Трейеров, Туткевич, Федорченко, Чулаевский, Шатуновский, Щербак и Яблочков.

Утвержден оглашенный Секретарем Общества протокол предыдущего заседания.

Произведены выборы предложенных в прошлом заседании кандидатов в члены Общества: Председателя Киевского Окружного Суда Николая Степановича Кисличного (предлагали: Г.В. Демченко, П.А. Ананьев и А.Д. Щербак) и Профессора Киевского Коммерческого Института Леонида Николаевича Яснопольского (предлагали: Г.В. Демченко и П.А. Ананьев) П.С. Кисличный и Л.Н.Яснопольский баллотировкой избраны в члены Общества.

Затем, слово было предоставлено Л.М. Зайцеву сделавшему доклад на тему: «По поводу договоров между лицами, принадлежащими к двум воюющим государствам».

Докладчик говорил лишь по поводу прав на судебную защиту лиц, состоящих в подданстве воюющих с Россией государств. Отметив две существующие ныне доктрины понимания задач и содержания войны — англо-американскую, согласно ко-

торой война является возможно более полным политическим и экономическим обессилением противной стороны, и континентальную — видящую в войне исключительно государств, а не частных лиц — докладчик указал, что русскому праву неизвестна англо-американская *точка* зрения. Правом на судебную защиту пользуются иностранцы, ***физические*** лица, как проживающие в России, так и проживающие вне ее (последним принадлежат даже права собственности на недвижимое в России имущество). Что же касается иностранных ***юридических*** лиц, то здесь, по докладчику, необходимо различать таковые, возникшие на основании торговых конвенций и договоров, и — образовавшиеся в силу особого на то разрешение русской правительственной власти. С отпадением вслед за началом войны конвенций, отпадает и право на судебную защиту первой категории юридических лиц; осуществление их приостанавливается; юридические же лица второй категории лишаются своих прав лишь особым актом, отменяющим данное им разрешение. Исключение и приостановление судами дел, по которым сторонами являются иностранцы, представляются мерами незаконными. Состоящие, в частности, военнопленного для суда является обстоятельством посторонним; такие лица обнимаются общим понятием иностранца. Высочайший Указ 28 июля 1914 года не отменяет, по мнению докладчика, конвенции 1907 г. лишь при условии взаимности. В заключение докладчик указал на желательность разъяснения спорных моментов рассматриваемого вопроса в законодательном порядке.

В оживаленных прениях по поводу доклада приняли участие следующие лица.

А.Н. Бутовский также находил, что единственно подходящим исходом из создавшегося положения были бы законодательные акты, но на них, к сожалению, трудно в настоящий момент рассчитывать. Права и интересы иностранных подданных, а равно и военнопленных, ни в коем случае не могут быть отрицаемы в государстве, уважающем себя, сознающем свою силу и достоинство и привыкшем жить по создавшемуся в нем правовому порядку. За отменой конвенций, права иностранцев, признаваемые обще-гражданскими законами, должны быть сохраняемы и уважаемы. Подобное же положение относится и к существующим юридическим лицам.

К.Н. Николаев, отметив необходимость откинуть всякие национальные соображения, указал на отсутствие не только нравственных, но и юридических оснований для отрицания прав и обязанностей физических лиц иностранных подданных в русском суде; юридические же лица находятся в состоянии как бы анабиоза. Оппонент возражал против северно-американской доктрины о способе ведения войны.

В.И. Смесов также разграничивал понятия физических лиц и лиц юридических, имеющих пребывание вне русской территории. Первая категория пользуется всеми правами русских подданных; вторая же — регулируется в своих правах существующими конвенциями. За отменой последних все дела таких лиц должны быть не приостанавливаемы, а прекращаемы.

Проф. Д.В. Туткевич указал на необходимость в виду сложности вопроса обратиться для разрешения его к международному содействию.

Проф. Т.М. Яблочков, отметив несоответствие объема доклада его заглавию (доклад касается лишь одной процессуальной стороны вопроса), находит необходимым при разрешении вопроса о лишении прав юридических лиц иностранных подданных разграничивать понятия операций и сбыта. Лишь для первых требуется в России разрешение в порядке Верховного управления; отнять же права можно лишь у таких юридических лиц, которые таковое разрешение получили. Из указанных докладчиком двух систем ведения войны ныне общепризнанной является лишь одна — северо-американская.

А.Б. Порховник, также разграничивая положение физических и юридических лиц, указал, что прав, приобретенных в установленном порядке, отнять нельзя, но в виду отсутствия в таких случаях самого юридического лица, производство начатых прежними лицами дел должно быть прекращено.

Докладчик возражал своим оппонентам.

В заключение Председатель, резюмируя прения, отметил объединение всех присутствующих в собрании тою единою мыслью, что судебная защита прав иностранных подданных стоит и ныне непоколебимо. Многочисленные спорные в этом отношении вопросы возможны, но существующий закон *должен быть* применяем судом.

По предложению Председателя докладчику была выражена присутствующими благодарность.

Председатель:
Секретарь:

Протокол
заседания Киевского Юридического Общества
8 ноября 1914 года

В заседании под председательством Проф. Г.В. Демченка присутствовали 16 членов: Анагорский, Ананьев, Бабат, Билимович, Богаевский, Зайцев, Козаринский, Кованько, Кристер, Паше-Озерский, Скордели, Шелухин, Яблочков, Яновский и Ясинский.

Утвержден оглашенный секретарем Общества протокол предыдущего заседания.

Предложены в члены Общества: окончивший курс юридических наук Василий Васильевич Самсонов (предлагают: А.Д. Билимович и П.Л. Кованько), окончивший курс юридических наук Виталий Иванович Лобейковский (предлагают: В.И. Синайский и А.Э. Кристер) и помощник присяжного поверенного Николай Яковлевич Канонихин (предлагают: В.И. Синайский и А.Э. Кристер). Постановлено подвергнуть предложенных кандидатов баллотировке в следующем заседании.

Затем Председателем было доложено о кончине академика И.И. Янжула, памяти выдающихся заслуг коего предложено посвятить целое заседание Общества. Собрание постановило выразить Академии Наук сочувствие посылкой телеграммы и почтило память покойного вставанием.

После этого слово было предоставлено С.Н. Шелухину, сделавшему доклад на тему: «Немецкая колонизация в России».

Отметив высоко-государственное значение вопроса, докладчик остановился, главным образом, на немецкой колонизации юга России, а именно Херсонской губернии. Составляя лишь 5% всего населения губернии (135 тысяч), немцы владеют 2/3 всей годной для земледелия земли. Огромное экономическое преобладание немецких пришельцев не составляет, по мнению докладчика, результата каких либо неустанных и тяжелых трудов их в этом направлени — оно дано им широким отво-

Григорій Демченко. 1911 р.

дом земель и искусственными поддержками в виде самых разнообразных льгот. Казна не только перевозит немецких колонистов на свой счет и безвозмездно отводит им землю, но и дает средства на постройку домов и прочее хозяйственное обзаведение, освобождает на 30 лет от всех налогов и повинностей, а от рекрутского набора — навсегда, наделяет крестьянами и т.п. Чрезвычайный рост и размножение немецких колоний — естественный результат подобной политики нашего государства. Докладчик, далее, опровергал мнение о большей культурности немецких колонистов, о более высоком уровне их сельско-хозяйственных познаний и т.п. Культурность немецких колоний, по словам докладчика, это чисто наружная культурность стройных улиц и каменных домов. Быт немецких колоний отличается чрезвычайной замкнутостью, архаичностью. Общий уровень грамотности, особенно среди женщин, невысок; их язык — язык, отживший в Германии уже свыше 100 лет тому назад. Отметив, далее, необыкновенную планомерность деятельности колонистов в отношении производимой ими скупки земель, идущей столь успешно, что немцам вполне было бы достаточно нескольких еще лет для завладения всем краем, — докладчик указал, наряду с экономической, и на глубокую стратегическую опасность подобного положения вещей: скупка земель неуклонно идет по нашим стратегическим путям и вокруг таких же стратегических пунктов (напр. Очаков и *многие другие*) и производится притом немцами, пребывающими в *так называемом* двойном подданстве. Единственно целесообразной и необходимой является, по мнению докладчика, полная ликвидация всего немецкого землевладения нашего юга, ликвидация, диктуемая не только невыносимо тяжкими экономическими условиями совместного существования коренного русского населения, но — и высшими государственными соображениями.

Доклад вызвал оживленный обмен мнений.

Проф. А.Д. Билимович указал на несомненную планомерность заселения немецкими пришельцами и Юго-Западного края, Сувалкской губ. и *других* местностей. Меры противодействия должны иметь своим содержанием не только устранение дальнейшей колонизации, но и уменьшение наличного землевладения. Целесообразной формой ликвидации немецкого землевладения явилось бы не принудительное отчуждение, а *принудительное переведение* этого землевладения в местности, не угрожаемые опасностью в военном отношении. Изъятия для целого ряда лиц необходимы (напр. для сражающихся ныне под русскими знаменами).

Проф. П.М. Богаевский говорил о двойном подданстве, причину коего оратор усматривал в различии и несогласованности национальных законодательств отдельных государств о порядке приобретения и потери подданства. Необходимые меры в

этом отношении уже намечены Институтом Международного Права и направлены к требованию для перемены подданства уничтожения подданства предыдущего.

Проф. Ю.А. Кулаковский возражал против трактования немецких колонистов, как однородной по составу массы; необходимо различать не только старые поселения, ведущие свою историю со времен Екатерины Великой, но и другие категории колонистов.

Проф. Т.М. Яблочков, указывая на ликвидацию землевладения и обрусение немецких колонистов, как на две возможные и целесообразные меры в данном направлении, полагал отдать предпочтение последней.

П.М. Скордели возражал против каких либо изъятий при осуществлении принципа универсальной ликвидации немецкого имущества.

В.А. Анагорский также склонялся к необходимости строгого законодательного акта, где недопустимы компромиссы и где не *должно быть* места русскому прекраснодумию.

В заключение Председатель, резюмируя прения, отметил две основных *точки зрения* в речах всех высказывавшихся по рассмотренному собранием вопросу. [...] таков один взгляд; справедливость — такова вторая *точка* зрения. Глубокой важности выводы первого положения делают его более соответствующим государственному значению трактуемого вопроса.

По предложению Председателя докладчику была выражена присутствовавшими благодарность за сообщение.

Председатель:

Протокол заседания Киевского Юридического Общества 13 декабря 1914 года

В заседании, под председательством Проф. Г.В. Демченка, присутствовало 23 члена: Анагорский, Билимович, Бутовский, Горецкий, Ждановский, Ильяшенко, Козаринский, Кристер, Лабейковский, Левитский, В. Маркевич, Митилино, Паше-Озерский, Порховник, Рудницкий, Синайский, Скордели, Спекторский, П. Тулуб, Туткевич, Чулаевский, Яблочков и Яновский.

Утверждены оглашенные Секретарем Общества протоколы двух предыдущих заседаний.

Произведены выборы в члены Общества предложенного в прошлом заседании кандидата, окончившего курс юридических наук Дмитрия Николаевича Герасименко (предлагали: Г.В. Демченко и Н.Н. Паше-Озерский). Произведенной баллотировкой Д.Н. Герасименко избран в члены Общества.

Предложены в члены Общества: старший председатель Киевской Судебной Палаты Федор Алексеевич Болдырев (предлагают: Г.В. Демченко и А.Н. Бутовский) и помощник секретаря Киевского Окружного Суда Николай Степанович Миладовский (предлагают: Б.И. Маркевич и П.Л. Горецкий). Постановлено подвергнуть предложенных кандидатов баллотировке в следующем заседании.

Затем, слово было предоставлено Проф. В.И Синайскому, сделавшему доклад на тему: «Война и духовное завещание».

Настоящая мировая война, говорил докладчик, внесла собою такие изменения в гражданском обороте, что потребовался целый ряд специальных указов, цель которых смягчить острые проявления современного экономического кризиса и облегчить положение многочисленных, призванных в ряды защитников родины, лиц. Таковы — указы о мораториуме, расторжении квартирных договоров и др. Особого внимания, естественно, заслуживает вопрос о духовном завещании, в связи с огромными жерт-

вами современной войны. Острота этого вопроса, по словам докладчика, усиливается еще тем, что наследование по закону в нашем праве далеко не удовлетворяет требованиям справедливости, отдавая нередко, при отсутствии завещания, наследство лицам далеким, чужим наследователю, в ущерб или даже в полное устранение близких и дорогих ему лиц. Обращаясь к вопросу о том, насколько русское гражданское право обеспечивает нашим воинам возможно более легкие и удобные способы выражения своей последней воли и облегчение их рассчетов с жизнью, в тех чрезвычайных для них обстоятельствах, в коих они в настоящий момент находятся, докладчик приходит к отрицательным выводам. Нашему праву известны завещания общие и особенные («военно-походные», «морские», «госпитальные» и «заграничные»). Рассмотрение соответствующих статей закона приводит докладчика к следующим выводам: 1) наши законы не знают походных завещаний в пределах России; 2) завещания походные заграницей и походные морские суть сурогат наториальных завещаний; 3) госпитальные завещания, вследствие неясности редакции закона и в особенности в силу излишнего формализма, остаются мертвой буквой; и 4) заграничные публичные завещания, рассчитанные на мирное время, ныне не могут быть совершены.

В основе солдатских и вообще воинских завещаний должна, по мнению докладчика, быть положена идея т.н. покровительствуемых завещаний; нашему же законодательству эта идея, к сожалению, совершенно чужда. Таковы, напр. постановления германского гражданского уложения, узаконяющего при исключительных условиях (а таковым признается и война) изустное завещание в присутствии 3 свидетелей, швейцарского уложения, ограничивающегося в подобных случаях требованием даже 2-х свидетелей. Законодательная реформа в области воинских завещаний настоятельно у нас необходима.

По вопросу о завещательной правоспособности докладчик полагал целесообразным издать новый закон, который разрешал бы лицам, призванным в действующую армию, делать завещания и ранее достижения ими возраста совершеннолетия.

Доклад вызвал оживленные прения, в коих приняли участие:

А.Н. Бутовский, соглашаясь с многими выводами докладчика, говорил по вопросу о сроке предъявления духовных завещаний к утверждению и оспаривал взгляд на госпитальное завещание, как на обыкновенное домашнее завещание; призвание дополнительных кроме указанных в законе свидетелей не требуется.

Проф. Т.М. Яблочков находил необходимым поднять вопросы о влиянии войны на духовные завещания русско-подданных, находящихся в настоящий момент во враждебных странах, а равно и иностранных подданных, находящихся в России. Оппонент решительно не согласен с докладчиком по вопросу о том, что госпитальные завещания должны быть толкуемы как известный льготный вид публичного завещания — эти завещания могут быть только домашними.

В прениях приняли также участие Д.В. Туткевич, В.А. Анагорский и докладчик.

Председатель, резюмируя прения, указал, что докладом выдвинуты две точки зрения: одна стеснительная, другая облегчающая, покровительственная; докладчик занимает среднюю позицию. По предложению Председателя присутствующие выразили докладчику благодарность за сообщение.

В заключение Председатель, Проф. Г.В. Демченко, доложил собранию о кончине члена Общества, прис*яжного* пов*еренного* П.А. Тулуба, сообщив краткие биографические данные о покойном, видном представителе присяжной адвокатуры и глубоком специалисте в области железнодорожных дел. Присутствовавшие почтили память покойного вставанием.

Председатель:
Секретарь:

Протокол
заседания Киевского Юридического Общества
21 февраля 1915 года

В заседании под председательством Проф. Г.В. Демченка присутствовало 17 членов: Ананьев, Л. Барац, Герасименко, Ждановский, Зайцев, Кованько, Козаринский, Коломацкий, Паше-Озерский, Плескачевский, Порховник, Спекторский, Туткевич, Щербак, Эльянов, Яблочков и Яновский.

Утвержден оглашенный секретарем Общества протокол предыдущего заседания.

Предложены в действительные члены Общества: помощник секретаря Киевской Судебной Палаты Николай Зиновьевич Архимович (предлагают: Н.П. Яснопольский и П.А. Ананьев), кандидат на судебные должности при Киевской Судебной Палате Георгий Феофанович Зарицкий (предлагают: Д.В Туткевич и Г.В. Демченко) и кандидат на судебные должности при Киевской Судебной Палате Евгений Леонтьевич Танашевич (предлагают: А.М. Козаринский и В.И. Смесов). Постановлено подвергнуть предложенных кандидатов баллотировке в следующем заседании.

Произведены выборы предложенного в прошлом заседании кандидата в действительные члены Общества помощника присяжного поверенного Афанасия Алексеевича Роханского (предлагали: Н.М. Цытович и П.А. Тулуб). Произведенною баллотировкою А.А. Роханский избран в действительные члены Общества.

Затем слово было предоставлено Прив*ат*-доц*енту* П.Л. Кованько, сделавшему доклад на тему: «Закон 1 мая 1914 года (о ввозе ржи из Германии) как средство борьбы с германским экономическим влиянием».

Сущность закона 1 мая 1914 года, прошедшего с чрезвычайною, между прочим, поспешностью и без достаточного обсуждения наши законодательные учреждения, заключается в установлении пошлины на привозимые из-за-границы хлеба. Экономические причины появления этого закона коренятся в усвоенной германскою хлебною торговлею последнего времени политике, направленной, в связи с огромным количеством производимой ныне в Германии ржи, на пользование русскою рожью в чисто спекулятивных целях, для выгодных перепродаж. Успехи Германий в этом направлении оказались столь велики, что германская рожь начала в быстро возрастающих количествах ввозиться в западные части России и в Финляндию; наши балтийские порты перестают отпускать русскую рожь за-границу и превращаются из экспортных в импортные, начиная ввозить в Россию германскую, а иногда, повидимому, и русскую рожь; порты же Черного и Азовского морей стоят все время перегруженными русскою рожью, прибывающею сюда по железным дорогам, в целях дальнейшего следования морским путем в Англию, Голландию, а главным образом, в Германию.

Для уяснения системы германского завладения рынками сбыта ржи, необходимо, по словам докладчика, весь статистический материал расположить не по календарному счислению, а по периодам хлебной кампании, начиная с августа месяца каждого года. Сопоставление средних вывозов за несколько последних лет даст возможность констатировать наличность особой, усвоенной Германиею системы, согласно которой вывоз главной массы запасов ржи проводится ею в течение осени и начала зимы, а привоз принаравливается главным образом к лету. Огромное, по мнению докладчика, значение имеет также принятая Германией система ввозных свидетельств, облегчающая возможность покупки ржи на тех рынках и в такое время, где и когда рожь бывает дешевле, и дающая, напротив, возможность продавать рожь по более дорогой цене. Эту возможность значительно также облегчают не только германские, но и русские, тарифы на перевозку ржи по железным дорогам, построенные вполне в сторону покровительства ввоза германской ржи в пре-

делы России. Установление пошлины на ввозимые хлеба, говорил в заключение докладчик, без других мер нежелательно. Необходим, и притом настоятельно, ряд таких мер, которые клонились-бы к подъему сельского хозяйства и к облегчению условий перевозки хлебных грузов.

Сообщение свое докладчик все время иллюстрировал многочисленными диаграммами.

Доклад вызвал обмен мнений, участие в коем приняли следующие члены Общества.

М.Д. Плескачевский, приветствуя выводы докладчика, не соглашался со взглядами последнего на роль спекуляции в хлебной политике Германии и указал на огромное значение встреченного Россиею в Германии соперничества Америки (особенно с 1891 г.), с ее крупными капиталами и громадной по сравнению с Россиею величиной торгового тоннажа.

Л.Г. Барац, вполне присоединяясь к взгляду докладчика на систему протекционализма, указал на огромное, по его мнению, значение вообще, и для России в частности, института т.наз. свободных гаваней, могущего служить весьма удачным коррективом системы протекционализма.

В обмене мнений приняли участие Д.В. Туткевич, А.Б. Порховник и Л.М. Зайцев, предлагавшие докладчику отдельные вопросы, а равно и докладчик, возражавший своим оппонентам.

По предложению Председателя докладчику была выражена благодарность за интересное сообщение.

Председатель:
Секретарь:

Кабінет судової медицини. 1913 р.

Протокол
заседания Киевского и Саратовского Юридических Обществ
28 февраля 1916 года

В заседании, под председательством Председателя Саратовского Юридического Общества А.А. Никонова, присутствовали г.г. члены Киевского Юридического Общества: Билимович, Богаевский, Демченко, Кристер, Синайский, Соколов, Спекторский, Цытович, Яблочков и Л. Яснопольский; г.г. члены Саратовского Юридического Общества: Прасников, Поляков, Поляк и Чегодаев, при Секретаре Киевского Юридического Общества Н.Н. Паше-Озерском.

Слушали и утвердили оглашенный Секретарем Общества протокол предыдущего заседания.

Затем слово было предоставлено г. действительному члену Киевского Юридического Общества, Проф. В.И. Синайскому, прочитавшему доклад на тему: «Современная эвакуация в России, как юридический институт».

Эвакуация, как юридический институт, говорил докладчик, создана современной войной, с ее отрицанием Германией начал международного права, отрицанием, которое выразилось, между прочим, в том, что Германия, в целях организации, во что-бы то ни стало, победы, грозилась не только прибегнуть к удушливым газам, не только использовать местное население и все материальные его средства, для развития своего могущества. Война государств заменена ныне войною народов. Мирная жизнь в оккупированных неприятелем местностях стала в настоящую войну для населения почти невозможной. Только в свете этого положения, говорил далее докладчик, можно объяснить широкий, массовый размах эвакуации в России и дать самое наличие эвакуации как нового явления в жизни европейских народов. Исходя из указанного положения и анализируя виды современной эвакуации в России, а именно: эвакуации торговую, промышленную, эвакуацию населения, с ее превращением в беженство, эвакуацию судов, кредитных учреждений, учебных заведений, — докладчик пришел к выводу, что все эти виды эвакуации созданы именно стремлением государственной власти не дать неприятелю возможности укрепить свою мощь за счет населения и материальных ресурсов оккупированных местностей.

Вместе с тем, эвакуация, резко нарушая жизнь страны и умаляя силу нашего государства, вынуждала правительство к эвакуации торговых и промышленных заведений и рабочих, с целью организации промышленности на новом месте. В итоге сложность явлений, вызываемых подобною эвакуациею, потребовалось издание ряда положений и указов для регуляции и организации института. Организация эта, совершаясь постепенно, без достаточного, по словам докладчика, определенного плана, лишена, естественно, необходимого единства, определенности и ясности. Положительной, однако, стороной ее является, несомненно, привлечение, в особенности на местах, общественного элемента, без участия какового правительственная власть была бы не в силах выполнить надлежащим образом широких задач, поставленных современной эвакуацией.

Обращаясь к рассмотрению влияния эвакуации в России на различные стороны нашего *гражданского* быта, докладчик полагает, что эвакуация дает вполне основание для досрочного прекращения договоров как личного, так и имущественного найма обеим сторонам. Вопрос о вознаграждении за вред и убытки, причиненные эвакуацией, должен быть решаем в зависимости от решения общего вопроса о вознаграждении государством населения, пострадавшего от войны, причем такая ответственность государства не только может, но и, по мнению докладчика, должна быть создана законодателем, ибо оснований для подобной ответственности в нашем действующем праве нет.

Коснувшись затем влияния эвакуации на такие договоры, как договор поклажи и др., докладчик отметил, что эвакуация, как предмет внимания и забот нашего правительства, приобретает все большее и большее значение; почти еженедельно издаются соответствующие указы и положения; говорить поэтому об эвакуации, как о сложившемся уже юридическом институте, невозможно.

Волею судеб и к глубокому сожалению, закончил свой доклад проф. В.И. Синайский, наше отечество стало той страной, где эвакуация, в ее современной форме, приняла совершенно исключительные, грандиозные размеры; на русских юристах поэтому лежит важная задача разработки института с его юридической стороной. Одной из названных попыток такой разработки и является, говорил докладчик, предлагаемый собранию доклад, основанный на изучении законов, положений и указов, появившихся до настоящего времени.

Доклад Проф. В.И. Синайского вызвал оживленный обмен мнений, в коем приняли участие следующие лица.

Проф. Т.М. Яблочков, возражая докладчику, остановился на т*очке* зр*ения* нерасторжимости эвакуацией квартирных договоров. Оппонент предлагает различать *общую* и *частичную* эвакуацию. Лишь объективная невозможность использовать объект найма расторгает такой договор, но и это, в свою очередь, может иметь место лишь при общей, а не при частичной, эвакуации. Не разделяя высказанной докладчиком т*очки* зр*ения* на взаимоотношение эвакуации и беженства, Проф. Т.М. Яблочков полагает, что эвакуированным будет и тот, кто воспользовался предложением, в виду приближения неприятеля, военных властей о вывозе из угрожаемой неприятельским нашествием территории.

С.П. Красников отметил то обстоятельство, что фактическая обстановка современной эвакуации в России не дает, по его мнению, достаточного материала для каких либо юридических конструкций. Права и обязанности, возникающие из современной эвакуации, должны служить на совершенно новых началах. Основание их — право гражданина на существование и обязанность государства к созданию хотя бы элементарных условий такого существования. В виду естественной невозможности разрешения всех выдвигаемых переживаемым моментом вопросов путем действующего законодательства, необходимо, по словам оппонента, создание нового писанного права, ибо только такая регуляция вопросов м*ожет* б*ыть* признана желательной.

Н.Н. Поляк. Присоединяясь к теоретическим возражениям проф. Т.М. Яблочкова, касается оснований современной эвакуации в России мирного населения. Отказываясь видеть в этой эвакуации правомерное явление, оппонент склонен рассматривать таковую, как проявление произвола, эвакуацию, принявшую определенно незакономерный характер. Эвакуация не есть, по мнению оппонента, юридический институт, а, скорее, явление, вызывающее лишь ряд юридических последствий.

Проф. П.М. Богаевский, отметив в докладе слияние двух областей — частного и публичного права, признает эвакуацию юридическим институтом, но институтом права публичного. Положение Гаагской конвенции о недопустимости со стороны оккупанта насилия над мирным населением оккупированных местностей д*олжно* б*ыть* модифицировано в связи с изменившимся характером войны, как войны народов. Эвакуация — огосударствление мирных элементов, своего рода введение последних государственной властью в общее дело борьбы с врагом.

Проф. А.Д. Билимович останавливается, главным образом, на хозяйственных последствиях эвакуации: эвакуации зерна, породистого скота, сельско-хозяйственных и промышленных организаций. Причину ничем не вознаградимой гибели оргомного количества предприятий оппонент усматривает в отсутствии у нас определенного, точно выработанного, плана эвакуации, плана, необходимость коего оратор сравнивает с необходимостью мобилизационного плана. Право промыш-

ленного предприятия на вознаграждение за вред и убытки, причиненные военными действиями, не *могут быть*, по мнению оппонента, достаточно обосновано. Идея общественного призрения тоже не приложима. Обязанность вознаграждения падает не на отечество потерпевших, а на врага (контрибуция). Принуждение населения к уходу из мест постоянного жительства не только, по мнению оппонента, правомерно (полнота военной власти), но и целесообразно, в виду способов ведения войны нынешним нашим врагом.

Проф. Г.В. Демченко, отметив широту темы доклада и глубокий интерес вопроса, в освещении его докладчиком, указал на необходимость, по его мнению, *расширения* области наблюдения, в виду того, что современной эвакуацией в России затронуты миллионные массы населения. Центр тяжести, по словам оппонента, лежит в вопросе будущего законодательства, de lege fereude, а не de lege lata. Разграничение понятий эвакуации и беженства затруднительно, ибо обязательность и добровольный характер отъезда не суть критерии такого разграничения: эвакуация вполне возможна и без принуждения.

А.А. Никонов указал на методологическую ошибку докладчика, допущенную им при установлении классификации видов эвакуации. Присоединяясь к взгляду, высказанному проф. П.М. Богаевским, на эвакуацию, как на институт публично-правового порядка, оппонент оспаривает лишь намеченный докладчиком вид эвакуации — правительственных учреждений: здесь нет эвакуации, ибо государство вольно распоряжаться своими органами.

Докладчик подробно возражал каждому из своих оппонентов.

В заключение, по предложению Председателя, докладчику была единодушно выражена собранием благодарность за сделанное им сообщение.

Председатель: *(підпис)*
Секретарь: *(підпис)*

Протокол
соединенного заседания Киевского и Саратовского юридического обществ, состоявшегося 6 марта 1916 года в зале гимназии Куфельд (угол Царицынской и Соборной улиц) в 8 часов вечера

Собрание было открыто председателем саратовского юридического общества А.А. Никоновым, в 8 часов 40 минут. В собрании присутствовали:*

По открытии собрания секретарем киевского юридического общества Н.Н. Паше-Озерским был прочитан протокол предыдущего заседания, замечаний по каковому не последовало и протокол был утвержден.

Затем заслушан был доклад профессора Л.Н. Яснопольского на тему: «Финансовые задачи, поставленные войною и способы их разрешения». В начале доклада профессор Яснопольский остановился на размерах расходов, уже произведенных воюющими государствами. Расходы эти колоссальны. Так, по подсчетам оказывается, что Англия на войну уже израсходовала в переводе на русские деньги 19.696 миллионов рублей, Франция — 12.168 мил. руб., Россия — 13.680 мил. руб., Германия — 18.500 мил. руб., Австро-Венгрия — 11.000 мил. руб. Всего, таким образом, на войну израсходовано, считая в круглых цифрах, 75 мил. руб., но это только главными воюющими государствами. Если же к расходам их прибавить расходы второстепенных воюющих государств, то цифру придется повысить и по подсчетам лондонского «Экономиста» она выразится в цифре около 81 миллиарда рублей.

* *Імена присутніх не вказані, в протоколі залишене місце.*

Наш взор в настоящее время уже привык к миллиардным цифрам и с легким сердцем мы говорим не только о сотнях миллионов, но и о десятках миллиардов, однако, чтобы дать некоторое представление о колоссальности расходов, вызванных современной войной, достаточно указать, что общая добыча золота во всем мире со времени открытия Америки и до настоящего времени выражается в цифре в 27 миллиардов рублей, что втрое меньше уже произведенных расходов.

Темп расходования на войну с течением времени все усиливается. Так, например, в России первые месяцы войны ежедневный расход выражался в сумме 11 миллионов рублей. Через полтора года войны к 1 января 1916 года уже 31 1/2 миллионов рублей, а к концу года выразится в сумме не менее 35 миллионов руб. в день. (Поэтому подсчет министра финансов, по которому на войну России в 1916 году придется израсходовать 12 миллиардов рублей, то есть в среднем по 1 миллиарду в месяц, следует признать приблизительно правильным.)

Каковы же, спрашивается, способы покрытия указанных чрезвычайных военных расходов? Обращаюсь к известным современной финансовой науке способам покрытия государственных расходов, а именно: 1) налогам, 2) займам и 3) бумажным деньгам. Что касается налогов, то этот вид покрытия военных расходов, вообще говоря, не играет существенной роли. Исключение представляет одна лишь Англия. Она при известном налоговом напряжении сумела налогами не только покрыть нормальный государственный бюджет, но налогами же покрывает и довольно значительную часть внешнего бюджета. А именно: Англия на военные расходы налогами страны свыше 3 миллиардов рублей, то есть приблизительно 1/8 часть всех военных расходов, при этом один подоходный налог там дал на военные расходы 1.300 миллионов рублей, но там и ставка подоходного налога велика и с миллионного дохода она достигает 34%. Что касается Франции, то там налоги в покрытие военных расходов почти не играют роли, до последнего времени во Франции не было даже вовсе подоходного налога и он, по-видимому, там только еще введен. Наконец, Германия оказалась наиболее подготовленной к настоящей войне не только в военно-техническом отношении, но не в меньшей мере и в финансово-экономическом. Как известно, там до войны был проведен чрезвычайный внешний налог, а во время войны не было введено ни одного нового налога и только в последнюю сессию рейхстага имперский министр финансов внес проект нескольких новых налогов, каковой и встречен, по имеющимся сведениям, с явным неудовольствием. Докладчик приходит к выводу, что основным и главным способом покрытия ныне военных расходов в воюющих государствах являются государственные займы: внутренние и внешние. Платимый по этим налогам %, в Англии он не превышал 5%, также и во Франции и Германии, где 5% является обычным для военных государственных займов. Кроме того, в Германии для покрытия военных расходов, по объяснению, существующему в литературе, была произведена распродажа запасов. К этому способу Германии пришлось прибегнуть потому, что возможность заключения внешнего займа для нее из-за блокады, строго осуществляемой английским флотом, была совершенно закрыта и ей пришлось довольствоваться исключительно средствами, добываемыми внутри страны. Франция же и Англия до войны обыкновенно не заключали внешних займов, ибо это богатейшие страны в мире и выступали преимущественно в роли кредиторов. Но во время текущей войны ко внешнему займу пришлось прибегнуть и этим государствам, при чем займы были совершены в Северо-Американских Соединенных Штатах, между тем как обычно, до войны, Америка занимала у Англии и Франции, ибо быстро растущая американская промышленность требовала огромного притока капиталов.

Россией за время войны заключено займов на номинальную сумму — свыше семи миллиардов рублей, но сумма действительного поступления была значительно

меньшей и выражается цифрой около 4 1/2 миллиардов, ибо объявленные цифры займов полностью не покрываются. В частности, внутренних займов заключено Россией по настоящий момент пять. В октябре 1914 г. на 500 мил. руб., в феврале 1915 года на 500 мил. в апреле 1915 года на 1.000 мил. руб. и в ноябре на 1.000 руб. В настоящее время объявлен пятый внутренний заем на сумму 2.000 руб. Первые займы Россией заключались из 5%, а последние из 5 1/2%.

Наконец, обращаясь к третьему источнику — по выпуску бумажных денег, как средству покрытия военных расходов — мы наблюдаем следующую картину. Изо всех воюющих государств опять-таки одна Англия нашла возможным обойтись без этого средства, она не выпускала бумажных денег на покрытие расходов, вызванных войной, и до сего времени сохранила у себя золотое обращение. Иначе обстоит дело в других воюющих государствах, все они прибегали к бумажным деньгам, хотя и в неодинаковых размерах. Так, Германия выпустила с начала войны и до сего времени бумажных денег на 2 миллиарда рублей, Франция на 3 миллиарда и Россия на 4 миллиарда (вычисление ведется везде в переводе на русскую денежную единицу). Но существенная разница между государствами Германией и Францией, с одной стороны, и Россией с другой — состоит даже не в сумме выпущенных бумажных денег, а в порядке их выпуска. Все воюющие государства в момент мобилизации, в первые дни и недели войны должны были выпускать громадное количество денежных знаков, деньги были нужны государствам, как платежное средство по тем неожиданным многочисленным расходам, какие неизбежно вызывала война. Но в дальнейшем мы наблюдаем различную картину. В то время, как Германия и Франция сокращают выпуск бумажных денег — Россия сохраняет темп выпуска в течение всего 1915 года тот же самый, какой был принят в первые месяцы войны. В цифрах — выпуск денег Германией, Францией и Россией выражается следующим образом. В течение второй половины 1914 года Германия выпустила бумажных денег на 1.200 мил. руб. Франция — на 1.711 мил. руб., Россия — на 1.385 мил. руб. А за весь 1915 год Германия выпустила 800 мил. руб., Франция — 1.269 мил. руб, Россия — 2.607 мил. руб. Сопоставляя эти цифры, мы видим, что в то время, как Германия и Франция сильно сократили темп выпуска, особенно Германия, и за второе и третье полугодие в совокупности выпустили бумажных денег меньше, чем за одно первое, Россия — сохранила тот же темп выпуска, какой приняла в первое полугодие войны, и потому за второе и третье полугодие выпустила почти вдвое больше, чем за первое полугодие войны. Результатом усиленного выпуска бумажных денег было значительное их обесценение, при международных расчетах, обесценение все увеличивающееся, и на это обесценение сумма выбрасываемых на рынок денег несомненно оказывала известное влияние, хотя обесценение происходило, по-видимому, не от одной этой причины. Так, курсы денег воюющих государств на ньюйоркской бирже на 15 февраля были таковы. Английский фунт стерлингов расценивался на 2% ниже своей номинальной стоимости, французский франк на 12%, германская марка на 23% и, наконец, русский рубль на 38%. То обстоятельство, что упала ценность даже английской денежной единицы, хотя Англия и сохранила золотое обращение, и что курс французского франка упал меньше, чем германской марки, хотя Германия выпустила бумажных денег меньше Франции и темп выпуска сокращала быстрее, чем Франция — доказывает, что на обесценение денег воюющих государств оказывал влияние не один факт выпуска бумажных денег, а и другие. Но что касается России, то здесь мы наблюдаем довольно правильное соответствие выпуска бумажных денег с падением курса русского рубля. А именно: курс на Лондон до войны был таков: 10 английских фунтов стерлингов стоили 94 рубля, за время до 1-го января 1915 года было выпущено бумажных денег в России на 1.385 мил. руб. и к этому времени те же 10 фунтов стои-

ли уже 117 русских рублей. За 1915 год было выпущено на 2.607 мил. руб. бумажных денег и 1 января 1916 года 10 фунтов стоили уже 163 рубля. В настоящее время министр финансов внес в Государственную Думу законодательное предположение о новом расширении эмиссионного права, то есть о предоставлении нового выпуска бумажных денег в течение 1916 года на сумму в общей сложности 4.000 мил. руб. Я, говорит профессор Л.Н. Яснопольский, сомневаюсь, чтобы с этим предложением согласилась Государственная дума. Во всяком случае, против этого предположения, насколько известно, депутатами выдвигались настойчивые возражения. Но если бы допустить, что это предположение осуществилось, то несомненно мы имели бы новое понижение ценности русского рубля и курс его в Лондоне на 1 января 1917 года должен бы выразиться в такой цифре: 10 английских фунтов стоили бы 230 рублей. Делая такое приблизительное предположение — я, говорит докладчик, остаюсь скорее оптимистом, чем пессимистом, ибо можно ждать, что выпуск новых 4 миллиардов обесценит русский рубль в еще большей мере. Сказать с точностью, насколько обесценится русский рубль в настоящее время — невозможно, но имеющиеся данные говорят следующее. В Великобритании наш рубль стоит 62 1/2 коп., в Соединенных Штатах — 61 1/2, в Японии — 61 коп, в Швеции — 60 коп., в Голландии — 59 коп., во Франции — 70 коп. и в Италии — 79 коп. Наиболее высокий курс русского рубля во Франции и Италии, но это, как раз государства — сами выпустившие большое количество бумажных денег. В общем, надо признать, что в настоящее время наш рубль стоит приблизительно 60 коп. При осуществлении же предположения министра финансов — ценность его упадет и к концу года он будет стоить, приблизительно, 40 коп. Надо оговориться, что ценность рубля за границей и в России не всегда совпадает, но в общем наблюдается, что курс денег на внешнем и внутреннем рынке с течением времени уравнивается.

Считая в высокой степени вредным и опасным в финансовом отношении дальнейший выпуск бумажных денег, докладчик останавливается на вопросе о том, как же добыть необходимые деньги для дальнейшего ведения войны? Единственным источником он в конце концов считает заключение займов. Наблюдение за ростом вкладов, как в сберегательных кассах, так и в частных кредитных учреждениях приводит к убеждению, что этот источник далеко не использован. Рост вкладов за время войны не только не прекратился, но и усилился. К сожалению, обращение идет недостаточно успешно. Вероятно, те четыре миллиарда, какие требуются министру финансов и какие он предполагает покрыть выпуском бумажных денег, все-таки можно бы получить путем кредитных операций внутри страны, но дело это затруднено неправильной финансовой и общей политикой. К успешному размещению займа наше финансовое ведомство ничего не делало, или делало слишком мало. Так, только последний из внутренних займов более или менее популяризировался помимо публикаций в газетах и выпуском соответствующей брошюры. Но этих мер все же недостаточно. Популяризацию займов надо усилить и доказать населению, что не один патриотизм обязывает его принять участие в размещении займа, но и правильно понятый (?), «шкурный» интерес, ибо обесценение денег, происходящее от неумеренного выпуска кредитных билетов, в конце концов уменьшает сумму накоплений, сделанных самим же населением. Затем, размещение займов происходило бы успешнее, если бы между правительством и обществом существовало взаимное доверие, чего, к сожалению, также не наблюдается.

Теоретически мыслим еще способ покрытия военных расходов — это внешние займы и, казалось бы, что России их очень нетрудно заключить, ибо она имеет в лице Англии и Франции прекрасных в финансовом отношении союзников. Однако, практически этот способ представляется трудно осуществимым, ибо России, в сущности, для ведения войны нужны ведь не денежные знаки, а хозяйственные блага,

провоз же их в Россию с закрытием Балтийского и Черного морей чрезвычайно затруднен. Насколько возможно, Англия оказывает нам поддержку, приняв на себя обязательство оплатить наши военные заказы заграницей, но в более широкой мере заграничный кредит в настоящее время представляется, повидимому, неосуществимым.

Колоссальные военные расходы дают и будут давать себя чувствовать не только во время войны, а и долго после ее окончания, и вот здесь-то для сведения мирного бюджета послевоенного времени пред русскими финансистами встанет задача огромная и в высокой степени трудная. Нормальный бюджет послевоенного времени, по необходимости, должен очень разрастись, ибо у государства будет много новых расходов, каких не было до войны. Приблизительно, цифры новых расходов в ежегодном бюджете послевоенного времени рисуются в следующем виде. Прежде всего, возросший государственный долг потребует расходов на оплату процентов. Сумма этих расходов выразится в цифре 1.113 мил. руб. и это при предположении, что война закончится в 1916 году. Затем, на 300 мил. руб. увеличится бюджет по статье оплаты пенсий инвалидам и пострадавшим от войны и на 650 мил. руб. по статье восстановление хозяйств и предприятий, разрушенных военными действиями. Общее увеличение ежегодного мирного бюджета таким образом, по предположениям, выразится в сумме 2.063 мил. руб. При разрешении задачи изыскания этой колоссальной суммы надо, очевидно, будет отрешиться от обычных способов сведения бюджета без дефицита. По тем предположениям, какие делаются теперь — излишек расходов в бюджете послевоенного времени считается возможным покрыть в 1/3 части путем проведения новых налогов, во второй трети путем естественного роста доходов, но источников для покрытия последней трети пока не видно. Для того, чтобы разрешить предстоящую финансовую задачу, потребуется, очевидно, новая финансовая и экономическая программа, и эта программа не может быть не осуществлена, она должна быть осуществлена, не в силу даже каких либо теоретических соображений, а как прямая государственная неизбежность. В основу этой новой программы должны быть положены и новые принципы. Каковы эти принципы — сказать теперь с исчерпывающей полнотой едва ли возможно, но все же докладчику представляется, что три принципа в основу будущей программы должны быть положены безусловно. 1. Устранение той опеки, которая у нас является теперь господствующей в области хозяйственно-экономических отношений и, в частности, замена концессионного порядка при организации предприятий — явочным. 2. Децентрализация экономическая, финансовая и административная, как основа самодеятельности общества. 3. Организация экономических сил страны.

Доклад проф. Л.Н. Яснопольского вызвал оживленные прения, в коих приняли участие: проф. Т.М. Яблочков, проф. А.Д. Билимович, А.А. Никонов и докладчик.

Проф. Т.М. Яблочков говорил по вопросу о золотой наличности русского Государственного Банка, отметив, как нечто утешительное, не только неприкосновенность этой наличности внутри страны, но и рост, во время войны, русских золотых запасов за границей. По вопросу о курсе русского рубля оппонент полагал, что этот курс на внутреннем и внешнем рынках не совпадает.

Проф. А.Д. Билимович в большей части доклада присоединяется к его автору, но не согласен с несколько чрезмерным его пессимизмом. Оппонент касается вопросов о военных расходах, о финансовом героизме России, отказавшейся во время войны от винной монополии, об емкости кредитного рынка, о необходимости планомерного изучения движения цен в России, равно как и ряда технических вопросов денежного и кредитного оборота. В конце оппонент отмечает необходимость привыкнуть при текущих событиях к новым необычным масштабам для их оценки.

А.А. Никонов указал на недооценку, по его мнению, докладчиком всего огромного вреда неумеренного выпуска бумажных денег, свидетельствующего о

нездоровой финансовой политике государства. Ссылки на известные истории бумажных денег еще более значительные, нежели это наблюдается в настоящий момент, примеры падения русского рубля, по мнению оппонента, неубедительны.

ЦДІАК, оп. 1, спр. 15, арк. 41-46.

Отчет о десятилетней деятельности Студенческого Историко-Этнографического Кружка при Университете Св. Владимира

Идея устройства Историко-Этнографического Кружка появилась в конце 1902/3 учебного года. По выработке устава Кружка и по утверждении его Историко-Филологическим факультетом, он был отослан г. Министру Народного Просвещения, который утвердил его в сентябре 1903 г.

Вслед за утверждением Кружок открыл свою деятельность: в конце сентября, а именно 30 сентября состоялось первое заседание. Оно было открыто речью председателя Кружка проф. М.В. Довнар-Запольского, который в течение 10 лет существования Кружка непрерывно руководил его занятиями.

Членами учредителями Кружка явились проф. М.В. Довнар-Запольский, студенты — Берлинер, Богумил, Гневушев, Михайлов, Паншин Б., Селинов, Смирнов В., Смирнов П., Терновский, Холодный, Шпетт.

Количество заседаний за весь период деятельности равно 64. Погодно количество заседаний распределялось различно: 1903/4 уч. год — 8, 1904/5 — 4, 1906/7 — 9, 1907/8 — 7, 1909/10 — 10, 1910/11 — 4, 1911/12 — 10, 1912/13 — 12. Заседания в большинстве случаев были посвящены чтению докладов и прениям по поводу прослушанных докладов; меньшинство же носило характер деловой — административно-организационный. Первых было 60, вторых — 4.

Число докладов, заслушанных Кружком, доходит до 92 (в том числе 6 речей). Погодно доклады распределяются следующим образом: 1903/4 уч. год — 11, 1904/5 — 8, 1906/7 — 8, 1907/8 — 7, 1908/9 — 4, 1909/10 —13, 1910/11 — 5, 1911/12 —19, 1912/13 — 17.

Темы докладов следующие:

1903/4 уч. год

1) «Исторический очерк научных студенческих кружков при русских университетах» — Гневушева;

2) «Новая книга о Петре III (Nisbet Bain «Peter III, King of Russia»)» — Паншина;

3) «Вотчинное хозяйство кн. Оболенского в половине XVII в (по поводу новых документов, изданных Ю.В. Арсеньевым) — Кореневского;

4) «Иммунитеты в удельной Руси» — Преображенского;

5) «Плач холопов XVIII в.» — Богумила;

6) «Новые данные об Аракчеевских военных поселениях по воспоминаниям генерала Жукова» — В. Смирнова;

7) «Новая книга по истории русского землевладения» (проф. Сергеевич: «Русские юридические древности», т. III)» — Кореневского;

8) «Бытовые и философские основы славянофильства» — Максимовича;

9) «Спенсер и его философия» (речь) — Б. Паншина;

10) «Социология Спенсера» — Шпетта;

11) «Мнение проф. Сергеевича о тягле в Московском государстве» — Гневушева.

1904/5 уч. год

1) «Отчет о результатах летней командировки (1904 г.) в Белевский и Чернский уезды Тульской губ.» — Паншина;

2) «Отчет о летней командировке (1904 г.) в Балтский уезд Подольской губ.» — Фидровского;

3) «Отчет о летней командировке в архивы г. Екатеринослава» — Терновского;

4) «Взгляды Чичерина и Сергеевича на предмет и метод исторических исследований» — Гневушева;

5) «Путешественники по России второй половины XV и первой четверти XVI в., как исторический источник» — П. Смирнова;

6) «Пыпин, как ученый и человек» (речь) — проф. В.Н. Перетца;

7) «О малорусских думах» — Ерофеева;

8) «Некоторые черты секуляризации церковных имуществ в XVI в.» — Ермакова.

1906/7 уч. год

1)»О прямом обложении в Московском государстве» — Максимовича;

2) «Живущая четверть 16 века» — Сташевского;

3) Обзор книги Папэ: «Польша и Литва на рубеже средних веков» — Ватембурга;

4) «Орловский уезд по писцовым книгам 16 века (о типах поселений)» — П. Смирнова;

5) «Идеалы кн. М.М. Щербатова» — Селинова;

6) «Исторический очерк поселений Вяземского уезда по писцовым книгам 16 в.» — Максимовича;

7) «К вопросу о степени достоверности писцовых книг» — Максимовича;

8) «Изучение вопроса об экономическом быте Киевской Руси» — Оголевца.

1907/8 уч. год

1) «Заселение и экономические средства междуречья до XVI в.» — П. Смирнова;

2) «Территория Московского государства и ее значение в экономической жизни страны» — Сташевского;

3) «О новой книге Павлова-Сильванского «Феодализм в древней Руси» — Гневушева;

4, 5, 6 и 7) 4 речи, посвященные памяти проф. В.Б Антоновича — проф. М.В. Довнар-Запольского, прив.-доц. В.Е. Данилевича, Дорошенко и Ватембурга.

1908/9 уч. год

1) «Новгородские своеземцы» — Гневушева;

2) «Значение венчания для брака в его историческом развитии на Руси» — Альтшулера;

3) «О деятельности Максимовича» — Дорошенко;

4) «Былины, как юридический памятник древней Руси» — Альтшулера.

1909/10 уч. год

1) «Об архивных материалах, относящихся к истории русско-китайской торговли XVII ст.» — Безручко-Зеленского;

2) «Археологические изыскания Императорской Археологической Комиссии в 1908/9 гг. на территории древнего Киева» — Вельмина;

3) «Выборы малороссийских депутатов в Екатерининскую комиссию» — Магура;

4) «Города Рязанского края в XVI ст.» — Шиманского;

5) «Русско-китайская торговля в XVIII ст.» — Маслаковца;

6) «Изгои» — Шпановского;

7) «Торговля России с Китаем в период действия Нерчинского договора» — Безручко-Зеленского;

8) «Черты княжеской власти по древнерусским сказаниям былинным» — Альтшулера;

9) Разбор монографии Прохаско «Король Владислав Ягелло» — Ляндсберга;

10) «О случайных находках в Подольской губерний» — Полонской;

11) «Исторические взгляды Чернышевского» — Александрова;

12) Разбор монографии Нордмана: «Статистический метод в исследованиях древнерусского хозяйственного быта» — Безручко-Зеленского;

13) «Полковая старшина» — Пахаревского.

1910/11 уч. год

1) «Остатки славянского городища и дюнная стоянка неолитической эпохи на озере Буромке, Сосницкого уезда, Черниговской губ.» — Козловской;

2) «Раскопки в усадьбе Киево-Софийского митрополитанского дома летом 1910 года» — Вельмина;

3) «Казацкий полковой суд» — Пахаревского;

4) «Возрастной состав населения Нижнего-Новгорода (по переписной книге)» — Миховского;

5) «Результаты осмотра некоторых архивов в Архангельской губернии» — Ивановского.

1911/12 уч. год

1) «Торговля пушным товаром в XVII в.» — Яницкого;

2) «Раскопки Императорской Археологической Комиссии в усадьбе Десятинной церкви летом 1911 г.» — Вельмина;

3) «Торговля Н.-Новгорода в XVI–XVII вв.» — Богородицкого;

4) «Вопрос о личности Самозванца I» — М. Ясинского;

5) «Организация западно-русских цехов» — Клименко;

6) «Несколько замечаний о книге Каптерева: «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович» — Шпаковского;

7) «Государево слово и дело. Материалы Новомбергского, т. 1» — Сташевского;

8) «Отчет об экскурсии членов Историко-Этнографического Кружка в Новгород на XV Археологический съезд» — Захвалинского;

9) «Новое исследование по экономической истории России (проф. Довнар-Запольский. История русского народного хозяйства, т. I)» — Белоцерковского;

10) «Экономическое значение северных русских церквей XVII в.» — Клименко;

11) «О происхождении русской поземельной общины» — Миончковского;

12) «Статья Веретенникова (в Журнале Министерства Народного Просвещения за 1912 г., №1) о методологических приемах при разработке цифрового исторического материала» — Яницкого;

13) «Первые набеги крымских татар на Украину» — Т. Эрнста;

14) «Черты хозяйства Заакакурской церкви Мезеньского уезда Архангельской губ. в первой половине XVIII в. по неизданным документам» — Ивановского;

15) «Теократический абсолютизм Иоанна IV Грозного» — Альтшулера;

16) «Памяти Е.Е Голубинского» — Ковба;

17) «Писцовая книга Бежецкой пятины Новгородской области 1564 г.» — Яницкого;

18) «Южная половина Тульского уезда по писцовым описаниям XVI–XVII вв.» — Белоцерковского;

19) «Дневник и письма Ник. Ив. Тургенева» — Б. Барановского;

1912/13 уч. год

1) «Вотская пятина по писцовым описаниям XV–XVI вв.» — Яницкого;

2) «Тульские засеки в XVI–XVII вв.» — Белоцерковского;

3) «Раскопки 1912 г., произведенные Императорскою Археологическою Комис-

Практичні заняття в кабінеті образотворчих мистецтв. 1913 р.

сией в Киеве» — Вельмина;

4) «Рецензия на книгу З. Шамуриной «Культурные сокровища России, вып.II. Киев» — Т. Эрнста;

5) «Разбор рукописного сочинения на тему: «Экономический кризис в Московском государстве XVI в.» — проф. М.В. Довнар-Запольского;

6) «Новый исторический журнал» («Голос Минувшего») —Базилевича;

7) «Разбор книги Шиманского: «Рязанский уезд по писцовым книгам XVI–XVII вв.» — Белоцерковского;

8) «Землевладение в Черниговском полку в XVII–XVIII вв.» —Романовского;

9) «Раскопки пещер на Зверинце в 1912 году» — Вельмина;

10) «Работа проф. Кауфмана в «Отчете о 53 присуждении наград графа Уварова» — Яницкого;

11) «Дворцовое хозяйство по делам Приказа Тайных Дел» — М. Барановского;

12) «Крестьянское землевладение по Румянцевской описи (Полк Переяславский, сотня Песчанская) — Ковба;

13) «Торговля Московской Руси с Персией в XVI–XVII вв.» — Шпаковского;

14) «Отчет об экскурсиях Кружка на раскопки пещер на Зверинце и в библиотеку Университета» — Якубского;

15) «Каширский уезд по писцовой книге второй половины XVI в.» — Б. Барановского;

16) «Тульская разборная десятня дворян и детей боярских 162* года» — Белоцерковского;

17) «Чухломская осада по писцовым книгам первой половины XVII в.» — Балицкого.

Число лиц, состоявших и теперь состоящих в кружке, равно 103, при чем в первый год существования состав членов кружка был более разнообразен; в него входили студенты всех факультетов, интересовавшиеся задачами его; впрочем, студенты историко-филологического факультета всегда составляли громадное большинство. В настоящее время кружок состоит из студентов исключительно историко-филологического факультета, что объясняется направлением его деятельности — из более широкой она сделалась узко-специальной.

---

* *Дата за григоріанським календарем — 1654 р.*

Список прежних и нынешних членов Кружка с обозначением года их вступления в Кружок

Фамилии	Год поступления в кружок
Агатов	1903-4
Альтшулер И.М.	1908-9
Апраксин Н.Г.	1911-12
Арнаутов А.М.	1908-9
Астряб Ю.М.	1909-10
Базилевич В.М.	1912-13
Балицкий В.М.	1912-13
Балтага В.И.	1904-5
Барадулин Н.Я.	1906-7
Барановский Б.Н.	1911-12
Барановский М.П.	1909-10
Батура Н.А.	1910-11
Бачинский Б.П.	1910-11
Бать	1903-4
Безручко-Зеленский И.И.	1909-10
Берлинер	1903-4
Богородицкий Д.Н.	1911-12
Богумил А.Г.	1903-4
Белоцерковский Г.М.	1911-12
Беляев С.К.	1903-4
Ватембург Р.Л.	1904-5
Вельмин С.П.	1909-10
Влахопулов Б.А.	1909-10
Волонтиров В.П.	1909-10
Волошинов В.В.	1906-7
Георгиевский К.М.	1903-4
Гневушев А.М.	1903-4
Голобородько Ф.Н.	1910-11
Гордасевич С.М.	1912-13
Горский Т.А.	1909-10
Данилевич В.Е. (пр.-доц.)	1906-7
Дахнович	1903-4
Довнар-Запольский М.В. (проф.)	1903-4
Дорошенко Д.И.	1906-7
Ермаков В.В.	1903-4
Захвалинский А.К.	1909-10
Зелинский	1904-5
Зеров Н.К.	1912-13
Ивановский А.А.	1910-11
Кене Шарль	1909-10
Кисель Б.А.	1904-5
Клименко Ф.В.	1911-12
Ковалев С.А.	1909-10
Ковба И.Ф.	1910-11
Козинцев С.Я.	1903-4
Колодяжный П.Л.	1912-13
Коломинский С.Г.	1909-10

Василь Данилевич. 1906 р.

1909 р.

Кореневский Н.И.	1903-4
Курц Б.Г.	1908-9
Кочубинский Д.М.	1909-10
Левицкий Е.И.	1906-7
Лошновский	1903-4
Локоть Я.В.	1906-7
Ляндсберг М.Д.	1909-10
Ляхницкий А.Г.	1906-7
Максимович Г.А. (прив-доц.)	1903-4
Марецкий С.К.	1909-10
Маслаковец Н.Г.	1909-10
Мерчанский И.И.	1912-13
Михайлов А.	1903-4
Оголевец В.С.	1904-5
Островский А.И.	1903-4
Пантелеймонов А.	1903-4
Паншин Б.А.	1903-4
Писаревский Е.Л.	1903-4
Подгаецкий В.	1903-4
Преображенский А.	1903-4
Пешков А.С.	1908-9
Рабинович В.Я.	1903-4
Радзимовский	1903-4
Рожанский Н.А.	1903-4
Романовский В.А.	1912-13
Романчук Н.Ф.	1909-10
Селинов В.И.	1903-4
Селиханович А.Б. (пр.-доц.)	1904-5
Скитский Б.В.	1904-5
Скрипчинский П.В.	1911-12
Смирнов В.И.	1903-4
Смирнов П.П. (пр.-доц.)	1903-4
Соколовский А.	1903-4
Сташевский Е.Д. (пр.-доц.)	1906-7
Столяренко М.А.	1909-10
Сущук М.Ф.	1910-11
Тарасевич М.О.	1909-10
Теремец Д.П.	1910-11
Терновский Н.Н.	1903-4
Федоренко П.К.	1912-13
Фидровский В.М.	1903-4
Холодный	1903-4
Цыба А.П.	1904-5
Цесликовский В.М.	1909-10
Чирков Е.Т.	1903-4
Шатохин Я.Н.	1909-10
Шиманский М.П.	1908-9
Шпаковский А.Я.	1911-12
Шпановский Д.В.	1909-10
Шпетт Г.И. (пр.-доц.)	1903-4
Щербинин-Шершнев П.Г.	1909-10
Эрнст Т.Л.	1911-12

Якубский А.В.	912-13
Яницкий Н.Ф.	1910-11
Ясинский М.И.	1910-11
Яцимирский Н.	1903-4

Всего 103 человека

Кружок гордится тем, что вышедшие из его среды научные работники, ныне зарекомендовавшие себя крупными трудами, приват-доценты Университета св. Владимира — П.П. Смирнов и Е.Д. Сташевский — до сих пор живут одною жизнью с ним, интересуются его деятельностью и принимают живое участие в его занятиях.

Секретарями кружка состояли: со дня его возникновения до конца 1903 года — А.Г. Богумил; с начала 1904 г. — Б.А. Паншин и А.М. Гневушев; за отказом последнего секретарские обязанности в октябре месяце были возложены на П.П. Смирнова. С октября 1906 года — А.М. Гневушев и Е.Д. Сташевский; с января 1908 года — А.М. Арнаутов и Р.Л. Ватембург, с сентября 1909 года — А.К. Захвалинский и Я.Н. Шатохин; с сентября 1911 года — Н.Ф. Яницкий и А.Я. Шпаковский, несущие обязанности секретарей по настоящее время.

К деятельности Кружка следует отнести командировку 3-х его членов Московским Археологическим Обществом (Б.А. Паншина, В.М. Фидровского и Н.Н. Терновского) — в Тульскую, Подольскую губернии и в архивы г. Екатеринослава. Кроме того работали в московских, петербургских, киевских и других архивах члены Кружка: В.М. Базилевич, И.И. Безручко-Зеленский, А.Г. Богумил, Г.М. Белоцерковский, А.М. Гневушев, А.А. Ивановский, Ф.В. Клименко, И.Ф. Ковба, Б.Г. Курц, Г.А. Максимович, В.А. Романовский, П.П. Смирнов, Е.Д. Сташевский и Н.Ф. Яницкий. Кружок за время своего существования совершил под руководством своего председателя экскурсии — в начале 1910 года в Москву для обозрения исторических памятников и для знакомства с архивами и летом 1911 года — в Новгород на XV Археологический съезд. Помимо этого, весною 1913 года Кружок выезжал на место раскопок новооткрытых пещер в Киеве на Зверинце (под руководством члена Кружка и производителя раскопок — С.П. Вельмина); посетил библиотеку Университета св. Владимира, с которой подробно ознакомился благодаря руководству и крайне радушному приему, оказанному библиотекарем В.А. Кордтом. В мае 1913 года Кружок осмотрел Археологический Музей при Университете Св. Владимира; руководительство приняла на себя г-жа Антонович, благодаря которой осмотр явился в высшей степени ценным.

В начале 1911/12 учебного года был основан при Кружке археологический музей. Для хранения поступающих в музей предметов Университет предоставил первоначально шкаф и витрину в психологической семинарии. В настоящее время, благодаря полученному разрешению от Университета, Кружок перемещает свой зарождающийся музей во 2-ую аудиторию. Хранителем музея избран С.П. Вельмин. Первой жертвовательницей явилась слушательница Киевских В*ысших* Ж*енских* Курсов В.Е. Козловская.

В мае 1913 года вышел в свет, изданный университетом, 1-ый сборник статей членов Кружка, в который вошли работы: П.В. Орлова — «Пришлые рабочие в Москве в XVII веке», Д.Н. Богородицкого — «Очерк торговли Нижнего Новгорода за XVI и XVII в.», А.М. Гневушева — «Новгородская выть в землях дворцовых в XVII в.», Н.Ф. Яницкого — «Торговля пушным товаром в XVII в.» и С.Г. Коломинского — «Торговля солью на Руси в XVI–XVII вв. и общее состояние соляных промыслов в указанный период времени».

В течение 10-летнего существования Кружка многие доклады, заслушанные им

(иногда в измененном виде), были отпечатаны либо в журналах, либо в виде самостоятельных работ. Таковыми являются:

«Значение венчания для брака в его историческом развитии на Руси» Киев. 1908. — И.М. Альтшулера.

«Политико-экономические взгляды гр. Н.С. Мордвинова». — «Университетские Известия». 1904 г., №№ 2, 4 и 9. — А.М. Гневушева.

«Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495-1505 гг.» — «Университетские Известия». 1910 г., №№ 8 и 9; 1911 г., № 3; 1912 г. №.№4, 5, 10 и 12. — А.М. Гневушева.

«Нижний Новгород в первой половине XVII в. по писцовой книге» — П. Дахновича.

«Остатки славянского городища и дюнная стоянка неолитической эпохи на озере Буромке, Черниговской губернии, Сосницкого уезда» — «Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии», № 47. — В.Е. Козловской.

«Из истории помещичьего хозяйства Московской Руси XVII в.» — «Университетские Известия». 1906 г., № 8. — Н.И. Кореневского.

«Донесения Родеса и архангельско-балтийский вопрос в половине XVII в.» — «Журнал Министерства Народного Просвещения», 1912 г., № 3. — Б.Г. Курца.

«Учение первых славянофилов» — «Университетские Известия», 1907 г., №№ 1, 2, 3 и 5. — Г.А. Максимовича.

«IV-ый областной археологический съезд в г. Костроме» — «Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук», т. XVI, кн. 1. Спб. 1911. — Н.Д. Полонской.

«Орловский уезд в конце XVI в. по писц. книге 1594-5 гг. « — «Университетские Известия». 1909 г., №№ 1, 3, 5, 7, 8, 9 и 10; 1910 г., №№3 и 5 — П.П. Смирнова.

«Опыты изучения писцовых книг Московского государства XVI в. Вып. 1. Московский уезд» — «Университетские Известия». 1907 г., №№ 1, 7 и 12. — Е.Д. Сташевского.

«К вопросу о том, когда и почему возникли «чети». — «Университетские Известия». 1908 г., № 12. — Е.Д. Сташевского.

«Рецензия на Н. Новомбергского — «Государево слово и дело». —»Журнал Министерства Народного Просвещения», 1912 г., № 9. — Е.Д. Сташевского.

«К истории колонизации Запорожского края» — Н.Н. Терновского.

«Новороссийская казенная школа, как образовательный источник Новороссии» — Н.Н. Терновского.

«Рязанский уезд в конце XVI и начале XVII вв. по писцовым книгам» — «Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссии», 1911 г. — М. Шиманского.

В настоящее время находятся в печати подробные отчеты о деятельности Кружка за последние годы с работами Б.Н. Барановского, Г.М. Белоцерковского, С.П. Вельмина, А.К. Захвалинского, И.Ф. Ковба, Н.Ф. Яницкого в виде приложений, а также сочинения членов Кружка: Г.М. Белоцерковского — «Тула и Тульский уезд в XVI–XVII вв.», Ф.В. Клименко — «Западно-русские цехи» и Н.Ф. Яницкого — «Экономический кризис в Новгородской области XVI века», два из них (первое и третье) посвящены авторами Историко-Этнографическому Кружку (первое — специально его десятилетию). Намечены к печати работы членов Кружка — В.М. Балицкого, Б.Н. Барановского, М.П. Барановского и А.Я. Шпаковского. Все они были заслушаны, полностью или частью, в заседаниях Кружка.

Секретарь Н. Яницкий

Студенческий историко-этнографический кружок при императорском Университете Св. Владимира под руководством проф. М.В. Довнар-Запольского. Юбилейный сборник статей. Киев: Типография 2-й Артели, 1914. С. 1-12.

Статут «Гуртка вітчизнознавства» та його затвердження історично-філологічним факультетом 5 лютого 1911 року

№ 1
Подання декана історично-філологічного факультету Миколи Бубнова на ім'я ректора. 5 лютого 1911 року

Его Превосходительству
Господину Ректору

Препровождая при сем устав «Общества Отечествоведения», имею честь известить Ваше Превосходительство, что факультет в заседании 4 февраля 1911 года постановил устав сей одобрить.

Декан М. Бубнов *(підпис)*

№ 2
Проект устава «Кружка отечествоведения» при университете Св. Владимира

§1. Целью «Кружка отечествоведения» является всестороннее ознакомление с историей, литературой, экономикой, этнографией и вообще с жизнью Русского Государства, а также попутное изучение жизни и литературы других славянских народов.

§2. Для удовлетворения этой цели служат:

а) чтение и разбор рефератов, написанных членами кружка по вопросам отечествоведения и славяноведения.

б) библиотека кружка, состоящая из книг, приобретаемых «по предварительному утверждению их г. Ректором» путем покупки или пожертвований.

§3. Для приобретения необходимой для кружка литературы каждый член кружка вносит его в кассу по полугодиям определенный взнос в размере, устанавливаемом Общим Собранием.

Примечание 1. Лицо, не имеющее возможности уплатить членский взнос, может быть освобождено от этого по усмотрению Правления Кружка.

Примечание 2. Лицо, не уплатившее установленного членского взноса в течение первого месяца по вступлении в кружок, считается выбывшим из его состава.

§4. Членом кружка может быть всякий студент Университета Св. Владимира независимо от факультета.

§5. Новые члены принимаются Общим Собранием Кружка, по рекомендации двух его членов.

§6. Для заведывания текущими делами кружка на общем его собрании избирается на определенный срок, устанавливаемый собранием, Правление Кружка, состоящее из 5-ти членов: председателя, его помощника, секретаря, библиотекаря и казначея.

§7. По истечении срока своих полномочий Правление обязано дать Общему Собранию кружка отчет о своей деятельности.

§8. Для руководства научными работами Кружка Правление его приглашает г*оспод* профессоров.

§9. Кружок может устраивать научные экскурсии.

§10. Собрания кружка считаются правомочными при наличности одной трети всего числа членов; если же первое собрание, вследствие отсутствия законного числа членов, не состоится, — то следующее собрание считается действительным при всяком числе явившихся членов.

§11. Каждый член кружка в течение учебного года должен представить не менее одной работы на тему из области отечествоведения или славяноведения.

§12. Собрание членов кружка происходят, по возможности, еженедельно.

§13. Кружок имеет собственную печать.

§14. Г*осподам* Ректору и Проректору Университета принадлежит право ревизии деятельности кружка. — Подлинный подписали студенты филологии: П. Горецкий, Конст. Кравченко и Ник. Зеров.

С подлинным верно:
Секретарь Совета

ДАК, ф.*16, оп. 350, спр. 88, арк. 1-2 зв.*

Справа про відкриття в Університеті св. Володимира студентської юридичної бібліотеки імені П.А. Столипіна у 1911-1912 роках

№ 1
Подання Ради Партії академічного порядку студентів у Раду професорів Університету св. Володимира. 19 листопада 1911 року

В Совет Профессоров
Императорского Университета св. Владимира
Совета Партии Академического Порядка
студентов Императорского Университета св. Владимира

Прошение

Совет партии Академического порядка студентов Императорского Университета св. Владимира имеет честь предложить Совету профессоров увековечить память безвременно скончавшегося Председателя Совета Министров, Статс-Секретаря П.А. Столыпина учреждением в Университете св. Владимира «Студенческой юридической библиотеки имени Статс-Секретаря П.А. Столыпина» из уважения к его исторической государственной деятельности и крупным заслугам при проведении земской реформы в Западном Крае, необходимой для укрепления и развития экономической и духовной культуры русского народа, идейным представителем которого в Юго-западном крае является Императорский Университет св. Владимира.

Предложение Совета партии Академического порядка может быть осуществлено путем совершенного закрытия временно закрытой в прошлом году библиотеки студентов-юристов, учрежденной в 1906 году. В силу такого постановления имущество библиотеки согласно ее уставу перейдет в собственность Университета

св.Владимира и последний вправе будет пожертвовать его вновь учреждаемой библиотеке. Равным образом Совет партии считает и помещение временно закрытой библиотеки более всего подходящим для новой библиотеки имени П.А. Столыпина, как находящееся в центральной части нижнего учебного коридора.

Из прилагаемого проекта устава видно, что библиотека подчинена Совету профессоров и особо избираемой ревизионной комиссии. Студенческое правление библиотеки назначается г*осподином* ректором, а не избирается студенческим курсовым собранием, принцип же назначения нисколько не противоречит циркулярным распоряжениям г*осподина* Министра Народного Просвещения, так как библиотека согласно проекту устава не является самостоятельной студенческой организацией в стенах университета. Что же касается до некоторого максимума свободы и самостоятельности, представляемой назначаемому студенческому правлению, то, по мнению Совета партии, он необходим, во-первых, в интересах развития самой идеи библиотеки, как памятника, вполне достойного великого духа безвременно угасшего П.А. Столыпина, во вторых, как одной из мер борьбы с отсутствием и, что еще хуже, непомерной дороговизной некоторых учебников, являющейся непосильным гнетом для кармана и без того в большинстве случаев материально необеспеченного русского студента. — Подлинное подписал: Председатель Партии А. Изюмов и Секретарь Петр Вихров.

№ 2
Подання Партії академічного порядку міністру народної освіти

Его Высокопревосходительству
Господину Министру Народного Просвещения
Совета Партии Академического Порядка
студентов Императорского университета
св. Владимира

Прошение

19 ноября сего года г*осподину* ректору университета св. Владимира вручено адресованное в Совет Профессоров мотивированное прошение Совета Партии Академического порядка студентов Императорского Университета св. Владимира об учреждении в Университете св. Владимира Студенческой юридической библиотеки имени Статс-Секретаря Петра Аркадьевича Столыпина в память его выдающейся государственной деятельности и исторических заслуг при проведении земской реформы в Западном Крае.

При прошении приложен проект устава предполагаемой библиотеки, основные параграфы которого следующие:

Цель библиотеки — содействие учебным и общеобразовательным интересам студентов Университета св. Владимира (§ 1).

Библиотека осуществляет указанную в § 1 цель путем: 1) выдачи студентам книг, учебных пособий и т.д.; 2) издания лекций г*оспод* профессоров (§ 2).

Средства библитеки составляются из постоянных членских взносов всякого рода пожертвований учреждений и частных лиц, штрафов за несвоевременное возвращение книг и т.д. (§ 3).

Правление библиотеки состоит из десяти студентов юристов, назначаемых г*осподином* Ректором университета (§ 12).

Правлению библиотеки, в целях развития и улучшения деятельности библиотеки, предоставляется право избрания студентов-библиотекарей из числа студентов независимо от факультета. Имена их немедленно сообщаются г*осподину* ректору (§ 14).

Все правила о выдаче книг и организации библиотечного дела утверждаются г*осподином* ректором (§ 15).

Ревизионная комиссия библиотеки состоит из трех Профессоров, избираемых Советом профессоров университета (§ 16).

Ревизии подлежат все книги, письменные документы и касса библиотеки (§ 18).

Из приведенных §§-ов Устава видно, что предполагаемая библиотека не будет носить характера чисто студенческой организации; студенческое правление библиотеки будет назначаться г*осподином* ректором университета и постоянно находиться под его непосредетвенным контролем.

К осуществлению целей библиотеки, указанных в §§-ах 1 и 2, будут призваны студенты, для которых дорога и свята идея библиотеки — вечного памятника П.А.Столыпина в стенах культурнопросветительного учреждения Западного Края, духовное и экономическое богатство которого в последние месяцы его неожиданно оборвавшейся жизни составляло его заветную цель, к которой он неизменно стремился, за что и принял терновый венец мученичества в центре обласканного и согретого его любовью края, для которого он жил и которому бескорыстно служил.

Когда при возбуждении означенного ходатайства представители Партии имели беседу с господином ректором университета Его Превосходительством было указано, что прошение Совета Партии по всей вероятности необходимо будет представить для утверждения Вашему Высокопревосходительству.

Имея это в виду, Совет Партии имеет честь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшей просьбой оказать ему содействие и помощь в этом вопросе, возбужденном исключительно вследствие глубокого желания Киевских студентов-академистов почтить память великого государственного деятеля, о безвременной кончине которого они всегда будут сожалеть, подавленные тяжелым бременем ниспосланного свыше испытания — горькой национальной утраты.

№ 3
Висновок ректора Університету св. Володимира М. Цитовича щодо прохання Ради Партії академічного порядку. 22 січня 1912 року

Января 22 дня 1912 г.
№ 200

Его Превосходительству
Господину Попечителю
Киевского Учебного Округа

Вследствие предложения Вашего Превосходительства о доставлении необходимых сведений и моего заключения по содержанию прошения Совета Партии Академического Порядка студентов Университета Св. Владимира об оказании ему содействия и помощи в деле учреждения в названном университете «Студенческой юридической библиотеки П.А. Столыпина», имею честь донести, что, как Ваше Превосходительство изволит усмотреть из прилагаемой при сем копии поданного на мое имя прошения представителей упомянутой партии, студенты-академисты Университета Св. Владимира ходатайствуют об учреждении «Студенческой библиотеки имени Петра Аркадьевича Столыпина», взамен бывшей библиотеки студентов юристов, закрытой по распоряжению ректора университета в конце 1910 года временно, а затем и окончательно, в виду полученных сведений об участии некоторых членов ее Правления в студенчиских беспорядках. Так как библиотека студентов юристов Университета Св. Владимира представляла собою студенческий кружок, устав которого был утвержден Советом Университета в 1907 году, на основании Высочайше утвержденных правил 11 июля 1907 года, и так как в этом уставе

(см. § 10) прямо сказано, что, в случае закрытия библиотеки, книги, принадлежащие ей, поступают в библиотеку Университета Св. Владимира, то ректор университета объявил студентам, обратившимся к нему с заявлением о своем намерении возбудить упомянутое ходатайство, что университет не имеет права учреждать из закрытой библиотеки студентов юристов новую библиотеку с особым названием и управлением и что книги ее по точному смыслу ее устава подлежат передаче в студенческий отдел библиотеки, принадлежащей Университету Св. Владимира. Так как, несмотря на это объяснение, Совет Партии Академического Порядка все таки возбудил такое ходатайство, то последнее было доложено ректором Правлению Университета в заседании 3-го декабря 1911 года, при чем Правление вполне согласилось с взглядом ректора на этот предмет и не нашло возможным обратить книги, принадлежавшие закрытой библиотеке студентов-юристов на учреждение библиотеки имени Петра Аркадьевича Столыпина.

По поводу заявления представителей партии о том, будто ректором было указано им, что прошение партии, по всей вероятности, необходимо будет представить для утверждения Его Высокопревосходительству г*осподину* Министру Народного Просвещения, ректор пояснил, что в этом смысле, вероятно, поняты были названными студентами его слова, что без разрешения Высшей власти Университета, во всяком случае, не мог бы учредить библиотеку с таким наименованием.

К сему ректор Университета Св. Владимира присовокупил, что по его мнению, нахождение в стенах университета всяких вообще студенческих учреждений (хотя бы и таких, члены которых назначались бы университетской администрацией), как это выяснилось опытом последних лет, представляет большие неудобства, а потому учреждение в стенах университета взамен закрытой библиотеки новой библиотеки, заведуемой студентами, хотя и вполне благонадежными, представляется нежелательным с точки зрения университетской администрации.

В виду изложенного, относясь с полным сочувствием к желанию Киевских студентов-академистов почтить память покойного Председателя Совета Министров, ректор университета тем не менее находит избранную ими форму почтения его памяти неудобною.

Ректор Н. Цытович *(підпис)*

ЦДІАК, ф. 707, оп. 158, спр. 79, арк. 60-62.

Внесення декана історично-філологічного факультету професора Миколи Бубнова на засіданні факультету щодо потреби запровадження російської мови як мови наукових доповідей на Лондонському конгресі істориків. Грудень 1912 року

Историко-филологический факультет Университета св. Владимира, получив приглашение принять участие в работах конгресса историков, назначенного в Лондоне 21-27 марта 1913 года, подвергнул обсуждению доклад декана Н.М. Бубнова (всеобщая история) следующего содержания.

По сложившейся традиции на международных конгрессах рефераты и прения допускаются на четырех языках, которые когда-то, во времена оны, были единственными орудьями научной мысли, немецком, французском, английском и итальянском, т.е., говоря иными словами, на двух языках германского и на двух же языках романского корня. Такое положение вещей никогда не могло быть практическим и удобным, ибо даже среди филологов находится далеко не так много людей, которые были бы в состоянии с одинаковой легкостью понимать

доклады, а особенно живую речь прений на четырех языках, и, если такие люди и встречаются, то едва ли не чаще всего среди представителей мира славянского, может быть, именно потому так упорно и лишаемых права пользоваться на конгрессах своими собственными языками. Идеал единого ученого языка, каким почти два тысячелетия был на западе латинский, теперь должен быть признан безнадежно утраченным. Признание единым ученым языком докладов и прений ученых съездов языка той страны, в которой происходит съезд, было бы, может быть, единственно справедливым решением этого трудного вопроса, ибо тут по очереди все культурные нации пользовались бы преимуществом говорить на своем собственном языке и страдали бы от неудобства писать доклады и принимать участие в прениях на языке чужом, которое становилось бы особенно неутешительным именно во время прений. Доклад можно и перевести на язык конгресса и прилично его на нем прочитать и, выслушав его, пассивно усвоить его содержание. Но самому в большом собрании говорить экспромтом на чужом языке настолько неприятно, что, при принятии на конгрессах языка страны, такие конгрессы по необходимости сделались бы местными, а не международными. Так современная наука поневоле должна идти по направлению к вавилонскому столпу и сделаться на конгрессах такой же многоязычной, какой она является в ученой литературе. Первый этап к Вавилону уже пройден и, присутствуя на современных конгрессах, очень многие солидные и ученые люди должны чувствовать себя не по себе в этом ученом столпотворении на четырех языках. Но рано или поздно к этим четырем языкам должны будут присоединиться и другие языки, имеющие значительную ученую литературу. Это неизбежно, и самым простым решением вопроса было бы предоставление в данном случае свободы участникам конгресса говорить на том языке, который они в данном случае будут считать подходящим, так как никому не может прийти в голову говорить на конгрессе на том языке, на котором никто его понимать не будет, только потому что он родной. Такая не по разуму любовь к своему собственному языку присуща только либо маленьким народцам, имеющим повышенное самолюбие, либо тем бывшим великими народам, которые волею исторических судеб лишены самостоятельного политического существования. Но в лице своих ученых, надо полагать, и эти народы будут с тактом пользоваться предоставленной им свободой, ибо каждому ученому приятно прежде всего быть понятым своей аудиторией и интересно, если не всегда приятно, выслушать на себя критику со стороны сотоварищей по знанию. Предоставленная самой себе и не стесняемая никакими запрещениями жизнь сама выработает себе нормы. К сожалению устроители конгрессов хотят сами создать такие нормы и действуют в этом отношении под влиянием положения вещей давно отжившего, и не потому, чтобы современная действительность им была неизвестна, а потому что они ее игнорируют под влиянием старых привычек, боязни опасного новшества и политических соображений, напрасно маскируемых ссылкой на неудобства и на какую-то теперь уже совершенно выбитую из своей протореной колеи теорию преимущественной культурности некоторых языков перед остальными.

Европа состоит из трех миров, если стать на точку зрения племени мира романского, германского и славянского, и всего из двух миров, если стать на точку зрения культурную, мира романо-германского и мира славянского, имеющего свою самобытную культуру. Последний территориально и численно составляет даже большую половину Европы, и, если до последнего времени в смысле накопления культурных благ он и уступал дорогу своему старшему собрату, то всему наступает конец. Век XIX есть век по преимуществу славянского возрождения. Начиная с 1812 г. важнейшие события разыгрывались на славянском Востоке Ев-

ропы. Славянская Россия спасла Европу от наполеонова ига, а славян от ига турецкого. Появились новые славянские государства, которые на наших глазах удивляют мир своим быстрым развитием и одерживают победы над своим основным врагом.

Из чувства самосохранения Австрии предстоит сделаться славянским государством. Древнейшее и могущественнейшее из славянских государств, числящее в себе более ста миллионов людей, говорящих и понимающих друг друга на одном славянском (русском) языке, Россия уже давно выработала богатый литературный язык и литературу, недавно открытую Западной Европой и вызвавшую в ней справедливое восхищение. Язык этот и литература не имеют себе по литературному, политическому и торговому (особенно в ближайшем будущем, когда Россия станет посредницей между Европой и возрождающейся Азией) значению равного у славян и легко доступен всякому славянину. Научная русская литература выросла за XIX столетие до поразительных размеров и в настоящее время по общественным наукам (например истории), математике уступает западным только в количественном, но не в качественном отношении. Нужно страдать природным или намеренным славянским дальтонизмом, чтобы, не замечая всего этого, упорно утверждать, что культурных имеется будто бы всего только четыре языка. Логика, справедливость и сила вещей требуют, чтобы этот догмат устарелой культуры был, наконец, оставлен и рядом с двумя германскими и двумя романскими языками были формально признаны в своих культурных и научных правах, по крайней мере, два языка славянских. Один из них должен быть, конечно, русский, на другой пусть укажут другие. Нас лично интересует здесь пока только русский язык. Во всяком случае без славянских языков культурно-историческая и научная картина Европы была бы неполной. Это недавно должен был признать известный недавно скончавшийся византинист, мюнхенский профессор Круммбахер, написавший о значении изучения славянства особую брошюру, так как перед ним как знатоком русского языка были открыты книги, лежащие перед его соотечественниками за семью печатями. Но, признавая это в книге, Круммбахер на словах высказывал на Берлинском конгрессе историков автору настоящих строк мнения, клонящиеся все же в сторону преимущественного научного значения четырех языков. Намеренный славянский дальтонизм устроителей Берлинского конгресса историков 1908 г. дошел даже в одной подробности организации съезда до размеров, для славян прямо оскорбительных. Для удобства взаимного ознакомления одноязычных членов съезда были раздаваемы цветные розетки. Носители их узнавали своих соотечественников или соязычников (Англия, Америка) по цвету розетки. Были розетки для французов, англичан, итальянцев, датчан, шведов, норвежцев, даже, если не ошибаюсь, для финнов, но для русских и даже вообще для славян никакой розетки и никакого цвета не нашлось. Эта подробность делает сомнительной искренность запоздалого заявления известного классика Виламовица Меллендорфа на заключительном банкете конгресса. Говоря о естественных красотах четырех культурных языков, являвшихся присутствующим на конгрессе, старый профессор почувствовал, что затронул тему очень скользкую, особенно для немцев, живущих бок о бок со славянами и в частности на границе колоссальной славянской державы. Риторическая необходимость заставила его a contre высказать свое извинение и сожаление по поводу того, что «Keine von der grossen slawischen Sprachen» (ни один из великих славянских языков) не был представлен на конгрессе. Так на прощание славяне были поглажены по головке и по непривычке слышать о себе даже такие скромные комплименты розразились шумными рукоплесканиями, в которых для приличия приняли участие и представители четырех приви-

легированных языков. Русским же было предоставлено право искать и себя среди «великих славянских языков», но прямо они названы не были и, конечно, не без задней мысли.

Ограничение рефератов и дебатов четырьмя языками, вообще устарелое и обидное для целого ряда наук, является еще, кроме того, и ненужным. Есть нации, которые в области некоторых наук своей литературой заняли такое исключительное положение, что никому и в голову не прийдет отнимать у них это значение спором о языке. Смешно было бы явиться в Берлин с докладом на русском языке по классической филологии. Это наука почти исключительно немецкая и тут здравый смысл всякого ученого укажет ему язык его доклада. Но ограничение языков является не только ненужным, а прямо в интересах дела и науки недопустимым и вредным, когда дело идет об истории, когда собирается конгресс историков. Бывшие до сих пор конгрессы историков называются международными и по своей программе не ограничены историей греко-римского или романо-германского мира. Предмет их есть всемирная история или, по крайней мере, ближайшим образом история Европы, раз они собираются в Европе. При всем величии немецкой науки, она никак не может меряться в истории Англии с английской, в истории Франции с французской, в истории России с русской науками. Если чем русская наука может гордиться, то именно разработкой своей собственной истории, не говоря уже о том, что и историю Византии изучать без русского языка невозможно. Названный выше Круммбахер только потому и достиг нормального зрения на оба глаза в своей области, что хорошо знал русский язык. Наконец, даже и по истории западной Европы русские ученые подарили науке порядочное количество солидных и талантливых работ. Если некоторые из них и пишут одновременно на нескольких языках, и даже, как московский профессор Виноградов, читают лекции иностранной аудитории (в Оксфорде), то другие пишут по-русски, и незнакомство западных ученых с результатами их работы иногда уже вызывает нежелательные в чисто научном отношении последствия. Никто, конечно, не явится в Лондон в марте 1913 с докладом об Оливере Кромвеле по-русски. О таком сюжете нужно поневоле читать и слышать возражения по-английски. Но, спрашивается, допустимо ли на международном конгрессе чтение о Петре Великом, а если допустимо, то неужели и о Петре Великом надо читать на четырех привилегированных языках, например, по-итальянски, а по-русски нельзя, так как язык Петра не принадлежит к этим счастливым языкам. И неужели русские ученые, присутствующие на конгрессе, должны итальянцу, читающему о Петре, возражать по-немецки или по-французски, а не по-русски. Ведь итальянец, читающий о Петре, должен быть знаком с русским языком, да и аудитория, собирающаяся для такого доклада, не может быть в претензии на то, что доклад по русской истории встречает оппонентов на русском языке. Для истории нет и не может быть привилегированных языков или, вернее, для истории каждой страны ее собственный язык есть и культурный и привилегированный. Ограничение языков ведет здесь к истории искусственно усеченной, а не исторической Европы, или вернее — к усечению самой исторической науки. История восточной Европы невозможна без славянских языков и, главным образом, русского и польского, а она между тем представляет даже для изучения явлений истории Западной Европы ряд таких интересных сопоставлений и сравнений, без которых и история Запада будет недосказанной. Взять хотя бы сословную монархию в Польше или историю закрепощения масс в России. Разве последнее явление, происходящее на глазах истории более тысячи лет после возникновения римского крепостного быта (колоната), безразлично для историка Запада? А его изучение без русского языка невозможно.

Таким образом, совершенно ясно, что на исторических конгрессах ограничение докладов четырьмя языками не только устарело, несправедливо, но и ведет к усечению науки. Славянские страны и ученые, а следовательно история Восточной Европы, совсем не представлены на этих конгрессах, именующихся международными, да и Скандинавы, Исландцы, Финны, Греки, Венгерцы должны поневоле молчать, и все дело кончается тем, что конгрессы топчутся все на том же самом месте, сами себя лишая случая услышать что-нибудь коренным образом новое и интересное и отпугивая от себя большое количество местных работников, которые именно и могли бы сказать это новое. Уже существует Журнал для Истории Восточной Европы, издающийся на немецком языке, но, разумеется, при знании славянских языков, и совершенно ясно, что и международные конгрессы должны дополнить себя секцией Истории Восточной Европы, при допущении в секции употребления всех славянских языков как для докладов, так и для дебатов. На общих же собраниях, если уже покажется странным устранить запреты какого бы то ни было языка, представляя выбор языка такту и собственному интересу докладчика, то уже во всяком случае в интересах справедливости и самой науки истории Европы, которая без славян не будет исторической Европой, следует допустить в принципе по крайней мере язык русский, имеющий многовековое существование, многовековую литературу и уже по крайней мере двухвековое и богатое научное прошлое. Хлопоты же о другом славянском языке следует предоставить заинтересованным.

Факультет, соглашаясь с докладом декана, постановил войти по этому поводу в сношение с русскими университетами и учеными учреждениями, чтобы узнать их мнение по вопросу о своевременности возбуждения ходатайства перед бюро лондонского конгресса о снятии запрещения с русского языка в качестве языка докладов и прений, как в секции истории восточной Европы, если таковая будет, так и на общих заседаниях конгресса. Совет Императорского Университета Св. Владимира в заседании 14 декабря одобрил постановление историко-филологического факультета. Извещая (оставить место для титула) об этом, покорнейше прошу обсудить этот вопрос и, в случае согласия во мнении с означенным факультетом, сообщить мне о тех мерах, какие по Вашему мнению следует принять для достижения указанного результата.

Декан Н. Бубнов

ЦДІАК, ф.*837, оп.1, спр.45, арк.1-6.*

Проект промови професора Миколи Бубнова на Лондонському конгресі істориків про наукові права російської мови. 1912 року

Имел в виду сказать на одном из торжественных собраний Лондонского Исторического Конгресса марта 1913 г., но случая не представилось*.

Милостивые государи

Беру на себя смелость обратить внимание этого блестящего собрания выдающихся ученых всех стран и народов на то движение, которое было вызвано приглашениями на третий конгресс историков в моем необъятном отечестве. По почину Киевского университета, к которому я имею честь принадлежать, русские

** Довідкова ремарка, дописана М. Бубновим на машинописному тексті проекту промови.*

университеты, ученые институты и сама Академия наук объединились в той мысли, что то время, когда можно было на историческом конгрессе совершенно игнорировать славянские языки и думать, что вся совокупность исторического знания достаточно хорошо представлена двумя языками германского и двумя же языками романского корня, уже миновало. Приятно ли, или неприятно это сознание представителям четырех привилегированных языков, факт не перестает быть фактом и дальнейшая ученая монополия этих языков может быть завышаема только в их собственных, но никак не научных интересах. В частности нам, русским ученым, вооруженным знанием не только славянских языков, но и романских и германских, а потому и совершенно свободно прогуливающихся испытующим оком от Камчатки до Гибралтара и далее за океан для того, чтобы там через Америку увидеть в туманной дали ту же Камчатку, это ясно как Божий день. Но такая же ясность и при том безо всякого нашего содействия постигает и людей другого языка, если они изучением хотя б одного славянского языка откроют себе доступ и к другим. Укажу на известного и только недавно у науки завистливым врагом всякого знания, смертью отнятого германского ученого Крумбахера. Прекрасный знаток русского языка, он не замедлил признать, что лингвистическое вооружение германороманских ученых отстает от века и что для составления себе цельного и правильного представления об истории Европы им не мешает подумать о перевооружении. Это, как показывает пример их восточных соседей, далеко не так трудно как кажется; но в настоящее время мы озабочены не навязыванием наших языков тем, которые их знать не хотят, а гораздо более скромными вещами. Мы желали бы, чтобы с языка русского как представителя наиболее значительной и старой ученой славянской литературы, а, если бы возможно, то и с языка чешского или польского было снято наконец неизвестно какою международной властью тяготеющее на них запрещение. Мы вполне учитываем тот факт, что даже и русский язык не может меряться своею распространенностью с языками немецким, французским и английским или своею доступностью с итальянским, но отсюда, мне кажется, может следовать только определение сферы их употребления на конгрессах, а отнюдь не совершенное устранение, при современном положении русской науки приобретающее обидный характер. Условия, при которых было бы справедливо допустить русский, а может быть и другие славянские языки, мне представляются в настоящее время такими:

1) Приветствие от страны при открытии конгресса, мне кажется, может безо всякого вреда для целей конгресса быть произнесено на любом языке при условии раздачи одновременно с этим перевода на один из трех великих научных языков. Применяясь к выражению профессора Виламовица Меллендорфа на берлинском конгрессе, можно сказать, что конкурс своеобразной красоты языков был бы при этих условиях только более полный. Предосторожность перевода на другой язык, скажу между нами, далеко не безусловна и при настоящем положении вещей.

2) В секции истории Восточной Европы, которая по моему мнению должна быть создана при конгрессах, всякий запрет должен с славянских языков быть снят.

3) В других секциях допускаются возражения на русском или одном из западных славянских языков, если докладчик их понимает.

Более подробное развитие взглядов на права русского языка Вы найдете в моей брошюре, которая будет всем членам конгресса доставлена.

ЦДІАК, ф.837, оп.1, спр.33, арк.2-2 зв.

7
Життя студентів

Постанова Міністерства народної освіти «Об установлении для лиц, окончивших курс Императорских Российских университетов по всем факультетам, кроме медицинского, особого нагрудного знака»*. 15 червня 1899 року

Выписка из журналов Комитета Министров 1 и 15 июня 1899 года

Слушана записка Министра Народного Просвещения, от 12 мая за № 11084 (по Деп.), об установлении для лиц, окончивших курс Императорских Российских университетов по всем факультетам, кроме медицинского, особого нагрудного знака.

При слушании сего дела Министр Народного Просвещения объяснил, что право ношения особых нагрудных знаков предоставлено, на основании разновременно последовавших Высочайших повелений, лицам, окончившим курс в большей части высших учебных заведений, в том числе окончившим курс медицинских факультетов в Императорских университетах; лица же, окончившие курс остальных, не медицинских университетских факультетов, указанным преимуществом до настоящего времени не пользовались.

. Признавая существующее по сему предмету неравенство по отношению к лицам, окончившим курс университетских наук, несправедливым, Министр Народного Просвещения поддерживал внесенное им на уважение Комитета настоящее ходатайство.

Не встречая, в виду изложенного, препятствий в осуществлении предположений по сему делу Министра Народного Просвещения, Комитет полагал: настоящее представление утвердить, поднеся проект рисунка нагрудного знака для лиц, окончивших курс императорских Российских университетов по всем факультетам, кроме медицинского, на высочайшее Его Императорского величества благовоззрение.

Нагрудні знаки випускників Університету. 1900 р.

---

* Дело Департамента Народного Просвещения, 1895 г., № 33 ч. II (разр. высш. учебн. завед.).

Государь император на положение Комитета Высочайше соизволил, а проект рисунка нагрудного знака удостоен рассмотрения и утверждения Его Величества, в Петергофе, в 11 день июня 1899 г.

Комитет, в заседание 15 июня, определил: сообщить о том Министру Народного Просвещения к исполнению выпискою из журналов, препроводив к нему рисунок нагрудного знака.

Представление в Комитет Министров

К числу особых преимуществ лиц, окончивших курс высших учебных заведений Империи, между прочим, относятся: а) награждение этих лиц, в зависимости от обнаруженных ими на испытаниях успехов, тем или другим чином и б) право ношения особого нагрудного знака. Если в первом из указанных отношений все высшие учебные заведения как общеобразовательные, так и специальные, были сходны между собою до сего времени, то во вторых существовало заметное различие, заключавшееся в том, что нагрудный знак первоначально присвоен был лишь окончившим курс в специальных высших учебных заведениях. Это неравенство, при котором лица, получившие высшее общее образование, лишались без достаточного, повидимому, основания такого же внешнего отличия, каким пользуются лица с высшим специальным образованием, не могло не обратить на себя внимание подлежащих ведомств, в особенности тогда, когда нагрудный знак сделался достоянием даже лиц, прошедших специальный, но не академический курс, как напр*имер*, курс минного офицерского класса.

Первая попытка к урегулированию указанного положения принадлежит Министерству Народного Просвещения, испросившему чрез Комитет Министров в 1885 г. лицам, удостоенным Императорскими университетами ученых степеней магистра и доктора, право ношения особого нагрудного знака. Второй шаг в этом направлении сделан был ведомством учреждений Императрицы Марии, испросившим в минувшем году такое же право для окончивших курс в Императорском Александровском Лицее. В виду того, что курс названного лицея, подготовляющий чиновников гражданского ведомства, как по качеству, так и по числу лет, посвящаемых его прохождению, уступает университетскому, преследующему более широкие задачи, а именно подготовление не только к административной деятельности, но и к ученому поприщу, Министерство Народного Просвещения полагало бы вполне справедливым предоставить право ношения особого нагрудного знака лицам, окончившим курс всех факультетов университетов, за исключением медицинского, окончившие курс коего, как удостоенные степени лекаря, пользуются правом ношения лекарского знака. Установленный же для окончивших университетский курс жетон, как носимый в виде брелока, не можетъ заменить собою нагрудного знака. Военно-Медицинская Академия и Александровский Лицей имеют и жетон, и нагрудный знак.

Справка

I. Полное Собрание Законов Российской Империи. Т. XLI. 43.394 — 1866 г. июня 14.
О знаке отличия, взамен аксельбанта, для окончивших курс наук в военных академиях.
Государь Император Высочайше повелеть соизволил:

1. Офицерам, окончившим курс в военных академиях, вместо ныне присвоенного им аксельбанта, носить особый знак отличия, согласно прилагаемым при сем описанию и рисункам.

2. Знак сей сохраняется во всех чинах, до генеральских включительно, а также при переходе из одного ведомства в другое и по выходе в отставку; и

3. Носить сей знак при всех формах военных и гражданских как при мундирах, так и сюртуках и мундирных фраках, на правой стороне груди.

II. Том XLII. 34.408. — 1866 г. июня 18

О знаке отличия взамен аксельбанта, для окончивших курс в Институте инженеров путей сообщения.

Государь Император Высочайше повелеть соизволил: офицерам, окончившим курс в военных академиях, вместо ныне присвоенного им аксельбанта, иметь особый знак отличия, который бы сохранялся всеми чинами, до генеральских включительно, даже и в случаях перехода их из одного ведомства в другое и выхода в отставку. Вместе с сим Его Величеству угодно, чтобы такой же знак был присвоен, взамен аксельбанта, и в ведомстве инженеров путей сообщения.

III. 43409. В дополнение к приказу по Министерству от 18 июня, препровождаю у сего, для сведенния и надлежащего исполнения по ведомству путей сообщения, доставленное Главным Штабом Военного Министерства подробное росписание различным видам особого знака отличия, установленного, взамен аксельбанта, для офицеров, окончивших курс или державших выпускной экзамен в академиях и бывших офицерских классах артиллерийского и инженерного училищ, до переименования их в академии, а также и в институтах инженеров горных и путей сообщения приказ от 11 сентября 1866 г. по Министерству Путей Сообщения.

(Собрание Узаконений и распоряжений Правительства).

IV. 89 — 1870 г. января 2 Высочайшее повеление, объявленное Правительствующему Сенату Товарищем Министра Финансов 12 января 1870 г.

О присвоении инженер-технологам и технологам 1-го разряда особого знака.

Государь Император, по всеподданнейшему докладу Министра Финансов, во 2-й день января сего года, Высочайше повелеть соизволил: присвоить лицам, получившим образование в С.-Петербургском практическом технологическом институте и удостоенных степени инженер-технолога, а также звания технолога 1-го разряда, особый золотой знак, для ношения на правой стороне груди.

V. Том XLVI 49247. 1871 г. Февраля 11.

О нагрудном знаке отличия для военных врачей, удостоенных ученой степени доктора.

Государь Император Высочайше повелеть соизволил: военным медикам, которые, по окончании курса в Императорской медико-хирургической Академии или в одном из Российских Университетов, удостоены ученой степени доктора, присвоить особый нагрудный знак, согласно прилагаемому у сего описанию и рисунку.

VI. Том XLVI 1871 г. Марта 6.

О нагрудном знаке отличия для врачей морского ведомства, удостоенных ученой степени доктора.

Государь Император Высочайше повелеть соизволил: морским медикам, которые, по окончании курса в Императорской медико-хирургической Академии или в одномь из Российских Университетов, удостоены ученой степени доктора, присвоить особый нагрудный знак, согласно прилагаемому у сего описанию и рисунку.

Собрание Узаконений и распоряжений Правительства 1881 г. (№ 101).

VII. 662. *О нагрудном знаке для докторов медицины гражданского ведомства.*

В Комитете Министров слушана записка Министра Внутренних Дел от 13-го августа 1881 г. за № 1039 по Медицинскому Департаменту, о разрешении докторам медицины гражданского ведомства носить нагрудный знак, установленный для врачей военного и морского ведомств, имеющих ту же ученую степень.

Комитет полагает испросить на сие, согласно с представлением Высочайшее Его Императорского Величества соизволение.

Государь Император в 5-й день сентября 1881 г., на сие Высочайше соизволил.

VIII. Собрание Узаконений и распоряжений Правительства 1884 г. (№ 68).

498. Высочайше утвержденный 20-го апреля 1884 г. устав православных духовных академий:

§ 176. Кандидатам и магистрам духовных академий, по принятии ими духовного сана, выдается от Святейшого Синода установленный крест для ношения в петлице, первым серебряный, а последним золотой.

IX. Государь Император, по всеподданнейшему докладу Министра Народного Просвещения в 30 день декабря 1889 г., Высочайше соизволил на дозволение лицам, окончившим курс Императорских Российских Университетов, носить особый золотой или серебряный вызолоченный жетон; вместе с сим Его Величеству благоугодно было утвердить проектированный рисунок означенного жетона.

Собрание Узаконений и распоряжений Правительства 1890 г. (№ 18).

X. Государь Император, по всеподданнейшему докладу представления Его Императорского Высочества Президента Императорской Академии Художеств от 28 ноября 1895 г., Высочайше соизволил на предоставление права ношения академического знака, Высочайше утвержденного 25 января 1877 г.: серебряного — окончившим полный курс Высшего художественного училища и удостоенным, согласно Высочайше утвержденному 15 октября 1893 г. уставу Императорской Академии Художеств, звания художника, и золотого — лицам, имеющим на основании того же устава Академии звание академика.

Собрание Узаконений и распоряжений Правительства 1896 г. (№ 138).

XI. В 18 день ноября 1896 г. последовало Высочайшее Его Императорского Величества соизволение на утверждение особого нагрудного знака для студентов Ново-Александрийского Института сельского хозяйства и лесоводства, удостоенных ученого звания агронома или лесовода первого и второго разряда.

Собрание Узаконений и распоряжений Правительства 1897 г. (№ 251).

XII. По выслушании записки Управлявшего Министерством Внутренних Дел, от 30 сентября 1897 года за № 495 (по Ветеринарной части), о предоставлении ветеринарным врачам права носить нагрудный знак, Комитет Министров, не встречая препятствий к удовлетворению настоящего ходатайства Министерства Внутренних Дел, с тем, чтобы устанавливаемый знак быль носим, по примеру прочих однородных знаков, на правой стороне груди, полагал: испросить на сие Высочайшее Его Императорского Величества соизволение, повергнув проект изображения означенного знака на благовоззрение Его Величества.

Государь Император на положение Комитета Высочайше соизволил, а проект изображения означенного знака удостоен рассмотрения и утверждения Его Величества, в Царском Селе, в 7-й день ноября 1897 года.

Собрание Узаконений и распоряжений Правительства 1897 г. (№ 1963).

XIII. *Высочайше утвержденные положения Комитета Министров: о нагрудных знаках для докторов медицины и для врачей, имеющих степень лекаря.*

В представленной в Комитет Министров записке от 18 января 1897 г., за № 190, Министра Внутренних Дел, согласно с мнениями Военно-Медицинского Ученого Комитета и Медицинского Совета и в виду отзыва Министра Народного Просвещения, полагал справедливым предоставить удостоенным Императорскою Военно-Медицинскою (бывшею Медико-Хирургическою) Академиею и Императорскими Российскими Университетами степени лекаря право носить на правой, стороне нагрудный знак, установленный для докторов медицины. Вместе с тем, он, Министр Внутренних Дел, полагал наиболее соответственным в случае предоставления нагрудного знака, установленного ныне для докторов медицины, лицам, имеющим степень лекаря, оставить для докторов медицины без изменения форму Высочайше утвержденного для сих лиц 11 февраля 1871 г. нагрудного знака, сделав его в отличие от такового же знака, испрашиваемого лицам, имеющим степень лекаря, золотым, а имеющуюся в нем золотую «иппократову» чашу и ползущие к ней две золотых змеи — покрыть голубою эмалью.

Комитет Министров полагал представление Министра Внутренних Дел утвердить, поднеся проекты рисунков означенных знаков на Высочайшее Его Императорского Величества благовоззрение.

Государь Император на положение Комитета Высочайше соизволил, а проекты рисунков означенных знаков удостоены рассмотрения и утверждения Его Величества в Царском Селе, в 15 день февраля 1897 года.

(Собрание Узаконений и распоряжений Правительства 1897 года, № 572).

XIV. Государь Император, по всеподданнейшему докладу Главноуправляющего Собственною Его Императорского Величества Канцеляриею по учреждениям Императрицы Марии в 22-й день июля 1898 года, Высочайше соизволил на предоставление воспитанникам Императорского Александровского Лицея, окончившим в оном полный курс наук по первым двум разрядам, права ношения на правой стороне груди особого знака.

Государь Император, по всеподданнейшему докладу Главноуправляющего Собственною Его Императорского Величества Канцеляриею по учреждениям Императрицы Марии, в 22-й день декабря 1898 года, Высочайше соизволил на распространие права ношения Лицейского нагрудного знака, установленного по Высочайшему повелению 22 июля 1898 года, на всех лиц, выпущенных из Императорского Адександровского Лицея с аттестатом об окончании в оном полного курса наук.

(Выписано из Дела № 183 (1898 г.) II-й Экспедиции Собственной Его Императорского Величества Канцелярии по учреждениям Императрицы Марии.)

XV. Свод Морских Постановлений, кн. III, ст. 25. — *Офицерам, окончившим с успехом курс в (Николаевской Морской) Академии, выдается диплом и присвояется особый знак.*

XVI. Приложение к ст. I (Примечание I);

Ст. 22 примеч. Офицеры, с успехом выдержавшие испытание (в минном офицерском классе), приобретают право на ношение особого знака темно-зеленой бронзы.

Закон. Том I, ч. II Учрежд. Комит. Мин. изд. 1857 г. Ст. 11. Комитету Министров принадлежат два рода предметов: 1) текущие дела по всем частям Министерского управления; 2) дела, которые законом в особенности присвоены его рассмотрению.

Ст. 12. Из числа текущих дел представляются в Комитет от Министерств: дела, разрешение которых превышает предел власти, вверенной в особенности каждому Министру и требующие Высочайшего разрешения.

Соображения и заключение. На основании вышеизложенных соображений и приведенных законоположений, я полагал бы:

1) установить, по прилагаемым у сего проектам рисунка и описания, особый, независимо от жетонов, знак для лиц, окончивших, на основании устава 1884 г., с дипломом I и II степени курс Императорских Российских университетов по всем факультетам, кроме медицинского, а также для лиц, окончивших курс на основании уставов 1865 и 1869 гг. со степенью кандидата и с званием действительного студента Юрьевского и Варшавского университетов для ношения такового на правой стороне груди, на основании существующих для прочих подобных знаков правил; и 2) предоставить право ношения такового всем лицам, прежде окончившим не медицинские факультеты университетов, на основании действовавших до 1884 г. уставов.

Об изъясненном имею честь представить на благоусмотрение Комитета Министров.

Проект описания знака для окончивших полный курс не медицинских факультетов Императорских Российских Университетов.

Основанием знака служит золотой или серебряно-вызолоченный ромб, каждая сторона которого равна: в длину 3 сантиметров и в ширину 3/8 сантиметра: с внешней стороны ромб покрыт белою эмалью. Поверхность эмали, покрывающей ромб, слегка выпуклая.

На верхнем углу ромба лежит золотой государственный герб — двуглавый орел (имеющий в вертикальном направлении 1 1/2 сантиметра), при чем хвост орла должен лежать на ромбе.

Под орлом помещается небольшой (в 1/2 сантиметра) золотой венок из дубовой и лавровой ветвей.

На трех прочих углах ромба лежит крест: четырехконечный, слегка выпуклый, покрытый со всех сторон синею эмалью и несколько суженный к средине: верхний конец креста соприкасается с венком.

Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т.16. 1899 г. СПб.,1903. С.1250-1259.

Проект правил для студентов и сторонних слушателей императорского Университета св. Владимира [Після 1908 року]*

I
Сроки

Виды на жительство — выдача в начале полугодия.

Входные билеты — выдача в начале полугодия.

Документы — исправление и пополнение недостающих в течение первого года пребывания в университете.

Запись на лекции — до 1 октября в первом и до 1 февраля во втором полугодии.

Медальные сочинения — представление Ректору к 1 октября.

Перевод из одного университета в другой — подача прошений до 10 августа и 5 января.

Перевод с одного факультета на другой — до 1 октября.

Плата за слушание лекций вносится до 1 октября и 1 марта, вместе с гонораром.

Плата — прошения об освобождении с 1 августа по 1 сентября.

---

* *Дата встановлюється за хронологічно пізнішими посиланнями.*

Полугодия — начало первого 20 августа, среднего 20 октября, окончание 29 декабря.
Полугодия — начало второго 15 января, среднего 5 марта, окончание 30 мая.
Прием в студенты — подача прошений с 15 июля по 10 августа.
Стипендии — подача прошений с 1 августа по 1 сентября.

II
Ведомство

РЕКТОР. Прием в студенты, перевод из одного университета в другой. Увольнение. Дополнительная отсрочка по отбыванию воинской повинности. Прошения о выдаче документов, удостоверений, свидетельств. Разрешение браков. Разрешение собраний. Представление медальных сочинений.

ПРОРЕКТОР. Вопросы, связанные с правилами. Выдача входных билетов, билетов на жительство. Отпуски. Прошения: о стипендиях, пособиях, освобождении от платы. Пособия на лечение. Выдача стипендий и пособий. Прием всякого рода прошений по первоначальной отсрочке, по отбыванию воинской повинности и выдача соответствующих удостоверений.

ДЕКАН. Запись на лекции. Запись на экзамены. Зачет полугодий. Выдача выпускных свидетельств. Выдача метрикул.

КАНЦЕЛЯРИЯ ПО СТУДЕНЧЕСКИМ ДЕЛАМ. Хранение и выдача документов по распоряжению Ректора. Объявление постановлений, касающихся студентов. Выдача удостоверений, свидетельств.

III
Прием, перевод и увольнение студентов и посторонних слушателей

Условие приема

§ 1. На основании циркулярных распоряжений Министерства Народного Просвещения от 30 июня и 25 августа 1906 года, 22, 28 и 30 марта, 2 апреля, 23 июня и 18 июля 1907 года, 16 мая и 11 ноября 1908 года, в число студентов Императорского Университета Св. Владимира принимаются

без дополнительных испытаний:

А. Лица, получившие аттестат или свидетельство об окончании гимназии ведомоства Министерства Народного Просвещения.

Б. Окончившие курс общих классов Императорского Александровского лицея.

В. Окончившие курс общих классов Императорского Училища Правоведения.

С дополнительным испытанием в объеме полного гимназического курса из одного лишь латинского языка.

Окончившие курс:

А. Реальных училищ Министерства Народного Просвещения с 7-м дополнительным классом.

Б. Гатчинского Сиротского Института Императора Николая 1-го (7 классов).

В. Приюта Принца Петра Георгиевича Ольденбургского (7 классов).

Г. Императорского С.-Петербургского Коммерческого училища.

Д. Императорского Московского Коммерческого училища.

Е. Коммерческих училищ в г. Москве имени Цесаревича Алексея и Александровского.

Ж. Тенишевского Коммерческого училища (8 классов).

З. Петровского училища С.-Петербургского Купеческого Общества.

И. Московской Практической Академии Коммерческих наук.

К. Харьковского Императорского III коммерческого училища.

Л. Кадетских корпусов и

М. Воспитанники Морского Кадетского корпуса, окончившие курс общих классов.·

По математике, физике и двум новым языкам.

А. Воспитанники православных духовных семинарий, по окончании курса 4 общеобразовательных классов. (Циркуляр Департамента Народного Просвещения от 30 июля 1906 года за № 12421 и от 25 августа 1906 года за № 16789).

С дополнительным испытанием из русского языка, русской истории и географии России в объеме полного курса гимназии.

А. Воспитанники, окончившие девятилетний курс наук в классических гимназиях Германии, Австрии, а равно абитуриенты гимназий и реальных училищ славянских земель Балканского полуострова, желающие воспользоваться в России правами, связанными с окончанием курса русского учебного заведения. (Правила Министерства Народного Просвещения 13 октября 1908 г. № 26835.).

ПРИМЕЧАНИЕ 1. Имеющие дипломы 1-ой или 2-ой степени естественного отделения физико-математического факультета могут быть зачислены на II отдел медицинских наук, но по выдержании дополнительного испытания в размере полукурсового по нормальной анатомии, гистологии, физиологии и физиологической химии. Не выдержавшие такового зачисляются на I отдел медицинских наук с обязательством сдать полулекарское испытание по нормальной анатомии, гистологии, физиологии и физиологической химии. По остальным предметам полулекарского испытания засчитываются отметки, полученные на физико-математическом факультете.

ПРИМЕЧАНИЕ 2. Ветеринарные врачи русских ветеринарных институтов и имеющие аттестат зрелости зачисляются на тех же основаниях, как окончившие естест-

венное отделение, если же они не имеют аттестата, то прием в число студентов медицинского факультета Университета Св. Владимира не может быть производим.

§ 2. От всех желающих поступить на историко-филологический факультет требуется, кроме того, знание греческого языка в объеме гимназического курса. Лица, не изучавшие в гимназии греческий язык, могут быть приняты на историко-филологический факультет, но с обязательством восполнить этот пробел в университете. (Распоряжение Министерства Народного Просвещения от 30 июня 1906 года за № 1242 и 1 сентября 1908 года за № 21918.)

§ 3. Указанным испытаниям молодые люди подвергаются при мужских гимназиях Империи с предварительным взносом 10 рублей в пользу экзаменаторов. (Распоряжение Министерства Народного Просвещения от 18 декабря 1907 года за № 2892 и 16 мая 1908 года за № 12179).

§ 4. Лица, окончившие курс духовной семинарии и состоящие псаломщиками и учителями и вследствие этого пользующиеся льготой по отбыванию воинской повинности, на основании 2 п. 79 ст. и 3 п. 80 ст. Устава о воинской повинности (изд. 1897 года), а равно лица духовного сана в число студентов не принимаются.

Микола Бердяєв. Початок XX ст.

§ 5. Лица иудейского исповедания принимаются с таким расчетом, что бы число их составляло не более 10 % общего числа лиц, вновь поступающих в число студентов университета, причем преимущество оказывается окончившим курс в средних учебных заведениях Киевского и Кавказского Учебных Округов.

§ 6. Окончившие курс армянских духовных академий и семинарий принимаются в университет по выдержании полного испытания зрелости при одной из мужских гимназий Империи. (Распоряжение Министерства Народного Просвещения от 28 августа 1907 года за № 2244).

§ 7. Окончившие курс учительских Институтов принимаются в университет по выдержании полного испытания зрелости. (Распоряжение Министерства Народного Просвещения от 23 июня 1907 года за № 13046).

§ 8. Лица, имеющие свидетельство об окончании курса высшего учебного заведения, могут быть принимаемы в студенты университета исключительно на основании их аттестатов о среднем образовании по выдержании в подлежащих случаях соответствующих дополнительных испытаний. (Распоряжение Министерства Народного Просвещения от 16 мая 1908 года за № 12179).

§ 9. Не допускается условный прием в число студентов университета лиц, которые не удовлетворяют указанным требованиям, например, не выдержали дополнительных испытаний, не имеют свидетельства о благонадежности и т.п. (Распоряжение Министерства Народного Просвещения от 16 мая 1908 года за № 12179).

§ 10. В начале каждого учебного года Советом Университета устанавливается максимальный комплект для вновь поступаемых в число студентов лиц.

В виду ограниченного числа вакансий на первых курсах, преимуществом при поступлении в университет Св. Владимира пользуются лица, получившие аттестаты или свидетельства зрелости от гимназий Киевского и Кавказского Учебных Округов. На оставшиеся вакансии принимаются получившие аттестаты или свидетельства зрелости от иноокружных гимназий, а затем лица, окончившие реальные училища, семинарии и другие учебные заведения. (Распоряж*ение* М*инистерства* Н*ародного* П*росвещения* от 16 мая 1908 года за № 12179.)

Порядок приема

§11. Собственноручные прошения о приеме в число студентов с точным обозначением места жительства и указанием избираемого факультета со всеми нижеследующими приложениями должны быть поданы или пересланы по почте на имя Ректора в срок от 15 июля по 10 августа.

§ 12. К прошению о приеме в число студентов прилагаются:

а) собственноручно снятые копии на простой бумаге и подлинники.

б) Аттестат или свидетельство зрелости от учебного заведения, дающего право на поступление в университет, а в подлежащих случаях свидетельство учебного заведения с удостоверением о выдержании дополнительных испытаний.

в) Метрическое свидетельство о рождении и крещении, выданное Духовной Консисторией, а лица инославных исповеданий — свидетельство о рождении. Свидетельства о рождении лиц иудейского исповедания должны быть засвидетельствованы подлежащей Городской Управой.

г) Документ о состоянии, к которому принадлежит проситель по своему происхождению, а иностранные подданные — иностранный паспорт.

д) Свидетельство о приписке к призывному участку по отбыванию воинской повинности.

е) Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности для лиц 21-го и свыше лет.

ж) Окончившие курс указанных выше среднеучебных заведений не в год подачи прошения о поступлении, а также выдержавшие экзамены при этих учебных в качестве экстернов, должны представить свидетельство от местного Губернатора о благонадежности в нравственном и политическом отношениях. (Распоряжение Министерства Народного Просвещения от августа 1907 года за № 16025 и 13 декабря 1907 года за № 453).

з) Лица, проживавшие за границею, обязаны представить свидетельство о благонадежности от Департамента Полиции Министерства Внутренних Дел (в России) и наконец

и) Четыре фотографических карточки с собственноручной подписью просителя на каждой.

§ 13. Документы, писанные на иностранных языках, должны быть представлены в переводе, надлежащим образом засвидетельствованном.

§ 14. Прошения, не удовлетворяющие требованию §§11-13, оставляются не рассмотренными.

§ 15. В случае недостаточности или неполноты документов, не препятствующей определению прав просителя на поступление в студенты, назначается годовой срок для пополнения документов, по истечении которого не пополнивший их увольняется из университета.

§ 16. О результатах приёма объявляется с 20-го августа. Справки по делу о зачислении даются в канцелярии по студенческим делам лично, а равно и по письменным запросам с оплаченным ответом и с указанием точного адреса просителя. На телеграфные запросы канцелярия не отвечает.

Переход из одного университета в другой

§.17. Переход из других университетов или из соответствующих высших заведений в Университет Св. Владимира допускается при наличности вакансий лишь перед началом каждого учебного полугодия.

§ 18. Определение полугодия, на которое зачисляется переходящий, принадлежит соответствующему факультету Университета Св. Владимира.

§ 19. Студент, желающий перейти в Университет Св. Владимира, подает прошение с приложением лекционной книжки Ректору того университета, в котором он состоит студентом; а желающий перейти из Университета Св. Владимира в другой, подает прошение ректору Университета Св. Владимира.

§ 20. На основании означенного прошения вее документы просителя вместе со всеми сведениями об его успехах и поведении пересылаются в указанный просителем университет или соответствующее высшее учебное заведение, а самому просителю выдается отпускной билет, который он обязан лично представить ректору избранного им университета немедленно по своем приезде, отпускной же билет его по окончательном его приеме возвращается в тот университет, которым он выдан. Если же студенту будет отказано в приеме, то он может возвратиться обратно в университет к сроку своего отпуска.

§ 21. Вопрос о зачислении в студенты переходящего из другого университета решается Правлением вновь избранного университета, на основании сведений об его успехах и поведении, полученных от прежнего университета, а также и других имеющихся о нем данных.

§ 22. В случае, если студент не воспользуется переводом во вновь избранный университет, внесенная им плата (25 р.) не возвращается.

§ 23. Переводящиеся на медицинский факультет Университета Св. Владимира могут быть зачисляемы только на второй курс и не иначе как в начале учебного года.

Переход с одного факультета на другой

§ 24. Прошения о переходе с одного факультета на другой подаются с 1 августа по 1 октября на имя Ректора.

§ 25. Переход с одного факультета на другой, без зачета полугодия, на которое проситель переходит, дозволяется во всякое время.

§ 26. Перечисленный на другой факультет подчиняется правилам вновь избранного факультета в отношении зачета полугодий — без зачета проведенного на оставляемом факультете времени.

§ 27. Студенты физико-математического факультета могут быть зачислены на первый отдел медицинских наук с зачетом тех общих обоим факультетам предметов, по которым сданы удовлетворительно экзамены на физико-математический факультет, а именно по физике, химии неорганической и аналитической, химии органической, зоологии с сравнительной анатомией, ботанике, минералогии, физиологии.

§ 28. С переходом с одного факультета на другой в выше указанные сроки, внесенная в пользу преподавателей плата перечисляется в пользу преподавателей вновь избранного факультета, на лекции коих он записался с довзысканием не достающей суммы.

Увольнение студентов

§ 29. Увольняются из числа студентов: 1, лица, получившие выпускные свидетельства; 2, по приговору профессорского дисциплинарного суда; 3, по постановлению Правления Университета за невзнос платы и 4, согласно прошению.

§ 30. Прошение об увольнении из университета подается Ректору.

§ 31. При выбытии из числа студентов должны быть возвращены вид на жительство и входной билет.

ПРИМЕЧАНИЕ. Студенту, выбывающему из университета, документы не выдаются впредь до представления удостоверения в канцелярию по студенческим делам о возврате в библиотеку книг и предметов в другие учебно-вспомогательные учреждения.

§ 32. Выбывший из университета может быть принят обратно в случае не замещения его вакансии. Обратно принятый в университет продолжает учение, прерванное уходом, если со времени выбытия из университета прошло не более двух лет. В противном случае вновь принятый зачисляется на первый курс наравне с вновь поступающими.

Прием посторонних слушателей

§ 33. Если позволит вместимость аудиторий, то по окончании приема студентов к слушанию лекций и другим учебным занятиям в университете допускаются посторонние лица, которые вполне удовлетворяют требованиям и условиям 520 и 740 ст. ст. т.XI, ч.1, Св*ода* Зак*онов* изд. 1893 года, т.е. лица, находящиеся на государственной службе; с разрешения их начальства и по представлении свидетельства о политической благонадежности от общей администрации, а равно лица, окончившие полный курс таких среднеучебных заведений, которые не дают права на поступление в число студентов университета, и имеющие определенное общественное положение или занятие, по представлении также свидетельства о политической благонадежности.

§ 34. Посторонние слушатели могут быть принимаемы только в пределах установленного комплекта, если по приеме студентов окажутся свободные места.

§ 35. Молодые люди, только что окончившие курс среднего учебного заведения и не имеющие права на зачисление в студенты, не могут быть принимаемы в посторонние слушатели.

§ 36. Состоящие на государственной службе представляют подлинные документы о среднем образовании. (Распоряжение М*инистерства* Н*ародного* П*росвещения* от 13 июня 1908 года за № 14454).

§ 37. Без свидетельства о благонадежности посторонние слушатели не допускаются.

§ 38. К посторонним слушателям иудейского исповедания применяется также % норма, что и для студентов.

§ 39. Кроме того, лица из евреев, желающие поступить в университет в качестве вольнослушателей, должны представить от подлежащей гражданской власти удостоверение о праве жительства вне черты оседлости, и именно в районе нахождения университета. (Распоряжение М*инистерства* Н*ародного* П*росвещения* от 22 февраля 1907 года за № 67).

§ 40. Желающие слушать университетские лекции в качестве вольнослушателей подают о том прошения на имя Ректора Университета, с обозначением факультета, по которому проситель желает посещать лекции, и с дачею обязательства подчиняться в зданиях и установлениях Университета существующим правилам.

§ 41. К прошениям прилагаются документы: аттестат или свидетельство об окончании курса в среднеучебных заведениях; метрическое свидетельство; свидетельство о состоянии, к которому принадлежит проситель по происхождению; свидетельство о благонадежности; три фотографические карточки и свидетельство о явке к исполнению воинской повинности.

§ 42. Прошения о дозволении посещать университетские лекции в качестве вольнослушателей принимаются в продолжении всего академического полугодия.

§ 43. Если не встретится препятствий к удовлетворению ходатайства, то подавший прошение вносит установленную плату и за сим, по представлении Проректору квитанции об уплате денег, получает билет для входа в университет. При посещении университета вольнослушатели должны иметь билет при себе и предъявлять

его всякий раз, когда это потребуется. Без билета вольнослушатели не допускаются на лекции.

ПРИМЕЧАНИЕ. Освобождение от взноса платы ни под каким предлогом не допускается.

§ 44. Лица женского пола в число посторонних слушателей не принимаются.

§ 45. Билет, выданный от университета вольнослушателю, не может быть передаваем им другому лицу под опасением отобрания его без возврата денег, внесенных за слушание лекций, и с потерею права на будущее время посещать университетские лекции.

§ 46. Студенты иностранных университетов принимаются, при имеющихся вакансиях, лишь в том случае, если они удовлетворяют условиям по среднему образованию русских учебных заведений и представят все необходимые документы, указанные в § 12, в срок, установленный для других просителей.

ПРИМЕЧАНИЕ. Зачетов предметов, прослушанных в иностранных университетах, не производится (предложение г. Попечителя Киевского Учебного Округа 11 сентября 1907 года за № 19520).

§ 47. Лица, проходящие или проходившие курс в заграничных университетах, должны представить, кроме указанных документов, удостоверение или свидетельство о прослушанных курсах, зачете семестров и результатах экзаменных испытаний и принимаются в университет на тот или другой курс и факультет только с согласия факультета.

§ 48. Вольнослушатели подчиняются в зданиях и установлениях университета существующим правилам на равне со студентами, за исключением права участия в студенческих собраниях и кружках.

§ 49. Посторонние слушатели за нарушение университетских правил могут быть временно удаляемы из университета по распоряжению Проректора. Воспрещение сим лицам дальнейшего входа в университет зависит от Ректора (ст. 122 Устава).

§ 50. Если нарушение посторонним слушателем университетских правил сопровождалось каким-либо проступком, а тем более уголовным преступлением, то дело его, как не подлежащее ведомству университета, передается надлежащей судебной власти для поступления с виновным по закону (ст. 124 Устава).

§ 51. Посторонние слушатели не получают от Университета никакого документа для жительства в городе или отъезда из него.

§ 52. Посторонние слушатели не допускаются ни к каким испытаниям.

§ 53. Посторонние слушатели ежегодно возобновляют свое право на пребывание в университете.

Допущение к слушанию лекций аптекарских помощников, ищущих звание провизора

§ 54. При медицинском факультете состоят фармацевтические курсы для усовершенствования в науках аптекарских помощников с целью приобретения ими звания провизора.

Олександр Дашкевич. Кінець XIX ст.

§ 55. Аптекарские помощники, желающие быть зачисленными на фармацевтические курсы, подают прошение Ректору до 1-го августа с приложением: 1) кондуитного списка, засвидетельствованного Врачебным Отделением Губернского Правления и с обозначением числа лет службы в казенной или частной аптеке; 2) метрического свидетельства ; 3) свидетельства о принадлежности к сословию; 4) свидетельства о благонадежности; 5) квитанции казначейства о взносе платы; 6) четырех фотографических карточек и 7) свидетельства о воинской повинности.

§ 56. На фармацевтические курсы принимаются аптекарские помощники, прослужившие в казенной или частной аптеке не менее 3-х лет.

§ 57. Фармацевтические курсы университета продолжаются два года. На 1-м курсе фармацевты обязаны выслушать: неорганическую химию, физику, ботанику, зоологию, минералогию и фармакологию; на 2-м курсе органическую химию, фармацию, фармакологию, о подаче помощи в случаях, требующих безотлагательного пособия, и ботанические демонстрации. Кроме того, фармацевты в течении 2-го курса занимаются практически: химиею, фармациею и судебно-медицинскими исследованиями.

§ 58. Фармацевты подвергаются испытаниям в мае месяце:

а) По окончании 1-го курса по следующим предметам: неорганической химии, физике, зоологии и минералогии.

Экзамены эти засчитываются в окончательные, если экзаменующийся по всем предметам получит отметку «удовлетворительно».

б) По окончании второго курса по следующим предметам: органической химии, ботанике, фармации с фармакогнозиею, фармакологии и о подаче помощи в случаях, требующих безотлагательного пособия.

§ 59. Фармацевты, не выдержавшие удовлетворительно испытания по одному из упомянутых предметов, остаются на другой год на том же курсе.

ПРИМЕЧАНИЕ. Слушатели фармацевтических курсов других университетов к испытаниям на звание провизора при Университете Св. Владимира не допускаются.

§ 60. Слушатели фармацевтических курсов подчиняются всем правилам, установленным для посторонних слушателей.

§ 61. Записи на лекции медицинского факультета не допускаются.

§ 62. Лица иудейского вероисповедания принимаются в 20 % норме.

§ 63. Прошения о приеме, при которых не приложены подлинные документы или квитанция об уплате денег, не рассматриваются.

§ 64. Лицам не принятым плата возвращается; лицам же принятым, но не воспользовавшимся приемом, плата ни в каком случае не возвращается.

IV
Виды на жительство, входные билеты и лекционные или экзаменационные книжки

§ 65. Лица, вновь принятые в число студентов Университета Св. Владимира, получают: виды на жительство, входные билеты и лекционные или экзаменационные книжки.

§ 66. Студенты получают от Университета виды на жительство на сроки от 1 сентября по 20 января и от 20 января по 1 сентября.

§ 67. В начале учебного года студентам выдаются от Университета входные билеты установленного образца на весь учебный год.

ДАК, ф. 16, оп. 469, спр. 877, арк. 1-12.

Правила о взысканиях за нарушение студентами их обязанностей и о порядке их наложения

§ 1. Налагаемые университетскими властями взыскания суть:

а) выговор;

б) арест в карцер от 24 часов до 4 недель;

в) объявление (с подпискою), что виновный, в случае нового проступка, будет немедленно удален из университета;

г) увольнение из университета без права обратного поступления в тот же университет, но с правом поступления в другие университеты;

д) исключение из университета.

§ 2. Стипендиаты и пользующиеся другими льготами могут быть лишены стипендий и льгот, сверх взысканий, означенных выше.

§ 3. Ректор и инспектор могут делать студентам выговор и подвергать их аресту в карцере на срок до 7 дней. Ректор кроме того может сделать виновному объявление (с подпискою) об удалении его из университета в случае нового проступка.

§ 4. Виновный может быть подвергнут аресту в карцере на срок свыше 7 дней не иначе, как по постановлению правления.

§ 5. Увольнение и исключение из университета может быть назначаемо только правлением, с утверждением постановления попечителем учебного округа.

§ 6. Студент, не исполнивший приказания идти в карцер, или самовольно ушедший из-под ареста, подвергается увольнению или исключению из университета.

§ 7. Если нарушение студентом университетских правил сопровождалось ка-

Олександр Динник. Початок XX ст.

ким-либо уголовным преступлением, то, по исключении виновного из университета, он передается судебной власти.

§ 8. В случае получения университетским начальством сведений о студентах, подвергшихся взысканиям по приговору суда, ректор предлагает каждый раз на обсуждение правления вопрос о том, может ли виновный быть оставлен в числе студентов, или же он подлежит увольнению или исключению из университета.

§ 9. Равным образом, по получении университетским начальством сведений о таких, совершенных студентом вне университета, проступках, которые хотя и не повлекли за собою судебного преследования, но имеют предосудительный характер, ректор предлагает о сем на обсуждение правления, для постановления надлежащего решения.

§ 10. Студент, подвергнувшийся одному из взысканий, обозначенных в пунктах в) и г) § 1, лишается права на какие бы то ни было льготы (стипендии, пособия, освобождение от платы).

§ 11. Документы студента, уволенного или исключенного из университета, по постановлению правления, отсылаются в местную полицию.

§ 12. Студенты, уволенные из университета за безпорядки, могут быть принимаемы в другой университет не иначе, как с отдачею их на поруки кому либо из университетских преподавателей или чинов инспекции

ДАК, ф. 16, оп. 465, спр. 848, арк. 1 зв.

Правила для арестованных в карцере студентов

§ 1. Продовольствие арестованных производится на счет университета и должно состоять из простой и свежей пищи в достаточном количестве.

Освещение карцера полагается до 11 часов вечера; общий же коридор и ватерклозет освещаются в продолжение всей ночи.

§ 2. Инспектором можеть быть дозволено арестованному студенту иметь свою постель и свой письменный стол (при чем все это привозится и приносится на счет арестованного).

Книги учебные и ученые, а также письменные принадлежности, дозволяется иметь арестованному.

От усмотрения инспектора зависит разрешить арестованному: посылать или получать письма, курить в самом карцере, заниматься легким чтением ненаучного содержания книг и газет, а также просить о посылке за разными себе покупками. Вино, пиво, вообще все крепкие напитки и карты безусловно воспрещаются арестованным.

§ 3. Со всеми своими просьбами и заявлениями арестованный обращается или лично к инспектору, или помощнику его, при посещении ими карцера, или только к служителю инспекции, которого может всегда вызвать звонком, отнюдь не дозволяя себе тревожить его без крайней надобности. Без дежурного при карцере служителя инспекции (или чинов инспекции и начальства университета) никто, даже из прислуги, не имеет права входить к арестованному. Ключ от занятого карцера находится постоянно у дежурного служителя инспекции.

§ 4. Свидания с арестованным студентом могугь быть дозволены только родным его (или лицам, заменяющим ему родных), но и то не иначе каждый раз как с особого разрешения инспектора.

§ 5. Инопектором можеть быть дозволяема, в случаях, признанных им уважительными, временная отлучка арестованного студента из карцера (не более впрочем как на 2 часа или с провожатым солдатом, или на честное слово студента).

Отпущенный из карцера отудент — за каждые 20 минут просрочки подвергается продолжению его ареста на 4 часа, а если при этом он был отпущен на честное слово, то считается кроме того нарушившим доверие.

§ 6. Инспектором может быть также разрешено арестованному посещение лекций. Для этого арестованный предварительно должен заявить, на какие именно лекции, из числа тех, которые записаны в его входном билете, он желает быть отпущен. Затем, получив разрешение инспектора, арестованный, уходя из карцера, записывает на листе у служителя инспекции час своего ухода на лекции, а придя на последние, является к дежурному помощнику инспектора и просит его отметить также время его явки; по окончании лекций, на которых ему дозволено было присутствовать, арестованный вновь является к дежурному помощнику инспектора с просьбой отметить время его ухода, а придя в карцер, он точно также сам отмечает на том же листе у служителя инспекции время своего возвращения.

Студент, нарушивший доверие, не отпускается более на лекции и подвергается за просрочку каждых 20 минут продолжению ареста на 4 часа.

Время отпуска арестованного на лекции или куда-либо с разрешения инспектора не вычитается из положенного ему срока ареста.

§ 7. Арестованный студент должен вести себя в карцере скромно и прилично, исполняя все законные требования дежурного служителя инспекции; в противном случае он подвергается по усмотрению инспектора, или продолжению срока ареста, или ограничению его прав в карцере, а в случаях более важных инспектор входит в правление с представлением об увольнении или исключении арестованного из университета.

§ 8. За порчу стен, окна, дверей, мебели и звонка в карцере, равно за разбитую столовую или чайную посуду, арес-

тованный обязательно уплачивает по составленной для сего таксе не зависимо от взыскания, которому может за сие подвергнуться.

ДАК, ф. 16, оп. 465, спр. 851, арк. 1-1 зв.

Правила о плате за слушание лекций в университете

§ 1. С каждого студента и постороннего слушателя взимается за слушание лекций и за участие в практических занятиях в пользу университета по пяти руб. (ст. 129 Устава).

§ 2. Кроме указанной в предыдущем параграфе платы, с каждого студента и постороннего слушателя взимается особая плата в пользу отдельных преподавателей, лекциями и руководством которых студент или слушатель желает пользоваться, в размере одного рубля за недельный час в полугодие (ст. 129 Устава).

Примечание 1. За слушание лекций по Богословию, как предмету обязательному только для лиц православного исповедания, особой платы не полагается.

Примечание 2. На медицинском факультете особая плата за клинические и практические занятия под руководством профессоров и преподавателей определяется в пятьдесят коп. за недельный час в полугодие.

§ 3. Деньги за слушание лекций должны быть внесены до начала лекций (до 20 августа и 15 января) казначею университета, который выдает квитанцию в получении платы в пользу университета (§ 1); в получении же особой платы в пользу преподавателей расписывается на особом заявлении.

§ 4. Внесенная казначею плата, указанная в §§ 1 и 2, ни в каком случае не возвращается.

§ 5. Никакие отсрочки во взносе платы не допускаются.

§ 6. Для облегчения недостаточных студентов правление может ходатайствовать пред попечителем округа об освобождении их от денежных взносов, указанных в §§ 1 и 2.

§ 7. Этой льготой могут пользоваться только студенты отличного поведения, засвидетельствованного инспектором студентов, представившие при том установленное свидетельство о бедности.

Примечание 1. От усмотрения правления зависит признать представленное о бедности свидетельство удовлетворительным или нет. Правление, помимо свидетельства о бедности, можеть требовать надлежащих по сему предмету сведений откуда признает нужным.

§ 8. При обсуждении прошений об освобождении от взноса платы берутся во внимание:

а) для вступающих в университет — полученные ими аттестаты зрелости,

б) для прочих студентов — ходатайства факультетов, основанные на успешности занятий просителя в течение истекшего полугодия и на результатах состязательных испытаний.

§ 9. Студент, желающий быть освобожденным от взноса платы, подает о том прошение на имя инспектора перед началом полугодия, не позже 15 августа и 10 января, прилагая установленное свидетельство о бедности.

Примечание. Вступающие в университет, если желают быть освобожденными от платы, должны подать об этом прошение ректору, с приложением свидетельства о бедности, вместе с просьбой о приеме в студенты.

§ 10. Общее число освобожденных от взноса платы по каждому факультету не должно превышать 15 % всего числа студентов этого факультета.

§ 11. Освобождение от платы имеет силу в течение полугодия, но может быть возобновляемо.

§ 12. Преподаватели не имеют права, ни в каком случае, ни освобождать студентов от взноса причитающейся им платы за чтение лекций или руководство их занятиями, ни даже принимать от них таковых прошений.

Печатано по распоряжению Министра Народного Просвещения.
Типогр. Елеонского и К°, Невский, № 134.

ДАК, ф. 16, оп.465, спр. 847, арк. 1-1 зв.

Справа про запровадження фізичних вправ для студентів Університету св. Володимира

Грудень 1904 — вересень 1905 року

№1

Подання декана медичного факультету на ім'я ректора. 3 грудня 1904 року

Декабря 3 дня 1904 г. — Его Превосходительству
№ 1261 — Господину Ректору Университета Св. Владимира

Честь имею донести Вашему Превосходительству, что медицинский факультет в заседании 1-го сего декабря заслушал заявление профессора Н.А. Оболонского о введении физических упражнений для г*оспод* студентов Университета Св. Владимира. Соглашаясь вполне с доводами указанного заявления, медицинский факуль-

Спортивний гурток студентів університету. Бокс. 1913 р.

тет постановил возбудить вновь ходатайство, согласно заявлению профессора Н.А. Оболонского.

Заявление при сем прилагается.

Декан медицинского факультета Н. Оболонский (*підпис*)

№2

Пояснювальна записка професора Миколи Оболонського

В Медицинский Факультет

В 1901 году я входил в Медицинский Факультет с предложением ходатайствовать о введении при Университете Св. Владимира физических упражнений для студентов этого Университета. Но не смотря на то, что Медицинский Факультет отнесся вполне сочувственно к моему предложению и возбудил соответственное ходатайство, дело это не получило осуществления.

Так как условия, вызвавшие у Факультета указанное ходатайство, не изменились в настоящее время и потребность в физических упражнениях для молодых людей, обучающихся в Университете, является существенною, а следовательно удовлетворение ее неотложною, то я решаюсь возобновить свое предложение перед Медицинским Факультетом ходатайствовать еще раз о введении физических упражнений для г*оспод* студентов Университета Св. Владимира.

Мотивы к указанному моему предложению следующие: для правильной психической деятельности необходимо иметь правильные соматические отправления, «в здоровом теле, здоровый ум», между тем из года в год число неврастеников, истериков и анемичных среди студентов увеличиваются. С этим фактом знакомо и Правление Университета, которое выдает значительные суммы на лечение именно этих заболеваний у студентов.

Наша молодежь поступает в Университет с организмом значительно уже подорванным, вследствие неблагоприятных условий прохождения гимназического курса учения.

Вследствие указанного, мы видим наших питомцев Университета сутуловатыми, сгорбленными, неуклюжими, угрюмыми, раздражительными, вообще с плохим физическим развитием и расшатанною нервною системою.

Университету надлежит озаботиться о предоставлении возможности студентам развить свой организм для поддержания его в здоровом состоянии. С этою целью необходимо ввести различные физические упражнения, как то: фехтование, метание, стрельбу в цель, игру в кегли, в Lown Tenis, упражнения с гирями, упражнения на гимнастических аппаратах и пр.

Достигнуть указанной цели возможно, устроив гимнастический зал, для чего могло бы быть пригодно каменное здание, занятое ныне сараями для склада исключенных за негодностью вещей, конюшней и каретным сараем.

В виду же того, что перестройка сарая и оборудование гимнастического зала потребует значительных затрат и скоро не может быть осуществлена, я предлагаю теперь же 1) устроить Kegelbahn во дворе у ворот, ведущих в ботанический сад, против входа в физиологический институт, 2) отвести один из Университетских корридоров (в центральном здании) для упражнений в послеобеденные часы в фехтовании, с каковою целью пригласить преподавателя, и 3) весною отвести площадку в ботаническом саду для игры в Lown Tenis.

Профессор Н. Оболонский (*підпис*)

№3
Клопотання про відкриття та Статут гуртка любителів фізичних вправ. Вересень 1905 року

Его Превосходительству
Господину Ректору Университета Св. Владимира.

В виду того, что среди значительной части студенчества замечается ясно-выраженная потребность в систематических и рациональных физических упражнениях, мы — нижеподписавшиеся — ходатайствуем перед Вашим Превосходительством о разрешении устроить при Университете кружок физических упражнений.

А. Анохин, студ. мед. 3 курса.
И. Подборский, студ. юрист. 2 курса
Б. Успенский, студ. мед. 2 курса.
М.И. Головач, студ. юрист 3-го курса.
В.А. Косинский, студ. матем. 1-го курса.
Л.Г. Коз*****, студ. математ. 1 курса.
И.М. Соколов, студ. медик, 2-го курса.

Устав кружка любителей физических упражнений при Университете Св. Владимира

Проект

1) Кружок любителей физических упражнений при Университете Св. Владимира имеет *целью*, при помощи рациональных и систематических физических упражнений, укрепление и поддержание физического благосостояния организма.

2) Членами Кружка могут быть исключительно студенты Университета Св. Владимира.

3) Правление Университета отводит кружку для физических упражнений и заседаний соответствующее помещение, а также дает освещение, отопление и опытного служителя для присмотра за снарядами.

4) Заседания кружка бывают административные, на которых имеют право присутствовать только члены кружка, и научно-педагогические, в которых членами кружка докладываются рефераты и статьи по вопросам о физических упражнениях; на эти заседания допускаются также и г*оспода* студенты, не принадлежащие к кружку.

Примеч*ание.* Для научно-педагогических заседаний правление Университета отводит одну из аудиторий Университета.

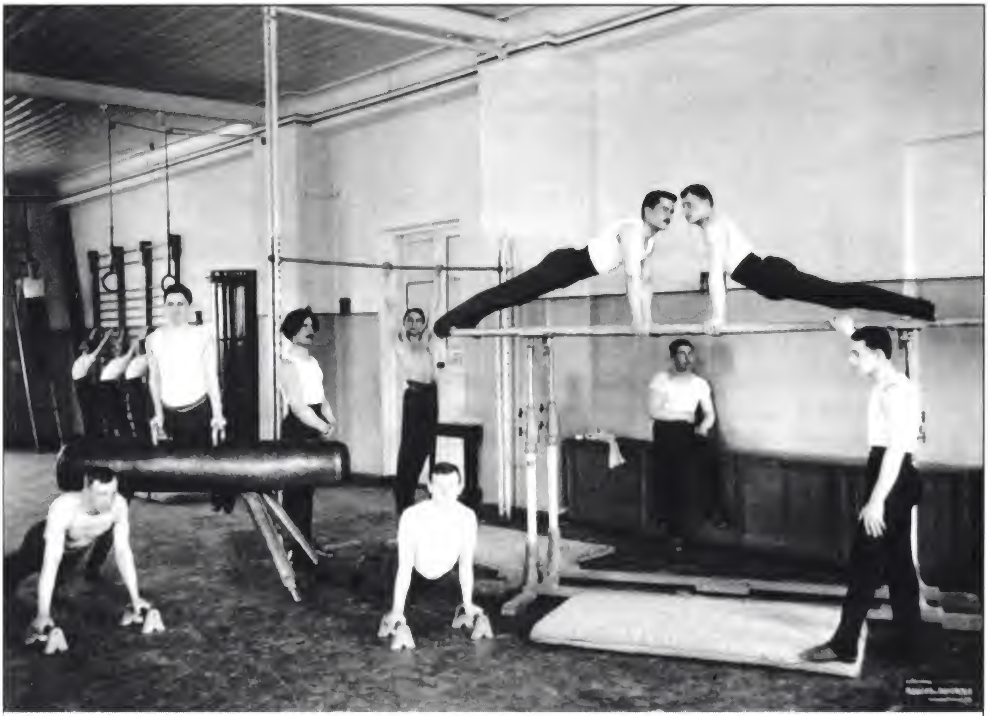
5) Советская комиссия Университета Св. Владимира по соглашению с Правлением кружка избирает одного из профессоров Университета для исполнения обязанностей куратора кружка.

Примеч*ание.* Все г*оспода* профессора Университета, желающие принимать участие в занятиях кружка — считаются почетными членами и правом голоса не пользуются.

6) В первом осеннем заседании кружка ежегодно избираются закрытой баллотировкой простым большинством голосов члены Правления кружка.

Правление состоит из председателя, его товарища, секретаря, казначея и четырех преподавателей (легкой атлетики, борьбы, гимнастики и фехтования).

7) Правление кружка имеет право приглашать частных преподавателей, которые не пользуются правом голоса.



Спортивний гурток Університету. Гімнастика. 1913 р.

8) Занятия происходят во внелекционные часы по расписанию, составленному в первом осеннем заседании кружка, утвержденному г. Ректором.

9) Члены кружка вносят по 30 коп., ежемесячно. Преподаватели освобождаются от взноса, равно как и члены правления.

Примеч*ание.* Частные пожертвования, как деньгами, так и снарядами, книгами и т.п. принимаются с благодарностью.

10) Правление кружка сообщает отчет прихода и расхода сумм кружка каждые 1/2 года в общем административном заседании г*оспод* членов кружка.

11) Кружок имеет право приобретать снаряды для физических упражнений, выписывать журналы и сочинения, касающиеся спорта и всех видов физических упражнений.

12) При закрытии кружка имущество его, по постановлению общего собрания членов, продается и вырученная сумма делится между всеми членами кружка по процентной раскладке произведенных взносов — или передается какому-либо учреждению в г. Киеве.

Примечания к Уставу специально на 1905-1906 год

В виду того, что в текущем году закрыто Киевское Атлетическое Гимнастическое Об*щест*во, кружку предоставляются, благодаря любезности президента Об*щест*ва д-ра Евг. Феод. Гарнич-Гарницкого, — все снаряды, весь инвентарь Общества в пользование кружка на 1 год безвозмездно, с тем одним условием, чтобы Правление Университета доставило швейцару Общества, служившему 10 лет, опытному и умелому хранителю снарядов, — аналогичное место при кружке [...]

№4
Доклад Комиссии, назначенной Советом Университета св. Владимира для рассмотрения вопроса о введении физических упражнений для студентов того же Университета

Означенная Комиссия, избрананная в заседании совета Университета Св. Владимира 20 декабря 1904 года в составе из профессоров: Орлова, Томашевского, Армашевского, Северцева, Кнауэра, Бубнова и Эйхельмана под председательством профессора Оболонского продолжительное время не приступала к рассмотрению порученного ей дела в виду обстоятельств последнего времени, сильно тревоживших внутреннюю жизнь Университета, но в сентябре месяце истекшего 1905 г. она прежде всего ознакомилась с возникшим делом о введении физических упражнений для господ студентов Университета Св. Владимира, а затем решив принципиальный вопрос о желательности введения физических упражнений для студентов, приступила к разработке плана по постройке гимнастического зала.

Из дела Совета Университета Св. Владимира за № 176 видно, что в 1901 году по возбужденному проф. Оболонским вопросу о введении для студентов физических упражнений Медицинский факультет назначил для разработки его Комиссию под председательством проф. Морозова из членов профессоров Оболонского, Павловского и Орлова, и эта комиссия пришла к следующему заключению: «Устройство в Университете Св. Владимира помещения для физических упражнений студентов, в часы свободные от лекций и занятий в Университете не только желательно, но и прямо необходимо для учащейся молодежи, в силу, конечно, тех общеизвестных соображений, что физическое благосостояние организма должно идти рука об руку с умственным развитием его, особенно при той степени высокого умственного напряжения, какое требуется в настоящее время при прохождении обширного курса университетских наук. Необходимость подобных физических упражнений давно уже сознана во многих заграничных учреждениях этого рода например, в Париже существуют образцовые гимнастические помещения при Lycée Carnot (бывшей Ecole Mouge) и Lycée Lonsou de Lailly, снабженныя всеми приспособлениями для телесных упражнений (игр и гимнастики) в Берлине организованы курсы игр, которые ведутся под руководством лучших специалистов по немецкой гимнастике, устраиваются выставки спорта, игр и гимнастики, тогда как у нас еще почти ничего не сделано в этом отношении. Устройство подобного гимнастического помещения для физических упражнений студентов в нашем университете, в течение зимнего времени, потребовало бы сравнительно небольших затрат, помещение для этого могло бы быть отведено или в одном из зданий Университета (например, приспособив для этого часть каменного сарая, прилегающего к помещению Канцелярии Медицинского факультета) или даже заново устроено в виде небольшого здания, тогда как на летнее и весеннее время с этою целью гимнастические упражнения (подвижные игры на открытом воздухе и проч.) могли бы быть устроены в ботаническом саду, без всяких почти затрат. Какого рода гимнастические упражнения и какие именно подвижные игры и другие виды спорта могли бы быть рекомендованы в данном случае — это принадлежит уже дальнейшей разработке намеченного вопроса, так как само собою понятно, что имея уже готовое помещение для подобных упражнений и отведенное место для игр в саду, не трудно организовать и самые эти упражнения, сделав соответственный из них выбор». Медицинский факультет в заседании 25 апреля 1901 г., соглашаясь с мнением Комиссии, определил ходатайствовать о введении физических упражнений для студентов Уни-

Спортивний гурток студентів Університету. Боротьба. 1913 р.

верситета Св. Владимира и о перестройке для этой цели каменного сарая, прилегающего к Канцелярии Медицинского факультета. Совет Университета 29 мая того же 1901 г., заслушав это ходатайство, определил для выработки детального проекта составить Комиссию из профессоров: Сикорского, Оболонского, Орлова, Лауденбаха, Шиллера, Навашина и архитектора Университета Эссена. К сожалению, члены Комиссии о таком постановлении Совета извещены не были и дело осталось при Канцелярии Совета.

Постановлением Медицинского Факультета от 3 декабря 1904 г. вопрос о введении физических упражнений для студентов вновь был возбужден и Советом Университета от 20 декабря того же года была избрана вышеупомянутая Комиссия для дальнейшей разработки его.

Комиссия, обсудив вопрос принципиально о введении физических упражнений для студенчества, высказывается согласно с мнением Медицинского Факультета за желательность учреждения таковом и за неотложность устройства специального помещения для физических упражнений.

Что же касается постройки для физических упражнений помещения, то проф. С.П. Томашевский представил проект нового здания, любезно составленный инженером Голубятниковым, а проф. П.Я. Армашевский проект перестройки каменного сарая в южном дворе Университета, любезно составленный инженером Обремским.

Новое здание по проекту инженера Голубятникова предположено построить по Владимирской ул., между южными воротами и Караваевской ул. Это здание вполне удовлетворило бы не только заданиям по введению физических упражнений для студентов, но для последних нашлось бы помещение для устройства читален, а гимнастический зал мог бы обслуживать и др. цели, например быть приспособленным для публичных лекций и пр.

Однако стоимость такой постройки довольно высока, а именно от 40 до 50 тыс.

Второй проект — инженера Обремского значительно более скромный, но более доступный к осуществлению его по стоимости от 12 до 13 т*ыс.*

Гимнастический зал тут также может быть утилизирован для публичных лекций и пр., а если одну из двух [...] превратить в комнату, то она может быть приспособлена для студенческой читальни или для буфета.

В виду всего вышеизложенного, Комиссия приходит к заключению о желательности перестройки каменного сарая по проекту, представленному проф. П.Я. Армашевским.

Неудобство превращения этого здания в гимнастический зал, в виду того, что тут помещаются: конюшни, каретный сарай, склад для сена, овса, негодных вещей, предназначенных к продаже с публичного торга, помещения для дров имеющих при Университете квартир и пр. легко устранимо постройкою деревянных помещений стоимостью в 3-4 т*ыс.*

Оборудование для физических упражнений, как гимнастического зала, так и для введения подвижных игр, по проекту, представленному проф. С.П. Томашевским, обойдется до 1000 руб.

Итак, всего расходов на постройку помещения для физических упражнений и на оборудование его потребуется от 15 до 17 тысяч руб.

Председатель Н. Оболонский (*підпис*)
Члены Коммиссии (*підписи*)

ДАК, ф. 16, оп. 343, спр. 182, арк. 1-22.

Ректор Микола Цитович серед викладачів і студентів університету — членів спортивного гуртка. 1913 р.

Встановлення нових іменних стипендій та премій для заохочення студентів Університету св. Володимира
Січень-лютий 1917 року

№ 1
Стипендія імені великого князя Миколи Миколайовича

Повідомлення князя В. Орлова ректору Миколі Цитовичу.
25 лютого 1917 року

25 февраля 1917 г.
г. Тифлис
№ 6234

Его Превосходительству
Н.М. Цитовичу

Милостивый Государь,
Николай Мартинианович.

Управляющий Министерством Народного Просвещения уведомил меня, что Правление Университета Св. Владимира возбудило ходатайство о присвоении имени Великого Князя Николая Николаевича, как бывшего Верховного Главнокомандующего, стипендии, учреждаемой на счет капитала, ассигнованного Волынским Губернским Земством для наиболее достойных студентов названного Университета — уроженцев Волынской губернии, и просил представить о вышеизложенном предположении Университета на благовоззрение Великого Князя.

По докладе о сем Августейшему Наместнику, Его Императорское высочество изволил выразить согласие на присвоение Его Августейшего имени названной стипендии, если на то воспоследствует Высочайшее Государя Императора соизволение, о чем одновременно с сим сообщено Тайному Советнику Кульчицкому.

Вместе с сим, Великий Князь Наместник, будучи искренно тронут желанием Императорского Университета Св. Владимира закрепить в памяти его питомцев эпоху боевых трудов доблестных русских армий под Верховным Командованием Его Императорского Высочества, изволил поручить мне передать, в лице Вашего Превосходительства, Правлению Университета Его сердечную благодарность.

О таковом поручении Его Императорского Высочества, сообщая Вашему Превосходительству, прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном моем уважении и искренней преданности.

В. Орлов (*підпис*)

Настоящее письмо препровождается в канцелярию Попечителя Киевского Учебного Округа в дополнение к представлению Правления Университета Св. Владимира от 15 сентября 1915 г. за № 5028 марта 13 дня 1917 года № 1918.

Ректор Н. Цытович (*підпис*)
Секретарь Правления (*підпис*)

ЦДІАК, ф. 707, оп. 85, спр. 7, арк. 10-11.

№ 2
Премія імені Володимира Науменка

Науменко Володимир Павлович (1852-1919) — педагог, філолог, історик, громадський та освітній діяч.

Народився 7 (19) липня 1852 р. в м.Новгород-Сіверському. Навчався в Новгород-Сіверській та Другій Київській гімназіях. 1868 року вступив вільнослухачем до Університету св. Володимира; перша прослухана лекція — М.П. Драгоманова. З юних років листувався з Михайлом Максимовичем; товаришував з Олександром Русовим; познайомився з Миколою Костомаровим. У 1869-1873 рр. навчався на історично-філологічному факультеті Університету св. Володимира.

З 1873 р. по 1903 р. викладає словесність у Другій київській гімназії; здобуває опінію кращого викладача словесності в місті. Паралельно викладав у Київській міністерській гімназії (1873-1894), Колегії Павла Галагана (1880-1882), Фундуклеївській жіночій гімназії (з 1889), Володимирському кадетському корпусі (з 1893 р.).

Нагороджений орденами св. Володимира IV ступеня, св. Анни II і III ст., св. Станіслава II і III ст., срібною медаллю в пам'ять Олександра III. Дійсний статський радник. З 1875 р. — член, скарбник Старої Громади. Редагував матеріали, які передавалися М. Драгоманову для друку за кордоном; активний учасник «словникової групи» (складання словника української мови — вийшов за ред. Б. Грінченка). Підготував підручник з граматики української мови (1889). Один з засновників і авторів (близько 130 публікацій) «Киевской старины», головний редактор (1893-1906) і видавець; головний редактор «України» (1907). З 1906 р. — член київської «Просвіти» і член київського ЦК Конституційно-демократичної партії (Партії народної свободи), редактор газети «Свобода і право» (1906). 1906 року — заступник голови, а в 1914-1917 рр. голова Українського наукового товариства у Києві; 1913 р. подарував УНТ свою бібліотеку. З 1897 р. очолює відроджене Київське товариство грамотності, засновує Музей наочних посібників (згодом — Педагогічний музей). Невтомний опікун могили Тараса Шевченка в Каневі: 28 січня 1902 р. офіційно викупив ділянку землі з могилою. У 1905-1914 рр. — засновник і директор приватної гімназії в Києві.

4 (17) березня 1917 р. обраний заступником голови Центральної Ради. Перебував на цій посаді до 6 (19) квітня. Виступав за помірковану й послідовну українізацію всіх типів школи, за створення спеціальних курсів для вчителів. 10 квітня 1917р. — помічник попечителя Київського учбового округу Миколи Василенка, з 24 серпня — попечитель. У грудні 1917 р. — член-засновник Української федеративно-демократичної партії (УФДП). 28 листопада 1917 р. через незгоду з міністром І. Стешенком подав у відставку. Займався науковою працею, писав спогади, впорядковував архів. З липня 1918 р. член Ради міністра освіти та мистецтв гетьманського уряду; з 15 листопада — міністр освіти кабінету С. Гербеля; того ж дня була розстріляна демонстрація студентів. 16 листопада виступив з офіційним протестом щодо дій військової влади. 19 листопада опротестував залучення учнів шкіл до військових дружин. Член комісії по заснуванню Української Академії наук.

Заарештований 7 липня 1919 р., під час обшуку були відібрані листи і документи. 8 липня «Профессиональный учительский союз», а 9 липня Президія Української Академії наук (В. Вернадський, А. Кримський) підняла клопотання перед ВУЧК про звільнення Науменка. Науменка звинуватили в участі в гетьманському уряді, на допиті він не визнав вини, зазначивши, що його ставлення до радянської влади «негативне, але лояльне». 8 липня колегія ВУЧК на чолі з М. Лацісом ухвалила: «Расстрелять, приговор привести в исполнение в 24 часа». Вирок виконано 8/9 липня 1919 р. Реабілітований 13 грудня 1991 р.

Основні праці: «Обзор фонетических особенностей малорусского языка» (1889), «Слово о полку Игореве» как памятник дружинной поэзии» (1895), «Хронографы южнорусской редакции» (1885), «К литературной истории рождественских и пасхальных вирш» (1888), «Происхождение «Думы о С. Кошке», «До історії указу про заборону українського письменства» (1907), «Новелла Бокаччио в южнорусском стихотворном пересказе 17-18 вв.» (1885), «Памяти В.Л. Бернштама» (1906), «К истории могилы Т.Г. Шевченко» (1902), «К рисунку Шевченка» (1890), «К вопросу о научном издании «Кобзаря» Т.Г. Шевченко» (1892), «Памяти В.С. Гнилосырова» (1901), «Приведение в порядок могилы Т.Г. Шевченко» (1906), «Націоналізація школи в Україні» (1917), «Загальні принципи українського правопису» (1917), «Стихи Максимовича на смерть Т.Г. Шевченко» (1896), «Як нетреба викладати історію української культури» (1918), «Руководство для изучения украинского языка в рус-

ских школах» (1918), «Нові матеріали для історії початків української літератури XIX віку» (1924), «Уривок із поеми невідомого автора про Кочубея (1828 р.)» (1928).

Архів: НБУ. ІР, ф.208; Архів СБУ. № 239, арх.№ 68428ФП; Київський літературно-меморіальний музей Максима Рильського; ЦДІАК, ф.707, оп.300, спр.105 (формулярний список); *Палієнко М.* Документи особового походження Володимира Науменка як історичне джерело // Архівознавсто. Археографія. Джерелознавство. К., 1999. С.191-197.

Література: Некрологи // Книжний вісник. 1919. №2; Україна. 1924. Кн.3; *Житецький І.П.* В.П. Науменко. Некролог // НБУ. ІР, ф.86, спр.14; *Ільєнко І.* Володимир Науменко (1852-1919) // Літ. Україна. 1992. 6 серп.; *Ільєнко І.* «Приговор привести в исполнение в 24 часа» // Літ. Україна. 1992. 13 серп.; *Джеджула Ю., Панкова Є.* Жодної вільної хвилини... Портрет Володимира Науменка // Київська старовина. 1994. №1. С.60-69; *Рибалко О.А.* УАН в обороні діячів культури (1919-1920) // Слово і час. 1990. №12. С.76-80; *Усенко І.* «Співробітник з окремим дорученням» // Вісник НАН України. 1994. №5. С.79-83; *Василенко М.* Володимир Павлович Науменко як редактор «Киевской старины» // Там само. С.84-93; *Верстюк В., Осташко Т.* Діячі Української Центральної Ради: Біограф. довідник. К., 1998. С.134-135; *Поліщук М.* Педагог, журналіст, громадський діяч // Народ. газета. 1994. №28 (159); *Палієнко М.* Повернення із забуття: Портрет вченого, журналіста, видавця Володимира Науменка. К., 1998

Повідомлення правління Університету св. Володимира попечителю Київського учбового округу. 14 січня 1917 року

14 января 1917 года — Его Превосходительству
№ 197 — Господину Попечителю Киевского Учебного Округа

Председатель Общества Содействия Среднему Образованию в Киеве действительный статский советник Г.Е. Афанасьев внес в депозит Правления Университета Св. Владимира капитал, заключающийся в облигациях 5,5 % военного займа на номинальную сумму 2800 руб. и в наличных деньгах 23 р. 05 к., а всего на сумму 2823 руб. 05 к., для учреждения при названном Университете на историко-филологическом факультете премии имени В.П. Науменко.

Донося об изложенном, Правление Университета имеет честь представить при сем на утверждение Вашего Превосходительства проект положения о названной премии.

И. о. Ректора (*підпис*)
Секретарь Правления (*підпис*)

Положение о премии имени Владимира Павловича Науменко за сочинения студентов историко-филологического факультета Университета Св. Владимира

1. На проценты с капитала в две тысячи восемьсот руб. (2800 р.), пожертвованного Обществом Содействия Среднему Образованию в Киеве Университету Св. Владимира, учреждается при названном Университете премия имени Владимира Павловича Науменко.

2. Означенный капитал, заключающийся в облигациях 5,5 % военного займа, составляет собственность Университета и хранится в Киевском Губернском Казначействе в числе специальных средств Университета, оставаясь навсегда неприкосновенным.

3. Премия выдается через каждые два года целиком, без раздробления ее на части и заключается в процентах с капитала, накопившихся за это время.

4. Премия выдается за лучшие сочинения студентов по истории южной России и по истории южно-русской литературы.

5. Конкурс на получение премии назначается раз в два года распоряжением историко-филологического факультета, коим избирается и тема предстоящей работы.

6. Назначение темы по истории южной России или истории литературы, в пределах § 4-го, происходит поочередно, раз по истории Южной России, раз по истории литературы.

7. Рассмотрение представляемых на конкурс сочинений и присуждение премии за лучшее из них производится распоряжением историко-филологического факультета.

8. Если бы премия не была присуждена или потому, что сочинений на заданную тему не было представлено, или же между представленными не оказалось достойных премирования, или же по иным причинам, то на следующий срок конкурса назначаются не одна, а две премии.

И.о. Ректора (*підпис*)
Секретарь Правления (*підпис*)

ЦДІАК, ф. 707, оп. 85, спр. 7, арк. 3; публ.: Универститетские известия. 1917. №1/2.

№ 3
Стипендія імені Г. Штільмана

На основании примеч. 1 к ст. 398 т. XI ч. С*вода* Зак*онов*, изд. 1896 г.
Утверждаю.
15 июня 1917 года.

За Попечителя Округа (*підпис*).

Положение о стипендии Г.Н. Штильмана при Университете Св. Владимира

1. На проценты с капитала в шесть тысяч (6000 р.), внесенного Кларой Моисеевной Рейнгерц, учреждается на юридическом факультете Университета Св. Владимира одна стипендия имени Г.Н. Штильмана.

2. Стипендиальный капитал, заключающийся в облигациях 5,5 % военного краткосрочного займа 2 выпуска 1916 года, составляет собственность Университета Св. Владимира и хранится в Киевском Губернском Казначействе, оставаясь всегда неприкосновенным фондом для означенной стипендии.

3. Размер стипендии определяется количеством ежегодно получаемых процентов с капитала.

4. Стипендиатами имени Г.Н. Штильмана могут быть студенты юридического факультета иудейского исповедания.

5. Назначение стипендии производится Правлением Университета, на основании утвержденных Министром Народного Просвещения общих правил о стипендиях.

6. Могущие по каким либо причинам образоваться остатки от стипендии должны быть причислены к основному капиталу для увеличения размера стипендии.

7. Пользование стипендией имени Штильмана не налагает на стипендиатов никаких обязательств.

Правитель Канцелярии (*підпис*)
И. о. Столоначальника (*підпис*)
С подлинным верно:
Секретарь Правления Митрохин

Университетские известия. 1917. № 1/2.

Справа про перлюстрований лист студента Михайла Кравцова з характеристикою Університету св. Володимира. 1914 року

№1
Донесення начальника Туркестанської охранки в департамент поліції. 27 вересня 1914 року

27 сентября 1914 г. Совершенно секретно
№ 10481 В департамент полиции

Представляя при сем копию совершенно секретного документа, добытого агентурным путем, на имя Марии Евстафиевны Бондаренко, доношу, что разработка документа будет представлена дополнительно.

Начальнику Киевского Губернского Жандармского Управления
сообщено сего числа за № 10482
Подлин*ное* подписал: Подполковник (*підпис*)
Верно: Ротмистр Барон Фиркс (*підпис*)

№2
Текст перлюстрованого листа від 16 вересня 1914 року

№ 10482
Киев 16-9-14. город Ташкент, Гавриловский переулок, дом №6.
Ее В*ысокоблагородию*
Марии Евстафиевне г*оспо*же Бондаренко

Дорогая тетя..... печалит меня то, что я поступил в Киевский университет, совершенно не зная того, что он из себя представляет. Мне приходилось слышать, что это университет интернациональный, гнездо академизма и вообще резервуар всей той мерзости, которую может из себя выделить студенчество. Первое, что я увидел, посетив после своего приезда университет, был городовой; я не придал этому большого значения, так как знал, что один из параграфов университетской автономии гласит, что без разрешения ректора полиция в университет являться не может; и блюстителя порядка объяснил какой-либо случайностью; каковое же было мое изумление, когда в нескольких шагах увидел другого городового, в перспективе третьего и т.д., одним словом, куда ни обращал свой взор, везде был поставлен в необходимость лицезреть этих охраняющих «спокойствие» университета драсактов, которые даже живут в университете, будучи подчинены непосредственно проректору... Университет не храм науки, а какой-нибудь смирительный дом, в котором главное внимание обращается не на духовное и умственное развитие, а на искоренение чего-то, в действительности несуществующего, на поддержание спокойствия при помощи грубой физической силы, а не здравого смысла и на насаждение того, что признается безусловно необходимым и полезным для парализования деятельности всех тех, кто официально считается принадлежащим не к прославленным «патриотическим» организациям. Этим противовесом является академизм и весьма популярная здесь «патриотическая» организация под рубрикой «Двухглавый орел». Плоды деятельности этих обществ ясно сказываются в том растлении, следы которого носит на себе все местное студенчество. У него нет ничего общего, спаивающего между собой держащиеся

обособленно группы отдельных национальностей, обилие которых действительно бросается в глаза. Русские, поляки, армяне, евреи... все это живет обособленной жизнью, не имея понятия об общестуденческой семье, о чувстве товарищества и т.п. ... и на общем фоне этой студенческой неразберихи гордо возвышаются наглые и довольно многочисленные фигуры академистов и двухглавовцев, которые, к несчастью, все русские. Вот панорама университета и если к сказанному прибавить, что больше половины профессоров союзники и почти все чиновники, а не мужи науки, то получится вполне правильное представление об Университете Св. Владимира. Мне та панорама очень не нравится и поэтому я думаю при первой же возможности искать спасение в бегстве в Петроград, тем более, что туда направилось большинство моих товарищей по гимназии, в то время, как здесь из них только один... Как ученье Гали и Тани? Отразились ли на жизни вашего города текущие события? Здесь все спокойно и иногда кажется странным, что при такой близости к границе население совсем не придается волнению; но с другой стороны, это спокойствие и понятно, ибо близость к такой границе, как австро-венгерская, мало опасна, что блестяще подтверждено опытом... Привет дяде, Гале, и Тане. Ваш племянник М. Кр.....

Мой адрес: Киев, Мало-Подвальная, 25, кв. 1.

№3
Довідка про мешканців будинку, де перебуває автор листа

Квартиру № 1, дома № 25 по Мало-Подвальной улице, занимает с 1902 года вдова купца Анна Филипповна Попова, 44 лет; при ней проживают: две дочери-девицы 20 и 25 лет, сын 16 лет, гимназист 2-й Киевской гимназии, некий Антон Кадьенард 64 лет и прислуга.

В квартире № 2 того же дома, видимо, совместной с квартирой № 1, проживают: прибывшие в августе и сентябре сего года из гор*ода* Новочеркасска студенты Киевского Университета: Кравцов Михаил Иосифов, 19 лет, сын бухгалтера Донского областного Акцизного Управления; Мелбаков Сергей Анатолиевич, 20 лет и Томасевич Иван Симеонович, 20 лет; прибывший в июле 1913 года из Никольской слободки сапожник Герасим Михайлов Кривоногий, 64 лет и с 26 сентября конторщик Дементий Антонович Ткаченко, 20 лет.

Кроме того, по несколько дней в минувшем сентябре в этой квартире проживали: прибывший из Новочеркасска студент Киевского университета Владимир Геннадиев Горшков, 23 лет, (выбыл на Тарасовскую 14, кв. 1) и прибывший из Екатеринодара студент Университета Яков Викторович Никитин (выбыл на Фундуклеевскую 27).

Автором документа из Киева в Ташкент несомненно является прибывший из Новочеркасска студент Киевского Университета Михаил Иосифов Кравцов.

№4
Довідка для департамента поліції про Михайла Кравцова

№ 50992
11 октября 1914 года

Директору департамента полиции
По 9 Делопроизводству
Совершенно секретно

В дополнение к представлению Начальника Туркестанского Районного Охранного Отделения от 27 минувшего сентября за № 10481, доношу Вашему Превосходительству, что автором совершенно-секретного сведения за № 10482 «М.Кр...» — является студент первого курса Киевского Университета, сын бухгалтера Донского

Областного Акцизного Управления Михаил Иосифов Кравцов, 19 лет, прибывший из г. Новочеркасска 22 августа сего года и поселившийся в Киеве в доме № 25, кв. 2 (совместная с квартирой №1), по Мало-Подвальной улице. Кравцов ранее по делам Управления не проходил.

Остальные упоминаемые в сведении лица Управлению не известны.

Копии сего донесения одновременно с сим препровождаются Начальникам: Туркестанского Районного Охранного Отделения и Донского Областного Жандармского Управления. Подлинное подписал: Полковник Шредель.

С подлинным верно:
Коллежский регистратор А. Зайцев (*підпис*)

№5
Інформація про адресата Марію Бондаренко

28 октября 1914 г.
№ 10555

Совершенно Секретно
В департамент полиции
По 9 Делопроизводству

В дополнение представления моего 27-го сентября сего года за № 10481, доношу, что адресатом совершенно секретного документа является Мария Евстафьевна Бондаренко, 21-го года, жена потомственного почетного гражданина Ивана Семенова Бондаренко, проживающая в городе Ташкенте в Гавриловском переулке, д*ом* № 6.

Автором документа является, по-видимому, Марии Бондаренко племянник — Михаил Иосифов Кравцов, студент Киевского Университета.

Бондаренко и Кравцов по делам вверенного мне Районного Охранного Отделения не проходили.

Начальнику Киевского Губернского Жандармского Управления сообщено сего числа за № 10536.

Подлинн*ое* подписал Подполковник Кублицкий.
Верно: Ротмистр Барон Фиркс (*підпис*)

ЦДІАК, ф. 274, оп. 5, спр. 23, арк. 202-208.

Листівка із зображенням фасаду Університету св. Володимира. Початок XX ст.

Справа студента єврея-вихреста Йосифа Шлякмана
27 січня — 20 лютого 1914 року

№1
Клопотання Йосифа Шлякмана попечителю Київського учбового округу. 27 січня 1914 року

Его Высокопревосходительству
Господину попечителю
Киевского
Учебного Округа

Студента 2-го курса
медицинского факультета
Киевского Университета
Иосифа Иоилевича
Шлякмана

ПРОШЕНИЕ

В 1910 году я окончил Каменец-Подольскую Казенную гимназию.

Получил я аттестат зрелости с отметкой в среднем -4 5/11.-

В том же году я подал прошение о приеме в Киевский Университет, но не был зачислен, так как в том году в Университет были приняты абитуриенты с аттестатами -4 6/11.-

По той же причине я не был принят в Университет и в 1911 году.

В 1912 году Киевский Университет зачислял в студенты евреев с аттестатами -4 5/11, т.е. с такой же отметкой, какая имелась у меня, и у меня была возможность поступить в Университет даже в качестве еврея.

К тому времени меня этот вопрос уже не интересовал, так как в том же 1912 году я принял христианство в г. Гельсинфорс у пастора Пирра и в Университет был принят как христианин.

Ныне в Киевском Университете получен циркуляр г. Министра Народного Просвещения, предписывающий г. Ректору предложить всем евреям, крещенным пастором Пиррой, подавать прошения об увольнении.

Во исполнение этого циркуляра я подал прошение об увольнении меня.

Я осмеливаюсь просить Ваше превосходительство обратить внимание на особенности моего положения: я разъяснен, как христианин, ибо, согласно циркуляра, я при зачислении правами христианина пользоваться не мог.

Не приобретая по крещению прав христианина, я не мог потерять права еврея, а евреи тогда зачислялись с такими же аттестатами, как у меня.

В результате из Университета я выброшен и к тому же должен поступить на военную службу.

Верю и надеюсь, что по смыслу означенного циркуляра г. Министр не имел в виду умалить имевшиеся у меня, в момент поступления в Университет, права только потому, что я принял Св. Крещение.

Обращаясь к Вашему Превосходительству и прошу пощадить мои труды и время, затраченные мною на то, чтобы довести до конца мечту, какую с детства лелеял, — мечту сделаться врачом и работать на ниве, которая меня

вскормила, чем дать мне возможность не остаться в долгу перед дорогой мне Родиной.

Просит о спасении Иосиф Шлякман (*підпис*)
1914 года января 27 дня

№2
Секретна інформація ректора Університету св. Володимира про Й. Шлякмана, подана попечителю. 12 лютого 1914 року

12 февраля 1914 г.
№ 62

Спешно. Секретно.
Его Превосходительству
Господину Попечителю
Киевского Учебного Округа

В исполнение секретного предложения от 4 сего февраля за № 41, с возвращением прошения бывшего студента университета св. Владимира Иосифа Иоилевича Шлякмана честь имею донести Вашему Превосходительству, что Шлякман по окончании курса в Каменец-Подольской гимназии в июне 1910 года в августе того же года подал прошение о приеме его в студенты сего университета, но, как имеющий средний бал в аттестате зрелости 4 5/11, в процентную норму, установленную для приема в студенты лиц иудейского вероисповедания, в том году войти не мог, так как последний из зачисленных имел средний бал 4 6/11, в виду чего ему в приеме было отказано; по той же причине Шлякман не был принят в студенты и в 1911 году. В 1912 году Шлякман в сентябре был зачислен в студенты медицинского факультета, как принявший лютеранство, в удостоверение чего он представил свидетельство, выданное пастором Пирром в гор. Гельсингфорс 17/4 июня 1912 года за № 153, а в январе сего года, согласно циркулярному предложению Вашего Превосходительства от 11 января текущего года за № 1026/119, из числа студентов сего университета уволен.

В 1912 году вошли в процентную норму и зачислены в студенты лица иудейского вероисповедания, имевшие в аттестате зрелости средний бал 4 4/11.

Ректор М. Цытович (*підпис*)
Секретарь по студенческим делам (*підпис*)

№3
Повідомлення Йосифу Шлякману від попечителя. 20 лютого 1914 року

20 февраля 1914 года
№ 6899/1017

Иосифу Шлякману

Уведомляю Вас, Милостивый Государь, что, как лицо иудейского исповедания, вы можете быть приняты с начала будущего учебного года в университет Св. Владимира на общих основаниях.

Попечитель Округа (*підпис*)
Правитель Канцелярии (*підпис*)

ЦДІАК, ф.707, оп.82, спр. 48, арк. 9-14

Справа студента Мойсея Златопольського, який безпідставно звинуватив у корупції адміністрацію Університету св. Володимира
Жовтень 1914 року — березень 1915 року

№1
Перлюстрований лист Мойсея Златопольського до матері

Копия

Дорогая мама.

Выдержал все экзамены, но без неприятности не обошлось. Когда я после экзаменов прихожу к декану с просьбой подписать лекционный лист, он мне заявляет, что несмотря на то, что зимой он мне разрешил заниматься, он теперь к сожалению этого сделать не может, так как все бумаги всех студентов были затребованы в канцелярию по студенческим делам для проверки, так как опасались ревизии в связи с приездом Кассо на открытие памятника, и на моих бумагах есть надпись: пусть студент обратится на имя Министра. Я опешил. Что делать? С кем посоветоваться. Но вот я случайно узнал, что есть один еврей, его имя Абе Дегтерову, и посредством его есть возможность давать денег, ибо он глава канцелярии. Мне это дело стало известно от сына доктора Полонского, окончившего гимназию Науменко в этом году и благодаря помощи этого еврея поступил в Университет. Я немедленно пошел к нему, ждал его 3 часа и наконец дождался, он сказал, что он поговорит и на следующий день мне сказал ответ. Я пришел на следующий день, и он мне сказал, что он говорил с Дегтяровым, и он согласился на 300 руб., а еврей желает для себя 50 руб. И что же мне было делать, я согласился. И в тот же день была сделана надпись на моих бумагах «так как выяснилось, что студент Златопольский получил от декана разрешение зимой продолжать свои занятия и восполнить свои пробелы, то канцелярия по студенческим делам не находит препятствий к принятию лекционного листа вышеупомянутого студента». С этим я пошел к декану, и он без разговоров подписал лекционный лист, который я для В*ашего* спокойствия прилагаю к сему письму и по прочтении прошу отослать обратно, но дело в том, что я еще не уплатил вышеупомянутой суммы 350 руб., а потому прошу перевести немедленно по телеграфу, так как с Абелем мы уговорились о немедленной уплате.

В*аш* Мося.

№2
Пояснення ректора Університету св. Володимира. 16 жовтня 1914 року

Октября 16 дня 1914 г.
№ 15

Его Превосходительству
Господину Попечителю
Киевского Учебного Округа

Имею честь донести Вашему Превосходительству, что по поводу переданного мне Вами письма студента Моисея Златопольского к его матери мною было произведено расследование, из которого выяснилось нижеследующее.

Студент Моисей Златопольский состоит на Историко-Филологическом Факультете. Декан названного факультета, профессор Н.М. Бубнов, на мой запрос ответил, что весною 1913 года он действительно заявил Златопольскому, что он не может быть допущен к экзаменам как не сдавший установленного minimum'а и предложил ему подать прошение на имя господина Министра Народного Просвещения о разрешении дальнейшего пребывания в Университете, но затем пришел к заключению, что согласно правилам 26 августа 1911 года Златопольский не подлежит увольнению, и допустил его к экзаменам. Но к такому заключению профессор Бубнов пришел совершенно самостоятельно, а не на основании решения канцелярии по студенческим делам, в которую дело Златопольского вовсе не поступало. Профессор Бубнов заявляет также, что он никогда не говорил Златопольскому, что его дело вместе с другими студенческими делами поступит в канцелярию по студенческим делам. С своей стороны я могу добавить, что дела о записи студентов на лекции и о допущении к экзаменам всецело относятся к компетенции факультетов и совершенно не подлежат ведению канцелярии по студенческим делам, в виду чего, во-первых, канцелярия по студенческим делам не могла требовать названных дел от факультетов для просмотра, и, во-вторых, резолюция канцелярии по студенческим делам подобная той, которая приведена в письме Златопольского, является совершенно невозможной.

Что касается затем упоминаемого в письме Полонского, который будто бы поступил в Университет через посредство какого-то Абеля, заручившегося содействием секретаря по студенческим делам Дехтярева, то по наведенным мною справкам в Университете имеется два студента-еврея с этой фамилией. Один из них Мордко Полонский, окончивший Елисаветпольскую гимназию и зачисленный в студенты 25 августа текущего года по жеребьевке, и другой Лев Полонский, сын врача, окончивший гимназию Науменко, зачисленный в 1913 году. Последний принял евангелическо-лютеранское вероисповедание в городе Киеве в июле 1913 года и, как христианин, мог быть зачислен без жеребьевки. Документы обоих Полонских в полном порядке и потому ни в каком незаконном содействии для допущения Мордко Полонского к жеребьевке и для зачисления Льва Полонского не встречалось надобности.

Вообще же целью письма Златопольского, по моему мнению, является желание выманить от матери деньги. Ради этой цели он не постеснялся оговорить Дехтярева, которого я считаю, напротив, человеком вполне надежным и неподкупным. Свою неподкупность И.П. Дехтярев неоднократно засвидетельствовал, представляя своему непосредственному начальству деньги, которые ему предлагались в виде взятки различными лицами. Один из этих случаев доведен и до сведения Вашего Превосходительства.

При сем прилагаю переданное мне Вашим Превосходительством письмо Златопольского и копию ответа Декана Историко-Филологического Факультета на мой запрос.

Ректор Н.М. Цытович (*підпис*)
За Секретаря Совета (*підпис*)

№3
Пояснення декана історично-філологічного факультету. 8 жовтня 1914 року

Декан Историко-Филологического Факультета Императорского Университета — Секретно

Его Превосходительству

св. Владимира
г. Киев
8 октября 1914 г.
№ 277

Господину Ректору Университета
Св. Владимира

В ответ на запрос Вашего Превосходительства от 7 октября за № 13 (секретно) имею честь сообщить, что:

1. Факт сначала отказа, а потом разрешения мною студенту Моисею Златопольскому записаться на лекции действительно имел место весною 1913 года. Мой отказ был мотивирован тем, что весной 1913 года имел уже четвертый семестр пребывания его в Университете на филологическом факультете, а у Златопольского была в то время всего лишь одна отметка (полученная им в декабре 1912 г.), но не из зачетного предмета, а именно по греческому языку для начинающих, каковой не входит в число предметов, указанных в правилах зачета семестров Министерства Народного Просвещения 26 августа 1911 года. Так как Златопольский ссылался на свое расстроенное здоровье, помешавшее ему будто бы выдержать испытания еще по какому-нибудь из зачетных предметов, а также указывал на то, что он же выдержал экзамен по одному из труднейших для поступающих без греческого языка предметов, то я не представил его немедленно к увольнению, а рекомендовал ему обратиться с ходатайством к Г*осподину* Министру Народного Просвещения. Для ускорения процедуры я посоветовал ему испросить заключения факультета по предмету своего прошения до отправки его в Петроград, так как Г*осподин* Министр все равно запросит заключение факультета и бумага вернется в Киев для того, чтобы потом вторично отправиться в Петроград. Златопольский последовал моему совету и через некоторое время принес мне два прошения: одно на имя Г*осподина* Министра, а другое на имя факультета. К прошениям приложено медицинское свидетельство доктора Козинцева. Прошения эти были подвергнуты обсуждению в факультете 1 февраля 1913 года и в протоколе заседаний факультета находится резолюция: «Просить Г*осподина* Министра о разрешении ходатайства г*осподина* Златопольского». Собираясь отправить прошение Златопольского в Петроград и пересматривая дело, я увидел, что я ошибся, отказав Златопольскому в приеме подписки и что никакого разрешения Г*осподина* Министра не требуется, так как согласно правилам 26 августа 1911 года семестры (за исключением седьмого, для зачета которого требуется на филологическом факультете сочинение) зачитываются лишь четные, т.е. 2, 4, 6. Второй семестр шел в первый раз Златопольскому весной 1912 года, а потому весною 1913 г. ему этот семестр шел только третий раз, а потому у него еще не было трех подряд незачтенных семестров, и он, следовательно, имел полное право на подписку на лекции. Поэтому прошение на имя Г*осподина* Министра не было мною направлено по назначению и я собственною властью разрешил Златопольскому подписаться, разъяснив ему свою ошибку.

2. О том, что все студенческие дела отправлены в канцелярию по студенческим делам, я Златопольскому не говорил и не имел никакого основания говорить, так как дело его мною, как и другие дела, никогда в канцелярию отправляемо не было и факультетского шкапа не оставляло.

3. Канцелярия по студенческим делам не принимала и не могла принимать ни малейшего участия в разрешении этого дела, которое по самой своей сущности касается лишь факультета и декана. Канцелярия по студенческим делам могла бы только привести в исполнение постановления факультета и Правления об увольнении Златопольского, но до такой фазы дело его никогда не доходило, а имело совершенно обратное направление, при котором вмешательс-

тво этой канцелярии абсолютно невозможно в неблагоприятном для него смысле, а в благоприятном и не было необходимым, так как и без канцелярии по студенческим делам дело Златопольского развивалось в благоприятном для него смысле.

При сем прилагаю: 1) Учебное дело Златопольского с обоими прошениями его, на одном из которых имеется пометка моею рукою «разрешено 1 февраля 1913 года», т.е. разрешено обратиться к Г*осподину* Министру; 2) Факультетский протокол 1-го февраля 1913 года, кои по миновании надобности прошу возвратить. Подлинное подписал декан Н. Бубнов.

С подлинным верно.
За Секретаря Совета

№4
Заява-каяття Мойсея Златопольського. 7 листопада 1914 року

Его Превосходительству
Господину Помощнику Попечителя
Киевского учебного округа
От студента Моисея Златопольского

В письме, писанном мною моей матери, в котором я сообщаю ей, что я подлежу увольнению из университета, но я устроил при помощи некого Абеля следующее, а именно: Абель благодаря знакомству с секретарем по студенческим делам Дегтеревым за 350 рублей уладил все это дело и теперь мне надо уплатить ему эту сумму, — нет ни одного слова правды.

Деньги нужны были мне для помощи своему товарищу С. Гинзбургу, и я выдумал все это, желая таким путем получить деньги от своих родителей. Подписал: Студент Златопольский. 7/XI 1914 г.

С подлинным верно.
За Правителя Канцелярии (*підпис*)

№5
Повідомлення ректора попечителю Київського учбового округу про відчислення студента Мойсея Златопольського. 14 березня 1915 року

Его Превосходительству
Господину Помощнику Попечителя
Киевского учебного округа

Вледствие предложения от 6 текущего марта за № 7160/1324, честь имею донести Вашему Превосходительству, что студент Моисей Златопольский определением правления Университета от 15 ноября 1914 года уволен из числа студентов.

Ректор Н. Цытович (*підпис*)
Секретарь Совета (*підпис*)

ЦДІАК, ф.707, оп.82, спр.48, арк.137-137 зв., 140-143 зв., 152, 156

Клопотання академіка Володимира Перетца про переведення до Петербурга для завершення наукових праць шести його учнів
Листопад-грудень 1914 року

Перетц Володимир Миколайович (1870–1935) — історик давньоруської, української та слов'янської літератур.

Народився 19 (31) січня 1870 р. у вчительській родині в Петербурзі. Закінчив гімназію імператорського «Человеколюбивого общества». Навчався на філологічному факультеті Петербурзького університету (1890–1895), перебував під впливом проф. О. Веселовського, О. Соболевського, Л. Майкова та В. Саїтова. У 1896-1903 рр. — приват-доцент Петербурзького університету. 1900 року захистив магістерську дисертацію; 1902 року — дисертацію на ступінь доктора російської словесності.

У 1903–1914 рр. був професором кафедри давньоруської літератури Університету св. Володимира. Засновник і керівник «Семинария русской филологии» (1907-1914). 1908 року — голова філологічної секції Українського наукового товариства в Києві; обраний дійсним членом НТШ у Львові.

З 1914 р. професор Петербурзького університету, де викладав історію української, російської, білоруської літератур і фольклору, а також очолював славнозвісний семінарій. З 1914 р. — академік РАН, з 1919 р. — дійсний член УАН. У 1917-1921 рр. декан історично-філологічного факультету Самарського університету. У 1921–1933 рр. очолював Ленінградське товариство дослідників української історії, письменства та мови. У 1927 р. очолив Комісію давнього українського письменства ВУАН. 1933 року висланий до Саратова, де останні роки працював професором місцевого університету.

Помер 24 вересня 1935 р. в Саратові.

Досліджував давню українську літературу (особливо віршовану), народні пісні, апокрифи, легенди, церковні твори, російську драму, історію театру. Автор понад 300 праць з джерелознавства, історіографії, палеографії, текстології.

Засновник значної школи істориків української та російської літератур. Його учні — В. Адріанова-Перетц, О. Багрій, С. Балухатий, Л. Білецький, С. Бугославський, О. Грунський, М. Гудзій, О. Дорошкевич, М. Драй-Хмара, І. Єрьомін, В. та С. Маслови, О. Назаревський, І. Огієнко, П. Попов, П. Филипович, С. Щеглова, Б. Якубський.

Основні праці: «Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков» (Вып. 1-4, 1926; 1962), «Из лекций по методологии истории русской литературы» (1912), «Краткий очерк методологии истории русской литературы» (1922), «Кукольный театр на Руси» (1895), «Материалы к истории апокрифа и легенды» (Т.1-2. 1899-1901), «Малорусские вирши и песни в записях XVI–XVIII в.» (1899), «Очерки старинной малорусской поэзии» (1903), «Из истории старинной русской повести» (1907), «Новые данные для истории старинной украинской лирики» (1907), «Вірші ієромонаха Климентія Зіновьєва сина» (1912). «Из лекций по истории древнерусской литературы» (1912-1913), «Слово о полку Ігоревім» — пам'ятка феодальної України-Руси XII віку» (1926), «К изучению «Слова о полку Игореве» (1926), «Старинный театр в России XVII–XVIII вв.» (1923), «Ще одна вірша про гетьмана Мазепу» (1927), «Гоголь и малорусская литературная традиция» (1902).

Бібліографія: Материалы для биограф. словаря действ. членов имп. Академии Наук. Пг., 1917. Т.3. Ч.2. С.65-72; Список праць // Записки Іст.-філ. відділу УАН. К., 1927. Кн. XII. С. 265-272; Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков. М.; Л., 1962. С.234-253.

Архів: ЦГАЛИ, ф. 1277; ИРЛИ РАН. Разд. IV, 647 спр.

Література: Дзира Я.І. Першовідкривач українських старожитностей, будівничий київської філологічної школи // УІЖ. 1970. № 1. С.135-137; *Крекотень В.* Володимир Перетц — дослідник давньої української пісні // Нар. творчість та етнографія. 1970. № 1. С.20-24; *Махновець Л.* Володимир Перетц // Рад. літературознавство. 1970. № 1. С. 52-60; *Сеник О.Н.* Украинские рукописи в коллекции В.Н. Перетца // ТОДРЛ. 1974. Т.29. С. 349-350; *Юрченко А.* Видатний учений В.М. Перетц // Архіви України. 1970. № 1. С.32-34; *Розов Н.Н.* О возрождении традиций акад. В.Н. Перетца в археографических экспедициях // АЕ за 1971. М., 1972. С.195-200; *Демин А.С.* Труды В.Н. Перетца по истории русского театра // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII–начало XVIII в.). М., 1976. С.175-185; *Дудко В.* Проспект невиданого збірника Товариства дослідників української історії, письменства та мови у Ленінграді // КС. 1997. № 1/2. С.48-57; *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994 ; *Штогрин М.* Володимир Перетц // 125 років Київської Української Академічної традиції 1861-1986. Нью-Йорк, 1993. С.341-357; *Каверин В.А.* Академик Перетц // Звезда. 1976. №4. С.90-91; *Назаревский А.А.* Из воспоминаний о В.Н. Перетце // ТОДРЛ. 1974. Т.29.

С.33-37; *Огієнко І.* Хроніка культурного життя. В.М. Перетц // Віра й культура. 1959. № 5 (65); *Огієнко І.* Академік В. Перетц (1870-1936). Некролог // Наша культура. 1936. Кн. 10 (18). С. 718; *Ашнин В.М., Алпатов В.М.* Арест и ссылка академика В.Н. Перетца // Изв. РАН. Сер. лит. и языка. 1994. Т.53. № 2. С.72-82; *Гудзий Н.* Памяти учителя // Рус. лит-ра. 1965. № 4. С. 167-169; *Струмінський Б.* Володимир Перетц // Укр. календар. 1970 р. Варшава, 1969. С. 175-176; *Щербань Т.* Видатний внесок у становлення української науки: До 125-річчя від дня народження академіка В.М. Перетца // Вісник НАН України. 1995. № 1/2. С. 67-75; *Ляхоцький В.* «Семінарій російської філології» В. Перетца та його учасники // Бібліотечний вісник. 1997. № 3. С. 27-29.

№ 1.
Доповідна записка академіка Володимира Перетца.
Листопад(?) 1914 року

Его Высокопревосходительству
Господину Министру Народного Просвещения
Ординарного академика Императорской Академии Наук
Владимира Николаевича Перетца

Докладная записка

Начав в 1903 году преподавание в Императорском Университете Св. Владимира в качестве профессора по кафедре русского языка и словесности, я успел с 1907 года организовать постоянный семинарий русской филологии, до указанного времени имевший характер обычных практических занятий со студентами словесного отделения. Отличительною чертою этого семинария явилось то, что он, существуя параллельно с обязательными для всех студентов занятиями по истории русской литературы, имел назначение содействовать усовершенствованию наиболее способных молодых людей в самостоятельной работе над вопросами русской филологии (история древне-русской литературы, палеографии и языка). Позже, с переходом большинства участников семинария в число профессорских стипендиатов — мой семинарий обратился в специальное (хотя официально непризнанное) учреждение для подготовки молодых людей, окончивших университет, к научной и профессорской деятельности в области русской филологии. Сведения о первом пятилетии существования моего семинария опубликованы в особой брошюре, которую при сем прилагаю. За два последних года число работ, вышедших из моего семинария, значительно увеличилось. В настоящее время из числа молодых людей, работавших под моим руководством в Киеве и выдержавших магистерские экзамены — трое состоят приват-доцентами Университета Св. Владимира (Розов, С. Маслов, Назаревский); один, имея звание приват-доцента, состоит наставником и преподавателем Историко-Филологического Института в г. Нежине (Грузинский); один (уже магистр) преподает на Высших Женских Курсах в Варшаве, также имея звание приват-доцента Университета (Тимченко); одна особа женского пола, кончающая магистерские экзамены, преподает на Высших Женских Курсах в Киеве (Щеглова); из остальных — двое уже успешно закончили магистерские экзамены (В. Маслов и Адрианова), а четверо выдержали экзамены по главным предметам и закончат их не позже января 1915 г. (Гудзий, Багрий, Огиенко, Сушицкий).

Таким образом лишь немногие, главным образом самые младшие из моих учеников (Шевченко, Бугославский, Белецкий и Отроковский), не успели пока приступить к магистерским экзаменам; об оставлении последнего из них при Университете Св. Владимира только что возбуждено ходатайство. Однако, все поименованные лица, в большей или меньшей степени, уже известны своими научными работами и являются небесполезными, а порою и талантливыми деятелями на поприще разработки вопросов русской филологии.

Мое перемещение на службу в Петроград не могло не отразиться на судьбе названных лиц, особенно — последней категории. Многие из поименованных стипендиатов еще нуждаются в некотором руководстве; между тем — университет Св. Владимира в настоящее время не имеет представителя-специалиста по истории древней русской литературы со воспомогательными науками и еще неизвестно, кто займет вакантную кафедру и в какой мере будет заинтересован подготовкой молодых ученых.

В виду всего вышеизложенного я просил бы Ваше Высокопревосходительство — дабы не погибло дело, начатое мною на пользу русской науки, — о прикомандировании к Петроградскому университету, где я начал преподавание по своей специальности — нижеследующих лиц из числа оставленных при Университете Св. Владимира по кафедре русского языка и словесности:

С 1 августа 1915 года — Владимира Отроковского;
С 1 января 1915 года — Сергея Бугославского;
« « « — Александра Багрия;
« « « — Варвару Адрианову;
С 1 августа 1915 г. — Леонида Белецкого;
« « « — Софию Щеглову.

Сдавшие уже магистерские экзамены будут под моим руководством приготовлять диссертации (Багрий, Адрианова, Щеглова), не сдавшие — готовиться к магистерским экзаменам (Отроковский, Бугославский, Белецкий). Всех поименованных лиц я просил бы прикомандировать к Петроградскому Университету на следующих условиях: 1) чтобы было спрошено о согласии названных лиц (адреса ниже прилагаю); 2) чтобы в случае прикомандирования — стипендиаты получили стипендии еще на 1 год (Бугославский и Багрий; оставленным же пока без стипендий (Отроковскому и Белецкому) стипендии были назначены, как всегда — на 2 года; особам женского пола — даны пособия для научных занятий на один год, с 1 января 1915 года; 3) чтобы руководство занятиями названных выше лиц было поручено мне. Хотя в настоящее время я не занимаю кафедры в Университете и преподаю в качестве частного преподавателя, однако моя 11-летняя профессорская деятельность дает мне смелость надеяться, что и эта часть моего ходатайства не останется без удовлетворения. К тому же переход молодых людей от одного руководителя к другому вряд ли может быть признан полезным.

Мотивы, побуждающие меня просить о переводе в Петроград поименованных выше лиц — таковы: 1) ученому, приступающему в наше время к более или менее обширной работе по истории древней русской литературы, в настоящих условиях чрезвычайно трудно, даже невозможно ограничиться тем материалом, который дают провинциальные библиотеки. Во время кратких, беглых экскурсий невозможно исчерпать материала, заключающегося иногда в десятках

Семінарій академіка Володимира Перетца. Початок XX ст.

рукописей. 2) Хотя некоторые из названных молодых ученых уже выдержали магистерские экзамены, но руководство для них весьма небесполезно. 3) Университет Св. Владимира не располагает в настоящее время соответствующим специалистом; в Петроградском же кафедра русского языка и словесности вакантна и еще нельзя сказать с уверенностью, будет ли новый представитель ее в достаточной степени заинтересован подготовкой новых работников в области древней русской литературы.

Обо всем вышеизложенном мною было представлено историко-филологическому факультету Петроградского Университета; уведомление г*осподина* Декана его о неимении препятствий со стороны факультета к осуществлению моего плана — при сем прилагаю.

В случае удовлетворения Вашим Высокопревосходительством моего ходатайства, группа молодых словесников-магистрантов может послужить ядром для организации в будущем семинария для подготовки профессоров по кафедре русского языка и словесности, которая в настоящее время не вполне обеспечена, а во многих университетах, не исключая и столичных, обслуживается далеко не с желательным успехом, хотя самый предмет преподавания — история русской литературы наравне с историей России неизбежно является самым важным и существенным в кругу предметов, преподаваемых на историко-филологических факультетах Российских университетов. Подлинную подписал Ординарный академик, б*ывший* ординарный профессор Университета Св. Владимира Владимир Перетц.

С подлинной верно:
За Секретаря Совета (*підпис*)

№ 2
Висновок Історично-філологічного факультету. 5 грудня 1914 року

5 декабря 1914 г.
№ 411

Его Превосходительству
Господину Ректору Университета
Св. Владимира

Историко-филологический факультет, ознакомившись с содержанием докладной записки ординарного академика, бывшего профессора университета Св. Владимира В.Н. Перетца на имя Министра Народного Просвещения, препровожденной по указанию Министерства Вашим Превосходительством 22 ноября 1914 года за № 4716 на заключение факультета, большинством 6 голосов против 4 пришел к заключению, что изложенное в записке академика Перетца ходатайство о прикомандировании 6 лиц, готовящихся к профессорскому званию, к Петроградскому Университету, выдержавших магистерские испытания (Багрия, Адрианову, Щеглову), для работы над магистерскими диссертациями, несдавших же означенных испытаний (Отроковского, Бугославского, Белецкого) для приготовления к сим испытаниям, не подлежит удовлетворению, так как надобности в такой командировке не встречается. Факультет питает надежду, что и при его наличных силах означенные выше 6 молодых людей получат надлежащее руководство, а тем паче после замещения кафедры профессора Перетца путем конкурса, который уже дал хорошие результаты в смысле появления двух солидных ученых специалистов по древней русской литературе и закончится скоро представлением факультетского кандидата.

Декан: Н. Бубнов (*підпис*)

ДАК, ф. 16, оп. 353, спр. 142, арк. 1- 4 зв.

8

Боротьба за права української мови та відкриття українознавчих кафедр в Університеті св. Володимира (1902-1917)

I

Матеріали наради з питань українського правопису в Імператорській Академії наук. 1907 року

№ 1
Протокол наради

Вследствие поступившего через академика А.А. Шахматова со стороны В.Н. Доманицкого, заведующего печатанием украинского Словаря, составленного редакцией «Киевской Старины», запроса относительно приемов правописания в Словаре, академиком Ф.Ф. Фортунатовым, за отсутствием председателя Малорусской комиссии Ф.Е.Корша, было созвано совещание из членов комиссии: А.И. Лотоцкого, А.А. Русова, П.М. Саладилова, П.Я. Стебницкого и А.А. Шахматова; кроме того, к участию в совещании были приглашены: Ф.К. Волков, Д.Н. Овсянико-Куликовский и М.А. Славинский.

6-го января состоялось первое заседание совещания. В нем, под председательством Ф.Ф. Фортунатова, приняли участие: Ф.К. Волков, П.М. Саладилов, П.Я. Стебницкий и А.А. Шахматов.

Совещанию был доложен доклад П.Я. Стебницкого, совещание остановилось на основном вопросе, а именно на выборе системы правописания, и пришло к единогласному заключению, что единственною подходящею системою правописания в Словаре украинского языка должно быть признано правописание Кулиша-Желеховского.

Обратившись к частностям, выдвинутым в докладе П.Я. Стебницкого, совещание обсудило следующие вопросы:

1. Совещание нашло необходимым употребление знака **ї** только для обозначения **jі (йи)**, как в начале слов, так и после гласной: **її**, **мої**, а также после **ь** (см. ниже, пункт 4-й): *зьїсти*. Иные способы выражения звуков **jі** представляются, по мнению совещания, нецелесообразными и противоречащими другим графическим приемам украинского правописания. Так, обозначение **jі** простой буквой **і** *(іх, моі)* неудобно потому, что **і** в начале слова употребляется для выражения звука **і** без предшествующего **j**: **і**, *ідеть*. Обозначение же **jі** сочетанием **йи** *(йийи, мойи)* представляет то неудобство, что предполагает обозначение сочетаний **ja** через **ай** *(йа, мойа)*, **jy** через **йу** (*мойу*), **je** через **йе** (*мойе*), между тем **ja**, **jy**, **je** обозначаются буквами **я, ю, є.** — Употребление **ї** для обозначение того **і**, перед которым во всех малорусских говорах заметно полное смягчение согласных **л, н, д, т, с, з, ц** (напр. **піс: пёс; дід: дѣд** — в противоположность **ніс: нос**), представляется, по мнению совещания, неудобным уже потому, что далеко не все украинские и галицкие говоры соблюдают различие в смягчении указанных согласных перед **і** различного происхождения; это различие выдержано, например, в говорах Полтавской губернии, но, двигаясь на запад, мы наблюдаем быстрое исчезновение различия в произношении напр. **пїс** и **ніс**. Таким образом единственными показателями правильного различения **ї** и **і** могут служить только этимологические соображения: руководствуясь ими, через **ї** изображают **і** из древнего **іе͡** (**ѣ**) и из древнего **ю͡о**, **ю͡е** (üö), а через *і* звук **і** из древнего **у͡о**. Но соображения эти, во первых, не для всех доступны и очевидны; во-вторых, они осложняются тем, что после губных, **р, ш, ж, ч** звук **і** из **ѣ** и из **ю͡о** не отличается и в полтавских говорах от **і** из **у͡о**. Не усматривая ни практической пользы, ни теоретического интереса в различении **ї** и **і**, совещание решительно отвергло употребление знака **ї** после согласных.

2. Правописание *сьміх, цьвіт, зьвізда* вызвано тем, что **с, з, ц** слышатся мягкими в положении перед твердой губной. Вероятно, так же объясняется появление написаний *сьвятий, цьвях*, хотя, по-видимому, на Украине имеются говоры, где **в** в указанных словах звучит мягко (не как **вj**). Во всяком случае не имеется никаких оснований для обобщения указанного графического приема и распространения его на случаи, как *сьтіна, сьліпий* и т.п., где мягкое **с** слышится перед следующею мягкою согласною. Не отвергая значения написаний *сьміх, зьвізда, цьвіт* при точной передаче звуковых оттенков малорусской речи, совещание находит, что написания *сміх, цвіт, звізда,* также *святий, цвях* ни к каким недоразумениям и неудобствам привести не могут. Кроме того, что написания эти проще, они должны быть предпочтены еще и потому, что *сьміх, цьвіт* и т.п. могут вызвать, как это видно на примере Левицкого-Нечуя, уже совершенно излишние, в смысле сложности, написания, как *сьтіна, сьліпий.* Вследствие этих соображений, совещание отвергло необходимость обозначать мягкость **с, з, ц** перед следующими за ними губными.

3. Остановившись на вопросе, как изображать, с одной стороны, звуки **jo**, а с другой, звук **о** в положении за мягкой согласной, совещание не признало целесообразным приобретающий все большее право гражданства прием, по которому **jo** пишется через **йо**, а мягкость согласной, предшествующей гласной **о**, обозначается через **ь** (*його, сього, сльоза*). Этот прием находится в явном противоречии с изображением **ja** через **я, je** через **є, jy** через **ю**, а также с передачей звуков **а, е, у,** следующих за мягкой согласной, начертаниями этих звуков через **я, є, ю** (*воля, третє, землю*). Обозначение мягкости согласной перед гласной посредством **ь** ведет нас к системе Драгоманова (и Науменка), но совещание признало усложнением графических приемов малорусского письма изображение **я** через **йа** и **ьа, є** через **йе, ю** через **йу** и **ьу, ьо** и предлагает вернуться к начертанию **ё**, с успехом применявшемуся в малорусском письме.

4. По вопросу о том, как писать — *пять, пью, зъявилось*, совещание, обратив внимание на этимологическое различие относящихся сюда случаев, не могло не признать их фонетической однородности в современном украинском языке. Этим объясняется возможность, с одной стороны, написаний: *пять, пю, обїзджати*, с другой — *п'ять, п'ю, об'їзджати*, с третьей — *пьять (пъять), пью, обьїзджати (объїзджати)*: итак, с фонетической точки зрения — а именно она в данном вопросе должна быть признна руководящею — необходимо рекомендовать один общий прием для изображения всех относящихся сюда случаев. Совещание отвергло написания *пять, пю, бєм* на том основании, что украинцев, знакомых с великорусским языком, подобные написания будут всегда приводить в смущение, ибо трудно отрешиться от прочтения их как *p'at', p'u, b'em*, тем более что и в украинском языке **вя** в некоторых случаях (в положении в после согласной) читается как **va** (*святий*). Написания *п'ять, п'ю, б'єм* совещание отвергло для избежания знака апострофа, не всегда удобного и в печати

Олександр Русов. 1874 р.

и в письме. Напротив, написания *пьять, пью, бьєм, обьїзжджати* не встретили возражения со стороны совещания. Правда, **ь** — это знак мягкости, а губные в подобных случаях произносятся твердо, но не следует упускать из виду и таких случаев, где вместо губной имеются другие согласные, например **з** или **д** (*зьїсти, відиїзд*), которые в таком положении мягки. Замена **ъ** через **ь** после губных и различение *зьїсти* и *объїхати* имели бы, во-первых, то неудобство, что неминуемо повели бы к графическому чередованию **ъ** и **ь** в подобных случаях (ср. у Квитки—Потебни *впьять и впъять, вьязати и въязати*), а во-вторых, привели бы к необходимости увеличить украинскую азбуку еще буквой **ъ**, столь успешно из нее изгнанною. По всем этим соображениям совещание остановилось на мысли изображать в указанных выше случаях звук j посредством **ь** (с последующею иотированною гласной).

5. Вопрос о том, писать ли *знання* или *знанє, життя или житє*, должен быть разрешен, конечно, на основании местного произношения: украинскому *знання* соответствует галицкое *знанє*. Написания жа *знанє, життє* представляются искусственными и подлежащими устранению.

6. Находя, что написания **дж** и **дз** для слитных звуков **дж** и **дз** никого не вводят в обман и не представляют затруднений, совещание не признало необходимым вводить для обозначения этих звуков особые начертания.

7. В случаях *даєшся, дається* совещание считает целесообразным держаться этимологического правописания. Писать *даєтся* при *даєть* представляется неудобным.

8. Для изображения мгновенной (взрывной) согласной **г** совещание высказалось за знак **ґ**.

В заключение совещание постановило напечатать протокол своего заседания, а в приложении к нему доклад П.С. Стебницкого. Отпечатанные протокол и доклад постановлено представить на заключение Отделения русского языка и словесности и послать на рассмотрение отсутствующих членов совещания, а также известных исследователей малорусского языка: Б.Д. Гринченко, М.С. Грушевского, В.Н. Доманицкого, П.И. Житецкого, А.Е. Крымского, С.М. Кульбакина, М.Ф. Лободовского, Б.М. Ляпунова, К.П. Михальчука, В.П. Науменка, прося их прислать совещанию свои соображения и замечания в возможно непродолжительном времени.

№ 2
Доповідь Петра Стебницького

Стебницький Петро Януарович (1862-1923) — державний службовець, громадський і політичний діяч, публіцист, письменник (псевд. П. Смуток, А. Ірпенський, Малорос, П. Хмара, П.С.-Т., С-ип, Малоросиянин)

Народився 25 листопада 1862 р. в с. Гореничі Київського повіту в родині священика. Закінчив 1-у Київську гімназію (1881 р.) та фізико-математичний факультет Університету св. Володимира (1886 р.). Із 1886 р. працював урядовцем у Петербурзі: у Міністерстві фінансів, Торгово-телеграфному агенстві тощо. Автор статей з економіки у «Вестнике финансов», «Торгово-промышленной газете», «Русском экономическом обозрении». Активний діяч Петербурзької української громади, місцевого осередку ТУП, консультант українських фракцій І-ї та ІІ-ї. Державних Дум та їх видань — «Украинский вестник», «Рідна справа: думські вісті». 1898 р. спільно з О. Лотоцьким створив Доброчинне товариство для видання загальнокорисних і дешевих книг, що публікувало українські книжки (твори Т. Шевченка, енциклопедію «Украинский народ в его прошлом и настоящем»). У 1906 р. за участь у протесті літераторів був звільнений з державної служби. Друкувався в «Киевской старине», «Украинской жизни», «Літературно-науковому вістнику», «Раді». Після Лютневої революції 1917 р. очолив Українську національну раду в Петрограді. Співавтор записки про потреби українців, поданої прем'єр-міністру Тимчасового Уряду кн. Г. Львову (17 і 23 березня 1917 р.). 15 липня 1917 р. Малою Радою призначений представником (комісаром) Генерального Секретаріату при Тимчасовому Уряді. Клопотався про звільнення з війська і повернення в Україну вчителів, інтернованих галичан, займався справами освіти в Україні. У травні 1918 р. переїхав до Києва, кооптований до складу ЦК Української партії соціалістів-федералістів. За доби Гетьмана Павла Скоропадського був заступником голови української делегації на переговорах з РСФСР, викривав пропагандистську діяльність членів російської делегації в Україні. У серпні 1918 р. — сенатор Адміністративного суду Державного Сенату. Жовтень-листопад 1918 р. — міністр освіти в кабінеті Ф. Лизогуба. Активний учасник заходів щодо створення Української Академії наук. З 1919 р. очолює постійну Комісію біографічного

словника УАН. Заарештований більшовицькою владою 1919 р., звільнений на клопотання УАН. Помер 14 березня 1923 р., похований на Щекавицькому цвинтарі (нині не існує).

Основні праці: «Під стелями Думи» (1907), «Українська справа» (1917), «Поміж двох революцій» (1918), «Борис Грінченко» (1920); оповідання «Марійка», поезії, спомини про Хв. К. Вовка (Наше минуле. 1918. №2. С.141-143).

Архів: НБУ НАНУ. ІР, ф. 244; ЦДІАК, ф.1235 (листи до М.С. Грушевського за 1906-1922 рр., 62 спр).

Література: П.Я. Стебницький 1862-1923. К., 1926; *Заруба В.* Листи М. Грушевського до Петра Стебницького // Укр. історик. 1991. №1/2 (108/109). С.107-110; *Стрельський Г., Трубайчук А.* Михайло Грушевський, його сподвижники й опоненти. К., 1996. С.140-141; *Верстюк В., Осташко Т.* Діячі Української Центральної Ради: Біобібліогр. довідник. К., 1998. С.164-165.

К вопросу об украинском правописании

Правописание первых произведений нового периода малорусской письменности было заимствовано из установившихся правил письменного изображения великорусской речи; фонетические отличия малорусского языка передавались только в чтении. Но уже Котляревский применял свойственное южно-русской литературе для изображения мягкого і (пѣчь, Энеевѣ, минѣ, тогдѣ). Необходимость ближе сообразоваться с законами малорусской фонетики побудила многих деятелей последующего периода изыскивать способы наиболее точной передачи звуков малорусской речи. При этом наблюдалось два течения: первое ставило исходною точкою правописание, усвоенное русскою литературою, и стремилось по возможности сохранить внешнее сходство малорусского начертания с соответствующими великорусскими формами (Максимович); второе старалось возможно точнее передать особенности малорусского языка, не останавливаясь пред усвоением нового значения для знаков русской азбуки и пред введением совершенно новых законов (большинство). Последнее течение взяло верх и мало по малу в литературе как российской, так и австрийской Украины установилось особое фонетическое правописание, с значительными отступлениями от русской азбуки и связанных с ее применением законов.

Основание нынешнему малорусскому правописанию положил Кулиш, именем которого названа установленная им система изображения малорусских звуков (кулишовка). Главное нововведение Ку-

лиша заключалось в уничтожении знака **ы** и установлении звукового различия между знаками **и** и **і**, из которых первому он присвоил значение среднего **и** (между русским **и** и **ы**), а второму мягкого **і** (соответствующего русскому **и**). Затем Кулиш устранил **ъ** и ввел два новых знака: **є** — для изображения мягкого **е** (*синє*) и латинское **g** для обозначения мгновенной согласной **г**. В то же время в передаче малорусских форм и звуковых сочетаний Кулиш постепенно все более и более стремился передавать слуховые впечатления, совершенно не считаясь с этимологией и основною формою слов (*подивисся, несутця, ш чоловіком*).

Павло Житецький. 60-ті роки XIX ст.

Система Кулиша, установленная еще в конце 50-х годов, получила дальнейшее развитие уже в 80-х годах в Галиции. Именно Желеховский в своем «малоруско-німецком» словаре ввел третий знак для звука **и** — **ї**, обозначая им йотированное **и** (*мої*), а также мягкое **і**, соответствующее русским **ѣ** или **е** (*сїно, лїд*). Он же ввел употребление в тех случаях, когда необходимо оттенить отсутствие смягчения согласного, предшествующего йоте: *з'вляю*. Взамен латинского **g** галичане ввели особое начертание: *5*, впоследствии **ґ**.

Особняком стоит система правописания, которую применял Драгоманов в своих заграничных изданиях (так называемая герцеговинка); она потроена по образцу сербского фонетического письма, — с устранением особых знаков для йотированных гласных, взамен которых Драгоманов употребляет основные звуки с латинским **j**; смягчение согласных выражалось **ь**; из согласных была устранена буква **щ**, как составная. Таким образом Драгоманов писал: *jiji, моје, земльа, весілььа, зјавльајутьсьа, грьадушчих.*

Современная украинская литература придерживается преимущественно правописания Желеховского. Во всей чистоте оно применяется галицкими учеными и литераторами; там оно освящено уже школьною традициею и во всех подробностях разработано в учебной литературе. Но писатели российской Украины, самостоятельно развивая систему правописания, установленную Кулишом, в настоящее время пишут с более или менее существенными отступлениями от галицких руководств, имеющими свое объяснение в органическом недостатке правописания Кулиша-Желеховского — его фонетической неточности. Сохранив ряд особых знаков для выражения йотированных гласных, эта система в некоторых случаях выражает ими, в сущности, не йотировку, а смягчение предыдущего согласного (*після-післьа, сьвятий-свьатий*), а отсюда по необходимости, приходит к употреблению **ї** для сочетаний **і** с смягченными согласными **д, т, з, ц, с, л, н,** имеющими в других случаях твердое произношение; стремление охватить все оттенки произношения и выразить все фонетические законы привело к излишествам в обозначении смягченных согласных: *сьпів, сьвідок, сьміх, цьвіт, зьвір, зьвізда.* С другой стороны, в силу указанного двойственного характера йотированных гласных, сочетание их с твердыми согласными (губными) затрудняет читателя, привыкшего к великорусской фонетике, вызывая представление о смягчении согласных: *бю, пеш, вїду.* Эта же особенность рассматриваемой системы правописания привела к употреблению апострофа. Наконец, галицкая письменность усвоила такие сочетания знаков, которые носят чисто местный характер, обусловливаясь особенностями западных разветвлений малорус-

Віктор Доманицький. Початок XX ст.

ского языка: *пірєм* (*-пірьєм*, ибо у галичан **р** не смягчается). Все эти неудобства галицкого правописания мешали российским украинцам усвоить его себе целиком, — но в наблюдаемых уклонениях от галицких образцов украинская письменность не отличается последовательностью; авторы и издатели, за отсутствием научно разработанных правил правописания, вносят в свои работы много субъективного элемента и, в некоторых случаях, даже усиливают недостатки галицкой системы правописания. Единственное руководство по этому вопросу — «Обзор фонетических особенностей малорусской речи» Науменка, — при всех своих достоинствах, не может служить практическим целям, так как пользуется чистым фонетическим письмом, без особых обозначений для йотированных гласных и для сложного согласного **шч**.

Наблюдаемое развитие украинской периодической прессы, в связи с постановкою вопроса о введении малорусского языка в народную школу, — делает настоятельно необходимым устранение тех сомнений и недоумений, на почве которых возникла разноголосица в малорусском правописании.

Основной вопрос, подлежащий разрешению, — заключается в том, следует ли признать целесообразною систему Кулиша-Желеховского в ее целом? Несомненно, чисто фонетическая система, принятая Драгомановым (и Науменком — с заменою **j** на **й**), имеет на своей стороне преимущество строгой научности и точности, но за систему Кулиша-Желеховского говорит ее давность, ее официальный характер в Галиции и то обстоятельство, что правописание Драгоманова, не смотря на его авторитетность и личное влияние, в течение 30 лет не привилось в литературе.

Если система Кулиша-Желеховского более не может быть оспариваема в целом, — то следует ли считать ее галицкую разработку научно правильною и потому обязательною и для российских украинцев, или же уклонение последних от ее точного соблюдения имеет свое основание?

В последнем случае, какие видоизменения должны быть введены в систему Кулиша-Желеховского для устранения наблюдаемых разногласий в украинском правописании?

Главнейшие из этих разногласий следующие.

I. Украинцы (т.е. российские) единодушно не приняли употребления **ї** после смягчаемых **д, т, з, ц, с, л, н** и пишут *всім, література, надія, тіло, лід.* Исключение составляет Крымский, который в своем «практическом курсе для изучения малорусского языка» («Зоря») рекомендует придерживаться галицкого правописания. Применение же **ї** для выражения йотированного **і** усвоено почти всеми украинскими писателями — за исключением Левицкого-Нечуя, который обозначает йотировку **і** в начале слов и слогов с помощью **й**, а в остальных случаях предоставляет произношение чутью читателя. Он пишет: *йіх, йім, своім, йіі, пойідьте.*

II. Знак **є** усвоен преобладающим большинством литераторов для выражения йотированного или мягкого **е**. Некоторые, однако, вовсе обходятся без этого знака; так, Левицкий-Нечуй пишет: *цієі.* Мягкое **е** в обозначении через **є** пользуется осо-

бым расположением у части киевских литераторов, которые, следуя галицким образцам, существительные, соответствующие русским или славянским именам на **іе**, пишут через **є**, хотя в живой речи населения центральной Украины в этих случаях ясно слышится окончание **я**: пишут: *знаннє* (а не *знання*), *листє* (а не *листя*), *зневірє* (а не *зневірья*). Полтавцы пишут *знання, зневір'я.*

III. Йотированное **о** передается обыкновенно двумя способами: в начале слов и слогов через **йо**, а после согласной — путем ее смягчения с помощью **ь**: *нього, цього, льох, тьохкати*; знак **ё**, широко употреблявшийся Кулишем и Костомаровым, в настоящее время почти совершенно вышел из употребления. Желательно знать, насколько целесообразен новый способ передачи этого звука.

IV. Теперь большею частью не обозначается смягчение свистящих (*сміх, цвіт*), но некоторые писатели (Левицкий-Нечуй) настаивают на правописании *сьміх, цьвіт* — и даже *сьліпий, сьтіна* (что не употребляется даже в Галиции).

V. В последнее время на Украине сильно распространилось применение апострофа, которым обозначают не только сохранение твердого согласного, но и смягчение согласных, игнорируя **ь** и влияние йотировки. Пишут: *п'ятий, пам'ятаю, б'є, м'ягке, вп'ялася, ім'я, зневір'я, любов'ю.* Галичане во всех этих случаях вовсе не нуждаются в содействии апострофа. Они пишут: *пятий, памятаю, бє.* Оправданием этому увлечению апострофом может служить то обстоятельство, что в перечисленных случаях трудно установить степень смягчения согласной — и в произношении слышится даже скорее, например, *пъять*, чем *пьять, бъе*, чем *бье, зневірїя*, чем *зневірья.* Все же такое широкое применение апострофа граничит с злоупотреблением и крайне затрудняет чтение. Если вообще употребление апострофа допустимо, то необходимо установить соотношение между применением апострофа, **ь** и отсутствием знака смягчения. Именно, нужно установить, — писать-ли: *з'явилось, кров'ю, п'ять*, или *зьявилось, кровью, пьять*, или *з'явилось, кровью, пять.*

Не следует-ли в этом случае неясность фонетических обоснований того или другого способа правописания восполнять соображениями этимологическими или, что одно и то же, — аналогиею с русским правописанием? Так, можно было-бы установить правило, что сочетание губных **с я** или **ю**, соответствующее русским формам с основами на **і**, передается с помощью **ь**: *зневірья, любовью, бьє*; сочетания, соответствующие юсовым корням, вовсе не сопровождаются знаком смягчения, которое в данном случае является для малорусского слуха неизбежным: *пять, память, мягкий, імя, впялася.* Для составных же слов можно было-бы сохранить применение апострофа: *роз'яснить.* Вообще, апостроф имеет право гражданства в малорусской письменности, так как он часто упостребляется для обозначения выпадения звуков: «щоб ти 'д того війська не зостався».

VI. Вообще, в какой мере следует руководиться этимологиею, происхождением данного слова, — рядом с чисто слуховыми впечатлениями и фонетическими законами? Так, в глагольных формах с **ся** большинство удерживает правописание этимологическое, как и галичане: *даєшся, сміється.* Только Левицкий-Нечуй употребляет фонетическое *даєсся*; на **щя** теперь и он не пишет. Науменко предлагает писать **тсья**.

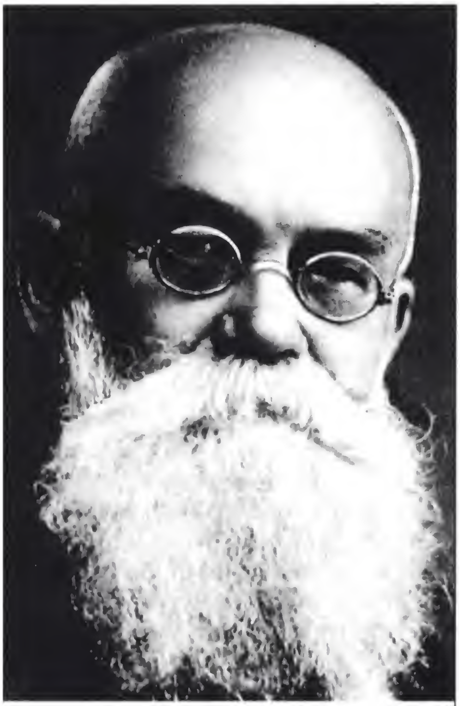
VII. Что делать со звуком **g**? Следует ли принять галицкий знак *5* или изображать его двумя согласными? В передаче звука **g** только в последнее время украинские литераторы стали вводить галицкий знак **ґ**; некоторые не отличают этого звука особым начертанием, пользуясь для него буквою **г**; иногда встречается передача его через сочетание **кг**. Вопрос о наиболее целесообразном способе начертания мгновенного **г** требует общего для всех решения.

VIII. Существует мнение, что свойственные малорусские сложные звуки **дж** (в слове *джерело*) и **дз** (*дзи5а*) требуют для своего изображения особых знаков на подобие имеющихся в сербской азбуке. В какой мере это пожелание целесообразно?

Мнения о необходимости украинского правописания, собранные Академией Наук. 1907 г.

№ 1
Висновок Михайла Грушевського

В отделение русского языка
и словесности Академии Наук


Михайло Грушевський.
20-ті роки XX ст.

Получив соображения «малорусской комиссии» по вопросу об украинском правописании, я предложил их на обсуждение комиссии по вопросам языка («Язикова комісія») Наукового товариства имени Шевченка, которая и посвятила несколько заседаний их рассмотрению. Результатами этого обсуждения позволяю себе поделиться с Отделением.

По вопросу 1-му:

Различение **і** и **ы** в правописании через **ї** (или какой-нибудь другой знак) не лишено ни практической пользы ни теоретического интереса, и вопрос может быть только на почве чисто практических соображений: соответствия или несоответствия пользы этого различения с трудностями его.

По вопросу 2-му, 6-му и 8-му соображения «малорусской комиссии» вполне основательны.

По вопросу 3-му: предложение возвратиться к начертанию **ё** не кажется удачным и за отсутствием иного графического знака приходится остаться при начертаниях **йо** и **ьо**.

По вопросу 4-му: начертания **пьы**, **бью** являются нерациональными по причине указанной самой «малор*оссийской* комиссией» — несмягчаемости губных, а соображение, что «украинцев, знакомых с великорусским языком, подобные написания будут всегда приводить в смущение», конечно, не может иметь значения: лицо, знакомое только с великорусской фонетикой наткнется и на ряд других трудностей, если не ознакомится с фонетикой украинской; в последнем же случае начертание **пю**, **бю**, **обїзжати** никого не смутят.

По вопросу 5-му: написания **знаннє**, **життє** едва ли должны быть признаны «подлежащими устранению».

По вопросу 7-му: кроме целесообразности этимологического правописания **даєшся**, **дається** относительно самих букв нужно считать рациональным и целесообразным также отделение местоимения **ся** от глагола: слияние его с глаголом именно и приводит к колебаниям в правописании (**даєшся, даєсся, дається, даєтьця, даєщця, даєця, даєся**).

С совершенным почтением
М. Грушевский *(підпис)*

№ 2
Висновок Бориса Грінченка

Грінченко Борис Дмитрович (1863-1910) — письменник, публіцист, громадський і політичний діяч, фольклорист і мовознавець (псевдоніми: Вартовий, В.Чайченко, Б.Вільхівський, Л.Яворенко та ін.)

Народився 27 листопада (9 грудня) 1863 р. в с. Долбине на Харківщині (нині Сумська обл.) у збіднілій дворянській родині. Навчався в гімназії, яку не закінчив через арешт 1880 р. за читання й поширення забороненої «Парової машини» С.Подолинського. Вчителював у селах Слобожанщини й Харківщини, де збирав фольклорні матеріали, вів етнографічні та лінгвістичні записи. Склав «Українську граматику» та «Українську читанку» для дітей. 1892 року став одним із засновників Братства Тарасівців. 1894 року переселився до Чернігова, працював у земстві, видавав етнографічні матеріали, на кошти І. Череватенка опублікував велику кількість книжечок для народу й дітей; сприяв улаштуванню музея В. Тарновського. У 1902 р. переселився до Києва; за дорученням «Киевской старины» редагував «Словарь української мови»; співробітник газети «Громадська думка» (1906), редактор журналу «Нова Громада», голова Київської «Просвіти». Член-засновник Української радикальної партії (1905); 1906 р. злилася з Українською демократичною партією в Українську радикально-демократичну партію; Грінченко — автор програми УРДП.

У 1908 р. виїздив на лікування до Італії. Помер 1910 р.

Основні праці: 1) етнографічні та мовознавчі — «Словарь української мови», 68000 слів (Т.1-4. К.,1902-1909; 1992-1996), «Кілька слів про нашу літературну мову» (1891-1892), «Тяжким шляхом» (1912), «Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях» (Т.1-3. Чернигів, 1895-1899), «Из уст народа» (1900), «Литература украинского фольклора 1777-1900» (1907), 2) публіцистичні — «Листи з Наддніпрянської України» (К., 1917), «На беспросветном пути. Об украинской школе» (1906), «Перед широким світом» (1907); 3) літературні твори: повісті «Соняшний промінь» (1890), «На розпутті» (1891) , «Серед темной ночі» (1900), «Під тихими вербами» (1901); п'єси «Серед бурі», «Степовий гість», «Арсен Яворенко», «Нахмарило», «На новий шлях»; переклади з Гете, Шіллера, Ібсена, Мірбо; 4) твори для дітей: казки «З народного поля», «Мудра дівчинка», «Українські народні казки, вибрані для дітей»; пісні й думи «Живі струни», «Думи кобзареві», «Байки».

Архів: ЦДІАК, ф.842, 71 спр.; ІМФЕ НАНУ. Фонди, 47 спр.; НБУ НАНУ. ІР, ф. Грінченків, 13871 спр.; Держ. Музей театр. мистецтва України, ф. Грінченків, 34 спр.

Література: Над могилою Бориса Грінченка. Автобіографія, похорон, спомини, статті / Упор. С. Єфремов. К., 1910; *Белоусов И.* Из воспоминаний о Б.Д. Гринченко // Укр. жизнь. 1913. №7/8. С.112-115; *Дорошенко В.* Борис Грінченко. Львів, 1910; Київ, 1918; *Плевако М.* Життя та праця Б. Грінченка. Харків, 1911; *Єфремов С.* Вступна стаття // Грінченко Б. Твори. Харків, 1928; *Смілянський Л.* Борис Грінченко. Критико-біографічний нарис. Харків, 1930; Каталог фондів.1. Бібліотечна колекція Бориса Грінченка. К., 1988; Б.Д. Грінченко: Документи і матеріали з фондів Інституту рукопису ЦНБ ім. В.І. Вернадського НАНУ. Покажчик. К., 1994. Вип. 1. Віршовані твори.

В Императорскую
Академию Наук
Совещанию по вопросу
об украинском правописании

Вместе с этим посылаю Совещанию свои замечания по поводу украинского правописания.

Б. Гринченко
1907. III.7
Киев, Мариино-Благовещенская, 67

Получено на имя Академии 14.III.1907.

К вопросу о правописании украинского языка (Для Совещания по поводу украинского правописания в Императорской Академии Наук)

Вопрос о том, на каком правописании остановится в конце концов украинская письменность, находится в настоящее время уже вне всяких сомнений: это будет правописание, обыкновенно называемое правописанием Кулиша-Желеховского. Едва только, в 1856 г., появилось оно в первой своей редакции, как сейчас же к нему обратились почти все украинские писатели; запрещение его в 1876 г. в России настолько мало повлияло на отношение к нему пишущих украинцев, что едва только запрещение это пало, как сейчас же официальное, так называемое в разговорном языке украинской интеллигенции — «ярыжное» правописание почти повсеместно исчезло, и в настоящем 1907 г. нет на территории российской Украины ни одного периодического издания, не употребляющего правописания «Кулиша-Желеховского», а несколько брошюр, вышедших со старым правописанием, встречены общим недоумением. То же было и в Галиции. Там, благодаря особым местным условиям, правописание Кулиша-Желеховского некоторое время должно было бороться со старым этимологическим правописанием, но и там оно в конце концов восторжествовало безусловно и второй десяток лет применяется в литературе, науке и официальных документах.

Такое единодушное отношение к правописанию уже одно свидетельствует как о высокой степени пригодности его для удовлетворительного обозначения звуков языка, так и о практических удобствах его. Быстрому распространению этого правописания несомненно очень содействовало то обстоятельство, что правописание это, явившись в 1856 г., вовсе не было неожиданностью для украинской письменности и не являлось плодом индивидуального творчества одного человека (Кулиша), — наоборот, оно было подготовлено целым рядом предыдущих попыток.

Реформа Кулиша заключалась в том, что он исключил из украинского алфавита букву **ы** и установил звуковое различие между буквами **и** и **і**, употребив первую для выражения звука, среднего между русскими **и** и **ы**, а вторую — для выражения мягкого **і**, соответствующего русскому **и**. Затем Кулиш ввел знак **є** для мягкого **е** и латинское **g** для обозначения мгновенного **г**. Однако все эти изменения были уже раньше предложены различными украинскими писателями и исследователями языка.

Еще в 1818 г. Ал. Павловский в своей «Грамматике малороссийского наречия» для мягкого **и** принял букву **і** и писал: *місяць світыв, баглаі, сто кіп, піп, коле в ніс, кулі, дзыкгарі, віныків* (стр.78-81). Но он еще сохранил **ы**. Издатель альманаха «Снјп» А. Корсун в 1841 г. отбросил и **ы**, заменив его, как впоследствии Кулиш, буквою **и** (**і**), но не сохранил **і** в таком значении, как у Павловского, а вместо него употребил **j**. Он писал: *ти, ми, велик-день, жиди, прійдеться, двj, рjк, надjявись, зобjжають* и пр. (стр.15).

Отрицательно отнесся к **ы** и А. Метлинский в своем «Южном русском зборнике» (1848): он заменил его латинским *і*, а для секундарного **і** из **ѣ** оставил русское **и** (**і**) и для такого же из **о, у, е** употребил **û** или **î**. Он писал:

Край села Тепл*і*ц, у стоку ричк*і* Полан*і*на
Горювала дорогая ж*і*нка Хар*і*т*і*на
Вûсим лит без чоловика: вûн Тарасом звався,
Був в погонцях за Дунаєм, та десь и дивався.
Вже його и рûд, и люд*і* стал*і* забуват*і*...
(Наталя, 3)

Кулиш воспользовался указаниями Павловского и Корсуна и, отбросив **ы** и латинское *і*, принял для своего правописания только **и** и **і**.

Вопрос о мягком є также был подготовлен. Сперва пробовали писать в необходимых случаях ѣ, придавая ему не старинный украинский выговор (і), но великорусский, и писали: *весільлѣ, клочьчѣ, подзвіньнѣ, ѣретык, ѣрепуд* (Павловский, Граммат., 28, 39, 52, 67), *прежнѣ* (Снјп, 61). Но Метлинский уже ввел старое є и писал: *сонечко вечірнє* (Южн. русск. зб., перв. нум., 27), *заграє море й за шпує* (ibidem Гарасько, 5), втретє (ib., 6). Этот способ обозначения звука принял и Кулиш, но ограничил его применение: он употребляет в своих «Записках о Южной Руси» є только после согласных и пишет: *лихоліттє, милосердє* (I, 3, 36), но *вижидае, промовляе* (28).

Наконец и латинское g для обозначения мгновенного г употреблено было раньше Кулиша Метлинским: *gуля, gудзик* (перв. нум., 17).

Таким образом Кулиш воспользовался вполне подготовленным материалом; но ему принадлежит заслуга умелого выбора из этого материала, умелой комбинации избранных им элементов правописания, и нужно было такого знатока языка, как Кулиш, чтобы выбор этот был сделан столь удачно.

Если Кулиш не был единственным автором первоначальной вариации современного украинского правописания, то Желеховский совсем уж не обладает правами на имя создателя второй вариации этого правописания: она была подготовлена и создана целым рядом литературных и научных деятелей.

Каковы были дальнейшие изменения в правописании, внесенные в вариацию Кулиша (мы говорили лишь о тех, которые более или менее удержались в современном правописании)? Они были следующие: распространено употребление є на ряд новых случаев, ё заменено знаками **йо** и **ьо,** введены знаки ї и ґ, отброшен знак ъ и введен апостроф.

Как уже сказано, Кулиш принял букву є для употребления только после согласных; но уже в 1862 г., в статье: «Дещо про українське писання и про словосбір К. Шейковського» (Черниговский Листок, 1862, №№ 2-3) известный этнограф М. Номис (Симонов) настаивает, подобно Метлинскому, на употреблении є также и в начале слов и после гласных и применяет это правило в своих «Українських приказках» (1864): *Хто в літі гайнує, той в зімі голодує* (12), *каєцця* (13), *дощ ллє* (13); то же делает И. Рудченко в своем издании «Народных южнорусских сказок» (1869): *єсть* (5), *мурує* (7); наконец это написание принимает и «Юго-Западный Отдел Императорского Русского Географического Общества» в своих «Записках» (с 1-го тома за 1873 г.): *літає* (Прилож., 35), *києм* (ibidem, 35), єще (25) и пр. После этого такое употребление є делается общим правилом.

Замена ё иными начертаниями также началась уже издавна. В первом издании «Энеиды» (1798) писалось: *іого* (ч.I, 2, 6), *з ліоху* (I, 8), *іон* (I, 8), *іому* (I, 9), *праціовита* (I, 11), — т.е. так, как писалось в XVII и XVIII веке; этот способ встречается иногда и у позднейших украинских писателей, а рядом с ним употреблялось и просто ё. Обозначение **јо** через **йо**, а мягкости согласной перед **о** при помощи **ь** находим уже у Метлинского в помянутом уже не раз «Ю*жном* р*усском* зборнике»; он пишет : *його* (Наталя, 3), *сльози* (перв. нум., 21) и пр. Это нововведение принимает впоследствии Рудченко в «Народных южнорусских сказках» (1869): *його, спідньому* (I, 3, 4), затем И. Левицкий-Нечуй в первом же издании своих «Повістей» (Л., 1872): *вечірньому, помальована, його* (стр.1) и т.д. В конце концов ё в настоящее время почти совершенно исчезло из украинских книг.

Высказывалось мнение, что Желеховский в своем словаре впервые ввел в употребление знак ї. Это ошибочно. Насколько нам известно, нововведение это было сделано «Юго-западным Отделом Императорского Русского Географического Общества»; по крайней мере, в первом томе его «Записок» мы уже находим этот знак: *мої, буйниї, жовтиї, доїла, своїми, їх* и т.д. (Прилож., 10-11). После буква ї встречается во

всех изданиях киевского кружка украинских литераторов и переходит в Галицию. Желеховский в своем словаре лишь расширил употребление этого знака: не ограничиваясь применением его для обозначения **ji** в начале слов и после гласной, а также после апострофа, он ставит его и после согласной для обозначения полного смягчения **л, н, д, т, с, з, ц**. Но это нововведение принято было только галичанами и буковинцами, — украинские писатели в России отнеслись к нему почти все отрицательно.

Для мгновенного (взрывного) согласного **г** особый знак употреблялся уже в XVII в.; этот же знак, немного измененный сообразно с начертаниями новой азбуки, заменившей кириллицу, был постоянно употребляем галичанами и в XIX ст. У писателей российской Украины эта буква впервые встречается, кажется у И. Левицкого-Нечуя во львовском издании первых его повестей («Повісті Ив. Нечуя», Л., 1872: *ганок*, 230, и пр.). В настоящее время предложенное Кулишем латинское **g** совершенно вытеснено в литературе этим знаком.

Знак **ъ** отброшен впервые Метлинским: *Настигли в город Таганрог.* (Гарасько, 64). Он оставил его только для «того случая, ежели нужно показать неслияние букв (мъясо)». (Предисл., 18). Кулиш восстановил эту букву* в своих «Записках о Южной Руси» (1856), в которых впервые выступил он со своим правописанием.

М. Г(атцук) в своем сборнике «Ў̂жинок рідного полå» (1857), а затем К. Шейковский в «Быте подолян» (1859) и в «Опыте южнорусского словаря» (1861) снова отбросили ее; но «Основа» печаталась с **ъ**. В 1861 г. петербургский кружок украинцев (громада), разбирая вопрос об украинском правописании, склонился к тому, чтобы этот знак употреблять только в средине слов, — об этом см. в помянутой статье Номиса «Дещо про українське писання» (Черниг*овский* Листок, 1862, №№ 2 и 3). В своем издании «Украінських приказок» (1864) Номис так и сделал; за ним последовал И. Рудченко в «Народных южнорусских сказках» (1869), а потом «Юго-западный Отдел Русского Географического Общества» в своих «Записках»** и т.д.

В настоящее время **ъ** исчез не только в конце слов, но также и из средины их, где он ставился раньше для сохранения твердости согласного перед мягким гласным.

Уже М. Гатцук в «Ў̂жинку» (1857) пробовал избавиться от **ъ** и в середине слов: отбросив и **ь** и **ъ**, он вместо первого писал ', вместо второго ` (см. предисл., 7), но при этом после губных он ставил ' и писал: *м'яка* (å=я), п'åтами (346), уб'ў̇ (ў̇=ю, 349) и пр. Но его правописание было неудачно вообще и не оказало никакого влияния на остальных писателей. Апостроф употреблялся у них только для обозначения выпадения звуков: *не було змалку, не буде д'останку, т'алеж* и т.п. В словаре Желеховского апостроф употребляется в составных словах после предлогов перед йотированными: *під'їдати, під'юдити, під'язичний, роз'юшити*; но после **б, п, м, в** перед йотированными не ставится никакого знака (*бє, пє, мясо, вялий*). Для писателей российской Украины это последнее написание является по многим причинам неудобным, поэтому употребление апострофа распространилось на все случаи отсутствия смягчения согласного, предшествующего йоте.

Таким образом из двух нововведений Желеховского (устранение всякого знака после губных перед йотой и употребление **ї** после согласных) ни одно не было принято писателями российской Украины.

Мы остановились только на самых главных пунктах истории возникновения существующего теперь украинского правописания, обходя частности и уклонения в сторону; но полагаем, что и сказанного достаточно для нижеследующих выводов.

В истории выработки современного правописания исключительная роль принад-

---

* Ошибочно противуположное мнение. Кулиш отбросил **ъ** только впоследствии, уже в семидесятых годах, вслед за другими.

** В 1-м томе (за 1873 г.) в одной части украинского текста еще есть **ъ**, во втором **ъ** уже совсем изгнан.

лежит только Кулишу; но и она ограничивается лишь выбором и комбинированием тех элементов правописания, которые уже были даны его предшественниками, причем Кулиш кое в чем оказался консервативнее их, и последующим поколениям пришлось возвратиться относительно употребления ъ и є к тому, что предложил Метлинский. Что касается Желеховского, то роль его ни в каком случае не может быть названа боле выдающейся, чем роль предшественников Кулиша или его последователей, и название современного украинского правописания у писателей российской Украины правописанием Желеховского не имеет достаточных оснований.

Таким образом история выработки украинского правописания не только не дает данных для признания этого правописания результатом индивидуального творчества одного или двух лиц, но наоборот — представляет все основания для совершенно противоположного вывода. Современное украинское правописание вырабатывалось целым рядом литературных и научных деятелей в течение всего XIX ст., постепенно все более и более приспособляясь к требованиям языка и практических удобств, и удовлетворило эти требования в очень высокой степени. Оно не явилось искусственно привитым, но развилось органически и крепко срослось с языком. Этим и объясняется почему оно, несмотря на запрещение его в России в течение тридцати лет, сейчас же возобладало, как только внешние препятствия пали. Таким образом вопрос о правописании решен самой жизнью, и нет не только необходимости, но, пожалуй, и возможности его перерешать.

Конечно, некоторые частности его нуждаются в более точном установлении; но в таком положении находится — и при том постоянно — правописание каждого живого языка. Только языки мертвые могут удовлетворяться неподвижно застывшим правописанием; живой же язык, постоянно, хотя и медленно, изменяясь, постоянно выдвигает и новые вопросы с целью приспособления имеющегося правописания к различным оттенкам и новым изменениям языка. Если в таком, сравнительно более молодом, литературном языке, как украинский, вопросов этих несколько больше, то это явление вполне естественное.

Переходя именно к тем частностям, которые затронуты докладом г. П. Стебницкого и постановлением Совещания, мы вполне присоединяемся к решению Совещания, отвергнувшего употребление знака ї после согласных (п.1), а также к решениям, изложенным в п.п.2, 6, 7 и 8.

Относительно пункта 5-го представляется необходимым сделать одно замечание. Ввиду того, что огромное большинство украинского народа говорит *знання, життя*, следовало бы, и по нашему мнению, для литературного языка принять именно эту форму; мы не являемся поэтому сторонниками написаний (для **литературного** языка) *знаннє, життє*; но в заключении Совещания сделан следующий вывод: «Написания... *знаннє, життє* представляются искусственными и подлежащими устранению». В какой степени обоснованным представляется этот вывод?

Некоторые украинские писатели издавна употребляли эту форму. Напр*имер* Кулиш: *безладдє, Запорожжє, гетьманованнє* («Чорна рада», 1857, стр. 9, 12, 14); также Номис: *биттє, просіннє, згіррє* («Черниг*овский* листок», 1862, № 2, стр.14) и др. Павловский также знал эту форму и писал в своей грамматике: *весільлѣ, клочьчѣ, подзвіньнѣ* (здесь ѣ=є; стр. 28, 39, 52). «Программа для указания особенностей местных народных говоров в Южной России», напечатанная в VII-м томе «Трудов» Чубинского, отмечает эту форму в народной речи: она указывает на то, что существительные среднего рода, кончающиеся в великорусском языке на **іе**, оканчиваются «Нежинско-Переяславском, Черниговском и Полесском — на є с удвоением согласного звука: *зільлє, весільлє*» (Чубинский, «Труды», VII, 535). И действительно, мы находим эту форму в народных произведениях. Вот примеры из «Записок о Южной Руси»: *лихоліттє* (I, 3 ?), *стараннє* (I, 35); из песен V-го тома Чубинского: *спасіннє*

(177), *дівованнєчко* (Черниг. г., 575), *гуляннєчко* (Черниг. г., 575), *сніданнє* (Козелецк. у., 703), *жениханнє* (Переясл. у., 719), *панування* и *горюваннє* (Борзенск. у., 744), *воюваннє* и *горюваннє* (Кролевецк. у., 769), *прогуляннє* и *горованнє* (Звенигородский уезд, 768), *полюваннє* (Козелецкий уезд, 766), *погуляннє* и *горёваннє* (Полтава, 767), *починаннє* (Суджанск. у., 775), *полёваннє* и *горёваннє* (Волынск. г., 776), *платтє* и *платтєчко* (Козел. и Черниг. у., 739, 740, 616), *зіллє* (Переяславск. у., 720), *зіллєм* и *зіллєчком* (Остерск. и Козелецк. у. 694, 693); из «Черниговских губернских ведомостей»: *похмілле* (1860, №16, стр.19; Батурин). Если даже предположить, что в некоторых из этих примеров, а также во многих других, нами не отмеченных, є поставлено ошибочно, то все же в остальных случаях такое написание соответствует действительному народному произношению. Как бы то ни было, но, в виду указанного, вопрос о том, действительно ли формы на є с удвоенными согласными являются искусственными и в силу этого подлежащими устранению, нуждается в пересмотре.

Совещание не признало целесообразным (п.3) изображение звуков **jo** через **йо**, а мягкости согласного перед **о** через **ь** (*його, сього*). Конечно, этот прием находится в противоречии с употреблением букв **я, є, ю** для аналогичных случаев; но это еще не значит, что он должен привести к системе Драгоманова вообще. Написания **йо** и **ьо**, без всякого вреда для дела, могут быть сохранены при сохранении **я, є, ю**. Теоретически здесь, конечно, непоследовательность; но практически, для целей точной и всем понятной передачи звуков, эта непоследовательность не имеет никакого значения. Наоборот — при первоначальном обучении грамоте **я, є, ю**, как известно, представляют одно из больших затруднений для учащихся. Учащимся уже известно, что одна буква строго соответствует одному звуку; здесь же они встречаются с новым явлением: буква обозначает в одном случае два звука (**йо**), а в другом — смягчение согласного и звук, при чем для смягчения, как они знают, имеется и особый знак. Все это вносит путаницу в их понятие о соответствии буквы звуку, и каждый учитель хорошо знает, с каким трудом он добивается правильного выговора слогов с **я** или **ю**. Вот почему хороший учитель грамоты всегда отодвинет изучение **я, є, ю** на конец алфавита; обыкновенно даже с того начинают, что предварительно знакомят учеников с *мойа, мойу, дитьа, льюди*, а потом уже объясняют ученикам, что вместо **йа** и **ьа**, **йу** и **ьу** принято ставить **я** и **ю**. Если в украинском правописании будут сохранены написания **йо, ьо**, — это значит, что ученики не будут изучать одной лишней буквы (ё), а просто, без всяких подготовлений, прочитают и *його*, и *сльози* — только потому, что им уже известны буквы **й, о, ь**, — т.е. ученики будут избавлены от лишнего труда. В то же время пример с **йо, ьо** очень удобен для того, чтобы облегчить им понимание того, чтоо **йа, ьа=я**, а **йу, ьу=ю** и т.д. Таким образом при написаниях **йо, ьо** сберегается и облегчается труд обучения грамоте. А это важное преимущество правописания; не может быть сомнения в том, что то правописание будет лучшим, которое, при соблюдении научных требований возможно точной передачи звуков языка, в то же время наиболее просто и легко для изучения грамоты: запутанное и трудное правописание, хотя бы оно было и очень последовательно с теоретической точки зрения, может служить сериозной преградой для просвещения народных масс. Конечно, все эти соображения не имели бы такого значения, если бы **ё** получило право гражданства в украинском правописании и все к нему привыкли-бы. Но дело в том, что этого-то как раз и нет. Как мы уже говорили, **ё** издавна не нравилось украинцам, и они пробовали заменить его чем либо иным и писали то **іо**, то **jo**, то **йо** и **ьо**; наконец, остановились на этих последних изображениях. Уже много лет, как **ё** почти исчезло из украинских книг и газет. В Галиции и Буковине его совсем нет; изданные в прошлом и настоящем году украинские азбуки отрицают его. Если начать вновь вводить его в правописание, — начнется опять путаница: одни будут за **йо** и **ьо**, другие за **ё**. Это бу-

дет только сбивать с толку и писателей и читателей. Если-бы к настоящему времени **ё** уже привилось в украинской литературе, — следовало бы его, в целях практических, сохранить; но если оно исчезло, то теперь практически вредно заниматься его восстановлением и тратить на это время. Наконец, если употребить **ё** для составленного уже и готового к печати украинского словаря, то придется изменять в нем порядок слов, чтобы сохранить правильный алфавитный порядок; такая работа может оказаться особенно бесплодной в том случае, если украинские писатели, привыкнув к употреблению **йо, ьо**, останутся при старом и не примут **ё**. Что же касается теоретического противоречия между употреблением **йо** и **ьо,** с одной стороны и **я, ю, є** с другой, то вряд-ли есть основания придавать этому значение: противоречия, в большей или меньшей мере, встречаются в каждом правописании.

По вопросу о том — как писать «*пять, пью, зъявилось*» Совещание «обратив внимание на этимологическое различие относящихся сюда случаев, не могло не признать их фонетической однородности в современном украинском языке». Отсюда сделан вывод, что «с фонетической точки зрения — а именно она в данном случае должна быть признана руководящею — необходимо рекомендовать один общий прием для изображения всех относящихся сюда случаев». Мы всецело присоединяемся к этому выводу и его обоснованию.

Совещание указывает три приема правописания. Один из них — употребление апострофа — совещание отвергло, — по этому поводу мы будем говорить ниже. Второй прием — писать *пять, пю, бєм* Совещание отвергло также «на том основании, что украинцев, знакомых с великорусским языком, подобные написания будут всегда приводить в смущение, ибо трудно отрешиться от прочтения их как *p'at', p'u, b'em*»*. К этому совершенно справедливому соображению мы прибавим еще, что такие написания были бы истинным камнем преткновения в школе при обучении украинской грамоте, особенно рядом с изучением русского языка: для детей, как уже сказано, буквы **я, ю, є** и так представляют затруднения, теперь же пришлось-бы объяснять третью особенность, связанную с употреблением этих букв, а именно, что при чтении известные звуки необходимо произносить отдельно от **я, ю, є**, при чем правило это не имеет места в русском языке и пр. и пр. Этот прием изображения неудобен еще и в другом отношении. Он пригоден только для губных; если же его принять и для остальных случаев, то придется одинаково изображать согласный с **я, ю, є** и в тех случаях, когда он смягчается, и в противоположных и писать: *ряд (рьад) и піря (пірйа), подяка (подьака) и підязати (підйазати), узятися (узьатися) и зявитися (зйавитися), карюк (карюк) и матірю (матірйу)* и пр.; или же пришлось-бы употребить для таких слов какой-либо иной прием, что противоречило-бы высказанному Совещанием совершенно справедливому мнению о необходимости одного общего приема для всех относящихся сюда случаев.

Совещание остановилось на третьем приеме: *писать пьять, пью, бьєм, обьїжджати.* По этому поводу в заключении его говорится: «Правда, **ь** — это знак мягкости, а губные в подобных случаях произносятся твердо, но не следует упускать из виду и таких случаев, где вместо губной имеются другие согласные, напр. **з** или **д** (*зьїсти, відьїзд*), которые в таком положении мягки». Но еще раньше Совещание

* В заключении Совещания говорится еще, что в украинском языке **вя** в некоторых случаях (в положении после согласной) читается как **v'a** (*святий*). Вопрос этот нельзя считать решенным. О нем говорили уже раньше, напр. г. К. Михальчук («Труды» Чубинского, VII, 482) г. В. Науменко («Обзор фонетич. особ. малор. речи», 42) и др. Быть может написание *святий* появилось только под влиянием великорусского языка. В народной речи мы имеем в этом случае целый ряд фонетических вариантов: *сьватий* (Кременецк. у., Гринченко, Этногр. мат., II, 71), *цьвах, цьвохкати, святий* (Гринченко, Из уст нар., 200 — Малинка, Матер. 92, 130); *свети* (Гринченко, Из уст, 221, 222) и даже *свиты, вечир* (Малинка, 97, Глуховск. у.).

не могло не признать фонетической однородности в современном украинском языке всех относящихся сюда случаев, а значит и случаев со звуками **з** или **д**. Если **д** и **з** в *відьїзд* и *зьїсти* действительно мягки, тогда не только нет надобности и для этих случаев употребить тот же прием, что и для случаев с губными, но наоборот — должно правописанием отметить отличие этих случаев; если-же, согласно заключению Совещания, эти случаи фонетически однородны со всеми остальными, тогда они не могут служить доказательством в пользу применения **ь**.

Как бы ни был решен этот вопрос, во всяком случае рекомендуемое Совещанием применение **ь** внесет в украинское правописание известную путаницу. Этот знак употребляется и будет употребляться для обозначения смягчения предыдущего согласного, в рассматриваемых же случаях он будет стоять для указания твердости губных и некоторых других. Это уже недостаток правописания, если один и тот же знак приходится употреблять для двух диаметрально противоположных целей. Это неудобно с научной, а еще более с практической точки зрения. Если мы обратимся снова к первоначальной школе, то увидим там учителя в затруднительном положении: каким образом он будет втолковывать детям, что в одних случаях **ь** — знак мягкости, а в других, совершенно наоборот, — знак твердости? Какая путаница должна получиться от этого в головах детей! Это может сбить их с толку до такой степени, что ошибки в употреблении буквы **ь** сделаются столь же частыми, как в русском языке ошибки на букву ѣ, и будут причинять и детям, и учителю много хлопот. Можно было бы помириться с этим, если бы таким образом достигалось хотя бы более точное обозначение звуков украинского языка; но здесь мы достигаем совершенно иных результатов: **б, п, м, в** не смягчаются, а мы ставим к ним знак смягчения. Известно, что правописание, с течением времени, также влияет на выговор звуков; поэтому употребление **ь** после **б, п, м, в** может повести к тому, что у лиц, хорошо говорящих по великорусски, эти звуки, под влиянием зрительного впечатления, станут в живой речи смягчаться не только для великорусского, но и для украинского языка. Если потеря этой особенности украинского языка является нежелательной с точки зрения чистоты его, то ее вряд-ли можно желать и с точки зрения научной, так как для науки важна и интересна каждая особенность данного языка.

Мы не имеем пока ни одного основательного доказательства в пользу употребления в разбираемых случаях именно знака **ь**; но за то, как видно из предыдущего, есть много неудобств, проистекающих от такого употребления. И едва ли представляется нужда в таком приеме, если существует другой, ни одного из указанных неудобств не имеющий.

Мы говорим об апострофе.

В заключении Совещания приведено только одно соображение против употребления этого знака: «написания *п'ять, п'ю, б'єм* Совещание отвергло для избежания знака апострофа, не всегда удобного и в печати, и в письме». В докладе г. Стебницкого говорится еще, что «широкое применение апострофа граничит с злоупотреблением и крайне затрудняет чтение».

Но г. Стебницкий сам устанавливает тот факт, что «вообще, апостроф имеет право гражданства в малорусской письменности, так как он часто употребляется для обозначения выпадения звуков: «щоб ти 'д того війська не зостався», и сам рекомендует употребление апострофа для составных слов, напр. *роз'яснить*. Таким образом — так или иначе — апострофа в украинской письменности не избежать, он в ней будет, а значит и каждый читающий будет знаком с его употреблением. Каким же образом он может, если так, «крайне затруднять чтение»? Почему при чтении слова *роз'яснить* и ему подобных читающий не будет затрудняться, а при чтении *пір'я* апостроф окажется затруднительным? Он будет таковым лишь в такой

степени, в какой затруднителен всякий другой знак, всякая другая буква до тех пор пока читающий ее не знает, и все затруднения исчезают, как только он научится ее читать.

Совешание не поясняет подробнее, какие именно неудобства и в печати, и в письмах представляет употребление апострофа. Что касается письма, то для написания апострофа вряд ли потребуется времени больше, чем для изображения вместо него **ь**; в печати действительно современное употребление апострофа несколько некрасиво: буква, после которой он стоит, слишком далеко отставляется от следующей за ним части слова; но это неудобство временное и объясняется тем, что современные типографии не успели еще приспособиться к украинскому правописанию, не имеют необходимых знаков и вместо апострофа ставят запятую. С течением времени, когда это уладится, слова с апострофом получат иной вид. По сравнению с другими, украинское правописание не будет богато надстрочными знаками даже и при употреблении апострофа. В частности, относительно имеющего печататься Словаря нужно принять во внимание еще то, что устранение из него апострофа повело бы к переработкам по установлению алфавитного порядка слов.

В виду всего сказанного, мы полагаем, что употребление апострофа в указанных случаях в настоящее время неизбежно. По нашему мнению, он может употребляться во всех тех случаях, когда требуется выразить, что согласная отделяется в произношении от следующих за ней **я, є, ї, ю**; что же касается таких составных слов, как *зочити, зучи́ти, зумі'ти, обора́ти* и пр., где представка стоит перед твердыми гласными, то нет никакой надобности ставить здесь апостроф, так как в произношении представка не отчленяется от следующего за ней согласного.

Б. Гринченко *(підпис)*.
Киев, 7 марта 1907.

Пантелеймон Куліш. Середина XIX ст.

№ 4
Лист Костя Михальчука до Академічної комісії

Михальчук Кость Петрович (1840-1914) — мовознавець, письменник-публіцист (псевдоніми: Х-л, Хохол), громадський діяч.

Народився 21 грудня 1840 р. в с. Зозулинці Махнівського повіту Київської губернії. Мати кріпачка (Євдокія Михальчук), батько — польський пан (Абрамович). Навчався у церковно-парафіяльній школі м. Сквира, трикласній повітовій школі м. Полонне (1853-1856), Житомирській (Волинській губерніальній) гімназії (1956-1858). У Житомирі зблизився з визначним польским письменником Юзефом Ігнаци Крашевським. 1859 року вступив на історично-філологічний факультет Університету св. Володимира. Увійшов до польської студентської «Української гміни». Товаришував з Володимиром Антоновичем та Тадеєм Рильським, спільно з ними зорганізував окрему «Українську громаду», займався проблемами української мови та народною психологією. У 1862 р., не завершивши навчання, виїхав у Бердичівський повіт, а потім на материн хутір Суслівку, де займався господарством. За агітаційну діяльність серед селян та зв'язки з поляками переслідувався Охранкою. 1869 року бухгалтер на заводах «Яхненків і Симиренків» в м. Городище Черкаського повіту Київської губернії. Співпрацював з П.Чубинським в етнографічних експедиціях. У 1873 р. — завідувач головною конторою акціонерного товариства Київського пивного заводу. Активний член «Старої Громади».

Досліджував українську діалектологію та граматику української мови, гостро полемізував з українофобами й сприяв розпрацюванню літературної української мови. Консультував укладачів загальновідомих словників Бориса Грінченка та Євгена Тимченка. Вперше в світовій практиці створив лінгвістичну карту.

Вважається основоположником української діалектології як науки; запровадив поділ українських говірок на три основні групи та ряд підгруп. Розглянув головні питання української історичної фонетики й морфології та генези української мови. Його вважають методологічним попередником структуралізму (розробленого Бодуеном-де-Куртеном та Фердінандом-де-Соссюром). Попри формальну неприналежність до наукових установ і малу кількість публікацій — через особливу вагомість ідей обраний членом-кореспондентом Петербурзької Академії наук.

В рукописах збереглася велика кількість неопублікованих (частково незавершених) мовознавчих, етнографічних, культурологічних праць Михальчука.

Помер 5 квітня 1914 р. у Києві.

Основні праці: «Наречия, поднаречия и говоры Южной России в связи с наречиями Галичины» (1872), «Открытое письмо к А.Н. Пыпину по поводу его статей в «Вестнике Европы» о споре между южанами и северянами. 1886» (1909), «Что такое малорусская (южнорусская) речь?» (1899), «Статистика в области диалектологии» (1893), «К южнорусской диалектологии» (1893), «Филологическое недоразумение» (1896), «К вопросу об ствердении слогов в малорусском языке» (1903), «До правопису м'якої деклінації в українській мові» (1908), «Програма до збирання діалектичних одмін української мови. 1899» (1910), «Чого хочуть від нас росіяни?» (1884, передр.: Київська старовина. 1994. №6. С.33-44, публ. М. Желєзняка), «К ответам кн. Е.Н. Трубецкого на анкету «Украинской жизни» // Укр. жизнь. 1914. №11/12. Автор споминів «Из украинского былого. К воспоминаниям Познанского» // Укр. жизнь. 1914. №5/6. С.13-20; №8/10. С.70-85.

Бібліографія: Записки Наукового товариства ім. Шевченка. 1914. Т. CXXI. С.225-233.

Архів: НБУ НАНУ. ІР, ф.І

Література: Автобіографічна записка // Записки НТШ. Львів, 1914. Т. CXXI. С. 233-240 (передр.: Київська старовина. 1994. №6. С.29-32); *Дорошенко Д.* З споминів про К. Михальчука // Літ.-наук. вістник. 1914. Кн.5; *Єфремов С.* Під тяжким хрестом // Рада. 1914. №110; *Єфремов С.* Безприходный ученый (памяти К.П. Михальчука) // Киев. мысль. 1914. №100; *Грушевский М.* Раз добром налите серце // Рада. 1914. №80; *Нікольський А.* Михальчук як філолог // ЛНВ. 1914. Кн.4; *Жилко Ф.* Костянтин Петрович Михальчук // Укр. мова у школі. 1954. №2; *Василько А.* К.П. Михальчук // Укр. жизнь. №4; *Вол. Я.* На страже научной правды и объективности // Там же; *Шахматов А.А.* Памяти К.П. Михальчука // Там же; Из отзывов печати о К.П. Михальчуке // Там же; Памяти К.П. Михальчука // Там же. №5/6; *Тимченко Є.* Огляд наукових праць К. Михальчука // Записки УНТ. 1914. Кн. XIV; *Петлюра С.* Памяти К.П. Михальчука // Укр. жизнь. 1914. №4; *Міяковський В.* З молодих років К. Михальчука //

Україна. 1924. Кн.4. С. 98-107; Листування К.П. Михальчука з О.О. Шахматовим та П.К. Сімоні // Науковий збірник Музею Української культури у Свиднику. Пряшев, 1985; *Железняк М.* «Я піду туди, куди піде мій народ...» // Київ. старовина. 1994. №6. С.24-28; *Ощинко І.Й.* К.П. Михальчук як діалектолог // Доповіді та повідомлення Львівського університету. Львів, 1961. Вип. 9. Ч.1; *Струмінський Б.* Костянтин Михальчук // 125 років Київської української академічної традиції 1861-1986. Н.-Й., 1993. С.151-162; *Шевельов Ю.* Кость Михальчук. Вінніпег, 1952; *Шерех Ю.* Українські мовознавці. І. Кость Михальчук (1840-1914) // Україна (Париж). 1952. №7. С. 502-507; Невідомий автобіографічний лист К. Михальчука (з архіву Ів. Стешенка) // Україна. 1927. Кн.5. С.59-69; *Петлюра С.* Статті. К., 1993. С.155-161; *Савенець А.* Кость Петрович Михальчук: Житомирський період життя // Волинь-Житомирщина: Іст.-філол. зб. з регіональних проблем. Житомир, 1998. С. 115-123; *Жовтобрюх М.А.* Наукова спадщина К.П. Михальчука // Мовознавство. 1990. № 6. С.56-63.

Киев. 5 мая 1907 года.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович.

Прошу извинения у Академической Комиссии по вопросу о малорусском (украинском) правописании, что по сие время я не прислал ей своего отзыва относительно положений, выработанных совещанием комиссии и изложенных в присланном мне протоколе ее заседания.

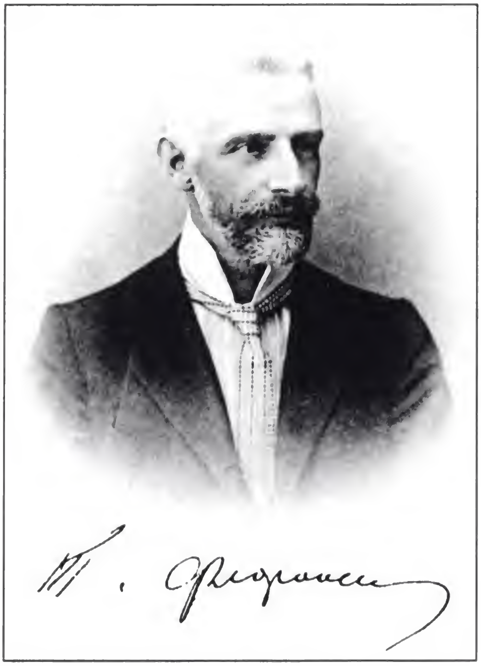
Меня этот предмет крайне интересует и я очень обрадовался случаю передать свои мысли о нем на обсуждение столь авторитетных ученых. Но к моему огорчению, упомянутый протокол академической комиссии я получил как раз в самое критическое для меня время, когда обыкновенно каждый год я всецело бываю поглощен массой своих служебных занятий (ежегодно в январе и феврале я отчитываюсь по всем делам нашего предприятия перед акционерами его), а затем, вследствие переутомления и влияния резких атмосферических перемен при переходе от зимы к лету, сильно обостряется весь комплекс моих хронических недугов и делает меня на более или менее продолжительное время совершенно почти неработоспособным. Так случилось и в этом году и притом в сильной степени. Вот уже около трех недель, как я лечусь и никак не могу придти в себя. Надеялся скорее оправиться и заняться ответом Академии, но вижу, что это не так скоро удастся. Поэтому считаю долгом сообщить Вам об этом, глубокоуважаемый Алексей Александрович, дабы не подумали, что я отвиливаю почему-либо от порученного мне дела. Напротив, оно, повторяю, чрезвычайно интересует меня, и как только немного приду в себя и наверстаю хоть отчасти запущенное по службе, сейчас-же примусь за составление своего доклада Академии, который, по-моему, требует возможно полного исчерпания предмета и тщательного обоснования предлагаемых орфографических приемов, путем наиболее целесообразного и планомерного согласования (или, пожалуй, компромисса) требований строго научных (фонетико-этимологических), практически-технических и педагогических (с неизбежными уступками исторической традиции и установившейся привычке). Но когда именно мне удастся заняться этим и как скоро исполнить мое горячее желание представить Академии свой доклад в таком роде, — одному Великому Неведому известно.

Недавно вышла здесь «Українська Граматика» Е.К. Тимченка. Мне приходилось принимать посильное участие в этом труде и почти со всем, что сказано в главе данной книги о правописании, я большею частью солидарен с автором. Жаль только, что в ней далеко не исчерпаны все вопросы украинского правописания, да к тому же вся книга напечатана с массой досадных пропусков, недочетов, извращений, ошибок и прочих дефектов.

Прошу принять мое искреннее заверение в глубоком уважении и душевной преданности.

Готовый к услугам К. Михальчук

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук, ф.137, оп.2, д.289, лл.1-1 об., 6-9, 25-37.



№ 5
Докладная записка по вопросу о введении преподавания малорусского языка в средних учебных заведениях

Флоринський Тимофій Дмитрович (1854-1919) — відомий історик-славіст, візантініст, філолог, цензор, видавець.

Народився 28 жовтня (9 листопада) 1854 р. у Петербурзі в родині протоієрея Петропавлівського собору, магістра богословія та історика Церкви. Навчався у 3-й Петербурзькій класичній гімназії (закінчив 1872 р. з золотою медаллю). 1872 року вступив на історично-філологічний факультет Петербурзького університету. Спеціалізувався по відділу славістики у професорів І.І. Срезневського та В.І. Ламанського. 1876 року зі ступенем кандидата закінчив університет і здобув золоту медаль за працю «Критический разбор свидетельств Константина Порфиродного о южных славянах». Залишений в університеті для підготовки до професорського звання під керівництвом В.І. Ламанського та В.Г. Васильєвського. У 1880-1882 рр. — лектор на Петербурзьких Вищих жіночих курсах. 20 грудня 1881 р. захистив магістерську дисертацію «Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в.» в Петербурзькому університеті. Лютий 1882 р. — обраний доцентом по кафедрі слов'янської філології Університету св. Володимира, викладав «славянские наречия, историю славян и славянских литератур». 1882-1883 рр. — відбув у наукове відрядження в Болгарію, Сербію, Хорватію, Моравію, Угорщину, Галичину. 1888 року захистив докторську дисертацію «Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков» в Університеті св. Володимира; обраний ординарним професором. У 1890-1905 рр. — декан історично-філологічного факультету. 1898 року член-кореспондент Петербурзької Академії наук; дійсний член Сербської та Югославської академій наук. Голова Київського слов'янського благочинного товариства.

Праці вченого про слов'янсько-візантійські зв'язки, публікації афонських актів, сербських юридичних кодексів не втратили свого значення й по сьогодні. Публікація і дослідження законодавства Стефана Душана вважається видатною подією в славістичних студіях.

З 1890-х років активно включився в публіцистику з слов'янської проблематики, обстоюючи панславістську ідею. Виступав проти українства і обґрунтував тезу, що українська мова є «наречием», тому не надається для закладів освіти. З Флоринським полемізували В. Антонович, С. Томашівський, К. Михальчук. Входив до Клуба російських націоналістів у Києві. Після встановлення в Києві більшовицької влади заарештований (як і інші члени Клубу) «в порядке красного террора» і розстріляний 2 травня 1919 р.

Основні праці: «Афонские акты и фотографические снимки с них в собраниях П.И. Севастьянова» (СПб., 1880), «Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века» (Вып.1-2. СПб., 1882), «Константин Порфиродный как писатель о южных славянах перед судом новейшей критики» (СПб., 1881), «Новые материалы для истории Дубровника» (СПб., 1881), «К вопросу о богомилах» (1883), «Политическая и культурная борьба на греческом Востоке в первой половине XIV века» (1883), «Новые материалы для истории Греции в средние века» (1883), «Общая характеристика югозападных и северо-западных славянских языков с их наречиями и говорами» (1893), «Изучение болгарской народной старины» (1885), «Гус и Виклеф» (1884), «Славянский ежегодник» (К., 1884; ред.), «Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков (Хрисовулы. Сербский Законник. Сборники византийских законов)» (К., 1888), «Вступительная лекция» // Университетские известия. 1882. №4; «Ян Амос Коменский, «друг человечества» (К., 1892), «Памяти Миклошича (1813-1891) (К., 1891), «Западные славяне в начале и конце XIX ст.» (К., 1895), «Успехи научной разработки польского языка за последние 25 лет» // Университетские известия. 1897. №8; «Зарубежная Русь и ее горькая доля» (К., 1900), «Славянофильство Т.Г. Шевченка» // Университетские известия. 1906. №8, 10; «Лекции по славянскому языкознанию» (Ч.1-2. К., 1895-1897), «Ян Коллар, певец «славянской взаимности» // Рус. обозрение. 1898. №2; «Несколько слов о малорусском языке (наречии) и новейших попыток усвоить ему роль органа науки и высшей образованности» // Киевлянин. 1899. №271, 272, 281, 287, 300, 304, 317, 318, 332; «Малорусский язык и «україно-руський» литературный сепаратизм» (СПб., 1900), «Славянское племя. Статистико-этнографический обзор современного славянства» (К., 1907), «Конспект по истории польского народа» (К., 1907), «История сербохорватской литературы. Лекции» (К., 1909), «Славяноведение. Лекции» (К., 1911), «Новая этнографическая карта Южной Македонии» // Университетские известия. 1914. №1; «Критико-биб-

лиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению» (Вып.I-XVI. К., 1896-1913).

Бібліографія: Новый сборник статей по славяноведению, составл. и изд. учениками В.И. Ламанского. СПб., 1905, прил. С.XXXI-XXXIII; Имп. Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования. М., 1915. Т.2. С.383.

Архів: НБУ НАНУ. ІР, ф.219. спр.38; РНБ. ОР, ф. 818, 665 спр.

Література: Т.Д. Флоринский // Университетские известия. 1882. №6. Офиц. часть. С.11-14; Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Университета св. Владимира (1834-1884). К., 1884. С.672-673; *Соболевский А.И.* Проф. Т.Д. Флоринский // Славян. известия. 1914 . №6; *Науменко В.* Решен-ли проф. Т.Д. Флоринским вопрос о книжной малорусской речи? // Киев. старина. 1900. Т.68. Кн.1. С.123-155 (відб.: К., 1900); *Антонович В.Б.* К вопросу о галицко-русской литературе (по поводу статьи проф. Т.Д. Флоринского) // Киев. старина. 1900. №3. С.396-423 (відб. : К., 1900); *Успенский Ф.И.* Еще о Т.Д. Флоринском // Вестник литературы. 1919. №6; Т.Д. Флоринский (Некролог) // Рус. ист. журн. 1921. Кн.7. С.251; *Сперанский М.Н.* Проф. Тимофей Дмитриевич Флоринский (1854-1919) // Науч. известия. М., 1922 Сб. 2.; *Francev V.* Timofei Dmitrijevic Florinskij // Almanach Èeské akademie véd a umì ni. 1923; *Наумов Е.П.* Флоринский Т.Д. // Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиогр. словарь. М., 1979. С.342-344; *Перченок Ф.Ф.* Список репрессированных членов Академии Наук // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С.205; *Яровий В.* Професор Т.Д. Флоринський — фундатор викладання історичної славістики та засновник болгаристики в Університеті св. Володимира // Київський університет як осередок національної духовності, науки, культури. К., 1999. Ч.1. С.63; «Изборник»: (Зб. статей на пошану Т.Д. Флоринського його учнів, колег і шанувальників. Набірний друкарський текст) // НБУ НАНУ. ІР, ф.219, спр.3.

В ноябре 1906 г. последовало разрешение Министерства Народного Просвещения на введение в Каменец-Подольской женской гимназии г-жи Славутинской преподавания малорусского языка, в качестве необязательного предмета. Подобные же разрешения даны двум частным учебным заведениям г. Одессы. Таким образом в средних учебных заведениях наряду с общим русским книжным языком допускается преподавание одного из областных русских наречий. Хотя это новшество пока вводится лишь в нескольких частных училищах, однако принципиальная важность его от этого нисколько не уменьшается, так как, будучи допущено в одном месте, оно легко может быть распространено если не на все, то на большую часть средних школ южной России и в таком случае будут существенно затронуты высшие интересы русской образованности и государственности. Спрашивается: вызывается ли это новшество действительными нуждами просвещения или же оно является праздной, и, быть может, и вредной затеей, не заслуживающей никакого поощрения со стороны правительства? Правильное и возможно обстоятельное выяснение и освещение этого вопроса представляется неотложным. В виду этого я по долгу службы считаю себя обязанным представить на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства несколько мыслей и соображений по существу данного предмета.

Внимательное наблюдение над настроениями и течениями общественной жизни в Юго-Западном крае и над ходом национального движения в соседней Галичине, равно как обильный материал, представляемый новейшей малорусской периодической печатью, не оставляет никакого сомнения относительно того, что упомянутые ходатайства о введении преподавания малорусского языка, пока в качестве необязательного предмета, есть только первый пробный шар, за которым должно последовать предъявление к правительству более широких требований, уже открыто высказываемых в органах, *так называемой* украйнофильской партии. Уже теперь раздаются голоса не только о необходимости изучения в школах малорусского языка, но и о признании его языком преподавательским в низших, средних и даже высших школах по всей территории «Украйны» и равно о допущении этого языка (наречия) в делопроизводство административных и общественных учреждений всей южной Руси. Другими словами в последнее время настойчиво пропагандируется мысль о необходимости разрушения созданного веками культурного и национального единства русского народа и о замене в пределах Малороссии общерусского государственного языка малорусским. В видах обоснования таких притязаний, выставляемых новейшим украйнофильством, придуманы и пущены в оборот новые мнимо-науч-

ные филологические и исторические теории, поддерживаемые некоторыми учеными и находящие себе место и на страницах иных ученых изданий. Так, теперь нередко утверждают, что малорусское наречие занимает в славянской семье языков совершенно особое самостоятельное место наряду, например с польским или болгарским языком, а малорусскую народность объявляют за совершенно самостоятельную этническую разновидность славянства, резко обособленную от великорусской народности. Единство русского народа не признается ни для настоящего времени, ни для минувших отдаленных веков. Древнейший Киевский период русской истории рассматривается как специально «украинско-русский», соединение Малороссии с Великороссией характеризуется как противоестественный и насильственный акт, подлежащий упразднению; взамен существующего политического единения русских народностей рекомендуется «украинская автономия», понимаемая многими в смысле учреждения «пролетарской украинской республики». Все эти планы и притязания не могут не казаться фантастичными, очень далекими от осуществления, прежде всего потому, что они совершенно непонятны массе простого малорусского народа и не встречают с его стороны сочувствия, тем не менее частичное проведение их в жизнь не невозможно. Требование преподавания в школах малорусского языка, как и требование учреждения так называемых украинских кафедр в южных университетах с преподавательским «украинским» языком составляет одно из первых звеньев в цепи широкой политической программы, точно формулированной в органах украйнофильской партии. Следовательно, при решении вопроса о допущении в школах преподавания малорусского языка необходимо считаться с отмеченными общими политическими стремлениями радикальной малорусской партии. По моему мнению, никакие ходатайства и требования, направленные к достижению этих стремлений, не должны встречать ни сочувствия, ни поддержки со стороны правительства и его органов.

Именно такое отношение к указанным притязаниям украйнофилов представляется единственно возможным и правильным также и потому, что они не имеют за собой твердых логических оснований и не вытекают из разумных требований жизни.

В самом деле, какие имеются логические основания для введения в школах преподавания малорусского языка. Если иногда говорят о необходимости преподавания польского или латышского языка в школах, в которых большинство учащихся принадлежит к польской или латышской народности, то это утверждение имеет смысл, так как для поляков и латышей русский язык не родной, а только государственный, и им естественно желать получить возможность изучать свои родные языки. Но по отношению к малоруссам это соображение теряет свою силу, так как для них русский книжный язык отнюдь не чужой, а свой родной, почти столь же близкий как великоруссам и белоруссам. Необходимо помнить, что все новейшие попытки обосновать самостоятельность и обособленность малорусского наречия и малорусской народности не состоятельны в теоретическом отношении и опровергаются самой жизнью. Современная наука устанавливает незыблемость следующих положений: 1) близкое этническое и культурное родство трех разновидностей русского народа — великоруссов, белоруссов и малоруссов настолько велико, что делает для них вполне возможным и естественным давно установившееся пользование одним общим книжным языком, выработанным общими усилиями всех трех народностей; 2) диалектические различия между великоруссами и малоруссами и в настоящее время не настолько значительны, чтобы мешать культурному единению двух ветвей одного народа в одном книжном языке. Правильность этих положений подтверждается самой жизнью: 1) хорошо известной легкостью взаимного понимания речи между великоруссами и малоруссами, 2) легкость усвоения детьми малоруссами общерусского книжного языка даже в современной далеко не совершенной народной школе и 3) явным предпочтением, какое оказывают грамотные малоруссы общерусской книге пред малорусской. Ссылки украйнофилов на Галицкую Русь, в которой малорусский язык допущен в школы и администрацию, не имеют зна-

чения для России. В Галичине такое положение дела обусловлено тем обстоятельством, что австрийское правительство не желает допустить официального употребления общерусского книжного языка. Однако, весьма характерно, что с этим положением не мирятся значительная часть образованного галицко-русского общества и народные массы, деятельно заботящиеся о приобретении знания общерусского языка, на котором в Галичине и Буковине издаются книги, газеты и журналы.

Если все эти соображения верны, то ясно, что для отмеченных притязаний и требований украйнофильской партии нет твердой почвы. Ни в одном государстве, ни у одного народа не преподаются в школах наряду с общим книжным языком областные наречия. Нет этого ни в Германии, где в школах преподается исключительно общенемецкий литературный язык, язык Лютера и Гете, и нет места нижненемецкому наречию, ни во Франции, где провансальское наречие, представляющее весьма значительную литературу, тем не менее не посягает на права общефранцузского книжного языка. Почему должно быть иначе на территории русского народа, уже осуществившего путем многовековых усилий национальное и культурное единство? Почему в угоду отдельным фанатическим кружкам, преследующим известные политические цели, должны быть приносимы в жертву высшие интересы русской государственности и образованности. Ведь искусственность, неестественность, внутренняя несостоятельность движения, направленного к культурному разъединению русского народа, вполне очевидны. Поэтому вполне правильно следующее заключение Комитета Министров, удостоившееся Высочайшего утверждения 1 мая 1905 г. «Комитет высказал, что малороссийское и белорусское наречия столь близки русскому языку, что совместное преподавание их не вызывается потребностью дела». В самом деле, для того, кто с детства пользуется разговорною малорусскою речью, преподавание этой речи в школе ничего не прибавит, а для незнающих областной малорусской речи изучение ее в школе не представляется необходимым.

В частности, введение в школах преподавания малорусского языка даже в качестве необязательного предмета вызывает следующие неудобства и сомнения. Параллельное преподавание малорусского наречия и русского книжного языка должно мешать учащимся не только младших, но и старших классов отчетливому усвоению правильной русской книжной речи и русской грамоты. Областные малорусские слова и формы они будут бессознательно смешивать с общепринятыми русскими словами и формами. Так называемое фонетическое правописание малорусских книг, усиленно пропагандируемое украинскими сепаратистами, будет создавать для учащихся большие трудности для усвоения установившегося правописания общерусской книги. Наконец, надо иметь в виду отсутствие подходящих учебников малорусского языка и недостаток учителей, которые имели бы надлежащую подготовку для преподавания этого предмета.

На основании всех изложенных соображений я полагал бы, что ходатайство Педагогических Советов средних учебных заведений о преподавании малорусского наречия не должны быть удовлетворяемы, как несоответствующие интересам просвещения и русской государственности и несогласные с разумными требованиями жизни. Вместо введения преподавания малорусского наречия гораздо целесообразнее было бы сообщать в одном из старших классов на уроках русского языка общие сведения об истории русского литературного языка и о разнообразии русских живых наречий и говоров. Таким путем можно было бы передать учащимся правильный взгляд на взаимные отношения русских наречий и русских народностей и тем создать существенные препятствия к распространению не только среди учащихся, но и в обществе заведомо ложных и недобросовестных украйнофильских тенденций.

Подлинное подписал: Профессор Т. Флоринский.

ЦДІАК, ф. 442, оп.857, спр.43, арк.15.

Міркування правлячої верхівки. 1907 року

№ 1
Доповідна записка генерал-губернатора Володимира Сухомлинова міністру внутрішніх справ Петру Столипіну про рух на захист української та польської мов у школі й Університеті св. Володимира. Січень 1907 року

Январь 1907 Конфиденциально

М*илостивый* Г*осударь*
Петр Аркадьевич.

Попечитель Киевского Учебного Округа сообщил мне, что к нему поступают ходатайства об открытии в г. Киеве и Юго-Западном Крае польских школ, а также о назначении католических законоучителей в низшие и начальные школы. Одновременно заявлены были ходатайства о преподавании малорусского языка в некоторых частных училищах, при чем ходатайства эти частью уже удовлетворены Министерством Народного Просвещения. В Университете Св. Владимира, за подписью более 1000 студентов, подано заявлений ректору об учреждении польских и украинских кафедр.

В преподавании в учебных заведениях вверенного мне края предметов на польском и малорусском языках потребности не представляется, так как никаких препятствий для успешного хода учебного дела, при преподавании на русском языке, как показал многолетний опыт, не наблюдалось. Разрешение в положительном смысле данного вопроса, возбуждаемого польской и украинофильской партиями в целях полонизации Юго-Западного Края и развития идей сепаратизма среди малорусского населения по моему мнению представляется не желательным в политическом отношении. Сообщая об изложенном Вашему Высокопревосходительству, считаю необходимым добавить, что я, по соглашению с Попечителем Киевского Учебного Округа и Преосвященным Платоном, Епископом Чигиринским, заступающим место Митрополита в его отсутствие, полагал бы не допускать в учебных заведениях Юго-Западного Края преподавания на польском или малорусском языках, тем более учреждения школ с таким преподаванием, а представляемым в Министерство Народного Просвещения ходатайства по сему предмету давать движения лишь по предварительному со мной сношению.

Равным образом требует крайней осторожности и вопрос о назначении в низшие школы католических законоучителей, так как последние могут быть в действительности учителями польского языка.

За сим, что касается учреждения в Киевском Университете польских и малорусских кафедр, то таковые, по моему мнению, политической опасности не создадут, если, конечно, преподавание будет вестись исключительно с научной целью.

Прошу принять и проч.
Сухомлинов *(підпис)*

ЦДІАК, ф.442, оп.857, спр.43, арк.1-2.

№2
Записка міністра внутрішніх справ Петра Столипіна Володимиру Сухомлинову про українську мову в освітніх закладах. 15 березня 1907 року

Конфиденциально

Милостивый Государь
Владимир Александрович!

В письме от 3 января сего года, за № 33, Ваше Высокопревосходительство изволили сообщить мне об обнаружении в Юго-Западном крае украинофильской и польской пропаганды, проявляющейся в попытках к устройству частных училищ с преподаванием на польском и малорусском языках. Не усматривая надобности в преподавании наук в частных училищах на означенных языках и объясняя самое возникновение подобных попыток стремлениями польской и украинофильской партий к полонизации Юго-Западного края и развитию идей сепаратизма среди малорусского населения, Вы, Милостивый Государь, признаете осуществление подобных попыток и стремлений нежелательным в политическом отношении.

Копия письма Вашего Высокопревосходительства была сообщена Министерством Внутренних Дел Министру Народного Просвещения, который в отзыве своем по возбужденному Вами вопросу высказал ту мысль, что преподавание малорусской литературы недолго продолжалось-бы, если бы с него снята была прелесть запрещенного. По мнению Гофмейстера фон Кауфмана, запрещенный язык, вместо того, чтобы преподаваться гласно и публично дискредитироваться неизбежным равнодушием учеников и нежеланием родителей нести лишние расходы на новый предмет, будет преподноситься даром в частных собраниях полуграмотными украинофилами и, конечно, не как исследование грамматических форм, а как элемент самоопределения, и даст только новый повод центробежному движению как-бы оно нелепо ни было. Независимо сего, Министр Народного Просвещения указал на нежелательность стеснения преподавания малорусской литературы и по соображениям другого порядка. Именно возможно, что в Думе какая-нибудь группа киевлян, полтавцев или черниговцев предложит законопроект о преподавании малорусского языка на Украйне. Против такого мероприятия Министерство не будет иметь основания для возражения, раз родной язык всем разрешен, как предмет преподавания. Между тем, исходя от Думы, такой закон окажется победой над бюрократиею и будет уже мерою не педагогическою, а политическою.

Находя, с своей стороны, соображения Министра Народного Просвещения заслуживающими серьезного внимания, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство почтить меня сообщением окончательного заключения Вашего по существу настоящего вопроса, в связи с приведенными соображениями Гофмейстера фон Кауфмана.

Примите уверение в отличном уважении
и совершенной преданности.
П. Столыпин (*підпис*)

ЦДІАК, ф. 442, оп. 857, спр. 43, арк. 11-12.

№3
Записка генерал-губернатора Володимира Сухомлинова про українську мову в освітніх закладах, подана міністру внутрішніх справ Петру Столипіну. 22 травня 1907 року

22 мая 1907 г. Конфиденциально
№ 991

М*илостивый* Г*осударь* Петр Аркадьевич.

В письме от 15 марта с*его* г*ода* за № 104 Ваше Высокопревосходительство просили меня сообщить Вам мое окончательное заключение по возбужденному мною вопросу о нежелательности допущения преподавания предметов в учебных заведениях на польском и малорусском языках.

Оставаясь по упомянутому вопросу при моем прежнем мнении, изложенном в письме от 3 января с*его* г*ода* за № 83, я, в виду сообщенных мне соображений Министра Народного Просвещения, не согласившегося с приведенными мною доводами и указавшего на нежелательность стеснения преподавания малорусской литературы, считаю долгом сообщить Вашему Высокопревосходительству следующие мысли по существу данного предмета.

Внимательное наблюдение над настроениями и течениями общественной жизни в Юго-Западном Крае, равно как обильный материал, представляемый позднейшей малорусской периодической печатью, заставляют думать, что ходатайства о введении преподавания малорусского языка, возбуждаемые под влиянием украинофильской партии, являются лишь пробным выступлением, за которым должно последовать предъявление к правительству более широких требований, уже открыто высказываемых в органах названной партии, имеющей целью учреждение, взамен существующего политического единства русских народностей, «украинской автономии», понимаемой многими в смысле «пролетарской» украинской республики».

Планы украинофилов не могут не казаться фантастическими, далекими от осуществления, прежде всего потому, что они совершенно непонятны массе простого малорусского народа и не встречают с его стороны сочувствия, тем не менее проведение их в жизнь, хотя бы и частичное, не невозможно. Требование преподавания в школах малорусского языка, как и требование учреждения украинских кафедр в университетах с преподавательским «украинским» языком составляет одно из первых звеньев в цепи широкой политической программы, точно формулированной в органах украинофильской партии. Следовательно, при решении вопроса о допущении в школах преподавания малорусского языка, необходимо считаться с общими политическими стремлениями радикальной малорусской партии, которые, по моему мнению, не должны встречать ни сочувствия, ни поддержки со стороны правительства.

Такое отношение к притязаниям украинофилов представляется единственно возможным и правильным также и потому, что они не имеют за собой твердости логических оснований и не вытекают из требований жизни.

Если иногда говорят о необходимости преподавания польского или латышского языка в школах, в которых большинство учащихся принадлежит к польской или латышской народности, то это утверждение имеет еще смысл, так как для поляков и латышей русский язык не родной, а только государственный, и им естественно желать получить возможность изучать свои родные языки, но по отношению к малороссам это соображение теряет свою силу, т.к. для них русский книжный язык, выработанный усилиями великоруссов, белоруссов и их самих, отнюдь не чужой, но почти столь же близкий как великоруссам и белоруссам. Правильность этого положения подтверждается явным предпочтением, какое оказывают грамотные малороссы общерусской книге перед малорусской.

Притязания украинофильской партии неосновательны еще и потому, что ни в одном государстве, ни у одного народа не преподаются в школах наряду с общим книжным языком областные наречия и едва ли будет соответственным, идя на встречу отдельным фанатическим кружкам, преследующим известные политические цели, приносить в жертву интересам русской государственности и образованности в смысле национального и культурного единства, осуществленного путем многовековых усилий русского народа.

На основании всех изложенных соображений я, хотя и соглашаюсь с указанной Министром Народного Просвещения возможностью возбуждения в Государственной Думе группой депутатов украинцев вопроса о преподавании малорусского языка на Украине и предложения ими соответствующего законопроекта, тем не менее удовлетворение ходатайства о преподавании малорусского наречия в принципе признаю несоответствующим интересам просвещения и русской Государственности и несогласным с разумными требованиями жизни. Что же касается высказанного Гофмейстером фон Кауфманом предположения о том, что преподавание малорусской литературы, по снятии с него прелести запрещенного, будет дискредитироваться неизбежным равнодушием учеников и нежеланием родителей нести лишние расходы на новый предмет, то с таким предположением я не могу согласиться, ввиду того, что, как я сказал выше, в общий план украинофильской партии входит и вопрос о преподавании украинской литературы, и при практическом осуществлении означенного вопроса украинофилы без сомнения проявят присущую им настойчивость и фанатизм и сумеют поставить дело преподавания так, как им нужно. В данном случае примером может служить местная малорусская периодическая печать, которая, несмотря на небольшой, казалось бы, круг подписчиков и на оказанное на нее давление со стороны администрации, во время состояния Киевской губернии на военном положении, не только не пришла в упадок, но наоборот развивается, благодаря поддержке ее украинофильской партией, целям которой она служит. Прошу принять уверения в отличном уважении и совершенной преданности

Сухомлинов. 18/V

ЦДІАК, ф.442, оп.853, спр.43, арк.16-19.

II

Рух за відкриття українознавчих кафедр в Університеті св. Володимира в 1906-1907 роках*

№ 1

Звернення представників чернігівського українського громадянства до ради професорів Університету св. Володимира про підтримку справи заснування українознавчих кафедр. 20 квітня 1906 року

До Світлої Ради Імператорського
Університету св. Володимира у Києві

Ми, чернігівські українки і українці в численнім зібранні, виряжаючи посла до Думи Державної д. Іллю Шрага, серед інших своїх жадань, що мали б забезпечити

* *Матеріали підрозділу упорядковані і подані до друку канд. іст. наук доцентом **О.П. Мельничуком**. Упорядник зберігає правопис і орфографію оригіналів документів.*

Україні національно-культурний розвій і істнування в її природних і нормальних формах, висловили глибоке переконання, що висша автономна школа на території України повинна завести катедри: *української* — мови, літератури, історії, етнографії і права звичаєвого, з викладами тих предметів на українській же мові, аби вільне слово науки мали змогу слухати всі ті українки і українці, що прагнуть просвіти.

Подаючи се до відомости Світлої Ради, висловлюємо разом з тим певну надію, що репрезентанти науки підтримають наші жадання не тільки ідейно, але й практично. Року 1906, цвітня 20-го.

Д. Яворський, М. Коцюбинський, М. Федченко, Л. Шрамченко, М. Верзилов, М. Жук, В. Коцюбинська, А. Єременко, Л. Коцюбинська, І. Коцюбинська, М. Вороний, Г. Дорошенко, О. Андрієвська, К. Ващенко, Б. Чернявський, В. Харченко, І. Шраг (всього близько 80 підписів).

Держархів м. Києва, ф.16, оп.465, спр.1129, арк.68. Рукопис. Оригінал.

№ 2
З протоколу засідання історично-філологічного факультету Університету св. Володимира від 15 травня 1906 року

Присутствовали: Н.М. Бубнов, Т.Д. Флоринский, Ю.А. Кулаковский, А.Н. Гиляров, Ф.И. Кнауэр, Г.Г. Павлуцкий, А.И. Сонни, Г.И. Гелланов, В.Н. Перетц, А.М. Лобода, И.А. Лециус, М.В. Довнар-Запольский.

Предмет обсуждения: Рассмотрение заявления черниговских украинцев и украинок об учреждении кафедры украинского языка, литературы, истории, этнографии и обычного права с изложением этих предметов на украинском языке — для составления замечаний факультета по предложнению г. Ректора.

Определили: В целях составления требуемого заключения постановлено поручить специалистам по упомянутым кафедрам и желающим членам факультета письменно высказаться по вопросу о желательности названных кафедр и о языке преподавания.

Держархів м.Києва, ф.16, оп.465, спр.1129, арк.74. Рукопис. Оригінал.

№ 3
Записка об учреждении украинских кафедр в Университете св. Владимира, составленная проф. Перетцем

1906 г., мая 22
В историко-филологический факультет
Университета св. Владимира

Прошу Историко-филологический Факультет независимо от имеющего состояться решения по вопросу об учреждении украинских кафедр — передать нижеследующую записку в Совет Университета.

Профессор В.Н. Перетц (*підпис*)
Проф. Г. Павлуцкий (*підпис*)**

** Записка складена від першої особи і написана рукою проф. Перетца В.М., проф. Павлуцький Г.Г., певно, солідаризуючись з її змістом і підтримуючи колегу, поставив свій підпис.

По вопросу об учреждении украинских кафедр на историко-филологическом факультете Императорского Университета Св. Владимира имею честь представить следующие соображения.

Устраняя совершенно вопрос о языке преподавания на этих кафедрах как не подлежащий ведению университета, ибо он связан с другим вопросом, политического характера, и может быть решен только законодательной властью, я полагаю, что с точки зрения научной пользы, права университета и возможности найти соответствующих преподавателей — вопрос об учреждении украинских кафедр может быть решен в утвердительном смысле, по крайней мере относительно кафедр языка, литературы и истории.

С точки зрения научной пользы было бы чрезвычайно удобно выделить из русской кафедры кафедру украинской литературы. Историки литературы русской обычно касаются вопросов украинской литературы. Тогда, когда это необходимо бывает для их прямых целей. В общем же — украинская литература — и древняя, до XVIII в. и XVIII в. и новая — совершенно игнорируется при университетском преподавании, что, впрочем, и не удивительно, так как для русского ученого историка литературы достаточно дела и в области его непосредственного ведения. В итоге пренебрежения [...] история украинской литературы является крайняя неразработанность ее и отсутствие специалистов, прошедших хорошую филологическую школу. А создать их возможно только поставив на надлежащую высоту преподавание данного предмета и допустив возможность специализации. Насколько украинская литература игнорируется свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что даже в СПб. Университете при наличности 5-6 преподавателей по кафедре русской литературы — об украинской мне не пришлось слышать ни разу; а между тем вопросы ее судьбы весьма важны и интересны и для историков гражданских и для историков литературы русской и польской.

То же можно повторить и относительно разработки истории украинского языка, заключающей в себе много неразъясненных вопросов, касающихся как вообще истории славянских языков, так и в частности — русского. Систематическое пренебрежение к вопросам истории украинского языка и диалектологии привело к тому, что имея готовыми программы для собирания материалов по диалектологии великорусской и белорусской, мы не имеем ничего подобного по украинской. И когда пожелала Академия Наук создать такую программу — она ни в одном университете на украинской территории не нашла специалиста и была вынуждена обратиться к почтенному, правда, знатоку и любителю украинского языка, но — стоящему далеко от университета: к бухгалтеру одного киевского пивоваренного завода. Не думаю, чтобы такой факт мог служить на славу университета.

Перехожу к истории. Не будучи здесь специалистом отмечу одно: и история Украины, и право ее, и быт, служащий предметом изучения этнографов — слагались по иным шаблонам, по иным путям, чем на северо-востоке России. Близкая связь с Западом, влияние его законодательства, нравов, иные экономические условия — все это создает особый круг интересов, не всегда способный увлечь внимание историка Московского царства и После-Петровской России.

Признавая несомненную желательность учреждения украинских кафедр, я задаю вопрос: допускает ли *это* выработанный при участии нашем и наших депутатов — проект устава? Ответ читаем в статье 65: «университетам предоставляется учреждать новые кафедры, соединять и разъединять их» и т.д. — «увеличивать число профессуры и доцентуры, как в пределах имеющихся денежных средств, так и путем исходатайствования новых, на общих основаниях». Путь учреждения новых кафедр называется в ст. 9, II, 2-3: они учреждаются самим Советом университета по внесении соответственного предложения факультетом. Добавим еще, что новый устав (ст. 64) увеличивает значительно (с 16 — до 33) количество штатных преподавателей факультета, и уделение украинским кафедрам 2-х профессур и доцентур —

не отозвалось бы тяжело на распределении кафедр. Заметим в заключение, что ст.62 вносит в казанском университете кафедру татарской словесности; в варшавском — польской литературы, истории, языка; в юрьевском даже — эстонской филологии. Тем более справедливым кажется нам учреждение украинских кафедр.

Последним, чисто практическим вопросом является вопрос о преподавателях на украинских кафедрах. Таковых можно найти и в России — из числа молодых ученых, можно обратиться и во Львов, где найдутся известные всей ученой Европе специалисты по предлагаемым к учреждению кафедрам. Наконец — ведь были же случаи, когда вводя новые кафедры правительство озабочивалось созданием специалистов: так в свое время знаменитый Срезневский — филолог и славист — вышел из Харьковского университета, где уже занимал кафедру политической экономии. Так путем отправки заграницу созданы были из молодых людей, только что окончивших университеты — специалисты по западноевропейским литературам, хотя, как мы знаем — не все из них готовились первоначально к этой специальности.

Заключаю: 1) украинские кафедры для научного развития и разработки соответствующих отделов знания и желательны и необходимы;

2) университет имеет право учредить эти кафедры вместе с утверждением нового устава; пока же может ходатайствовать на обычном основании;

3) возможность найти преподавателей — есть.

Учреждением новых кафедр — мы должны это помнить — мы отдадим лишь долг 28-миллионному народу, на территории которого мы живем и чьим трудом — в значительной мере — существуем.

Профессор В.Н. Перетц (*підпис*)
Г. Павлуцкий (*підпис*)
22.V.1906.

Держархів м. Києва, ф.16, оп.1, спр.1129, арк.70-73 зв. Рукопис. Оригінал.

№ 4
Стаття Івана Липи про роль студентства в боротьбі громадянства за українізацію народної освіти

До студентів-українців

Вільний університет хоче викинути з свого життя всі мудросплетені бюрократією тенета і йти шляхом самостійним.

Автономний університет — се початок у нас науки.

Хоч у Росії було й єсть багато вчених, професорів, проте справжньої науки було ще дуже мало, але і дуже мало було справжніх учених. Проте і таких учених життя політичне мимоволі втягувало в небажані для уряду події, а наслідком цього була еміграція таких вчених заграницю, де не мало з них стали славні на цілий світ. Університет, переважно студенти, на протязі півстолітньої боротьби за волю завжди вів перед.

Зараз, коли життя старе, як кожна стара будівля, з дня на день руйнується і отот упаде, університет перший здобув автономію.

Україна наша тільки прокидається.

Українське широке громадянство, перелицьоване на московський або польський лад, не може взяти в свої руки справу відродження народу. Для сього треба самому відродитися, потрібні сили духові, яких воно не має.

Студентство, як освічена молодіж, що не втяглася ще в старі традиції, не вичерпала своїх сил духових, найбільше може орієнтуватись у житті і прокласти стежку українському народові до волі, добробуту, щастя.

Одна з цих стежок — то буде устрій автономного університету, де наш народ буде мати на українських кафедрах своїх представників і заступників.

Старі професори, «немножко малороссы», авторитетно висловлюють, що наша мова наукова ще не вироблена, або виробляється в Галичині під польським впливом, що бракує українських лекторів, але саме цим вони доводять, що потреба українського університету єсть неминуча. Хто визнає, що вкраїнський народ мусить жити власним національним життям, що обрусіння, яке до сього часу вбивало його душу — се велике зло, той не може не згодитись, що чим раніш Україна почне розвиватися на своїх народніх основах, тим швидче настане час нормального для народу життя.

В справі заснування українських кафедр студентство подало свій голос та й занишкло.

А між тим, при сучасних обставинах, студентство як корпорація у *вільному* університеті єсть господарі всього діла і від їх вимагань у найбільшій мірі залежить устрій цілого університетського життя. Тільки вони зараз можуть здобути коли вже не цілий український університет, то принаймні кілька кафедр на народній мові. Вони ж з свого кола через який час можуть виділити славну наукову силу.

І коли авангард громадянства — студенти зараз не подбають за це, не здобудуть в Києві, Одесі, Харкові джерел для вкраїнської науки, то не швидко будуть у нас і національні гімназії і українські народні школи.

Громадянство ж само, без молоді, отяжене «добрими» старими традиціями, не в силах посунути сю справу власними силами і, на нашу думку, доля України зараз у руках студентів. Коли вони не скористуються теперішнім часом, то виступить згодом якась інша сила, що зробить в історії нашого відродження їхнє діло.

Рада. 1906. № 16. 3 жовтня.

№ 5
Оголошення про зібрання студентів для обговорення питання стосовно українських кафедр в Київському університеті

Студентське українське зібрання. У понеділок 16 жовтня вдень о 4 годині у IX авдіторії відбудеться загальне зібрання студентів українців для обмірковування питання про українські кафедри в Київському університеті.

Просять прибути всіх товаришів, що вважають себе за українців і спочувають розвитку України.

Рада. 1906. № 26. 14 жовтня.

№ 6
Стаття Симона Петлюри про зібрання студентів Київського університету 16 жовтня 1906 року, на якому було прийнято заяву — звернення до керівництва учбовим закладом заснувати в ньому українознавчі кафедри

Зібрання студентів-українців Київського університету

В одному з попередніх чисел «Ради» подано було коротеньку звістку про зібрання студентів-українців Київського університету з приводу заснування в цьому університеті українських катедр.

Тепер ми можемо подати більш докладне справоздання з тієї збірки.

Ще за кілька день у місцевих газетах уміщено було оповістку про цю збірку та заклик до всіх студентів-українців усяких партій та напрямку прийти на неї. Зі-

брання призначено було на 4-ту годину. Зійшлося дуже багато людей: IX авдіторія університету була повна і багато мусіло стояти біля дверей та в коридорі.

Почалось зібрання з реферату студента [Дмитра] Д[орошен]ка. Реферат написано цікаво, з докладним знанням справи. В цьому рефераті д. [обродій] Д[орошен]ко виясняв, яку велику силу має знання й культура взагалі для розвою свідомости народніх мас і зазначив, що український народ цілком позбавлено нормальної освіти через те, що шкільна справа на Україні поставлена антидемократично. І нижча, так звана «народня» школа, і вища нічого не дають українському народові; вони не тілько не допомагають розвитку вкраїнських народніх мас, не тілько не піднімають їх свідомости і культури, але ще й стоять на перешкоді цьому розвиткові. Через те, що теперішня і народня освіта і шкільна справа взагалі в основі своїй — антидемократична, через те, що наука по школах скрізь [ведеться] на чужій для українського народу мові, між українською інтелігенцією і народними масами вирито глибоку прірву, якої не тільки не засипає народня освіта, але ще більше викопує її вглиб. Народня просвіта — сила; там, де її поставлено розумно і на демократично-національних основах, там і народ стає свідомим, там він стає культурнішим і могутнім. Цього не можна сказати про народ український. І вкраїнське студентство, на думку референта, мусить допомогти своєму народові, домагаючись повної українізації народньої просвіти на Україні, починаючи від нижчої і аж до вищої. Першим ступенем до українізації київського університету референт вважав заснування таких катедр з українською викладовою мовою: 1) історії України; 2) української мови; 3) українського письменства (на історико-філологічному факультеті) і 4) українського права (на правничому факультеті). Лекції з цих наук мусять обов'язкові бути для студентів тих факультетів, на яких згадані катедри буде засновано. Що до тих студентів, які не знають української мови, то для них треба викладати ці самі лекції мовою російською. Спиняючись на професорах, які могли б викладати українською мовою, референт висловлював ту думку, що таких професорів є доволі, та хоч би їх і не було, то справу цю можна налагодити, покликавши їх з Галичини: в Галичині є чимало наукових сил, цілком придатних до того, щоб читати лекції українською мовою, а надто з таких наук, як історія України, українська мова та історія української літератури (письменства).

Після реферата д[обродія] Д[орошен]ка уповноважений од польського студентського товариства «Polonia» та від польської студентської збірки, що відбулась цими днями з приводу заснування польських катедр на київському університеті, повітали заходи студентів українців. Уповноважений од студентського товариства «Polonia» прочитав таке вітання (подаємо його в перекладі).

«Ми промовляємо в той час, коли ви, товариші-українці, висловлюєте слушні й необхідні для вашого культурного розвитку домагання. Ми промовляємо не для того, щоб вам, або нам — полякам, пояснити або угрунтовати слушність ваших домагань. Ми занадто довго поділяли спільну недолю, щоб тепер, коли зблисла зоря кращих днів, розводитись широко над тим, що є таким простим, ясним і потрібним. Ми виступаємо за для того, щоб дати вираз почуттю радости, що пливе з глибини нашого серця, яку ми відчуваємо, бачучи як братня молодіж українська ставить перші кроки в боротьбі за приналежні їй культурні права.

Молодіж польська, з'єднана в «Полонії» під прапором праці для добра польського народу, сполучала завжди з почуттям гарячої любови до свого рідного краю почуття сердечної жичливости до братньої України, зв'язаної з нами многовіковою історичною спілкою і спільною столітньою неволею. Направляючи всі свої сили до того, щоб вибороти належні нашому народові права, не забували ми ні на хвилину, що осягнення нашої мети можливе тільки при зміцненню й поглибленню єднаючого нас зв'язку, при добрій згоді та взаємному розвиткові. Тому-то зараз, вбачаючи в цьому вашому виступленню один з етапів розвитку вашої національної свідо-

мости і вашої культури, «Полонія» прилучає свій голос до ваших домагань і подає вам братерську руку; вона бачить у згідній праці і в зрозумінню взаємних потреб і цілей найпевнішу запоруку кращої будучности для обох братніх народів».

Після привітань почались досить палкі дебати з приводу реферату. Всі промовці говорили по українському і тілько один по російському. Всі погоджувались на тому, що народня школа на Україні повинна бути національною; ріжниця в промовах була лишень в тому, як оцінювати народню школу, та в тих мотивах, з яких треба виходити в справі українізації народньої просвіти. Тоді як одні доводили про потребу її з "чистих академичних та наукових» мотивів, — инші вбачали в питанню про українську просвіту — і почасти в питанню про українські катедри, тільки частину національного питання. Справа народньої просвіти, на думку цих промовців, мусить бути збудована на щиро-демократичній основі, а цього можна сподіватись лише тоді, коли в Росії буде заведено демократизацію державного ладу. Особливо цієї демократизації школи, що неминуче потягне за собою і націоналізацію її, потрібно для українських робітничих і селянських мас, які найбільше терплять і від національного гніту і від ненормального, антидемократичного становища народньої школи. Один з промовців зняв річ про те, що треба заснувати крім запропонованих референтом катедр ще й катедри досліджування економичних і взагалі господарських відносин на Вкраїні, бо відносини ці мають чимало відмінного від російських обставин та своєрідного.

Зібрання вітало промови гарячими оплесками. Знати було, що воно жваво цікавилось усим тим, що говорилось з приводу порушеної справи, видко було, що авдіторія цілком поділяє думку про кончу потребу українських катедр, що питання це вже достигло, і розв'язати його треба неодмінно.

Наприкінці зібрання ухвалило резолюцію — вимагати, щоб засновано було ті катедри українською викладовою мовою, про які було слово в рефераті д[обродія] Д[орошен]ка, з додатком катедри досліджування економичних відносин на Україні.

Резолюцію цю ухвалено було значною більшістю голосів при гарячих оплесках авдіторії.

Для редакції резолюції і переговорів з професорською радою зібрання обібрало комісію з 6 чоловік.

Тепер в університеті ця комісія збірає підписи всіх студентів, що або почувають себе українцями, або поділяють думки про конечну потребу українських катедр у київському університеті, для того, щоб подати їх професорській раді разом з докладом про потребу заснування українських катедр.

Рада. 1906. № 30. 19 жовтня.

№ 7

Стаття Бориса Грінченка про потребу заснування українознавчих кафедр в університетах як важливого кроку в справі національного розвитку України

Українські кафедри в Київі

З трьох університетів, які є на Вкраїні, Харківський та Одеський уже зробили постанови про те, щоб завести українські кафедри. Тільки Київ, духовний центр України, досі мовчав.

Недавньою постановою студентської збірки почато цю справу і в Київі. Студенти вимагають, щоб засновано було з українською викладовою мовою (а для тих, хто її не розуміє, — паралельно і з московською) оці кафедри: української мови, української літератури, історії України і кафедру українського права та досліджу-

вання економичних відносин на Вкраїні. Разом з тим у резолюції сказано, що це вимагання тільки на сей час, а взагалі українське студенство вимагає українізації всієї школи на Вкраїні.

Постанова ця, поперед усього, має щиро-демократичний характер.

Тільки чорносотенці або нетямущі люде сперечаються тепер проти того, що народня початкова школа повинна вчити народньою мовою. І тільки вони ж можуть сперечатися проти того, що початкової школи народові мало, що ми повинні так упорядкувати справу з просвітою, щоб народнім масам можна було переходити через середню, а далі й через вищу школу. Звичайно, зробити се відразу неможливо, це робитиметься поступово, але за для того, щоб се могло статися, неминуче треба, щоб мова у всіх цих школах була одна. І коли ми признаємо, що початкова школа повинна вчити народньою мовою, то неминуче мусимо признати, що тією ж мовою повинна відбутися наука і в середній та в вищій школі.

З другого боку — ніде на світі інтелігенція не є така відрізнена від народу, як у нас. Це страшно шкодлива річ. Живучи чужинцем між своїм народом, інтелігенція не може бути духовним проводирем мас, не може так як треба керувати їми і вести їх на шлях волі й світу з тії темряви й зневолення, в яких вони живуть тепер. Для духовної творчости народньої це розрізнення між народом і інтелігенцією є річчу просто убійчою. Націоналізація університету запоможе більшій націоналізації інтелігенції, наблизить її до мас і дасть їй змогу стати їх справжнім проводирем на дорозі до кращого ладу, до справжнього людського життя.

Вагу й значіння українських кафедр з погляду наукового трудно навіть зрахувати тепер усю. Багату й пишну вкраїнську мову не тільки не оброблено, а навіть і не зібрано докупи, хоч би в такій мірі, як московську в словарях Даля й Академії Наук; величезні багатства літературної народньої творчости хоч почасти й позбірані, та лежать облогом, бо розроблені страшенно мало; історія українського письменства, така оригинальна й інтересна, не тільки невідома серед ширшої публіки, але й з спеціялістів істориків літератури знає її тільки дехто та й то уривково; історія України, хоч і здавна зацікавлює дослідників, не вияснена досі й на половину; українське звичаєве право, економичні відносини на Вкраїні і т.д. і т.д. — про все це тільки згадується, а зроблено досі так мало, що близько до нічого. Коли ж з'являться на університетах спеціяльно кафедри за для того всього, а на їх талановиті й роботящі люде, — робота коло всього цього мусить внести величезної ваги вкладку не тільки в слов'янську, але і в світову науку.

Наукова праця коло українських мови, фольклору й письменства безперечно в великій мірі посуне наперед українську літературу, дасть за для неї силу нового матеріялу, розкриє перед нею широкі горизонти і запоможе їй зробитися глибокою й широкою, важною і дорогою для найширших мас; не меншу вагу матиме для нашого політичного виховання робота над українською історією, а для вияснення економичного становища робочого народу дослід економичних обставин на Вкраїні і т.д. Таким робом і з цього боку націоналізація, хоч би й часткова, вищої школи має характер цілком демократичного вимагання, опертого на дійсних потребах мас.

Що така українізація школи буде початком широкого й глибокого національного розвитку України — про це нема що й говорити.

Через це все ми щиро вітаємо постанову студентської збірки і сподіваємось, що київський університет зрозуміє свою повинність перед мілійонами того народу, в центрі землі якого він стоїть, і не стане в цьому розумінні нижче за університети Харківський та Одеський.

Рада. 1906. №30. 19 жовтня.

№ 8
Повідомлення про початок і хід кампанії збору студентських підписів під зверненням до ради професорів Київського університету щодо відкриття українознавчих кафедр

1

Справа українських кафедр на університеті. Київські студенти-українці почепили в університеті ось яку заяву: «На Всеукраїнській студентській збірці 16 жовтня постановлено було домагатися заснування на київському університеті таких кафедр: 1) української мови, 2) історії України, 3) історії українського письменства (всі три на історично-філологичному відділі), 4) кафедри українського права та досліджування економичних та господарських відносин на Вкраїні.

Усіх, хто спочуває цій постанові, просимо підписуватися. Всі ці підписи, разом із докладом, який виготує комісія, обрана на збірці 16 жовтня, подано буде до професорської ради».

Першого ж дня під цією заявою підписалося більше як 350 студентів ріжних національностей.

Рада. 1906. № 34. 24 жовтня.

2

В університеті. Під заявою студентів українців про заснування українських кафедр у Київському університеті підписалося за кілька днів до 700 студентів.

Рада. 1906. № 37. 27 жовтня.

3

В університеті. Під постановою про українські кафедри в університеті підписалось уже більш 900 студентів.

Рада. 1906. № 38. 28 жовтня.

4

В університеті. Під заявою про заснування українських кафедр в університеті вже є 1140 підписів.

Рада. 1906. № 47. 9 листопада.

№ 9
Статті Дмитра Дорошенка про необхідність підтримки українською громадськістю студентських вимог щодо відкриття українознавчих кафедр

1
Черга за громадянством

Справа українських кафедр у російських університетах була піднята ще торік в деяких місцях — українською інтелігенцією (у Чернігові, Полтаві, Харкові), а в Одесі й самим студентством. Та тільки за громами революції та реакції з боку уряду та темних сил громадянства справа ця не знайшла відгуку в ширших кругах українського громадянства та в пресі і промайнула майже безслідно. Але недавно, за почином київських студентів українців питання про українські кафедри в університеті знов виплило верх

і на сей раз в досить поважній формі: збірка, скликана в цій справі 16 жовтня в київському університеті, викликала самий живий інтерес серед студентства, а під ухваленою на цій збірці постановою домагатись 4 кафедр з українознавства з українською викладовою мовою підписалось *більш тисячі* студентів. На цю постанову почала відгукуватись і українська молодіж середніх шкіл, що видно з тих листів, що останніми часами почали надсилатись до редакції «Ради». Єсть надія гадати, що на постанову київських студентів відгукнуться й студенти інших вищих шкіл на Україні та й взагалі по Росії, бо відомо, що багато української молоді, навіть цілком свідомої національно, учиться по вищих школах Петербурга, в університетах московському, юрьєвському, варшавському та ин. Чи не тому з такою охотою й їде наша молодіж до столичних шкіл, що наші університети нічого не дають їй з науки про рідний край, не мають а ні трішечки національного характеру, не кажучи вже про те, що взагалі наука в них стоїть далеко нижче, ніж у столицях! Аджеж московський централізм відбився й на інтересах науки, забіраючи й висмоктуючи з бідолашних «окраїн» усе найвидатніше з наукових і взагалі культурних сил. І тому то українізація наших університетів мусить не тільки сконцентрувати українську молодіж у себе дома, але й притягти на Україну ті рідні наукові сили, що працюють тепер по чужих університетах. І те й друге має велику вагу для культурного розвитку українського народу.

Але для того, щоб скоріше здобули українські кафедри, мало бажань самого студентства, треба, щоб усе вкраїнське громадянство підтримало студентів у їх домаганню, треба, щоб справа українських кафедр зробилась справою цілого нашого народу. Заснування кафедр з українознавства мусить мати величезні наслідки для розвитку української культури не тільки в більш-менш далекій будучині, коли наступить повна демократизація науки, але й зараз, для того, щоб швидче збагачалась й приймала сталі форми українська літературна мова, щоб жвавіше розвивалося наше письменство й наука, щоб плекались й виховувались покоління української інтелігенції, свідомої національно й добре ознайомленої з життям свого народу в його минулому та сучасному. Через це українське громадянство повинно піддержати справу, яку порушили київські студенти-українці, воно мусить головно заявити про свою солідарність з їх домаганнями, воно мусить прилюдно виступити з заявами й адресами з цього приводу, воно мусить на сторінках української й російської преси виясняти цю справу теоретично й практично. Тоді тільки буде видно, що заснування українських кафедр — дійсно справа на часі, і з волею громадянства змушені будуть рахуватись ті, що держать тепер у своїх руках наукові й просвітні інституції.

Ми чули, що українська інтелігенція в Київі вже робить заходи, щоб підтримати студентські домагання. Нехай же се буде починком для земляків по инших містах, нехай гасло українізації наших університетів широко рознесеться по всій Україні, нехай досягне до народніх мас, в інтересах яких наше студентство домагається демократізації науки поверненням її на національний грунт!

Черга за українським громадянством!

Рада. 1906. № 40. 31 жовтня.

2

Ще в справі українських кафедр

Справа українських кафедр чим далі, то все більше починає зацікавлювати наше громадянство. Не кажучи про той інтерес, який виявила до цієї справи українська молодіж як вищих, так і середніх шкіл, що видно з численних підписів під заявою київських студентів-українців, яких в університеті до того часу, як його зачинено, зібрано було 1045, з тих листів, що надсилаються щодня до редакції «Ради» з ріжних міст

України від учнів середніх шкіл. Місцева преса теж дуже прихильно віднеслась до справи українських кафедр, порушеної на студентській збірці 16 жовтня. Про саму збірку було по всіх часописах уміщено просторі звістки, а в «Кіевской Рѣчи» та «Кіевском Голосѣ» уміщено спеціальні статі, присвячені питанню про українські кафедри. В «Кіев. Гол.» д[обродій] Петлюра надрукував статю (ч.41), в якій доводить, що одиноким правильним шляхом до демократизації шкільної справи на Україні може бути націоналізація попереду низчої школи, потім середньої, і вже на кінець цього процесу — націоналізація вищої школи. «Але вже й тепер, говорить д[обродій] Петлюра, є змога здійснити часткову націоналізацію вищої школи тим, щоб утворити кілька кафедр з українознавства. Українська історія, українська мова, історія української літератури становлять таку самостійну частину наукового знання, що виділити їх з загальних курсів російської історії, російської мови й історії російської літератури, де для них одведено занадто мало місця, а то иноді й зовсім не одводиться, і заснувати осібні кафедри для науки цих предметів уже і в наші часи безперечно можна. Коли нема ще закінчених і систематичних курсів цих наук, то це не може стояти на перешкоді до того, щоб утворити кафедри з українознавства. Ті монографії та неповні курси, що вже існують зараз, можуть в значній мірі улегшити систематизацію та сінтетичну роботу, як складатимуться більш-менш повні курси для кожної з зазначеної нами частин українознавства. До того ж відкриття цих кафедр було б безпосереднім імпульсом до систематичної й сінтетичної праці вчених, покликаних до викладання й академичного розроблення таких наук, як історія України, українська мова й історія української літератури». Що до кафедри історії українського права, д[обродій] Петлюра вважає потрібним почути перш авторитетне слово вчених спеціялістів.

Ми наводимо ці слова д[обродія] Петлюри через те, що вони являються висловом загального погляду на потребу й значіння українських кафедр, який поділяє свідома частина українського громадянства й тих кругів російського, які нам спочувають. Ми певні, що на цих точках [зору] погодяться й усі ті, що надалі висловлятимуться за потребу заснування кафедр з українства. Що до кафедри економично-господарських відносин на Україні, якої постановила домагатись студентська збірка 16 жовтня, то тут мабуть прийдеться згодитись з словами д[обродія] Петлюри, що «в наші часи, коли ще нема наукових праць, які б зводили до купи економичні відзнаки України в одну гармонійну цілість, бажання українських студентів навряд чи можна здійснити».

Але нам було б цікаво, щоб і громадянство й преса звернули більшу увагу на те, як практично здійснити справу українських кафедр. Ми думаємо, що й професорські ради університетів прінціпіяльно згодяться, щоб було засновано українські кафедри, але з певністю можна сказати, що вони не кивнуть і пальцем, щоб з свого боку зробити щось на користь цій справі. Це видно хоча б і з того, як віднеслась до справи українських кафедр харківська професорська рада, визнавши, що «університет не має матеріяльних засобів і сил» для заснування кафедр. Одже тут і мусить запомогти справі українське громадянство. Практичний бік справи українських кафедр лежить в тому, щоб знайти професорів, які б узялись до читання лекцій з українознавства, і утримання їх. Перше й друге тісно зв'язане. Коли б одразу можна було б запросити на нові кафедри тих професорів, що вже читають лекції по инших університетах, напр[иклад] у Львові, то треба насамперед подбати, щоб дати їм змогу істнувати матеріяльно, щоб можна було б пильнувати науки, не оглядаючись на те, з чого жити. Університет може дати (коли тільки дасть!) дуже небагато для професора необов'язкового предмету, яким напевно буде визнано українські курси. Громадянство мусить якось подбати про се. Може статись, що найбільш придатними для того, щоб заняти українські кафедри, виявляться деякі наші молоді вчені, що або лічаться зараз приват-доцентами, або просто працюють в науці, не маючи наукової степені. Як би їм забезпечити змогу попрацювати 2-3 роки виключно над тим, щоб підготовитись до

лекцій з українознавства, то ми б незабаром мали ті наукові сили, що зробились би професорами на українських кафедрах. Ми поки що не називаємо їх на ймення, але кожному, трохи обзнайомленому з українським письменством, відомо, що зараз у нас є чимало молодих письменників і вчених, що змушені частенько задля шматка хліба працювати в областях далеких од тої науки, спеціалістами з якої вони з'являються, напр. [иклад], українська історія, мова, історія української літератури.

В усякім разі справа українських кафедр — справа тільки українського громадянства і більш нічия. Ніхто нам в цьому допомагати не буде, ніхто нам з ласки кафедр не заснує. Українське громадянство мусить улаштувати практичний, або точніше матеріяльний бік справи, а українське студентство мусить боротись за свої бажання в межах університету, а також працюючи над тим, щоб будучні українські кафедри мали потрібні наукові сили. Ті студенти, що почувають в собі хист до науки, нехай зважать, що доля науки українознавства в університеті залежить не тільки од того, щоб дозволено було її завести, але й од того, щоб було кому її викладати.

До сього часу мовчать українські наукові круги. За винятком професорів Перетца та Сумцова ми не чули нічого од українських учених, що вони згадують про цю справу, яка найбільш їх торкається. Черга й за ними...

Рада. 1906. № 43. 3 листопада.

№ 10
Інформації про хід кампанії по збору підписів під зверненням студентів до ради Київського університету щодо заснування українознавчих кафедр

1
В університеті

Студенти просили нового проректора д[обродія] Морозова, щоб він дозволив поставити столик, на якому б краще було збірати підписи в справі заснування українських кафедр в університеті. Проректор висловився, що збірати, на його думку, підписи на університеті не слід, а робити це можна тільки приватним чином (се б то по кватирах).

— На цих днях студентська комісія в справі заснування українських кафедр виробила доклад, який буде подано в кінці сього тижня ректорові для передачи до професорської ради. З тої причини, що хтось зірвав недавно в коридорі кілька аркушів з підписами, комісія наново збірає тепер підписи і вивісила відозву, в якій закликає товаришів поспішити підписуватись, щоб скоріще довести справу до кінця. Поклик до студентів в цій справі написано трьома мовами: українською, російською й польською. Всього зібрано до сього часу підписів до 1200.

Рада. 1906. № 54. 16 листопада.

2
З університету

З приводу збірання підписів під петіцією що до заснування українських кафедр у київському університеті студенти-українці вивісили відозву, писану мовами: українською, польською, російською й єврейською. Збірання підписів (наново, бо частину аркушів з підписами хтось зірвав, і тепер прийшлось збірати підписи у друге) йде дуже жваво, не пізніш 21-22 листопада петіцію з усіма підписами буде подано ректорові.

Рада. 1906. № 57. 19 листопада.

№ 11
Заява студентів-українців, подана ректорові Київського університету

Вчора, 27 падолиста, студентська комісія в справі заснування українських кафедр у київському університеті подала ректорові заяву, яку той має передати до професорської ради. Під заявою підписалось 1430 студентів. Текст заяви такий (подаєм його в перекладі з російської мови):

До професорської ради університету св. Володимира у Київі

Твердо вірячи в готовність Ради університета св.Володимира йти на зустріч науковим інтересам академичної молоді, ми, нижчепідписані студенти університету св.Володимира, звертаємось до професорської ради з проханням заснувати в нашому університеті чотирьох кафедр з українознавства: української мови, історії й літератури — на історично-філологічному відділі й кафедри українського права в зв'язку з ізученням особливих рис економичного й сільсько-господарського ладу на Україні — на юридичному відділі.

Розвиток за останні часи національної свідомости серед українського громадянства привів до думки про необхідність заснування українських кафедр в університетах, що знаходяться на українській території — Київському, Харківському й Одеському, щоб розвинути й зміцнити українську культуру й запомогти розробленню наукових дісціплін, що торкаються ізучення життя українського народу в його минулому та сучасному, а також занятої ним території. З особливою силою ця думка почала висловлюватися з кінця минулого року, коли від української інтелігенції Харкова, Полтави й Чернігова було подано до рад харківського й київського університетів колективні петіції, в яких висловлювалося бажання, щоб у цих університетах було засновано кафедри української літератури, мови, історії, етнографії й звичаєвого права.

Українське студентство, яке гаряче приймає до серця інтереси розвитку української національної культури, в якому воно вбачає взагалі запоруку всебічного культурного поступу рідного народу, цілком поділяє погляди українського громадянства на необхідність мати кафедри з українознавства, з українською викладовою мовою в південно-російських університетах. На загальному зібранню студентів одеського університету в кінці 1905 року було прийнято резолюцію про необхідність заснування кафедр з українознавства, з українською викладовою мовою, і рада професорів одеського університета віднеслась до цього бажання студентів цілком прихильно.

На зібранні студентів-українців, яке відбулось 16 жовтня сього року, в IX авдіторії університета св. Володимира, на якому було біля 400 студентів, ухвалено резолюцію про необхідність домагатись заснування в київському університеті таких кафедр з української мови, історії, літератури й права в зв'язку з ізученням економичних осібностей України. Ця резолюція знайшла самий гарячий відгук, як серед самого студентства Київського університету, про що свідчить велика сила підписів, зібраних під резолюцією і доданих до цього прохання, так і серед українського громадянства, особливо серед шкільної молоді середніх шкіл, що видно з великої сили листів до редакції української газети «Рада», що засилаються туди щодня трохи не цілий уже місяць і висловлюють повну солідарність пишучих з постулятами українських кафедр у Київському університеті, що було виставлено на зібранні 16 жовтня. Серед цих листів, під якими стоять десятки й сотні підписів, є листи від учнів мужських і жіночих гімназій, духовних семинарій, вчительських інститутів та семинарій, сільсько-господарських та других спеціяльних шкіл та ин. До постанови зібрання 16 жовтня про необхідність заснования українських кафедр прилучились і студенти-українці київського політехничного інститута й слухачки київських вищих жіночих курсів. Таким робом, ідея заснування українських кафедр у Київському університеті, яку підтримують

нижчепідписані, йде назустріч гарячому бажанню української молоді бачити в Київському університеті кафедри з рідною мовою, присвячені ізученню України.

Українських предметів до сього часу майже зовсім не було між курсами, що читаються на нашому університеті. Як дуже рідкий виїмок читано іноді курси вкраїнської історії яко складової частини курсів російської історії, в курсах російської мови й літератури згадувалось иноді за українську мову й літературу (виключно про старі періоди останньої), але все це мало дуже випадковий і несістематичний характер, залежачи здебільшого від доброї волі професора, який займав кафедру російської мови або історії. Між тим, навіть у закордонних університетах предметам з українознавства присвячувано спеціяльні курси; так, не кажучи вже за львівський, чернівецький та краківський університети, де, наприклад, в першому існує біля 10 українських кафедр, професор Луї Леже читав у «College de France» в минулому шкільному семестрі лекції з української літератури, професор Леруа-Больє читав курс про сучасне становище українського народу в Паризькій школі політичних наук, а проф. упсальського університету (в Швеції) Люндель протягом уже кількох семестрів читає курси української літератури. Матеріялу, що єсть в нашій, та й взагалі у слов'янській науці — щодо окремих монографій та оброблених матеріялів, як це можуть засвідчити спеціялісти, цілком вистачить для того, щоб збудувати на його основі курси для університетської науки. Що до української історії з'окрема, то її дуже грунтовно розроблено в працях: пр. В. Антоновича, пр. Д. Багалія, пр. М. Владімірського-Буданова, пр. П. Голубовського, пр. С. Голубева, пр. М. Грушевського та його львівської школи, пр. М. Довнар-Запольського, І. Каманіна, пр. М. Костомарова, пр. Іконнікова, Н. Іванішева, Ол. Лазаревського, Ор. Левіцького, пр. І. Линниченка, пр. Ол. Маркевича, А. Яблоновського та инших; більшість цих учених належить або належала до професорів нашого університета, або до його вихованців. Українську мову й літературу, хоча в меншій мірі аніж історію, але все ж досить розроблено в працях: пр. О. Бреха, пр. М. Дашкевича, П. Житецького, пр. А. Кримського, К. Міхальчука, пр. М. Петрова, пр. О. Потебні, пр. В. Перетца, пр. О. Огоновського, пр. С. Смаль-Стоцького, академіка О. Соболевського, пр. М. Сумцова, акад. О. Шахматова, Ів. Франка, особливо ж в працях членів Наукового Товариства імени Шевченка у Львові. Для історії українського права, писаного й звичаєвого, а також економики, існують розвідки: пр. М. Владімірського-Буданова, С. Бершадського, пр. М. Грушевського, Ол. Єфіменкової, П. Єфіменка, пр. Ол. Кистяковського, пр. М. Ковалевського, Ол. Лазаревського, пр. Ф. Леонтовича, пр. М. Любавського, пр. І. Лучицького, пр. Малиновського, пр. Максимейка, Д. Міллера, П. Чубинського, пр. Ф. Тарановського, пр. Ясінського та ин. Заснування українських кафедр, як справедливо завважує пр. Сумцов, матиме своїм наслідком збільшення числа людей з науковими інтересами, увага яких буде звернута на ізучення рідного краю й рідного народу, — другого по численности в слов'янському світі.

Що до мови, якою мусять викладатись лекції на бажаних для нас кафедрах, то ми висловлюємось за рідну для більшості з нас — українську мову. Що найбільш відповідатиме нашій моральній свідомости того, що українська мова, зробившись мовою університетської науки, служитиме знаряддям вищої культури в ділі розвитку місцевої людности і займе приналежне їй місце в сем'ї других, більш щасливих слов'янських мов. Наука українською мовою безперечно може надолужити ту школу, яку зроблено для рішучого вироблення української мови сорокалітнім вигнанням цеї мови з ужитку в пресі, науці й більшій частині літератури, а також з усіх областей громадського життя в межах російської держави.

Сумнів що до придатности української мови для того, щоб зараз же завести університетські виклади тією мовою, ледве чи може виникнути, з огляду на істнування українських кафедр у львівському, черновецькому та краківському університетах, а також

тієї надзвичайно продуктивної й цілком наукової роботи, яка ведеться українською мовою в Науковому Товаристві Імени Шевченка у Львові. Істнуюча вже багацько років у Галичині українська преса, яка з минулого року почала істнувати й у Росії, може також служити доказом повної придатности української мови для наукових викладів.

В справі реалізіції нашого бажання, що торкається наукових сил, які б могли приступити до читання курсів українською мовою, то можна зауважити, що такі єсть у Росії, серед професорів та осіб, що мають наукові степені. На той випадок, як би в данний момент не знайшлось відповідальних професорських сил у Росії, можна звернутись до способу, до якого брались в аналогичних випадках і в Росії і закордоном: наприклад — обсадження кафедр Юр'євського (колишнього Дерптського) університету вченими з Німеччини, закликання до львівського університету польських учених з російської Польщі, нарешті — закликання вчителів середніх шкіл із закордонних слов'янських земель, що мало місце у нас в Росії. Також і в данному випадкові можна закликати українських учених з Галичини і взагалі з слов'янських земель Австрії, де немало вкраїнських учених займають університетські кафедри або стоять по-за університетом.

Ми дозволяємо собі сподіватись, що професорська рада університету, йдучи на зустріч значної частини своїх студентів — задовольнити цілком настиглу потребу в українських кафедрах, подбає про те, щоб скоріше увести в життя, коли можна, то й найблизчого семестру, заснования чотирьох зазначених вище українських кафедр, відшукає потрібні для їх утримання засоби й запросить відповідні наукові сили.

Рада. 1906. № 64. 28 листопада.

№ 12
Розмова з ректором київського університету *добродієм* Цитовичем в справі заснування українських кафедр

27 листопада студентська комісія, подаючи свою заяву в справі українських кафедр (друковану вчора у «Раді») мала таку розмову з ректором.

Прийнявши заяву з підписами — на 21 окремих аркушах, д[обродій] Цитович запитав, чи не з українською викладовою мовою бажають студенти мати ті кафедри. Почувши у відповідь, що з українською, д[обродій] Цитович сказав, що се, на його думку, неможлива річ, що київський університет — *російський університет*, утримується коштом російського уряду, а тому наука в ньому мусить бути виключно державною мовою, — російською. Коли один з студентів зауважив, що київський університет стоїть на українській землі, утримується коштом податків, які уряд бере з українського народу, та що взагалі інтереси розвитку місцевої мови не можуть суперечити інтересам держави, д[обродій] Цитович сказав, що в університеті не може бути викладів мішаних, всі мусять відбуватись одною мовою, зрозумілою для всіх студентів університету без виїмку.

«Ви всі, сказав д[обродій] Цитович, розумієте російську мову, а українську мову розуміють далеко не всі студенти». Один з членів студентської комісії сказав, що студенти домагаються українських викладів, які не мають бути обов'язковими для всіх, а тільки для тих, хто хоче слухати. д[обродій] Цитович відповів, що взагалі заснування нових кафедр не залежить од волі професорської ради, а що треба вдатися до вищої власти; можна одкривати тільки приватні курси при істнуючих уже кафедрах.

На запитання, як він, ректор, дивиться на заснування кафедр з українознавства з російською викладовою мовою, д[обродій] Цитович відповів, що се — инша річ, що тут, мабуть, справа залежатиме, чи знайдуться відповідні наукові сили для читання лекцій. Коли д[обродія] Цитовича запитано, як взагалі віднесеться до справи професорська рада, він сказав, що не береться пророкувати, але передасть прохан-

ня студентів на розгляд ради. При цьому завважив, що йому подано заяву й про польські кафедри, але її досі ще професорська рада не розглядала.

Наприкінці д[обродій] Цитович сказав, що відповідь ради він сам передасть на тому тижні, коли й просив зайти до нього.

Рада. 1906. № 65. 29 листопада.

№ 13
Стаття Симона Петлюри про важливість підтримки громадськістю справи заснування українознавчих кафедр в університетах

Громадянство і українські кафедри

Справа про українські кафедри в київському університеті і взагалі про націоналізацію школи на Вкраїні, порушена київськими студентами, прибрала широкі межі. Вона заінтересовала всі широкі гурти вкраїнського громадянства і, можна сказати, стала справою загально-національної ваги і значіння. Той, хто перечитував в «Раді» заяви культурно-просвітних товариств, селян, молоді, що учиться по різних школах вищих, середніх та нижчих, робітників — той мусить згодитися, що до справи націоналізації школи на Вкраїні виявила живий інтерес вся українська нація, представники ріжних класів і ріжних громадських гуртів. Можна з певністю сказати, що питання про українські кафедри і українську школу стало вихідною точкою широкого національного руху, характерною ознакою того, що вкраїнська нація, похована було живою в домовину, воскресає, заявляє про свої права і хоче ці права налити живим змістом, зробити їх реальними і користуватися з них для свого розвою. Кожен, хто почуває себе членом цієї нації, мусить радіти з цього, мусить з свого боку допомагати великій справі національного відродження і нового життя рідної нації. Та й кожен культурний громадянин, хоч би він і належав до иншого народу, не може не вітати нової епохи в життю українського народу, бо справа культурного розвою цілої людности може бути забезпечена тільки тоді, коли забезпечено культурний розвій окремій частині людности, кожній окремій нації. Нація — то круг, то — межі, серед яких тілько й може буяти пишним цвітом культурний розвій, приймаючи відповідно до місцевих обставин своєрідний характер і зливаючи національні звуки в одну велику вселюдну гармонію. Ця думка стала аксіомою життя, опертою на життьовому досвіді і виводах науки, і тілько той, хто не вміє читати в книзі життя і не слухає голосу об'єктивної науки, може говорити про шкоду і небезпечність для загального культурного розвитку від розвитку окремих пригнічених націй. Правду цієї аксіоми особливо відчувають, як показує історичний досвід, ті класи пригніченої нації, які найбільш терплять від соціяльного визиску та економичних злиднів. Тим то треба особливо вітати заяви українських робітників та селян в справі заснования українських кафедр на університетах і націоналізації народньої просвіти взагалі. Їхній голос — то найкращий доказ того, що справа, порушена київськими студентами, має глибокі корні в життю, що вона відповідіє наболілим інтересам милійонних мас народніх, а вкупі з тим цей голос може бути порукою і того, що коли не сьогодні, то завтра ця справа буде розв'язана так, як хочуть ці маси. Не можна не зауважити тієї характерної риси, яка червоною ниткою пронизує більшість тих заяв, що одержує редакція «Ради» в справі українських кафедр, а власне залежности національного українського визволення і націоналізації школи від долі визвольного руху по цілій Росії. Українські маси народні відчувають органічний зв'язок своєї національної долі з долею визвольного руху і на це не можна не дивитись, як на певний показник їхнього громадянського

зросту і політичної свідомости. Допомогти цьому зростові, підняти політичну свідомість на вищий ступінь — це перший обов'язок українських інтелігентних гуртів, на реалізацію якого вони мусять покласти всі свої сили й знання. І ми певні, що українське громадянство взагалі і студентські гурти його з окрема, зуміють цей обов'язок виконати, як зуміло київське студенство як раз в свій час порушити загально-національну справу і поставити її на певний демократичний грунт.

Звертаючись до того, як зустрів домагання київського студентства університетський уряд, ми, на жаль, мусимо сказати, що уряд цей показав себе з дуже негарного боку, як і треба було сподіватись цього від казенних жерців казенної науки. Ректор київського університету д[患родій] Цитович сказав, що ледве чи студенти можуть надіятись на те, що на українських кафедрах буде заведено викладовою мовою мову українську. Не через те, що, мовляв, для цього бракує наукових сил, котрі б володіли гарною вкраїнською мовою, а через те, що київський університет є державна інституція і в ній мусить панувати одна тільки мова — мова державна. Які нікчемні ці аргументи і як віє від них казенщиною! Учений професор не хоче знати, що університет удержується на гроші, зібрані з українського народу, і, значить, мусить повертати йому ці гроші, в формі зрозумілої і бажаної для українських мас національної науки.

Ми не будемо тут доводити нікчемности аргументів д[обродія] Цитовича. Їх доведе і знищить само життя. Але воно буде мертвою силою, коли саме громадянство не братиме участи в ньому, не буде вмішуватися в саму, як то кажуть, гущу життя. От через що українські народні маси мусять з подвійною енергією, і не зважаючи на неприхильні заяви д[обродіїв] Цитовичів і инших жерців офіціяльно-урядової науки, домагатись повної націоналізації народньої освіти на Україні і в першу чергу заснования українських кафедр в так званих південних університетах Росії. Цитовичі сьогодня мають силу, а завтра вони зіходять зі сцени; народні ж потреби завше залишаються і всевладно домагаються, щоб їх було задоволено. Рік тому не можна було сподіватись, що міністерство дозволило заводити українську мову по гімназіях, а сьогодні, під впливом громадських домагань, воно задовольняє їх, хоч і не повно. На таких придбаннях що до прав української мови українське громадянство не повинно зупинятись і, зламавши першу кригу, змагатись за повну націоналізацію народньої освіти на Україні.

Рада. 1906. № 73. 8 грудня.

№ 14
Інформація про звернення та текст заяви київського товариства «Просвіта» до Ради професорів університету про заснування українознавчих кафедр з українською мовою викладання

В справі заснування українських кафедр в київському університеті. Київське українське товариство «Просвіта» звернулося до «Совѣта Профессоровъ Университета св. Владиміра в Кіевѣ» із заявою одноголосно ухваленою на загальних зборах членів т-ва «Просвіта», в засіданні своєму 26 листопаду 1906 р. Заява ця такого змісту: «Товариство Просвіта, знаючи, що в київському університеті почалася справа про те, щоб завести кафедри з українською викладовою мовою і вважаючи, що ця річ мала б величезну вагу для розвитку науки й літератури на Вкраїні, що цим початком задовольнена була б одна з пекучих потреб у просвітній справі і що український народ має право на те, щоб його мова сталася мовою науки в університеті, який стоїть у Київі, осередкові української землі, — вдається до Високої Ради університету св. Володимира з проханням завести згадані кафедри на університеті з українською викладовою мовою».

Про таку постанову загального збору «Рада Товариства» має честь повідомити «Совѣтъ Профессоровъ Университета св. Владиміра» і прохати ласкавої відповіді на це повідомлення.

30 ноября 1906 року.

Рада. 1906. № 74. 9 грудня.

№ 15
Інформація про звернення до декана історично-філологічного факультету студентів-українців про створення української секції для вивчення історії й етнографії України

З університету. Гурток студентів-українців, членів історично-етнографічного гурту, який істнує при київському університеті, вдався до декана історично-філологичного факультета з проханням дозволити заснувати при названому гурті українську секцію для ізучення історії й етнографії України, з читанням рефератів та веденням діскусій українською мовою. Учора декан проф. Бубнов відповів студентам на їх прохання, що він ніяк не може дозволити тої секції через те, що київський університет — «загальнодержавна інституція, як він висловивсь, тому в його стінах можна уживати тільки державної російської мови».

— Учора ректор університету заявив студентській комісії в справі українських кафедр, яка вдавалась до нього, що заяву київського студенства про українські кафедри професорська рада розглядатиме у п'ятницю 14 грудня, а в суботу він повідомить комісію про постанову ради.

Рада.— 1906, № 78, 14 грудня.

№ 16
Стаття Валентина Садовського про обговорення на загальностудентському зібранні справи заснування українознавчих кафедр в Київському університеті

Справа українських кафедр на загально-студентській збірці київського університету

Результати петіції українських студентів про заведення кафедр на рідній мові всім відомі. Ректор відповів, що в Росії в університетах можуть бути виклади тільки на державній мові, що університети, на удержання яких дає гроші уряд (!), не можуть задовольняти вимоги других національностей, окрім російської. Українське студентство не сподівалось иншої відповіді од ректора; воно знало, що ті, які стояли стільки літ в обороні темноти народніх мас, не могли задовольнити тіх домаганнів, що мали насамперед допомогти розвиткові і освіті мас. Все це знало українське студентство і воно не могло спинити з відповіддю ректора своєї боротьби за українські кафедри. Після відповіді ректора йому зостався один шлях: звернутись до широких мас київського студентства, шукати у них запомоги і піддержки. Студенти українці були певні, що демократичні традиції студентства примусять його цілком приєднатись до його вимог. З метою винести це питання на обговорення широких студентських мас, од імені студентів-українців була подана заява у раду студентських представників; в ній було виложено всі пертурбації, які переходила та справа і пропонувалось раді внести цей пункт на порядок дня ближчої загально-студентської збірки. Рада студентських представників одноголосно приєдналась до

пропозиції студентів-українців. Ближча загальна збірка була призначена на 15 лютого і в порядок її і був внесений цей пункт. Для підготовлення загальної збірки радою студентських представників був призначений ряд факультетських збірок; на них студентство знайомилось з тими питаннями, які мали бути обговорені на загальній збірці. Українське студентство використало ті збірки з метою познайомити всіх студентів з тими причинами, які примусили їх виставити своє домагання. Оратори вказували на тісний зв'язок між цим домаганням і потребами робочого люду, на потребу заведення цих кафедр в інтересах самої науки, на право українців на ці кафедри, що випливає з природного права кожної нації на самовизначення.

Студенти на цих збірках дуже прихильно стрічали ораторів-українців і висловлювали їм повне спочуття. Такі збірки відбулись на всіх факультетах і, таким чином, ще до загальної збірки студентство в його цілому було ознайомлено з цією справою. На збірці 15 лютого пункт про українські кафедри був поставлений четвертим. Таким чином його почали обговорювати тільки через три години після початку збірки, коли авдіторія була втомлена. З огляду на це, а також і на те, що під час факультетських збірок студентство докладно було ознайомлено з цією справою, предсідатель запропонував обмежитись вислуханням надісланих привітань і приняттям резолюції. І ось розпочалось читання довгого ряду телеграм од українців-студентів цілої Росії. Були надіслані телеграми од студентів петербургської духовної академії, од московського межевого інституту, од українського земляцтва при московському університеті, од наукового студентського товариства при петербургському університеті, од студентів-українців з Ярославля, од студентів-українців дерптського університету. В цих привітаннях вітали київське студентство в боротьбі за кращу долю України і висловлювали бажання усякого поспіху в його боротьбі. Всі ці привітання збірки стрічали гучними оплесками; особливо довгі аплодісменти були привітанням на українській мові. Після цього було прочитано привітання од студентів київської духовної академії. Од студентів-українців київського політехнікума виступив депутат, який звернувся до збірки з привітанням і запросинами піддержати домагання українців. Од курсисток-українок вищих жіночих курсів теж була прислана депутація, але вона не могла увійти в університет, бо її не пустила адміністрація і через те мусила обмежитись передачою свого привітання. Після відчитання усіх тих привітаннів виступив оратор-українець і запропонував збірці резолюцію. В коротенькій, гарячій промові він вияснив відношення українського студентства до політики професорів. «Будучий історик українського відродження з цікавістю археолога спиниться над цими муміями поліцейсько-урядової науки, які ставали на перешкоді змаганням українського народа в його шляху до світлої будущини», говорив оратор. «Я певен, що ціле студентство піддержить наші домагання і навіть на одну хвилину не можу допустити, щоб студентство, яке в цілому завше повставало в оборону прав усіх покривджених, не прилучило свого голосу в обороні прав покривдженого народу. Студентство мусить це зробити, воно не може не зробити цього, бо наше домагання не є тільки нашим, воно самим життям створено, його породили нові потреби воскреслої нації. Наше домагання має глибокі коріння в тому соціальному рухові, який великими хвилями залив нашу країну і являється найкращим доказом отієї правди, висловленої Каутським, яка каже, що без соціального не може бути й національного. Демократичне студентство не може не стати на наш бік, бо ми хочемо розвитку для нашого народу, для наших робочих і трудящих мас народніх, інтереси яких завше лежали на серці студентства; студентство повинно прилучити свої голоси до наших, бо ми хочемо створити мир між національностями і визнаючи за кожною право на власне самовизначення, на власну культуру, вимагаємо, щоб ці права визнано було і за нами, бо тільки таким шляхом ми зможемо паралі-

зувати шовіністичні тенденції, які в таких хворих екцесах виявляються там (як напр. в Львові), де беруть гору позбавлення елементарних прав національних певного народу. Коли темні сили реакції, на послугу котрим охоче йдуть київські професори, хотять і в нас завести націоналістичну какофонію, ми — будемо змагатись, щоб із «многозвучія» націоналістів зробити одно гармонійне «созвучіє» і створити необхідні умовини для спільної праці на користь народню». Після цих кількох слів оратор запропонував при загальних бурхливих оплесках резолюцію. Зміст її такий: домагання українських кафедр і взагалі рідної школи випливає з пекучих потреб українського народу, через те, що веде до розвитку продукційних сил країни; заведення цих кафедр поведе до піднесення культурного рівня трудящих мас; право на це домагання випливає з права кожної нації на самовизначення; через це загальна збірка приєднується до домаганнів студентів-українців і протестує проти політики професорів. Предсідатель поставив цю резолюцію на голосування; «по настроєві збірки», сказав він, «видно, що голосувати цю резолюцію треба так: прошу підняти руки тих, хто проти цієї резолюції». Ні одна рука не піднялась угору. Резолюція була одноголосно принята збіркою, на якій було більш двох тисяч чоловік. Дуже довгими, гучними оплесками вітала збірка прийняття цієї резолюції.

Українське студентство переконалось, що його домагання піддержить вся демократична частина студентства, що в його боротьбі з ним підуть поруч усі ті, кому дорогі інтереси робочого люду і цілого народу без ріжниці націй.

Рада. 1907. № 40. 17 лютого.

№ 17
Стаття Миколи Залізняка про підсумки українського руху в Університеті св. Володимира в 1906 — на початку 1907 року

Про український рух у київському університеті

Швидко кінчається академичний рік, й не зайвим буде оглянути, як відбувався український рух в одному з університетів, що стоять на території України, в університеті київському.

Академичне життя розпочалося в ньому в осени р. 1906 загально-студентською збіркою, на котрій обговорювалося питання, чи відчиняти університет чи ні. Справа освітлювалась з ріжних поглядів, та українці там не виступали, хоч нагода була добра й вони могли-б заявити, що згоджуються одчинити університет й піти туди не для того, щоб там займатися ніби наукою, яка українському народові нічого корисного не дає, але для того, щоб там організуватися, боротися проти реакційної професури й виборoти українізацію університета. Та на жаль цієї нагоди не було використано, й не через те, що українські студенти не розуміли ваги момента, або не мали відповідних промовців. З психольогічного боку незвичайно важко було виступати з обговоренням такої складної справи, як боротьба за добуття національного університету, маючи перед собою величезну авдіторію в кілька тисяч, котра з українським домаганнями була майже цілком не обзнайомлена й відносилася до них в кращому разі байдужно, а здебільшого бачила в них якісь смішні забаганки та прояви шовінізму.

Та швидко після того, як університет було одчинено, розпочався український рух. Почала організаційну працю студентська фракція українських соціяль-демократів. На початку академичного року вона була одинокою українською організацією. Багато студентів соціялістів-революціонерів українців увійшло до організації

російських соціалістів-революціонерів. Українські радикали теж ніякої організації не мали, і їх взагалі було небагато.

Дякуючи головним чином заходам українських соціал-демократів, було скликано віче студентів-українців з приводу заснування українських кафедр в київському університеті. Справа вияснялася головним чином з погляду українських соціал-демократів; виступи студентів инших партій та безпартійних українців були дуже нещасливими. Віче ясно показало, що за винятком українських соціал-демократів, майже вся маса українського студенства цілком незорганізована, малосвідома національно й політично, складається головним чином з українців стіхійних, бо політично свідомі елементи вступають до загально-російських партій і там губляться.

Після цієї збірки, постанови якої викликали такий рух серед українського громадянства, і в університеті рух побільшав. З одного боку, почали організуватися українські соціалісти-революціонери. В половині листопаду вони вже зорганізувалися в окрему українську фракцію, з другого боку по цілому університеті почалося збірання підписів під петіцією до ради професорів про заснування укр*аїнських* кафедр. Відгомоном цього руху була загально-факультетська збірка студентів істориків-філологів, на котрій було ухвалено домагатися від ради факультету, щоб вона набула історично-філологічної семінарії наукові книжки, присвячені українознавству на українській мові.

Рівночасно з організуваннями українців соціалістів-революціонерів виникла в де-яких українських студентів думка заснувати українську студентську міжпартійну громаду. Незабаром скликано було збірку для ширшого обговорювання проекта статута. В досить жвавій діскусії з приводу заснування української міжпартійної громади частина українських соціал-демократів висловлювалася рішучо проти неї, доводячи, що вона відтягатиме своїх членів од політичної боротьби, котра тепер єдина на часі й таким чином її заснування буде кроком назад, а не вперед. Українські соціалісти-революціонери доводили, що ці закиди не мають ніякої підстави, бо перш усього для всякої політичної праці треба бути відповідно приготованим, а українські студенти, коли стають настільки свідомими, що беруться до політичної праці, здебільшого вступають до російських політичних партій. Отже, щоб запобігти цьому лихові, треба щоб українські студенти мали спромогу вести політичну боротьбу на українському грунті. Для цього треба допомогти їм виробити національну свідомість; українські політичні партії цьому віддавати багато часу не можуть й найкраще виповнити це завдання могла б українська студентська міжпартійна громада. Нарешті таки прийнято було проект статута з де-якими змінами; відповідно до цього статута українська громада мала насамперед на меті розбуджувати національну свідомість українців. Усього згодом записалося до громади чоловік 80. Думали було громадяне заснувати український клуб, та статут його не було затверджено. До Різдва діяльність громади, опріч ріжних біжучих справ організаційного характеру, проявлялася в ширенні українських книжок в університеті й було на зборах громади відчитано українськими соціал-демократами реферата про автономію України, котрий викликав жваві дебати.

Таким чином за перше півріччя українські студенти головну увагу звернули на організаційну працю. В університетському житті вони проявляли себе досить слабо. Наприклад хоча й зібрано було дуже багато підписів під петіцією до ради професорів, та про те ніяк не можна було сказати, щоб багато студентів розуміло докладно справу з українськими кафедрами. Як погано розібралися в цій справі навіть поступові елементи студентства, може свідчити такий факт: один український соціаліст-революціонер, кандідат до ради студентських представників, сказав на загальних зборах всієї фракції, що він в своє credo поставить домагання українізації київського університета. За це його названо було шовіністом і де-які проводирі російських

соціалістів-революціонерів висловились, що українізація київського університета є річчю неможливою й непотрібною. До ради студентських представників українці пройшли випадково, й під прапором російських організацій, не висловлюючи свого власного credo.

Після Різдва, коли розпочалася боротьба ради студентських представників з радою професорів, скликала рада представників загально-студентську збірку, щоб вона сама виробила той minimum домаганнів, якого бажає студентство й за який буде боротися. Українцям тоді вже ректор одмовив у їх домаганнях, поданих в петіції, отже треба було вже не просити, а домагатися, треба було розпочинати боротьбу. Тут на послузі стала українська студентська громада. Від її імені внесено було до ради представників домагання поставити справу з українськими кафедрами на порядок денний загально-студентської збірки. Рада студентських представників після того, як цю пропозицію підтримав українець, соціаліст-революціонер, котрий в своїх промовах показав вагу цього питання, згодилася. Перед загально-студентською збіркою відбулися загально-факультетські та курсові збірки, й на всіх цих збірках українці виступали з промовами, в яких всестороннє освітлювали справу з українськими кафедрами, виясняючи, що це домагання виставляється їми, виходячи з інтересів українського трудового народа, й доводили, що нехтування культурних потреб цілого українського народа «вченими» професорами, мусить зустріти як найгострійший опір з боку цілого поступового київського студентства.

Таким чином після цієї дуже напруженої агітації, київське студентство було докладно ознайомлене з цим питанням. Через це на загально-студентській збірці одноглосно ухвалено було поставити домагання українських кафедр до тих вимог, котрих здійснення жадає київське студентство від ради професорів.

Згодом група ліберальних професорів запропонувала раді представників вибрати 5 чоловік на приватну нараду з їми. Розуміється, ця приватна нарада ніяких практичних наслідків не мала, але там вияснилася дуже цікава річ. Добродій ректор відповів представникам українського студентства, що їх домагання не стріли прихильности з боку ради професорів. Між тим виявилося, що ніякого засідання з приводу петіції українців не було. Просто собі, одного разу мало відбутися засідання ради професорів, присвячене иншим справам, але воно не відбулося. Купка професорів-чорносотенців разом з ректором в приватній розмові торкнулася, між иншим, справи з українськими кафедрами, всі висловлювалися неприхильно, і ця приватна розмова дала ректорові привід дати представникам українського студентства відмовну відповідь, між тим як цю справу на раді професорів зовсім навіть і не обмірковували. Поступові професорі тільки згодом та через газети довідалися про відповідь ректора. Цей факт — дуже яскравий доказ, як ставляться

київські «учені»професорі до такої важливої справи й яких способів вони при цьому вживають.

З того часу справа з українськими кафедрами вперед не посунулася. Та справа освідомлення київського студентства що до національного питання взагалі й до питання про українські кафедри йшла далі.

Як тільки у Києві стало відомо про події у львівському університеті, а саме про погром українців поляками, зараз на надзвичайному засіданні ради представників було внесено до порядка денного обміркування питання про львівські події та про відношення до вчинку польських студентів-шовіністів. Член ради, український соціаліст-революціонер, ознайомив раду представників з фактичним ходом справи і вніс резолюцію, в котрій висловлювалось спочуття львівським студентам українцям й солідарність в їх боротьбі за український університет. Другий член ради, представник реакційної організації «Polonia», вніс резолюцію, в котрій українським студентам висловлювалась ганьба за їх «некультурні спроби»боротьби. Рада одклала цю справу на найближче чергове засідання, та дальші бурхливі часи в київському університеті, а потім вихід ради в одставку не дали їй змоги виконати своеї постанови. Та про те справа не загинула. На одному з зборів української громади було відчитано доклад про історію польсько-українських відносин у львівському університеті в звязку з останніми подіями. Потім ухвалено було в цій справі скликати студентську збірку. На цій дуже численній збірці після промов українців і поляків, за винятком тільки реакційної «Polonii», котра не насмілилась тепер висловити свого відношення до львівських подій, величезною більшістю прийнято було резолюцію, в котрій зібрані висловлювали своє солідарізування з боротьбою львівських студентів українців за українізацію львівського університету.

Коли відбувалися нові вибори до ради студентських представників, то українські соціалісти-революціонери та українські соціал-демократи хоч і ввійшли в блок з відповідними російськими організаціями, але, як самостійні організації. На загально-студентській збірці представники українських соціал-демократів та українських соціалістів-революціонерів висловляли своє credo, в котрому підкреслили свої домагання й вияснили свої погляди, що до українізації київського університету.

В звязку з промовою українського соціал-демократа, котрий дуже гостро виступав проти відношення російських соціал-деморкатів до національного питання взагалі й до українського зокрема стоять і діскусії по національному питанню, котрі тяглися три дні. Російські соціал-демократи забажали виправдатися й оповістили реферат по національному питанню, та він вийшов для них дуже нещасливим, бо їх було розбито.

Таким чином, оглядаючи разом український рух у київському університеті, ми можемо зазначити значний поступ. Через цілий рік переходить серед українського студентства спочатку дуже безформеного та несвідомого, процес діференціяції та організації. Разом з тим зростає й набірає сили змагання до незалежності від російських організації, змагання працювати на українському грунті; з цього погляду українське студентство значно поступило наперед в порівнанні з початком року. Істнуючі українські організації беруть діяльну участь в справі ознайомлення як несвідомих українців, так і всього київського студентства з українськими домаганнями й виясняють їх необхідність.

Таким чином помалу утворюється той грунт, стоячи на якому, українські студентські організації зможуть од агітації та петиції перейти до справжньої боротьби за українізацію київського університету, першим кроком до чого буде заведення українських кафедр.

Рада. 1907. № 40. 17 лютого.

III
Справа українських кафедр

№1
Лотоцький Олександр Гнатович (1870-1939)

Визначний історик Церкви і церковного права, економіст, письменник, публіцист, державний і громадський діяч.

Походив з подільської священицької родини. Навчався у Тульчинській повітовій школі (1881-1884), Подільській духовній семінарії (1884-1889), Тифліській (1889-1890) та Київській (1890-1891) духовних семінаріях, Київській духовній академії (1892-1896). Був членом семінарської громади і мав особисті зв'язки з О. Кониським, В. Антоновичем, молодим М. Грушевським.

Науковими керівниками Лотоцького були О. Лазаревський, професори КДА М. Петров та І. Малишевський. Через публікацію статті про становище білого духовенства у XVIII ст. в Львівських «ЗНТШ» (1896. Т.21) українською мовою, йому не була зарахована кандидатська праця и винесено присуд про небажаність діяльності на педагогічній ниві як неблагонадійного.

З 1896 р. працював у Київській палаті Державного контролю, а у 1900 р. перевівся до Петербурга у Департамент кредитового контролю. Публікував численні праці з економіки, фінансів, освіти, шкільництва, церковного життя. Вів активну громадську діяльність в Українському клубі, займався переведенням через цензуру українських книжок і перебував під постійним наглядом охранки. У 1904 р. разом із П. Стебницьким розпочав клопотання про скасування указу 1876 р. про заборону української мови (нові правила прийнято восени 1905 р.), добивався видання україномовного Євангелія. З 1908 р. — член ТУПу, у 1910-1912 рр. — голова українського клубу «Громада», 1917 р. — голова Української національної ради. У травні 1917 р. був призначений губернатором Буковини й Покуття. 1918 р. — генеральний писар Генерального секретаріату Української Центральної Ради, державний контролер. У жовтні-листопаді 1918 р. — міністр сповідань гетьманського уряду. 1919-1920 рр. — посол у Туреччині.

З 1920 р. — на еміграції: спочатку у Відні, потім у Празі. У 1922-1929 рр. — доцент історії канонічного права Православного богословського факультету Варшавського університету, 1930-1939 рр. — директор Українського наукового інституту у Варшаві, член Комісії з перекладу Св. Письма та книг богословських (з 1932 р.). Член уряду УНР в екзилі (1926-1938), заступник прем'єра.

Автор близько 900 праць. Головні з них: «Автокефалія» (т. 1-2, 1935; 1938; 1998), «Українські джерела церковного права» (1931), «Церковна соборність» (1932), «Український Архиєратикон» (1932), «Справа православного анатемування гетьмана Івана Мазепи» (1938), «Схід і Захід у проблемі української культури», «На ріках Вавилонських» (1938) та ін.

Автор унікальних споминів «Сторінки минулого» (ч. 1-3, 1932-1934), «В Царгороді» (1939).

Автор численних оповідань, поезій, перекладів, дитячих казок («Лисичка-сестричка», «Зайчик-Побігайчик», «Пригоди Вовка-Неситого», псевд. О. Білоусенко).

Бібліографія: Лотоцькі О. і Б. Друковані праці Олександра Лотоцького (1891-1983) // Лицар праці і обов'язку. Торонто; Н.-Й., 1983. С.120-156.

Архів: ЦДІАК, ф.1225.

Література: Пріцак О. Роля О. Лотоцького в уневажненні указу заборони українського слова з 1876 р. // Свобода (Джерзі-Сіті). 1981. № 4-5; Лицар праці і обов'язку: Зб. присв. пам'яті проф. Олександра Лотоцького-Білоусенка. Торонто; Н.-Й., 1983; *Ульяновський В.І.* Олександр Лотоцький // Українська культура. Лекції за ред. Д. Антоновича. К., 1993. С.553-568.

Справа української школи

...Деяких результатів у ділянці вищої освіти осягнуто зусиллями самого громадянства. Виразно й твердо поставило справу часткової українізації університетів на Україні українське студенство. В Петребурзі академічна молодь глибоко перейнялася засадою, яку кинув М.Грушевський: доки мова не доступила до вищої школи, доки вона не стала знаряддям наукової роботи в викладі і в книжці, доти суспільність, народність, що говорить тою мовою, буде чути себе на становищі «нижчої, культурно неповноправної нації». Петиції студенські взагалі містили в собі, поза академічною стороною, й точки загальнішого характеру (напр., про знищення процентової норми для жидів), отже й студенти українці в Петербурзі вставили в петицію пункт про утворення кафедр українознавства в університетах, загрожуючи, що інакше не піддержать страйку, коли не буде вволено їх домагання. Справа українських кафедр була елементарно необхідним постулятом не лише національного, але й загально-культурного життя й дуже хвилювала українське студенство. В державі існував численний народ, що мав свою історію, мову, письменство, одріжнявся од інших народів силою ріжнородних обставин, — але дослідження його життя не викликало уваги, тим часом, як поруч існували курси славянознавства, присвячені сусіднім, в тому й значно меншим народам. Таке становище було абсурдом навіть з погляду утилітарно-державного, і в петиціях українських виразно підкреслювалося, що кожний народ тільки тоді зможе розвинути всі сторони свого життя, коли пізнає умови свого розвитку. І вимоги, висловлювані в студенських петиціях, були дуже скромні — утворення кафедр української мови, історії, географії, літератури, історії права, економіки й статистики. Серед російського студенства сильна була течія, неприхильна до таких домагань — не тільки з мотивів національного шовінізму, але головно з звичайного загально-російського революційного штанд-пункту, — що такі партикулярні домагання засмічують собою шлях та ослаблюють темп революційного руху. Домагання щодо українських кафедр, вкриті сотнями підписів, таки знайшли собі місце серед інших домагань студенських. Частинно ті домагання здійснено таки в Петербурзі ж. На Бестужівських курсах засновано дві кафедри українознавства — історії українського письменства (викладав О.С. Грушевський) та історії (під якоюсь, не пам'ятаю добре, зовнішньою фірмою семінара чи іншою — викладала О.Я. Єфименко). [...]

Київське студенство домагалося заведення українських та польських кафедр по вищих школах; від студентів університету подано заяву, вкриту більш як тисячею підписів. У Києві ж та по інших містах Првобережної України місцеві круги домагалися дозволу заводити українські та польські школи, а також призначення в школи початкові католицьких законоучителів. Куратор київської шкільної округи звернувся в тих справах до київського генерал-губернатора — В. Сухомлінова, а сей останній, не заперечуючи заснованню українських та польських кафедр у київському університеті, подав премієр-міністрові свою неґативну думку щодо задоволення інших згаданих домагань...

Лотоцький О. Сторінки минулого. Варшава, 1934. Ч.3. С.105-107.

№2
Михайло Грушевський
Справа українських катедр і наші наукові потреби

Інтересне се і повне глубокого значіння явище — отсе жаданнє українських катедр, української унїверситетської науки, що з такою силою прокинуло ся останїми часами по Україні. Піднесене безпосередно інтересованими кругами — студентами вищих шкіл на українській території, воно знайшло горяче співчутє серед інтелїґенції, серед малодіжи середнїх шкіл, а тепер починає ширити ся й викликати щирий відгомін також серед робучих народнїх мас, в сьвідомійшій части українського міщанства й селянства. Те саме бачили ми свого часу і в Галичинї, коди події в львівськім унїверситеті 1901 р. — конфлїкт студентів-Українців з унїверситетськими властями за права української мови і потім колективний вихід (сецесія) їх з львівського унїверситету, знайшли незвичайно гарячий і сильний відгомін в широких кругах української суспільности і в народнїх масах Галичини. Жаданнє українського унїверситета як всенароднїй, всїй українській людности незвичайно близький постулят, обсуджувало ся тоді на селянських вічах ораторами в народу; складки на запомогу українським студентам, на справу унїверситетську складали ся не тільки інтелїґенцією, а й селянами, найбіднїйшими навіть елементами села, що буквально відривали кусок хлїба від своїх губ, щоб дати «ґрайцар» на унїверситетський фонд. Такі явища — се симптоми орґанїчности, стихійної сили й значіння українських національних постулятів, се голосні сьвідоцтва і напімнення того, що українське питання не може вмістити ся анї в самім лише жаданню полїтичних свобід, анї в справі економічного подвигнення народнїх мас, а обіймає всю суму потреб і жадань, з якими звязана повнота національного життя й розвою.

В Російській державі не було суспільности, не було народа, який близше брав до серця, який би спочував горячійше, всїми фібрами своєї душі відзивав ся повнїйше на справу роскріпощення державного і суспільного ладу, сотворення підстав свобідного горожанського й полїтичного житя й розвою, як громадянство українське, яке з новими формами устрою мусїло звязувати надію не тільки полїтичної свободи, а й національного свого розкріпощення. Не було народности, близше заінтересованої в великих соціальних реформах, які змагали до економічного розкріпощення робучих мас, сотворення основ для людського житя, просьвітного й економічного поступу, суспільно-полїтичного самоозначення їх. Після того як вищі верстви покинули свою народність, селянство стало основою в понятю української національности; потреби й завдання українського селянства — се нинї потреби й завдання українства. Демократичні ідеї, що служили на протягу віків провідним мотивом в розвою українства, диктували українському громадянству особливу уважливість до всього, що змагало до поліпшення долї й поступу економично покривдженних мас міського та сїльського пролетаріату. Тому протягом цїлого минувшого року українське громадянство скупляло свою увагу на тім полїтичнім і соціальнім процесї, який розвивав ся в Росії, і відсувало за для них на другий плян нераз дуже пекучі, актуальні питання з сфери національного розвою й руху. Але орґанїчний розвій житя з стихійною силою все виносив від часу до часу й ставив на дневний порядок поруч тих справ полїтичних і соціальних питання й потреби національного розвою, які невідступне добивали ся свого розвязання й задоволення, коли тільки хоч трохи слабли ті зверхні прешкоди, які стримували протягом цїлих столїть розвій народного житя. І одним з таких стихійних питань була справа націоналїзації осьвіти на

всїх ступнях школи, починаючи вид найнізшої до найвищої і з окрема справа українських дисціплїн і українських викладів в вищих школах, передовім — в унїверситетах української території.

Жаданнє їх заведення служило звичайною складовою частиною вже перших начерків українських національних потреб, які почали появляти ся з початком 1905 р. В осени тогож року його поставили вповні конкретно студенти-Українцї одеського унїверситета, і їх бажання були прийняті в загально-студентську резолюцію, предложену радї унїверситета, а ся рада висловила ся за заведеннєм викладів по предметам, вказаним студентами: української мови, історії лїтератури, історії й ґеографії України, з тим що мова викладова тих курсів мала залежати від складу більшости студентів: чи будуть то Українцї, чи нї. З початком шкільного року 1906/7 справа українських курсів виникла також ві унїверситетї харьківськім, в історично-фільольоґічнім факультетї, де одначе не прийшло тодї до нїяких конкретних рішень. Найбільше одначе розголосу прибрала вона, коли піднесли її студенти — Українцї київського унїверситету; перші гадки, піднесені ними в сїй справі, дали привод до анальоґічних жадань також зі сторони студентів — Поляків, так що майже в однім часї відбули ся студентські збори в тій і сїй справі (в справі польських катедр навіть на кілька день скорше) і внесені були осібні петиції в справі українських і польських катедр, при чім студенти-Українцї в значній мірі підперали жадання студентів-Поляків і навпаки. В своїй петиції* студенти-Українцї пригадували унїверситетській радї, що ріжні галузи українознавства не входять зовсїм в круг унїверситетських викладів, або викладаюгься тільки припадком, хоч настільки вже науково розроблені, що можуть бути предметом унїверситетських викладів і дійсно викладають ся по ріжних заграничних унїверситетах; висловляли бажаннє, щоб предмети сї викладано рідною їм українською мовою, та на доказ жизненности і важности своїх бажань вказували на ті несчисленні заяви співчутя й солїдарности, які зараз по студентських зборах, що винесли резолюцію в справі українських катедр, посипали ся з ріжних частин України і з ріжних кругів її суспільности. Резолюції студентів унїверситету буди підтримані слїдом анальоґічними резолюціями студентів київської полїтехнїки, вищих жіночих курсів, а також заявами й ухвалами студентів-Українців з иньших унїверситетів.

Справа таким чином поставлена дуже поважно й сильно, але судячи з тих відповідей, які дістали студенти — Українцї від ректора київського унїверситета й иньших анальоґічних заяв і вияснень, трудно надїятся, щоб домагання української академічної молодїжи були прийняті й сповнені. Очевидно, справа ся потягнеть ся на довгі часи, як і справа українських катедр в Галичинї, й довго ще буде займати і академічну молодїж і українську суспільність, включно до сьвідомійших частей народнїх мас. Се змушує й мене, як чоловіка близько звязаного від довшого часу і з українським науковим рухом останнїх десятоліть, і з справою українських катедр і викладів, піднести й свій голос в сїй справі, в надії прислужити ся їй деякими виясненнями й спостереженнями.

Справа зовсїм природно роспадаєть ся на два питання: про наукові потреби на полї українознавства і про виклади на українській мові в унїверситетах і взагалі вищих школах. Я спиню ся з початку на першім, щоб потім перейти до другого.

Що в Росії наука не цьвіте, що її розвій нї що до якости, нї що до скількости («количественно и качественно», як кажут Росияне) не стоїть нї в якій пропорції анї до потреб її суспільности, анї до чисельности і всяких иньших коефіцієнтів сеї суспільности, се річ усїм знана. Так само всїм звісно, що весь її дотеперішнїй поступ і розвій науковий опирав

* Друкована в перекладі в часописі «Рада» ч. 64.

ся головно, майже виключно на державних просьвітних інституціях — університетах і иньших вищих школах, державних наукових комісіях, експедиціях і т.п. В широких кругах суспільности ще занадто мало інтересують ся й цінять т. зв. «чисту науку», то значить в її науковій, неспопуляризованій анї не приложеній до практичних потреб житя формі, щоб підтримувани безпосередно, а не за посередництвом податків, плачених до державної каси, наукову продукцію, наукові досліди, приготовлюваннє наукових робітників. Книгарський попит не покриває, пересїчно беручи, навіть коштів друку наукової книги, далекої від здоба дня, а ріжні жертви й фундації меценатів науки і невеликі, розмірно до наукових потреб, і, головна річ — служать помічним засобом державних інституцій, творять тільки якусь галузь, якесь доповненнє в готових уже державних інституціях, переходять під завідуваннє державних властей, підпадають правительственній реґляментації. І кінець того всього такий, що підставу для трівкого розвою мають тільки ті наукові галузи, які включені в систему державних просьвітних і наукових інституцій, мають в них опертє й імпульс, побудженнє до свого розвою й поступу. А реґулятором наукового руху, що піддержує науковий рівень його і досліду методи на відповідній висотї та тримає їх в курсї й темпі загального наукового поступу, не даючи відставати і перестарювати ся, — для всїх наукових галузей (дісціплїн), які не мають практичного, прикладного характеру, являєть ся унїверситетська наука, унїверситетські виклади.

Наукове українознавство, то значить ріжні галузи науки, присьвячені дослїду і пізнанню українського народа і його території в сучасности минувшости, в Росії до тепер не має сливе зовсїм ніякого опертя в державних просьвітних інституціях і з окрема — в унїверситетській науцї. Властиво можно вказати досї лише одну державну інституцію, яка б мала своєю задачею висьвітленнє минувшости України — се київська археоґрафічна комісія, заснована правительством, як і анальоґічні комісії в Вільнї й Витебську, з цїлями політичними (боротьба з польською державною ідеєю) але поставлена її співробітниками на ґрунт вповнї наукового дослїду. Ріжні иньші наукові товариства й комісії, давнї й новійші, які мали своїм завданнєм, в части або вповнї, причиняти ся до пізнання історії, археольоґії, етноґрафії української території й українського народа, при своїм півофіціальнім характері часто вязані були в свободі наукового дослїду, а й науковий рівень їх робіт стояв і стоїть дуже неоднаково. В проґраму же вищої школи українські галузи наук попадали тільки в відривках, включених в иньші курси, які мали право горожанства в унїверситетській науцї, або являли ся в її викладах рідкими й припадковими гістьми; тому тим імпульсом і реґулятором, яким унїверситетська наука служить для наукового руху й розвою, для українських галузей вона могла служити тільки в части, дуже невеликій — для певних відділів українознавства.

Почнемо від такої основної, з становища національного розвою й руху, галузи, як наука про українську мову — як поставлена вона в вищій школі в Росії? Язикознавство, з виїмком мов клясичних взагалі, на российських унїверситетах поставлено дуже лихо; з виїмком санскриту та порівняного язикознавства, курси мови мають читати ті ж професори, що й курси лїтератури, а в славистицї ще й історія злучена разом з ними. А що язикознавство й історія або теорія лїтератури — се сфери зовсїм окремі, які вимагають від дослїдника зовсїм иньшого методу, інтересів, навіть складу ума, ведуть його зовсїм в иньші области, в иньший круг відомостей і матеріалів, — тож тільки або виїмково ріжносторонні вчені або зовсїм мірні професорські сили, які в усякій сфері являють ся лише пасивними передатчиками чужих дослїдів, можуть з рівним інтересом віддавати ся обом галузям, чути себе більше меньше однаково сильними в них і давати їм рівнорядне місце в своїх курсах. Тому навіть з «рус-

ским язиком» — одним з основних предметів університетської програми, трапляєть ся навіть в першорядних університетах, що там його в дійсности й годами не викладають, як траплять ся професори, що спеціалїзували ся в літературі, або як і викладають ся, то тільки певні части, найчастїйше історична граматика «руского язика», а повна система — то значить історія язика, діалектольогія і повний курс граматики — фонетика, морфольогія й синтаксис, — не викладаєть ся ніколи. Український же язик являєть ся в університетській практиці Росії тільки другорядним, більш або меньш приподковим складником тих язикових курсів: матеріял з історії української мови, чи з української діалєктольогії притягаєть ся більше або меньше до висьвітлення рижних явищ, в історії того конвенціонального «русского язика», курси ж спеціяльно присьвячені українській мові з'являють ся тільки хвилево, як рідкі й припадкові гості, щасливим збігом обставин: за цїлий ряд літ можно почути, що от у тім університеті прочитано огляд української діалєктольогії, а в тім — якийсь курс присьвячений історії мови, бо трапив ся професор, що займав ся українською мовою, а потім знову роками не було таких курсів. Майже все що появило ся в літературі з сеї области, важнійше і меньше важне, а присьвячене спеціяльно українській мові, вийшло з поза кругів рос*ийської* університетської науки, з поза професорских кругів, як праці по історії української мови, діалектольогії й граматиц Житецького[1], Огоновського (професора львівського уні-

Олексій Соболевський. Кінець XIX ст.

верситету)[2], Михальчука[3], Науменка[4], Верхратського[5], Шимановського[6], Кримського[7] й ин. Одинокий, здаєть ся, університетський курс — се огляд української діалєктольогії проф. Соболєвского, дуже короткий і неповний.

З історії українського письменства література стара, київського періода (XI-XII) включаєть ся в понятє «русскої литератури» і як інтеґральна частина її входить в університетські курси й має право горожанства в академічній практиці: українські памятки сих часів служать предметом університетських дісертацій, кандидатських праць, і тому як зі сторони фільольоґічної, так і зі сторони

[1]) Розумію особливо його праці: «Очерк звуковой истории малорусского наречия» і «Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII и XVIII в.»

[2]) Особливо: Studien auf dem Gebiete der ruthensichen Sprache.

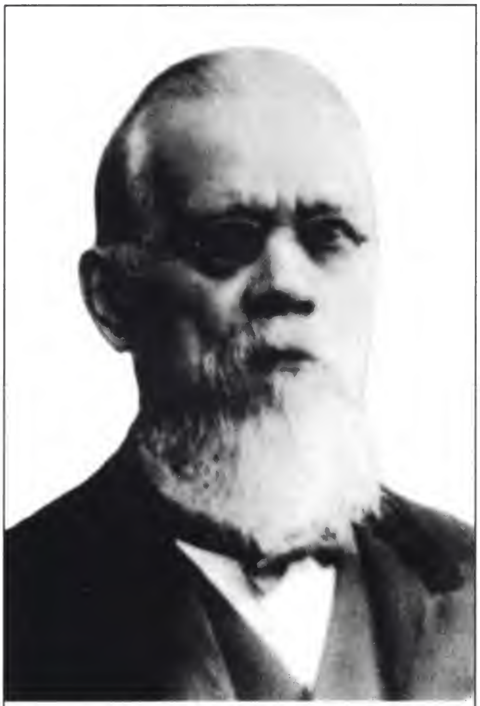
[3]) Наречия, поднаречия и говоры Южной России в связи с наречиями Галичины (в VII томі Трудів Чубинського).

[4]) Обзор звуковых особенностей малорусской речи.

[5]) Численні монографії по діалектольогії західньої України (Галичини й Угорської Руси): Знадоби до пізнаня угорсько-руських говорів, Про говор галицьких Лемків, Про говор доливський й ин. (в виданнях Наукового товариства ім. Шевченка й Archiv für slavische Philologie).

[6]) Черты южно-русского наречия в XVI-XVII вв. (Очерки по истории русских наречий).

[7]) Филология и погодинская гипотеза; Деякі непевні крітерії для діалектольогічної клясифікації староруських рукописів; новорозпочатий курс української граматики.



Микола Петров. Початок XX ст.

літературної можуть похвалити ся певним (хоч і не дуже великим) обробленнем, хоч спосіб трактовання сього старого українського письменства з становища «общерусского», без звязи з суспільним і культурним житєм українських земель, буває причиною значних неясностей і помилок в його осьвітленню, в загальних поглядах на нього. За те вже українська книжність і письменство XIII, а ще більше XIV-XV в. і далі, аж до початків релігійної полеміки зістаєть ся поза межами «русскої літератури», а результат того такий, що хтоб схотів довідати ся про письменство сих часів, знайде тільки хиба скупі відокремлені згадки у всім тім, що може йому предложити сучасна наука. Релігійна полєміка і взагалї релігійна українська література XVI-XVII в. тїшить ся більшою увагою зі сторони офіціальної науки — передовсїм завдяки тому інтересу, який в сїй сфері показувано до історії боротьби з католицтвом і польським елєментом (інтерес сей все підогрівав ся з офіціозних кругів, починаючи від звісної розвідки про унїю Бантиша-Каменского, писаної на порученнє правительства), а почасти завдяки тому значінню, яке схолястична українська наука XVII в. мала для розвою письменства й культури московської. Тому ся частина українського письменства, хоч в унїверситетські курси не включаеть ся, може виказати ся деяким обробленнєм, хоч теж невеликим, а головне — що завдяки тій прогалинї, якою являють ся попередні столїтя, се релїґійне письменство являєть ся відокремленим, повішеним в повітрі, і нема понятя про розвій, еволюцію його. Те що зіставало ся поза релїґійно-полємічною лїтературою, висьвітлено ще слабше, і тут можна вказати ледво кілька наукових праць — як книжка проф. Петрова про шкільну драму XVIII в., проф. Житецького про книжну лїтературу XVIII в. в звязку з Енеїдою Котляревського, матеріали й розвідки з історії вірші і піснї проф. Перетца. Виключеннє з унїверситетських курсів українського письменства являєть ся причиною, що невважаючи навіть на досить солїдні праці, його історія і розвій в XVI-XVIII в. представляють ся дуже неясно, хаотично, і погляди на нього бувають дуже ріжні.

А вже зовсїм «за флагом» не тільки унїверситетських курсів, а і взагалї унїверситетської науки в Росії зістаєть ся відроджена українська лїтература — вона не істнує для неї анї як частина «русскої лїтератури», анї як частина «славянских литератур», що займають ся історією національного й лїтературного відродження у словянських народів. Минї звісний факт (з уст самого того чоловіка), як оден здібний молодий учений, уже заявивши себе показною науковою працею, хотів взяти на маґістерську дісертацію тему з галицько-українського відроження першої половини XIX в., він звертав ся з початку до професора словянських лїтератур, але той сказав йому, що галицько-українське відродженнє не належить до його предмету, потім до професора «русскої лїтератури» — і дістав від нього таку саму відповідь. Полишена та-

ким чином «в междуведомственном пространстве» нова українська література взагалї уважала ся предметом не гідним високої уваги науки — очевидно в звязку з ворожим настроєм правительственної полїтики против української мови й українського сепаратизма, і зовсїм природно — зіставала ся вповнї занедбаною, аж по нинїшнїй день.

В анальоґічних обставинах стоїть иньша, з становища національної сьвідомости основна наука — історія, ся «національна самосьвідомість», як її називали «народники» історичної науки*. В офіціальну схему «русскої історії»**, прийняту однаково, майже без ріжниць проґрамою і середньої і вищої школи, українська історія, як відомо, входить, так само як і лїтература, в видї відірваних кавалків, disjecta membra, потрібних для виясненя історії Росийської держави й великоруського народа. В основі сеї схеми лежать старі ґенеальоґічні ідеї московських книжників і полїтиків, і в своїм практичнім переведенню вона калїчить та в фальшивім сьвітлї представляє не тільки історію українського, а так само і великоруського народа, — але се не перешкоджає її панувати всевластно. Починаючи від передісторії Східної Европи та словянської кольонїзації, вона переходить потім до Київської держави, включає її історію до другої половини XII в., перескокує потім до в*еликого* кн*язівства* Володимирського, потім до Московського і слїдить історію Московської держави, потім імперії. З історії українських та білоруських земель беруть ся деякі важнїйші епізоди (як Галицька держава Данила, сформованнє в*еликого* кн*язівства* Литовського, унїя його з Польщею, церковна унїя й релїґійна боротьба, війни Хмельницького й злука України з Москвою), а в університетських курсах і зовсїм поминають ся (о скільки не бувають предметами спеціальних курсів — дуже рідких зрештою), щоб не загромаджувати такими відступленнями курса й не нарушати прозорости основної теми — еволюції державного житя, з якої виросли сучасні полїтичні й суспільні або культурні відносини Росії й великоруської суспільности. В результаті історія України від XIII-XIV віків зістаєть ся або вповнї, або в дуже значній мірі — майже вповнї поза межами унїверситетської науки. Спеціальні курси нїколи не обіймали її цїлости, так що приходило ся її схему аж тепер на ново уставляти й арґументувати. Наслїдком того, що історію Київської держави привикли бачити в ролї вступу до «русскої історії», історія України представляла ся якимсь безформеним обрубком, який в очах одних мав бути виведений на сцену в XIV-XV вв., в очах иньших — в XVI-XVII в., і коли не дальше як три роки тому я шукав видавця для свого начерка української історії, де ся історія розпочинала ся від перед-історії української території й включала огляд Київської держави, така ідея — включення княжого періода в круг української історії показала ся настільки єретичою людям, призвичаєним до прийнятих схем «русскої історії», що я не міг навіть знайти видавця для такої незвичайної історії. Референт історичних видавництв одної з фірм щиро висловив минї своє переконаннє, що така концепція української історії може стрінути ся з занадто сильною опозицією зі сторони наукової критики і фірма не може прийняти на себе отсе виданнє.

Я позволив собі навести сей сьвіжий приклад, щоб ілюструвати ті незвичайні впливи, які мають подібні наукові схеми. З становища історичного розвою не може бути нїчого льоґічнїйшого, як сполученнє історії київських часів (на Українї) з пізнїйшим історичним житєм україн-

* «История есть повествование о достопамятных событиях» — учили нас в гимназии; «история есть народное самомознание», учили нас в университете», — починав свій унїверситетський підручник «Русскої Историї» Бестужев-Рюмин (1872). По перебутій кампанії «Історичного матеріалїзма» ся друга дефінїція звучить для нас майже так само архаїчно, як і перша.

** Див. мою статтю: «Звичайна схема «русскої» історії Східнього Словянства» (в академічному збірнику: Статьи по славяноведению, т. I, 1904).

ських земель, і одначе історична мисль уперто йшла круговою стежкою і заперечувала навіть можливість такого перехода. Правда, коли ся звязь була представлена конкретно (в моїм начерку української історії) — таке представленнє не стріло такої різкої опозиції, як можна було надіяти ся, і я певний, що спопуляризована рядом популяризаторів схема української історії як цілости, що обіймає всї часи історичного житя українського народа, дуже скоро здаватиметь ся чимсь зовсїм льоґічним і простим — такою як вона в дїйсности. Але яку шкоду терпіла історична наука наслїдком такого нерозуміння звязи й цілости історичного розвою! Українська історіографія мала те щастє, що їй не бракувало поза цеховою, так би сказати, наукою дослідників талановитих, енерґічних, які, ведені чи то привязаннєм до минувшости свого народу, чи незвичайним інтересом певних моментів в історії України, інтензивно працювали над її історією й дуже богато зробили для зрозуміння певних сторін, чи періодів її історичного житя. Згадати хоч би Костомарова, Лазаревського й иньших не університетських істориків. Історичні досліди Антоновича також концентрували ся переважно в сфері не обнятій його університетськими курсами (суспільна й культурна історія України під польським режімом — се праці звязані з його діяльністю в київській археоґрафічній комісії, а не з університетом). Але між сими, в значній мірі обробленими партиями зіставали ся прогалини, через які й сьміливійші дослїдники не відважали ся перекинути мостів*, а через се й зрозуміння історичного розвою не могло бути. З другого боку, виключеннє української історії зі сфери університетської науки, засудженне її на аматорські досліди й оброблення, та неуважність до неї фахових кругів мало своїм наслїдком ту, дуже некористну прикмету, що не було тут того наукового реґулятора, яким тепер все ще майже виключно являєть ся академічна наука, не було вироблено критично-методичних критеріїв, не заложено було міцних підвалин джерелознавства, передвступної критики. Через те не тільки в ширшій публиці поруч праць дійсно наукових обертали ся, або й відсували на дальший плян ті наукові праці фабрикати зовсім не наукові, плохі компіляції, з провідними ідеями дуже сумнївого характеру, а і в наукових кругах українська історія зіставала ся землею незнаємою і нї для кого неінтересною, аматорсько-ділєтантською сферою, з котрої перше лїпше чортовиннє можна було удати за вповні науковий фрукт, і навпаки**.

Так само як на історіоґрафії, затяжіла традиційна схема «русскої історії» на історії права. Право київське включене в понятє науки «історії русского права», в якій се київське право стає предком, попередником права московського, а з того розвиваєть ся право імперії. Правні ж підстави українського житя в пізнійших столїтях зіставали ся без розяснення. Доперва останніми часами почали заходити в сю сферу розслїди над правом ве*ликого* князївства Литовського, що розвивало спадщину старого київського права в XV-XVI в. Але те, що було спеціальною власністю права українських земель сих століть, до сих часів майже не було предметом наукового розслїду. Облогом лежить право пізнійше, XVII-XVIII віків, навіть державне, не кажучи про цивільне або карне, хоч яв воно інтересне, не тільки для нас,

* Не дальше як 15 літ тому з уст такого високо компетентного чоловіка, найбільшого українського історика того часу — проф. Антоновича я чув переконаннє, що українська історія має ще занадто великі прогалини, аби могла бути представлена науково як цілість.

** Не дальше як десять лїт тому в московськім університетї, украшенім першими сьвітлами російської історичної науки, була прийнята pro venia legendi лекція про початки Хмельниччини, оперта вповні на такій псевдоісторичній фантазії, як оповідання Величка. Не знаю, чого тут більше показало ся: чи незнання чи легковаження української історії. Правда, лєкція була щедро полита офіціозно-патріотичною російською підливою, але се не може оправдати недбальства чи легковваження перших вимогів історичного знання зі сторони професорської колеґії.

Українців, а і для всякого історика-соціольоґа чи правника. Як оригінальним, сильним, кольоритним явищем була козачина, так незвичайно інтересний процес творчости, яким суспільність, нарід, викинений з старих шин стихійною силою нашого великого соціального переворота, на борзї, експромптом творив форми державної й суспільної орґанізації, комбінував і приладжував до потреб нового житя, приватного й публичного, елєменти права звичайового, традиції старого права, і впливи чужих, новійших правних систем, і як потім елєменти свійські, не сформуловані докладно, не скодифіковані, — слабли, забивали ся, відсували ся впливами чужих кодексів (Литовського статута, німецького міського права, законодавства Російської імперії). Тим часом до нинї, окрім кількох розвідок до відносин суспільних, ми не маємо нічого на сїм полї, хоч пережитками права Гетьманщини, які досї обовязують на Україні лївобічній, російські юристи займали ся від давна (розвідки Даневського, Боровиковського, Квачевського — про місцеве право Чернигівської й Полтавської губернії, й загальні курси цивільного права Росії).

Але годї! Я не буду далї переходити одну по одній иньші галузи українознавства, щоб констатувати зонедбаннє її зі сторони офиціальної науки, зі сторони вищої школи, та виказувати ті шкоди, які приносило з собою се занедбаннє. Я піднесу тепер натомість, що таке занедбаннє ріжних галузей українознавства сумне й шкідне не тільки з становища українського — з погляду Українців, які хотїли б мати спромогу близше пізнати свій край і нарід, його сучасність і минувшість, — а і з погляду загально-наукового. Житє українського народа записало занадто довгу сторінку в книзї історичного розвою народів, щоб її можно було викинути, чи проминути, без шкоди для праґматичної звязи, для розуміння розвою й обопільних впливів подій. Історія східньої Европи не розвяже, або розвяже хибно богато питань з сеї історії, не роспоряджаючи відповідним знаннєм історії України, або орудуючи хибними поглядами, утертими й не провіреними загальниками. Так само буде з істориком культури, з фільольоґом, з фолькльористом, етнольоґом, економістом, який візьметь ся за якесь питаннє, де буде грати ролю Україна, український нарід, його культурна історія, припустїм, чи сучасне економічне житє. Не маючи докладних дат що до України, або маючи відомости навірні, неповні, недокладні, вони мусять або відступати, пасувати перед деякими питаннями, або надроблювати, за браком докладних дат, здогадами та гіпотезами. І мати таке проваллє на своїм науковім полї заступникам тої чи иньшої наукової галузи зовсїм не вигідно й не приємно.

Се відчували вже здавна й не раз ріжні дослїдники, яким приходило ся в своїх розслїдах заходити на поле українознавства, і така аномалїя — що в Росії нїчого не робить ся офиціальною, академічною наукою для висьвітлення ріжних сфер знання, звязаних з величезним народом, який входить в її склад та його територію, колола їм очі. Пятдесять лїт тому оден з правовірнійших репрезентантів офіціозної російської науки ака-

Микола Костомаров. 70-ті роки XIX ст.

демік Погодін, надибавши на питання про відносини памяток староруського письменства до української мови й не знайшовши докладнаго вияснення тих відносин в сучасній фільольогічній літературі, писав: «малороссійского наречия мы до сих пор, к стыду своему, основательно не знаем, хотя и имеем профессоров для всех славянских наречий»*.

Дійсно, факт, що по российских уніерситетах викладається історія, історія літератури, мова сербська, болгарська або ческа, а не викладаєть ся анї мови, анї літератури, анї історії, анї права й т.ин. українського народа, найбільшого з словянських народів по великоруськім і йому найблизшого, найтїснійше звязаного історичними обставинами й сучасними відносинами — се, розумієть ся, аномалія нечувана, неможлива. Що академічна наука в Росії не робить нічого для пізнання великого народа, якого пять шостих мешкає в Росії, й не чинить ніяких старань, або ввести в круг академічних викладів і занять дісціплїни, йому присвячені, — се факт, якому мабуть трудно підшукати пару. В академічних кругах прийнято старати ся, щоб предмети навіть найбільше занедбані, далекі, чужі, екзотичні, по можности не лишали ся «без хозяїна», без імпульса, який дає предмет істнованнє спеціальної катедри, інституції й т. ин., як не в тій, то в иньшій державі. А в російських університетських кругах справа українських курсів лежала собі нерухомо до нинїшнього дня, і при тім заступники сих кругів робили таку міну, якби в тім не було нічого незвичайного. А коли тепер уніерситетська молодїж і суспільність виступила з жаданнями таких курсів, сї жадання трактовано здебільшого як незнати які жадання незвичайні, екзотичні, для інтересів університетської науки сторонні та чужі. І не на користь їх випадає порівняннє відклику до «нашего стыда» старомодного московського історика з становищем сучасних репрезентантів університетської науки.

Тим більше, що сей відклик «к нашему стыду» має повне значіннє. Коли ми дивимо ся на державу не як на антрепренера для удержання поліції і військових команд, а як на культурну інституцію, яка в заміну за ті повновласти, які бере на себе, й за ті фонди, які дістає від людности, від своїх членів-горожан, бере на себе й обовязки пільнувати економічного та культурного поступу тих суспільних кляс і народів, які входять в його склад, — то се виглядає гірше, ніж дивно, як для народа, який несе на собі, більше як четверту частину державного буджета**, правительство не уважає потрібним нічого зробити для його пізнання й самопізнання, іґноруючи його історію, мову, літературу й т.ин., а ті, що стоять до сеї справи найблизше, що мають у своїх руках так би сказати ключі до університетської науки, мовчки або й голосно уважають такий порядок річей нормальним.

Правда, власне з сих кругів можна почути тепер часом голоси, які вину такого занедбання українознавства хочуть звалити на кого иньшого — а власне на саму українску суспільність, на брак у вїй серіозних інтересів до своєї минувшини, до свого культурного розвою***.

* Исследования VII, с.426.

** Див. статтю Н. Соколова «Украина в государственном бюджете России» (Украинский вестник №2). По його обчисленню Україна дає державному буджету звиш 500 міл. рублїв річно, коло 26% всіх державних доходів, і при тім являєть ся найбільш вірним і певним податником, а дістає з державного буджету коло 280 тис., 15% з загальної суми видатків.

*** Див. працю Истрина «Из области древнерусской литературы», т.V (Ж. М. Н. П. 1905, VIII с.234): «В свое время, когда открывали в Одессе при историко-филологическом обществе византийско-славянское отделение, я призывал прикосновенных людей изучать малорусскую литературу, но — увы! никто до сих пор не откликнулся. Да, ее не изучают. Малорусские журналы наполнены статьями по XVI-XVII веку, но ни древний период, ни более новый не находят себе, за ничтожными исключениями, серьезных исследований. Причина лежит вовсе не в политическом положении Малороссии, на которое любят ссылаться украинцы, а в том, с одной стороны, что иные не умеют изучать, а с другой — еще не ясно, что изучать».

Але сї докори, як би навіть були оправдані, могуть мати вагу в устах чиїх небудь, тільки не репрезентантів академічних кругів, тих держителів ключів від університетської науки, і то як раз по університетах полудневих, на українській землї. Коли тутешні професори, зовсїя чужі для місцевого житя, прислані з якихось великоросийських університетів (як то практикувало ся й практикуєть ся часто), позбавлені всякого інтересу для місцевої, історії, культурного житя й т. д,, або й місцеві люде, але з тих, що старають ся наперед очистити себе з усякого підозріння в якімсь місцевім «патріотизмі», — умисно чи навіть і не умисно в своїх викладах, семінарах і т. д. ведуть університетську молодїж куди инде, роздають теми з історії чи письменства московського, а на українські теми крутять носом, то дивне се жаданнє їх до університетської молодежи, аби вона йшла не за їх проводом, а проломом против них. Аби вона сама вела себе науці, не маючи помочи зі сторони професорів, які часто за браком всякого обзнайомлення з українською галузею своєї дісціпліни й *не можуть* нічого допомочи студентови, який хотів би замість Нила Сорського чи Йосифа Волоцького зайняти ся якимсь старим українським письменником.

Нї, стидати предовсїм треба тут кого иньшого, а не українську суспільність, відсунену від усяких просьвітних і наукових інституцій — позбавлену можности використовувати їх для наукового самопізнання. Репрезентанти офіціальної росийскої науки повинні з поважаннєм похилити голову і перед тим, що зроблено для української науки, не тільки без помочи зі сторони тої офіціальної науки, а навіть против її впливів, против всеї офіціальної тенденції — зробити українську народність непомнящим родства Іваном. Там, де правительственна політика давала якусь точку опертя для наукового розвою українозновства, українська суспільність вміла її використати. І повинно бути «стидно» тим, хто бере на себе провід, управу й опіку над звиш 25-мілїоновою людністю Росії, що українська суспільність завдячує перші курси української історії українській катедрі, заснованій австрийським правительством у Львові; що по ріжні праці по історії, літературі, мові мусить вона звертати ся до видавництв закордонних; що взагалі осередком наукового руху українського в останнїх часах стало заграничне Наукове товариство імени Шевченка, підпомагане (правда, що також дуже скупою рукою) правительством австрийським, на яке вішають собак за його против-словянську, против-русинську й всяку иньшу полїтику репрезентанти офіціальної «народности» в Росії, а правительство росийське — сей ідеальний опікун покривджених і упослїджених, займало ся тільки заборонами тої заграничної наукової української лїтератури, від давних цензурних до останїх митових.

Та інтензивна і, як на свої скупі матеріальні засоби — незвичайно успішна, повна самовідречення робота українських учених, зібраних в Науковім товаристві імени Шевченка, зістанеть ся на віки вічні проречистим сьвідоцтвом против усїх тих, які схочуть кидати якісь закиди недбальства, нездарности, індіферентизма до своїх наукових і культурних інтересів на голову цїлого українського суспільства, цїлого народу. Заразом — свідоцтвом того занедбання й упослїдження, яке терпіли культурні інтереси українського народа в Росії й знаходили в нищій, шляхтою й єзуїтами задавленій Галичині той захист і ґрунт, якого не могли знайти

на нашій славній Україні
на нашій — не своїй землї.

І так ся сторона питання представляєть ся, думаю, по всїм сказанім вповні ясно. Ріжні галузи українознавства повинні бути введені в круг університетської науки, університетських викладів. Вони повинні дістати орґани свого розроблення в виді університетських катедр. Сього вимагають інтереси науки взагалї, якій се зовсїм не виходить на

добре, коли ріжні сфери наукового знання, звязані з українським народом чи українською територією, представлятимуть пустопорожні, або слабо оброблені, ріжним чортополохом вкриті простори. Сього вимагають ще близше — інтереси ріжних «русских» наук, включених в університетські програми — як «русскій языкъ и литература», «русская история», «русское право», що все будуть кривобокими каліками, доки не буде висьвітлено відповідно український язик, літературу, історію, право, і т. д. Сього вимагають, далї, наукові інтереси, наукова цікавість української університетської молодїжи, яку виховують і учать російські університети. Сього вимагають культурні інтереси українського громадянства Росії і вкінці — сама репутація Росії, як культурної держави, в котрої склад входить 5/6 української людности й території — коло 750 тис. квадр. кільометрів і до 30 міліонів душ сеї людности.

А що неможливо жадати, аби курси з ріжних галузей українознавства читали ся по всїх університетах Росії і щоб по всїх університетах були для них спеціальні катедри, то, значить, сю потребу в українських катедрах і курсах повинні в першій мірі задоволити ті університети й иньші вищі школи, які стоять на українській території, бо тут українські дісціпліни матимуть особливо живе й жизненне значіннє, звязані тисячними нитками з місцевим житєм, й місцевими інтересами притягатимуть до себе живу увагу академічної молодїжи. В Петербурзї чи Москві можуть бути або не бути катедри для української історії, язика, лїтератури й т. ин., але в університетах київськім, харківськім, одеськім і по ріжних иньших вищих школах тутешнїх вони доконче повинні бути. Тутешні університети й вищі школи в першій лїнії повинні забезпечити й наукове розробленнє ріжних галузей українознавства й їх научаннє, виклади. Коли неможливо, щоб кождий з сих університетів, не кажучи за иньші вищі школи, зараз мав повний круг українських катедр, давав повну систему викладів з ріжних галузей українознавства, то треба принаймні, щоб кождий з них мав невідмінно катедри й виклади з усїх найважнїйших, основних українських дісціплїн (так само й иньші тутешні вищі школи). Иньші — другорядні, так би сказати, галузи українознавства можуть бути поки що поділені між тутешніми університетами, так щоб всї таки всі разом вони заступали *всї* галузи українознавства, які повинні війти в круг університетської науки (низше поговоримо про те, які саме), і нї одна з них не зіставала ся без органа, без катедри, «без хазяїна». Приміром, коли вийде так, що не можна викладати в усїх тих університетах української етнольоґії й археольоґії, фолькльору чи помічних історично-фільольоґічних наук (палеоґрафії, дипльоматики й археоґрафії), то вистане поки що, коли народня словесність українська (фолькльор) матиме катедру в Харкові, етнольоґія в Київі, а дипльоматика в Одесі, і студент чи взагалї чоловік, що хоче приготувати ся до наукової дїяльности в певній сфері, може поїхати на семестр чи два до того університету, де викладаєть ся якийсь предмет, котрого він не міг послухати в своїм університетї. Такі перелети студентів в Росії взагалї не практикували ся, завдяки казьонній одноформности університетських програм, мертвоти університетського наукового житя взагалї та умисним утрудненням таких переходів. Але в німецьких університетах, де нема одностайних шабльонів, де кождий університет сам творить, розширяє свою проґраму, відповідно до потреб, наукових сил і т. д., — там такі переходи широко практикують ся людьми з серіознїйшими науковими інтересами.

Лишаючи на боцї всяку полїтику, а ведучи ся об'єктивними інтересами науки, нїхто не поставить яких небудь арґументів против сього постуляту — заведення катедр з ріжних галузей українознавства по університетах України. Всякий арґумент против сього жадання буде вже полїтикованнєм, домішуваннєм до інтересів наукових, культурних, котрим повинна служити вища школа, мотивів поліційного, централїстичного, об-

русительного характера. Можуть бути певні практичні перешкоди, чи трудности — про них будемо говорити низше, але не може бути ніяких аргументів прінціпіальних, «по существу».

В Росії зрештою понятє «політики» звичайно буває досить неясне, і навіть більше — «політикою» називаєть ся те, що не має в собі ніякої політики, що служить тільки об'єктом державної чи адміністраційної політики, та через своє активне чи пасивне сопротивленнє тій державній політиці набирає політичного значіння, стає політичним чинником. Виходить політика на виворіть, Incus a non lucendo. Політикани закидають «політику» тим, що противлять ся їх політиканству й хочуть оборонити від нього, від його руїнних впливів певні сторони свого житя. Вони переносять на політичний ґрунт діскусії, які в очах об'єктивного сьвідка не повині мати в собі нічого політичного. Правда, що се так не тільки в Росії, а й скрізь, де держава починає робити політику національну чи релігійну, творить собі державну національність чи державну релігію, та починає її ширити чи розвивати коштом иньших.

Я вважав потрібним пригадати се, перше ніж сказати, що й друга половина питання — заведеннє викладів по університетах та иньших вищих школах на Україні на українській мові, коли глянути на нього очима об'єктивними, свобідними від політиканських, наперед повзятих гадок, — також являєть ся вповні ясною, натуральною, і ніяких принціпіальних закидів против себе не повинна викликати.

Українська народність істнувала й істнує, не видумана ані сотворена ні нами, ні нашими предками, її зародженнє виходить за всякі історичні границі, в далекі часи діференціації словянства, а дальший процес її формовання був так само ділом не якихось сьвідомих чинників, а сліпих, стихійних сил — впливів ґеоґрафічних, кольонізаційних, економічних, політичних обставин, в їх рідних комбінаціях і перехрещеннях. Раз зазначивши ся, сума прикмет, яка ділила українську народність від иньших близших народностей, мала тенденцію зростати, ставати все виразнійшою в процесі розхождення, діверґенції етноґрафічних чи національних родів. Від коли ся народність стала сьвідомою своєї окремішности народньої, своєї індівідуальности, —інстинкт самоохорони наказував їй хоронити сю індівідуальність, берегти її від знищення й занепаду, та розвивати її внутрішній зміст. Сей інстинкт самоохорони каже нам тепер, коли ся народність виходить зі стану лєтарґії, в якім держали її заборони й репресії, пильнувати її дальшого всестороннього розвою, як не хочемо засудити її на розклад і смерть. І одним з основних постулятів, таких, що найбільше природно й льоґічно випливають з стремлінь до розвою своєї народньої індівідуальности, являєть ся культура мови, як першої прикмети народньої окремішности й показчика культурної вартости народа.

В теперішніх часах, коли не стало старих універсальних культурних мов, і кожда народність на своїй мові стараєть ся розвинути культурну роботу, потрібну для задоволення своїх культурних потреб, і на своїй мові мати весь культурний запас, потрібний для житя й розвою своєї суспільности, — ся культура мови стає питаннєм житя і смерти, «бути чи не бути» національного істнования. Від рішення сеї задачі залежить, чи певний нарід переходить в катеґорію націй культурних, — чи зістаєть ся на становищі народностей низших (minderwerthige), які власними культурними засобами можуть задовольняти тільки низші культурні потреби своєї суспільности, а для задоволення вищих мусять звертати ся до культури чужої, до чужої мови, до чужих інституцій. І кожда народність, доки тільки чує в собі сили, — сьвідомо і навіть несьвідомо, ведена стихійною силою інстинкта, буде все йти до того, щоб росширити сферу й границі своєї культури (кажу не про територіальну, а ідеальну сферу — обхопленнє можливо широких областей культурного житя й його проявів), та піднести рівень, інтензивність, якість сеї культури. І доки сї захо-

ди народу коло піднесення своєї культури не зачіпають інтересів иньших народностей, не роблять ся коштом їх, — вони вповні законні й похвальні. Навпаки, всякі змагання зі сторони чи правительства, чи суспільности задержати культурний розвій якоїсь народности, умисно затримати її на становищу низшої культури, щоб її коштом, її засобами розвинути культуру свою, — являєть ся надужитєм, визиском, актом насильства над благороднїйшою сферою людського житя, гріхом супроти людських інтересів і людського духа. Против нього повинна бороти ся всїма силами не тільки заінтересована народність, не допускаючи спихнути себе силоміць на степень низше культурних, низших народностей, але повинні-б такі надужитя стрічати осуд і ганьбу всякого культурного чоловіка — коли-б сфера етики особистої не була досї так різко відграничена від етики клясової або національної. Все-ж таки й тепер в очах об'єктивного сьвідка і цінителя такі змагання до визиску слабших народностей не можуть не стрінути ся з різким осудом.

Одним же з основних питань з становища тої культури мови і повноти національного культурного житя являєть ся справа вищої науки на даній мові. Доки якийсь язик не доступив до вищої школи, доки він не служить орґаном викладів унїверситетських чи иньших вищих шкіл, доки він не став знарядєм наукової роботи в викладї і в книжцї, доти суспільність, народність, що говорить тим язиком, буде чути себе на становищу «низшої», культурно неповноправної народности. Вона буде підозрівати у всїх такі зневажливі понятя про неї — що її не вважають за культурну народність, а її мову — за культурну мову. Академічна, унїверситетська наука на даній мові дає певне сьвідоцтво культурности, притискає печатку (cachet) культурної повноправности даної народности в очах сучасного чоловіка. Незалежно від великости тої народности, міри її політичних, економічних, культурних сил, практичних чи духових талантів, вона чує тодї себе культурною нацією й почуває за собою моральне право і від иньших жадати таких же відносин до себе — щоб її поважано й трактовано як культурну націю, культурно-рівноправну з иньшими. І тому ми бачимо зі сторони всїх народностей, які доходили на наших очах або доходять іще й досї своїх національних прав, чи репутації культурної народности, — змагання до того, аби мати *свою* вищу школу, з викладами на своїй мові, а коли це неможливо, то принаймні — виклади деяких предметів на своїй мові по унїверситетах.

У вкраїнської суспільности сї змагання мають уже досить довгу історію. Лишаючи на боцї заходи коло українських (русинських) катедр у львівськім унїверситетї за цїс*аря* Йосифа, вже в 1848 р. прокидаєть ся ідея перетворення львівського унїверситета на унїверситет український, а хоч плян сей потім заглох, то все таки від 1848 р. справа українських викладів і катедр в унїверситетї львівськім, а потім також і чернївецькім стала живою й реальною. Вона не переставала живо інтересувати українську суспільність і посувала ся наперед, хоч і дуже поволї, стрінувши ся з опозицією beati possidentes. У Львові Поляки хотїли заховати, лїпше сказати — надати виключний польський характер львівському унїверситету, утраквїстичному, українсько-польському в ідеї. В Чернївцях професорські круги завистно стерегли нїмецького характера свого унїверситету. Зрештою в черновецькім унїверситетї український елємент був досї занадто слабкий, щоб виступити скільки небудь сильно в сїй справі. Навпаки, унїверситет львівський став ареною завзятої боротьби між академічною молодїжю й суспільністю українською — з одного боку, і польською професорською корпорацією, шовінїстично настроєною частиною польської молодїжи й польською суспільністю — з другої сторони. Українська сторона домагала ся в прінціпі заснования осібного українського унїверситета, а поки се наступить — дальшого творення паралельних українських катедр по всїм головним

предметам універсітетського курса. Польська сторона стала на становищу охорони польського stanu posiadania, уважаючи однаково нарушеннєм свого польського володіння і заведеннє нових катедр українських і плян заложення осібного українського універсітета.

Та хоч які невеликі були дотеперішні здобутки австрийської України на сїм полю, але й ті десять українських катедр, що до сих часів здобула вона, а ще більше — завзята боротьба за український універсітет, що розгоріла ся в останніх лїтах, — не переставали підогрівати Українців российських в сьвідомости потреб універсітетської української науки. Сьвідомість ся випливала вповні льоґічно вже з самих змагань за повноту національного культурного розвою й житя. Сьвідома частина української суспільности стала на становищу такого повного національного розвою в останніх десятилїтях зовсім виразно. Але істнованне вже готових українських катедр по той бік Збруча, і завзята боротьба за повний український універсітет, що виникла там, — не можуть не служити імпульсом для анальоґічних змагань российських Українців. Те, чого добила ся вже й чого добиваєть ся невеличка частина українського народа, поставлена в далеко гірші обставини економічні, культурні й ріжні иньші, як може не бути предметом домагань величезної української людности Росії? І як тільки з'явила ся спромога добивати ся взагалї чого небудь українського, так зараз виплило на верх домаганнє вищої науки на українській мові, а передо всїм — українських викладів по універсітетах України з предметів, найбільше інтересних з національного становища (мови, лїтератури, історії).

Що можна, противставити сьому домаганню? Доводити неможливість таких курсів принціпіально, з наукового становища нема чого й думати, коли по австрийських універсітетах виклади на українській мові з української історії, лїтератури, язика, права ведуть ся десятками лїт, вповні успішно, на висоті наукового рівеня тих універсітетів. Можуть бути практичні перешкоди — які легко можна обминути, коли не буде неохоти до сього жадання в компетентних кругах; про них я говоритиму низше. А поза тим можна виступати против домагання українських викладів як взагалї против всяких домагань в сфері українського культурно-національного житя. Жаданнє українських викладів на універсітеті становлять таку орґанїчну частину українського культурного розвою, що бороти ся з сим жаданнєм — значить бороти ся з змаганнями Українців до свого культурного розвою, культурно-національного житя. Отже можна говорити — як і говорить ся, що заведеннє українських викладів, українїзація вищої школи на Українї шкідливо відібєть ся на науковім житю, на культурі «общерусскій», себто великоросийській, бо відтягне від неї сили українські. Можна повторяти старі, затаскані фрази про те, що українство не має підстав для національного культурного житя, і змагання до тої вищої культури штучно роздмухані купками українських фантастів і т. д. І таке балаканнє буде ще певно довго повторяти ся серед людей взагалї неприхильно настроєних до українського культурного руху.

Та можна вірити тим фразам, чи нї, але на підставі їх ставити перепони українському культурному рухови, а з окрема — домаганням вищої української науки — се значить робити насильство над живим житєм суспільности, над її правами й орґанїчними потребами. Хто може жадати від української суспільности, аби в інтересах розвою великоросийської культури вона зрікла ся свого власного культурного житя й розвитку? Хто має компетенцію відмовити українській суспільности морального права на певні національні постуляти, або оголосити їх штучними, а не реальними, коли вони випливають льоґічно зі змагань до розвою своєї народности, даної, витвореної тисячолїтнім процесом?

Коли тисячі студентів-Українців домагають ся від своїх універсітетів, щоб вони подавали їм науку певних предметів по українськи, — се-ж для обєктив-

ного ока, незаслїпленого «посторонними соображеніями», повинно вповні рішати дїло. Відзивають ся люде, котрих інтересам повинний в першій лїнії служити унїверситет; відзивають ся не з якимсь екстраваґантним жаданнєм, а вповні зрозумілим, льоґічним, з становища культурного розвою сеї самої унїверситетської молодїжи і тої суспільности, яку вона репрезентує — вповні оправданим, законним. Робити якісь перешкоди для здійснення сього жадання, висувати якісь трудности, виявляти йому неспівчутє своє — значить політиканити, вносити в ясну й чисту культурно-наукову справу елєменти національного шовінїзму чи поліцийних заходів; значить політику виразних заборон українського національного житя заміняти системою дрібних загорож і перешкод. Професорським корпораціям та унїверситетським кругам така роля безусловно не личить.

Арґументують дуже часто против домагання українських викладів тим, що в унїверситетах Росії виклади мусять іти тільки на державній — російській мові і заведеннєм ріжноязичних викладів нарушаєть ся унїверсальний характер унїверситетської науки. Унїверситетські виклади, мовляв, мусять бути приступні для всїх студентів, а се можливо тільки при державній, російській мові. Склад студентів по унїверситетах України не одностайний український, а мішаний, і се ставить непоборені перешкоди українським викладам.

Я умисно навів сї арґументи вкупі, так як звичайно їх висловляють, один одним підпираючи. Очевидно, самі їх речники відчувають, що арґументи слабкі, тому подають їх не поодиноко, окремими прутами, а звязані в пучок, з тою надією, що так їх тяжше буде переломити. І що сї арґументи так часто повторяють ся, коли заходить мова про українські виклади, найлїпше показує, як трудно знайти який небудь важкий арґумент против них, коли приходить ся помагати собі аж такими несеріозними, постійними арґументами.

Справдї, що варт арґумент, що наука в унїверситетї мусить вести ся на мові державній, спеціально — в Росії на російській? Хиба в часах найбільшого напруження абсолютизма в Росії, в другій чверти і в серединї XIX в. не було нїмецького унїверситета в Дерптї, польського в Вильнї й Варшаві? Сї иноязичні виклади покасовано, коли на школу взагалї в бюрократичних кругах стали дивити ся як на знаряд «обрусенія», національної нївеляційної полїтики. Але мабуть ніхто не буде доводити, що такий погляд на школу, се невідмінний атрибут державности. І коли в правительственних поглядах на школу і шкільній системі взагалї тепер попущено досить богато з давнїйшої системи абсолютної одноформности, з виключення місцевих мов і місцевих дісціплїн, то чому-ж в приложенню до вищої школи не можна говорити зовсїм серіозно і резонно про заведеннє викладів українських, польських чи яких иньших? Говорити, що унїверситетська наука мусить вести ся тільки на державній мові — се хиба показувати повне власне незнаннє або рахувати на незнаннє публїки. Чиж не бачимо цїлих унїверситетів, де наука ведеть ся на місцевих мовах, а не на державній? В сусїднїй Австрії державна мова нїмецька, але Чехи мають чеський державний унїверситет, Поляки польські, Русини й Румуни виклади ріжних курсів по українськи, румунськи. Справа викладової мови школи чи низшої чи вищої не залежить від питання про державну мову й мусить рішати ся з становища осьвітних і культурних інтересів місцевої людности.

Що до унїверсалїзма унїверситетської науки, то з формального боку, що до викладової мови, вона стратила сей унїверсальний характер давно-давно, з того часу, як місце одної унїверсальної наукової мови — латинської зайняли ріжні культурні язики. В середнїх віках студент слухав науку на одній, латинській мові однаково в Анґлїї, Нїмеччинї, Італїї й по західно-словянських землях. Тепер їдучи в Нїмеччину, він слухає викладів нїмецьких, у Франції французьких, і не буде нї-

чого дивного, коли і в границях тої самої держави не буде одностайности в університетській науці, в викладовій мові. Одностайність політична не звязана зовсім з одностайністю культурною, а шкільна мова, очевидно, належить до сфери культури. Нікого не дивує і не вражає, коли студент, прослухавши один два роки українські або польські виклади у Львові, їде на рік до Праги й слухає викладів чеських, їде до Відня й слухає німецьких, так само як поїхавши до Парижа слухав би французьких, а в Петербурзі російських. Се його діло — їде туди, куди тягнуть його якісь інтереси чи справи, і коли він розуміє викдадову мову тамошню, то не має ніяких трудностей, а ні — то їде туди, де порозуміє. З того 'часу, як універсальну наукову мову заступили ріжні культурні мови, від самої людини залежить се — знаннєм культурних мов розширяти сфери, з яких збирає вона для себе культурний матеріал, і сим осягаєть ся універсалїзм, а не піклуваннєм про одноформність в границях якоїсь держави, і штучне розвиваннє в них державної культури чи мови.

Ріжноязичні виклади, як певного рода компроміс культурних потреб ріжних народностей, що залюднюють певний край, або компроміс культурних потреб місцевої народности з інтересами державної народности, державної культури, поставленої під особливу опіку правительством, — практикують ся тепер дуже часто. Компроміс першого порядка неминучий, коли певну країну залюднює кілька народностей в досить сильно вираженій пропорції, а нема спромоги завести для них осібні університети. Компроміс інтересів державних з культурними інтересами місцевої людности виходить з хибного принціпу особливої протекції державній культурі коштом розвою культури народностей недержавних, і тому не має такої реальної потреби під собою, як компроміс в інтересах місцевих народностей. Але чи з тих чи з сих мотивів, ріжноязичність університетських викладів — явище практиковане широко, і само по собі ані не шкодить інтересам університетської науки ані не вносить якогось небажаного ферменту в студентські чи професорські круги. Вона, що правда, не завсіди може невтралїзувати національні ферменти, коли заступники одної національности і в університетській сфері штучно держать «в чорнім тїлї» заступників другої, противлять ся відокремленню иноязичних катедр в осібні факультети і т. п., але не ріжноязичність викликає сей фермент.

І в практичнім своїм переведенню вона зовсім не така страшна. Допускають ся до університетських видкладів ріжні місцеві мови, або місцева мова — чи кілька місцевих мов поруч державної. Місцевим людям, при спільнім житю, в нормальних обставинах, місцеві мови до певної міри звісні. Коли нема якоїсь спеціальної ворожнечі, умисного нехтовання одної народности другою, — місцеві студенти можуть користати з викладів на ріжних місцевих мовах. Звичайно ж на практиці буває, що всі головні, обовязкові предмети факультетських проґрам викладають ся на якійсь одній мові — чи то буде державна мова, чи одна з місцевих, котра з якихось причин зайняла місце основної університетської мови. Поруч сеї основної мови викладають ся на другій мові певні курси — чи то присьвячені дісціплїнам, так би сказати, національним (мові, лїтературі, історії, праву даної народности), чи то паралєльні курси з найбільш основних предметів проґрами, — щоб студент другої народности міг вислухати на своїй мові бодай головнійші предмети з своєї спеціальности.

Таким чином, коли студент не має сам охоти слухати викладів на другій викладовій мові, а тільки на основній, так би сказати, то ніщо й не приневолює його до того. Він може цїлком обійти ся тими викладами, які викладають ся на основній мові, і се діло його доброї волї й охоти, коли він хоче слухати якісь курси на другій університетській мові. А хоче слухати, то се вже його діло розуміти, — так само як би схотів вислухати кілька курсів в иньшім иноязичнім уні-

верситеті. Та, повторяю, для людей місцевих звичайно й та друга університетська викладова мова завсіди буває до певної міри знана.

З огляду на сказане видко нестійність і того арґумента, що мовляв — університетські виклади завсіди повинні бути зрозумілі для кождого студента, і коли склад студентів даного університета не одноцільний, то но може бути иньшої викладової мови, як тільки всім приступна мова державна. Коди отже по університетах України тільки частина студентів Українці, а иньші иньших народностей, то, кажуть, не може бути викладів українських, бо вони иньшим студентам будуть неприступні. Та ми бачимо, що можливі цілі університети з мовою місцевою, а не державною, не то що поодинокі катедри й виклади на місцевій мові поруч викладів на державній мові. В сім разї всї обовязкові предмети викладають ся на державній мові, а поруч них є певні спеціальні або паралєльні курси на мові місцевій; коли та мова робить трудности якомусь студентови, то він може пройти свій загально-університетський курс і без них, так само як може не вислухати того або иньшого спеціального, необовязкового курса і на приступній йому мові. Коли на якімсь університеті України будуть заведені українські виклади історії, мови й літератури України, студенти, яким українська мова незрозуміла, так само можуть переходити через університет, не слухаючи сих предметів, як і досі їх не слухали. Цілі віки стояли сї університети, й професорські корпорації не завважали, що їх студенти повинні прослухати курс історії України, чи курс української мови, чи історію української лїтератури. Аж тепер, коли поставлено жаданнє, щоб сї предмети викладали ся на українській мові, з тих професорських кругів виходять побоювання: ану-ж знайдуть ся студенти, що не вміють української мови, а схотїли-б слухати сих предметів?

Річ очевидна, що коли сей «ану-ж» серіозно інтересуєть ся українськими дісціплїнами, то він потрапить присвоїти собі українську мову на стільки, щоб розуміти українські виклади — так само як присвоїть собі чеську мову той студент, який схоче послухати якихось чеських дісціплїн, або польських на котрімсь чужім університеті. З тою тільки ріжницею, що місцеві люде між студентами і так мають звичайно деяке знаннє української мови. А коли сей інтерес не так серіозний, щоб для нього хотїти розширяти своє знаннє української мови, то очевидно, що такими несеріозними інтересами зовсім не потрібує трудити собі голову професорська корпорація. Як вона й досі не трівожила ся тим, що її студенти всї не могли слухати українських дісціплїн, нехай не трівожить її, що декому з студентів українські дісціплїни будуть не досить приступні. А як би справді виявило ся, що українські дісціплїни слухало-б богато таких студентів, для яких українська мова мало приступна, то на те иньший спосіб — поруч українських викладів певних українських дісціплїн, завести також по великоруськи виклади тих курсів, на які є богато охочих. Але трохи сьмішно говорити про се, коли досі тих дісціплїн не вважали потрібним давати зовсім, а тепер би так хотїли забезпечити можливість їх слухання не-Українцям.

Не можна в кождім разї стати на такім становищі, яке зайняла одеська професорська корпорація в своїй відповіди на студентські петиції в справі українських катедр, що про мову викладу рішає склад авдиторії: коли більшість буде Українців — виклади мають бути українські, коли більшість буде не-Українців —виклади мають бути російські. Я мав нагоду зазначити тодїж* нераціональність такої умови. Ставити дїло так, значить не розуміти значіння домагань українських викладів та мішати їх з домаганнєм викладів українських дісціплїн взагалї, незалежно від мови. З сказанно-

* Стаття «Українські кафедри» — Громадська Думка. ч.23.

го вище зовсім ясно, що се дві річи зовсім осібні. Викладаннє українською мовою певних університетських курсів — се постулят культурно-національного українського розвою. Коли університет хоче бути льояльним супроти сього постуляту місцевої української народности і признає в прінціпі потребу і бажанність українських викладів, — він не повинен ставити їх в залежність від того, чи не знайдуть ся серед студентів такі, що хотїли-б слухати той самий український курс по российськи. Коли-б рішено було завести виклад української лїтератури по українськи, і знайшло ся на те певне число слухачів, а знов иньші заявили бажаннє вислухати той курс лїтератури по российськи, то ніяк не можна пожертвувати для тих останнїх українськими викладами. Хоч би навіть їх було й більше, як охочих до викладів на українській мові, а не тільки що яких два-три (бо й такі голоси доводило ся чути, що хоч би два три заявили, що вони по українськи не розуміють, а хочуть слухати по российськи, то вже не можна по українськи викладати). Коли-б університет хотїв вдоволити бажаннє їх, то міг би завести паралельний курс по российськи. Але ніяк не годило ся-б позбавляти Українців українських викладів на котрімсь університеті України для того, аби вдоволити бажаннє тих, що хотїли-б прослухати той самий курс по российськи.

Повторяю ще раз те, що зазначив був на вступі сеї статї: се дві річи ріжні — виклади українських дісціплїн, незалежно від викладової мови, і викладаннє мовою українською. Перше — се постулят не тільки український, а й загально-науковий, друге — се домаганнє українського культурно-національного розвою. Кождий Українець, сьвідомий культурно-національних інтересів свого народа, повинен в прінціпі обстоювати за тим, щоб університети на українській територїї мали виклади на українській мові всього університетського курсу. Але треба, щоб ідеї свобідного національного розвою недержавних народностей зробили ще великі поступи в Росії, аби ставити жаданнє українських університетів як домаганнє нинїшньої хвилї, готове до здійснення зараз, в теперішнїм моментї. Полїтична кріза затягаєть ся, і з тим затягаєть ся прінціпіальне рішеннє національної справи взагалї. Не дотикаючи прінціпіальної сторони, Українці в університетській справі виставляють на чергу ті мінімальні домагання, які, так сказати-б, мають служити пробним камінем доброї волї університетських чи иньших професорських корпорацій супроти культурних потреб української народности. Се жаданнє заведення українських викладів по вищих школах України, в першій лїнїї по університетах, певних предметів, найбільше інтересних і цїнних з становища українського культурного життя.

З другого боку, в інтересах не тільки студентів-Українців, а і в інтересах університетської науки та наукового поступу й розвою взагалї потрібне утвореннє катедр для ріжних українських дісціплїн. Не претендуючи на абсолютну повноту, я на підставі тих помічень, які робив над університетською практикою й науковим рухом, уважав би потрібним заведеннє таких катедр і викладів по університетах України — як не в кождім з окрема, то так, щоб бодай всї разом вони мали регулярні виклади з тих предметів:

Українська мова — фонетика, морфольоґія, синтаксіс, історія мови, діалєктольоґія, історія української фільольоґії.

Українська лїтература — історія письменства і книжности на Україні від найдавнїйших часів, історія устної творчости, розвій національної лїтератури.

Український фолькльор, — його історія, в тїсній звязи з історією письменства (як вище) і культури, й фолькльор сучасний. Коли б на практиці показало ся можливим лучити його в одну катедру з лїтературою — добре. Але се досить сумнївно, і безпечнїйше було-б, в інтересах сеї дісцінлїни, її відлучити, бодай по деяких університетах, бо предмет незвичайно важний, широкий і нерівно оброблений.

Історія українського народа, й української території з найдавнійшнх часів. З огляду на самий характер української народности як недержавної, історія її повина все класти головну вагу на історію суспільну, економічну й культурну, навіть для часів її державного житя. Огляди джерел. Історіоґрафія.

Помічні історичні науки: палеоґрафія, дипльоматика, сфраґістика і т. и. в приложенню до українських рукописей і актового матеріялу. Огляди бібліотек і архивів, важних для української історії й фільольоґії.

Історія української штуки — в курси її повинні бути включені огляди артистичних елементів в сучаснім українськім народнім житю.

Археольоґія України, етнольоґія й антропольоґія української людности. Сї три дісціпліни в сучаснім науковім руху стоять в тіснім і нероздільнім звязку й так мусять бути трактовані. В сумі дають величезне поле для досліду й мають високий інтерес для історика культури і всякого, хто інтересуєть ся житєм українського народу; коли не можуть бути представлені одним професором, мусять бути поділені ним з доцентами.

Українське право, кодифіковане й звичаєве — історія права кодифікованого і звичаєвого; кодифікації українські; чужі кодекси, уживані на Україні; кодифікації, що стояли під впливом українського права і його традицій; сучасне звичаєве право. При тіснім звязку права офіціяльного з звичаєвим (законодавство дуже часто виходить з норм звичаєвого права, і навпаки — звичаєве заховує норми давнійших законів, потім як вони вже стратили свою обовязкову силу) їх дослід мусить іти паралельно, як в історії так і в сучасности.

Не знаю, чи можливо буде на практиці звязати з сею катедрою, чи прийшло ся-б виділити в осібну катедру ще оден дуже потрібний курс: про політичний та адміністраційний устрій ріжних частей української території, що входять в склад ріжних держав, та про ті ріжні законодавства, які мають силу в них.

Ґеоґрафія (фізична) української території. Кліматольоґія. Метеорольоґія.

Економіка й статистика України, з оглядом на економічну історію й економічну ґеоґрафію.

Статистика і ґеоґрафія медична: народне житє з медично-санітарного становища; медична кліматольоґія України.

Повторяю, я не претендую анї на повноту, анї докладну систему і клясифікацію сих дісціплін — я висловляю сї дезідерати, як результат моїх помічень. Але може минї треба скорше оборонити ся від иньшого закиду, — не те, що мій реєстр неповний, а що я натворив масу дісціплін, і між ними навіть нечувані катедри, незвісні взагалї в університетській практиці?

Одначе приглянувши ся близше, в сім ряді дісціплін не знайдемо ні одної, яка-б не входила бодай як частина, як не просто то боком в університетські курси, або яка-б не втаскала ся до них тепер, під натиском нових напрямів в науці, в сучасній культурі, не являла ся дезідератом сучасної університетської науки, або не подавала ся в поміч університетським програмам иншими спеціальними інституціями — як напр*иклад* антропольоґічні школи, археольоґічні інститути і т. и. Нема потреби держати ся університетських шабльонів в твореню такої нової сфери, як отся система українських дісціплін, навпаки — треба використати ті вказівки на нові сфери досліду й науки, які дає сучасне культурне житє. З другого боку — з огляду на еволюцію самого українства, як течії недержавної і в основі глубоко демократичної, звязаної всїми нервами з народнім житєм, українознавство повинно йти далї за ті рами, в яких держать ся традицийні системи університетських дісціплін, що виросли на ґрунтї житя державного й привикли слідити передовсїм його прояви, сторони житя офіціальні, показні.

Далї, виходячи з того погляду, що університети України повинні дати суму українознавства, я поставив їм оті дезідерати — але се не значить, що то має бути зараз ряд з 12 (чи скільки там)

катедр. Деякі з показаних українських дісціплін правдоподібно знайдуть своє місце як спеціяльні курси при катедрах загальних. Осібні катедри треба творити для них тоді, як покажеть ся, що в злуці з загальними курсами вони занедбують ся. Але треба, щоб сі курси були, і се вже річ факультетів подбати про їх забезпеченнє й вилученнє в осібні катедри, коли покажеть ся неможливим дати їм певне і трівке місце в злуці з загальними курсами. Потім, як я сказав вище, на перший початок університети України могли-б поділити між собою дісціпліни меньше дозрілі, меньше пильні — одні дісціпліни мали-б свої катедри чи запевнені курси в однім університеті, иньші в другім. Так що на практиці для кождого університета діло зводило ся-б на заведеннє чотирох — пяти катедр (чи доцентур) та запевненнє деяких курсів через поручення особам, що займають иньші, готові вже катедри.

Актом льояльности супроти домагань української суспільности й української молодіжи буде, коли університетські корпорації зараз таки попіклують ся й про те, щоб хоч деякі з сих українських дісціплін викладали ся на українській мові. В першій лінії — ті найбільше цінні й інтересні з національного становища дісціпліни: українська мова, література, історія.

Практичні перешкоди у всім тім зовсім не так значні, щоб спиняти ся перед ними, а в кождім разі вони не повинні й не можуть здержувати університетські корпорації від заходів у сім напрямі.

Катедри творить міністерство, але ініціатива, проєкти, пляни належать до університетів, до факультетів, і від них повинні йти. Коли всї університети України поведуть заходи в сім напрямі, то певно міністерство не буде робити опозиції довго, як би й робило з початку. Але чекати, щоб воно само забрало ся до сеї справи, й ухиляти ся від ініціативи в сій справі університетам в високій мірі не випадає.

Ще більше можуть професорські корпорації зробити, коли йде мова тільки про вилученнє певних дісціплін з дотеперішнїх університетських курсів і порученнє їх окремим особам. Наприклад, коли з руської історії тільки «вилучаєть» історія України, з «русского языка» мова українська, і т. и. Або коли при котрійсь катедрі творить ся доцентура для української галузи сеї науки. З формального боку тут університет має далеко вільнїйшу руку, а тим часом такі «вилучені» курси стають завязком осібних, самостійних катедр. Навіть і певні засоби для винагороди тих, що викладатимуть українські дісціпліни, університет звичайно має, в виді остатків «от содержанія личного состава». Так що при добрій волї університетські корпорації безперечно можуть зробити дуже багато, щоб пустити справу в рух — щоб мати як не катедри, то доцентури, або курси з ріжних українських предметів і навіть — на українській мові. І всякі перешкоди з сього боку мусять упасти, коли університети справді щиро й енергічно заходять ся коло сього.

Ще меньше можна говорити про перешкоду, яка виникає з браку відповідно приготованих професорських сил. Переглядаючи вище поданий, досить довгий реєстр пожаданих катедр, я не можу вишукати анї одної, до якої-б зараз не можна було знайти відповідної сили, навіть з українським викладом. Не кажу вже про ті дісціпліни, які ставлять ся на першу чергу — як мова, література і історія: сил до них знайдеть ся подостатком. Знайдуть їх і в Росії, не кажучи про заграницю. І поруч тих, яких ми знаємо, які у всїх на очах, знайдеть ся не мало людей, яких се заохотить до спеціальних занять в тім чи иньшім напрямі, коли стане звістно, що для сеї чи тої дісціпліни потрібні професори, що така або иньша катедра порішена, хоч би в прінципі, й шукають для неї професорської сили. Той плян катедр, який начеркнув я вище, се завданнє не одного дня, і поки він дійде повної своєї реалізації, буде час і розглянути ся за силами, і приготовити ся кандидатам до них. А прогалини в самім науковім оброблению дісціплін

будуть зовсім заповнені тільки з уведеннєм їх в круг академічних занять. На стільки вони вже всї приготовлені, щоб думати про їх уведеннє в програму унїверситетів та иньших вищих шкіл, «а прочеє приложится».

І взагалі все «прочее приложится», коли університетські корпорації України покажуть добру волю в сїй справі, виявлять щире співчутє до неї — приймуть ухвали в справі заведення курсів українських і по українськи, та ужиють всїх заходів, щоб здійснити сї ухвали. Чи катедри, чи доцентури, чи спеціальні курси при теперішніх катедрах, головне діло — щоб курси були. Які можна — по українськи, де не можна справдї — хоч по российськи тим часом. Тільки доброї, щирої волї! Неможливого не жадає від унїверситетських корпорацій анї українська суспільність, анї українська академічна молодїж.

І професорські корпорації повинні дати докази того, що вони приймають до серця сї бажання і піклують ся ними. Се лежить в інтересї самої вищої школи, щоб сї професорські корпорації не були бюрократичними присутствіями по унїверситетським ділам, а живими органами наукових потреб і культурних домагань місцевого громадянства. Школа, що тратить живу звязь з житєм, з громадою, неминуче засуджує себе на мертвоту, занепад, безсильність, утрату всяких впливів на сю громаду й житє.

Надїємо ся, що сього не буде з вищою школою України, і в сїй критичній справі українських катедр вона кінець кінцем вийде з своєї нерішучости й ваганя та задокументує свою живу звязь з ґрунтом, на якім стоїть.

16.II.(1.III) 1907.

Літературно-науковий вістник. Львів, 1907. Січень. С.42-57; Лютий. С.213-220; Март. С.408-418. (Повна публікація).

№3
Дорошенко Дмитро Іванович (1882-1951)

Історик, громадський і державний діяч, публіцист. Походив із старого козацького гетьманського роду з Чернігівщини. Навчався у Варшавському (1901), Петербурзькому (1901-1905) і Київському (1906-1909) університетах. Був головою української студентської громади в Петербурзі (1903), секретарем редакції «Украинский вестник» (1906) і «Україна» (1907).

У 1909-1913 рр. працював у Катеринославі вчителем історії у Комерційному училищі, був членом місцевої «Просвіти», редактором двотижневика «Дніпрові хвилі» (1910-1914), секретарем Катеринославської вченої архівної комісії (1909-1913).

У 1913 р. переїхав до Києва, де працював вчителем історії, бібліотекарем і секретарем Українського наукового товариства. Член ТУПу. З 1915 р. — уповноважений Комітету Південно-Західного фронту Всеросійського союзу міст в Галичині і Буковині, з 1917 р. — помічник київського губернського комісара, крайовий комісар Галичини і Буковини. Від партії українських соціалістів-федералістів — член Української Центральної Ради. У серпні 1917 р. обраний головою Генерального секретаріату, після демісії — губернський комісар Чернігівщини. У травні-листопаді 1918 р. очолював Міністерство закордонних справ гетьманського уряду і відбув офіційну подорож до Берліна.

У 1919 р. був призначений приват-доцентом Кам'янець-Подільського університету, того ж року виїхав за кордон.

У 1922-1951 рр. — професор Українського Вільного Університету (Відень, Прага, Мюнхен) по кафедрі історії України. Одночасно — професор Карлового університету в Празі (1926-1936), директор Ук-

раїнського наукового інституту в Берліні (1926-1931), професор кафедри історії Церкви Православного богословського факультету Варшавського університету (1936-1939). У 1945-1951 рр. — президент Української Вільної Академії наук. У 1947-1950 рр. — професор Колегії Св. Андрія у Вінніпегу (Канада).

Автор понад 1000 праць з історії України, української історіографії, історії культури, Церкви, політичних стосунків України з Західною Європою.

Основні праці: «Нарис історії України» (Т. 1-2. 1932, остан. вид. К., 1991, 1992), «Історія України. 1917-1923» (Т. 1-2. 1930, 1932, остан. вид. К., 1992), «Угорська Україна» (1992), «Огляд української історіографії» (1923, 1994), монографії про М. Костомарова, П. Куліша, В. Антоновича, «З історії української політичної думки за часів світової війни» (1936), «Православна Церква в минулому й сучасному житті українського народу» (1940), «Слов'янський світ в його минулому й сучасному» (Т. 1-3. 1922), «Гетьман Петро Дорошенко» (Нью-Йорк, 1985), «Die Ukraine und das Reich» (1941, 1943), «History of the Ukraine» (1939, 1941).

Автор мемуарів: «Мої спомини про давнє минуле. 1901-1914» (1949), «Мої спомини про недавнє минуле. (1914-1920)» (1923-1924. Т. 1-4 та ін. вид.).

Бібліографія: Бібліографія праць проф. Д.Дорошенка за 1899-1942 роки. Прага, 1942; Укр. історик. 1982, № 3/4. С.75-76.

Архів: ЦДАВОУ, ф.4186; 3956. НБУ НАНУ. ІР, ф.318, 170

*Література: **Борщак І.*** Дмитро Дорошенко // Україна (Париж). 1951. № 5. С.374-377; ***Коровицький І.*** Дмитро Дорошенко // Липинський В. Архів. Т.6. Листи Д. Дорошенка до В. Липинського. Філадельфія, 1973. С.XV-XVIII; З листів Д.І. Дорошенка до О.П. Оглоблина // Оглоблин О. Студії з історії України. Нью-Йорк; Київ; Торонто, 1995. С.300-307; ***Ковальський М.П.*** Невідоме джерело про історика Дмитра Дорошенка // Бористен. 1993. № 10. С.8-9. ***Білецький Л.*** Д. Дорошенко. Женева, 1949; ***Крупницький Б.*** Д.І. Дорошенко (спомини учня) // Наук. зб. УВАН. Нью-Йорк, 1952, Т.1; Український літопис. 1953. Зб. 1; ***Винар Л.*** Дмитро Дорошенко: видатний дослідник української історіографії і бібліографії // Укр. історик. 1982. № 3/4 (75/65). С.40-78; ***Ульяновський В.І.*** Дмитро Дорошенко // Українська культура: Лекції за редакцією Дмитра Антоновича. К., 1993. С.527-553; ***Бурім Д.В.*** Наукова, педагогічна та громадсько-політична діяльність Д. Дорошенка в еміграції (1919-1951 рр.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К., 1997; ***Андреєв В.М.*** Д.І. Дорошенко як дослідник української історіографії: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 1998

Кампанія за українські університетські катедри в Києві

В осени 1906 р. я вписався на історично-фільольоґічний факультет київського університету і почав знайомитись з українською студентською громадою. Я побачив, що життя в ній дуже ослабло. В результаті бурхливих революційних подій 1905-1906 рр. число її членів дуже зменшилося, дехто покинув Київ, дехто вже готовився кінчати студії й думав більше про іспити, ніж про політику. Коли в початку жовтня з ініціятиви студентів Валентина Садовського й Якима Міхури було скликано сходини громади, то явилося всього чоловік 40-50, і це були майже виключно молоді студенти перших курсів. Сходини мали характер установчих зборів, і було видко, що орґанізацію треба починати наново. Було намічено плян діяльности. Між іншим було постановлено на порядок дня справу заложення на університеті катедр українознавства. Ми знали, що в Харківському університеті професор Микола Сумцов оголосив курс української народньої словесности і викладав українською мовою. Так само викладав в Одеському університеті українську історію доцент Олександер Грушевський (брат Михайла) — теж українською мовою. Ми рішили домагатись від сенату київського університету, щоб і в Києві було заложено катедри українознавства. Не мали великої надії, щоб наше бажання було задовольнене сенатом, зложеним з реакційних і ворожих до українства професорів, але гадали, що хоч наробимо розголосу. Отож постановили скликати студентське віче з рефератом про українські катедри. Революція 1905 р. принесла певні свободи в університетське життя, принаймні тепер стало можна скликати студентські віча (т. зв. «сходки») навіть без особливого дозволу, повідомляючи лиш адміністрацію університету про день і годину віча — й місце, себто певну авдиторію. Віче було визначено на 16-го жовтня.

Успіх віча перевищив усі наші сподівання. Зібралося більше тисячі студентів, і одна з обширніших авдиторій ледве могла вмістити всіх учасників. Головою віча мав бути я, і мені ж було доручено виголосити реферат про катедри. Я дав

короткий огляд науки українознавства взагалі, з'ясував її потреби і поставив мотивоване внесення, щоб на київському університеті було засновано чотири катедри: три на історично-фільольоґічному факультеті (історія України, українська мова й історія української літератури) й на юридичному (історія українського права). По рефераті я відкрив дискусію. Зразу вихопився один молодий студент (Грищинко) і, попросивши слова, почав говорити російською мовою щось «від Маркса» про розвиток продукційних відносин на Україні і далі в тім же роді. Серед слухачів почався гамір незадоволення. Ті, що стояли близче до катедри почали казати мені: «Перепиніть його, позбавте слова!». Я спинив промовця, прохаючи говорити на тему. «Чи ви можете мене перепиняти?» — запитав промовець. «Так, можу», відповів я, можу і позбавити вас слова,» — додав я. Почувши з усіх боків одобрення, я справді позбавив молодого марксиста голосу, і він покинув мовчки катедру. Після цього інциденту все пішло гладко. Один з промовців заявив, що потреба в катедрах українознавства так для нас ясна й очевидна, що нема потреби дискутувати над нею, і тому він вніс ухвалити резолюцію в дусі моїх предложень без дальшої дискусії й подати її ректорові університету. Авдиторія прийняла його предложення. Було списано резолюцію й обрано делеґацію, яка мала передати її в імени віча ректорові. До делеґації обрано мене, Міхуру й Віктора Андрієвського (він перебуває тепер у Міттельвальді на еміґрації).

Ми понесли резолюцію до ректора — професора політичної економії Цитовича. Ректор приняв нас дуже сухо, не привітався за руку, як це було в звичаю в таких випадках, не попрохав сісти, переглянув резолюцію й сказав, що сам не може дати нам ніякої відповіди, а доложить справу сенату; про рішення сенату нас буде повідомлено. На тім авдієнція скінчилася. Ми вивісили на коритарі текст резолюції й аркуш паперу з просьбою підписуватись, хто хоче приєднатись до резолюції віча. За пару днів набралося підписів коло 1500. Це був величезний успіх.

Але на тім справа не закінчилася. За кілька день до редакції «Ради» надійшов лист від одної низчої сільсько-господарської школи, підписаний кількома десятками учнів. Вони вітали студентів з ухвалою віча й «гаряче до неї прилучалися». За кілька день надійшов другий лист теж від якоїсь школи, і далі такі листи почали надходити щодня. Розпочався справжній рух за катедрами. Надходили листи від селян з сотнями підписів, настало ніби якесь змагання, головно між молоддю, всі ці листи «Рада» друкувала. Дехто в редакції рахував число підписів, і пам'ятаю, що за пару місяців число перейшло 10000. Це був справжній плєбісцит, який дуже спопуляризував справу українських катедр і дуже підбадьорив нашу студентську громаду. Число членів її дуже зросло. Коли громада пару місяців пізніше влаштувала друге віче (не памятаю вже — з якого приводу), на якому промовляли В. Винниченко (він уже не був студентом і, здається, перебував на той час у Києві нелеґально) і я, то зібралося знову більше тисячі учасників. [...]

Дорошенко Д. Мої спогади про давнє минуле. 1901-1914. Вінніпег, 1949. С. 89-91.

№4

Владимир Перетц

К вопросу об учреждении украинских кафедр в университете

Черниговские украинцы и украинки обратились в совет киевского университета с петицией, в которой они выражают желание, чтобы были учреждены ка-

федры украинской литературы, языка, истории, этнографии и обычного права. Заключается петиция выражением надежды, что представители науки окажут не только идейную поддержку высказанным пожеланиям, но и практически постараются осуществить это пожелание.

Вероятно, в недалеком будущем совету университета придется решить это дело так или иначе, в зависимости от того, встретит ли пожелание украинцев сочувствие членов совета или нет. Ниже мы постараемся высказать некоторые соображения в пользу открытия перечисленных кафедр, впрочем, не всех, а таких, к которым имеем отношение по роду своей специальности.

Предварительно следует оговориться. Дело об украинских кафедрах имеет две стороны: политическую и чисто научную, академическую. Мы полагаем, что политическая сторона вопроса, а также решение о языке преподавания на этих кафедрах — должны остаться вне сферы суждения, а и подавно уже решения — совета. Это дело государственной думы, ибо вопрос о преподавательском языке в университете тесно, кажется нам, связанным с решением более общего вопроса — об автономии территорий, занятых отдельными национальностями.

Суждению совета подлежит, на наш взгляд, вопрос чисто академический, научный, который можно формулировать так: 1) имеются ли обстоятельства, требующие выделения названных кафедр из ведения и круга преподавания по соответственным русским кафедрам; 2) поскольку возможно и зависит от самих университетов учреждение украинских кафедр, сообразно проекту нового устава российских университетов; 3) как, в случае выделения особых, украинских кафедр, да еще с украинским языком преподавания, заместить их достойными представителями соответственных наук?

Эти вопросы кажутся нам самыми существенными, ибо выражают и научные интересы, и говорят о праве университетов и, наконец, считаются с практическими следствиями, которые не замедлят явиться, когда учреждение украинских кафедр станет делом решенным.

I

Разберемся в этих вопросах и постараемся дать ответы, опираясь и на соображения научные, и на указания опыта. Начнем с вопроса о желательности кафедры украинской литературы.

В настоящее время, благодаря трудам целого ряда крупных ученых деятелей, область ведения историков русской литературы расширилась чрезвычайно. Мы не говорим уже об изучении близкой к нам эпохи, хотя бы XIX века, которое особенно оживилось за последние годы в связи с ростом освободительного движения. Даже в таких областях литературы, как история XVIII века, эпоха Петра I, XVII века — и вплоть до первых веков существования на Руси письменности — литературный материал растет с каждым годом и все более и более требует специализации от ученого исследователя. Естественно при этом, если главное внимание русских ученых устремляется на факты литературы им близкой, — литературы московской, русской. При этом и ученому, и преподавателю приходится касаться вопроса о судьбе украинской литературы лишь вскользь, или тогда, когда этого требует ход изучения литературы московской; напр., говоря о роли украинцев в Москве XVII в., неизбежно приходится коснуться и судеб старой украинской литературы, имевшей свою традицию, свои формы и гораздо ранее ставшей выражением народных дум и чувств, чем литература московская. Достаточно упомянуть здесь, что в то время, как Москва трудилась над стилистической обработкой житий во вкусе югославянских риторов, — на Украине шла литературная борьба за свободу народа, за свободу исповедания, за свободу национального развития.

Не касаемся подробно позднейших эпох. Достаточно сказать, что литература украинская XIX в., давно уже не «умещающаяся на одну полку», требует

также к себе большего внимания представителей науки, большего, чем то, какое могут уделить ей мимоходом специалисты, занимающие кафедры русской литературы и славяноведения. В заключение по этому же вопросу: если даже считать, что украинская литература так мало изучена, что почти незаметна наряду с литературою русскою, — то ответом может быть одно: необходимо создать людей, готовых и способных разрабатывать научно украинский историко-литературный материал.

Вывод из сказанного ясен: учреждение кафедры истории украинской литературы весьма желательно. Выделение украинской литературы из круга ведения кафедры русской литературы только облегчит представителей последней и создаст возможность новой университетской специальности к пользе науке.

Переходим к вопросу о кафедре украинского языка. В настоящее время преподающий историю р*усского* языка неизбежно и по преимуществу занят преподаванием судеб древнерусского языка, причем, обычно, касается и судеб древних и новых наречий русского языка. Но опять таки — невольно, наряду с общими лингвистическими вопросами, внимание профессора р*усского* языка останавливается на судьбе русского литературного языка, с одной стороны — в виду важного его значения, с другой — вследствие большей подготовки и обработки материала. В то время, как число иселедований и статей по истории русского языка даже в нашей скудной лингвистической литературе считается сотнями, — сколько нибудь сериозных работ по истории украинского языка считается немного более десятка. Значит ли это, что нет надобности специально изучать этот язык? Конечно, нет, Такая слабая разработанность вопросов, связанных с историей украинского языка, должна побудить нас к тому, чтобы возможно более развить в этом направлении научную деятельность ближайшего поколения нашей университетской молодежи. Нельзя умолчать при этом о таком характерном факте: программа для изучения великорусских говоров — довольно давно уже составлена академиком Шахматовым при сотрудничестве Чернышева; программу по белорусскому наречию недавно составил по поручению академии наук ее чл*ен*-корр*еспондент* проф. Карский. А для составления научной программы по украинскому языку академия наук не нашла ни в одном из университетов, стоящих на украинской территории, ученого официального специалиста и обратились к ... бухгалтеру пивоваренного завода, отличному, правда, знатоку украинского языка, образованному лингвисту, но — лишенному аудитории, где создаются работники, создатели науки будущего.

И здесь вывод для нас не оставляет сомнений: должна быть создана кафедра украинского языка и диалектологии; она сможет, при условии занятия ее сведущим специалистом, закрыть те прорехи, которые образовались за много лет несправедливого пренебрежения ученых к украинскому языку, которым говорят до 30 миллионов народа.

Что касается кафедры истории, этнографии и обычного права, то мы не чувствуем себя достаточно осведомленными в вопросе; отметим только то, что судьбы Украины (Малороссии и Белороссии) были значительно отличны от судеб Москвы. Одна уже близость к Западной Европе, влияние ее законодательства с древнейших времен, несколько иные политические и экономические условия — все это не могло не создать особой физиономии истории «Литовской» Руси или Украины.

II

Итак, с нашей точки зрения, учреждение украинских кафедр полезно в научном отношении. Рассмотрим теперь вопрос, поскольку возможно, поскольку зависит от самих университетов учреждение этих новых кафедр. Так как этот вопрос относится к будущему, то мы должны иметь в виду указания вы-

работанного депутатами от университетов проекта нового устава.

О правах университетов основывать новые кафедры проект устава говорит в статьях 8-й и 65-й; сверх того имеет отношение к нашему делу и примечание к статье 58-й.

Согласно с этими статьями порядок учреждения украинских кафедр представляется таковым: факультеты (в данном случае — историко-филологический, юридический и (по этнографии) физико-математический вносят по принадлежности в совет свои предположения об учреждении украинских, кафедр, а также предположения о распределении профессур и доцентуры между кафедрами, и предметов преподавания между преподавателями, сообразно характеру их научной деятельности и нуждам преподавания (ст. 9, II, 2 и 3). В случае, если совет найдет возможным признать предположения факультетов заслуживающими удовлетворения, он утверждает их своею властью, доводя лишь об этом до сведения министра народного просвещения; утверждение министра необходимо в одном лишь случае, — если для вознаграждения профессорам новых кафедр потребуется особое, непредусмотренное штатами, вознаграждение из сумм государственного казначейства (ст. 9, IX, примечание.)

Но может быть, украинские кафедры потребуют больших расходов и сверхсметных ассигнований? Может быть, потребуется значительное увеличение числа профессоров и доцентов? На это мы найдем ответ в ст. 65 и 64. «Увеличение числа профессур и доцентур, как в пределах имеющихся денежных средств, так и путем исходатайствования новых на общих основаниях, а равно и «учреждение новых кафедр», соединение и разъединение их, перенос с одного факультета на другой — все это по ст. 65 является правом университетов, безо всякого вмешательства или утверждения свыше. А ст. 64 указывает такое количество штатных профессур, каковое при наличных силах едва ли может быть заполнено соответствующими специалистами, имеющими ученую степень доктора (необходимое условие для получения кафедры). На историко-филологическом факультете вместо 11 ординатур и 5 экстраординатур, новый уставь предполагает 16 профессур высшего оклада, 8 низшего и 9 доцентур, т. е. увеличивает число платных преподавателей с 16 на 33. Думается, что если эти предположения будут утверждены высшей законодательною властью, то, по замещении всех кафедр правоспособными специалистами — на долю украинских кафедр по одному историко-филологическому факультету останется не 3 профессуры, или хотя-бы доцентуры, а вдвое более.

Можем задать еще вопрос, оставаясь в пределах того-же проекта устава: имеется-ли к нему хоть какое-нибудь указание, дающее украинцам право ходатайствовать об учреждении особых кафедр? На этот вопрос отвечает, хотя и косвенно, ст. 58, именно — примечание к ней, устанавливающее, напр., в варшавском университете кафедры польского языка, литературы, истории, литовского языка; в казанском — татарской филологии; в юрьевском — даже эстонской филологии. Если по отношению к немногочисленным эстам допущена возможность удовлетворить их национальные потребности, то почему этого не заслужили-бы украинцы?

Итак, — к учреждению украинских кафедр в новом проекте университетского устава «препятствий не встречается». Депутаты от университетов, трудившиеся над ним, приняли во внимание интересы местные, научные и национальные интересы отдельных народностей России, не исключая и «угрюмых пасынков природы». Тем важнее при обсуждении проекта устава в высшем законодательном учреждении добиться ясной формулировки бесспорного, но гуманно выраженного права украинцев требовать учреждения особых кафедр. Но — это дело уже послов в государственной думе, или в том учреждении, которое ее заменит.

III

Обращаемся к последнему вопросу, намеченному нами: как заместить, в случае учреждения, открывшиеся украинские кафедры? Вопрос этот может показаться праздным: могут-де всегда найтись сведущие люди, была-бы доставлена им возможность преподавания. Но это не вполне так. Для занятия кафедры — будь то профессура, будь то даже приват-доцентура — допускаются по новому уставу лишь доктора наук. А мы знаем, что в России, кроме докторов медицины, докторов по другим специальностям очень мало (по русскому языку и словесности, например, включая членов академии наук, всего 13-15 человек, а по славянской филологии — всего 10). Да невелико и число магистров, которых, по правам на занятие кафедр, новый устав приравнивает к докторам. При этом среди них мы не можем назвать ни одного сколько-нибудь авторитетного специалиста по кафедре украинского языка и литературы.

Но является-ли это препятствием для учреждения новых кафедр? Конечно, нет. Вспомним, что в аналогичном, если не в худшем положении было дело с учреждением кафедр славянских наречий и западно-европейских литератур. Знаменитый Изм*аил* Ив*анович* Срезневский перешел тогда, после заграничной командировки и занятий славистикой, на кафедру славяноведения — с кафедры политической экономии и статистики; на кафедру западноевропейских литератур также переходили, напр., русские историки — и это не мешало им позже работать в новой специальности с пользою для науки и с честью для себя и своего университета; наконец, помимо создания своих кадров молодых специалистов, — остается еще один путь —приглашение на новые украинские кафедры испытанных в труде по разработке вопросов украинской филологии и истории деятелей науки из Галичины, где есть свободные ученые, не занятые в университете и могущие сделать честь любому университету своим ученым авторитетом и европейскою известностью.

Этою последнею мерою разрешился-бы и тот вопрос, который также может вызвать затруднения (помимо чисто политических) — вопрос о языке преподавания, которым во львовском, напр., университете является украинский на соответствующих кафедрах.

Заканчиваем наши соображения тем-же пожеланием, какое высказали в петиции черниговские украинцы: надеемся, что наши южные университеты найдут в себе столько научной объективности, что и идейно, и на практике посодействуют учреждению украинских кафедр. (Киев. Отголоски Жизни № 122-123).

Киевская старина. 1906. Т. XCIII. С.44-49.

№5
Петлюра Симон Васильович (1879-1926)

Публіцист і журналіст (псевдоніми і криптоніми: В.М., В. Марченко, В. Салевський, Рокитний, О. Ряст, О.Р., О. Р-ний, Святослав Тагон, Си-то, С.Т., Зілот, Симон, С. П-ра, С. Торнтон, П., П.С., СТ), громадсько-політичний і державний діяч.

Народився 10 травня 1879 р. у Полтаві в міщанській родині. Початкову освіту здобув у церковнопарафіяльній школі й, можливо, земському училищі. 1895 року вступив до Полтавської духовної семінарії. Тут виділився музичним обдаруванням (співав в учнівському хорі, грав на скрипці, диригував). Через виконання забороненого канту М. Лисенка «Б'ють пороги» в присутності композитора й сутичку з ректором Іларіоном Пічетою звільнено з останнього курсу семінарії 1901 р. В семінарії належав до таємної соціал-демократичної організації (полтавської громади РУП). Учасник Всеукраїнського студентського з'їзду в Полтаві влітку 1901 р. 1902 р. — один з організаторів «бунту» семінаристів. Восени 1902 р. виїхав на Кубань, рятуючись від арешту за причетність до селянських повстань. Працював у експедиції імп. Російської Академії Наук на чолі з Ф. Щербиною по впорядкуванню архівів Кубанського козацтва. Тут заснував осередок РУП — Чорноморську вільну громаду. 1903 року заарештований і ув'язнений, в березні 1904 р. випущений під грошову заставу, внесену батьком.

Короткий час перебував у Києві, де познайомився з М. Поршем. Восени 1904 р. виїхав до Львова, де містився Закордонний комітет РУП та його друкований орган «Праця». Учасник конференції РУП у грудні 1904 р., обстоював самостійність партії проти ідеї злиття з РСДРП. Учасник конференції РУП у травні 1905 р. у Києві, де захищав національну ідею.

1905 р. у Львові редагував часопис РУП «Селянин», друкувався в «Літературно-науковому вістнику», «Записках НТШ», «Волі». Познайомився з М. Грушевським, І. Франком, В. Гнатюком. Після реорганізації РУП в УСДРП (II з'їзд у Києві і Полтаві, грудень 1905 р.) увійшов до складу ЦК УСДРП. 1906 року у Петербурзі редагував центральний друкований орган партії «Вільна Україна» (шість чисел). Влітку 1906 р. за рекомендацією М. Грушевського став секретарем редакції «Ради» в Києві, але не зійшовся з Є. Чикаленком та ін. членами редакції. 1907 року редагує щотижневу газету УСДРП в Києві «Слово». У 1908-1911 рр. працював у якості бухгалтера в Петербурзі та Москві. У 1912-1917 рр. спільно з О. Саліковським видавав у Москві журнал «Украинская жизнь». Світогляд Петлюри зазнав еволюції від соціал-демократії до націоналіста-державника.

1916 року мобілізований, виконував обов'язки заступника уповноваженого Союзу земств на Західному фронті. У квітні 1917 р. виступив ініціатором та організатором українського з'їзду Західного фронту (Мінськ), обраний головою Української фронтової ради. Активний учасник І Всеукраїнського військового з'їзду (5-8 травня 1917 р., Київ), був обраний головою Українського генерального військового комітету. З червня 1917 р. — генеральний секретар військових справ Української Центральної Ради, займався українізацією військових частин, постачанням військових формувань. 11 листопада 1917 р. від імені уряду УНР Петлюра звернувся до всіх воїнів-українців з проханням і наказом твердо стояти за свою землю, дотримуватися дисципліни. Намагався військовою силою протистояти більшовикам. 18 грудня 1917 р. подав у відставку з посади генерального секретаря, виїхав на Лівобережжя, створив гайдамацький кіш Слобідської України. Брав участь у придушенні січневого більшовицького виступу на заводі «Арсенал». Негативно поставився до запрошення УЦР німецьких та австрійських військ в Україну й вийшов з УЦР навесні 1918 р. У квітні 1918 р. обраний головою Київського губернського Всеукраїнського союзу земств. Негативно поставився до перевороту Павла Скоропадського й становив опозицію режиму гетьмана. 27 липня 1918 р. заарештований і звинувачений у підготовці антиурядового заколоту. Звільнений 13 листопада 1918 р., дав письмову обіцянку не займатися антигетьманською діяльністю. Того ж дня діячі Українського національного союзу таємно створили Директорію, котра мала на меті антигетьманське повстання в Україні. До складу Директорії увійшли В. Винниченко (голова), С. Петлюра, Ф. Швець, П. Андрієвський, А. Макаренко. 14 грудня 1918 р. Директорія встановила свою владу в Києві. 16 січня 1919 р. була скликана Державна нарада, на якій Січові Стрільці запропонували встановити військову диктатуру С. Петлюри, Є. Коновальця, А. Мельника — ця пропозиція не пройшла. В лютому 1919 р. коаліція Директорії розпалася. Петлюра був усунутий від можливих керівних ролей (не посів місця голови Директорії, здійснював лише загальне керівництво армією УНР, а безпосереднє передав наказному отаману Оскілку), розгорнулася гостра боротьба політичних течій і їх представників в уряді Директорії, який перебував у стані хронічної евакуації.

9 травня 1919 р. у Радивилові Петлюру було обрано головою Директорії. 15 листопада 1919 р. у зв'язку з виїздом інших членів Директорії з дипломатичними місіями Петлюрі було надано всі урядово-державні повноваження. 5 грудня 1919 р. виїхав до Варшави, де 21-24 квітня 1920 р. підписав з Польщею політичну та воєнну конвенції, за якою Польщі передавалася Західна Україна, але поляки зобов'язувалися надати допомогу в боротьбі з більшовиками. «Зимовий похід» 1920 р. об'єднаних української та польської армій виявився невдалим, в листопаді 1920 р. уряд УНР та військові частини перемістилися на теріторію Польщі. Більшовицька влада вимагала видачі Петлюри.

1923 р. він виїхав до Угорщини (Будапешт), потім до Австрії і Швейцарії (Женеви), а наприкінці 1924 р. — до Парижа. В столиці Франції Петлюра продовжував активну політичну діяльність, започаткував видання тижневика «Тризуб». 25 травня 1926 р. був убитий на вулиці Расін Самуїлом Шварцбардом. Причини, обставини й призвідники терористичного акту з'ясовуються й по сей день. Похований на кладовищі Монпарнас.

Петлюра був автором кількох сотень публікацій у періодиці, основні з них зібрані в кількох виданнях: «Статті, листи, документи» (Нью-Йорк, 1956, 1979. Т. 1-2), «Народе Український. Вибрані статті, листи, документи» (Харків, 1992), «Статті» (К., 1993), «Вибрані твори та документи» (К., 1994).

Бібліографія: *Зленко П.* Симон Петлюра: Матеріали для бібліографічного покажчика. Париж, 1939.

Архів: ЦДАВОВУ, ф.3809; Бібліотека ім. Симона Петлюри та Музей С. Петлюри в Парижі.

Література: Симон Петлюра у молодості / Ред. А. Жука. Львів, 1936; Збірник пам'яті Симона Петлюри (1879-1926). Прага, 1930 (К., 1992); *Іванис В.* Симон Петлюра — президент України. 1879-1926. Торонто, 1952; К., 1993; *Лівицька-Холодна Н., Івасишин З., Зубенко А.* Симон Петлюра: державний муж. Н.-Й., 1957; *Яковлів А.* Паризька трагедія 25 травня 1926 р. (до процесу Шварцбарда). Париж, 1958; *Прихода В.* Симон Петлюра. Новий Ульм, 1968; Гунчак Т. Симон Петлюра та євреї. К., 1993; *Степаненко М.* Ювілейний збірник. Вашингтон, 1979; *Стовба О.* Матеріали до роду Петлюр // Укр. історик. 1979. Ч.1/4; Симон Петлюра: Зб. студійно-наук. конф. в Парижі. Мюнхен; Париж, 1980; *Табачник Д.* Постріли на тихій вулиці Расін // Київ. старовина. 1999. №31. С.146-159; №2. С.153-162; Він — з когорти вождів: Кращі конкурсні праці про дореволюційну діяльність Симона Петлюри. Київ, 1994; Симон Петлюра та українська національна революція. Зб. праць другого конкурсу петлюрознавців України. К., 1995; *Desroches A.* The Ukrainian Problem and Symon Petlura. Chicago, 1970; *Martchenko B.* Simon Petlura. Paris, 1976; *Friedman. S.* Pogromchik. The Assassination of Simon Petlura. New York, 1976.

Українські катедри і український пролетаріят

Новий академічний рік приніс декілька радісних звісток для національно-безправного українського громадянства. Ще з кінця літа в газетах сповіщалось, що по деяких вищих школах на Україні почнуть професори читати лекції по українських предметах. І справді, — звістки ці справдились. З початком наукових занять по школах, як подавали ми в попередньому номері «Слова», деякі професори університетів заявили, що вони читатимуть лекції з українознавства і почасти приступили вже до читання тих лекцій. Так, почав викладати в київському університеті та на вищих жіночих курсах у Києві лекції про історію української літератури проф. Лобода; в Петербурзі на вищих жіночих курсах читає лекції з історії України А. Єфіменкова. Скоро почнуть читати українські лекції (в харківському університеті) проф. Сумцов про історію української літератури, проф. Халанський про українську мову і проф. Багалій про історію України. Таким чином давнішні бажання українського громадянства починають здійснюватись. Те, що вчора і недавно визнавалось за «несвоевременное» і «ненужное», проти чого так боролись різні вороги національної науки, сьогодні вже стає фактом, живою дійсністю, і слово науки про наш рідний край, про тяжку і многострадальну історію нашого народу, про нашу духовну творчість, що дає тільки перші ростки своєї сили і генія, починає вільно звучати в університетських авдиторіях. Шакали з «Киевлянина» піднімають «поход» проти наших перших культурно-національних здобутків і завивають чорносотенним воєм... Але там, в авдиторіях університету повно молоді, що з жадобою, з усією силою радости національного відродження хоче почути заборонене досі слово науки про своє національне Я. Темним духам реакції є з чого скаженіти: радість пригнобленого, хоч невеличка, завдає їм непокою і турбот. Радість українського пригнобленого народу, якого духи тьми вважали за духовного парія, нездатним до творчости, до власного культурно-національного розвитку і всіма умовами свого власного безсилля засудженим на денаціоналізацію, — завдає їм ще більше турбот. Гробокопателям справді тяжко дивитись, як поховані ними мерці встають з домовини.

Отже в рядах реакції сум, серед українців і всіх прихильників вільної науки — радість.

Як мусить поставитись до цього український пролетаріят, як він привітає перший здобуток культурний в тій боротьбі, яку веде український народ за право на власний розвиток?

Не будемо піддаватись особливим ілюзіям і радощам з приводу того, що той чи інший професор почав викладати науку, хоч би і заборонену досі, по предметам українознавства.

Адже діти українського робітника або бідного селянина не почують її, адже їм заказані всі шляхи до неї?! Нове слово про Україну будуть слухати тільки діти заможних людей, діти буржуазії. Та й те ще треба згадати, що ця наука, хоч би й ук-

раїнська, все ж буде буржуазна і не стане вона ні навчати, ні освітлювати всіх явищ життя з того погляду, яким дивиться на нього свідомий пролетаріят, себто з погляду наукового соціялізму?! Здавалося б, що українському робітникові не буде ніякої користи з сучасної української науки. Але так здавалося б тільки з першого погляду. Приглянувшись глибше до справи, ми прийдемо до того, що заведення української науки по вищих школах на Україні має велике значення для наших робітників та селянських мас.

Робітник не може успішно розвиватись, не може успішно боротись, коли він не володітиме знанням, коли він не буде свідомим. А знання наукові скоріше доходять до робітника тоді, як він в науці, в школі, при читанні книжок буде користуватись своєю рідною мовою, рідними-знайомими йому з дитячих ще літ згуками, образами. І коли держава одбирає у пригнобленої нації право на вільний національний розвиток, на національну школу і культуру, то вона свідомо веде її до духовної загибелі та занепаду. Не маючи своєї власної школи, своїх національних інституцій, геній пригнобленої нації нидіє, йому насильно підрізують крила, а сама нація швидко йде до денаціоналізації, не розвивається, а гине, не буяє розцвітом своїх духовних сил, а поволі завмирає. І коли шкоду велику од чужої культури почуває на собі ціла пригноблена нація, то подвійну муку зазнає від неї пролетаріят цієї нації. Ненормальний стан чужої освіти і культури, насильно нав'язаних, відчуває *перш усього і більш усього* соціяльно покривджений член пригніченої нації. Він не може користуватись, як слід, ні школою, де для нього, починаючи від мови, все чуже, ні інституціями державними та громадськими, ні всім тим, що дає і витворює чужа культура. Він знає причини такого лиха і свідомо бореться проти нього. Але не обмежує цієї боротьби, як націоналісти, однією тільки боротьбою за національні права, а повстає проти капіталістичного ладу, який між іншими формами гніту для свого добробуту вимагає і гніту над недержавними націями. От через віщо і український пролетаріят не ставиться байдуже до того, яка на Україні буде школа та культура, а вимагає націоналізації і тієї, і другої, бо знає, що тільки в націоналізованій школі він скоріше, з меншою затратою своїх сил, так потрібних йому для боротьби за свої пролетарські права, здобуде собі освіту; бо він впевнений, що тільки рідна культура поможе йому скоріше стати на ноги і розвинути до найвищого ступеня духові сили. І це домагання українського пролетаріяту не тільки є на папері, в програмі тієї партії, яка являється виразником його інтересів. Ні, живу заінтересованість справою український пролетаріят показував на ділі, постановляючи не раз і не два відповідні резолюції, піддержуючи українських студентів у тій боротьбі, яку вони провадили в минулому році за націоналізацію науки і просвіти на Україні, примушуючи студентів не зупинятись на половині шляху, а йти до кінця, поки наука на Україні не стане цілком національною. І коли тепер ми бачимо, що боротьба студентів принесла деякі здобутки, і вони одержали маленьку побіду, то заслуги в цій побіді не треба приписувати самим студентам. Без тих численних резолюцій селян і робітників про необхідність рідної школи, які свого часу друкувалися по українських газетах, голос студентства загинув би марно, був би тим «гласом вопіющого в пустині», якого ніхто не слухає і на який ніколи не одгукуються в бюрократичних пустелях. Маси народні, українське селянство та робітництво той голос справді зробили голосом сили і живої потреби, задовольнити котру стало неминучим і обов'язковим. Само студентство було тільки «передаточною інстанцією», посередником, виконавцем волі народніх мас. Руїна аристократ[изац]ії російської мови на Україні є заслугою цих мас. Честь демократизації української мови, заведення українських предметів по вищих школах належить також народнім масам. І коли українські студенти, добившись за допомогою мас права

на українську науку, хочуть остатись на висоті свого становища і високої місії, то шлях для цього може бути один. Вони ніколи не повинні забувати того, через кого вони здобули можливість зазнавати щастя і втіхи від національної науки. Їм треба завше пам'ятати, що властиво ті, на чиї гроші і працю вони зазнають того щастя, хто допоміг їм здобути його, що властиво ці то не скоро зазнають його, не скористуються придбаннями побіди. Треба пам'ятати, що там, по наших обдертих селах панує темрява, що робітничі і селянські діти нівечать і душу і мозок свій чужою «культурою», а в школах народніх наука — та сама, що була раніш, з тією незрозумілою, або мало понятною для дітей мовою, котра, як встановлено і статистичними даними і авторитетними людьми в справах просвіти, завела нас далеко назад і поставила нас у хвості культурних народів. Хай же тямлять це студенти-українці, слухаючи лекцій про Україну, й несуть придбані ними наукові відомості про рідний край своєму народові і збагатять рідний край вірними йому, освіченими синами. Просвіта на Україні повинна бути національною не тільки на верху — в університетах та інших вищих школах, де вчаться діти української буржуазії, а скоріше і більше всього на низу — по народніх школах, де здобувають собі крихти, обгризки науки діти українського пролетаріяту і соціяльно покривдженого українського селянства. Кавтський якось висловив ту думку, що пролетаріят лише тоді здобуде побіду, коли розвине в собі всі інтелектуальні сили, стане інтелігентним і освіченим в масах своїх. Без національної школи, близької і рідної йому, пролетаріят, як показує досвід міжнароднього пролетарського руху, не може наблизитись до цього ступеня. Національна школа, національна просвіта — перший крок, перший етап на шляху, в кінці якого йому світить зоря соціальної волі. Кращі частини інтеліґенції буржуазної часто стають в ряди пролетаріяту, допомагаючи йому розвинути свою клясову свідомість, і своїми науковими знаннями збагачують його сили. Це буває тоді, коли окремі особи з буржуазії проймаються до дна душі стражданнями пролетаріяту і роблять своїм той світогляд, який властивий є пролетаріятові, себто світогляд наукового соціялізму. Українські студенти тільки тоді зможуть виконати свій обов'язок перед українськими народніми масами, тільки тоді допоможуть їм просвітитись як слід, коли переймуться світоглядом пролетаріяту, здемократизують українську науку, зроблять її національною не тільки по формі, по мові, а й по змісту, по суті.

Петлюра С.В. Вибрані твори та документи. Київ, 1994. С. 49-52; першодрук: Слово (Київ). 1907. № 20. 22 вересня.

№6
Єфремов Сергій Олександрович (1876-1939)

Письменник, публіцист, журналіст (псевд. С. Александрович, С. Ярошенко, Р. Дніпровенко, С. Ситковецький, Волосожар, П. Устяк, Ромул, Сергій, Земець, Киянин, Тр. Лановий, Липовчанин, С. Охріменко, Сергій Палець, Spectator, Nemo, Scriba та ін.), літературознавець, громадський, політичний і державний діяч (член Центральної і Малої Рад, заступник голови Української Центральної Ради, генеральний секретар міжнаціональних справ), дійсний член і віце-президент Всеукраїнської Академії наук.

Народився 6 жовтня 1876 р. у с. Пальчик Звенигородського повіту Київської губернії (нині — Катеринопільський р-н Черкаської обл.) в родині сільського священика. У 1886-1891 рр. навчався в Уманському духовному училищі. У 1891-1896 рр. продовжував освіту в Київській духовній семінарії. Тут включився у громадське життя й став прихильником соціалістичної системи М. Михайловського. Вступив до української громади семінаристів, очолюваної дяком Л. Скочковським. Через останнього познайомився з О. Кониським, В. Антоновичем, М. Грушевським, О. Лотоцьким, Г. Зіньківським. 1893 року написав перші твори українською мовою; 1895 р. його перші оповідання з'явилися у львівському «Дзвінку». 1896 року був виключений із семінарії як політично неблагонадійний. У 1897 р. екстерном склав випускні іспити в 1-й Київській гімназії й вступив на юридичний факуль-

тет Університету св. Володимира. Один із засновників Всеукраїнської загальної організації (1897), член її Ради (1901, 1903), секретар з'їздів. Входив до «Братства Тарасівців» та до гуртка молодих літераторів-публіцистів, яким опікувався О. Кониський; член-засновник видавництва «Вік», що випускало українські книжки; підготував до друку тритомну антологію української літератури.

1901 року закінчив університет і почав професійну діяльність як літературний критик і оборонець українського друкованого слова. Здобув широку популярність статтею «В поисках новой красоты» (Киевская старина. 1902), де критикував модерні літературні течії (символізм та декаденство), що призвело до конфлікту автора з О. Кобилянською, І. Франком, Г. Хоткевичем та Лесею Українкою. Так само скептично ставився Єфремов до модерних західних політичних течій (марксизму, революційних гасел), був прихильником культурницької діяльності серед народу.

1904 року — співзасновник Української демократичної партії (на основі Всеукраїнської загальної організації), 1905 р. ліва частина УДП з Єфремовим утворили Українську радикальну партію, наприкінці 1905 р. УДП і УРП об'єдналися в Українську демократично-радикальну партію. У 1905 р. випустив кілька політичних брошур («Як визволитись з бідності робочим людям?», «Як люди прав собі добувають», «Як цар людей дурить») і увійшов до редколегії часопису «Громадська думка». У грудні 1905 р. був заарештований за політичним звинуваченням і ув'язнений у Лук'янівській в'язниці. По звільненні працював у газеті «Рада». 1908 р. — один з керівників Товариства українських поступовців. Автор декларації ТУП 1916 р. «Наша позиція» з осудом війни і українофобства російської адміністрації в Галичині. 22 січня 1917р. від імені ТУП звернувся з листом до президента США Вудро Вільсона, в якому підтримав ноту президента про завершення війни і право націй на самовизначення. Один з ініціаторів утворення Української Центральної Ради, обраний заступником голови УЦР на Всеукраїнському національному конгресі.

26 березня 1917 р. був обраний головою Союзу українських автономістів-федералістів (реорганізація ТУП). У квітні 1917 р. увійшов до ЦК Українськоі радикально-демократичної партії, яку 27 квітня 1917 р. перейменовано в Українську партію соціалістів-федералістів й головою якої став Єфремов. 13 травня 1917 — член делегації УЦР для переговорів з Тимчасовим урядом. 15-29 червня 1917 р. — Генеральний секретар міжнаціональних справ. Із липня 1917 р. не брав активної участі в діяльності УЦР, зосередився на партійній роботі та публіцистиці в «Новій раді» (за 1917-1919 рр. опублікував тут близько 926 статей). Виступив проти заходів уряду В. Голубовича щодо усуспільнення землі. Нещадно критикував більшовицьку ідеологію та практику 1917-1918 рр. Засудив державний переворот Павла Скоропадського. Брав участь у підготовці повстання проти гетьмана, але в грудні 1918 р. відійшов від активної політичної діяльності.

У лютому 1919 р. заарештований більшовицькою владою, тоді ж обраний дійсним членом Української Академії наук. Зазнав переслідувань від денікінського режиму (закрито «Нову раду» і її модифікацію «Раду»). 1920 року на нелегальному становищі в Боярці (прізвище Ігнатенко); амністований радянською владою. 1922 — обраний віце-президентом ВУАН, тоді ж включений до списку можливих висланців за кордон. Здобув загальну опінію «Сумління України». Займався історією української літератури з позицій неонародництва, кладучи в основу досліду критерій служіння народові й народність мови. В УАН (ВУАН) очолював Комісію видання пам'яток новітньої української літератури, Комісію по вивченню суспільних течій в Україні, Комісію біографічного словника та ін.; був секретарем історично-філологічного відділу. З 1924 р. — голова Управи ВУАН. З середини 1920-х рр. почалися переслідування Єфремова, який противився «совєтизації» ВУАН. 1928 р. в пресі розгорнулася кампанія боротьби з «єфремівщиною», йшлося про його вислання за межі України. Звільнений від обов'язків віце-президента ВУАН. Заарештований 21 липня 1929 р. й звинувачений у керівництві «Спілкою визволення України». 19 квітня 1930 р. Верховний Суд УССР засудив Єфремова до смертної кари, яку замінили 10-річним ув'язненням. У 1930-1937 рр. перебував у Ярославському політізоляторі, потім у Володимирському ізоляторі. Помер 31 березня 1939 р. в одному з таборів ГУЛАГу.

Реабілітований Верховним Судом УРСР 11 серпня 1989 р.

Основні праці (автор більше 2000 публікацій): «Літературний Бонавентура» (К., 1905), «Фатальний вузол» (К., 1909), «Муза гніву та зневірря» (К., 1910), «З громадського життя на Україні» (К., 1909), «Серед сміливих людей: з сучасного письменства» (К., 1911), «Марко Вовчок» (К., 1907), «Тарас Шевченко, життя його та діла» (К., 1908), «Шевченко: збірка» (1914), «Шевченкова могила» (К., 1919), «Над могилою Бориса Грінченка» (К., 19100, «Борис Грінченко, життя його та діла» (К., 1914), «Між двома душами: М. Гоголь» (К., 1909), «Історія українського письменства» (К., 1911, 1917, 1923; Берлін 1924; Мюнхен, 1989; К., 1995); «З нашого життя: За рік 1913» (К., 1914), «Співець боротьби і контрастів: спроба літературної біографії і характеристики Івана Франка» (К., 1913, 1926), «Під обухом. Большевики в Києві» (К., 1918); «Українство: Покажчик потрібнішої до самоосвіти літератури» (К., 1920), «В тісних рамцях: Українська книга в

1798-1916 рр.» (К., 1926), «Без синтезу: До життєвої драми Куліша» (К., 1924), «Українська прокламація царської Росії» (К., 1924), «Поет і плантатор» (К., 1925), «Біля початків українства» (К., 1922), «М. Коцюбинський» (1922), «Нечуй-Левицький» (1925), «Карпенко-Карий» (1924), «Панас Мирний» (1928); «Літературно-критичні статті» (К., 1993), «Щоденники. 1923-1929» (К., 1997), «За рік 1912-й. Під обухом. Більшовики в Києві» (К., 1993).

Упорядник і автор вступних статтей та приміток до перевидань творів Л. Глібова, Є. Гребінки, Т. Шевченка, О. Кониського, І. Котляревського, М. Коцюбинського, Б. Грінченка та ін.

Бібліографія: Спис праць С.О. Єфремова // Записки Іст.-філ. відділу УАН. К., 1920-1922. Кн.2-3.

Архів: НБУ ім. В.І. Вернадського НАНУ. ІР, ф.317, спр.53: Щоденник 1895-1896 рр., спр. 54-55: Про дні минулі [спогади]; ф. 257, оп.5, 159 спр.; Архів НАНУ; Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка НАНУ. ВР, ф.120; опис архіву в НБУ: Видатні вчені НАНУ. Особові архівні та рукописні фонди... у НБУ. Путівник. К., 1998. С.44-47.

Література: Кримський А. Життєпис і літературна діяльність С.О. Єфремова // Записки Іст.-філол. відділу УАН. 1920-1922. Кн. 2-3. К., 1923; *Заярський П.* Сергій Єфремов // Свобода. Н.-Й., 1951. Т.Х. №30-31; Т.ХІ. №1-2; *Полонська-Василенко Н.* Українська Академія Наук. Нарис історії. К., 1993. Т.1; *Чикаленко Є.* Спогади 1861-1907. Н.-Й., 1955; *Дорошенко Д.* Історія України. 1917-1923. Ужгород, 1930-1932. Т.1-2; *Бойко Ю.* Літературознавча та літературно-критична методологія Сергія Єфремова // Сучасність. 1976. №10; *Одарченко П.* Життя і наукова діяльність Сергія Єфремова // Там само; *Костюк Г.* Сергій Єфремов і Володимир Винниченко // Літ. панорама. 1990. С.262-276; *Грабович Г.* Сергій Єфремов як історик українського письменства // Сучасність. 1976. №10; *Антонович М.* До взаємин М. Грушевського з Єфремовим // Укр. історик. 1975. №1/2. С.91-99; *Гирич І.Б.* Сергій Єфремов і Михайло Грушевський // Старожитності. 1991. №7; *Цыганкова Э.Г.* Сергей Александрович Ефремов // Очерки истории естествознания и техники. К., 1991. Вып. 39. С.131-135; *Качкан В.* Єфремов С.О. // Українська журналістика в іменах. Львів, 1994. Вип. 1. С.68-72; *Соловей Е.* На шляху до синтезу // Слово і час. 1992. №4. С.22. С.30; *Гирич І.Б.* М. Грушевський і С. Єфремов на тлі суспільно-політичного життя кінця XIX ст. — 20-х років XX ст. // Укр. історик. 1996. Ч. 1/4 (128-131). С. 142-187; *Верстюк В., Осташко Г.* Діячі Української Центральної Ради: Біобібліогр. довідник. Київ, 1998. С. 44-50; *Левенець Ю.А.* Сергій Єфремов і його Щоденник // Українське архівознавство: історія, сучасний стан та перспективи. К., 1997. С.79-89; *Рубчак Б.* Літературна криктика Сергія Єфремова // 125 років Київської української академічної традиції 1861-1986. Н.-Й., 1993. С.443-515; *Кіржаєв С.* Єфремов С.О. // Українські архівісти: Біобібліогр. довідник. К., 1999. Вип.1. С.137-139.

Вони не просять...

Ще в 60-х роках заснував був, за славного Пирогова, його помічник Тулов «Временную педагогическую школу» в Києві, і вона стала на єдино правдиву путь, бо дбала про виховання таких учителів, які знали б той народ, серед котрого їм належало працювати. Тим-то згадана школа не цуралась української мови, історії й письменства і навіть почала була дбати про підручники для українських шкіл. На жаль, усі заходи Пирогова загинули разом з тим, як він покинув попечительство в Києві, та й сама педагогічна школа пробула на світі дуже недовго. Потім настала реакція і це, певна річ, не сприяло новим спробам українізації школи і з ними, поминувши деякі земські постанови та резолюції відомих «комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности», ми стрінемось аж тоді, коли вже розв'язані стали руки й язики. Року 1905 опубліковано відому «Записку о нуждах украинской школы», що вперше цілком виразно зазначила зв'язки між народною школою та середньою й вищою. Року 1906 принципи «Записки» подекуди й на практиці справдились. Не спиняючись на спробах завести українські науки по гімназіях (у Києві, Одесі, Кам'янці), нагадаю недавню заяву, за 513 підписами, подільських семінаристів про те, щоб довести нарешті до діла дозвіл синоду на викладання в семінарії українських наук*.

Далеко ширше позначився рух до українізації у вищій школі, тим-то варто згадати про його докладніше.

Року 1906 на Україні проміж студентством залунав заклик до націоналізації вищої школи, щоб наблизити її до місцевого життя, потреб та інтересів. Київському університету належав почин справи, але на його щиро озвалось сту-

* Рада, 1911, №255.

Сергій Єфремов (у центрі) на відпочинку з друзями. Кінець XIX ст.

дентство й двох інших на території України університетів — харківського та новоросійського. 16 жовтня 1906 р. в київському університеті одбулось велелюдне зібрання, що обміркувало справу українських кафедр і подало потім раді професорів свої резолюції та докладно мотивовану записку, яку підписало 1430 студентів. У записці зазначено, що ще р*оку* 1905 українське громадянство і студентство домагались заснування по всіх університетах на Україні кафедр української мови, письменства й історії (на історично-філологічному факультеті) та українського права в зв'язку з одмінами економічних стосунків на Україні (на юридичному). Професорські ради деяких університетів, напр*иклад*, новоросійського, поставились тоді були до такого домагання цілком прихильно. Зазначивши це й розглянувши докладно всі аргументи проти українознавства серед університетських наук, записка наприкінці висловлює певні надії, що рада університетська з свого боку не занехає справи, підтримавши всестудентське домагання й усіх заходів уживши, щоб довести його до щасливого кінця**.

Надії ці не справдились. Ради професорські, взагалі кажучи, ніби не дочули того голосу життя, що промовляв цим разом устами молоді. Тільки поодинокі люди з професорської корпорації озвались на той заклик. Року 1907 у всіх трьох університетах на Україні оповіщено курси українознавства: в харківському університеті проф. Сумцова, в новоросійському пр.-доц. О. Грушевського і в київському — професорів Лободи й Перетца; два перші навіть і читали свої курси українською мовою. Ця спроба українських курсів серед студентства мала чималий успіх, та міністерство народної освіти поспішилось ліквідувати справу. На другий вже рік, через «незалежні обставини», українські курси зникли з університетського обрію. Але хоча надії студентства на піддержку професури й не справдились, то допомога й спочуття прийшли з іншого боку. Резолюція київських студентів збудила живий одгомін серед усіх шарів української людності, од інтелігенції до селянства й робітників, що тисячами прилучали свої підписи до вимагання студентів. В усіх київських газетах, особливо в «Раді» кінця 1906 й початку 1907 рр., знаходимо силу листів та заяв із спочуттям студентам у їхній боротьбі за наближення університетської науки до життя. За малу годину число підписів, щонайменше, перейшло поважну цифру 10000 *(Рада; 1907, №155).*

** Записку київських студентів надруковано в «Раді» 1906 р., ч. 64

Цей епізод минувсь непомітно під час затяжної громадської боротьби, а тим часом він має величезне принципіальне значіння. Він наочно показує, скільки правди у відомому виклику одного третєдумця під час обмірковування шкільного законопроекту про українців — «они не просят» (національної школи). Так, вони не просять... Але, як показує зазначений допіру епізод, вони вимагають своєї національної школи. І ледве чи можна не вірити, що вимагання це, і у нас і в Галичині, раніше чи пізніше, а таки справдиться, як і кожне вимагання, що за підставу саме життя має та його непохитні закони...

Єфремов С. За рік 1912-й. Київ, 1993. С. 31-33.

№8
Сергій Щеголєв

Київський цензор, можливо, співробітник Охранки.

Див. рецензії-відповіді на його книгу «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма» (К., 1912. 588 с.): *Ефремов С.* Благородный осведомитель // Укр. жизнь. 1912. №2. С.85-98; *Садовский В.* О статистических фантазиях г. Щеголева // Там же. 1914. №4. С.52-61; *Петлюра С.* Сокращенное разоблачение украинства г-ном Щеголевым // Там же. 1913. №11. С.70-84.

Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма

[...] Еще с 1905 года украинская партия опубликовала в России на русском языке «Записку о нуждах украинской школы», где пропагандировала украинизацию южнорусской школы в смысле введения «украинских доктрин» (языка, истории, истории литературы) в курс высших и средних учебных заведений (с учительскими институтами) и преподавания на украинском языке в народных училищах). Записка была сочувственно встречена и поддержана революционной частью студенчества, а потому и движение, вызванное этой запиской, нашло свое отражение главным образом в высших учебных заведениях.

Живо и образно рисует поведение «украинского» студенчества в 1905-1907 гг. бывший питомец киевского университета (ныне львовский публицист) Н. Зализняк. Украинские студенты, судя по его аттестации, со всем усердием принялись за революционную работу среди украинского народа и очень много сделали для пробуждения в нем *национального сознания* и сознания необходимости борьбы за автономию Украины; кроме того, «наилучшие» из них помогали украинским крестьянам бороться против панов, а украинским рабочим — против капиталистов. Не меньше сделали они и в самих университетах — по вопросу «об украинских кафедрах»[1].

Резолюции в пользу «украинских кафедр» приняты были осенью 1905 г. сходками студентов «украинцев» сперва петербургского, а потом новороссийского университетов. Вскоре, однако, всѐ университеты были закрыты на целый год, и лишь осенью 1906 г. украинское студенчество возобновлоо свои домагательства, коим предшествовали аналогичные ходатайства харьковской, черниговской и полтавской городских дум в советы трех университетов Юга России. Застрельщиками оказались, на этот раз, киевские студенты; кроме малороссов, в этой агитации принимали систематическое участие студенты-*поляки*[2] и семиты (в числе последних убийца статс-секретаря Столыпина — Мордко Богров)[3].

Предположение, высказанное «Новым Временем»[4], о принадлежности М. Богрова в 1911 г. к украинской партии представляется нам, как опирающееся на его поведении в 1906 г. в деле агитации об украинских кафедрах, не только голословным, но и праздным: в 1906 г. украинское движение, как ослабляющее

русскую государственность, охотно поддерживалось всеми оппозиционными элементами без различия национальностей и, притом, на многообразных сходках, митингах, съездах и заседаниях.

Участие студентов-поляков в украинском движении мы склонны считать вполне планомерным, по тактическим и национальным побуждениям. Студенты-поляки одновременно требовали себе польских кафедр и для подписи обеих петиций вошли с украинцами в блок[5]; кроме того, необходимо учитывать принципиально-благоприятное отношение польской интеллигенции к украинскому движению.

Киевская студенческая сходка высказалась за желательность «украинизации всех трех университетов, находящихся на территории украинского народа», а на первое время ограничилась подачей ректору петиции об учреждении кафедр украиноведения (литературы, истории, языка и права); под петицией, которая побывала еще на нескольких студенческих сходках, собрано 1430 подписей. Местная партийная газета печатала коллективные сочувственные студенческим домогательствам письма, за подписями преимущественно учеников среднеучебных заведений и учителей народных школ, а также крестьян и рабочих; всего таких подписей было, будто бы, более десяти тысяч. Солидарно с киевским студенчеством выступили с требованием учреждения украинских кафедр слушательницы женских курсов в Петербурге и Киеве и студенты университетов в Харькове, Одессе, Петербурге и Москве. Ответы получились по всем петициям отрицательные, а кое-где и вовсе не были даны[6].

Публичное выступление (в прессе) «сознательных» крестьян, рабочих и сельских учителей, инсценированное, несомненно, партийными агитаторами, все же показывает, до известной степени, что украинская партия обзавелась уже тогда агентами в глухих медвежьих углах. Выступления воспитанников средне-учебных заведений характерны, как коллективный «освободительный» психоз, но носят в себе ничтожную примесь рассудочного элемента, а потому малоинтересны.

В январе-марте 1907 года выступил с апологией студенческих притязаний проф. М. Грушевский, поместивший в своем «Литературно-Науковом Вистнике» ряд статей, развивающих горячо и страстно программу систематической украинизации трех южнорусских университетов.

Студенческие сходки и газетные демонстрации дали г. Грушевскому повод свою первую статью об украинизации университетов начать в победном тоне. Требование украинских кафедр, восклицает профессор, и *университетского преподавания на украинском языке*, с такой силой проявившееся в последнее время на Украине, начинает распространяться и вызывать живой интерес также в рабочих народных массах, в более сознательных слоях украинского мещанства и крестьянства. Сравнив эту агитацию с движением 1901 г. в Галиции в пользу отдельного украинского университета во Львове, г. Грушевский не сомневается, что такие явления — симптомы *стихийной силы* и значения украинских национальных вопросов. В Южной России, по его мнению, стремление к полноте национального культурного развития и жизни ... не могло не стать предметом *стремлений огромного украинского населения в России*; и как только здесь явилась возможность добиваться вообще чего-нибудь украинского, так сейчас же выступило требование введения украинского языка в высшую школу, а прежде всего преподавания на украинском языке в университетах Украины предметов наиболее интересных с национальной точки зрения (язык, литература, история)[7].

Базируясь на «стремлениях огромного украинского населения в России», разгаданных, вероятно, в тиши собственного ученого кабинета, профессор предначертал и «хартию вольности» для южно-русских университетов; в ней ровно 20 украинских дисциплин и несколько меньше кафедр («12 или сколько бы их не было»). Есть в этой программе и дисциплины «очень важные», как «обзор политического и административного строя раз-

ных частей украинской территории, входящих в состав разных государств»; предусмотрительно помещена *украинская дипломатика* (!) и наука розового будущего — «кодифицированное *украинское* право». Первое место в ряду университетских дисциплин отведено (и не без резонных оснований) украинскому языку[8], которому, ведь, иначе негде научиться.

Перечню украинских дисциплин, необходимых для южно-русского университета, предпослано г. Грушевским строгое замечание совету новороссийского университета, предполагавшему поставить вопрос о языке преподавания украинской литературы в зависимость от состава аудитории («если большинство будут составлять украинцы, преподавание должно вестись по украински, если будут преобладать не украинцы, преподавание будет вестись на великорусском языке»). Если было бы решено, поучает г. Грушевский, ввести преподавание украинской литературы по украински и нашлось бы для этого известное число слушателей, а другие заявили бы желание *выслушать тот же курс по русски, то никак нельзя ради последних пожертвовать украинским курсом, хотя бы, даже их было больше, чем желающих слушать лекции на украинском языке*[9]. Заканчивая перечень будущих украинских дисциплин, г. Грушевский пророчит им скорую демократизацию. В виду основного характера украинства, как течения *негосударственного* и в основе своей глубоко демократического, — украиноведение, туманно заявляет профессор, должно выйти за те границы, в каких держатся традиционные системы университетских дисциплин, выросшие на почве государственной жизни»[10].

Весенний семестр 1907 г. принес новороссийскому университету первую украинскую ласточку: приват-доцент А.С. Грушевский (брат М.С. Грушевского) читал там на украинском языке курс украинской литературы. Осенью 1907 г. курсы той же литературы читались в Киеве проф. Лободой и Перетцом и в Харькове проф. Сумцовым; последний читал, притом, свой курс на украинском языке; кроме того, на петербургских высших женских курсах читался преподавательницей А. Ефименко курс украинской истории. Единичные попытки эти после 1907 г. официально не возобновлялись, то-ли вследствие министерского «veto», то-ли в виду «несочувственного отношения со стороны профессорских коллегий»[11]. В последнее время («Рада», март 1912 г., №64) находятся в украинском лагере фарисействующие апологеты украинизации южных университетов, уверящие будто «удовлетворение таких домогательств принесет с собой и расцвет российской (?) науки». В настоящий момент они требуют весьма немногого: кафедр украинского языка, истории, географии, истории литературы, истории права, экономики и статистики Украины. Не правда ли, скромно: даже о дипломатике пока умалчивают.

Агитация за украинские кафедры в университетах, вокруг которой вертелись в 1906-1907 гг. самые сладкие надежды украинской партии, сплотила студентов-партизанов украинства в особые кружки — студенческие громады. Кроме изучения украинских доктрин по партийному кодексу, большинство студентов-громадян ставит своею задачей распространение украинских изданий среди населения Юга России[12]. [...]·

---

[1] Календар «Просьвіта» на р. 1910. Стр. 98-99.

[2] Wasilewski L. Ukraina i sprawa ukraińska. Kraków, 1911. Str. 191.

[3] Діло. Львів. 1911. № 207.

[4] Цит. по «Южной копейке». 1911. № 286.

[5] *Грушевский М.* Освобождение России. Стр. 152.

[6] Календар «Просьвіта» на р. 1910. I. cit. Ефремов. I. cit. стр. 26-27.

[7] *Грушевский М.* Освобождение России. Стр. 149, 150, 177-178.

[8] Ibid. Стр. 188-190.

[9] Ibid. Стр. 187.

[10] Ibid. Стр. 191.

[11] Календар «Просьвіта» на р. 1910. Стр. 99. *Ефремов С.* Вони не просять... «Рада». 1910. № 223; «Світло». 1910. X. Стр. 8.

[12] Календар «Просьвіта» на р. 1910. Loco cit.

Щеголев С.Н. Украинское движение как современный этап южно-русского сепаратизма. Киев, 1912. С. 163-166, 172.

IV

Шахматов Олексій Олександрович (1864-1920)

Мовознавець, текстолог, історик слов'янських мов та літератур, культуролог, літописезнавець, фольклорист; організатор науки.

Народився 5 (17) червня 1864 р. у м. Нарва Ямбурзького повіту Санкт-Петербурзької губернії. Ще в ранньому дитинстві проявилося обдарування та інтерес до мов та історії. У 1877-1883 рр. навчався в гімназіях — Креймана та 4-й Московській. Юний гімназист з 1879 р. працював у рукописних зібраннях Москви, під керівництвом відомих учених В.Ф. Міллера, Ф.Ф. Фортунатова, Ф.Є. Корша вивчав порівняльне мовознавство, фольклор та історію мов. Перші його наукові праці про давньоруські рукописи з'явилися в 1881-1883 рр. у журналі І.В. Ягіча «Archiw für slawische Pfilologie» (Bd.5.H.4; Bd.6.H.4; Bd.7.H.1). У 1883-1887 рр. навчався на історично-філологічному факультеті Московського університету. 1886 р. вийшла перша велика праця про мову новгородських грамот XIII-XIV ст. У 1887 р. по захисті кандидатської праці «О долготе и ударении в общеславянском языке» був залишений для підготовки до професорського звання. Працював у ділянці давньоруського літописання, перекладної літератури, історії мов та слов'янської акцентології. Поєднував порівняльно-мовознавчу методику Ф.Ф. Фортунатова й підхід Ф.І. Буслаєва щодо взаємозв'язку історії мови та історії народу. У 1893-1894 рр. підготував до друку тексти Юрія Крижанича. 1890 року обрано приват-доцентом Московського університету. У 1891-1894 рр. мешкав у родинному маєтку, займався земською діяльністю. 1893 року захистив відразу докторську дисертацію «Исследования в области русской фонетики» в Московському університеті, 1894 р. — ад'юнкт Петербурзької Академії наук: працював над словником російської мови, живими російськими говірками. У 1896 р. і 1903 р. — в зарубіжних відрядженнях студіював лужицьку, сербохорватську та словенську мови. 1908 року професор і зав. кафедрою російської мови Петербурзького університету. Доктор філософії Празького (1909) та Берлінського (1910) університетів. Почесний та дійсний член: «Общества любителей древней письменности и искусства» (1895), «Русского географического общества» (1896), «Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» (1896), «Общества любителей русской словесности» (1899), «Русского библиологического общества» (1900), «Археографической комиссии» (1900); Сербської АН (1904), Краківської АН (1910).

Ініціатор славістичних періодичних та академічних видань: «Энциклопедии славянской филологии» (Вып.1-5, 10-12. СПб.,Л., 1908-1929), «Известий ОРЯС», «Сборников ОРЯС».

Учасник громадських справ: університетських рухів і протестів передових вчених та професорів 1901-1906 рр., клопотань за проскрибованих діячів науки (в тому числі за висланого до Симбірська 1914 р. М.С. Грушевського), прихильник реформаторських ідей в культурній сфері.

Активний діяч та організатор науки в структурі Петербурзької Академії наук: член Правління АН (1898), голова Відділення російської мови та словесності (1906), екстраординарний (1897), ординарний (1899) академік.

Творець оригінальної методики досліджень у галузі славістики, що спиралась на порівняльно-історичний метод, вичерпність джерельної бази, ідеї реконструкції первинного (як тексту, так і мови). Зачинатель новітніх методів текстології на матеріалах давньоруських пам'яток (актових і літописних). Особливу увагу приділяв російській, українській, білоруській та староболгарській мовам та сербохорватській акцентології як основі для реконструкції праслов'янської акцентної системи. Займався також фінсько-слов'янськими, слов'яно-германськими, кельтсько-слов'янськими контактами. Підтримував норманську теорію, стверджуючи її науковість.

Видатний літописезнавець, автор класичних схем взаємозалежності літописних текстів та списків, реконструкції ранніх літописів (першої редакції «Повести временных лет»).

Мав численні зв'язки й наукову співпрацю з українськими вченими. Один з ініціаторів підго-

товки від імені Петербурзької Академії наук записки «Об отмене стеснений малорусского печатного слова» (1905, 1910) та видання української енциклопедії «Украинский народ в его прошлом и настоящем» (1914-1919). За його поданням премією АН був відзначений «Словник української мови» Б. Грінченка. У співавторстві з А. Кримським написав курс історії української мови. Кілька його статей написано й опубліковано українською мовою («Україна», 1914).

Помер 16 серпня 1920 р. у Петрограді.

Основні праці: «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв.» (1886), «К истории сербохорватских ударений» // Рус. филолог. 1882. №2-4; 1890. №2-3; «Исследования в области русской фонетики» // Филолог. записки. 1893. №1-4; 1894. №1; «Курс истории русского языка» (Ч.1-3. СПб., 1910-1912), «До питання про початок української мови» (1914), «Древнейшие редакции Повести временных лет» (1897), «Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод» (1903-1904), «Исследования о Радзивилловской или Кенигсберской летописи» (1902), «Исходная точка летосчисления Повести временных лет» (1897), «К вопросу о происхождении Хронографа» (1899), «Киево-Печерский патерик и Печерская летопись» (1897), «Киевский начальный свод 1095 года» (1947), «Корсунская легенда о крещении Владимира» (1906), «Летописи русские» // НЭС. 1915. Т.XXV; «Несколько заметок об языке псковских памятников XIV-XV вв.» (1909), «Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря» (1914), «Обозрение русских летописных сводов XIV-XVI вв.» (1938), «Общерусские летописные своды XIV и XV вв.» (1900), «О Начальном киевском летописном своде» (1897), «О так называемой Ростовской летописи» (1904), «Пахомий Логофет и Хронограф» (1899), «Повесть временных лет» (Пг., 1916. Т.1), «Повесть временных лет и ее источники» (1940), «Предисловие к Начальному киевскому своду и Нестора летопись» (1908), «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (СПб., 1908), «Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в.» (1900), «Толковая палея и русская летопись. Статьи по славяноведению» (1904. Вып.1), «Хронология древнейших русских летописных сводов» (1897), «Южные поселения вятичей» (1907), «Древнейшие судьбы русского племени» (1919), «Введение в курс истории русского языка» (1916), «История русского языка» (1912), «Историческая морфология языка» (1957), «Древнейшие судьбы русского языка» (1919), «Русская историческая диалектология» (1911), «К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры» (1912), «Очерк современного русского литературного языка» (1913, 1925-1941), «Синтаксис русского языка» (Вып. 1-2. 1925, 1927; 1941), «Сказание о призвании варягов» (1904).

Проблеми та історія української мови розглянуті Шахматовим у спеціальних працях:

Отзыв о «Словаре украинского языка», представленном редакцией «Киевской старины» на соискание премии Н.И. Костомарова // Отчет о присуждении премии Н.И. Костомарова за словарь малорусского наречия. СПб., 1906;

До питання про початок української мови. СПб., 1913;

Памяти К.П. Михальчука // Укр. жизнь. 1914. №4;

Нариси з історії української мови та хрестоматія з пам'ятників письменської староукраїнщини XI-XV ст. К., 1922, 1924 (у співавторстві з А.Ю. Кримським).

Бібліографія: Список печатных трудов А.А. Шахматова // Изв. Отд. рус. языка и словесности АН. 1920. Т.25; Алексей Александрович Шахматов. Ленинград, 1930.

Архів: Санкт-Петербургское отделение Архива РАН, ф.134; *Еремин С.* Бумаги академика А.А. Шахматова. Л., 1929

Література: Памяти академика Алексея Александровича Шахматова // ИОРЯС. 1920. Т.25; *Пресняков А.Е.* Взгляд А.А. Шахматова на древнейшие судьбы русского племени // Рус. ист. журн. 1921. №7; *Виноградов В.В.* Алексей Александрович Шахматов. Пг., 1922; *Ольденбург С.Ф.* Алексей Александрович Шахматов как человек и деятель. Пг., 1922; *Ляпунов Б.М.* Памяти акад. А.А. Шахматова. Обзор его лингвистических трудов // ИОРЯС. 1923. Т.28; 1925. Т.29; А.А. Шахматов. 1864-1920. М., Л., 1947; *Масальская Е.А.* Повесть о брате моем А.А. Шахматове. Ч.1. «Легендарный мальчик». М., 1929; *Обнорский С.П.* Памяти акад. А.А. Шахматова // Избр. работы по русскому языку. М., 1960; *Кондрашов Н.А.* А.А. Шахматов и проблемы славяноведения // Учен. Зап. Моск. обл. пед. ин-та 1964. Т.148; *Лихачев Д.С.* Шахматов — текстолог // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1964. Т.23. Вып.6; *Пашуто В.Т.* А.А. Шахматов — буржуазный источниковед // Вопр. истории. 1952. № 2; *Филин Ф.П.* Проблемы славянского этногенеза в трудах А.А. Шахматова // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1964. Т.23. Вып.3; *Каратаева Э.И.* К биографии А.А. Шахматова // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1965. №2; *Селищев А.М.* Памяти акад. А.А. Шахматова // Избр. труды. М., 1968; *Улуханов И.С.* Алексей Александрович Шахматов (1864-1920) // Рус. речь. 1970. №6; *Чернышев В.И.* Из воспоминаний об Алексее Александровиче Шахматове // Избр. труды. М., 1970. Т.2; *Колесов В.В.* Значение лингвистических трудов А.А. Шахматова для современного славянского языковедения // Вопр. языкознания. 1971. №2; *Робинсон М.А.* А.А. Шахматов и студенческие волнения в Петербургском университете в 1911 году // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1971. Т.30. Вып.2; *Робинсон М.А.* А.А. Шахматов и обыск в ГАН в 1910 г. // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1974. Т.33. Вып. 2; *Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды: Биобиблиогр. словарь. Минск, 1976. Т.1. С.280-296.

Про О.О. Шахматова як дослідника української мови див.: *Тимошенко П.Д.* О.О. Шахматов і українська мова // Укр. мова в школі. 1956. №4. С.24-34; *Деркач А.Г.* О.О. Шахматов про українську мову // Наук. зап. Київського пед. ін-ту. 1957. Т.24. С.128-146.

Вступна лекція академіка Олексія Шахматова перед членами українського студентського гуртка в Петербурзі. Близько 1908 року

Цель настоящего моего доклада двоякая: с одной стороны, интересуясь украинским языком, я желал бы войти в более тесное общение с Вами, надеясь найти у Вас помощь в моих работах и ответы на возникающие у меня вопросы, а с другой, я желал бы заинтересовать Вас научным исследованием языка, втянуть Вас в изучение родной Вашей речи. Не сомневаюсь в том, что Вы относитесь к украинскому языку с интересом и любовью; любовь к родному языку, самая горячая, беззаветная, является в моменты угрожающей языку и народу опасности. Не думаю, чтобы теперь украинцам, как таковым грозила какая-нибудь серьезная опасность. Вы спокойно можете смотреть на будущее, Ваши права на свободное культурное развитие так или иначе обеспечены или будут обеспечены. Но всему русскому народу вообще предстоит тяжелая борьба за существование на почве собственного развития и культуры; перед ним все острее встает вопрос, будет ли он активным или только пассивным членом в великой семье культурных народов. Дух народа не может помириться с пассивной ролью, он хочет самостоятельных выступлений, он жаждет творчества; для активной роли нужно прежде всего самопознание. Самопознание полезно и выгодно для каждой отдельной личности; но для народа, не желающего прозябать, решившегося жить и развиваться, оно необходимо, оно неизбежно. И прежде всего самопознание должно быть обращено на изучение современных отношений, современного облика народа и его интеллигенции, его верований и духовных стремлений, его материальных нужд и культурных потребностей. Изучить, понять какое бы то ни было социальное явление — это прежде всего объяснить его историческое происхождение, генетическую связь с прошлым. Я глубоко убежден в том, что для национального самопознания русского народа, для того, чтобы он стал на путь активного творчества, требуется прежде всего самая интенсивная работа над научным, то есть историческим изучением его социального облика. Работа эта должна вестись интеллигенцией в самых широких размерах и при том всестороннем изучении истории, культуры, языка, быта, юридических отношений, экономического строя все это поведет выдвинутую народом интеллигенцию, а следовательно и сам народ на единственно плодотворный путь национального самопознания, национального творчества, национальной силы. И при этом необходимо, чтобы в эту работу втянулся весь русский народ во всех его этнографических разновидностях. С этой точки зрения мы, великорусы, и вы, украинцы — мы, конечно, одинаково приветствуем движение, начавшееся среди белорусов, которые стали издавать газеты на родной речи, которые стремятся развить местную сознательную духовную жизнь; с той же точки зрения Вы отнесетесь, конечно, с полным сочувствием ко всем усилиям великорусского народа на почве культуры, науки и просвещения.

С полным удовлетворением можем мы утверждать, что работа по изучению прошлого русского народа и его настоящего ведется самым деятельным образом и великорусами и украинцами. Во множестве изданы образцы народного творчества, песни, сказки, былины; много имеется этнографических описаний, много собрано словарного материала. Но просматривая эти груды печатных и письменных данных, сосредоточивающихся в наших архивах и библиотеках, поражаешься тем, как мало у нас работает образованных собратий. Труд наблюдений, прямого общения с народом предоставлен случайным исследователям, любителям; специалисты сами редко опускаются в народную волну и довольствуются тем ненадежным и грубым

материалом, который подготовляется им на местах людьми неподготовленными и мало образованными. Специалисты прилагают слишком мало стараний для того чтобы создавались ряды просвещенных исследователей, хорошо вооруженных теоретическими знаниями наблюдателей. Результаты получаются весьма печальные: на западе работают над первоисточниками образованные художники, у нас захудалые кустари. Кроме того работы ведутся не планомерно. Отсутствуют организации. Силы идут вразброд. Мы суетимся, бросаемся из угла в угол, совсем забывая о том, что мы должны быть хозяевами положения, что нам, русской интеллигенции, надлежит в области своих русских изучений вести правильное, планомерное строительство. И мы, великорусы, должны горячо приветствовать Ваши начинания: просветительные общества, газеты, журналы, ученые предприятия, заведенные украинцами, могут вызывать в нас не только сочувствие, но, в случае успеха, и гордость, так как мы такие же русские, как вы; мы члены одной общей семьи, теснейшими узами связанной в настоящем и прошлом. Например нам, русским, должно быть в высшей степени радостно видеть те обширные и замечательные труды, которые появились во Львове в трудах общества имени Шевченка: они дали ясное представление о культурной силе и идейности.

Мне, как специалисту по истории русского языка, желательно было бы воспользоваться Вашими успехами в изучении Вашей родной речи, богатой и красивой; изучение русского языка в его истории основывается на изучении современных русских наречий, великорусских, белорусских и украинских; всякий успех в изучении украинской языковой области отразится на изучении явлений великорусских, как и обратно, успешное изучение великорусских наречий прольет свет на явления украинской речи. Ведь не может подлежать никакому сомнению, что великорусская, белорусская и украинская речи произошли из одного общего языка, языка общерусского; познавая настоящее одной из разновидностей некогда общего языка, мы познаем его прошедшее, а следовательно освещаем новыми данными историю всех прочих разновидностей этого языка. Как специалист по истории русского языка, я выражаю надежду, что и Ваш университетский кружок выдвинет работников на дело всестороннего исторического изучения украинского языка и что тем самым Вы поможете и нам, великорусам, восстановить прошлое своей речи.

Но я призываю Вас к такому изучению не только в целях узконаучных, специально лингвистических. Язык в его настоящем состоянии — это красноречивый свидетель не только прошлого своего состояния, но и состояния умственной и материальной жизни минувших веков. Исследование языка приводит не только к восстановлению его истории, прежних звуков, форм, синтактических оборотов, но ведет и к заключениям относительно культурных условий прошедшей жизни, иноземных влияний, степени духовного развития народа. Кроме того, язык — этот главный определитель этнографических отношений, этот не легко стирающийся этнографический признак, дал богатейшие данные для определения этнографических отношений в прошедшем, указания на колонизационные движения, на связь между отдельными частями населения, на появление центростремительных и центробежных стремлений в той или иной этнической группе, наконец, непререкаемые указания на общее происхождение различных групп и на степени существующего между ними родства.

Эти положения не нуждаются, разумеется, в доказательствах. Всем ясно, что только на основании общности языка можно объединить население Харьковской, Екатеринославской, Подольской губерний и также зарубежной Галиции понятием «украинская народность», всем ясно, что только сходство в языке позволяет нам утверждать, что предки великорусов и украинцев составляли некогда одну народность, отличную от прочих народностей славянских. Но развитие этих положений,

разработка их применительно к совокупности тех или иных данных в области сравнительного изучения русских наречий, в сущности еще не начиналась. Намечены только вопросы; разрешение их принадлежит будущему; а будущее разберется в них, справится с ними только в том случае, если мы, наше поколение, не пожалели усилий в собирании материалов, в записывании точных, научно проверенных, тщательно обследованных данных; приветствуем близкое время просвещения народного, но надвигающееся будущее обязывает нас сегодня закрепить те этнографические [...*]. А вопросы, связанные с изучением ист*орической* этнографии намечаются первостепенной важности. Где искать место первоначального жительства русской этнографической семьи? Чем вызвано распадение русской семьи на три главные части: великорусскую, белорусскую и украинскую? Чем объясняются близость в украинской речи к белорусской в области звуков и форм, когда вместе с тем белорусы теснейшим образом связываются с южновеликорусами? Отчего зависело распадение украинской речи на наблюдаемые в ней разновидности и как в частности понять общие черты северноукраинских говоров с угрорусскими? И оставаясь в области тех же вопросов, спрашиваем, в каком соответствии находятся между собой современные этнографические отношения к отношениям древним, о которых узнаем из древнейших памятников? Вправе ли мы отождествить южнорусские племена Полян, Древлян, Северян, Уличей и т.д. с прямыми предками украинцев? Какие древнерусские племена принадлежали к южнорусским и какие к другим, не южнорусской, этническим группам? Принадлежали ли Северяне к одной группе с Древлянами и Полянами, или их надо причислить к группе, обнимавшей Вятичей? Были ли Дреговичи одноязычны с Древлянами, или они составляли особую группу? и т.д. Я назвал эти вопросы важными. Действительно, важность их подтвердят и историки государственности русской, и историки культуры, и историки литературы. Важность этих вопросов очевидна как будто и для разрешения той тяжбы между Москвой и Украйною, которая в 50-х годах началась между Погодиным и Максимовичем, разгоралась затем не раз в ученых трудах и в публицистике, не замолкла и теперь, вызывая по прежнему страсти, питая рознь, поддерживая братоненавистничество. Я не думаю, чтобы тяжбу и порожденные ею страсти могли разрядить научные обследования перечисленных вопросов — тяжба эта питается явлениями, которых не может оправдать никакая историческая справка, но я уверен в том, что строго научное изложение древней русской истории, а также истории образования русских государств и истории объединения России может быть дано только после всестороннего освещения выдвинутых уже наукой вопросов, нами перечисленных. Освещения этих вопросов историки ждут и в праве ждать прежде всего от исторической этнографии, а наиболее определенные ответы из входящих в состав этнографии дисциплин можно получить от исторической диалектологии. Историческая диалектология основывает свои заключения преимущественно на современном диалектологическом материале. Вот почему все, кому дороги интересы русской науки, кому дорого русское самопознание, обращаются с надеждой к исследователям языка, ожидая получить от них разрешение основных вопросов в истории прошлого русского народа.

Таким образом, приглашение мое, обращенное к украинскому научному кружку, заняться изучением родной речи, есть не только призыв специалиста, имеющего в виду свои ближайшие интересы, но и результат осознанной вообще представителями русской исторической науки насущнейшей потребности иметь в научном обороте твердые данные, извлеченные из исторической диалектологии. Между тем отсутствие таких данных становится все ощутительнее. У нас чрезвы-

---

* *Закінчення фрази прочитати не вдалося.*

чайно мало хороших надежных работ по диалектологии, у нас — т.е. вообще у русских, а в частности и у украинцев. Кого вы могли бы назвать среди украинских ученых, в качестве видных представителей изучений украинского языка? В настоящее время я затруднился бы прибавить кого-нибудь к именам П.И. Житецкого, К.П. Михальчука, В.П. Науменка, А.Е. Крымского. Но Житецкий болен и теряет силы, Михальчук почти отвлечен от ученых занятий заботой о заработке, Науменко давно прекратил занятие языком; мы возлагаем большие надежды на Крымского, но к сожалению, его досуг не принадлежит исключительно нам; он уделяет его и востоковедению. Наступила, как мне кажется, самая настоятельная потребность выдвинуть из среды украинской интеллигенции работников на почве родной речи: родная речь — вот в чем единственно вы видите осязательное проявление своей национальности — неужели же вы не посвятите ей своей научной наблюдательности, пожалеете своих сил и способностей для ее изучения и исторического объяснения?

Не скажу, чтобы все обстояло благополучно и у нас, великорусов. Так же как и вы, мы будем жаловаться прежде всего на недостатки надежного диалектологического материала. Правда, в разных этнографических сборниках, губернских ведомостях, трудах Академии Наук и Географического общества собрано значительное количество записей, но большая часть записей передает живую народную речь не точно, самыми грубыми приемами, отнюдь не дающими должного представления о действительном произношении. Это зависит от того, что записи сделаны не специалистами или без надежного руководства со стороны специалистов. Я вполне убежден в том, что по имеющемуся в наличности материалу нельзя составить представление о живых русских говорах, и ученый, который на основании его пожелает сделать обобщения, рискует впасть в грубейшие ошибки. Только тщательная передача звуков слышимой речи может иметь научную ценность и только такие тщательные записи и наблюдения могут приблизить нас к разрешению вопросов исторической диалектологии и исторической этнографии. Весьма обычно различные языковые группы объединяются целым рядом вполне осязательных фактов языка в области слов и форм и разъясняются рядом других менее осязательных фактов в области звуков. Так, жители северных уездов Полтавской губернии в общем говорят сходно с жителями южных уездов той же губернии: но их различает, напр*имер*, такая несущественная казалось бы, особенность, как произношение некоторых согласных (а именно зубных **t, d, s, z, n** и **t**, а также аффикаты **ц**) перед тем **і**, которое восходит к общерусскому **ō**, общеславянскому **о**; на юге эти согласные произносятся мягко, на севере твердо; на юге говорят *д'ім, з'ірка, н'іс*, на севере *дім, зірка, ніс*, а между тем такое различие между обеими указанными диалектическими группами ведет нас к заключению, что оно должно быть очень старым, что оно отражало еще старшие отношения, так как невозможно предположить, чтобы *дім, ніс, зірка* заменили произношение *д'ім, н'іс, з'ірка*; твердые согласные, как указано, мы находили только перед таким **і**, которое восходит к **ō**; в *д'іло, н'іс (нісъ), з'ілля* согласные мягки, следовательно, дім, ніс, зірка мы вправе сопоставить прежде всего с твердым произношением собственно согласных в тех говорах, где эти слова звучат как *дуом, нуос, зуорька (при дум, нус, зурька)* — и это тем более, что по описанию Крымского, самое **і** в *дім* произносится не так как **і** в *діло*, а как звук средний между **і** и **й**. Сопоставление полтавских *дім, ніс, зірка* с северномалороссийским *дуом, нуос, зуорка* тем законнее, что между теми и другими говорами оказывается территориальная связь. Следовательно, говор с произношением *дім, ніс, зірка* оказываются как бы промежуточными между говорами с дифтонгом **уо** в этих словах и говорами с **і** острым в этих словах, иначе говоря с указанным произношением можно признать, как это и делал Михальчук, срединными между северноукра-

инскими и южноукраинскими наречиями. Итак, незначительное звуковое различие — произношение *ніс* вместо *н'іс* позволяет исследователю отнести говор с таким *ніс* к другой группе, чем говор с *н'іс* — и это при наличности почти полного сходства в других звуковых явлениях, в особенностях словоизменения и словоупотребления. И вот — перед исследователем текст, записанный в Полтавской губернии; в нем слово ніс передано буквами *ніс* или *нос* или по старинному нîс, — как прочтет его исследователь, если запись не даст для этого указания? Придется признать такую запись недостаточной, ибо она не передала, как оказывается, существеннейшего признака, отличающего речи украинского говора от других. Для того, чтобы понять, что при точной передаче украинского текста необходимо определить произношение *ніс*, не надо быть специалистом; но надо знать, что специалисты в числе своих требований к диалектологической записи могут предъявить и это. Специалисты могут указать, что по имеющимся у них данным различается в живом языке той или другой области; указания эти могут послужить руководством для лиц, случайно попавших в народную среду и пожелавших обогатить науку записями обыденной речи, народных сказок, песен, пословиц.

И великорусская, и украинская этнографии представляют значительное количество сборников этнографического материала; по ним можно составить себе довольно удовлетворительное представление о словарном составе и грамматических формах отдельных говоров. Но вполне точно записанных текстов у нас очень мало. Еще меньше научных описаний говоров. А между тем в них то особенно нуждается историческая диалектология и этнография.

Руководитель вашего кружка Э.А. Вольтер передал мне приглашение принять участие в ваших занятиях. Если бы я специально занимался украинским языком, я предложил бы вам руководительство по изучению украинской речи, насколько заинтересуются таким изучением члены вашего кружка. Но мои знания в этой области настолько незначительны, что я являюсь пред вами скорее в роли ученика, чем учителя. Вот почему, не находя в себе данных для руководительства, а вместе с тем желая удовлетворить и мои собственные интересы, а также несомненно существующую у вас потребность в научном знакомстве с родною речью, я выступаю перед вами с предложением: составить совместными усилиями, если не в один год, то в два руководство для записывания живой украинской речи.

Руководство это будет [...]* образом потребности вашего кружка проф. Крымским, но появление такой программы [...]* должно заключать в себе теоретические данные относительно звуков речи и практические указания на прием передачи этих звуков на письме. К нашему руководству мы можем приложить образцы записей, сделанных в разных местностях. Разумеется, мы можем прибегнуть к помощи специалистов по вопросам украинской речи и к специалистам по научному языковедению вообще. Пользуясь их указаниями, мы, быть может, признаем полезным прибегнуть и к научным приборам, например к фонографу.

Если вы одобрите мою мысль, то я предложил бы такой план для наших занятий: сначала я сообщу вам все, что знаю о звуках и вообще о звуковом строе украинской речи; потом вы сделаете свои замечания по поводу моих сообщений, дополните и исправите их; после этого мы обсудим, как вести наши работы дальше.

Но независимо от этого я готов служить вам и таким способом: быть может, вы пожелаете, чтобы я когда-нибудь изложил вам главные моменты в истории украинской речи или дал свой посильный ответ на другие вопросы вашей исторической этнографии. [...]

Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук,
ф. 134, оп. 1, ед.хр. 281, лл.1-7.

V

Наталія Полонська-Василенко

Цензурові утиски на Україні

(До історії російської цензури на Україні на початку XX в.)

Дослідники блискучого розквіту української культури по першій революції в Росії 1905 р., коли в Україні уможливлено друк українською мовою, здебільшого не ураховують того підготовчого періоду, що охоплював переважно останні 30 років перед цією революцією. (Цьому важливому періодові, на жаль, мало приділено місця і в останньому капітальному виданні «Енциклопедії Українознавства»). Та підготовча робота провадилася сотнями тих українських патріотів, кого прийнято з деяким презирством називати «українофілами», «культурниками», «просвітянами», не уявляючи собі, що в умовах 1880-х чи 1890-х років треба було мати більше громадянської мужности, щоб російською мовою провадити українське освідомлення, ніж 1917 року вимагати самостійної і незалежної української держави. Бо за це освідомлення, дарма, що російською мовою, люди втрачали посади, а то й опинялися на далекій півночі... Приклади П. Єфименка, О. Русова, П. Чубинського, Н. Молчановського та інших свідчать про те, що російська, мова не ґарантувала від поліційної небезпеки, трусу, заслання тощо. Так само, як сама українська мова ще не свідчила за національну свідомість. Академік А. Кримський якось сповідав про свою розмову з П. Житецьким. Молоденький Кримський закинув Житецькому, чому він часто розмовляє російською мовою. Житецкиій підвів його до. вікна і показав на поліцая, що стояв на посту: «Як ви гадаєте, якою мовою розмовляє він з своєю жінкою? Напевно, українською. А якби він довідався, про що розмовляємо ми з вами російською мовою, ручуся, забрав би нас до «каталажки» (так називали місця, куди поліція садовила, заарештованих).

Наприкінці XIX ст. у Києві було засновано «Літературно-Артистичне Товариство» («Литературно-Артистическое Общество»), що об'єднувало наукові, літературні й мистецькі сили Києва. Головували в ньому по черзі В. Науменко, Олена Пчілка, М. Соловцов (антрепренер і артист). Науково-популярні виклади чергувалися там з концертами, за участю М. Лисенка, М. Заньковецької, М. Садовського, М. Кропивницького, що притягали широку авдиторію, переважно української молоді. З початком XX ст., з посиленням революційних рухів, воно, «Літературно-Артистичне Товариство», відбивало чимраз яскравіше ці настрої. Доповіді марксиста В. Водовозова, наприклад, мали величезний успіх і викликали палкі дискусії. 20 листопада 1904 р. в «Літературно-Артистичному Товаристві» було влаштовано політичний банкет, де приват-додент економіст В. Железнов виголосив промову, вимагаючи конституції. Згодом, з перемогою реакції, всі, що виступали на цьому банкеті, покутували свою сміливість: зокрема, Железнов утратив катедру в Київському університеті.

Побіч створення організацій, що ширили національну свідомість серед київської інтеліґенції та студентської молоді, вживалися також заходи задля ширення освіти серед широких мас населення. Це було нелегке завдання, бо майже єдиним засобом впливу на київські народні маси було «Товариство Грамотности» («Общество Грамотности»). Воно, правда, мало цілу мережу шкіл, від початкових до фахових, влаштовувало популярні виклади з різних галузей знання, зокрема з історії України, концерти тощо. В його «Народньому домі» при Великій Васильківській вулиці було приміщення для те-

атру, де часто виставлялися українські вистави. Такий розвиток «Товариства Грамотности» став можливий завдяки діяльності голови, В. Науменка, та його ближчих співробітників, проф. І. Лучицького з дружиною, М. Требінської, Є. Кивлицького, М. Василенка, Л. Старицької-Черняхівської, та мінливої маси студентської молоді, що завжди брала діяльну участь у всіх заходах «Товариства».

Поміж згаданими тут особами зокрема, заслуговує на увагу проф. І. Лучицький. За фахом професор західньоевропейської історії (в першу чергу — французької революції), він мав видатне европейське ім'я. Тісним зв'язкам Лучицьких з західньо-европейськими науковими та літературними осередками сприяла чимало його дружина, Марія Вікторовна, відома перекладачка творів В. Гюго, Е. Золя, Б'єрнстерна Б'єрнсона, Г. Ібсена та інших письменників на російську мову. Ці, дуже дешеві, видання, можна сказати, вперше знайомили не лише російську, але й українську інтеліґенцію з цими письменниками (до речі, ті переклади зраджували українське походження перекладачки, і не раз викликали сувору критику російських журналів). І. Лучицький працю над джерелами французької революції поєднував з дослідженням джерел української історії, зокрема «Румянцевського Опису». Він брав активну участь у громадському житті, як член Золотоноського повітового та Полтавського губерніяльного земства, Київської міської Думи і, нарешті, як член III «Государственной Думы». В останній він вимагав, щоб українську мову запровадили не лише в школах України, а також і в мирових судах.

До блискучого розквіту української культури після революції 1905 р. багато причинилися газети, що хоч і мусіли, з огляду на цензуру, виходити російською мовою, проте були присвячені українським справам. У Харкові виходив «Южный Край», у Катеринодарі — «Кубань», у Житомирі — «Волинь», у Катеринославі — «Приднепровский Край» тощо.

Першу спробу в Києві видавати газету українського напряму було зроблено 1894 р. Група поступових українських діячів взяла в оренду в проф. А. Антоновича (він переїхав до Петербурґу, де дістав посаду товариша міністра фінансів) газету «Киевское Слово». Ця група складалася з І. Лучицького, В. Науменка, М. Василенка, Г. Александровського, Є. Кивлицького, Е. Синицького та інших. Постійними співробітниками газети були Олена Пчілка, Л. Старицька. (псевдо «Маленькая мушка»), тощо. Фактичним редактором був М. Василенко. Але ця перша спроба не вдалася: ця група витримала лише 3 місяці, і газету взяли інші люди. Головною причиною невдачі були матеріяльні перешкоди, що їх видавці, переважно педагоги середніх шкіл, не могли подолати.

Року 1903 та сама група, що набула певного досвіду у видавничій справі, заснувала вже більшу розмірами газету «Киевские Отклики». Заснована на паях, вона мала колеґіяльну редакцію. Офіційними видавцями її були спочатку І. Лучицький і Є. Кивлицький, пізніш — проф. А. Рузський і М. Требінська. Офіційним редактором газети спочатку був І. Лучицький, але згодом редакторами були В. Науменко, О. Саліковський (відомий в українських колах Києва як Фомич), В. Железнов; фактично ж газету ввесь час редагував М. Василенко. Секретарем редакції найдовший час працював О. Саліковський.

Постійну й діяльну участь у «Киевских Откликах» брали: В. Александровський, Г. Александровський, В. Бернштам, С. Буда, В. Водовозов, Д. Дорошенко, Ф. Єреміїв, С. Єфремов, М. Загрязков, Я. Імшенецький, В. Короленко, Б. Кістяківський, Ю. Кістяківський, А. Кримський, М. Лисенко, Л. Личвов, М. Могилянський, А. Марґелін, С. Петлюра, В. Пискорський, В. Перетц, Олена Пчілка, М. Ратнер, О. та С. Русови, Є. Синицький, І. Стешенко, Л. Старицька-Черняхівська, П. Тутковський, І. Франко, О. Черняхівський, Є. Чикаленко, І. Шраг, А. Яроше-

вич, Л. Яснопольський та багато інших.

«Киевские Отклики» швидко завойовували видатне становище не тільки у Києві, але на всій Україні. Участь поважних наукових та громадських сил, безпартійність органу, що видно зі складу співробітників, притягували широкі маси читачів, як інтеліґенції, так і робітників та селянства. Газета мала читачів не тільки на Наддніпрянській Україні, але також і в Галичині та Буковині. Вона стежила за всіма виявами українського життя, відгукувалася на всі видатні події. Щораз більшою ставала мережа дописувачів і повідомників з різних пунктів України, а редакція газети (при Музичному завулку) робилася осередком українського політичного життя. Варт зацитувати тут враження з невиданих споминів Михайла Могилянського про редакцію «Киевских Откликов», коли він навесні 1904 р., уперше завітав до неї: «Редакція робила враження Запорозької Січі, а ще краще — первозданного хаосу. В численних великих апартаментах, не виключаючи кабінетів редактора та секретаря, товпилося безліч люду, який не мав жодного відношення до газетної роботи і збиравшогося, щоб побалакати. Важко було навіть розібратися у цьому натовпі: хто тут працює, з ким треба починати ділові розмови».

Зростав також і наклад газети: 1905 р. він був більший за наклад усіх київських газет: «Киевские Отклики» мали 13000 передплатників, а з роздрібним продажем наклад доходив до 25000 примірників.

Незважаючи на великий моральний успіх газети, матеріяльне становище її було дуже скрутне: вона не посідала капіталу, а паї видавців були мізерні: вони мали лише забезпечити вплив на керування газетою. Більшість співробітників не діставала зовсім гонорару, вони дивилися на працю в «Киевских Откликах», як на патріотичний обов'язок, і газеті ніколи не бракувало видатних і талановитих співробітників. Дефіцит видання мусіли покривати місцеві меценати: М. Требінська, В. Симиренко, А. Марґолін.

Підготовка до революції 1905 р., загальний страйк, а потім реакція, все це збільшило громадську та політичну ролю газети. Редакція її стала ще більше керівним осередком українського життя. Вона провадила збірки пожертв на користь потерпілих від переслідувань уряду, до неї приходили селяни по поради, тому що голова Селянської спілки С. Єфремов був постійним співробітником газети. На сторінках газети друкувалися листи потерпілих від погромів.

Цілком зрозуміло, що газета ввесь час була в гострих конфліктах з цензурою, зокрема, коли 1904 р. до Києва прибув з Варшави цензор О. Сидоров, типовий реакціонер, що зробив досить вдалу кар'єру: революція 1917 р. застала його на посаді голови московського цензурного комітету. У Києві він уклав спілку з Б. Юзефовичем, особою дуже впливовою, що мав зв'язки у вищих колах Петербурґу, і що за родинною, можна сказати, традицією, був запеклий україножер.

Вони обидва провадили боротьбу проти «Киевских Откликов» не лише тому, що газета обстоювала інтереси України та українців, а ще й тому, що до цієї, так би мовити, ідеологічної, боротьби приєднувалася й особиста, — ненависть до київського генерал-губернатора В. Сухомлінова (міністра військових справ з 1906 р.) і, зокрема, до правителя його канцелярії, Никандра Васильовича Молчановськсго (1856-1906).

Н. Молчановський, одна з найвидатніших постатей українського Києва початку XX ст., був учнем В. Антоновича, і доля ворожила йому блискучу кар'єру, але за політичні справи він опинився на засланні в Сибіру. Там з Молчановським познайомився граф О. Ігнатьєв, Сибірський генерал-губернатор, що, діставши пост генерал-губернатора «Південно-Західнього краю», привіз його до Києва. З того часу Н. Молчановський беззмінно був за правителя канцелярії генерал-губернатора. Людина виключно талановита, щирий українець, чесний, незалежний

у поглядах і поведінці, він користувався пошаною наступників гр. Ігнатьєва, М. Драгомирова й В. Сухомлінова. Своє становище Молчановський вміло використовував на підтримку українських справ і захисту українців.

Цензор Сидоров підтримував Юзефовича в боротьбі проти Молчановського, а той це добре розумів і ставився до Сидорова з неприхованим презирством, чим ще збільшував його ненависть.

З приїздом Сидорова становище київських «опозиційних» газет стало особливо складним. Цензор вишукував всілякі можливості, щоб переслідувати ці газети, зокрема особливо йому ненависні «Киевские Отклики». Тому в редакції цих останніх завжди були напоготові і тримали «резерви»: якщо цензор викреслював частину готового числа газети, негайно викреслене заміщали з цих «резервів» якимсь старим матеріялом, оповіданнями тощо, і число виходило своєчасно. Гірше дошкуляли «штрафи», що їх накладав цензор і що вельми обтяжували і без того куций бюджет газети.

Після короткого полегшення, що його приніс 1905 рік, коли було скасовано попередню цензуру, становище значно погіршало: цензор почав конфіскувати цілі числа газети, якщо знаходив у них щось «шкідливе», накладати штрафи та притягати редакторів до судової відповідальности, а кого притягали до суду, той не мав права редаґувати газети.

1905-1906 рр. ряд видатних діячів, опинилися на лаві підсудних: І. Лучицький і В. Науменко, як редактори нової газети «Свобода и Право», В. Вакар і С. Діжур — як редактори «Киевского Слова»; О. Саліковський і М. Василенко — як редактори «Киевских Откликов»; останній заплатив за редакторство роком ув'язнення в «Хрестах» (політичній в'язниці Петербурґу). Найвищою урядовою мірою переслідування газет було звичайно закриття, але й на це тоді був спосіб: в редакції заздалегідь мали дозвіл на іншу газету, на ім'я когось із співробітників. Отож, коли 20 січня 1906 р., наказом міністра внутрішніх справ, М. Дурново, «Киевские Отклики» було закрито, М. Загрязков мав дозвіл на газету «Киевские Отголоски», і негайно, за допомогою інспектора друкарень О. Никольського, оформили цей дозвіл; ранком вийшла нова газета, що її було доставлено всім передплатникам «Киевских Откликов». Навіть заголовок було складено так, що багато хто з читачів і не помітив зміни. Але «Киевские Отголоски» проіснували два дні: в числі 2 редакція необережно подала: «Як ми вже повідомляли останніми днями...». Цензор зробив належний висновок про зв'язок між двома газетами, й «Киевские Отголоски» було закрито, на вимогу цензора Сидорова, вже владою генерал-губернатора.

Та на тому справа не закінчилася. «Киевские Отклики» наприкінці січня 1906 р., як фенікс, відродилися вже під назвою «Киевский Голос». Але життя його також не було довговічне, і, замість нього, почали виходити «Киевские Вести». Доля цієї назви була щасливіша: газета проіснувала кілька років, і, якщо не помиляюся, сама зліквідувалася. Причин для цього було чимало: вже не було потреби в російській газеті, присвяченій українським справам, бо українські газети ширились по всій Україні. З другого боку, відійшли від «Киевских Вестей» ті самовідданні культурні сили, що колись тримали «Киевские Отклики»: збільшувалося партійне розбиття на Україні: І. Лучицький, В. Науменко, Л. Личков та ряд інших перейшли до газет «конституційно-демократичних»; М. Василенко, перебувши річне ув'язнення, віддався науковій праці, магістерським іспитам, і вже не брав участи в керівництві газетою; О. Саліковський переїхав до Москви як редактор «Украинской Жизни»; лівіші, як В. Чаговець, В. Водовозов, перейшли до марксистських органів; С. Єфрємов, Русови, Є. Чикаленко, О. Пчілка, Л. Старицька-Черняхівська, С. Петлюра — до «Ради» та інших українських газет.

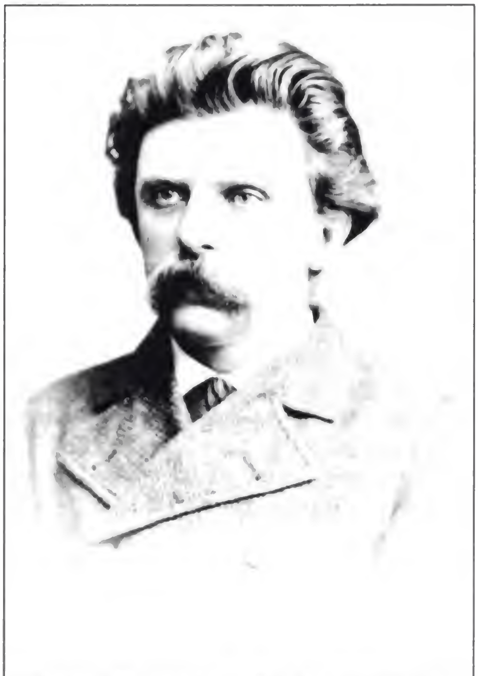
Україна (Париж). 1952. № 7. С. 511-515.

VI

Украинские университетские кафедры

По поводу законопроекта о новом университетском уставе. [1917 р.]

Шестьдесят лет тому назад (1851 г.) один из наиболее уважаемых в официальных сферах ученых, академик Погодин, наткнувшись на вопрос об отношении памятников старорусской письменности к современному украинскому языку и не находя точного ответа на свои запросы в современной филологической литературе, писал в своем открытом письме к Срезневскому (включенном потом в его знаменитые «Исследования»): «Малороссийского наречия мы до сих пор, к стыду своему, основательно не знаем, хотя и имеем профессоров для всех славянских наречий («Исследования», VII, с. 426). С тех пор, за эти шестьдесят с лишним лет положение дела почти не изменилось, и то, что было аномалией в состоянии тогдашних исторических и филологических изучений в России, в настоящем положении является еще менее допустимым.



Павло Житецький. 70-і роки XIX ст.

В самом деле тот факт, что на ряду с преподаванием истории, истории литературы и языка западных и южных славян оставляется вне университетских преподаваний язык, литература и история украинского народа, наиболее крупного среди славянских народов после народа великорусского, наиболее близкого этому последнему, наиболее тесно связанного с ним своим историческим прошлым и современными отношениями, не может быть оценен иначе как несомненная аномалия. Между тем в нынешнем положении, без специальных кафедр наши факультеты даже при всем желании лишены возможности уделить надлежащее место в университетском преподавании языку, литературе и истории этого большого тридцатимиллионого народа, пять шестых которого живет в пределах России, занимая огромную, чрезвычайно важную в культурном и экономическом отношении, богатую историческими воспоминаниями территорию. Один или самое большее два профессора по предмету «русского языка и литературы» едва успевают справиться с курсами, непосредственно входящими в программу этого предмета. Украинский язык является обыкновенно лишь второстепенной, более или менее случайной составной частью курсов по русскому языку, специальные же курсы, посвященные украинскому языку, появляются лишь весьма редко, как более или менее случайные гости в университетском преподавании, и почти все, что появилось в этой области в литературе, более или менее ценные труды, посвященные

специально украинскому языку, вышли от людей, не причастных этим кафедрам — как труды Житецкого, Михальчука, Огоновского, Смаль-Стоцкого, Верхратского, Науменка, Шимановского, Крымского. Из украинской письменности, за исключением киевского периода, входящего в программу литературы, только некоторые отделы (как например, религиозная полемика XVI-XVII вв. и схоластическая наука XVII в., оказавшая значительное влияние на развитие письменности и культуры Московского государства) пользуются известным вниманием, все остальное обыкновенно остается вовсе в стороне. В особенности же это нужно сказать о новой украинской литературе (с конца XVIII в.), остающейся за пределами не только университетских курсов, но и университетской науки: она не существует для этой последней ни как часть «русской литературы», ни как часть «славянских литератур», занимающихся историей национального и литературного возрождения у славянских народов, и очутившись между этих двух дисциплин, считается как бы предметом не достойным высокого внимания науки.

В подобном же положении находится и история Украины. В принятую схему «русской истории» она входит лишь в виде разрозненных обрывков, поскольку они являются необходимыми для выяснения истории Российской империи и великорусского периода. Кроме киевского периода, которым начинается история русского государства, привлекаются некоторые эпизоды, как Галицкое государство Даниила, образование Великого Княжества Литовского, уния его с Польшей, церковная уния и последующая религиозная борьба, война Хмельницкого и соединение Украины с Москвою. Но в общих университетских курсах и эти эпизоды постепенно слабеют и сходят на нет, по мере того как центр тяжести все более определенно переносится в последние столетия, XVII-XIX, и все шире и глубже захватываются вопросы общественной, экономической и культурной жизни великорусского общества. Достаточно просмотреть, например, общий курс русской истории крупнейшего из представителей университетской науки русской истории покойного В.О. Ключевского, чтобы убедиться воочию, как мало дает и, нужно сказать — как мало может дать, при современной постановке, общий курс русской истории из истории Украины, и как мало можно рассчитывать, чтобы ученый, серьезно работающий в этой общепринятой «русской истории» в ее нынешней, чрезвычайно широкой постановке, мог бы объявлять специальные курсы по истории Украины, Белорусии, Литвы.

Вопрос о специальных курсах по украиноведению выдвинулся было в последние годы и недолгая практика их достаточно ценна для того, чтобы показать невозможность обеспечить такие курсы без специальных кафедр. Когда, десять лет тому назад, стал на очереди и казался близким к своему разрешению вопрос о коренном обновлении университетской науки, введение украинских дисциплин в университетское преподавание в южных университетах выдвинулся вполне определенно. Осенью 1905 г. студентами одесского университета была подана петиция совету, в которой между прочим содержалось и пожелание скорейшего введения в университетский курс важнейших из украинских предметов: украинского языка, истории литературы, истории и географии Украины, и совет университета признал желательными эти курсы, которые частично и получили осуществление. В начале школьного 1906/7 года вопрос об украинских предметах был поставлен также историко-филологическим факультетом харьковского университета, и некоторые курсы из области украиноведения действительно читались после этого. Но наибольшее внимание привлекли выступления по этому вопросу студентов киевского университета. 27 ноября 1906 г. последними была подана совету университета

подробно мотивированная записка, покрытая 1430 подписями студентов, обращавшая внимание университетских властей на необходимость основания в трех южных университетах, по крайней мере, трех кафедр: украинского языка и литературы, истории и права, упомянув о полной научной зрелости этих дисциплин. Как на доказательство жизненности своего пожелания петиция, между прочим, указывала на те бесчисленные заявления сочувствия и солидарности, какие сейчас же посылались со всех концов, из разных школ и всевозможных кругов общества, как только была вынесена студенческая резолюция по этому вопросу. Она была поддержана аналогичными резолюциями студентов киевского политехникума, высших женских курсов, резолюциями студентов-украинцев других университетов и многочисленными голосами в прессе; подсчет подписей, произведенный через полгода, дал в общей сумме свыше десяти тысяч голосов (см. газету «Рада», 1907, № 115). С своей стороны историко-филологический факультет киевского университета отнесся с полным вниманием к этой потребности своих слушателей и при выработке учебных планов включил в программу филологической группы курсы по украинскому языку и литературе, в историческую группу — курсы по истории Литвы и Украины, и принял все меры к тому, чтобы осуществить эти курсы. Но здесь отсутствие специальных кафедр украиноведения дало себя почувствовать: на практике оказалось совершенно невозможным без специальных профессорских сил, лишь с наличными профессорами русского языка и литературы и русской истории осуществить эту программу украинских курсов, и эти последние не наладились и не перешли в такой построенный, регулярный атрибут университетского преподавания, каким хотел его видеть факультетский план, делая их обязательными для слушателей соответствующих групп.

Необходимость специальных кафедр для обеспечения этих курсов украинского языка, литературы и истории проявила себя в данном случае совершенно осязательно.

Недостаток их в наших южных университетах тем более ощутителен, что в настоящее время приостановилась научная работа в украинской Галиции, где украиноведение, благодаря существовавшим во Львове и Черновцах университетским украинским кафедрам, было поставлено весьма широко и солидно.

Совершенно очевидно, что если можно допустить известное расхождение во взглядах на различные течения украинской жизни, то не может быть двух мнений относительно необходимости изучения прошлого и настоящего украинского народа, его языка, литературы, истории, права, этнографии.

Украинский народ в его прошлом и настоящем представляет настолько значительную величину, что игнорирование его ведет к печальным результатам не только для него самого, но и для всех игнорирующих, и нынешнее отсутствие украинских изучений в России в тех учреждениях и сферах, которые самою природою своею призваны культивировать эти изучения, каковы прежде всего наши южные университеты, является фактом нежелательным и вредным с точки зрения вообще научной. Жизнь украинского народа в прошлом заполнила слишком большую страницу в истории восточного славянства, Восточной Европы, чтобы ее можно было вычеркнуть или обойти без вреда для общего развития этих изучений, для уяснения исторического процесса, развития политических, культурных, экономических отношений Востока Европы, нынешней России, ее политики или культурно-общественной жизни. История Восточной Европы не сможет разрешить или разрешит неправильно много вопросов, не располагая достаточным знанием истории Украины, или вращаясь среди непроверенных, часто ошибочных и устаревших

общих положений. Такая же судьба постигнет историка культуры, филолога, фольклориста, экономиста, принявшегося за какой-нибудь вопрос, в котором играет роль Украина, украинский народ, его культурная традиция или современные экономические или общественные отношения. Не имея точных данных относительно украинского юга или располагая сведениями неправильными, неполными, устаревшими, он принужден будет или отступить перед многими вопросами, или заменить недостаток точного знания догадками и предположениями.

В последние годы украинские изучения сделали большой успех. Достаточно заглянуть в сотни книжек «Киевской Старины», в сотню томов львовских «Записок Наукового Т*оварист*ва імени Шевченка», в десятки томов различных изданий киевского ученого общества, основанного и развивающего свою деятельность в последние года, чтобы получить представление о том упорном и успешном труде, которым накоплялся, поколениями исследователей и собирателей, научный материал в течение последних десятилетий. В настоящее время эти приобретения украинских изучений остаются почти или вполне — вне обихода русской академической науки, вне университетских преподаваний, уделом внеуниверситетских специалистов, не имеющих доступа к кафедре.

Такое положение дела несомненно вредно отражается на успехах русской университетской науки, оставляя за ее пределами вопросы, с которыми бесчисленными нитями связана современная жизнь и в особенности жизнь нашего юга.

При всех глубокопроникающих влияниях государственной связи, при многостороннем воздействии государственной культуры, жизнь нашего юга все таки неизбежно базируется и будет базироваться на местных традициях исторической жизни, особенностях этнографических и экономических местного быта. В этом секрет существования и даже развития, несмотря на все препятствия, запрещения и действительно тяжелые условия существования, местной украинской литературы, старой и новейшей, украинской сцены, украинских изучений. Продиктованным крайним верхоглядством является объяснение этих успехов какими то посторонними влияниями, заграничными интригами и даже субсидиями, между тем как корни их глубоко коренятся в самих условиях местной жизни. Жизнь народа такого большого, территории столь значительной, богатая содержанием, страницами высокого культурного интереса, захватывающего драматизма, окрашенная таким богатством этнографической и фольклорной формы, не могла не искать себе выхода, оставаясь за флагом официальной школы, государственной культуры, великорусской литературы — и не может не продолжать искать удовлетворения себе и в настоящее время. Известная записка Академии Наук «об отмене стеснений малорусского печатного слова», составленная русскими специалистами, высказывает по этому вопросу ряд мыслей, заслуживающих глубочайшего внимания:

«Многие великорусские публицисты ставят вопрос, нужна ли вообще малорусская письменность? Другие желали ограничить область распространения этой письменности некоторыми определенными рамками: естественным признавалось писание по малорусски стихов и рассказов из народного быта; уместным казалось собирать народные песни и сказки; наконец, для малорусского языка отводилась, пожалуй, и вся область изящной словесности. Но переступать за эту область ему возбранялось, возбранялось публицистами, вслед за правительственными распоряжениями, в интересах именно великорусской письменности. Ответ на праздный, впрочем, вопрос, нужна ли вообще малорусская письменность, дала сама жизнь: мы видели широкое развитие этой письменности даже в период

до шестидесятых годов, т.е. до того времени, как реформы Александра II возродили русский период в новых формах быта, и убедились при этом, что деятелями этой литературы были люди разных слоев общества, разных воззрений и разного воспитания (авторы записки указывают, что многие из этих созидателей новой украинской литературы были люди настроенные даже очень консервативно, искренно преданных интересам русского государства). Малорусская письменность возникновением своим удовлетворяла, очевидно, назревшей потребности, и в создании ее всего менее принимала участия политические интрига или нездоровая тенденция». Указывая затем, как в деятельности отдельных представителей новой украинской литературы тесно связывались и переплетались разные виды национального творчества: собирание памятников народной словесности и изучение памятников письменности с переводами на украинский язык священного писания и произведений старой литературы, беллетристическое творчество с начатками популярной литературы на народном языке, авторы записки замечают:

«Возможно ли остановить зародившуюся мысль, мысль, окрыленную к тому же родною речью? Что остановит ее на народных жартах и виршах, что помешает ей воплотиться в новых формах поэзии, проникнуть в роман и рассуждения, перенестись в прошлое родного народа, позаботиться о его будущем, перейти, наконец, в область веры и сосредоточиться на переводе Священного Писания или составлении книг для духовно-нравственного чтения? Нет, творческая мысль не может быть остановлена искусственными преградами. За то всякие искусственные преграды дадут ей всегда ложное тенденциозное направление: приведенные выше факты показали, как был загнан широкий и свободный поток малорусской творческой мысли в узкие рамки политической партии, образовавшейся в Галиции, но усиливающей свои ряды, оживляющей свою деятельность выходцами из нашей Украины, партии могущественной и популярной именно потому, что одна она блюдет свободное развитие малорусской письменной речи».

Упомянув о запретительных законах 1863-1876 гг., авторы записки отмечают: «названные законы изъяли из области влияния великорусской литературы значительнейшую часть малорусской письменности, которая, вследствие запрещения ввоза книг, не могла быть даже предметом обсуждения великорусской печати. Эти законы разрушили ту братскую связь, которая завязывалась в разных сборниках и периодических изданиях между великорусской и малорусской письменностью. Они прекратили и братское между ними соревнование, разъединив их окончательно и устранив ту общую почву, на которой естественным образом определились бы взаимные отношения между обеими письменностями» («Императорская Академия Наук. Об отмене стеснений малорусского печатного слова»).

Мы привели эту выписку, так как в этих высоко компетентных словах содержится не только красноречивая апология украинской литературы и украинских изучений и тесной связи их с украинской жизнью, но и весьма серьезное предостережение не только относительно запрещений и ограничений, но и простого игнорирования украинской культурной жизни, украинских изучений, неизбежно замыкающихся вследствие этого в себе, уходящих от живых соприкосновений с великорусской культурою и научною жизнью, с очевидным ущербом не только для себя, но и для этой последней вообще и в частности — для университетской науки.

Нет ничего более естественного и в сфере университетской науки, что пробуждаемая в университетской молодежи научная мысль, приемы изучения и разработки обращаются прежде всего к

прошлому и настоящему своего края и народа, к своей истории, литературе, языку, и в этой сфере ищут своего приложения, объекта своей научной пытливости и первых попыток научной деятельности. В этом смысле хорошо поставленные университетские преподавания и практические занятия на памятниках местной письменности, документах местной истории могут сыграть чрезвычайно благодарную роль в смысле пропедевтики — как переходная ступень к вопросам более общим и отвлеченным, не только как непосредственное удовлетворение заинтересованности фактами местной жизни. Подобно тому, как в низшей школе родиноведение играет роль первой ступени к сведениям более общим, странам и событиям более далеким, подобное место в высшей школе могут занять занятия на памятниках своей ближайшей родины. Наоборот, устранение из университетского обихода тем местных, искусственное обращение студентов, вместо местных материалов, во что бы то ни стало, к памятникам северным, великорусским, кроме известной неудовлетворенности научной пытливости влекут за собою общее понижение научной энергии, стремлений к самостоятельным занятиям у университетской молодежи.

Учреждение для украинских предметов в южных университетах специальных кафедр, посвященных, прежде всего, украинскому языку, литературе и истории, в виду вышесказанного, может иметь весьма полезные и даже благоприятные последствия в разных направлениях, не только заполняя чувствительный пробел, имеющийся в нынешнем преподавании соответственных «русских» дисциплин, оживляя научные занятия студентов вопросами для них близкими и интересными и создавая известную почву для сближения и сотрудничества украинских и великорусских ученых в сфере разработки украинских дисциплин, и вообще содействуя сближению научной великорусской жизни с жизнью украинской, ее интересами и запросами. Это будет шаг в направлении, указанном одним из выдающихся умов России Ю.Ф. Самариным.

«Пусть же украинский народ сохраняет свой язык, свои обычаи, свои песни, свои предания; пусть в братском общении и рука об руку с великорусским племенем развивает он на поприще науки и искусства, для которых так щедро одарила его природа, свою духовную самобытность во всей природной оригинальности ее стремлений; пусть учреждения, для него созданные, *приспособляются более и более к его потребностям*».

На основании изложенных соображений, представляется необходимым, при окончательном рассмотрении и утверждении нового университетского устава, пополнить его статьями, узаконяющими право существования главнейших дисциплин украиноведения в находящихся на украинской территории университетах.

А именно: прим. к ст. 59 устава должно быть дополнено следующими добавлениями (стр. 17, строка 5 сверху):

«В Киевском, Харьковском и Новороссийском университетах (полагаются) 1) украинский язык и литература и 2) история Украины с восточной Галицией, Буковиной и Угорской Русью.

Там же, строка 10 сверху, следует добавить:

«В Киевском, Харьковском и Новороссийском университетах (полагается) по два профессора и по два доцента».

Средства на содержание перечисленных кафедр, в соответствии с общими штатами, вносятся в государственную роспись 1918 года. Историко-филологическим факультетам указанных университетов предоставляется ввести эти курсы в соответствующие учебные планы.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук, ф. 134, оп. 2, д. 139, лл. 1-9.

VII

Статут
Київського Українського клубу. 1908 року

I. Мета Клубу

1. Київський Український Клуб має на меті дати спромогу своїм членам та їх семьям проводити вільний час з користю й приємністю. Район діяльности Клубу —місто Київ.

2. Для цього він має своє помешкання, улаштовує для своїх членів та їх семей, виконуючи що до цього істнуючі закони, — лекції, реферати і бесіди, екскурсії, драматичні вистави, виписує книжки й періодичні видання, впоряжає вечорі, концерти, играшки й инші забави, содержує свій стіл і буфет.

3. Клуб єсть юридична особа, що має право, виконуючи істнуючі закони, набувати й спродувати рухоме і нерухоме майно, а так саме робити всякі договори. Представником Клубу виступає Голова Ради Старшини.

Увага. Набувається нерухоме майно за межами міста тільки з дозволу генерал-губернатора.

II. Печатка Клубу

4. Клуб має печатку з написом: «Кіевскій Украинскій Клубъ».

III. Склад Клубу

5. Клуб складається з необмеженого числа членів, якими можуть бути особи обох полів без ріжниці станів і національностів, що мають право вступати членами у клуби на підставі істнуючих законів.

Увага. Членами клубу не можуть бути неповнолітні, ті, що ще вчаться, нижні чини, що служать на військовій службі, і так саме ті особи, права яких обмежено по суду.

6. У складі своєму Клуб поділяється на членів почесних та дійсних.

7. Почесними членами можуть бути особи обох полів, що зробили якісь значні послуги Клубові.

IV. Про членські вкладки

8. Члени дійсні платять рокової членської вкладки 5 карб., але розмір вкладки може бути змінений звичайним порядком зміни статуту. Почесні члени од обовязкової членської вкладки вільні.

9. Ті члени, що не внесуть грошей до визначеного загальними зборами часу, позбавляються права ходити в Клуб яко члени, поки не виплатять своєї залеглости; ті ж, що не заплатять членської викладки до початку нового року, вважаються уже не-членами і можуть вступити знов у Клуб не инакше, як після нової балотировки.

V. Приймання членів

10. Фундатори й особи, запрошені ними на перші збори після того, як статут занесено в реєстр, набувають права дійсних членів.

11. В дійсні члени приймаються за рекомендацією трьох дійсних членів закритою балотировкою на загальних зборах членів.

12. Список рекомендованих кандидатів Рада виставляє в помешканні Клубу не менш як за 14 днів до балотировки.

13. Забалотированого кандидата не можна пропонувати знов на члена Клубу раніше, як через рік. Кандидата, забалотированого двічи, не можна більш вибірати на члена Клубу.

14. Почесних членів вибірають загальні збори членів з пропозиції Ради Старшини або по заяві на папері не менш десятої частини дійсних членів Клубу. Почесні члени користуються всіма правами дійсних членів.

VI. Про гостей

15. В помешкання Клубу можуть входити сторонні особи, яко гості, за плату, встановлену Радою Старшини, але не инакше, як за рекомендацією двох членів Клубу, які й відповідають як за поводження, так і за борги рекомендованого ними гостя.

VII. Коли одчинено Клуб

16. Помешкання Клубу в звичайні дні, щоб користуватись книжками й періодичними виданнями, музичними струментами, буфетом, для літературних і наукових читаннів та забав одчинено до 2 годин ночи. Хто ж залишиться ще після цієї години, платить штраф на користь Клубові. Розмір штрафу встановляють загальні зборі членів.

17. Під час впоряження семийових вечорів, балів, концертів, драматичних вистав тощо помешкання Клубу лишається відчиненим згідно з постановою Ради Старшини.

18. Три останні дні Страстного тижня, першого дня на Великдень, на кутю під Різдво й Водохрещі, першого дня на Різдво і ще в ті дні, які призначить Рада Старшини, Клуб буває зачинено.

VIII. Порядкування справами Клубу

19. Справами Клубу порядкують Рада Старшини і Ревизійна Комісія, що збіраються у Київі.

20. Рада Старшини складається з 12 членів, а Ревизійна Комісія з 5 членів, яких вибірають загальні збори. Число це може змінятись звичайним порядком зміни статуту. Опріч Старшини і членів Ревиз*ійної* Комісії вибірається ще 12 кандидатів на Старшину і три на членів Ревизійної Комісії. Одна й та ж особа не може бути заразом Старшиною і членом Ревизійної Комісії.

21. Вибори Старшини і членів Ревизійної Комісії одбуваються на рокових загальних зборах членів закритою балотировкою.

22. Старшина й члени Ревизійної Комісії вибіраються на 3 роки і склад їх поновляється тим, що одна третина їх що-року виходить по старшинству, а коли його нема — по жеребу. Коли ж хто одмовиться од посади або не має спромоги її через віщось виконувати, то після того, як він подасть про це заяву на папері, його місце тимчасовіо або й зовсім заступає кандидат, що під час виборів дістав найбільше голосів. Член Старшини чи Ревизійної Комісії, який не виконував своїх обов'язків на протязі 6 місяців, вважається, що він залишив свою посаду.

23.Старшина з поміж себе вибирає Голову Ради, Товариша йому, Скарбника й Секретаря, инші ж обов'язки роскладає по згоді між собою. Згадані урядові особи вибіраються що-року.

24. Рада Старшини скликається Головою або по заяві на папері не менше, як трьох членів Старшини.

25. Засідання Ради Старшини бувають не менше двох разів на місяць, але при нагальних випадках Голова може скликати Старшину, коли потрібно.

26. Всі справи в Раді Старшини порішаються більшістю голосів присутніх.

27. Коли голоси поділяються на-рівно, перевагу дає голос Голови. Засідання Ради Старшини вважається правомочним, коли зійдеться не менш половини членів Ради. Непорозуміння, які виникнуть в Раді Старшини, вирішаються на загальних зборах членів.

28. Про кожне засідання Ради Старшини ведеться протокол, який підписують ті члени, що були на засіданні.

29. Рада Старшини порядкує хазяйством і всіма біжучими справами Клубу; видатки сум, належних Клубові, робляться нею на підставі рокового обрахунку, який затверджують загальні збори, що визначають так само і право Ради на поверх обрахункові видатки та взагалі порядок витрачання коштів.

30. На прикінці кожного місяця Рада Старшини, при участі Ревизійної Комісії, перевіряє касу й складає фінансове справоздання. Справоздання це для ознайомлення з ним членів виставляється в помешканні Клубу .

31. На прикінці кожного року Рада Старшини складає справоздання про діяльність Клубу і фінансове справоздання та обрахунок на новий рік: фінансове справоздання й обрахунок перевіряє Ревизійна Комісія, а потім усі згадані документи з резолюцією Ревізійної Комісії передаються на увагу загальним зборам членів.

32. Що-року після поновлення складу Старшини Рада разом із тими членами, що виходять, перевіряє грошові суми, документи, книжки й инше майно Клубу та складає про це протокола.

33. Порядкування грошима Клубу приймає на себе один з членів Старшини — Скарбник, але за цілість сум і майно Клубу відповідає уся Старшина.

34. Скарбник приймає, береже й витрачає гроші Клубу по асігновках Ради. Всі ж суми, що вступають на протязі року, він кладе в банк на біжучий рахунок од Клубу і залишає в касі Клубу стільки грошей, скільки потрібно на місячні видатки.

Увага. Одбірає гроші Скарбник з біжучого рахунка по чеках, які повинні бути підписані Головою або особою, що його заступає, і ще одним членом Старшини.

35. До відповідальності за недбальство на посаді кличуть Старшину загальні збори по заяві Ревизійної Комісії або не менш десятої частини всіх дійсних членів Клубу, що живуть у Київі.

36. Порядок діяльности Ревизійної Комісії визначають загальні збори. Їй належить право коли завгодно ревизувати касу, книжки та майно Клубу.

IX. Про загальні збори

37. Загальні збори членів бувають: а) звичайні — на яких розглядаються щорічні справоздання й обрахунки та вибіраються урядові особи; б) надзвичайні — на яких обмірковується справа про зміну й додатки в статуті, про скасування Клубу і ліквидацію його майна, про вчинки Старшини та відповідальність їх, про вибори нових членів та виключення старих і про всякі питання що до життя Клубу, які Рада Старшини не визнає можливим порішити своєю властю.

38. Загальні збори скликає Рада Старшини, коли вважає це потрібним, або ж на домагання Ревизійної Комісії, або ж по заяві не менш десятої частини всіх дійсних членів; в двох останніх випадках заявителі мають право визначити крайній час, коли повинно бути скликані збори, але не раніше, як за два тижні.

Увага. Скликаючи загальні збори, Клуб пильнує існуючих правил про збори.

39. Загальни збори вибірають з поміж себе голову й секретаря; цих обов'язків не можуть виконувати члени Старшини чи Ревизійної Комісії. Справи на зборах рішаються абсолютною більшістю голосів (коли голоси поділяються на-рівно, перевагу дає голос голови, а як що балотировка була закрита, то справа перерішається на-ново); але що до зміни й додатків статуту, скасування клубу, виборів почесних членів та виключення членів потрібна більшість двох третин голосів.

40. Загальні збори вважаються дійсними, коли на їх буде не менш одної третини всіх дійсних членів, що живуть у Київі; коли ж на їх рішаються питання, які потрібують більшості двох третин голосів, — повинно зійтися не менш половини всіх членів, що живуть у Київі. Якщо на збори не прибуде зазначене число членів, то

вони вважаються недійсними, а замісць їх скликаються нові, що уважаються дійсними, скільки б не прийшло на їх членів, але з правом розглядати тільки ті питання, що були зазначені на повістці на збори, які не одбулися.

41. Балотировка буває одкрита, опріч випадків, зазначених в статуті; але й тоді, коли цього забажає хтось з присутніх на засіданні членів, повинна робитись закрита балотировка. Передавати голосів не можна.

42. Кожний член Клубу має право подавати заяви щодо діяльности Клубу; такі заяви записуються в спеціяльну книгу. Рада Старшини повинна дати хід справі на найближчому ж своєму засіданні. Питання про суперечність заяви статутові порішає Старшина разом з членами Ревізійної Комісії.

X. Засоби Клубу

43. Засоби Клубу складаються: а) з щорічних та разових членських вкладок; б) з жертв членів Клубу; в) з сум, добутих од упоряжених Клубом вистав, гуляннів, концертів, семійових вечорів, лекцій, публічних читаннів та літературних вечорів; г) з процентів на капитали Клубу й прибутків з його майна та д) з штрафів і всяких инших прибутків.

XI. Внутрішній роспорядок у Клубі

44. Всі особи в Клубі повинні додержувати певного порядку й підлягати всім правилам цього статуту та роспорядкам Ради. Стежить за цим черговий та инші члени Старшини, що бувають у Клубі.

45. Члени Старшини доглядають порядку в помешканні Клубу, поки там єсть члени й гости, по встановленій між ними, після взаємної згоди, черзі.

46. Старшина має право на підмогу собі при догляданні за порядком запрошувати кандидатів.

47. Черговий член Старшини, запримітивши, що хтось з членів або гостей Клубу не додержує порядку чи вимог ввічливости, нагадує йому про це, а коли потрібно, закликає винного в кімнату Ради Старшини на розмову. Коли-ж хто учинить в Клубі щось негоже культурного громадянства, то черговий або заступаючий його місце член Старшини прохає винуватого вийти з Клубу і про вчинок його складає протокола, що підписують свідки зробленого непорядку. Протокол цей розглядається на першій нараді Старшини, на яку запрошуються як свідки непорядку, так і самі винуваті. Роглянувши справу, Старшина робить постанову, чи може та особа, що вчинила певний непорядок, надалі ходити в Клуб чи ні. Якщо ні, то винуватий, коли він гість, позбавляється права ходити в Клуб позавше, а коли він член Клубу, то резолюція наради Старшини передається на розгляд загальних зборів, а вони вже можуть закритою балотировкою або запропонувати винному попрохати вибачення в ображеного, або заборонити йому ходити в Клуб на певний час, або й зовсім виключити винного зпоміж членів.

48. Змагання та взаємні суперечки поміж присутніми у Клубі, коли вони не виказались словами та вчинками, негожими громадянства, розглядає Старшина в присутности сторон, що викликаються повістками на визначений для цього час. Сторона, яка не прибула на розглядання, скоряється постанові наради Старшини. Коли-ж сторона, що не прибула, виставить варті уваги причини своєї неявки, то призначається по згоді з нею друге засідання для розглядання справи. Сторона, яка не явилась і на це засідання, скоряється постанові Старшини безумовно.

49. Справи про особисті образи й суперечки між присутніми в Клубі рішає нарада Старшини, обов'язково мирючи їх, чи то через просте роз'яснення суперечки, чи через вибачення перед ображеною стороною.

50. Суперечки й непорозуміння поміж присутніми у Клубі щодо гри в карти та

й взагалі гри порішає черговий член Старшини; незадоволення на це порішення передається в нараду Старшини і порішається в ній остаточно.

51. Всі вище викладені правила щодо порядку й ладу в Клубові однаково тичаться і до членів Старшини, опріче тільки правила про тимчасове виключення з Клубу винуватого по постанові одного члена Старшини. Щодо членів Старшини, які порушать лад, то тимчасове виключення їх з Клубу призначається не инакше, як по протоколу, підписаному одним або кількома членами Старшини й свідками непорядку.

XII. Про гру

52. В помешканні Клубу дозволяються всякі гри, опріч азартних і тих, про які були особливі постанови Ради Старшини, і так саме тих, про заборону яких по громадських зібраннях був урядовий наказ.

53. Докладні умові гри визначаються особливими правилами, які постановлять загальні збори членів.

54. Росплата за гру повинна робитись зараз же по закінченню гри; переводи не допускаються і кожний повинен задовольнити того, кому лишається винним.

55. Коли той, що програвся, не заплатить програного, то той, що виграв, може записати прізвище винного в книгу не пізніше, як через 3 дні після гри: в противному разі втрачає право на допомогу Старшини. Коли та особа, що не порахується негайно після гри, буде гість, то той, хто виграв у неї, може записати його прізвище в боргову книгу того ж дня або другого, инакше він так саме позбавляється права на допомогу Старшини.

56. Гість, що не одержав виграного, записує того, хто програвся йому, в боргову книгу через посередництво члена, який рекомендував його, а коли його нема, через Старшину, пильнуючи встановленого часу.

57. Старшина що-дня переглядає боргову книгу і, довідавшись про борг за гру, негайно закликає винного заплатити довг; поки ж винуватий не заплатить, він позбавляється права ходити в Клуб.

58. Через два тижні після того, як уперше записано особу в боргову книгу, член, який записав, може подати нову заяву, що він таки не одержав виграного, після чого винуватому нарада Старшини дає ще тиждень часу на виплату боргу, і як він не виконає цього на визначений час, то виключається з-поміж членів Клубу з постанови ради.

59. Всі непорозуміння щодо запису в боргову книгу рішає по заяві окривджених нарада Старшини остаточно, при чому заінтересованих, коли буде треба, може викликати на засідання повістками.

60. Члени Клубу відповідають як за нароблені ними самими картярські та буфетні борги, так і за борги рекомендованих ними гостей; до того, коли гість не заплатить боргу, то це для того члена, що рекомендував його, має наслідки, зазначені в артикулі цього статуту.

XIII. Зміна статуту й скасування Клубу

61. Зміни й додатки до цього статуту, після того, як їх ухвалять загальні збори, набувають силу таким же порядком, як це встановлено для откриття товариств.

62. Клуб перестає істнувати ось в яких випадках: а) з постанови загальних зборів його членів; б) коли лишиться членів менше, як три, і в) з постанови уряду.

63. Коли Клуб перестане істнувати, то, після задовольнення всіх обов'язків, майно, яке лишиться, передається, з постанови ліквидаційних зборів, другому товариству, що має таку ж саму мету.

ЦДІАК, ф. 707, оп. 294, спр. 2, арк. 133-147.

VIII

Звернення київської української студентської громади до всіх київських студентських організацій 1902 року

«Радикал, недодумавшийся на Украйне до украинства,
есть недодумавшийся радикал.
Украинец, недодумавшийся до радикализма,
есть недодумавшийся украинец".
М. Драгоманов
«Австро-Руські спомини»

Россия представляет из себя одного из наиболее замечательных политических и этнографических арлекинов. В состав теперешней России входит около 150 народностей. В состав ее вошли и под гнетом царизма задыхаются такие различные по своему этнографическому составу, историческим традициям, по своим общественным привычкам и юридическим воззрениям элементы, что просто диву даешься. Очевидно, что единство России представляется каким-то чудом, которое может поддерживаться только каким-либо особенным способом. Способ этот, положим, не представляет из себя ничего особенно чудесного, а напротив, состоит из даже чересчур реальных вещей. Они суть: штык и Сибирь, тюрьма и кнут, православие и безграмотность (в самом широком смысле этого слова),

Признав за аксиому, что свержение абсолютизма в России может быть достигнуто только совместными усилиями всех народов, мы должны признать и то, что среди каждого отдельного народа пропаганда должна вестись на его родном языке. Пример нескольких попыток пропаганды на русском языке украинских крестьян (70-ые, нач. 80-х гг.) показал всю бесплодность и беспочвенность такой пропаганды.

Достаточно поверхностного взгляда на историю Украины со времени присоединения ее к России, чтобы заметить, как уничтожение всяких следов самостоятельной культурной жизни Украины шло рука об руку с крайним обрусением народных масс, утратою ими политического самосознания и даже политических идеалов. Если интеллигенция, изменившая своей национальности, будет по прежнему пренебрегать народным языком, если пропасть между народом и интеллигенцией будет по прежнему увеличиваться, то такое отсутствие непосредственного общения, органической связи между народом и интеллигенцией приведет к тому, что свободолюбивый украинский народ окончательно забудет свое славное прошлое и вследствие крайнего невежества может остаться пассивным и инертным в решительный момент, как это случилось в [18]48 г. в Галиции.

Признавая необходимость добиться политической свободы в наиболее короткий срок, вы должны согласиться с тем, что для этого каждая из 150 народностей должна выставить возможно большее количество революционеров, т.е. людей, понимающих всю мерзость и дикость теперешнего государственного строя России и могущих выступить на борьбу за идеи более светлые и высокие, чем царизм. Очевидно, такими людьми могут быть прежде всего люди грамотные, но не потерявшие своего природного ума, приобревшие навык и охоту к чтению, привыкшие видеть в книге своего лучшего друга и советчика, которые смо-

гут прочесть, понять и оценить нелегальную книжку...

Для этого мы считаем необходимым то, что признает необходимым и наилучший русский педагог К.Д. Ушинский, т.е. народную национальную школу. Вот что писал он в «Журн. Министерства Нар. Просвещ.» в своей статье «Педагогическая поездка по Швейцарии»: «Мало успеха будет иметь та школа, в которую дитя переходит из дому, как из рая в ад, и из которой оно бежит домой, как из темного ада, в котором все темно, чуждо и непонятно, в светлый рай, где все ясно понятно и близко сердцу, а почти такое впечатление должна производить школа на дитя малороссиянина, когда оно начинает посещать это странное место, в котором одном только в целом селе и говорят на непонятном языке. Дитя, не слышавшее дома ни одного великорусского слова, начинает с первого же дня ломать на великорусский лад, и добро бы еще на чисто великорусский, а то на тот отвратительный жаргон, который вырабатывается у малообразованного малоросса при старании говорить по великорусски. Такая школа с первого же дня и весьма неласково напомнит ребенку, что он не дома, и без сомнения покажется ему букою. Если такая школа не пустит корней в народную жизнь и не принесет для нее полезных плодов, то чему же здесь удивляться? Иначе и быть не может. Такая школа, во-первых, *гораздо ниже народа:* что же, значит она с своею сотнею плохо заученных слов перед тою безконечно глубокою, живою и полною речью, которую выработал и выстрадал себе народ в продолжение тысячелетия; во-вторых, такая школа *бессильна*, потому что она строит развитие дитяти на единственной плодотворной душевной почве — на народной речи и на отразившемся в ней народном чувстве; в-третьих, наконец, такая школа *бесполезна*: ребенок не только входит в нее из сферы совершенно ей чуждой, но и выходит из нее в ту же чуждую ей сферу. Скоро он позабывает несколько десятков великорусских слов, которым выучился в школе, а вместе с тем позабывает и те понятия, которые были к ним привязаны. Народный язык и народная жизнь снова овладевают его душою и заливают и изглаживают всякое впечатление школы, как нечто совершенно им чуждое. Что же сделала школа? Хуже чем ничего! Она *на несколько лет задержала естественное развитие дитяти*; остается, правда, грамотность или, лучше сказать, полуграмотность, и то не всегда, и может пригодиться к тому, чтобы на полурусском наречии написать какуюнибудь ябеду; *душу же человека такая школа не развивает, а портит*».

Само собою разумеется, что к этой непонятной обрусительной школе крестьянин-украинец ничего, кроме отвращения, чувствовать не может и зачастую переносит это отвращение и на книгу, как об этом свидетельствуют и сами инспектора народных школ. Отсюда, конечно, понятно, что такая школа является самым верным оплотом против развития самосознания и правосознания народа, понятно почему за эту школу так крепко стоял Катков, почему теперь за нее стоят Победоносцев, Мещерский, Флоринский, Пихно и иже с ними, и одно лишь непонятно — почему за ту же школу стоит и значительная часть русского передового общества, почему взгляды Ушинского не господствуют в нем? (Мы говорим в интересах 149 невеликорусских народностей, но, конечно, от лица одной своей украинской.)

Итак, чисто практические соображения заставляют наиболее образованных и беспристрастных представителей русской интеллигенции признавать необходимость низшей школы с украинским языком преподавания. (Укажем здесь на проекты земств Харьковской, Полтавской и Черниговской губерний, на Ананьевских врачей...) Но широкая задача просвещения народных масс связана с задачей популяризации науки в самых широких размерах. Если смотреть на высшую школу, как на средство

поддержать господство буржуазного класса, сделав монополией буржуазии все приобретения науки, тогда, конечно, нет необходимости в высшей школе с украинским языком. Но мы обращаемся к тем товарищам, которые иначе смотрят на задачи высшей школы, которые хотят понести свет в темные массы народа. Само собой разумеется, что для выполнения такой широкой задачи недостаточны усилия единиц, которые и теперь употребляют все свои силы на то, чтобы учиться учить других: изучают народный язык, вырабатывают понятную для народа терминологию... Для выполнения этой задачи по отношению к украинскому народу необходимы легионы просвещенных людей, которые могли бы распространять знания среди своего народа на украинском языке. Но пока украинский народ не будет иметь своих высших школ, эта задача будет под силу только людям с исключительными способностями и вместо необходимых легионов будут только единицы. Поэтому мы, украинцы, требуем высших учебных заведений с украинским языком преподавания от того правительства, которое получает такую значительную часть своих доходов от украинской нации, от того правительства, которое самым грубым образом эксплуатировало и эксплуатирует Украину — эту житницу России.

Другим следствием открытия высших украинских школ было бы то, что нам, учащейся молодежи, не приходилось бы из одного конца России перелетать в другой за недостатком высших учебных заведений, а в национальные высшие школы поступали бы люди, думающие работать на родной своей почве, и из высшей школы выходили бы люди, действительно подготовленные к культурной работе... Мы не станем говорить здесь о том влиянии, которое оказала бы высшая национальная школа на изучение данной страны. Укажем разве на Кавказ. Ведь мы о Кавказе знаем ровно столько же, сколько и о Китае, единственно лишь потому, что

Дмитро Піхно. Початок XX ст.

там нет умственного центра, нет высшей школы. А нет ее, как всем вам, товарищи, хорошо известно, лишь благодаря гнусной нахальности нашего правительства, которое запрещает открыть «на окраинах» даже русскую школу и даже на готовые «инородческие деньги»... Не будем, повторяем, говорить об этом, потому что и все то, что мы сказали выше, — лишь мечты и мечты, которым, быть может, суждено еще долго ждать своего осуществления. Пока их реальная основа заключается почти исключительно в небольшой части передового студенчества, да такого же небольшого числа образованных людей и представителей науки...

Мы не будем здесь говорить и о том, что украинский народ представляет из себя самостоятельное славянское племя, самостоятельную этнографическую единицу, не будем говорить о самостоятельности и ценности нашего языка и нашей украинской литературы — оставим эти вопросы решать ученым и историческому ходу событий.

Итак, повторяем, не спорить желаем мы, а требуем от вас поддержки в работе нашей, цель которой — двинуть Украину по пути прогресса, двинуть ее к социальной и политической свободе.

В этой великой задаче украинская интеллигенция должна взять на себя ту роль, которая составляет ее прямую обязанность: подготовить к этому моменту нашу народность, в состав которой в одной России входит 25 миллионов людей, и которая, казалось бы, по своим историческим традициям должна бы пойти впереди всех национальностей славянских.

Для этого, напомним еще раз, мы необходимо должны знать тот язык, на котором говорит и мыслит эта 30-тимиллионная (с Галицкой Русью) масса народа.

Зная это, вы должны оказать нам поддержку в требовании, имеющем при теперешнем политическом строе России такое же целиком принципиальное значение (нам закрывать глаза пред действительностью нечего), как и требование отмены процентной нормы для евреев. Если же вы, принимая во внимание эти законные требования, паче чаяния, откажете нам, то вы и себя и нас поставите в положение, при котором безсознательно все мы окажемся солидарными с Победоносцевым и К° и при том в то время, когда цвет русской интеллигенции в своих легальных органах: «Вестн*ик* Европы», «Русск*ая* мысль» горячо отстаивает и принимает близко к сердцу наши интересы.

Многим из нас довольно часто приходилось слышать упреки в шовинизме. Это побуждает нас свести в короткую формулу для того, чтобы показать, что если кому и присущ дух шовинизма, то во всяком случае нам, украинцам, он не к лицу и нами он никогда не проповедывался.

Украинский язык не идол, которому мы поклоняемся, а практическое средство и наиболее верный способ вывести из темноты и невежества тридцатимиллионную массу украинского народа и повести его путем прогресса к свету, добру и истине, а **национальность украинская —не фетишь наш, не кумир, а лишь почва, на которой легче всего засеять и взлелеять семена света, добра и братского равенства и вообще, мы признаем космополитизм в идеях и целях, национальность — в основе и формах культурной работы.**

По нашему глубокому убеждению, при нормальной постановке дела, т. е. при признании прав каждой национальности на самостоятельное развитие и при «национальном» просвещении, украинский народ должен одним из первых поднять красное знамя. Да это, кажется, должно бы быть ясно каждому, так как демократизм украинского народа говорит сам за себя. Достаточно самого поверхностного знакомства с нашим крестьянством, чтобы убедиться в этом. Даже проще, всякий, кто знаком достаточно близко с нашей украинской литературой, может засвидетельствовать, что это целиком демократическая литература, а ведь литература — зеркало народной жизни. К идее же демократизма должны стремиться все народы, и на нашу долю выпадает лишь подновлять ее с научной стороны и укреплять в сознании украинского народа там, где уже успели пошатнуть ее царские опричники.

Между нами, товарищи, должно быть ЕДИНЕНИЕ, но не должно быть обидного и позорного для обеих сторон ПОРАБОЩЕНИЯ. Нам пора уже понять и усвоить тот принцип, который смогли понять и усвоить (немножко, правда, своеобразно) Николай I и Александр II, тот принцип, что работа свободного и самостоятельного человека более продуктивна, чем работа раба. Тем более теперь время уже усвоить его прочно и навсегда. Ведь факты так красноречиво говорят за него. Посмотрите вы на Запад, оглянитесь вокруг себя, — что вы увидите? Где нация добилась свободы (Австрия) или где госу-

дарственное устройство обеспечивает свободу национальности (Швейцария, Соединенные Штаты), там жизнь кипит ключом. Даже Сербия и Болгария зажили такой полной жизнью, что любо-дорого посмотреть! А посмотрите, что сделала из темной полуонемеченной Чехии возрожденная национальность. Ведь она теперь если уже не опередила немцев, то во всяком случае наравне с ними. Посмотрите на ирландцев. Семь веков (ведь это не шутка!) обангличанивали их и чего добились? Добились того, что теперь почти 3/4 ирландцев говорит по-английски, а все 4/4 смертельно ненавидят Англию. Незавидный результат жестокой семивековой работы. Посмотрите в самой России на нещастную Финляндию. Что делает с нею обрусение? А то, что она с каждым днем на наших глазах теряет свои и так не особенно обширные конституционные права. Присмотритесь к Польше — Привислянскому краю. Разве возможно бы было в ней то движение и тот проблеск жизни, которые заметны теперь, если бы оторвать ее от сношений с заграничной национальной Польшей, если бы лишить это движение национальной окраски?!..

Скажем под конец, что даже такая космополитическая партия, как социал-демократия, и та в своей [...] национальной программе, составленной на общем собрании австрийской социал-демократической партии в Брюнне, в 1899 г. [...] (торжественно провозглашает), что она «признает право каждой национальности на национальное существование и национальное развитие».

Это постановление австрийских социал-демократов является естественным выводом из всей их предшествовавшей деятельности. В Австрии, как и в России, радикальные элементы общества вместо того, чтобы работать над улучшением экономического благосостояния народа, должны раньше добиться признания их национальности, так как долголетний опыт показал им, что без признания основных элементарных прав человека, без свободы национальности, т. е. без права человека быть тем, чем он есть на самом деле, при искусственной ломке его никакой прогресс народных масс немыслим. Прежде чем действовать, добиваются свободы действий — вот эмпирический закон, выводимый всяким беспристрастным человеком при изучении жизни народов в XIX веке. Пред этим историческим фактом — дифференциацией народностей — никто не смеет закрывать глаз. На этот исторический факт мы обращаем ваше внимание, товарищи, и приглашаем вас помочь нам сделать теперь то, что рано или поздно сделаем мы сами, помочь нам для того, чтобы мы могли работать рука об руку с вами теперь же, а не затрачивали своих сил на расчистку поля лишь для работы грядущих поколений. Мы ждем с уверенностью вашей помощи, потому что знаем, что не в ваших интересах затягивать поступательный ход человеческого развития.

Итак, товарищи, принимая во внимание число и разношерстность наций, составляющих Российское государство, считая право каждой из них на национальное существование и развитие несомненным, признавая, что без национальной свободы не может быть и свободы личности, а следовательно, и политическая свобода является неполной, признавая, что право свободно печатать как литературные, так и научные труды на своем родном языке есть неотъемлемое право автора, признавая равенство благом не только на словах, но и на деле, мы «Київська Студентська Українська Громада», считаем вашей моральной обязанностью, товарищи, включить в число ваших требований право профессора читать лекции на украинском языке во всех высших школах на Украинской территории.

Київська старовина. 1994. № 5. С. 17-21 (публ. В. Мусієнка, С. Пивовара).

IX

Справа про поширення україномовних і російськомовних прокламацій на захист української справи в Університеті св. Володимира
30 березня — 18 жовтня 1910 року

№ 1
Донесення жандармського пристава начальнику київського охоронного відділення. 30 березня 1910 року

Марта 30 1910 г.
№ 1223

Его Высокоблагородию Начальнику
Киевского Охранного Отделения

29 сего марта в здании Университета Святого Владимира, между 12 и 1 часом дня были расклеены пять прокламаций: у главного подъезда, в коридорах второго и третьего этажей и две в курильной комнате, печатанные на гектографе, на малороссийском языке, с обращением к студентам малороссам. Прокламации эти были сейчас же сорваны и доставлены Ректору, который их уничтожил. Лекции во всех аудиториях прошли в полном порядке, никаких волнений и беспорядков не было. Кто расклеил прокламации, пока не выяснено. Подлинная прокламация доставлена Начальнику Губернского Жандармского Управления.

Пристав *(підпис)*

№ 2
Листівка до студентів-українців російською мовою

Копія

Товарищи.

1906 год из политического, хотя к сожалению и кратковременного освобождения обывателей «великой тюрьмы народов», которую называют Россией, принес и нам, украинцам, открытый лист в сфере проведения в жизнь тех национально-политических и социально-экономических принципов, которые намечены прогрессивными украинскими кружками. Украинство, на которое до настоящего времени мало обращало внимания русское общество, признавая его узко-национальным, вышло теперь на широкий путь всемирного освобождения народов, домогаясь и себе места в том свободном социально-национальном строе, какое имеет осуществиться. Значительное число национально-культурных товариществ покрыло густою сетью всю Украину; научные кружки, задавшиеся целью поставить украинское движение на почву чистой науки и придать ей активный характер прогрессивной мысли; сила украинских изданий, задавшаяся целью нести неугасимый свет народовластья и автономии в духовную тьму нашего народа, наконец, пышный расцвет и популяризация украинской национальной идеи среди широких масс общества; все это были средства, ведущие к той цели, о которой говорил и Драгоманов в своих знаменитых словах: национализм в средствах, а космополитизм в целях; все это убеждает нас в живучести и в жизненной необходимости украинского возрождения, не того, которое выду-

мывали романтики украинофилы 40-60 годов, а того, которое является народной потребностью и которое вытекает, с одной стороны, из демократических течений украинской жизни, а с другой, из поэзии Шевченка. Реакция уже сделалась хозяином положения. Поборники народной темноты отнимают от украинства те приобретения, которые достигнуты в течение десятилетий лучшей кровью сынов Украины. Правительство, почуявши свой перевес над народом, его стремление к свободам, вступило уже раз на путь захвата украинских сокровищ, последовательно, решительно доводит до своего кульминационного пункта в деле подавления запросов украинского народа. Циркуляр Столыпина против украинских товариществ — это логический вывод из агрессивной политики узко-национального правительства. Момент, Товарищи, момент исторической важности. Очень может быть, что скоро под напором агентов правительства погибнут наши просвиты, пресса и все то, в чем проявляется украинская мысль. Будем же готовы к этому факту в этой державе всяких случайностей и пусть это мерзкое дело будет импульсом для организаций для упорного труда и для того тесного объединения, которого так не достает в нашей жизни полной бездеятельности индеферентизма, при наличности общественной реакции. На нас, на Украинскую молодежь смотрят с надеждой старшие поколения Украинской интеллигенции, которые уже неоднократно делали свое дело. Оправдаем же надежды наших отцов. Понесем свет в темный народ, как это было до революции в тесных кружках, создавая себе самопомощь. Объединяйтесь, товарищи, в Украинскую Студенческую Громаду нашего Университета. Громада — это организация беспартийная, задавшаяся целью объединить все прогрессивные элементы в Университете под флагом признания автономии Украины и других требований Украинского народа. Громада ставит для себя целью объединить студентов Украинцев на национальной почве без различия политических убеждений, пробуждение национального самосознания сильно руссифицированного студенчества и темного славянства и право политического самоопределения — вот главные задачи Украинской студенческой громады. Объединяйтесь товарищи, в тесные товарищеские кружки под знаменем громады. Пусть этим братством и его сильными трудами воскреснет Украина.

№ 3
Листівка Товариства «Студентська Українська громада у Києві»

Копія

Товариші!

1906-ий рік, рік політичного, хоч, на жаль, тимчасового визволення мешканців величезної «тюрми народів», що звемо Росією, приніс і нам, українцям, cartu blanche в сфері переведення в життя тих національно-політичних і соціально-економічних постулатів, котрі намітила прогресивна українська думка. Українство, на котре досі не зважало російське поступове громадянство, рахуючи його узьким провінціалізмом, — війшло тепер на широкий шлях всесвітнего визволення народів (слово не разобрано)*, домагаючись і собі місця в майбутнім раюванні соціально і національно вільної людскости. Значне число національно-культурних товариств, що з першим подихом волі густою сіттю вкрила Україну; наукові заклади, шо намірились поставити українство на обьективної* грунт чистой науки, узброіти його непохитними данними новіщої прогресивної думки; українських часописів, що завдались ціллю нести незаплямоване світло народолюбства й автономизму в духовну темряву нашого народу; нарешті, буйній розцвіт і популярізація Українской національной ідеї серед широких масс нації — все це були шля-

* *Так у тексті.*

хи до мети, котру поставив М.П. Драгоманов в своїх знаменитих словах: «национализм в средствах, космополитизм в целях», все це як найкраще доводить всю живучисть і життеву необхідність національно-вкраінского відродження, котре витворили не романтичні заходи украінофильства 40-60-х років, а органична народня потреба, що мала собі вислов, з одного боку — в прогресивно-демократичних течіях украінского життя, з другого, в поезіи Т.Г. Шевченко. Але історія повторюється... Реакція вже зробилась «хозяином положения». Побирники народної темряви одбірають од украінства ті здобуткі, що протягом довгих десятиліттів виборото кровью кращих синів України... Правительство, почуваючи свою перемогу над народом в його пориванні до вільного житія, раз ступивши на шлях винищування українських культурних цінностів, — безумовно, послідовно дійде до свого кульмінаційного пункту в диле нехтування природних потреб Українской нації. Циркуляр Столипіна проти украинских культурних товариств — це логічній висновок всієї агресивної політики вузько-націоналістичного правительства. Момент, товариші, історичної ваги і можливо, що незабаром под натиском вірних агентів правительства згинуть наші «просвіти», преса і взгалі всі прояви Українского національного життя... Будьмо ж приготовани до цего можливого факту в державі «не одних етіх можливостей», і хай ця мерзена подія буде тим імпульсом до организованости завзятой праці и тіснішого єднаня, которого так бракує в сучасній атмосфері млявости і бездіяльности в темну добу громадскоі реакціи; на нас, украиньску молодь, з надією позирають старші поколиння Українской інтеллігенції, котри вже виконалі свої історічні завдання. Справдимо ж мрії наших батьків! Як до революціи, в тісних товариских гуртках здобуваімо соби самоосвіту, несімо проминнє світла помиж наш темній народ. Єднайтесь, товариші, в Україньску студенську громаду нашого университету! Громада — организація безпартійна і простує до наітиснішого сполучення прогресивних елементів в университеті під умовою признання автономії України та інших постулатів українской національно-політичної думкі. Громада ставить собі метою єднання студентів на національним грунті без рижніці политичних поглядив и походження. Національне освидемлення зрусифікованого студенства темного селянства заходе коло самоосвіти і студентської громаді. Їднаймось, товариші, в тисні товариські гурткі під прапор громаді. Іднаймося, братаймося в товариство чесне. Хай братерством і щирими трудами Вкраіна воскресне.

(место печати) Товариство Студентска Украинска Громада в Кіиві.
С подлинным верно *(підпис)*

№ 4
Донесення начальнику Київського губернського жандармського управління про неможливість виявити авторів листівки. 18 жовтня 1910 року

18 октября 1910 г. на № 16822

Начальнику Киевского губернского жандармского управления

Доношу Вашему Превосходительству, что сведений об изготовлении и кем именно прокламаций на малорусском наречии, обнаруженных педелем в здании Киевского Университета, в Отделении не имеется и агентурных указаний не поступало.

Подполковник Кулябко *(підпис)*

№ 5
Донесення жандармського пристава начальнику Київського охоронного відділення про україномовну листівку. 15 жовтня 1910 року

15 октября 1910
№ 5659

Секретно
Начальнику Киевского
Охранного Отделения

Препровождаю Вашему Высокоблагородию прокламацию на малорусском языке, найденную сего 15 октября в 3 часа дня, в количестве 2-х экземпляров, в здании Университета Св. Владимира, и уведомляю, что мною вместе с сим за № донесено Начальнику Киевского Губернского Жандармского Управления, Прокурору Суда, а 2-й экземпляр представлен Киевскому Полицеймейстеру.

Пристав *(підпис)*

№ 6
Листівка нелегальної Української громади. 10 жовтня 1910 року

Товариші!

З недобрим передчуттям вступаєм ми в біжучий рік. Утиски і репресії над українським рухом ніколи власне не припинялись; але останніми часами вони все збільшуються й збільшуються, набувають особливої сили. На наші інстітуції просвітні сиплються заборони за заборонами, на наші часописи все частіше падають штрафи і конфіскати. І мимоволі встають перед нами сумні привиди 70-х, 80-х років. Доводиться ждати найтяжчих утисків над усіма проявами нашого життя. Бо як тоді так і тепер панує реакція, а реакція в нашій державі ніколи меж не знає. Ми бачимо, як широко роз'ясняються «свободи», як ціркуляр топче закон, а крамольним «інородцям» доводиться зазнавати тяготу централістичного кулака, цього великого пужалка російського урядування.

Між тим в народі і під гнітом правительственних репрессій іде своє життя. Народ сподівається. Стає можливим заснування кооперативних товариств та инших економічних закладів. Народові так необхідна тепер робота інтеллігентних сил, котра б піднесла його економично і розвинула національно. [...]

Товариші! Ми повинні бути такими робітниками. Що ж ми? Чи прислухаємось ми до голосу народа, чи готові стати в допомозі йому? Ні, роз'єднані і дезорганізовані [...] Ми одійшли од потреб живого життя. Охоплені академізмом, ми забули, що наше місце між народу [...].

Але щоб бути приготованими до такої відповідальної місії, нам самим треба самоосвіти, організованности, єднання. Офіціальна школа засліплена однобокою політичною тенденцією, нездатна допомогти нам в нашім пориванні до реальної практичної роботи.

І коли неможлива така самоосвіта в університеті — в тісних товариських гуртках здобуваймо її!

Коли не дають організуватися легально — єднаймося в нелегальну Українську Громаду.

Не забуваймо про свою повинність перед народом! Несім йому світло науки і знання!

10/X. [19]10 р.

ЦДІАК, ф.275, оп.1, спр. 2044, арк. 20-23, 41-44.

X

П. Плющ
Перший викладач історії української мови в Київському університеті

[...] Один час в старому Київському університеті історія української мови викладалася навіть як окрема наукова дисципліна. Ідеться про 1913/14 навчальний рік. У цьому році, як довідуємося про це з «Обозрения преподавания на историко-филологическом факультете» нашого університету, приват-доцент Володимир Олексійович Розов* читав заліковий спецкурс «История малорусского наречия и его говоров» (2 год. на тиждень)[1].

Сама українська мова в Київському університеті, як і в інших університетах, звичайно, не викладалася, тільки елементи її діалектних особливостей включалися як окремий розділ в загальний курс російської діалектології.

На превеликий жаль, в нашому розпорядженні нема даних (авторського тексту або студентських записів), на підставі яких можна було б вичерпно судити про зміст зазначеного курсу, методичну його побудову І його науково-теоретичний рівень. Про це можна лише здогадуватися. Дуже ймовірно, що певну частину спецкурсу «История малорусского наречия и его говоров» становив матеріал пробної лекції Розова «Значение грамот XIV и XV веков для истории малорусского языка», читаної ним у 1907 р. на одержання звання приват-доцента — матеріал, який пізніше, у 1913 р., у поширеному обсягу був опублікований під назвою «Исследование языка южнорусских грамот XIV и пер-вой половины XV веков» (близько 90 сторінок) в «Университетских известиях»[2].

---

* **Розов Володимир Олексійович** (1876-1940) — мовознавець, педагог.

Народився 15 липня 1876 р. у Києві. Закінчив І Київську гімназію (1896) та слов'яно-руське відділення історично-філологічного факультету Університету св. Володимира (1902, диплом 1-го ступеню). За твір «Пушкін і Гете» нагороджений золотою медаллю ім. О.С. Пушкіна. У 1902-1903 рр. викладав старослов'янську мову в Київському художньому училищі. У 1903-1906 рр. — професорський стипендіат. 1906 року — приват-доцент кафедри російської мови і словесності Університету св. Володимира. Вів курси старослов'янської мови, історії мови, діалектології, давньої та нової російської літератури а також спецкурс історії української мови та її говірок. 1916 р. — екстраординарний професор Ніжинського історично-філологічного інституту. 1918 року — екстраординарний професор кафедри слов'янської філології Таврійського університету (Сімферополь). Того ж року виїхав за кордон, професор російської мови та літератури на філологічному факультеті в Скоп'є. 1930 року — професор Загребського університету. 7 січня 1928 р. захистив дисертацію «Волинський діалект XV ст. в грамотах Свидригайла» на ступінь доктора філософії та філології в Люблянському університеті. 1929 р. — учасник 1-го з'їзду слов'янських філологів у Празі.

Помер 21 травня 1940 р. в Загребі.

Основні праці (близько 100): «Значение грамот XIV и XV веков для истории малорусского языка» (1907), «До староруської діалектології (іще до питання про галицько-волинське наріччя» // ЗНТШ. 1907. Т.77. Кн.3; «Новейшие направления русской лингвистики в деле изучения древних русских и церковнославянских памятников в связи с общим ходом развития европейского языкознания» (1908); «Пушкин и Гете» (1908); «Исследование языка южнорусских грамот XIV и первой половины XV веков» (1913), «Язык южнорусских грамот XIV-XVI веков» (1929), «Южнорусские грамоты» (1917), «Украинские грамоты XIV и перв. пол. XV в.» (1928).

Залишилися в рукописах: «Язык южнорусских грамот XIV-XV вв.» (монографія), «Указатель собственных имен и географических названий», «Лексический указатель грамот» (1600 слів, перелік граматичних форм і варіантів).

Архів: Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні НАНУ. Фонди; Институт русского языка РАН. Библиотека.

Література: Гринчишин Д. Володимир Олексійович Розов (100-річчя з дня народження) // Мовознавство. 1976. № 5. С.89-91; *Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды: Биобиблиогр. словарь. Минск, 1978. Т.3. С.167-168.

Друга частина цієї праці під назвою «До староруської діалектології. Іще до питання про галицько-волинське наріччя» була, проте, надрукована в перекладі на українську мову ще в 1907 р. в «Записках Наукового товариства імені Шевченка», що дає непохитну підставу для припущення про те, що на момент читання свого спецкурсу В.О. Розов мав уже цілком опрацьований текст «Исследования».

Говорити про інші сфери педагогічної роботи В.О. Розова в Київському університеті не входить в наше завдання. Зауважимо лише, що, хоч він і викладав ряд інших наукових дисциплін в університеті, однак спецкурс «Історія малоруського наріччя і його говірок» не був випадковим епізодом у педагогічній діяльності В.О. Розова. Адже, як відомо, саме історії української мови та збиранню і публікації її пам'яток В.О. Розов присвятив найбільше уваги і творчих зусиль, саме завдяки цьому уславився він як учений, як один з основоположників українського мовознавства. Зазначений спецкурс В.О. Розова, безперечно, був наслідком його наполегливого вивчення історії української мови. Тому й не можна обійтися тут принаймні без короткої характеристики тих праць В.О. Розова з історії української мови, які дають нам найяскравіше уявлення про творче обличчя вченого.

Перші публікації праць В.О. Розова з історії української мови припадають на літо 1907 р. В цей час були надруковані «Значение грамот XIV и XV веков для истории малорусского наречия» (пробна лекція на історико-філологічному факультеті Київського університету — «Университетские известия», 1907, № 5, травень, К.), «До староруської діалектології. Іще до питання про галицько-волинське наріччя» («Записки Наукового товариства імені Шевченка», т. XXVII, кн. 3, 1907) і «Трилогія проф. А. Кримського» (Там же, т. XXVIII, кн. IV, 1907). Пізніше, через шість з лишком років, була опублікована ще одна праця В.О. Розова — «Исследование языка южнорусских грамот XIV й первой

половины XV веков» («Университетские известия», 1913, №10, жовтень, і № 12, грудень). Всі ці праці В.О. Розова в основному присвячені критичному аналізові праць акад. О.І. Соболевського про т. зв. «нове ѣ» і такому ж розглядові праць його опонентів.

Перша з цих праць — пробна лекція — є своєрідною інтродукцією до інших перелічених праць В.О. Розова, являючи разом з цим певною мірою екстракт цих статей. (Матеріал їх, на час пробної лекції В.О. Розова, очевидно, навіть текстуально був уже оформлений автором, отже, пробна лекція В.О. Розова є, по суті, дуже стислим конспектом згаданих його статей, звичайно, з деякими відступами від них і використанням стилістичних прийомів, зумовлених жанром наукової лекції).

На початку лекції дається визначення поняття «грамота» («Грамотами називаються писані пам'ятки старовини, що закріплювали акти дипломатичного і юридичного характеру...», стор. 3)[3] і доводиться значення грамот при вив-

ченні історії російської мови. (Українська мова в лекції вважається згідно з офіціальною тодішньою точкою зору «малорусской ветвью» «общерусского языка»). При цьому автор, відображаючи погляди тогочасних передових мовознавців (акад. Шахматова й ін.), з одного боку, в основу історичного вивчення російської мови кладе дослідження всіх її сучасних живих говірок, з другого — свідчення мови давніх її пам'яток.

Пріоритет грамот в історичному вивченні російської мови автор слушно доводить тим, що грамоти, «походячи з різних областей руської землі, дають важливий матеріал для характеристики всіх головних руських говорів» і що «в грамотах майже непомітно церковнослов'янського елементу, вони писані на живих місцевих наріччях» (стор. 6).

Після такого вступу весь дальший зміст лекції присвячується викладові теорії «нового ѣ» Соболевського в поєднанні її з гіпотезою про прикарпатське походження українців (ця гіпотеза становить новий варіант аналогічної гіпотези Погодіна, висунутої ним у 50-х роках XIX ст.), а також короткій характеристиці нової полеміки навколо гіпотези Погодіна — Соболевського.

Зазначена полеміка розгорнулася, як відомо, не стільки навколо чисто лінгвістичної природи «нового ѣ», скільки навколо гіпотези Соболевського про великоруський характер людності і мови давнього Києва і Київської області та про відсутність на цій території українського елемента до кінця XV ст. На думку Соболевського, українці тут «населення прийшле, що прийшло приблизно в XV ст. сюди з заходу, з Поділля, Волині та Галичини, й асимілювало собою рештки старого Київського населення»[4].

Щодо теорії Соболевського про звукову природу «нового ѣ» в давніх пам'ятках південноруського походження, то вона була схвально сприйнята такими найвидатнішими тогочасними вченими, як акад. Шахматов і акад. Ягіч. В лекції наводиться таке твердження Шахматова про «нове ѣ» Соболевського: «Це відкриття Соболевського, одне з найблискучіших в історичному дослідженні нашої мови, поклало тверді підвалини для вивчення історії малоруського наріччя» (11 стор.). Як зазначає Розов, більшість учених слідом за Шахматовим і Ягічем теж поділяли погляд Соболевського на звукове значення «нового ѣ» і відображення цього значення в сучасній українській мові (хоч були й такі, що заперечували цей погляд, як, наприклад, Шимановський, який не визнавав за «новим ѣ» звукового значення, вбачаючи в ньому штучну орфографію галицько-волинських писців старого часу, і Житецький, який іронізував з Соболевського за розпливчастість його уявлення про звукову якість «нового ѣ»).

Якщо більшість учених-мовознавців згодилися з Соболевським у трактовці звукового значення «нового ѣ», то майже всі тогочасні мовознавці, історики й історики літератури (Шахматов, Житецький, Антонович, Дашкевич, Владимирський-Буданов, Леонтович, Драгоманов, Колесса, Мочульський, Лобода та ін.) гостро засудили спробу Соболевського гальванізувати погодінську гіпотезу про прикарпатське походження українців на основі відкриття Соболевським «нового ѣ» в групі давніх пам'яток, названих ним в угоду цій гіпотезі не українськими, а галицько-волинськими. По-перше, це не відповідає історичним даним про давнє населення Києва і Київської землі, по-друге, було доведено, що сам давньокиївський говір, безперечно, мав ряд характерних рис, які пізніше успадкувала взагалі українська мова, а не лише її галицько-волинське наріччя. З цього приводу в лекції наводиться, між іншим, твердження про те, що Шахматов зараховував «давній говір киевлян до числа північномалоруських, перехідних до південновеликоруських» (стор. 10).

Найпалкішим супротивником теорії Соболевського про звукове значення

«нового ѣ» і застосування її для обгрунтування погоді нської гіпотези В.О. Розов небезпідставно вважає А. Кримського. (Справді, Кримський в полемічному запалі здатний був навіть твердити, що «галицько-волинське ѣ вигадане п. Соболевським»). Розглядові праць А. Кримського, спрямованих проти теорії «нового ѣ» Соболевського та проти гіпотези Погодіна-Соболевського, і присвячується весь дальший виклад лекції.

Авторові імпонує темпераментність і наполегливість А. Кримського як опонента Соболевського, але він не згоден з антинауковими прийомами його полеміки. Ці прийоми полягають у тому, що, всупереч істині, Кримський усі церковно-релігійні пам'ятки, зараховані Соболевським до «галицько-волинських», оголосив зовсім не українськими пам'ятками, а пам'ятками переважно білоруськими, новгородськими чи псковськими. Він намагається довести, що ті особливості цих пам'яток, які до того часу вважалися українізмами, не мають вирішального значення, бо їх можна нібито пояснити також і на грунті білоруського, новгородського, псковського або іншого східнослов'янського і навіть несхіднослов'янського наріччя. Цим самим він бездоказово намагався заперечити відкриття «нового ѣ» Соболевським, бо після цього, як сказано в лекції, «вживання ѣ», приписуваного Соболевським малоруським рукописам, перестає бути малоруським, а виявляється властивим і іншим руським наріччям» (стор. 13).

Особливо тенденційно-антинауковим Розов вважає твердження Кримського про відсутність «нового ѣ» в давніх українських грамотах XIII-XV ст. (Цим Кримський хотів остаточно дискредитувати відкриття Соболевського: адже відсутність «нового ѣ» в грамотах була б незаперечним доказом відсутності його і в живій народній українській мові цього часу). Тому вся прикінцева частина лекції присвячена розвінчанню цього твердження Кримського (твердження голослівного, яке, незважаючи на свою обіцянку, він довести, розуміється, не міг).

На підставі старанного аналізу мови давніх українських грамот автор лекції дає докладну характеристику критеріїв розрізнення українських грамот від грамот білоруських. (До вирішальних критеріїв Розов вірно зараховує такі фонетичні явища в українських грамотах, як змішування **і — и**, змішування **ы — и**, як «нове ѣ» або **ю** замість **е** перед зниклим слабким глухим, а також **у** замість **о** у тій же позиції.) «Ці **у** і **ю**, — зауважує автор лекції, — є спробою передати дифтонг, що заступив довгі **о** і **е**, що розвинулися в такій позиції» (стор. 18).

Закінчується лекція таким незаперечним загальним висновком про особливості мови давньоукраїнських грамот: «...все сказане достатньо свідчить про те, що малоруські грамоти, всупереч твердженню Кримського, безперечно знають систематичне вживання «нового ѣ» і цілком підтверджують блискучу гіпотезу Соболевського. Але більш того, якщо ми придивимося до місцевостей, де виникали ці грамоти, то побачимо,

Агатангел Кримський

що це ѣ не тільки галицько-волинське, воно було в ходу на всій території Південної Росії, не виключаючи Чернігова й Сіверщини» (стор. 29). Зважаючи на те, що мова грамот дуже зближена з розмовною українською мовою, все це є переконливим свідченням того, що «нове ѣ» було характерною рисою тогочасної живої народної української мови, причому на всій території сучасних українських земель, а не тільки в Галичині і на Волині, як це намагався довести Соболевський на підтвердження погодінської гіпотези про пізнє заселення Києва і Київської області українцями.

Як зазначалося, крім пробної лекції, опублікованої влітку 1907 р., в цей же час, в перекладі на українську мову, в «Записках Наукового товариства імені Шевченка» були надруковані також статті В.О. Розова «До староруської діалектології. Іще до питання про галицько-волинське наріччя» і «Трилогія проф. А. Кримського». Перша з них є дослівним українським перекладом тієї частини статті В.О. Розова «Исследование языка южнорусских грамот XIV и первой половины XV веков», яка була опублікована через шість з половиною років в «Университетских известиях» (1913, № 12). Точніше, це був переклад не всієї частини, а лише перших її 32 сторінок — до слів «Новое оживление в литературе, повященное малорусскому наречию, вызвала «Украинская грамматика» Кримського — в обрамленні вступного й заключного абзаців, доданих автором до перекладу з стилістичною метою.

Оскільки стаття «До староруської діалектології» є лише українським перекладом фрагменту статті «Исследование языка южнорусских грамот XIV и первой половины XV веков»[5], нема потреби на ній зупинятися спеціально.

«Трилогія проф. А. Кримського», навпаки, заслуговує окремого розгляду. Вона присвячена докладній характеристиці таких трьох основних праць А. Кримського («трилогії»), спрямованих проти теорії «нового ѣ» Соболевського і гіпотези Погодіна-Соболевського про прикарпатське походження українців: «Филология и погодинская гипотеза» (в 1898-1899 рр. ця праця була надрукована в «Киевской старине», із значними переробками і доповненнями окремим відбитком вийшла потім в 1904 р.); «Деякі непевні критерії для діалектологічної класифікації староруських рукописів» («Науковий збірник, присвячений проф. М. Грушевському...», Львів, 1906) і «Древнекиевский говор» (Изв. отд. русского языка й словесности Имп. Академии Наук», 1906, т. XI, кн. 3). Незважаючи на серйозні хиби цих праць А. Кримського, В.О. Розов дуже високо ставить їх, підкреслюючи, що вони посідають «визначне місце серед розвідок останнього десятиліття». Цим мотивує він і потребу окремого докладного аналізу його праць, хоч коротко, за його словами, він уже торкався їх у своїй статті «До староруської діалектології».

Приступаючи до розгляду першої праці з трилогії Кримського — «Филология и погодинская гипотеза» (в редакції 1904 р.), В.О. Розов підкреслює

спочатку її загальні негативні риси: композиційну хаотичність праці і «крайньо різкий тон, який не відповідає ані заслугам Соболевського для російського язикознавства, ані гідності наукового розсліду» (стор. 147). Далі йде докладний критичний переказ цієї праці Кримського, яка складається з таких чотирьох розділів: «Что такое галицко-волынская гипотеза и как смотрят на нее ученые»; «Отношение г. Соболевского к малорусской речи и степень его знакомства с нею»; «О способах, которые г. Соболевский предлагает, сверх сличения рукописей, для поддержания своей гипотезы»; «Киевские и мнимокиевские памятники XI-XV вв.».

Найціннішим з наукового погляду, на думку В.О. Розова, є четвертий розділ «Филологии и погодинской гипотезы» під назвою «Киевские и мнимокиевские памятники XI-XV вв.». В ньому Кримський робить аналіз мови відомих в науці пам'яток, що правильно або помилково пов'язуються з Києвом і Київською областю: пам'яток домонгольського періоду (Ізборники Святослава 1073 і 1076 рр., Пандекти Антіоха XI-XII ст., Мстиславове і Юр'ївське євангелія, Юр'ївська грамота 1130 р., Успенський збірник XII-XIII ст., Архангельське єв., Рум'янцевська ліствиця XII-XIII ст., Сказаніє Іполіта про Антихриста XII-XIII, Оршанське єв. і Тріодь Мойсея Киянина) і післямонгольського періоду, (Київська Псалтир 1397 р., євангеліє 1411 р., вкладна князя Долгодата Долгодатовича 1427 р., грамота князя Андрія Володимировича 1446 р., грамота київського князя Семена Олельковича 1459 р. і грамота стародубського князя Олександра Патрикийовича 1400 р.).

Підсумовуючи аналіз мови пам'яток домонгольського періоду, зроблений Кримським, В.О. Розов твердить: «Таким чином, Кримський заперечує (і, як ми виділи, по більшій часті з серйозних причин) київське походження всіх пам'яток, які Соболевський зачисляє до київських, окрім Ізборників Святослава 1073 і 1076 рр. Але і в них він вмів виказати присутність малорусизмів і брак явних великоруських прикмет» (стор. 153). Щодо пам'яток післямонгольського періоду, то аналіз їх мови В.О. Розов вважав менш цінним, якщо не рахувати «не злий начерк українізмів грамоти київського князя Семена Олельковича, котрих вправді не заперечує і Соболевський» (стор. 153). Отже, «Кримському вдалося довести українізми тільки в грамоті князя Семена Олельковича» (стор. 154). Взагалі ж В.О. Розов підкреслює, що стаття Кримського «Филология и погодинская гипотеза» «розбили ті підстави, на яких трималася київська гіпотеза Соболевського, і останньому довелося шукати інших пам'ятників і інших доказів для відбудування тої гіпотези наново» (стор. 154).

Другу працю з трилогії Кримського — «Деякі непевні критерії для діалектологічної класифікації староруських рукописів» — В.О. Розов вважає значно нижчою в науковому відношенні, ніж «Филология и погодинская гипотеза». В цій праці Кримському «всміхалася ідея зробити з так званими «галицько-волинськими» пам'ятками те саме, що раніше він зробив з київськими» (стор. 155), тобто ідея заперечити їх українське походження. Так, він намагається тут довести російське, а не українське походження Полікарпового євангелія 1307 р., штучно приписуючи такі незаперечні риси його української приналежності, як «нове ѣ» та форми «воода», «вооци» — мові північного великоруса, зокрема псковича. Так само намагається він довести неукраїнське походження тих «галицько-волинських» пам'яток, які мають **оу** і **ю** замість **о** і **е** перед складом із зниклим глухим (Добрилове єв. 1164 р., євангеліє кол. Московської Синодальної типографії XII-XIII ст. і Часослов XIV ст. кол. Петербурзької Публічної бібліотеки), і таких пам'яток, як Служебник Варлаама Хутинського XII ст., Поученій Єфрема Сіріна 1492 р., Виголексинський збірник XIII ст. та ін.

Всі ці докази неукраїнського походження згаданих пам'яток, зауважує Розов, мають тенденційний, штучно-однобічний характер: вони грунтуються на казуїстичному принципі, згідно з яким українські пам'ятки оголошуються Кримським новгородськими, псковськими і будь-якими іншими на підставі різних несуттєвих мовних рис, після чого і «нове ѣ» в цих пам'ятках оголошується неукраїнською рисою, вірніше, фіктивною рисою, вигаданою Соболевським.

Третя праця з трилогії Кримського «Древнекиевский говор», за відзивом В.О. Розова, є «безперечно найважніше з всього, що написав Кримський в цій справі, одна з найбільш талановитих і блискучих розвідок в цій області» (стор. 163). Вонаі є відгуком на статтю Соболевського «Древнекиевский говор»[6]. В ній Соболевський, що під впливом Шахматова і інших супротивників гіпотези відносно великоруського характеру Києва і Київської землі згоджувався вважати київський говір за перехідний від великоруського до українського або за мішаний, «не тільки відновляє свою гіпотезу в повнім об'ємі, але твердить, що кияни були великорусами ще в XVI в.» (стор. 163). Повернення Соболевського назад до своєї гіпотези сталося, очевидно, під впливом праць Лазаревського й Ключевського, які надзвичайно перебільшували спустошення Півдня після татарської навали і колонізацію його з заходу. З нових доказів на користь своїй гіпотезі Соболевський висуває той факт, що процес переходу первісних **о** і **е** в сучасне **і** є дуже складним; за Соболевським, він «не міг відбутися серед широко порозкидуваної людності, на значнім просторі території; він повинен був розвинутися серед збитого, більше густого залюднення, на невеликій розмірно території». Як твердить Соболевський, цей процес не міг «відбутися в двох кінцях південної Русі — і в Галичині, і в Київщині — самостійно, незалежно в однім місці від другого». «З цього, — підкреслює Соболевський, — один вивід: південноруська людність, що говорила вже на **і**, прийшла під Київ, в наддніпрянський степ, з заходу, з Поділля. Галичини, Волині, і тут асимілювала собою старих мешканців, в більшій чи меншій мірі незначних чисельно і порозкидуваних по території» (стор. 163-164).

Ці твердження Соболевського Кримський вважає настільки несерйозними, що лише побіжно спростовує їх, посилаючись на авторитет Потебні і Корша, які, навпаки, такої думки, що звук **і** (з кол. **о** і **е**) виробляється у Львові і Києві самостійно, незалежно один від одного і не в один час у різних говірках.

Так само Кримський обминає, як суто апріорне, не обгрунтоване переконливими доказами, твердження Соболевського про те, що давній київський говір був білорусько-великоруського типу. (Підставою для цього твердження Соболевський висуває власне гіпотетичне припущення про близькість мови Києва і Київської області до мови Дреговицької і Сіверської земель, на території яких згодом утворилися білоруські і російські говірки.) З більшою увагою поставився Кримський до перегляду Соболевським власної точки зору на склад пам'яток, які він вважає київськими. На цей раз безперечно київськими Соболевський визнав тільки Мстиславову грамоту 1130 р. та Ізборники Святослава 1073 і 1076 рр. В даному випадку Кримський на доказ українського походження цих Ізборників, крім раніше наводжуваних ним у різний час таких прикмет у них, як змішування **ѣ** з **й** та **ы** з **и**, навів ще низку нових — перехід **е** в **я** перед м'якими складами, перехід **е** в **о** після шиплячих і йота перед твердими складами та ін.

Гостро полемізує Кримськии з Соболевським і з приводу пам'яток, які, за Соболевським, належать до київських, але дійшли до нас в некиївських копіях (Початковий літопис і Київський літопис в Лаврентіївському й Іпатіївському списках, Житіє Феодосія Печерського та ін.).

Соболевський на доказ великоруського характеру зазначених пам'яток висував також те, що в Початковому й Київському літописах слово «старѣй-

шина» вживається для означення однієї особи, тоді як в українській мові воно відоме нібито тільки в збірному значенні; слово «зоря» вживається там в значенні «зірниця», а в українській мові — тільки в значенні «звезда». Крім того, в українській мові відсутнє слово «лошадь». З другого боку, в цих літописах нема слів «кохати», «гай», «квѣт», які є в «галицько-волинських» пам'ятках. Кримському пощастило (в одних випадках вдаліше, в інших — слабкіше) в цілому спростувати твердження Соболевського про виняткову близькість лексики і синтаксису літописів до російської мови, показавши не меншу близькість їх і до української мови.

Закінчуючи розгляд статті Кримського «Древнекиевский говор», В.О. Розов підкреслює, що «в высокій степени цікава праця Кримського не тільки дуже переконуюче повалює нові доводи Соболевського на користь його гіпотези, але також дає ряд надзвичайно цінних відомостей про українську фонетику взагалі» (стор. 171).

Як і в попередніх своїх працях, В.О. Розов в даному разі, пунктуально-точно віддзеркалюючи полеміку Соболевського і Кримського в їх однойменних статтях «Древнекиевский говор» (для цього йому доводилося скрупульозно, слово за словом, вивчити зміст цих статей), завжди залишається на грунті шукання об'єктивної наукової істини, не виявляючи тенденційної симпатії до того чи іншого вченого і постійно картаючи, зокрема, Кримського за грубість і різкість тону його критики, якими він часто надолужує відсутність справжніх наукових аргументів.

Лишається ще сказати кілька слів про останню статтю В.О. Розова «Исследование языка южнорусских грамот XIV и первой половины XV веков». Як зазначалося, ця стаття була опублікована майже через шість з половиною років після його пробної лекції та схарактеризованих вище статей в жовтневому і грудневому номерах «Университетских известий» за 1913 р., хоч текст її, за всіма даними (первісно навіть в більшому обсягу порівняно до тексту в «Университетских известиях»), був уже підготовлений автором в російському оригіналі ще в 1907 р. Запізнення з опублікуванням «Исследования» в «Университетских известиях» пояснюється, очевидно, чисто технічними причинами.

За браком місця не будемо переказувати змісту цієї статті, оскільки він в цілому дублює зміст уже розглянутих праць В.О. Розова. Правда, в першій частині цієї статті дається дуже докладна характеристика полеміки між М.О. Максимовичем і М.П. Погодіним, яка точилася в 50-х роках XIX ст. навколо гіпотези Погодіна про великоруський характер стародавнього Києва та Київської області і прикарпатське походження українців. В інших працях В.О. Розова про цю полеміку є тільки побіжні згадки.

Усі статті В.О. Розова, стислий виклад яких було наведено вище, не є, як ми бачили, самостійними дослідженнями: вони являють собою лише ґрунтовний критичний переказ величезної наукової літератури, зв'язаної з полемікою навколо «нового ѣ» Соболевського. З цих статей, однак, виразно вимальовується обличчя їх автора як невтомного шукача наукової істини. В них молодий учений показав серйозну обізнаність з тогочасними передовими ідеями історичного вивчення розвитку мови, які він успішно приклав і до вивчення історії української мови. Виявив він і прекрасне знання спеціальної наукової літератури, а також уміння піддавати ґрунтовній критиці неправильні, на його думку, погляди зрілих учених-насамперед погляди Соболевського і Кримського, — лишаючись весь час на твердому ґрунті об'єктивних наукових даних і не поділяючи політичних тенденцій цих учених, яким вони штучно підпорядковували лінгвістичні факти, спотворюючи тим самим історію російського й українського народів, зокрема історію їх мов.

Правда, В.О. Розов уникає політичної кваліфікації таких течій, як великодержавний і місцевий націоналізм, ви-

разниками яких були Соболевський і Кримський, але сам він явно не поділяє політичних позицій обох цих учених. Він щиро обстоює насамперед наукову істину і сумлінність наукової полеміки. Це те наукове його credo, під знаком якого (з задоволенням можна це констатувати) відбувалася вся пізніша наукова діяльність В.О. Розова.

Самостійним лінгвістичним дослідженням є праця В.О. Розова «Исследование о языке южнорусских грамот XIV-XV вв. (волынских и др.)», що була ним захищена в Люблянському університеті (Югославія) в 1928 р. як докторська дисертація. Але, як не прикро, ця праця й досі не опублікована, хоч ми переконані, що вона має значну наукову цінність: запорукою цьому є незрівнянне знання автором українських грамот (частину їх він опублікував у збірнику, про який буде сказано нижче), а також його висока наукова ерудиція і хист.

Винятковою славою користується В.О. Розов як невтомний збирач українських грамот, які є найціннішим джерелом для вивчення мови ділового українського письменства і живої української мови XIV- XV ст. При підтримці О. Соболевського і О. Шахматова збірник українських грамот В.О. Розова був надрукований у Києві в 1917 р. коштом Російської академії наук. Уцілілий тираж цієї збірки (всього лише близько 200 примірників) пізніше було передано Академії наук УРСР, яка в 1928 р. й випустила цей збірник у світ під назвою «Українські грамоти. Том перший — XIV в. і перша половина XV в.». Тут з сумлінним додержанням орфографії оригіналів опубліковано 95 українських грамот (перша з них датована 1341, остання — 1459 р.)[7].

До праці додано «Общий словарь», в якому, проте, відсутні власні імена, що зустрічаються в грамотах. Цю прогалину автор надолужив пізніше у вигляді окремого словника, але не встиг його надрукувати. Кожній грамоті передують короткі відомості про місце її збереження, про розміри грамоти і матеріал, на якому вона написана, про тип її письма (устав, півустав), про час написання, час опублікування, а також про правописні особливості грамоти.

Наукова цінність збірника українських грамот В.О. Розова надзвичайна: він є настільною книгою історика України, історика української мови і дослідника правових відносин на Україні п XIV і XV ст.

Вісник Київского університету. 1959. № 2. Сер. філол. і журналіст., вип. 2. С. 142-150.

---

[1] В назві спецкурсу термін «українська мова» підмінений терміном «малоруське наріччя», оскільки перший ніяк не міг бути допущений в офіціальному розкладі імператорського університету.

[2] З передмови до цієї праці довідуємося, що автор друкує її як частину книги. Ця книга не була повністю опублікована в 1913 р., але, очевидно, була закінчена автором; є підстава гадати, що саме вона була захищена ним як докторська дисертація в 1928 р. в Люблянському університеті в Югославії.

[3] Тут і далі в дужках після цитат зазначаються відповідні сторінки тих джерел, в яких опубліковані праці В.О. Розова.

[4] Чтения в Историческом обществе Нестора летописца, т. II, 1888, стор. 216.

[5] Як зазначається в кінці статті «До староруської діалектології», її з російського рукопису, призначеного для «Записок», переклав Ів. Кревецький. (Переклад цей з мовного боку наслідує манеру тогочасної наукової мови галицьких учених.) Лишається незрозумілим, чому російський оригінал цієї статті з'явився в друці в 1913 році — на шість з половиною років пізніше, ніж його український переклад.

[6] «Изв. Отдел. русского языка и словесности Имп. Академии Наук», 1905, т. X, кн. 1.

[7] В Інституті мовознавства АН СРСР зберігаються фотокопії цих грамот, зроблені В.О. Розовим.

XI

Справа про відновлення на історично-філологічному факультеті курсу історії України
9 жовтня — 7 листопада 1916 року

№ 1
Запит київського губернатора ректору Університету св. Володимира. 9 жовтня 1916 року

Милостивый Государь Николай Мартинианович.

По встретившейся надобности, прошу Ваше Превосходительство не отказать сообщить мне, обсуждалось ли в мае текущего года на заседании историко-филологического факультета Университета Св. Владимира ходатайство группы студентов о введении отдельного курса по истории Малороссии и, в утвердительном случае, какое разрешение получило означенное ходатайство.

Прошу принять уверение в совершенном уважении и преданности.
(*Підпис*)

№ 2
Довідка декана історично-філологічного факультету професора Миколи Бубнова. 26 жовтня 1916 року

Его Превосходительству Господину Ректору

В ответ на запрос Вашего Превосходительства от 25 октября 1916 г. за № 1372 имею честь сообщить:

1. Что никакого ходатайства студентов о введении отдельного курса по истории Малороссии в мае текущего студентами не возбуждалось, а потому факультет не мог его обсуждать.

2. Что курс по истории Малороссии был объявлен по инициативе факультета в весеннем полугодии 1910 г. и был поручен приват-доценту Данилевичу.

3. Что, сколько мне помнится, группа студентов хлопотала в весеннем полугодии 1914 о восстановлении этого курса на 1914-1915 учебный год, когда составлялось обозрение преподавания, но такого курса факультетом не было более объявляемо.

Декан Н. Бубнов *(підпис)*

№ 3
Доповідна записка ректора київському губернатору. 31 жовтня 1916 року

Черновая

Ваше Сиятельство Милостивый Государь
Алексей Николаевич.

В ответ на письмо Вашего Сиятельства от 8 текущего октября за № 56247, имею честь сообщить, что декан историко-филологического факультета, ординар-

ный профессор Н.М. Бубнов на запрос мой по поводу того, обсуждалось ли в мае месяце сего года в историко-филологическом факультете ходатайство группы студентов о введении отдельного курса по истории Малороссии, дал нижеследующее объяснение: «Никакого ходатайства студентов о введении отдельного курса по истории Малороссии в мае текущего года не возбуждалось, а потому факультет не мог его обсуждать».

Курс по истории Малороссии был объявлен по инициативе факультета в весеннем полугодии 1910 года и был поручен приват-доценту Данилевичу. Сколько мне помнится, группа студентов хлопотала в весеннем полугодии 1914 года о восстановлении этого курса на 1914-15 учебный год, когда составлялось обозрение представления, но такого курса факультетом не было более объявлено.

№ 4
Уточнююча інформація декана історично-філологічного факультету про оголошення курсу історії України у першому семестрі 1916 р.
7 листопада 1916 року

Его Превосходительству
Господину Ректору

В дополнение к моей бумаге от 26 октября 1916 за № 303 спешу исправить вкравшуюся в мое сообщение неточность. Курс истории Малоросии был объявлен факультетом по постановлению на весну 1916 г. при двух часах, и чтение его поручено профессору Сташевскому.

Декан Н. Бубнов

ДАК, ф.16, оп.355, спр.64, арк.1-5.

Університет з Бесарабської площі. Листівка. Кінець XIX ст.

9
Політичні рухи

Справа про земляцтва в Університеті св. Володимира 1909-1911 років

№1
Замітка в газеті «Киевлянин». Лютий 1909 року

Членами партии академического порядка университета св. Владимира подано 5 февраля ректору университета св. Владимира Н.М. Цытовичу следующее заявление с просьбой доложить его совету профессоров:

«В настоящее время среди студенчества организуются так называемые «землячества», уставы которых поданы на утверждение совета профессоров. Быть может, в этих уставах нет ничего «противного существующим узаконениям и правилам», но совет партии академического порядка полагает, что разрешение студенчеству образовывать «землячества» и тому подобные организации, не носящие чисто научного характера, отзовется крайне неблагоприятно на спокойном течении академической жизни. Тот путь, по которому привыкли идти все студенческие организации, путь конфликтов и забастовок, будет несомненно избран и «землячествами», которые, в этом нет и не может быть сомнения, не откажутся от вмешательства в управление университетом, не откажутся от желания реагировать от имени студенчества на все события в политической жизни страны. Между тем организации студенчества нет никакой надобности: успешному прохождению студентами курса университетских наук она нисколько не способствует; кроме того, так как фактически ей принадлежит распределение денежных сумм, поступающих в пользу недостаточных студентов, то она является в высшей степени вредной и опасной. Распределение этих сумм, во-первых, глубоко пристрастно, во-вторых, заставляет все нуждающееся студенчество быть послушным орудием в руках организации, заставляет содействовать ей при «конфликтах» и в проведении «забастовок». Это может быть подтверждено тысячью примеров и вряд-ли может быть признано желательным».

№ 2
Пояснення ректора Університету св. Володимира. 28 лютого 1909 року

Февраля 28 дня 1909 г.
№ 752

Его Превосходительству Господину Попечителю
Киевского учебного округа

Вследствие предложения Вашего Превосходительства от 15 февраля сего года за № 7320 дать мое заключение по поводу заявления, поданного мне членами студенческой партии академического порядка о нежелательности допущения организации среди студентов так называемых «землячеств», имею честь объяснить нижеследующее.

Не отрицая того, что при известных обстоятельствах землячества и всякие вообще студенческие организации могут являться участниками беспорядков в Университете, я никак не могу согласиться с выраженным в поданном мне заявлении мнением, что разрешение студенчеству образовывать землячества неизбежно должно отозваться неблагоприятным образом на спокойном течении академической жизни. Те стремления, которые авторами заявления приписываются всем студенческим организациям — стремления к конфликтам, забастовкам и к вмешательству в управление университетом, в действительности присущи не землячествам, обнимающим отдельные группы студентов, происходящих из одного города или губер-

нии и преследующим цели взаимопомощи и товарищеского общения, но так называемым центральным организациям студенчества, имеющим претензию представлять интересы всех студентов данного университета. Такие органы, какое бы название они ни носили — коалиционный совет, совет студенческих представителей и т.п. образуются под влиянием посторонних академической жизни элементов и преследуют цели, чуждые действительным интересам университетов и студенчества, а потому представляют несомненную опасность для порядка и спокойного хода учебных занятий в университете. Что же касается землячеств, то, имея пред собою на первом плане вполне законные и действительные интересы отдельных небольших групп студентов — материальную помощь беднейшим товарищам и товарищеское общение, они могут существовать и без всяких посягательств на правильное течение академической жизни и на занятие вопросами, не касающимися непосредственно студентов. Можно сказать даже более: именно знакомство с действительными нуждами товарищей — с материальною нуждою, которая царит среди большинства их, — а также сближение их между собою на почве чисто товарищеских отношений способно прямо отвлекать членов землячеств от занятий политикой и ценить спокойное течение университетской жизни, дающее возможность скорее закончить университетский курс. В доказательство могу сослаться на пример существующего при Киевском Университете Кавказского землячества, которое не принимало никакого участия в октябрьских беспорядках прошлого 1908 года. Ни один из членов названного землячества не был замешан в этих беспорядках, представители же его прямо заявляли, что слишком дорожат интересами своих товарищей, чтобы позволять им играть роль пушечного мяса для руководителей беспорядков. Конечно, я не могу отрицать, что при известных внешних обстоятельствах и внутренних событиях университетской жизни землячества могут явиться участниками или даже инициаторами беспорядков. Такие случаи бывали раньше и вероятно встретятся еще в будущем. Но долговременный опыт доказал, что при наличности таких обстоятельств и событий беспорядки возможны независимо от того, существуют ли разрешенные студенческие организации или не существуют. Сами же по себе по своим непосредственным целям земляческие организации не являются угрозою университетскому порядку.

С другой стороны, я не могу согласиться с авторами поданного мне заявления и в том, чтобы в подобных организациях не было никакой надобности студентов. Правда, оне не способствуют успешному прохождению университетского курса, по крайней мере непосредственно. Но у студентов имеются и другие вполне законные интересы, помимо учебных.Таковы именно цели взаимопомощи и товарищеского общения. Большинство наших студентов принадлежит к недостаточным классам, а многие из них настолько бедны, что не могут существовать без помощи благотворительности. Есть и такие, положение которых граничит с настоящею нищетою: они не имеют теплой одежды и обедают не каждый день. По мере возможности им помогает Правление Унверситета и частные общества вспомоществования студентам. Но эта помощь недостаточна. При том же как Правление, так и частные общества не всегда имеют возможность узнавать действительно нуждающихся студентов и отличать их от притворных бедняков. Во всех этих отношениях деятельность студенческих землячеств может являться полезным дополнением к деятельности университетской и частной благотворительности, так как землячества собирают средства для помощи (путем взносов, путем пожертвований со стороны состоятельных лиц своего города и т.п.) и имеют возможность точно определять тех из своих товарищей, которые наиболее нуждаются в пособиях. При этом я не стану отрицать, что иногда при выдаче пособий землячествами могут играть роль партийные соображения. Но в виде общего правила такая партийность едва ли су-

ществует, так как землячества объединяют собою студентов различных направлений. При том же в данном отношении являются коррективом пособия, выдаваемые Правлением Университета и обществами вспомоществования студентам. Другая цель, которую преследуют землячества — товарищеское общение также вполне законна и полезна, так как многие студенты, являющиеся в университетский город из деревень или других городов, не имеют здесь ни родных ни знакомых. Замечу, что обе эти цели — взаимопомощь и товарищеское общение входят и в число задач партии академического порядка, от которой исходит поданное мне заявление. Партия, по видимому, не находит их лишними, хотя они и «не способствуют успешному прохождению университетского курса».

Изложенные соображения, как мне кажется, дают право заключить, что возможные дурные стороны земляческих организаций перевешиваются их хорошими сторонами и что в виду этого воспрещение таких организаций было бы нежелательно. Что же касается возможных уклонений землячеств от разрешенных целей, то их лучше пресекать прямыми мерами, закрывая те землячества, в которых обнаружены такие отклонения, и привлекать к ответственности виновных, нежели путем полного запрещения всяческих земляческих организаций. При всем том я не могу отрицать, что было бы гораздо лучше для университета, если бы всякие вообще студенческие организации, за исключением чисто научных, имели свое местопребывание вне университетов с разрешения и под наблюдением общей администрации. Но до тех пор пока это оказывается по тем или другим причинам невозможным и пока, с другой стороны, правила 11 июня 1907 года разрешают существование и собрания таких организаций в Университете, я полагал бы не удобным отказывать им здесь в существовании в известных пределах, определяемых законом и академическими интересами университета.

В заключение не могу не заметить, что я нахожу странным и неуместным заключение поданного мне заявления, в котором авторы выражают надежду, что в случае волнений и беспорядков им не придется вступать в борьбу с разрешенными Советом Университета организациями. Такая борьба вообще не может входить в число задач партии академического порядка и действия партии в этом направлении ничем, кроме лишних и крайне нежелательных осложнений в университетской жизни, не могут окончиться. Охрана порядка в Университете и пресечение незаконных действий со стороны студенческих организаций лежит на обязанности университетской администрации, которая для этой цели не останавливалась прибегать и к содействию губернских властей, когда оказывалось, что меры нравственного воздействия на участников беспорядка не приводили к удовлетворительному результату. При этом считаю не лишним добавить, что со времени прекращения беспорядков, происшедших в октябре 1908 года в Университете Св. Владимира, господствует полный порядок, — студенты усердно работают и охотно исполняют требования университетских властей. На запрос же Вашего Превосходительства относительно того, какое наблюдение имеется за деятельностью в Университете Св. Владимира научных кружков и землячеств, имею честь донести, что для надзора за всеми разрешенными студенческими собраниями назначаются помощники проректора, которые в том случае, когда есть основания предполагать отклонения от разрешенной программы, присутствуют в самом собрании студентов. Кавказское землячество находится под почетным председательством профессора Егиазарова. Библиотека студентов юристов подвергается от времени до времени внезапной ревизии ректора и проректора. Над научными кружками имеют общее наблюдение профессора соответствующих специальностей. Вырезка из газеты «Киевлянин» при сем возвращается.

Ректор Н. Цытович *(підпис)*

№ 3
Пропозиція Міністра народної освіти щодо дозволу діяльності та нагляду за земляцтвами. 10 квітня 1909 року

10 апреля 1909 г. Господину Попечителю Киевского учебного округа
№ 8377

Ваше Превосходительство препроводили в Министерство, в копии, представленный Вам ректором университета Св. Владимира отзыв по поводу поданного ему членами студенческой партии академического порядка заявления о нежелательности допущения среди студентов названного университета организаций, именуемых землячествами.

Разделяя, со своей стороны, по существу высказанное ректором соображение, что землячества, поскольку они действительно преследуют цели взаимопомощи и товарищеского сближения, не сопряжены с опасностью для академической жизни, я, к сожалению, должен указать на то прискорбное явление, что не только означенные организации нередко уклоняются к иным целям, представляя собою одно из звеньев общестуденческой организации и принимая в свой состав даже лиц, происходящих из различных местностей, но и так называемые научные кружки весьма часто ставят себе задачей политическую агитацию среди учащихся. При таких условиях в высшей степени желательно было бы вывести всякие студенческие организации из стен университета; но, пока действуют правила 11 июля 1907 года, это невозможно. А посему администрация университета должна ограничиться тем, что разрешать студенческие землячества и подобные им организации лишь с крайней осторожностью и тщательно следить за их деятельностью, не допуская частых собраний.

Министр Народного Просвещения *(підпис)*
Директор *(підпис)*

№ 4
Юридична довідка. Не раніше 1911 року

Справка к настольному № 4932 по вопросу о том, могут ли студенты университета св. Владимира, в виду ст. 7 правил 4 марта 1906 года, принимать участие в Обществах, образуемых на основании сих правил.

1) Действие правил 4 марта 1906 года об обществах и союзах не распространяется ... на общества, образуемые, с разрешения учебного начальства, учащимся в учебных заведениях из своей среды (ст. 4 правил, стр. 7 Сборника Роговина).

2) Несовершеннолетние, а также учащиеся в низших и средних учебных заведениях не допускаются ни к образованию обществ, ни к участию в них. Учащиеся в высших учебных заведениях могут быть допускаемы к образованию обществ, действующих вне учебных заведений, а равно к участию в таких обществах лишь на основаниях, особо определяемых в уставах подлежащих учебных заведений (статья 7 правил, стр. 9 того же сборника).

3) Студентам высших учебных заведений разрешается образовывать организации, преследующие цели, не противные существующим узаконениям и правилам. Уставы таких организаций утверждаются советом университета и соответствующею ему в других высших учебных заведениях коллегиально или единоличною властью (Уст. Уч. Зав. ст. 399 прим. 2, прил. по прод. 1908 г., стр. 46 того же сборника).

4) 10 февраля 1911 года за № 5358 представлено в Министерство о распростра-

нении на студентов действия правил 4 марта 1906 года об обществах и союзах. Ответа из Министерства нет.

Столоначальник *(підпис)*

ЦДІАК, ф. 707, оп. 158, спр. 79, арк. 46-46 зв., 50-50 зв., 56, 103.

Секретна справа про «Українське землятво» в Університеті св. Володимира. 2-11 вересня 1910 року

№ 1
Лист попечителя Київського учбового округу Петра Зілова до ректора Миколи Цитовича. 2 вересня 1910 року

Сентября 2 дня 1910 г.
№ 516

Его Превосходительству Н.М. Цытовичу
Доверительно

Милостивый Государь, Николай Мартинианович.

Министерство Внутренних Дел препроводило в Министерство Народного Просвещения экземпляр рассылаемого находящимся в С.-Петербурге «Центральным Украинским бюро» воззвания («Відозва») о подготовке следующей очередной конференции украинских студенческих организаций и при этом присовокупило, что означенное «Центральное Украинское бюро» является исполнительным органом, объединяющим существующие в С.-Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Харькове, Полтаве и Юрьеве «Украинские землячества», которые, считаясь беспартийными организациями, в действительности соединяют в себе лиц, принадлежащих ко всем политическим украинским партиям, начиная от радикалов и кончая украинскими социалистами-революционерами.

Петро Зілов. 1910 р.

Численное преобладание в данном землячестве членов, принадлежащих к какой-либо партии, налагает на все дела землячества и оттенок, свойственный этой партии.

По имеющимся сведениям, настоящее воззвание составлено в первой половине марта месяца сего года.

Сообщая об изложенном, на основании доверительного письма Управляющего Министерством Народного Просвещения, г*осподина* Товарища Министра, Действительного Статского Советника Г.К. Ульянова от 19 минувшего августа за № 282, покорнейше прошу Ваше Превосходительство сообщить мне необходимые для представления в Министерство Народного Просвещения сведения о

деятельности и организации «Украинских землячеств», существующих в университете Св. Владимира. Прошу принять уверение в совершенном уважении и преданности

П. Зилов *(підпис)*

№ 2
Відповідь ректора Миколи Цитовича попечителю Київського учбового округу Петру Зілову. 11 вересня 1910 року

Ректор
11 сентября 1910 г.
№93

Секретно
Его Превосходительству Г. Попечителю
Киевского Учебного округа

В исполнение доверительного письма от 2 сего сентября за № 516 имею честь донести Вашему Превосходительству, что в Университете Св. Владимира в числе легализованных студенческих кружков «Украинского землячества» нет, о нелегализованных же кружках, состоящих вне университета, я никаких сведений не имею.

№ 3
Лист ректора Миколи Цитовича до проректора В. Удинцева. 11 вересня 1910 року

11 сентября 1910 г.
№ 94

Г. Проректору Университета Св. Владимира
В.А. Удинцеву

Препровождая при сем для сведения в копии доверительное на мое имя письмо Г*осподина* Попечителя Киевского учебного округа от 2 текущего сентября за № 516 относительно существования в г. Киеве «Украинского землячества», имею честь уведомить Вас, что мною ... с сим донесено Г*осподину* Попечителю об отсутствии такого легализованного кружка при Университете Св. Владимира; что же касается кружков нелегализованных, состоящих вне Университета, то мною сообщено, что никаких сведений об этом в Университете Св. Владимира не имеется.

ДАК, ф. 16, оп. 465, спр. 339, арк. 113-114 зв.

Спроба заснування Київського студентського земляцтва
10 грудня 1912 року — 18 січня 1913 року

№ 1
Клопотання ініціативної групи. 10 грудня 1912 року

Его Превосходительству Г. Ректору
Киевского Университета Св. Владимира
Студентов Университета
Валентина Дмитриевича Атамановского,
живущего на Полицейской № 12 и
Семена Павловича Святенко, живущего в Военном госпитале

Прошение

Имеем честь покорнейше просить Ваше Превосходительство ходатайствовать

перед г. Губернатором о разрешении открыть нам Киевское землячество по прилагаемому при этом прошении уставу. В случае задержки в утверждении устава землячества из-за какого либо параграфа этого устава, покорнейше просим изменить или же вычеркнуть его совсем.

10 декабря 1912 г.
С. Святенко *(підпис)*
В. Атамановский *(підпис)*

№ 2
Проект Устава «Киевского студенческого землячества Университета Св. Владимира»

1. Общее положение

1. Цель землячества состоит в оказании материальной помощи товарищам.

2. Устав землячества может быть изменен лишь с согласия двух третей членов землячества.

3. Землячество, подчиняясь во всем общей административной власти, имеет печать с надписью: «Киевское студенческое землячество Университета Св. Владимира».

2. Члены землячества

4. Членами землячества могут быть студенты Киевского Университета, уроженцы Киевской губернии или воспитывавшиеся в одном из учебных заведений Киевской губернии.

5. Запись в члены производится комитетом землячества по заявлению кандидата и по рекомендации двух членов землячества.

6. Все члены пользуются правом решающего голоса на общих собраниях землячества.

7. Член землячества, не уплативший членских взносов в течении трех месяцев без причины, признанной уважительной комитетом землячества, исключается из состава землячества и может быть принят вновь лишь по внесении числящейся за ним недоимки.

8. При выходе из землячества членский взнос не возвращается.

9. Лица, оказавшие особо важные услуги землячеству, могут быть избираемы на общем собрании в почетные члены землячества.

3. Собрание землячества

10. Землячество созывается комитетом в общее собрание по мере надобности, но не менее двух раз в течение учебного года и обязательно в начале каждого семестра для выслушания отчета и сметных соображений комитета.

11. Комитет обязан созывать общее собрание землячества по заявлению одной пятой членов или ревизионной комиссии, не позже 7 дней со дня подачи заявления.

12. Общее собрание считается правомочным при наличности одной трети всех членов, находящихся в Киеве.

4. Комитет землячества

13. Для ведения дел землячества, в начале каждого учебного года общее собрание избирает из числа членов землячества комитет на предстоящий академический год, состоящий из председателя, его товарища, секретаря, казначея и их кандидатов.

14. Кандидаты членов комитета заменяют их в случае выхода их из членов ко-

митета до срока избрания или временного отсутствия ихъ, по старшинству полученных ими при избрании голосов.

15. Комитет собирается не менее одного раза в месяц для решения текущих вопросов, причем собрание его считается правомочным при наличности половины его членов, в том числе председателя или его товарища.

16. Комитет заведует кассой землячества, организует, на общих основаниях, концерты и тому под*обное* для увеселения землячества, распределяет пособия между нуждающими товарищами, дает справки о материальном положении их, оказывает содействие в приискании ими занятий и, вообще, является представителем землячества.

5. Средства землячества

17. Землячества составляются из обязательных взносов его членов в размере 75 коп. (семидесяти пяти коп.), вносимых в начале каждого семестра, а также из добровольных пожертвований, сборов с концертов, вечеров и т.п.

18. Из средств землячества ежегодно одна треть отчисляется в запасный капитал, а остальная же часть поступает в кассу взаимопомощи и на библиотеку учебных пособий и учебников, которою распоряжается комитет.

19. В конце каждого семестра комитет составляет подробный отчет о своей деятельности и о состоянии кассы, который представляет в первое общее собрание землячества следующего полугодия.

20. Общее собрание избирает ежегодно ревизионную комиссию из трех членов.

21. В случае прекращения деятельности землячества, ликвидация денежных дел землячества предоставляется решению общего собрания.

Проект Устава подписали студенты Университета Св. Владимира Валентин Дмитриевич Атамановский и Семен Павлович Святенко

С подлинным верно:
Секретарь Совета *(підпис)*

№ 3
Відповідь Київського губернатора на ім'я ректора. 18 січня 1913 року

Января 18 дня 1913 г.
№ 1112

Ректору Императорского
Университета Св. Владимира

На отношении Вашего Превосходительства от 28 декабря 1912 года за № 5386, с возвращением приложенного к нему проекта устава, имею честь уведомить, что с моей стороны не может последовать распоряжения о передаче означенного устава председательствуемому мною Губернскому Присутствию об обществах, на предмет регистрации в порядке, установленном Правилами 4 марта 1906 года, по следующим основаниям: Согласно ст. 7 означенных правил, учащиеся в высших учебных заведениях могут быть допускаемы к образованию обществ, региструемых Присутствием лишь на основаниях, особо определенных в уставе учебных заведений. Так как таковых оснований в уставе Императорского Университета Св. Владимира не указано, то и вопрос об организации студентами сего Университета Общества в порядке Правил 4 марта 1906 г., должен решаться отрицательно.

Удовлетворение же назревшей потребности в образовании общества взаимопомощи может последовать или в порядке Высочайше утвержденного положения Со-

вета Министров от 11 июня 1907 г. о студенческих организациях, или же в порядке, указанном ст. 5 Правил 4 марта 1906 года.

Губернатор,
Шталмейстер Высочайшего Двора *(підпис)*
Заведывающий делопроизводством
Присутствия *(підпис)*

ДАК, ф. 16, оп. 351, спр. 175, арк 1-6 зв.

Предварительное объявление студентам
(По распоряжению Г*осподина* Министра Нар*одного* Пр*освещения*)

1. В случае выяснившейся необходимости приостановить, в видах предупреждения или прекращения массовых беспорядков, учебные занятия в высшем учебном заведении, Попечитель учебного округа может, по ходатайству Начальника соответственного заведения, сделать надлежащее распоряжение. При этом утраченное для учебных занятий и экзаменов время возмещается на счет ближайших летних вакаций. Если, однако, приостановка занятий продлилась в общей сложности до 4-х недель в Университетах и до трех недель в специальных заведениях, то назначенный по общим правилам срок окончания учебного года не отодвигается на каникулярный период и экзамены не производятся, а все студенты II-го и старших курсов оставляются на следующий академический год на тех курсах, на которых состояли в данном году. В Университетах студенты I-го курса на тех факультетах, которые вследствие тесноты помещения признают невозможным произвести в августе месяце прием новых студентов в обычном размере при одновременной наличности всего состава студентов I-го курса предыдущего года, увольняются из соответственного учебного заведения с правом подать в августе месяце прошения о приеме их в оное наравне с вновь поступающими. Зачисление просителей в студенты производится в Университетах в порядке, соответствующем сравнительным успехам, удостоверенным аттестатами зрелости. В специальных высших учебных заведениях все студенты I-го курса равным образом увольняются, принимаются же вновь лишь при точном соблюдении общих правил сих заведений о приеме, наравне с вновь поступающими.

2. Если вследствие заявленного отдельными курсами желания продолжать учебные занятия, сии последние могли бы быть возобновлены для соответственных студентов ранее полного открытия заведения, то правило, изложенное в предыдущем параграфе, на вернувшихся добровольно к занятиям не распространяется, и студенты подлежащих курсов того или другого факультета, а в случае отсутствия таковых в учебном заведении того или другого отделения, по выслушании всего положенного для них программами, допускаются с разрешения Начальства учебного округа к переводным или выпускным испытаниям.

Печатано с разрешения Г. Ректора Университета
Акц. Общ. И.Т. Корчак-Новицкий

ДАК, ф. 16, оп. 465, спр. 844, арк. 1.

Резолюция состоявшейся в г. Киеве первой общестуденческой конференции Украинцев

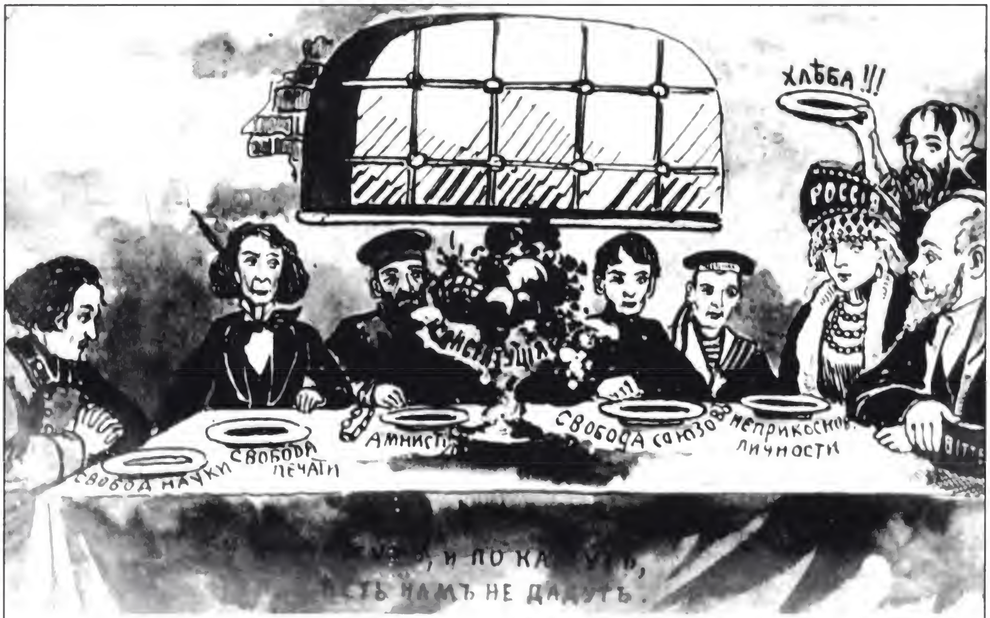
Первая, общая, студенческая конференция Украинцев, выслушав доклады о деятельности Украинского студенчества на местах, вынесла целый ряд практических резолюций, намечающих ход работы как среди Украинского студенчества, так и среди студенчества вообще. Видя тяжелое положение Украинской прессы, которую мало поддерживают Украинские общества и союзы, и понимая, что благодаря прессе этой можно достигнуть наибольшего культурного развития народа, а малороссийского в особенности, — конференция постановила изыскать как можно больше средств для поддержания прессы на должной высоте.

Признавая, что только национальная культура может дать народу всестороннее, культурное развитие, а в этом направлении Украинцами сделано очень мало, — конференция постановила организовать научные общества по всем отраслям наук.

Для того, чтобы достигнуть наиболее скорой демократизации народных масс, чтобы наука престала быть какою-то привилегиею высших классов населения, —конференция постановила начать систематическую популяризацию наук и особенно прикладных знаний. Для этого решено прежде всего подготовить кадры учителей, чтобы они могли начать свою деятельность с низших народных школ.

Признавая, что только на общих конференциях можно точно выяснить все нужды малороссийского народа, конференция постановила возможно чаще созывать такие съезды, как постоянные, так и экстренные.

ЦДІАК, ф. 301, оп. 1, спр. 1237, арк. 185.



Гумористична листівка, поширена в університеті на початку XX ст.

Студентські заворушення в жовтні-листопаді 1907 року: офіційні документи

№ 1
Заява Партії академічного порядку в Раду професорів. 19 жовтня 1907 року

Заявление в Совет профессоров

Ввиду происшедших беспорядков в Университете Св. Владимира 18 октября 1907 г., выразившихся в насильственном срывании лекций и неразрешенной сходке, по инициативе и при деятельном участии, хотя и нелегального, но несомненно известного Совету профессоров, «Совета студенческих представителей», Партия Академического Порядка покорнейше просит Совет профессоров принять решительные меры против вышеупомянутого «Совета студенческих представителей» как главного виновника происшедших беспорядков и тем обеспечить массе студентов, желающих заниматься, их священное право на это.

Совет Партии Академического порядка
Секретарь *(підпис)*
Подлинность заявления собственноручною подписью
и приложением печати удостоверяю.
Председатель *(підпис)*

№ 2
Воззвание к студентам 19-го октября 1907 г.

Товарищи! Опять произошло возмутительное насилие над Университетом, наукой, профессорами и жаждущими знаний студентами, выразившееся в грубом спо-

Сатирична листівка, поширена в Університеті. 1907 р.

собе срывания лекций и в принудительном побуждении к забастовке. Мирное течение академической жизни нарушено волею маленькой кучки некультурных людей, не уважающих, вопреки своим словам, чужой свободы и права и стремящихся превратить Университет в политический вертеп. Долго ли, товарищи, мы будем подчиняться этой банде безчинствующих, позволяя ей играть нами, как пешками? Неужели, видя гибель Университета, как такового, зная ничтожное количество этой кучки, правда, хорошо соорганизованной, мы будем относиться в дальнейшем инертно ко всему происходящему и не дадим должного отпора?

Сила наших противников в хорошей организации, а большинство наших единомышленников не организовано. Поэтому мы верим, что масса товарищей, несомненно желающих заниматься, понимая, что вся сила в организации, усилит собою ряды академистов, даст должный отпор безчинствующим и этим поднимет из грязи знамя науки и имя студента на должную высоту. Товарищи, печальные события 18 октября могут повториться и не раз. Ввиду этого Совет П.А.П. приглашает всех несочувствующих происходящим в Университете безобразиям усиленно посещать лекции и отстаивать священное право свободной науки. Товарищи! не забывайте, что сплоченность и стойкость прежде всего: еще вчера небольшая, но сильная духом часть академистов отстояла несколько лекций, несмотря на попытки сорвать их.

Совет Партии Академического Порядка
Секретарь *(підпис)*
Подлинность копии собственноручною подписью и приложением печати удостоверяю.
Председатель *(підпис)*

№ 3
Телеграмма на имя г. Министра Внутренних Дел Гофмейстера Столыпина, посланная 21-го ноября 1907 г.

Копия

Партия Академического Порядка студентов Императорского Университета Св. Владимира просит властной защиты Вашего Высокопревосходительства. 19 ноября пятый раз в течение месяца в Университете произошли крупные беспорядки. Небольшая группа студентов, врываясь на лекции с целью насильственной обструкции, изгоняла профессоров и слушателей. Университетская администрация не приняла решительно никаких мер ни к предупреждению, ни к пресечению возмутительных насилий. Теперь Советом профессоров Университет снова закрыт. Тысячи студентов, не принимавших участие в беспорядках и желающих без перерыва использовать свое законное право, лишены этой возможности. Убедительно просим Ваше Высокопревосходительство решительными мерами положить предел никем не прекращаемой в Университете Св. Владимира анархии, оградить профессоров и массу мирных, желающих заниматься, студентов от насилий и отклонить Утверждение ходатайства Совета Профессоров о закрытии Киевского Университета до января 1908 года.

Председатель *(підпис)*
Секретарь *(підпис)*
Подлинность телеграммы своею подписью и приложением печати удостоверяю.
Председатель Партии Академического Порядка
Императорского Университета *(підпис)*

№ 4
Лист ректора Миколи Цитовича до голови професорського дисциплінарного суду про покарання учасників студентських заворушень 3 листопада 1907 р.
16 листопада 1907 року

16 ноября 1907 г.
№ 6402

Г*осподину* Председателю
профессорского дисциплинарного суда

3 сего ноября утренние лекции некоторых профессоров в главном здании университета были насильственно прекращены группами студентов, входивших в аудитории и заявлявших об однодневной забастовке, объявленной советом студенческих представителей в виде протеста против производства накануне арестов нескольких студентов. Таким образом были прекращены лекции профессора Граве в 11 аудитории и профессора Гуляева в 8-й. Когда об этом было дано знать ректору, последний сообщил о том полицейскому чиновнику, присутствовавшему в этот день в университете с утра, в виду того, что о демонстрации, готовившейся на 3-е ноября, администрации было известно заранее. В 10 час. 20 мин. утра в университет вступил наряд полиции с г*осподином* полицмейстером и направился в коридор 3-го этажа к аудитории №15, куда в это время пыталась войти толпа забастовщиков, сдерживаемая некоторыми студентами и помощником проректора Е.П. Лозинским, вступившим с ними в переговоры. При виде отряда городовых толпа эта ворвалась в 15-ю аудиторию и произвела здесь шум. В виду этого слушатели профессора Де-Метца просили его перейти в другую аудиторию и там читать лекцию. Когда проф. Де-Метц изъявил на это согласие, ему была приготовлена аудитория №14, куда он и перешел, сопровождаемый студентами, желавшими его слушать. Остальные же, по указанию первых, были задержаны в 15-й аудитории и переписаны здесь полицией. Кроме этой группы полиция переписала всех студентов, которых застала в количестве 342 человек, не имея возможности выделить из них тех, которые производили беспорядки, от других. После этого в начале 2-го часа полиция ушла из университета.

Сейчас же после ухода полицейского наряда на площадку 2-го этажа вошла группа студентов человек в 50 в верхнем платье, большинство с палками в руках и среди нее начались разговоры о необходимости расправиться со студентом Кирилловым, который делал различные указания полиции при ее первом появлении в университет. Разговоры эти были услышаны некоторыми служителями и помощниками проректора и о том было сообщено ректо-

Сатирична листівка, розповсюджена в Університеті. 1907 р.

ру, который в виду этого признал необходимым вновь вызвать полицию. Полицейский наряд возвратился очень скоро, но между тем, названная группа студентов направилась в коридор 3-го этажа, к 13-й аудитории, где в это время шла лекция профессора Яснопольского. Аудиторию эту охраняли студенты академисты с Кирилловым во главе, вследствие чего названная группа студентов не могла туда войти. Но когда профессор Яснопольский окончил читать лекцию и вышел из аудитории, то группа забастовщиков начала кричать ему оскорбительные слова («мерзавец», «подлец»), свистать и даже плевать. Но в это время в коридоре появился наряд полиции, от которого забастовщики стали бежать в сторону квартиры диакона; но полиция захватила их и убежали немногие. Все захваченные были переписаны.

Таким образом 3-го ноября при содействии полиции были переписаны две группы студентов, принимавших участие в насильственном прекращении лекций или в попытках к насильственному прекращению, одна в аудитории № 15, другая, при вторичном входе полиции, около аудитории № 13. Первая группа прервала лекции проф. Де-Метца, вторая же пыталась прервать лекции проф. Яснопольского, но это ей не удалось, так как она была удержана студентами академистами и ограничилась лишь оскорбительными словами и действиями по адресу профессора Яснопольского. Списки той и другой группы при сем прилагаются (приложение № 2-й)*.

Все сказанное подтверждается показаниями допрошенных в присутствии Правления помощника проректора Е.П. Лозинского и педелей Годуненко Никиты, Бойкова Александра, Ефименко Фомы, Подолянюка Андрея, Приходько Афанасия и рассказом профессора Де-Метца (приложение № 1)*.

Сверх того, помощники проректора Ф.Ф. Семперович, И.И. Ильинский и Ф.А. Дроздовский и служитель Никита Годуненко заметили в числе студентов, насильственно прекращавших лекции студента юридического факультета Степана Трофимова (показания Ильинского и Семперовича), и помощник проректора Семперович заметил также среди них студентов Кагана Самуила и Казаринского Симона.

Сатирична листівка, поширена в Університеті. 1907 р.

На основании всего изложенного имею честь покорнейше просить Ваше Высокородие привлечь к профессорскому дисциплинарному суду:

1) студентов, поименованных в списке, составленном полицией под № 1* по обвинению их в насильственном прекращении лекций проф. Де-Метца в аудитории № 15, 3-го ноября сего года.

2) Студентов, поименованных в списке № 2*, по обвинению в попытке к насильственному прекращению лекций профессора Яснопольского в аудитории № 13 и в оскорблении словами и действиями профессора Яснопольского.

3) Студентов Трофимова Степана (юридич. факультет), Кагана Самуила (тоже) и Казаринского Симона (тоже) по обвинению в насильственном прекращении лекций 3-го ноября сего года.

Ректор Н. Цытович *(підпис)*

** Списків і додатків не виявлено.*

Исключается из списка №1 Трипольский Болеслав в виду нижеперечисленного заявления помощника проректора Лозинского о том, что названный студент не только не побуждал товарищей к забастовке, но даже отговаривал их. Из списка № 2 исключается Ваплевский Иван в виду того, что он, по письменному заявлению помощника библиотекаря Щеброва, находился во время переписи студентов полицией 3-го ноября в студенческой библиотеке (см. приложение № 3).

ДАК, ф. 16, оп. 465, спр. 333, арк. 1-3 зв.; спр. 332, арк. 1-2.

Протокол свідчень декана історично-філологічного факультету професора Миколи Бубнова в справі Ради студентських представників
21 грудня 1907 року

Протокол №

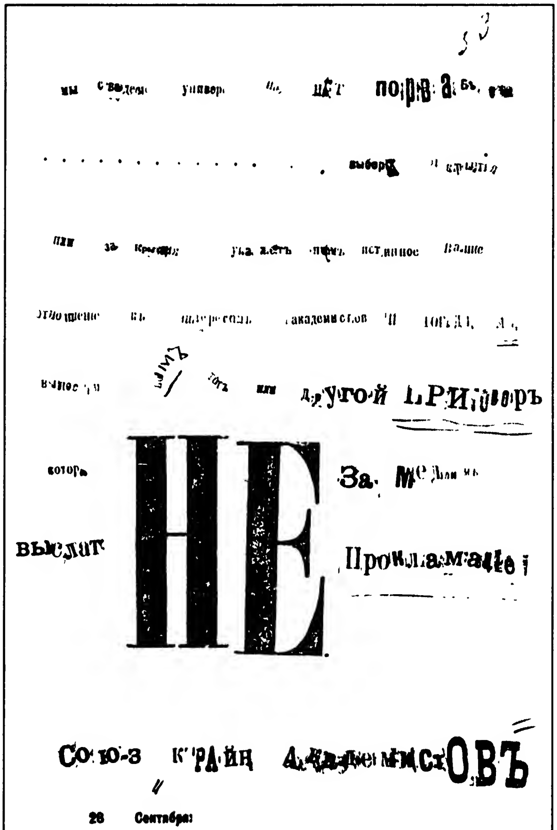
1907 года 21 декабря дня, в г. Киеве Судебный Следователь по особо важным делам округа Киевского Окружного Суда В.П. Фененко допрашивал в качестве свидетеля с соблюдением соответствующей ст. уст. угол. суд., нижепоименованного, который показал:

Зовут меня Николай Михайлович Бубнов. Я православный. От роду мне сорок девять лет. Нахожусь на службе при университете св. Владимира в качестве ординарного профессора по кафедре всеобщей истории на историко-филологическом факультете и декана того же факультета.

По делу о совете студенческих представителей при Университете св. Владимира могу показать следующее.

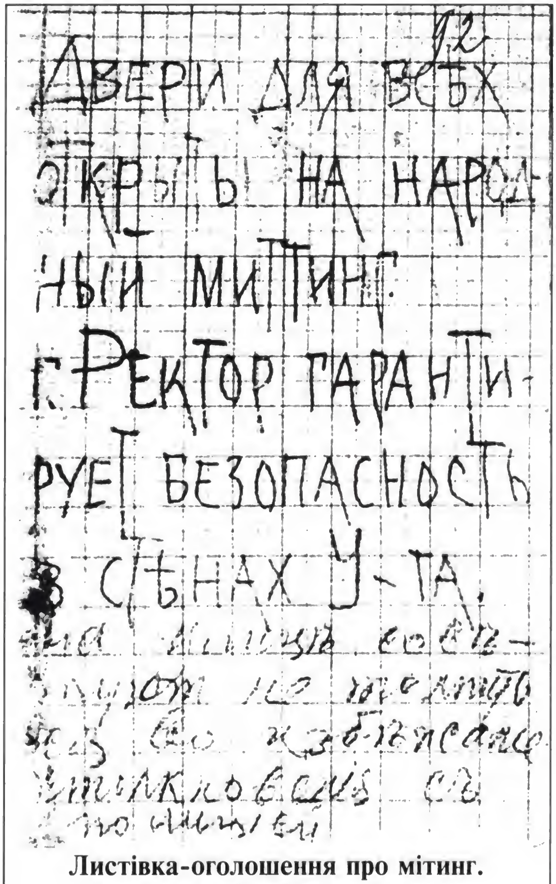
Сатирична листівка «Свобода совісті». 1907 р.

I. *Оценка деятельности совета студенческих представителей.* С деятельностью совета студенческих представителей я познакомился, безо всякого к тому с моей стороны желания, к несчастью, довольно давно. Знакомство мое с ним основывается не только на разного рода слухах и разговорах с другими лицами, но и на личных столкновениях с представителями или, по крайней мере, со студентами, исполнявшими волю пославшего их совета. Известного рода терпимый студенческий центральный орган в университете намечался и, под влиянием обстоятельств, складывался, так или иначе, уже довольно давно. Это были так называемые старосты, которые сколько нибудь заметную роль в сношениях студентов с профессорами по вопросам учебным играли на тех факультетах, где наука имеет более прикладной характер и где самая организация практических занятий требует некоторого соглашения между учащим и учащимися. На историко-филологическом факультете при небольшом количестве лично профессорам известных студентов и теоретическом главным образом складе занятий старосты эти почти ничем не обнаруживали своего присутствия. С институтом старост, который облегчал бы сношения студентов с профессорами там, где в таких сношениях могла чувствоваться надобность, еще можно было бы помириться, особенно если бы он как институт имел известную, Советом профессором признанную, регламентацию и если бы, путем контроля постоянного и внимательного этих старост, можно было держать их внутри пределов предоставленной им компетенции. Но в России это дело совсем не статочное, так как закон не писан у нас совсем не только для той категории лиц, о которых говорит известная поговорка. Сущность революционного движения, охватившего почти всю толщу нашей молодежи и состоящую в отрицании существующего закона при крайне широких и расплывчатых представлениях о грядущем, а единственно возможная при таких условиях юриспруденция ограничивается исключительно пресловутым захватным правом. Тяготение к этому очень удобному и исключительному праву замечалось, конечно, и в среде старост, но благодаря некоторым обстоятельствам, как то: понятным в юношеском возрасте увлечениям и ожидаемым значительной частью общества реформам нашего строя, особенно в счет им не ставилось, в надежде, что при новом ожидаемом строе все уляжется и университетская жизнь сама собою войдет в академическую колею. Но надежда эта оказалась несбыточной. Начало реформаторской деятельности в государстве отозвалось еще более круп-



Листівка союзу крайніх академістів. 1909–1910 рр.

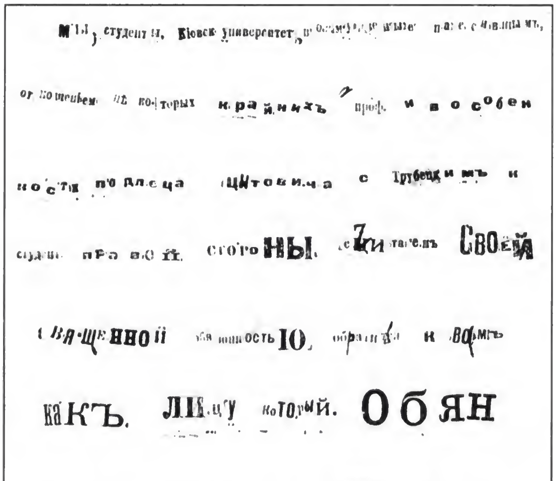
ным переворотом внутри стен университетов. Учреждение старост было заменено новым органом, советом студенческих представителей, который с самого начала не имел ровно никакого академического основания, а исключительно только политическое. Этот орган присвоил себе характер генерального штаба, действующего будто бы по уполномочию со стороны всех студентов и командующего студентами в борьбе, имеющей целью, во-первых, государственный переворот в желательном для части студентов духе, а во-вторых, переворот в университете в смысле передачи части, а то так и всего управления в руки студентов. Существует полное основание думать, что до превращения России в социально-демократическую республику, а университета в управляемую студентами при почтительной помощи со стороны профессоров, стоящих не правее социал-демократов, фабрику легкополучаемых дипломов на занятие мест в означенной республике совет студенческих представителей борьбы не оставит и беспорядки в университете не прекратятся. Беспорядки эти в глазах студенческих представителей есть законная война за лучшее будущее, которую можно вести всеми средствами. Не мудрено, что при появлении взамен прежних старост студенческих представителей беспорядки в университете приняли необычайно острую форму. Если прежде мы мирились с нарушающими правильное течение занятий сходками, пением революционных гимнов и панихидами по героям в коридорах во время лекций, то представители познакомили нас с забастовками, как орудием борьбы, и сопровождающими их абструкциями, начиная с химической и кончая насильственным удалением профессоров и студентов из аудитории. Арсенал, конечно, этим не исчерпывается. Нам обещают применять более действительные средства против всякого, кто осмелится не преклоняться перед новой студенческой инквизицией. Объявленная в 1905 году автономия и реформа 17 октября 1905 г. ничем не изменили положения. Реформа признана недостаточной, а автономия истолкована в смысле студенческой, где совет профессоров или узурпатор или слушается. Цель борьбы, которую ведет совет студенческих представителей, может быть достигнута, по крайней мере, в смысле организации академической жизни не ранее второго пришествия или поголовного схода с ума всех лиц, уже бывших когда-то студентами, достигших более зрелого возраста и вместе с опытом утративших охоту предаваться мечтаниям о перекройке действительности на пользу и потребу студенчества. Потому ясно, что ожидать того времени, когда в университете не найдется



Листівка-оголошення про мітинг. 1909–1910 рр.

даже и группы в сто лиц, которые останутся верными совету представителей и всегда, по его распоряжению, окажутся в состоянии произвести беспорядки, по моему мнению, смешно или даже преступно. Нужно принимать активные меры и бороться с этим органом. Борьба эта должна состоять во внесении света во все происходящее в университете при помощи органов более к тому приспособленных, чем университетские советы, в снятии со студентов привилегии невменяемости за свои поступки, в разработке соответствующего законодательства и предании виновных в неповиновении этим законам обыкновенному суду. Предполагать, как некоторые думают, что сами советы студенческих представителей переменят свои взгляды и займутся чисто академической деятельностью тоже нельзя, так как академические интересы студентов прекрасно защищены и без того и совету представителей вне борьбы, вне производства беспорядков собственно нечего делать. А вот никогда неискоренимая группа студентов смотрит и всегда будет смотреть на него, как на палладиум студенческой свободы и добровольного никогда с этой цацей не расстанется.

Таков мой взгляд на роль совета студенческих представителей, который я вынес из близкого знакомства с университетской жизнью и который я защищал в апреле 1907 г. в Петербурге на съезде ректоров и деканов в присутствии министра народного просвещения против преобладавшего настроения непротивления злу. Громадным большинством на этом съезде совета студенческих представителей в их нерегламентированном виде были признаны злом, а регламентация их, в виду неумеренности их требований, невозможной. Разногласие появилось лишь в вопросе о том, следует ли бороться с ними или пребывать в ничегонеделании в счастливой уверенности, что все образуется само собой. Правила 11 июня 1907 показали, что государственная власть, наконец, решилась отказаться в университетах от роли простого наблюдателя.



Листівка-оголошення
про студентську сходку.
1909–1910 рр.

К сказанному добавлю, что студенческие представители, как Янус, двулики. В торжественных и военных обстоятельствах они надевают парадный костюм представителей. В обыденных случаях, как например, в сношениях с профессорами по академическим делам они являются в скромной одежде «старост». Старосты, по-видимому, сидят в представителях, как часть в целом.

Авторитет совета представителей в глазах известной группы студентов безграничен. Рядом с ним все остальное, не только совет профессоров, но и веления государственной власти, ничтожно. Формула «по постановлению совета студенческих представителей» — это «быть по сему» в университетской жизни. Мы повсюду встречаемся с этим грозным господином. Провожаем ли товарища в могилу, нам, по постановлению совета студенческих представителей, один из них, Железняк (как представитель он обыкновенно титулуется по ук-

раинской мове: «Züлизняк») заявляет, что умерший был светлым пятном на темном фоне нашей профессуры. Будем ли читать лекцию нас, «по постановл*ению* сов*ета* ст*уденческих* пр*едставителей*» удаляют из аудитории, чему я лично подвергался трижды. Неповиновение вызывает по тому же постановлению свист, брань, плевки и даже угрозу «смазать». Вызываем мы провинившихся студентов на дисциплинарный суд, некоторые из обвиняемых объявляют «по постановл*ению* сов*ета* ст*уденческих* пр*едставителей*» бойкот нашему суду. Приглашает ректор собравшихся на незаконную сходку студентов разойтись, один из представителей, тот же Железняк, державным словом «по постановлению совета ст*уденческих* пр*едставителей*» удерживает всю сходку в сборе. Два года назад один из студентов, явившись ко мне, как декану, требовал от меня, чтобы я запретил некоторым профессорам собирать у себя на дому желающих работать студентов. И когда я спросил его, по какому праву я мог бы решиться на такой возмутительный поступок, я получил в ответ «по постановл*ению* сов*ета* ст*уденческих* пр*едставителей*». Даже дома нельзя укрыться от его властного ока. Надо было видеть ужас прозелита совета студ*енческих* пр*едставителей,* когда он услышал от меня, что я никакого совета студ*енческих* предст*авителей* не признаю. Ужас, впрочем, скоро сменился иронической улыбкой и вопросом, официально ли я это говорю и разрешу ли передать мой ответ тиснению, очевидно, для пригвождения меня к позорному столбу. Каким-то чудом этот прозелит, незадолго перед этим обивавший пороги у всех киевских архиереев и потом неожиданно (но, кажется, только «временно»), как Савл, прозревший, не привел в исполнение своего намерения. Тогда мое поведение показалось безумным не одним только студентам. Многие, слыша мой рассказ, смотрели на меня молча и с тайным сожалением, как на человека погибшего совершенно, одним словом так, как если бы жили в XIII в. в Испании и услышали от меня сомнение в существовании св. Троицы. Там же совет принудил студентов сопротивляться административной власти и вызвал массовую их прогулку в манеж и содержание на казенных харчах.

II. *Продолжал ли совет студенческих представителей существовать после правил 11 июня?* После той характеристики, какая дана совету выше, было бы правильнее вопрос поставить так: где те причины, которые прекратили бы существование этой организации? Разумеется, для всякого, кому известно настроение этой организации и взгляды студентов, примыкающих к ней, не может быть никакого сомнения в том, что такой причиной не могли быть правила 11 июня 1907 г. Собственно и до этих правил совет представлял собою такую организацию, которую, при желании, можно было подвести под целый букет уголовного кодекса. Правила 11 июня были собственно распространением общих положений закона специально к университетской жизни, хотя, впрочем, и не было никакого основания думать, что университет изъят из общего закона. Противозаконным было это сообщество до 11 июня, таким же оно осталось и после 11 июня. Думать, что участники совета считали себя до 11 июня защищенными от вмешательства г*осподина* прокурора, было бы наивно. Новое, что заключали в себе правила 11 июня, была только возможность, благодаря вмешательству общей администрации, обладающей более красноречивыми средствами воздействия, обнаружить устроителей беспорядков. Я слышал, что на одной из сходок, при обсуждении правил 11 июня, было решено принять их к сведению, но жить по-прежнему, т.е. другими словами только принять меры к тому, чтобы по возможности облечь тайной личность участников совета и, по мере надобности сокрывать их под другим названием или прятать за 11 июня назад. Конечно, гласного делопроизводства совет не вел и установить с полной очевидностью, было ли данное лицо в совете до или после 11 июня, было бы задачей трудной и напрасной. Как совет должен считаться продолжавшим существовать и после правил 11 июня за отсутствием обратных данных, так и лица, бывшие в совете

до 11 июня и продолжающие быть студентами, должны считаться участниками совета и после 11 июня, пока они не докажут противного.

Кроме отрицательных существование совета студенческих представителей после 11 июня устанавливается целым рядом положительных данных. Производя следствие и допрашивая педелей, в качестве члена правления, я слышал от одного из них о происходящих постоянно заседаниях совета, которые (очевидно принимая в соображение правила 11 июня) были обставлены особой таинственностью. В помещение не имел права войти не только педель или инспектор, но даже и студенты допускались не иначе, как по особого рода квиткам. Педель говорил об этом, как о вещи обычной, и не без тайного страха перед тайным советом. Главное же, что сакральная формула «по постановлению совета студенческих представителей» не только не исчезает, но произносится в особо торжественных случаях с тем же уважением и влечет за собой прежнее повиновение. Члены дисциплинарного суда (например профессор Катков), судившие студентов в декабре текущего года, постоянно слышали ее в начале вызубренного ответа бунтующих подсудимых. Ректору авторитет совета студенческих представителей был брошен в лицо на сходке 17 ноября при громе аплодисментов аудитории в 800 человек. 5 ноября, во время окончившейся неудачно, вследствие моего сопротивления и наличности более важных дел, попытки сорвать мои практические занятия на вопрос, почему я должен прекратить занятия, я услышал неизбежное: «по постановлению совета студенческих представителей». Случай этот описан мной в Киевлянине от 7 ноября и я на нем не считаю нужным подробнее здесь останавливаться. Скажу только, что после гамлетовского вопроса одного из участников ворвавшейся в мою аудиторию толпы, бить меня, или не бить («смазать его, что ли?»), над толпой появилась воздетая горе фигура, которая торжественно позвала толпу на сходку от имени совета студенческих представителей и, на попытку сопротивления, ответила требованием покорности. «Иначе, добавила она, совет студенческих представителей распадется». И вся толпа покорно потянулась за говорившим, который был, несомненно, одним из представителей при исполнении своих обязанностей и обставлен должным этикетом, т.е. сидел на головах своих товарищей. Впоследствии мне говорили, что это был некий Литвак. По близорукости, его лица я, вероятно, не узнал бы, но голос я, может быть, и мог бы узнать, если бы мне удалось слышать несколько тирад из его уст. На одной из лекций ректор во время обструкции в ноябре 1907 г. пробовал было вступить с озорниками в переговоры и урезонить их, но и ему говорили о совете студенческих представителей, а один картавый еврейский голос подчеркнул даже: «мы хотим, чтобы совет студенческих представителей вел нас на политическую борьбу».

Одним словом, если исключить некоторые понятные перед вмешательством полиции предосторожности, после правил 11 июня совет не только существовал и действовал, но до ноябрьских арестов в нем «все обстояло благополучно».

III. *Кто входил в состав студенческих представителей после 11 июня 1907 г.?* На этот вопрос я уже ответил раньше: все, кто был его членом и до 11 июня и оставался осенью 1907 г. студентом, за исключением тех, которые докажут, что они после 11 июня, убоявшись или покаявшись, вышли из него. Фамилиями членов этого органа я никогда не интересовался, полагая, что это ведать надлежит другим учреждениям и лицам, так как это есть не академическая, а политическая и революционная организация. Представители, зная, очевидно, мое мнение о них, в мирное общение со мной не входили и повода к такому мирному общению не было. Общения мои с этим органом всегда имели немирный характер и состояли в стремлении руководимой представителями толпы вывести меня из аудитории. При таких обстоятельствах познакомиться с ними ближе выставляемого из аудитории профессора мне не удалось лично. Из разговоров с товарищами я тоже такого ма-

териала почерпнуть не мог: говорилось всегда анонимно о действиях совета ст*уденческих* пр*едставителей*. Да я и мало говорил с товарищами (кроме заседаний совета), так как, состоя с 1905 г. деканом, читая до 10 лекций и работая над рядом ученых работ дома, я являлся в университет исключительно для своего непосредственного дела и по окончании такового старался по возможности скорее вернуться домой, чтобы не быть бессильным зрителем тех безобразий, которые там творились и борьба с которыми моей деканской компетенции не подлежала. Были случаи, когда я стерпеть не мог и обращался к студентам в довольно решительной форме и, если не встречал повиновения, то все же покамест еще не подвергся никакому воздействию «по постановлению совета студенческих представителей» (кроме неудавшегося бойкота за отказ выйти 5 ноября из аудитории).

Однако некоторые фамилии, как Бендер и Железняк, часто мозолили мои уши и я считал их, из того что слышал, в составе совета и после 11 июня. Это мое убеждение было настолько твердо, что, производя дознание в качестве члена правления о беспорядках 3-5 ноября, я с удивлением спрашивал: «ну, а что же делал Железняк». 3-5 [ноября] он, очевидно, еще не был введен в действие экономно расходующим силы бунтарским штабом, но на сходке 17 ноября он оказался на высоте своего положения. Председательствуя на сходе, он именем совета ст*уденческих* пр*едставителей* удержал всю сходку в аудитории против заявления ректора до прихода полиции. После появления полиции он обращался через субинспектора к ректору с заявлением: «сходка кончилась, прошу выпустить студентов». Ректор обратился даже с соответствующим запросом к губернатору по телефону, но получил отрицательный ответ. Игра г*осподина* Железняка привела к аресту 720 человек и увольнению из университета, а ему стяжала неувядаемую славу руководителя действиями бунтующих студентов в качестве их представителя, к тому времени еще не арестованного.

Ординарный профессор Ун*иверситета* св. Владимира.
Н. Бубнов *(підпис)*
Киев 21 дек*абря* 1907 г.
ул. Трехсвятительская, 20, кв.6

ЦДІАК, ф.837, оп.1, спр.38, арк.1-12.

Звернення професора Миколи Бубнова до редактора газети «Речь» зі спростуванням інформації щодо його позиції в справі Ради студентських представників. Лютий 1908 року

Милостивый Государь, Господин Редактор.

В номере от 10 февраля т*екущего* г*ода* Вашей газеты помещена телеграмма из Киева от 9 февраля о начавшемся тогда процессе против совета студенческих представителей. Обо мне в этой телеграмме сказано: «профессор Бубнов, союзник, показал, что в университете все было терроризировано». Сущность моего показания передана совсем не точно. В чем оно состояло, об этом Вы, если полюбопытствуете, можете узнать из Киевских газет. Сведения Вашего корреспондента о моей партийности еще того менее точны. Мои политические убеждения плохо известны даже очень близким ко мне людям, так как для политики у меня вне моих деканских, профессорских обязанностей, вне моих любимых чисто ученых кабинетных занятий времени совсем не остается. С другой стороны, я по самой своей природе чужд

духу той «никейщины» второго издания, который гонит современную полуинтеллигенцию в стада, покорно блеющие тот или другой символ политической веры. О каждом факте я сохраняю за собой право иметь свое собственное мнение в зависимости от времени, места, цели и условий его появления, но без всякого отношения к какой либо готовой и обязательной раз навсегда системе.

К Союзу русского народа я, хотя и коренной русский, никогда не принадлежал, не принадлежу теперь и впредь принадлежать не буду. Очень сожалею, что в нем имя русского связано с определенным политическим мировоззрением, которое, будучи русским по своему историческому происхождению, напрасно берет на себя непосильный подряд оставаться таковым и впредь вне пространства и времени. Будучи со студенческой скамьи убежденным сторонником принципа народного представительства, считая, что осторожное и умелое укоренение этого принципа у нас составляет единственную господствующую задачу настоящего момента, я очень мало интересовался и интересуюсь вопросом, русский ли он, или нет. Но, как русский по крови и чувству, я уже на той же студенческой скамье недоумевал перед загадкой, возможно ли было в будущее народное русское представительство одновременно с русскими и на одних с ними правах допустить представителей национальностей, русскими побежденных и потому имеющих право русских ненавидеть. И меня теперь нисколько не удивляет, что при современных условиях делаются при помощи того же представительства попытки лишить русского Ивана исторически им себе из разных лоскутков выкроенного кафтана, попытки, грозящие, увы, придать у нас самому представительному принципу характер антирусский, желательный разве только для его врагов.

Но и из этого принципа я совсем не склонен делать себе ратища для коленопреклонения перед ним всегда и всюду. Есть области, где для него нет почвы. Вместе со всей культурной западной Европой я не вижу никакой необходимости в общестуденческом представительстве в университете, особенно с теми его полномочиями, которыми у нас это представительство снабжено безо всякого предварительного сношения с Государственной Думой, студенческими якобы общими, но во всяком случае считающими себя за суверенные сходками. Полномочия совета студенческих представителей доходили в Киеве еще очень недавно до полного· фактического распоряжения: 1) зданием университета и аудиториями в любое время (согласие ректора, обыкновенно, бывало до самого последнего времени, когда в дело вмешалась государственная власть, вынуждено угрозой взломать двери или иначе как нибудь насолить), 2) личностью профессоров, которые на лекции могли являться лишь в дозволенное время, под опасностью иначе быть удаленными силою или объявленными под бойкотом, 3) даже и той частью студенчества, которая никакого совета студенческих представителей не признает или, по крайней мере, не во всем желает ему повиноваться. Наивный, чисто студенческий деспотизм совета студенческих представителей доходил у нас даже до того, что мне, как декану, однажды было предъявлено требование, чтобы я ходил по квартирам профессоров и запрещал им во время объявленной забастовки заниматься у себя на дому с немногими специалистами. Эта гнусная попытка нового зарождающегося деспотизма, после отмены свободы науки в университете, отменить еще и свободу частной жизни вызвала во мне чувство острого негодования и довольно недвусмысленный протест. Он, очевидно, был первым ясным, а главное энергичным протестом профессора против студенческого абсолютизма. По крайней мере, мой собеседник был очень поражен его смелостью и немедленно же хотел возвести меня на костер. «Вы разрешите мне опубликовать Ваше заявление?», — спросил он. Но костер почему-то не загорелся. Не загорелся он и после попытки сорвать мою лекцию 5 ноября в XII аудитории, когда я высказал в лицо разъяренной толпе студентов свои взгляды на постановления сходок и совета студенческих представителей и отказался пови-

новаться. Громким смелым ответом я на ругань и угрозу «смазать» и, к величайшему изумлению, добился возможности продолжать лекцию. Желая сам раздуть под собою костер, я опубликовал этот инцидент в газетах, полагая, что настала пора проливать свет на творящееся в университетах. Но и этого оказалось недостаточно. Уж больно возмутителен был факт, и студенты явились в роли некрасивой и неудачной. И вдруг запахло гарью после моего выступления в суде в скромной роли свидетеля, который обещался говорить правду и только ее и говорил. Производство меня в «союзники» есть одно из наивных полен в разгорающийся костер, найденное где-то Вашим корреспондентом в партийных задворках в Киеве и напрасно присланное спешно по телеграфу в Петербург. Не думаю, чтобы это полено было простым недоразумением, хотя и это возможно. Ездил же я, по мнению бывшего Министра Народного Просвещения Г. Кауфмана в Петербург к нашему премьеру П.А. Столыпину жаловаться на Министерство Народного Просвещения, пока не разъяснилось что в депутации участвовал не я, а мой двоюродный брат, член Государственной Думы В.Н. Бубнов. Многим я могу мерещиться в моем брате, М.М. Бубнове, принимающем близкое участие в партии правового порядка*, от которой с некоторых точек зрения и до Союза Русского Народа всего лишь один шаг. Левые же партии, имея свое представительство в университете в совете студенческих представителей, почти сплошь состоявшем из социал-демократов и социал-революционеров, всегда будут стоять за студенческое представительство той совершенно неакадемической формы, в какой оно зародилось у них. По этому катехизису профессор, не признающий совета студенческих представителей, есть, конечно, самая отверженная тварь, а самая отверженная тварь носит в этом языке название «союзника» русского народа». Так и я был записан в «союзники».

Современные костры слагаются, *господин* Редактор, из печатных строк и, если в сложении их участвуют не легендарные гусовские старушки, наивно думающие добиться Царствия небесного истязанием себе подобного, могут жечь довольно больно. Они горят повсюду в нашей периодической печати. Боязнь печатных строк, спасительная во многих случаях, цепенит она многих людей и мы присутствуем при зарождении новых рабов, рабов печати. Им главное, чтобы их похвалили, а не выругали. Среди них находятся почти совсем почтенные люди, которые обрушиваясь в совете профессоров громовержцами на совет студенческих представителей, заверяя о своей полной осведомленности относительно преступных студенческих организаций и исповедуя не особенно, впрочем, громко, свои монархические убеждения, на суде перед публикой прилагают свои громы на довольно безобидное мычанье, и воздается им за это явно: крупный шрифт в левых органах, похвала и чуть ли не социал-демократический венец на упрямой монархической голове.

Если таково поведение людей от природы не трусливых и вообще почтенных, то что же и говорить о других. Вьются, бедняжки, хамелеонами между правыми и левыми, думая попасть как нибудь в Наполеоны. И будут виться до тех пор, пока не защемят им хвоста где нибудь. Тогда, утратив общее с Наполеоном окончание, они останутся на всю жизнь с одним инициальным слогом, который и будет им заслуженною наградою и отличительным признаком.

Я же лично предпочитаю гореть, чем извиваться и в своей трудовой жизни сохранил лишь одну форму барства: это смелость иметь свои собственные убеждения и роскошь высказывать их везде и всюду, без всякого стеснения какой либо партийной дисциплиной.

Из этих убеждений наиболее для меня, как для профессора, единственными и не подлежащими сомнениями являются следующие:

---

* *Так у тексті.*

1. Университет как учреждение ученое и учебное может быть управляем лишь советом, состоящим из лиц, имеющих ученые степени и прошедших через избрание другими учеными лицами, а потому и могущими нести перед обществом и государством ответственность за правильное ведение научного дела.

2. Студенты управлять университетом не могут по той простой причине, что соответственных ученых степеней у них нет, что о целях и задачах университетского преподавания они в громадном большинстве имеют смутное или даже чересчур ясное, но грубо практическое представление.

3. Студенты управлять университетом не могут еще и потому, что они являются в университет в громадном большинстве случаев за приобретением не только известных знаний, но и очень определенных и выгодных прав, а потому всякое влияние их на профессуру пагубно отразится на действительности научной выучки и контроля над знаниями студентов и поведет к усилению и без того уже многочисленного класса с феодальными правами на 20 число на карман обывателя, но без научных знаний; говорят, что в некоторых университетах уже появились студенческие экзаменационные комиссии, очень успешно защищающие право студента знать меньше, чем требует профессор.

4. Всего менее к роли управителей студенты способны в настоящее строго партийное время. По причинам понятным, наиболее энергичными являются представители крайних партий, а из крайних партий преобладающими численно покаместь представители левых партий. А с точки зрения этих партий университетская наука в ее исторически сложившемся и научно вышколенном разумом одобряемом цикле и характере является чем-то устарелым и ненужным, а главное трудным и не ведущим прямо непосредственно к единственно важной цели — устроить государство блаженных на земле и в этом государстве дать хорошие места всякому, кто сам себя считает того достойным уже в силу своего политического вероисповедания. Уже были у нас примеры упростительного реформаторства в системе преподавания, и не подлежит никакому сомнению, что под защиту партийно или даже вероисповедно настроенных людей наука и люди, ею занимающиеся, отданы быть не могут.

5. Но если в университете не возможно студенческое правительство, с которым себя несомненно по замашкам отожествляет студенческое теперешнее представительство, то действительное студенческое представительство само по себе возможно, но только в пределах и размерах, которые будут одобрены советом профессоров, как учреждения единственно способного отвечать перед обществом и государством за правильное ведение научного дела, или еще лучше русским народом в лице Государственной Думы. Я уверен, что этому представительству не будет предоставлено право обращать университет в партийное учреждение, или спасать от имени студентов отечество, нести куда-то и зачем-то какие-то лозунги, объявлять обязательные для всех забастовки и вышибать своих непослушных товарищей или непокорных профессоров из аудиторий, а без этих полномочий, Вы увидите, общестуденческое представительство не будет иметь содержания и заменится другого рода обществами, в которые студенты будут входить только по собственному желанию, а не по принуждению.

Н. Бубнов *(підпис)*

Примітка автора: Послана в газету «Речь» в феврале 1908 г., но в ней не была принята. «Речь» удовольствовалась прежним опровержением.

ЦДІАК, ф.837, оп.1, спр.40, арк.1-3 зв.

Листування попечителя Київського учбового округу та ректора Університету св. Володимира про посилення контролю за студентами
17 лютого — 17 березня 1910 року

№ 1
Наказ попечителя Київського учбового округу про відновлення контролю при вході студентів до університету. 17 лютого 1910 року

Февраля 17 дня 1910 г.
№ 120

Г*осподину* Ректору
Университета Св. Владимира

В некоторых университетах, судя по газетным известиям, происходят ныне беспорядки. Опасаясь, чтобы эти беспорядки не распространились и на университет св. Владимира, покорнейше прошу Ваше Превосходительство обсудить, не благовременно-ли немедленно восстановить прежний порядок контроля при входе студентов в университет.

Попечитель Округа П. Зилов *(підпис)*
Правитель Канцелярии *(підпис)*

№ 2
Відповідь ректора Миколи Цитовича попечителю Київського учбового округу про відновлення правил контролю при вході до університету. 5 березня 1910 року

Ректор
5 марта 1910 г.
№ 36

Секретно
Г*осподину* Попечителю
К*иевского* Уч*ебного* Округа

Вследствие секретного предложения Вашего Превосходительства от 17 февраля с.г. за № 120 имею честь доложить нижеследующее.

В настоящее время контроль при входе студентов в университет производится в вестибюле университета, при чем от всех входящих требуется предъявление входных билетов. В видах усиления контроля в последнее время установлено наблюдение и за калиткой в клиническом дворе, где поставлен городовой, требующий от входящих предъявления входных билетов.

Такой порядок контроля в настоящее время может быть признан вполне достаточным, так как никаких признаков возбуждения или агитации среди студентов Университета Св. Владимира не замечается и нет вообще оснований опасаться, чтоб беспорядки, происходившие недавно в некоторых высших учебных заведениях, в ближайшем будущем распространились на Киевский университет.

Что касается прежнего способа контроля, заключавшегося в оставлении студентами при выходе входных билетов, то он представляет некоторые неудобства (задержку студентов при входе и выходе, отчего иногда происходило скопление большой толпы; ошибки при вручении билетов и т.п.), почему он и сохранялся только до тех пор, пока, при неполном еще успокоении студенчества, в нем встречалась действительная необходимость. Но при первом же тревожном проявлении изменения в настроении студенчества (о чем университетская администрация всегда имеет возможность судить через имеющиеся в ее распоряжении органы надзора) преж-

ний порядок контроля будет немедленно восстановлен, при чем будут приняты меры к возможному ослаблению указанных вами неудобств.

При сем считаю необходимым присовокупить, что вопрос о восстановлении прежнего порядка контроля обсуждался мною совместно с г*осподином* Проректором, который вполне разделяет высказанные в настоящем донесении соображения.

№ 3
Доповідна записка ректора Миколи Цитовича попечителю Київського учбового округу. 17 березня 1910 року

17 марта 1910 г.
№ 45

Секретно
Г*осподину* Попечителю
Киевского Учебного Округа

Вследствие секретного предложения Вашего Превосходительства от 15 марта с.г. за № 168 имею честь донести следующее.

8-го марта сего года ко мне обратились двое студентов с просьбой разрешить им созвать общестуденческую сходку для обсуждения способов выражения протеста по поводу речи члена Государственной Думы Пуришкевича, в которой последний говорил о студенческих стачках С.-Петербургского Университета.

В просимом разрешении я отказал.

Так как после этого возникли слухи, что сходка может собраться без разрешения, так называемым «явочным порядком», то мною, по совещании с г. Проректором было сделано распоряжение об установлении того порядка контроля при входе в Университет, который был введен по случаю студенческих волнений 1907 года, т.е. с оставлением входных билетов в вестибюле Университета.

Следующие дни — 9, 10 и 11 марта прошли в Университете спокойно, но 12-го, в пятницу, среди студентов, явившихся в Университет, начали замечаться некоторые признаки возбуждения. Проходя в первом часу дня, во время перерыва между лекциями, мимо 7-й аудитории, я заметил там толпу студентов, числом около 100 и услышал среди них громкие голоса, что-то читавшие или говорившие. Я вошел в аудиторию и предложил студентам разойтись, что было ими сейчас же исполнено. Подобные же столпления студентов были еще в одной аудитории, а также в учебном коридоре и около средней студенческой курительной комнаты, но всякий раз по требованию моему или Проректора студенты расходились. По временам среди собравшихся студентов возникал шум и громкие разговоры, но правильный ход занятий не был нарушен.

После двух часов дня несколько студентов кавказцев заявили мне, что их оскорбили студенты, принадлежащие к партии академического порядка, назвав их «кавказскими обезьянами», и что один из академистов угрожал им револьвером. В виду этого я вышел в учебный коридор и спросил двух присутствовавших тут академистов, на которых указали кавказцы, о справедливости возводимого на них обвинения. На мой вопрос они признали, что слова «кавказская обезьяна» действительно были ими произнесены, но лишь потому, что они в разговоре между собою припоминали одну из речей г*осподина* Пуришкевича, в которой содержались эти слова. С другой же стороны, они говорили, что и по своему адресу они слышали оскорбительные выражения. Факт угрозы револьвером они отрицали, но на мой вопрос, признали, что имеют при себе револьвер в силу разрешения, выданного им полицией.

В виду изложенного, а также в виду того, что один из академистов в этот день много раз вступал в перебранку с товарищами, что способствовало усилению шума и увеличению скопления студентов, я указал академистам, что их поведение увеличивает беспорядки, между тем как они избрали себе девизом «академический поря-

док», а равным образом заметил, что считаю неуместным ношение студентами в университете револьверов. С другой стороны, мною и *господином* Проректором было сделано предупреждение студентам, со стороны которых мы имели основание опасаться вредного влияния на товарищей.

В следующие за тем дни брожение среди студентов Университета не возобновлялось.

Что касается моего письма в редакцию «Киевской Мысли», то оно было вызвано тем, что в этой газете были неправильно переданы мои слова, сказанные академистам, а равным образом в преувеличенном виде изображены явления, происходившие в Университете 12-го марта.

ДАК, ф. 16, оп. 465, спр. 339, арк. 73-75, 78-78 зв, 81-82.

Аналітична записка жандармського управління про діяльність різних політичних партій і течій у Києві та губернії з початку війни

20 січня 1915 року

Доклад № 4

О положении и деятельности революционных организаций в городе Киеве и Киевской губерний и краткие сведения об общественно-политическом настроении населения

Составлен к 20 января 1915 года.

(Доклад за № 3, составленный к 1-му ноября 1914 года, был предоставлен Его Превосходительству Командиру Отдельного Корпуса Жандармов, Свиты Его Величества, Генерал-майору Джунковскому ноября того же года в гор*оде* Киеве).

В докладе моем, составленном к 1-му ноября 1914 года, было отмечено, что революционные организации, смытые, так сказать, с поверхности общественной жизни патриотическим подъемом населения, поднявшегося как один человек на защиту родины, стали за последнее время проявлять признаки жизни во вновь выработанном ими направлении. За период времени с 1-го ноября и по 20-е января революционные организации, вообще, понемногу выходят из выжидательного положения, при чем местные организации Российской социал-демократической рабочей партии пытались даже будировать общество, в особенности же учащуюся молодежь, выпуском в Киеве прокламаций.

По имеющимся сведениям, руководители революционных партий и противоправительственных организаций признают настоящее настроение общества неподходящим для каких-либо активных выступлений, ограничиваются мелкой подпольной работой, но с другой стороны в этом отношении замечается усиленная, так сказать, кабинетная деятельность по выработке обширного плана действий для борьбы с Правительством по окончании войны. Замечается широкое объединение членов таковых партий и организаций с оппозиционным элементом населения, а главным образом с конституционно-демократической партией, представители которой на местах особенно интенсивно стараются влить наибольшее число своих сторонников в общественно-благотворительную работу, как-то: в лазареты, госпитали, эвакуционные пункты и т.п. учреждения по уходу за ранеными и больными воинами, в комитеты по вспомоществованию семейств запасных, призванных в ряды армии, по оборудованию сборов разных предметов и припасов, для отсылки на

позиции в виде подарков и т.п., при этом имеются основания доложить, что если в каком-нибудь из выше перечисленных благотворительных учреждений кадетам удавалось занимать ответственные должности, то около такого «начальства» сейчас же замечалась группировка не только оппозиционного элемента, но и лиц, политическая благонадежность которых была ранее скомпрометирована принадлежностью их к революционным организациям.

В частности, деятельность противоправительственных организаций за последние месяцы выразилась в следующем.

Российская социал-демократическая рабочая партия

В декабре месяце в Киеве было зарегистрировано появление прокламаций означенной партии с протестом против войны и по поводу ареста 4-го ноября 1914 года социал-демократических депутатов вблизи Петрограда.

В начале января сего года появились в Киеве прокламации ко дню 9-го Января.

Означенные прокламации появились в Киеве в небольшом количестве, при чем они были изготовлены типографским способом, а последние за подписью Киевского Комитета партии.

За отчетный период времени ликвидаций не производилось и производится дальнейшее агентурное наблюдение.

Партия социалистов-революционеров

За означенный отчетный период времени партия социалистов-революционеров в гор*оде* Киеве активной деятельности не проявляла и ликвидаций членов местной группы не производилось.

В настоящее время ведется агентурное и наружное наблюдение за небольшим кружком лиц, на предмет воспрепятствования.

[...]* возможность убедиться, что выпуск как вышеупомянутых прокламаций, так и воззваний ко дню смерти Толстого, исходило от Экономической комиссии при означенном учебном заведении, а потому в ночь на 5-е того же декабря мною была произведена ликвидация группы студентов, входящих в президиум Экономической Комиссии Киевского Коммерческого Института, при чем было арестовано четыре студента, у которых отобран серьезный материал, в том числе талонные книжки по сбору денег на нелегальную организацию «Красный Крест», а кроме того у студента Наума Рензина оказались гектографированные воззвания с призывом к студентам-евреям г*орода* Киева собирать материалы по отношению евреев к текущей войне.

Украинское и польское движение

Со стороны польских организаций в гор*оде* Киеве никаких выступлений зарегистрировано не было.

Что же касается украинского движения, то в декабре месяце были выпущены гектографированные прокламации за подписью: «Информационное Бюро Киевского украинского студенчества», с призывом не участвовать в сборе денег «Киев — Галичанам», так как этот сбор поступит для проведения идей москвофильства.

28 ноября 1914 года, согласно распоряжения бывшего Киевского, Подольского и Волынского Генерал-Губернатора, был арестован возвратившийся в Киев из Вены профессор Львовского Университета Михаил Грушевский. При обыске на квартире последнего было взято огромное количество разных книг, писем и переписки, а также дневник этого профессора. Экспертизой устанавливается деятель-

---

* *Пропуск у тексті.*

ность Грушевского во вред России при поддержке Австрийского Правительства и субсидирование последним существующих в России украинских газет, книжных магазинов и т.п. предприятий, а некоторые записи в дневнике и заметки носят признаки Государственной измены со стороны Грушевского. Дело о Грушевском находится еще в производстве.

Краткие сведения об общественно-политическом настроении населения

Общее настроение населения продолжает находиться в зависимости от широкого патриотического подъема, вызванного войной среди всех сословий, и только единичные случаи дают возможность отметить признаки некоторого утомления повышенной общественной деятельностью, вызванной обстоятельствами военного времени.

Периодическая пресса не выходит из пределов возможности и развитие партийных идей проявляет лишь косвенным образом.

За отчетный период времени было замечено намерение со стороны прогрессивных профессоров высших учебных заведений организовать чтение ряда лекций в тенденциозной форме изложения (профессор Балинский и др.), против чего были приняты соответствующие меры.

Вместе с сим я считаю необходимым отметить, что за последнее время стали поступать агентурные сведения, что руководители противоправительственных партий и некоторых оппозиционных групп выносят резолюции на своих совещаниях, о необходимости использовать настоящий момент в том смысле, чтобы внушить широким слоям общества мысль — требовать скорейшего окончания войны на каких бы то ни было условиях, не дожидаясь полной победы Россиею врага. Таковые сведения поступают из других городов, главным образом из Москвы, и носит признаки влияния на общество революционных организаций.

Начальник Киевского Губернского Жандармского Управления Полковник

ЦДІАК, ф. 274, оп. 1, спр. 342, арк. 21-23.

Справа про листівку Інформбюро київського українського студентства щодо тяжкої долі українців у Галичині й офіційної політики підтримки «москвофілів»

Грудень 1914 року

№ 1
Повідомлення ректора Університету св. Володимира. 11 грудня 1914 року

Декабря 11 дня 1914 г.
№ 22

Его Превосходительству
Господину Попечителю
Киевского Учебного Округа

При сем честь имею представить Вашему Превосходительству один экземпляр найденной в Главном здании Университета прокламации Информационного бюро Киевского Украинского студенчества.

Ректор Н. Цытович *(підпис)*
За Секретаря Совета *(підпис)*

№ 2
Прокламація Інформбюро київського українського студентства

Товарищи!

В «Великой тюрьме народов» стало одним узником больше. Галиция стала военной добычей России, разрушена, опустошена, уничтожается национальная культура населения... Тысячами сосланы в Сибирь лучшие представители Галицкой украинской интеллигенции.

Те, кто шел об руку с русским правительством в этой авантюре, — русские националисты во всех видах, теперь симулируя «человеколюбие», организуют 16-го декабря день помощи «русскому населению Галиции».

Но достаточно ясно, что деньги, собранные «Прикарпато-русским комитетом», пойдут на развитие русского зоологического национализма в Галиции. «Москвофилы», пресмыкаясь перед тем, кто больше платит, найдут в этих деньгах поддержку в борьбе с украинской культурой.

Не давайте денег черной сотне!

Не идите с кружками «Прикарпато-русского союза»!

Украинское студенчество обращается к вам, товарищи, с призывом бойкотировать день «крокодиловых слез»!

Інформаційне Бюро Київського Українського Студенства
С подлинным верно:
Столоначальник *(підпис)*

ЦДІАК, ф. 707, оп. 82, спр. 48, арк. 162-163.

Нелегальні відозви з нагоди Шевченківських роковин. *1902–1917 років*

1

ПАНОВЕ ТОВАРИШІ!

Рік за роком традіцією стало святкувати дні роковин Шевченка. Але не пам'ять ґеніального поета святкуємо, не честь і пошану віддавати бажаємо національному велетневі: німці, італійці, англійці мають Гете, Данте і Шекспіра і не святкують їх пам'яти рік за роком. А цівілізованійші народи збагнули б пишнійше величати ґеніїв своїх.

Сі дні для нас суть днями пам'яти поета-революціонера, святом української революції. Шевченко — наймогутніший, найвеличнійший ворог російського царату, Шевченко — батько української демократичної революції — сей Шевченко для нас більше, аніж тільки ґеніальний поет. Доки не вмре українська революційна справа, доти революційні мотиви Шевченка будут нашею Єванґелією, доти дні роковин Шевченка будуть святом нашим, святом революціонерів українських.

Крім справи революції, Шевченка натхнений голос лунав в справі боротьби за національне відродження, могуче слово змагалося проти сучасного йому кріпацтва. Але в тих справах Шевченко уже побідив, і в сих мотивах є для нас ґеніальним поетом. Ми віримо, що Шевченко-революціонер також побідить, і може бути тоді дні Шевченка не будуть що річним святом, але в імени Шевченка ми бажаємо, ми боремося, щоб славний день той швидче надійшов.

Товариші! Ми віримо в побіду української революції і в сі дні горячійше ніж коли бажаємо для сієї побіди віддати свої сили, свою працю, своє життя. В сі дні

ми з усім нашим запалом підносимо: Най живе, най розцвітає, най побіждає революційна справа!

Київська студентська Громада.

На одному боці білого піваркушу.

Писана дрібним письмом і відбита на гектографі. Арх. К. Г. Ж. Упр., 1903, № 240, т. II. О прест. деят. в 1901 и 1902 г. тайных студ. орган.

2

ТОВАРИШИ

Минає сто років з дня народження Великого Співця нашого національного відродження — *Тараса Шевченко.* І ці дні мусять бути не тількі днями виявлення нашої глибокої вдячности перед пам'ятю людини, що віддала справі визволення України свій геній, свої сили. Ці дні мусять статися днями підрахунку, національних здобутків і втрат, днями підрахунку сил.

Ми стоїмо в моменті, коли українська справа, вийшовши з тісного гурту інтеллігентських верств, увійшла в стадію важливого питання внутрішньої, а навіть й зовнішньої російської політики. Українські сили скріпились, політичні гасла скрісталізувалися. Справа визволення недержавних націй з під гніту й утисків бюрократичного централістичного уряду сплелася з політично-національною долею України. З цих джерел випливають два дуже знаменних з'явища:

Спілка на грунті солідарности національних інтересів всіх недержавних народів Росії — (і) жах уряду перед всякими виявами національного життя на Вкраїні.

Товариши! Уряд боїться нас, бо знає, що від українців більш ніж од кого иншого з народів Росії залежить наближення смерти їхньому огидливому, безглуздо-шаленому націоналізмові. Звідси походять їх заборони, які вертають нас до ганебної пам'яти часів 63 та 76 років, через це, нарешті, маємо факт заборони свята в знак шаноби нашого Великого Генія *Тараса Шевченка.*

Вони знають, що ім'я Шевченка — це той міст, по якому ми підемо до мас, вони знають, що нихто инший, як Шевченко кинув запальні слова дужого протесту і по-ставив ті слова на сторожі нашого *відродження.* І ті слова ведуть вперед бадьорих, оживляють підупалих духом, будять сонних, приспаних.

Кинемо ж в масу нашого люду Шевченкови гасла. Організовано, як одна людина, виявимо свій протест і цей протест буде пропагандою ідей Великого Кобзаря.

Страйкуймо 25 лютого в знак протесту. Хай живе Автономія України, хай живе солідарність всіх недержавних націй. Геть пануючий націоналізм. Геть обрусительну урядову політику. Хай живе організоване українське студенство.

Об'єднане українське студенство м. Києва

3

«Вставайте-кайдани порвіте
І вражою, злою кровью волю
окропіте!
Боритеся-поборите!»

ТОВАРИЩИ!

Приближается день столетия со дня рождения великого поэта революционера Тараса Шевченко. И это не простой юбилейный день памяти великого поэта — это

день более глубокого юбилея — юбилея огненного социально-демократического и национального протеста, который бросил мужик, гений Украинского народа. День Шевченка — 25 февр*аля* — день праздника революционно-классового и национального самосознания народов, запертых бюрократически-централизаторской, полицейско-руссификаторской Россией. Веками угнетенная украинская трудящаяся масса крестьянства сказала свое революционное слово устами Шевченко. Слово это загорелось огнем, промчалось по Украине и вышло далеко за пределы ее, будя «всех живых и мертвых и неродившихся» сильных духом, крепких силами, мощных боевым протестом. Мы были свидетелями массового пробуждения демократии, активного ее выступления, непродолжительной победы, и теперь снова стоим в полосе господства бешеного разгула реакционных сил. Тяжелая рука господствующих придавила свободную, даже чисто культурную самодеятельность демократии, безудержный бюрократический централизм придушил негосударственные народности России. Но и наши силы ростут, лозунги популяризируются и параллельно с этим демократия организовывается и готовится к революционному выступлению. Товарищи, мы призываем вас к *политической забастовке* 25 февраля в знак протеста.

Пусть Шевченковский день станет днем революционного протеста против политики всеобщего душительства и изгнивающих форм современного бюрократического режима.

Долой национальный гнет и да здравствует автономия каждой национальности!

Да здравствует вторая российская революция.

Да здравствует социализм!

Общекоал. Совет Выс. Уч. Завед.

г. Киев февраль 1914.

Випущено 5000 екз. Відозву гектографовано.

4

ГРОМАДЯНЕ

Сто літ минуло, як народилась людина, що кинула вогнені слова геніально натхненного протесту проти здирства, гніту, дикої експлоататорської вакханалії пануючих, протест стихійний українського народу, віками пригніченого, затурканого, зведеного до стану «дійної корови» для всіх своїх і не своїх, хто лише хотів дерти з нього.

Більше ніж півсотні років лунає цей крик змученого геніального серця, оддається в грудях всіх, хто пробуває в замкненій поліцаями та жандармами на важкі замки «тюрмі народів» — нашій славній нагаями, свавільною бюрократією й монопольной великій державі.

Багатьох збудив з сну цей крик поета, дзвонаря революційних гайдамацьких виступів пригнічених і поневолених. Багатьох покликав до боротьби й послав в кріваву січу з тими, хто заступав світ і волю всім народам.

Але діло, до якого кликав Шевченко, ще не кінчено, ми ще й досі стоїмо перед сильним муром, який оберігав наших ворогів, ми ще й досі не добились до вільної волі. Навпаки, кайдани поміцнішали, сили ворогів скріпли, реакційна хвиля радіючого націоналізму й політики душительства дійшла до найвищої точки, стоїмо в моменті підготовчому до боротьби і згідно з моментом виробляється наше завдання під нинішню хвилю. Вони зводяться до згромадження, зміцнення наших сил, організації їх, а се значить — пропаганда і повсякчасний протест-нагадування. Мусимо кріпити свої сили й збірати їх до недалекого поєдинку, другої російської революції.

В цій підготовчій атмосфері виразно намітився шлях нашої тактики, солідарність всіх груп демократії й опозиції всіх народів в найбільш важливому і болючому для нас пункті — поваленню сучасного поліцейсько-бюрократичного самодержавно-русіфікаторського ладу.

Ясно і виразно стали перед нами — завдання, шляхи наші і тактика. Мусимо якнайактивніше провадити їх в життя. На нашому прапорі червоніють вигуки: «Кайдани порвіте», а сьогодні, в день роковин замученого борця-генія, ми мусимо викинути цей прапор одкрито і гордо, міцними рядами вийдемо на вулиці і в організованій поважній демонстрації виявимо і нашу глибоку пошану і вдячну память генієві-революціонерові українського народу, і те, що стихійний протест його вже оформлений, вже вироблений. Нехай наш сьогодняшній наступ буде прелюдією до наступних організованих революційних протестів, а відтак — до революції.

Хай всі, хто розуміє необхідність організованої боротьби, виходе на вулицю і стає в лави демонстрантів.

Вічна пам'ять Шевченкові!

Хай згине сваволя пануючих, гніт демократії і національної неволі!

Хай живе солідарність всіх націй в Росії!

Хай живе Автономія України!

ГРАЖДАНЕ!

Сто лет прошло со дня рождения человека, бросившего огненные слова гениально-вдохновенного протеста против гнета дикой эксплуататорской вакханалии господствующих, стихийного протеста украинского мужика, веками угнетенного, забитого, поставленного в положение «дойной коровы» для своих и не своих, кто хотел только драть с него. Более полувека раздается этот крик измученного гениального сердца, отзывавшегося в груди всех, кто живет в запертой полицией и жандармерией тяжелыми замками «тюрьме народов» — нашей прославленной нагайками, своевольной бюрократией и монополькой — «великой державе».

Многих пробудил от сна этот крик поэта-звонаря революционных выступов угнетенных порабощенных, многих позвал к борьбе и послал в кровавую битву с теми, кто заслонил свет и волю всем народам.

Но дело, к которому звал Шевченко, еще не окончено. Мы еще до сих пор не сбросили позорных цепей, еще до сих пор не добились мы воли. Наоборот, цепи стали тяжелее, силы врагов окрепли, реакционная волна торжествующего национализма и политики душительства достигли своего апогея. Мы живем в момент подготовки к новой борьбе, согласно моменту определяются наши задачи: они сводятся к объединению и скреплению наших сил, организации и, следовательно, к пропаганде и открытому протесту, мы обязаны укреплять свои силы и подготовляться к поединку — новой всероссийской революции. В этой подготовке ясно наметился и путь нашей тактики, солидарность всех групп демократии и оппозиции всех народов в наиболее важном и больном для нас пункте — свержение существующего полицейско-бюрократического порядка, ясно перед нами стоят задачи, пути наши, тактика. Мы обязаны наиболее активно проводить их в жизнь.

На нашем знамени горят багряными огнями «кайданы порвите», а сегодня, в 100-летнюю годовщину замученного борца-гения, мы выбросим это знамя открыто и гордо. Сплоченными рядами выйдем на улицы и в организованной политической демонстрации проявим и наше глубокое уважение и благодарную память гениюреволюционеру украинского народа.

Пусть наше сегодняшнее выступление будет прелюдией к наступающим организованным революционным протестам, а отсюда к революции. Пусть все, кто понимает необходимость организованной борьбы, выходят на улицу и становятся в ряды демонстрантов.

Вечная память Шевченко.

Долой своеволие господствующих, безправие демократии и национальный гнет.

Да здравствует солидарность всех наций в России.
Да здравствует Автономия Украины.

Відозви надруковано на одному аркуші в два стовпця, при чому перший текст — український, другий — російський. Під обома текстами спільний підпис:
«Коаліційний Комитет».

Взято з Арх. Жанд. Управління, 1914, № 18, отд. II.

5

Wstawajte —
kajdany porwite!
Boritesia — poborete!
Za was syła,
za was wola
I prawda swiataja!

Koledzy!

Setna rocznica urodzin Wielkiego Piewcy demokracji, pozostającej pod podwójnym uciskiem spolecznym i narodowym, powinna stać się dniem wielkiej demonstracji polityczniej. Ci, którzy męczyli i znęcali się nad «chłopem-poetą» i nad wszystkimi ludźmi «od Mołdawanyna do Fynna», zabronili świętować pamięć męczennika

My, studency ukraińcy – socjalni-demokracy, zwracamy się do rewolucyjnego, inteligentnego ogółu studentów wszystkich narodowości z wezwaniem podtrzymania naszego protestu w formie jednodniowego strejku politycznego we wszystkich wyższych zakładach naukowych Kijowa.

Pamięć człowieka, który krwią serca i ciała zapłacił za swój rewolucyjny protest gienjuszu, powinna być swiętą dla każdego, kto czuje na sobie ciężką rękę «cariw, nesytych szynkariw». Zjednocz my się więc w ten dzień pod sztandarem, na którem krwawemi literami wypiszemy: *Taras Szewczenko.*

Niech nieobecność nasza w murach szkolnych w ten dzień będzie groznem memento mori dla panującego i szalającego nacjonalizmu. Niech wiedzą, że wkrótce rzucimy swe potężne rewolucyjne i nieustraszone:

«Sława, sława chortam i hończym i psariam,
i naczym batiuszkam-cariam sława!»

I te organizowane «sława» niech będzie hymnem smierci dla naszych ciemężców.

Koledzy! zastrejkujmy więc w dniu 25 lutego!

Вставайте —
кайдани порвіте!
Борітеся —
поборете!
За вас сила,
за вас воля
І правда
святая!
Т. Шевченко

Товариші!

Свято столітнього народження Великого Співця демократії, подвійно пригніченої — соціально й національно, мусить перетворитися в велику політичну демонстрацію. Ті самі, хто катували поета-мужика, а разом з ним і всі народи «од Молдованина до Фіна», заборонили свята страдника.

Ми, українські студенти соціял-демократи, звертаємось до революційної інтелігенції студенства всіх народів з закликом підтримати наш протест в формі одноденного політичного страйку по всіх вищих школах м. Київа.

Пам'ять людини, що кровью серця і тіла свого заплатила за свій революційний протест Генія, повинна бути святою для кожного, хто відчуває на собі важку руку «царів, неситих шинкарів».

Хай же в цей день об'єднаємось і ми під прапором, на якому червоними літерами напишем: *Тарас Шевченко.*

Хай наша відсутність в школах в цей день буде грізним Memento mori пануючому божевільному націоналізмові.

Хай знають, що ми скоро гукнемо могутнє, революційно-безстрашне:

... слава, слава хортам і гончим, і псарям,
і нашим батюшкам-царям.

І те організоване «слава» буде смертю для наших гнобителів.

Товариші! Страйкуймо 25 лютого!

Вставайте —
кайдани порвіте!
Борітеся —
поборете!
За вас сила,
за вас воля
І правда
святая!
Т. Шевченко

Товарищи! Праздник столетия со дня рождения Великого Певца демократии, угнетенной социально и национально, должен стать днем большой политической демонстрации. Те, кто истязали и мучили поэта-мужика, а вместе с ним и все народы, «от Молдованина до Финна», запретили празднование памяти страдальца. Мы, украинские студенты, социал-демократы, обращаемся к революционному студенчеству всех наций с призывом поддержать наш протест в форме однодневной политической забастовки во всех высших школах г. Киева.

Память человека, который кровью сердца и тела своего заплатил за свой революционный протест Гения, должна быть святою для каждого, кто чувствует на себе тяжелую руку «царів, неситих шинкарів».

Объединимся же в этот день под знаменем, на котором багряными буквами напишем: *Тарас Шевченко.*

Пусть наше отсутствие в школах в этот день будет грозным Memento mori господствующему, беснующемуся национализму! Пусть знают, что мы скоро бросим свое могучее, революционно-безстрашное:

... слава, слава хортам и гончим, и псарям
и нашим батюшкам-царям.

И это организованное «слава» будет смертью для наших угнетателей.

Товарищи! Бастуем 25 февраля!

[*Печатка червоною фарбою:* Українська Соціяль-Демократична Робітнича Партія. Київська Організація].

2 примірники прокл. в ділі К. Г. Ж. Упр. 1914 г. № 16,. т. 4, л. 5-8, половина звичайного аркуша впоперек. Текст український та російський друковано на машинці, а польський написано від руки печатними літерами. Гектографовано.

В тому ж ділі л. 1. Доклад Директорові Департамента Поліції. № 676, 16 березня 1914 р. «21 февраля сего года на станции Кожанка Юго-Западной железной дороги при осмотре трупа неизвестного студента, убитого поездом в ночь на указанное число на 71 версте от станции Киев, оказавшегося впоследствии студентом Киевского Коммерческого Института Федором Ивановичем Фащевским, в числе прочих документов, во внутреннем кармане платья убитого были обнаружены семь экземпляров прокламаций на польском, русском языках и малорусском наречии с печатью «Киевской Организации Р. С. Д. Р. П.» с призывом к забастовке на 25 февраля».

В ділі К. Г. Ж. Упр. 1914 р. № 16, т. 2, л. 2. Доклад Директорові Департамента поліції № 669 від 14 березня: «17 и 18 февр. в Киевском Политехническом Институте зарегистрировано появление в небольшом количестве прокламаций, изготовленных на гектографе, при чем текст таковых был написан от руки печатными буквами на русском, польском языках и украинском наречии». *В цьому ж ділі л. 6, зразок прокламації на трьох мовах. Тут инший порядок текстів: 1) український, 2) російський, 3) польський (в копії дано в перекладі).*

В ділі К. Г. Ж. Упр. 1914 р. № 16, т. 4, л. 1. Доклад № 676 від 16 березня: «В коридоре главного здания Киевского Политехнического Института 22 февраля сего года были разбросаны прокламации, указанные в приложении № 1». *(Текст її подано вище).*

Ще один варіянт цієї прокламації є в ділі 1914 р. № 16, т. 4, л. 9-10, а копія в ділі 1914 р. № 16, т. 2, л. 7. Половина звичайного аркуша; текст надруковано впоперек лише українською та російською мовою; друковано на машинці, гектографовано. Штемпель Київської Організації Української Соціяль-Демократичної Робітничої Партії. Цю прокламацію також було знайдено в кишені вбитого студента та на коридорах у Політехничному Інституті.

6

Российская Соц.-Демократическая Рабочая Партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТОВАРИЩИ!

Прошло сто лет, как родился великий народный поэт Украины Тарас Григорьевич Шевченко... Сто долгих лет, — терзающих народ бесправием и гнетом правительства.

«Кати знущаються над нами,
А правда наша п'яна спить» —

писал Шевченко. Не переставая издевается правительство и до сих пор над бесправным государством, преследует и угнетает всякую национальность.

Последнее время особенно излюбленным орудием борьбы с рабочим движением является травля крепостническо-дворянским правительством всех национальностей. Организуя «национально-русские» общества, преследующие человеконенавистнические цели, проводя постыдные процессы в роде дела Бейлиса, Правительство стремится национальной рознью раздробить силы пролетариата, натравить одну часть общества на другую. Та же политика ведется и в связи с чест-

ванием памяти народного поэта. Так поступало правительство всегда, когда народ хотел чтить память лучших сынов своих.

Тарас Григорьевич Шевченко был не только украинский народный поэт: в своих произведениях он отразил весь гнет крепостнического строя, весь ужас народного бесправия. Гонения и ссылка пали на долю певца. Рабочий высоко чтит память поэтов-демократов. В их скорби он чувствует свою скорбь, их призывам к борьбе за право он находит отклик в своем сердце.

Сто лет минуло... И пролетариат не спит, как спал народ во времена Шевченко, придавленный крепостниками-помещиками. Пролетариат ведет героическую борьбу с капиталистическим строем. Из года в год рабочее движение становится все шире и глубже. Связываясь в широкую интернациональную семью, рабочий борется против угнетения всех наций. В широком размахе борьбы за свое освобождение он вмещает лозунг — свобода всем национальностям. Социал-демократия, истинный проводник рабочих идей, на своих боевых знаменах начертала: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

. Этот клич широко разнесся по всему миру, и миллионы рабочих идут под свои знамена на защиту попранных капиталистами прав. В день памяти поэта вы, товарищи, присоединяйтесь к общему протесту против правительственного угнетения, протестуйте против поработителей ваших прав и прав наций.

Только с падением самодержавного строя будет легче рабочему бороться за свою долю, о которой так часто упоминал покойный поэт. В день памяти поэта-трибуна вспомните о светлом грядущем строе, о социализме. Помните, что в борьбу за социализм против угнетателей всех наций идет рабочий класс — пролетариат. Крепче связывайте, товарищи, борьбу воедино! Куйте прочные связи классовой солидарности!

Долой самодержавие!

Да здравствует Демократическая Республика!

Да здравствует социализм!

Да здравствует Российская Соц.-Дем. Рабочая Партия!

Печатка червоною фарбою: «Комитет Киевской Организации Р. С. Д. Р. П.».

7

ТОВАРИШІ.

Життя Т.Г. Шевченка, пам'ять якого ми шануємо 25 і 26 лютого, є символом життя українського народу. Утиски і знущання на протязі цілого життя, заборона творчости — це доля поета, це доля України. День пам'яти співця нашої волі, який мусів би стати для нас днем радістного святкування визволення України, є і досі тільки днем нашої національної жалоби. Море крови і сліз принесли нам в цей рік кати своїм пануванням. Смерть і руїну посіяли, щоб стати дужими з нашого безсилля. Зграя царських прибічників з жорстокістью душогуба грабує, нищить наші дорогоцінні національні скарби, нівечить найдорожчі святощі національно-політичного життя, здобуті в тяжкій боротьбі братами-галичанами. Повні ненависти і протесту проти гнобителів ми кличемо, товариші, до святих заповітів того, хто кинув могутнє гасло, запалив в серцях вогонь до боротьби, до визволення, хто в серці носив муки і сльози Українського народа і заповідав *«борітеся — поборете»*.

Товариші! Страйкуймо в ці дні — дні пам'яти генія України.

Інформаційне Бюро Київського Українського Студенства.

Відозву гектографовано.

8

Партія Українських Соціалістів-Революціонерів

ТОВАРИШІ

В бурхливий час світової війни, коли міліони народу, відірваного від рідних земель, від щоденної праці, поставлено під багнети обороняти цілком чужі інтереси буржуазії і капіталістичних урядів, доводиться нам святкувати річницю народження і смерти Тараса Шевченка.

В ці роковини націоналістична свистопляска на інородческих спинах досягла найвищого щабля і через те мусимо з найбільшою активністю поставитись до войовничих замірів централістичної буржуазії і найбільшого одвічного ворога нашого — російської держави.

Нехай шаліють російські кати, нехай ще ряснійшим дощем репресій засипають Україну, — прийде час, і вона, могутня і вільна, встане для великої і вічної будучини.

Стоючи на ґрунті міжнароднього соціялізму, ми, українські соціялісти-революціонери рішучо протестуємо проти захоплення ідеалами імперіялістичної політики і закликаємо всіх, кому близькі інтереси трудівничого народу, до організованої боротьби з російським царатом, за волю України, за ту велику, нову сім'ю вільних народів, в якій кобзарь нам заповідав «спомянути незлим, тихим словом».

В жорстокій боротьбі загартуються наші сили; в велику ж для нас річницю народження найбільшого нашого поета-громадянина, коли ідея міжнародньої солідарности піднята на багнети, ми оголошуємо —

Хай живе міжнародній соціалізм. Хай живе вільна Україна.

Київська група українських соціялістів-революціонерів.

Один примірник прокламації з копією в ділі К. Губ. Жанд. Упр. 1915 № 45, л. 3 і 4. Половина аркуша. Друковано на машинці чорною фарбою і розмножено через восковку.

В ділі К. Г. Ж. У. 1 15, № 45, л. 1-2. Справка. Пристав Либедского Полицейского г. Киева участка при отношении от 25 февраля с. г. за № 1204 представил во вверенное мне Управление один экземпляр прокламации от имени Киевской Группы Украинских Социалистов-Революционеров на украинском языке, випущенных по случаю рождения малороссийского поэта Тараса Шевченко. Прокламаций всех было брошено в пачке 32 экземпляра в коридоре первого этажа в здании К*иевского* Университета неизвестно кем около 2 ч. дня 25 сего февраля. — Прокламации эти на студентов никакого впечатления не произвели и занятия прошли нормальным порядком.

Остальные экземпляры прокламаций оставлены ректором К*иевского* Университета для представления попечителю К*иевского* Учебного Округа.

Пристав Бульварного Полиц*ейского* г. Киева участка при надписи от 25 сего февраля за № 847 препроводил во вверенное мне Управление протокол опроса смотрителя здания К*иевского* Политехнического Института Ив. Елис. Белика, служителей Прох. Мих. Кузьменко, Серг. Андрон. Казько, Як. Андр. Олейника, Диомида Меф. Слободянюка, Ив. Макс. Наумова по поводу найденных ими наклеенными на стенах в здании Института прокламаций, випущенных от имени К*иевской* Группы Укр. соц.-рев. и от имени Информационного бюро К*иевского* украинского студенчества... Три (прокл.) от имени К*иевской* гр*уппы* Укр. с.-р. отпечатаны на полулисте писчей бумаги на пишущей машине.

Среди студентов-политехников было спокойно, никаких волнений не было и занятия происходили нормальным порядком.

25/II 1915.

9

СВЯТОЧНІ ПАРАЛЕЛІ

В час найбільшої колотнечи, коли на багнетах безпомічно покоїться ідея вселюдської згоди, мусимо згадати нашого найбільшого поета, що в поетичній творчости утворив собі ідеал життя, в якому «врага не буде, супостата, а буде син і буде мати, і будуть люде на землі». Є якась безодня, прірва, провалля (його же не прейдеши) між цими ідеальними рисами майбутнього людського життя і тим, що нині коїться в найкультурніших місцях земної кулі. Бо як раз тепер нема сина, нема матері, — а «ворог і супостати».

Бурхливі хвилі крови захоплюють все ширші простори, брязкіт зброї все більш призвичаює людські маси до панування жорстоких інстинктів, і життя, як таке, робиться безцінним.

Величезне напруження економічних сил, яких потрібує війна, кидає на непевний шлях майбутнього цілі народи, краї, з їх віковічними культурами, політичними традиціями минулого і викликає трівогу, що-до людської будучини.

Моменти, подібні до сучасного, переживаються людськістю раз на вік. І від того, як відіб'ються вони на національно-громадськім житті народу, залежить до певної міри його будучина.

Через те ми вважаємо цілком доцільним тепер, коли нас від поета відокремлює більш, як півстоліття, спинитися над деякими з'явищами українського життя, котрі відогравали певну ролю в історії нашого народу й лишили по собі більш-меньш виразний відбиток на послідуючім ході української історії. Це тим більш потрібно зробити зараз, чим швидче наближається час реальної розв'язки світових подій, чим гостріше відчувається потреба незалежної української орієнтації, яка-б цілком відповідала *інтересам трудівничих кляс* нашого народу.

Дальше йде історичний огляд минулого України, перегляд ріжних «орієнтацій» українських партій, і висновок:

Відносячись негативно до політичних плятформ в дусі «Союзу Визволення України», ми хочемо підкреслити, що центр ваги політичного розвитку України полягає в розвиткові класової боротьби, в повільнім, але непереможнім ході трудівничого народу до соціяльно-політичного оновлення, до волі, до вищого громадського щабля. І ця воля, чи буде вона державною самостійністю України, — виборена народньо-свідомими силами, спаяна боротьбою вона буде міцною підвалиною українського народнього храму і «врата адови не подолають її».

Стоючи на такім розумінні політичної боротьби українського народу, — в день нашого національного свята ми закликаємо громадянство до незалежної української орієнтації, котра ґрунтується на інтересах українських трудівничих мас, на боротьбі за перехід до вищих щаблів соціяльно-економічних організацій.

Бо тільки ця боротьба наблизить нас до вільної будуччини, цілком незалежної від того, чи подолає у війні Австрія і чи упаде Росія, цілком вільної від того чи иншого результату міжнародніх катастроф, але зв'язаною з основою народнього життя, зміцненою народньою свідомістю.

Нехай же в біжучу велику річницю всі, хто близько перейнявся інтересами трудової України, прилучиться до активної політичної боротьби, до організації свідомих соціялістичних сил українських, до найширшої агітації наших ідей в широких масах народу, бо лише боротьбою здобудемо право своє...

Борітеся — поборете!!

«Боротьба», Орган київської групи українських соціялістів-революціонерів. 10 березня 1915 р. № 2.

Друковано на машинці in 8° на доброму папері дрібним шрифтом і розмножено. — Цитована стаття являє собою передовицю. В кінці журналу в хроніці наводиться тексти Шевченківських відозв Київ. групи У. С. Р. та Інф. Бюро Київ. Укр. Ст-ва.

Вгорі приписка:

25 февр. 1916 г. обнаружена в здании Политехникума и прислана приставом Бульварного участка.

10

ТОВАРИШІ

26 лютого роковини смерти Тараса Шевченка. Вже вдруге підчас війни святкуємо ми пам'ять нашого поета, життя котрого пройшло в завзятій боротьбі проти всякого насилля, проти деспотизму і сваволі урядовців.

Тепер, коли людська кров ллється рікою, коли міліони людей нищать один одного по волі катів, що панують над нами, додаємо свій голос до загально-демократичного протесту проти рабства неволі і гніту. Ми протестуємо проти утисків нашому слову, проти повної зневаги до наших прав і інтересів. Твердо вірячи в силу й майбутність нашого народу, ми сміливо кажемо:

«Смійся, лютий враже,
Та не дуже».

Присвятемо ж, Товариші, день 26 лютого пам'яти того, хто все життя і всю силу свого дару віддав на боротьбу за кращу долю свого народу.

Київ 24 лютого 1916 р.

Інформац. бюро Київського Укр. студенства.

Відозву гектографовано на одній шпальті паперу. (Архів К. Г. Ж. Упр. 1916-1917 р. № 46).

Вгорі приписка:

25 февраля 1916 г. обнаружена в здании Политехникума и прислана приставом Бульварного района.

11

З НАГОДИ 55 РОКОВИН СМЕРТИ ГЕНІАЛЬНОГО БОРЦЯ ЗА САМОСТІЙНУ УКРАЇНУ

Биті незмірним сучасним горем, у подвійній жалобі стрічаємо отсї роковини смерти ідейного сподвижника, ідейного проводиря нашого, Тараса Шевченка.

Овиди (обрій) всіх наших думок в крови «незрячих» братів купаєся. Багнети в руках Українців стремлять проти Українців. І мордує брат брата по приказам свого ката ї лиє ся кров не лиш що не за своє право, але противно: за зміцненнє тортур над самим собою. За зміцненнє власних кайданів.

Так. За Московщину лиє ся кров, неповинна кров.

Ох, як прикро, як прикро. Батьку Тарасе, що ворог своїм насиллєм глумить ся. Як прикро, коли бачиш, що ворог не так великий шмат часу заступив своїми багнетами дорогу Твому вогненному слову в серце Твоїх братів незрячих.

Так. В подвійній жалобі стрічаємо Твої роковини, наш геніє, но не в безнадійності. Хоч як вороги хтіли би її створити.

Противно, проміння оголошених Тобою ідей світять нам своїм вічним невгасимим світлом. Вічність Твоїх ідеалів каже нам, що і діла наші, на них оперті, мусять бути незнищині. Ось звідки наша віра, що теперішні змагання ворогів наших чи не

останнє напруженнє їх знікчемнілих і темних сил. Ось звідки наша віра, що зближає ся досьвідок, де в огненне Твоє слово осьвітить всіх сяєвом і силою сходячого сонця, якому незрячі поклоняться. Ось де наше право двигнути протест проти проливу крови наших битих і кривджених міліонів. Протест, який нестримно виливає ся з нашої зболілої груди, який ставимо на могилах невинно полягних братів.

Одиноким для нас спільним під сю пору кличем можуть бути лиш отсі слова: «Ані краплини крови в оборону Московщини. Ані єдиного життя для оборони нашого до теперішнього поневолення. Хай ворог гине. Хай розпадеть ся від гуркоту гармат царат азійський, хай на руїнах його заблисне навіки невгасиме сяйво *незалежности* нашої.

Браття!

Час піднести малинові стяги, з яких би нам віяло:

...Вставайте..,
Кайдани порвіте... !!!

К. 26/II 1916.

Гектографовано, текст чіткий, на 1/2 аркуші паперу, чітко. (Арх. К. Губ. Жанд. Упр. 1916-1917 р. № 46).

12

ТОВАРИШІ

В дні урочистого нашого національного свята, в протестуючі роковини *Тараса Шевченко*, що їх звикло разом з нами бучно обходити демократичне студенство всіх націй — знов до Вас звертаємось!.. «Кругом неправда і неволя. Народ замучений мовчить»... Мовчать *там* батьки й брати в сірих шинелях солдацьких, кладучи життя своє за ті нагайки й кулемети, що розставляє уряд по ріжних містах і селах, за вічну темноту, за злидні, голод і холод, що терплять їхні жінки й діти тут.

І *тут* все мовчить. Мовчать не тільки сірі маси, — мовчать і ті, хто повинен головою бути тим німим масам, хто повинен напружувати всю енерґію, щоб розбудити, організувати, двигнути. Що робить молода інтеліґенція, широкі верстви демократичного студенства? Щось не ґусті лави організованих сил, щось не чутно їх голосу... «Люде стогнуть у кайданах, немає з ким взятись розкутися одностайне, одностайне стати за єванґеліє правди, за темнії люде!..» Товариші! До всіх націй звертаємось, всіх кличемо до життя!..

Говоримо і до тіх з Вас, що на лоні України зросли! — Темнота, гніт і всі болі 30-ти-мілійонного народу нашого, серед якого живете й жити маєте, — кричать до Вас. Ваш обов'язок — дбати про кращу долю демократії своєї. І то не тільки обов'язок — в тім суть Вашого життя. Тільки в злуці з трудівничим селянством, робітництвом і інтеліґенцією України — вся цінність і гармонія Вашого життя! В день Тарасового свята його ім'ям кличемо Вас до творчого життя! Творчости вимагає сучасна хвиля, коли на терезах світової війни важиться доля народів. Наближається час справедливого розвязання національного питання, час волі пригнічених націй. Вже братньому польському народові забезпечено право вільного і незалежного національно-політичного істнування. Вже розбився мур націоналістичного централізму Російської держави! Повна воля націй — такий лозунґ сучасного менту! Тієї волі давно чекає і прагне український нарід! Українська «проблема» повинна тепер стати і стане на передній кон політичного життя. Сподіваємось, що сьогорічне сьвято Шевченка буде останнім «німим» святом «німого» народу.

Сваткуймо дні ґенія протесту проти неволі і лиха демократії всіх націй (25-26. II)!

Хай живе організоване студенство! Хай живе український універсітет! Хай живе Вільна Україна!

25-26. II. 1917.

Інформаційне Бюро Київського Українського Студентства.

Цю останню Шевченківську відозву поширено було в двох виглядах. Частина була друкована на машинці, частина — написана від руки й помножена на гектографі. — Обидві форми фіксувалось на піваркуші звичайного паперу.

Нелегальні відозви з нагоди Шевченківських роковин / Ред. і передм. О.Ю. Гермайзе. Харків, 1925. С. 39-64.

Святкування 100-ліття з дня народження Тараса Шевченка і Університет св. Володимира
26 лютого — 19 травня 1914 року

№ 1
Повідомлення «Киевской мысли» (1914, 26 февраля, № 57)

Телеграммы

Киевскими украинскими учреждениями получен ряд телеграмм по поводу столетия рождения Т.Г. Шевченко.

Получены телеграммы: из Петербурга — от студентов горного института; Москвы — «Латышские студенты и студентки, проживающие в Москве, горячо приветствуют украинцев по поводу столетнего юбилея певца свободы Шевченко»; из Харькова — от правления литературного кружка технологов: «Литературный кружок студент*ов*-технолог*ов* в день столетия со дня рождения певца украинского народа Тараса Шевченко с глубоким чувством радости присоединяется к общему голосу торжества и преклоняется перед памятью великого «батька»; из Праги (Австрия), от пражской украинской колонии; Одессы — от студентов украинцев; Владикавказа — от группы горцев — «Кавказские горцы, чествуя память великого поэта Тараса Шевченко, поддерживающего их своим могучим словом в тяжелую годину, просят передать всем собравшимся, что память о нем всегда будет жить в сердцах вольнолюбивых племен Кавказа, увидевших, что для великого человека нет ни эллинна, ни иудея»; Феодосия — от украинского кружка; Глухова — украинской молодежи; Нежина — студентов-украинцев; от украинцев слу-

Тарас Шевченко. Автопортрет 1860 р.

шателей киевских политехнических курсов; Иркутска — «Украинский кружок «Громада» в знаменательный день столетнего юбилея выражает чувства глубокого преклонения и беспредельного уважения к памяти великого гения украинского народа, нашего «батька Тараса»; от «сибирского землячества» в Киев и ряд др. телеграмм.

На имя председателя украинского научного *общест*ва проф. М.С. Грушевского из Петербурга от академика г. Шахматова получена следующая телеграмма: «В лице вашем приветствуем оба научные украинские общества по поводу 100-летней годовщины рождения славного поэта Украйны».

№2
Інформація ректора Університету св. Володимира попечителю Київського учбового округу. 27 лютого 1914 року

Февраля 27 дня 1914 г.
№ 1175

Его Превосходительству
Господину Попечителю
Киевского Учебного Округа

Имею честь донести Вашему Превосходительству, что 25-го сего февраля (день столетия со дня рождения Шевченко) и 26-го (годовщина смерти Шевченко) прошли в Университете совершенно спокойно.

25-го все лекции в главном здании состоялись, кроме лекций профессоров: Покровского (одной из двух), Суслова, Косоногова, Чаговца, приват-доцентов: Карпеко, Кушакевича, Бялобржеского и Воскобойникова за неприбытием слушателей. Лекции профессоров медицинского факультета, читаемые вне главного здания университета, в госпитальных и университетских клиниках, анатомическом театре, за исключением некоторых практических занятий, не состоялись.

В тот же день 25 февраля на различных лекциях в главном здании университета присутствовало 1250 человек (менее обычной нормы человек на 300-350).

Образцы прокламаций, найденных в различных помещениях университета, были доставлены Вашему Превосходительству мною и Проректором Университета.

Ректор Н. Цытович *(підпис)*
За секретаря Совета *(підпис)*

№ 3
Повідомлення ректора попечителю про звільнення студентів — учасників заворушень 19 травня 1914 року

19 мая 1914 г.
№ 26
Секретно

Его Превосходительству
Господину Попечителю
Киевского Учебного Округа

Правление университета св. Владимира в заседании своем 15 марта сего года, рассмотрев постановление г*осподина* Киевского Губернатора от 28 февраля текущего года о наложении им в административном порядке взысканий на участников уличных беспорядков, происходивших 25 и 26 февраля 1914 года в г. Киеве, в связи с столетием со дня рождения поэта Т.Г. Шевченко, среди коих находились и студенты университета св. Владимира, постановило: уволить из университета на основании п.1-го «Особых правил», утвержденных Г*осподи*ном Минис-

тром Народного Просвещения 14 мая 1882 года, тех из студентов — участников упомянутых беспорядков, кои были подвергнуты в административном порядке аресту свыше 2-х недель, а именно: Беридзе Анисима Алексеевича, Файнштейна Самуила Михайловича, Балковского Антона Ивановича, Бернацкого Эдуарда Октавиановича, Соколовского Всеволода Анатолиевича, Лященко Сергея Михайловича, Сайделя Адольфа Иогановича, Схино Всеволода Петровича, Окроперидзе Николая Георгиевича, Шредера Вильгельма Давидовича и Гачечиладзе Владимира Виссарионовича.

О вышеизложенном честь имею донести Вашему Превосходительству вследствие секретного предложения от 14 марта сего года за № 9846/1431.

Ректор Н. Цытович *(підпис)*

ЦДІАК, ф. 707, оп. 82, спр. 48, арк. 15, 32, 77-77 зв.

Справа про встановлення бюста Льва Толстого в актовому залі університету та студентські заворушення в річницю смерті письменника 1911 року

№ 1
Повідомлення «Вестника Союза Русского Народа». 18 вересня 1911 року

Надругательство

В «Земщине» № 758 помещено чудовищное известие, которому не хочется верить: «Министерство Народного Просвещения удовлетворило ходатайство университета св. Владимира о разрешении установить в актовом зале бюст гр. Льва Толстого, состоявшего почетным членом киевского университета».

Помилуй Бог — что же это такое! В университете Святого Владимира — бюст богоотступника, еретика, безбожного губителя и развратителя юных душ! Где же влияние церкви? Куда мы идем? Неужели это правда? Неужели будет допущено это публичное жидовское торжество?

№ 2
Відношення генерал-губернатора Федора Трепова ректору університету з вимогою пояснень щодо публікації

24 сентября 1911 г.
№ 2390

Ректору Императарского
Университета св. Владимира

Препровождая при сем вырезку из № 67 «Вестника Союза Русского Народа» от 18 сего сентября, в коей сообщается о предполагаемой установке в актовом зале Университета бюста графа Л.Н. Толстого, прошу Ваше Превосходительство сообщить мне, с возвращением приложения, сведения и Ваше заключение по содержанию препровождаемой заметки.

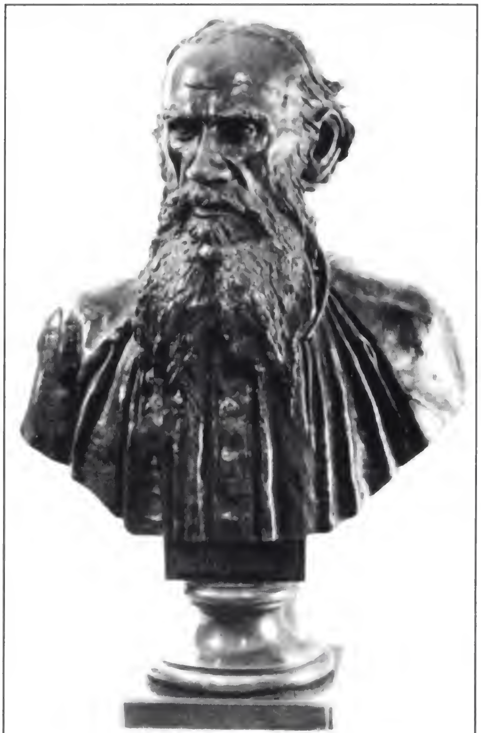
Генерал-губернатор Трепов *(підпис)*
Управляющий канцелярией Булгаков *(підпис)*

№ 3
Пояснення ректора Університету св. Володимира від 30 вересня 1911 року

Сентября 30 дня 1914 г.
№ 3378

Его Высокопревосходительству
Господину Киевскому, Подольскому и
Волынскому Генерал-Губернатору

По поводу присланной Вашим Высокопревосходительством на мое заключение заметки «Вестника Союза Русского Народа» имею честь объяснить, что Совет Императорского Университета Св. Владимира, возбуждая перед г*осподином* Министром Народного Просвещения ходатайство о разрешении поставить бюст графа Л.Н. Толстого в актовом зале Университета, имел в виду почтить память писателя, оказавшего огромное влияние не только на русскую, но и на мировую литературу своими литературными произведениями, полными художественной правды и проникнутыми высоким нравственным чувством, и состоявшего притом почетным членом Киевского Университета. Совет Университета полагал, что писатель столь исключительного значения, как покойный Л.Н. Толстой — писатель, который привлек к русской литературе внимание всего мира, который заставил ценить и уважать русский гений далеко за пределами России, который своими художественно-литературными произведениями оказал благотворное влияние на целые поколения русских людей, который, наконец, оставил нам захватывающее своею правдивостью и живостью изображение одной из замечательных эпох русской истории, отмеченной высоким национальным одушевлением — заслуживает того, чтобы быть почтенным университетом, несмотря даже на противоцерковные и противоправительственные произведения последних годов своей жизни, в сущности не имеющие связи с его предшествующею литературною деятельностью и большинству русской публики вовсе не известные. Таким мотивом было вызвано ходатайство Университета о постановке бюста Л.Н. Толстого в актовом зале, уже получившее утверждение г*осподина* Министра Народного Просвещения.



Бюст Льва Толстого.
Скульптор Микола Ге. 1890 р.

Ректор Н. Цытович *(підпис)*
Секретарь Совета *(підпис)*

ЦДІАК, ф. 442, оп. 861, спр. 205, арк. 1-3.

№ 4
Копия рапорта Киевского Полицеймейстера от 8 ноября 1912 года за № 18361 на имя Киевского Губернатора

В течении дня 7 ноября, по случаю годовщины смерти писателя Л.Н. Толстого, имели место нарушения порядка в следующих местных высших учебных заведениях, а именно:

В Политехническом Институте

До 11 часов утра собралось студентов слишком мало, не более 100 человек, а между 11-12 час. студенты стали прибывать в Институт более усиленно и по подсчету в 12 час. уже было 465 человек. Собравшиеся студенты в большинстве не приступали к обычным занятиям, а группировались в главном коридоре кучками и вели оживленные разговоры. В то же время в разных местах по коридору появились вывешенные по стенам прокламации, которые усиленно снимались служителями Института. Одну из прокламаций снял со стены какой то студент-академист, но его сейчас же окружили и избили по лицу другие студенты. В 12 часов был выставлен на стене портрет Толстого, вырезанный из журнала «Солнце России», окаймленный по стене черным углем. Смотритель зданий отправился снять портрет, но при его приближении студенты успели снять и спрятать портрет. В 12 час. дня портрет Толстого снова был вывешен и возле него собралась большая толпа студентов, более 100 человек и из толпы раздалось пение: «вечная память». Сейчас же было доложено Директору Института Г. Жукову, который вышел в коридор; при появлении его студенты расступились и Г. Жуков прошел в средину толпы; в этот момент по адресу Директора раздалось несколько свистков. Директор настойчиво потребовал прекратить беспорядок, указав студентам на их бестактность, и пригрозил, что вызовет наряд полиции. Студенты ответили, что сейчас разойдутся; небольшая же кучка студентов продолжала пение и успели пропеть «вы жертвою пали в борьбе роковой» и «вставай подымайся рабочий народ». Пение продолжалось не более пяти минут, а затем часть студентов оставила институт; большинство же разошлось по аудиториям и чертежным и продолжали занятия. Установлено, что в беспорядке участвовала группа студентов в 40-50 человек, а остальные составляли толпу любопытных, в которой было более 200 человек.

Очередные лекции и практические занятия прошли при значительно меньшем числе слушателей против обыкновенного — нормальное число студентов, посещающих ежедневно институт, бывает более 1000 человек; в день же 7 ноября значительное большинство студентов не явилось, очевидно, в целях избежать участия в беспорядках.

Так как беспорядок окончился по требованию Директора Института немедленно, то не представлялось надобности вводить наряд полиции, который находился все время вблизи Института. Пристав Бульварного участка Пилецкий находился в самом здании Института, в конторе смотрителя.

Прокламаций снято было со стен 31 экземпляр, отпечатанных на гектографе, составленных в трех различных содержаниях, а именно: 1) начинается обращением к товарищам по поводу смертной казни, с датой «7 ноября 1912 г.», от имени У.С.-Д. и У.С.-Р; 2) от имени Фракций социал-демократов К.П.И. и социалистов-революционеров К.П.И., с датой «6 ноября 1912 г.» и 3) отчет Киевской кассы помощи политическим ссыльным и заключенным красного креста, по Политехническому Институту за 1911-1912 учебные годы, с красной печатью.

Из числа этих прокламаций по одному экземпляру представляется при сем, а остальные отосланы Начальнику Киевского Охранного Отделения, донесено прокурорскому надзору и Начальнику Киевского Губернского Жандармского Управления.

В Университете св. Владимира

Около 11 часов утра в нескольких местах главного здания были разбросаны прокламации одинакового содержания, отпечатанные на гектографе, от имени «общеорганизационного совета Киевского Университета» с датой «7 ноября 1912 г.», каковых подобрано 8 экземпляров. В 12 часов дня учебный коридор стал наполняться массой студентов, среди коих преобладали медики; появление последних в главном здании явно предвещало подготовление студенчества к беспорядкам, ибо в этом здании лекции медикам не читаются. Настроение студентов, которых в этот день находилось в Университете 2200 человек, было возбужденное. В 12 час. 20 мин. дня студенты стали группироваться небольшими кучками и в одной из них началось пение «вечной памяти», а в другой — «марсельезы»; в это же время студенты-академисты запели гимн «Боже, Царя Храни». Бывшие в Университете, для наблюдения, чины полиции закрыли железную дверь коридора, в котором началась студенческая сходка, дабы вызвать наряд полиции, достаточный для задержания участников сходки. До прибытия наряда Ректор Университета Г*осподин* Цытович потребовал открыть дверь и предложил студентам прекратить сходку и разойтись во избежание быть переписанными и вообще столкновения с полицией, имеющей сейчас прибыть. Все студенты бросились к выходу из Университета и как раз в этот момент подоспел наряд полиции, заставший выходящую из Университета толпу студентов. На парадном ходе чинами полиции были задержаны четыре студента, начавшие было петь: «вечную память», а именно 1) Иосиф Николаев Святецкий (дом № 44 по М. Благовещенской улице) 2) Владимир Васильев Багрий (Караваевская улица № 29) и 3) Петр Иванов Козлюк (Ново Тарасовская улица № 29); 4) Николай Григорьев Клепачевский (Нестеровская улица, дом № 3), а также задержан студент Борис Александров Колибрин (Ирининская улица, дом № 3), который при расхождении студентов обратился к ним с следующими словами: «товарищи, постоим за своих». Задержанные пять человек были отправлены в Лыбедской участок, а вечером освобождены, с разрешения Вашего Превосходительства. По выходе из стен Университета студенты расходились на улице в разные стороны, при чем одна группа их, человек около 100, направилась по Бибиковскому бульвару к Коммерческому Институту, но не доходя до последнего была быстро рассеяна нарядом полиции, а другая часть студентов, приблизительно в таком же количестве, направилась было по Владимирской улице и на углу Фундуклеевской улицы, также рассеяна нарядом полиции.

Микола Канівець. Початок XX ст.

По полученным сведениям, в здании Университета, во время пения «вечной памяти» студент-медик 2 курса Вячеслав Федоров Василевский начал говорить речь, но свистки студентов-академистов заглушили речь и пение; тогда студенты-участники беспорядка бросились на академистов с целью избиения их, и во вре-

мя этой схватки получили удары студенты-академисты Григорович-Барский и Рутский, а также педель Никита Годуненко. В избиении последнего и студентов-академистов принимал участие студент Владимир Багрий (вышеупоминаемый) и вообще он был зачинщиком драки. Кроме того имеются сведения, что в драке и беспорядках видное участие принимали студенты: Владимир Борзаковский, Вольф Симхов Розенбойм, Василий Александров Кононенко, Стефан Карлов-Захаров Заорский, Михаил Гиляриев Дембский, Иона-Лейба Рабинович, Шлема Янкелев Котленко и Николай Александров Шепелевский.

Все назначенные по расписанию лекции в Университете состоялись, но при сравнительно меньшем числе слушателей, чем в обыкновенное время; не читал лекцию лишь профессор Кнауэр, который не мог пройти в аудиторию из за большого скопления студентов в коридоре.

Из числа найденных в Университете прокламаций один экземпляр представляется при сем, а остальные отосланы Начальнику Киевского Охранного Отделения, о чем донесено прокурорскому надзору и Начальнику Губернского Жандармского Управления.

В Женском Медицинском Институте

К слушанию назначенных по расписанию лекций явилось самое незначительное число слушательниц — от 4 до 20 душ на лекцию, вместо 150-200 душ, являющихся в другие дни. В остальном порядке нарушен не был.

В Киевском Коммерческом Институте и на Высших Женских курсах занятия прошли нормально и никаких нарушений порядка не было.

На фабриках и заводах работы шли правильно в течении целого дня и каких либо беспорядков не было. Так равно не было нарушения порядка и на улицах. В общем день этот, за исключением событий в Университете и Политехническом Институте, прошел в городе спокойно.

Об изложенном доношу Вашему Превосходительству и ходатайствую о подвержению вышепоименованных студентов Университета взысканию в административном порядке, именно: Владимира Багрия — аресту на один месяц, Борзаковского, Розенбойма, Кононенко, Заорского, Дембского, Рабиновича, Котленко, Шепелевского и Василевского — штрафу по 25 руб., с заменой при несостоятельности арестом на семь дней каждого — за нарушение обязательного постановления Начальника Края от 8 января 1911 года; студентов же Иосифа Святецкаго, Петра Козлюка, Николая Клепчевскаго, и Бориса Колибрина, о виновности коих, а также и Багрия, в нарушении обязательного постановления от 5 ноября 1910 года представляется протокол дознания, также ходатайствую подвергнуть взысканию: Колибрина — штрафу в 25 руб., с заменой арестом на семь дней, а остальных трех — штрафу по 15 руб., с заменой арестом по пять дней каждого. Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно:
Правитель Канцелярии Киевского Губернатора *(підпис)*
Сверял: за Помощника Правителя *(підпис)*

№ 5
Ухвала Київського губернатора про арешт студентів — учасників заворушень. 9 листопада 1912 року

1912 года, ноября 9 дня Киевский Губернатор, рассмотрев представленное Киевским Полицмейстером, при рапорте от 8 ноября сего года за № 18391 дознание по обвинению студентов Императорского Университета Св. Владимира: 1) Владимира Васильевича Багрия (Караваевская 29), 2) Иосифа Николаевича Святецкого

(М. Благовещенская, 44), 3) Петра Ивановича Козлюка (Ново Тарасовская, 4), 4) Николая Григорьевича Клепачевского (Нестеровская 3), 5) Бориса Александровича Колибрина (Ирининская, 3), 6) Вячеслава Федоровича Василевского, 7) Владимира Борзаковского, 8) Вольфа Симхова Розенбойма, 9) Василия Александрова Кононенко, 10) Стефана Карлова-Захарова Заорского, 11) Михаила Гиляриева Дембского, 12) Ионы-Лейбы Рабиновича, 13) Шлемы Янкелева Котленко и 14) Николая Александрова Шепелевского в нарушении обязательных постановлений Генерал-Губернатора от 5 ноября 1910 года и 8 января 1911 года, выразившихся в участии в сходбище для совещаний и действий, противных государственному порядку и общественному спокойствию, а также уличной демонстрации и, наконец, в публичном возбуждении учащихся к прекращению занятий в учебном заведении, постановил: названных выше студентов Университета Св. Владимира подвергнуть в административном порядке аресту: Багрия — на один месяц, Колибрина — на две недели, а всех остальных 12 человек на одну неделю каждого. Копию настоящего постановления для немедленного исполнения препроводить Киевскому Полициймейстеру с тем, чтобы о последующем было донесено. Подписал Губернатор Гирс.

С подлинным верно:
Помощн*ик* Правителя Канцелярии *(підпис)*
Сверял: за Помощника Правителя *(підпис)*

ЦДІАК, ф. 442, оп. 862, спр. 161, арк. 10-13.

Офіційні документи про діяльність монархічної студентської організації в Університеті св. Володимира 1910-1913 років

№ 1
Повідомлення Міністерства внутрішніх справ генерал-губернатору про створення Київського осередку Всеросійського національного студентського союзу. 27 лютого 1911 року

27 февраля 1911 г.
№ 5374

Киевскому, Подольскому и Волынскому
Генерал-Губернатору

Совет Всероссийского Национального Студенческого Союза, устав коего утвержден Министерством Внутренних Дел 20 ноября 1909 года и которому, согласно § 29 устава, предоставляется право открывать местные отделы с особого каж-

дый раз разрешения Министерства Внутренних Дел, на основании утвержденного Министерством Внутренних Дел Наказа, ходатайствует об утверждении проекта Наказа местным отделам и о разрешении открывать отдел союза в гор*оде* Киеве.

Вследствие сего, предварительно каких-либо распоряжений, имею честь препроводить к Вашему Высокопревосходительству копию устава союза, проект Наказа и список учредителей Киевского Отдела, покорнейше прося с возвращением приложений, уведомить о заключении Вашем по настоящему предмету.

За Министра Внутренних Дел,
Член Совета Министра *(підпис)*
Директор *(підпис)*

№ 2
Думка ректора Університету св. Володимира Миколи Цитовича щодо відкриття у Києві осередку Всеросійського національного студентського союзу. 19 квітня 1911 року

Апреля 19 дня 1911г.
№1515
На № 15167

Его Превосходительству
Господину Попечителю
Киевского Учебного Округа

Вследствие предложения от 31 истекшего марта за № 15167, честь имею донести Вашему Превосходительству, что мною вместе с сим сообщено господину Киевскому Губернатору о том, что с моей стороны не встречается препятствий к открытию Киевского отдела Всероссийского Национального Студенческого Союза и что лица, указанные с списке учредителей этого отдела, за исключением Щеглова Леонида, окончившего в феврале сего года курс и получившего выпускное свидетельство, состоят в числе студентов Университета Св. Владимира и ни в чем предосудительном не замечены. Переписка по настоящему делу возвращена г*осподину* Губернатору по словесной просьбе Правителя его Канцелярии.

Ректор Н. Цытович *(підпис)*

№ 3
Повідомлення Київського цивільного губернатора генерал-губернатору про персональний склад Київського осередку ВНСС. 20 квітня 1911 року

Апреля 20 дня 1911 г.
№ 2926

Киевскому, Подольскому и Волынскому
Генерал-Губернатору

Вследствие предложения от 9 минувшего марта за № 2583, представляя при сем: а) копию утвержденного за Министра Внутренних Дел, Товарищем Министра, Сенатором Крыжановским 20 ноября 1909 года устава Всероссийского Национального Студенческого Союза, б) проект наказа местным Отделам означенного союза и в) список учредителей Киевского Отдела Всероссийского Национального Студенческого Союза, докладываю Вашему Превосходительству, что учредители Киевского Отдела: Петр Васильевич Вихров, Георгий Степанович Голубев, Петр Александрович Деконский, Николай Борисович Мандровский, Николай Петрович Михай-

лов, Николай Иванович Петров, Леонид Георгиевич Кильчевский, Николай Евгениевич Шибаев, Николай Николаевич Чоколов, Петр Иванович Свиргунов, Игорь Иванович Сикорский и Леонид Николаевич Щеглов состоят: первые девять студентами Императорского Университета Св. Владимира, Чоколов и Свиргунов — студентами Киевского Политехнического Института, а Щеглов — окончил в феврале сего года курс в Университете Св. Владимира и получил выпускное свидетельство. Неблагоприятных сведений о названных лицах не имеется и по свидетельству учебного начальства за время бытности их в учебных заведениях они ни в чем предосудительном замечены не были.

К открытию в г. Киеве Отдела Всероссийского Национального Студенческого Союза как с моей стороны, так и со стороны Ректора Университета и Директора Политехнического Института препятствий не встречается.

Губернатор,
в звании Камергера Высочайшего Двора *(підпис)*
Правитель Канцелярии *(підпис)*

№ 4
Наказ Київському осередку Всеросійського національного студентського союзу. 27 травня 1911 року

Копия

На подлинном написано: Утверждаю За Министра Внутренних Дел, Товарищ Министра, Сенатор Крыжановский. 27 мая 1911 г.
Верно: Директор *(підпис)*

§1. Для осуществления задач Отдела Всероссийского Национального Студенческого Союза, устав коего утвержден Министерством Внутренних Дел 20 ноября 1909 г., в Киеве учреждается местный отдел, который в своей деятельности подчиняется уставу Союза и нижеследующим правилам:

§2. По получении разрешения на открытие отдела, учредители такового созывают, с соблюдением существующих на сей предмет узаконений и распоряжений Правительства, собрание для избрания комитета отдела, на тех же основаниях, на коих избирается Совет Союза (§10 устава).

§3. Изменения в составе комитета происходят на тех же основаниях, как и в Совете Союза (§§11, 15 и 16 устава).

§4. Комитет избирает из своей среды председателя отдела, его двух товарищей, секретаря, товарища секретаря и казначея, сроком на один год и представляет их на утверждение

Ігор Сікорський. Початок XX ст.

Совета. О составе комитета сообщается Совету Союза и Киевскому Генерал-Губернатору.

§5. В своей деятельности комитет руководствуется §§ 12 и 14 устава Союза.

§6. В отношении общих собраний, ревизионной комиссии, изыскания и хранения средств, отдел руководствуется §§ 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26 и 27 устава.

§7. По уполномочию Союза, отдел может осуществить права Союза, намеченные в §§ 2, 3 и 4 устава, за исключением п.п. а и б § 2-го.

§8. Действительные члены избираются комитетом с соблюдением §§ 5 и 7 устава Союза.

§9. Почетные члены отдела избираются по предложению комитета на основании § 8 устава, с согласия Совета Союза.

§10. Исключение из состава действительных членов происходит по предложению комитета, на основании § 9 устава.

§11. Открытие деятельности отдела происходит не ранее, как через две недели после получения разрешения и о дне открытия заблаговременно извещается Совет, который и объявляет отдел открытым, через особо командируемого члена Совета, письмом или телеграммой.

§12. О всех переменах в составе членов и о всех важнейших постановлениях общих собраний членов отдела и комитета немедленно извещается Совет Союза.

§13. Ежемесячно Совет Союза извещает комитет отдела об изменении в составе членов всего Союза.

§14. Совет имеет право делать руководящие указания местному отделу. В своей деятельности отдел подчиняется во всем указаниям Совета.

§15. Для ознакомления с деятельностью отдела, Советом могут быть командируемы члены, в распоряжении которых комитетом предоставляются все дела отдела для ознакомления.

§16. Утвержденные общими собраниями членов отдела отчеты комитета представляются в количестве четырех экземпляров в Совет Союза не позднее 15 ноября, для составления общего отчета по Союзу.

§17. Всероссийский Национальный Студенческий Союз не есть федерация отдельных обществ, а одно целое, связанное единством устава и имеющее главный руководящий орган в лице Совета Союза. Поэтому все члены местного отдела суть члены одного Всероссийского Национального Студенческого Союза.

§18. Каждый член, прибывший в город Киев, обязан явиться в канцелярию отдела, предъявив свой членский билет, и сообщить свой адрес. Во время пребывания в этом городе он пользуется всеми правами члена отдела, кроме права быть избираемым на какую-нибудь должность в отделе.

§19. В случае отклонения местного отдела от основных положений устава Союза и наказа своего, а также если число членов отдела будет менее 12-ти, Совет Союза может закрыть таковой отдел, о чем извещает Министра Внутренних Дел и Киевского Генерал-Губернатора.

§20. Киевскому Генерал-Губернатору предоставляется право приостановить деятельность отдела, окончательное же закрытие отдела зависит от усмотрения Министра Внутренних Дел.

§21. Все имущество и средства закрытого отдела переходят в распоряжение Союза.

Подписал: Директор Арбузов.
Скрепил: Начальник Отделения Н. Граве.
Верно: За Столоначальника *(підпис)*

№ 5
Список учредителей Киевского Отдела Всероссийского Национального Студенческого Союза

Студенты Императорского Университета Св. Владимира

1. Вихров Петр Васильевич, Десятинный переулок, 6, кв. 1.
2. Голубев Георгий Степанович, Андреевский спуск, 15.
3. Деконский Петр Александрович, Большая Подвальная, 36, кв. 6.
4. Мандровский Николай Борисович, Большая Подвальная, 36, кв. 6.
5. Михайлов Николай Петрович, Владимирская, 39.
6. Петров Николай Иванович, Фундуклеевская, 64.
7. Кильчевский Леонид Георгиевич, Софиевская, 4, кв. 8.
8. Шибаев Николай Евгениевич, Миллионная, 9, кв. 42 А.
9. Чоколов Николай Николаевич, Глубочица, 5.

Студенты Киевского Политехнического Института Императора Александра II

1. Свиргунов Петр Иванович, Рейтарская, 14.
2. Сикорский Игорь Иванович, Большая Подвальная, 17.

Верно: За Столоначальника *(підпис)*

ЦДІАК, ф. 442, оп. 641, спр. 151, арк. 1-1зв, 5-5зв, 9-10.

№ 6
Доповідна записка ректора Університету св. Володимира попечителю Київського учбового округу про побиття лідера монархічного студентського осередку Володимира Голубєва студентами. 22 листопада 1910 року

Ноября 22 дня 1910 г.
№ 104

Его Превосходительству
Господину Попечителю
Киевского Учебного Округа

В дополнение к донесению моему от 22 ноября с.г. №103 имею честь представить Вашему Превосходительству нижеследующие сведения о событиях, происходивших в Университете Св. Владимира 3-го ноября сего года.

3-е ноября считается некоторыми студенческими партиями годовщиной казни бывшего студента Киевского Университета Балмашева. В виду этого на 3-е ноября обыкновенно не разрешается никаких студенческих собраний, надзор же за порядком в Университете усиливается. Эти меры приняты были и в текущем году. День 3-го ноября начался в Университете совершенно спокойно; лекции шли нормально

и порядок ничем не нарушался. В виду этого в 12 1/2 часов я нашел возможным уехать на короткое время из Университета вместе с профессором Волковичем, чтобы просить Городского Голову о предоставлении городского театра для предстоявшего Пироговского торжества, сообщив о моем отъезде г*осподину* Проректору. Менее чем через час я подъехал обратно к Университету и увидел, что через профессорский ход входит в Университет наряд полиции. На мой вопрос, чем вызвано появление полиции, мне ответили, что сейчас в Университете студенты избили студента Голубева, который был мне известен как член одной из правых студенческих организаций. Попросив полицию обождать перед входом в учебный коридор, я вошел в этот коридор и из сообщений г*осподина* проректора и его помощников узнал, что произошло следующее.

Около четверти второго часа в отдаленном конце учебного коридора собралась небольшая группа студентов, из среды которой раздался возглас: товарищи! почтим память казненного Балмашева, после чего раздалось пение вечной памяти. В это время к ним подошла другая группа студентов с Голубевым, который крикнул: не позволю поминать убийцу и революционера! Обе группы сошлись, произошло замешательство, во время которого Голубев упал. Товарищи его академисты, стоявшие около него, говорят, что кто то (по всей вероятности студент Абуладзе, хотя с полною достоверностью они этого не могут утверждать) ударил или толкнул его спереди, после чего Голубев упал навзничь и ударился головою о стоявшую в коридоре железную скамейку. С ним сделался припадок и вызванный к нему университетский врач Рындовский с первого взгляда признал его состояние тяжелым. Вскоре в университет прибыли власти. Г*осподин* Губернатор, Г*осподин* прокурор Окружного Суда, Начальник Охранного Отделения, Следователь по особо важным делам и др*угие* лица, привлеченные распространившимися по городу слухами о том, что в университете убит студент. Между тем студент Голубев пришел в себя и в карете скорой помощи был отвезен домой, где мы навестили его с г*осподином* Проректором и университетским врачем в тот же день и нашли состояние его здоровья не внушающим опасения. У студента Абуладзе, подозреваемого в нанесении удара Голубеву, был немедленно отобран входной билет. О степени виновности его, а также о том, кто был участником демонстрации в память Балмашева производится расследование университетской администрацией. Состояние здоровья студента Голубева в настоящее время вполне удовлетворительно.

Ректор Н. Цытович *(підпис)*

ЦДІАК, ф. 707, оп. 262, спр. 5, арк. 20, 20 зв., 24.

№ 7
Інформація поліції про побиття студентами-медиками студента-монархіста Шибаєва. 4 листопада 1912 року

4 ноября 1912 года
№ 11892
№ 106539
По 9 Отделению

Секретно
Его Превосходительству
Господину Директору Департамента полиции
(По Особому Отделу)

Доношу Вашему Превосходительству, что 3-го сего ноября в аудитории клиники Императорского Университета Св. Владимира состоялась для студентов-медиков 4-го курса лекция профессора, Статского Советника Владимира-Антона Высоковича, после которой студенты около 200 человек остались в аудитории, где состоялась сходка.

Прибывший в аудиторию ректор Университета, действительный Статский Советник Цытович предложил студентам разойтись, что ими было выполнено немедленно.

При выходе из Университета студенты встретили члена патриотической организации «Двуглавый Орел» — студента-юриста Шибаева, которого они схватили, ввели в раздевальню Университета, нанесли ему несколько ударов и требовали от сторожа Университета обыскать его, но этот последний отказался исполнить.

Вызванный вторично ректор Цытович предложил студентам освободить Николая Шибаева и разойтись, что также студентами было исполнено.

Вызванный по телефону пристав местного Лыбедского участка прибыл с чинами полиции к клинике, но студентов там уже не застал — все разошлись.

Полицейское расследование по этому делу производится.

По негласным сведениям, полученным Отделением, члены патриотической организации «Двуглавый Орел», студенты Университета, Николай Шибаев и Георгий Сокольский, узнав, что в Университетской клинике студенты медики 4-го курса, после окончания лекции профессора Высоковича предполагают устроить сходку, на которой намереваются обсудить вопрос о протесте против смертной казни, вошли в клинику, но были задержаны студентами, которые требовали, чтобы сторож обыскал их, так как они якобы имеют при себе револьверы.

Сокольский, вырвавшись, бежал в главное здание Университета, где дал знать ректору и сообщил по телефону приставу Лыбедского участка, а Шибаев был вытеснен в раздевальню и побит.

Прибывший ректор Цытович предложил освободить студента Шибаева и разойтись, что студентами было выполнено.

Дальнейшее наблюдение продолжается.

П. Подполковник Леонтьев.
С подлинным верно: Подполковник *(підпис)*

ЦДІАК, ф. 275, оп. 1, спр. 2613, арк. 33-33 зв.

№ 8
Повідомлення про нагородження студентів-монархістів фотографіями імператора Миколи II і цесаревича Олексія. 16 грудня 1912 року

Декабрь 16 дня 1912 г.
№ 9876

Секретно
Киевскому, Подольскому и
Волынскому Генерал-Губернатору

В дополнение к представлению от 14 сего декабря за № 9751, докладываю Вашему Высокопревосходительству, что, как сообщили мне Ректор Императорского Университета Св. Владимира Действительный Статский Советник Цытович и Директор Киевского Коммерческого Института Действительный Статский Советник Довнар-Запольский, Правлением общества содействия академической жизни высших учебных заведений при отношениях от 23 октября сего года прислано 7 фотографических снимков с изображениями Его Императорского Величества Государя Императора и Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича для вручения студентам: Петру Вихрову, Александру Грицевичу-Ужумецкому, Александру Изюмову, Михаилу Коломацкому, Николаю Мастицкому, Александру Подковичу и Михаилу Хомено, имевшим счастье представляться Его Императорскому Величеству в числе прочих делегатов 1-го Всероссийского общестуденческого академического съезда в 14 день марта 1912 года.

Портреты эти предполагается раздать названным выше студентам, при особо торжественной обстановке, во время Рождественских Праздников в помещении Киевского академического собрания.

И.д. Губернатора,
Вице-Губернатор *(підпис)*
За Правителя Канцелярии *(підпис)*

ЦДІАК, ф. 442, оп. 862, спр. 161, арк. 42-43.

№ 9
Лист ректора Університету св. Володимира Миколи Цитовича до попечителя Київського учбового округу Олексія Деревицького з запрошенням на церемонію нагородження студентів-монархістів фотографіями Миколи II та цесаревича Олексія. 29 січня 1913 року

29 января 1913 г.
№ 410

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь Алексей Николаевич

Делегатам 1-го Всероссийского Общестуденческого Съезда, имевшим счастье представляться Его Императорскому Величеству 14 марта 1912 года, Всемилостивейше пожалованы фотографические снимки с изображениями Его Величества и Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича, в том числе шести студентам, бывшим на Общестуденческом Съезде представителями от Академической Корпорации Императорского Университета Св. Владимира.

Вручение сим студентам фотографических снимков назначено на 2 число будущего февраля, в 3 часа дня, в помещении Киевского Академического Собрания (Подвальная №17), где предварительно будет совершено молебствие в присутствии учредителей Общества и других лиц.

Уведомляя об изложенном, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство почтить своим присутствием предстоящее торжественное собрание.

С совершенным почтением
имею честь быть покорнейшим слугою Н. Цытович *(підпис)*

ЦДІАК, ф. 707, оп. 81, спр. 9, арк. 4.

Справа про святкування в Києві 100-ліття з дня народження Тараса Шевченка та протидію маніфестантам з боку членів монархічної організації «Двуглавый Орел»
26 лютого — 9 березня 1914 року

№ 1
Рапорт київського поліцмейстера міському губернатору про заняття в Університеті св. Володимира у день роковин Шевченка. 27 лютого 1914 року

Февраля 27 дня 1917 г. — Секретно
№ 3586 — Киевскому губернатору

Рапорт

25 сего февраля по случаю столетия со дня рождения поэта Т. Шевченка в г. Киеве произошли следующие события:

в высших учебных заведениях

а) в Университете Св. Владимира — в течении дня перебывало 1250 человек студентов, никаких выступлений и разбрасывания прокламаций не было; лекции не состоялись: в Главном здании профессоров Суслова, Карпеки, Демченко и Косоногова и на медицинском факультете, в анатомическом театре и во всех клиниках. У других профессоров лекции хотя и состоялись, но при самом малом числе слушателей. [...]

№ 2
Телеграма київського губернатора Суковкіна міністру внутрішніх справ з описом подій у Києві. 26 лютого 1914 року

Петербург
Министру Внутренних Дел

По поводу Шевченковских дней доношу, что для предупреждения могущих быть беспорядков мною были вызваны в помощь крайне малочисленной вообще городской полиции стражники Киевского уезда и две сотни казаков. Как вчера, так и сегодня я лично наблюдал за действиями полиции и вчера не доносил о происшедшем, ожидая исхода сегодняшнего дня, предполагая донести одновременно, ибо вчера никаких крупных беспорядков не произошло. Беспорядки как вчера, так и сегодня носили характер исключительно выступлений учащихся высших учебных заведений. Вчера в то время, когда во всех высших учебных заведениях занятия шли лишь при уменьшенном количестве слушателей, в Коммерческом Институте около двенадцати часов дня была сходка студентов Института, вызвавшая столкновение их с академистами. Будучи рассеяны полицией при выходе из Института, причем было арестовано двадцать человек, и около Владимирского собора, где студенты предполагали отслужить панихиду, в чем им было отказано, студенты сплошной толпой исключительно по тротуарам направились на Фундуклеевскую и Владимирскую улицы, где, смешавшись с массой гулявшей публики и двигаясь по тротуарам, то здесь, то там, где наряды полиции были слабее, пытались петь вечную память, но

при приближении нарядов полиции прекращали пение и разбегались, причем каждый раз удавалось задержать несколько зачинщиков. Несмотря на попытки толпы пройти на Крещатик, этого допущено не было, как равно не было допущено и вообще каких либо крупных эксцессов. Такого рода выходки студентов к трем часам дня прекратились. Сегодня с двенадцати часов дня повторилось тоже самое, но действиям полиции сегодня сильно препятствовала группа членов общества Двуглавый Орел, руководимая студентом Голубевым, которая, идя по улицам с пением патриотических песен, собирала значительное количество любопытных и отвлекала внимание полиции. Вчера арестовано 76, сегодня 25. Сегодня забастовали рабочие Южно-Русского машиностроительного завода, но никакого участия в уличных выступлениях учащихся они не приняли. Подлинное подписал: Губернатор Суковкин.

С подлинным верно:
Правитель Канцелярии
Киевского Губернатора В. Блюм *(підпис)*

№ 3
Додаткове повідомлення київського губернатора Суковкіна міністру внутрішніх справ про події в Києві 25-26 лютого. 28 лютого 1914 року

Февраля 28 дня 1914 г. — Министру Внутренних Дел
№ 1081

В дополнение к телеграмме от 26 сего февраля, по поводу происшествий, имевших место в гор. Киеве 25 и 26 февраля, по случаю столетия со дня рождения поэта Шевченко, доношу Вашему Высокопревосходительству, что для предупреждения могущих быть беспорядков мною, в помощь крайне малочисленной вообще городской полиции, были вызваны стражники Киевского уезда, три сотни казаков и пять рот пехоты. Однако к помощи пехотных войск и одной сотни казаков, за отсутствием в том необходимости, прибегать не пришлось. В течение того и другого дня я лично наблюдал по городу за действиями полиции. Во всех выступлениях, заключавшихся в пении группами на улицах «вечной памяти», принимала участие исключительно учащаяся молодежь.

25 февраля с утра во всех высших учебных заведениях большинство лекций состоялось, хотя и при уменьшенном количестве слушателей, и никаких инцидентов ни в Университете, ни в Политехническом Институте, ни в Высших Женских Курсах не было. В Коммерческом Институте, где собралось до 1500 человек студентов, до 11 часов утра было спокойно. Около 12 часов дня там состоялась сходка студентов, причем часть студентов внутри здания пропела «вечную память». Это вызвало протест студентов-академистов и между отдельными группами студентов произошли столкновения, не имевшие однако серьезных последствий. По введении в здание Института наряда полиции демонстрация прекратилась, причем у зачинщиков таковой полицией были отобраны входные билеты.

Одновременно с сим у расположенного рядом с Коммерческим Институтом Владимирского Собора собралась значительная толпа учащихся, часть которой вошла в Собор с целью отслужить панихиду. После того как в этом было духовенством отказано, часть студентов, выйдя из собора, запела «вечную память»; в то же время вышли с пением «вечной памяти» и студенты из Коммерческого Института. Принятыми полициею мерами соединения этих двух групп допущено не было и обе группы были рассеяны, причем у Института было задержано 20 студентов за-

чинщиков. Некоторые из студентов убежали обратно в Институт и здесь своей массой разломили в коридоре контрольную будку с входными билетами, но затем они по одиночке разошлись из Института. Равным образом без труда и каких либо столкновений были удалены и те учащиеся, которые не успели выйти из Собора и до очищения площади оставались внутри его.

От Института и Владимирского Собора все студенты и курсистки направились группами по тротуарам на Фундуклеевскую и Владимирскую улицы, смешавшись с гулявшею публикой, массою заполнявшей все улицы в виду исключительно хорошего, солнечного весеннего дня. Двигаясь по тротуарам, студенты разновременно, то здесь, то там, где наряд полиции был слабее или находился в некотором от них отдалении, снимали фуражки и начинали петь «вечную память», но при приближении полиции сейчас же умолкали. Пение это в большинстве случаев было настолько тихо, что часто полиция замечала его только по снятым фуражкам. Из числа певших «вечную память» особо выделявшиеся зачинщики каждый раз задерживались. С Фундуклеевской улицы демонстранты намеревались пробраться на Крещатик, но этого допущено не было. Точно также не были допущены и на Софиевскую площадь студенты, шедшие по Владимирской улице и намеревавшиеся пройти к памятнику Богдана Хмельницкого.

Такого рода выходки, нигде не сопровождавшиеся никакими серьезными эксцессами, имели место и на Прорезной улице, где также были произведены аресты зачинщиков.

С 3 часов дня публика стала постепенно расходиться и наступило полное спокойствие, так что в шестом часу явилась возможность отпустить казаков и снять часть нарядов полиции.

За весь этот день было только два более выдающихся столкновения с полицией. У Золотоворотского сквера, около 2 часов дня, группа демонстрантов, окружив начальника конных городовых Москаленко, пыталась стащить его с лошади, причем как он, так и лошадь получили удары палкой, но быстро прискакавшие конные городовые и казаки сейчас же рассеяли толпу. Затем на Пушкинской студент Коммерческого Института Захарченко ударил лошадь конного городового перочинным ножом, причинив ей легкий порез, но тотчас же был задержан.

26 февраля в стенах высших учебных заведений никаких выступлений не было и занятия в них происходили, причем в Университете все лекции прошли при нормальном количестве слушателей, за исключением медицинского факультета, который бастовал. В Политехническом Институте около 10 часов утра в главном здании появились прокламации от имени «Коалиционного совета высших учебных заведений г. Киева», призывавшие к уличному выступлению 26 февраля в знак протеста против произведенных 25 февраля массовых арестов. Таких прокламаций найдено 7 экземпляров.

В 6 1/2 часов утра на Южно-Русский машиностроительный завод явилось около 700 человек рабочих, но они к работе не приступили и, заявив, что в этот день работать не будут, просили разрешить им пропеть «вечную память» поэту Шевченко. После отказа в этом все рабочие вышли во двор и здесь, сняв шапки, пытались пропеть «вечную память», но тотчас же были удалены со двора на улицу и сейчас же разошлись. Никаких других инцидентов на заводе не произошло и в уличных демонстрациях рабочие участия не принимали. На всех остальных заводах и фабриках работы шли нормально и никаких выступлений не наблюдалось.

К 11 часам утра по В. Васильковской улице, у римско-католического костела стали собираться студенты, явившиеся с целью отслужить в костеле панихиду по Шевченко. Когда же они узнали, что духовенство отслужить панихиду отказалось, то направились обратно по Васильковской улице; на углу М. Благовещенской улицы, где образовалась сплошная масса, двигавшаяся по тротуару, они были рассея-

ны. Затем до 3 часов дня в разных местах на центральных улицах были такие же попытки группами петь «вечную память», как и 25 февраля, но все эти демонстрации без особого труда были полициею в самом начале прекращаемы.

День 26 февраля прошел бы сравнительно спокойно, если бы группою членов патриотического общества «Двуглавый Орел», руководимой студентом Владимиром Голубевым, не устраивались манифестации и не допускались вызывающие выходки по отношению к студентам-демонстрантам, повлекшие за собой в нескольких местах столкновения между той и другой группами. В этих столкновениях были некоторым студентам нанесены удары, не имевшие однако серьезного характера, так как жалоб до сего времени ни ко мне, ни к чинам полиции ни с чьей стороны не поступало. Названная группа манифестантов прошла, между прочим, и по Крещатику, где никаких других демонстраций и нарушений порядка не было, и дошла до памятника Статс-Секретарю Столыпину, где Голубев поднял русский национальный флаг и начал петь национальный гимн.

Не желая на улице принимать никаких репрессивных мер по отношению к правым организациям, я дважды лично увещевал студента Голубева прекратить какие бы то ни было манифестации, так как в данное время они, собирая толпу народа и отвлекая внимание чинов полиции, крайне затрудняют восстановление должного порядка, но несмотря на мои увещания, а также и на увещания от моего имени чиновников особых поручений, Голубев лишь в пять часов вечера уехал домой после того, как ему было объявлено, что, в случае нового выступления, он будет арестован.

В 9 часов вечера те же «двуглавцы» с Голубевым во главе появились неожиданно на Подоле, на Александровской улице, и здесь до рассеяния их полициею разбили в семи домах 13 оконных стекол. Выходка эта, хотя и носила скорее хулиганский характер, но, как направленная исключительно против евреев, могла вызвать и погром, если бы нашла себе поддержку со стороны береговых рабочих, мелких торговцев и массы праздношатающихся, которые обычно бывают в этой местности днем по случаю контрактовой ярмарки.

Во всех вышеописанных демонстрациях принимали участия исключительно учащиеся, и со стороны публики, несмотря на то, что все улицы были ею буквально запружены, ни малейших выступлений не было. Демонстранты все время шли только по тротуарам и нигде на середине улиц никаких эксцессов с их стороны допущено не было.

За два дня арестовано 104 человека, из коих 6 освобождены. Для выяснения степени виновности каждого из остальных я просил Начальника Губернского Жандармского Управления полковника Шределя образовать особое совещание при участии бывших в местах беспорядков подведомственных мне чинов губернской администрации, чинов жандармского управления и чинов полиции. Согласно с заключением этого совещания мною в административном порядке за нарушение обязательных постановлений наложены на задержанных лиц следующие взыскания: 1) пять человек, из коих 4 студента Коммерческого Института и одна слушательница Фребелевского Института, подвергнуты аресту на три месяца и в отношении их, как главарей движения, проходивших помимо сего по делам Жандармского Управления, будет возбуждено ходатайство об исключении из учебных заведений; 2) из 89 человек, принимавших участие в пении «вечной памяти», 23 человека подвергнуты аресту на полтора месяца, 19 человек аресту на один месяц и 47 человек аресту на две недели, и 3) четырем вменено в наказание время, проведенное под арестом со дня задержания в течении трех дней.

В виду полученной Начальником Края 20 февраля телеграммы Товарища Министра Джунковского по поводу сообщений в «Новом Времени» о якобы происшедших 25 февраля в г. Киеве из ряда вон выходящих противогосударственных

беспорядках, я, ознакомивши с этими сообщениями из телеграмм, помещенных в местных вечерних газетах 26 и 27 февраля, имею честь доложить, что указание на то, что в Политехникуме было выкинуто красное знамя с надписью «да здравствует самостийна Украина» и что такое же знамя толпа выбросила перед Городскою Думою, но публика, вырвав его, избила знаменоносца, является вымышленным. Никаких демонстраций у Думы вообще не было, а была лишь патриотическая манифестация, о которой мною упомянуто выше, причем студентом Голубевым был поднят русский национальный флаг. Не было также никаких сборищ на площади Богдана Хмельницкого и у Политехникума.

Равным образом вымышлено и сообщение о том, что перед Австрийским Консульством толпа кричала «да здравствует Австрия, долой Россию», что Консульство охранялось войсками, о готовящейся демонстрации у Консульства было известно властям и поэтому в Консульстве с утра находился Советник Губернского Правления Нандельштедт. В действительности никаких демонстраций ни у здания Австрийского Консульства, ни даже в той части Пушкинской улицы, где помещается это Консульство, не было. Это подтверждено специально произведенным полициею дознанием, причем при производстве такового студент Позняков, благодаря которому возникли эти сведения и который первым подписал посланную в «Новое Время» телеграмму, подтверждающую это известие, при допросе дал собственноручно им написанное показание, в котором утверждает уже, что возгласы «долой Россию, да здравствует Австрия» он слышал на Фундуклеевской улице и лишь полагает, что толпа демонстрантов с этой улицы направилась к Австрийскому Консульству, только потому, что ранее он слышал, как кто-то крикнул «товарищи, к Консульству». Никаких особых мер к охране Австрийского Консульства не принималось и потому считаю совершенно излишним опровергать сообщение о том, что Консульство охранялось войсками и что в Консульстве с утра находился Старший Советник Губернского Правления Нандельштедт.

Указание на то, что среди демонстрантов было не менее половины евреев, что составляет обычное явление, быть может справедливо и в данном случае, так как в демонстрации главным образом принимали участие слушатели Коммерческого Института, 70% контингента учащихся в коем составляют евреи. Что же касается сообщения о том, что по городу разъезжал верхом еврей и давал распоряжения демонстрантам, то само собою разумеется, что такого случая быть не могло, так как при первом же появлении он был бы задержан. Я лично видел случайно проезжавшего по улице верхом подростка 12-14 лет, который, возможно, и был принят корреспондентом газеты за еврея, руководившего демонстрацией.

Помимо изложенного считаю необходимым обратить внимание Вашего Высокопревосходительства на то, что выступления правых организаций 25 и 26 февраля, носившие характер неуместных выходок, не только в значительной степени служили препятствием к подавлению возникавших беспорядколв, но зачастую служили и поводом к усилению таковых. Всемерно сочувствуя патриотическому развитию молодежи, я тем не менее нахожу совершенно недопустимым такого рода выступления монархических организаций, нередко утрачивающих идейный характер и принимающих характер хулиганских выходок, тем более что эти выступления группами в 15-20 человек не представляют собою внушительной по количеству участвующих в ней патриотической манифестации.

При сем прилагаю копию дознания произведенного полициею по поводу якобы происходившей у Австрийского Консульства демонстрации, копию рапорта *исполняющего должность* Киевского Полицеймейстера о деятельности студента Голубева и вырезки из местных газет, с описанием событий, имевших место 25 и 26 февраля, причем позволяю себе обратить внимание Вашего Высокопревосходительства,

что несоответствующее действительности изложение фактов было допущено, к сожалению, правою газетою «Киев», которую до сего времени губернская администрация поддерживала и даже оказывала материальную помощь, выписывая значительное число экземпляров для учреждений Попечительства о народной трезвости.

По получении №№ газеты «Новое Время» от 26 и 27 февраля мною в редакцию будет послано соответствующее опровержение.

Подписал: Губернатор, Шталмейстер Высочайшего Двора Суковкин
Скрепил: Правитель Канцелярии В. Блюм.
С подлинным верно:
Правитель Канцелярии В. Блюм *(підпис)*
Сверял: За помощника Правителя *(підпис)*

№ 4
Копия рапорта Киевского Полицеймейстера от 28 февраля 1914 года за № 3586, на имя Киевского Губернатора

В дни демонстративных уличных выступлений Киевского студенчества 25 и 26 февраля председатель общества молодежи «Двуглавый Орел», студент Киевского Университета Владимир Степанов Голубев, с утра 25 февраля, около здания Городской Думы, поднял национальный флаг и, вместе с небольшой группой молодежи своего общества, пропел гимн. Так как в городе в это время происходили волнения и всякое отступление от обычной уличной жизни привлекало громадные толпы народа, то чины полиции Дворцового участка предложили Голубеву прекратить уличные манифестации, ибо они мешают, в данный момент, водворению порядка и спокойствия на улице. При этом Пристав Дворцового участка забрал к себе флаг, бывший у Голубева. По настоянию чинов полиции Голубев ушел. В 2 часа дня заметно стало, что публика на улицах стала уменьшаться и среди демонстративно настроенного студенчества наступило некоторое успокоение. Но в это время студент Голубев с небольшой кучкой особенно энергично принялся манифестировать по улицам города Киева. За ним валила толпа праздных зрителей и даже студентов демонстрантов, запруживая улицу. В виду того, что подобное выступление Голубева не давало возможности чинам полиции водворить в городе порядок, я обратился к нему с просьбой прекратить свои манифестации, которые в данное время, и с таким незначительным количеством его сторонников, не могут достигнуть желаемой им цели, а наоборот вызывают скопление публики и выступления демонстрантов. Но на это мое обращение Голубев громко с угрожающим видом заявил следующее: «я телеграфирую Маклакову и вы потеряете место». Несмотря на заявление Голубева я продолжал его убеждать, и после некоторого времени он согласился уйти, но опять-таки громко прибавил: «я явлюсь через 1/2 часа и если увижу на улице толпы народа, то заберу своих и устрою вам в городе погром». После этого в этот день Голубева на улицах не было видно, т.к. в этот вечер у общества Двуглавый Орел было назначено торжественное собрание в Коммерческом клубе. 26 февраля, с утра, на Фундуклеевской и Владимирской улицах хотя и было усиленное движение студенчества, но демонстративных выступлений не замечалось, а после 12 часов хотя и было несколько случаев демонстративного пения, но оно быстро прекращалось и в этот день по всем признакам нельзя было ожидать интенсивного выступления учащейся молодежи. Но появление в это время на улице студента Голубева с небольшой кучкой своих сторонников, певших: «Спаси Господи люди твоя»... и народный гимн, стало привлекать толпы народа и демонстративно настроенного студенчества, которое, следуя по улице рядом с Голубевым, отвечало на

его пение свистом и пением вечной памяти. Свист чины полиции могли различать и принимать соответствующие меры, а пение вечной памяти, сливаясь с пением сторонников Голубева, не давало возможности отличить демонстрантов от манифестантов, тем более что все они были без шапок и слиты в одну толпу. Пение вечной памяти вызывало активные выступления Голубева и его сторонников против демонстрантов, выливавшиеся во взаимные драки. Благодаря этим выступлениям Голубева 26 февраля, в этот день выступления демонстративно настроенного студенчества велись в более резкой и интенсивной форме, чем накануне, 25 февраля. Около 3-х часов дня Голубев ушел в редакцию «Двуглавого Орла» и на улицах постепенно восстановился порядок. Но проходя мимо П*олицейского* Пристава Вышинского, находившегося с нарядом полиции у Софиевского Собора, Голубев заявил ему, что идет взять палки. И действительно, в 5 часов дня, когда на улицах наступила полная тишина, на Владимирской улице появился Голубев с кучкой своих единомышленников с палками. Получив об этом сведения, я отдал распоряжение Приставу Старокиевского участка подвергнуть Голубева домашнему аресту согласно распоряжению Вашего Превосходительства. Но Голубев дал слово не делать выступлений и уехал сейчас же домой, но в 9 часов вечера он неожиданно появился с группой своих сторонников на Владимирской горке. При появлении наряда полиции Старокиевского участка толпа стала расходиться, а Голубев с частью ее пошел на Подол. Благодаря тому, что он живет на Подоле, полиция, предполагая, что он отправляется домой, не сопровождала его. Между тем, выйдя на Александровскую улицу и идя по тротуару по направлению к Контрактовому дому, некоторые из молодежи, сопровождавшей Голубева, палками стали разбивать витрины магазинов, но постовыми безобразие это было прекращено. 27 февраля в течении всего дня был полный порядок на улицах города и только около трех часов дня Голубев появился на площади у Городского театра с несколькими студентами, где и сжег портрет Шевченко. Об изложенном считаю долгом доложить Вашему Превосходительству на распоряжение. Подлинное за надлежащей подписью.

С подлинным верно:
Правитель Канцелярии Киевского Губернатора В. Блюм *(підпис)*
Сверял: за помощника Правителя *(підпис)*

№ 5
Донесення київського губернатора Суковкіна Київському, Подільському і Волинському генерал-губернатору про діяльність монархічної організації «Двуглавый Орел» та її керівника студента Володимира Голубєва. 27 лютого 1914 року

Февраля 27 дня 1914 г.
№ 1081

Секретно
Киевскому, Подольскому
и Волынскому Генерал-Губернатору

Наблюдая лично 25 и 26 февраля за действиями чинов полиции во время уличных выступлений воспитанников высших учебных заведений, я, обратив внимание на то, что Председатель Общества «Двуглавый Орел», студент Университета Владимир Голубев, во главе незначительной группы членов названного общества, с пением патриотических песен неоднократно проходил по улицам, собирая вокруг себя значительное число любопытных, лично дважды предлагал Голубеву прекратить такого рода действия, указывая на то, что такие манифестации в данное время лишь содействуют увеличению уличного беспорядка и отвлекают внимание и без

того утомленных, в виду малочисленности, чинов полиции. Несмотря на мои личные увещания и неоднократные увещания от моего имени чиновников особых поручений, Голубев не только продолжал руководительствовать группою манифестантов, но, помимо того, позволял себе вмешиваться в распоряжения полиции, вызывая справедливые нарекания в том, что членам общества «Двуглавый Орел» разрешается нарушать порядок на улице в то время, как других за это арестуют. На это обстоятельство, между прочим, ссылалась и обратившаяся ко мне лично на улице группа учащихся.

Вчера в 5 часов вечера, когда на улицах все приняло уже обычный вид и было предположение снять наряды полиции, студент Голубев явился вновь на Большой Владимирской улице с толпой манифестантов, причем у студента Голубева и у других были замечены нагайки и палки. Манифестанты были в приподнятом настроении и заявляли, что многих из них избили демонстранты. Оставив толпу и выделив из нее Голубева и ближайших его сотрудников в один из дворов, Чиновник Особых поручений убедил их прекратить шествие по улицам, что ими и было исполнено, а толпа по отъезде Голубева разошлась без всяких инцидентов.

Всемерно сочувствуя патриотическому развитию молодежи, я тем не менее нахожу совершенно ненормальным такого рода выступление монархических организаций, кои по своей идее должны содействовать Правительству в поддержании порядка, а не способствовать нарушению такового, и усматривая в действиях студента Голубева явное нарушение изданного Вашим Высокопревосходительством 5 ноября 1910 года обязательного постановления, полагал бы целесообразным применить к нему таковое. Принимая однако во внимание, что такого рода мера в отношении одного из представителей правых организаций могла бы вызвать нарекания на администрацию, во главе которой изволите стоять Вы, я имею честь просить Ваше Высокопревосходительство не отказать мне в надлежащих по сему предмету указаниях.

Губернатор,
Шталмейстер Высочайшего Двора Суковкин *(підпис)*
Правитель Канцелярии В. Блюм *(підпис)*

№ 6
Пояснювальна записка студента юридичного факультета Університету св. Володимира Олександра Серапінова щодо участі в демонстрації 26 лютого. 6 березня 1914 року

Его Высокородию
Господину Правителю канцелярии Начальника Края

студента юридического факультета
Императорского Университета Св. Владимира
Серапинова Александра, имеющего знаки отличия
военного Ордена Св. Георгия
4-ой, 3-й и 2-й степеней

Объяснение

На предложение Вашего Высокородия представить описание события 26 февраля 1914 года, имею честь сообщить следующее.

В день происшествия, в начале первого часа после урока, который я даю на Б.-Житомирской ул. в семье одного из лиц судебного ведомства, я отправился в С.-Петербургский ломбард, находящийся на Музыкальном проулке, заплатить проценты, а оттуда на Фундуклеевскую улицу в магазин Шпрингборна за покупкой

красок, ибо краски мне были нужны, так как я беру уроки живописи у одного из художников.

Я пошел по Владимирской ул. и, когда приблизился к Золотым воротам, увидел на Владимирской ул. группу демонстрантов-студентов. Не желая быть свидетелем беспорядков, я круто повернул на Прорезную ул. и по ней спустился вниз к ломбарду.

Пробыв там около 3/4 часа, а может быть и больше, я, выйдя, решил выйти на Фундуклеевскую ул. по Пушкинской ул., желая таким образом избежать и Крещатик, где по слухам были беспорядки.

Но моя осторожность мало мне помогла. На Пушкинской ул. близ Фундуклеевской мне опять навстречу попалась толпа молодежи, певшая «вечную память». Осторожно минуя студентов, я не подозревал, что здесь-же находится и Голубев в группе окружавших его лиц, тоже шедших с пением. Эта группа вдруг устремилась на противоположную сторону, а затем с криками и тревожными свистками снова на эту сторону.

Пока я раздумывал, как мне поступить и думал не лучше-ли возвратиться назад, я вдруг почувствовал сильный удар кулаком по голове. Удар исходил от студента-политехника из числа лиц, окружавших Голубева.

Моя фуражка слетела с моей головы, я поймал ее на лету.

Взволнованный и оскорбленный, я оттолкнул грубого обидчика в сторону и поспешил войти в подъезд городской станции Ю*го*-З*ападных* же*лезных* дорог.

Затем, когда на улице водворилось сравнительное спокойствие, возмущенный и взволнованный я поспешил оставить Пушкинскую ул. и поехал домой, забыв о необходимости купить краски.

Возвратясь домой, я от нервного потрясения должен был лечь в постель и это вполне понятно. Удар, дерзко нанесенный мне на улице, не мог не взволновать меня, как человека, как бывшего военного, в котором особенно остро чувство чести, наконец, как Георгиевского кавалера, привыкшего всюду и всегда встречать известное почтение и уважение к знаку моего военного отличия, который я имею честь всегда носить на моей груди, и который был на мне в день 26-го февраля с*его* г*ода*. К тому же, будучи ранен на войне, я все время страдаю неврастенией, делающей меня болезненно-чутким к оскорблениям, направленных лично против меня.

Вот правдивое и вполне искренное описание происшествия. По убеждениям моим я чужд всяких партий. Моя жизнь наполнена одним — работой для добывания средств к жизни, ибо у меня жена и ребенок, и занятием наукой.

За все время пребывания и в гимназии и в Университете моя репутация была безупречна, а преданность и любовь к обожаемому Монарху, престолу и родине доказаны мною в минувшую Русско-японскую войну, поэтому донесение неизвестных мне лиц на имя Господина Генерал-Губернатора о моем участии в демонстрации не только построено на вымысле, но и представляется для меня глубоко оскорбительным. Что же касается сообщения о каком-то красном банте, бывшем на мне, то это — я позволю себе сказать — есть самая возмутительная клевета. За всю мою жизнь на мне никогда ничего красного не было и я даже признавал бы кощунством поместить у себя на груди красный бант рядом со знаками отличия военного Ордена.

Вот все, что я могу изложить Вашему Высокородию, по чистой совести, как честный человек и дворянин. В случае надобности все изложенное могу подтвердить свидетелями.

Студент Императорского университета Св. Владимира
Георгиевский кавалер Александр Серапинов.
Жительство имею по Златоустовской ул., д. №31, кв. 12.
Гор. Киев
6 марта 1914 года

№ 7
Клопотання голови Патріотичного товариства молоді «Двуглавый Орел» Володимира Голубєва до генерал-губернатора про дозвіл відправити телеграму імператору Миколі II та текст телеграми. 26 лютого 1914 року

Главный Совет
Патриотического Общества молодежи
«Двуглавый Орел»
г. Киев, Андреевский сп., № 26 кв. 9.
Февраля 26 дня 1914 г. № 19

Его Высокопревосходительству
Господину Начальнику
Юго-Западного Края

Ваше Высокопревосходительство!

Главный Совет Патриотического Общества Молодежи «Двуглавый Орел» просит Вас повергнуть к Стопам Его Императорского Величества следующую телеграмму:

«Киевское Патриотическое Общество Молодежи «Двуглавый Орел» в торжественном собрании своем, в присутствии многочисленных представителей местного Общества, молитвенно вспомянув славных борцов за воссоединение Малороссии, Богдана Хмельницкого, Кочубея, Искру и их доблестных сподвижников и выразив протест и негодование «мазепинским» демонстрациям, повергает к Священным Стопам Вашего Императорского Величества чувства беспредельной преданности и любви и единым сердцем и едиными устами восклицает: ляжем костьми за Святую Веру, Самодержавного Царя и Единую Неделимую Россию».

Председатель Владимир Голубев

№ 8
Остаточний текст телеграми, переданої імператору Миколі II від імені монархічної організації «Двуглавый Орел». 26 лютого 1914 року

26 февраля 1914 г.
№ 891.

Государю Императору
Царское Село

Киевское Патриотическое Общество молодежи Двуглавый Орел в торжественном собрании своем, в присутствии многочисленных представителей местного Общества, молитвенно вспомянув славных борцов за воссоединение Малороссии, Богдана Хмельницкого, Кочубея, Искру и их доблестных сподвижников повергает к Священным стопам Вашего Императорского Величества чувства беспредельной преданности и любви и единым сердцем и едиными устами восклицает: ляжем костьми за Святую Веру, Самодержавного Царя и Единую Неделимую Россию.

Под*писал* Генерал-Адъютант Трепов

№ 9
Телеграма імператора Миколи II членам організації «Двуглавый Орел». 27 лютого 1914 року

Киев. Генерал-адъютанту Трепову
27.II.1914 г.

Телеграмма

Передайте Киевскому патриотическому обществу молодежи Двуглавый орел

мою сердечную благодарность за выраженные мне через вас одушевляющие их чувства преданности = Николай

№ 10
Повідомлення генерал-ад'ютанта Федора Трепова членам товариства «Двуглавый Орел» про телеграму імператора Миколи II. 27 лютого 1914 року

27 февраля 1914 г.
№ 912

В Киевское патриотическое общество
«Двуглавый Орел»

Канцелярия по приказанию Генерал Губернатор объявляет Киевскому патриотическому обществу «Двуглавый Орел», что Начальником Юго-Западного Края, в ответ на посланную Государю Императору телеграмму 26 сего февраля от означенного общества — получена следующая Высочайшая телеграмма: Киев Генерал-адъютанту Трепову «Передайте Киевскому патриотическому обществу молодежи двуглавый орел МОЮ сердечную благодарность за выраженные МНЕ через Вас одушевляющие их чувства преданности. НИКОЛАЙ.»

Под: Управялющий Канцеляриею Булгаков
Скр. За Делопроизводителя Липовский

№ 11
Стаття Володимира Голубєва в газеті «Двуглавый Орел» від 9 березня 1914 р. (№ 57) з оцінкою подій у Києві наприкінці лютого

Киев, 9 марта 1914 года

Прошло уже около двух недель со дня изменнической демонстрации жидо-мазепинцев, а Русские люди все еще не успокаиваются, все еще волнуются. Да и есть чего.

В Киеве, Матери Городов Русских, шайка негодяев, отщепенцев осмелилась дерзко воскликнуть: «Долой Россию, да здравствует Австрия!».

Вот до чего дождался Киев, вот какой позор приходится ему испытывать: на его святых горах, увенчанных золотыми крестами, свила себе гнездо государственная измена.

Еще задолго до так называемого «шевченковского» юбилея Русские патриотические союзы указывали Правительству на истинное значение и смысл «шевченковского» юбилея и связанных с ним демонстраций. Высшая администрация Края, в лице генерал-адъютанта Трепова, и Петербург, вняв просьбам патриотических союзов, категорически запретили мазепинские демонстрации и чествование жидомасонских идей, приуроченных к личности «великого» поэта, и этим самым предотвратили многие события мерзкие, многие события тягостные.

Честь и слава им за это.

Но вместе с сим мы почитаем своим долгом, долгом нравственным, но вместе и тяжелым указать на причины того позора, который разыгрался на улицах Киева 25 и 26 февраля.

Многие сильные мира сего правды не любят: особенно не любят ее, если она обличает их.

Но правда — святая сущность жизни: за нее люди страдают и умирают.

Мы долго молчали. С удивлением читали опровержение губернатором Суковкиным *действительных фактов* изменнической демонстрации, с удивлением читали

Імператор Микола II. 1914 р.

интервью губернатора с жидовскими корреспондентами.

Мы молчали, молчали потому, что не имели в руках достаточно данных, но теперь, когда мы собрали многочисленные данные и тщательно проверили их, мы не можем молчать, мы должны говорить и должны говорить в печати, ибо вся мазепинская белиберда вместе с губернаторским опровержением изливалась обильно в печати.

Мазепинцы — государственные изменники действовали смело, им нечего было бояться: славная полиция наша накануне была лишена своего руководителя полковника Скалона, а в день демонстраций была по рукам и ногам связана г*осподином* Суковкиным, предлагавшим ей действовать по отношению к изменникам предупредительно, а по отношению к патриотам — нагайками. Но, слава Богу, наша полиция не опозорила себя избиением истинных слуг Царя и Родины. Но увы, попустила совершившемуся великому позору.

Чья в этом вина?

Вина в этом всецело падает на г*осподина* губернатора Суковкина, который накануне демонстраций не дал полиции никакого плана действий и лишил ее руководства. Вот плоды губернаторской распорядительности.

Все эти плоды отрицаются г. Суковкиным и, конечно, жидами и мазепинцами. Но этот страшный, позорный факт нельзя затереть никакими опровержениями.

Мы верим и надеемся, что самое строгое расследование выяснит всю правду, сдует золу с тлеющего под нею огонька измены и потушит его навсегда.

Этого требует долг пред Верой, Царем и Отечеством.

Этого требует долг перед Матерью Городов Русских древнеапостольным Киевом, городом Св. Равноапостольного Владимира и Ольги.

Мы пишем эту статью с глубоким, вполне понятным волнением, и знаем, что благодаря ей нашему «Двуглавому Орлу», быть может, придется и пережить черные дни, но мы верим, что Небесный Покровитель нашего дорогого общества Св. Кн. Владимир защитит нас своим заступлением пред Престолом Божиим и даст нам возможность во имя правды нелицемерно постоять за честь и славу России и победно пройти горе.

Мы верим, что радостно солнце взойдет
И мир будет верным награда,
Мы верим, что знамя измены падет,
Мы верим, что Русь никогда не умрет,
Пока в ней Св. Владимира сердце живет!

Владимир Голубев

Державний музей Т.Г. Шевченка. Фонди, А-197, арк. 19-20, 27-34, 44-47 зв, 52-53 зв., 69-70.

10

Університет св. Володимира за Першої світової війни

Ответ профессоров Императорского Университета Св. Владимира на «Обращение к цивилизованным нациям», опубликованное 93 германскими учеными и писателями по поводу настоящей войны

В опубликованном за подписью 93 германских ученых и писателей «Обращении к цивилизованным нациям» они не только повторяют провозглашенную императором Вильгельмом и германским канцлером вопиющую ложь, будто «война была навязана Германии», но и идут далее, называя «ложью и клеветой» то, что как раз соответствует действительному положению вещей и что засвидетельствовано целым рядом неоспоримых документов, не только устанавливающих с полною несомненностью инициативу Германии в настоящей войне, но и не оставляющих никакого сомнения в том, что Германия уже давно готовилась к нападению на своих мирных соседей, в целях утверждения своей политической, военной и экономической гегемонии в Европе.

Столь же смело и столь же мало убедительно протестуют германские ученые и писатели против раздавшихся со всех сторон культурного мира негодующих обвинений Германии в нарушении нейтралитета Бельгии и в варварском разрушении храмов, культурных учреждений и памятников искусства, в вопиющих насилиях и страшных жестокостях, проявленных германскою армиею по отношению к пленным, раненым и мирным жителям занятых ею областей. Все это подписавшие «Обращение» ученые и писатели называют ложью, неправдой и клеветой на германский народ. К сожалению для чести подписавших «Обращение», как и для репутации Германии, как страны культурной и христианской, не только отрицаемые ими факты являются вполне удостоверенными и бесспорными, но имеется и целый ряд других не менее точно удостоверенных и еще более вопиющих деяний на совести германской армии и ее ответственных вождей, запятнавших себя самыми вопиющими нарушениями начал международного права и такими неслыханными в христианской Европе жестокостями и гнусностями, которые, казалось, возвращали нас к временам гуннов и заставили в изумлении и ужасе содрогнуться весь цивилизованный мир. Достаточно вспомнить Калишские ужасы и разгром Реймского собора. Ответственность за все эти зверства и варварства лежит, однако, не на одной лишь армии и ее вождях; еще прежде чем успели проявить себя германские войска, сотни тысяч русских граждан, застигнутых неожиданно объявленной для них войной, подверглись со стороны самых разнообразных слоев германского населения, вплоть до наиболее культурных включительно, самым грубым оскорблениям, издевательствам, истязаниям и всякого рода насилиям, в результате которых они потеряли в большинстве случаев свою свободу и свое имущество, во многих случаях — свое здоровье, а некоторые и свою жизнь. Попытки отрицать все эти факты совершенно напрасны: слишком многочисленны их свидетели, как слишком многочисленны и жертвы немецких зверств, при чем в числе тех и других мы могли бы назвать целый ряд имен из среды русского ученого мира.

Не более убедительна и не менее достойна сожаления попытка авторов «Обращения» оправдать милитаризм, как необходимое условие германской культуры. По их мнению, лозунгом борьбы против германского милитаризма прикрывается на самом деле борьба против германской культуры. «Без нашего милитаризма, заявляют они, уже исчезла бы наша культура». Если бы германские ученые, вместо того, чтобы закутываться, как они стали это делать с некоторого времени, в созданную ими вокруг себя атмосферу самовосхищения, уделили более внимания своим соседям, то они убедились бы, что со стороны последних никакой опасности не угрожало германской куль-

туре, к которой они относились с неизменным уважением, быть может, даже большим чем она заслуживала. Германские ученые, может быть, постигли бы тогда ту истину, что если откуда и угрожает германской культуре опасность, то это прежде всего и может быть даже единственно со стороны того самого германского милитаризма, который они столь неудачно берут под свою защиту. Между тем последний успел уже оказать самое гибельное влияние на всю духовную культуру Германии, в которой был культ идеальных ценностей, культ истины добра и красоты, стал сменяться с некоторых пор культом грубой силы и стремлением оправдать всякое насилие и вандализм. Не иное что, как именно тот всепоглощающий милитаризм, реабилитацию которого берут на себя авторы «Обращения», явным образом ведет по прямому пути к варваризации страну, являющуюся когда то одним из наиболее могучих культурных очагов человечества. С полною очевидностью обнаружившийся в последнее время упадок духовной культуры в Германии вынуждены признать косвенно и сами авторы «Обращения», аппелирующие к Гете, Бетховену и Канту, т.е. к далекому прошлому, тому прошлому, когда представителям германской мысли был чужд культ бронированного кулака, — когда германские ученые еще уважали науку и умели делать различие между культурой и милитаризмом. То было время, когда в Германии было невозможно появление произведения, подобного «Обращению» 93 ученых и писателей, как были немыслимы в ту пору и некоторые другие жесты, которыми с некоторого времени поражают цивилизованный мир представители германской науки и литературы, и которые, мы уверены, побудят последний подвергнуть коренному пересмотру установившиеся традиционные отношения своих к германской культуре в ее современной стадии и поставить на очередь вопрос об эмансипации от нее в будущем.

В заключение своего «Обращения к цивилизованным нациям» его авторы ссылаются на свою честь и свои имена. Ссылка более чем неосторожная ибо, если бы они действительно дорожили своей честью, то они никогда не согласились бы скрепить своими именами документ, который останется навсегда неизгладимым свидетельством духовного одичания современной Германии, и если делает честь, то лишь тем из германских ученых и писателей, которые воздержались от его подписания.

ДАК, ф.16, оп.465, спр.401, арк.1-2 зв.

Справа про виявлення в Університеті св. Володимира осіб іноземного (особливо німецького) походження, котрі можуть бути використані Німеччиною проти Росії в період війни. 1914-1915 років

№1
Список

Профессорам, значащимся на службе при Киевском Университете Св. Владимира с иностранными фамилиями.

1) Перетц Владимир Николаевич, ординарный профессор истории русской словесности.
2) Кнауэр Феодор Иванович, доктор по кафедре сравнит. языковед.
3) Сонни Ад. Израил., доктор греческой словесности.
4) Бруннек Март. Иванович, лектор немецкого языка.
5) Шовен Андр.-Райм. Александрович, лектор французского языка.
6) Пфейффер Георг. Ав., магистр по предметам чистой математики.
7) Кордым Леонд. Иосифович, по предмет. физик магистрант.

8) Перье Мих. Иванович, лаборант химической лаборатории.
9) Белинг Дмитрий Евст., зоол. лаборатории.
10) Рейтлингер Мих. Эдм., лаборант при кафедре технической химии.
11) Финн Влад. Вильг., сверхштатный консерватор при ботаническом саде.
12) Гомбаум Эрн. Карл., садовник ботанического сада.
13) Эйхельман От. От., доктор по кафедре международного права.
14) Раммат Конст. Дав., лектор английского языка.
15) Бартоломуччи Альфр. Ант., лектор итальянского языка.
16) Клингер Вит. Павлович, магистр классич. филос. римской словесности.
17) Фогель Роб. Фил., ординарный профессор по кафедре астрономии и геодезии, доктор астрономии.
18) Де Метц Георгий Герг., ординарный профессор по кафедре физики.
19) Бунге Ник. Андр., доктор химии.
20) Граве Дим. Алдр., доктор математических наук.
21) Зиверт Алф. Карл., доктор медиц. по предм. клин. внутренних болезней.
22) Мирам Кон. Р., доктор медиц. по предм. общ. паталогии.
23) Руберт Ив. Юл., доктор медиц. по предм. офталм.
24) Вебер Евгений Фердин. доктор медиц. по предм. внутренних болезней.
25) Майдель Эрн. Эрн., при кафедре физиологии лекарь.
26) Сандер Петр Фед., при кафедре общей патологии.
27) Овен В.П., лекарь при кафедре анатомии.
28) Экверт Алф. Карл., доктор медиц. по предметам клин. внутренних болезней.
29) Гейбель Карл Георгиевич, доктор медицины по кафедре фармакологии.
30) Дитерихс Мих. Мих., доктор мед. по предм. клин. хирургии.

ЦДІАК, ф. 274, оп. 1, спр. 3318, арк. 13-13 зв.

№2
Перлюстрація листування Володимира Савви та профессора Володимира Іконнікова. 1915 року

Іконніков Володимир Степанович (1841-1923) — історик, історіограф, джерелознавець.

Народився 9 (21) грудня 1841 р. у Києві в родині потомственного дворянина, героя війни 1812 р., майора. У 1852-1868 рр. навчався у київському Володимирському кадетському корпусі. 1861 року — підпоручик, а згодом поручик 4-го резервного батальону Подільського піхотного полку.

10 липня 1862 р. звільнений від військової служби. Склав іспити за курс класичної гімназії (у Другій київській гімназії) і під впливом професорів Михайла Максимовича та Платона Павлова вступив на історично-філологічний факультет Університету св. Володимира. Перші студентські праці: «Кто был первый самозванец» (Университетские известия. 1865. №2,3), дипломна праця «Максим Грек» удостоєна золотої медалі (Университетские известия. 1865-1866).

1865 року залишено для підготовки до професорського звання по кафедрі історії Росії. Викладав у Київському кадетському корпусі та Інституті шляхетних дівчат. Через «вільні висловлювання» на пробних лекціях і незадоволену реакцію адміністрації (ректора К.Н. Мітюкова) залишив університет. Головним «ворогом» Іконнікова виступив проф. Більбасов. Київський митрополит критично поставився до праці «Максим Грек». У 1866-1867 рр. — приват-доцент Харківського університету; 1867-1868 рр. — викладач географії Другої одеської гімназії, історії в Маріїнській жіночій гімназії Одеси. 1867 року склав магістерські іспити в Новоросійському університеті. 3 грудня 1867 р. В. Іконніков захистив магістерську дисертацію «Максим Грек и его время».

1868 року обраний приват-доцентом Університету св. Володимира, попри протидію проф. Ренненкампфа та Шульгіна. У 1869 р. захистив докторську дисертацію «Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории» в Новоросійському університеті. 1870 року — екстраординарний, 1892 р. — заслужений професор Університету св.Володимира.

У 1873-1914 рр. — головний редактор «Университетских известий». У 1875-1877 рр. — секретар; 1877-1880 рр., 1883-1887 рр., 1906 р. — декан історично-філологічного факультету. Член і голова (1874-1877, 1893-1895) історичного товариства Нестора-Літописця. 1889-1904 — голова Бібліотечної комісії Університету св. Володимира. Громадська діяльність Іконнікова описана ним у неопублікованому рукописі «Университетская эпопея: Мысли старого профессора» (1913/1914 р. НБУ. ІР, ф. 42, спр. 672,арк.1-361)

Вчений виступав за більшу автономію університетів, а разом з тим проти демократизації їхньої системи, за посилення й піднесення рівня викладання, але проти політичних рухів в університетах (зокрема й українських, засуджував М. Драгоманова, П. Житецького).

У 1868-1871 рр. викладав історію в Інституті шляхетних дівчат. Один з ініціаторів (1878) і директор (1881-1889, 1904-1906) Вищих жіночих курсів. 1871-1887 рр. — член Попечительської Ради Київського учбового округу. 1881-1883 рр. — член Ради Колегії Павла Галагана. Член, товариш голови і голова Київської комісії для розгляду давніх актів (1904), Київського відділення імп. Російського військово-історичного товариства (1908), Київського товариства охорони пам'яток старовини та мистецтв «Старий Київ» (1913), Київської архівної комісії (1914-1916).

1915 року відмовився евакуюватися до Саратова, залишився у Києві. У 1918 р. В.І. Вернадський намагався залучити В.С. Іконнікова до роботи по створенню Української Академії наук. 1921 р. В. Іконніков очолив Археографічну комісію ВУАН, створену в результаті злиття Київської комісії для розгляду давніх актів та Археографічної комісії. Академік Петербурзької та Української Академій наук. До 1919 р. залишався професором Університету св. Володимира.

Почесний член рад чотирьох університетів, Київської духовної академії та Московського археографічного інституту; 11 наукових товариств; шести архівних комісій. Дійсний член 9 наукових товариств, 7 архівних комісій. Член-кореспондент (1893) та дійсниий член (1914) Петербурзької Академії наук. Дійсний член УАН (1921). Кавалер орденів: св. Станіслава II і I ст. (1871, 1890), св. Анни II і I ст. (1871, 1916), св. Володимира III ст. (1886)

Помер 26 листопада 1923 р. у Києві.

Основні праці (автор понад 700 праць): «Кто был первый самозванец» (1865), «Максим Грек» (1865-1866), «Очерк разработки русской истории в XVIII ст. Лекции» (1867), «Общий взгляд на раз-

витие науки русской истории» (1868), «Исследование о главных направлениях в науке русской истории в связи с ходом образованности» (1869), «Скептическая школа в русской историографии и ее противники» (1871), «Русские общественные деятели XVI века» (1866), «Максим Грек и его время» (2-е изд., 1915), «Опыт исследований о культурном значении Византии в русской истории» (1868), «Граф Николай Семенович Мордвинов» (1873), «Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нее» (1874), «История Московской Руси» (1884), «Время Екатерины Второй» (1881-1882), «Князь М.В. Скопин-Шуйский» (1875-1876), «Киев в 1654-1855 гг. Исторический очерк» (1904), «Русские университеты в связи с ходом общественного образования» (1876), «Опыт русской историографии» (Т. 1. Кн. 1-2; Т.2. Кн.1-2. К., 1891-1908).

У рукописах залишилися капітальні праці: «Исторические воззрения Пушкина» (НБУ. ІР, ф.46, спр. 23, 504 арк.), «Историческое значение Н.М. Карамзина» (там само, спр. 73), «Шлецер» (спр. 74, 216 арк), «Лекції з історіографії» (спр. 20-22, 29, 622, 625, 695, разом 1048 арк.), «Петр Великий» (спр.44, 120 арк.; спр. 637, 216 арк.), «Лекции по истории русского государства с древнейших времен до XVII в.» (спр. 32, 119 арк.), «История Новгородской республики» (спр. 25, 150 арк.), «История Московского государства от времен Алексея Михайловича до царствования Петра Великого» (спр. 24, 247 арк.), «История России XVIII в. (1725-1740)» (спр. 26, 374 арк.), «Время Елизаветы Петровны» (спр. 7, 96 арк.), «Время Екатерины II. Лекции 43-99» (спр. 6, 31, 796 арк.), «История университетов» (спр. 27), «Опыт русской историографии» (т. 3, 1250 арк.).

Бібліографія: Список трудов проф. В.С. Иконникова // Университетские известия (Киев). 1914. №1; ***Войцехівська І.*** Академік Володимир Іконников: Життєпис та бібліографія. К., 1998 (716 позицій).

Архів: НБУ. ІР, ф. 46, 709 спр.; ЦДІАК, ф. 849; 101 спр.

Література: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Университета св. Владимира. К., 1884. С.228-234; Университетские известия. 1914. №1. С.1-14; Чтения в историческом обществе Нестора-Летописца. 1914. Кн. XIX. С.3-10; Киевская мысль. 1914. №45, 14 февраля; Киевлянин. 1914. №44/45, 13 февр.; Новое время. 1914. №13645, 8 марта; [*Автобіографія*] // Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805-1905). Харьков, 1908. С.330-331; Материалы для биографического словаря действительных членов Академии наук. Пг., 1917. Ч.2. С.304-311; ***Платонов С.Ф.*** Владимир Степанович Иконников // Анналы. 1924. №4. С.254-256; ***Платонов С.Ф.*** В.С. Икоников // Известия РАН. VI сер. 1924. №1/11; ***Соболевский А.И.*** Памяти В.С. Иконникова: Наброски воспоминаний // Библиогр. изв. 1925. №1/4. С.215-218; ***Добровольський Л.*** В.С. Іконніков про Київ та місцеве минуле // Записки історико-філологічного відділу ВУАН. 1929. Кн. XXV; ***Сарбей В.Г.*** Один з перших істориків-академістів АН УРСР (До 125-річчя з дня народження В.С. Іконикова) // Укр. іст. журн. 1966. №12; ***Киреева Р.А.*** Первые шаги В.С. Иконникова в историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С.330-37; ***Киреева Р.А.*** Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983; ***Киреева Р.А.*** Неизданный том «Опыты русской историографии» В.С. Иконникова // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С.323-335; АЕ за 1978. М., 1979. С.265-275; ***Пронштейн А.П.*** Вопросы исторической критики в трудах В.С. Иконникова // Проблемы применения количественных методов анализа и классификации источников по отечественной истории. Днепропетровск, 1988. С.64-72; ***Куликова О.*** До питання про «вінець творчості» В.С. Іконникова // Старожитності. 1993. №17/18 (52/53). С.14-15; ***Куликова-Радзивіл О.*** Формування історіософії В.С. Іконникова (до постановки проблеми) // Історія, історіософія, джерелознавство: Істор. зб. К., 1996. С.138-160; ***Куликова-Радзивіл О.*** Кілька слів про початок літературної діяльності В.С. Іконникова // Ukrainica: Архівні студії. К., 1997. Вип. 1. С.242-248; ***Дмитрієнко М.Ф., Войцехівська І.Н.*** 150-річчя з дня народження В.С. Іконникова // Укр. іст. журнал. 1991. №12. С.141-148; ***Войцехівська І.Н.*** Основні напрями джерелознавчих студій В.С. Іконникова // Вісник Київського ун-ту: Історія. 1996. Вип. 34. С.146-152; ***Войцехівська І.Н.*** Від предків до нащадків: Життєпис вітчизняного вченого історика В.С. Іконникова // Пам'ять століть. 1997. №3. С.75-91; ***Войцехівська І.Н.*** Іконников В.С. // Українські архівісти. Біобібліогр. довідник. Вип.1. К., 1999. С.153-156; Видатні вчені Національної Академії Наук України. Особові архівні та рукописні фонди. Путівник. К., 1998. С.47-51; ***Войцехівська І.Н.*** Володимир Іконников: джерелознавчі студії. К., 1999.

№174
Харьков, 15 марта 1915 г., Владимир Иванов Савва.
Киев. Нестеровская 31, кв. 8. Владимиру Степановичу Иконникову.

В.К. доволен на счет honoris. Он, кажется, был у театра военных действий. Интересно, как протекло заседание Общества. Академии ли поднимать руку на немцев. Что скажут тени Бейера, Миллера, Шлецера. Вот ликовал бы Ломоносов, что немцы явственно для всех наколобродили. «Соколовиаду» я не мог достать: здесь ее власти запретили, опасаясь волнений среди учащихся. Очевидно, легче достать Харьковское произведение в П*етрогра*де, чем в самом Харькове. Я только слыхал о «Соколовиаде» и, надеясь достать ее, думал вам прислать.

Здесь еще появилось произведение, приписываемое крайним правым медикам, в котором потаковниками революционерам выставлены наш Ректор (Нетушил), проректор (Палиенко), декан юридического факультета Левитский. Авторы более чем пересолили и нарушили всякую меру.

Как видите, у нас стало очень строго. И это произведение я не мог достать для прочтения. Характерно, что один из правых профессоров выразил большое негодование по поводу этого последнего произведения. Но Соколовский возвратился, и в газетах прописали, что он остается. Меня уверяли, будто в одной из Харьковских гимназий он сказал Директору и учителям: «не верят здесь, что немцы побеждают. Поверят, когда немцы возьмут Харьков. Одно верно — в Соколовском много легкомыслия. Вы можете, прочтя «Соколовиаду», заключить, что Г-жа Н. достаточная причина к проявлению беспамятства. Сведущие утверждают, что г-жа Н. настоящая ксантиппа, и С-му доставалось более, чем Сократу, что Соколовский спасался от г-жи Н. в гостиницах, но и там его настигла десница.

Здесь также ликовали, но, думаю, не украинцы. С Львова еще выслали ряд деятелей. Здесь говорили будто Г. организовал украинские легионы. На днях в историко-филологическом Обществе некий Хоткевич читал свою драматизацию Слова о полку Игореве. Все действующие, конечно, украинцы. Выведен только один москаль — с-під Суздаля — стражник, берущий взятки с торговок на базаре.

Справка

Адресат документа, действительный статский советник, Владимир Степанович Иконников, 68 л., бывший заслуженный профессор Киевского Университета по кафедре русской истории и редактор «Университетских Известий», проживает в Киеве по указанному адресу: Нестеровская улица, дом № 31, кв. 8.

В 1909 году профессор Иконников присутствовал на Полтавских торжествах в депутации от Исторического Общества Университета Св. Владимира.

В 1914 году в Киевском Университете состоялось чествование профессора Иконникова, по случаю 40-летия редакторства им «Университетских Известий».

№ 50256 Совершенно секретно
25 апреля 1915 Господину Директору Департамента Полиции

Вследствие предложения Департамента полиции от 16 сего апреля за № 168398, доношу Вашему Превосходительству, что упоминаемый в агентурных сведениях за № 174, действительный статский советник Владимир Степанович Иконников, 68 лет, бывший профессор Киевского Университета по кафедре русской истории и редактор «Университетских Известий», проживает в Киеве, по указанному адресу: Нестеровская улица, дом № 31, кв. 8.

В 1909 году, профессор Иконников, присутствовал на Полтавских торжествах в депутации от Исторического Общества Университета Св. Владимира.

В 1914 году, в Киевском Университете состоялось чествование профессора Иконникова, по случаю 40-летия редакторства им «Университетских Известий» (донесение мое от 26 февраля 1914 года за № 502279).

Остальные упоминаемые в сведении лица по делам Управления не проходят.

Копия сего донесения одновременно с сим препровождается Начальнику Харьковского Губернского Жандармского Управления. — Подлинное подписал: полковник Шредель.

С подлинным верно:
Коллежский регистратор (*підпис*)

27 апреля 1915 г.
№ 159
г. Харьков

Совершенно секретно
В Департамент Полиции
(По 6-му Делопроизводству)

Упоминаемыми в агентурных сведениях за № 174 лицами являются:

1) Савва Владимир Иванов, Статский Советник, профессор Харьковского Университета, проживает в г. Харькове, в доме № 79 по Пушкинской улице, упомянутый в сообщении моем от 23-го декабря 1913 года за № 903.

2) Нетушил Иван Вячеславович, Действительный Статский Советник, профессор Харьковского Университета, упомянутый в сообщении от 7 ноября 1914 года за № 605.

3) Палиенко Николай Иванов, Коллежский Советник, профессор Харьковского Университета, проживает в гор. Харькове в доме № 75 по Чернышевской улице, упомянутый в сообщении от 20 февраля 1914 г. за № 902.

4) Левитский Владимир Февстович, профессор Харьковского Университета, проживает в г.Харькове в доме № 8 по Максимилиановой улице; по негласным сведениям, относящимся к 1911 году, придерживался левого направления.

Копия настоящего сообщения вместе с сим за № 160 препровождена Начальнику Киевского Губернского Жандармского Управления.

Подлинное подписал:
Генерал-Майор Рыковский.
Верно: Ротмистр (*підпис*)

ЦДІАК, ф.274, оп.4, спр.531, арк.168,168 зв.,170-172 зв.

№3
Справа професора Фрідріха Кнауера у 1914-1915 роках

(1) Запит попечителя Київського учбового округу ректору Університету св. Володимира. 2 жовтня 1914 року

2 октября 1914 г.
№ 168

Секретно
Г*осподину* Ректору
Императорского унив*ерсите*та Св. Владимира

По дошедшим до меня сведениям профессор Императорского унив*ерсите*та Св. Влад*ими*ра Кнауэр, состоящий в русском подданстве, перед началом войны возбудил ходатайство о разрешении сыновьям его, которые в настоящее время находятся заграницей, перейти в германское подданство.

Вследствие сего покорнейше прошу Ваше Превосходительство не отказать расследовать это обстоятельство и в случае, если эти сведения имеют реальное основание, затребовать от профессора Кнауэра подробные по этому делу объяснения.

(2) Доповідна записка ректора Миколи Цитовича попечителю. 16 жовтня 1914 року

Октября 16 дня 1914 г.
№ 16

Его Превосходительству
Господину Попечителю Киевского Учебного Округа

Вследствие предложения от 2-го октября за № 163, имею честь донести Вашему Превосходительству, что по расследовании, произведенном мною по делу об

увольнении из русского подданства сыновей профессора Университета Св. Владимира, действительного статского советника Ф.И. Кнауэра: старшего Зигфрида и младшего Гельмута оказалось, что Всеподданнейшее прошение об этом подано было профессором Кнауэром еще в 1911 году, а Высочайшие соизволения на это последовали: первое для сына Гельмута — 19 декабря 1912 года, а второе для сына Зигфрида — 17 июля 1914 года, как это видно из прилагаемых при сем двух копий уведомления Канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошений от 18 января 1913 г. за № 5633 и 18 июля 1914 г. за № 54093, а также копию свидетельства Киевского Губернатора от 22 сентября 1914 года за № 5785.

При сем имею честь предоставить также Вашему Превосходительству объяснения профессора Ф.И. Кнауэра и Секретаря Совета Э.Э. Свецинского, запрошенных мною по указанному делу.

К сему считаю долгом присовокупить, что, как видно из послужного списка профессора Ф.И. Кнауэра, старший сын его Зигфрид родился 26 июня 1894 года, а младший Гельмут — 31 марта 1896 года.

Ректор Н. Цытович *(підпис)*
За Секретаря Совета *(підпис)*

(3) Свідоцтво Київського губернатора про звільнення Зигфріда Кнауера з російського підданства. 22 вересня 1914 року

Киевский губернатор
По губернскому правлению.
Отделение I, Стол 2
Сентября 22 дня 1914 г.
№ 5785
Г. Киев

Свидетельство

Дано сие несовершеннолетнему сыну действительного статского советника Зигфриду Федоровичу Кнауэру в том, что, как видно из уведомления Департамента Общих Дел Министерства Внутренних Дел, от 20 августа сего года за № 26713, Государь Император, по всеподданейшему докладу Главноуправляющего Канцелярией Его Императорского Величества по принятию прошений, в 17 день июля 1914 года Всемилостивейше соизволил на увольнение просителя из русского подданства, что подписями и приложением казенной печати удостоверяется. Гербовый сбор уплачен. Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно:
За Секретаря Совета *(підпис)*

(4) Пояснювальна записка секретаря Ради Університету св. Володимира Еразма Свєцинського. 9 жовтня 1914 року

Его Превосходительству
Господину Ректору Императорского
Университета Св. Владимира

Секретаря Совета
того же Университета Э.Э. Свецинского

Вследствие предложения от 7 текущего октября, имею честь донести Вашему

Превосходительству, что по делу об освобождении сыновей профессора Ф.И. Кнауэра: Зигфрида и Гельмута из подданства России мне известно следующее:

В начале 1911 года профессор Университета Св. Владимира Ф.И. Кнауэр просил меня составить ему Всеподданнейшее прошение об увольнении из подданства России двух сыновей его: старшего — Зигфрида и младшего — Гельмута. Главным мотивом такого ходатайства являлась для профессора Кнауэра невозможность с 1905 года дать образование упомянутым сыновьям его в русской средней школе в виду постоянно происходивших в то время беспорядков и нарушения вследствие этого течения нормальной академической жизни. Это обстоятельство вынудило профессора Кнауэра из опасения дурного влияния русской школы на сыновей, определить последних за границу в германскую школу в Йене. Воспитываясь в течение нескольких лет заграницею, дети его почти к 1911 году оканчивали среднее образование, причем, будучи лишены возможности изучать за границею русский язык, забыли его, что, главным образом, служило для них препятствием для поступления в высшие учебные заведения России.

На означенное Всеподданнейшее прошение Департамент Общих Дел Министерства Внутренних Дел уведомил профессора Кнауэра, спустя значительный промежуток времени, а именно, сколько мне помнится, в апреле 1912 года о том, что впредь до уплаты числящейся за Гельмутом недоимки в 120 рублей за просрочку заграничного паспорта ходатайство об увольнении его из подданства России оставлено без движения. В том же уведомлении Департамент сообщил профессору Кнауэру, что старший сын его Зигфрид, как перешагнувший пятнадцатилетний возраст, может быть, согласно закону, уволен из подданства России лишь по отбытии воинской повинности или по вынутии жребия, освобождающего его от службы в войсках.

По получении вышеуказанного уведомления Департамента Общих Дел Министерства Внутренних Дел, профессор Кнауэр внес в Киевское Губернское Казначейство 10-го апреля 1912 года под квитанцию № 26965 недоимку в 120 рублей для окончательного завершения дела об увольнении сына Гельмута, не достигшего 15-летнего возраста, из подданства России и в тоже время отправил Г*осподину* Главноуправляющему Канцелярией Его Величества барону Будбергу, с приложением упомянутой квитанции, письмо, в котором, указывая на известный ему, приведенный Департаментом, общий закон об условиях освобождения из подданства, он, тем не менее, вновь обратился к содействию барона Будберга дать делу старшего его сына Зигфрида дальнейшее движение в виде особого изъятия из общего закона и поэтому просил повергнуть ходатайство свое на Высочайшее благовозрение, приняв во внимание, что он прослужил профессором свыше 30 лет и воспитал не одно поколение русских юношей на пользу отечества и как отец, радеющий о будущем своих детей, просит об увольнении их из подданства России только в силу исключительных обстоятельств, изложенных в первом всеподданнейшем прошении, оставаясь сам навсегда в русском подданстве.

Ходатайство профессора Кнауэра об увольнении из подданства России младшего его сына Гельмута было удовлетворено в 1913 году, как это мне известно со слов профессора Кнауэра; что же касается ходатайства о старшем его сыне — Зигфриде, то оно, насколько мне известно от профессора Кнауэра, до мая месяца нынешнего (1914 года) удовлетворения еще не имело.

Секретарь Совета Э. Свецинский *(підпис)*
Октября 9-го дня 1914 года

(5) Заява проф. Фрідріха Кнауера на ім'я ректора Університету св. Володимира. 5 жовтня 1914 року

Его Превосходительству
Господину Ректору Университета Св. Владимира
Заслуженного ординарного профессора
Федора Ивановича Кнауэра

Заявление

Согласно предложению Вашего Превосходительства от 4-го *сего месяца* под № 12 честь имею сообщить следующее:

Сначала мои дети получили домашнее образование. Когда потом нужно было определить их в школы, наступило смутное время. Какие безобразия тогда творились в учебных заведениях, мы все помним. Вследствие этого я, после долгих колебаний, решил перевести своих детей с матерью в Йену Германии с намерением перевести их обратно в Россию в более благоприятное время. Обстоятельства однако сложились так, что это впоследствии оказалось невозможным. В силу сего я еще три с половиною года тому назад в светло-мирное время – а не, как сказано в Вашем запросе, перед началом войны – возбудил ходатайство об увольнении моих сыновей из подданства России. По Высочайшей милости это ходатайство было уважено еще до войны. В принятии моих детей в германское подданство я пока не хлопотал; вопрос этот может быть решен лишь после заключения мира. Поэтому мои сыновья в настоящее время не находятся в германском подданстве, а следовательно и не только не принимают никакого участия в германских военных действиях, но и не могут принимать, не могут даже войти в состав Красного Креста, одинаково служащего врагам и друзьям. Таким образом мои сыновья стоят совершенно в стороне, не принимая ни малейшего участия в военных делах ни прямо ни косвенно; да и я им как несовершеннолетним никогда не позволил бы выступать против России, которой я обязан своим существованием. Будут ли мои дети приняты в Германии после заключения мира, пожелают ли они сами перейти в германское подданство по истечении настоящего печального времени, это вопрос будущего. Я всегда стоял за союз России с Германиею и крайне сожалею, что судьба решила иначе. В своем ходатайстве, возбуждаемом в мирное же время при добрососедских отношениях между обеими державами и дозволенном по закону, я, принимая во внимание все выше изложенное, не видел ничего предосудительного, тем менее, что Всемилостивейшее соизволение Государя Императора на мое ходатайство последовало еще в мирное время.

Киев,
5-го октября 1914 г.
Ф. Кнауэр *(підпис)*

(6) Повідомлення Канцелярії Його Імператорської Величності Фрідріху Кнауеру про дозвіл на звільнення з російського підданства молодшого сина Гельмута. 18 січня 1913 року

Канцелярия
Его Императорского Величества
По принятию прошений
Отделение 1, Стол 2
18 января 1913 года
№ 5633

Копия
Действительному статскому советнику
Федору Ивановичу Кнауэру

Государь Император, по положению Совета Министров, в 19-й день декабря 1912 года Высочайше соизволил на увольнение сына Вашего Гельмута Кнауэра из подданства России.

О таковой Монаршей воле, сообщенной Министерством Иностранных Дел, для зависящих распоряжений, поставлю Вас в известность. Подлинное подписали: *Исполняющий обязанности* Главноуправляющего, Егермейстер (подп. не разборч.) и Управляющий делами (подп. не разборч.).

Подлинное за надлежащими подписями.
С копией верно: За Столоначальника *(підпис)*

(7) Пропозиція Міністерства народної освіти про відсторонення професора Університету св. Володимира Фрідріха Кнауера від викладання в Університеті. 17 листопада 1914 року

Временно Управляющий
Министерством Народного Просвещения
Товарищ Министра
17 ноября 1914 г.
№ 458

Его Превосходительству
А.Н. Деревицкому

Милостивый Государь Алексей Николаевич.

В ответ на представление от 31-го минувшего октября, за № 173, считаю долгом просить Ваше Превосходительство обратиться, частным образом, к заслуженному ординарному профессору Императорского университета Св. Владимира Кнауэру с предложением подать ныне же рапорт о болезни и, затем, не появляться ни в университете, ни в Киевских высших женских курсах во все время войны. Если бы профессор Кнауэр не пожелал исполнить этот добрый совет, то прошу Вас, Милостивый Государь, предложить ему официально подать прошение об отставке и, в случае неподачи такого прошения, — представить профессора Кнауэра к увольнению от службы без прошения, предварительно предупредив его об этом.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности *(підпис)*

(8) Заява професора Фрідріха Кнауера про тимчасове увільнення від обов'язків в Університеті св. Володимира та Вищих жіночих курсах у зв'язку з хворобою. 24 листопада 1914 року

Его Превосходительству
Господину Попечителю Киевского Учебного Округа

Заслуженного ординарного профессора
Федора Ивановича Кнауэра

Рапорт

Честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство, временно освободить меня от исполнения моих обязанностей в университете и на Высших Женских Курсах по болезни.

Ф. Кнауэр *(підпис)*
Киев
24-го ноября, 1914 г.

ЦДІАК, ф. 707, оп. 82, спр. 48, арк. 113-124.

(9) Інформація жандармського управління в справі Фрідріха Кнауера. 28 листопада 1914 року

28 ноября 1914 г.
№ 2625

Доношу, что из представляемой при сем переписки, произведенной при вверенном мне Управлении, видно, что на имя Киевского Губернатора поступило заявление жены Полковника Вишневского о том, что при Киевском Университете состоит профессором какой-то немец, который, будто бы, послал своих двух сыновей в Германию «против наших русских войск».

Произведенным по этому поводу расследованием установлено, что при Университете Св. Владимира состоит заслуженный профессор, Действительный Статский Советник Фридрих (Федор) Иванович Кнауэр, 65-ти лет, *исполняющий должность* профессора по кафедре сравнительного языкознания. Означенный Кнауэр имеет жену, двух сыновей и четырех дочерей, которые с 1907 года безвыездно проживают в Германии в г. Йене; сам же Кнауэр за это время выезжал к семье два раза в год, а именно на Рождественские праздники и летние каникулы.

Из показаний Фридриха Кнауэра видно, что он, его жена и дети родились в России; состоя русскими подданными, все они прожили в Киеве до 1907 года.

В 1907 году профессор Кнауэр отправил свою жену и детей в Германию, а в 1911 году возбудил ходатайство об исключении его двух сыновей: Зигфрида и Гельмуда из русского подданства. Таковое ходатайство Кнауэра было удовлетворено, при чем Гельмуд Кнауэр был уволен из подданства России Высочайше утвержденным Положением Совета Министров от 19 декабря 1912 года, а Зигфрид Кнауэр — 17 июля 1914 года, согласно Всемилостивейшего Государя Императора соизволения.

Кроме того Фридрих Кнауэр показал, что после окончания войны он намерен возбудить ходатайство об исключении из русского подданства и его четырех дочерей, а по выходе в отставку и сам выедет из России в Германию к своей семье.

Старшему сыну Фридриха Кнауэра в текущем году исполнилось 20 лет, а младшему 18. Оба они проживают в Германии безвыездно с 1907 года и хотя, по словам Фридриха Кнауэра, они, как бывшие русские подданные, находятся в настоящее время на положении военно-пленных, но в то же время им разрешено свободно проживать и продолжать обучение: Зигфриду Кнауэру — в Йенском Университете, а Гельмуду Кнауэру — в Йенской гимназии.

Что же касается проживающего ныне в Киеве заслуженного профессора Фридриха Кнауэра, то он в настоящее время получает из Университетского казначейства пенсию в размере 240 рублей в месяц, а также плату за чтение лекций в Университете и на Высших женских курсах и означенное содержание, получаемое Кнауэром от русского Правительства, идет полностью на содержание семьи Кнауэра в Германии, при чем им было выслано за период военного времени на имя жены четыре раза по 500 рублей.

Из показаний того же Фридриха Кнауэра видно, что она имеет некоторую сумму денег, находящуюся в процентных бумагах и на текущем счету в Киевском Обществе взаимного кредита.

Суммируя выше доложенное и не имея возможности точно установить степень участия сыновей названного Кнауэра в действиях, враждебных России, есть данные предполагать, что подозрения, изложенные в заявлении жены Полковника Вишневской, имеют основания и что показания Фридриха Кнауэра характеризуют последнего как приверженца Германии, я полагал-бы необходимым, по обстоятельствам военного времени, наложить арест на пенсию, получаемую действительным Стат-

ским Советником Фридрихом Кнауэром, а также на наличные деньги Кнауэра, из числа имеющихся у него на руках, текущем счету и в %% бумагах, в сумме равной пенсии — полученной им, Кнауэром, из Университетского казначейства со дня объявления Германией войны нашему отечеству, то есть с двадцатого июля сего года по настоящее время, чтобы таковой мерой предотвратить возможность вполне обеспеченного в материальном отношении проживания в Германии означенной, немецкой по убеждениям, семьи на средства, идущие от Русского Правительства.

Что же касается Действительного Статского Советника Фридриха Ивановича Кнауэра, 65 лет, то пребывание его в Киеве я нахожу вредным для общественного спокойствия и Государственной безопасности и ходатайствую о высылке названного Кнауэра из местностей, входящих в театр военных действий, на все время военного положения.

Приложение: переписка на 9 листах
П.П. Полковник *(підпис)*
С подлинным верно: Полковник *(підпис)*

ЦДІАК, ф. 274, оп. 1, спр. 3318, арк. 2-3.

(10) Протокол допиту заслуженого професора Університету св. Володимира Фрідріха Кнауера про родинні зв'язки. 27 листопада 1914 року

1914 года, ноября 27 дня, в г. Киеве, Отдельного Корпуса Жандармов Подполковник Самохвалов, на основании Правил о местностях, объявленных на военном положении, расспрашивал нижепоименованного, который объяснил:

Зовут меня Фридрих Иванович Кнауэр. От роду мне 65 лет; вероисповедания Лютеранского. Звание мое и занятия — Русский подданный, заслуженный профессор Университета Св. Владимира, Действительный Статский Советник. Без занятий, так как по болезни временно освобожден от исполнения обязанностей профессора по кафедре сравнительного языкознания. Проживаю в Киеве, Пушкинская 35, кв. 8. Под судом не был. К дознаниям политического характера не привлекался.

На предложенные вопросы отвечаю: моя жена Антония Карловна, а также два сына Зигфрид и Гельмуд и четыре дочери живут в г. Йене, в Тюрингене, в Германии. Моя жена и четыре дочери до сих пор остаются Русскими подданными, а два сына теперь уволены из подданства России, но в Германские подданные еще не зачислялись, и не возбуждали по этому поводу даже ходатайства. Теперь мои сыновья считаются военно-пленными, из Германии их не выпускают, но разрешают им свободно проживать и учиться. Старший мой сын, которому 20 лет, по имени Зигфрид, состоит студентом Йенского Университета, а второй сын Гельмуд, 18 лет, учится в Йенской гимназии. Семья моя живет в Германии с 1907 года безвыездно. В Киев из них никто с этого времени не приезжал. Я же выезжал туда ежегодно по два раза, а именно на Рождественские праздники и летние каникулы. Жена и дети проживают в Германии по русскому заграничному паспорту. Первый паспорт для них был взят мною в 1907 году, а в 1912 году заменен Киевским Губернатором на новый паспорт, сроком на пять лет. Я родился в России и здесь мое постоянное жительство. Супруга моя родилась также в России и русская подданная. В Киеве я проживаю с 1885 года. Был переведен сюда из Юрьевского Университета в качестве приват-доцента. Образование я получил в Юрьевском Университете. По выслуге тридцати лет, что было в 1911 или 1912 году, я переведен на должность сверхштатного профессора и стал получать пенсию, но в то же время замещал эту освободившуюся кафедру. Семья моя жила при мне до 1907 года; во время беспорядков в России я решил вре-

менно перевести свою семью в Германию, с тем, чтобы они возвратились в Россию в более благоприятное время. Обстоятельства однако сложились так, что этого выполнить уже впоследствии стало невозможным, так как семья уже свыклась с жизнью в Германии. Я и жена моя останемся навсегда русскими подданными, что же касается моих дочерей и сыновей, то ко времени достижения ими совершеннолетий, я желал предоставить им свободный выбор подданства. Для этого я уже исходатайствовал для сыновей исключение их из Русского подданства, и намерен был возбудить подобное же ходатайство и по отношению дочерей. Сыновья мои хотя и исключены из Русского подданства, но в Германское или иное какое либо подданство они еще не приняты, так как по этому поводу никакого ходатайства не возбуждалось. Когда я получу отставку, то мои намерения переселиться на покой к своей семье. До отставки же я желаю служить в России. С Германским консулом в Киеве я личное знакомство имел, но это знакомство было частное. С объявления войны между мною и некоторыми из моих сослуживцев — профессоров стали происходить некоторые трения в отношениях и эта группа профессоров стала относиться недружелюбно ко мне. Очевидно, под влиянием таких отношений, на днях, т.е. в понедельник 24 сего ноября, Попечитель Округа сообщил мне, чтобы я подал рапорт по болезни о временном освобождении от исполнения своих обязанностей в Университете и на Высших женских курсах, что я и исполнил, и свои занятия прекратил. Я удостоверяю, что сыновья мои в рядах Германской армии не служат. Более ничего не имею добавить. Показание мне прочитано. Подлинный подписали: Действительный Статский Советник, заслуженный ординарный профессор Фридрих (Федор) Иванович Кнауэр и Подполковник Самохвалов.

В дополнение к вышеизложенному показанию, я Фридрих Кнауэр, сего же 27 ноября, добавляю: жена моя Антония Карловна, 51 года, урожденная Бендтфельдт, из Риги, где в настоящее время живут четыре ее сестры и один брат, — купец Оскар Карлович Бендтфельдт. Жена моя также родилась в России. Недвижимой собственности не имею ни в Киеве, ни за границей. Проживаю на получаемую пенсию и гонорар за лекции. Имею небольшое сбережение, которое хранится в виде %% бумаг и имею текущий счет в Киевском взаимного кредита Обществе. Семья моя живет в Германии только на те средства, которые я им отсюда высылаю. До войны я посылал деньги на имя моей жены через банки, а во время войны также высылал деньги и тоже через Частный Банк (в Киеве рядом с гостиницей Гранд-Отель). Во время войны я высылал жене деньги два раза по 500 рублей. Я знаю, что эти деньги жена моя получила. Кроме того несколько недель тому назад, я послал жене 500 рублей через Русский для внешней торговли банк. Эти деньги, как видно из письма жены, также получены ею. А затем на днях, через тот же банк я послал жене еще пятьсот рублей, но получены ли они женой, я еще сведений не имею. Пересылка таких сумм денег объясняется тем, что жена должна уплатить долги, образовавшиеся за время моего там пребывания и кроме того потому, что я уже скоро посылать деньги не предполагаю. Кроме высылки денег, я своей семье ничем не помогаю. Причины, послужившие к ходатайству об исключении моих сыновей из Русского подданства, заключаются в том, что во-первых, перевозить семью обратно в Россию сопряжено для меня с большими затратами, а во-вторых, потому что они, как окончившие заграничные учебные заведения, в России не будут иметь прав, достигнутых окончанием этих учебных заведений, а также потому что они уже отвыкли от России и русского языка. Ходатайство об исключении моих сыновей из Русского подданства исходило от моего имени. Это было три с половиною года тому назад, т.е. в 1911 году. По этому моему ходатайству, мой младший сын Гельмуд был исключен из Русского подданства в 1913 году. Ему тогда, когда я подавал свое ходатайство, еще не было 15

лет, а потому вопрос о переходе из Русского подданства был решен Советом Министров. Старший же сын Зигфрид, когда я подавал свое прошение, имел уже больше 15-ти лет, а потому он мог быть исключен с Высочайшего соизволения. Этим и объясняется то обстоятельство, что младший мой сын был исключен в 1913 году, а старший только летом сего года. Кроме того от моих сыновей бралась подписка об их согласии на исключение из Русского подданства, что они и сделали. Относительно отбывания воинской повинности моими сыновьями, то дело это обстоит так. Относительно младшего сына Гельмуда, я никаких заявлений не делал, так как он не достиг еще требуемого возраста. Относительно же Зигфрида, я подавал в Киевскую Полицию заявление о приписке его к призывному участку, весною этого года. Когда же его исключили из подданства, то я больше никаких заявлений не делал, так как считал, что сняли его с учета вместе с исключением из подданства. Зигфриду летом сего года исполнилось двадцать лет. Зачеркнуто слово: «городском» и надписано: «Киевском», верно. Больше ничего добавить не имею. Показание мне прочитано. Подписали: Фридрих Иванович Кнауэр и Подполковник Самохвалов.

В дополнение к вышеизложенному добавляю: я получаю из Университетского казначейства пенсию ежемесячно в размере двести сорока рублей. Подписал Фридрих Кнауэр.

С подлинным верно:
Подполковник Самохвалов *(підпис)*

ЦДІАК, ф. 274, оп. 1, спр. 3318, арк. 6-7 зв.

(11) Копия секретного, *весьма* срочного отношения Киевского Губернского Правления на имя Начальника Киевского Губернского Жандармского Управления

Отделение 1,
Стол 2,
25 ноября 1914 года
за № 1109

В ответ на отношение от 24 текущего ноября за № 2592, Губернское Правление уведомляет Ваше Высокоблагородие, что как видно из отношений: Канцелярии Киевского, Подольского и Волынского Генерал-Губернатора от 19 января 1913 г. за № 215 и Департамента Общих Дел от 20 августа 1914 года за № 26713, сыновьям Действительного Статского Советника Федора (Фридриха) Ивановича Кнауэра — Гельмуту и Зигфриду Кнауэрам разрешено увольнение из подданства России: Гельмуту — Высочайше утвержденным 19 декабря 1912 г. Положением Совета Министров и Зигфриду — в 17 день июля 1914 г. Всемилостивейшим соизволением.

При этом присовокупляется, что жене названного Кнауэра Антонии Карловне Кнауэр с детьми: Зигфридом, Гельмутом, Ильзой, Фридой, Эрном и Кандой был выдан заграничный паспорт 8 августа 1912 г. за № 7826. Подлинное подписали: За Вице-Губернатора, Советник (подпись) и Делопроизводитель К. Ларионов.

С подлинным верно:
Подполковник Самохвалов *(підпис)*

ЦДІАК, ф. 274, оп. 1, спр. 3318, арк. 8.

(12) Довідки про родинний та майновий стан Фрідріха Кнауера з справ Київського губернського жандармського управління. 23-25 листопада 1914 року

Секретно

Заслуженный ординарный профессор Действительный Статский Советник, доктор сравнительного законоведения* Федор (Фридрих) Иванович Кнауэр, лютеранского вероисповедания, женат. Жена Антония Вильгельмина Карловна и сыновья Зигфрид 20 л. и Гельмут 18 лет, все лютеранского вероисповедания, с 1905 г. живут безвыездно в Германии в г. Йене, где оба обучаются. Согласно Высочайшего соизволения Зигфриду и Гельмуту 17 июля 1914 г. исключены из Русского подданства, о чем объявлено Кнауэр в сентябре месяце. Сам Кнауэр выехал в Германию к семье в мае 1914 г., а возвратился 30 сентября, чрез Швецию. Он недвижимой собственности в России не имеет. Получает в данное время пенсию 3000 руб. в год и как сверхштатный преподаватель 1200 руб. Где сохраняются его деньги сведений нет.

Надзиратель *(підпис)*
25 ноября 1914 г.

Справка: у профессора Университета Св. Владимира Федора Ивановича Кнауэра есть два сына 21 г. и 19 л. Им было возбуждено ходатайство о принятии его двух сыновей в Германское подданство. Ходатайство его уважено и была бумага об исключении их из Русского подданства. В данное время они оба за границей.

Надзиратель *(підпис)*

Справка из дел Киевского Губернского Жандармского Управления

Кнауэр Федор Иванович, доктор по кафедре сравнит*ельного* языковед*ения*.

Названный Кнауэр известен по делам Управления лишь тем, что в записной книжке, обнаруженной при производстве помощником Начальника Курляндского Губернского Жандармского Управления в Гробинском уезде и Либавском порте обыска у Павла Баумана был записан адрес: «Knauer Kiew Университетский спуск 13».

По выяснении оказалось, что по указанному адресу проживает вышеназванный Кнауэр, его жена Антония Вильгельмовна, 48 лет, дети: Луиза 12 лет, Зигфрид 11 лет, Гельмуд 9 лет и Фрида 7 лет.

23/XI-1914 г.

ЦДІАК, ф. 274, оп. 1, спр. 3318, арк. 11-11 зв., 14-15.

(13) Curriculum vitae Федора Кнауэра. *3 березня 1889 року*

Я, Федор Иванович Кнауэр, немецкого происхождения и евангелическо-лютеранского вероисповедания, родился 3-го августа 1849 г. в селе Сараспе в Аккерманском уезде Бессарабской губернии. Получив первоначальное свое образование в местных приходской школе и центральном училище, я, по окончании четырехлетнего курса в последнем, в шестнадцатом году моего возраста был удостоен свидетельства зрелости для звания приходского учителя. Уже рано возникла во мне мысль о приобретении высшего образования, но по неимению средств возможности никакой не было привести ее в исполнение. Таким образом я принужден был

* *Помилка в оригіналі*

сделаться учителем, был два года помощником учителя в Бессарабском селе Тарутине и вместе с тем и домашним учителем у местного пастора, а после того опять вернулся на один год в Сараспу с главною целью усовершенствоваться там в русском языке. В то же самое время, почувствовав в себе неодолимое стремление к высшему образованию, я самостоятельно и без учителя начал заниматься древнейшими языками и продолжал это занятие еще полтора года во время пребывания моего в городе Бердянске на Азовском море, где я занимал место учителя при лютеранской церковной школе. В мае месяце 1869 г. я оттуда переехал в село Нейштутгарт, верст 35 от Бердянска, где я помимо своей деятельности в тамошней приходской школе, имел счастье учиться под руководством отличного знатока классических языков пастора Целлера, образовавшегося за границею. Окончательно приготовившись в Дерпте к испытанию зрелости для поступления в университет и выдержав его там же в декабре месяце 1871 г., я в январе месяце 1872 г. поступил в Дерптский университет, записавшись в число студентов теологов. В 1875 году богословский факультет удостоил меня золотой медали за сочинение на тему «Liest sich Matthaus II, 25 ff. innerhalt der synoptischen Lehrtestien rechfertigen».

Так как я с одной стороны получал от церкви в течение трех лет стипендию по триста рублей, а с другой стороны, по окончанию курса на богословском факультете в январе месяце 1877 года, не мог считать себя призванным к духовной деятельности, то я должен был возвратить полученную мною сумму в размере 900 рублей. Заработав эту значительную сумму в качестве домашнего учителя с 1876 г. по 1878 г. и возвратив ее, я в августе месяце 1877 г. перешел на историко-филологический факультет Дерптского университета, записавшись в число студентов сравнительного языковедения. В одно и то же время состоял я и преподавателем древних языков тамошней частной гимназии. В 1880 году, выдержав в январе месяце экзамен на степень кандидата сравнительного языковедения и получив, по одобрении факультетом моего кандидатского сочинения на тему из области сравнительного языковедения в сентябре месяце, стипендию на 1200 рублей от студенческой корпорации Ливонии, членом которой я был, я отправился за границу с целью продолжить там ученые свои занятия. Год спустя, т.е. с 1-го сентября 1881 г. я с такою же целью и туда же был командирован Министерством Народного Просвещения на два года, вследствие чего я за границею мог учиться всего три года, полтора года в Йене и столько же в Тюбингене. В Йене я слушал лекции Дельбрюка по сравнительному языковедению и санскритскому языку, Каппеллера по санскриту и пракриту, Сиверса по общей фонетике и германскому языку, я в Тюбингене слушал лекции гениального Рота по санскритскому и зендскому языкам. Само собою разумеется, что я в обоих местах живо участвовал и в практических занятиях. В Йене я написал свою магистерскую диссертацию «Ueber die Betonung der Camposita mit a privativum ins Sanskrit», защищенную мною по выдержании испытания на степень магистра сравнительного языковедения в Дерпте 27-го сентября 1882 года. Появилась она одновременно и в Kuhn's Zeitschrift.

Осенью 1883 г. я вернулся в Россию, а именно в Москву с целью основательного практического изучения русского языка; слушал там и лекции Вс. Мюллера, Д. Фортунатова и других. Летом 1884 г. переселился я в Дерпт для окончания и напечатания докторской моей диссертации, начатой еще в Тюбингене по рекомендации Проф. Рота, которую под заглавием «Das Gobhilagrhyasutra I. Text nehst Sinleitung» защищал там же 11-го октября 1884 г. Сделавшись в августе месяце того же года приват-доцентом Дерптского университета по кафедре сравнительного языковедения и санскритского языка, я в начале 1885 г. в качестве такого же был переведен в университет Св. Владимира, где 2-го января 1886 г. был произведен в экстраординарные профессора.

Кроме выше упомянутых диссертаций я выпустил в свет еще следующие труды: 1) Beitrcge zur Böhtlingk's «Sanskrit-Wörterbuch in kürzeren Fassung» в 1882 г. (см. Vorwort zum Theil III); 2) Das Gobhilagrhyasutra. Th. II: Eileitung, Übersetzung, Erläuterungen. Dorpat, 1886; 3) Вступительная лекция о прелестном Илме и Заратуштре, читанная в университете Св. Владимира 5-го марта 1885 г. (см. Университетские Известия № 3 — март 1885 г.); 4) Реферат о раскопках курганов, произведенных мною в прошлом году в Сараспе в Бессарабии, читанный в Обществе Нестора летописца (печатается в «Чтениях в историческом Обществе Нестора Летописца»); 5) Статья «Zu iti und ca» in «Festgruss an Otto von Böhtlingk zum Doctrijubiläum 3. Februar 1888. Stuttgart 1888.

Проф. Ф. Кнауэр
Киев,
3-го марта 1889 г.

Ученые труды Ф. Кнауэра

1. Beiträge zum «Sanskrit-Wörterbuch in kürzeren Fassung von G. Böhtlingk. 1882. (см. Vorwort zum III Theil, Petersburg 1882)

2. Über die betonung der camposita mit a privativum ins Sanskrit 1882 в Kuhns Zeitschrift für vergl. Sprachwissenschaft Br. 27 (магистерская диссертация, Dorpat 1882).

3. Das Gobhilagrhyasutra herausgegeben und übersetzt:

а) I. Heft: Text nehst Einleitung. Dorpat 1884 (докторская диссертация)

в) II. Heft: Übersetzung nehst Einleitung und Erläuterungen. Dorpat, 1886.

4. Вступительная лекция, читанная в университете Св. Владимира в 1885 г.; печатанная в Университетских известиях в № 3 (Март) 1885 г.

5. «Zu iti und ca» статья в «Festgruss an Otto von Böhtlingk zum Doctrijubiläum 3. Februar 1888. Stuttgart 1888.

6. Доклад «О раскопках курганов в Бессарабии», произведенных мною в апреле 1888 г., читанный 20-го ноября в Киевском историческом Обществе Нестора летописца, печатается в Чтениях в названном обществе.

Ф. Кнауэр.
Киев,
21-го января 1889 г.

ДАК, ф. 16, оп. 465, спр. 468, арк.35-36.

(14) Повідомлення преси

«Киевлянин»
Вторник, 17-го февраля 1915 г. № 48.

Ходатайство о проф. Кнауэре

Высокопоставленное лицо, по сведениям «Русских Ведомостей», обратилось к графу П.Н. Игнатьеву со следующим письмом: «Несколько ученых обратили мое внимание на тяжелое положение, в котором оказался заслуженный профессор Императорского университета св. Владимира Ф.И. Кнауэр Он был арестован в августе и сослан в Томскую губернию с наложением ареста на получаемую им пенсию за то, что два сына его приняли германское подданство и якобы сражаются против нас. Предполагая, что для суровой меры, принятой по отношению к профессору Кнауэру, приведены недостаточные основания, ибо увольнение из русского подданства произошло согласно Высочайшему разрешению, а факт нахождения сыно-

вей профессора Кнауэра в рядах неприятельских войск непроверен и не доказан, я тем не менее прошу вас, как главу того ведомства, где профессор Кнауэр прослужил 32 года, исходатайствовать облегчение его участи с переводом его в Казань или в другой университетский город, где он имел бы возможность продолжать свои научные занятия и, в частности, закончить издание санскритского текста, порученного ему академией наук».

В связи с этим обращением, графу П.Н. Игнатьеву был предоставлен спешный доклад, который сводится к следующему: «Из переписки по министерству народного просвещения усматривается, что проф*ессор* Кнауэр, задержанный, как донес попечитель Киевского учебного округа, обстоятельствами военного времени за границей, возвратился в Киев в конце сентября 1914 года, причем его появление в университете вызвало большое возбуждение в профессорской среде: большинство профессоров сторонились его, многие из них перестали подавать ему руку, а проф*ессор* Голубев даже открыто выступал против него в заседании историко-филологического факультета с обвинением в измене и требованием его удаления. Причиной такого отношения к проф*ессору* Кнауэру послужило то обстоятельство, что он перевел своих сыновей, Гельмута и Зигфрида, в германское подданство. По слухам, сыновья проф*ессора* Кнауэра с объявлением войны даже поступили в ряды германской армии.

На затребованные попечителем Киевского учебного округа от проф*ессора* Кнауэра объяснения последний ответил, что ходатайство об увольнении сыновей из русского подданства им было подано, как он выражается, «в светло-мирное время», в 1911 году, и Высочайшее соизволение последовало для старшего сына, Гельмута*, 19 декабря 1912 года, а для младшего — 17 июля 1914 года. Профессор Кнауэр объясняет, что его сыновья, как несовершеннолетние, не могут принимать участия в военных действиях против России. Самое же переселение его семьи в Германию вызвано необходимостью воспитания детей, ставшего в России со смутного 1905 года крайне затруднительным.

В этом объяснении, по мнению попечителя названного округа, не все представляется достаточно обоснованным и искренним. Нарушение порядка школьных занятий в 1905 году было кратковременно и неглубоко и почти не касалось младших классов. Если действительно условия воспитания детей в Йене было более благоприятны, то это еще не может служить основанием к перемене подданства. Попечитель указывает, что Кнауэр происходит из немецких колонистов, родился и вырос в России и хотя сам дослужился до пенсии и чина действительного статского советника, но детей воспитал в полном отчуждении от России и завершил это отчуждение формальным перечислением в состав граждан Германии. Если приверженность проф*ессора* Кнауэра была столь велика, как он говорит, то что мешало бы ему с объявлением войны отказаться от увольнения детей из русского подданства, тем более, по замечанию попечителя, что в этот момент тысячи исконных германских подданных стали хлопотать о переходе в русское подданство.

Так как возбуждение профессоров университета св. Владимира против проф*ессора* Кнауэра грозило осложнениями, попечитель учебного округа находит оставление названного лица на службе совершенно нежелательным.

В ответ на это донесение временно-управляющий министерства народного просвещения барон М.А. Таубе предложил попечителю киевского учебного округа обратиться частным образом к проф*ессору* Кнауэру с предложением подать ныне же рапорт о болезни и затем не появляться ни в университете, ни на высших женских курсах во все время войны. Если бы проф*ессор* Кнауэр, как указывает временно-управляющий министерством, не пожелал исполнить этот добрый совет, то по-

---

* *Так у тексті.*

печитель должен официально предложить подать прошение об отставке и, в случае неподачи такого прошения, уволить проф*ессора* Кнауэра без прошения, предварительно предупредив его об этом.

25-го ноября 1914 года попечитель киевского учебного округа сообщил, что проф*ессор* Кнауэр временно освобожден от преподавания согласно поданному последним рапорту о болезни. Перевод заслуженного ординарного профессора Императорского киевского университета в Императорский казанский университет или какой-либо другой не может иметь места, так как проф*ессор* Кнауэр прослужил 30 лет и никакой штатной должности не занимает.

Граф Игнатьев нашел, что представлялось бы соответственным просить министерство внутренних дел сообщить об обстоятельствах, вызвавших арест и ссылку профессора Кнауэра, и об этом запросе также доложить высокопоставленному лицу. 6-го сего февраля были посланы министрам внутренних дел и военному два письма одного и того же содержания, в которых указывалось, что одно высокопоставленное лицо выразило желание, чтобы участь заслуженного ординарного профессора Императорского Киевского университета св. Владимира Кнауэра, арестованного в Киеве и сосланного в Томскую губернию, была облегчена переводом в Казань или другой университетский город, «вследствие чего, препровождая копию упомянутого письма, считаю долгом покорнейше просить ваше высокопревосходительство сообщить для доклада насколько представляется возможным осуществить перевод проф*ессора* Кнауэра в один из университетских городов».

«Киев»
Суббота, 21-го февраля 1915 г. № 401

«Светло-мирный» профессор

Жил-был в Киеве профессор университета св. Владимира Кнауэр. Более тридцати лет он состоял на русской государственной службе, получая, конечно, чины и ордена и являясь 20-го числа аккуратно в русское казначейство. Но все эти десятки лет, проведенные Кнауэром на русской территории в безпечальном житии, ничуть не убавили в нем пылкой страсти к своему фатерлянду. На Россию почтенный профессор смотрел, как на дойную корову, а всеми своими помыслами жил в Германии, куда перевел на жительство и свою семью. Почитывая за утренним кофе немецкие газеты, Herr Кнауэр таял от восхищения при имени своего кайзера, упиваясь звоном его бесконечных речей. Это восхищение привело к тому, что почтеннейший немец в конце-концов не выдержал и подал прошение об увольнении его сыновей из русского подданства.

Наступила война. Г*осподин* Кнауэр читал лекции русским студентам, а его сыновья, по слухам, подстреливали в это время русских солдат. Тяжелые на подъем русаки, наконец, смекнули в чем дело, и стали при встрече с профессором мрачно нахлобучивать шапку. Коллеги по университету перестали с Кнауэром здороваться, но упорный тевтон презрительно фыркал и продолжал «двигать русскую науку». Заговорила пресса, правда, робко, не называя даже фамилии, и подчеркнула нелепость сочетания государственной службы с германофильством господина Кнауэра. Наконец, вмешалась власть и предложила поклоннику кайзера переселиться на время в Томскую губернию.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Казалось бы, роль почтенного профессора кончена, и русское просвещение рассталось с г*осподином* Кнауэром навсегда. Однако оказывается, что вынужденное путешествие Кнауэра — только лишь начало, а в недалеком будущем ожидается весьма занимательное продолжение в виде реставрации его деятельности.

Полная реабилитация Кнауэра, по слухам, усмотрена в его объяснениях, представленных им в свое время попечителю Киевского учебного округа и найденных теперь более чем удовлетворительными. Если это так, то весьма любопытно вытянуть на свет Божий «самооправдание» г*осподина* Кнауэра и попытаться выяснить, не найдется ли, действительно, какой-либо благодатной лазейки для реставрации деятельности обиженного немецкого профессора. Объяснения г*осподина* Кнауэра в общем сводятся к следующему: сыновья — несовершеннолетние и участвовать в войне против России не могут, переселение семьи в Германию вызвано «необходимостью воспитания детей, ставшего в России с 1905 года весьма затруднительным»; наконец, прошение об увольнении из русского подданства было подано еще до войны в «светло-мирное» время.

В этих объяснениях что ни слово, то ценный перл. Проверить заявление г*осподина* Кнауэра о том, что его сыновья не сражаются против нас, весьма трудно, ибо призывной возраст, как мы знаем, существует для солдат, но не для офицерских чинов. Да и кроме того, заявление г*осподина* Кнауэра страдает фактической неточностью. Кнауэр утверждает, что Высочайшее соизволение на выход из русского подданства последовало для старшего сына 19 декабря 1912 года, а для младшего — 17 июля 1914 года. Но по имеющимся у нас сведениям, дело происходило как раз наоборот, а именно: 17 июля 1914 года был Высочайше разрешен выход из русского подданства старшему сыну Кнауэра — Гельмуту, приближавшемуся по летам к призывному возрасту. Эта маленькая неточность заставляет думать, что г*осподин* Кнауэр в своих объяснениях кое-что подчистил, а кое-где подогнал.

Не менее любопытны объяснения господина Кнауэра относительно переселения семьи в Германию. Оказывается, что в России с 1905 года «воспитание детей стало весьма затруднительным». Понимать это нужно в том смысле, что в России с указанного момента нет, собственно говоря, порядочных учебных заведений. Но как же это г*осподин* Кнауэр дал маху и залез на русскую кафедру в то время, когда в Германии существует такая образцовая педагогика и наука, где талант г*осподина* Кнауэра нашел бы гораздо большее и достойное применение. Зачем понадобилось г*осподину* Кнауэру метать немецкий бисер перед русскими «свиньями», раз в России, по его словам, все учебные заведения представляют одно недоразумение. Давая объяснения, Herr Кнауэр забыл прибавить, что, направляясь в Россию, каждый немец меньше всего думает о «негодных системах воспитания» и старается прежде всего набить свой немецкий карман и свое брюхо, а потом, если он не связан какими либо секретными обязанностями, улизнуть обратно в фатерлянд.

Но самое курьезное в объяснении г*осподина* Кнауэра — это фраза о «светло-мирном» времени. Старший сын немецкого профессора был, как мы знаем, переведен в германское подданство 17 июля 1914 года. Нужно быть чрезвычайным оптимистом, чтобы назвать это время «светло-мирным». Знаменитый соотечественник Кнауэра Прейскер, притаившись, как хищный зверь, только лишь ждал сигнала, чтобы вторгнуться в беззащитный Калиш и начать там свою кровавую вакханалию. Если в официальном документе профессор допустил такую поэтическую вольность, то думается, что и все объяснение г*осподина* Кнауэра весьма легковесно и построено в рассчете на русскую доверчивость и наивность. А не задавался ли почтенный профессор вопросом: как это возможно прожить целую эпоху в России, дослужиться до чина действительного статского советника и потом переводить своих детей в германское подданство в тот момент, когда они могут очутиться в рядах сражающихся против России? Если не задавался, то задаемся мы и думаем, что указания г*осподина* Кнауэра на «светло-мирное» время звучат глубоким сарказмом.

Но Herr Кнауэра хотят опять водрузить в русском университете и по мотивам научного свойства. Кнауэру-де необходимо предоставить кафедру, дабы он мог «закончить издание санскритского текста, порученного ему академией наук».

Признаться, мы этих соображений не разделяем. Хотя речь идет об обогащении русской науки, которая без г*осподина* Кнауэра может дать солидную трещину, все же следовало бы подумать и о национальном самолюбии, и об авторитете тех профессоров, кои не хотели Кнауэру подавать руки. Санскритский текст — дело весьма почтенное, но сейчас ведь России не до него.

Да и сам Кнауэр, пожалуй, больше волнуется по поводу неуспехов германского оружия, чем думает о новых «санскритских» изысканиях.

Фигаро

«Киев»
Воскресенье, 22-го февраля 1915 г. № 53

Смягчение участи профессора Кнауэра

Товарищ министр внутренних дел В.Ф. Джунковский уведомил управляющего министерством народного просвещения гр*афа* П.Н. Игнатьева, что он признал возможным назначить местом жительства для высланного в одну из сибирских губерний профессора Киевского университета Кнауэра университетский город Томск.

ЦДІАК, ф. 707, оп. 82, спр. 48, арк. 130-133.

Копія заяви професора Роберта Фогеля ректору Університету св. Володимира про неможливість виїзду з Німеччини професора Костянтина Пурієвича

31 серпня 1914 року

Фогель Роберт Пилипович (1859-1920) — астроном.

Народився 1 березня 1859 р. у Ржищеві (нині Київська обл.). 1886 року закінчив Університет св. Володимира, у 1887-1889 рр. перебував професорським стипендіатом, 1891 р. захистив магістерську дисертацію «Определение элементов орбит по трём наблюдениям», за яку здобув медаль та премію ім. професора І.І. Рахманінова. У 1891-1893 рр. мав закордонне відрядження, 1893 р. — приватний доцент, 1894 р. — астроном-спостерігач Університету св. Володимира. 1895 року захистив докторську дисертацію «Определение орбит, мало наклоненных к эклиптике», за яку одержав премію Російського Астрономічного товариства (1897). 1897 року — екстраординарний, 1899 р. — ординарний професор на кафедрі астрономії і геодезії. 1901 р. — директор обсерваторії.

Помер у лютому 1920 р.

Займався теоретичною астрономією. Розвинув і доповнив класичні методи визначення орбіт планет і комет, запропоновані К.Ф. Грауссом та Г.В. Ольберсом. Автор підручників з описової, сферичної і теоретичної астрономії.

Основні праці: «Курс сферической астрономии» (1910), «Основы теоретической астрономии» (1913), «Описательная астрономия» (1909, 1919), «Русский астрономический календарь» (Н. Новгород, 1899), «О невозможности трёх решений при теоретически полном определении параболической орбиты» (1911).

Література: *Богородский А.Ф., Чернега Н.А.* Историко-астрономические исследования. М., 1966. Вып. 9. С.211-234; *Колчинский И.Г., Корсунь А.А., Родригс М.Г.* Астрономы: Биографический справочник К., 1986. С.331; Астрономічна обсерваторія Київського університету імені Тараса Шевченка. 150 років: Сторінки історії та результати наукових досліджень. К., 1995. С.55-56,69-74.

Пурієвич Костянтин Адріанович (1866-1916) — фізіолог рослин.

Народився 28 травня 1866 р. у Житомирі. Закінчив 1889 р. Університет св. Володимира; залишений для підготовки до професорського звання; 1900 року — професор по кафедрі анатомії і фізіології рослин. Помер 31 серпня 1916 р.

Основні праці присвячені обміну речовин під час дихання та фотосинтезу рослин, проблемі енергетики фотосинтезу: «Исследования над фотосинтезом» (К., 1913).

Автор підручників: «Краткий учебник ботаники» (2-е изд. 1923–1924), «Краткое руководство к практическим занятиям по анатомии растений» (2-е изд. 1919).

Література: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Университета св. Владимира (1834-1884). К., 1884; Биологи: Биогр. справочник. К., 1984. С.519.

Г. Ректору Университета Св. Владимира

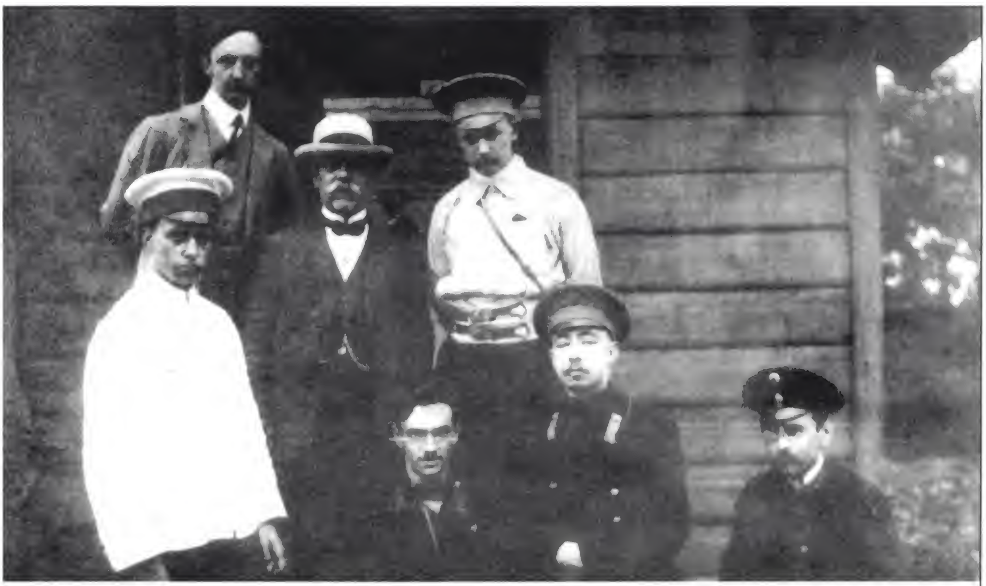
Профессор Пуриевич письмом от 11/24 августа, написанным в Наугейме и отправленном одной туристкой 16/29 из Гааги, известил меня, что при попытке возвратиться в Россию его вернули обратно в Наугейм, при чем он не знает, когда ему разрешат выехать из Германии. В виду этого он просит меня известить Ваше Превосходительство официальной бумагой о том, что неприбытие его к сроку произошло не по его вине. Профессор Пуриевич находится в бедственном положении, всдледствие недостатка денег, но, к сожалению, сейчас не может указать, по какому адресу ему выслать деньги. При первой же возможности он сообщит адрес телеграммой. Подлинное подписал профессор Р. Фогель.

С подлинным верно:
За Секретаря Совета *(підпис)*

Настоящее заявление проф*ессора* Р.Ф. Фогеля в копии честь имею препроводить в физико-математический факультет для сведения.

Г. Киев сентября 5 дня 1914 года.
Ректор
За Секретаря Совета *(підпис)*

ДАК, ф. 16, оп. 469, спр. 224, арк. 23.



Р. Фогель серед спостерігачів повного сонячного затемнення. 21 серпня 1914 р.

Матеріали про евакуацію Університету св. Володимира до Саратова
Серпень-грудень 1915 року

№1
Сведения о деньгах, отпущенных на расходы по эвакуации из Киева в г. Саратов казенного имущества Университета Св. Владимира. [Кінець 1915 року]

Отпущено на означенную надобность из военного фонда	65000 руб.
Из них израсходовано по 27 ноября 1915 года:	

А. Расходы в Киеве

1) За лесной материал для изготовления ящиков	11622 руб. 35 к.
2) « гвоздильный « « « «	1962 руб. 45 к.
3) « изготовление ящиков	8264 руб. 20 к.
4) « упаковочный материал	604 руб. 59 к.
5) 4 лошади с площадками	1648 руб.
6) Покупка готовых ящиков	1389 руб.
7) Вывозка ящиков из помещений, перевозка их на вокзал и погрузка в вагоны	5249 руб. 50 к.
8) Фураж	315 руб.
9) Проводникам вагонов из Киева в Саратов	535 руб.
10) Командировки из Киева в Саратов профессоров и служащих по делам эвакуации	700 руб.
11) Разные мелкие расходы	207 руб. 10 к.
12) Выдано авансами на разные надобности по эвакуации, счета в израсходовании коих еще не представлены	671 руб. 50 к.
Итого	*33168 руб. 69 коп.*
Кроме того, переведено в Саратов на имя проректора М. Ясинского на расходы по эвакуации	5000 руб.
и израсходовано на перевод в Саратов 26764 руб. 31 коп.	67 руб.
Итого	*5067 руб.*

Б. Расходы в Саратове

за счет 31764 руб. 31 коп. (5000 руб.+26764 руб. 31 коп.)

1) За вывозку со станции Саратов и за доставку в нанятые в городе помещения университетского имущества и охрана его	4423 р. 25 к.
2) За наем помещений для университетского имущества	300 р.
3) Приспособление нанятых помещений и обзаведение необходимым инвентарем	213 р.
4) За несгораемую кассу	350 р.
5) Мелкие расходы	63 р. 75 к.
Итого	*5350 руб.*

В. Предстоят расходы

1) Приспособление помещений и за необходимый инвентарь	341 руб. 85 коп.
2) Плата за помещения	2350 руб.
3) Плата разным лицам за работы по эвакуации	2680 руб.
4) Необходимо на распаковку ящиков, доставку перевезенного	

имущества в нанятые помещения, охрану имущества, содержание нанятых помещений и на разные непредвиденные расходы 21042 руб. 46 коп.
Итого *26414 руб. 31 коп.*
А всего **65000 рублей.**

Бухгалтер Университета *(підпис)*

ДАК, ф.16, оп. 354, спр.99, арк. 99, 99 зв.

№2
Доповідна записка Веніаміна Кордта про підготовку до евакуації бібліотеки університету. 20 жовтня 1915 року

20 октября 1915 г.

Его Превосходительству
Господину Ректору
Императорского Университета св. Владимира

Честь имею доложить, что по предписанию Вашего Превосходительства мною 19 августа сего года было приступлено к укладке фундаментальной и студенческой библиотек Университета. При этом согласно указанию Вашего Превосходительства укладка была начата с самого ценного имущества библиотеки, а именно с собрания рукописей, с многотомной ценной Румянцевской Описи Малороссии. Затем был уложен самый ценный отдел книг, т.е. так называемая библиотека короля Станислава Августа, в которой отдел богословской науки и классической филологии особенно богаты редкими изданиями. Далее было приступлено в последовательном порядке к укладке библиотек Кременецкого Лицея, Виленского Университета, Виленской Медико-Хирургической Академии, Кабинета граверного искусства, Кабинета Архитектуры, Агрономического Института, Коллекции Кременецкого Лицея, Коллекции Яблоновского, Коллекции Микошевского, Коллекции Иезуитской, Коллекции Почаевской, Коллекции Чацкого, Рукописей из Уманской библиотеки, Suppl. ad Bibl. Reg. Рукоп., Коллекции Мошинского, Коллекции Бердичевской, библиотеки Костомарова, библиотеки Н.Х. Бунге, Библиотеки А.М. Лазаревского, библиотеки графа Монтрезора, библиотеки доктора Цыцурина, библиотеки генерал-адъютанта Бибикова, библиотеки профессора Стуковенкова, библиотеки графа Хрептовича и библиотеки Академика Рейна. После упаковки всех вышеназванных коллекций были уложены в ящики и новые отделы библиотеки, наконец и все каталоги, Материальные книги, расписки пользующихся библиотекой, архив библиотеки и текущие дела ее. В виду необходимости скорейшего окончания всей этой сложной работы, занятия вели не только в будни, но и в воскресные и праздничные дни сверх определенных для занятий часов и были закончены к 19-му октября. Всего потребовалось 250 ящиков, причем вес каждого ящика, в среднем, 8 пудов. Каждый ящик был снабжен тремя ярлыками с отметкой о содержании его и инициалами библиотеки на дереве ящика. Об отправленных ящиках составлена подробная опись. Все ящики были доставлены на товарную станцию, на сколько мне известно, в целости и сохранности.

В настоящее время в четырех комнатах, оставленных военным ведомством в распоряжении библиотеки, производится ежедневный прием почты, запись журналов, отправка их в профессорскую лекторию и вся текущая переписка и работа. Что касается мебели, то часть ее сложена в торжественном зале и аванзале Университета, а остальная же часть хранится в теперешнем помещении библиотеки. Из служащих библиотеки двое из моих помощников уже находятся в г.Саратове, двое, по распоряжению Вашего Превосходительства, оставлены в Киеве для текущей работы, остальные же при-

будут в г. Саратов групповой отправкой с чинами Канцелярии Университета; что же касается меня и помощника моего К.Н. Щеброва, то по предписанию Вашего Превосходительства, мы выедем в Саратов немедля по окончании текущих строительных работ по постройке библиотеки и по окончании заседаний Строительной Комиссии.

Библиотекарь В. Корд *(підпис)*

ДАК, ф.16, оп.354, спр.99, арк. 70, 70 зв., 153

№3
Довідка про кількість студентів, наявних у Саратові або переведених в інші університети. Грудень 1915 року

Справка

1) Выдано видов на жительство студентам в г.Саратове:

а) Историко-филологического факультета	340
б) Математического отделения	369
в) Естественного «	558
г) Юридического факультета	1225
Всего	*2492*

2) Перешло в другие университеты 622

3) К 1-му декабря 1915 года числится студентов:

а) На историко-филологическом факультете	419
б) На физико-математическом	1471
из них: на естественном отделении	786
на математическом	685
в) юридическом факультете	2059
Всего	*3949*

Олексій Садовень. 1912 р.

Секретарь *(підпис)*

ДАК, ф.16, оп.354, спр.99, арк.98

№4
Посвідчення декана медичного факультету професора Олексія Садовеня для поїздки до Саратова та Воронежа в справах евакуації університету. 21 серпня 1915 року

Августа 21 дня 1915 г.
№ 2933

Свидетельство

Настоящее свидетельство от Императорского Университета Св. Владимира за надлежащею подписью и приложением Университетской печати, дано декану медицинского факультета, заслуженному ординарному профессору сего Университета, действительному статскому советнику Алексею Андреевичу САДОВЕНЮ, отп-

равляющемуся в город Саратов и Воронеж по делам университета, для представления властям в целях оказания ему возможного содействия по делам Университета.

За Секретаря Совета *(підпис)*

ДАК. ф. 16, оп. 354, спр. 99, арк. 9.

№5
Клопотання професора історично-філологічного факультету Миколи Бубнова про видачу йому довідки для переїзду з сином до Саратова. 17 вересня 1915 року

Его Превосходительству
Господину Ректору Университета св. Владимира
Ординарного профессора Николая Бубнова

Прошение

Имею честь ходатайствовать о выдаче мне от имени Вашего Превосходительства удостоверения в том, что я, по приказанию соответствующего начальства эвакуируюсь вместе с тремя факультетами Университета св. Владимира в город Саратов. Означенное свидетельство мне необходимо на предмет представления в одну из Саратовских гимназий для принятия сверх комплекта моего сына Владимира 14 лет, которого я должен взять с собой, помимо прочих соображений, еще и потому, что он единственный член моей семьи и мне его не у кого оставить для продолжения учения в остающейся в Киеве Императорской Александровской Гимназии.

Профессор Н. Бубнов *(підпис)*
Киев 17 сентября 1915 г.

ДАК, ф. 16, оп. 354, спр. 99, арк. 53.

№6
Розпорядження ректора деканам факультетів про надання інформації щодо роботи факультетів в умовах евакуації. 9 листопада 1915 року

Ноября 9 1915 г.
№ 3606

Предполагая предоставить господину Министру Народного Просвещения доклад об эвакуации Университета, имею честь покорнейше просить г*оспод* деканов сообщить мне сведения о ходе занятий в Саратове на вверенных им факультетах. В частности, покорнейше прошу доставить сведения: 1) о числе студентов, записавшихся на лекции; 2) о несостоявшихся курсах с указанием причин, почему таковые не состоялись; 3) о посещаемости лекций и практических занятий; 4) об обстановке, в какой приходится вести лабораторные занятия на физико-математическом факультете. Требуемые сведения желательно получить не позже 15-го ноября.

Ректор Н. Цытович *(підпис)*

Имею честь просить членов и преподавателей факультета дать требуемые сведения на обороте этого листа.
Декан Соколов *(підпис)*

ДАК, ф.16, оп. 354, спр. 99, арк. 77.

№7
Інформація декана юридичного факультету на ім'я ректора університету Миколи Цитовича про стан та діяльність факультету в умовах евакуації. 23 листопада 1915 року

23 ноября 1915 года
№ 426

Его Превосходительству
Господину Ректору Университета Св. Владимира

В ответ на предложение Вашего Превосходительства от 16 ноября сего года за № 3632, имею честь представить, что аудиторные помещения Юридического Факультета расположены во втором корпусе Императорского Николаевского Университета, в каковом находятся также Юридический Кабинет и Юридическая Канцелярия. Юридический Семинарий занимает 2 комнаты в помещении паталого-анатомического корпуса. В указанных помещениях профессора Юридического Факультета ведут соответствующие практические занятия.

Декан *(підпис)*
Секретарь *(підпис)*

ДАК, ф. 16, оп. 354, спр. 99, арк. 80-80 зв.

Таємне листування щодо протиправних дій студентів Університету св. Володимира в Саратові та вжиті адміністрацією заходи
23 лютого — 12 травня 1916 року

№1
Доповідна записка проректора Університету св. Володимира у Правління університету про арешт студента В.В. Соколова. 23 лютого 1916 року

23 февраля 1916 г.
№1228

Саратов.
В правление Императорского университета св. Владимира

Студент Университета св. Владимира Виктор Васильевич Соколов привлечен по обязательному постановлению Главноначальствующего Саратовского Губернатора от 25 июля 1914 года за приставание в публичном месте к незнакомой ему женщине, которая обратилась к содействию полиции, для ограждения ее от назойливых приставаний студента Соколова.

Протокол представлен 12 января за №162 Саратовскому Полициймейстеру.

Об изложенном вследствие отношения пристава 3-го участка г. Саратова от 13 января сего года за №162 имею честь представить на благоусмотрение Правления университета.

Справка: Соколов состоит студентом юридического факультета.

Проректор университета

№2
Повідомлення проректора в Правління університету про арешт студентів як політично неблагонадійних. 2 травня 1916 року

2 мая 1916 г.
№3129
Гор. Саратов

В Правление Императорского
Университета Св. Владимира

Вечером 23 апреля сего года, поименованные в прилагаемом при сем списке студенты, собравшись на пристань параходного О*бщест*ва «по Волге» для проводов высланных в город Иркутск, за политическую неблагонадежность, Помощников Присяжных Поверенных Антонова и Оппокова, при отходе парохода запели «Вы жертвою пали в борьбе роковой». На требование полиции прекратить пение, студенты продолжали петь, почему при содействии вызванного военного караула все они задержаны и на основании 21 ст. По*ложения* об охране, заключены в Губернскую тюрьму, произведенное же дознание по этому делу представлено Главноначальствующему губернии, с ходатайством подвергнуть их тюремному заключению, за пение революционной песни.

Об изложенном вследствие отношения Саратовского Полицеймейстера от 26 апреля сего года за №1585, имею честь представить на благоусмотрение Правления Университета.

Проректор Университета *(підпис)*
Секретарь по студ. делам *(підпис)*

Доложено Правлению Университета Св. Владимира 12 мая 1916 г., ст. 6[а].
Постановили: Запросить губернатора, к каким наказаниям присуждены задержанные студенты и сколько времени каждый из них находится под арестом.

Резолюция: Настоящее отношение с постановлением Правления Университета для исполнения возвращается в Канцелярию по студенческим делам Университета. Мая 23 дня 1916 года.

Ректор *(підпис)*
Секретарь Правления *(підпис)*

№3
Повідомлення проректора в Правління університету про арешт і ув'язнення студентів. 12 травня 1916 року

12 мая 1916 г.
№ 3130
Гор. Саратов

Секретно
В Правление Университета
Св. Владимира

Студенты Университета Св. Владимира: Николай Алексеевич Колодуб, Николай Григорьевич Кулеш и Лазарь Шулемович Мееров по распоряжению Саратовского Губернского Жандармского Управления арестованы в порядке Положения о Государственной Охране и заключены под стражу в Саратовскую губернскую тюрьму как заподозренные в политической неблагонадежности.

Об изложенном вследствие отношения Начальника Саратовского Губернского Жандармского Управления от 30 апреля сего года за № 7722 имею честь представить на благоусмотрение Правления Университета на основании п.1-го Особых

Правил, утвержденных Г*осподином* Министром Народного Просвещения 14-го мая 1882 года.

Справка: Колодуб и Кулеш состоят на физ*ико*-мат*ематическом* фак*ультете*, а Мееров на юрид*ическом* фак*ультете*.

Проректор Университета *(підпис)*
Секретарь по студ. делам *(підпис)*

Доложено Правлению Университета Св. Владимира 12 мая 1916 г. ст. 6[с]
Постановили: Уволить из списков студентов. Настоящее отношение с постановлением Правления Университета для исполнения возвращается в Канцелярию по студенческим делам Университета.

Мая дня 1916 года.
Ректор *(підпис)*
Секретарь Правления *(підпис)*

№4
Повідомлення проректора в Правління університету про арешт студентів — учасників демонстрації. 12 травня 1916 року

12 мая 1916 г.
№ 3364
Гор. Саратов

Секретно
В Правление Университета
Св. Владимира

Студенты Университета Св. Владимира Семен Борухов Урицкий (арестованный 23 апреля сего года Саратовским Полициймейстером в порядке охраны, дальнейшим содержанием под стражей перечислен за Начальником Губернского Жандармского Управления), Николай Колодуб, Николай Кулеш, Генрих Секержинский, Яков Каганов, Семен Канель и Шлема Манов арестованы и привлечены при Саратовском Губернском Жандармском Управлении к переписке в порядке охраны, как участники демонстрации, бывшей 16 апреля сего года в здании Саратовского Императорского Николаевского Университета во время жеребьевки студентов Университета Св. Владимира по случаю призыва на военную службу.

Об изложенном вследствие отношения Начальника Саратовского Губернского Жандармского Управления за № 8192 от 9 мая с.г. имею честь представить на благоусмотрение Правления Университета на основании п.1-го Особых Правил, утвержденных Г*осподином* Министром Народного Просвещения 14 мая 1882 года.

Справка: Урицкий, Колодуб, Кулеш и Манов состоят на физ*ико*-мат*ематическом* фак*ультете*, а Секержинский, Каганов и Канель на юрид*ическом* фак*ультете*.

Проректор Университета *(підпис)*
Секретарь по студ. делам *(підпис)*

Доложено правлению Университета Св. Владимира 12 мая 1916 г., ст. 6[б]
Постановили: Уволить из списков студентов.

Резолюция: Настоящее отношение с постановлением Правления Университета для исполнения возвращается в Канцелярию по студенческим делам Университета.
Мая дня 1916 года.

Ректор *(підпис)*
Секретарь Правления *(підпис)*

№5

Список
студентам, задержанным 23 апреля 1916 года на пароходной пристани О*бщест*ва «по Волге» во время пения революционной песни «Вы жертвою пали» при проводах высланных присяжных поверенных Опокова и Антонова

1) студент Императорского Университета Св. Владимира Михаил Иванов Стефановский имеет свидетельство за № 4576, проживает по ул. Константиновской № 12 кв. 14 д. Эрта,

2) студент Императорского Университета Св. Владимира Израиль Аврамович Сегалов, имеет свидетельство за № 296, а проживает на [...]ковской ул. в д. Лаптева № 62,

3) студент III к. Императорского Университета Св. Владимира Георгий Иосифович Чиракадзе проживает на Соляной ул., д. № 9 Чикина, кв. 7,

4) студент Императорского Университета Св. Владимира Анатолий Степанов Николаев прожив*ает* на Константиновской ул., № 27 д. Беллера,

5) студент 4 к. Императорского Университета Св. Владимира Ал[...] Георгиевич Морозов, имеет свидетельство за № 223, прожив*ает* Вол[...]ская, № 97, кв. 2,

6) студент 4 к. Императорского Университета Св. Владимира Ивана Андреев Неронов, прожив*ает* Бахметьевская, д. № 7, кв. 3,

7) студент III к. Императорского Университета Св. Владимира *****пет Каракинович Сордаров, прожив*ает* Крапивная, № 28,

8) студент 4 к. Императорского Университета Св. Владимира Сим[он] Борухов Урицкий прожив*ает* Провиантская, № 7, кв. 1. Имеет свидетельство за № 3792,

9) студент III к. Императорского Университета Св. Владимира [...]ман Иванов Черановский имеет свидетельство за № 347, прожив*ает*: Большая Горная № 133, кв. Кайзер,

10) студент II к. Императорского Университета Св. Владимира Вл[...] Хаимович-Давидович Ципоркис имеет свидетельство за № 342, Константиновская № 12, кв. 14 д. Эрт,

11) студент I к. Императорского Университета Св. Владимира Гр[...] Хрисанфов Морозов имеет свид*етельство* за № 438а, прожив*ает* Б. Горная ул., № 42, кв. 2,

12) студент Императорского Университета Св. Владимира Константин Дионисов Ярошенко прожив*ает* Константиновская, № 27, кв. 55,

13) студент III к. Императорского Университета Св. Владимира Эрнст Фриц Вальте-Калн (он же Вальтейберг) имеет свид. за № 2951, прожив*ает* Соляная, д. Чикиной № 9,

14) студент того же Университета Нохим Лейба Шмидт, Б. Сергиевская и Вольская,

15) студент того-же Университета Хаим-Мейер Пинхусович Белицкий прожив*ает* Железнодорожная ул., д. № 38, кв. Лепехнова,

16) студент того Университета Борис Николаев Покровский прожив*ает* Введинской м*ежду* Большой и Малой Сергиевской, д. № 11, кв. Цветаевой,

17) студент того же Университета Алексей Александрович Козловский имеет свидетельство за № 516а, прожив*ает* Московская № 44 кв. 2,

18) Студент того-же Университета Петр Евсеев Фрегер, имеет свидетельство за № 188а, прожив*ает* Михайловская № 117 кв. 3,

19) Студент того-же Университета Георгий Александров Серебряков прожив*ает* Введенская ул., д. № 11 кв. Цветаевой.

Подлинный за надлежащею подписью.
С подлинным верно:
Секретарь по студ. делам *(підпис)*

ДАК, ф, 16, оп. 477, спр. 748, арк. 7, 13-13 зв., 21-24.

Повідомлення про арешт студентів Університету св. Володимира у зв'язку з воєнним станом. 10 січня 1917 року

10 января 1917 г. Секретно
№ 84 В правление Университета св. Владимира

Студенты Университета Св. Владимира: Чижевский Дмитрий Иванович, Белицкий Меер Пинхусович, Гершевич Мойсей Мордухович и Шик Шнеер-Зельман Аврамович 10 декабря 1916 года, по распоряжению Начальника Киевского Губернского Жандармского Управления, в порядке 23 ст. Правил о местностях, объявляемых сотоящими на военном положении, арестованы и заключены под стражу в Киевскую Губернскую тюрьму.

Об изложенном вследствие отношения Начальника Киевского Губернского Жандармского Управления от 3 января 1917 года за № 128, имею честь представить на благоусмотрение Правления Университета на основании п.1-го «Особых Правил», утвержденных Г*осподином* Министром Народного Просвещения 14 мая 1882 года.

Справка: Чижевский состоит студентом историко-филологического факультета с 1916 года, Белицкий состоит студентом юридического факультета с 1916 г., Гершевич состоит студентом медицинского факультета с 1914 г. и Шик состоит студентом медицинского факультета с 1915 года.

Проректор Университета
Секретарь по студ. делам
Доложено Правлению Университета св. Владимира 14/17 января 1917 г., ст.62а.
Постановили: Уволить.

ДАК, ф.16, оп. 477, спр. 770, арк. 6-6 зв.

Доповідна записка декана про відмову студентів-медиків слухати його лекції з анатомії. 28 лютого 1917 року

Его Превосходительству
г. Ректору Императорского Университета Св. Владимира

Честь имею довести до сведения Вашего Превосходительства, что, согласно постановлению медицинского факультета от 22-го сего февраля, мне поручено было факультетом впредь до замещения кафедры анатомии, оставшейся вакантною за смертью профессора Ф.А. Стефаниса, чтение лекций по предмету этой кафедры, производство всех зачетов и полукурсовых экзаменов и заведывание анатомическим театром. Исполняя такое поручение факультета, мною было выставлено объявление для студентов 1-го и 2-го курсов, что чтение лекций по анатомии для студентов 20-го курса я начну в понедельник, 27-го февраля, а для студентов 1-го курса во вторник, т.е. сегодня, 28-го февраля. Между тем, уже накануне 27-го числа вечером меня уведомили по телефону студенты 2-го курса, что объявленная мною для студентов этого курса лекция в понедельник, 27-го февраля, не состоится, а может состояться только следующая лекция для них в пятницу, 3-го марта. Не взирая на это предупреждение, я все же в понедельник, 27-го февраля, явился на лекцию, но, конечно, никого из студентов не было. Сегодня же, когда должна была состояться у меня лекция для студентов 1-го курса, и я пришел с этой целью в анатомический театр, то мне старший служитель сообщил, что в большой анатомической аудитории для слушания моей лекции собралось много студентов, и не только 1-го курса, для которых должна была быть эта лекция, но и 2-го курса. Зная в общем настроение учащейся

молодежи, я предположил, что вероятно готовится какая либо демонстрация, особенно после того, как вчера в анатомическом театре была сходка, для прекращения которой университетская администрация вынуждена была прибегнуть к содействию полиции. Я вошел в аудиторию, в которой действительно было много студентов, не менее 150 человек. Я обратился к студентам со следующим приветствием:

«Господа. При тяжелых, гнетущих душу обстоятельствах приходится мне сего дня приступить к чтению лекций по анатомии, когда медицинский факультет в составе всех его профессоров, и весь Университет, и вы все — учащаяся молодежь — понесли тяжкую потерю в лице скончавшегося профессора Ф.А. Стефаниса. Медицинский факультет, поэтому, озабоченный преподаванием по предмету этой кафедры, оставшейся теперь вакантною, поручил мне временно, впредь до замещения этой кафедры чтение лекций по анатомии, производство зачетов и полукурсовых экзаменов и заведывание анатомическим театром. Исполняя такое поручение факультета, я и приступаю сегодня к чтению лекций по тому отделу анатомии, который остался незаконченным за смертью профессора Ф.А. Стефаниса». — Не успел я кончить свое приветствие, как все студенты, присутствовавшие в аудитории, поднялись со своих мест и один за другим быстро вышли из аудитории. Я пробовал было остановить их вопросом: «Господа, что это значит? Чем вызвана такая демонстрация с вашей стороны, оскорбительная как лично для меня, так в лице моем и для всего факультета, представителем которого я являюсь в настоящую минуту перед вами?» — Но вопросы мои остались без ответа, и аудитория быстро опустела. Когда затем, выйдя из аудитории, взволнованный, я зашел на несколько минут в прозекторскую, чтобы заявить обо всем происшедшем поджидавшим меня там и.о. прозектора Н.И. Волкобою и помощнику прозектора Л.Л. Краузе, — в прозекторскую вошел один из служителей и заявил мне, что несколько студентов желают со мною переговорить. Я пригласил их в кабинет. Вошли 4 студента (фамилий их я не знаю), и один из них, повидимому, представитель от курса, обратился ко мне со словами следующими: «Профессор, мы уполномочены от имени курса объявить Вам, что мы решили не слушать Ваших лекций по анатомии впредь до замещения кафедры анатомии новым профессором, или до поручения чтения лекций кому либо другому». — Я ответил на это студентам, что меня «крайне удивляет и оскорбляет такое их заявление, не говоря уже о полном неприличии и недопустимости произведенной ими демонстрации, ничем притом не вызванной с моей стороны». Вместе с тем я поставил им на вид, что ведь «для замещения кафедры анатомии потребуется довольно значительный промежуток времени — год, а может быть и больше», и поэтому предложил им вопрос: «Что-же они будут делать все это время, не посещая обязательных для них лекций по анатомии»? — На это тот представитель от курса ответил мне, что, конечно, они за это время «будут сдавать свои зачеты и полукурсовые экзамены по анатомии, вести практические занятия на трупе, и проч.» На это я им решительно заметил, что «никаких зачетов и полукурсовых экзаменов по анатомии, раз они не будут посещать лекций, я принимать от них не стану, — не допущу также и никаких практических занятий на трупе, так как само собою понятно, что при отсутствии лекций — не могут вестись и никакие практические занятия». Я поставил им также на вид о всех могущих быть последствиях такого нарушения обычного хода занятий. После этого студенты удалились, и мною, во избежание всяких новых демонстраций и сходок со стороны студентов, сделано распоряжение о временном прекращении занятий в секционном зале и закрытии анатомического театра впредь до особого разрешения, о чем и считаю нужным довести до сведения Вашего Превосходительства. —

Подлинное за надлежащей подписью.

28-го февраля 1917 г.

ДАК, ф. 16, оп. 465, спр. 6169, арк. 1-2.

Справа про спеціальні дослідження в лабораторіях Університету св. Володимира з застосування задушливих газів та боротьби з ними у зв'язку з військовим державним замовленням. 1915 року

№1
Запит військової влади попечителю Київського учбового округу про замовлення досліджень. 6 липня 1915 року

Управление Верховного Начальника
Санитарной и Эвакуационной части
Июля 6 дня 1915 г.
№ 7977
Петроград

Попечителю
Киевского учебного
округа

По повелению Его Императорского Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургского, Управлением Верховного Начальника Санитарной и Эвакуационной части был запрошен ректор Киевского Императорского Университета о том, производятся ли, и какие именно исследования по вопросам о применении удушливых газов и борьбы с ними в Университете.

Кроме того Управление просило ректора войти в сношение с другими учебными заведениями округа, где производятся исследования подобного рода и впредь осведомлять Управление о ходе этих работ. О содержании обращения к ректору Университета был поставлен в известность Министр Народного Просвещения.

Благоволите оказать ректору Университета содействие в исполнении поставленной ему задачи и о последовавшем распоряжении Вашем уведомить.

Помощник Верховного Начальника
Сенатор *(підпис)*
Заведующий Отделом, Капитан *(підпис)*

ЦДІАК, ф. 707, оп. 258, спр. 9, арк. 27.

№2
Інформація ректора Університету св. Володимира про діяльність у галузі застосування задушливих газів і боротьби з ними. 24 липня 1915 року

Июля 24 дня 1915 г.
№ 2704

Его Превосходительству
Господину Попечителю
Киевского Учебного Округа

Вследствие предложения от 18 текущего июля за № 24641/4043 честь имею донести Вашему Превосходительству, что отношение Управления Верховного Начальника Санитарной и Эвакуационной части по вопросу об исследованиях в области применения удушливых газов и борьбы с ними препровождено было мною в копиях физико-математическому и медицинскому факультетам.

В исполнение сего ныне физико-математический факультет сообщил мне нижеследующее отношение председателя физико-химического Общества заслуженно-

го ординарного профессора С.Н. Реформатского. «Физико-Химическое Общество при Университете Св. Владимира в течение 10-ти месяцев и до сих пор продолжает свою довольно разностороннюю деятельность, вызванную обстоятельствами военного времени. Что касается работы по изысканию способов применения удушливых газов и борьбы с ними, то таковые при Обществе не организованы; но отдельным членам общества не раз приходилось помогать своими советами тем городским организациям, которые заняты вопросами борьбы с удушливыми газами».

В настоящее время члены Физико-Химического Общества вошли в состав химической секции Киевского Военно-Промышленного Комитета; в эту секцию я передал присланную на мое имя копию отношения Управления Верховного Начальника Санитарно-Эвакуационной части от 20-го июня 1915 года за № 7338.

Что же касается медицинского факультета, то от последнего, в виду каникулярного времени и отсутствия в виду этого большинства профессоров, сведений по изложенному вопросу еще не поступало.

О результатах сношения по данному вопросу с другими учебными заведениями мною будет сообщено дополнительно.

Ректор Н. Цытович *(підпис)*
Секретарь Совета *(підпис)*

ЦДІАК. ф. 707, оп. 258, спр. 9, арк. 25.

Справа про виготовлення в клініках і лабораторіях медичного факультету Університету св. Володимира ліків та медикаментів для потреб армії
23 серпня — 24 жовтня 1914 року

№1
Клопотання Російського товариства Червоного Хреста. 23 серпня 1914 року

Российское общество
Красного Креста
Уполномоченій управляющий
23 августа 1914 г.
№ 80

Весьма срочное
Господину Ректору Императорского
Университета Св. Владимира

В виду затруднений, встречаемых Полевым складом Российского Общества Красного Креста Юго-Западного фронта армий в своевременном снабжении в достаточных количествах медикаментами санитарных учреждений Общества, я позволяю себе обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой уведомить меня, не признает ли Университет Св. Владимира возможным принять на себя изготовление для надобностей упомянутых учреждений некторых медикаментов и препаратов.

К сему считаю долгом присовокупить, что, в случае согласие на это, ближайшие подробности настоящего дела могли бы быть установлены путем совещания с заведующим медицинской частью в Управлении Главноуполномоченного Юго-Западного фронта армий, профессором Алексинским, а необходимые при этом единовременные расходы могли бы быть покрыты за счет средств Красного Креста.

Управляющий Складом *(підпис)*

№2
Відповідь ректора університету.
26 серпня 1914 року

Августа 26 дня 1914 г.
№ 3803

Его Превосходительству
Господину Уполномоченному
Российского Общества Красного Креста,
Управляющему Полевым Складом

Вследствие отношения от 23 августа 1914 года за № 80, честь имею донести Вашему Превосходительству, что вопрос о приготовлении лекарственных средств был предметом обсуждения в заседании химиков, созванном по инициативе Городского Общественного Управления, на каковом заседании было поручено сосредоточить руководство приготовлением возможных лекарственных средств в Физико-Химическом Обществе при Университете Св. Владимира.

Принимая во внимание, что приготовление лекарств может быть исполнено только лабораториями чисто химическими, факультет с своей стороны присоединяется к мнению этого совещания, находя однако необходимым, что бы для обсуждения подробностей организации этого дела было созвано при Физико-Химическом Обществе совещание, в которое должны быть приглашены обязательно представители медицинского факультета в лице Декана, профессоров хирургии, фармакологии и фармакогнозии.

Ректор
За Секретаря Совета

№3
Доповідна записка декана медичного факультету.
26 серпня 1914 року

Августа 26 дня 1914 г.
№ 999

Его Превосходительству
Господину Ректору
Университета Св. Владимира

На предложение от 25-го Августа сего года за № 3793, честь имею донести Вашему Превосходительству, что вопрос о приготовлении лекарственных средств был предметом обсуждения в заседании химиков, созванном по инициативе Городского Общественного Управления, на каковом заседании было поручено сосредоточить руководство приготовлением возможных лекарственных средств в Физико-Химическом Обществе при Университете Св. Владимира.

Принимая во внимание, что приготовление лекарств может быть исполнено только лабораториями чисто химическими, Факультет с своей стороны присоединяется к мнению этого совещания, находя однако необходимым, что бы для обсуждения подробностей организации этого дела было созвано при Физико-Химическом Обществе совещание, в которое должны быть приглашены обязательно представители от Медицинского Факультета в лице Декана, профессоров Хирургии, Фармакологии и Фармакогнозии.

Декан Медицинского Факультета *(підпис)*

№4
Розпорядження Міністерства народної освіти. 25 серпня 1914 року

25 августа 1914 г.
№ 40212

Господину Ректору
Императорского Университета Св. Владимира

Для обеспечения нужд армии достаточным количеством медикаментов, приобретение которых за границей при настоящих условиях является затруднительным, возникла необходимость озаботиться приготовлением этих медикаментов в отечественных лабораториях и заводах. По мнению Министерства Народного Просвещения, для этой цели могли бы быть приспособлены и лаборатории высших учебных заведений, с привлечением к таким работам учащейся молодежи. Помимо непосредственной пользы от таких заготовок, Министерство имеет в виду и то нравственное удовлетворение, которое должны почерпать учащие и учащиеся, сознавая, что своей работой по приготовлению необходимых для армии медикаментов они осуществляют единую великую задачу, направленную к ограждению неприкосновенности чести и достоинства Империи.

Не сомневаясь, что призыв Министерства к такой работе встретит самый горячий отклик как учащих так и учащихся, Министерством для выяснения технической стороны дела образовано было особое Совещание из профессоров химиков, медиков и фармацевтов, а также при участии сведующих лиц.

Совещание это в заседаниях 16 и 21 сего августа установило следующий список медикаментов, которые могут быть изготовляемы в лабораториях высших учебных заведений.

1) Acidum acethylosalicylicum.
2) Argentum colloidale crede.
3) Hexamethylentetraminum (Urotropinum).
4) Mentholum.
5) Phenacetinum.

Затем Совещание полагало, что лаборатории высших учебных заведений могли бы принять на себя определение доброкачественности следующих медикаментов, изготовляемых заводским путем:

1) Aether aethilicus (обыкн. и pro narcosi),
2) Chloroformium,
3) Fol. Digitalis,
4) Kalium sulphonoguajacolicum (Thiocolum),
5) Opium,
6) Protargolum [?],
7) Theobromin salycil.

Проверка доброкачественности должна производиться химическим, биологическим и клиническим исследованиями состава и действия медикамента.

Независимо от указанного перечня по местным условиям могли бы приготовляться и другие медикаменты при наличности достаточного количества сырого материала, напр. химическая очистка соды, превращение ее из нейтральной в кислую, приготовление глицерина, дезинфицирующего мыла и пр.

Производство медикаментов, в зависимости от количества заказа, может производиться в лабораториях в свободное от учебных занятий время, но в случае необходимости часть лабораторных помещений может быть отведена и для более продолжительного времени.

Согласно заключению Совещания, представляется желательным, чтобы работа производилась под руководством профессоров и непосредственным наблюдением

лаборантов и ассистентов исключительно студентами старших курсов, избравших химию как специальность, а также медиками и слушателями фармацевтами.

Что касается расходов, связанных с приготовлением медикаментов, вызываемых главным образом приобретением необходимых для производства сырых материалов, если таковые не будут предоставлены в распоряжение лабораторий теми учреждениями, которые пожелают получать медикаменты от высших учебных заведений, то такие расходы могли бы быть относимы на специальные средства высших учебных заведений, с тем, что впоследствии эти расходы будут возмещены Министерством.

Считая необходимым осведомить Ваше Превосходительство о приведенных заключениях Совещания и предоставляя организацию работ по производству медикаментов непосредственному соглашению учебных заведений с заинтересованными лицами или учреждениями, Министерство просит высшие учебные заведения войти в сношение с местными медицинскими учреждениями Военного ведомства, Красного Креста, а равно с земскими городскими учреждениями для выяснения перечня и количества медикаментов, изготовление и проверку которых могли бы принять на себя лаборатории высших учебных заведений, и одновременно войти в деловую связь с химическими и фармацевтическими заводами, складами, лабораториями и проч. для получения необходимых для приготовления медикаментов сырых материалов.

За Министра Народного Просвещения
Товарищ Министра *(підпис)*
Директор *(підпис)*

№5
Інформація ректора попечителю Київського учбового округу. 24 вересня 1914 року

Сентября 24 дня 1914 г.
№ 4117

Его Превосходительству
Господину Попечителю
Киевского Учебного Округа

Вследствие предложения от 18 текущего сентября за № 43053/5626, имею честь донести Вашему Превосходительству, что, согласно с мнением, высказанным совещанием химиков, созванным Городским Общественным Управлением, а также и с заключе-

Військовий госпіталь. Клініки вуха, горла, носа та хірургічна. 1913 р.

нием медицинского факультета, присоединившегося к означенному мнению, изготовление медикаментов, запас которых на рынках истощился или может в скором времени истощиться, приняло на себя физико-химическое общество, состоящее при Университете Св. Владимира. В заседании 28 августа названное общество, объединяющее всех химиков г. Киева, единогласно постановило немедленно приступить к изготовлению медикаментов и избрало для этой цели из своей среды комиссию, в которую вошли заведующие лабораториями и профессора фармации, фармакологии и хирургии. Председателем комиссии избран заслуженный ординарный профессор С.Н. Реформатский. С своей стороны я, основываясь на предложении Министерства Народного Просвещения от 25 августа сего года за № 1914, предложил заведующим теми из учебно-вспомогательных учреждений Университета, которые могут служить делу изготовления и испытания медикаментов, предоставить для этой цели в распоряжение физико-химического общества вверенные мне лаборатории и находящиеся в их распоряжении материалы, насколько это представляется возможным без нарушения преподавания, а также оказывать обществу личное содействие в приготовлении и испытании необходимых для нужд армии медицинских препаратов и привлечь для этой же цели находящихся под их руководством лаборантов, ассистентов и студентов старших курсов.

В настоящее время физико-химическое общество уже организовало работы по приготовлению хлороформа, перекиси водорода, сулемы, новокаина, трионала, антипирина, салола, аспирина, антифибрина, фенацитена, кофеина, коллодия и других препаратов, а также по очистке хлороформа и эфира для целей наркоза. При лаборатории физической химии Университета Св. Владимира устроен центральный склад медикаментов, откуда медикаменты отпускаются организациям: городской, земской и Красного Креста безвозмездно.

Помимо изложенного, образована особая подкомиссия из химиков, техников и фармацевтов, под председательством профессора технической химии университета И.В. Егорова для разработки проекта устройства заводской лаборатории для приготовления хлороформа, перекиси водорода и салициловых препаратов.

Средства которыми располагает физико-химическое общество для приготовления медикаментов слагаются из следующих сумм: 1) аванса городского общественного управления в одну тысячу рублей, 2) такой же суммы от Общества Красного Креста, 3) 500 рублей, ассигнованных Правлением Университета Св. Владимира, 4) 500 руб. от попечительного совета 1-го коммерческого училища. Кроме того, организации городская, земская и Красного креста ассигновали 9000 руб. на оборудование заводской лаборатории.

Лоборатории Университета и других Киевских учебных заведений и некоторые частные лица предоставили в распоряжение физико-химического общества ряд химических материалов, среди которых имеется довольно значительное количество йода.

За Секретаря Совета *(підпис)*

№6
Доповідна записка голови Фізико-хімічного товариства професора Сергія Реформатського. 24 жовтня 1914 року

Его Превосходительству
Господину Ректору Университета Св. Владимира

О деятельности Физико-Химического Общества при Университете Св. Владимира по изготовлению некоторых медикаментов, необходимых для лечения раненых и больных воинов

Физико-химическое Общество при Университете Св. Владимира, объединяю-

щее всех химиков г. Киева, приняло на себя организацию изготовления медикаментов, запасы которых на рынке или истощились, или быстро истощаются. В комиссию по изготовлению медикаментов вошли члены Распорядительного Комитета Общества, г*оспода* заведующие химическими лабораториями и профессора фармации, фармакологии и хирургии, под председательством заслуженного профессора С.Н. Реформатского.

В заседании Общества 28 августа единогласно решено было отдать безвозмездно свои знания и труд на дело помощи раненым и больным воинам; что же касается сырых материалов, необходимых для изготовления медикаментов, то таковые частью были пожертвованы местными лабораториями, частью пробретаются на средства, ассигнованные Физико-Химическому Обществу Городским Общественным Управлением, Главноуполномоченным Российского Общества Красного Креста при армиях Юго-Западного фронта, Правлением Университета Св. Владимира, Советом Высших Женских Курсов и Попечительным Советом 1-го Коммерческого Училища.

В том же заседании Физико-Химического Общества, при участии Заведующего медицинской частью Главноуполномоченного Российского Общества Красного Креста, выработан был список необходимых медикаментов и в ближайшие же дни приступлено было к их изготовлению в местных лабораториях, при участии профессоров, лаборантов и учащейся молодежи обоего пола.

Изготовлением медикаментов занялись следующие лаборатории: 1) неорганической и физической химии, 2) органической химии, 3) технической химии, 4) фармацевтической химии и 5) агрономической химии. Такую же работу ведут лаборатории Высших Женских Курсов, Политехникума и Общества Сахарозаводчиков.

При лаборатории органической химии университета устроен центральный склад медикаментов и его услугами к 25 октября воспользовались до 20 различных лазаретов и медицинских пунктов.

В настоящее время в складе имеются следующие изготовленные в местных лабораториях медикаменты: аспирин, салол, сулема, коллодий, новокаин, хлороформ для целей наркоза, эфир для наркоза, раствор хлорного железа, лизол, антифебрин, на днях будут изготовлены: ксероформ, мастизол, бензонафтол, салициловокислый натрий, тиокол и кофеин.

Кроме медикаментов, изготовленных в местных лабораториях, в складе имеются еще следующие частью пожертвованные, частью купленные материалы: йод и его тинктура, перекись водорода, йодоформ, фенацетин, бромистый натрий, опий, морфин, ляпис, бертолетовая соль, аммиак, бензин, марганцевокалиевая соль, хлоральгидрат.

Кроме того, изготовляются усиливающие экраны для рентгеновских снимков, проявитель — родинал, сифоны и др. стеклянные изделия.

Отпуск медикаментов и др. материалов прозводится складом безвозмездно.

Главные предметы отпуска из склада: йод, хлороформ для наркоза и эфир для наркоза; в течении 3-х недель первого отпущено около 15 килограммов, второго — 100 килограммов и третьего — 25 килограммов.

На первых же порах выяснилось, что изготовление хлороформа лабораторным путем недостаточно продуктивно и что это дело необходимо организовать в более широком масштабе. Образована была подкомиссия из химиков, инженер-технологов и фармацевтов, под председательством проф. И.В. Егорова, для разработки проекта заводского приготовления хлороформа и для очистки его для целей наркоза.

Задача эта близка уже к осуществлению. Город, Земство и красный Крест ассигновали Физико-Химическому Обществу на оборудование хлороформенного завода 9 тысяч рублей. Аппаратура уже заказана и недели через 2-3 этот завод начнет

функционировать. Его продуктивность рассчитана на 30 килограммов сырого хлороформа в сутки. Опытный аппарат с продуктивностью в 1 1/2 килограмма в день уже в действии и на нем изучаются условия наиболее выгодного получения хлороформа. Способы очистки хлороформа для целей наркоза разработаны окончательно и очищенный хлороформ получил полное одобрение со стороны ряда врачей, заведующих местными лазаретами.

В деле подыскания помещения для завода Физико-Химическому Обществу пошел на встречу Управляющий Акцизным Округом, предоставивший для установки аппаратов часть помещения, занятого казенным винным складом №2; очистка же хлороформа будет организована в технической лаборатории Университета Св. Владимира.

Председатель Физико-Химического Общества
Заслуженный профессор С. Реформатский
24 окт. 1914 года.

ДАК, ф. 16, оп. 353, спр. 108, арк. 1-18.

Клопотання Фізико-математичного товариства і Ради Університету св. Володимира про фінансування рентгенкабінетів для обстеження поранених. 20 жовтня 1914 року

20 октября дня 1914 г.
№ 4476

Его Превосходительству
Господину Попечителю
Киевского Учебного Округа

Председатель состоящего при Императорском Университете Св. Владимира Физико-Математического Общества, заслуженный ординарный профессор Г.К. Суслов вошел в Совет названного Университета с нижеследующим ходатайством:

«До сего времени Министерство Народного Просвещения выдавало (по ходатайству Совета Императорского Университета Св. Владимира) Киевскому Физико-Математическому Обществу ежегодную субсидию в размере шестисот рублей. Сумма эта расходовалась обществом на приобретение снарядов, необходимых для физических исследований г*оспод* членов, и оказывала существенную поддержку научной деятельности Общества.

Ныне, в годину второй отечественной войны, когда вся Россия, по призыву Державного Хозяина земли русской, несет все силы на защиту своей чести и своего достояния, не могли не принять участия в великом подвиге сынов России и члены Киевского Физико-Математического Общества. Специалисты физики оставили временно свои лаборатории и пошли в госпитали, где они могли оказать рентгеновским исследованием помощь раненым воинам.

Неотложная необходимость организации такой помощи в самых широких размерах и большая ответственность, лежащая на рентгенологах, побудили инициаторов этого дела позаботиться о научно правильном и планомерном его развитии, так как это благое дело в неумелых руках может принести непоправимый вред исследуемому и исследователю. Для этой цели, с разрешения администрации, была образована из преподавателей физики средних и высших учебных заведений г. Киева, под председательством профессора университета Св. Владимира И.И. Косоногова «Комиссия помощи раненым путем рентгеновского исследования»; в состав этой комиссии вошли все члены Киевского Физико-Математического Общества, работающие в области физического знания.

С разрешения Попечителя Киевского Учебного Округа, комиссии были предоставлены во временное пользование для устройства рентгеновских кабинетов подходящие для данной цели снаряды из физических кабинетов средних и высших учебных заведений г.Киева. Благодаря этому комиссия, не располагая никакими материальными средствами, получила возможность устроить до сего времени рентгеновские кабинеты уже при семи и подготовляет устройство их еще при трех госпиталях. Кроме того, члены комиссии обслуживают рентгеновский кабинет при Киевском военном госпитале и оказывают свое содействие, в случае нужды, в кабинетах 5-го земского госпиталя и госпиталя при больнице для чернорабочих.

Все члены комиссии работают безвозмездно и, не щадя ни времени, ни труда, отдают свои силы делу помощи воинам, пролившим свою кровь за честь и величие России. В кабинетах, устроенных комиссией, произведено до настоящего времени уже до 800 обследований наиболее трудных случаев ранений.

В своей деятельности комиссия встречает, однако, существенное затруднение, так как не имеет никаких средств для приобретения некоторых настоятельно необходимых вещей, каковы рентгеновские трубки, флюоресцирущие и усиливающие экраны, свинцовое стекло, предохранительные передники, перчатки и проч.

Осведомившись о деятельности комиссии и ее неотложных нуждах, Ее Императорское Высочество, Великая Княгиня Анастасия Николаевна соизволила предоставить в распоряжение комиссии несколько рентгеновских трубок.

Тем не менее дальнейшая работа существующих и оборудываемых новых кабинетов не может считаться обеспеченной. В заботах об этом Киевское Физико-Математическое Общество намечает чтение платных публичных лекций, сбор с которых пошел бы на удовлетворение указанной цели. Предполагаемый сбор с лекций, однако, едва ли превысит 500 рублей, а между тем расход на удовлетворение неотложных нужд кабинетов превышает 2000 руб., как видно из следующего расчета.

1) Для обеспечения непрерывной работы 7-ми существующих и 3 подготовляемых кабинетов необходимо, по крайней мере, 20 рентгеновских трубок по 75 рублей за штуку, всего .... 1500 р.
2) На приобретение предохранительных приспособлений (свинцовых передников, перчаток и проч.) по 50 рублей на каждый кабинет, всего .... 500 р.
3) На флюоресцирующие и усиливающие экраны для пяти кабинетов по 50 руб. на кабинет всего .... 250 р.

Итого .... 2250 р.

На основании вышеизложенного Киевское Физико-Математическое Общество в заседании своем 20-го октября сего года единогласно постановило ходатайствовать перед Министерством Народного Просвещения через Совет Императорского Университета Св. Владимира о субсидии в 1500 руб. на текущий год с предназначением этой субсидии на нужды рентгеновских кабинетов, оборудованных при Киевских госпиталях и обслуживаемых членами Киевского Физико-Математического Общества.

Совет Университета, признавая деятельность Общества весьма полезной и ходатайство его заслуживающим полного удовлетворения, согласно единогласному определению своему от 20 текущего октября, имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство поддержать ходатайство Общества перед Министерством Народного Просвещения.

Ректор Н. Цытович *(підпис)*
За секретаря Совета *(підпис)*

ЦДІАК, ф. 707, оп. 82, спр. 9, арк. 179,179 зв.,211,211 зв.

Справа про розробку Євгеном Пригоровським технології вибухів на відстані
Березень-травень 1914 року

№1
Запит Міністерства народної освіти попечителю Київського учбового округу. 22 березня 1914 року

Его Превосходительству А.Н. Деревицкому

Милостивый Государь Алексей Николаевич.

Член физико-математического общества при Императорском Университете Св. Владимира Евгений Евгениевич Пригоровский, проживающий в Суражском уезде Черниговской губернии (ст. Попова Гора), просит о материальной поддержке у Правительства на восстановление и окончание опытных работ по производству взрывов на расстоянии.

Вследствие сего начальник Минного Отдела Главного Управления кораблестроения, для установление реальности заявления Пригоровского, просит уведомить его, насколько затрата средств по серьезности затронутого вопроса могла бы быть оправдана научным цензом названного изобретателя и его положительными качествами как гражданина бескорыстно преданного родине.

Сообщая Вашему Превосходительству об изложенном, долгом считаю покорнейше просить уведомить, какие имеются у Вас сведения о личности г*осподина* Пригоровского.

Група професорів та співробітників фізико-математичного факультету. Початок XX ст.

Не лишним нахожу к сему просовокупить, что г*осподин* Пригоровский, как это видно из дела, читал 11 декабря 1904 г. в зале Императорского Университета Св. Владимира лекцию по поводу настоящего своего изобретения, о волнах Герца.

Примите уверение в истинном почтении и преданности.

№2
Відгук професора І. Косоногова про досліди Є. Пригоровського. 2 квітня 1914 року

Апреля 2 дня 1914 г.

Секретно
Его Превосходительству
Господину Управляющему
Киевским Учебным Округом

На секретный запрос Вашего Превосходительства от 31 марта с.г. за № 99 имею честь сообщить ниже следующее.

Прикомандированный к Главному Управлению Торгового Мореплавания и Портов Е.Е. Пригоровский состоял в 1904 г. членом Киевского Физико-математического Общества. Научный ценз г*осподина* Пригоровского мне неизвестен; каких либо ученых трудов его я не знаю, а потому не могу судить о том, насколько серьезна его научная деятельность.

В лекции, прочитанной 11 декабря 1904 г. г*осподином* Пригоровским, о волнах Герца, лектор высказывал общеизвестные соображения о возможности дальнодействия при помощи таких волн и производства взрывов на расстоянии, но о каких либо результатах, достигнутых им в этом направлении, ничего не сообщал. В частной беседе со мной г*осподин* Пригоровский выражал желание заняться экспериментальным исследованием этого вопроса, и я предложил ему воспользоваться всеми экспериментальными средствами вверенной мне Физической лаборатории Императорского Университета Св. Владимира. Этим предложением г*осподин* Пригоровский не воспользовался, и мне неизвестно, работал ли он где либо в этом направлении и удалось ли ему что либо сделать.

Что касается моего личного мнения о г*осподине* Пригоровском, которое угодно знать Вашему Превосходительству, то оно таково: г*осподин* Пригоровский обладал во время моего знакомства с ним малой научной подготовкой и слабо владел экспериментальной техникой; возникшую в его уме идею он готов был считать уже чуть ли не осуществленной, не представляя себе тех громадных экспериментальных трудностей, которые надо преодолеть на пути ее осуществления.

Дело в следующем: провести взрыв на расстоянии при помощи электромагнитных волн Герца представляется, с теоретической точки зрения, возможным, если взрывчатое вещество не защищено металлической оболочкой герметически от доступа волн Герца. Взрыв может быть результатом когерирующих искр или фотохимического действия волн, каковое действие можно, повидимому, предполагать.

От названного действия волн Герца взрывчатые вещества на военных судах, напр*имер*, защищены очень хорошо, хотя и не идеально, стальными кузовами и палубой судна, так как волны Герца не проникают, как это показал уже сам Герц, внутрь пространства **герметически** закрытого металлической оболочкой. Для решения задачи в этом направлении надлежало бы, повидимому, обратиться к изучению свойств волн иного порядка длины, иначе так наз. Герцевские; быть может, таковыми могли бы быть волны промежуточного, между световыми и Герцевскими, типа.

Более доступную, с теоретической точки зрения, для решения задачу представляет взрыв на расстоянии пороховых погребов и закладываемых в землю фугасов, в каковых случаях взрывчатое вещество не защищено металлической оболочкой. Во время Русско-японской войны я занялся было решением этой задачи в своей лаборатории, но затем, отвлеченный другими работами, оставил ее.

В заключение должен оговориться, что сообщаемые мной о г*осподине* Пригоровском сведения относятся ко времени моего знакомства с ним в 1904 г. Успел ли г*осподин* Пригоровский с того времени в большей мере овладеть теорией интересующего его вопроса и добиться каких либо практических результатов, мне неизвестно.

Во всяком случае считаю долгом донести до Вашего сведения, что, если бы заинтересованному ведомству понадобились мои услуги в качестве эксперта, то я всемерно готов служить ему.

Ординарный профессор
Императорского Университета Св. Владимира
И. Косоногов *(підпис)*

№3
Доповідна записка директора народних училищ Чернігівської губернії попечителю Київського учбового округу. 16 травня 1914 року

Мая 16 дня 1914 г.
№ 5700

Его Превосходительству
Господину Попечителю
Киевского Учебного Округа

Имею честь донести Вашему Превосходительству, что инспектор народных училищ Суражского уезда доставил мне следующие сведения о члене физико-математического общества при Императорском Университете Св. Владимира Евгении Евгениевиче Пригоровском.

Г*осподин* Пригоровский, сын бывшего земского начальника Суражского уезда, образование получил в 2 высших специальных учебных заведениях г. Петербурга, но ни одного из них не окончил. Еще живя в Петербурге, он сблизился с Филипповым, занимавшимся исследованием особых лучей, посредством которых можно было бы взрывать порох на расстоянии, и работал вместе с ним в его лаборатории. Оставив затем Петербург и поселившись в собственном небольшом имении в Суражском уезде, Пригоровский продолжал самостоятельно эти занятия и, — как говорят некоторые лица, знающие его, — достиг того, что ему удавалось у себя в саду взрывать порох на расстоянии посредством лучей, которые он назвал «Ф» лучами. В последнее время Пригоровский забросил научные занятия, благодаря пристрастию к спиртным напиткам прожил имение, совершенно опустился и определенного места жительства не имеет. Между прочим он вел обширную переписку с разными лицами и учреждениями относительно своего изобретения и в текущем году перед Пасхой получил предложение от военного ведомства приехать в Петербург для доклада о произведенных им опытах взрыва пороха на расстоянии. Среди знающих г*осподина* Пригоровского есть и такие лица, которые скептически относятся к его научным занятиям и полагают, что он умышленно распространяет преувеличенные о них слухи.

Директор *(підпис)*

ЦДІАК, ф. 707, оп. 82, спр. 48, арк. 61-68 зв.

Перечень работ, исполненных для Действующей Армии Физической Лабораторией Императорского Университета св. Владимира с 1-го июня 1915 года по 1-е января 1916 года

1) По заданию с Юго-Западного фронта спроектирован и изготовлен оптический прибор секретного назначения.

2) По заданию с того же фронта спроектирован и изготовлен вертикальный угломер специального назначения.

3) По заданию Киевского артиллерийского склада придумано и осуществлено оптическое приспособление, допускающее устройство дистанционных решеток в биноклях Галилеевского типа, которыми, главным образом, снабжены пехотные части.

4) Налажено изготовление микрофонов, для чего все штампы изготовлены собственными средствами.

5) Выработан и изготовляется специальный тип микрофонных шнуров.

6) Для Киевского артиллерийского склада		
изготовлено артиллерийских угломеров		19
« дистанционных решеток к биноклям		7
« несколько мелких частей к прожекторам		
заканчивается изготовление артиллерийских угломеров		43
исправлено микрофонов	около	300
« вольтамперов		14
« германских панорамных прицелов		2
7) Для 3-го телеграфного батальона исправлено микрофонов		100
8) Для Комиссии по изготовлению гальванических элементов		
для армии изготовлено металлических наборов к элементам		20000
ныне лаборатория изготовляет ежедневно таких наборов		400
оборудовано металлическими частями 1300 телеграфных батарей, всего элементов		7800
9) Для военно-промышленного комитета исправлено микрофонов		9
10) Для Киевского полигона исправлено телефонных станций		29
11) Для Киевского пироксилинового склада		
изготовлено платиновых запалов		120
12) Для 86-ой артиллерийской бригады		
исправлено телефонных станций		6
13) Для 5-ой батареи 16-ой артиллерийской бригады		
исправлено телефонных станций		2
14) Для 5-ой батареи 34-ой артиллерийской бригады		
изготовлено мембран		14
15) Для 89-ой артиллерийской бригады		
исправлено телефонных станций		1
16) Для подвижной мастерской поезда № 3		
изготовлено мембран		140
« микрофонных контактов		110

изготовлено телефонных шнуров	20
17) Для 191 Ларго-Кагульского п*ехотного* полка	
исправлено телефонных станций	7
18) Для 195 Оровайского п*ехотного* полка	
исправлено телефонных станций	5
« телефонных шнуров	15
« заземлителей	15
« микрофонных контактов	15
« мембран	60
19) Для 2-ой батареи 4-ой тяжелой артиллерийской бригады	
исправлено телефонных станций	2
20) Для 420 Сердобского п*ехотного* полка	
изготовлено пластинок к разговорным кнопкам	20
21) Для 82-ой парковой бригады исправлено телефонных станций	2
22) Для 2-го дивизиона 86 артиллерийской бригады	
изготовлено телефонных шнуров	22
23) Для 2-ой батареи 2-го Сибирского горно-артиллерийского	
дивизиона исправлено микрофонов	6
24) Для 4-ой батареи 49-ой артиллерийской бригады	
исправлено микрофонов	5
25) Для 2-ой батареи 4-ой тяжелой артиллерийской бригады	
исправлено телефонных станций	3
26) Для 2-ой батареи 4-ой артиллерийской бригады	
исправлено телефонных станций	2
27) Для 10-го гусарского Ингерманландского полка	
исправлено телефонных станций	2
28) Для 2-ой батареи 86-ой артиллерийской бригады	
исправлено микрофонов	12
29) Для 11-ой Финляндской стрелковой бригады	
исправлено телефонных станций	7
30) Кроме того, в первый период деятельности Физической лаборатории не были зарегистрированы наименования 23-х войнских частей, для которых было исправлено телефонных станций	12
изготовлено мембран к микрофонам	40
« мелких предметов разного наименования свыше	100

В общем исправлено прицелов, телефонов, микрофонов и проч. до	700
изготовлено оптических и угломерных снарядов	70
мелких предметов разного наименования до	30000

Заведывающий Физической лабораторией Императорского Университета св. Владимира ординарный профессор И. Косоногов *(підпис)*
Киев. 10 января 1916 года.

ДАК, ф. 16, оп. 354, спр. 99, арк. 132, 132 зв., 142

Адрес Ради Університету св. Володимира Миколі II щодо заборони казенного продажу спиртних напоїв в умовах війни
1914 року

Его Императорскому Величеству
Государю Императору

Всеподданический Адрес
Совета Императорского Университета
Св. Владимира*

В годину тяжелых испытаний, ниспосланных неисповедимым Промыслом Божиим на наше дорогое отечество, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было прекратить казенную продажу хлебного вина на всем пространстве Великой Земли Русской.

Мудрая и полная государственного предвидения мера сия дала и даст плоды, превосходящие самые смелые ожидания. В воздержании и молитве быстро сомкнулись наши рати, грозно ринулись они на жестокого врага, проявляя величие народного духа. Дружно закипела работа и в дали от полей сражений в недрах необъятной России, вызывая к жизни благожелательную к ближнему культурную силу, обещая небывалый экономический подъем и выковвывая стальной булат народной военной мощи.

Но велико закоренелое и более внешних врагов опасное зло. Притаившись, ждало оно конца исполинской борьбы с натиском германских полчищ, чтобы вновь начать свою разрушительную работу и, быть может, торжествовать даже над победителем. Радостным благовестом на весь мир прозвучало решение Вашего Императорского Величества совершенно прекратить казенную продажу хлебного вина.

Мы твердо верим, что державное слово Русского Царя совершит то, что казалось невозможным величайшим богатырям мысли и государственного строительства. Дерзай, Государь, своею властию, строй великое будущее русского народа. Пусть рядом с народным представительством, землеустройством и другими важными реформами, завещанными Твоему царствованию Провидением, станет новое величайшее дело народного отрезвления. По слову Твоему сомкнется вокруг Тебя в борьбе с этим внутренним врагом не только России, но и всего человечества Твой народ такой же стальной стеной, какой по зову Твоему он прянул на вековечного врага, борясь за святое дело свободы славянских народов и великое будущее России.

В восхищении преклоняясь перед мощным начинанием, совет Императорского Университета Св. Владимира повергает к твоим, Государь, стопам выражение беспредельной любви и преданности.

ЦДІАК, ф. 837, оп. 1, спр. 49, арк. 1-2.

---

* *Авторська примітка:* «Составил проф. Н. Бубнов. Осень 1914 (октябрь?)».

Повідомлення про нагородження Георгіївськими хрестами студентів Університету св. Володимира
18 березня 1915 року

18 марта 1915 г.
№ 3075

Его Превосходительству Господину Попечителю
Киевского Учебного Округа

Командир 9-го Уланского Бугского полка отношениями от 25 декабря 1914 года за № 526 и 8 января 1915 года за № 46 уведомил университет, что студенты Императорского Университета Св. Владимира: младший унтер-офицер из вольноопределяющихся Анатолий Анатолиевич Гудим-Левкович и младший унтер-офицер из охотников граф Василий Александрович Бутурлин, отличившиеся на поле брани выдающимися подвигами, награждены Георгиевскими крестами 4-й степени.

Об изложенном имею честь донести Вашему Превосходительству вследствие циркулярных предложений от 14 и 28 февраля сего года за №№ 4627/852 и 6521/1211.

Ректор Н. Цытович *(підпис)*

ЦДІАК, ф. 707, оп. 258, спр. 9, арк. 123.

Анатолій Гудим-Левкович. Початок XX ст.

ЗМІСТ*

---

* Назви від упорядників подано українською мовою та виділено курсивом. Самоназви документів наведено мовою оригіналу, прямим шрифтом.

7. Життя студентів

8. Боротьба за права української мови та відкриття українознавчих кафедр в Університеті св. Володимира (1902-1917)

9. Політичні рухи

10. Університет за Першої світової війни

Науково-популярне видання

Серія
«Київський університет у документах, матеріалах та спогадах сучасників»

ALMA MATER

Університет св. Володимира напередодні та в добу Української революції 1917-1920

Матеріали, документи, спогади

Книга 1

Університет св. Володимира між двома революціями

Автори-упорядники
Віктор Андрійович Короткий
Василь Іринархович Ульяновський

Видавництво
ПРАЙМ
КОМПАНІЯ

Здано до складання 01.12.1999. Підписано до друку 15.06.2000.
Папір крейдований. Формат 70x100/16. Гарнітура Таймс. Офс. друк.
Ум.-друк. арк. 57,2. Ум. фарбо-відб. 58,18. Обл.-вид. арк. 63,57.
Друк - вул. Волинська, 60. Тел. 243-6324

ALMA MATER

Університет св. Володимира
напередодні та в добу
Української революції
1917-1920
Матеріали, документи, спогади
У трьох книгах

Незабаром побачать світ:

Книга 2
**Університет за доби
Української Центральної Ради
та Гетьманату Павла Скоропадського**

Планується видати друком в III кварталі 2000 року

Книга 3
**Університет за доби
Директорії УНР та реорганізації
українським радянським урядом**

Планується видати друком в IV кварталі 2000 року

Обидві книги, як і перша, містять численні спогади (в тому числі неопубліковані) сучасників подій та університетських діячів, невідомі архівні документи, унікальні фотографії.

матеріали · документи · спогади